

На суше и на море

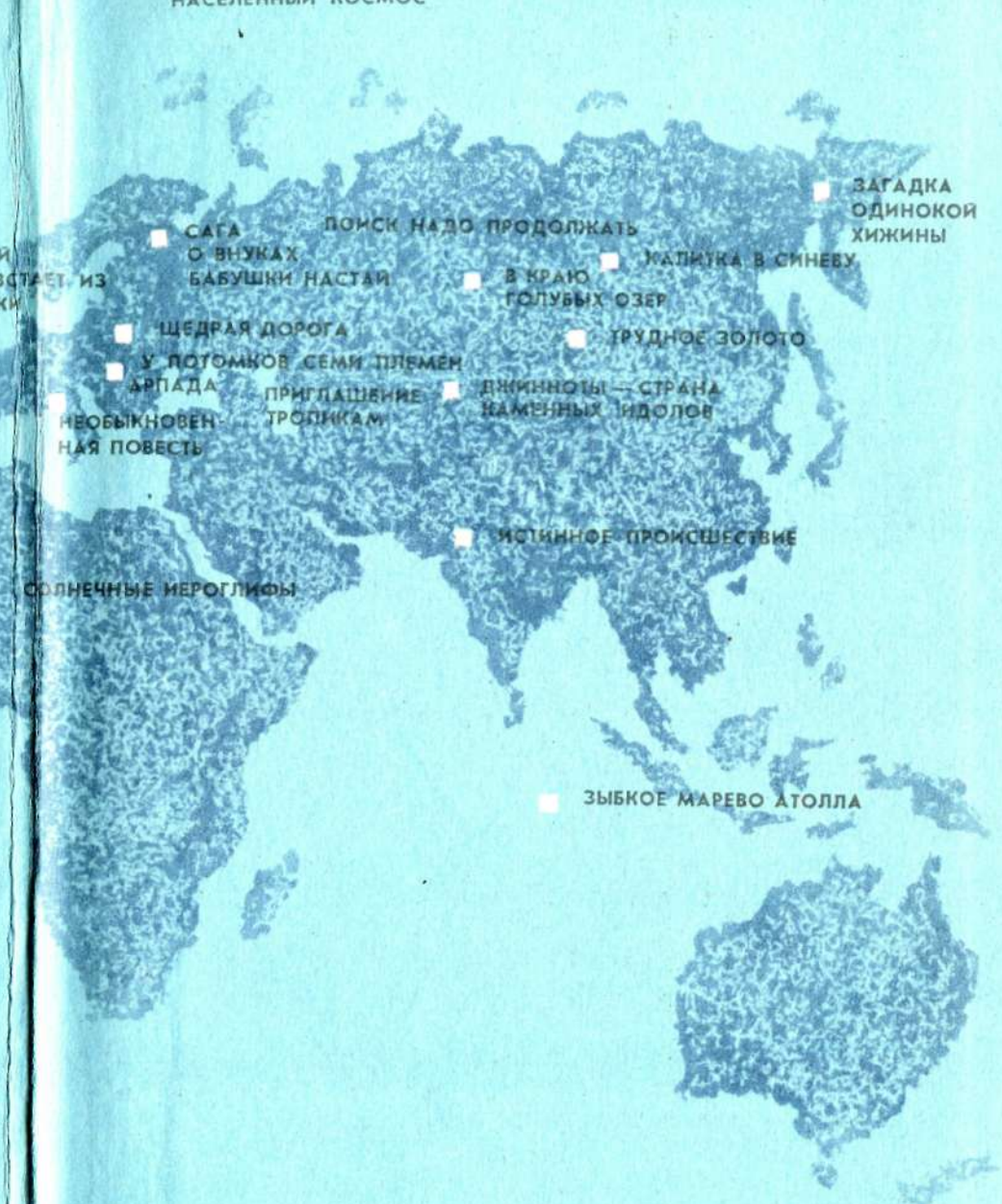
1966

НА ГЛАВНОМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ
УЧЕБНИКОВ

КОНТИНУУМ ДВА ЗЕТ

НАСЕЛЕННЫЙ КОСМОС

ЗЕМЛЯ ИЗВНЕ

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ БИЛЛА

ЗВЕЗДНЫЕ ТЕНИ

**Издательство
«Мысль»**

на суше

ПУТЕШЕСТВИЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ФАНТАСТИКА

и на море

ПОВЕСТИ

РАССКАЗЫ

ОЧЕРКИ

СТАТЬИ

**Главная редакция
географической литературы**

Редакционная коллегия:

П. Н. БУРЛАКА, И. А. ЕФРЕМОВ, Б. С. ЕВГЕНЬЕВ,
И. М. ЗАБЕЛИН, А. П. КАЗАНЦЕВ,
Г. В. КУБАНСКИЙ (составитель), С. Н. КУМКЕС,
Н. Н. ПРОНИН (ответственный секретарь)

Оформление художника А. Г. Шикина

7-3-2
222-66

**Николай Димчевский
КАЛИТКА
В СИНЕВУ**

Памяти друга, Константина Кондрацкого, который прошел слишком мало...

Осенний день шестьдесят второго года. Дождь вторые сутки бьет в брезент палаток. Дым костра стелется по берегу и стекает в реку. Даль занавесило туманом. Неожиданно из сырой пелены вынырнула лодка. На песок соскочили трое. Они решили переждать непогоду вместе с нами.

Мне чем-то понравился рабочий этого маленького отряда — высокий, чуть неуклюжий, немного медлительный парень. Он был задумчив и рассеян. Когда все, чтоб скоротать время, сели за карты, он достал потрепанный учебник общей геологии и углубился в чтение.

Случайные знакомства часто рождают удивительную откровенность. Вечером мы разговорились. Федор — так звали рабочего — вспоминал прошлый сезон. Начал он откуда-то с середины и кончил на полуслове, а запомнился его рассказ, да, запомнился, и я решил его

записать. Вот и появились эти записки — не дневник и не повесть, не сборник рассказов и не путевые заметки...

Автор

I

Это была буханка хлеба. Я видел ее до последней ноздринки в корке, щупал маслянистые бока, чуял парной запах. Но только отломил край и хотел впитаться зубами, хлеб пропал. Ничего у меня не было в руках. Ничего. Только грязные ладони. Пустые ладони, и все. И тогда я проснулся.

Граненый луч прорезал зимовье и впился в трухлявые бревна. Не хотелось поворачивать голову. Я лишь скосил глаза и увидел квадратное оконце. Там плясали сочные листья и комары. Я закрыл глаза. Ноги были тяжелы, тяжелей остального тела. Пошевелишь — проломятся нары. Лицо саднит. Комары и в зимовье покоя не дают.

Уснуть бы еще. Но уже затормошилась мысль: пора идти. От нее не отвяжешься. Хочу подняться и все медлю, оттягиваю.

Потом сдвинул дубовые ноги. Поставил на пол, как колоды, одну за другой. Встал согнувшись: зимовье низкое. А хорошо тут. Не ушел, если бы еда была.

Солнечный лучик пропал. Зеленый сумрак смотрится в оконце. Пора. Давно пора.

Двинул щелястую дверку и вышел.

Еще вчера вечером, как попал на ручей, решил, что пойду вниз по течению.

Сейчас напился воды, пожевал дикого лука, совсем старого, жилистого. Нарвал с собой. Затянул капюшон энцефалитки *, закрыл лицо лоскутом, оторванным от рубахи, чтоб не ела мошка. Поплелся. По камням, по осоке, через бочажины. Чем тут хорошо — вода рядом. Хоть жажда не мучит.

Ноги помаленьку стали привыкать к хольбе. Совсем разошелся. Да не долго радовался. Начались камни. Ручей нырнул под них и зазвенел в глубине. С двух сторон стали нарастать скалы. Пробираться все труднее. На пути, поперек русла, завалы. Весной или после сильных дождей деревья валит в тайге и несет сюда.

В завалах не знаешь, чем больше приходится работать, ногами или руками: пробираешься почти все время ползком.

Совсем лишаюсь сил. Соскользнула нога с бревна, ударился коленкой о сук...

И почему-то здесь колыхнулась память. Нежданно и остро вспомнил Веру. Вспомнил так, будто только расстался с ней и

---

* Энцефалитной сокращенно называют таежный костюм из плотной ткани с капюшоном, защищающий от энцефалитного клеща (противоэнцефалитный костюм).

еще можно вернуться и уже нельзя возвращаться. И поэтому больно. Эта боль пришла при последнем нашем прощании. Сначала я даже не мог понять, почему она. Нескольким раз оставался я у Веры и всегда легко уходил. От встречи до встречи о ней почти не думалось. Вспоминалось лишь тогда, когда из-за скалы показывалась деревенька Подкаменная. И я радовался, что увижу Веру. Мне нравилось быть с нею, но едва я садился в лодку — почти забывал ее.

И последняя наша встреча ничем не отличалась от других. Только когда собрался уходить, точно крючок впился в сердце. Я разжал руки, отступил от Веры — и будто невидимая леска протянулась между нами. Хорошо помню, как подошел к двери и уже открыл ее, но оглянулся и не мог переступить порог. Все смотрел на Веру. И она смотрела на меня. С трудом я вышел, и с каждым шагом леска натягивалась сильнее, а крючок глубже впивался в сердце. Я уже заводил мотор и все еще не мог прийти в себя. Хотелось бросить лодку, побежать назад и остаться в Подкаменной надолго...

Сейчас в этих завалах, среди злобной тайги Вера вспоминается как далекий мир, полный доброты и тепла. И все кругом делается еще бесприютнее, резче, нелюдимее. Я сижу на свороченных, обведенных водой бревнах и тру коленью. Над головой капризно и резко вскрикивает кедровка. Больше ни звука. От ее одинокого голоса так одиноко... Я поднялся и полез по камням. Кедровка все кричала, и больше никого нигде.

Как смолот скалы, как сжевал сосны, как вымотал меня этот ручей...

Я смотрел только под ноги, только на руки да на камни и бревна. А на гребне большого завала поглядел в сторону и увидел Ангару. Другой берег черно-зеленый с белесыми проплешинами скал. На них лежат облака и шевелят рваной бахромой. День хмурится, и река серая и совсем пустая. Ни лодочки вдали.

Потом ручей выполз наружу. Камни сразу покрылись скользкой зеленью. Сапоги не держались на них.

... Вот как. Здесь забродный камень *. Скалы с обеих сторон ручья подходили к самой реке. Их каменные полотнища сползают под воду и растворяются в быстрине. Ручей вытекает словно из ворот. А мне из них не выйти.

Я постоял у скалы. Вода неслась безмолвно и напористо, подглядывая каменную стену. Скала дышала ледяной сыростью.

По берегу тут не пройдешь. Надо снова подниматься вверх, идти в обход... Снял сапоги, лег на холодный песок. Все сжалось внутри. Песок охлаждал горевшие ноги и грудь. Я уткнул лицо в руки. В глазах плыли камни, завалы — весь путь, весь не-

---

* Забродный камень — скала, которую нельзя обойти по берегу.

нужный спуск сюда. Как нелепо и глупо я заблудился. Может, никто и не узнает, как... А узнает — будет смеяться. Да, просто анекдот, только не смешной. Митя с Николаем Нильчем ушли на съемку. Я занялся своим делом. Какое у меня дело? Я вроде подсобного рабочего в отряде: веду лодку, слежу за моторами, заливаю бензин в бачки, помогаю изыскателям чем могу. Вот и в тот день разбил палатку, разложил костер и пошел за водой к ручью. И совсем рядом увидел рябчика. Чем не жаркое! Бросил палку. Птица отлетела в сторону и снова села. Еще раз бросил. Опять отлетела. И так увела меня в тайгу, запутала в зарослях, обратной дороги найти не мог: все перемешалось в голове. Вот лежу измученный.

Встал и полез по камням назад. У меня не стало ни ног, ни рук, ни тела. Была только мысль, что надо обогнуть скалы и выбраться на берег. Он приведет к жилью.

В тот вечер я не дошел до реки. Когда стало смеркаться, лег в сосняке на хвою, укрылся как мог от комаров и полетел в какую-то горящую бездну. В ней были только угли, пылающие стволы и ни одного родничка воды.

II

Проснулся утром. Что-то случилось. Тайга трещала, гремела и выла. Открыл глаза. Деревья стояли спокойно. Ветра не было. Грохотало небо. Это был вертолет. Я вскочил. Он мелькал за соснами, за густыми лапами кедров, за черными вершинами пихт. Он уходил и возвращался. Может быть, он искал меня. Сразу это как-то не пришло в голову. Через такую гущину летчики не могли меня увидеть. Я побежал вслед за вертолетом: хотел найти полянку. Он еще раз прогремел над головой, застрекотал вдали и больше не приближался...

Еще только утро, а я уже устал. Продрался через пихты и вышел на открытое место. Вертолета совсем не слышно. Зачем теперь мне открытое место? Да и какое оно открытое... Это гарь. Присел отдохнуть на обугленный ствол. Выше головы тянулся кипрей. Яркие цветы резали глаз. Стебли стояли плотно друг к другу, их заплели вьюны и всякая трава. Здесь затеряешься, как в лесу.

Было очень душно. Иду, у самого лица горящие свечи кипрея, из-за них ничего не видно. На каждом шагу обгорелые стволы и сучья. Руки и лицо в крови от мошки.

Кое-где в серое небо воткнулись черные, изъеденные огнем стволы. Не верится, что когда-то они были деревьями. Один совсем плоский с длинной дырой. Другой с бычьей головой на вершине. Только их я и вижу из зарослей. Они мне вместо вещей. Без них заблудишься: ведь трава у самых глаз, можно кружиться на одном месте и не заметить этого.

А здесь, пожалуй, летчики меня увидели бы... И вертолет мог бы сесть на гарь. Я прислушался. Только комары звенят и стучится по капюшону мошка.

На пути поваленный ствол. Он как гладкая дорожка между стенами кипрея. Раньше на гарях я всегда бегал по стволам. А сейчас встал на угольную чешую — и закружилась голова. Не могу. Упадешь еще, напорешься на сук. Но дорожка уж очень хороша: не нужно раздвигать липкие стебли, выпутываться из зарослей... Тогда я пополз на коленях, придерживаясь руками за обугленные бока сосны.

Все чаще стали попадаться мертвые деревья и заросли осинника. Гарь кончалась.

В тишине померещилось рычание. Прислушался. Рычание доносилось откуда-то снизу, издалека. Это мог быть медведь. Но я не испугался. Мне было все равно...

Пролез через кусты, через засохшие густые елки — и вдруг открылась даль. Я стоял на обрыве. Внизу шумела речка, — вероятно, это протока Ангары.

Иногда снизу доносилось рычание. Я стал высматривать, нет ли какого зверья. И тут под самым обрывом — лодка! Уткнулась в кусты, видно лишь корму. Может, там есть и человек.

Обрыв очень крутой. Я не решился съехать. Пошел по краю, который снижался почти до воды.

Снова рычание. Но теперь слышен еще и глухой стук. Значит, не медведь. Это вода тащит камни, и они глухо гремят и бормочут, а издали кажется, что рычание.

Я напился, вымыл руки и лицо. Разогнуть ноги было трудно. Едва встав, побрел по камням туда, где лодка, вверх по течению. Мне попались пучки — такая сочная трава с белыми зонтиками на концах. Она оказалась старой, но я жевал и жевал сладковатую мякоть.

У лодки никого не было. Ее крепко заклинило в кустах и камнях. Наверно, оторвало где-то выше по течению и забросило сюда. Лодка совсем хорошая. Даже с веслами.

Я толкнул ее. Ни с места. Неужели не хватит сил?.. Влез. Перешел на корму. Теперь она покачнулась. Нос задвигался между камнями. Я оттолкнулся веслом. Поддалась!

Но весло вырвалось из рук. Течение подхватило лодку. Попробовал править другим и его не удержал. Тоже унесло. Сел на скамейку. Качало и трясло. Вкус медвежьей травы во рту показался противным. Я лег на дно.

За бортом грохотали валы, глухо рычали камни. Я лежал и смотрел, как плывут над головой горы. Они крутились вокруг лодки, заглядывали ко мне через мохнатые таежные брови, грозили поднятыми кверху пальцами черных скал, топотали каменными ногами по воде, стараясь ударить о борт.

Раз они пустили в небо орла, и он долго висел в воздухе. Вспомнился вертолет. Наверное, они нарочно пустили орла, чтоб подразнить меня воспоминанием.

Иногда я засыпал, и казалось, что лежу в постели на высоком пружинном матрасе. Открывал глаза — и снова толпящиеся вокруг горы. К их вершинам присосались облака. Они шевелят огромными губами и жуют черную тайгу.

Лодка пошла плавнее. Лишь изредка бил по днищу камень. Я приподнялся. Речка была узкая. Берег летел мимо так быстро, что сразу закружилась голова.

Горы начали уходить в стороны. Шум воды стих. Лишь мелко и звонко шлепала по борту зыбь. Что-то назойливо затрещало. После грохота речки хотелось тишины, а тут все время что-то трещало. Я с трудом зажал уши и забылся.

Меня потрясли за плечо.

— Жив, парень?

Через борт свесился человек. Как давно я не видел людей! А это был человек. У него побелевшая брезентовая куртка, круглое лицо и большой рот.

— Геолог ты? Да? — спросил рот.

Я хотел ответить, но почувствовал, что лишь невнятно хриплю.

Он прицепил мою лодку к своей и пустил мотор.

Это был бакенщик. Значит, меня вынесло на Ангару.

Он вел меня по берегу. Вечерело. Берег показался знакомым. Да и катер тоже. Это ж наш катер! «Это наш катер», — сказал я. Придерживая за плечо, бакенщик вел меня по дорожке.

Наша изба светилась одним окном. Через марлю ничего не видно. Я поднялся по ступенькам и вошел в сени. Как сладко пахло домом! Как тихо и спокойно здесь! Бакенщик помог открыть дверь.

Оказалось, верно: за мной посылали вертолет. Николай Нилыч с Митей летали на нем и показывали летчикам, где искать.

Меня уложили на раскладушку, и я проспал всю ночь и весь день.

III

Как хорошо быть с людьми! Смотрю на старика Привалихина. Все в нем спокойное, домашнее. Он похож немного на моего деда и на всех стариков, которых я видел. И не похож на них. Он совсем высох. Все у него сохлое: морщины, волоски в редкой бороде, руки с крутыми венами, тощие ноги. И голос слабый, точно из пересохшего горла.

Мы только познакомились. Я пошел к речке. Хотелось посмотреть на нее. Это она ведь меня спасла. Здесь, на берегу, и стоял старик.

— Внука жду,— говорит.— Он животники * ставит. Видишь? Лодочка капелюшешна у него.

Как ласково он говорит о лодке! Никто еще так не говорил. Я люблю расспрашивать стариков. Слушать их все равно что смотреть в бинокль на далекую вершину: кажется рядом, а не возьмешь. Их память приносит обрывки всеми забытых картин.

Дед Привалихин начал вытаскивать их сразу. Был вечер. Небо как шатер из синих туч. На западе, вниз по реке, тучи обрывались аркой, и за ней сияла совсем прозрачная синева.

Деревенька, и мы, и почти вся река, и тайга — все поместилось в шатре. А у входа таилось солнце. Оно иногда прокалывало плотную крышу. Красный луч протягивался к берегу в устье речки, и тогда плясали краски. На пихтах фиолетовые, на берегах киноварь, на траве желтизна, а на реке сплеталось черное, серое, желтое и красное.

Все шевелилось и жило в нашем шатре, хотя не было ветра и стояла тишина. От намокших пихт поднимался пар. Он не отовсюду вставал, лишь из нескольких мест по склону горы. Там он сочился волокнами ввысь между лапами деревьев, растекался у их вершин, и тогда вырастали облака — белые и розовые на фоне синих туч. Они медленно отрывались от склона и уплывали. И все начиналось снова.

Старик смотрел на них, а видел что-то другое. Он указывал согнутым пальцем на полянку под пихтами, вылавливал в памяти давнее, древнее. И в струях тумана не разберешь, куст ли стоит, или чум тунгуса курится мокрым дымком. (Старик называл эвенков по-старинному тунгусами.)

В те времена, когда дед старика был молодым, никого, кроме тунгуса, не видели эти пихты. Дед первым срубил тут зимовье и сдружился с тунгусом. А потом многим понравилось это место на стрелке речки и Ангары. Здесь стала деревня.

Небо бушевало закатным пламенем. Оно облило старика золотом, его истертый накомарник, закинутый на затылок, засветился, лицо стало совсем коричневым, словно сплетенным из высохших корневищ, и дрожащие неровные пальцы теребили бороду. Глаза его были далеко, и голос, тощий и тихий, звучал точно издали. Он волновался, но это волнение было подернуто давней пылью, и почувствовать его можно, а услышать нельзя.

Мысль старика была клочковатой, как старое одеяло, но каждый клочок по-своему цвел. Он говорил уже какие-то сказки, доставшиеся его деду от тунгуса. Будто вся жизнь — река. В ее верховьях живут еще не родившиеся люди. Но она течет через горы, и вот здесь, на берегу, где мы стоим, живут и охотятся те, кто появился на свет. А когда они умирают, то пере-

селяются в низовья реки. И так вечно идет жизнь, и вечно течет река, и вечно по ней плывут люди с верховьев вниз.

Ангара молча слушала старика. К ее равнине овсяным зерном приросла лодочка. Там, в зерне, был внук, а здесь, на берегу, был дед. Река разделяла и связывала их.

И еще он рассказывал про тунгусскую девушку, которая родила двойню — медвежонка и мальчика. Они подросли, вышли из чума и стали бороться. И мальчик поборол своего брата. С тех пор всякий раз, когда тунгусы убивают медведя, свежевать зовут человека из другого рода. Чтоб не накликал на себя беду. Нельзя ведь с родственника снимать шкуру. И тот, пришлый, подступает к туше с осторожностью. Разрежет шкуру, начнет снимать, а сам успокаивает медведя: это, мол, не нож режет, а муравьи бегают и шекочут тебя. И тушу они разделявают по-своему. Никогда не перерубают кость, а старательно разберут все по суставам. Затем кости по порядку складывают на ивовые прутья, свертывают снопом, связывают, и мальчик борется со связкой и побеждает, и медведя хоронят.

Я стал расспрашивать старика об этой тунгуске. Но он повторял одно и то же. Он ничего больше не знал о ней. Да и что еще он мог знать? Сказка и есть сказка. Просто мне почудилось тут какое-то дальнее сходство с Верой. А и все сходство-то — двое ребят... А еще, может быть, в том сходство, что старик не знал, кто был мужем молодой тунгуски, а я не знал мужа Веры. Знал только, что зовут его Павел Галкин и работает он с изыскателями-бокситчиками. Вот и все, что Вера сказала мне о нем.

Мы очень мало говорили с ней. Меня она не выпытывала, и я ее не спрашивал. Удивительное это знакомство. Будто бы даже и не знакомство, а встреча давних знакомых. Точно мы познакомились когда-то раньше, а теперь встретились и сразу друг друга узнали. Так потянулась она ко мне, а я к ней.

Все было против этого. Она замужем, у меня ни кола, ни двора, одна энцефалитка, да и та казенная. Не надо бы нам вовсе и видеться. А вот увиделись и не могли не видеться. Точно две росяные капли на одном листе слились вместе, и не различишь, где одна, где другая.

Здраво рассудить, ну что я ей?.. Одни неприятности от меня. Знали мы. Учены оба. А пошли на такое безрассудство. Не задумываясь пошли. Будто только ждали, когда наступит эта встреча.

И теперь, отделенные простором и временем, можем лишь вспоминать друг друга и ждать короткого осеннего свидания. Пройду в конце сезона у Подкаменной, увидимся — и до весны... А за зиму-то мало ли что случится...

Вот куда завел меня старик со своей сказочной тунгуской, какие двери растворил в прошлое и в будущее. Неожиданно для

* Животники — местное название рыболовной снасти.

меня. Да все в жизни неожиданно. И сама жизнь неожиданно от начала до конца. Непостижимо, сколько может она вместить. И к концу человек сам становится как жизнь. Он отпечаток ее со всеми изгибами, поворотами, он так же многолик, как она. И вся ее горечь, вся сладость оседает и отжимается в человеке.

IV

Поправился я быстро. Но долго не отцветали в памяти трудные краски одиноких дней в тайге. Они выплывали неожиданно — стоило взять хлеб или войти в дом. Да еще под утро я просыпался от страха. Да еще разные пустяки зажигали в глазах то цветы кипрея, то завалы на ручье, то холодную стену скал.

Силы вернулись. Ноги и руки отошли. Но меня пока не брали в маршруты. Я вставал пораньше, наливал бензин в бачки и проверял моторы. Если было время, выплывал на середину Ангары. Я закреплял мотор прямо, вставал в лодке и правил, наклоняя ее на правый или левый борт. Когда так плывешь, кажется, что летишь в синеве. Не думаешь ни о моторе, ни о чем. Только правишь всем телом, как птица. И ветер путается в волосах, и голубизна заливает взгляд.

Так несколько дней.

Но вот настало время уходить с насиженного места. Отряд с катером вниз, а мы втроем вверх по реке.

Ветрено и ясно вокруг. Шумит шивера*, и волны шлепают по мокрым камням. Белыми барашками пестрит Ангара. Мы грузим в лодку все, что нужно для работы.

Привалихин стоит на берегу. С ним внук и собака Вихорь. «Не бойтесь, ребята. Главное, наперерез волны идите, поближе к берегу», — советует старик.

Пусть его поучит. Я не хуже знаю, как нужно вести лодку в шторм. Мы надеваем плащи. Волны сильно бьют о берег. Лодка сидит низко. А старик говорит: «В добрый час!»

Я отталкиваюсь от берега. Бреду по воде. Потом прыгаю на корму. Лодка режет прозрачную волну, и видна ее зеленая подкладка. Капли белым веером вымахивают от бортов и стекают по лицу. Плащи покоробились и сидят колом.

Радостно уходить в кочевую нашу жизнь, и жаль деревеньки, притулившейся в устье речки. Привык за эти дни. И старика с его сказками покидать неохота. Оглянусь, а он все стоит, и внук с ним, и собака Вихорь.

Нам плыть к Аплинскому порогу. Там серые скалы острыми краями режут небо. У подножия громоздятся бревна, стволы и всякий деревянный мусор. Вершины скал точно дымом курятся:

* Шивера — местное название порожистого участка на реке.

роятся стрижи. Птичьи крики сливаются в один пронзительный звук.

Пристали перед порогом. Привязали лодку к бревну. Рюкзак на плечи — и наверх. Солнце жаркое. Тайга дышит сосновой смолой и горячим песком. На скалах тропка. Наверно, бурлаки еще в давние времена пробили ее: илимки* тянули, пробираясь по вершинам. Внизу-то не пройти: забродный камень.

Добрались до места. Делаем что надо. А внизу, в самой бездне порога, из-за скалы выплывают две резиновые лодки. Одна черная, другая красная. Катятся по воде вроде зерен бобовых. Вот-вот распорют о камни бока. Нет, не распорют. «Резинка» от любого камня отскочит. Повернется вокруг себя — и дальше. На деревянной лодке куда опаснее. Геологи это, кому ж еще. Вот устроились, подлецы! Лежат себе, загорают. На середке их и мошка не берет. Лупят по течению. Один книжку читает, другой пишет что-то, третий с удочкой примостился.

Перевалили они порог, стали грести к берегу. Подальше нашей лодки пристали. Оделись. Тут не больно-то в трусах походишь: зажрут пауты да мошка.

— Федя, так вас растак! Сколько вам нужно кричать! Мечтаете, а у меня дело горит. Тащите живо пленку!

Это Николай Нилыч меня ругает. Деликатный он человек. Грубого слова никогда не скажет. «Так растак», и все.

— Там геологи на «резинках» пристали, — говорю.

— Плевать мне на всех геологов! У меня пленка кончилась!

Работает он до изнеможения. Заберется на скалу, лазит по ней, крутится. Со всех сторон реку обнимет. Митя говорит, его картинки очень ценят в Москве. Они тем нужны, кто для гидростанций чертежи составляет. Конечно, заберись-ка на Аплинский порог. А то взял фотографию и все видишь. Где камни, где мягкий берег, где быстрина, где заводь.

Мы работаем для Богучанской ГЭС. Станция будет сильнее Братской. А где ее поставят — никто не знает пока. Сейчас и подбираем место, разведываем берега, шиверы и пороги, присматриваемся ко всем повадкам реки, ко всем ее причудам и прихотям. Много их у Ангары. И никогда не знаешь, что придет ей на ум. Купаешься вечером в парной воде, видишь каждую песчинку на дне, как улитки ползают по сочным водорослям, как рыбешка играет в темных зарослях. Утром встанешь — вода почти к самым палаткам подобралась, мутная, с пеной, со Щепками. Несет сверху сено, навоз, дрова и бревна. Где-то прошли дожди, и вздуло реку от лишней воды.

Это все горные реки такие. Подкаменную ли Тунгуску взять или Нижнюю. Все норовистые и суровые.

Илимка — большая лодка.

В их неприютности и дикости, в их каменном логовище так радостно встретить человека. Спускаешься со скал иссеченный ветром, избитый осколками, исколотый и искусанный тайгой, пробираешься долиной ручья между корнями и камнями. И вдруг видишь за лапами сосны дымок и палатку. Видишь парня, лениво мешающего ложкой в котелке. Двое других покуривают, сидя на бревне. Подходишь — пахнет похлебкой, сигаретами и деготьком от сапог.

С бревна поднимается крепкий жилистый парень со светлыми курчавыми волосами, с узким горбоносом лицом. Брезентовая куртка распахнута на груди, и там красной капелькой сидит комар. Парень протягивает руку и говорит, что его звать Борисом. А второй — Павел. Третий, у костра, Кеша.

И все. Мы приваливаем рюкзаки к бревну, садимся, вытягиваем ноги и несколько времени молчим. Просто так. Хорошо здесь, и ребята свои. Хотя видим их первый раз.

А потом уж помаленьку пойдет разговор. Я перегоню лодку поближе, мы поставим палатку, достанем свой припас, но ребята запретят нам его трогать. Только разве что хлеб, а остальное уже готово: и уха, и жареная рыба. Додумались же они взять сковороду, и жареная рыба у них.

«Надо и нам в другой раз взять сковороду» — так думаю я. А Митя с Борисом и Павлом уже толкуют о траппах. Это камень, из которого сложены почти все скалы на Ангаре. Серый он, черный и белесый. Еще называют его базальтом. Эти ребята и занимаются специально траппами. Так и плывут по течению, чтоб лучше рассматривать скалы и берега и приставать где надо.

Рабочий у них Кеша. Чудно даже как расфранчен! В черном костюме, шелковой рубашке и остроносых ботинках. Сидит у костра, ворочает рыбу на сковороде.

— Чего это вырядился? На базар собрался? — спросил Николай Нилыч.

Парень надвинул кепку на глаза и ничего не сказал. Будто не расслышал.

— Почти что,— ответил за него Борис.— На танцах был. А нам рабочий нужен. В клуб зашли. «Кто с нами? Уходим сразу». Кешка и вызвался. «Едем. Отпуск у меня. Скуплю тут».

Так и толкуем. Ветер совсем притих. И солнце на заходе. Под скалами уже сумерки, а на другом берегу красными головешками светится тайга и медными змеями отражается в воде. Кричат стрижи — готовятся ко сну, и работает порог — перемальвает бревна да камни.

Разговор наш о северных этих местах. Слова тянутся от заполярной Хантайки через Игарку по Енисею до Нижней Тунгуски, через Туруханск до Подкаменной, а через Енисейск до Верхней Тунгуски, до этих вот скал у Аплинского порога, до этого синего вечера с углями закатной тайги.

И так ясно видится мне все, о чем говорим.

Я вижу, как собирают в путь большой резиновый понтон. У таких же скал, перед порогом, ревушник вдали. Это на Нижней Тунгуске. Ребята притягивают веревками ящики и мешки, старательно вяжут узлы, крепкой сетью оплетают все снаряжение. Они натягивают брезент, проверяют мотор, пристроенный к понтону на кронштейне, осматривают берег, не забыто ли что, садятся в понтон и привязывают себя к его пухлым бортам. Потом отталкиваются тупыми баграми от камней, и река хватает их, крутит, мнет. Ей нет дела до мотора. Надвигается вой и грохот порога, и валы начинают плясать среди скользких хмурых камней. И небо пропадает в брызгах, в клочьях пены, в тонкой водяной пыли. Кипящая холодная вода бесится, и понтон скрипит, словно детский шарик. Она перемахивает верхом, и люди сидят в ней по пояс. Только веревки спасают от ее мокрых лап, готовых затянуть в пучину...

Так мы говорим до густой темноты, до звезд. Остается лишь костер, такой незаметный днем и такой мохнатый, большой в ночи. Он вырывает из мрака скалы, куски галечного берега, литую боковину воды, и лодки, и нас по очереди. Выхватит, поиграет и бросит. И память так же берет из прошлого, что ей понравится. К ночи воспоминания мрачней.

Это Николай Нилыч рассказывает. А было-то все весной на Индигирке. И лед уже трухлявился у берегов, полыньи били его черными клиньями, и в рубчатый след вездехода просачивалась вода. В кузове у раскаленной печки сидели пять человек. Геологи, муж и жена, геофизики, тоже муж с женой, и Николай Нилыч. Они кончили работу на левом берегу и перебирались на правый. Замерзли на ветру и отогревались в крытом кузове. Он был вместо дома: обшит фанерой и без окон, чтоб теплей.

Вездеход резко завалился назад. Тяжелая бочка с бензином скатилась и придавила дверь, открывавшуюся вовнутрь. В щели хлынула вода. Горячий пар от залитой печки наполнил кузов, обжигая лица и легкие. Вода быстро прибывала. Люди были по грудь в ледяной жиже, а дышали огненным паром. В темноте стучали кулаками по плотной гладкой фанере, кричали и задыхались. Потом поняли, что это конец. Мужья стали прощаться с женами. И все за несколько минут.

Николай Нилыч, когда воздуха в кузове оставалось совсем мало, когда трое утонули, а геофизик Бетехтин захлебывался рядом, во тьме нащупал чуть отходивший слой фанеры и, ломая пальцы, отодрал его. Протиснулся в щель и вылез уже из знобящей каши, в которую погрузился вездеход...

Да. К ночи всегда почему-то вспоминается такое. Голос Николая Нилыча прерывается и оседает. Он сжимает губы и закрывает глаза. Желтые и багряные блики от костра бегут по лицу.

А сзади кривляются и пляшут скалы, тянут изогнутые сосновые руки, корчат грубые рожи.

Нилыч берет пустой чайник, уходит к реке и, вернувшись, пристраивает над огнем. Горят два бревна. Из щели между ними пробиваются жаркие синие волокна. Они оплетают чайник, и вода начинает звонко долбить по стенкам. Митя ломает плитку зеленого чая и бросает в кипяток большой кус.

Мы пьем вязущий отвар, и Борис говорит, что совсем недавно на Нижней Тунгуске погиб геолог Корецкий. А как и где, и что случилось — неизвестно. Погиб, и все. И передалась весть по реке, и больше никто ничего не знает.

Мы пьем чай. И уже не говорим ни слова. Только порог трубит в свою каменную трубу, да ворчит костер, да искры путаются со звездами, и живет рядом невидимая река.

Мне кажется, что я опять лезу по завалам ручья, вижу во сне хлеб и, не найдя меня, уходит вертолет... А ведь никто бы не смог меня выручить тогда. И так же коротко говорили бы на реке: «Не вернулся рабочий...»

У всех нас было в жизни такое, и все подумали об этом, слушая каменную трубу порога. Она грозно рычала. Ее сила неумолима, как медведь, идущий на безоружного. Так всегда бывает сначала. А потом вырастают поселки, дороги и плотины. И стирают дороги, и приручается тайга.

Но это потом. А мы в самом начале. Нам не слушать, как загудит вода, пройдя через турбины, как запоет радиолка в клубе, поставленном среди нового городка. Все это будет после нас. А мы уйдем дальше. Мы в начале. Подыскиваем места, осматриваем, как и что к чему.

V

Жилье наше брезентовое, продувное. А все-таки жилью. Там, где раскинуты четыре палатки, точно родное село, и сердцу радостно пристать к берегу.

Мы втроем всегда отстаем. Дело у нас такое, много времени на него уходит. А особенно-то хорошо, когда денек-другой пробудешь в отряде.

Вот и сегодня добрались до лагеря, разбитого как раз напротив какого-то села. Виднеется оно на другой стороне за речной ширью, краснеет штабелями сосновых бревен, белеет домиками, голубеет печными дымками.

Там сегодня танцы. Это непривычно праздничное слово привез Костя-катерист вместе с мешком печеного хлеба из магазина. И всех разом всполошил.

Пока мы чистимся и моемся, Митя чудит. На танцверанде, говорит, играет джаз, а вместо барабана надутый спальный ме-

шок и оригинальный номер показывают — соло на геологическом молотке.

И вот уж мы идем по деревянным мосткам, положенным вдоль улицы. Дома с белыми ставнями. В палисадниках черемуха. Старушки сидят у ворот.

Клуб — длинный беленый барак. Под крышей на красном кумаче неровные буквы: «Подсочники, план — досрочно!»

Девушки стоят у двери. В светлых платяцах, в туфельках. И запах духов.

— Девушки, а кто такие подсочники?

Они что-то объясняют серьезно и подробно.

И вот ведь как, пи одна мне не нравится. Даже танцевать не стану. Тоска по Вере зажглась, захлестнула меня, и ни о чем уж не могу думать, ничего не могу делать. Тревожно и тяжело мне. А девушки такие веселые, и музыка веселая, и ребята наши веселые. Что ж такое со мной? Совсем недавно я и сам не поверил бы. Просто посмеялся бы, и только: мальчишка я, что ль, влюбиться. И в кого? В замужнюю, да еще с детьми...

А может, в том все и дело, что я давно уж не мальчишка? Давно ушел из юности и уверился, что любовь осталась за спиной, что возврата к ней нет. И стал посмеиваться даже над тревожным весенним волнением. Да, стал посмеиваться. И забыл, казалась, его совсем забыл.

Может, и жизнь тут виной. Изыскательское дело не простое. Забирает всего и не отпускает. Очень ревнивое это дело. Вошел в него — не отвяжешься, не оставишь. Везде оно тебя настигнет, найдет и вернет к себе. Забываешь обо всем другом, увлеченный этим делом.

И вот сейчас здесь, у клуба с музыкой и девушками, очень мне сделалось тоскливо и очень одиноко. Словно не я радовался только что вместе со всеми этому неожиданному вечеру танцев. Эх, махнуть бы в Подкаменную! Бросить все и махнуть. Бросить все!

А нельзя бросить. Нельзя. Ничего нельзя бросить. Как стиснут человек этим железным «нельзя»! Так же нельзя мне поехать сейчас в Подкаменную, как нельзя пешком идти по воде или, взмахнув руками, подняться в воздух. И меркнет все, тускнеет, мрачнеет.

В клубе почти пусто и радиолка играет. Две школьницы танцуют. На сцене несколько шахматистов, и все.

Потолклись мы у дверей: оробели с непривычки — смотрят на нас. Шахматисты обернулись, школьницы перестали кружиться. Это оттого, что у нас вид больно не праздничный, не субботний. В черных жеваных энцефалитках, в порыжелых сапогах и с бородами. Еще в начале сезона договорились, что отпустим бороды. Наперегонки, у кого больше вырастет к осени.

Первым обвыкся Митя — сел играть со здешним парнем. Тот словно из журнала мод вылез: голубой свитер, узкие брюки, ботинки на рифленной подошве. А Митя — борода к самым глазам, лысина, выгоревшая куртка. И ведь не старый вовсе, а лысый. Да. Смешно, какие мы чучела. Ладно, хоть так побыть на людях, да посмотреть, да послушать музыку в настоящем клубе. И электричество светит. И выскобленные полы. И девушки такие нарядные.

Прибавляется народу. Радиолу сменил баянист. Где же он играет? Не видно за танцующими. Спрятался, как птица в листве. Разыщу-ка его. Все равно мне сегодня не веселиться. Пойду через весь этот праздник, свет и духи. Пойду по краю мимо скамеек, унизанных улыбками, серыми глазами и смехом. Посижу рядом с ним.

Люблю баянистов. Что-то есть в них удивительное. Что-то есть в них трогательное. Даже веселое звучит у них с какой-то грустью. Даже неумелые, они влекут к себе. Самые обычные на вид люди, а дотронуться до ладов — и улетают в свой особенный мир, на который ты можешь любоваться лишь издаലെка. Заглянешь в него — и отдалиться от своих тревог, согласишь на тревоги будто со стороны, и становится легче.

Поэтому я иду к баянисту, ишу его в праздничной кутерьме, высматриваю, откуда же он заливается. А, вот он... Пристроился незаметно на ступеньках сцены. Слепой. Черная косоворотка подпоясана ремешком, потные волосы с проседью причесаны пятаерней. Морщинистый лоб. Неровная щетина на щеках. Черные очки в жестяной оправе.

Несчастный какой-то человек. Но по виду никогда не определишь. Поговорить надо, если он разговорчивый. И если не разговорчивый, все равно больше узнаешь, чем по виду. Надо присесть рядом на ступеньку и дотронуться до руки, когда он кончит играть.

Сажусь рядом. Баянист кончает вальс. Он сразу узнал, что я не здешний, но не стал спрашивать, кто и откуда. Достал серую тряпицу, вытер лоб и отдышал молча, забывшись. Я думал, он не вспомнит обо мне, такое у него отрешенное лицо. Но он вострепенулся, нашел мою руку и начал рассказывать совсем неожиданное.

Сразу я никак не мог взять в толк, о чем. Ведь тут разговоры всегда о лесосплаве, о буровиках, о зарплате, о геологах и топографах. Обычные наши разговоры. А он заговорил о пианино. Да, о двух пианино, которые должны привезти сюда. Одно для клуба, другое для детского сада. О музыке заговорил, о музыкантах, о Бахе, о Лунной сонате... В такие выси не забирал еще ни один из знакомых мне баянистов.

Длинные пальцы перебирали мехи, словно бежали по клавишам, и он уже не казался жалким, он отделился от замусоленной

черной косоворотки, от черных очков, отделился от самого себя и оставался самим собой.

Как-то вдруг он перескочил от Лунной сонаты к холодной клетушке где-то в Москве, у Курского вокзала, в переулке, перескочил лет на тридцать назад. Там он жил у тетки, беспомощный, обреченный на страшную темноту. Было мучительно все — от боли в еще не заживших глазах до необходимости ощупью находить утром одежду, ощупью пробираться по длинному коридору к умывальнику...

Но мучительнее всего было то последнее, что он видел в своей жизни. Спокойные, деловые лица людей, только что убивших отца. Отец лежал на полу, голова под кроватью. Его, Ваньку Семенова, пятнадцатилетнего мальчишку, держали за руки, заломленные за спину. Он видел все. И поэтому кто-то поднес к его глазам узкий нож...

А вся-то «вина» отца была в том, что он первым вступил в артель. И вышли из лесу остатки какой-то недобитой банды.

В один из жутких, тягучих дней после переезда к тетке в Москву он столкнулся в коридоре со студентом Корецким...

Я сразу вспомнил Аплинский порог и весть о гибели геолога с такой же фамилией, но ничего не сказал музыканту.

Неровно, перескакивая и путаясь в воспоминаниях, он рассказывал о том, как студент незаметно отвлек его от страшных мыслей, от темной пучины. Оказалось, есть иная жизнь, о которой деревенский паренек даже не подозревал. Краешком она приоткрывалась ему через наушники детекторного приемника, через незнакомые шумы улиц, а позже через звуковое кино. И уже в первый год жизни в городе его потянуло к музыке. Удивительно, что первым об этой тяге догадался Корецкий, а не он сам. Догадался и ничего не говорил сначала. Только чаще стал водить в концерты и на галерку в Большой. У Корецкого всегда были контрамарки: он подрабатывал на жизнь статистом в театрах. Потом он добился, чтобы Ваню приняли в музыкальную школу. Так Семенов стал музыкантом.

Пальцы не переставая перебирали мехи. Он совсем забыл про клуб, про танцы, про меня... И тогда к нему подошел тот парень в голубом свитере, осторожно взял баян, сел поодаль и начал быстрый, веселый и четкий фокстрот. Даже мурашки пошли по спине. Ловко и задиристо пели голоса, перескакивали сверху вниз, сплетались и расходились. Клуб завертелся каруселью в этой искристой мелодии.

Семенов сжал мою руку.

— Это мой ученик. Пришел неграмотным. А теперь и по нотам, и на слух. Очень талантлив. Баха исполняет — звучит, как орган. Только бы руки уберег. Работает на вязке плотов. Дело не музыкальное.

Здесь много способных. Надо учить, учить! Как это все организовано у нас, кустарно, плохо!.. В соседнем селе, неподалеку, километров пятьдесят, купили для клуба духовой оркестр. Прекрасные инструменты. Истратили тьму денег. А руководить стал какой-то самоучка. И все распалось. Инструменты испортили. Все пропало... Он едва не заплакал, перечисляя всякие валторны и тромбоны, сокрушенно хлопал себя по коленке и ерзал на ступеньке, точно она жгла его.

А парень в голубом свитере крутил и вертел весь клуб. Он играл легко, шутя. Ему нравилось ускорять темпы, чтобы танцующие задохнулись от скорости. Он испытывал, кто крепче, и радовался своей силе.

Я ни о чем не расспрашивал Семенова. Глухо и тихо он говорил о себе, продираясь сквозь пласты трудных воспоминаний. На его жизненную дорогу упало столько камней, что не понять, как он мог ее одолеть.

Стал преподавателем музыки. Играл в оркестре. Женился. Медленнее, чем краски дня, забывалось юношеское потрясение, но все же забывалось, вернее, сглаживалось: привыкнуть к боли нельзя. И едва лишь начало то, давнее, горе тускнеть, ударило новое. Это оказалось страшнее прошлого.

Тогда он знал, за что убили отца и ослепили его. Все перевертывалось в деревне. Бандиты мстили отцу за его мечту о хорошей жизни. Теперь случилось совсем непонятное, похожее на ошибку... Он очутился в далеких этих местах. Неизвестно почему. Чья-то жестокость оторвала его от единственного дела, которое было ему под силу и по душе.

В землянке он каждый день пристраивал на нары струганую доску с вырезанными клавишами и «играл» упражнения. Немой рояль слепого музыканта.

В пятьдесят четвертом реабилитировали. Он получил комнату в теплом сухом доме. И тогда умерла жена: она пробыла с ним все самое трудное время.

Семенов мог бы уехать, но остался здесь. Остался по своей воле. Раньше ни за что не поверил бы, что останется, а остался. Остался, и все. И теперь ждет, когда придет самоходка и выгрузят пианино. И договаривается со сплавщиками, отбирает самых крепких ребят, чтобы вынесли инструменты осторожно, не ушибли, не повредили, не поцарапали. Семенов говорит об этом, словно уже дает советы грузчикам, будто ощупью идет по настилу, пробуя, крепки ли доски.

Он волнуясь ждет, когда сможет открыть крышку и дотронуться до клавиш. До звучащих клавиш. Узнает ли их? Не заслонило ли их безголосое «пианино», перенесенное Семеновым из землянки в новый дом?

Он говорит о мастерстве музыканта, об искусстве педагога, об одаренности ребятшек из детского сада, о талантах сплав-

щиков и рабочих лесоучастка. Он говорит, что все потери и тяготы жизни, весь ее ужас и капли ее сладости — все оседает в мастерстве. Единственное, что есть у человека,— это мастерство, нужное людям. Все проходит, остается лишь мастерство. Через него человек проникает в жизнь других, с ним переживает себя.

Кому, кроме тебя, известны твои печали и радости? Они останутся с тобой. Они сам ты. А мастерство... Мастерство — достояние всех. Оно останется жить после смерти учителя в детишках, в сплавщиках, в подсочниках, оно пойдет, как круги по воде. И со всяким мастерством так. Оно остается у людей. Этот дом, этот баян, эти сапоги — все мастерство. И не простое. Люди, дарящие нам его плоды, прошли не меньше, чем мы. Кто знает? Может, лучше всех строит дома тот, кто долго мытарился под открытым небом, а самые крепкие сапоги получают у сапожника, который сам оставался без сапог...

Семенов очень разволновался и утомился от этого разговора. Он вытирал лоб тряпицей, пальцы его дрожали. Были минуты, когда я хотел передать ему весть о гибели Корецкого, узнать, не тот ли это человек, который когда-то помог ему. Но теперь раздумал. Успеет еще узнать. Успеет принять последний удар.

И вот мы уходим. Я прощаюсь с Семеновым. Он задержал мою руку в своей и сказал неожиданно:

— Корецкий погиб недавно на Нижней Тунгуске...

VI

Сказали, что нам нужно лететь в тайгу, узнать у бокситчиков самые низкие точки залегания руд. Потом, когда разольется водохранилище, поднявшиеся грунтовые воды не должны стать помехой для разработки бокситов.

Перерыв в нашей речной, плавучей жизни. А теперь я особенно привязан к Ангаре. Даже ненадолго трудно от нее оторваться. Что поделаешь? Спи, наша лодка, на мокром песке, стой потихоньку, мотор, в шалаше у сторожа.

Аэродром на лугу возле реки. По нему разбрелись разморенные полднем телята. Дремотно круглятся облака. Высоко запрокинуто небо. Мы ждем самолета. Долго, лениво и равнодушно. Сушим портянки. Дремлем. Говорим о всяких пустяках. Над головами толчется столбик мошки, липнет к лицу, снует по рубашке.

После обеда из деревни не спеша пришли рабочие и начали скатывать в одно место бочки с бензином и соляжкой, чтоб легче грузить в самолет.

Кончили. Один сдвинул на затылок накомарник и присмотрелся.

— Летит.

Низко над тайгой зачернелась машина — не больше комара.

— Сгоняй телят! — крикнул рабочий пастуху.

— Ладно,— ответил тот и не сдвинулся с места.

Двукрылая «аннушка» выскочила из-за песчаной сопки и развернулась, отпугнув телят в сторону. Рабочие по мосткам стали закатывать ей в брюхо бочки. Летчик вылез из кабины поразмяться, прикинул нас троих на вес и сказал, чтоб грузили одной бочкой меньше.

Потом «аннушка» прыгнула с крутого берега, и закачало ее, как на качелях. То поползет за окном синяя ширь Ангары с дрожащей змейкой солнца, то небо заливают оконце яркой голубизной.

Река уплывает назад. Ничего не остается от сопки, скал и круч. Ровно, как подстриженная трава, протянулась во все стороны тайга. Она чуть поворачивается и плавно покачивается. Вывернется иногда петля речки, сжатая каменными берегами, покажет песчаное дно и белую пену перекатов и растворится в голубовато-зеленой глубине. Нет ни дымка от костра, ни шалаша, ни зимовья. Лес и лес. Ровный, густой и бесконечный. Ангара теперь едва угадываешь на горизонте. Засветились желто-зеленые проемы болот. Страшно подумать, если здесь придется работать. Из самолета все кажется ненастоящим, появляется, исчезает, проходит. Только пробираясь пешком, узнаешь, что это за места. Мелькнувшее внизу болото, может, и за день не осилишь. По колено в черной жиже, облепленный комарами, исходя; потом, будешь пролезать осокой да кустами. Будешь в чехле от спальника пить ржавчину, и клясть свою несчастную судьбу.

Но пока-то мы в самолете. Поглядываем в окошки, посиживаем на скамейках. Пусть внизу хоть черт с рогами.

Вот набекрень перекосилась тайга, подплыла к окну, блеснула озером, проредилась, и зажелтели в ней домики поселка, точно пчелиных сот накрошили. Площадка черным ковриком: расстелена у речки. Она летит навстречу, бросается под колеса и мягко пружинит, принимая нашу «аннушку».

Поселочек — база бокситчиков. Он ловко приклеился к речке и озеру, пророс чистенькими домиками, обзавелся лесопилкой, электростанцией и почтой. А на краю, возле речки, несколько палаток и изба. Только глянешь на нее — увидишь, как свалили топорами сосны, сложили сруб и родилось тут первое от сотворения мира жилье. Бревна, грубо обкусанные у концов топором, неровно торчат по углам. Тогда было не до красоты. Но с этой избы начался поселок, а может, и город. Кто знает...

Здесь мы будем ждать вертолет. Нам надо дальше, еще глубже в тайгу. Что ж, посидим. Умение ждать нужно так же, как сноровка в ходьбе. Особенно если даль закроет туманом или

забьет дождем. Тогда замирает воздух, намокают перья алюминиевых птиц. Сиди и смотри, как медленно стекают длинные капли, тягуче тянется время, ни шатко ни валко проходит день. Сиди, мучайся от безделья.

Но нам в этот раз везет. День тихий, светлый, чуть подсиненный дымкой. Скоро его лазурную парусину, как нож, распорол грохот вертолета. Не могу теперь спокойно слышать этот шум. От мелькания машины за березами кружится голова и пересыхает во рту. Точно такой же вертолет был и тогда. Может, он и есть...

Вот отвалилась на сторону дверца, раздвинулось надвое зеленое брюхо, начали выгружать ящики, пошли пассажиры. Последней слезала старушка в старинной шелковой кофте с острыми плечами и узкими рукавами. Несет туесок и берестяную кошелку. Видно, очень довольна покупками и тем, что по небу добралась с базара.

Быстро-быстро все делается на аэродроме. Старушка еще до первой избы не дошла, а мы уже в вертолете. Все погружено, закрыто, захлопнуто и защелкнуто. По земле нехотя проползла тень от винта, потом замелькала и пропала. Мотор тужится и ревет. Еще чуть — и все разнесет в клочья, а летчик прибавляет газу. Лишь когда машина затряслась и задергалась и у нас застучали зубы, почувствовали, что оторвались от земли.

Наш путь дальше на север. Там крайний участок поисково-разведочной партии. Туда поворачивается таежная чаща. Сочными пятнами зеленеет внизу лиственница, проплывают старые гари и озера в яркой кайме травы. Все это перемешивается и струится до тех пор, пока не показалась посадочная площадка — квадрат, выложенный из стволов берез, а рядом несколько фигурок с задранными вверх лицами.

Последнее поселение. Дальше, наверно, иди хоть до Ледовитого океана, поселка не встретишь. Мудрено ли, что приветили нас по-родственному. Рюкзаки нести не дали. Чуть дверь открылась — их мигом сдуло. Налегке по тропинке сквозь тощий соснячок идем до вырубки, где встали четыре избы. Чердаки проsvечивают насквозь: крыши из щепы наскоро шалашом поставлены на срубы.

На улочке осенними кочерыжками торчат длинные пеньки. Сколько же труда взяла эта полянка! Чего стоила эта колдобистая вырубка, эти хижинки, эта печка перед домом, протянувшая дымок в бледное поднебесье!

Наши вещички забросили в крайнюю избу. В ней живут холостяки и начальник участка. Нам тоже в ней ночевать. Хорошая, крепкая изба. Не заходя поймешь, что за люди тут устроились. У дверного косяка лыжи, покрытые оленьим мехом, рядом сохнет медвежья шкура, наизнанку прибитая к стене, а под самой крышей на деревянных гвоздях лежат удочки и висят капканы.

Есть во всем этом неуловимый уют и тишина. Есть тепло и приветливость обжитого места, где греет даже кружка холодной воды. Приоткрытая дверь доверчиво смотрит на тебя, и кот, привезенный за тридевять земель, трется о ногу. Таежные поселки щедры к бездомным и всегда награждают их четырьмя стенами, крышей, березовым дымком, ужином и беседой.

И откуда здесь такой уют? Изба как изба. Совсем еще зеленый мох в пазах. Пол из бревен, выровненных топором. Потолок дощатый, но доски не пиленые, а колотые. Они получаются, если бревно разбить клиньями на длинные лучины. Так быстрее и легче.

Осматриваешься и сразу приживаешься к этому грубоватому, разбросанному уюту. Он в самом холостяцком беспорядке, в небрежности и бережливости, с которыми относятся к нужным вещам. Вот высокие топчаны, похожие на столы. Голенастые и неуклюжие, на них и забраться-то трудно. Зато осенью и зимой, когда по полу ползет холод, они возносят обитателей избы в самый теплый слой воздуха. Спальные мешки на топчанах, расстертанные и мятые, таят великую преданность хозяевам. А как бережно держат ружья деревянные гвозди, вбитые над каждым топчаном, как полка, плотно выструганная топором, сжала книги, как на месте встали два стула у окон!

В середине избы на земляной подставке, оправленной в аккумуляторный срубик, стоит печь из железной бочки. Она тиха и скромна, но стоит похолодать — властно притянет к себе людей, ударит в лицо каленым жаром, засветится в ночи. А пока она возвышается символом зимнего уюта, железным обещанием тепла. И от одного этого обещания чувствуешь себя надежнее в бесприютной здешней стороне, где даже летом дышит под ногами вечная мерзлота.

Вот и все. Ты дома. Живи сколько надо. Хоть до осени. Хоть до весны. Вот за печью нары — твое место. Разворачивай спальник и живи.

Уже перезнакомились. Не знаем только начальника участка Илью Ивановича Сахарова. Он еще не вернулся с шурфов.

А когда придет, одно удивление будет. Каких только людей не приходилось встречать в тайге, на реках, на стройках да на приисках, но этот редкостный, необычный, непривычный, неопиcуемый какой-то человек.

Хоть лицо у него, хоть одежда, хоть разговоры.

По щекам и под зеркально выбритым подбородком тлеет борода. Цветом совсем как свежая ржавчина на железе. Такая густая и плотная, что даже волосков не заметно. Сначала, кроме этой бороды, ничего и не видишь. Лишь когда маленько попривыкнешь к ней, обрисуется большой рот с крупными губами, серые, словно надыхавшиеся дыма, глаза и спутанные брови.

И только потом рассмотришь его посеревший полотняный накомарник с сеткой, продырявленной сигаретой, увидишь, как по-разбойничьи лихо он закинут на затылок и висит по плечам. Заметишь винтовку, ичиги на ногах, почувешь идущий от него дегтярный дух. И сочный, чуть с хрипотцой голос уже не будет неожиданностью. И черная лайка Варнак со сломанным клыком сверкнет на тебя красным глазом.

Сахаров так поздоровается, так задержит в ладони руку, так посмотрит, так обволочет своим добрым теплом, что подумаешь: где-то его уже видел.

Он вешает винтовку на стену к угловому топчану, где под потолком серебрится трубочка какого-то прибора. Он выдергивает из петли у пояса трех рябчиков и бросает к порогу, срывает накомарник и роняет на скамейку. Потом смотрит на часы, разводит руками и извиняется, что некогда с нами поговорить: начинается сеанс связи с базой.

Сахаров садится к рации, стоящей на столе, отодвигает бумаги, окурки, рыбы кости и отрешается от всего. Все радисты делаются такими, едва натянут наушники и возьмутся за ключ. Но у Сахарова и это получается по-своему. Уж очень он легко работает. Слово и не работает вовсе, а летает в эфире.

Да, легкий он какой-то и удивительный человек.

Солнце садится. Красный луч перерезал избу, выхватил кусок стены, резко очертил все волоконца в бревнах, каждое перышко мха, каждый листок брусники, застрявший в нем, сверкнул на затворе винтовки и поджег бороду Сахарова. Она прилипла к его лицу плотным языком пламени. А он не чувствует боли. Спокойно тянутся записи в тетрадке, плавно отбивает ключом ритм легкая рука, синей травинкой растет дымок от забытой сигареты. Кончается связь, он снимает наушники и возвращается к нам. Как он был отрешен во время работы, так сейчас наполнен только нами и ничем больше. Пошевелишь пальцем — увидит твое движение.

Сахаров занимается с Митей. Расстелив на топчане карты, Илья Иванович говорит, где какие отметки залегания и как примерно изгибается рудное тело. Но он никого не забывает и тут же Николаю Нилычу показывает, на какие шурфы мы пойдем и где лучше всего фотографировать разрез пород. И обо мне не забывает. Это совсем, говорит, недалеко и брать с собой ничего не надо и нести будет легко.

Когда кончили рассматривать карты, пошли посидеть перед ужином на бревнах возле печки, дымящей среди улицы. Там собрались почти все жители поселочка: забойщики, воротовщицы и геологи. Собаки лежат у их ног. Спокойная серая кобыла купает в дыму голову больше по-привычке: мошки почти нет. Вечер спокойный. В тишине только шелкают дрова да вздыхает лошадь.

Кто курит, кто дремлет. Многие только вернулись с шурфов, вылезли из замороженных колодцев, вымылись, переоделись и греются в закатных лучах солнца. Можно сидеть в одной шелковой рубашке. Была бы у меня шелковая рубашка, тоже надел бы. Это очень хорошо после брезентовой робы или энцефалитки надеть прохладную, скользкую рубашку, и чистые легкие брюки, и сандалии вместо сапог. И сесть на бревно рядом с товарищами. И пожмуриться на солнышко, ожидая ужин.

Нам тоже сейчас неплохо, хоть и не во что переодеться. Сидим, сняв сапоги и энцефалитки, смотрим, как полногрудая девушка жарит омлет и свинину, как за распахнутой дверью в доме накрывают стол.

Все тихо кругом. Тошие сосенки не шелохнутся. Розовое облачко остановилось посреди неба, зацепившись за антенну.

Приятно и покойно сидеть за столом, уставленным тарелками с ломтями хлеба, черникой, омлетом и свежей свининой, касаться плечом соседа, который незаметно старается пододвинуть тебе лучшие куски. Это теплое добро почти ощутимо растекается по телу и сладко пьянит.

А разговоров почти нет. Только Сахаров с Митей толкуют о залеганиях руд. Огня не зажигают. Свет идет от двери, за которой стоит скудная северная тайга с тлеющими верхушками сосен. Иногда лошадь просунет морду и влезет до половины в избу, чтоб получить кусок хлеба с черникой; порой ворвется собака и шмыгнет под стол между ногами — вот и все, что нарушает покой ужина.

Потом снова мы сидим на бревнах и смотрим, как проясняются звезды, как выползает из низины туман. Сахаров исчез, и теперь с Митей говорит другой геолог. А мой сосед забойщик Бодров рассказывает про коптильню, он ее недавно сделал на берегу речки. Не хитрое это, оказывается, дело — копченье-то. Из большого куска коры выгибают этакую кабинку. В верхнюю половину, закрытую сверху и с боков, вешают рыбу или медвежатину. Внизу разводят костер, и дым скапливается там. Для запаха прибавляют кто что хочет: можжевель, или осину, или еще чего.

К себе мы приходим поздно. Сахаров уже лежит на топчане. У изголовья в стену всажен узкий нож. На рукоятке прилеплена свеча. Он читает.

Илья Иванович отложил книгу, уперся руками в стену и потянулся.

— Очень люблю так вот: свеча, спальный мешок и книга... На полке еще есть свечки, берите, и книжки найдутся. Если не очень устали... А я перечитываю «Записки Аввакума». Путешествие по Ангаре семнадцатого века.

Это одно удивление узнавать места, которые кто-то видел за триста лет до твоего рождения! Тут даже не история, а необык-

новенный житейский разговор. Представьте: Аввакум рассказывает, что он видел три века назад...

Илья Иванович поправил зачавдивший фитиль и сел, прислонившись к стене.

— Или вот Миллер. Тот уже из восемнадцатого века... Есть на Ангаре скала Писаный камень. «Откуда такое название?». — спрашиваю стариков. «Да там, — отвечают, — какой-то путешественник свое имя написал». Я им поверил. А потом был как-то в отпуске. Читаю в Ленинской библиотеке Миллера и вдруг вижу (помню наизусть): «На правом берегу этой-то Тунгуски расположена скала в тринадцати верстах ниже устья реки Чадобца и семнадцать верст выше устья реки Муры. Когда я, проезжая мимо, рассматривал ее, то смог заметить на ней только изображение всадника, почему и не счел нужным снять с нее рисунок».

Сахаров погладил бороду и улыбнулся каким-то своим мыслям.

— Бродяжничаем мы здесь, ищем бокситы, железо, места для гидростанций... И вдруг из-за двух столетий выглядывает Миллер и говорит: «Я видел на той скале всадника».

Сахаров щелкнул пальцами по переплету, блеснувшему стертым золотом.

— Я иногда думаю, что самое значительное изобретение — это книга. Удивительный аппарат для передачи слова через века. Так прост и непрочен вроде бы. А плывет сквозь время, проходит все пороги и камни, и костры иной раз, и пожары минует... Если б мог заниматься сидячей работой, обязательно обзавелся бы библиотекой. Все четыре стены заставил бы полками. Из остальной мебели, пожалуй, купил бы стол, раскладушку...

Огарок оплывал. Нож под ним светился красным. На другой стене шевелился огромный профиль геолога. Большая рука в медных волосках бережно прикрывала книгу, распростершую крылья и готовую лететь. Может, она уже и летела и задумавшийся Сахаров видел, как ее страницы листают неведомые люди, как переплет глядят чьи-то далекие пальцы и буквы отражаются в глазах, которые откроются через сотни лет...

VII

Такая у нас работа, что утром не знаешь, где будешь вечером, и уж совсем неведомо, куда тебя занесет завтра. Да и как можно знать, если выходим на рассвете по розовой воде, по зеркалу, в которое впаяны берега. Через часок потянет ветерком, рябь острыми клиньями перехватит реку, и скоро волны замашут белыми крыльями, шибанут по борту, ливанут в лодку ушат бенистой воды, разбушуются, разойдутся — не чаешь, как поскорее

пристать к берегу, развести костер да высушить одежду и бумаги, в которых точно написано, где мы должны сейчас работать...

Иной раз поедешь на полчаса, а вернешься чуть не через сутки. Вот как-то ночью надо было отвезти геолога из нашего отряда в деревню, где стояли геофизики, — пятнадцать минут езды. Я чай не допил, поставил кружку у огня, чтоб не остыла. Ночь светлая от луны. Воздух чист, как стекло. А подплыли к середине реки, там туман. Плотная белая стена светится в ночи. Я даже опешил, не решаюсь врезаться. Пошел вдоль стены. Удивительно: справа в чистом воздухе костер красным цветочком горит на берегу и каждый листок видно, в кустах, а по левому борту протягиваешь руку — ладонь пропадает в тумане. Он так отесно поднимается ввысь, перегорев Ангару, что кажется плотиной, возведенной за один вечер.

Врезались в него. Дохнуло густой сыростью. Ничего не разобрать, лишь из черной пучины поднимаются белые змеи. Луна за спиной замутилась, расплылась, как молоко по воде. Старуюсь держать лодку прямо, чтоб выйти к деревне. Прибавляю обороты, а все кажется, что стоим на месте: воды за бортом не видно. Пльвем, словно по облакам, и голос мотора глухнет, как в пуху. Верный курс, нет ли?.. Заплутаться ничего не стоит: ширина здесь километра три.

Когда справа дрогнули красноватые огни, не поверилось. Потом подумал, что самоходка стоит на якоре. И после уж оказалось: окна. Одни окна висят в тумане и светятся. Геолог прыгнул на берег и сразу пропал.

Назад двинулся по луне. «Если,— думаю,— она была за спиной, то теперь должна светить в лицо». Плыл долго, и все ничего. Не кончается туман. Чую, заблудился посреди реки. И бензин на исходе: бачок вечером не заправлял. И чудно, и боязно. В тайге заблудиться понятно, а на реке...

Вдруг показалась баржа, на мачте замутнелся фонарик. Я принял ее за ленинградскую экспедицию — они вечером пристали чуть ниже наших палаток. Я и подходить не стал, обрадовался, что свои рядом, всматриваюсь, не покажется ли костер. Но тут опять фонарик на мачте и бортовой огонь. Подошел ближе — наливная самоходка. Совсем не туда занесло. А ведь рулил прямо по луне... Как обманывает она.

Что делать? «Поверну снова к деревне, поплыву,— думаю,— вдоль берега. Хоть и дальше, да вернее».

Скоро засветилось желтое окно. Я решил: деревня, а это паузок *, и торчат из-за борта рогатые коровьи морды. Если б не свет в каюте, перепугаешься от неожиданности. Посреди реки вдруг топот копыт и сплетение рогов, и мычание, тупо глухнущее в тумане.

* Паузок — небольшая деревянная баржа.

Кричу на паузок. Сонно по-домашнему скрипнула дверь. Вышел человек в белой рубашке и, зевая, спросил:

— Свежей рыбки нет?

Вот как. Правый берег-то совсем в другой стороне, чем казалось. Мурыжит меня туман, играет в прятки, водит, как сома, на поводке. Зло берет, а злиться не на кого. Кое-как выбрался к деревне. Прошел ее. Серым привидением выступила скала в устье реки. Теперь недалеко до лагеря.

И тут заглох мотор. Кончился бензин. А течение навстречу, а туман еще гуще, и скала совсем рассеялась. Подхватит речонка лодку, отнесет на середину Ангары... Скорее поднимаю мотор, берусь за весла. Так и пробултыхался до утра...

Теперь тоже. Летели на три дня, а застряли не знаю на сколько. Все из-за погоды. Распрощались с Сахаровым в жаркий, ясный вечер. Вертолет забросил нас на базу и ушел. На аэродроме стоял самолет. Договорились с летчиком, что завтра улетим, и завалились спать в конторе.

Дождь начался ночью. Он скребся в стекло, позванивал по лужам, булькал пузырями. Сквозь сон мы услышали его канительную песенку. Услышали и проснулись.

На рассвете в контору пришел Савинов, начальник здешней поисково-разведочной партии. Потихоньку перешагнув через нас, он пробрался к столу, достал карту и долго рассматривал ее, барабаня пальцами и вздыхая.

Дело худо. Вчера еще, не успели мы добраться от вертолета до конторы, узнали, что отряд поисковиков не вышел из тайги. Кончился последний срок, а они не вышли. Значит, и не могли выйти.

Странное волнение поселилось в груди. Тревога сама собой, а это совсем особое волнение. Со вчерашнего вечера не дает оно мне покоя. Зародилось оно вот как. Мельком увидел я на столе Савинова список людей, которые были в заплутавшемся отряде. Шесть фамилий, и среди них Павел Галкин. Так зовут мужа Веры...

Толком о нем никто мне не мог рассказать, но знали, что семья у него где-то на Ангаре. Это он. Я не сомневался, что он. Понимаю: нет ему до меня дела. Не знает он меня и не узнает. Но волнение не покидало, не отпускало.

Самое же непонятное то, что постепенно я начинал думать о нем, как о знакомом человеке, попавшем в беду. Это было необъяснимо, но это было. Словно какой-то дальний родственник, которого никогда не видел, но которому надо помочь.

Непонятное чувство опасения встретиться и желание помочь заполняли меня, рождали волнение, колотившееся у сердца. •Все вокруг стало тревожным, напряженным и ломким.

Посмотришь на Савинова — и во все вселяется тревога: звук капели, точно нервный стук пальцев; дизель на краю поселка

вздыхает уныло и тяжело; пила па лесопилке вое с причитаниями, надрывно. Звуки сплетаются и виснут в сырости утра, вливаются в дом, прокалывают сердце.

Рядом на стеллаже, почти у самого пола, кусок боксита, похожий на гречневую кашу в сметане. Теперь он видится другим. Просвечивают сквозь него переходы по болотам и тайге в комариной жаре северного лета. Проглядывают гари и топи, глухие дожди и туманы, и все ненастья, и все напасти, и все радости нашедших его людей. Весь труд собирается в обломке породы, в капле, отцеженной из многих дней поисков.

Не разговаривая и не спрашивая ни о чем, мы потихоньку сворачиваем спальники. В контору собираются люди.

За окном в сырой кисее стоит самолет. Он похож на большую зеленую рыбу, уснувшую среди водорослей.

Пришел летчик — пружинистый, легкий парень в шелковой рубашке и шегольских брюках. Он кажется чужаком среди наших порыхлых ватников и сапог.

Савинов поднял на него глаза, не отпуская пальца от карты.

— Придется лететь, Миша. Они недалеко. Покрутись, поразведай.

Мы видим, как у зеленой рыбы дрогнули плавники, как она поплыла через аэродром и скрылась за лесом. От ожидания что-то горит в душе и остается усталость. Ни говорить, ни слушать не хочется. Только смотреть на блеклое, низкое небо, на провисшие бока облаков, цепляющих березы и лиственницы. Это оттого, что никто не знает, почему они не вышли. Почему? Неизвестно почему.

Я налил в кружку воды из бачка и почувствовал вкус алюминия, посмотрел на кружку, на ее сероватый блеск и погладил ее. Никогда я не думал, чего стоит алюминий.

А в конторе кто-то вспомнил о Корецком, геологе, погибшем недавно на Нижней Тунгуске. Третий раз я слышу о нем. Это, оказывается, был ученый-бокситчик. Он еще жив в памяти этих людей. Говорят о нем, будто ждут приезда. От рассказов и сам начинаешь видеть его...

Вот штормовой Енисей. Блеклая каемка тайги и тусклые огоньки деревни. Шлепают вечерний дождь, и волна стегает в лодку. А она на середине реки и никак не может уйти к берегу, потому что отказал мотор.

Корецкий достает инструменты и копается в моторе со спокойствием часовщика, сидящего в тихой мастерской. Волна окатывает по пояс. Корецкий выронил какой-то болтик и домашним, совсем тихим голосом просит Савинова поискать на дне лодки. А сам при свете карманного фонарика что-то развинчивает, собирает, постукивает и насвистывает песенку. Иногда тихонько посмеивается, приговаривая: «Э... э... э... не годится так

выскакивать из гнезда, не годится. Нехорошо, брат, нехорошо. Сейчас тебе головку подкрутим... Иди-ка сюда».

Мокрый шквал бил по рукам. Берегов давно уже не видно. Савинов одной рукой отливал воду, а другой держал фонарик.

— Женя, не ругайся и не волнуйся,— говорил Корецкий, откладывая в сторону инструмент.— Мы же не на свидание идем и не автобуса дожидаемся. От этой старой машинки зависит жизнь. Тут только спокойствие поможет.

И он исправил мотор.

А в другой раз еще чище получилось. Вот Корецкий после тяжелого маршрута спит в катере под брезентовым тентом. Моторист, озорной малый, когда подходили к острову, заметил медведя, переплывающего Ангару. Направил катер на зверя. Тот— обратно, к острову. Моторист решил отогнать его на середину и начал кружить вокруг. И тут катер, видно, задел мишку — поранил или ударил. Медведь ушел под воду. Моторист остановился, вылез из кабинки, стал наблюдать, где он вынырнет. Косолапый вырвался у самого борта и с рычанием, ловко, словно заранее все продумал, зацепился лапами за борт и полез наверх.

Только здесь парень рассмотрел, какой это огромный зверь. Катер накренился и едва не черпнул воды. Медведь перевалился на палубу у кормы. Моторист не выдержал, с криком бросился в реку и поплыл к острову. Дрожащий, выгреб к кустам, лег на песок, закрыл голову руками, не решаясь посмотреть, что чудовище сделало со спящим геологом.

И вдруг голос Корецкого:

— Саша, да где ж ты? Э, куда тебя занесло! Сейчас я подрую.

Оказалось, крик моториста все же разбудил его. Он проснулся, как раз когда медведь просовывал башку под тент. Корецкий нашарил под головой в рюкзаке пистолет и в упор высадил почти всю обойму в голову зверя.

...А это осенью, когда «упал комар» и ветер сбивает мошку. Из-за озера, перечеркнутого искрами березовых листьев, проглядывает поселок. Устроившись на поваленной лиственнице, Корецкий пишет этюд. Ему нравится еще раз все создавать на полотне. Будто мало того, что построено и можно на память назвать всякое бревно и каждый шов у палаток.

В который раз он слышит, как за спиной раздвигаются кусты. Глядит искоса, не поворачивая головы, и видит мальчишку Леню, что живет у аэродрома, на краю поселка. Стоит оглянуться — он пропадает в кустах.

Закончив этюд, Корецкий обошел озеро и к поселку выбрел через болотце, как раз напротив домика Лениных родителей. Мальчишка был дома. Он совсем оробел и ни слова не сказал на расспросы. А мать достала из ларя два розовых альбома

с ленточками и пачку тетрадных листов. Там лепились друг к другу филины, вертолеты, лисицы, бульдозеры и бурундуки. Ленья заплакал и уткнулся в кровать.

В воскресенье Корецкий устроил в конторе выставку. По стеллажам с образцами протянули струганные доски и на них прикрепили рисунки. На дверях магазина и почты вывесили афиши, написанные на кусках бумажного мешка.

Но Ленья еще долго дичился. Потихоньку, медленно привык и привязался. В лаборатории смотрел, как Корецкий делает пробы пород, в конторе слушал разговоры и рисовал на бланках, летал с ним на вертолете в тайгу и ходил туда, где пробивают дорогу на ближний участок. Всегда Корецкий находил ему занятие: следить ли, как в тигле на плите бродит глина, высматривать ли перекрученный корень сосны, похожий на дракона, отыскивать ли гнезда птиц. Больше же всего любил геолог смотреть, как Ленья рисует, и всегда спрашивал, почему так, а не этак, и никогда не поправлял.

Он взял рисунки в Москву, и на другой год мальчишку приняли в какую-то особую школу, где учат маленьких художников.

Савинов еще вспомнил, что Корецкий говорил как-то о разных профессиях и судьбах людей. Будто за свою историю человечество все дальше уходило от природы. Рождалась специальность, никак не связанные с землей, с добычей. Очень многие люди стали заниматься лишь переработкой того, что другие взяли у природы: руд, минералов, угля и нефти. Но трудности, опасности жизни, которые в давние времена грозили каждому, остались и теперь. Только ложатся они на плечи одних поисковиков, на тех, кто по профессии должен быть в неосвоенных местах.

И какая бы ни была техника, все равно подступают к человеку неожиданные и опасные силы, и остается он с ними один на один, с голыми руками, точно с кремневым топором. Забросят в таежную нежилую даль с комфортом, на вертолете, а потом как хочешь пробирайся. И весь смысл работы в этом — идти, плутая и высматривая сквозь облако беспощадной мошки, где и что кроется под землей. И столько всяких случайностей на пути, столько трудностей, что ничем ты пооди и не отличаешься от одетого в шкуры далекого предка. Морозы ли застанут, ураган ли, пожар — чем защититься?

Но вот пройдут разведчики, покажут, где железо или бокситы, а там и строители начнут свое дело. Им тоже сначала не просто, но уж легче. Они хоть твердо знают место, где работают сегодня, завтра и через год.

И лезут уже в рудники шахтеры. И металлурги получают руду. Эти живут в городах, и до природы им нет дела. Все равно им, дождь ли, зима ли, ненастье или солнце. Отработал смену — и дома. Они видят природу лишь в кино да по телевизору. Ну еще если на лыжах в лесок выберутся, а то с палаткой летом, на

ночевку — вот и все. И по-другому им нельзя. А нам, поисковикам, разведчикам, тоже по-другому нельзя. Свое дело у каждого. Так получилось: куда тебя занесло или что нравится, тем и занимаешься.

VIII

Самолет выскочил из-за леса, придавленного серыми мешками облаков.

Вытирая о скобу на крыльце шегольские ботинки, летчик крикнул сгрудившимся в дверях людям:

— Нашел! Все шестеро у костра. Помахали руками, живы-здоровы. А место трудное — трясина, березняк.

Он подошел к столу и показал на карте.

— Черт их занес! — весело ругался Савинов. — Надо со стариками потолковать. Туда не проберешься ни с какой картой, если пути не знаешь.

Савинов пошел в поселок. Я увязался за ним. Возле дома он предупредил меня:

— Здесь живет Кулаков. Увидишь его — не удивляйся и не спрашивай ни о чем. Ему шею испортили в немецком лагере во время войны.

Старик обедал. Сидел он неестественно прямо и, когда подносил ложку ко рту, всем телом наваливался на стол.

Сдвинули чашки. Савинов достал карту. Старик не мог в ней разобраться. Очень, говорит, мелко, и в глазах рябит.

— Константин Яковлевич, как же быть-то? — тихо спросил Савинов. — Мы сейчас пойдем, но ведь и сами там можем застрять и проплутать можем... Места уж очень трудные и неразведанные. А у ребят последняя корка на счету.

Кулаков словно не слышал. Неподвижно и прямо сидел он у окна. Лишь иссеченные морщинами щеки и синеватые губы едва заметно шевелились. Он что-то шептал себе под нос.

— Так что же делать будем, дед? — вздохнул Савинов.

— Посмотреть мне надо, где они.

— Легко сказать «посмотреть».

— Хоть глазком бы взглянуть. — Голос Кулакова по-петушиному жалко сорвался. — Харчи будешь им слать и меня о летчиком устрой. Я только посмотрю...

Снова уплыла в хмуристое небо зеленая рыба. Опять вернулась и скользнула по аэродрому. Присев на корточках, из ее брюха вылез негнувшийся старик.

— Знаю. Кто пойдет-то?

... Перебрались через речку. Миновали последнее жилье в округе — палатки алмазников.

Я иду за Кулаковым след в след. Отряд гуськом вытянулся вдоль невидимой тропинки. Так мы шли до темноты. В сумраке

выбрели к сопке, совсем сухой, приветливо развесившей лапы сосен.

— Шабаш. Ночевка,— сказал Кулаков.

Костер. Пряно пахнувший лапник под боком. Дождь, туман ли — не поймешь. Константин Яковлевич густо заваривает чай. Мы разливаем его в алюминиевые кружки. Они светятся красным в пламени костра. Они горят у нас в руках. Шесть алюминиевых кружек. Они поднимаются от земли и опускаются на землю, как раскаленные слитки.

Волосы и брови Савинова тоже алюминиевые. Тусклым серым алюминием рисуются сосны, алюминиевые капли на хвое, плавленный алюминий в лужах.

Я чувствую губами горячий металл и слышу его вкус, и запах, и его голос. У него такой сложный голос. Не поймешь, дождь шуршит в хвое, комар гудит или идет глухой разговор.

Проснулся я утром. Кулаков на том же месте, тем же движением заваривал тот же чайник. Словно не было ночи.

Как прямо сидит старик с гордо поднятой головой. Лишь когда он двигается, видно, что это недостаток.

— Опять сеет грибной. Туда его...— ворчит кто-то.

— Дождь будет шесть дней,— говорит Кулаков.

— Когда вернемся, посмотри его барометр,— наклонился ко мне Савинов,— к оконной раме прибит еловый сучок. И все. Посмотрит Константин Яковлевич и скажет, какую ждать погоду.

Морщины на лице Кулакова зашевелились и собрались в один пучок, плотно зажатый стиснутым ртом.

Мы шли весь день. И весь день болталась у меня перед глазами алюминиевая кружка, привязанная к тощему мешку старика.

Ночью у костра Кулаков долго ворчал, что, занявшись недрами земли, мы совсем забросили тайгу. А ведь были тут зимовья и уголья. Следили и ходили за тайгой. Белку ли, птицу ли, сохатого — все в свое время били. Этому лесному хозяйству прашуры еще научились от эвенков. Вот озеро, которое около поселка. Оно без толку стоит. Мальчишки в нем мелочь удочкой ловят. Эвенки же с этого озера собирали рыбы столько, что кормились.

— Им вертолетом тушенку не возили,— усмехался старик.— Нужно больше охотничьих хозяйств делать. Тайга все даст: и мясо, и соленья, и коренья. Только она заботу любит. И зверь любит, чтоб его по шерсти гладили. А то ведь что ж это! Приди на любой участок — кругом ни рябчик не свистнет, пи бурундук не пискнет. Все разбежались, потому что бьют без толку. Ружей больно много развелось.

Как под землю глядеть — хозяйева,— скрипел Кулаков.— Каждую крупницу под землей взвешают, а на земле, у себя, как

пожаром все бреют. Надо на уголья разбить тайгу, и каждый пусть за уголье отвечает и собирает с него, чтоб народу была прибыль. Целые колхозы так можно сделать...

Ворчал он долго. И особенно против того, чтоб «из центра» возить сюда продукты. Своей ли, мол, сохатины, да оленины, да рыбы, да грибов не хватит!

Утром пришли мы к тем топям. Люди поднялись навстречу. Из-за сеток лишь глаза блестят, да бороды ершатся на потемневших лицах. Ватники и энцефалитки изодраны в клочья, залатаны через край. Вот как их потрепала тайга. Смотрят на нас, будто мы привидения — сейчас исчезнем. Не веря себе, робко идут навстречу.

Такая тут радость! Забыл я свои недавние волнения и раздумья. Все шестеро казались на одно лицо и вызывали одинаковое желание помочь, ободрить, поскорее увести из этого гнилого места.

В суете, в бессвязных словах и торопливых рассказах мельком проскользнуло имя Павла Галкина. И я очнулся, опомнился.

Вот он. Тощий малый. За дырявой сеткой накомарника запекшиеся губы и воспаленные, усталые глаза. В кровь изъеденные мошкой руки беспомощно торчат из замызганных рукавов энцефалитки. Он неловко разминает сигарету и осторожно сует под сетку.

... Это, наверно, его энцефалитка у Веры. Я пытаюсь представить Веру рядом с ним и не могу. Наверно, оттого, что слишком уж дикий у Павла вид. А Вера даже в энцефалитке выглядит по-домашнему.

Павел о чем-то спрашивает меня. Не разобрал, о чем. Сигарета прожгла сетку, и нитки тлеют, а он не замечает. Белки его глаз сплошь в паутине красных жилок, и клочковатая щетина, ставшая уже бородой, подступает к глазам, заполняет провалы щек.

— Где был на Ангаре? — повторяет вопрос Павел.

— В Подкаменной,— отвечаю я, и наши глаза встречаются.

Странно, лицо его осталось прежним. Он ничуть не заинтересовался.

— В Подкаменной был недавно,— повторяю я и чувствую, что злюсь на него. Как ни устал он, нельзя же быть таким равнодушным к семье. Мне обидно за Веру и мальчишек. И еще в душе где-то на дне, как ил, всколыхнулась нехорошая радость. Радость надежды, что его равнодушие дает мне право на Верину любовь... Я стыжусь этой радости, но она есть.

— Жаль... жаль...— бормочет Павел.

— Чего жаль? — спрашиваю его.

— Совсем рядом с моими был... Я из Кондаков. Знаешь Кондаки на Тасеевой?.. Там у меня жена и дочка. У матери живут, недалеко от пристани...

IX

Порох — это очень непривычно и чуть захватывает дыхание, и по ногам точно иголочки бегут. Никогда не видел столько пороха. У черных скал сереет в дождливой мгле огромный штабель ящиков и цинковых «пеналов».

День сегодня пасмурный, туманный. Неприветливый, зябкий день. Мы только что сошли с буксира «Падун» на понтон, причаленный у склада. Палуба понтона обшита брезентом и наклонена на одну сторону к воде. Вся она сплошь, словно птичьим пометом, усыпана зелеными катышками старого пороха. Он скрипит под каблуком, по нему скользит нога, он забил все щели, толстым слоем покрыл настил под палубой. Рабочий в синей фланельке сметает его метлой в воду.

Первый раз я у взрывников. Ни с кем из них не знаком. Лишь затонувшие заряды встречать приходилось. Торчит из воды вешка с красным флажком, а под ней несколько тонн пороха, приготовленного к взрыву, но не взорвавшегося неизвестно почему. И маячит эта вешка в самом опасном месте — на шивере или пороге. У избушки бакенщика поднят сигнал: «Проход запрещен». Выше и ниже по течению скопились суда. А мы на лодке проскакиваем мимо. Рулишь и не знаешь, что будет через секунду. Но все обходилось хорошо. Сам я, пожалуй, не рвался бы на рожон. Николай Нилыч всякий раз подбивает: «Ждать целый день, пока поднимут эту дуру? Идем!» И все норовит поближе щелкнуть из своего аппарата вешку с флажками.

Сегодня ему и ехать-то необязательно. Митя один мог осмотреть скалы в устье Муры, но втямшилось же побывать на взрывных работах. И вот мы здесь.

Николай Нилыч совсем взбудоражен от этих пороховых россыпей. Одни глаза остались. Как ни смотри на него, видишь только глаза. Немигающие, голубовато-серые загребушие глаза. Удивление одно. Никогда не встречал такого человека. Никто не умеет так смотреть.

Из-за этих своих глаз он и мытарится по свету. Не знает от них покоя.

Ненасытность его, неожиданность, неприкаянность — все собралось в глазах. Никто из нас не умеет и не может так видеть. Щуплая фигурка его в сером ватнике словно пропитана неистовой силой познания. Тут какое-то сходство с катышками пороха, таящими под невзрачностью огненную мощь.

В ненастной кисее, которая стерла все краски, одно яркое пятно на понтоне — Дергачев, прораб взрывников. Он в красном спасательном жилете. Высокий поджарый парень из-за этого жилета превратился в горбуна — надувные подушки пузыряются на спине и груди. Серьезное обветренное лицо Дергачева никак

не вяжется с шутовским нарядом. Но это не вызывает даже улыбки. Странная одежда придает ему особенную торжественность.

Дергачев осматривает понтон по-хозяйски. В глазах его что-то вроде скуки. Коротко поговорил с рабочими. Переглянулся недовольно с бригадиром — низеньким пареньком, похожим на мяч из-за черного вздутого жилета. Деловой человек этот Дергачев. Даже сухой человек, черствый.

С нами, пока плыли на буксире, двух слов не сказал. Точно забыл про нас. Лишь когда причалили к понтону, вспомнил: — Спички, папиросы есть? — спрашивает.

Николай Нилыч достал, думал, он закурить хочет, а тот взял и спрятал в рубке. Зачем? Почему? Догадались, что курить тут нельзя, но ведь мог объяснить, а он молча отобрал, и все.

Мы не в обиде. Нисколько не в обиде на Дергачева. Тут не до этого. Такая дьявольская сила рядом, необъяснимая и капризная...

И ведь просто все, обыденно. Вдоль палубы лежат четыре длинных, раздувшихся от пороха марлевых мешка. Точно бельевые гусеницы, присосались к настилу. Двое парней набивают пятый. Вставили в горловину помятое ведро без дна, загребают порох из ларя и сыпают в эту воронку. Постепенно гусеница раздувается и тяжелеет. Рабочие берут ее поперек брюха, и она изгибаясь ползет ближе к воде. Дергачев щупает, хорошо ли набита. Его продолговатое лицо, на котором, не поймешь, то ли выгоревшая борода, то ли давно не бритая щетина, озабоченно и замкнуто.

А ребята работают весело, привычно, словно картошку таскают или макароны. Вон на берегу парень вывернул из штабеля тяжелый ящик, разбил ломиком, вытащил четырехпудовый мешок пороха, взвалил на плечи, принес на понтон и бросил рядом с нами. Да, бросил, как мешок с крупой. Утер лоб, зачерпнул из ведерка воды, напился и остатки плеснул на пороховую гусеницу.

Мы все замечаем с непривычки. Все вроде бы опасное, необычное. А для рабочих это самое обыденное дело. Воду, например, парень плеснул на порох. Для нас странно: вода и порох. Но оказывается, что этот порох взрывается лучше, когда он мокрый. Потому и забивают его в марлевые мешки, чтоб он как следует промок под водой: сила у него будет больше. И ребята здешние кажутся смельчаками, а для них все это просто работа. Просто работа, от которой устаешь и за которую получаешь зарплату.

Николай Нилыч как-то сказал о романтике. «Романтика,— говорит,— это невежество. Романтичным выглядит то, что мы плохо знаем. Для людей, которые работают хоть на Северном полюсе, никакой романтики в этом нет. Для таежного жителя,

который приезжает в большой город, городская жизнь сплошь романтика, потому что ничего он не знает. У него в лифте поджилки трясутся, а па улице кружится голова. И потом дома он каждому встречному целый год рассказывает: «Ну, чудеса: кнопку нажал — очутился на десятом этаже!»

Николай Нилыч не любит невежество и романтические «ахи» и «охи». Наверно, поэтому у него такие «загребущие» глаза. Он узнает все обо всем, что видит, куда забросит его жажда новых мест и людей. Это его работа — видеть, видеть то, чего другие никогда не увидят, а если и увидят, то его глазами, через зрачок его аппарата.

Работа Нилыча тяжела. Я-то знаю, что тяжела. Потяжелее моей. Мне что — подвез его на лодке, заглушил мотор, взвалил на плечи мешок, притащил хоть сюда и отдыхай, прикорнув в уголке. А он будет крутиться, смотреть, расспрашивать, записывать, снимать до истощения, до бешенства. Помню, раз на скалах в жару что-то не получилось у него, так он размахнулся и чуть не кинул аппарат в реку. И бросил бы — я рядом был, за руку удержал. Он едва не избил меня за это. Но тут же остудил себя, извинился. Лег в тени и минут двадцать лежал, закрыв глаза...

На понтоне уже кончили набивать заряд. Ребята притащили две сосновые слегы, положили поперек мешков и кусками расплетенного каната привязывали к марлевым гусеницам. Так надо, чтоб не разбросало течением.

Бригадир, похожий на мяч, принес пять связок запальников — красных патронов, перетянутых бечевкой. Он запихнул в мешок с порохом запал и вывел наружу проволочку к взрывному механизму.

Буксир с понтоном, накрепко подчеленным к носу, отвалил от склада и пошел по течению.

Вот и шивера, где ведут взрывные работы. Вдали избушка бакенщика смотрит пустыми окнами. Старик выставил их, чтоб не выбило воздушной волной. Почти у самого борта черные опаленные скалы. Двигатель уравнивает ход «Падуна» со стремниной. Буксир стоит без якоря и причала. Только за бортом со свистом летит вода.

По шивере скачет вешка. Бригадир на краю понтона с багром. Он следит за вешкой и рукой дает сигнал капитану, как точнее подвести заряд к месту взрыва. Он хочет захватить вешку багром, а она выскользывает, крутится, словно рыба. Наконец поддел, вытянул и потащил скользкий трос, укрепленный одним концом за вешку, другим — на дне за якорь. Трос быстро прикрепили к заряду. Бригадир махнул капитану:

— Пошел помалу!

Марлевые гусеницы на понтоне дрогнули, тихонько поползли к воде, коснулись носами волны, подождали мгновение и тяжело

сползли в буруны. Закрутилась на палубе катушка, заструился в воду золотистый провод, соединенный со взрывной машинкой.

Рабочие молча сидят на ящике. Три тонны пороха отдаляются от нас. Река проглотила гусениц, и не заметишь, где они. Против избушки бакенщика включили сирену. Ее вой быстро гаснет в низких облаках, в тумане и волокнах дождя. Никого на реке. За порогом голубеет полоса неба. Иногда она тускнеет под росчерком дождя, но все время живет вдали.

Опять завывала сирена. Бригадир перешел к взрывной машинке, проверил контакты, пристроился поудобнее и начал быстро крутить ручку, всматриваясь в глазок индикатора.

Потом незаметным движением нажал кнопку. Раздался короткий сильный удар. Над рекой вырос черный кактус. Он все тянется и тянется вверх. Он так велик, что скалы кажутся грудой камней у его корня, а река сжалась и буксир затерялся на ней маленьким зернышком.

Кактус вырос и застыл. Глаз не мог охватить его. Мы закинули головы, чтоб увидеть вершину. Разве может человек сделать такое одним движением пальца? Вот ведь люди! В горбатых жилетах, крохотные, как маковые крупинки на квадратике понтона. Они беспомощно сидят и смотрят. Просто смотрят вверх.

Кактус быстро отжил свое. Он стал разваливаться на бесформенные глыбы и опадать в реку рваными полотнищами черной воды, песка и камня. Сразу подул ветер. Он принес речные капли и запах пороха, как после выстрела из охотничьего ружья. Взрыв углубил порожистое русло Ангары на несколько сантиметров.

Ветер кончился так же, как и начался. Резко запахло рекой, водорослями и рыбой. За бортом хлещет тушь, смешанная со щепками, клочьями травы и обрывками пены.

Я вбираю воздух, точно пью из кружки странный густой отвар. Каждый глоток заставляет вспомнить о сетях, развешанных на берегу, о звоне сосновых поплавков, которыми играет ветер, о щуках, глядящих ледяными глазами, об осетрах, царственно парящих в прозрачной воде, о суете рыбной мелочи в теплых заводях, о медленных улитках на сочных стеблях, расчесанных течением. И еще я вспоминаю стадо коров, стоящих по горло в реке. Они, как утки, ныряют, вытягивают из глубины длинные водоросли и, закинув головы, жуют их... Все это мелькает в памяти быстрее воды, проносящейся за бортом.

«Падун» возвращается к складу. Бригадир крутит катушку, сматывая оставшийся провод. Рабочие толкуются около. Говорят кто про что. Кто про удочки, кто про детей, кто про новые дома в поселке у Брянской шиверы и про печи, для которых привезли кирпич.

Для второго взрыва приготовили заряд поменьше — тонны в полторы. Дергачев ткнул сапогом в марлевый мешок, ругнул бригадира — слабо набили, — и снова буксир потянул его сквозь зябкие волокна измороси к избушке бакенщика.

Я зашел в каюту, где Николай Нилыч перезаряжал аппараты. Наверху завывала сирена. В иллюминаторе мелькнул встречный катер.

— Черт несет под самый взрыв... — проворчал Николай Нилыч.

Я сказал, что катер проскочит. С хорошей скоростью ничего не стоит миновать порог, пока мы тащимся.

В узкую дверь протиснулся Дергачев со своим жилетом. Появился, наблюдая за руками Николая Нилыча, и попросил сфотографировать его. Стеснительно попросил, будто заранее знал, что откажут. Матери хочет карточку послать. У него мать в Новосибирске, а жена с дочкой здесь, в поселке у Брянской шиверы.

Показался он сейчас каким-то мальчишистым, неуклюжим этот Дергачев. И на щеках у него вовсе не борода. Просто он не брит. Замотался, наверно, а может, и ленится.

Николай Нилыч сказал, что никого не снимает, потому что карточки посылать — большая морока, но его сфотографирует, пусть только напишет адрес.

Дергачев присел на койку и долго выводил карандашом буквы. Очень, говорит, почерк плохой, поэтому, чтоб понятно было, пишет чертежным шрифтом. А на буксире сниматься он не хочет: больно страшный вид в спасательном жилете и не брит. Сейчас сделаем взрыв, пойдём к баржам у порога, там он побреется и тогда уж...

Дергачев на полуслове замолк, прислушался. И вдруг резко повернулся, саданул створку двери, вылетел из каюты и загремел сапогами по трапу.

— Что такое? — поднял брови Николай Нилыч.

Мы выскочили на палубу вслед за Дергачевым. Его не было видно за рубкой. Только слышался голос, надсадный высокий голос:

— Отойти от борта, так твою!..

О, что это? Я никак не могу понять сначала. Люди сбились на носу, Дергачев отшвыривает их, а над понтоном вьется гудящее оранжевое облако.

— Отпусти трос! Трос отпусти! — орет Дергачев. Он уже перепрыгнул на понтон и стоит у кнехта.

Бригадир нагнулся к вороту и судорожно возится с тросом.

Наконец понтон отделился от буксира и поплыл по течению. Дергачев забрался на настил, и казалось, будто он вошел в жаркое облако, трепетавшее там. Лишь теперь я понял, что это пламя. Горел порох...

Матрос и два взрывника стояли, прислонившись к рубке. Николай Нилыч что-то кричал капитану. Я не мог попятть слов, хотя был рядом.

Понтон быстро удалялся. Его крутило течением. Он повернулся боком. Там петушиным гребнем цвело пламя и виднелась согнутая фигурка Дергачева.

— Только бы успел... только бы успел... только бы успел... — твердил кто-то.

Дергачев бросил что-то в воду и опять нагнулся к заряду. Наверное, запальники вынимает.

Последнее, что я видел, — он прыгнул с понтона и поплыл саженками по течению. Николай Нилыч рванул меня за плечи и толкнул в каюту. За мной туда влетели взрывники и матрос. Николай Нилыч вошел последним. Губы его дрожали. Он хотел что-то сказать, но слова путались. Его трясло.

За бортом лопнул взрыв. Буксир качнуло, потом что-то тяжело грохнулось и со скрежетом проехало по палубе.

— Д... д... дурья башка! — выговорил наконец Николай Нилыч, обращаясь к матросу. — Р... разве м... м... можно перед взрывом бросаться в реку! Тебя ж водой раздавило бы п... п... подлеца! Сразу и не заметил бы ничего, а потом верная смерть...

Мы вышли наверх. Понтона не было. Вдали, словно бакен, маячил жилет Дергачева. Жив, нет ли?

— Живой, — сказал капитан.

Николай Нилыч покачал головой и промолчал.

На палубе вдоль борта лежала балка с клочьями листового железа — все, что осталось от понтона.

Дергачев выбрался, на берег за избушкой бакенщика. Там мы его и подобрали. Его не контузило и ничем не задело.

Оказалось, он не смог опустить заряд под воду и запальники вытащить успел лишь из одного мешка. Когда огонь подошел к патронам, порох взорвался.

А почему пожар начался? Черт его знает почему. Порох — капризная штука, своенравная и не всегда понятная. Может, от проскочившего мимо катера залетела искра, может, еще что... Говорят, случается, ступишь неосторожно — загорится.

Потом «Падун» поднялся к порогу, туда, где у скал приткнулись к берегу две связанные баржи. На них блок, чтобы поднимать затонувшие заряды, в надстройках жильё взрывников.

Дергачев оставил нас пообедать и ушел в каюту.

На деревянном кнехте сидел Митя. Отсыревший капюшон плаща торчал па голове. Митя отрешенно курил сигарету. Всем видом он хотел показать, что давно кончил работу и ему надоело ждать.

Митя слышал второй взрыв, но ничего не знал о случившемся. Я рассказал. Он усмехнулся и пожал плечами,

— Вам повезло. Прорабу не завидую, — поднялся, бросил окурок за борт и добавил, зевая: — Мы, кажется, приглашены обедать...

Один из рабочих провел нас в небольшую каюту, почти целиком занятую столом. Чтобы сесть за него, нужно было, согнув колени, вприсядку пробираться между краем и лавкой.

Дергачев явился выбритый, в яркой новой ковбойке. Он принес миску с икрой осетра и достал из кармана бутылку спирта. За ним вошли капитан буксира, механик, матрос и взрывники с понтона.

Дежурный притащил большую кастрюлю лапши и запотевший графин с водой.

Дергачев разлил спирт.

— За то, что живы остались.

После обеда он напомнил Николаю Нилычу о своей просьбе, и мы вышли на палубу.

— Вот здесь меня снимите, у «Падуна», — сказал Дергачев.

Сырая кисея дождя занавесила противоположный берег. Ее то выдувает парусом до середины реки, то отбрасывает назад. Он поднимается ввысь, к вершинам скал, к облакам, повисшим над Мурой. Едва слышный шум порога лишь оттеняет тишину.

В этом спокойствии перестаешь верить в недавнее несчастье. Лишь необычно праздничный, гладко выбритый Дергачев напоминает о нем.

Николай Нилыч кончает снимать. Дергачев попрощался с нами и пошел к каюте...

Х

Подкаменная — деревенька пониже устья реки Тасеевой. Даже не деревенька. Так, четыре жилых дома. С воды берег кажется грудой камней. Потому, видно, и назвали Подкаменная.

Приветливо здесь. Бывают приветливые места, где на душе сразу становится веселее. Берег-то суровый. По камням бьет волна. Ветер низовой. Мы промокли. Всю дорогу вычерпывали из лодки воду: захлестывало. А пристали к Подкаменной — и ничего. Даже не вспоминается тяжелый переход. Только дыхание мне перехватывает и руки не слушаются. Никак не могу веревку захлестнуть за камень, соскальзывает, да и только.

Митя с Николаем Нилычем уже ушли, а я все кручусь у лодки. Никогда не думал, что буду так волноваться. Раньше причаливал к этому берегу со спокойным ожиданием и даже с самодовольством. Первый раз обуяла меня здесь такая радость, первый раз охватило такое нетерпение увидеть Веру. Я вижу ее лицо, всю ее, мне нужна она такая, как есть. Я соскучился по ней, истосковался.

Наконец привязал лодку и почти бегом наверх!

Тропка в камнях. Посмотришь — ноги можно поломать, а пойдешь — легко. Кто здесь первым прошел? Так подобраны для шагов места — сапоги сами на них бухаются. Можно не смотреть под ноги, и не споткнешься. И я не смотрю... Радостная, тревожная сила возносит меня на берег. Вон изба, в которой живет Вера. Мелькни она — бросился бы бегом.

Знаю, сначала нужно к нам: там собрался весь отряд. Подхожу к дому. В окне Николай Нилыч разговаривает с кем-то, не видно, с кем: пыльные стекла. Я хочу войти в дом, но у крыльца Сережка, сын Веры. У него на голове огромный накомарник — до пояса. Не видно ни лица, ни плеч, одни ножки торчат из-под шляпы.

— Здорово, Серьга! — говорю я и заглядываю под сетку. Глаза Веры, ее лоб... И все-таки мне не верится, что она рядом.

Сережка застеснялся, отвернулся. Он узнал меня. Достая из мешка две длинные конфеты в целлофане. Он высовывает из-под накомарника грязную в цыпках руку, берет конфеты и начинает разворачивать. Мошка облаком вьется над ним. За сеткой он, как в палатке под пологом. Такой маленький таежный человечек.

— Мамка дома? — с трудом спрашиваю я. Голос кажется мне чужим. Серега кивает головой.

Вхожу в тамбур нашего дома, хочу открыть дверь, но не могу. Не могу больше ждать. Не могу быть рядом и не видеть. Бросаю мешок в угол, выскакиваю на улицу, иду к Вериной избе. Николай Нилыч показывает мне из окна кулак. Он все знает. Он осуждает меня. Но сейчас я не думаю ни о чем.

Вера сидит у стола и шьет. Мгновение она не поднимает головы. Я вижу ее спокойный профиль, гладко причесанные волосы.

Второй, трехлетний, сын ее, Андрей, спит на парах. Белое личико на малиновой подушке...

Не могу переступить порог. Вот ведь как, не могу, и все. Раньше смело подходил, а сейчас точно одеревенел. Так вроде бы просто шагнуть, поздороваться... Но понимаю: нельзя уже по-прежнему, что-то новое и цветет и мечется в сердце.

Вера повернулась ко мне и от неожиданности уронила руки на колени.

— Федя... приехал...

Она встала, подалась ко мне... И остановилась, отвернувшись к окну. И, не глядя на меня, звонко, заученно как-то сказала:

— Уходи. Хватит... баловства...

А сама чуть не плачет. Держится за косяк окна, смотрит на улицу.

Так больно резануло меня это «баловство». Очень неправильное, плохое, лишнее слово. Она придумала его с досады, из

желания вернуть время, когда мы не знали друг друга. Но разве для нее это было лучшее время? Разве не обрадовалась она только что, когда увидела меня?

Я подошел, Вера отстранила меня, села на пол, спрятала лицо в колени.

— Уходи, уходи, уходи...

Никогда она не встречала меня так. Что-то случилось. Я тихонько вышел из избы.

Мятежно и горько на душе. Все порвалось и растрепалось. Я и раньше понимал, что ей трудно. В моих приездах для нее радости, может, немногим больше, чем горечи, и только из-за этой единственной светлой капли она не прогоняла меня. Я знал про эту каплю и сначала пользовался этим. Понимал, что делаю плохо, и Николай Нилыч с самого начала мне про это говорил...

Но теперь-то ведь все перевернулось, я приехал сам не свой. Такой радости и такой боли никогда еще не было у меня. А она прогнала...

Крутые, густо-синие тучи придавили Ангару, прижали наш дом к черным камням. Тишина, а мне кажется, будто ветер остро обдирает лицо и мурашки бегут по спине.

Ладно. Пойду. Тяжко и тревожно. И все видится: Вера сидит на полу, уткнувшись лицом в колени.

А там, в камнях, грибок на тонких ножках, таежный человечек Серьга. Он смотрит на реку, на черную воду, на зеленые острова. По-своему он все знает. Он ревнует мать ко мне, а иногда и ненавидит меня, хотя я ему никогда ничего плохого не сделал. Его маленькие поступки казались мне подтверждением Вериной любви. Было время, когда меня его ревность настораживала больше, чем неожиданная нежность Веры.

Я медленно побрел к берегу. Встал рядом с Сережей, заглянул за сетку. Верины глаза пристально посмотрели на меня, и мальчишка отвернулся. Это была еще капелька горечи.

Я пошел к себе. Рюкзака в тамбуре не оказалось. Знаю: Николай Нилыч унес его в дом.

Из двери ударило сытным теплом. В большой комнате никого. За перегородкой стук ложек и голоса. Я отодвинул занавеску. Наши все здесь. И незнакомые есть. Хорошо. Николай Нилыч не сможет сразу начать свои нравоучения...

Подсел к столу. И вдруг повариха Зина тащит стакан и наливает до половины водкой. А на обгрызенном блюдечке нарезан лимон. Не маринованный, а живой, свежий лимон. Вот так штука! Небывалый обед. Видно, правда, что кончается сезон... И сжимается сердце. И безнадежно щемит, и больно «сосет» мысль о долгой разлуке.

Но пока-то Вера здесь, рядом. Я пойду к ней вечером. Да, обязательно пойду. Тогда все прояснится и разветится.

Мне сразу стало легче. Бывает ведь, что в самую серую и слякотную погоду ветер сдирает облака, засвечивает синее небо и ясную зорю. Так у меня мысль о близости Веры вдруг колыхнула все тепло и всю радость, которые дала мне эта женщина. Сделалось спокойно и звонко, точно в осеннем лесу. Я стал ждать вечера, насыщаясь теплом и обедом, присматриваясь к незнакомым, прислушиваясь к их домашним, добрым словам.

Николай Нилыч сидел у окна. Он копался в железном ящике с пленками и разными принадлежностями для съемки. Я спросил, не помочь ли ему. Он внимательно посмотрел на меня, словно врач на больного, и покачал головой.

Мне сделалось душно в тепле. Я вышел на крыльцо. Есть радость и наслаждение стоять вот так на ступеньках у двери и знать, что можешь вернуться в дом, когда захочешь. Только покажется, что резок ветер, хлопнешь дверью — и в тепле. А если дождь — тоже. И если ночь. И если заморозок...

И вдруг за спиной:

— Федя!

Это Николай Нилыч. Сейчас начнет... Я оборачиваюсь и вижу его голубые пронзительные глаза.

— Опять туда? — кивает он в сторону Вериного дома.

Я хочу ответить ему порезче, но чувствую, что злобы нет. Николай Нилыч смотрит мне в глаза, смотрит не мигая, будто хочет влезть в мою голову и разобраться, что там творится. Я не отвожу взгляда. Знаю: не влезть ему и не разобраться. Сам не могу ни в чем разобраться...

Вот он говорит: у Веры дети и муж. Верно, дети и муж. Он говорит, что ей мучительно быть в таком двойственном положении. Знаю, мучительно. Он говорит: мои чувства к ней начались случайно. Правильно, случайно. Все, что говорит Николай Нилыч, верно, правильно. И все неверно и неправильно, потому что я люблю Веру.

Жизнь не всегда идет по правильному пути. Это как в маршруте. По карте посмотришь — такая простая, верная дорога, а сойдешь на берег — нет никакой дороги. И плутаешь по тайге, ломаешь ноги... Если бы даже меня силком увезли отсюда, все равно вернулся бы, потому что иначе не могу прожить. Прогнала меня Вера, а я приду к ней. Приду. Мне запомнилось, как радостно она метнулась ко мне перед тем, как прогнать. Вся она в этом движении. О нем не расскажешь, а оно для меня и для нее яснее любых слов.

Понимаю: со стороны все это незаметно. Со стороны тому же Николаю Нилычу видно только то, что называют разными дурными именами. Много напридумано тут названий, но все они сейчас для меня как шелуха. Не пристают они к тому, что растет в душе, откакивают и падают сухими листьями.

— Не надо больше, Николай Нилыч! Не надо...

Я пошел к сопкам. Туда вела заросшая травой дорога, которую уже начала глотать тайга. Если уходят люди, приходит тайга. Она заметает все следы и все ровняет, как пожар. Съеденные тайгой дороги узнаешь только возле ручьев, где лежат пустые бревна мостов. Они, как люди, эти дороги. И рождаются трудно, и живут нелегко. Так же, как людей, их любят и забывают. И очень не просто по ним идти...

Нет грустнее картины, чем забытый людской труд. Я как увижу хоть зимовье или избу заброшенную, душе точно заноза. И людей вижу, какие там жили, вижу их руки, вижу пальцы с крепкими ногтями и мозоли на ладонях. Все это еще теплится в бревнах, в деревянном гвозде, вбитом в стену. А жилья уже нет...

Так я думал, шел, смотрел. Кедровки капризно орали вверх, мелькали их хвосты с белыми полосками,

А дома уже сдвинуты раскладушки: все режутся в карты. Митя как рыба в воде. Любит он карты до смерти.

— Федор! — кричит. — Садись в дурака! Раз сорок, не больше, чтоб голова не болела.

Николай Нилыч весь день перебирает свое хозяйство. Аккуратный человек. Все у него на месте, все завернуто, смазано, вычищено, все готово к делу.

Митя не такой: тяп да ляп. Вешей-то, правда, раз-два и обчелся, но и им живется не сладко. За лето измочалил две пары литых резиновых сапог. И ведь не носил, как будто больше босиком, а «уделал в утиль». Ноги у него крепкие, подошвы как из ремня. Однажды мы грузили в лодку две бочки, а в каждой по сто семьдесят кило бензина. Митя босиком в лодке, а мы с Костей-катеристом с берега подаем по вагам. Принимает Митя бочку и вдруг зубами заскрипел и начал ругаться. Посадил ее на место и поднял ногу. Видим: в ступне кусок стекла. Вытащил он осколок, кровь сильно пошла. А он сполоснул ногу в воде, потер о песок.

— Давай вторую закатывай, — говорит, точно ничего не случилось.

И мошка не брала его ноги. А сапоги горели. И молоток постоянно ломался. Один сразу раскололся пополам, а у другого ручка ломалась каждый день.

В карты я не любитель играть. Хоть и высмеивает меня за это Митя, а не люблю, и все, и не играю. И сейчас отказался. Пристроился на подоконнике, чищу «лягушку». Мы так зовем фильтр насоса, который откачивает из лодки воду. Забило его песком и автолом, совсем не тянет. Приходится банкой отчерпывать.

После нашего разговора Николай Нилыч на меня сердит. Не смотрит. Наверно, очень ему обидно, что я не принимаю его осуждений и делаю по-своему... Он словно не признает разницу

между людьми. Сам он никогда не сделал бы того, что я. Даже если бы все совпало так, как у меня. Он сумел бы удержаться от первого шага.

Есть в нем особенная, предельная, безжалостная какая-то чистота. Никогда я не встречал такого прозрачно-ясного человека. Удивительно даже, как мог он сохранить эту ясность в своей очень трудной жизни. Смолоду носит его по самым диким местам — от южных пустынь до северных необжитых мест, по безлюдным опасным рекам, по кручам и болотам, всю войну провелевал, к старости дело, а он в дороге да в пути... Кто знает, может, эта ясность и помогла ему все пройти? Может, родилась она в нелегкой жизни и пропитала его, как лекарство, предупреждающее болезни?

И он уверился, что только так и можно жить, и хочет, чтобы все, чтоб каждый был безжалостно требователен к себе.

Но я иногда смутно чувствую, что чистота его и ясность, выращенные на отречении от многого в жизни, пролегают где-то у границы бедности, скудости. А может, наоборот, это особое, недоступное мне богатство? Победа над своими влечениями не всякому дается. Возможно, в ней и есть сила?

Но всегда ли нужна эта победа? Если случайный и поначалу даже неверный шаг неожиданно ведет в глубины людских отношений, открывает тебе невиданное в человеке, привязывает к нему, то не породит ли отказ от этого шага досаду на жизнь, не скажется ли через годы чувством горечи?..

Не знаю. Не могу ответить на вопросы, которые наплывают и тревожат меня сегодня. Да и некогда на них отвечать.

Только занялся я с «лягушкой», в дом ввалилась компания в мокрых брезентовых плащах и сапогах. Вошли, встали у двери. С них мигом натекла лужа. Неуклюжие, словно бы их не трое, а пятеро. Всю комнату заняли.

— Принимайте гостей,— говорят и толкуются на месте. Видно, что от дома отвыкли, давно не были в жилье, тесно им и непривычно.

Это топографы. После нас они работали на Гороховой шивере у Ковы, а потом ниже. Теперь, когда они содрали с себя все мокрое и разулись, стало видно, что это совсем разные люди. В плащах же казались одинаковыми.

Первый — коротышка. Парню лет двадцать, а он совсем маленький, хоть и плотный, и лицо пухлое, телячье.

Второй — высокий и крепкий, с русой бородой, подстриженной кругом и обрезанной, как щетка. Из-под кепки буйно выбиваются волосы и лезут в глаза.

Третий тоже высокий, но сутулый и лысоватый. У него лицо, точно кирпичная маска, резко отделяется от белого лба и зальсин.

Когда Зина подогрела остатки обеда и ребята сели за стол, мы с Михаилом собрали их плащи, сапоги и штаны, потащили в баню сушить.

Вернулись домой, ребята уже пообедали. Кирилл зажигает лампу, Юля протирает закопченное стекло, Митя карты раскидывает.

Но игра не вязалась. Дмитрий Иваныч, тот, что лысоватый, на середине кона отложил карты, достал папироску и откинулся к стене. Точно обо всем сразу позабыл.

Митя заерепенился:

— Чего ты? Надо кончить. Не зря я трудился — колоду тасовал.

Дмитрий Иваныч словно не слышал.

Кирилл, как сезон-то прошел? — И, не дожидаясь ответа, затащил папироской.— У нас тяжело-о.

Русый Илья тоже опустил карты.

Розовый Пашка уставился на начальника, ротик кружочком раскрыл.

— Главное, с деньгами хреново, со снабжением...— продолжал Дмитрий Иванович.— К трудностям привыкли. Но ведь за все лето лишь пару авансов получили, да к концу маленько подбросили. Вот и работай... И бензин получали через пень-колоду. Бесхозяйственность в нашей изыскательской партии первосортная! Расскажи кому-нибудь — не поверят. Разве не анекдот: две бочки бензина привезли нам с Енисея за шестьсот километров на двадцатитонной самоходке! Я как увидел такое внимание, чуть не заплакал. Ведь здесь недалеко нефтесклад. Надо немножко подумать и завести для нашего дальнего участка один катер. Будет он возить бензин не дальше чем за сто километров. Думать, что ль, нечем... Две бочки за шестьсот верст тянут на самоходке!

Дмитрий Иваныч прикурил от лампы погасшую папироску.

И отношение... как к бедным родственникам. Вот обратно добираться. Стыдно ведь! Как нищие или воры. Да. Пришлось воровать, что ж поделаешь. У своих воровали. Сначала за Христа ради ехали. Где ведро бензина выпросим, где соларки банку. Измучились. Добрались до Кодинской заимки. «Ну,— думаем,— теперь горя мало: здесь свои». Сошли на берег, видим, склад наш. Емкость пустая, бочки тоже пустые. Покрутили, оказалось две полных. Идем к Филиппову. Так и так, мол, давай бензин. Работу кончили, возвращаемся на Енисей.

— Сам,— отвечает,— сию без бензина. Скоро должны подбросить. Обождите денька три.

Бот так расчет — денька три! Они и неделей обернутся. «Нет уж,— думаю,— дорогой, сам жди. Не днями тут пахнет. С чего бы среди пустых бочек прятать полные, если бензин к тебе уже плывет?»

И ведь не домой мы спешим, на Енисей. Нам еще на Осиновский створ добираться, там срочная работа.

Ладно. Легли спать, а утром еще затемно я ребят разбудил и потихоньку на берег. Открыли бочку, набрали канистру, бачки да ведро. С тем и приехали.

А у вас ведерка не найдется для нас? Поделитесь?..

Желто светит лампа. От нее лица кажутся латунными. У Дмитрия Иваныча лоб и залысины стали еще белее. Я смотрю на него и думаю о великом бескорыстии, о необъяснимой любви к трудной жизни таежного бродяги, о неиссякаемой беспечности этого умудренного человека. Он знает: без него ничего не начнешь на створах будущей плотины. И делает свое дело. Он живет впроголодь, он ругает дураков, которым тепло на базе, он спрашивает бензин у бакенщиков, но упорно делает свое дело.

Он будет за тридевять земель, когда здесь начнут строить плотину и станут сверяться с картой, на которую он нанес главные точки. Без них нельзя ни проект составлять, ни работать. Но ему не достанется ни крупницы славы. И это его нисколько не огорчает. Не нужна ему никакая слава. Скажи ему о ней — отмахнется и всерьез не примет.

Он будет где-нибудь на полярном Енисее или на Лене, где в июле еще снег на берегах и незаходящее солнце не может развеять низких облаков. Он развернет случайно оказавшуюся газету и увидит снимок великой плотины, о которой знает весь мир. И на этом снимке сосенка, приросшая к крутой скале, смутно видна на изжеванной бумаге. А ведь он первым стоял у этой сосны: там была крохотная площадка для теодолита.

Потом он вырвет фотографию и спрячет в полевую сумку, где лежит карта с точками для будущей стройки.

XI

Все-таки наступил этот час. В ранней осенней тьме неровно просвечивает окошко. Вера топит печь, не зажигая света. Она любит так сидеть в полутьме, в красных бликах пламени.

Я тихо постучал в стекло и вошел в сени. Она уже стояла у раскрытой двери. Она прижалась ко мне.

Смутная тревога, которой я не верил, но которая жила в душе после утренней встречи, сразу растаяла в тепле ее рук, в дыхании ее, в волосах, освещенных желтыми отсветами. Вся она была здесь. Ни одной мыслью, ни одной частичкой не отделялась от меня. Она пристала ко мне словно комок теплого душистого воска. Я мог делать с ней, что хотел. Не мог же хотеть лишь оторвать от себя.

Так мы стояли у порога. В полутьме я видел ее почти закрытые глаза, лицо, неверно очерченное робкими отсветами, ухо

в раскаленной паутине волос. Я гладил ее плечи и спину, ловил каждую каплю ее тепла, каждую струйку дыхания. Я пропитывался ею и не мог насытиться, не мог нарадоваться, не мог наглядеться.

Вера оторвалась от меня.

— Иди в дом. Не стой на холоде.

Удивительно уживаются в ней самозабвение и трезвость. Я простоял бы в дверях час и больше и не подумал бы никуда идти, если б она не позвала.

Печурка из железной бочки румянилась красными пятнами. Ребята спали за перегородкой на нарах, укрывшись потрепанным зеленым одеялом. Серьга дышал в затылок Андрею.

— Давай ужинать,— сказала Вера.

И все мне не верилось, что она рядом. Я очень мешал ей. Я держал ее руки в своих, когда она ставила сковороду, я прижимался щекой к ее уху, когда она долбила кашу ложкой, я шел за ней шаг в шаг к полке за солью, в сени за пучком черемши. Я не мог оторваться от нее ни на минуту. И она не отстраняла меня, только тихо смеялась и иногда, отвернувшись от печки, дотрагивалась губами до моих губ.

Мы были одни. Мы были очень нужны друг другу. Мы ничего не помнили и не вспоминали сейчас. Мы радовались. Да, радовались близости.

Почему так недоверчивы люди к этой близости? Чем она мешает тому же Николаю Нилычу? Почему мы должны ее остерегаться? Что-то есть в такой настороженности от надуманных сухих церковных догм, от костяного перста, указующего, что можно и что нельзя. Почему нас нужно учить, как вести себя? Мы сами знаем цену горю и радости. Почему же радость нужно гнать, если она пришла не вовремя? Да и почему не вовремя? Разве для нее есть расписание?

Я люблю смотреть, как Вера собирает на стол. И нечего ведь собирать. Но как-то очень аккуратно, заботливо режет она черемшу на дощечке, ставит сковороду, наклонившись к свету, осматривает ложки и споласкивает в миске с водой.

Она ко всему внимательна и очень внимательна ко мне. Из-за меня затеяла всю эту возню с ужином. Я совсем не голоден, но не стал ее отговаривать, чтобы только посмотреть, как она готовит. Она заставляет меня есть, а я не могу. Чтоб успокоить ее, жую стебелек черемши. Вера очень проголодалась. Я вижу. Ей достается с ребятами. Целый день с утра до ночи, недели и месяцы в этой избушке. Только и развлечения — по ягоды и по грибы да иногда, как праздник, на лодке в соседний поселок, в магазин. Поставлю себя на ее место — страшно и тоскливо. Потому, наверно, и прильнула она ко мне...

Упрекают ее, что она изменила мужу. А разве можно это назвать таким словом? От него больше чем по полгода нет ни-

каких вестей. И так пятый год... Из скудных Вериных рассказов о нем знаю, что дома он лишь зимой, и то не всегда. С годами, с долгими разлуками перемешались, перетасовались чувства, ускользнуло что-то, что связывает. А он спокоен. Ему-то не так одиноко. Мужчинам, конечно, не так одиноко. Вера то ли чувствовала, то ли знала, что он там не один. А ей больно и тоскливо. И все-таки она любит его. Да, любит. Я знаю, что любит. Или мне так кажется?..

Бывает, посмотришь — совсем она молодая, а то вдруг резче станут морщинки у глаз и губ, слабее движения, заметнее светлая полоска в волосах. Так скудно одарила ее радостью жизнь, так щедро наградила печалью и одиночеством.

— Почему нас так притягивает? — шепчет Вера. — Никто мне больше не нужен, только ты.

Разве может кто-нибудь ответить на этот вопрос? Я слышу, как бьется ее сердце, вбираю тепло ее, дыхание и слова. Я не задумываюсь, почему так. Я даже не знаю, как это все назвать. Слово «любовь» кажется маленьким и затертым. Его так измыгали, засюсюкали и запели, что сейчас, здесь, оно не у места. Не могу я назвать любовью эти минуты. Это жизнь. Просто жизнь. Да, жизнь, и только, потому что иначе мы не можем.

Вера осторожно высвободила руку из моих рук и отодвинулась.

— Павел вчера прислал перевод. И я прогнала тебя утром.

Она прижала к груди мою голову... гладила мое плечо... успокаивала меня, как ребенка. При мне она редко вспоминала мужа. Но я помню каждое ее слово о нем — так мне было тяжело в эти минуты. Чувство двойственности, двусмысленности, вины перед незнакомым человеком берedit сердце. Я понимаю, что Вера не моя, и это горько.

— Почему мы так поздно встретились? — говорит она, и в голосе ее нет вопроса, только сожаление.

— Где он?

— Не знаю. Не написал.

Смутно и глубоко, так, что не разобрать, не понять еще, теснится в груди у меня даже не мысль, а чувство, смутная догадка, что нам надо остаться вместе надолго. Я ничего не говорю Вере, но все чаще прислушиваюсь к невнятному голосу, рожденному тоской по этой женщине. Ее наивные и ясные намеки я слышал не раз. Когда-то они настораживали, но теперь я знал, что ничего, кроме откровенного желания быть со мной, за ними не скрывалось. И все же до сих пор я лишь ошупью подходил к тому, чего Вера желала ясно и открыто.

Она поднялась на локтях и смотрела на меня. Долго смотрела. Она вся сгустилась в этом взгляде, вся вобралась в него. Неверная тьма скрывала ее глаза, но взгляд я чувствовал.

Спокойная радость и тревожное тепло входили в меня. Я боялся спугнуть этот взгляд, не решался пошевелиться, опасался вздохнуть. В печке вспыхнули головни, и на мгновение дрожащий свет прикоснулся к ее лицу.

Как тягостно и тревожно прощание! А прощаемся мы второй раз. Первое было ранним утром в серой мгле холодных сеней. От него и сейчас щемит в груди. И помнится лишь ее лицо, туманно-бледное, с неясной тенью под бровями, неотрывно смотрящие на меня глаза, губы, чуть приоткрытые от волнения, смятые волосы, упавшие на плечо. А я ухожу... Вера прижалась лицом к моей груди, прижалась ухом к сердцу и слушала его стук. Все слушала, слушала... И потом поцеловала рубаху у сердца. Да, поцеловала меня в сердце. И теперь я не помню ни одного ее поцелуя, кроме этого — в сердце.

И вот второе прощание. Мы далеко друг от друга. Я опускаю мотор в воду и оглядываюсь на берег. Там, на камнях, в небе с прорезями осенней синевы, стоит Вера. И Сержа стоит в своем накомарнике, и Андрей прижался к ноге матери. Стоят и еще люди, но я никого больше не вижу. Только вижу, как смотрит она на меня и ветер относит прядь волос.

Мы должны отвалить первыми. Я рванул за шнур. Мотор задрожал, и булькнула под винтом вода. И только на мгновение смог я обернуться к берегу. Вера все стояла, прижав руку к груди. И сыновья стояли около нее, а за ее спиной вверх по Ангаре тащило облака.

Она пришла меня проводить. Все знали, что она провожает меня. Все осуждали ее и говорили о ней плохо, а она пришла.

Не знаю, что будет. Знаю только, что эта ее смелость, так же как поцелуй в сердце, останется со мной.

XII

В Красноярске начальство наказало мне пробыть не больше дня. По пустяковому делу ездил — взять какой-то пакет и привезти на базу. Но пакет еще не был готов. Я знал, что вовремя его в экспедиции не подготовят, поэтому и вызвался ехать в город. Хотелось немного побродить там перед последним тяжелым маршрутом.

Ночевали в гостинице на дебаркадере. Это рядом с речным вокзалом. Всю ночь покачивало и скрипели мостки. Утром геологи и Николай Нилыч уезжали в Москву. Они как-то сразу отделились от меня. Еще вечером были все вместе, а сегодня у них свои разговоры. Конечно, зачем я теперь им нужен? Немножко обидно, немножко грустно и немного тревожно почему-то.

Подозвал меня Николай Нилыч. Вспомнил ведь! А я уж собрался ускользнуть незаметно. Времени и слов он тратить не

любит. Только вскинул на меня голубые выгоревшие глаза и сжал руку повыше локтя. Потом достал из полевой сумки почтовый конверт.

— Возьми на память. Это негативы. Отдашь в фотографию, напечатают карточки.

Трогательный старик. Хоть и жучил меня, а всегда таил строгую доброту и внимательность.

Взял я конверт, и тут он совсем меня доконал: потихоньку, чтоб никто не слышал, добавил:

— Там есть снимок Веры...

И разом завихрились, захватили, захлестнули воспоминания. И руки так неловко удерживают конверт. И не знаю я, куда его спрятать и что сказать Николаю Нилычу.

Он не мигая смотрит мне в глаза. Обветренное лицо с белыми бровями показалось даже мечтательным. Что-то мягкое и незнакомое мелькнуло по нему.

— Видно, не переделаешь тебя,— тихо сказал Николай Нилыч.— Живи как знаешь. Кажется, у вас и вправду что-то серьезное...

Все уже собрались. Он пожал мне руку, схватил рюкзак и пошел.

Вот и остался от нашего отряда я один. Я присел на койку. Черные кусочки пленки рассыпались по подушке. Я сразу угадал, где Вера. Сразу, без ошибки.

Эх, помню я тот день. Летом еще, в июне... Мы работали на Тасеевском створе, а к вечеру пришли в Подкаменную. На неделю было дел в округе — по берегам и мелким притокам Ангары. Расположились в нашем доме. Втроем. Насчет завтрака и ужина решили договориться с местными. И пошли к соседней избушке: там у двери стояла молодая женщина с мальчишкой в накомарнике до колен.

— Что за таежник, прелесть! — схватился Николай Нилыч за аппарат. И сделал тогда этот снимок.

Вера смутилась от неожиданности. Была она в зеленой энцефалитке с откинутым капюшоном, и мы приняли ее за геологиню. И она еще больше смутилась. Да, тогда был ветер и волосы ее сбило на сторону. Такие упругие, густые русые волосы. И в них тонкая строчка седины. Она поправляла их ладонью. Так и осталась па фотографии.

Она сразу согласилась готовить для нас с радостью, с нескрываемой горячностью истосковавшегося по людям человека.

Первый раз я тогда ее увидел. Первый раз.

Как это все умещается в таком маленьком кусочке пленки? Я быстро собрал негативы и пошел в фотографию. Боялся, не возьмут. Но взяли сразу. Хороший попался парень, не отказал. Вот подарок так подарок сделал мне Николай Нилыч. Никогда такого не ждал. Вышел из фотографии, встал у входа и не знаю,

что делать. Не скоро вспомнил, что хотел сегодня навестить давнего друга Василия, съездить к нему в Дивногорск.

День разгорался ясный и тихий. Через Енисей я перебрался по понтонному мосту. Под настилом шипела зеленая вода. Синеватый туман заливал правый берег. Арка нового моста плавилась в далекой дымке. Почти сплошняком тянулись машины. Гремели и выгибались под ногами доски. Я заглядывал в кабины грузовиков, думал, случайно встречу Василия — может, он зачем ездил в Красноярск.

По тропке, пробитой в песчаной насыпи, поднялся на новый мост. Отсюда город видится как сквозь фиолетовую воду.

В автобусе стекла точно подкрашены синькой — такие в них видны дали. Плавно качаются отроги Саян. Они одеты в старую медвежью шкуру, пропоротую ребрами скал. Деревья, опаленные осенью, отсюда как пятна. Словно проступили сквозь склоны гор все богатства земли: позеленевшие пластины меди, слитки золота, ржавые куски железа и пепельные наплывы свинца. А внизу Енисей отсвечивает бледным малахитом.

На шоссе еще кучи щебня и песка. Машины, огромные, как древние ящеры, скребут землю и камень.

В Дивногорске от остановки вверх по склону, поросшему березой и осинкой, жметя деревянная лестница. Она вроде улочки между нижним и верхним городом. Эта лестница точно где-нибудь в парке. К сырým ступенькам прилипли желтые листья. За перилами низкорослая тайга. А по лестнице идут совсем городские люди.

Прохожие растолковали, как добраться по моему адресу. Это повыше улицы, которую только начали строить. У Василия на втором этаже отдельная квартирка. Открыла жена. Белая-пребелая: лицо белое, руки белые, волосы и ресницы тоже белые. Она тягуче говорила мне:

— Сойдешь на шоссе, проголосуешь и доедешь до моста. Он как раз напротив котлована. Постоишь у экскаватора и дождешься Василия.

Хотел я идти, но она не отпустила.

— Куда ж ты? Ребятишек-то наших не поглядел! Василий тебя сразу спросит: «Ребятишек-то видел?»

У них двойняшки. Я и не знал. Лежат в широкой коляске. Спят. Белые, розовые, курносые и пахнут молоком. А над ними окно и сине-золотые горы за Енисеем.

...Шоссе, чем ближе к стройке, тем гуще покрыто жидкой глиной. Справа, у причала, носатые краны, слева сплошное месиво развороченной земли, из которой поднимаются кирпичные стены и каркасы зданий.

У моста дощатый щит: «Осторожно: свежий бетон!» Отсюда уже виден котлован. Он выходит до середины Енисея и курится пылью, как огромный котел. Дороги тоже дымятся. Зеленая

И вода плоскими волокнами слоится внизу и пестрит рябью. Из водоворота торчит верхняя надстройка и труба затонувшего буксира.

На том берегу дорога приклеилась к отвесным скалам. Далеко идти. Когда своими ногами померишь, поймешь, что за громадина эта стройка.

Под сапогами гравий. Все ниже зеленый Енисей. Небо задернуто чуть заметной белесой пеленой. Здесь, в долине, ветра нет и солнце припекает по-осеннему приветливо. Вот и карьер. В конце его экскаватор ворошит кучу камней и бросает обломки в кузов грузовика. В очереди несколько машин. Шоферы курят у края обрыва и смотрят на котлован. Василия среди них нет.

Котлован, врезанный в реку рыжей рамой перемычек, шевелится и дышит. Там, среди взрытой земли, камней и пятен воды, различается только несколько серых бетонных прямоугольников. Машины и люди кажутся отсюда совсем маленькими, и не верится, что это они перегородили до середины Енисей и могут поднять против него плотину.

Василий сначала не узнал меня. Подошел, прикурив у одного из шоферов. Он мало изменился за эти годы. Такой же курносый, веснушчатый. Только стал еще плотнее и неуклюжее и свою мятую кепку заменил беретом. Он встал рядом со мной, не обращая внимания на давнего друга. Меня кольнула обида, но я вовремя вспомнил про бороду. Черт тебя в ней узнает!

— Васятка,— тихо позвал я. Теперь никто уж его так не звал.

Он недоверчиво оглянулся. Его обшелушившиеся губы, выгоревшие брови и серые глаза — все слилось в улыбку.

— Федька...— выдохнул он, и голос его сорвался. Мы обнялись. Удивленные шоферы забыли про свои папироски, окружили нас, заулыбались, засмеялись.

— Ну как, ребятишек моих видел? — спросил Василий.— Понравились?

И вот мы сидим в просторной кабине. Василий разговаривает со мной и словно между делом управляет с КРАЗом. Подогнал под ковш, откинулся к спинке, положил мне руку на плечо. Экскаватор заревел, как самолет, отрывающийся от земли. В кузов грохнулся ковш камня. Машина присела, задрожала. Заныли пружины сиденья, и нас прижало к спинке. Во взгляде Василия, в повороте головы, вылепленной из тусклого света, которым сочится окошечко кузова, чуеться что-то незнакомое. Да, совсем я одичал в тайге, совсем не думал о том, зачем лазим мы по реке и лесам, что ищем и для чего...

Когда отъезжаем, Василий показывает мне березку, зацепившуюся корнями за край обрыва. Плотина пройдет верхним гребнем как раз по ее вершине. Сто шесть метров в небо!

Василий щурится, я вижу морщины у него на лбу и думаю о времени. Оно идет, отмеряя годы этими вот глыбами гранита, ростом детей и плотин. Заведены огромные часы, мы сами двигаем их колеса, которые скрипят и с трудом поддаются усилиям, поэтому иногда некогда посмотреть на стрелки.

И Василий о том же говорит по-своему:

— Пришла же кому-то в башку мысль перегородить Енисей... Мне б никогда не пришла. Уж если сам ничего придумать не могу, хоть рядом потереться с людьми, которые такое строят.

Не отрываясь от дороги, Василий мельком скопил на меня глаза.

— Чего бороду-то отпустил? От мошки, что ль?

— Так...

— Да, борода, черт ее драл... Тоже в ней есть какая-то загогулина! Вот посмотрел я на тебя и не узнал, а подумал: «Таежник затесался, геолог». У вас такая мода, наверно, чтоб с бородой? Ну и хорошо, чудите, ребята! Без этого разве можно! — И выплюнул в окно окурочок.

Настал обеденный перерыв. Пошли в столовую. Местечко мы выбрали у окна. Рисуются за ним горы и зелено-синий шиф Енисея. А еда обычная столовская. Василий набрал самого дорогого, но ведь эти изделия ценой мерить нельзя, они вроде рыбных консервов: надписи разные, а вкус один. Да и не в них дело. Мне, например, очень понравилось, как Василий назвал меню. «Кормовая ведомость», — говорит.

Едва принялись за борщ, Василий увидел знакомого, окликнул и, пока тот пробирался к нам со своим подносом, сказал:

— Это бродяга, вроде тебя. С весны мается, ужасу натерпелся, чуть не погиб. Сейчас у нас работает перфораторщиком.

Парень поставил поднос на столик. Был он очень серьезен и неразговорчив. Брезентовая пыльная куртка и штаны сидели на нем нескладно, но это, видно, нисколько его не тревожило. Ел он вяло, поглядывая в окно, то ли наблюдая что-то, то ли раздумывая.

— Да не думай ты, Павлуха, брось. Прошлое не переделаешь, — склонился к нему Василий.

— Наверно, — покорно согласился парень.

Кончив суп и немного помедлив, он спросил меня:

— Из какой партии-то? Не бокситчик случайно?

Я сказал, что был у бокситчиков недавно. Услышав название базы, парень посмотрел на меня, словно лишь сейчас заметил.

— Так ты Сахарова знаешь? И про Корецкого слышал?

Павел вздохнул, будто собирался нырять.

— Не вспоминай, Павлуша, не надо. Я сам Феде расскажу, — тихо попросил Василий.

— Он же у наших был...

Павел отодвинул тарелку и склонился ко мне.

...Вышли на дюральке втроем. Налегке. Корецкий хотел посмотреть одно обнажение. Веселый, как всегда. И день ясный. Только недавно мы приехали на Нижнюю Тунгуску, в первый маршрут выходим. Он с киноаппаратом. Снимает, как мы бачки заливаем, как отплыли. А места красивые. Он любитель был такой красоты...

Вот говорят о предчувствии. Никакого не было у нас предчувствия. Весело начали день. Считали его за легкий, вроде прогулки. Мотор обкатывали.

И вот показалась впереди стремнина. И скала. Называется Смерть. Около нее вода скручивается в две воронки, а каждая больше чем по метру глубиной. Нам про них говорили и пугали. Но мы ведь налегке. Лодка сидит мелко. Да и не такой человек Корецкий, чтоб свернуть, не посмотрев на это место. Он очень осторожный вообще-то, но тут вроде никакой угрозы нет. Лодка в порядке, мотор тоже, спасательные круги на месте.

Правда, он меня за мотором сменил. В трудных местах всегда сам водил, никому не доверял. Посмотрел на скалу и говорит: «Сейчас мимо самой Смерти пройдем!»

Вода там не шумит, как на пороге., а вроде бы свистит, с шипением несет ее между скалами. Корецкий правит по гребню как раз между воронок. Очень правильно идем.

И тут все случилось. До сих пор не пойму как. Мне показалось, что скала падает на лодку. Не успел я опомниться, как очутился в воде. И перевернутая лодка рядом. Я уцепился за край. Вижу: Корецкий дальше по течению вынырнул. Держится на воде, но бледный-пребледный. Со мной рядом оказался спасательный круг. Я бросил ему, а он мимо пропустил, точно не заметил. И скрылся под водой...

Потом я понял. Так получилось: лодка соскользнула в воронку и перевернулась. Корецкого сильно ударило мотором или бортом. Он же пловец-разрядник, а тут за спасательный круг не мог схватиться, оглушен был.

...Только и видел я его в последний раз. А он меня, наверно, не заметил. Не похожий был на себя. Бледный, и глаза пустые, без понимания. Последний раз его видел живым.

Мы-то спаслись. Не так уж это было трудно. И он спасся бы, если б не ушибло его. Второй рабочий, Блинов, выплыл на остров в трех километрах, я к берегу подгреб. Дюралька непотопляемая ведь.

А Корецкого так и не нашли ни в тот день, ни после. Только через три недели уже в Енисее нашли...

Павел сгорбился, приник к столу и нехотя жевал остывшую котлету. Кончив есть, он уперся локтями в колени и некоторое время сидел молча. Потом, не меняя позы и глядя в стол, спросил меня:

— Ты в Подкаменной на Ангаре бывал?..

Меня бросило в жар. Догадка в первое мгновение показалась нелепой, но она пришла, эта догадка. Я не мог выдавить ни слова. Хорошо, что Павел смотрел вниз. Хотя, почему же хорошо? Разве он мог что-нибудь знать? Разве мог...

— ...У меня там жена и ребятишки. Сергей и Андрей, сыновья,— сказал Павел.— Они там, а я неизвестно где... Такая, брат, жизнь...

Я не мог двинуться с места. Будто прирос к стулу. Казалось, шевельни пальцем — Павел сразу обо всем узнает.

Они поднялись из-за стола, а я сидел. Я понимал: глупо так сидеть пнем, но сидел. Со стороны, наверно, казалось, что я лишь немного замешкался. Мне же думалось, будто я прилип, как муха на бумагу, и совсем не смогу подняться. Но встал. Фальшиво как-то встал. Фальшиво посмотрел на Павла. Фальшиво пробормотал что-то.

Почему так? В чем я виноват перед ним? Вере стало немножко легче со мной, а мне хорошо с ней. Человеку очень нужна иногда хоть капля внимания, даже спичечный огонек тепла. Неужели верность в том, чтобы отказаться от него и замерзнуть?

...Мы проводили его до котлована. Там острыми напльвами выходит из-под земли гранит, перфораторщики бурят в нем дырки для шпунта, девушки начисто отмывают его тряпками, а бетонщики укладывают на него бетон водобойных плит, первый бетон Красноярки.

XIII

Гуси пролетели. Значит, на севере уже выпал снег. Они ведь до последнего терпят. Скоро и к нам придет зима. Мы заканчиваем работу на водоразделе. Спешим. До холодов не долго.

Ветер взметывает последние листья. Кажется, совсем голый стоит осинник. А ветер ударит и выбьет целый рой листвы. И мечутся эти последние искры, завиваются вверх, встают столбом поперек нашего пути.

Сторожко ступает серый мерин с двумя вьюками по бокам. Рядом идет геолог Коля Ивашкин. Зябко поджал руки в рукава рабочий Григорий. Стоят черные пихты, а за ними рисуются напльвы дальних сопков.

Мы устали. Если бы не Колина стремительная фигура впереди, разбили бы палатку и сидели, прислушиваясь, когда в чайнике звонко лопнет первый пузырек пара и забарабанит закипающая вода.

Но Коля идет легко, он словно плывет, по-щучьи прорезая осинник и кусты. Иногда обернется, покажет сухой профиль с хищным носом и опять врезается в тайгу. Он поджарый и точный. Нет на нем ни одной лишней линии, ни одной ненужной нитки. Так уж он обточился в работе. Ни один репей к нему не

пристанет. Вроде веретена он. Не терпится ему в этом сезоне пройти по трассе будущего канала.

Задумали интересную штуку — перегородить Ангару в низовье. Получится водохранилище, и уровень воды будет намного выше, чем в Енисее. Вода размочит узкий проход в водоразделе и самотеком двинет в Енисей. Там-то и построят гидростанцию.

И вот мы идем по трассе канала. Наш след и заметить трудно. А у Коли в голове уже есть водохранилище, и готовый канал, и вода крутится над нами. И он продирается через деревья, через водоросли и траву, режет течение, выставляя вперед плечо, обтянутое выгоревшей штормовкой.

И ведь эта мысль, родившаяся у кого-то и прижившаяся в сердце Ивашкина, невидимая и неосязаемая, тянет за узду серого мерина, тащит нас через тайгу, заставляет мерзнуть на ветру и жрать надоевшую тушенку с клеклыми рожками. Идем по жухлой траве, по желтой хвое лиственниц, по жженым сучьям гарей. Нога и глаз привыкают к ним. Потом привыкают к пятнам снега, к острым резным льдинкам в ручьях, к твердой утренней земле.

Так доходим до Ангары, до реки, уже отяжеленной зародившимся в ее глубинах льдом. Она не знает, какая мысль привела нас сюда. Она позванивает о камни прозрачными кристаллами и курится призрачными парами. Ей нет до нас дела, она идет своим древним путем, и, оглядывая ее ширь, не веришь, что он может стать другим. Только остро очеркнутый профиль Коли Ивашкина, его повернутое вперед плечо и словно выточенная ветрами фигура заставляют вспомнить нашу дорогу.

Ангара еще не знает ее. Ангара не обращает на нас внимания. Ей ничего не стоит смять лодку, на которой мы перебираемся к другому берегу, но она не удостаивает нас таким вниманием. И мы очень довольны ее равнодушием. Нам здорово не по себе в лодке. О днище то и дело постукивают прозрачные ножи льда. А курчавые дымки над поселком так манят и кажутся такими далекими.

И даже когда мы идем по берегу, нам все еще чудится, будто под ногами ледяными когтями скребется Ангара. Несмотря на вечерний час, мы бредем к причалу, где сбились промерзшие баржи и буксиры. Мы всматриваемся в сумерки и не находим своего катера, который должен нас ждать.

От реки, от бездонной глади, где зарождается лед, тянет ветер. Он оттуда, с Енисея, с Ледовитого океана.

Мы идем прочь от реки искать пристанище на ночь. Здесь не нужна ни палатка, ни костер. Странно искать ночлег в поселке.

Светились окна, светился снег, холодно дрожали звезды. Прохожих почти не было. Иногда мы заходили в дома. Они были разные, и мы мельком видели занятия здешних людей.

Раз попали в библиотеку — теплую большую комнату, где на столах лежали книги, карты, бумаги, подшитые в папки, лежали полевые книжки, затертые по карманам и видевшие за сезон больше, чем иному достанется за всю жизнь.

Потом ткнулись в дом, где по стенам протянулись длинные полки, а на них расставлены образцы пород. Там и на столах громоздились куски камня, коробки и мешочки с песком, землей и какой-то пылью.

Я попал в лабораторию, где камень жгли в вольтовой дуге и синие молнии веером брызгали от спектроскопов. Я видел тигли с бледно-желтыми лепестками золота на дне, видел лотки с колючими алмазами, видел ртуть и свинец, железо и бокситы.

Все, что скрывала земля, по которой мы прошли, здесь открывалось и зацветало, становилось видимым для глаза, осязаемым для рук, уловимым для слуха.

Здесь шла жатва. По крупянам и зернышкам, по пылинкам люди определяли великие залежи, открывали месторождения, отыскивали будущие пути.

XIV

В рассветной серости виден лишь борт баржи и наш катер, пригнувшийся рядом. Лед поскрипывает и позванивает по железу. Тоше и смутно рисуются суда в затоне, блекло проступает поселок на берегу. Ивашкин, Григорий и Костя уже сидят в катере. Костя греет мотор. Вой двигателя резкий и режущий в этом сыром и холодном тумане. Ждем какого-то бухгалтера, попутчика.

Сейчас начнется последний в этом сезоне рейс по Ангаре. Последний. Прощай, Ангара, прощай, Подкаменная! Там такое же льдистое и серое утро. И звенит о камни и шепчет о чем-то своем такая же шуга... Вера черпает ведром воду. Я слышу звук льда и жести. Мне больно от уходящего времени, от его невидимых частичек, пропадающих в реке, уносящей встречи и расставания. Это, наверно, та река, о которой говорил старик, когда я спасся от тайги, — древняя река тунгусов, с людьми, живущими на ее берегах от начала до конца своих дней. Река времени, звенящая о борт острыми льдинками своих мгновений.

Вот и бухгалтер. Он шел с женой и нес чемодан. Проскрипел унтами по палубе баржи, громко поцеловал жену и стал спускаться в катер. Женщина всхлинула и заголосила на весь берег. Она кричала пронзительно, как чайка, высоким ломким голосом. Она причитала, что мы не доедем, она кричала, что нас затрет шугой на пороге.

Только два звука были во всем мире — ее голос и вой мотора. Да потом еще Григорий бросил ей:

— Не каркай, туды тебя!

А я завидовал бухгалтеру. Я видел Веру на высоком берегу, на осеннем небе в тот последний день.

Баржа стала крениться и отходить. Фигурка женщины уменьшалась, и скоро ее смыло туманом, точно и не было ничего. Только шепталась и звенела шуга и выл мотор.

Бухгалтер, крепкий малый с желтым от конторской работы лицом, сидел молча. Григорий устроился на сиденье в кабине рядом с Костей. Ивашкин стоял на узком бортике и смотрел вперед. Это длилось бесконечно. Иногда мы сходили по одному вниз, протискиваясь между бортом и пульсирующим мотором, погреться. Иногда доставали еду и ели.

Но все время была шуга и мутная равнина реки.

Раз, когда мы сидели не глядя на воду, Костя пустил двигатель на малые обороты, оставил руль и вылез к нам.

— Порог,— сказал он.

Ивашкин, доставший себе сигарету, сунул ее в губы Косте.

Здесь не было чистой воды совсем. Сплошная ледяная каша кипела по всей реке. Только рядом, у борта, посередине реки, с треском проталкивался через камни колючий, вздувшийся рукав. Катер сидел на этом рукаве и ехал, как на змее. Мы были беспомощны: никакой мотор не справился бы с этой силой, ломящейся через камни, никакой винт, никакой руль не свернул бы эту колючую холодную мешанину.

— Да тут еще эта ворона каркала, туды ее...— выругался Григорий и зло посмотрел на бухгалтера. Из-за этого незнакомого человека нам почему-то еще тоскливее и неприкаяннее в ледяной карусели Ангары.

Катер подпирало снизу, переваливало с борта на борт. Словно змея, к спине которой мы прилипли, хотела освободиться от ноши.

— Тут и воды совсем нет, по сухому льду идем,— сказал Григорий.

— Только б бортом не повернуло,— пробормотал Костя и достал багры.

Бухгалтер курил, опершись подбородком на руку.

Ивашкин молчал. Он расставил ноги в потрепанных сапогах, словно хотел шагнуть на лед и стремительно пойти, раздвигая плечом волокна тумана.

И все-таки мы пробилась.

Вот наша база на высоком берегу Енисея. Мы поднимаемся по обледенелым ступенькам лестницы, вытянутой вверх по обрыву. Там, внизу, в протоке, между берегом и островом, серой букашкой виднеется катер. Мы лезем все выше и гремим сапогами, и звуки звонко падают в реку.

Мы входим в калитку и идем к конторе. Я оглядываюсь, и мне кажется, что калитка открывается в бездну. За ней уплывающий пласт зари, и дальний берег Енисея, и весь наш путь, невидимо прочеркнутый по реке и земле.

Ганс Роден

КОКОСОВЫЙ ОСТРОВ»РАЙ КЛАДОИСКАТЕЛЕЙ

Кокосовый остров есть остров на Mari pacifico в полуденной Америке, названный так гишпанцами ради обилия кокосовых деревьев, на нем произрастающих. На сем острове, 7—8 миль объемлющем, у моря произрастают целые леса кокосовых деревьев, сам он одними скалами окружен, из-за чего до него корабли достигать не могут, кроме как на северо-востоке, где малая гавань наличествует.

Реальный лексикон ведомостей
и энциклопедических знаний
1744 года

Этот крохотный остров, издавна слышавший раем для кладоискателей, расположен в Тихом океане. Он послужил Стивенсону * прообразом для его всемирно известной книги «Остров сокровищ». Мы находим остров вдали от судходных трасс в пятистах километрах на юго-запад от побережья Коста-Рики. Это точка среди водной пустыни, клочок земли, о котором едва ли имеется большое географическое представление. Зато необозримо число легенд, связанных с ним. Отдельные события часто передаются по разному, и поэтому трудно выявить верный вариант.

Но за рассказами то тут, то там мелькает искорка правды, кусок действительного события. Собранные вме-

* Роберт Льюис Стивенсон (1850—1894) от одного матроса в портовом кабачке Сан-Франциско услышал таинственную историю Кокосового острова, которая и побудила его написать книгу, вышедшую в 1883 году.

сто, они мозаично представляют историю острова, название которого вызывает блеск в глазах каждого настоящего кладоискателя, каждого искателя приключений: Кокосовый остров!

«Сокровища Лимы»

Целые столетия Кокосовый остров был убежищем многочисленных пиратских кораблей и морских разбойников всех национальностей, прятавших здесь свою добычу. По дошедшим до нас сведениям, пират Эдвард Дэйвис еще в конце XVII столетия закопал на острове несколько тяжелых ящиков, а с 1820 года бухта Уофер хранит миллионы португальского пирата Бенито Бонито.

Самый значительный из трех крупных кладов, спрятанных на Кокосовом острове,— клад, получивший название «приз Лимы». Вот что о нем известно:

Идет 1821 год. Войска Симона Боливара, освободителя Южной Америки от испанского господства, приближаются к городу Лиме, считавшемуся тогда богатейшим городом Южной Америки *. Издавна здесь накапливались огромные сокровища: добытые за много десятилетий серебро, золото в слитках и монетах, ценное церковное имущество и драгоценная утварь, часть золота инков, еще не отправленная в испанскую метрополию, кошель, полные драгоценностей, ожерелья, ценное имущество старинных дворянских семей, возможно даже перуанская государственная казна! Все эти ценности из Лимы, столицы Перу, доставили в форт, защищавший вход в гавань Кальяо. Но наступающая армия угрожает и здесь.

В гавани Кальяо стоит английский двухмачтовый бриг «Мэри Дир» из Бристоля под командой шотландского капитана Уильяма Томпсона. Капитан слывет надежным человеком, и в эти минуты величайшей опасности, когда грохот пушек раздаётся все ближе, его умоляют погрузить на корабль столько ценностей, сколько корабль сумеет вместить.

На борт поднимают сделанную из чистого золота в человеческий рост статую девы Марии с младенцем. Грузят ящики и бочки, кошель и мешки с ценным содержимым, среди прочего 273 меча, усыпанных драгоценностями, с золотыми рукоятками. На борт брига поднимаются пассажиры: губернатор Лимы, епископ и несколько знатных испанцев. Затем «Мэри Дир» выходит в море якобы с целью доставить груз в Сальвадор.

Золото, ярко сверкающее на борту «Мэри Дир», манит к себе. Ночью капитан Томпсон и его люди взламывают двери кают

* «... О пышности перуанцев, особенно в Лиме, может свидетельствовать то обстоятельство, что шины легких экипажей знатных жителей Лимы, а также подковы мулов сделаны из серебра...» — говорится в сообщении того времени.

испанских пассажиров и после короткой борьбы убивают их и кидают за борт. Затем «Мэри Дир» заходит на Кокосовый остров. За одиннадцать рейсов шлюпка перевозит ценности в бухту Чэтэм (Шэйтем), где их прячут в пещеру. Но пиратское судно ушло недалеко. Вскоре его настигает и после короткого боя берет на бордаж испанский фрегат «Эспель». С командой пиратского судна разделяются быстро, вздернув ее на реи. Капитана Томпсона и одного из его матросов оставляют в живых и привозят на Кокосовый остров, чтобы они указали офицерам «Эспель» тайник, где хранятся сокровища Лимы. Но Томпсон перехитрил своих противников. Пока они ведут поиски в неверно указанной им пещере, Томпсон и его матрос убегают в кустарниковые заросли. Остров, покрытый кокосовыми пальмами и древовидными папоротниками, имеет длину всего пять с половиной километров, а ширину только пять, тем не менее беглецов не удается найти. Потерпев неудачу, «Эспель» снимается с якоря и выходит в море.

Несколько месяцев спустя на остров за питьевой водой заходит китобойное судно. Навстречу ему выходят две изможденные, жалкие фигуры — капитан Уильям Томпсон и его спутник. Их берут на борт, и в ту же ночь матрос умирает от изнурения. Теперь один только Уильям Томпсон знает, где находится тайник с сокровищами. Проходят годы, о Томпсоне ничего не слышно. Внезапно он появляется в Сент-Джонсе на Ньюфаундленде и здесь встречается со своим другом моряком Джоном Китингом. Ему и раскрывает он свою тайну. Китинга обуревают мысли все поставить на карту, чтобы найти миллионы. Он посвящает в тайну капитана Боуга, который снаряжает экспедиционное судно под управлением некоего Гулда и вместе с Джоном Китингом в 1841 году отправляется на Кокосовый остров.

Предание о тайне

Уильям Томпсон уже не может их сопровождать. Он стар, тяжело болен и беспомощен; на прощание он протягивает своему другу пожелтевшую записку, на которой рядом с грубо сделанным чертежом написано:

«... Когда ты повернешься спиной к морю, пройди в горы, возвышающиеся над северной частью острова. У склона горы ты увидишь на западе ручей. Перейди его и сделай еще двадцать шагов в сторону запада. Затем пройди еще пятьдесят шагов в направлении середины острова, пока горы совершенно не закроют море. В том месте, где гора внезапно круто обрывается, ты увидишь белый знак на камнях скалы: здесь спрятан клад!»

Судно кладоискателей бросает якорь в бухте Чэтэм. Китинг и Боуг одни отправляются в шлюпке на берег, ищут и находят

хорошо скрытый вход в пещеру. Они подымают тяжелую каменную плиту, запирающую отверстие, и спускаются в темный ход, уводящий в сторону; ход расширяется — и вот перед ними в скалистой пещере бесчисленные богатства, сокровища Лимы. От золота кружится голова; спотыкаясь, они продвигаются вперед, набивают себе полные карманы. Но что из золота, драгоценностей, ожерелий и ценного добра захватить прежде всего? На шлюпке возвращаются к судну. Найденная миллионная добыча заставляет их лица светиться счастьем, которое очень трудно скрыть. Команда наступает на них со словами: «Что за дела у вас на берегу? Хотите взять клад, а мы ничего не получим?!» Вспыхивает бунт. Команда грозит перерезать горло обоим кладоискателям, если они не откроют тайну и не сделают всех богачами. То, что произошло дальше, навсегда останется тайной Кокосового острова. На следующую ночь Китинг и Боуг снова переправляются в шлюпке на остров. Осторожно опускают они в воду обернутые тряпками весла, чтобы не вызвать шума и не обратить на себя внимание людей на борту. Они прячутся в зарослях кустарника, и их не могут найти. Возмущенная команда корабля ищет их, клянет и грозит смертью, если они попадутся в руки. Но тщетно! После многодневных поисков экспедиционное судно уходит, попадает в шторм и тонет вместе со всей командой. На острове остаются два одиноких человека, завидующих друг другу; ни один из них не готов уступить ни малейшей крохи колоссального богатства. Спустя много недель к острову причаливает китобойное судно. Матросы встречают растерянного, совершенно изможденного человека; он называет себя Китингом и, заикаясь, рассказывает, что его спутник утонул. Снова остается только один человек, знающий тайну Кокосового острова!

В 1868 году Китинг, скитавшийся не зная покоя, познакомился в одном портовом городе с Николасом Фитцджеральдом, который позаботился о старом, больном, разорившемся человеке. В 1894 году Китинг умер. Он оставил своему благодетелю старинный план сокровищницы на Кокосовом острове со всеми таинственными данными, однако Фитцджеральд ими не воспользовался.

Проходят годы, и ни одна крупная экспедиция кладоискателей не ступает на берег Кокосового острова...

В последний день февраля 1872 года бриг «Лаура» под командой капитана Томаса Уэлша оставляет гавань Сан-Франциско. Под громким названием «Общество для разыскания клада, скрытого в южной части Тихого океана» отправляется экспедиция для поисков клада в 65 миллионов долларов. Его местонахождение якобы хорошо известно Томасу Уэлшу и его жене Элизе.

Через тридцать один день судно подходит к Кокосовому острову, и капитан Уэлш после недолгих поисков указывает

кладоискателям пещеру, в которой должна находиться 65-миллионная добыча. С необычайным рвением люди приступают к работе и за восемь дней неутомимого труда прокапывают ведущий в гору тоннель длиной восемьдесят футов, не наткнувшись ни на малейший след спрятанного здесь клада. Люди думают, что капитан Уэлш и его жена их обманули, и хотят супругов просто «вздернуть» на первой же пальме. Но супруги умоляют продолжать работу, ибо их ждет близкий успех. За двенадцать последующих дней команда прокапывает в горе еще двести футов, пока не убеждается, что в этой пещере никогда не был спрятан клад. Теперь люди хотят все выместить на капитане Уэлше и его жене и линчевать их. Своими жалкими просьбами супруги добиваются того, что их берут на корабль и отпускают в Пунта-Аренас. Бриг «Лаура» возвращается 29 июля 1872 года в Сан-Франциско, не добыв клада.

В 1875 году к острову пристаёт судно компании Тихоокеанского пароходства, чтобы искать захороненные здесь сокровища. Когда матрос Боб Флауэр рыщет в зарослях, чтобы на свой страх и риск разведать богатства, он вдруг скользит по крутому склону и падает в яму, где находит золотые монеты, которые расковыряет по карманам. Однако, когда он во второй раз вместе со своими товарищами хочет отыскать эту яму, он не может найти ее в зарослях.

Мировой чемпионат по продолжительности поиска клада

Около 1891 года в связи с историей Кокосового острова всплывает имя человека, «завоевавшего» мировое первенство по продолжительности поиска клада, ибо целые двадцать лет он разыскивает сокровища Кокосового острова, но не может их найти. Это немец Август Гисслер, бывший моряк; еще в 1880 году он услышал о тайнах Острова сокровищ и захотел расследовать их систематически.

В то время Гисслер служил матросом на судне, перевозившем португальских рабочих и иммигрантов с Азорских островов на Гавайские. Гисслер часто помогал одному из пассажиров, португальцу, и вел с ним веселые беседы. Этот человек рассказывал ему однажды, что он унаследовал от деда старинный документ, который представляет собой что-то вроде карты «клада» и показывает, что на острове Лас-Пальмас, расположенном в Тихом океане, закопан клад. Его дед якобы сам присутствовал при захоронении клада (он тогда плывал под началом португальского пирата Бенито Бонито). Гисслер снял для себя копию о документа и старинной карты, но вскоре забыл о них. Через восемь лет он поселился на Гавайских островах. Здесь один из его

друзей женился на девушке-метиске, мать ее была туземка, а отец белый, по имени Олд Мак. Однажды Гисслер услышал от своего друга, что его старый тесть владеет «планом клада», который всегда боязливо прячет и никогда не рассказывает, как он ему достался. После долгих уговоров Олд Мак показал Гисслеру старинную карту, и тот вспомнил про своего португальского попутчика и записи, уже восемь лет хранящиеся у него. При сравнении обеих карт Гисслер и его друг пришли к убеждению, что указанный остров Лас-Пальмас может быть только Кокосовым островом.

Хотя Олд Мак, провозжая искателей приключений, высказал самые мрачные пророчества, Гисслер и его друг со своим одиннадцатилетним сыном направились в Сан-Франциско. Оттуда они прибыли в Пунта-Аренас, где надеялись найти небольшое подходящее судно для переезда на Кокосовый остров. Но пророчества старого Мака, казалось, оправдывались. Мальчик заболел лихорадкой, и отцу пришлось отвезти его обратно. Гисслер остался один и стал дожидаться подходящего случая.

Вскоре Гисслер высадился на Кокосовый остров вместе с маленькой экспедицией, которую он собрал в Вальпараисо. Две недели судно простояло на якорях в бухте Чэтэм (Шэйтем), откуда Гисслер занимался своими измерительными работами, чтобы с помощью старинных карт определить местоположение клада. Когда наконец у капитана лопнуло терпение и он решил отплыть, Гисслер остался на острове с тремя спутниками.

Они месяцами тщательно обыскивали остров, но клад найти не удалось. Гисслер пришел к выводу, что поиски и обследования нужно проводить с величайшей выдержкой и точностью.

Пробыв некоторое время на материке, он вновь отправляется на Кокосовый остров вместе с женой и «навсегда» поселяется на северо-востоке острова. Он строит прочную хижину. Она постепенно обрастает всякого рода «комфортом» и становится постоянным жильем. Закладывает пальмовые плантации и до 1909 года проводит розыски по всему острову. Однако ему не суждена удача.

Республика Коста-Рика, подданство которой Гисслер принял, назначает его в 1894 году «губернатором» Кокосового острова. Он получает половину острова в личное владение и исключительное право на разведку, делающее невозможным какую бы то ни было конкуренцию со стороны других кладоискателей!

Проходят годы, и добровольный Робинзон видит, что его счастье составляют не воображаемые сокровища на острове, а свободная, ничем не ограниченная жизнь, чарующие окрестные ландшафты.

На остров прибывают и покидают его многочисленные экспедиции кладоискателей, но Гисслер ничем не выражает протеста

На этой старинной «кладоискательской карте» отмечено предполагаемое местонахождение различных сокровищ, запрятанных на Кокосовом острове

против их начинаний, он всегда приветствует их одними и теми же словами, когда они высаживаются в бухте Уофер: «Меня зовут Гисслер. Я полагаю, вы прибыли, чтобы искать клад!» Уравновешенность и ирония звучат в словах этого человека, который точно знает: вы все-таки ничего не найдете!

Позднее Гисслер переехал в Нью-Йорк, где еще в 1927 году писал свои «Воспоминания». Что стало с ним дальше, неизвестно.

Камень, помеченный «К»

После смерти Китинга, безуспешно искавшего клад, его молодая жена в 1894 году снаряжает собственную экспедицию на тюленебойном судне.

Из рассказов мужа ей известно о большом камне с высеченной на нем буквой «К» [итинг], а также о стреле, указывавшей

на высокое дерево. Но Гисслер давно открыл это место и среди зарослей нашел заржавевший железный шест, один конец которого был загнут в виде крюка. Крюком как раз можно было достать до дна дуплистого дерева. Однако в дупле ничего не нашлось.

Команда тюленебойного судна роптала. Она ожидала большую добычу и считала себя обманутой. Гнев команды обратился против миссис Китинг, ее даже подвергли обыску, так как матросы полагали, что под одеждой она спрятала «план клада».

В 1897 году во время пребывания Гисслера в Сан-Хосе, где он хочет возобновить свой договор с правительством Коста-Рики, в бухте Уофер становятся на якорь два английских крейсера «Чемпион» и «Импириус» под командованием адмирала Пэллисера. Они высаживают триста матросов и за три дня с помощью заступов и взрывчатки превращают в пустыню территорию, принадлежащую Гисслеру. Фрау Гисслер возмущенно протестует. Но ей запрещают посещать «место работы», которое военные кладоискатели вскоре покидают, убедившись, что здесь ничего не найти. Гисслер ставит правительство Коста-Рики в известность об инциденте, и оно обращается к английскому правительству с формальной жалобой.

Пэллисер, вероятно, был живой и предприимчивый малый. Через шесть лет, в августе 1903 года, он с шестью товарищами появился здесь снова (на этот раз как частное лицо) и вновь приступил к раскопке кладов. Пэллисер основывался на данных, полученных какими-то путями от скончавшегося в 1894 году Николаса Фитцджеральда, а тот в свою очередь получил их от умирающего Китинга.

Специальность—кладоискатель

В 1902 году на острове была экспедиция из тридцати австралийцев (среди них горные эксперты и химики), а в 1903 году экспедиция из Сан-Франциско, руководитель которой Броун был разоблачен как мошенник и арестован. Обе экспедиции, не добившись успеха, вернулись на родину. В 1903 году на сцене появляется Кристиан Крус, «кладоискатель по профессии». У него мало денег, но очень много времени, и он, как все люди его склада, надеется на безусловный успех. Должно быть, подобно Гисслеру он обладал правами губернатора острова, так что Кокосовый остров временно имел двух «губернаторов».

Но права Кристиана Круса, заверенные подписями и печатями, не уважались. То и дело к острову причаливают экспедиции кладоискателей. Когда Крус с возмущением выступает против них, они предъявляют официальные разрешения, полученные от властей за большие деньги. Крусу надоедает эта ку-

терьма, и он, разгневанный, отправляется в Сан-Хосе, чтобы дать правительству окончательный бой за свои права. По пути, в гавани Пунта-Аренас, он встречает лорда Фитцвильямса, богатейшего пэра Англии, совершающего на своей яхте «Вероника» кругосветную экспедицию в поисках кладов. Крус и Фитцвильямс становятся друзьями: их связывают общие интересы. Лорд поддерживает претензии Круса к правительству Коста-Рики, и претензии признаются. В благодарность Крус берет на «свой» остров кладоискателя голубой крови. Сто человек команды яхты тщательно обыскивают весь остров. При взрыве отвесной скалы в бухте Чэтэм в голову лорда летит тяжелый камень. Безуспешные поиски и ранение в голову удручают Фитцвильямса. Вдобавок на остров прибывают две новые экспедиции англичан Роберта Гинеса и Арнольда Грея, начинающие работать каждая сама по себе. Таким образом, на острове одновременно находятся три группы кладоискателей. Они спорят из-за мест и обвиняют друг друга в разрушении существующих «опознавательных знаков».

В 1906 году о себе снова заставляют говорить американцы. В Сиэтле открывается подписка на акции, чтобы обеспечить поисковую группу необходимыми финансовыми средствами.

В 1920 году прибывает французская экспедиция и также ничего не находит, но в одной из бухт на побережье делает трагическое открытие. Здесь у берега лежит наполовину погруженный в воду небольшой пароход «Виджилент». Несколько лет тому назад пароход вышел в плавание, имея на борту восемь мексиканок, и пропал без вести. Эти искательницы приключений решили тайно отправиться на Кокосовый остров, чтобы разыскать сказочные сокровища, но кораблекрушение оборвало их жизни.

Автомобильный гонщик в роли кладоискателя

В мае 1925 года в бухте Чэтэм высадилась с «Арктуруса» океанографическая экспедиция американца Вильяма Биба. И она наряду со своей научной работой пошла по следам, о которых напоминали старинные рассказы кладоискателей про сокровища Лимы. На скалах, покрытых пеной прибоя, экспедиция нашла высеченные названия многих судов, причаливавших здесь с намерением найти клады.

На берегу обнаружены ряды штолен, прорытых или пробитых взрывом в скале, заржавелые консервные банки и сломанные инструменты. Сколько здесь погребено надежд на страстно ожидаемое золотое счастье! Три матроса с «Арктуруса» прочесы-

вают остров и встречают забитую в землю гнилую сваю с прикрепленными к ней ржавыми ручными кандалами. Вокруг раскиданы сгнившие доски обветшалой хижины. Позднейшие розыски показали, что правительство Коста-Рики временно использовало Кокосовый остров как колонию для каторжников.

27 февраля 1926 года у Кокосового острова бросает якорь яхта «Адвенчурз», принадлежащая богатому англичанину. На борту судна находится автомобильный гонщик — чемпион мира, обладатель скоростного рекорда сэр Малькольм Кэмпбелл. У него есть точные сведения и данные по истории острова и его кладов. Он надеется найти тайник в пещере и раскрыть тайну, окутывающую капитана Боуга — спутника Китинга; может быть, в каменном склепе лежит тело Боуга, замурованное Китингом?

Но Кэмпбелл хочет сделать еще одно открытие. Согласно преданиям, на Кокосовом острове находились последние потомки инков, спасшихся от преследования испанцев. На уединенной горной вершине, укрытой девственным лесом, они стерегли клад инков. И в самом деле, нога белого никогда не ступала на расположенную в северо-западной части острова Серро-Иглесиас высотой 1932 фута, самую высокую точку Кокосового острова, окруженную непроходимыми джунглями.

Кэмпбелл открыл следы тропы, обрывавшейся среди девственного леса. Похоже, что ее протоптала нога человека. Может быть, на острове действительно жили люди, которые уходили в глубь лесов, когда корабли бросали якорь у берега?

Экспедиция Кэмпбелла очень страдала от тропической жары, к ней добавлялись мучения, вызванные несметным количеством комаров. Они полчищами нападали на людей, работавших при сорокапятиградусной жаре.

Кэмпбелл пришел к выводу, что обычными вспомогательными средствами клада не найти, что это возможно только при помощи электрических поисковых приборов. Последующие события подтвердили его мнение.

Клад подымают на поверхность

Наконец в 1932 году появляется возможность найти клад. Инженер-электрик, обладатель волшебной палочки, Клэйтон вместе с полковником Леки приходит на заколдованный остров сокровищ. Тайны острова он хочет разгадать с помощью своего «металлофона» — электрического поискового прибора.

На расстоянии десяти метров от того места, где сэр Малькольм Кэмпбелл проложил шахту, прибор показывает наличие металла.

Заступы вгрызаются в землю, кирки отрывают обломки породы, и вдруг под ногами людей засверкало золото.

Вот перед ними миллионы, но вскоре удастся установить, что это не сокровища Лимы, а, очевидно, добыча португальского пирата Бенито Бонито, бывшего морского офицера Беннета Грэхэма.

Получив известие о находке, правительство Коста-Рики, предоставившее концессию экспедиции Клэйтону, послало на остров солдат. С большой осторожностью был извлечен остаток закопанных миллионов, а об их дальнейшей судьбе может рассказать только один удачливый обладатель волшебной палочки.

Было ли известие о находке клада на Кокосовом острове, обошедшее мировую прессу, газетной «уткой»? Удастся ли отыскать другие тайники? Вереница экспедиций кладоискателей не оборвалась, ведь на острове запрятано несколько кладов, а якобы найден только один.

Общество «Трежери Рикавери», основанное в Лондоне с капиталом 70 тысяч фунтов, снаряжает экспедиционное судно «Куин оф Скоте»; в октябре 1934 года оно бросает якорь у Кокосового острова. На борту есть разнообразное техническое оборудование, от металлоискателя до самолета. Позабыли лишь одно — получить у правительства Коста-Рики концессию на разведывательные работы. После прибытия экспедиционного судна внезапно появляется пароход с уполномоченным правительства. Недолго думая, он арестовывает всю компанию кладоискателей, которую освобождают только тогда, когда «Трежери Рикавери» из Лондона запрашивает и с опозданием получает официальное разрешение на раскопку кладов. Но об успехе предприятия ничего не известно, работы в полном смысле слова «затерялись в песках».

Капитану Беллами, новому кладоискателю, также не очень повезло. Правда, он утверждает, что нашел 133 золотые и серебряные монеты и что приступ малярии вынудил его отказаться от дальнейших поисков...

Необычайные обстоятельства связаны еще с одним кладоискателем — доктором Дечампом. Это был американец, зубной врач, один из первых применивший в своей профессии хлороформ. Но он прославился не этим, а совместной работой с медиумом, при помощи которого хотел найти клад на Кокосовом острове. Он убил своего медиума и умер на электрическом стуле. Незадолго до казни Дечамп пытался подкупить тюремного надзирателя, обещав разделить с ним найденный клад, если тот поможет ему бежать. Он умер со словами: «...Кокосовый остров!..»

Американская экспедиция Форбса в начале 1940 года причалила к Кокосовому острову. Снаряженная совершенной техникой, она имела все основания рассчитывать на успех. Экспедиция опиралась на данные покойного Александра Д. Форбса,

который всю жизнь занимался изучением истории «Сокровища Лимы» и тайника на Кокосовом острове. Теперь внуки этого человека, Чарлз и Джеймс Форбс младшие, прибыли из Риверсайда в Калифорнии на Кокосовый остров на шхуне «Шиндрифт» под командованием капитана Хью М. Дэвенпорта, чтобы убедиться, верно ли установил местоположение клада их дед.

Соглашение с правительством Коста-Рики о праве на разведывательные работы выглядит несколько курьезно. Экспедиция могла работать до тех пор, «пока вся почва на острове не будет перелопачена». Подумать только: скалистый остров в 25 квадратных километров, покрытый девственным лесом! Был установлен двухмесячный срок работы, который «в случае необходимости может быть продлен», причем одна четверть найденных сокровищ полагалась правительству Коста-Рики.

Они вдоль и поперек перерыли всю почву на острове. Ввели в дело самые современные машины и наконец в одном из указанных пунктов нашли остатки сундука из кедрового дерева, когда-то обитого замшей. В таком виде, согласно преданию, была закопана часть клада. Но сколько ни искали, ничего больше не нашли!

Очевидно, не имели успеха и общество кладоискателей «Океанское предприятие с ограниченной ответственностью», основанное в Лондоне в 1953 году, и «Компания по поискам сокровищ» из Лос-Анжелеса. Они за тысячу долларов предоставляли заинтересованным лицам место на судне и разведывательный участок. О каких-либо открытиях, сделанных двумя этими обществами, ничего не сообщалось.

В 1955 году пришло известие о том, что четырнадцать искателей приключений — инженеры, бизнесмены и моряки — снарядили всеми техническими средствами старую подводную лодку-истребитель «Асл оф Капри», чтобы из Пунта-Аренас отплыть на Кокосовый остров. Экспедиция не имела успеха, несмотря на то что в ее распоряжении был план стотридцатилетней давности, несмотря на приобретенные за 35 тысяч долларов четыре электронных поисковых прибора, два бульдозера, пневматические сверла, гидравлические помпы и электрические лебедки. Небольшая радиостанция, установленная руководителем экспедиции Чарли Вильямсом, так и не смогла послать в эфир сенсационного сообщения, ибо клад не был найден.

Вытатуированный план клада

Граф Люкнер, «Морской черт», во время своего двухлетнего кругосветного плавания в 1937 году стал на якорь у Кокосового острова. Ему тоже захотелось поискать легендарные клады, у него был их старинный план. Но и его не ожидал успех. На

прибрежном утесе, омываемом пеной, рядом со многими уже имевшимися здесь именами он начертал и свое имя.

Позднее, после его беседы с репортерами о приключениях на Кокосовом острове, прошел слух, что у «Морского черта» на правом бедре вытатуирована карта местонахождения кладов Кокосового острова. Но Люкнер со всей настойчивостью «официально» отрицал это утверждение. Не было ли здесь доли правды? В первую мировую войну граф Люкнер крейсировал по морям на своем «Морском орле», его корабль погиб при подводном землетрясении. Судовую кассу (тысяча фунтов золотом) он незаметно для всех закопал на острове Мопелиа в Южном море. Затем зафиксировал точные данные о местонахождении клада и с тех пор носит их при себе в виде татуировки выше правого колена!..

Пираты, арестанты, вдовы, адмиралы, президент одной страны, отшельники, гонщики, капитаны, искатели приключений, алчные глупцы и состоятельные снобы ступали на землю Кокосового острова, чтобы закапывать клады или искать их. Рушились жизни, терялись целые состояния, а сокровища Лимы — 240 миллионов * — все еще лежат на уединенном скалистом острове в Тихом океане и ожидают того, кто их найдет!

Перевод с немецкого

Семена Гаврина

* Автор, очевидно, имеет в виду миллионы немецких марок. — *Прим. пер.*

Алексей Сосунов

В КРАЮ ГОЛУБЫХ ОЗЕР

Уварович и Ярка

Плыть трудно. Середина июня — самый расцвет водной растительности. Все зеркало болотистой Ярки покрывают густым слоем листья кувшинок, лилий, рдеста и вахты трехлистной. Переплетение настолько плотное, что с трудом выдергиваешь весло. Наш обласок не скользит, а, скрипя днищем, медленно ползет по лохматому ковру. Гудит черная стая паутов. На носу лодки, высунув языки, тяжело дышат наши лайки. Они то и дело опускают разгоряченные морды за борт и жадно лакают теплую воду. Лес не шелохнется. Духота. Тяжелый, насыщенный болотными испарениями воздух давит грудь, а терпкий аромат цветущего багульника кружит голову...

Я впервые в этом затерянном углу Прииртышья. Водораздел между Иртышом и Кондой еще мало исследован. Сказок и легенд о его природных богатствах ходит

немало, и где правда, а где вымысел пылкой фантазии — разобрать трудно.

Моя задача — рекогносцировка. Нужно составить хотя бы приблизительное представление о природных ресурсах района, чтобы организовать здесь охотопромысловое хозяйство. Вот за этим-то мы и плывем вверх по реке Ярке с Василием Уваровичем Кошкарковым. Он мой проводник и старый друг. Вместе росли, потом надолго расстались. После войны бродили по Туртасской тайге. И вот снова нас свела судьба. У обоих уже взрослые дети и у обоих по-прежнему течет в жилах беспокойная бродяжья кровь. Василий все еще строен. Лишь цыганскую черноту серебрят седина, да лицо суровят длинные шевченковские усы. Карие глаза все так же зорки, а слуху может позавидовать лось. Василий Уварович — профессиональный охотник-промысловик. Прииртышская тайга для него как родное село.

Гребем и гребем. Поворот следует за поворотом. На сравнительно чистом плесе Уварович перестает грести и, осторожно положив поперек обласа весло, поворачивается ко мне:

— В Ярkinской округе, или, по-вашему, по-ученому, в бассейне, я насчитываю тридцать два озера. Это только на нашей Цингалинской земле. А в сторону Увата, на юг, озерам счѐта нет. Также и в Кондинскую, западную сторону все сплошь сора, рям * и сосновые гривы. Ендырь, Чертов, Чебачий, Сырковый, Ершов, Кривой, Аксакай, Шелудков, Светлый, Сухардуй... Это только самые большие сора. До самого стыка Конды с Иртышом все сора и сора, многим из них и имени-то нет.

— И все они рыбные?

— Все. Нет такого сора, где бы не водилось рыбы.

Минут десять мы молча гребем.

— Там, в вершине, на дальних сорах, мне много чудес повидать привелось,— задумчиво произносит Уварович, отталкивая корягу.

— Расскажи что-нибудь,— прошу я, изнывая от жары и духоты. Уварович ловко, почти незаметным движением отвел обласок от предательского топляка.

— Ладно. Я тебе коротенько расскажу, как впервые на Ендырский сор попал,— усмехается он и закуривает.— Однако в пятидесятом году уже где-то по приморозкам я на Щучьем бору оленя ранил, да, видать, легко, зверю на север подался. Тропил я его до сумерек и попал в дремучий рям: кочки с багульником по пояс, еле-еле пролезаешь. В лешаковой тьме упал несколько раз, ободрался, проклял всех чертей и все же кое-как вылез на гриву. Гляжу: толстые сосны, под ногами сухо, ягель мягкий. Отдохнул малость и подался

* Сор — по-хантыйски озеро, рям — сосновый низкорослый лес на мохоиных болотах.

бором. Прошел с километр, и вдруг озеро обозначилось. Переночевал, а утром смотрю и глазам не верю: громадный сор! Противоположного берега не видно. Вода как слеза. День бродил, нигде следов людских не обнаружил, зато уж на оленей да на глухарей насмотрелся. К вечеру место поудобнее выбрал, ночлег устроил, плотик маленький связал, с него окуней наудил и выставил на пробу три жерлицы. Шнуры капроновые, крючья кованые, не то что шуку — лошадь такая снасть удержит. Я лежал у костра, ждал, когда чайник закипит, и вдруг... бух, бух! Рыбина у жерлицы зашумела. Я скорее на плотик, подплываю к первой жерлице. Шнур струной натянут, а кол так и гнется, вот-вот из песка вырвется. Попробовал потянуть. Помаленьку шнур подбираю, не тороплюсь, чувствую, тащится тяжесть, что бревно. Этак с минуту волоклось, а потом... как рванет! Я и сейчас не знаю, как в воде оказался, шнур бросил, насили на плот выкарабкался. Мой кол по воде запрыгал и в глубине скрылся. Причалил к берегу, разделся, сушусь у костра и снова... бух, бух! Я — на плот. Гляжу: и вторая жерлица распущена, кол так и дрожит. Думаю, стоп, ведьма, ты меня теперь не проведешь. К колу веревку привязал, выдернул его и на берег: там-то опора надежнее. Принялся вываживать, чувствую, силы наши как есть равнехоньки. Бились мы так долгонько. Все же устала. Подволок я ее на мель. Брюхо белое показалось. Я за ружье... трахнул. Она, голубушка, и затихла. Не видывал до нее подобной оказии. Акула и акула! Длина чуть не в рост человека, а вес не менее сорока килограммов!

Я невольно улыбаюсь.

— Смеешься? Черт с тобой! Смейся, смейся! Одно должен помнить: уже будет время, я докажу тебе.— Уварович в сердцах сплевывает и с такой силой гребет, что я еле успеваю подруливать.

— Да что ты, Василий, я, ей-богу, не смеюсь! Так просто улыбнулся. Но уж очень все это фантастично.

— Фантастично? А чего вы, инженера, вообще-то знаете? По одним только инструкциям да книжкам живете,— проворчал он.

Скрипит днище обласа, медленно проплывают однообразные заболоченные берега. После маленькой ссоры мы оба неловко молчим. Какие сюрпризы готовит мне неведомый таежный край? Одно знаю: интересного будет много. Василий не такой человек, чтобы сочинять небылицы. Конечно, в рассказе о щуке в рост человека есть доля фантазии, но ведь в конце концов дело не в этом.

— Однако хватит,— наконец миролюбиво произносит Василий,— давай обедать. Тут как раз половина пути. Бор близко к реке подходит, место сухое, привольное.

Вылезает из лодки. Мой проводник занялся стряпней, я поднимаюсь из прибрежного рьяма в сосновый бор. Как тут легко, светло и весело! Чистый ягель ровной скатертью устилает высокую гриву. Под порывом легкого ветра чуть слышно шепчутся редковатые сосны. На земле кустится брусничник, усеянный прошлогодней почернелой и сморщенной ягодой, она приторно сладка и пьянит. Хватаю горстями, ем. Потом бреду по бору и выхожу на маленькую полянку.

Осматриваюсь и протираю глаза... Вся поляна пестрит рядами белых грибов. Да, да, именно белых! Крепкие, увесистые боровики, все как на подбор, величиной с детский кулачок, ровными семейками расселись по поляне. Середина июня! А тут на тебе, белые грибы. Я осторожно начинаю срезать их, в пятнадцать минут набираю грудку отборных боровиков. Грибы везде. Их сотни, тысячи. Повсюду торчат черные шапки.

— Ну чего ты тут нашел? — выводит меня из оцепенения голос товарища. Я оборачиваюсь.

— Да вот, Вася, чудо увидел: белые грибы.

— Грибы! Эко диво! А я думал, уж не зверя ли какого углядел. Здесь каждый год гриба полным-полно. С конца мая из земли лезть начинает и прет до заморозков. По всем Яркинским борам. Одни олени да зайцы и едят их.

Может, в городах его и ценят, а здесь он не в почете. Наши бабы больше на грузди нажимают, те хоть в засол идут. А эти? Только сушить. Невыгодны они нам: мороки много. Пойдем чай пить, а на грибы еще насмотришься.

И снова после обеда длинные Яркинские плесы. К закату наш путь преграждает мост из тесаных плах.

— Доехали! — Уварович выскакивает на настил и подводит облас к берегу.— Тут стоит телефонный кордон, Вершиной называют.— Он привязывает облас.

Взвалив на плечи рюкзаки, идем тропкой.

На большой поляне одиноко высится новый пятистенник. Нас встречает лишь один маленький белый шенок. Он юлит перед собаками, скуля, доверчиво лижет им морды. Лайки огрызаются. Шенок падает на спину и жалобно повизгивает. На кордоне никого нет, на дверях висит замок.

— Опять сторож где-то запропал! — сердито сплевывает Василий.— Хоть бы о собачонке позаботился, вовсе щенчишко оголодал.

Присев на корточки, он любовно гладит щенка и дает кусок хлеба. В стороне я замечаю избушку.

— Может, здесь остановимся?

— Пожалуй. Это стан колхозных рыбаков.

Идем к избушке. Но и там замок.

— Ну и дела,— качает головой Василий,— дожили... в тайге замки появились!

Мы разводим костер, ужинаем и, поговорив о таежной жизни, укладываемся спать в старом балагане.

...Сон мой прервал чей-то вопрошающий голос. Часы показывали полночь. Я оглянулся: Уварович крепко спал. Снова было улегся, и тут кто-то из белесой тьмы громко спросил: — Ты кто?

Сон как рукой сняло. Что за чертовщина? Я закурил и осмотрелся. Собаки лежали спокойно. Вылез из балагана, внимательно взгляделся в темные кроны сосен и вдруг на ближайшей замечаю точки желтых немигающих глаз. Филин! Взглянул за ружье, но осторожная птица беззвучно исчезла...

Щуки. Бабка Анисья

Могучий древний бор. Смолянистый аромат смешивается с запахами багульника, ягеля и белого гриба. Колокольчиками звенят голоса зябликов, залиvisto насвистывает в гуще сосен иволга. Солнце еще только встает. Легкий, теплый ветерок чуть рябит голубую гладь широкого озера. Прозрачная вода приятно холодит ноги. Я бреду за полосу редких тростников и готовлю к забросу спиннинг. Василий возится с резиновой лодкой.

У моих ног толкутся плотные стайки мелких окуней. Первый заброс. Кручу катушку. Блесна подходит к пучку камыша, чуть подергиваю удилище — и тут... удар! Подсекаю. Щука с силой рвётся в сторону. Трещит тормоз. Короткая, но ожесточенная борьба. И вот первая добыча... Килограммов на пять рыбина лежит на песке, тарашит глаза, злобно разевая зубастую пасть. И начинается что-то необыкновенное... Заброс — щука! Заброс — щука! Проходит час, два. Забыт бор, песни птиц, белые грибы. В азарте кидаю, кручу, торможу, стиснув зубы, вываживаю ошалелых рыбин. Швыряю их подальше на песок и снова бреду в воду и кидаю. Прихожу в себя от крика товарища.

— Прощай! В гости на Сухардуй поехал.

Оглядываюсь и вижу, как маленькая резиновая лодка сама собой быстро скользит по озеру. Василий обеими руками держит удилище спиннинга и хохочет:

— При, при, сатана, все равно умаешься!

Лодка делает плавный круг и медленно останавливается у островка тростников. В тот же миг Уварович вываливается из лодки, по пояс в воде бредет к берегу и кричит:

— Давай скорее ружье!

Бросаю на песок спиннинг и, схватив двустволку, бегу к Уваровичу. Огромная щучина торпедой носится из стороны в сторону. Леса гудит.

— Заброди скорее!

Стою в воде и вижу, как с трудом подтягивается к берегу озерное чудище. Еще метр, еще... Вода бурлит. Наконец показывается черный горб, сухо шелкают выстрелы. Рыбина медленно переворачивается и лениво бьет широченным хвостом. Ухватив ее за глазные впадины, помогаю Уваровичу вытащить шучину на отмель. Нас обоих бьет дрожь. Глубоко затягиваемся папиросами и молчим.

— Ну как? Сказки тебе рассказывал? — с ехидцей спрашивает Василий.

Я не отвечаю, оправдываться не стоит: таких шук я отродясь не видывал. Да оно и мало походит на обычную шучу, это допотопное существо. В его облике есть что-то очень древнее, напоминающее ископаемых. Шириной в две ладони лобастая голова поросла шершавым лишаем, зубы напоминают собачьи клыки. В желтых тусклых глазах застыла дикая, неукротимая злоба.

В тени сосен хлебаем уху и с жадностью едим пахучие куски пойманной мной утром шучи. Потом пьем густой плиточный чай. Я прикидываю в уме рыбные запасы Кривого сора. За два часа мы с Василием выволокли семнадцать шук средним весом килограммов по шесть, а восемнадцатую — не менее тридцати. Всего, стало быть, сто тридцать пять килограммов. Комментарий, как говорится, излишни...

— Уварович, скажи, облавливался когда-нибудь Кривой сор?

Он морщит лоб, с минуту думает.

— В Цингалах живу с сорок седьмого года. На моей памяти никто, кроме меня, здесь не промышлял.

— Почему же такой богатейший водоем остается нетронутым?

— Чудак ты! Ведь сюда нужно продукты забрасывать, а людям избушки нужны. Для рыбы опять же ледники необходимо строить. А чем и как рыбу отсель-то вывозить? Дорог нету. Куда проще, парень, прииртышские озерины неводами процеживать. Частика с ершом да карасишком добывать. Волокиты меньше. А здесь организовать лов — дело сложное. Неводом в легнее время рыбу не возьмешь. Сам видишь: вода, как слеза, даже прозрачна. Основная ловушка на таких песчаных сорах — спиннинг и жерлица, а для них нужна снаровка.

Возвратившись на кордон, мы застали там маленькую, сморщенную старуху хантейку.

Бабка неподвижно сидела на нижней ступеньке крыльца, уставившись шелками глаз в чашу леса, и даже головы не повернула в нашу сторону.

— Кто такая?

Уварович, сбросив ношу, обтер с лица обильный пот.

— Мать здешнего сторожа. Наверное, с Конды притопала. Она где-то там живет...

Солнце уже село. Поднялись полчища комаров. Мы успели распластать и засолить всех шук, приготовили уху и чай, а старуха все так же неподвижно сидела, не меняя позы.

— Схожу позову бабку ужинать.

— Наверяд ли она пойдет. Знаю я ее, гордая старушка.— Уварович режет мелко лук и бросает в уху. Все же иду к дому.

— Здравствуй, бабушка!

— Пете, пете! — по-своему отвечает она и, подняв голову, протягивает руку. Я присаживаюсь рядом.

— Пойдем с нами ужинать.

— Спасибо. Я маленько ела.

— Пойдем. Ведь издалека пришла. Наверное, шибко устала?

— Далека, парень, далека.— Она улыбается и достает из кармана старого латаного ситцевого халата прокуренную трубку. Раскурив, глубоко затягивается.

— А там кто еще?

— Василий Уварович Кошкарлов.

— Эвон кто! А я и не узнала. Глаз совсем слепой стал. Худо видит. Василий хороший. Знаю его. Справедливый он, добрый.

— Ну идем же ужинать,— настаиваю я.

— Спасибо. Пожалуй, пойду, Василия поглядеть надо...

Она сидит у нашего костра, осторожно хлебает уху, изредка перебрасываясь с Уваровичем фразами.

— Как, Анисья Петровна, жизнь-то идет? — спросил Василий, отрезая хлеба.

— Плохо, Вася, плохо. Часто думаю, пошто рано моего старика бог прибрал. Был бы цел, разве так жили бы. Ушли бы на дальние сора, я — сети чинить, крючья точить, ягоду брать, он — рыбу ловить, оленя стрелять, белковать. Жил бы, как добрый человек.— Она тяжело вздохнула и достала кусок рыбы.

— Да, охотник и рыбак, что и говорить, Федор Герасимович был отменный. Пожалуй, нашу тайгу лучше его никто не знал,— промолвил Уварович.

— Что с ним приключилось? — спросил я.

— Под медведем побывал. Вот здесь на Ярке...

...Ночь тихая и теплая. Над лесом появилась полная багровая луна, мелькают над костром призрачные тени летучих мышей. Время за полночь, и уже заметно белеет восток. Мы отужинали и лежим у палатки.

Старуха, погруженная в свои думы, обхватив руками острые колени, сидит и пристально смотрит на огонь. Уварович тоже о чем-то задумался.

— Ты, Василий, расскажи, как потом зверя-убийцу стрелял, все сердцу легче будет,— вдруг тихо просит она.

Уварович хмурит брови и машет рукой.

— А чо зря говорить-то, убил, и все. Ведь старик от этого не воскреснет.— Василий посмотрел на восток.— Допоздна засиделись, пойдете-ка спать.

Как мы ни уговаривали бабку Анисью лечь в палатке, ни почем не согласилась.

— Я у костра привычна,— ответила она и, примостившись к комлю сосны, накрылась стареньким плащом.

Дела лесные. Чудесное озеро

Утро прохладно. По редкому сосновому бору шагается легко. Мы идем чуть заметной древней тропой к далеким сорам — Щучьему, Карасьему и Шалашкову. Поход, по расчетам Уваровича, займет четыре дня, и поэтому груз за плечами не малый. Анисья Петровна осталась добровольным сторожем у нашей палатки.

Идем уже около часа. Солнце начинает припекать, лес рдеет. Вскоре тропа выбегает к кромке широкого болота, и мы садимся на перекур.

— Гляди, вон на той чистине три оленя пасутся,— толкает меня в бок Уварович.

Я вытаскиваю бинокль, всматриваюсь и ясно вижу животных. Они лениво бродят, пощипывая трехлистник.

— К Поперечному сору направились,— заключает Василий. Он старательно тушит окурок и зарывает его в песок.

Бредем болотом, поросшим низкорослым корявым сосняком. Попадаются участки, сплошь покрытые прошлогодней клюквой. Ягоды такое обилие, что не видно мха. Бордовую скатерть не окинешь взглядом. Клюква крупная, как вишня, и сладкая, как брусника. Одно такое болото может дать несколько тонн прекрасного продукта.

За болотом снова начинается изумительный бор. Серебристый ягель, как весенний снег, яркой белизной режет глаза. Везде торчат шапки белых грибов. Шагается легко, в густом бору много тени, и поэтому не ощущаешь жгучих солнечных лучей. То и дело попадаются старые и свежие рога северных оленей. Одна пара великолепных ветвистых рогов висит на нижних сучьях сосны. Уварович задерживается и снимает их.

— Я в прошлую зиму быка убил, такого великана, полтора центнера чистого мяса. Что тебе лось,— он сбрасывает рюкзак и ложится на ягель. Я тоже присаживаюсь.

— Много оленя здесь?

— Что ты, парень, уйма! Летом он по янгам * расходится, а зимой со всей округи сюда собирается. Табуны по триста и более голов встречаются.

Я изумленно присвистнул.

— Не удивляйся, я все сейчас поясню. Ты, наверное, знаешь, что, кроме здешних Яркинских боров, ягельников и в низовье Иртыша, и в Кондинской, и в Уватовской стороне уже не осталось. Ведь наши лесные хозяева о таежных промыслах не беспокоятся. Им давай план — кубики! А о животине дикой они и не подумывают. И пошто такие безобразия никто не пресекает? В беломошниках по квадратному километру сплошную рубку ведут. Сняли лес — ягель в пять дней засыхает. Оголитесь лесосека, как плешина у старика, и ничего на ней не растет. Ветер почву уносит, она ведь тут, в ягельниках, тонюсенькая. Потом уже, со временем, нет-нет да и начнет по ямкам сосенка с осинкой появляться. В таких вырубках оленю есть нечего, он и сбивается в нетронутые боры. Идет со всей округи сюда к нам. Жаль зверя. Вот и этот Карасий бор, по которому мы сейчас шагаем, уже в рубку отведен. Плохо, что и говорить, плохо ведется наше лесное хозяйство,— вздыхает Уварович.

Мне и возразить Василию нечего. Факты — вещь упрямая. Я достаточно уже нагляделся на сиротливые плешины сплошных рубок в районах Уватском и Кондинском, да и здесь их хватает. Как лесовода меня поражает и возмущает однобокое планирование эксплуатации леса в Ханты-Мансийском округе.

Необходимо взвесить, что выгоднее: получить с квадратного километра древесины средним объемом семь тысяч кубиков коммерческой стоимостью семьдесят тысяч рублей или же собирать на этом участке бруснику, грибы, добывать боровую птицу и копытного зверя.

Ведь с квадратного километра ягельно-брусничникового бора можно ежегодно брать по пятнадцать тонн брусники, по две тонны сухого гриба, по три тонны соленого груздя и рыжика. Всего, следовательно, на сумму двадцать шесть — тридцать тысяч рублей. Из этого видно уже, что ягодно-грибной промысел окупает стоимость древесины за три — четыре года да плюс еще доход от промысла зверя и птицы. И это не говоря уже об эстетическом значении леса, его целебной и защитной роли. Пора, давно пора подумать о сохранении ягельных сосняков в низовье Иртыша!

Скользят наши тени по белому ягелю. У небольшого ряма лайки поднимают выводок глухарей. Копалуха с тревожным клохтаньем, шумом и треском перелетает с дерева на дерево. Собаки азартно лают на нее, а молодой, рассевшись по низким

Янга — по-хантыйски травяное чистое болото.

соснам, доверчиво вытягивает навстречу нам длинные шеи, тараша черные бусины глаз. Глухарята уже величиной с голубя.

Мы внимательно пересчитываем выводок — девять штук.

— Хороший приплот! — Довольный Василий свистит собак. — Богатый нынче год, — говорит он, — всего будет полно: и ягоды, и дичи. Гляди, как дружно ягодники цветут!

Тропка ведет нас все дальше и дальше. Приветливо шумит старый бор. Неожиданно в гуще сосен сверкает бирюзой просвет. Тропа выскальзывает к высокому берегу озера... Пораженный открывшейся панорамой, я останавливаюсь и невольно снимаю шапку. Озеро величественно. Бледно-голубая громада раскинулась гигантским полотнищем. Песчаные отмели так и манят отдохнуть. Бор и голубая вода! И нигде не видно следов человека. Дует южный ветерок, чуть рябится и сверкает перламутровыми переливами гигантское зеркало, лижут маленькие волны белый песок, выбрасывая на отмель мелкие ракушки, сухие тростинки и сосновые шишки. Василий уже спустился к воде, а я все стою и не могу наглядеться на замечательное озеро.

Почему почти все наши санатории и дома отдыха располагаются вблизи крупных городов, на берегу морей или хорошо всем известных крупных

озер? Взять бы и создать места отдыха и лечения здесь, в краю девственной, нетронутой природы. Ведь сейчас на севере с гигантским размахом ведется промышленное строительство. Новые многотысячные города вырастают на недавно еще безлюдных северных реках. Ведь для населения этих городов и нужны здравницы у таких прекрасных озер, как это.

Здесь можно дышать целебным смоляным воздухом, пить хрустальную воду, загорать под жгучим солнцем на белом песке. Каждый день свежая рыба, грибы, ягоды, а осенью жирная лосина, оленина и медвежатина, жаркое из тетеревов, глухарей и уток. И кажется мне, что здешнюю природу нельзя и сравнивать с многолюдными модными курортами.

— Чо там застоялся? — кричит Уварович.

Я спускаюсь к воде. Василий уже успел раскинуть лагерь.

— Снимем пробу? — подмигивает он, собирая спиннинг.

Пока я разубаюсь, на отмели уже лежит крупная щука, а за ней огромный щетинистый окунь, похожий на морского черта.

— Хватит на сегодня? — спрашивает Уварович.

Варим уху и, до отвала наевшись, лежим у маленького, дымокура. Я высказываю свои мысли о создании в здешних местах домов отдыха и санаториев. Василий долго молчит, подкладывая в дымокур сосновые шишки. Потом в раздумье говорит:

— Ты еще только первые сора поглядел и уже фантазии распускаешь, а впереди и позавиднее места будут. Тут что?! Вот Ендырский да Сырковый сор действительно курорты! Там, парень, бора могучие, древние. Да и рыба получше. (Там сырок косяками ходит. Брусника что черешня.

— Уварович, почему на этом озере не видно уток и чаек?

— Щуки покою птице не дают. Ты посмотри, что вечером и ночью на озере творится. Щуку здесь не учесть и не взвесить. Сто жерлиц ставь, сто рыбин попадет, все живое начисто выжирают, один лишь окунь с ними и уживается. — Он закуривает. — Червей-то проверял?

— Проверял. Живые.

— Ладно. Давай так действовать: ты езжай на лодке, осматривай озеро, растения там всякие, а я пробу на окуней заложу.

— А как?

— Буду удить два часа. Потом на безмене взвесим мой улов. По нему и узнаем, сколь этого окуня можно добыть за семь часов рабочего дня, — смеется Василий.

— Согласен.

Мы расстаемся. Плыву на маленькой резиновой лодчонке У кромки тростников и, отмерив на глаз километр пути, считаю щук. Все хищницы стоят у берега на отмелях. Подпускают

лодку на два-три метра и, взволновав воду, черными теньями скользят в глубину. Сколько их тут? Сто, двести, тысяча, десятки тысяч? Загадочная это рыба. Она способна голодать месяцами и не терять в весе. Щука — врожденный каннибал, откладывает икру и пожирает свою молодь. Мне известны в водоразделе Оби и Иртыша озера, где обитают только одни щуки и, видимо, живут отлично. Достигают веса в пуд и более, жирны и вкусны.

Вода изумительно прозрачна, на глубине полутора метров видны все ракушки и листочки водной растительности. Изрядно уставший, уже на закате солнца, возвращаюсь в лагерь. Уварович стоит на мыске и таскает окуней.

— Как проба?

— Ничего, ладна! — ухмыляется он.

Вылезаю из лодки, с трудом разгибаю спину.

— Где рыба?

— Вон в траве.

Василий дергает с крючка крупного окуня и, нацепив на острие какую-то белую наживу, снова кидает лесу. Не проходит минуты, как поплавок медленно тонет. Уварович лениво подсекает и опять выбрасывает на берег окуня.

— Ну их, надоели! Пойдем чай пить,— Василий отвязывает лесу и сматывает ее на рогульку.

Я смотрю на кучу травы.

— Это рыба?

— Ага!

Откидываю траву. Тут груда окуней — ведер пять. Двухчасовой улов! Ничего себе. Рыбины почти одного размера в чотыреста — пятьсот граммов.

— Всех червей, наверное, скормил?

— Я что, дурной? На глаз да на мясо ловил. Всего одного червяка истратил.

— Как «на глаз»?

— Не знаешь? А еще рыбаком зовешься,— иронически улыбается Уварович.— Здесь ловля, парень, простая. Первого окуня только и нужно поймать, а там пойдет как по маслу. Выковыривай глаз, наживляй и забрасывай. Страсть как берут! На глаза надоест, на мясо окуня лови. Тут рыба голодная, дикая, ничем не брезгает.

Уварович взвешивает на безмене улов — тридцать четыре килограмма! За семь часов, стало быть, можно поймать на простую удочку почти центнер рыбы!

Ночь теплая и парная. Нудно звенят комары. В соснах тукает кукушка, пиликает в тростниках камышевка.

— Слышишь? — Василий поднимает голову. Бах, бах, бьет кто-то по воде. Начинается. Теперь до утра не успокоятся. Мой товарищ поворачивается на бок.

Я вылезаю из полога и тихонько подхожу к воде. Бух! Крупная щука у самого берега выскакивает из воды. Бах! Словно в ответ бултыхает другая. Озеро кипит, у берегов шум и плеск. Насмотревшись вдоволь на необычный бой рыбин, залезаю обратно в полог. Всю короткую ночь сквозь сон слышу щучью возню.

Новое озеро

— Углык, углык, углы-ко, углы-ко! — кричат где-то лебеди.

— Карасий сор скоро,— оглядывается Уварович.

Тропа змейкой вьется по крутому склону. Перед глазами сквозь кроны сосен проглядывает обширная впадина. Спускаемся в рям. Высоченные кочки украшает пышно цветущий багульник.

— Юр, юр... юрлык, юрлык,— вторит лебедям пронзительный журавлиный крик. Выходим на чистое осоковое болото.

— Вон на том острове зимовье стоит,— показывает Василий на полосу темного леса,— озеро там рямовое, один лишь борок к воде прибочился.

Болотный сосняк редееет, под ногой качается моховой покров. Старый настил, когда-то заботливо уложенный, местами сгнил. Ступаешь с опаской, но как ни остерегаешься, нет-нет да и проскочишь в предательские окна. Выбираемся наконец на остров. Приземистая, почерневшая от времени изба построена на высокому бугре. На север стелется черная ширь озера. День сегодня серый. Солнце скрыто облаками, и, быть может, поэтому озеро имеет мрачный вид.

Я знаю, что в здешнем краю два типа водоемов: светлые и темные. Светлые те, где бьют на дне многочисленные ключи, освежающие воду. В темных мало живительных ключей. Они постепенно зарастают. Карасий сор — водоем второго типа.

С мыса хорошо просматривается прежний контур озера. Сейчас его зеркало почти круглое, в прошлом же имело форму эллипса. От лесистых берегов, окружающих водоем, сначала нешироким венцом залег низкорослый рям, потом более широкой каемкой его опоясало рыжее моховое болото с редкими чахлами сосенками, а у самого уреза воды изумрудной свежей зеленью пролегла полоска болотных трав: пушицы, ежеголовника, вахты трехлистной и хвощей.

Озеро живет. На чистой воде грудками льда белеют лебеди, подле камышей снуют стайки гоголей, чернетей и турпанов. Во всех направлениях с криком летают черноголовые чайки и маленькие, похожие на ласточек крачки.

Давненько никто не бывал в зимовье,— задумчиво произносит Василий, внимательно осматривая избу. Он постукал по

стене обухом топора.— Крепко ее прежний владелец сколотил. Стоит тридцать лет, и ничего ей не делается. Звенит! — Уварович воткнул топор в пенек, снял рюкзаки вытащил сети. Карась в озере отменный, жирен, дьявол, как поросенок. Вот уж сегодня, может, и попробуем.

— А, кроме карася, никакой больше рыбы нет?

— Раньше, лет пятьдесят назад, ханты говорили, что шук и окуня полно было, а как озеро зарастать стало, они перевелись. Сейчас остался карась, изредка линь и сорога попадались.— Василий разбросал первую сетку по вешалам.— Пока я тут их разберу, ты сходи погляди лодку.

Спускаюсь к озеру. Вода мутная, похожа на молочную сыворотку. В ней различаешь множество озерного планктона. Побродив по зыбучему берегу, нахожу за кустами ивы старую лодку, залитую водой. Отчерпываю, долго вожусь, затыкая конопатку, и подвожу лодку к сходяням. Здесь все обветшало. Сходни поросли мхом, настил на болоте сгнил, изба почернела. Озеро и то кажется стариком, обросшим, как бородой, косматым рьямом и камышом. У самых сходяней с плеском выскакивает из воды здоровенный карась. Рядом бьет другой.

— Ну, как лодка?

— Кажется, можно плыть.

— Попробуем,— Василий расстилает на дне лодки плащ и аккуратно укладывает сетки.

— Собаки где?

— В избушку запер, а то разорят утиные гнезда.

Часа два плаваем по озеру, выставляя редкие сетки и измеряя дно водоема. Местами встречаются глубокие ямы с твердым дном, а рядом гряды ила — батки, в которые легко уходит пятиметровый шест. Наконец выставлена последняя ловушка. Уварович облегченно разваливается на носу, придиричиво осматривая ровную цепочку берестяных поплавок.

Озеро не шелохнется, только изредка его свинцовую гладь морщат всплески рыбы. За камышовой грядой тревожно кричит лебедь, с противоположного берега ему вторит другой.

— Ишь разволновались! О гнездах беспокоятся,— усмеяется Василий,— не бойтесь, не тронем... Мало на Карасьем сору лебедей, всего три семьи,— грустно говорит он.— А ведь недавно, всего лет пять назад, я здесь двенадцать насчитывал.

Уже вечереет, солнца по-прежнему не видно. Сидим молча минут пятнадцать.

— Пока нет дождя, поплывем, однако, да поудим,— неожиданно предлагает мой товарищ.

Отплыв с километр, останавливаемся в закрытой камышами бухте. Забросив удочки, сидим и ждем. Проходит, быть может, с полчаса.

— Поздно уж, не будет клева,— вздыхает Уварович.

И тут же мой поплавок начинает как-то странно дрожать, затем медленно, с неохотой тонет. Вскочив на ноги, я подсекаю и сразу же чувствую сильные рывки тяжелой рыбы. Даю ей сделать несколько кругов, потом осторожно волоку к лодке. Огромный золотой линь, похожий на поднос, лениво раскрывает маленький рот. Василий ловко подцепляет его и вываливает в лодку.

— Ничего не скажешь, хорош! — Он с любовью поворачивает рыбину и отцепляет крючок.

— У тебя поплавок утонул,— шепчу я.

Короткая схватка — и второй такой же линь смачно чавкает в лодке. Клев начался. За час с небольшим мы вытащили еще трех линей и десяток крупных, весом около килограмма, сорог *. Вскоре начавшийся мелкий дождик загнал нас в зимовье...

В избушке сухо и уютно. Широкие нары застланы выделанными оленьими шкурами. В углу глинобитный чурвал, на полках много всякой посуды. К нашему радостному удивлению, в помещении нет комаров — словом, полный комфорт. На столе мигает коптилка, а по крыше избушки монотонно барабанит дождь. Сварена ароматная уха. Василий вынул из котла жирные куски линей и разложил их на бересте.

— Ну, начинаем! — Он достает из кармана рюкзака баночку с черным перцем и густо посыпает дымящиеся аппетитным парком куски.— Завтра, как сети высмотрим, я тебя на кормовую янгу свожу. Хорошо бы жаркий день был, насмотрелись бы на олений-то.

— Далеко она?

— Да нет, от того озера километра два, не более.— Он ровным голосом рассказывает о своих охотах, и, слушая его, я незаметно засыпаю...

Утром все вокруг заливают ослепительные лучи солнца. Бор ликует. Ночной дождь влил силу и радость во все живое. Трели зябликов, повисты иволги и мелодичные переключки пеночек слились в хвалебный гимн солнцу и жизни.

— Янг, янг, углы-ко, янг, янг,— звенит лебединый крик.

В нем уже не слышно вчерашней тоски, он полон счастья, силы и задора. В птичьи песни неожиданно вливается барабанная дробь дятла. Не выдержал и пестрый отшельник, вспомнил весну.

После завтрака, заперев в избушке лаек, поплывем смотреть сети. Первая стоит у камышового мыса. Поплавки ныряют.

Уварович выдергивает кол и отвязывает тетиву. Сеть вырывается из рук. Карась, два, три, линь, еще линь, опять карась... я сбиваюсь со счета. В каждом выбранном метре сетки

Сорога — сибирское название плотвы — рыбы из Ластиковых.

пять-шесть пузатых золотых рыбин. Одна сетка дает улов чуть не в центнер.

Азарт рыболова сменяется горьким сожалением. Куда деть эту копошащуюся и чмокающую грудку золотых рыб?.. А впереди стоят еще три такие сетки... Возвращаемся удрученные. Старая лодка с трудом вместила ночной улов. Молчим, искоса поглядывая друг на друга. Первым не выдерживает Уварович.

— Да, задал нам задачку Карасий сор.

— Может, некоторых отпустим?

— И то, парень, верно,— оживляется Василий,— давай гребки скорее.

Я напрягаю все силы. Причалив у сходней, поспешно перебираем сети, осторожно выпутываем рыбин и отпускаем в родное озеро. Часа три занял утомительный труд, по все же осталась изрядная куча уснувших карасей.

— Слава богу, теперь хоть немного,— облегченно вздыхает Уварович,— этих-то частью съедим, а частью подсолим и на кордон отнесем.

Закурив, я задумываюсь. Черт его знает, что же все-таки получается. В городах мы видим лишь селедку да изредка камбалу с заморским окунем. Почему так? Живем в краях изобилия, а забыли вкус родной рыбы. Ведь у нас ее огромные запасы. Мы с Уваровичем обследовали еще только три озера, а уже у меня от массы рыбы в глазах рябит. По словам же моего проводника, в районе Ярки еще двадцать девять озер, и все кишат ценной рыбой. Неужели так сложно и трудно организовать массовый лов на забытых водоемах?

Это можно и нужно сделать.

Солнце припекает, начинает парить.

— Однако к вечеру снова дождь соберется,— обтирает потное лицо Уварович,— уху сварим да и на янгу.

— Обязательно.

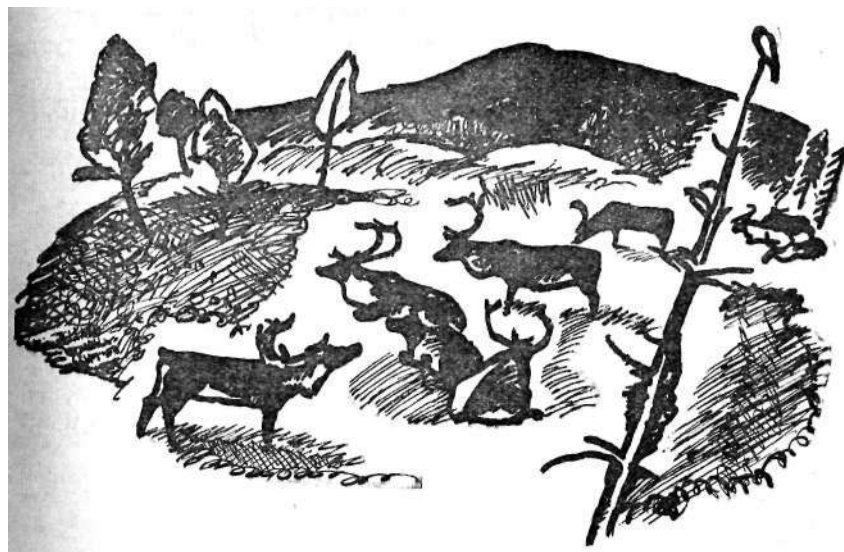
Мы чистим и потрошим рыбу, потом засаливаем штук тридцать карасей. Управившись с делами, собираемся выходить. Василий в раздумье:

— Собак возьмем или здесь оставим?

— Пусть идут, может, где глухаринные выводки поднимут.

Наши лайки — сестры-разногодки, совершенно непохожие друг на друга. Старшая, Жучка, довольно злобная серо-черная собачонка. Но по-собачьему честна. Ее сестрица Ярка — светло-рыжая юла, хитрая бестия, в удобный момент что-нибудь да стянет. Но работают они очень дружно, поиск у них широкий.

Идем бором, сплошь усыпанным цветущим брусничником. Километра через три бор заканчивается и открывается prospect обширного болота.

— Давай посидим, собак дождемся, а то могут напугать оленей,— предлагает Уварович.

Пристраиваемся под развесистой сосной. Вскоре прибегают собаки, и мы, взяв их на сворки, осторожно подходим к окрайке болота.

— На мысу лабаз устроен. Как подойдем, ты и влезай на него,— говорит Уварович.

Лабаз представляет собой дощатый настил под самой вершиной суковатой сосны. Вблизи, под кедром, виднеется старый берестяной балаган и черная плешина костра. Василий остается у балагана, а я, вооружившись биноклем, влезая на лабаз. Оттуда открывается отличный вид. Болото с пятнами воды как на ладони. Поудобнее усевшись, осматриваюсь. Лучами от центра болота во все стороны к лесу разбегаются торные звериные тропы. В воде лежат какие-то бурые коряги. Подношу к глазам бинокль. Олени! Восемь быков с кустистыми мохнатыми рогами, улегшись в лужу, мирно отдыхают. А вот еще три. По болоту гуляет ветерок, ворошит кроны реденьких березок, пригибает густую осоку. Перевожу взгляд и замечаю спины еще двух зверей. Из леса, мотая головами, выбегают сразу пять оленей и, разбрызгивая фонтаны воды, плюхаются в лужи: овод донимает животных. Просидев на лабазе два часа, я насчитал двадцать три оленя. В наши времена редко можно наблюдать такую первобытную картину. Спускаюсь с лабаза. Уварович разложил дымокур и в тени балагана мирно похрапывает. Услышав мои шаги, поднимает Голову:

— Ну как?

— Двадцать три зверя!

— Это еще не много. Я года три назад шестьдесят штук высмотрел. Здешняя янга что скотный двор. Нужно мясо — приходи и бей на выбор. Все лето до гона олени пасутся.

— Да, место богатое, давно не видал такого изобилия, — ответил я, присаживаясь к дымокуру.

— Ложись отдыхай, тебя сменю на лабазе.

До позднего вечера, меняясь, мы наблюдаем за редкими животными в их естественной обстановке. Перед закатом солнца, довольные результатом, возвратились в избушку.

Встаем рано и, уложив в рюкзаки рыбу, собираемся в путь.

— Вот что теперь будем? — хмуря лоб, чешет голову Василий. — Котомки, парень, изрядные получились, не менее как по тридцать килограммов чертовых карасей на каждого. Не бывать нам на Шалашковом сору.

— А далеко он?

— Далеконько, крюк километров пять.

— Богатое озеро?

— Не такое уж оно богатое, как интересное. Из рыб там сорожник отменный, а караси — так, средние. Ерши тоже попадают. Главное, видишь ли, берега у сора шибко кормовые. Олени и особенно лоси в это время всегда там толкуются. Кроме того, Шалашковый-то сор с рекой Яркой истоком соединяются. Вот та речонка шибко рыбная: язя, ельца, сороги хоть саком черпай.

Обратная дорога однообразна. Боры примелькались, болота тоже, а тут еще двухпудовая ноша давит спину, идем медленно, обливаясь потом. Собаки несколько раз поднимают глухаринные выводки и, наведив нас, скрываются в зеленом лабиринте. У большого болота мы останавливаемся на отдых. С раздражением сбрасываем рюкзаки и растягиваемся на ягеле. Меня клонит ко сну. Жарко, так жарко, что даже комаров нет, зато оводов туча. Липнут, словно пчелы к меду.

Вдруг Уварович приподнимается, весь обращаясь в слух:

— Собаки лают!

— На глухарей, наверно, — сквозь дрему бормочу я.

— Нет, однако, что-то другое... — Он вскакивает на ноги. — Или лосиху с телятами окружили, или какого-то крупного зверя. Ишь как заливаются.

Я встаю. Лай слышен отчетливее, он напорист и злобен.

— Сходим? — кивает Василий в сторону леса.

— Давай.

Проверив затвор у карабина, он ускоряет шаг, я еле успеваю за ним. На окраине бора Уварович прячется за толстую сосну, я подбираюсь ближе к нему и слышу шепот:

— Видишь собак?

— Нет.

— Вон они...

Среди сосен различаю рыжую Ярку. Сука остервенело грызет толстую кору дерева и, захлебываясь, тонко голосит. Откуда-то вывертывается Жучка и, задрав морду, злобно лает вверх. Перебегаем ближе, внимательно осматриваем лес и снова затаиваемся.

— Вон он! — вдруг громко говорит Василий, поднимая карабин.

— Кто?

— Да медвежишко-пестун. Гляди куда забрался!

— Вот черт!

На высоченной сосне хорошо видна комично ссутулившаяся фигура маленького медведя. Он, словно мальчишка, обхватил передними лапами тоненькую вершину и, свесив голову, боязливо смотрит на собак.

— Что с ним делать? — косится Уварович.

Пестун до того жалок и смешон, что у меня нет никакого желания лишать его жизни.

— Оставь его!

— А может, все-таки срежу?

— Да на кой ляд он тебе? Мясо постное, а шкура — барахло.

— Пожалуй, ты прав. — Василий ставит затвор на предохранитель и достает папиросу... В этот момент Жучка с Яркой проносятся мимо нас и в гуще ряма поднимают гвалт.

— Берегись, сама идет! — Уварович передергивает затвор и отскакивает за дерево. Я еле успеваю сдернуть с плеча бескурковку и сдвинуть гашетку, как за Яркой из чащи болотного сосняка показывается огромная черная медведица...

Укрывшись за толстым стволом, вскидываю ружье и жду. Зверь в двадцати шагах, он раздражен. Из раскрытой пасти падают на мох клочья пены, на загривке щетинится жесткая шерсть, маленькие глазки налиты кровью. Несколько секунд медведица топчется на месте, мотая тяжелой головой, потом, быстро повернувшись, скрывается. К нам доносится лай, визг, треск сучьев, рыки зверя...

— На медвежат Жучка напала, вот она и свирепеет, — кивает Василий в сторону ряма.

— Что делать будем? — шепчу я.

— Право, не знаю. Убьем зазря: пропадет мясо, не вынести.

За спиной улавливаю шелест и, оглянувшись, вижу, как пестун акробатически ловко и быстро задом наперед спускается на землю. Толкаю локтем Уваровича, но, пока тот оборачивается, медведь уже на земле и сломя голову бросается наутек. А медведица все воюет с собаками.

— Давай помаленьку отступать, — решает Василий, — коля Уж сама ползет, то бьем!

Осторожно отходим в глубину бора и располагаемся на колдине.

— Собак жалко. Запросто задавить может,— сетует мой товарищ.

Сидим долго, и курить уж надоело, а бой все не стихает.

— Попала бы ты мне, матушка, осенью, давно бы из шкуры-то вытряхнул,— злобится Уварович, доставая очередную папиросу, но, не раскурив, ломает, комкает и, отбросив в сторону, вскакивает на ноги.

— Ну их к лешему! Пошли к рюкзакам.

Только к закуту возвратились отчаянные лайки. В злобе и раздражении за то, что не пришли к ним на помощь, пробежали мимо нас на болото и там плюхнулись в лужу.

— Характерец! — усмехнулся я.

— Что ты, парень, бывает иной раз так рассердятся, что по два дня не подходят,— покачал головой Василий, забрасывая на плечи рюкзак.

Только к полуночи мы добрались к кордону.

— Наконец-то! Пете, пете,— радушно приветствовала нас бабка Анисья и захопотала у костра. Сбросив рюкзаки и разувшись, наслаждаемся отдыхом. Над лесом кособочится ущербная луна, в долине Ярки раскатался ватным одеялом туман. Холодок разогнал комаров.

— Колхозные рыбаки пришли. Семен Огарков — бригадир-то ихний,— говорит Анисья Петровна, вешая на таган ведро с ухой.

— Семен здесь? — оживился Василий.— Это хорошо! Где сейчас-то они?

— В избушке спят.

— Завтра, значит, повидею дружка. Бывалый мужик, много интересного знает. Он здесь лет двадцать, а то и боле промышляет.

Уварович вынул из рюкзака ложку и миски. Пока кипит уха, бабка Анисья подробно расспрашивает нас о Карасьем соре, потом качает головой.

— Не бывать, однако, боле мне на Карасьем, шибко жалко, место-то больно там хорошее, люблю я сор. Я ведь там еще с отцом промышлять начинала.— Она снимает с тагана ведро.

Мы ужинаем. Меня очень интересует история здешних промыслов, и, воспользовавшись подходящим моментом, я спрашиваю Анисью Петровну. И та многое мне поведала...

Родилась она в юртах Нижне-Романовских, что стояли еще не так давно на левом берегу Иртыша между поселками Тугаловым и Луговым-Филинским. То была хантыйская деревня. Все Верхне-Яркинские глухие озера, включая Щучий, Карасий и Шалашков, облавливали жители Нижнего Романа. Летом старики детально вымеряли глубокие отстойные ямы на озерах,

обозначали контуры вехами. По первому льду выезжали на сора и очищали отстойные ямы от топляков и мусора — словом, заботливо готовили места для последующего неводного лова. Спустя месяц, примерно в середине декабря, разбившись на артели, ханты отправлялись на подледный лов. И нужно сказать, что кропотливый, предварительный труд полностью окупался. С отдельных озер за одну тоню удавалось вытягивать иной раз по четыре-пять тонн отборной рыбы.

Каждую зиму с Яркинских угодий вывозилось на Иртыш в среднем четырехста, четырехста пятьдесят возов крупной рыбы. Таковы были прошлые уловы.

Еще в военные годы близкие к Иртышу озера довольно интенсивно облавливались. Сейчас же промысел заглох. Я думаю о том, что было бы очень полезно возродить здесь прежние способы и методы рыбного лова.

— Чего задумался?

Спать, пожалуй, давно пора. Смотри, уже восход скоро.

Восток алеет. Луна кривобоким осколком закатывается за заречный бор. Анисья Петровна сидит, опустив седую голову на колени, и дымит старенькой трубкой.

— Ложись, ложись, ребята, устали поди здорово, дорога-то длинная. Я в палатке все прибрала, мешки просушила, вкладыши выстирала.

От нашего приглашения спать в палатке она снова, как и в прошлый раз, категорически отказывается и устраивается на ночлег у костра.

Семен Огарков.

Дела рыбацкие. Белые грибы

Просыпаюсь уже в десятом часу. Ничего себе! Быстро одеваюсь и вылезаю на свет божий. В комарином облаке у маленького костра сидит мой проводник с сухопарым мужчиной и о чем-то с ним тихо беседует.

— Вылез наконец-то,— смотрит на меня Уварович.— Знакомься, мой дружок Семен Огарков,— кивает он в сторону незнакомца. Я жму жилистую, сильную руку и усаживаюсь на чурбан.

После обмена общими фразами мы с Семеном уже говорим как старые приятели. Он общителен, прост и приветлив. Сухое, подвижное, гладко выбритое лицо с искоркой в серых глазах и крупным носом выразительно и подвижно. Говорит он медленно и веско, иногда подолгу обдумывая фразу. Его складная, подтянутая фигура все еще носит отпечаток армейской выправки. Семен бросает беглый взгляд на ручные часы:

— Хватит, наверное, слов-то, пора и о желудках позаботиться. Пойдемте в избушку свеженину хлебать.

— Рыбу поди? — настораживается Уварович. Лицо Семена морщится в хитрой улыбке.

— Рыба-то, пожалуй, друг Уварович, за эти дни тебе оскомину здорово понабила, то-то ты и смотришь на меня ястребом.

— Однако ты прав,— смеется тот.— Уж, парень, всякой наелись. А вот медвежатины так и не отведали, только лишь за хвост подержали.

— Бывает и так,— соглашается Семен и встает: — Пошли.

— Ты все же скажи, что у тебя там? — допытывается Василий.

— Ну ладно, скажу. Оленя вчера на тормовке * добыл. Лицензию-то не зря у госхоза выклянчил.

— Вот это дело! — вскакивает Василий и хлопает друга по плечу.— Бабка Анисья избушку-то продымокурила, теперь спокойно позавтракать можно, ишь как дым из дверей валит.

После сытного завтрака лежим на нарах в смолистой за-весе дымокура и рассуждаем о таежной жизни.

— Вы вот планируете возродить промыслы на заброшенных сорах и расспрашиваете, чем и когда облавливать тот или иной водоем? А я вот что на это скажу,— обращается ко мне Семен.— Хожу башлыком ** на рыбных промыслах уже двадцать лет. Как из госпитала после ранения в сорок четвертом вернулся в колхоз, так и не покидаю родные места. Все рассказывать — сутки потребуются, а язык от болтовни распухнет. Начинание ваше доброе, но только нужно ли пока? Ведь и без дальних соров вблизи Иртыша сотни озер и речек пустуют, а которые и облавливаем, то и с них половину улова в землю закапываем.

— Это как так? — удивился я.

— А вот как.— Семен вскочил с нар.— В прошлом году, в июне, мы бригадой неводили на одном сору в двадцати километрах от Иртыша. Рыбы не прочерпнешь! За тоню вынимали язя, нельмы и шуки по две-три тонны. Обслуживали нас по договору самолеты из Ханты-Мансийска.

Поднакопили мы рыбы тонн двенадцать, ждем самолеты, день, два, а их все нет и нет. Жар стоит. Нельма в садках засыпать начала. Прилетает наконец самолет. Загружаем. Пилот обещает сегодня же вернуться. Опять ждем. Нет. Назавтра тоже нет. Что делать? Сор глухой, на лодках в Цингалы не вывезешь. У меня рация с собой. Умоляю рыбокомбинат: спасайте рыбу, ведь добра восемь тонн. Отвечают, что меры

Тормовка — охота с лодки в летний жар на лося, оленя.
Башлык — здесь бригадир рыболовецкой бригады.

приняты. Но ни одного самолета больше не пришло. Восемь тонн отличнейшей продукции закопала моя бригада в сырую земельку.— Семен нервно смял раскуренную папиросу.

— В том же году опять из-за чьего-то равнодушия и беспечности моя бригада сгноила на другом озере семь тонн крупного карася. Всего же наш колхоз похоронил двадцать шесть тонн рыбы! Мы материал в народный суд отослали.— Семен замолчал, улегся на нары и уставился в потолок.

Я вынимаю из кармана блокнот и под впечатлением рассказа Семена записываю то, что он говорил.

— Уж, пожалуйста, исполните нашу рыбацкую просьбу, от всего колхоза прошу вас рассказать об этих фактах в печати. Это ведь сильное оружие! Найдут управу и на виновников всего этого,— говорит Огарков.

— Обязательно сделаю, Семен Михайлович!

— Вот и хорошо.— Он сразу повеселел.

Василий, потирая свою натруженную поясницу, спросил меня:

— Чем сегодня думаешь заняться?

— Хочу пробную площадь по урожаю белых грибов где-нибудь поблизости от кордона заложить. Нужны хотя бы элементарные учебные данные.

— Я тебе нужен буду?

— Нет, один справлюсь.

— Тогда лады. Мы с Семеном Михайловичем хотим на Кривой сор сбегать, шук попугать.

Неслышно отворив дверь, в избушку вошла бабка Анисья и скромно присела на крашек нар.

— Что поделывала, Анисья Петровна? —спросил Уварович.

— Рыбу, Вася, перебирала вашу. Скоро подсолится. Червь в ней завелся, соли ты, однако, мало клал. Я давай в солевой воде перемывать, потом снова солить, а вчера на солнце вялить всех шук повесила. Теперь ладно будет.

— Большущее тебе спасибо, Анисья Петровна,— поклонился старой женщине Уварович.— А я грешным делом о тех щуках и забыл уж,— виновато улыбнулся он.

— Пошто забывать-то? Неладно ведь. Тайга, сор промысел дал — говори спасибо. Зачем добро переводить. Всегда сыт будешь, коли умом промышлять,— сердито проговорила она, встала с пар и принялась убирать со стола посуду. Мы с Уваровичем отправились к палатке.

— С такой бабкой не пропадешь. Ишь ты, о чужом добре беспокоится,— покрутил головой мой друг.

У палатки мы разбираем наше нехитрое имущество. Я надеваю старые тапки, в карман гимнастерки засовываю чистый блокнот и компас. Уварович чинит свой выдавший виды спиннинг и осматривает кучу блесен.

— Сильно-то не увлекайтесь,— напоминаю я.

— Не бойсь, на Карасьем научился. Пяток шук захватим и обратно. Понимаешь, не могу спокойно о жуках думать,— смеется он,— уж очень азартно их вываживать. Так и чешутся руки повоевать с крокодилами.

Я улыбаюсь.

— А может, и ты пойдешь? — хитро шурится Василий.

— Нет, Уварович, ловля ловлей, а дело делом.

— Оно так,— соглашается он.

Подходит Семен, вооруженный длинным самодельным спиннингом. Друзья уходят на Кривой сор, а я сворачиваю в старый беломошный сосняк...

Здесьняя местность на первый взгляд однообразно плоская равнина. Но если присмотреться, то тут, то там обнаружишь бугор, впадину, маленький холмик, яму, похожую на воронку от взрыва тяжелого снаряда. На левобережье Иртыша, в прикоидинском крае, ясно видны последствия древнего оледенения. Огромные ледники сплошной массой когда-то сползли с восточных склонов Северного Урала. Не встречая на своем пути препятствий, они вспахивали равнину, оставляя длинные и узкие дюны или гривы.

Потом движение ледников замедлилось. Глыбы льда скопились во впадинах. Прошли века, значительно потеплел климат. Лды таяли, наполняя свое ложе хрустальной водой. Так с течением времени образовались в здешнем краю большие и малые водоемы. Чем толще был ледовый панцирь, тем глубже и обширнее озеро.

На левобережной Обь-Иртышской равнине озер не счесть. Они усыпали мозаикой всю эту огромную территорию. На дюнных гривах впоследствии выросли могучие сосновые боры. Часть мелких озер, не имевших притока свежих вод, постепенно высохла, дно их превратилось сначала в болота, а потом в ямы, то есть в поросль неприхотливой карликовой сосны.

В недавнем прошлом в здешних краях бродили мамонты и бесчисленные стада северных оленей. Потом, видимо из-за эпидемии, мора, почти одновременно и повсеместно вымерли волосатые великаны. Сотни драгоценных бивней ежегодно находят в береговых отложениях Иртыша и Оби, на дне озер.

Мамонты исчезли, но их спутники — северные олени — сохранились; как и в былые времена, бродят они по старым тропам, не мельчая и не изменяя своего внешнего вида.

Тихо шагаю старым бором. Спешить некуда. В тени сосен не жарко, нет оводов. Слушаю негромкий говор древнего леса, пью полной грудью его живительный бальзам. И снова меня поражает изобилие белых грибов. Хочется хотя бы приблизительно узнать, сколько же можно собрать ценных грибов с гектара бора? Для этого нужно заложить несколько проб в различ-

ных местах, обобрать там грибы и высушить их на солнце. Через час мой вместительный рюкзак полон отборнейших боровиков, а выбрана лишь половина площади. Отдыхаю на нежном ягеле, потом сгибаюсь под тяжестью ноши, возвращаюсь к палатке. Меня встречает бабка Анисья. Она откладывает в сторону шитье и удивленно смотрит на меня.

— Опять поди рыбу таскал?

— Нет, Анисья Петровна, грибы принес.

— Грибы? Какой такой? Поди худой, сейчас груздей нет.

— Белые грибы.

— Ну-ка какой?

Я высыпаю содержимое рюкзака.

— Худой гриб. Его только олень ест,— качает она головой.

— Что ты, бабушка! Это же отличный белый гриб. Самый дорогой: его в сушеном виде принимают по три рубля за килограмм.

Анисья Петровна смотрит на меня:

— Кто принимает?

— Госохотпромхоз, рыбокооп. Куда хочешь, туда и сдавай.

— Не слыхала. Неужели правда, принимают?

— Конечно. Ведь это же очень вкусный продукт.

— Грузди мы едим, то вкусный гриб. А эти?.. Не знаю.

— Ладно. Я тебе приготовлю их.

Я нарезаю мелких грибков целое ведро и, раздув костер, ставлю варить. Потом расстилаю на поляне тент и принимаюсь резать грибы. Анисья Петровна штопает чью-то рубаху, изредка поглядывая в мою сторону.

— Однако долго один резать будешь. Давай тебе помогу,— предлагает она.

Мы быстро разделались с боровиками и рассыпали грибы сушиться на солнце. Покурив, я собрался уходить.

— Вари до моего прихода. Если вода выкипит, снова долей,— наказываю я Анисье Петровне.

— Ладно, только сам ешь похлебку,— брезгливо поморщилась она.

Через полтора часа я снова принес полнехонький рюкзак. Был обобран первый гектар. Пока Анисья Петровна резала грибы и раскладывала их, я занялся кулинарией.

Грибы сварены. Сливаю воду и на сковородке в масле прожариваю. Аромат возбуждает волчий аппетит. Бабка Анисья, привлеченная дразнящим вкусным запахом, подходит к костру.

— Гляди-ко, и верно хорошо пахнет,— добродушно улыбается она.

Я угощаю ее. Вначале она пробует осторожно, потом, разобрав вкус, уплетает грибы за обе щеки.

— Смотри, какой вкусный! Жизнь в тайге прожила и не знала, что его кушать можно.

После чая иду снова в бор, на свое грибное поле. К вечеру я принес пять рюкзаков общим весом около восьмидесяти килограммов. Но грибной азарт уже поостыл. Уж очень легко и просто здесь собирать редчайший гриб: иди и бери. Нет элемента поиска, ожидания и радости находки тугоголовых боровичков.

Солнце колет кроны сосен острыми стрелками закатных лучей. Вечер тихий, чистый, прозрачный. В голубой выси стремительно носятся черные стрижи, устало постукивает на вершине сосны дятел. Заливисто выкрикивает прощальную песню уходящему дню белобровый дрозд, без конца повторяя свою угрозу:

— Уйду, уйду, уйду! Потом четко спрашивает:

— А ты был? А ты был? А ты был?

— Ровно как человек говорит,— задумчиво произносит Анистья Петровна, споро и аккуратно дорезая грибы.— Он маленький, а кричит громче всех,— кивает она в сторону замечательного певца.

Вечер гаснет, но дрозд не умолкает. Я зачарованно слушаю звонкую песню.

Анистья Петровна приносит воды и ставит варить оленину. Рыбаков наших пока не видно, —видать, поддались они страсти шучьего лова. Мы сидим у костра, отмахиваясь от полчищ комаров.

— Вот хочу спасибо тебе сказать за то, что научил деньги зарабатывать,— помешивая в котелке, говорит бабка Анистья,— теперь можно все лето работать. Грибов полно, помаленьку таскать, сушить буду, потом сдавать. Глядишь и деньги заработаю,— улыбается она.— А то как бы жил? — грустно вздыхает старуха.

— Не горюй, Анистья Петровна, мир не без добрых людей. Помогут, не оставят тебя в беде.

— Теперь-то я проживу. Вот Семен меня просил варить, тоже работа есть. Гриб собирать буду, маленько рыбу ловить.

У палатки словно из-под земли появилась рыжая Ярка. Она льстиво виляет хвостом, а сама так и посматривает, что можно стащить. Минут через десять почти одновременно являются Уварович с Семеном и бригада колхозных рыбаков — шесть задорных и громкоголосых молодых парней. Смех, шум, возня. Уварович вытаскивает из рюкзаков здоровенных щук и гогочет, рассказывая, как Семен вывалился из резиновой лодки.

Ложимся спать уже при багрово-красной луне.

А назавтра неожиданно получаю срочный вызов в Цингалы. На этом и заканчивается наша экспедиция с Уваровичем.

Новый город Правдинск. Осенний поход. Брусника

Промелькнуло лето. Падают желтые березовые листья, алеют в нагорном урмане кроны осин, давно уже взматерели утиные выводки. Начало сентября. Я только что возвратился из длительной поездки по реке Конде и вот снова в Цингалах. Сидим с Уваровичем за обеденным столом, распиваем за встречу традиционную бутылку и делимся новостями. Он по-прежнему бодр, весел и жизнерадостен.

Опрокинув стопку, крутит левый ус, цепляет на вилку малосольный груздь и подмигивает:

— А твои, парень, мечты о Яркинских курортах, пожалуй что, и сбудутся.

— Почему так думаешь?

Он усмехается:

— Есть, стало быть, причина.

— Какая же? — недоумеваю я.

— Плохо за новостями следишь. Позавчера, парень, по радио передавали сообщение о строительстве города Правдинска! — торжественно объявляет Уварович.

— Где же такой город строится?

— Почти рядом с Ципгалами, вблизи поселка Горпо-Филинского, на правом берегу Иртыша. Городище па двести тысяч жителей. Во как! Это тебе, пожалуй, поболее Тюмени будет. Теперь об Яркинских курортах заговорят, все сора промыслами охватят. Да и о сохранении сосново-ягодных и оленьих боров, пожалуй, позаботятся.

— Здорово!

Мы жмем друг другу руки.

И вот с Уваровичем снова в походе. Радостно и легко на душе. Утро с морозцем, дует легкий ветерок, гонит по Иртышу мелкую рябь и волны осенних запахов тайги, сухого сена и увядших трав. Несемся на легкой моторной лодке до устья реки Ягодной, оттуда пешком пойдем в Яркинские уголья. На корме Виктор, сын Уваровича. Ему пятнадцать лет. Он сероглаз, строен и бесшабашно смел. Лодку ведет легко и ловко. Мотор глухо подвывает, задирает нос лодки на гривы встречной волны. Сколько я ни бродил по сибирским просторам, милее родного Прииртышья найти не могу.

Хороша наша осень! Ясная, тихая, и солнце щедрое. Льет тепло, не жалея, как будто хочет перед студеной зимой напоить им землю. Предстоящий поход очень интересен. Зовут меня яркинские смолистые боры, голубые озера, неведомые звериные тропы. Уголок нетронутой природы таит много разных секретов, и, может быть, в этот завершающий поход мне удастся кое-

что и разгадать. Например, зимует ли выдра на озерах? Почему не в каждом сосновом бору бывает хороший урожай брусники? В каких местах и когда идет гон у северных оленей? В каких озерах встречается сырок и как там ловить? Да, многое нужно понаблюдать и выяснить в этом уголке девственной природы.

Через час пристаем к устью Ягодной, и Виктор, пожав нам руки, лихо развернул лодку и уплыл обратно. Засидевшиеся на цепи Жучка с Яркой наперегонки носятся по прилеску, потом, увидав, что мы вскинули на плечи рюкзаки, моментально скрываются в густом лесу. Шагаем старинной тропкой вдоль Ягодной. В тайге благодать: не жарко и нет комаров.словно к великому празднику, разоделся лес в дорогие одежды. Тысячами красных, алых и розовых огней горит приречный лес. Каждый кустик и пучок травы имеет свой оттенок. Тишину осинника нарушает лай собак.

— Частят,— определяет Василий, замедляя шаг,— глухаря посадили.

Сбросив рюкзак, осторожно подкрадываюсь... Старый сизогрудый глухарь, распушив по-весеннему широкий хвост, ходит па нижнем суку толстой осины и, шелкая белым клювом, дразнит собак... После выстрела он, ломая ветки, валится в густой мох.

— Обед есть,— довольный Уварович крутит ус.

Тропка бесконечной серой змейкой вьется все дальше и дальше. Вечерет. Собаки облаивают уже пятого глухаря и так настойчиво, что я, не выдержав, снова иду к ним. Трех предыдущих я не трогал, но этого придется срезать, иначе не останут лайки. Бью по молодому петуху шагов за пятьдесят, тот, припадая на бок, с тяжелым хлопаньем планирует с высокой сосны и глухо падает на землю.

Ночь застает нас на кромке водораздельного болота. А к обеду следующего дня мы оленьими тропами выходим к кордону. Там много нового. Березы оделись в золотое убранство, а маленький белый щенок превратился в поджарого и сильного пса, с достоинством встретившего наших лаек. На его басистый голос из избушки вышла Анисья Петровна. Распознав старых знакомых, она приветливо щурит маленькие глазки и, вытерев о передник руки, здоровается.

Выглядит бабка бодро, даже, кажется, помолодела. На ней новое цветастое платье, на голове шерстяной платок. Сбросив рюкзаки, садимся на скамейку. Возле избушки чистота и порядок. Убраны кучи старого хлама, наколотые дрова аккуратно сложены в длинную поленницу, огнище окопано, и даже Дорожка к речке тщательно подметена. По кромке поляны расставлены новые вешала со связками вяленой рыбы. Уварович внимательно оглядывает хозяйство.

— Навела, Анисья Петровна, порядок у Семена,— ухмыляется он.

— Маленько прибралась.

— А рыбаки-то где?

— Ягоду в Карасьем сору берут.

— Далеконько чего-то забрались. Здесь им ее не хватает?

— Здесь, Вася, ноне плохой ягода, а там шибко богато уродилась,— раскурив свою маленькую трубку, говорит Анисья Петровна.

— Вы, ребятаки, давай разболакайтесь, мойтесь, я обед варю. Семен вечером свежих линей принес да, однако, десять косачей.

Мы благодарим за гостеприимство и, вынув из рюкзаков полотенца, идем к речке.

— Смотри, красота-то какая! — кивает Уварович на берега речки.

Зеленые, синие, фиолетовые, оранжево-желтые цвета затейливым узором украсили приречный лес. Чуткую тишину сентябрьского дня изредка нарушают всплески рыбы да хриплые крики уток, жирующих за ближайшим поворотом.

— Я тебе не рассказывал о промыслах старухи-то?

— Нет.

Уварович не торопясь умывается и растирает смуглое лицо полотенцем.

— Она, брат ты мой, нынче всем госхозовским работягам носы утерла. За лето только одного сушеного гриба белого сда-ла двести килограммов да соленой и вяленой щучины больше тонны. Во как!

— Что ты говоришь!

Василий не спеша причесал густые волосы.

— В середине августа Анисья Петровна привезла на попутном тракторе в Цингалы шесть полнехоньких мешков сухих грибов и пять бочек рыбы. Все госхозовцы сбежались и глаза тарасили, пока она продукцию сдавала. В тот же день и расчет ей выдали, что-то около восьмисот рублей. Комедия, парень, вышла знатная! В госхозе мужички за лето и десятой доли этого не заработали. А ведь бабке-то уже семьдесят два!

Вечером пришла ко мне, ребяташкам моим подарков понакупила, жене полушалок. Откажись — старуху кровно обидишь, взять — совесть не позволяет. Как ни отнекивался, а все же пришлось принять ее подарки. Переночевала она у пас, а утром понакупила одежонки, обуви, сетей, продуктов. Оставшиеся деньги в сберкассе положила и подалась обратно.

— Вот тебе и старуха! — невольно вырвалось у меня.

Уварович достал папиросу.

— Я после нашего похода здесь побывал, железнодорожную экспедицию по Ярке провел и заодно посмотрел на бабкину ра-

боту. Ни минуты без дела не посидит. На Волоковом сору, что за кордоном, у нее тридцать жерлиц было наставлено. Утром чуть свет она уже там, за смотр десять щучий обязательно приволочит. Семен ее поварихой к себе в бригаду устроил, теперь она, можно сказать, две зарплаты получает.

— Молодец, Анисья Петровна!

— У нее уже сейчас брусники набрано килограммов пятьдесят,— подмигнул Уварович.

Когда мы возвратились к избушке, у Анисьи Петровны уже поспел обильный обед. Остаток дня ушел на подготовку к далекому походу. С рассветом отправляемся в путь. Хрустит тонкий ледок. На утренней заре незаметна тяжесть рюкзака, шагается быстро. И вот вскоре мы уже на знакомой окраине болота и там, присев на валежину, встречаем восход солнца. По-весеннему громко и задористо токуют тетерева, а из глубины ряма чуть слышно долетает осторожное пощелкивание глухаря.

— Гляди, кажется, Семен с ребятами по болоту шагают,— кивает Уварович.

Через полчаса на гриву поднимаются уставшие рыбаки.

После взаимных приветствий и расспросов устраиваем чаепитие.

— Как ягоденку-то побрала?

Семен Михайлович не спеша допивает кружку, крикает и бросает на Василия хитроватый взгляд.

— Да ничего, на бор Карасий не обижаемся.— Он достает кисет и скручивает сигарку.

— Втроем за десять дней тонны три брусники в мешки ссыпали.

— Неужели три тонны? — поражаюсь я.— Ведь для этого нужно истоптать не менее тридцати гектаров.

— Какое тридцати, мы всего-то, может, каких-нибудь пятток гектаров обобрали. Ягоды там красным-красно. Весь бор обобрать много народу нужно. Там сотни тонн пропадают.

Я со стыдом вспоминаю сводку Цингалипского госохот-промхоза об итогах сбора брусники... Эта организация сумела за сезон заготовить лишь две тонны ценнейшей ягоды.

— О Правдинске слышали? — спрашивает Уварович.

— Как же, у нас рация работает исправно,— хмурится Семен.

— Теперь, товарищи, знаете, какая наша главная задача? — Он смотрит мне в глаза.

— Чего молчите?

— Слушаю.

— Эх вы! Все только слушаете... А лес-то стонет. Ведь что же дальше-то получится? Пока новый город выстроят, наши лесозаготовители все ближайшие к нему боры успеют на нет свести. И ягоды, грибы, рыбу возить снова будем из-за

тридевять земель? Сколько от здешних мест до Правдинска? — Он поворачивается к Василию.

— Километров тридцать.

— Сердце кровью обливается... Мы с ребятами ягоду берем, а рядом на гриве лесозаготовители уже орудут. Нужно немедленно запрет на все левобережные лесные угодья наложить. Я так думаю, что святая задача всех нас — сохранить таежные богатства. Городу жить сотни, а может, и тысячи лет!

Минут пять длится молчание, потом я говорю:

— Правильно, Семен Михайлович. Я вполне уверен, что и кроме нас с вами найдется много, очень много людей, которые так же смотрят на эти вещи.

Семен затягивается махоркой.

— Посмотрим.

— Отстоим Яркинские угодья,— твердо говорит Уварович.

Мы прощаемся с Семеном и расходимся своими путями...

За болотом сворачиваем звериной тропкой на восток к озеру Шалашкову. Меня смущает почти полное отсутствие брусники, хотя в июне она здесь повсеместно цвела дружно и обильно.

— Что могло случиться? — спрашиваю я Уваровича.

Он останавливается и внимательно осматривает ягодный покров, потом, сорвав пучок, оборачивается:

— Гляди, что получилось, видишь, все цветочки жаром убиты.

Действительно, на стеблях вместо сочных ягод безжизненно висят сморщенные и почерневшие цветки.

— В июне-то, помнишь, как сушило, вот ягоды и не уродились. Бруснички только те плодоносят, что под дожди попали. Помнишь, на Карасьих борах в то время какой дождина лил? Вот и результат. По всем Карасьим борам нынче полно брусники, а здесь, видать, дождя не было. Пойдем, однако, дальше, может, у озер и есть ягода.

Собаки то и дело облаивают боровую дичь. Застрелив трех касачей и копалуху, перестаем обращать на собак внимание. Но вот опять слышен в глубине бора настойчивый лай. Уварович резко останавливается и, присев на корточки, щупает землю.

— Здоровенный олень-бык только что прошел. Гляди, какие копыта!

Лай приближается к нам. Василий с минуту прислушивается, потом сбрасывает рюкзак.

— Не иначе на этого быка голоса. Пошли быстрее.

Оставив рюкзаки, легко скользим по пышному ягелю.

— Лицензия-то с тобой? — озабоченно спрашивает он.

— Конечно. Заходи справа да не зевай: это тебе не лось! Уварович переводит на боевой взвод затвор карабина. Лай, все ближе и ближе. Наконец показывается зверь. Могучий свет-

ло-бурый олень с огромными ветвистыми рогами стоит на маленькой полянке и, нагнув голову, копытит землю. Обе суки, пронзительно лая, вертятся у самой морды зверя, ловко увертываясь от ударов страшных рогов. Не успеваю приставить к глазу фотоаппарат, как гремит резкий выстрел, и бык, взвизгнув на дыбы, заваливается на бок. Лайки остервенело рвут густую шерсть оленя. К добыче подбегаем одновременно с Уваровичем.

— Ну и бычина! — восклицает он, ощупывая бока и зад зверя.— Жирен, что боров. Полтора центнера потянет!

— Ай да собачонки! Смотри, сумели все-таки задержать зверя. Тридцать лет охочусь, а оленей из-под собак не убивал.— Василий ласково треплет своих маленьких помощниц, а те, выбросив длинные языки, тяжело дышат.

Я измеряю убитое животное, записываю результаты в блокнот, и мы свежем быка.

— Что же с мясом будем делать? — спрашивает Уварович и сам себе отвечает: — Вынесем к Шалашкову, там в избушке соль должна быть. Часть мяса подсолим, часть выкоптим.— Он минут пять молча работает ножом, потом предлагает: — Теперь я и один управлюсь, а ты отнеси к озеру рюкзаки и опростай их там. Тропой ступай, она аккурат к стану прибежит. Здесь километра три.

Через час, навьюченный двумя рюкзаками, я медленно подхожу к незнакомому озеру и удивленно таращу глаза на изобилие брусники. Весь приозерный бор пестрит бордовыми пятнами необычайно обильной и крупной ягоды. Такого обильного урожая мне никогда не приходилось встречать.

Тропка действительно уперлась в дверь старенькой избушки, а за ней открылся простор небольшого, но изумительно красивого озера. Шалашков сор чем-то напоминал Карасий. Озеро окружал старый бор. На воде плавали стайки всевозможных уток. Передохнув, с пустыми рюкзаками возвратился к Василию.

Два дня провели мы на приветливом озере. Детально осмотрев брусничный бор, я получил поразительную цифру — двести килограммов брусники с гектара. Я восхищаюсь небывалым урожаем, а Уварович скептически улыбается:

— Это для тебя урожай, а мы такую ягоду и брать не будем. Одна морока, а не сбор. За день три ведра. Нет, парень, расчету. Десять ведер за день — вот то урожай!

И вот снова впереди широко шагает Уварович одному ему известной звериной тропой. Он ловко огибает топкие болота и кочковатые щетинистые рямы. Иногда углубляется в бор, но больше придерживается окрайка грив. Собак мы ведем на сворах, иначе из-за глухарей, тетеревов и оленей нам и за неделю не добраться до легендарного Ендырского сора. Он

открылся неожиданно. Тропа протиснулась сквозь густую поросль молодых сосен и вдруг оборвалась перед гигантским выпуклым темно-синим шатром...

— Вот и Ендырь! — восклицает Уварович и пристально смотрит на безбрежную ширь. — Мы к сору-то подошли с западной стороны, — задумчиво поясняет он, — длиной озеро почти пятнадцать километров, а шириной — шесть. Что тебе море! На маленькой лодчонке и не суйся. — Он снимает рюкзак. — Спешить теперь некуда, давай покурим.

За нашими спинами тонет в гуще лесов холодное солнце. С тоскливым криком над вершинами сосен проплывает большая стая лебедей, сверкая бледно-розовым оперением, медленно опускается па воду.

Почти восемьдесят квадратных километров занимает огромный водоем. Сколько же в нем всякой рыбы?

— Тут недалеко на мыске балаган был, может, еще цел, пойдем, однако, к нему, — предлагает Уварович.

Балаган оказался цел, мы подновили лапником крышу и, устроив нодью, тепло и уютно переночевали. Поднимаемся с восходом. Погода по-прежнему ясная, хотя уже середина сентября. Пока Уварович варит из сушеной оленины похлебку и кипятит чай, я иду на мыс, осматриваю новые места.

Синяя ширь без единой морщинки. На горизонте узким зубчатым гребнем чуть заметно чернеет противоположный берег. Вплотную к озеру подступает высокоствольный старый бор. У самого уреза воды толкутся густые стайки мелких окуней и плотвы. Метрах в двухстах от берега безмолвно отдыхает на воде стая лебедей. Тишина. Солнце начинает золотить вершины сосен, и белохвостый орлан, неподвижно сидевший на сухой вершине, медленно расправил могучие крылья.

— Иди завтракать! — кричит Уварович.

Напившись чаю, мы сидим у потухшего костра и наблюдаем, как под лучами солнца меняет краски водная гладь.

— Татарлы, татарлы, татарлы! — громко разносится по озеру незнакомый птичий крик.

— Кто это?

Василий прикуривает от головешки.

— Татарская утка голосит.

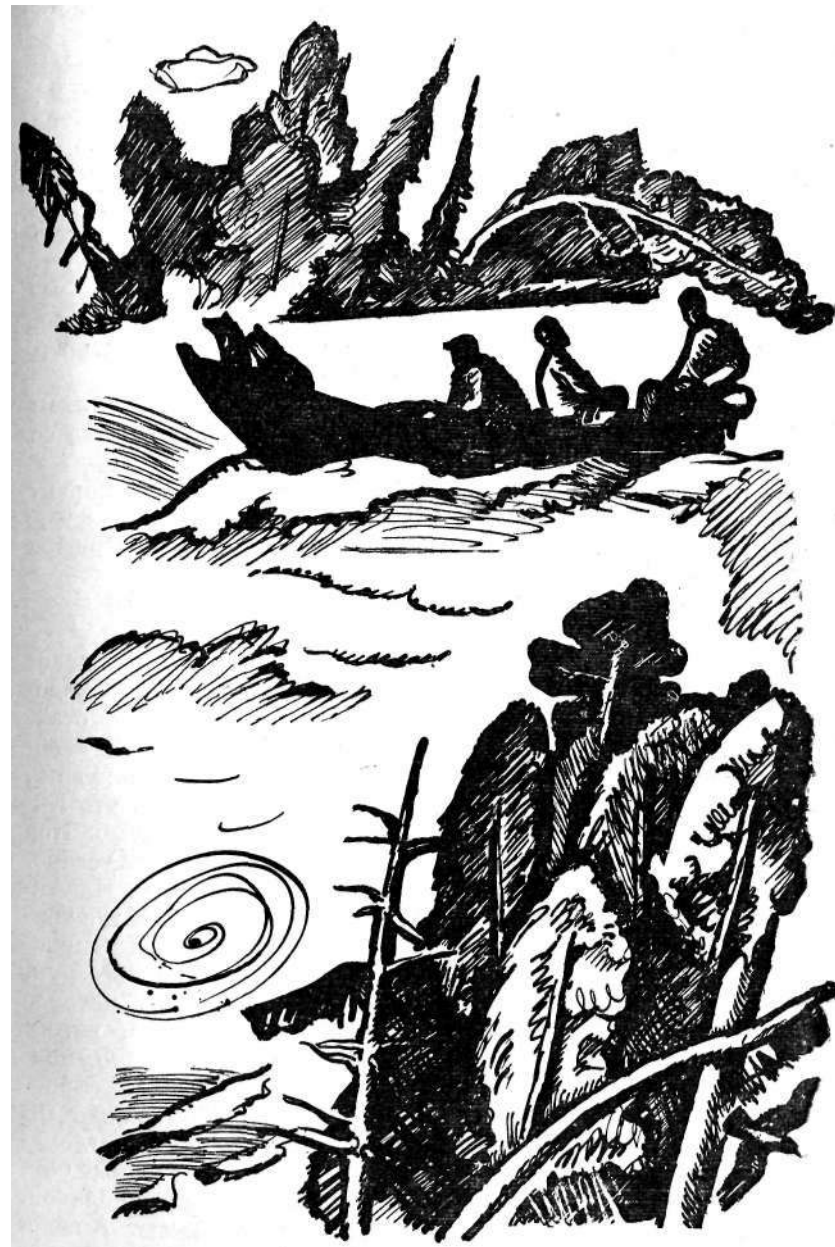
— Что за утка? Никогда о такой не слышал.

— Не знаю, как ее по-вашему называют, а мы зовем татарской. Вон, гляди, за лебедями большущая стая татарок на воду опустилась.

Пытаюсь разглядеть уток в бинокль, но узнать не могу.

— Что сегодня днем делать будем? — спрашивает он.

— Думаю так: ты иди спиннингуй, а я на резиновой лодке половлю на блесну окуней и хотя бы на два километра промерю глубину сора. А к ночи попытаемся сетки на сырка выставить.

— Согласен. Только гляди осторожно плыви, если волна поднимется, назад возвращайся. Это тебе не Карасий сор, а Ендырь! Он шутить не любит.

Надув резиновую лодку, отплываю за полосу камышей и становлюсь на якорь. Минут через пять начинается поклевка, и в лодку вытасен первый крупный окунь. За час лова в лодке полно рыбы. Тут я услышал крик товарища. Василий стоит по колено в воде и машет рукой. Подплываю ближе.

— Шевелись скорее, не могу со щукой управиться...

Миллиметровой толщины мягкая жилка распущена на всю длину и натянута как струна. Ухватившись оба за жилку, пятимся па берег. Перехватываем метров пять, и тут следует такой ответный рывок, что мы снова оказываемся по колено в воде.

— Неси скорее две палки, наматываем жилку и потянем волоком, иначе ничего не сделать,— говорит Уварович.

Намотав на принесенные мной палки леску, опять тянем щучипу. Со страшной силой она рванула в сторону. Жилка со звоном лопаается, и мы валимся на песок.

— Оборвала все же, сволота! — потирая колено, ворчит Василий.

— Ну теперь поди убедился, что не сказки я об Ендыре сказал?!

— Убедился.

— То-то, дорогой.

...Погасла заря. Без треска ровным пламенем полыхает костер. По-осеннему ярко горят звезды, а из глубин небес доносятся посвисты крыльев отлетающих на юг утиных стай.

Утром из сетей я выпутываю трех крупных сырков. Уварович недоволен, ворчит, что не на место выставили ловушки, а для меня и этого достаточно. Теперь я твердо знаю, что Ендырский сор — это неисчерпаемая кладовая ценных рыб. Под крики неразгаданной татарской утки мы покинули великое озеро.

Неделю бродили оленьими тропами от сора к сору. На Аксаке и Чебачьем видели тысячные стаи пролетных уток и с трудом оттаскивали лаек от выдровых нор. На Чертовом и Сырковом сорах ловили на жерлицы крупных окуней и жирных щук.

Встретили поле переспелой брусники, глядя на которое неисправимый скептик Уварович почесал затылок и изрек:

— Вот тут, пожалуй, парень, ягоденку брать можно, податно дело-то пойдет.

Поход завершен. Вчера вечером в проливной дождь мы добрались до кордона, а сегодня уезжаем на попутной автомашине. Гудит под порывами холодного ветра могучий старый бор, а с севера низко над лесом несутся стайки рваных облаков. Кончилась звонкая золотая пора... Нас провожают Анисья Петровна и Семен Огарков. Мы тепло прощаемся с этими сердечными людьми, живущими в чудесном краю лесов и озер.

Вера Ветлина ПРИГЛАШЕНИЕ ТРОПИКАМ

Паломник из Анурадхапуры

Патна. Индия. Царский двор. Двести сорок пятый год до нашей эры. В одном из покоев который день идет совет святейших и благочестивейших служителей Будды, созданных со всей округи. Они должны ответить на просьбу, приведшую в великое смущение царский двор.

Терпеливо ждут ответа послы с соседнего Цейлона. Просьба действительно деликатна: не разрешит ли двор увезти на Цейлон веточку дерева Бо, что растет в местечке Гайа близ Патны?

Просители понимают: смоковница Бо, под которой великий Будда одержал победу над плотью и искушавшими его дьяволами,— неприкосновенная святыня. Ее боготворят в Индии. Страшными карами грозит Будда всякому, кто осмелится сорвать хотя бы листок с дерева Бо. Но они прибыли сюда по совету самого Махендры — соотечественника хозяев дерева, который на-

саждает на Цейлоне учение Будды. Махендра полагает, что Будда не обидится, если веточка Бо переселится в страну Ланка и поможет внушать праведную веру племенам соседнего острова.

После долгих и горячих споров буддийские монахи разрешили срезать ветку Бо. Мастера изготовили для ростка священного дерева золотой горшок четырех футов в поперечнике. В сопровождении огромной толпы под звуки музыки его доставили к дереву Бо, украшенному по случаю торжества знаменами и драгоценностями.

Призывая милость всевышнего, неуверенной рукой царь взял золотую кисть, красной краской обвел ветку, предназначенную к пересадке, и, сдерживая волнение, произнес:

— Если этой ветке дерева Бо предопределено отправиться в страну Ланка, да пересадится она сама собой в этот золотой горшок.

И ветка это исполнила. И царь наметил на ней место, откуда должны пойти главный и побочный корни, и они выросли при громких криках изумленного народа. И дерево, совершая чудеса по пути, в сопровождении сестры Махендры принцессы Сангамиты было отправлено на корабле вниз по Гангу и благополучно прибыло на Цейлон. Там его торжественно встретил царь страны Ланка, не отходивший ни на шаг от дерева, пока оно не было доставлено в древнюю столицу Цейлона Анурадхапuru. С почестями посадили Бо на возвышенной платформе, а затем полили священной водой Ганга, доставленной в золотых и серебряных сосудах.

И дерево с такой силой стало укореняться на новом месте, что вогнало в землю огромный золотой горшок, в который было посажено. Боги послали обильные дожди, и оно быстро стало давать плоды, от которых служители Будды распространили его по всему острову. Нет теперь буддийского храма на Цейлоне, где бы вы не увидели священную смоковницу, ведущую начало от дерева Бо.

Об этом событии, тесно переплетенном легендами, рассказал в одной из своих книг известный русский путешественник и ботаник профессор Андрей Николаевич Краснов. Ученый был на Цейлоне около семидесяти лет назад. По обширной восточной равнине, сквозь непроходимые джунгли он долго добирался к Анурадхапуре в повозке, запряженной зебу. Он увидел руины дворцов древней столицы Цейлона, величественного города «с архитектурными памятниками не меньшего значения, чем памятники Рима или древнего Египта».

Века погребли, почти стерли с лица земли дворцы и многоэтажные монастыри, разветвленную сеть ирригационных сооружений, некогда дававших жизнь огромному краю. Но живо было дерево Бо! Два тысячелетия пронесли над ним и не сломали.

Ветка священного дерева Бо

Ученый нашел родоначальника священных рощ Цейлона среди древних дагоб и полуобвалившихся колонн храмов Анурадхапуре в окружении пальм и дочерних смоковниц. По ступеням поднялся к платформе, обнесенной железной оградой, где живет дерево Бо. Далеко за пределы ограды распростерлись его ветви, и кора их сильно потерлась от бесчисленных поцелуев верующих. Патриарху по-прежнему воздавались знаки почтения. Ни один смертный не смел сорвать листка с его ветвей, а поврежденные временем части ствола покрывались золочеными листочками или гирляндами цветов.

Русский ботаник проделал путь в тысячи километров, чтобы тоже поклониться дереву. Поклониться могуществу природы, создавшей образец столь необыкновенного долголетия. «Это дерево,— говорит он,— одно из древнейших деревьев в мире, время посадки которых помнит человечество».

Баньян, или фикус религиоза (*Ficus religiosa*), — таково ботаническое название священной смоковницы. В самом названии — главное назначение ее, сложившееся исторически как дерева поклонения, религиозного культа. Ученого интересует ее Долголетие, необычайная живучесть. Ведь в обширном роду фикусов, к которому относится Бо, насчитываются сотни и

сотни видов. Среди них много цепных. Например, фикус эластича, наше обычное комнатное растение, — каучуконос. Фикус карика — инжир, фига, или смоковница, как ее по-разному называют, — полезнейшее плодовое дерево.

Библейская смоковница до сих пор кормит обитателей многих горных областей мира. К примеру, в Кабилии, горной области Алжира, население, насчитывающее немногим больше миллиона человек, выращивает шесть миллионов деревьев инжира. Его плоды — основа питания населяющих Кабилию берберов.

Для ботаника двухтысячелетнее дерево, дающее плоды, столь же захватывающий объект изучения, как для геронтолога двухсотлетний старец, участвующий в конных состязаниях.

Священное дерево Анурадхапуры живо до сих пор. Несколько лет назад руководитель тропического и субтропического отдела Главного ботанического сада Академии наук профессор Кронид Тимофеевич Сухоруков с экспедицией советских ученых повторил маршрут А. Н. Краснова. Он побывал у развалин древней столицы Цейлона, поднимался к дереву Бо. Патриарх зеленого мира, возраст которого уже перевалил за две тысячи двести лет, до сих пор крепок и могуч. Национальная стража несет круглосуточный караул возле ценнейшей реликвии страны.

По-прежнему неприкосновенен каждый листок священной смоковницы. Но если бы наши ученые стали тщательно просматривать ветки, они нашли бы на одной из них довольно свежий срез и смогли бы объяснить, когда и для чего была срезана веточка Бо.

Неожиданны повороты истории. За год до поездки советских ботаников на Цейлон веточка неприкосновенного дерева предприняла новое дальнейшее путешествие, подобно тому как две тысячи лет назад само дерево Бо в виде веточки переселилось на Цейлон из Индии. Дерево Бо на этот раз отправилось паломником... в Советский Союз.

Было это так. В Москве проходил Всемирный фестиваль молодежи. Люди Земли собрались на него, чтобы наперекор злым силам утвердить свое братство. Прибыли на фестиваль и молодые буддисты Цейлона — стройные, коричневые, в желтых тогах, накинутых на одно плечо. Они привезли в кокосовой скорлупе маленький зеленый росток. Это был укоренившийся черенок с дерева Бо.

За год до фестиваля, в 1956 году, Цейлон отмечал 2500-летие своего государства. Дерево-реликвия почти ровесник государству. Его черенок и взяли посланники острова как самый ценный дар от своей страны.

Растение предназначалось для посадки в Саду дружбы, который закладывали участники фестиваля. Но тропическому дереву не вынести климат северной страны. Цейлонцы торжест-

веино вручили свое детище ученым Главного ботанического сада.

Я видела в одной из оранжерей Ботанического сада юное деревцо с надписью на этикетке: «*Ficus religiosa*». Высокое, стройное, с коричневым гладким стволом и тонкими гибкими ветвями, оно неплохо себя чувствует в гостях. Деревце немного похоже на наш тополь осокорь. Такие же по форме светло-зеленые листья на длинных черешках, так же вздрагивают и шелестят при легком ветерке. Только кончики листьев гораздо длиннее и острее, чем у тополя. Капельницы, приспособления тропических растений к удалению с листьев избытка воды, выдают его происхождение.

От Амазонки до Калахари — один шаг

Священная смоковница Цейлона поселилась в Москве. А русская березка совершила межконтинентальное путешествие и укоренилась в Садд-эль-Аали, по соседству с египетскими пирамидами. Ее взяли с собой и посадили у древнего Нила наши строители, помогающие возводить Асуанскую плотину. Это зеленые дары дружбы. Много их сейчас прибывает к нам с разных континентов и отправляется из Советского Союза в другие страны. Ибо ничто не выражает лучше, полнее потребность людей Земли в труде и мире, чем живое, трепетное деревце.

Растения пересекают рубежи стран и с другими визами.

Там же, в оранжереях Главного ботанического сада, живет особый, незнакомый нам мир растений. Они приглашены учеными на московскую землю с южных широт, где собрала природа самые удивительные свои чудеса.

Интродукция, перенесение видов растений в новые области распространения, ведется человеком с тех давних пор, когда из собирателя диких плодов, корней и листьев он стал превращаться в сеятеля, земледельца. Переселение дерева Бо из Индии на Цейлон — один из древних актов интродукции.

Широту и сложность современной интродукции можно себе представить, пройдя по стеклянным лабораториям Ботанического сада. Затопляемые тропическими ливнями джунгли Амазонки и высохшее от зноя мексиканское нагорье, африканские саванны и малайская римба *, леса Австралии и движущиеся пески Сахары — все дальние, жаркие края основали здесь свои «полпредства». Около четырех тысяч видов иноземных растений живет в оранжереях Главного ботанического сада, из них почти половина тропические. Для чего они тут?

Римба — девственный тропический лес Малайского архипелага.

Перед посещением оранжерей у нас состоялась беседа с академиком Николаем Васильевичем Цициным. Крупнейший биолог, неутомимый следопыт зеленого мира, он со дня основания Главного ботанического сада возглавляет его работу и руководит Советом, объединяющим все ботанические сады страны.

— У наших ботанических садов,— сказал он,— большая и увлекательная задача: находить в мировой флоре и испытывать все самое ценное, самое полезное, что может обогатить, пополнить набор наших культурных растений. Определенное место в поисках занимают растения тропического пояса. Среди них немало уникальных, нигде больше не встречающихся, но жизненно необходимых людям всех широт.

Ученый называет растения, которые, по его мнению, необходимо было бы акклиматизировать в нашей стране:

— Возьмите, например, австралийский эвкалипт. Это же универсальное растение. Все большую популярность он завоевывает как дерево-целитель. Листья и кора эвкалиптов используются для лекарств от многих болезней, а летучие вещества, которые выделяет живое растение,— фитонциды убивают болезнетворных микробов в воздухе. Кроме того, это дерево-насос. С помощью эвкалиптов уже удалось осушить в Колхиде немало малярийных болот. Быстрота его роста невероятна: в одно лето дерево способно вымахать на четырехметровую высоту, а в возрасте четырех лет достает до крыши трехэтажного здания. Дает прекрасную древесину. Эвкалипты уже утвердились на Кавказском побережье. Даже вымерзнув местами в особо суровую зиму 1964 года, они дали молодые побеги и снова пошли от корней. Теперь задача как можно шире расселить на Кавказе эту интереснейшую культуру.

Мы говорим затем об одном из самых капризных экзотов — о шоколадном дереве.

— Бобы какао,— замечает Николай Васильевич,— перестали быть роскошью. Теперь это необходимый продукт в нашем хозяйстве и приходится их ввозить в большом количестве из тропических стран. Пора подумать об освоении этой культуры у себя, чтобы по крайней мере ребяташек наших полностью обеспечить своим шоколадом и какао. Первые опыты показывают, что мы в состоянии это сделать.

— А не будет ли этот шоколад намного дороже, чем тот, который получаем из тропического какао?

— Мы имеем это в виду. Опыт показывает, что деревья, выращенные у нас, плодоносят почти так же обильно, как на западном берегу Африки. Пока культивирование какао в оранжереях обходится, понятно, дорого. Но почему бы нам в будущем не использовать, например, горячие источники Колхиды? При самых легких укрытиях плантации шоколадного дерева там смогли бы конкурировать с африканскими и по стоимости.

Приз за красоту получает орхидея Каттлея

Н. В. Цицин рассказывает о других тропических растениях, привлекающих внимание ученых,— о папайе, гвайяве, о новых цветах, которые должны будут украсить наши города и жилища.

— Познакомиться с ними в натуре,— заключает он,— можно здесь, в Ботаническом саду и на Кавказском опорном пункте, где многие пришельцы из жарких стран уже неплохо обжились.

Влажный жаркий воздух насыщен незнакомыми ароматами. Причудливые цветы свешиваются откуда-то сверху, выглядят из-под листьев, заполняют собой каждый уголок оранжереи. Она отдана изысканнейшим созданиям тропиков — орхидеям.

Мы идем под сиренево-кремовыми каскадами дебридумов, мимо орхидей группы Ванда с перламутровыми лепестками, которые густо усеяны малиновыми «веснушками». Вдыхаем аромат прекраснейшей из орхидей — Каттлеи, сочетающей необыкновенную красоту с тонким запахом. Пораженные останавливаемся у изощренного цветка гибридного фаленопсиса. Новые и новые, самые неожиданные сочетания цвета, формы, аромата встречаются красочным парадом, демонстрируя неистощимую изобретательность природы. Недаром известный немецкий

Живые каскады дендробиумов

натуралист Александр Гумбольдт сказал: «Целой жизни не хватило бы художнику для изображения даже самого ограниченного пространства, украшенного великолепными орхидеями...»

Жители этой оранжереи ведут «висячий» образ жизни и поэтому особенно хорошо просматриваются. На родине они заселяют стволы деревьев, выбирая таким образом из мрака и тесноты тропического леса к свету.

Все в них приспособлено к такому образу жизни. Длинные шнуры воздушных корней. Одни из них помогают орхидее держаться на стволе, другие, свешиваясь вниз, ловят дождевую воду и росу, плавающую в воздухе пыль. Королева цветов на строгой диете. Только эти скромные «продукты» да рассеянная в воздухе углекислота, которую усваивают листья, составляют ее рацион.

И, несмотря на это, королева ухитряется делать запасы. Клубневидные утолщения, бульбы, видны между листьями. Это своеобразные кладовые пищи и влаги, которые долго и терпеливо пополняет орхидея, чтобы потом все запасы бросить на одну цель — цветение. Тогда королева является миру в сказочном блеске и великолепии.

Она должна быть наряднее всех. На конкурсе красоты ей необходим приз. Надо, чтобы именно к ней прилетали птички величиной с наперсток — колибри, чтобы именно у нее полакомились нектаром и перенесли при этом с цветка на цветок пыльцу. Это надо для продолжения рода орхидей. Колибри ведь не разбираются в титулах, летят туда, где вывеска поярче и есть надежда на лучшее угощение. В тропическом лесу, полном всевозможных цветов, у них богатый выбор. Королеве, занимающей «высокое положение» на стволах, надо издали обратить на себя внимание. Иногда ей приходится ждать долго: недели, даже месяцы и тратить на подержание неувядающего наряда все свои накопления. Многие орхидеи не только красивейшие, но и самые долгоцветущие растения, что делает их особенно ценными в цветоводстве.

Но вот орхидея дождалась гостей, которые помогли в перекрестном опылении цветов. Парад кончается. В цветочных коробочках зреют семена. Тысячи, миллионы микроскопических семян-пылинок в каждой коробочке. Лишь при таком многомиллионном запасе почти невесомых семян можно рассчитывать, что ветер, подхватив их, как пыль, хоть часть донесет до других стволов, где они, зацепившись на высоте, дадут новые ростки.

Вот такая цепь сложностей сопровождает жизнь орхидей в тропическом лесу. Не мудрено, что их естественные россыпи постепенно тают. Не без участия человека орхидеи сходят с лица земли. Но все большее внимание привлекают эти растения как оранжерейная и комнатная культура.

Угодить капризнице нелегко. Она соглашается жить в неволе и цвести лишь на корнях одного из видов папоротника, который встречается в Закавказье. Специальные экспедиции заготавливают корни для наших отечественных оранжерей и для зарубежных любителей экзотических цветов. Измельченные корни с примесью болотного мха помещают в подвешенные деревянные каркасы, на корнях поселяют орхидеи. Они живут словно птицы в клетках. Таким висячим садом мы и проходим, любуясь орхидеями. Круглый год в нем поддерживаются жара и влажность тропического леса.

Раиса Семеновна Соколова, научная сотрудница сада, ведающая орхидеями, подводит нас к группе изящных фиолетово-сиреневых и желтых цветов. Они в отличие от других живут не в «клетке», а прямо в грунте оранжереи.

Какой интересный цветок! Три крылатых легких лепестка распростерлись над четвертым, похожим на подвешенную туфельку, расшитую разноцветными шелками.

— Что это?

— «Венерин башмачок», наземная тропическая орхидея. Между прочим, такие орхидеи встречаются и у нас в СССР.

Изящные «венерины башмачки» — орхидея наших лесов

И мы узнаем, что орхидея — это не только прихотливый цветок, обитающий в джунглях Амазонки. Что обширнейшее семейство орхидных насчитывает около двадцати тысяч видов — больше, чем любое другое семейство цветковых растений, и расселено по всему миру. Что и в нашей стране встречается больше ста двадцати видов орхидей, которые растут повсюду, кроме пустынь и самого крайнего Севера. Красивейшие среди них — «венерины башмачки».

Еще не так давно эти изящные башмачки можно было встретить в любом лесу от Прибалтики до Тихого океана. Они заходили чуть ли не на окраины Москвы. Теперь их с трудом найдете лишь в самых

глухих, малодоступных чащах. Северные орхидеи вымирают. Растения-уникумы катастрофически гибнут от жадных рук «охотников за красотой», и есть опасность, что скоро их останется на всю страну не больше, чем зубров в Беловежской пуше.

Надо во что бы то ни стало сохранить хрупкую прелесть орхидей людям не только нашего, но и будущих поколений. Об этом заботятся сейчас подлинные любители природы во всех уголках страны. Этим заняты и ученые Ботанического сада. Коллекция орхидей, тропических и своих отечественных видов, собранная в Главном ботаническом саду, — наш «золотой запас». Из него должно черпаться все лучшее для расселения по оранжереям страны. Кроме того, ученым орхидеи служат целой энциклопедией биологических «чудес», важных для познания общих законов природы. А одна из них — лиана ваниль интересует и практиков. Недозревшие плоды этой орхидеи дают ту самую ваниль, без которой не обходится кондитерская промышленность.

Один шаг, и мы с насыщенных влагой берегов Амазонки попадаем в оцепеневшую от зноя Калахари, затем на мексикан-

ское нагорье. Кусочек этих пустынных мест в другом отделении оранжереи.

Серая галька, где крупная, где помельче, рассыпана на стеллаже. Рассыпана? Нет, растет!

— «Живые камни», литопсы из пустынь Африки, — указывает на них экскурсовод Светлана Курганская. — Пример мимикрии, подражательной формы. Растения маскируются под камни, чтобы избежать истребления.

Идем дальше, и странный, химерический мир раскрывается перед глазами. Если в соседнем отделении мы видели конкурс изящества и совершенной красоты, то теперь словно попали на выставку, где шло соревнование на эксцентричность, на то, чтобы выглядеть как можно извращеннее, уродливее, непохожее на самих себя.

Вот две зеленые взбитые подушки. Не вздумайте использовать их по назначению: тысячи осиних жал-колючек вопьются в тело.

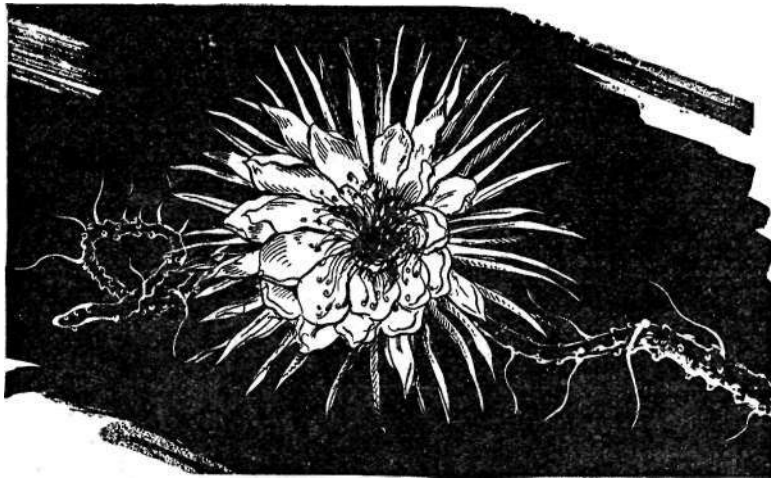
Узнаём, что мексиканские эхинокактусы, так называются колючие подушки, — почтенные старцы. Одному около ста лет, другому под шестьдесят. Вот целый выводок кактусов-ежей, за ними кактусы-подсвечники, кактусы-тарелки, совсем ни на что не похожие кактусы.

...Черно-зеленая змея, вся в колючках, извивается на стеллаже. У змеи совсем не соответствующее внешности название — Царица ночи. И все же название у этого редкого бразильского кактуса из рода Цереус точное. Пресмыкающееся иногда становится царственным цветком.

Таинство перевоплощения совершается не каждый год и лишь июньской или июльской ночью. Как в сказке, когда часы пробьют полночь, на безобразном теле раскрывается огромный, достигающий иногда четверти метра в поперечнике золотисто-белый цветок. Основание его острых, как лучики, лепестков начинает мерцать чуть приметным фосфорическим светом. Этот свет, словно фонарик, зазывает ночных бабочек, опыляющих цветок. Пряный ванильный аромат помогает найти направление.

Всего лишь два-три часа длится торжество, затем гаснет таинственный свет, понижают лучики-лепестки. Прекрасный цветок умирает. Остается распластавшаяся уродливая змея. Годами будет она, прячась в камнях, накапливать силы, чтобы снова в одну из летних ночей вспыхнуть огненными цветками.

Можно без конца рассматривать то странные, то забавные существа, населяющие этот растительный зверинец. Около тысячи видов кактусов Южной Америки, молочаев и алоэ африканских и азиатских пустынь собрано в оранжерее суккулентов, то есть сухолюбивых. И все-таки при огромном разнообразии

«Царица ночи». На уродливом теле сказочный цветок

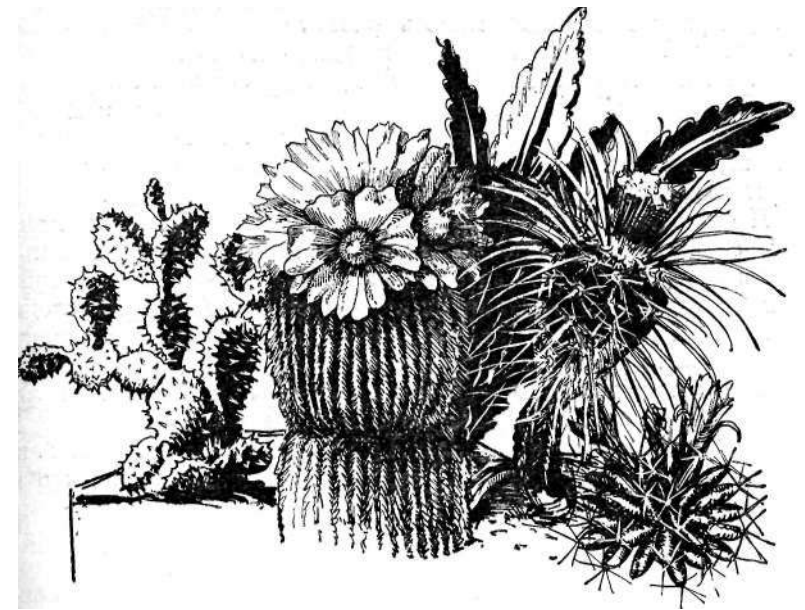
этих удивительных растений все они имеют между собой что-то общее.

Прежде всего колючки. Но у каждого особые. Целый арсенал шипов, когтей, щетины, острых ворсинок можно увидеть в отделении суккулентов. И по цвету они красные, желтые, серые, черные, наконец, пестрые и полосатые. Трудно даже предположить, что возможна такая изобретательность в создании и размещении столь элементарного оружия — колючки.

И вторая общая черта. У этих созданий, принадлежащих к растительному миру, как правило, не найдешь необходимейших частей, присущих растениям: стебля, ветвей, листьев в их привычном виде. Вместо них прямо на земле зеленый шар или нагромождение толстых лепешек, или торчащий стержень толщиной от веревки до бревна. Шары величиной от лесного ореха до футбольного мяча. А на родине, в мексиканской пустыне, они достигают двух метров в диаметре и веса до тонны. Там же знаменитый кактус Большая свеча возвышает свой гигантский канделябр на десять метров! Некоторые виды кактусов живут до пятисот лет. На стеллаже оранжереи они куда скромнее, но и здесь удивляют своей мускулистой силой.

Мускулистость, неприступность, броня из колючек — такой устрашающий вид оказывается всего лишь маскировкой. Если снять плотную, как хрящ, кожицу, внутри обнаружится сочная, рыхлая ткань, пропитанная влагой как губка. Живой сосуд с водой! Откуда он берется в мертвой пустыне?

...Маленький кактус на вашем окне, часто забытый, запыленный, примелькавшийся, — золушка среди комнатных

Эксцентричная семейка кактусов

цветов. Посмотрите на него с уважением. Он одно из удивительнейших творений природы, пример блестящего решения ею почти неразрешимой задачи.

Задача такова: поселить живое, сочное растение на раскаленной плите, чтобы росло, цвело, продолжало род. Раскаленная плита — пустыня Мексики, где с пышущего жаром неба редко-редко падает на землю живительный дождь. Земля превращается в звенящий от сухости и зноя камень. На нем должно жить растение.

Но как известно, без воды не может обходиться ни одно живое существо. Для растения почвенная влага то же, что кровь для животного, она должна циркулировать непрерывно.

Изобретательная природа поступает так. Удаляет листья (они создают слишком большую поверхность испарения). Листья превращает в жесткие, сухие колючки. Заодно отбрасывает ветки. При данной ситуации, без листьев, они тоже не нужны. От веток остаются небольшие бугорки. Сохраняет лишь стебель, ствол, чаще всего превращенный в шар. Знакомая с геометрией природа учитывает: шар — тело с наименьшей площадью поверхности. Покрывает шар плотной, как хрящ, оболочкой. Размещает в ней хлорофилловые зерна: пусть ствол сам выполняет работу листьев, обеспечивает питание из воздуха — фотосинтез. Внутренние ткани растения превращает

в водохранилище. Его емкость рассчитывает таким образом, чтобы воды, запасенной в короткий дождливый период, хватило при экономном пользовании до следующих дождей. Закупоренная плотной оболочкой «цистерна» ошетиливается тысячами жал-колючек против всякого, кто вздумает посягнуть на живую воду. Вот какое чудо изобретательности и точного расчета стоит на вашем окне — маленький незаметный кактус.

Я смотрю, с какой любовью, вооружившись лупой и пинцетом, старший садовод оранжереи Борис Сергеевич Цыплаков рассаживает микроскопические «детки» каких-то необыкновенных кактусов. А девочки-юннатки, затаив дыхание, следят за каждым его движением, чтобы потом получить разрешение проделать эту работу самим. Смотрю на колючее, разношерстное, но чем-то трогательное их хозяйство и начинаю понимать людей, которые увлекаются выращиванием кактусов.

Эти занятные растения могут привязать к себе. Они дают много пищи для наблюдений и размышлений. И ни на что не претендуют. Могут, как немногие из комнатных растений, жить рядом с отопительными батареями. Могут ждать вас и месяц, и полтора, если вы уехали в отпуск и некому их полить. У тех, кто увлекается кактусами, интересное и полезное занятие в свободное время.

Тропики на Холодной речке

Мы прошли только два отделения оранжерей Главного ботанического сада, где расселены, казалось бы бесполезные, «растительные безделушки». И в них узнали немало поучительного. А таких отделений с новыми лекарственными и плодовыми, эфирноносными и цветочными растениями десятки, целый стеклянный городок, населенный «чужеземцами». С одними отношения так и останутся «на уровне дипломатических представительств». Другие получают приглашение прочно поселиться в нашей стране. Для более близкого знакомства и широкого испытания таких тропических растений на Черноморском побережье Кавказа десять лет назад организован Научно-исследовательский оперный пункт. Мне посчастливилось побывать и в нем.

Поезд долго идет вдоль моря узенькой тропинкой, вырубленной для него в горах, надвинувшихся на берег. На остановке Синагле перед Гагрой он стоит так мало, что еле успеваешь прыгнуть с высокой подножки прямо под откос. И сразу в глаза ударяет солнце, охватывает зноем. По-русски это место называется Холодной речкой.

Шоссе делает петлю и, подняв нас по склону, приводит к воротам сада. Мы долго стоим, любуясь панорамой, которая от-

крывается отсюда. Зеленые горы обступили сад с трех сторон. Редкостная пицундская сосна расселилась по склонам. Воздух весь пропитан ее ладанным ароматом. А внизу синее-пресинее море в миллионах солнечных искр. Море и горы разместились тут столь удачно, что получился уголок такой же теплый и ровный по климату, как расположенная чуть южнее Гагра.

И за воротами вырос райский сад. Если бы господу-богу потребовалось начинать все сначала, он наверняка поселил бы основателей рода человеческого именно здесь.

Мы входим в ворота, путешествие по тропикам продолжается. Конечно, от Холодной речки до экватора все-таки далеко, поэтому и здесь большинство растений живет под укрытием. Но оранжереи легкие — просто стеклянный каркас над участком земли.

Тонкая стеклянная стенка позволяет тут жить самым привередливым из тропических гостей. Например, мангостану я гвайяве.

Темно-красный, похожий на яблоко плод мангостана мы иногда видим на этикетках консервных банок. Но почти никто не пробовал в свежем виде его белоснежную мякоть, тающую во рту. Как говорят, изысканнейший из тропических плодов мангостан имеет вкус одновременно персика, винограда и апельсина вместе со своим непередаваемо тонким специфическим вкусом.

На Холодной речке в оранжерее опорного пункта Главного ботанического сада Академии наук растет стройное деревце с длинными, сложными в тонкое плиссе листьями — первый мангостан, переселившийся из Индии. Первенцу пять лет, и здесь ждут начала его плодоношения.

А гвайява уже приносит плоды — некрупные, желтовато-зеленые, несколько похожие на плоды фейхоа. Кстати, гвайява — дальняя родственница этого уже освоенного, свободно растущего на побережье субтропического растения. Многим теперь известен ананасный аромат, приятный вкус фейхоа. Плод гвайявы — своего рода концентрат всего, ЧЮ нам нравится

Отсюда приходит чашка кофе

в фейхоа. Это скорее приправа. Достаточно положить в комнате один плод, чтобы наполнить ее тонким ароматом. В качестве приправы он может «облагородить» любой деликатес. Мы испытали истинное удовольствие, отведав по дольке гвайявы.

По соседству деревца, на которых множество зеленых, чуть удлинненных ягод, похожих на вишни. Но не сочная мякоть, как у вишни, привлекает к ним внимание. Довольно безвкусная мякоть идет на корм скоту. Мировую славу принесли деревцам крупные фисташково-зеленые зерна с рубчиком на плоской стороне, сложенные по два в каждой ягоде. Эти зерна знакомы всем. Поджаренные и размолотые, они ежедневно присутствуют на нашем утреннем столе в виде чашки ароматного кофе.

Кофейные деревца получили постоянную прописку на Холодной речке, вполне тут освоились и уже четыре года дают урожай. Пока урожаи, понятно, невелики, но уже собирали и по

восемь килограммов зерен аравийского кофе, одного из лучших. Если их рассматривать как будущие деревца, которые вырастут в ботанических садах страны, получится немало.

За порогом следующего отделения попадаем в тропический лес с его спертой, влажной жарой, с полумраком от сплошного полога листьев. Прямо на серых шершавых стволах деревьев прилепились ребристые плоды, похожие на гранаты-лимонки; рядом с крошечными зелеными тяжелые ярко-оранжевые до двадцати сантиметров в длину. Сколько же их? Начали считать, оказалось на одном дереве пятьдесят девять! И тут же, на грубых стволах и толстых ветвях, среди «лимонок», пучки еле различимых крохотных бутончиков и белых невзрачных цветков. Занятные деревья — наглядные ботанические пособия,

«Пищу богов» — шоколад дают висящие на стволе «лимонки»

на которых сразу можно видеть в натуре, как проходит весь цикл плодоношения от бутона до зрелого плода. На наших тропических растениях такого не увидишь: между цветением дерева и его плодоношением всегда интервал в несколько месяцев.

Перед нами дерево мексиканских ацтеков теоброма, то есть «яство богов», или дерево какао.

Известно, что плоды какао как диковинка были впервые привезены в Европу из Южной Америки Колумбом. Самое интересное представляли собой длинные, похожие на бобы коричневые семена теобромы — по несколько десятков в каждом плоде. Из бобов теобромы, особым образом подготовленных и размолотых, ацтеки издавна приготавливали душистый острый напиток чоколатль, в который добавляли ваниль и перец. Пили его холодным. Напиток обладал удивительным свойством повышать настроение, поддерживать бодрость.

Сластены-европейцы вместо перца стали класть в чоколатль сахар и пить горячим. Шоколад превратился в изысканный напиток европейских салонов, а бобы какао — в предмет мировой торговли. Почти миллион гектаров занимают сейчас плантации шоколадного дерева в тропическом поясе, главным образом в Западной Африке.

В наши дни происходит новое открытие теобромы и в роли Колумба — наш Главный ботанический сад. Ученые вырастили первые плоды в своих оранжереях, а из их семян, уже чуточку приспособившихся к новым условиям, заложили тут, в оранжерее под Гагрой, первую рожицу шоколадного дерева. «Тропики» Холодной речки оказались подходящим климатом для теобромы, зябкого жителя жарких стран, уже «замерзающего» при двенадцати градусах тепла. Сейчас шоколадным деревьям по девять-десять лет, они вступают в пору полного плодоношения, которое будет продолжаться несколько десятков лет.

Затем мы попадаем в другую рошу, пожалуй еще более удивительную, чем шоколадная. Заведующий опорным пунктом Григорий Демьянович Крыжановский рассказывает о ее происхождении.

Горсть черных и мелких, как рыбки икринки, семян, заключенных в оранжево-желтый четырехкилограммовый плод, приплыла к нам с Кубы. Вот эта горсть семян и поднимается сейчас высокими, совсем необычного облика деревьями.

Подходим к одному, стараемся определить, на что похоже. Оно словно составлено из нескольких разных растений. Ствол толщиной с многолетнее дерево, но зеленый, гладкий, сочный, как у травы, поднимается на трехметровую высоту. Там, на самой верхушке, словно у пальмы, корона крупных листьев. Но листья, круглые, глубоко разрезанные, похожи не на пальмовые, а на листья комнатной аралии. Цветы у чудо-дерева

напоминают зеленовато-белые, мясистые колокольчики юкки нашего Черноморского побережья, но расположены они по-другому — на верхушке в пазухах листьев. А весь ствол увешан... дынями. Плоды, как и на дереве какао, в разной стадии роста — от крошечной завязи до полновесных, тяжелых, как двухкилограммовые гири.

— Как думаете, в каком возрасте это дерево? — спрашивает сопровождающий.

— Ну, наверное, оно ровесник шоколадным. Что-нибудь около восьми—десяти лет?

— Ему еще нет и года.

Чудо-дерево, которое так и называется дынным деревом или папайей, оказалось чемпионом по скорости роста. Оно начинает цвести на шестом-седьмом месяце после появления всходов, от цветения до созревания плодов проходит еще пять-шесть месяцев. Таким образом, уже в течение первого года после посева появляется первый спелый плод. А живет и непрерывно плодоносит папайя много лет.

Заманчиво было попробовать и древесную дыню, вид у нее соблазнительный. Но мы не стали злоупотреблять гостеприимством. Просто вспомнили, что рассказывал о плодах папайи в Главном ботаническом саду профессор К. Т. Сухоруков, побывавший в Индии и на Цейлоне.

— Плоды папайи, — говорил он, — действительно напоминают дыню. Но нельзя сказать, что они хороши на вкус, наши дыни куда вкуснее. У себя на родине папайя — дешевое, общедоступное угощение. В Индии и на Цейлоне она растет повсюду. Однако нас интересуют в первую очередь не вкусовые, а целебные свойства папайи. Ее плоды и листья содержат ценнейший фермент — папаин (папайотин), который активнее, чем пепсин желудка, расщепляет белки. Папаин неограниченно нужен пищевой промышленности. Кроме того, ученые нашли, что он растворяет больные клетки и, возможно, станет действенным оружием врачей в борьбе с болезнями. Уже изготовлены первые партии советского папаина. Пока мы удовлетворяем лишь потребности гомеопатов. Академик Н. В. Цицин считает, что скоро сможем обеспечить и более широкие запасы.

Живым подтверждением этих надежд явились папайи-разведчицы, которые мы увидели, выйдя из оранжереи. Они покинули стеклянную защиту, поселились прямо на открытом участке. Рискованное переселение для жителей тропиков! По ученым хотят использовать необыкновенную «динамичность»: папайи и испытать, нельзя ли выращивать ее более широко и дешево в однолетней культуре под открытым небом. Для получения папаина используется млечный сок недозревших плодов и листьев. Их, наверное, можно будет получать в достаточном ко-

личестве в течение лета до того, как растения погибнут от осенних холодов. У ученых нашей страны есть подобный опыт. Ведь именно так была одержана победа над хинным деревом.

Еще тридцать лет назад малярией болела одна треть населения мира. Потребность в хинине исчислялась в двадцать шесть тысяч тонн ежегодно. А плантации Индии и Явы, всего тропического пояса, в состоянии были обеспечить целебной хинной коркой лишь несколько человек из каждой сотни больных лихорадкой. Сравнительно недавно покупала хинин и наша страна, платила за него каждый год большие деньги. Получить собственный хинин становилось неотложнейшей задачей.

Но дитя полуденных стран, хинное дерево, упорно не желало поселиться даже в самых теплых наших субтропиках.

Первые семена цинхоны (таково ботаническое название дерева), привезенные из Индии, были заботливо посеяны на самом лучшем участке в Батумском ботаническом саду еще в 1888 году. Все росточки погибли, не успев набрать силы. Ученые посеяли цинхону в теплице, потом саженцами перенесли на участок. Опять погибла.

Началось соревнование в упрямстве. Цинхону пробовали выращивать в тени и на солнцепеке, на различных склонах и на разных почвах, помещали под стеклянные колпаки и создавали опрыскиванием над ней влажную «подушку». Результат был неизменный. Среди лета листья цинхоны внезапно опускались, Растения увядали, а если дотягивали до осени, то погибали от первых холодов.

Почти столетия бились с цинхоной с перерывами на годы, когда у исследователей совсем опускались руки. И

Чудо-дерево,
на котором растут «дыни»

победили. Уже в тридцатых годах на Кавказе зазеленели первые плантации упрямого дерева. Семена для них собрал, отправившись в экспедицию по высокогорным районам Южной Америки, и высадил на Кавказе страстный поборник обновления нашей земли академик Николай Иванович Вавилов. Его последователь Михаил Михайлович Молодожников, отдавший десятилетия покорению цинхоны, разработал в Кобулету, на опытной станции Всесоюзного института лекарственных растений, способ выращивания хинного дерева в виде однолетних растений. Весной там высаживают укорененные в теплицах черенки, осенью срезают разросшиеся побеги и отправляют на переработку.

С тех пор цинхона добросовестно лечит наших больных. А теперь и сама малярия у нас стала редкостью. Всеобщей признательности заслуживают люди, своим упорством победившие ее, и в их числе ученые, приручившие цинхону.

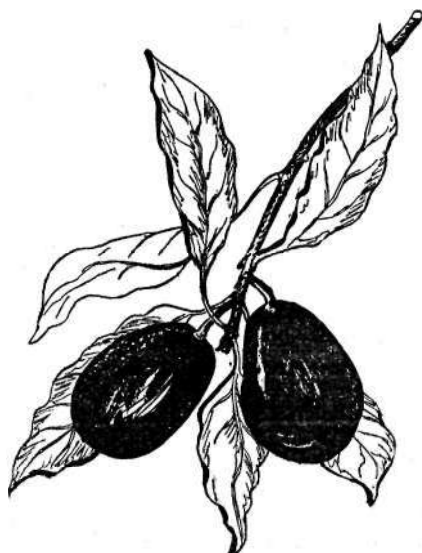
На пути к успеху приручение еще одного интереснейшего дерева мира, которое мы увидели в опытном саду на Холодной речке. Называется оно авокадо, родом из Мексики и Гватемалы, а растут на дереве «бутерброды с маслом».

Вспоминается, как несколько лет назад один хороший знакомый привез с Кавказа черноморскую диковинку. Это был удлиненный, почти черный плод, несколько похожий на баклажан.

— Вы не представляете, что это за прелесть, — начал он с жаром. — Плод, на одну треть наполненный сливочным маслом.

По вкусу богаче, чем сливочное масло: в нем привкус и грецкого ореха, и яичного желтка. Исключительно богат всевозможными витаминами. Отличнейший салатный плод! А если положить сахар, можно сделать превосходное мороженое. Сейчас буду вас угощать.

Знакомый был не только специалистом по субтропическим культурам, но и гурманом. Он священнодействовал. Разрезал плод пополам. Под темной кожурой оказалась белая, чуть кремовая мякоть, действительно похожая на сливочное масло. Вынул крупное семя. Затем в образовавшуюся ямку положил СОЛЬ, перец, ЧТО-ТО еще

«Бутерброды с маслом» тоже растут на дереве. Авокадо

из специй и торжественно вручил всем по дольке. Действительно, это было очень вкусно.

Так мне удалось впервые познакомиться с авокадо, о котором в Гватемале говорят: «Четыре-пять тортильяс *, чашка кофе и один плод авокадо — отличная еда». В других местах его называют коровой бедняка. Плод был снят в Гагре, где много лет жили и давали обильные урожаи несколько больших деревьев авокадо.

Попытки поселить авокадо на кавказском побережье тоже насчитывают несколько десятилетий. Его, как и цинхону, привез из поездки в тропики академик Н. И. Вавилов. Многие ученые занимались приручением авокадо на Кавказе. Упорно, после каждой «погромной» зимы, которые случаются время от времени на побережье, поклонники авокадо вновь закладывали участки из семян растений, которые оказывались наиболее стойкими. Изучали последовательно: что же требуется этому разборчивому пришельцу для прочного поселения на новой родине?

Доктору сельскохозяйственных наук Георгию Тимофеевичу Гутиеву, в частности, удалось установить существенную особенность: авокадо — строгий кальциефилл, то есть может жить лишь на почвах, богатых известью. И совершенно непримирим к кислым почвам, на которых у него отмирает корневая система. Этим объяснялись многие «капризы» авокадо. Такой вывод открывает большие возможности. На кавказском побережье можно найти тысячи гектаров именно таких известковых почв.

Остается самая серьезная преграда — морозы. Постепенно акклиматизируясь, наш советский авокадо уже лучше приспособлен к холодам, чем апельсины и лимоны, которые довольно свободно растут на побережье. Он выносит морозы до семи-восьми градуссов, но пока не застрахован от более свирепых холодов.

Деревца, которые мы увидели на Холодной речке, только-только поднимались свежей порослью вокруг отмерших деревьев. Авокадо пострадали от необычайных морозов, прорвавшихся на побережье зимой 1964 года. Но не погибли. Поросль превратится в новые деревья. Авокадо растет быстро, в пять-шесть лет уже дает первые плоды, а к десятилетнему возрасту приносит по триста — четыреста «бутербродов». Этой новой культурой начинают серьезно интересоваться совхозы Грузии.

Вот и закончилось путешествие в наши «тропики». Оно принесло много живых впечатлений, хотя увидели мы далеко не все интересное, что там можно найти. Оно показало, сколь Долго и сложен путь приручения чужеземных растений. В самом

Тортилья (испан.) — кукурузная лепешка.

деле, веками и тысячелетиями жили они совсем в иных условиях, сроднились, приспособились к ним каждой своей клеточкой. Приходится постепенно, исподволь перестраивать, переламывать привычки, заставляя принять новые, порой почти немислимые для них условия обитания. Поколения наших ученых посвящали этому свою жизнь. Часто терпели неудачи, разочарования, но все же сделано было многое. Их неустанный поиск обновляет нашу землю, делает ее обильнее и краше.

Виктор Болдырев*

ЗАГАДКА ОДИНОКОЙ ХИЖИНЫ

Перстень

— Такого еще не бывало, — ворчал Костя, разглядывая пустое пятно на карте.

С безлесого кряжа, где мы стояли, открывалась долина Анюя, стиснутая синеватыми сопками. С птичьего полета бегущий по галечному дну поток казался неподвижным. Внизу, на анюйских террасах, нежно зеленели свежераспустившейся хвоей лиственницы. Деревья росли вдоль широкого русла.

Давно я не видел леса и жадно разглядывал в бинокль зеленеющие чащи, так красивые дикую долину. Вероятно, люди редко забредали сюда.

* Автор публикуемой ниже небольшой повести писатель Виктор Болдырев много лет жил и работал в Магаданской области. Он хорошо изучил природу и историю Колымы и Чукотки. В его увлекательно написанной приключенческой повести удачно сочетаются элементы авторского вымысла со многими подлинными фактами из истории этого сурового, но по-своему чудесного края. — *Прим. ред.*

— Ну и дыра...— пробормотал Костя, складывая бесполезную карту.— Что там переселение народов! Монголы шли по обжитым местам...

В душе я соглашался с приятелем. Двигаться в безлюдных горах, в глубь тайги с полудикими тундровыми оленями казалось сущим безумием.

Представьте себе три тысячи чукотских важенок, пугливых, как серны. Мы получили их в коррале по ту сторону Анадырского хребта. Отел прошел благополучно, стадо почти удвоилось, и, когда ласковое весеннее солнце растопило снега, обновленные табуны двинулись в далекий поход.

Нам поручили вывести оленей ближе к золотым приискам Дальнего строительства. Впереди простирался путь в семьсот километров через перевалы Анадырских гор и таежные дебри Омолона. Анадырские хребты еще не значились на картах Чукотки. О золоте Аня тогда и не слыхивали. Приходилось гнать табуны по неведомой горной стране величиной с Францию.

К верховьям Аня мы выбрались с Костей и старым ламутом Ильей на вьючных оленях, совершив утомительный переход по каменистым гребням. И вот теперь мы разглядывали лежавшую перед нами незнакомую долину.

Вдруг Илья хмыкнул. У невозмутимого охотника это означало крайнюю степень удивления. Он потянулся за биноклем и прильнул к окулярам.

Я удивился. Дальнозоркий старик редко пользовался биноклем, предпочитая разглядывать дальние предметы из-под ладони.

— Тыфу пропасть... зачем, анафема, тут стоит... совсем дальний место...— говорил Илья, не отрываясь от бинокля.

— Сохатого, старина, увидел, а? — усмехнулся Костя.

Он разлегся на пушистом ковре ягельников, с наслаждением покуривая обгорелую трубочку.

— Гык! Русская дом, однако...— растерянно моргая покрасневшими веками, сказал старик.

— Дом?!

Ламут плохо говорил по-русски и, видно, перепутал слово. Ближайшее поселение находилось в трехстах километрах ниже, почти у самого устья Аня, и тут, в неизведанных его верховьях, не могло быть никакого дома.

— А ну, дай-ка! — взял бинокль Костя.

— Зачем не туда смотришь... Вон пестрый распадок... видела?! Совсем густой деревья — дом маленький прятался...

— Ну и номер! Всамделишная изба стоит... Посмотри...— Костя протянул мне цейс.

Действительно, в глубоком боковом распадке среди вековых лиственниц приютилась крошечная бревенчатая избушка.

Она стояла в укрытом месте — с реки не заметишь. Ее можно было обнаружить лишь в бинокль с высоты горного кряжа.

В сильные двенадцатикратные линзы я различил обтесанные бревна, темные оконца, прикрытую дверь, груды каких-то вещей на плоской крыше. Кто же поселился в этих диких местах?

— Однако, русский люди строила...— ответил на мои мысли Илья.— Ламут, юкагир, чукча в чуме, в шалаше, в яранге кочевала.

Находка русского жилья в глубине Анадырского края, безлюдного, как мир до Адама, поразила нас.

Посовещавшись, мы решили тотчас двигаться в распадок к одинокой хижине. Идти к Аню все равно было нужно. Оленьи стада остались на попечении пастухов у Голубого перевала. Костя провожал меня, я же собирался спуститься на плоту по Аню к Нижне-Колымской крепости (так величали колымчане Нижне-Колымск), а оттуда добираться с отчетом в Магадан.

Костя считал, что избушку в этой дьявольской глуши построил недобрый человек и надо быть готовыми ко всему. Он прибавил патронов в девятизарядный магазин винчестера и заявил, что берет на себя «лобовой удар» — спуск прямо к хижине, с сопки.

— На мушку удобнее брать сверху, я у вас вроде артиллерийской батареи буду...

Мы с Ильей по этой диспозиции совершали обходный маневр — спускались с вьючными оленями в долину Аня и запирали выход из распадка.

В долине мы оказались быстро. Разгар июня — чудесная пора в Анадырских горах. Снега уже стаяли, греет солнышко, комары еще не появились. Море света заливает расцветающую тундру, душисто пахнет багульник. Люди и олени блаженствуют после зимней стужи.

Где-то рядом посовиствовали пищухи, пробудившиеся от Долгой зимней спячки. У болотца, распушив синеватые перышки, наскакивали друг на друга турухтаны. В брачном танце они не замечали людей.

— Кыш, кыш... совсем ум теряла, лиса ловить будет,— взмахнул посохом Илья.

Анюй, сделав излучину, вплотную прижимался к распадку, где скрывалась избушка. Река, пропуская весенние воды, вздулась, взгорбилась пенными валами и несла мутные струи вровень с берегами.

Быстрота течения смутила меня. Но Илья, посмотрев на взбаламученный поток, удовлетворенно чмокнул.

— Совсем высокий вода. Плот мино делать будем, быстро поедем.

Плыть по Анюю я хотел вместе с Ильей. Старик предлагал связать треугольный юкагирский плот — мино. На таких плотках юкагиры благополучно спускались по беспокойным колымским рекам.

Оглушительный выстрел гулко раскатился в горах.

— Аей-и! — подскочил ламут.— Беда. Костя палила!

Бросив вьючных оленей, мы кинулись к распадку, щелкая затворами.

Опередив Илью, я мчался по мшистой террасе, перепрыгивая кочки. Проломившись сквозь лесную чашу, выбежал на опушку и увидел Костю. Он прыжками спускался по черной осыпи, съезжая на языках щебня.

Костя что-то кричал, показывая винчестером вниз на избушку. Она была рядом. Двумя зрачками чернели в светлых бревнах крошечные квадратные оконца, похожие на бойницы. Дверь была плотно закрыта.

Хижину поставили ловкие руки. Она напоминала маленькую бревенчатую крепость. Обитатели ее могли долго отстреливаться из своего убежища. Учитывалась каждая мелочь. Даже с тыла к этому крошечному блолгаузу по рыхлой осыпи подобраться бесшумно невозможно.

Эти немаловажные детали мгновенно слились в разгоряченном воображении в довольно правильную, как выяснилось потом, картину.

Подбежал, задыхаясь, Илья.

— Пус-то! — крикнул Костя, закидывая винчестер за спину.

Веточки голубики и багульника густо разрослись у порога избенки, мохом поросли притолоки низкой двери, он зеленел и на плоской крыше, где кучей громоздились олени рога, совершенно выбеленные временем.

Мы молча разглядывали мертвое жилище. Бревна, сухие, как телеграфные столбы, были вдвое толще росших поблизости лиственниц. Просто удивительно, откуда притащили сюда такие стволы.

— Эх и жаль, ни души... — разочарованно протянул Костя!

Он вытащил кисет и закурил трубочку. Пустая хижина его мало интересовала. Меня, наоборот, влекли молчаливые избушки Севера. Нередко они хранят память о таинственных полярных трагедиях.

Дверь так обросла мхом, что мы втроем едва отворили ее. Петли из сырости истлели, и дверь осталась у нас в руках.

— Совсем не помнила, когда люди в дом ходила... — кивнул Илья на замшелый порог.

Полутемная горенка оказалась небольшой — метра три на четыре. Светилось небольшое окошко без рам. Видно, сюда вставляли зимой лед вместо стекол. В бревенчатых стенах прорубили квадратные бойницы на высоте человеческого

роста. Хижину, несомненно, приспособляли к длительной осаде.

В левом углу чернел полуразвалившийся камелек, сложенный из прокопченных сланцевых плит. Зимой открытый очаг освещал и обогревал жилище. Теперь в обрушившийся дымоход просвечивало небо.

Вдоль стены в самом теплом месте избушки помешались широкие нары, сгнившие доски осели под грудой истлевшего тряпья.

Я принялся ворошить эту кучу. Илья разгребал мусор в углу. Костя, посасывая трубку, насмешливо процедил:

— Ну чего ищешь? Ясно: охотник тут жил, наколотил олень и уплыл обратно на Колыму.

Перебирая тряпье, я нащупал вдруг какой-то длинный и твердый предмет. Пыль от трухи поднималась столбом. Чихнув, я вытащил здоровенную кость, совершенно бурого цвета.

— Ого! — Костя поспешно затушил трубку. Он окончил ветеринарный институт, довольно хорошо разбирался и в анатомии человека.— Большая берцовая! Вот так костышка, а ну-ка встань.

Он примерил кость к моей ноге.

— Ух и детина! Ростом был метра два. И много шире тебя, посмотри, какая толстенная.

Двухметровый обитатель хижины обладал, видно, недюжинной силой.

— Это он сломал,— кивнул Костя на тяжелую скамью, переломленную надвое, точно спичка. Слом был давний...

В углу хмыкнул Илья. Он сидел на корточках, с интересом рассматривая какой-то ржавый предмет странной формы, похожий на вилку.

— Как попала сюда очень старый стрела,— качал он вихрастой головой.

Раздвоенный ржавый наконечник походил на жало змеи и был туго прикручен к обломанному древку пыльной лентой бересты. Таких стрел мне не приходилось встречать ни в одном музее.

— Где ты видел такие стрелы?

— Дедушка говорила: давние юкагирские люди ленного гуса била.

— Старикан прав... — вмешался Костя,— слыхивал я, в тундре и чукчи били ленных гусей вильчатыми копьями еще совсем недавно, до революции,— берегли дробь. Говорю же, промышленник в избушке жил, на Колыму только не вернулся.

Ламут покачал головой:

— Чукча берестой вилку не вязала, очень старый стрела...

Мы принялись опять ворошить тряпье и нашли два ребра, разбитую теменную кость, кусок полуистлевшего алого сукна, подбитого темным мехом.

Илья долго рассматривал находку, шупал расплывающееся сукно, нюхал мех; думал о чем-то, кряхтел, пощипывал редкие волоски на безбородом лице.

— Однако, давно такой зверь помирала, соболь это.

— Соболев?! — Костя не смог удержать восклицания.

— Послушай, старина, это очень важно... Почему думаешь, что соболев?

— Сам шупала такой шкурка, бабушка совсем старый душегрейка показывал, рукава соболем подбита, ей родной бабушка дарила.

— Бабушка твоей бабушки?! Сколько же лет соболевой душегрейке?! — удивился Костя.

Ламут долго считал на пальцах.

— Ламуты еще за Колымой кочевала, сюда не приходила, полтора, два сто лет...

— Странно, старик считает точно,— задумчиво проговорил Костя,— соболя выбили на Колыме двести лет назад.

А триста лет назад соболев был золотым руном Сибири, главной доходной статьей государевой казны, золотым эталоном торговли. В поисках новых соболиных угодий казаки и промышленники открывали в XVII веке одну за другой великие реки Сибири. За шестьдесят лет российские аргонавты прошли от Урала до берегов Тихого океана...

Обитатель хижины носил одежду из алого сукна, подбитую соболем. В этих местах это мог быть только старинный казачий кафтан.

— Неужели мы нашли хижину с останками сибирского землепроходца?!

— Ну, Вадим, ты уж хватил... Может быть, тут и жил казак, но занимался он промыслом. Нашли мы с тобой, брат, избушку колымского зверолова.

— Звероловы, Костя, носили серягу...

— А-ей-и! — подскочил в своем углу Илья.

Теперь он держал довольно странный предмет, похожий на маленькую булаву. На тонкое древко был насажен грушевидный костяной набалдашник величиной с луковицу. Я протер его рукавом. На пожелтевшей кости выступили глубокие борозды кольцевого орнамента. Набалдашник вырезали из мамонтовой кости, прочно насадили на древко и прикрутили ленточкой бересты таким же манером, как и двурогий наконечник стрелы.

Костя дивился, прикидывая, для чего все же служила такая штукавина.

— Еще лучше старинный стрела...— пробормотал ламут.— Томара прежде звали. Нюча на Колыму привезла. Такой тупой стрела соболев убивала, мех не портила, казну целый шкурка давала.

— Нюча? Кто это?

— Самая первый русский. В старинную пору ламуты крепко хотела бить юкагира, недруги были, а бородатые пришли, говорила: нюча, нюча — не надо, не надо воевать... Так и звать русская люди стала: нюча, нюча — не надо, не надо,— в глазах ламута вспыхнули смешливые искорки.

— И давно нючи на Колыму пожаловали? — спросил Костя, проверяя познания Ильи.

Присев на корточки, старик опять принялся считать на пальцах поколения своих родичей.

— Однако, три сто лет будет...

— Вот так живая старина! Ну чем не академик! Эх, и золотая башка у тебя! — воскликнул Костя.— А томара — дело ясное: нашли мы, Вадим, как ни верти, последнюю пристань старинного русского зверолова.

Спорить не хотелось. Полуночное солнце ушло за сопки. В эту пору оно не опускается за черту горизонта. Но горы заслонили свет, и в хижине стало так темно, что раскопки пришлось отложить до утра. Да и время пришло отдохнуть после длинного перехода по каменистым россыпям Анадырского хребта.

Бивак разбили рядом с избушкой на пестром ковре ягельников. Зажгли яркий костер из смолистых сучьев, пустили развьюченных оленей пастись на опушке. Поужинав копченой оленьиной, закутались в теплые спальные мешки.

Дремали листовенницы в пушистом весеннем убранстве. Светлое беззвездное небо мерцало над полусонной долиной. Где-то на близком перекате глухо шумел Аной. Я долго не мог заснуть, раздумывая о судьбе обитателя старинной избушки. Как решился одинокий скиталец построить свою хибару у порога неведомой страны, среди воинственных горных племен?

Остатки дорогого кафтана, подбитого соболем, свидетельствовали, что здесь поселился не простой промышленник...

Крепко спалось на свежем воздухе, утром Илья едва растолкал нас. Наскоро позавтракав, мы устремились к избушке, сгорая от нетерпения.

Я читал, что археологи просеивают «культурный слой» сквозь сито в поисках мелких предметов. Костя связал арканом раму из лозняка и затянул ее тюлевым пологом. Полдня мы просеивали мусор из хижины, но нашли лишь пожелтевший костяной гребень, вырезанный из моржового бивня.

Илья осторожно разгребал кучу перегнившего тряпья на обвалившихся нарах. Они были засыпаны трухой из сухого мха, свалявшейся оленьей шерсти и гусиных перьев, выпотрошенных, видно, из перин и подушек. Нары оказались сломанными так, будто сверху упал на доски тяжелый груз.

Разбирая мусор на полу хижины, мы постоянно находили обломки самодельной мебели.

Костя полагал, что обитатель хижины, застигнутый врасплох, отбивался чем попало до последнего и был убит в дальнем углу хижины на своем ложе.

Илья поддержал Костю:

— Видела? Очень крепкий скамья: здоровый человек ломала, сильно дрался, потом тут погибала, тяжелый, однако, была, падала, полати ломала.

Пожалуй, так оно и было. Многие говорили о внезапной и трагической развязке. Имущество землепроходца нападавшие, видимо, разграбили: в хижине остались лишь случайно уцелевшие предметы.

Почти целый день ушел на «раскопки». Пора было строить плот. «Ловить живую воду» — как заметил Илья. Да и Косте следовало возвращаться к оленьим табунам. Он головой отвечал за многотысячное стадо.

Но странно: у границы леса мы не находили сухих деревьев, подходящих для плота. Костя чертыхался.

— Не век же тут канителиться! Куда, к дьяволу, запропастился сухостой?

Лиственницы тут пышно зеленели, не хотели засыхать, пуская вверх по Анюю буйную молодую поросль. Я объяснял это потеплением арктического климата и наступлением леса на верхний пояс гор.

— Откуда казак притащил кондовые бревна для своей хижины? Может быть, триста лет назад здесь росли могучие деревья? — на Севере я привык размышлять вслух. Костя обернулся и хватил топором корявую лиственницу:

— Идиоты... бестолочь, стручки! Бродим попусту, как лешие. Разберем, Вадим, хижину — вот тебе и плот. В два счета построим, да еще какой! Бревнища-то сухие, как порох, триста лет сушились. Плыви хоть на край света!

Пронзительные вопли Ильи всполошили нас. Он махал нам платком и кричал тонким фальцетом:

— А-яи-яи-и, а-яи-яи-и... Быстро беги... Русский люди хоронила!

Старого следопыта мы нашли в густой поросли вейника недалеко от избушки. Согнувшись в три погибели, он рассматривал омытый дождями покосившийся крест. Высокие травы совершенно скрывали одинокую могилу. На перекладине едва проступала надпись, вырезанная церковной вязью. Удалось разобрать лишь одно слово.

— Голубка...— громко прочел Костя,— имя, что ли?

— Не думаю. Слово вырезано в середине строки с малой буквы.

Могильный холм, кем-то давно разрытый, сровнялся с землей. На нем пышно разрослись травы.

— Смотри: большая медведь давно копала, все украла,—

узловатыми пальцами ламут поглаживал старые царапины от когтей на основании креста.

Я принес шанцевую лопатку и наше сито. Костя срезал ножом траву, и мы снова принялись за раскопки.

Крест устоял под натиском медвежьей лапы потому, что его основание намертво врубили в колоду и щели залили свинцом. Медведь безжалостно расправился с погребением. В горизонте вечной мерзлоты мы откопали лишь лоскут старинного русского сарафана и длинные пряди русых женских волос.

— Ну и дела! — почесал затылок Костя.— Откуда бабу сюда триста лет назад занесло?

Чудилась романтическая история давних лет. Удалой казак любил эту женщину. В последней надписи он ласково назвал ее голубкой. Вместе они прошли всю Сибирь и сложили буйные головушки у подножия Анадырского хребта, в ту пору не более известного русским людям, чем для нас с вами Марс или Венера.

Разрывая могилу, мы уперлись в пень толстенной лиственницы, срубленной давным-давно. Под шапкой мхов и лишайников могучие корни почти сгнили. Очевидно, землепроходец застал в верховьях Анюя девственные чащи.

Терпеливо просеивали мы грунт через тюлевое сито и вдруг обнаружили потемневшую металлическую бляху, похожую на медаль. Вылили ее, по-видимому, из сплава серебра с бронзой. На выпуклой поверхности рельефно выступал рисунок: человек-конь—кентавр пронзал копьем дракона.

Меня поразил византийский характер изображения. Непонятно, как попала такая медаль на край света, в дебри Сибири, в могилу доблестной спутницы землепроходца?!

Долго рассматривал ламут находку.

— Совсем такой зверь люди не видела...— растерянно бормотал он.

Больше мы ничего не нашли в могиле. Перевалило далеко за полдень. Костя предложил не отдыхать — разобрать избушку и скорее вязать плот. За Голубым перевалом его ждали пастухи.

Не хотелось трогать историческое жильё. Но так сложились обстоятельства: ни сухостой, ни плавника вокруг не оказалось, а терять времени мы больше не могли. Полые воды Анюя Пошли на убыль...

Работа спорилась. Сняв прогнившую крышу, мы принялись разбирать стены венец за венцом. Скоро образовалась груда бревен, необычайно сухих и легких.

— Эх и плот будет, как пробка,— восторгался Костя,— на крыльях полетите.

Седьмой от верха венец покоился на уровне нар. Топором я стукнул в угол сруба, у самого изголовья нар, и вдруг часть

бревна отскочила, как крышка волшебного сундука, открыв выдолбленный в бревне тайник. В углублении, точно в дубовом ларце, покоился пыльный сверток бересты. Бросив топор, я поспешно извлек его.

— Эй, старина! Что ты там выудил? — спросил Костя.

— Клад нашел. Чур на одного!

В берестяном свертке оказался длинный замшевый мешочек, похожий на рукавицу, расшитый знакомым мне узором.

— Поразительно... Посмотри, Костя, индейский кисет. Как он попал сюда?

Год назад по делам Дальнего строительства я летал на Аляску и в Ситхе в магазине сувениров видел точно такой же узор на изделиях юконских индейцев.

— Вот так российский землепроходец, — усмехнулся Костя. — А ну сыпь, — подставил он широкую ладонь, — покурим американского табачку.

— Черт подери! Неужто в верховья Анюя забрел канадский траппер или проспектор с Аляски?

На Чукотке в самых глухих местах иногда находят хибары американских контрабандистов и золотоискателей. В двадцатые годы, пользуясь отдаленностью и неустроенностью наших окраин, эмиссары американских компаний проникали на Чукотку, скупали у местного населения за бесценок пушнину, искали в чукотской земле золото.

Но кошель с индейским узором имел слишком древний вид: замша ссохлась и затвердела, местами ислела. Илья протянул свой охотничий нож, острый как бритва:

— Режь, пожалуйста... смотреть брюхо надо.

Я разрезал огрубевшую замшу. На ладонь выскользнул массивный золотой перстень с крупным рубином. Шлифованный камень мерцал таинственным, кровавым сиянием.

— Эко диво... — прошептал ламут.

Дивный перстень был филигранной работы. Резчик вправил рубин в золотую корону, а по обручу перстня выточил тончайший орнамент: выпуклый жгут сплетенной девичьей косы. Я осторожно надел перстень, и золотая коса обвилась вокруг пальца.

Костя ощупал кошель и вытряхнул здоровенный ключ с узорчатой головкой, бурый от ржавчины. Такими ключами закрывали замки старинных русских ларцов. Я видел их под зеркальными витринами Оружейной палаты в Кремле.

— А где сундук с бриллиантами? — засмеялся Костя. — Эх, и везет тебе, Вадим, на клады. Ой... посмотри, бумага тут какая-то...

Приятель не решался тронуть ветхий документ. По случайной случайности нож прошел мимо сложенного пергамента. Он сильно пострадал от сырости и плесени — слипся и пристал к истлевшей замше.

Костя вытащил из полевой сумки хирургические ножницы, скальпели, пинцеты. Ему приходилось делать хитроумные операции оленям. Теперь хирургическая практика пригодилась. С величайшей осторожностью он благополучно извлек и расправил пинцетом уцелевшие лоскутья документа.

Пергамент был покрыт затейливой славянской вязью. Америкой тут и не пахло. Мы нашли фрагменты старинной русской грамоты...

По характеру письма найденная грамота не отличалась от известных челобитных Якутского архива. Такой скорописью писали во времена сибирских землепроходцев.

— Ничего не разберу, Вадим, что писал твой землепроходец!

Действительно, буквы славянской вязи читались с большим трудом. Часа два бились с грамотой, точно с ребусом. Расшифровать удалось лишь обрывки разрозненных предложений. Я записал их в той же последовательности, что и в грамоте:

. . . во 157* году июня в 20 день . . . . .
. . . . . Семен Дежнев с со товарищи . . . . .
. . . . . Ветры кручинны были. . . . . раз-
метало навечно . . . . .
. . . . . Мимо Большого Каменного
носу пронесло, а тот нос промеж сивер и полуночник . .
. . . . . а люди к берегу плыли на досках . . . . .
яють живы . . . . . А другой коч тем ветром бросило
рядом на кошку. . . . .
. . . . . И с того погрому обнищали. . . . .
. . . . . А преж нас в тех местах заморских никакой человек
с Руси не бывал . . . . .
. . . . . от крепости шли бечевой шесть недель
. . . . . А Серебряная гора около Чюн-дона стоит, томарой
руду отстреливают, в дресьве серебро подбирают. . . . .
. . . . . цынжали, голод и нужду принимали. . . . .
. . . . . хотим орлами летати.
. . . . . Атаманская башня—око в землю, ход в заносье.
О Русь, наша магушка, прости...

Буквы прыгали и плясали перед глазами. Мы сделали потрясающее открытие! В одинокой хижине у истоков Большого Анюя жил спутник Семена Дежнева, испытывший все тяготы и лишения знаменитого похода вокруг Северо-Восточной оконечности Азии. Какими судьбами занесло его в сердце Анадырского края?

* По современному летосчислению 1648 год.

Опытный историк, разумеется, прочел бы весь спасенный текст. Но вокруг на сотни километров вряд ли нашлась бы хоть одна живая душа.

Плавание Дежнева всегда поражало меня размахом и удалью, драматизмом событий. Я не упускал случая собирать разные сведения о дежневцах и многое знал. Расшифрованные строки анюйской грамоты удивительно точно изображали события великого плавания.

Флотилия русских аргонавтов, состоявшая из шести кочей Семена Дежнева и Федота Попова и коча Герасима Анкидинова, самовольно приставшего к походу, вышла из Нижне-Колымской крепости триста лет назад — 20 июня 1648 года.

Флотилия отправилась искать морской путь на легендарную реку Погычу*, имея на борту девяносто казаков и промышленников, довольно разных припасов, вооружения и товаров. Сильные встречные ветры мешали ходу парусных кочей, но льдов в море, к счастью, не было, и все корабли благополучно миновали Чаунскую губу. У мыса Шелагского, в ту пору неведомого, грянула первая буря. Здесь скалистый кряж Чукотского хребта обрывается в море мрачными стенами. Валы бьют в отвесные утесы, и высадиться на берег во время ветра невозможно.

В этом месте два коча разбило о скалы, а два унесло от флотилии во тьму ненастья. Вероятно, отрывок строки в грамоте: «разметало по морю навечно» — относится к этому событию.

Оставшиеся три коча продолжали плавание по беспокойному морю, постоянно борясь с встречными ветрами. Через два с половиной месяца после выхода в плавание истомленные мореходы увидели крутой каменный мыс, обращенный на северо-восток. Этим мысом, далеко вдающимся в море, оканчивался неохватный материк Евразии. Русские кочи подошли к проливу, разделявшему Азию и Америку.

В нашей грамоте, без сомнения, говорилось именно об этом мысе: «Мимо Великого Каменного носу пронесло, а тот нос промеж сивер и полуночник». В переводе со старинного поморского это означает: «обращенный к северо-восточному ветру». Такую ориентировку имеет только мыс Дежнева.

Но почему в грамоте написано: пронесло мимо мыса? Из сохранившихся челобитных сотоварищей Дежнева известно, что У этого мыса разбило коч Герасима Анкидинова, и он вместе со своими людьми перешел на коч Федота Попова. Двум оставшимся кочам удалось пристать к мысу, образующему оконечность Азии. Дежневцы долго отдыхали в прибрежном поселке эскимосов.

* Погычей землепроходцы называли в первых челобитных реку Анадырь

О каком же бедствии повествовали последующие строки грамоты? Бедствии, постигшем мореходов после мыса Дежнева, с одновременной гибелью двух кочей и высадкой людей на заморскую землю: «а люди к берегу плыли на досках чуть живы... а другой коч тем ветром бросило рядом на кошку»... «и с того погрому обнищали»... «а преж нас в тех местах заморских никакой человек с Руси не бывал»...

Ведь судьба двух дежневских кочей, прорвавшихся в пролив между Азией и Америкой, была иной. После отдыха у Каменного носа мореходы поплыли дальше искать желанную Погычу. У Чукочьего мыса они встретили враждебно настроенных чукчей. В жаркой битве ранили Федота Попова. Фома Пермьяк, казак из отряда Дежнева, взял в плен чукчанку, ставшую потом его женой. Она рассказала, что устье Погычи далеко — в глубине Анадырского залива.

Сильная буря, застигшая мореходов в открытом море, южнее Чукочьего мыса, навсегда разлучила кочи Дежнева и Попова. Много дней носили волны коч Дежнева. 1 октября, на сто второй день исторического плавания, судно, потерявшее управление, выбросило на заснеженный пустынный берег, далеко за устьем Анадыря. С Дежневым на Корякское побережье высадилось всего двадцать четыре человека.

О судьбе коча Федота Попова Дежнев узнал лишь шесть лет спустя.

Дежневцы оказались в бедственном положении. Наступила суровая полярная зима. Смастерив нарты, погрузив уцелевшие припасы, землепроходцы десять недель пробирались к Анадырю на лыжах по мертвым снежным долинам Корякского хребта.

«И шли мы все в гору, сами пути себе не знали, холодны и голодны, наги и босы», — написал в одной из челобитных участник необычного похода.

С невероятными трудностями горсточка русских людей выбралась к устью замерзшего Анадыря и основала зимний стан. В пути от непосильных лишений погибло двенадцать путешественников. Из многолюдной экспедиции, вышедшей из Нижне-Колымской крепости искать Погычу, обосновались на новой реке двенадцать землепроходцев.

Двенадцать лет Дежнев прожил на Анадыре, делил с товарищами «последнее одеялишко», трудности и опасности беспоконной жизни, разведывая огромную реку и окрестные земли. Во время похода на корякское побережье он «отгромил» у коряков якутку, бывшую жену Федота Попова. Она рассказала, что случилось с людьми второго коча. Бурей коч Федота Попова занесло на Камчатку. Белокожих бородатых людей камчадалы приняли за богов, сошедших на землю. Зимовать мореходы устроились на реке Камчатке, где было много леса. Там они построили бревенчатые дома. На следующее лето предприимчи-

вые Федот Попов и Герасим Анкидинов обошли с товарищами вокруг Камчатки и расположились на зимовку на речке Тигль, на западном берегу полуострова.

На речке Тигль оба смелых землепроходца умерли от цинги. Начавшиеся раздоры между оставшимися казаками и промышленниками привели их к гибели.

— Кто же, черт побери, в твоей грамоте плыл к берегу на досках «чуть жив» и откуда взялся второй коч, который «бросило рядом на кошку»?

Отрывочные строки анюйской грамоты не объясняли этого. Как жаль, что мы не могли прочесть всего документа.

— По-моему, Вадим, — продолжал Костя, — здесь пишется о других кочах, тех двух, что отбились у Шелагского мыса. Буря пронесла их мимо мыса Дежнева и прибила к заморской земле. Один коч разбила волны, и люди выбирались на берег кто как мог, другой выкинуло на мель...

— Ого!

Если это действительно было так, нам посчастливилось отыскать документ величайшей важности. Пятьдесят лет спустя после похода Дежнева, когда русские новоселы окончательно утвердились на Анадыре, смутные слухи донесли удивительную весть: на той стороне пролива, открытого Дежневым, на берегу Кенайского залива, на неведомом материке живут в рубленых избах белокожие бородатые люди, говорящие по-русски, поклоняющиеся иконам.

Неужто нам повезло добыть письменное свидетельство высадки русских мореходов на берега Северо-Западной Америки еще триста лет назад?

Кисет с индейским орнаментом и грамота убеждали, что наш землепроходец был очевидцем этого исторического события...

— Хуг!

Восклицание Ильи опустило нас с облаков на землю. Пока мы обсуждали исторические проблемы, ламут обследовал неразобранные венцы и в щели между бревном и нарами обнаружил нож в полуистлевших ножнах. Рукоятку из потемневшего дуба украшала резьба, залитая оловом. Кое-где олово вывалилось, оставив глубокие канавки узора.

Илья потянул за рукоятку и вытащил узкое лезвие, совершенно изъеденное ржавчиной.

— Совсем дедушка, — сказал старик, придерживая пальцами Рассыпающееся острие.

Рукоятка, вырезанная из прочного дерева, хорошо сохранилась. По верхней и нижней ее части двумя поясками врезались буквы славянской вязи. Мы с Костей довольно свободно прочли обе надписи:

*МАТВЕЙ
КАРГОПОЛЕЦ*

Нашелся именной нож обитателя хижины. Резная рукоять сохранила в веках имя российского морехода, ступившего на берега Америки!

Русские землепроходцы XVII века часто принимали прозвища по месту своего происхождения. Например, Федот Попов именовался во многих челобитных Колмогорцем — выходцем из Колмогор. Землепроходец, погибший в хижине у истоков Анюя, вышел в трудный жизненный путь из Каргополя.

Всю важность этого открытия мы оценили позже.

— А-ей-и! Другую бумагу прятала! — закричал вдруг Илья, ощупывая ножны.

Старого следопыта охватил азарт, хорошо знакомый археологам и кладоискателям. Он потерял невозмутимость, подбающую северному охотнику.

В старых ножнах было что-то спрятано. Костя взялся за скальпель и вскоре извлек небольшой свиток пергамента, пестрый от ржавчины. Мы развернули его. На побуревшем пергаменте явственно проступал полинявший рисунок.

— Батюшки, да это Анюй! Гляди, Вадим, Нижне-Колымская крепость еще на старом месте — на боковой протоке, где Михаил Стадухин ее ставил.

Рисунок Анюя Матвей Каргополец выполнил с поразительной точностью: верно изобразил изгибы главного русла, отметил притоки, пороги и перекаты, нарисовал приметные горы, мысы и даже Анадырский хребет, именуемый на рисунке Какнем.

В левом углу чертежа казак нарисовал компасные румбы, пометив юг полуденным солнцем, север — полярной звездой, путеводными светилами мореходов.

В избушке у истоков Анюя жил не только грамотей, но и многоопытный путешественник, выполнивший с помощью компаса совершенную по тому времени «чертежную роспись» Анюя.

— Вот тебе и лоцманская карта! Все перекаты и пороги как на ладони. Приставай вовремя к берегу, осматривай опасные места.

Костя был прав: чертеж землепроходца открывал нам Анюй с верховьев до устья, точно с птичьего полета. Костя призадумался, рассматривая рисунок:

— Не пойму, куда он пёр? Помнишь, в конце грамоты: «а от крепости шли бечевой шесть недель»; вот и путь он свой обозначил. Выходит, Каргополец шел из Нижне-Колымской крепости вверх по Анюю к Камню?

Действительно, куда же пробирался он со своей смелой подругой? Вернувшись с Аляски в Нижне-Колымскую крепость, мореход повернул обратно на восток, по сухопутью. И почему высадка русских людей на новый материк не оставила следа

в переписке целовальников* Нижне-Колымской крепости с якутскими воеводами? Ведь челобитные и «отписки» той эпохи чутко откликались на все события, связанные с открытием новых «землиц».

Возникло много неясных вопросов.

Илья, прищурившись, разглядывал на свет горящий рубин. Он вертел перстень и так и сяк, то приближая камень к глазу, то отдаляя его.

— Чего ты суетишься?

— Птица в красный озеро тонула, — ответил старик, — на дно буквы хоронила.

— Какая птица, какие буквы?!

Я взял перстень и взгляделся в драгоценный камень.

— Что за дьявольщина! Смотри, Костя, рисунок какой-то.

Костя повернул камень, и вдруг он отделился вместе с золотым ободком короны, открыв печать с выгравированным рисунком. Летящий орел нес в когтях три сплетенные буквы замысловатого вензеля: «И. И. Б.»

— Ну и чудеса! — воскликнул Костя. — И перстень именной!

Ни одна буква не совпадала с именем землепроходца. Владелец перстня с именной печатью был, очевидно, человеком знатным. В XVII веке по имени и отчеству величали лишь бояр, воевод и царей.

В одинокой хижине у истоков Анюя нам досталась уникальная коллекция реликвий XVII века. Найденные вещи носили отпечаток не только глубокой старины, но и роскоши и богатства...

Серебряная сопка

Вцепившись в ослабевшие ремни, Илья стягивал мертвым узлом поклажу. Я всей тяжестью наваливался на рулевое бревно, удерживая на стрежне наш треугольный плот, похожий на полураспущенный веер.

Вокруг вздымались островерхие сопки. Анюй в этом месте стискивали каменные щеки, и взгорбившийся поток гнал плот с ошеломляющей быстротой. Сухие бревна почти не погружались в воду, и мы летели среди пенистых гребней точно на ковре-самолете.

Утром Костя проводил нас в плавание. На его обветренном лице мелькнула тень тревоги, когда быстрые струи подхватили и понесли шаткий плот. У меня тоже сжалось сердце: Костя

* Целовальник — представитель государственной власти, приказчик воеводы, управитель края, сборщик ясака и налогов, целовавший крест на честную службу.

оставался с горсткой пастухов в безжалостной северной пустыне. Вырвутся ли они из ее объятий?

— Крепче руль, старина!

Костя сбросил с плеча винчестер и пальнул.

«Р-ра... р-рах...» — откликнулось эхо. Ответить прощальным салютом мы не успели. Река круто повернула, и Костя с дымящимся винчестером скрылся за лесистым мысом.

Полдня мы мчались вниз по Анюю без всяких приключений. Полая вода доверху наполняла русло, скрывая мели и перекаты. Не застигла врасплох и быстрина в скалистом проходе. Землепроходец разрисовал на своей карте «щеки», сдавливающие долину Анюя и вязью написал: «Быстер матерая вода».

Колымчане до сих пор называют матерой водой глубокие, удобные для плавания места. Поэтому, не опасаясь порогов, мы вошли в быстрину и теперь неслись сломя голову в гремящем каньоне. С высоты скал наш плот, вероятно, казался спичечной коробкой, а люди, примостившиеся на нем, муравьишками.

Продовольствие, спальные мешки, путевое снаряжение Илья завернул в палатку и притянул арканами к бревнам.

Бесценные реликвии плавания Дежнева, добытые в хижине землепроходца, я сложил в рюкзак и надел его на себя. Золотой перстень с рубином красовался на моем исцарапанном пальце. Фрагменты грамоты и чертежную роспись Анюя спрятал в планшетку, накрепко зашил просмоленной бечевой и сунул за пазуху. В любую минуту можно было вытащить сумку — полюбоваться сквозь прозрачный целлофан редкой грамотой или посмотреть путеводный чертеж.

Илья восседал на вьюке, невозмутимо покуривая костяную трубочку. Меня восхищало олимпийское спокойствие старого охотника. Коренные жители Севера не умеют плавать, и любая катастрофа в стремительном потоке Анюя могла обернуться для него трагически.

Приплясывая у рулевого бревна, я чувствовал себя заправским плотогоном. Впрочем, треугольный плот не особенно нуждался в управлении, он великолепно держался на самой стремнине.

Внезапно речная долина расширилась. Русло разветвлялось здесь на несколько протоков. Желтоватые песчаные острова заросли чозенией, тополями и краснокорыми тальниками. Клейкие листочки только что распустились, рощи как бы окутались зеленоватым облаком, источая душистый запах, нежный и горьковатый.

Теперь я внимательно рассматривал карту Анюя. Выполняли ее добросовестно, и спустя три столетия этот труд принес практическую пользу.

На своей карте землепроходец у крутого поворота Анюя черточками обозначил порог, рядом нарисовал крест. Вероятно, тут ждали нас основные неприятности. Известно, что в прошлом сибиряки у опасных порогов воздвигали рубленые кресты, вручая свою судьбу провидению. Течение влекло нас с большой скоростью. Часа через два плот должен был подойти к Крестовому порогу.

Ниже Падуна землепроходец отметил еще три порога: Шивер, Долгий пережат, Гремячий. Крестов возле них на карте не было. Видно, пороги были полегче.

Дальше на чертеже красовались две неразборчивые надписи: у островерхой сопки, около круглого озера, в стороне от Анюя, и у виски — протоки, соединявшей озеро с Анюем. Прочсть их удалось с большим трудом.

«Серебряная гора» — значилось у нарисованной сопки. «Курья» — называлась виска. Только сейчас мне представился важный смысл этих надписей. Ведь в грамоте тоже упоминалась Серебряная гора, но мы с Костей вначале не обратили внимания на странное название.

Я вытащил планшетку и прочел загадочные строки: «а Серебряная гора около Чюн-дона стоит, томарой руду отстреливают, в дресьве серебро подбирают...»

— Послушай, Илья, где река Чюн-дон течет?

Ламут перестал сосать трубочку. В его глазах мелькнули знакомые смешливые искорки.

— Однако, с тобой верхом едем. Давно юкагир Оной звала Чюн-дон, поняла?

— Анюй — Чюн-дон!

Это было географическим откровением. Выходило, что мы плывем по реке, которая не раз упоминалась в челобитных землепроходцев, искавших неведомую Серебряную гору.

Эта загадочная история всегда манила исследователей. В архивах сохранилось несколько интереснейших челобитных. Землепроходцы, открывшие за несколько лет до Дежнева Индигирку и Алазею, сообщали, что на какой-то реке, впадающей в море восточнее Колымы, есть гора, «в ущесе руда серебряная, а висит де из яру соплями. И те нелоские мужики от той серебряной руды сопли отстреливают томарами и стрелами, а инако Де они нелоские мужики ис Камени серебро добывать не умеют».

Сличая разные челобитные, историки пришли к выводу, что гора с самородным серебром, по-видимому, находится в долине Реки Баранихи, верховьями сближавшейся с Анюем и впадавшей в Полярное море, восточнее Колымы. Геологи, изучавшие этот район, никакой Серебряной горы не обнаружили.

В двадцатых годах нашего века на Анадыре записали рассказ чукчей о серебряной сопке у озера, где-то за Анадырским хребтом.

Я рассказал обо всем этом Илье и спросил, не знает ли он, где находится такая гора?

Старик молчал, о чем-то раздумывая, и наконец ответил:

— Денежный сопка далеко кругом нету; есть, однако, Каменный яр, старики молодая была, белые камни стрелами отбивала...

Бросив рулевое бревно, я схватился за планшетку. Неужели нам посчастливилось напасть на след легендарной сопки?

Ламут между тем преспокойно изрек, что Каменный яр находится между Анюем и Омолоном у озера, соединяющегося с Анюем Безымянной виской. Все приметы сходились с картой землепроходца!

Сведения о Серебряном яре близ устья реки, впадающей в море восточнее Колымы, землепроходцы получили от плененного на Алазее колымского князька Порочи и юкагирского шамана, тоже выходца с Колымы. Может быть, ограждая свой край от вторжения иноземцев, аманаты, сговорившись, указали на допросах неверно местоположение Серебряной горы — на землях наттов, приморских зверобоев, издавна враждовавших с колымскими юкагирами? Что, если попытаться достигнуть Серебряной сопки, отмеченной на чертежной росписи Анюя у истоков Курьи...

Далекий гул встревожил Илью. Он вскочил, склонил голову набок, прислушался:

— Падун близко... Тарабаганы ленивые, почему к берегу плот не чалили?!

Мы так заговорились, что потеряли счет времени. Течение убыстрилось, мутная река мчалась теперь сплошным потоком, покрываясь мраморным рисунком пены.

Впереди, за дальними островами, русло сужалось, спертое отвесными скалами. Грозный гул несся оттуда, будто Анюй низвергался водопадом в теснину.

Нельзя было терять ни секунды. Повиснув на мокром бревне, мы старались направить плот к берегу. Но все наши попытки оказались напрасными. Поток цепко держал треугольный плот, все быстрее и быстрее гнал к ревущему Падуну.

— Совсем худо! — крикнул Илья. — Далеко прыгать будем...

Старик засуетился, кинулся подтягивать вьюк, сунул мне конец ремня:

— Хорошенько держи, совсем не пускай аркан!

Река с клетотом втягивалась в теснину. Оглушительный рев, многократно усиливаемый гулким эхом, рвался из теснины. Неотвратно надвигался грозный Падун.

Перед самым ушельем поток стремительно закручивался водоворотами. Мутные струи, вырываясь из водяной карусели, поднимали крутые гребнистые волны.

Только сейчас я оценил преимущество юкагирского плота. Никакое течение не могло сбить со стрежня треугольный настил. Плот пронесся мимо водоворота, встречные волны захлестнули вьюк, окатили нас холодным душем.

Впереди чернели в воротниках пены каменные лбы. Бесконечной чередой они преграждали все русло, едва возвышаясь над водой. Река, переливаясь через порог, спадала куда-то вниз. Ров воды, густой и тяжелый, леденил душу.

Лицо Ильи посерело. Вцепившись в ремни, он что-то кричал, указывая на камни. Бледные губы шевелились, но голос пропал в грохоте Падуна.

Длинный плот то взлетал на водяные горбы, то проваливался между ними. Неумолимо надвигались черные глыбы в ослепительной пене. Застрявшие здесь стволы деревьев с обломанными сучьями закрывали каменные ворота.

Наваливаясь изо всей мочи на скользкое бревно, я стремился пустить плот между гранитными лбами, свободными от плавника. Я видел каждую морщину обточенных водой утесов, матовые жилы кварца, пронизывающие серый камень. Рев воды стал нестерпимым. Острый бревенчатый нос скользнул по камню, плот, накренившись, проскочил ворота и ринулся куда-то вниз, в гремящее облако пены.

Вода накрыла с головой...

Дальше я почти ничего не помнил. Чувствовал: швыряет куда-то, обливает водой, ударяет о камни, бревна расходятся под ногами. Обжигающий холод на секунду вернул сознание. Цепляясь за аркан, я барахтался в кипящем потоке, глотая вспененную воду. Нависло синеватое лицо Ильи. Ухватившись за ворот штормовки, он вытаскивал меня на шаткие бревна.

Сознание отлетело. Казалось, качусь с высокой-высокой горы, подпрыгивая на мягких ухабах, и комья мокрого снега бьют в лицо...

Когда очнулся, была тишина. Лишь где-то вдали глухо шумел порог. Плот плавно несся по коричневой реке. Рядом ничком лежал на развороченном вьюке Илья. Окостеневшими пальцами он вцепился в мою штормовку, даже сжатые пальцы побелели.

Старик не шевелился, воспаленные веки вздрагивали, на виске билась голубоватая жилка. С трудом разжав его скрюченные пальцы, сбросил со спины уцелевший рюкзак, достал аварийный флягу со спиртом и влил старику порцию обжигающей жидкости. Это подействовало, Илья закашлялся и открыл глаза.

— А-ей-ей... жива, Вадим! Думала совсем пропадала, на дно кочевала...

— Как благодарить тебя, друг?

— Больно прыгала ты,— улыбнулся ламут,— аркан забывала, бревно ломала, в реку падала, аркан тебе кидала.

Я взглянул на часы: в порог мы вошли всего девять минут назад.

Вьюк наш опустел: порвались ремни, поток унес почти все снаряжение — переметные сумы с продовольствием, спальные мешки, винтовку Ильи, топор. Остались лишь палатка, мой карабин и чумазый котелок, запутавшийся в обрывках аркана. У меня уцелел рюкзак с найденными реликвиями, планшет за пазухой, на поясе сотня патронов и охотничий нож.

— Страсть злой Падун, жертва ему дарила, голова только целый уносила.— На морщинистую ладонь ламут вытряхнул из уцелевшего кисета мокрый табак.

Русло опять разветвилось на протоки. Плот плыл теперь в одной из них. Течение ослабело. Отвязав запасное бревно, я принялся мастерить новый руль.

Вдруг Илья замер, вглядываясь в прибрежные чащи.

— Тихо сиди...— прошептал он,— видела: много мяса стоит...

У берега, в укромной заводи, расставив высокие ноги и вытянув морду, пил воду могучий лось. Он уже сбросил рога, громадные уши стояли торчком, ноздри раздувались. Зимняя шерсть вылиняла, и крутые бока в темных подпалинах сливались с шерстистой холкой и массивным, как у лошади, крупом.

Я невольно залюбовался великолепным зверем. В якутской тайге водятся самые крупные в мире лоси — настоящие лесные великаны, не уступающие вымершему торфяному оленю. В холке эти гиганты достигают двух метров, а рога весят несколько пудов.

Лось пил и пил, не замечая опасности. Старик медленно поднял вороненый ствол. Трудно целиться с плывущего плота. Да и расстояние было порядочным — метров двести. Ламут превратился в статую.

Многое зависело от его меткости. Ведь мы остались без продовольствия в безлюдной тайге, в самом начале дальнего пути.

Выстрел разорвал тишину. Лось вздрогнул, сделал громадный скачок и, ломая тонкие стволы, повалился в чащу. Илья опустил винтовку, капельки пота блестели на морщинистом лбу.

— Совсем боялась промах делать, зверь больно крепкий — раненый далеко бегают...

Старый охотник не промахнулся. Причалив к берегу, мы подошли к мертвому зверю. Пуля поразила сохатого в сердце.

Несколько часов ушло на разделку громадной туши. Илья резал мясо длинными ломтями и развешивал на шестах вялиться. Я растянул на поляне огромную лосиную шкуру, поставил

палатку, нарвал сухой травы и устроил пушистое ложе: ночевать приходилось без спальных мешков.

Солнце ушло за сопки. Чозениевые роши окрасились нежно-фиолетовой синью. Протока стала перламутровой. Устроившись у костра, я вытащил заветную планшетку. Ох и приятно было после пережитых опасностей, наслаждаясь теплом, разгадывать ребус старинной грамоты, изучать чертежную роспись Анюя.

Ничто теперь не могло задержать нас на пути к Серебряной сопке. Продовольствия хоть отбавляй. Кочуя с оленьими стадами, вдаль от жилья, мы научились обходиться одним мясом. Перекаты, обозначенные землепроходцем в среднем течении Анюя, вряд ли были опасны в такую высокую воду.

Два дня мы вялили и коптили мясо на острове. Наконец, завернув в палатку целый выюк продовольствия, отчалили на своем треугольном ковчеге. Протока быстро вынесла нас в главное русло, и плот помчался вниз по Анюю с прежней скоростью.

Долина раздвигалась шире и шире. Островерхие сопки уступали место холмистым предгорьям, заросшим нежно-зеленой тайгой. Волнистые гряды иногда обрывались к воде диковинными скалами.

Обернешься назад — и развертываются во всю ширь величественные перспективы. Уходят вдаль, кулисами, синеватые мысы, отсвечиваю серебром пустынные плесы, малахитовыми ступенями поднимаются предгорья к туманной полосе гор. Всматриваешься в расплывчатые очертания Камня и начинаешь понимать беспокойную душу землепроходца: дальние вершины манят человека, притягивают сильнее магнита...

Через двое суток мы проскочили перекааты, отмеченные погибшим казаком ниже Падуна. Шивер, Долгий перекаат и даже Гремячий в полую воду представляли собой широкие стремнины. Лишь единцы, выступающие из воды, и пенные гребни, всплывающие быстрину, напоминали о коварстве порогов, вероятно небезопасных в межень.

Впрочем, плавание наше отнюдь не казалось увеселительной прогулкой. Тут подстерегала опасность, более грозная, чем пороги. Анюей часто принимался петлять. Струи течения ударяли в берег, нагромождавая в излучинах штабеля плавника. Стремнина подмывала эти груды, уходила под нависающие бревна, затягивала туда все плывущее по воде.

Попадись в такую пасть — крышка! Плот уйдет вниз под бревна на дно лучины.

К счастью, наш треугольный плот хорошо держался на стрежне и пока увертывался от бревенчатых пастей. Но все равно приходится часами плясать на плоту у тяжелого рулевого бревна. После шестичасовой вахты ломило плечи, едва

подымались руки, мы валились с ног и приставали к берегу на отдых.

Илья с философским терпением принимал трудности плавания. Он умудрился высушить свой табак, часами посасывал трубочку, разговаривая с Анюем, как с живым существом: то ласково — хвалил быстрые струи, когда они плавно несли плот мимо лесистых берегов, то увещевая, когда брызги и пена летели через головы, то насмешливо, награждая обидными прозвищами, если сумасшедшее течение пыталось бросить плот на бревна плавника.

Так мы двигались довольно быстро, проплывая за день километров пятьдесят. Приближались ворота в Серебряную страну — устье Курьинской виски. Она впадала в Анюю слева.

И вот вдаль появился причудливый мыс, похожий на лосиную голову. Его силуэт удивительно точно нарисовал казак на своей карте.

— Эге-гей! Вадим... Чалить плот Сохатина нос надо... Напрямик ходить Серебряная сопка.

Ближе и ближе к берегу подгонял я плот, надеясь воспользоваться обратным течением. Нам повезло: у Сохатиного носа плот вошел в поворотную струю, мы очутились в укромной заводии и пристали к берегу у подножия рыжеватых скал.

В поход взяли самое необходимое: рюкзак вяленого мяса, котелок, палатку и карабин. Нетерпение охватило даже невозмутимого охотника. В дорогу пустились, не вскипятив традиционного чая, не позавтракав.

Целый день мы шли на юго-запад, напрямик из распадка в распадок. Трудная это была дорога.

Тайга выгорела. Приходилось перелезть через поваленные почерневшие стволы, обходить вывороченные корни, похожие на каких-то чудищ. Ноги проваливались в ямы, наполненные пеплом.

Наконец выбрались на гребни сопок. Но и тут ягельники сгорели дотла. На голых щербистых лысынах скрючились обугленные корни кедрового стланика. И все же здесь двигаться было легче. Илья брел впереди, поблескивая вороненым стволом карабина на сторбленной спине.

У ручья, в неглубоком распадке, он остановился:

— Чай пить надо, силы прибавлять будем... Совсем сопка близко...

— Откуда ты знаешь?

— Далеко идем... Верст тридцать.

Вскипятили чайник, подкрепились вяленым мясом и тронулись дальше. Когда поднялись на широкое каменистое плато, впереди вдруг замаячила одинокая вершина. Ровный край плато почти скрывал ее, выступала лишь макушка, похожая на островерхий чум.

Илья ускорил шаг. Предчувствие открытия волновало. Да и все вокруг будоражило, казалось призрачным и нереальным: аспидно-черная каменистая пустыня, плоская, как стол, сгорбленные фигурки людей, бредущих с посохами к светлому конусу, восстающему из пепла. Плоскогорье медленно повышалось, и, чем быстрее мы шли, тем выше и выше выползала сопка, молчаливая и загадочная.

Я испытывал странное ощущение, будто уже когда-то, в давние времена, может быть во сне, видел уже эту выжженную печальную пустыню и фантастический лунный конус.

Мы почти бежали, не замечая усталости, и через полчаса достигли края плато.

Совсем близко торчала, как перст, одинокая сопка, похожая на потухший вулкан. Дальше, до самого горизонта, простиралась низина, исчезающая в голубой дымке, там, где текла Колыма.

У подножия сопки петляла речка. Тысячелетиями подтачивая крутой бок горы, она образовала высокий Каменный яр. Казалось, с обрыва ниспадают белые струи замерзшего водопада. Вся стена побелела от каких-то натеков и сосулек, тускло отсвечивавших в неярком свете полуночного солнца.

— Видела?.. Тут старики белый камень стрелами отбивала...— тихо сказал Илья.

Опершись на посох, он разглядывал Белый яр.

Гарь, которую мы почти преодолели, упиралась в речку. Вода не пустила дальше огонь. На противоположном берегу, по склонам сопки, ярко зеленела пробудившаяся тайга. Сквозь хвойный полог просвечивали серебристые поля ягельников. Пушистым ковром они одевали конус почти до вершины.

Дальше, за озером, гарь занимала всю низменность, насколько хватает глаз, преграждая доступ к Серебряной сопке с Колымы. Остров живой тайги уцелел под защитой извилистой виски и большого озера.

Каменный яр белой стеной возносился по ту сторону потоки. У подножия Белых скал широким пляжем рассыпалась голубоватая галька. Плато, где мы стояли, уступами ниспадало к реке. Только при спуске я почувствовал усталость. Колени болели, ноги не слушались. Сорокакิโลметровый марш по гарям и осыпям отнял силы. Спустившись к берегу, мы решили отложить на утро переправу через глубокую вилку и поставили палатку на мшистой террасе, против Белого яра. Ужинать не стали. Забрался в палатку, растянувшись на подстилке из трав и мгновенно заснул мертвым сном.

Проснулся я от пронзительного жалобного рева. Палатка покосилась. Взъерошенный ламут сидел на корточках и сердито плевался:

166— Тьфу, тьфу, анафема!

— Что с тобой, старина?

— Медведь чесала палатку...

— Какой медведь?

Немногословный рассказ развеселил меня. Охотники спят чутко. Утром Илья внезапно проснулся: трясли палатку. Он вскочил и увидел: что-то большое, круглое, мохнатое терлось о кол, поставленный внутри палатки, у самого входа. Илья понял, что это такое, и возмутился.

— Больно шлепал задница! — воскликнул он, оканчивая рассказ.

Получив неожиданный шлепок, медведь с диким ревом пустился наутек. Озираясь, я выполз из палатки. Цепочка пятен величиной с тарелку осталась на мшистой террасе. Зверь, удирая, оставил следы «медвежьей болезни».

Эта история здорово насмешила бы нас, но... непрошенный гость, прежде чем разбудить Илью, забрался на сухой ствол лиственницы, сбросил рюкзак, повешенный на сук, и съел все наше вяленое мясо.

Ламут чертыхался, стучал кулаком по вихрастой голове.

— Старая башка. Зачем мешок палатка не убирала?

— Успокойся, Илья, медведь слопал бы нас вместо мешка.

Но старик не унимался.

— Робкая медведь... Люди совсем не трогает.

Словно рок преследовал нас. Потеря продовольствия путала все карты. Так хотелось облазить Серебряную сопку, поискать серебряный клад, составить кроки местности, а тут приходилось спешно возвращаться к Ангою, где оставался последний запас сохатины. Илья молча вернулся в палатку, вытащил свой нож и принялся сбивать рукоятку. Освободив лезвие, старина принес два булжника и устроил целую кузницу. Хвост ножа отковал в острие, заточил на камне и согнул в крюк. Ремешком накрепко прикрутил лезвие к своему длинному посоху. Получилось нечто вроде багра.

— Ну пойдем... Продукты низать.

Спустились на галечное русло. В первой же заводи в прозрачной воде плавали довольно крупные темнопинные рыбы. Они сошлись в круг, будто совещаясь о чем-то. Старик осторожно погрузил свой снаряд в голубоватую воду. Я видел каждый камешек на дне. Медленно-медленно он завел острие под рыбину, замер... и молниеносно выхватил из воды трепещущего хариуса.

Илья был великолепен — ловко выхватывал рыбину за рыбиной. Я тоже попробовал «низать», но загарпунить добычи не смог — не хватило сноровки. Через полчаса вернулись к палатке с тяжелой связкой хариусов, сварили полный котелок ухи и плотно позавтракали.

Курьинскую виску -переплыли верхом на стволах сухостоя и вступили на неведомый берег, у подножия Белого яра. Ноги, погружаясь в зеленовато-голубую гальку, оставляли глубокие ямки следов. Ламут поднял карабин и выстрелил. Пуля вдребезги разбила наверху белую сосульку. Мы бросились подбирать осколки.

«Вероятно,— думал я,— это кальцит». Довольно легкие куски белой мелкокристаллической породы напоминали кальцитовые эмали и натеки, которые довелось мне видеть когда-то в пещерах Таджикистана.

— А-ей... Денежный жук, смотри!

Илья протягивал с горстью осколков серебряно-белый кусочек величиной с горошину.

— Серебро?!

Я схватил самородок. Он был необычайно тяжелый.

— Где нашел?

— Сверху падала, белый камень разбивала, тут подбирала...

Илья выстрелил и сбил еще сосульку. Мы собрали все кусочки кальцита, но больше ничего не нашли. По очереди стали обстреливать яр.

«Бум... бум... бум...» — гремели выстрелы, отзываясь далеким эхом в горах. Кальцит брызгами летел сверху, едва успевали подбирать породу. Быстро опустошили половину патронташа, собрали кучу кальцита, но странно... металла больше не было ни кусочка. Серебро точно сквозь землю провалилось...

И тут вспомнил я одну встречу. Ассоциация возникла сама собой, как забытый сон; вероятно, мозг иногда воскрешает давние впечатления автоматически, независимо от нашей воли.

В студенческие годы мне довелось побывать в гостях у известного московского зоолога и путешественника Сергея Александровича Бутурлина. Тяжелый недуг приковал ученого к постели. Он лежал, как подкошенный дуб, мощный, крутолобый, с шевелюрой седых волос. Обложенный книгами, рукописями, Бутурлин работал. Преодолевая недуг, ученый создавал уникальный определитель птиц Советского Союза.

В просторной и какой-то неустроенной квартире на диванах и креслах лежали винчестеры, карабины, ружья. На ковре дремали рыжие сеттеры. Охотничьи трофеи украшали стены. Полки в шкафах гнулись от книг.

Долго длился наш разговор с ветераном Дальнего Севера. Вспоминая свой колымский поход, путешественник достал из письменного стола коробочку, открыл крышку и вытряхнул на широкую ладонь кусочек серебристо-белого металла.

— Это...— загадочно усмехаясь, сказал он,— платиновая пуля, ее подарил мне в 1911 году старый ламут в устье Анюя, попробуйте, какая она тяжелая...

Окончив свой последний труд, Бутурлин вскоре умер. Прошло много лет. Я побывал с экспедициями на Европейском и Ямальском Севере, извездил Полярную Якутию, Чукотку и в суতোлке дел, признаться, забыл о платиновой пуле. И вот теперь на глухой виске между Анюем и Омолоном я держал слиток такой же тяжелый и светло-серебристый, как бутурлинская пуля...

— Неужели платина, самый драгоценный металл на земле?!

Впервые тяжелый металл, похожий на серебро, обнаружили в XVII веке испанцы в Южной Америке. Серебряно-белые самородки конкистадоры находили вместе с золотом в россыпях. Испанцы назвали редкий металл платиной (уменьшительное от испанского plata — серебро). В России платину нашли в начале XIX века на Урале и тоже в золотоносных россыпях...

— Черт побери! В россыпях, понимаешь, Илья, в россыпях! Не ищем ли мы с тобой жар-птицу там, где ее нет?!

Видимо, юкагиры, исконные обитатели Анюя и Омолона, отбивая стрелами кальцитовые натеки с Белого яра, подбирали металл, издревле покоившийся в галечной россыпи, у его подножия.

Я растолковал Илье все это. Теперь мы не обстреливали Белый яр, не собирали кальцита. Я сполоснул котелок и затархтел галькой, промывая россыпь, как старатель в лотке. Ламут растянулся на голубой отмели и перебирал узловатыми пальцами приречную гальку.

Удача пришла к нам одновременно. Илья закричал тонким фальцетом:

— А-ей-ей, Вадим, нашла!

Из гальки он выудил серебряно-белую бусину, необычайно тяжелую. На дне моего котелка тоже блеснули зерна и чешуйки драгоценного металла. Вероятно, мы ухватили сердце платиновой жилы.

— Пла-ти-на! Пла-ти-на!

Подхватив старого охотника, я пустился в пляс. Галька, перекатываясь, гремела под ногами, развевался клетчатый платок Ильи.

— Тьфу, тьфу, пусти... не баба,— отбиваясь, смеялся ламут. Он тоже был рад, что экспедиция к Серебряной сопке окончилась успешно...

Атаманская башня

Вы забыли фиту, ижицу, кси, омегу — неперменные буквы древнерусского письма,— улыбнулся Любич.— Читать славянскую вязь трудно. Как вы эти-то строки умудрились разгадать?

Ученый-краевед с острым любопытством разглядывал в лупу найденные нами пергаменты землепроходца.

Накануне мы приплыли на расшатанном, полуразбитом плоту к устью Анюя. Старые бревна набухли, осели. Широоченный плес разлившейся Колымы трепетал солнечными бликами, колыхался лениво и сонно, как море. Крошечные домики Нижне-Колымска едва виднелись на том берегу. Переплыть Колыму тонущий плот был уже не в состоянии. Мы выбрались на пустынный песчаный остров, обдутый ветрами. Природной дамбой он запирает двойное устье Анюя. Пришлось зажечь дымовой костер из плавника (сигнал бедствия) и ожидать выручки.

Дым на пустынном Анюйском острове заметил Любич из окна школы. Он поспешил на пристань, завел свой глассер и снял нас с необитаемого острова.

Так судьба свела меня с этим необыкновенным человеком. Ясноглазый, рыжебородый великан, с копной огненных волос и удивительно доброй, застенчивой улыбкой внушал невольную симпатию. В тридцать пять лет он сохранил пламенное воображение, чистоту чувств, неукротимое стремление к знанию. Бородатого мечтателя постоянно влекло необычайное и, может быть, поэтому мы так быстро сблизились.

Любич приехал на Колымский Север с экспедицией и снимал пастбищную карту оленеводческого совхоза. Растительность тундры он знал великолепно, но в рамках одной ботаники ему было слишком тесно. Ученый с увлечением исследовал историю и географию далекого Нижне-Колымского края. Много свободного времени он отдавал нумизматике. О старинных монетах и медалях, эмблемах и древних надписях, о весе и чистоте металла он, кажется, знал все что можно. Сейчас на столе перед Любичем лежали реликвии, найденные в хижине землепроходца, и самородки серебряно-белого металла, добытые в галечной россыпи у Белого яра.

В просторном классе, где устроил свою базу Любич, парты были сдвинуты в дальний угол. По стенам висели ботанические сетки с пачками гербарных листов, картонные папки, полевые сумки. Мы расположились вокруг стола на вьючных ящиках.

Металлическая бляха с изображением византийского кентавра из могилы спутницы землепроходца почти не привлекла внимания ученого. Он показал точно такую же бляху, снятую с наряда последнего юкагирского шамана, умершего на речке Ясашной. Оказалось, что это вовсе и не медаль, а византийское металлическое зеркальце, которыми когда-то широко пользовались на Руси. В Сибирь их завезли триста лет назад землепроходцы.

Особенно заинтересовал Любича перстень с именной печатью, эмблемой летящего орла и девичьей косой. Сдвинув на

лоб очки, близоруко щурясь, он долго рассматривал выгравированный орнамент, покачивая рыжей головой.

— Редчайшая находка... Дивлюсь, как попала девичья коса на этот перстень? Вензель печати действительно свидетельствует о знатности и высоком положении владельца, и вдруг... плебейская коса... Просто необъяснимо! Знаете, кто гравировал сплетенные косы на перстнях?

Я развел руками.

— Запорожцы... простые казаки Запорожской Сечи на Днепре! Сплетенная девичья коса — знак нерушимого казачьего братства. Как попала она на перстень вельможи? Вот загадка для Шерлока Холмса...

Любич задумался, отложил кольцо и принялся за фрагменты грамоты. Переводил он почти без запинки:

«В прошлом во 157-м году июня в 20 день из Ковымского устья мы, сироты Семен Дежнев с сотоварищи, поплыли семью кочами на правую сторону под восток. Ветры кручиныны были. Дву дни да две ночи стояли под островом, что губу великую заслоняет. Тут погода сильная грянула. Того же дни на вечер выбились парусами в море пучинное. Тучи сгустились, солнце померкло, наступила тьма темная, страшно нам добре стало и трепетно, и дивно. Крепко море било, ветры паруса рвали. Во мгле нас, сирот, разметало навечно. Неделю по черноморью мотались, великую нужду терпели, души свои сквернили. Мимо Большого Каменного носу пронесло, а тот нос промене сивер и полуночник. С того Каменного носу море затуманилось, и носило нас, сирот, еще дву дни, и землю гористу сквозь мглу высмотрели, горы высокие забелились. Тут наш коч расступился, и учинили меж себя мы надгробное последнее прощание друг з другом. Товары да уметный запас море раскидало, а люди к берегу плыли на досках чють живы, и многих потопило, не чаяли как вынесло. А другой коч тем ветром бросило рядом на кошку цел, и запасы повывметало вон, и коч замыло на той кошке песком, а люди наги и босы остались. Ветер упал, тишина приправила назад, коч из песка выгребали, скудные запасы товары подбирали. И с того погрому обнищали, обезлюдели. Всех нас, сирот, было на дву кочах с сорок человек, после морского разбою осталось с двадцать.

А та дальняя земля матерая велика, многоречна, рыбна, звериста, и по рекам живут многие иноземцы разных родов, безоленные, пещие, безхлебные, рыбу и зверя промышляют, а рожи у них писаные, а ласки они не знают, потому что дикие и между собой дерутца. А преж пас в тех местах заморских никакой человек с Руси не бывал. Нечем нам, сиротам, обороняться, зелья и свинцу мало, и то зелье мокрое в бочках село и в стрельбу не годитца...

... на куяках от крепости шли бечевою шесть недель без парусного погоды, еле с японкой к вершине Онюя доволоклися. Слух наш дошел: жив Семен на Анадыре. А Серебряная гора около Чюн-дона стоит, томарой руду отстреливают, в дресвье серебро подбирают — ходынец ту сопку рисовал. Одна беда привяжется — другой не миновати. Но посмел грамоту мимо послать, чтоб какая невзгода не учинилась, сам пошел. Стужа смертная настигла, цынжали, голод и нужду принимали...

...сами отведали землицу заморскую, хотим орлами летати. А люди на той Новой Вольной Земле за безлюдством, бесприпасем ныне

насилу от разных воинских ипоземцев оберегаются, все переранены. Припасов, ружей огненного бою, мушкетов, карабинов надо, да вольных гулящих людей прибрать. Чтоб те заморские моста стали впредь прочны и стоятельны силушкой да волей казаческой. Атаманская башня — око в землю, ход в заносье. О Русь, наша матушка, прости...»

— О Русь, наша матушка, прости...— повторил Любич, глаза его блестели.— Не правда ли странно? Мореходы, несомненно, высадились на берега Америки, совершили величайший географический подвиг — открыли новый материк и молят прощения? Ваша грамота, Вадим, полна загадок.

— Однако, казак письмо Анадырь носила...— сказал вдруг Илья. Он устроился на полу у открытой дверцы печурки и, посасывая трубку, любовался игрой пламени.— Баба старинный цингой болела, помирала...

— И нес он грамоту,— оживился Любич,— Семену Дежневу.

— Но почему в круговую, через Нижне-Колымскую крепость? Не проще ли с Аляски явиться к Дежневу прямо на Анадырь через Берингов пролив?

— Берингов?! — взъерошился Любич.— Сибирские казаки разведали пролив между Азией и Америкой за восемьдесят лет до Витуса Беринга, прошли его вдоль и поперек, высадились на берега Аляски...

Любич стукнул кулачком по столу, серебряные самородки подпрыгнули и покатались.

— Довольно несправедливости! Приоритет так приоритет — Казацкий пролив, только Казацкий, и баста!

Волнение Любича рассмешило меня. Не все ли равно в конце концов как называть пролив? Беринг тоже служил России и сложил голову на Тихом океане...

— Только Казацкий,— упрямо повторял краевед,— да знаете ли вы, что некоторые заморские историки вообще отрицают сам факт великих открытий сибирских казаков, упрекают российских землепроходцев в дикости, невежестве, ведут постыдный разговор о случайной удаче кучки казаков.

Любич открыл выючный ящик и осторожно вынул модель парусного судна.

— Вот вам российский коч, мне подарили его на Белом море. Настоящий корабль, хоть мал, да удал; древние поморы отменно приспособили его к полярным плаваниям. На таких кочах они одолели весь Северный морской путь — от Архангельска до Камчатки!

Разговор с Любичем доставлял истинное наслаждение. Он выкладывал столько нового и так увлекательно, что слушать его можно было без конца.

— Вы только послушайте заморских господ: «случайная удача кучки казаков!» А знаете ли вы, что в архивах Якутска и Тобольска откопали пласты столбцов и сеттав XVII века — челобитных грамот, отписок воевод, наказных памятей служилым людям, расспросных речей и росписей. Раскрылась величественная картина освоения необъятных сибирских просторов от Урала до Тихого океана. Накануне похода Дежнева флотилии кочей с товарами спускались вниз по великим сибирским рекам, плыли Полярным морем из устья Лены в устье Колымы, к последнему форпосту Северной Сибири — Нижне-Колымскому острогу. В этой крепости собрался весь цвет сибирских землепроходцев — самые отважные, выносливые и пытливые люди. Собрались неспроста, для решающего скачка в последний неприступный угол Северной Сибири.

Любич развернул карту.

— Поглядите... На берегу Кенайского залива, на Аляске, американские археологи откопали поселок трехсотлетней древности, целую улицу русских изб. Ваша грамота рассказывает, чей это поселок и чья это улица...

— Не кажется ли вам странным одно обстоятельство,— прервал я Любича,— что мореход умолчал о факте государственной важности — открытии нового материка за проливом?

Любич внимательно посмотрел на меня и усмехнулся:

— Вы наблюдательны... Ни в одной челобитной колымских приказчиков и помина нет о заморском материке. Это, пожалуй, главная загадка анойской грамоты. И разгадка скрыта, кажется, здесь...

Любич взял грамоту и громко прочел последние строки грамоты:

«Атаманская башня — око в землю, ход в заносье...» Схватив перо, краевед быстро написал: «В Атаманской башне Нижне-Колымского острога в земле ход в тайник».

Нумизматам постоянно мерещатся подземные тайники и клады. Толкование последних строк грамоты показалось мне слишком фантастичным.

— Только так...— тихо и твердо произнес Любич.— Атаманская башня стояла в бревенчатой ограде Нижне-Колымского острога, выстроенного Михаилом Стадухиным, рассказы о ней слышали старые колымчане от своих отцов и прадедов.

— Ого!

Прямые потомки первых колымских переселенцев ошибаться не могли. «Око в землю» Любич переводил «смотри в землю» или «в земле», а непонятное словечко «заносье» толковал как «тайник», предполагая, что землепроходец упомянул о нем иносказательно.

Стоит ли говорить о возбуждении, охватившем нас? Городище старинной крепости находилось у Стадухинской протоки, всего в двадцати километрах от Нижне-Колымска.

— Сомневаться тут не приходится...— рокотал Любич.— Отложите, Вадим, дела, раскопаем городище.

Предложение было заманчивым. Но найдем ли там что-нибудь? В 1755 году восставшие чукчи разгромили крепость, и от старинного Нижне-Колымского острога остались рожки да ножки.

— Валы сохранились,— заявил краевед,— найдем и основание Атаманской башни. Говорят, это была самая высокая — северо-западная башня. Да и казаки там больше не селились— построили новую крепость здесь, в Нижне-Колымске. Непременно откопаем ход в тайник!

Нумизмат покрутил слитки тяжелого серебристо-белого металла.

— И в Магадане вас примут с распростертыми объятиями. Ведь это, Вадим, чистейшая ирридная платина, переворот в судьбах Анюя!

Долго уговаривать меня не пришлось. Провожать нас сбегались к пристани все мальчишки Нижне-Колымска: пронесся слух, что экспедиция едет откапывать старинные пушки.

... Глиссер вошел в узкую, но глубокую Стадухинскую протоку. С гулом мчался он среди низких берегов, заросших ольховником. Кусты низко свисали над водой. Был полдень, сияло солнце, эмальное небо опрокинулось над нами голубой чашей. Высоко-высоко небесную лазурь пронзала белая стрела — след самолета, летящего в Магадан.

У дальнего мыса в колеблющемся нагретом воздухе тундры двоились голубоватые столбики.

— Хибары Стадухинской заимки! — крикнул Любич,— там и городище крепости.

Рев мотора стих, глиссер мягко уткнулся в непролазную чашу ольховника. Мы прорубились сквозь заросли и выбрались на плоскую террасу. Обветшалые избушки развалились, утонули в душистом багульнике и карликовых березках.

Вот и холмы заветного городища!

Вейником и ольховником зарос крепостной вал. Ковер мхов прикрыл улицы сгоревшего острога. Дальше, за торфяным болотом, поднималась пологая возвышенность с листовничным редколесьем. Крепость Михаил Стадухин поставил на границе леса и тундры...

Любич довольно легко обнаружил в северо-западном углу вала широкое основание Атаманской башни — холм, заросший багульником и ягелем. Мы принесли сюда палатку, рюкзаки с продовольствием, спальные мешки, лопаты, ломы и кирки. Ученый разметил площадку раскопок, и поиски начались.

Целый день мы долбили мерзлую землю. Уже под тонким слоем торфа стали попадаться обгоревшие заостренные бревна крепостного палисада, обугленные стропила башни. Захватив крепость, чукчи сожгли ее, разобрали палисад и разрушили Атаманскую башню почти до основания.

Лишь к концу дня, умаявшись, докопались к последним уцелевшим венцам башни. Толстые бревна казаки обсыпали валом из крупной морской гальки. Бревна почти не пострадали от огня. Вероятно, пожар потушили казаки, подоспевшие на выручку из окружающих заимок.

Между бревнами не оказалось и следа конопатки. Несомненно, это был нежилой сруб боевой башни. Любич вошел в раж — лом гнулся в его могучих руках. Мы разворотили глубокую квадратную траншею, подобрались к самому полу башни и, выбившись из сил, решили продолжать раскопки утром.

Весело было у нас на биваке. Илья настрелял уток, развел яркий костер и варил в котле утиный гуляш. После ужина Любич рассказал очередную историю.

Оказывается, основатель крепости Михаил Стадухин отличался весьма буйным нравом. В 1642 году смелый землепроходец во главе отряда казаков морем прошел на неведомую Колыму. Одновременно Колымы достиг отряд Дмитрия Зыряна. Он обосновался в устье Анюя в стратегически важном месте, а Стадухин, не пожелавший действовать сообща, выстроил Нижне-Колымский острог в более уязвимом урочище. Лесистая возвышенность позволяла чукотским воинам скрытно накапливаться поблизости от вала крепости. Десятью лет простоял Нижне-Колымский острог на Стадухинской протоке и постоянно подвергался опустошительным набегам.

Уязвил честолюбие Михаила Стадухина и великий поход Дежнева. Дежневцы на год опередили Стадухина, отплыв в июле 1648 года из Нижне-Колымской крепости на восток. В это время Стадухин спешил из Якутска на Колыму с наказной памятью якутских воевод, разрешавших ему привести «под государеву руку» народы, населявшие бассейн Погычи. Достигнув устья Колымы и не застав Дежнева, Стадухин буйствовал в низовьях Колымы — грабил с казацкой вольницей купеческие караваны, приходившие с Лены.

— И еще...— добродушно усмехнулся Любич,— подкузьмили Михаила Стадухина Степан Мотора «с сотоварищи».

Юагиры, плененные казаками на Анюю, сообщили, что на Погычу можно пройти по сухопутью, вверх по Анюю и далее, перевалив через Камень.

Степан Мотора со своей партией, на месяц опередив разгульный полк Стадухина, проложил зимний путь вверх по Анюю. Стадухин со своим отрядом настиг Мотору на перевалах Анадырского хребта и насмерть поспорил с ним.

— Но зато какой походите отгромил Стадухин с Анадыря, просто диво! — продолжал Любич.

С пятьюдесятью товарищами на лыжах и нартах Стадухин в зимнюю стужу совершил переход на дикую Пенжину, затем на Гижигу, построил там кочи и поплыл морем на юг вдоль побережья Охотского моря. После многолетних скитаний с четырнадцатью уцелевшими казаками Стадухин достиг устья Охоты, где к тому времени прочно укрепились якутские казаки. Стадухинцы соединили две могучие ветви движения землепроходцев «на встречу Солнца» — Северную и Тихоокеанскую. После походов Дежнева и Стадухина главные силы сибирских аргонавтов устремились на Дальний Восток, в бассейн Амура и в Приморье...

Рыжебородый великан поднялся, вздохнул полной грудью пьянящий северный воздух, потянулся:

— Ну, братцы, спать пора... Завтра подземелье откопаем...

Когда я проснулся, мои товарищи были уже на раскопках. Пол башни был засыпан полуистлевшими обломками разбитых бочек. Лопаты постоянно натывались на что-то твердое. Мы торопливо разбрасывали перегнивший мусор и, чертыхаясь, снова вытаскивали позеленевшую клепку. Первую находку сделал Илья. Он вытянул из мусора старинную пищаль. Ствол ее был согнут, приклад разбит вдребезги. Видно, последние защитники крепости вели в Атаманской башне жаркий рукопашный бой.

Наконец расчистили утрамбованный земляной пол. Промерзшая земля не поддавалась. Любич ломом долго прощупывал почву. И вдруг лом ударился о железо.

— Здесь... — тихо сказал Любич, сдерживая дыхание.

Он принялся осторожно раскапывать землю шанцевой лопаткой. Уж слишком медленно и осторожно снимал ученый слой почвы. На дне ямы что-то звякнуло. Краевед отбросил лопатку и, расчищая взрыхленную землю ладонями, обнаружил литое кольцо.

— Люк?!

Любич лихорадочно разгребал почву...

— Сундук!

Кованая крышка почернела. Сундук был невелик и походил на старинный ларец. Мы с Любичем ухватились за кольцо и вытянули тяжелый сундучок. Ржавый висячий замок запирает ларец.

— Ломом ударяй... — посоветовал Илья.

Любич мотнул головой:

— Давайте же, Вадим, ключ!

Поспешно я вытряхнул из полевой сумки узорчатый ключ землепроходца. Любич сунул массивную бородку в скважину

и повернул. Замок открылся. Скрипнули петли, крышка поднялась.

— Ух! — выдохнул Илья.

В ларце лежал сверток алого сукна, перевязанный плетеным арканом. Истлевший ремень рвался, а тонкое сукно расползалось на мохнатые лоскутья. Из такого же сукна был сшит алый кафтан анойского землепроходца. С величайшей осторожностью Любич развернул сукно.

В свертке покоилась объемистая старинная книга, похожая на церковный молитвенник. Кожаный переплет ее запирали потемневшие серебряные застежки. В кожу врезался перламутровый крест необыкновенной формы: серебряное колесо корабельного штурвала охватывало скрещение перламутровых перекладин.

— Светское оформление... — удивился Любич, — штурвалом изукрасили молитвенник мореходы.

Он отстегнул застежки и раскрыл книгу. Переплет из тонких дубовых досок был обтянут кожей, титульный лист расписан замысловатыми заглавными буквами — киноварью и золотом.

Любич свистнул:

— Вот так молитвенник! — Он громко прочел заглавие: «Ход в Заносье. Слово о подвиге казаческом».

— А тайник?

— Нет тайника, — отмахнулся Любич. — Землепроходец спрятал в Атаманской башне клад драгоценнее платины...

Мы перелистали старинную рукописную книгу. Написана она была скорописью XVII века с такими залихватскими завитушками, что даже Любич растерялся. Он разбирал лишь отдельные абзацы. Целые страницы неразборчивого текста, попорченные к тому же плесенью, требовали кропотливого изучения.

Нам посчастливилось откопать уникальную воинскую казачью повесть XVII века. Из тьмы веков выступила необыкновенная история, полная драматизма и суровой поэзии.

Повесть состояла из стихотворного пролога, названного «Разнобоярщина», и трех частей: «Перстень», «Вотчина златокипящая» и «В Заносье».

В прологе автор поет торжественную песнь казачеству, вспоминает, откуда повелись на Руси вольные наездники, сравнивает казаков с «богатырями светорусскими». Величает Дон отцом казачества. Певец гневно укоряет бояр и дворян государевых в междоусобицах, алчности, лихоимстве, утеснении холопов; уличает в измене Государству Русскому в тяжкое Смутное время. В Единстве и Крепости Государства он зрит силу, способную сломить «разнобоярщину». Славя Государство великое и пространное Московское, многолюдное, «сияю-

щее посреди всех государств яко солнце», он сокрушается, что казачество зародилось и умножается «отбегом ис того государства Московского от холопства полного, в пустыни непроходные».

Песню грозную и величавую казачий певец поет о подвигах витязя отважного, орла степного, радетеля воли казаческой, «любомудрого» предводителя стотысячного войска Ивана Болотникова, наводившего «страх и скорбь на бояр алчущих». Певец плачет об участи смелейшего воина, изменнически ослепленного и убитого боярами в темницах Каргопольского монастыря, призывает к «отомщению нещадному, кровавому...»

Пролог оканчивается эпическим раздумьем о Правде в Государстве. Автор ищет Правду в казачьем укладе всеобщем, мечтает о государстве, где «любомудрием правит Круг казаческий», а старшины и атаманы «волю Его сполияют».

Последняя строфа звенит призывом «беречь накрепко волю казацкую, искати Новую Сечь Вольную на дальних Украинах».

— Вот так стих — кованный...

Любич даже побледнел от волнения и торжественно заявил, что найден превосходный образец поэзии древности.

Вслед за прологом в первой части повести рассказывается история перстня. Эти страницы сильно повредила плесень, и Любич уловил лишь общий смысл текста...

Смутно вырисовывалась драматическая судьба отрока монастырского «во сажень ростом, не вкусив мирской суеты, во иноческий чин вступившего». Старый схимник Каргопольского монастыря, обучив отрока грамоте и любомудрию, открывает ему «чюдный мир» летописей, хроник византийских, былин и древнерусских воинских повестей. Сам того не ведая, наставник пробуждает в молодце жаркое стремление к ратному подвигу. На смертном одре схимник передает пестуну драгоценный перстень мученика за правду — Ивана Болотникова, убитого «кривдою боярской», и успевает вымолвить, что «несчастный воин велел снести перстень удалым молодцам, пусть-де Орлами вольными летают»...

— Перстень?! Послушайте, Любич, не помните ли вы отчества Болотникова?

— Исаевич... Иван Исаевич Болотников. Ваше кольцо с рубином, Вадим, принадлежало предводителю казацкого восстания. Летящий орел — именная печать знаменитого атамана.

Любич долго рассматривал в лупу позеленевшие листья.

— Черт побери, не пойму: откуда тут девица взялась?!

Он продолжал пересказывать текст. Молодой чернец бежит в Сибирь с заветным перстнем и «красной девицей Авдотюшкой». Беглянка скрывает девичество мужской одеждой и выглядит «отроком красоты несказанной». В Тобольске — «стольном граде Сибирском» — их верстают в казаки. «Во казацком

чине» они пускаются в трудный путь к Якутскому острогу.

— Не славная ли это спутница анюйского землепроходца?

— Не знаю... Для тех времен такой маскарад не удивителен. Въезд «жонок» в Якутск был запрещен тобольскими воеводами, и свою девицу удалец переделал отроком.

Увеличительное стекло дрожало в руке краеведа, он рассматривал с необычайным волнением листы следующей части повести.

— Неправда ли здорово: «Вотчина златокипящая»! Ват землепроходец, Вадим, не только великий грамотей, но и даровитый писатель. Иначе и не скажешь,— в Якутском остроге скапливались бесценные пушные богатства...

Удалец с «отроком» прибывают сюда вовремя. Якутский острог бурлит, готовый к «извержению огненному». Здесь, на краю света, собрались самые отчаянные головушки — казаки, высланные из Тобольска, Мангазеи, Енисейска, непослушные, непокорные, «заводчики разных смут казаческих». Недовольство накалилось злоупотреблениями якутских воевод, душивших новоселов повинностями.

Появление удалого молодца с именным перстнем Болотникова (печать атамана помнили многие ссыльные казаки) приводит к вспышке.

Объединившись, казаки и гулящие люди решают истребить воевод, стрельцов и ярыжек, захватить Якутский острог. Воеводам удается схватить одного из заговорщиков. Не стерпев пытки каленым железом, он выдает план восстания. Воеводы «оберегаютца», верные им стрельцы ловят главного зачинщика мятежа, бывшего есаула Болотникова — Василия Бугра. Его бьют на площади кнутом и заковывают в кандалы.

— Ух! смелая люди была...— пробормотал Илья.

Он слушал Любича так внимательно, что трубка его давно погасла.

— Просто удивительно! — воскликнул ученый.— На Крайнем Севере нашелся документ, решающий давний спор...

— Дальше? Что было дальше? Переводите же, Любич...

Удалой молодец силушкой богатырской ломает решетку темницы в подвалах якутского приказа, освобождает Василия Бугра. Казаки захватывают ружья, пороховую и свинцовую казну, а у пристани струги и купеческий коч с хлебными и соляными запасами. На коче и стругах «полета удальцов побежали на низ Леною рекой на море». С того времени Авдотюшка не скрывается, «в сарафан девичий одеваетца»...

— Представляете, Вадимище, что мы нашли?! Тут вся подноготная якутского казацкого восстания...

— Казацкого восстания?

— Вот именно... Историки так и не разгадали причин далекой якутской вспышки. Она казалась им случайной. А тут гремучим порохом послужили сподвижники Болотникова...

Окончательно потрясла Любича последняя глава казачьей повести о перипетиях бурного плавания казаков — «в Заносье».

Восставшие казаки укрылись в протоках огромной дельты Лены. Они решают плыть морем студеным «на Ковыму реку» и потом уходить «на Погычу, искати землицы дальние, вольные».

Удалой молодец разузнает от встречных мореходов о сборах Семена Дежнева в Нижне-Колымской крепости. С попутной оказией он плывет на Колыму «дозорным», прежде сотоварищей, и успевает попасть вместе с Авдотюшкой на последний коч флотилии Дежнева.

Силушкой славясь на весь караван, он помогает кормчему. Страшная буря отбила два коча от всей флотилии. Почти былинным языком живописуются злоключения мореходов в бурном «море-окияне», высадка потерпевших кораблекрушение на суровые берега заморской «матерой землицы».

Удалой молодец выплывает на мачте, «выносит свою суженую из волн без памяти». Мореходы, собрав уцелевшие пожитки, ставят на пустынном берегу зимовье, ограждаясь тыном, завязывают добрые отношения с воинственными соседями — «племенем квихпах — писаные рожи».

Любезный молодец строит дом. После долгих скитаний «удалец с голубушкой» обретают отдых, покой и счастье...

— Эх и документик! — восхитился Любич.— Как ни верти, а первое поселение в Америке казаки поставили триста лет назад!

...«Житие» в неведомой земле сплотило новоселов в крепкий казаческий Круг. «Вторую весной» Круг решает «послати на Русь-матушку гонца надежного, верного, тайного... вольных казаков да охочих людей в Новую Сечь звати, припасы, оружие, снасти привозити».

Трудную миссию поручают удалому молодцу с Авдотюшкой неразлучною. Казаки доверяют гонцу призвать «имянным вещим перстнем» атаманишь в Новую Вольную Сечь Семена Дежнева, «а Землю матерую, что отвдали за морем, в великия нерушимый тайны держати».

— Странно... Почему Дежнева?

— Ну, это понятно: Дежнев вышел из простых казаков, был умен, храбр, любознателен и по тому беспокойному времени добр. Делил все беды и радости с товарищами, предпочитал обходиться с народами Сибири «ласкою, а не жесточью». Но посмотрите, что совершает удалой молодец с Авдотюшкой!

На кожаной байдаре вместе с эскимосами переплывают они пролив между Азией и Америкой, минуют «Большой Каменный нос, что промеж сивер и полуночник» и, почти не при-

ставая к опасным берегам, «идут морем» вдоль чукотского побережья. В устье Колымы мореходы с грустью прощаются с друзьями и «на куюках» поднимаются вверх по Колыме, к Нижне-Колымской крепости, сказавшись там «ушлыми из Чюхочьего плену».

Удалец «припоздал» — не застал в крепости своих мятежных сотоварищей. Они благополучно достигли на коче Колымы, встретили Михаила Стадухина и, влившись в буйный его полк, ушли последним зимним путем «во след Степану Моторе» через Камень на Погычу.

Неудача не смутила удалого молодца. Он решает на каяках подыматься вверх по Анюю с проводником—юкагирским аманатом — и через Камень достигнуть Анадыря. Надеясь вернуться обратно в крепость с Дежневым «сбирати припасы, снасти да вольные люди в ту Новую Сечь», добрый молодец с Авдотюшкой закапывают тайно ларец с повестью в Атаманской башне.

— Ай да баба! Такой жена, Вадим, ищи...

Илья расстроился. На глазах старого ламута блестели слезы.

Заканчивалась повесть жаркими строками стихотворного диалога «удальца с голубушкой». В постановлениях казаческого Круга оба зрят высший смысл «Чести и Правды казаческой»...

Нумизмат осторожно закрыл книгу. Молчаливо сидели мы, не решаясь спугнуть витающие образы.

День окончился. Малиновое солнце тлело в фиолетовом сумраке. Мохнатые лиственницы на близком увале застыли, к чему-то прислушиваясь. Совсем близко, за кустами, в Стадухинской протоке, тихо крикали утки.

— Удивительно...— наконец проговорил Любич,— удивительно и просто. Сорок лет спустя после этих событий, в 1690 году, казаки затеяли второе восстание в Якутском остроге. В заговоре участвовал один атаман, казачьи десятники и тридцать рядовых казаков. Они собрались «побить досмерти» якутского стольника и воеводу, захватить пороховую и свинцовую казну, оружие, припасы и бежать в «Заносье». Видно, американские робинзоны прислали на Русь второго гонца.

— И чем же кончилось восстание?

— Заговор раскрыли, зачинщиков казнили, а рядовых казаков в кандалах сослали в дальние остроги. Но о Вольной Сечи за проливом воеводы не допытались. Никто не выдал заветной тайны. Историкам и это восстание до сих пор кажется случайной вспышкой.

Все это было необычайно интересно. Я спросил Любича, почему нигде в своей повести казачий певец не отождествляет себя с главным героем — «удалым молодцем»?

— Такова особенность древнерусских повестей... В те времена жанра автобиографических повестей просто не существовало.

— А казаческие повести?

— Впервые появились в Запорожской Сечи,— ответил нумизмат,— сочиняли их гусяры. На Руси первую казаческую повесть «О взятии царства Сибирского» написали сподвижники Ермака, в тридцатых годах XVII века. Десять лет спустя донской казак Федор Порошин окончил свои великолепные казачьи «Повести о взятии и сидении Азовском», известные во многих списках. А Матвей Каргополец — «удалой молодец»— оставил нам ярчайшую антибоярскую казачью повесть, по-видимому уникальную, в единственном, вот этом экземпляре. Недаром он упрятал его в землю. Не только автор, но и переписчик или хранитель такой повести могли угодить на дыбу или виселицу...

Так разгадалась удивительная загадка одинокой хижинки у истоков Анюя. Прошло четыре месяца после находки уникальной рукописи на берегу Стадухинской протоки. Мы с Ильей давно прилетели в Магадан, и я закрутился в вихре срочных дел.

Образцы платины взбудоражили магаданских геологов, и на Анюю спешно отправились разведчики. Рукопись старинной повести и реликвии из хижины землепроходца произвели сенсацию в Историческом музее. Ученые принялись за полный перевод текста. Костя пропал с оленями в дебрях Северной тайги и не подавал о себе вестей. Наступила полярная стужа, тайга укуталась зимним покрывалом, и мы готовили аварийный самолет на поиски пропавших оленеводов...

Однажды я сидел в кабинете начальника Главного управления Дальнего строительства за громадным письменным столом. На улице гудела пурга, билась в высокие зеркальные окна. Магадан, утонувший в снежном вихре, спал глубоким сном. Я принял ночное дежурство и в это время замешал начальника строительства.

Передо мной висела карта Золотого края. Горные предприятия размещались по великой дуге хребтов от Яны, верховьев Индигирки и Колымы до Чукотки. То и дело звонили телефоны.

Далекие, иногда тревожные голоса сообщали о снежном обвале на индигирской трассе, о движении колонны машин по льду Индигирки с грузом для нового прииска, о зимнем наводнении на Тарын-юряхе, вызывали самолет с хирургом к геологу, раненному в тайге, дежурные Горных управлений передавали сводки о «металле»...

После полуночи звонки стали реже, и к двум часам вовсе прекратились. Пурга не стихала, бесновалась и выла за

окнами. В кабинете было тепло и уютно. Я развернул книгу о Русской Америке, мне удалось отыскать ее в городской библиотеке.

Сто пятьдесят лет спустя после первых казацких новоселов на берегах Аляски снова высадились наши мореходы. Основались военно-торговые поселения. Аляска стала провинцией Российской империи.

Парусные корабли Балтийского флота бороздили воды Тихого океана. Исследователи и промышленники того времени совершали на оснащенных ботах, на кожаных байдарках и каяках вместе с эскимосами и алеутами тысячеверстные походы вдоль берегов Аляски и Дальнего Запада Америки. Русские фактории, форты и гавани возникли по всему американскому побережью — от Аляски до испанских владений в Сан-Франциско.

Самодержавие не сохранило эти земли за Россией. Кто знает, если бы укрепились Новая Сечь Казаческая на открытой дежневцами Матерой Земле, может быть, совсем иначе сложилась судьба Аляски...

Зазвонил телефон. В трубке едва слышалось:

— Магадан... Магадан...

— Алло. Дежурный слушает. В чем дело?

— Доложите Оленеводческому управлению...

Чертовски знакомый, родной, охрипший голос Кости, то пропадая, то вновь возникая из помех, докладывал, что чукотские табуны благополучно вышли к Дальнему прииску и разместились на зимних пастбищах Золотой Колымы.

Павел Баранников

У ПОТОМКОВ СЕМИ ПЛЕМЕН АРПАДА

Очерк

Будь я
венгерским гидом.

Необходимые пояснения. Обычай и традиции. О чем рассказывается в очерке

Это не беглые туристские заметки. Я приехал в столицу Венгрии в качестве корреспондента ТАСС еще в те дни, когда из Пешта в Буду переправлялись на лодках — при отступлении фашисты взорвали все мосты через Дунай, — и прожил там около шести лет. Вновь я прибыл в Будапешт уже как собкор «Известий» в 1956 году. На этот раз срок моего пребывания в стране оказался еще более продолжительным...

Говорят, чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть. За одним столом с венгерскими друзьями я съел не только немало ее (причем, заметим в скобках, привозной: природной в Венгрии нет), но и, наверное, не меньше красного перца, столь любимого венграми. И конечно, не мог

не полюбить эту замечательную страну, трудолюбивый, талантливый венгерский народ.

Не раз приходилось мне возить по стране своих друзей, оказавшихся моими гостями в Будапеште. И часто размышлял о том, что если бы я был венгерским гидом, то роздал бы своим подопечным брошюры, путеводители и другую справочную литературу о Венгрии и пояснил бы, как быстрее и проще найти в этих источниках самые необходимые сведения, имена, знаменательные даты (все равно в быстротечном турне записать все эти данные люди не смогут). Во время поездки по городам и селам страны я показал бы им крупнейшие предприятия и кооперативные поля, различные достопримечательности — все то, чем может по праву гордиться наш братский народ. Но главное внимание сосредоточил бы на таких деталях и штрихах жизни венгерского народа, которые помогают глубже понять его характерные черты — обычаи и традиции, привычки и привязанности, уяснить их историческую закономерность.

Показал бы я также и «Замок вечной любви», который в нашем XX веке в течение сорока лет своими руками возводил граф Йене Бори. Доказал бы, что в таком непонятном для других народов венгерском языке можно найти больше родных русскому слов, чем в любом другом неславянском, обратил бы внимание своих спутников на то, что в селе Чёкёй, лежащем к югу от озера Балатон, цвет траура почему-то... желтый и пока еще никто не обнаружил корни этого обычая.

Вот этим и подобным им внешне малоприметным фактам и собственным наблюдениям посвящен предлагаемый ниже очерк.

Многое еще можно сделать для улучшения взаимопонимания между братскими социалистическими странами. В общеполитическом плане у нас расхождений, конечно, никаких нет. Но что касается национальных особенностей, тут дело особое. Всем известно, например, что народы Средней Азии и Кавказа не представляют себе жизни без плова и бараньего шашлыка, а венгры и слышать не хотят о баранине, им подавай свинину.

Привычки, традиции, своеобразие национальных вкусов сохраняются на многие поколения. Поэтому необходимо воспитывать у людей чувства взаимоуважения, взаимотерпимости к национальным традициям и обычаям других народов. Кто-кто, а народы-братья должны знать друг друга как можно лучше.

«Часовые» языка

**Неузнаваемые знакомые. Миллион слов.
Языковый мусор — вон!**

Человек, приехавший в Венгрию впервые, даже зная, что венгерский язык очень своеобразен, все же сильно теряется, не

улавливая ни единого знакомого слова. В этом языке действительно очень мало или почти нет интернациональных слов, таких, как телефон, телеграмма, паспорт, революция, парламент.

Людям из славянских стран непонятны слова «репавал», «сепанал», «шапкабал». Но это хорошо знакомые им речения «репа», «сено», «шапка» с послеслогами, заменяющими в венгерском языке предлоги. И оказывается, заимствованных у славян корневых слов в венгерском языке больше, чем в каком-либо из других неславянских европейских языков. *Рож*, *борона*, *баразда*, *салма*, (солома), *сёна*, *астал* (стол), *вилла* (вилка), *санко* (санки), *теста* (тесто), *тиста* (чисто), *пилота* (дворец, палаты), *терем* (зал), *олтар* (алтарь), *динья* (дыня), *капални* (выкапывать)... Близких по звучанию слов сотни, но отличие грамматического строя, послеслоги, смещение ударения делают их для русского уха совсем незнакомыми.

Не встретишь сейчас венгра, который не знал бы слов «спутник», «лунник», «восток», «восход», «колхоз», «комсомол», «Черемушки»... С ударением, как всегда, на первом слоге. Подобные слова уже органически влились в венгерский язык.

Венгры — один из угро-финских народов. Им родственны эстонцы, финны, карелы, лопари, коми, удмурты, марийцы, мордва, манси и ханты... Прародина венгров исторической наукой все еще не установлена, но считают, что предки их жили где-то в предгорьях Урала, откуда они в течение второй половины первого тысячелетия нашей эры откочевали сначала на восток, потом на юг, позже прошли по территории нынешней Украины, были под Киевом, а в 896 году семь племен во главе с князем Арпадом — вождем сильнейшего из семи племен — через Верецкий перевал Карпатского хребта пришли на берега Дуная и Тисы, где и обрели новую родину. Народ стал называться мадьярским по имени племени, возглавляемого Арпадом. Мадьяры ассимилировали славянские племена, жившие в ту пору в этих местах, научились у них земледелию, оседлому образу жизни. Этим и объясняется, что славянские слова, вошедшие в венгерский язык, связаны с переходом от кочевья к земледелию. Между прочим, венгры ассимилировали и часть племен половцев, бежавших от монголо-татар. Как утверждают историки, во времена «обретения родины» венгров насчитывалось около полумиллиона.

Вернемся же к венгерскому языку. Наиболее близкими к нему считают мансийский и хантыйский. Основной словарный фонд венгерской лексики, как уже говорилось, обогатился за счет заимствований из других языков, в частности из славянских. Однако в целом в венгерском языке варваризмов относительно мало. Народ, который долгие века находился то под турецким, то под австрийским игом, всячески сопротивлялся

проникновению в его язык чуждых слов и выражений. Кроме того, в XVIII—XIX веках так называемые обновители языка создали много новых словообразований для замены проникших в язык чужеземных слов. Это привело к тому, что словарный фонд еще более увеличился, и сейчас в нем насчитывают около одного миллиона корневых и производных слов, хотя в обиходной речи употребляется от восьми до десяти тысяч.

В Будапеште издается журнал «Страж венгерского языка». Языковеды широко используют радио. Несколько раз в неделю ведется пятиминутная передача «Наш родной язык». Появилось в устной речи мусорное словечко «чао!» — начинается борьба с ним. Проникло в печать труднопроизносимое слово «кинемаскоп» — специалисты провели разъяснительную работу, и в обиходе утвердилось вместо него всем понятное «широкоэкранное кино».

Разговор за обеденным столом

Будапешт на десерт. Доля ты женская... Университеты официантов

Начинать поездку по стране с осмотра столицы, по-моему, все равно что перед обедом съесть солидный кусок торта. Так отнесем лучше рассказ о Будапеште в конец очерка. Первый большой венгерский город на железнодорожном пути, ведущем из Москвы, — это Дебрецен. Давайте пойдем в отличную городскую гостиницу «Золотой бык» (бык — по-венгерски бика), сядем за обеденный стол и обстоятельно поговорим.

— Познакомьтесь с вашей активной помощницей — переводчицей Надей.

— Зовите меня, пожалуйста, Жужей. Когда я жила в СССР, в кругу знакомых моей семьи меня все звали так.

— Следуя советам нашего добровольного гида, это нам нужно записать, так как в путеводителях о вас ничего, к сожалению, не сказано. Итак, Надежда... Простите, а как ваша фамилия?

— Если будете записывать, то пишите Ковач Золтанне.

— ?!

— Мой муж — Золтан Ковач. У венгров фамилия всегда стоит впереди имени.

— Так, значит, ваша фамилия...

— ... Ковачне.

Тут требуется пояснение. В Венгрии, выходя замуж, девушка обычно меняет не только фамилию, как у нас. Она носит и имя и фамилию мужа, к которым в конце (имени, фамилии или фамилии с именем) присоединяется окончание «не». Девичье

имя знают лишь родные и близкие знакомые. И этому не стоит очень уж удивляться.

Ведь у нас тоже не все дети знают девичью фамилию своей матери. В некоторых странах Азии люди при рождении получают одно имя, при достижении совершеннолетия — другое, после брака — опять смена имени. А кое-где сохранилась традиция во время тяжелой болезни или в старческом возрасте «прятаться» от смерти принятием нового имени. Как говорится, в каждом царстве свои законы.

Между прочим, в Венгрии, так же как и у нас, при вступлении в брак женщина может сохранить свое имя и фамилию. Все дело в традициях и обычаях.

Многое из того, как относятся в Венгрии к женщине, достойно всяческих похвал. С женщиной или девушкой мужчина здоровается словами «целую руку», а если это родственница или близкая знакомая, делает это уже не только на словах.

Если идут в гости, одна-две гвоздики, букетик фиалок или подснежников, веточка сирени для хозяйки дома обязательны и столь традиционны, что исключения очень редки.

Столовых, ресторанов, харчевен, закусовых, кафе в стране очень много, и готовят там вкусно. Стоимость стандартных обедов и закусок невысока, и во многих семьях установилась традиция обедать в воскресенье не дома, чтобы дать отдых и хозяйке.

Вообще в народной Венгрии, где женщине предоставлены равные права с мужчиной, очень многое делается для того, чтобы освободить ее от «второй смены», как называют там домашнее хозяйство, остающееся на плечах работающих женщин. Кое в чем помощь оказывают регулярно проводимые конкурсы на лучшее ведение домашнего хозяйства.

— Простите, что перебиваю. Я слышу по радио передают звон колоколов. Это не приглашение в церковь к обеду?

— Конечно, нет. В Венгрии колокольный звон в полдень имеет определенный смысл. Вот уже на протяжении пяти веков так отмечается крупная победа Яноша Хуньяди, остановившего под Нандорфехерваром (Белградом) продвижение турецких войск, Пятьсот лет! Традиция давняя. Нам с вами этот звон напоминает, что до обеда еще целый час, но так как, видите, официанты застыли в боевой готовности, давайте заблаговременно сделаем заказ.

Не только в городах, но и в селах «сфера обслуживания» организована отлично. Например, официанты проходят большую школу: воспитанники специальных училищ (еще подростками) долгое время стажировались в качестве подручных опытных официантов, затем проходят практику в хороших ресторанах и только после этого едут на работу в город или село, откуда их прислали на учебу.

Стол накрыт. Около каждого прибора появилась бумажная салфетка с эмблемой ресторана и... меню-словарем. Да, да! Оказывается, бумажная салфетка может попутно со своей основной целью выполнять и другие задачи.

О вкусах не спорят

**Эшелоны красного перца. Гимн рыбацкой ухе.
Поединок Грузия — Венгрия**

Стрелка часов приближается к часу. Ресторан начал понемногу заполняться. Покрапал дождь, и венгры, исключительно бережливо относящиеся к своей одежде и поэтому, как правило, вовремя запаасающиеся легкими плащами, снимая с себя пластиковые и водоотталкивающие накидки, выворачивают их наизнанку и кладут... на спинки стульев или даже на соседние столики. Что это? Все те же традиции и обычаи. Посетители большинства столовых и ресторанов входят в зал в верхней одежде и, раздевшись, пристраивают ее возле столиков. Мало того, в забрызганных дождем пальто пускают даже в больничные палаты. Попытались как-то декретным порядком ввести обязательное раздевание в гардеробных, но привычки взяли верх: люди восприняли это как насильственное навязывание чужеземных обычаев.

Когда к нам приезжают друзья из других стран, в том числе из Венгрии, они тоже замечают у нас много таких «закостенелых» привычек, с которыми мы сами почти свыклись. Чего стоят, например, одни поистине неистребимые семечки.

Мне приходилось встречаться с самым различным восприятием увиденного за рубежом. Одни сюсюкают по всякому поводу, не вдумываясь в смысл, целесообразность, не пытаясь даже узнать, не считают ли сами хозяева это «что-то» своим недостатком, пережитком, с которым они упорно борются; другие, как испорченная патефонная пластинка, повторяют одну и ту же фразу: «И ничего интересного». И то и другое, конечно, крайности, не имеющие ничего общего с подлинным изучением той или иной страны.

...Но вот часы на башне пробили час, и вслед за зеленым салатом на столе появилась венгерская уха.

Рыбацкой ухой можно восхищаться на берегах Байкала и Днепра, на песчаных островах Конго и Муррея, на отмелях Янцзы и Амазонки. Всюду она имеет свой неповторимый, вкус и аромат. Однако нет, пожалуй, равных волжской стерляжьей ухе, в разряд особых которую зачислил и неистовый репортер Эгон Эрвин Киш, объездивший весь свет.

К совершенно своеобразным рыбным супам следует отнести и венгерскую уху халасле, отведав которую хоть раз, уже ни-

когда ее не забудешь. Специфика ароматического и вкусового букета ее заключается в большом количестве приправы: и сладкого и острого перца, той самой паприки, название которой неотъемлемо связано с Венгрией. Этой специи, потребляемой щепотками, Венгерская Народная Республика ежегодно вывозит во многие страны мира огромное количество. Двести железнодорожных вагонов порошкообразного перца! Примерно столько же потребляют его и в самой Венгрии. Венгерские специалисты подсчитали, что в СССР в год потребляется 10 граммов красного перца в расчете на одного человека, в Австрии — 8, в ГДР — 22, а в самой Венгрии — 250 граммов!

— Если вы решили угостить нас национальными венгерскими кушаньями, то на второе, конечно, заказали гуляш?

— Так как первое,— следует ответ,— было блюдом довольно сытным (несколько солидных кусков карпа и сома способны утолить немалый голод), то на второе заказали полегче, но тоже типично венгерское. Это турочусо — лапша с творогом, сметаной и шкварками. Иногда и ее посыпают перцем.

Но действительно, самым знаменитым блюдом венгерской кухни за рубежом и у нас считают гуляш, точнее, гуйяш. Но как песню не на родном для нее языке, так и национальное блюдо в другой стране не всегда узнаешь. Венгерская песня «Журавли» и ее русский вариант — это двоюродные сестры, не больше.

С гуйяшем произошло еще более любопытное превращение. В Венгрии это первое блюдо, нечто вроде кавказских харчо и пшти, а в Советском Союзе гуйяш — второе блюдо, жаркое, скорее напоминающее венгерский пёркёльт — тушеное мясо с картофелем и красным перцем.

Когда заходит речь об отличительных особенностях венгерской кухни, приходит на память занятный случай, происшедший с первой венгерской крестьянской делегацией, посетившей СССР в 1949 году. Грузины, которые, как известно, отличаются особым гостеприимством, прослышав о том, что гости из Венгрии намереваются побывать в их республике, заранее позвонили в Москву, чтобы узнать вкусы тружеников венгерских полей.

—г Учтите, кухня у них очень острая, в ней много перца,— предупредили люди, побывавшие в Будапеште.

— Но у нас ведь тоже большинство блюд острых...

— Что вы, куда вашей кухне до венгерской!

Когда делегаты возвратились на родину, на пресс-конференции им задали вопрос о наиболее ярком впечатлении от посещения Грузии.

— По Грузии мы ходили и ездили с открытым ртом,— ответил один из делегатов под одобрительный добродушный смех его товарищей по путешествию.

— Так вас все удивляло?!

— Мы действительно увидели там много интересного и замечательного, но рот мы открывали по другой причине: грузинская кухня вдвое острее нашей, а вы знаете, что такое настоящее венгерское халасле. Тогда представьте себе еще более крепкое грузинское харчо!

...Гостеприимные грузинские друзья от всей души старались угодить вкусам делегатов братской Венгрии.

Город в сине-желтом цвете

**Петефи и Мериц. Книги и свинина.
Хортобадь. Чайки над степью**

Мы так увлеклись разговорами о национальной кухне, что забыли о городе, в котором находимся.

— Да, но как вы говорили, для этого есть путеводители и справочники.

— Правильно. Но все-таки нужно сказать, что совсем недавно весь город был в сине-желтом наряде: он праздновал свое шестисотлетие. А синий и желтый цвета — это цвета знамени города Дебрецена.

— Есть и герб у него?

— Есть. Как и у всех старинных венгерских городов. Но разрешите прочитать несколько фраз из томика Шандора Петефи:

«Бывал ли ты, мой друг, в Дебреcene? Видел ли ты этот степной город, вернее, городскую степь? Ежели хочешь увязнуть в пыли и грязи, приезжай именно сюда: здесь легче всего достигнешь цели; однако зажми хорошенько нос, не то, прежде чем ты задохнешься, тебя хватит удар от запаха сала. Сколько здесь сала, сколько откормленных свиней! А дух человеческий все же настолько тош, что у него, как у знаменитых местных кляч, ребра стучат о ребра. Здесь если и покупают книги, то разве лишь на обертку — завертывать сало».

Таковы были впечатления великого венгерского поэта от этого города в канун революции 1848 года. Три четверти века спустя Дебрецен навестил знаменитый венгерский писатель Жигмонд Мориц. Городская знать из кожи лезла, стремясь устроить встречу попышнее. В елейных речах слезно молили именитого гостя прославить их город. Мориц выполнил эту просьбу и написал о Дебреcene. Но позже он с горечью отмечал, что горожане приобрели всего три экземпляра его книги.

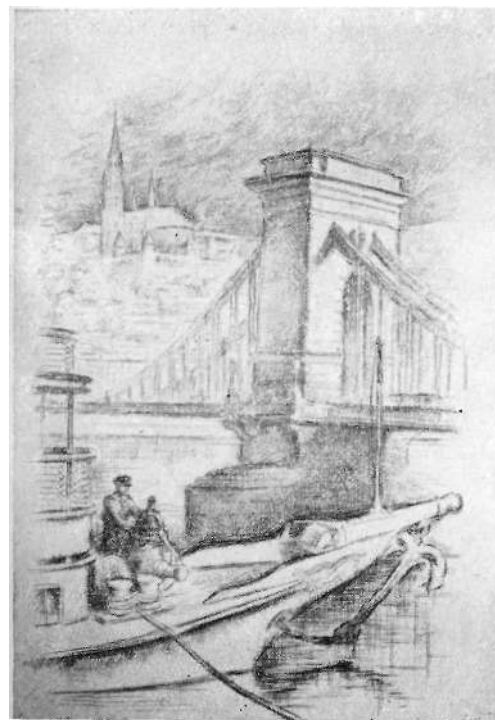
— А сейчас на многих перекрестках мы видели книжные прилавки, окруженные толпами.

П. Баранников

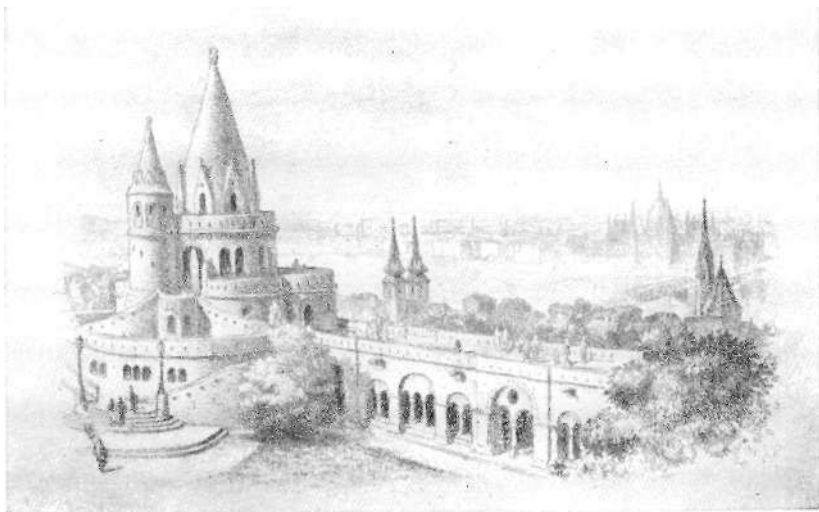
У ПОТОМКОВ СЕМИ ПЛЕМЕН АРПАДА

Будапешт. Уголок Буда с видом на гору Геллерт, увенчанную монументом Свободы
(Рисунок худ. Йозефа Вертела)

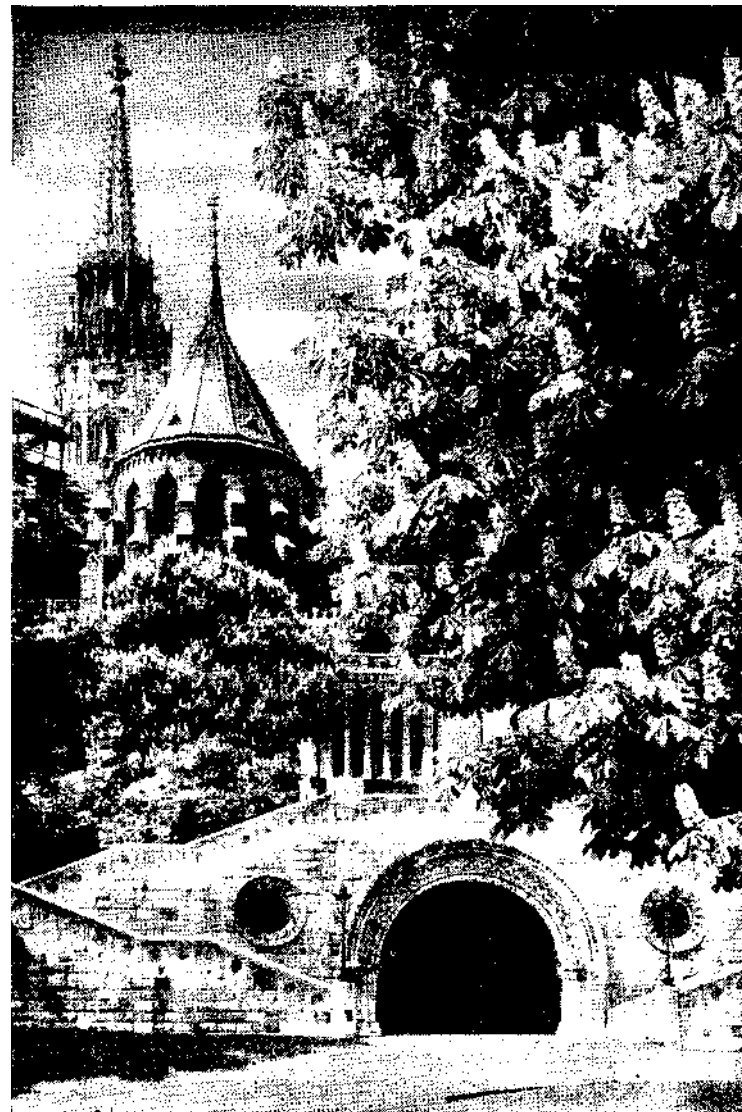

Одно из красивейших сооружений венгерской столицы — Цепной мост. Вдали — церковь короля Матяша
(Рисунок худ. Йозефа Вертела)

Панорама Будапешта с видом на Рыбацкий бастион и здание Государственного собрания
(Рисунок худ. Йижефа Вертела)

Порт курортного городка Шиофок на берегу «венгерского моря» — озера Балатон

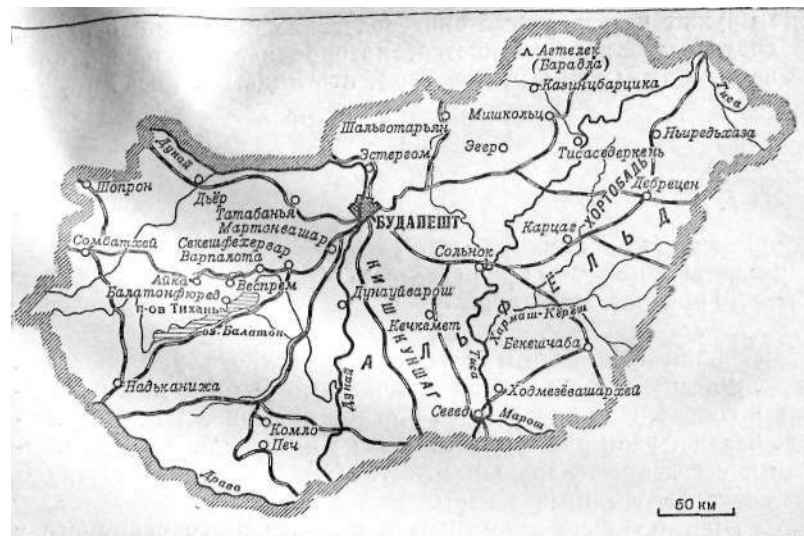
Будто елочные свечи, и белые и розовые, украшают веснами каштаны, что стоят на склоне холма, увенчанного красивыми памятниками архитектуры, которыми так богата венгерская столица

В ответвлениях системы древнейших пещер Агтелека можно встретить сталагмиты таких причудливых форм и расцветок, что любоваться и разглядывать их посетители могут часами

В пещере Апелек. В 1952 году здесь обнаружили до того неизвестное десятикилометровое ответвление, которое назвали пещерой Беке (Мир). Изумительной красоты сталактиты спускаются к самой воде

— Да. Сейчас в стране «Неделя книги». Теперь магазины Дебрецена ежегодно продают сотни тысяч книг и брошюр.

И еще один маленький штрих культурной жизни города. Дебреценский летний университет. Это уже ставшие традиционными циклы лекций, которые посещают люди, приезжающие из десятков стран чуть ли не всех континентов, а читают их знаменитые специалисты и ученые как венгерские, так и иностранные.

Темы лекций самые различные: история венгерского языка, сельское хозяйство, памятники Римской империи, производство антибиотиков и алкалоидов, лирика средневековья и многое-многое другое. Например, советский ученый Куликов прочел лекцию «Советская математика на службе науки и техники», живущий в Бельгии известный скрипач венгр Эндре Гертлер — об исполнительском мастерстве.

Венгрию трудно представить себе без Хортобади, без этих бескрайних степей, от которых так и веет истинно венгерской экзотикой. Она начинается тут же вслед за заводской окраиной Дебрецена и тянется бесконечно.

Одни считают, что эта пуста (степь, пустынь) занимает сто тысяч гектаров, другие раздвигают рамки собственно Хортобади, отводя ей втрое большую площадь. В том, что тут совсем недавно произошли большие перемены, убедиться нетрудно. Красноречиво свидетельствуют об этом густая сеть оросительных каналов, искусственные, полные рыбы озера, над которыми

уже кружат чайки, новые скотоводческие постройки огромного государственного хозяйства, которое владеет теперь чуть ли не всем этим степным царством, неоглядными рисовыми полями.

Сегед

**Поединок на колокольне. -
«Здравствуй, дорогой брат Одесса!»
История красного знамени**

Окруженная П-образным корпусом Сегедского университета, раскинулась площадь имени Белоянниса — одна из крупнейших в городе. Она превращена в огромный зрительный зал летнего театра, где проводятся ставшие уже традиционными ежегодные сегедские театральные фестивали, в которых участвуют и многие зарубежные театры.

— Видите, сцена примыкает к паперти этого огромного и красивого кафедрального собора. Взгляните на звонарню, что расположена на шестидесятиметровой высоте. Московский академический музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко привозил сюда «Эсмеральду». Собор использовали как элемент оформления этого прославленного балетного спектакля, а к оркестру добавили звучный голос одиннадцати тысяч труб соборного органа — второго по величине в Европе. И представьте себе всю волнующую красоту заключительного поединка Квазимоды и Клода Фролло, поединка, который в свете прожекторов происходил на шестидесятиметровой высоте, на балконе звонарни, на глазах у более чем пяти тысяч зрителей, съехавшихся со всех концов Венгрии и из многих далеких и близких стран, и завершился тем, что Квазимода сбросил своего противника (конечно, куклу) с этой головокружительной высоты. Кстати, будапештцы видели «Лебединое озеро» с Майей Плисецкой в летнем театре острова Маргит, где сцена вплотную окружена зелеными зарослями и вековыми платанами. Впечатляющее зрелище!

На здании исполкома городского совета Сегеда, одного из старейших и красивейших городов Венгрии, бросаются в глаза мозаичные цветные стекла окон, на которых кроме рисунка ярко выделяется дата — 1883 год. Она напоминает эпизод из истории города. В 1879 году взбунтовавшаяся Тиса вышла из берегов и разрушила почти все дома и строения Сегеда. Значит, и здание ратуши построено уже в период восстановления разрушенного стихией.

Сегед примечателен тем, что в нем каждый четвертый — студент или школьник. Университет, два института, технику-

мы, гимназии, общеобразовательные школы... двадцать пять тысяч учащихся на сто десять тысяч сегедцев.

Известно, что этот город — побратим Одессы. Меня часто спрашивали: почему именно Одессы? Марсель и Одесса понятно, но Сегед не портовый город. Дело в том, что после освобождения страны Советской Армией первым военным комендантом города оказался одессит. Не все жители знают его фамилию, но многим запомнились его восторженные рассказы о «столице Черного моря». Сегедцы заочно полюбили этот солнечный советский город, а сегодня их уже связывают с одесситами узы братской дружбы.

В фондах сегедского музея имени Ференца Мора хранится включаемое в праздничные экспозиции обветшавшее от времени красное знамя с сохранившимися на нем следами надписи: «Борьба за вечный мир, за свободу народов».

Работники музея могут рассказать об этом знамени целую историю. Михай Хорват, рабочий мельницы, что была неподалеку от Сегеда, во время первой мировой войны попал в русский плен, потом принял активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции, а возвратившись в октябре 1918 года на родину, привез с собой из революционной России красное знамя. Туго пришлось бывшему красногвардейцу в буржуазной Венгрии. А тут тяжелая болезнь приковала его к постели. Лечил его «доктор бедняков» — врач Йожеф Холлош. Хорват знал, что Холлош сочувствует русской революции, но все же долго к нему приглядывался и только перед смертью решился передать свою реликвию врачу.

Холлош тщательно спрятал знамя, но на второй день после провозглашения в Венгрии Советской республики счел своим долгом передать его в местный музей, директором которого был в то время выдающийся венгерский писатель Ференц Мор. Он принял новый экспонат с величайшим почтением и позже, до самой своей смерти в 1934 году, несмотря на обыски и угрозу жестоких репрессий хортистских властей, хранил его в глубине музейных тайников. Там оно и оставалось до 1945 года.

Шахматы и карамболь

Чардаш — трактирный танец.

На пятидесяти двух шахматных досках по памяти

В каждом венгерском селе обязательно есть две-три закусовых, которые называются «чарда». Чарда — это корчма, трактир, харчевня... Нет дороги, на которой бы через каждый десяток

километров не встретилось бы такое заведение. Между прочим, именно в чарде зародился народный танец чардаш («трактирный»), сейчас, конечно, все больше и больше строится современных кафетериев, закусовых, молочных буфетов. Но и в чарде, и во многих кафе неперенный атрибут — столик для игры в венгерский карамболь — разновидность бильярда. И далеко не редкость шахматная партия в ресторане. Клубов и Домов культуры в стране достаточно. Повсюду найдутся комнаты для тихих игр, но не надо забывать, что Венгрия — одна из шахматных держав. Ее представители пока еще не носили шахматной короны чемпиона мира, но на пятки «коронованным» особам они наступают очень давно и упорно. Ни один крупный международный турнир не проходит без участия венгров. Это всем известно. Но не все знают о сеансе одновременной игры на пятидесяти двух досках по памяти.

Несколько лет назад венгерский мастер Янош Флеш, не глядя па доски, провел сеанс одновременной игры с пятьюдесятью двумя партнерами. Ему в течение долгого времени пришлось держать в уме расположение 1664 шахматных фигур на 3328 клетках!

Известно, что до этого подобным своеобразным мировым рекордом обладал аргентинский гроссмейстер Найдорф, который провел сеанс одновременной игры с сорока пятью противниками. Этот поединок одного со многими продолжался в течение двадцати трех часов.

Против двадцатисемилетнего венгерского служащего Яноша Флеша играл один мастер (женщина), кандидат в мастера, семь игроков первой категории, одиннадцать — второй, по семь — третьей и четвертой и восемнадцать шахматистов без квалификации. Во время соревнования мастер сидел спиной к противникам, имея перед собой только список партнеров с указанием их шахматной квалификации. За игрой следили восемь судей, а также сотни зрителей. Борьба продолжалась двенадцать часов. Флеш одержал победу на тридцать одной доске, на восемнадцати игра закончилась вничью, и только три партии мастер проиграл.

Кишкуншаг и Надьальфёльд

Половцы в Венгрии. Миллион хуторов

Большая Венгерская низменность Надьальфёльд, простирающаяся от Дуная до румынской границы, как бы разрезается Кишкуншагом—Малой землей кунов, что тянется от Сегеда почти до Будапешта. Здесь в XIII веке осела, а затем ассимилировалась часть племен куманов—половцев (по-венгерски—кунов).

В стране в последние годы произошли огромные перемены, и особенно наглядны они в Надьальфёльде. Всего лишь десять—пятнадцать лет назад в Венгрии при ее десятиллионном населении насчитывалось более одного миллиона хуторов. Вся венгерская равнина была искромсана на клочки.

Сейчас хуторская система ликвидирована. Люди селились в большие поселки сельского типа.

Деревянных домов в Венгрии почти нет. Все дома каменные, причем большинство сельских построено из самодельного кирпича-сырца, в выделке которого, в кладке дома, его оштукатуривании помогают родственники, соседи застройщиков, а сейчас во многих местах это дело взяли в свои руки строительные бригады кооперативов.

Обстановка в домах сельских кооператоров та же, городская. В последние годы страна стремительно приближается к завершению сплошной электрификации. Из-за бедности водной энергией электричество в стране не очень-то дешево, и поэтому его умеют беречь, но деревенский дом без электричества уже редкость. Нет дома и без радиоприемника. Много построено и строится водопроводов.

При постройке сельских домов учитывают одно весьма существенное обстоятельство: Венгрия топливом небогата и зимой, хотя она и коротка, и в деревнях и в городах (в квартирах, не имеющих центрального отопления) семьи «уплотняются», переселяются в одну-две отапливаемые комнаты, а остальные остаются пустовать. Часто спальней служит совершенно неотопливаемая комната.

На берегах «венгерского моря»

Полмиллиона отдыхающих. Выборы царицы

Вот оно, «венгерское море», безбрежное, чудесное, всегда чарующее.

Пожалуй, трудно найти в венгерской истории поэта, который не воспевал бы красот озера Балатон — крупнейшего озера страны, любовно названного народом «венгерским морем». Балатон будто специально создан для отдыха. Воды его в начале лета хорошо прогреваются, так как в среднем глубина озера не превышает трех-четырёх метров. На южном берегу, покрытом мелким, будто просеянным песком, нужно пройти несколько сот метров, прежде чем погрузиться в воду до плеч. Это прекраснейшее место для отдыха с детьми. Именно с этой стороны «венгерского моря» расположены пионерские лагеря и летние помещения детских садов. В районе Балатона хорошая погода чаще, чем в других местах страны. В среднем солнце светит здесь

две тысячи часов в год. Купальный сезон начинается в конце весны и заканчивается поздней осенью.

Когда в субботний или воскресный день отправляешься по автомагистрали номер семь из венгерской столицы к Балатону, может создаться впечатление, что к берегам «венгерского моря» двинулось все население Будапешта. В хортистской Венгрии на берегах Балатона отдыхало около восьмидесяти тысяч человек в год, а сейчас только в санаториях, домах отдыха, в палаточных и автотуристских лагерях проводят свой отпуск около полумиллиона человек. Нужно прибавить к этой цифре и те шестьсот — восемьсот тысяч, которые в конце недели приезжают сюда только покататься.

Я сам не один раз вел машину, подхваченную сплошным потоком самых различных видов транспорта, который мчится в субботу к озеру, а в воскресенье к столице. Из-за перегруженности шоссе на путь в сто — сто пятьдесят километров тратится три-четыре часа. Не быстрее довезет вас и поезд. А как хорошо было бы добираться до места отдыха за час! Кто знает, может быть, эту проблему решит монорельсовая дорога?..

— Когда мы ходили по Балатонфюреду, всюду бросался в глаза яркий плакат, на котором выделялись два понятных слова «Анна—бал» да еще дата «26 июля». Что это за бал?

— Традиция этих массовых летних балов, па которых ежегодно достойнейшей вручается приз — золотое яблоко, увенчанное лаврами, зародилась в 1825 году. Специальное жюри находится в зале инкогнито. Учитывается не только красота, умение одеваться, танцевать, держаться, беседовать, но и круг интересов, так сказать, общая образованность. Ни одна из участниц бала не знает, кто ее приглашает танцевать или кто с ней беседует — один из гостей или член специального жюри.

Замок вечной любви

Кровь на плахе.

Замок, сооруженный одним человеком.

Легенды и молва

Секешфехервар. Произнести подобное слово русскому не так-то легко. Но это, между прочим, перевод со славянского на венгерский. Если сделать обратный перевод, то получится: престольный Белгород. В нем действительно короновались и жили тридцать шесть венгерских королей.

Обычный рабочий день, и поэтому государственная автомагистраль номер семь, по которой мы мчимся в сторону Будапешта, кажется чуть ли не пустынной. Вот и наша цель — город с труднопроизносимым названием.

В зелени листвы могучих вековых деревьев утопает огромный средневековый замок с башнями, украшенными скульптурами исторических деятелей Венгрии, балюстрадами, массой балкончиков, переходов, фонтанов. На сотнях скульптур и живописных полотен, многочисленных скамьях в беседках и потайных нишах серый налет пыли.

Неподалеку от перехода, соединяющего две круглые башни, на массивных ржавых цепях висит, со скрежетом раскачиваясь, огромный многопудовый кривой меч — символ дарованного королем владельцу замка права казнить и миловать своих вассалов. И он, и метрового диаметра плаха, что стоит под ним, кажется, хранят еще на себе следы крови...

Всего лишь несколько лет назад у въезда в этот замок посетителю встречал высокий старик с курчавой седой шевелюрой. Он обращался к посетителям с неизменной тирадой:

— Вы, вероятно, хотите спросить, когда умер владелец этого графского замка? Не удивляйтесь, он перед вами. Разрешите представиться: профессор архитектуры в отставке Йене Бори. Я не только владелец, но и строитель. Вот это все: и замок, и сотни скульптур — дело моих рук. Строил я около сорока лет, строил во имя большой любви к спутнице моей жизни, и поэтому все это названо мною «Замок вечной любви»... Разрешите принять с вас плату за вход — два форинта с человека...

От посещения замка остается двойственное чувство. Безусловно, замок достоин восхищения, но вместе с тем возникает какое-то неопределенное удивление и сомнение. Сомнение? В чем же? Вот на этот вопрос сам себе ответить не можешь. Повидимому, в целесообразности огромного труда, вложенного в создание этого замка. Официально его называют «Бориваром» («Замок Бори»). Но в Венгрии широко бытует и иное имя — «Замок чудака» («Болондвар»). Эти названия и отражают противоречивость впечатлений.

Йене Бори прожил восемьдесят два года. В 1913 году, еще будучи профессором архитектуры Будапештской академии художеств, он начал строить замок. К этому времени Бори был уже известным скульптором. Его работы были талантливы: в Женеве «Блюдо с тремя слонами» завоевало серебряную медаль, в Барселоне присудили диплом статуэтке «Тоска»... Однако как в целом сам замок, занимающий площадь небольшого городского квартала, так и все его архитектурные детали, скульптуры, мозаичные столики, лестницы, лепные украшения (все это сделанное руками одного человека, которому в строительных работах помогали лишь два крестьянина из соседнего села) носят на себе следы руки творца, мало думающего о качестве, следы явной спешки. И замок, и украшающие его скульптуры десятилетия не простоят: кладка небрежная, фигуры

в большинстве своем гипсовые или цементные — в общем недолговечные.

Бори происходил из древнего знатного рода. Он даже показывал на одной из картин фигуру, стоящую рядом с венгерским королем Ласло I, и пояснял, что это тот самый его предок, который получил титул графа и право казнить и миловать. Между прочим, сотни картин и этюдов, развешанных в замке повсюду,— произведения супруги Бори, и на них тоже явный след стремления успеть написать побольше.

В «Замке вечной любви» есть книга отзывов, заведенная еще в тридцатые годы, в разгар строительства этого сооружения. В ней тысячи записей посетителей.

Туристам показывают и премированные работы строителя замка, и огромную пачку вырезок из иностранных газет и журналов, в которых упоминается об этом оригинальном творении. Большая статья о «Бориваре» была опубликована в одном из советских журналов еще в 1938 году. Сами же туристы неизменно обращают внимание на то, что владелец замка использовал как строительный материал абсолютно все, что попадалось под руки: в стены вмазаны орудийные ядра, ракушки, осколки фаянсового бокала в красный горошек, спекшееся стекло, шлак, разбитая мраморная плитка, монеты...

При входе в первый дворик на каменных ступенях мозаичная надпись: «Здесь камни рассказывают». Действительно, этот уникальный памятник говорит об очень многом. Он заставляет задуматься и о правильном выборе цели жизни.

Дунай-Новград

Город без церквей. Живые клумбы

Сделаем небольшой крюк, дабы перенестись из средневекового замка в город, родившийся полтора десятилетия назад.

О Дунауйвароше, одном из крупнейших центров металлургии, писалось много. Все основные данные о нем можно найти в справочниках. Только один небольшой штрих. Группа школьников города отправилась как-то на экскурсию в старинный город Эгер. Зашли ребята и в церковь, где для них оказалось так много нового и любопытного, что они, несмотря на предупреждения учительницы, расшумелись сверх меры. Одна старушка, что была там, не выдержала и цыкнула на детвору.

— Вы что, не католики?! — сердитым голосом обратилась богомолка к юным пришельцам.

Ребята растерялись. В один голос они ответили:

— Нет... Мы из Дунауйвароша...

Действительно, юный город, отметивший в 1965 году свое пятнадцатилетие, одной из своих достопримечательностей счи-

тает отсутствие церквей. В планах застройки его социалистическое государство, естественно, места для церквей не отводило, а затем оказалось, что ныне уже пятидесяти тысячное население города и не чувствует потребности в них. Так и растет и хорошеет город юности без храмов или им подобных сооружений.

— В городе масса зелени, клумб, газонов, но что это за цветы, огромные красные шапки которых видны на набережной Дуная?

— В Венгрии воспитанников детских ясель и садов принято одевать в одинаковую красивую форму или в крайнем случае в одинаковые ярчайшие береты. И вот стоит вывести на прогулку группу малышей, издали их можно принять за живые цветочные клумбы.

Предания старины глубокой

Любопытный музей. Увлечение старого столяра. Болотный мальчик Хань. «Огненные люди». В устрашение неверным

Вблизи австрийской границы расположен старинный венгерский городок Шопрон, где в годы народной власти построена большая деревообделочная фабрика.

— Мне бросилось в глаза,— рассказывал влюбленный в свою профессию мастер-нормировщик фабрики Ференц Сабо,— как быстро механизация вытесняет из производства традиционный столярный инструмент. Решил собрать его коллекцию.

За короткий срок на фабрике возник своеобразный музей столярного, плотницкого, бочарного инструмента. Одних рубанков здесь насчитывается около трехсот, причем наиболее крупные из них достигают саженной длины! И конечно, уже не сам рубанок водили по доске, а доску по перевернутому рубанку. И на языке столяров, возможно, этот инструмент называют как-то иначе.

Эта любопытная коллекция старинного деревообделочного инструмента постоянно пополняется, но уже сейчас она привлекла к себе большой интерес.

В окрестностях Шопрона бытует такая легенда. По ночам на болотах вспыхивали огни. Их видели то в одном, то в другом месте. Из уст в уста передавали рассказы о мальчике с лягушачьими лапами. Этого болотного жителя называли Ханем. Церковники причислили его к святым и лик его показывали в церквях. Изображения ластоногого мальчика в краеведческих музеях этих мест можно увидеть и сейчас. Легендарный болотный мальчуган был столь популярен, что всю эту местность стали звать Ханшагом.

Позже обратили внимание, что огни на болотах иногда появляются сразу в нескольких местах, порой будто они блуждают. Возникло предание об «огненных людях». Истина всплыла позже. Скрываясь от жандармов, беглые крепостные уходили в бескрайние топкие болота. Многие из них гибли, но некоторым удавалось добраться до островков суши, где образовалась своеобразная республика отверженных. Гресь у костров, отвоевывая с помощью огня клочки земли для огородов, они пугали этим суеверных людей, а те из жителей этих мест, что знали об истинном характере блуждающих огней, поддерживали слухи о Хане и «огненных людях», дабы направить жандармов по ложному следу.

В наши дни венгерская молодежь объявила Ханшаг целиной и бросилась на ее штурм. Около сорока тысяч гектаров занимали в этом районе болота и заболоченные земли. Юноши и девушки Венгерской Народной Республики своим самоотверженным трудом уже больше половины этой территории превратили в пахотные земли. Кто знает, может быть, со временем этот подвиг молодежи станет новой ханшагской легендой...

Ханшаг расположен на северо-западе Венгрии близ города Шопрон, в котором имеется еще одно любопытное сооружение — старинная церквушка-музей, именуемая... «козьей».

Суеверные люди всегда считали более всего похожим на мифического черта ни кого другого, как козла. Шопронская легенда гласит, что в конце XIII века одна из подруг этого самого бородатого из животных копала-копала землю копытом и наткнулась на... клад. Монахи-бенедиктинцы возликовали. Они провозгласили козу святой и на добытое из-под ее копыт золото построили в 1290 году церковь, которую народ, щедрый на меткие клички, окрестил «козьей церковью», своим юмором сразу же убив святость церквушки воинствующих католиков-бенедиктинцев.

И наконец, еще одна достопримечательность. В центре того же Шопрона высится знаменитая городская башня. «Обязательно поднимитесь на нее, полюбуйтесь нашим городом и окрестностями», — советуют горожане каждому приезжему. Старинная башня — пример гармоничного сочетания стилей различных эпох. От цоколя ее исходит дыхание глубокого средневековья; круговая терраса средней части башни — свидетель эпохи Ренессанса, а восьмиугольная надстройка с луковичным куполом, венчающая все, — несомненный барокко. Немало даже совсем несусеверных женщин на минуту задумается, а то и оробеет перед тем, как войти в тоннель под башней, соединяющий две улицы. Над входом в него с обеих сторон висят таблички с надписью, четко и ясно предупреждающей:

«Если ты всегда была верна мужу, проходи не колеблясь; трепещи, если не верна: на тебя рухнут все камни башни».

В Чарде

Янычары и свинина.

Этикетка на винной бутылке

Ужинаем мы в придорожной чарде. Это, конечно, не ресторан, но готовят здесь всегда хорошо и обслуживают исключительно вежливо; выбор блюд не особенно богат: могут предложить чон-тлевеш — костяной бульон и вездесущий пёркёльт. Но очень быстро могут приготовить гуйяш, отбивные, конечно, яичницу с красным перцем, а можно и с салом, лапшу с творогом...

Большинство блюд из свинины. Почему ее так любят венгры? Чтобы ответить на этот вопрос, надо заглянуть в глубь истории.

Сто пятьдесят лет страна была под турецким игом. Янычары, асабы, дэли, джабеджи бродили по венгерским селам. Грабили беззастенчиво, отбирали все, что приглянулось, угоняли скот — лошадей, коров, овец... А свиней? Если по двору бегала свинья, мусульманин во двор не зайдет. Коран запрещал ему не только убивать свинью, но и прикасаться к ней. Если из окон какой-либо избы доносился запах вареной или жареной свинины, янычары обходили этот двор стороной, поминая при этом всех врагов аллаха.

Народ почувствовал это, приспособился, и свинина стала для него первым блюдом. Баранина же, которая так нравилась врагам, стала даже своим запахом невыносима, и поэтому до сих пор в Венгрии большинство людей смотрят на нее, как у нас, например, на козлятину. В Будапеште да и в других городах без всякого труда найдешь магазин, где продается конина. Ее любителей немало. А вот баранина?.. Иногда ее и едят, но... это исключение. В стране около трех миллионов овец. Из овчины выделывают отличные панофиксовые (цигейковые) шубы, овцеводство дает шерсть и молоко на сыры.

Специалисты-медики и в печати, и по радио, и в многочисленных лекциях, и, наконец, в личных беседах много говорят о том вреде, который приносит здоровью приверженность к острой и жирной пище. Привычки, что «свыше нам даны», понемногу входят в русло целесообразности. Одно время в стране было чрезмерное увлечение крепким кофе. Сейчас большинство людей уже следит за этой своей «страстью».

К ужину нам подали молодое виноградное вино, купленное чардой у местного кооператива. На одной из бутылок сохранилась любопытная этикетка с какими-то цифрами.

Приходится пояснить.

— Этикетка эта отстала со своими данными. Она сообщает, что «Барацк палинка», абрикосовая водка, которая находилась

раньше в этой литровой бутылке, производится предприятиями управления госхозами. В его распоряжении имеется столько-то плодоносящих фруктовых деревьев и столько-то хольдов виноградников.

— Значит, деревья считают?

— Было такое дело. В разных статистических справочниках по Венгрии можно было найти самые различные данные. По переписи 1935 года, в стране насчитывалось тридцать пять миллионов фруктовых деревьев. Позже учет проводился только по занимаемой площади. Ориентировочно считали, делая скидку на войну и особо холодные зимы, что должно сохраниться от двадцати пяти до тридцати пяти миллионов.

В 1959 году снова провели поштучную перепись. Оказалось, что в Венгрии уже 87 736 537 плодовых деревьев! Теперь их значительно больше. Двадцать пять лет назад в стране собирали пятьдесят тысяч тонн яблок, сейчас урожай составляет около трехсот тысяч тонн в год.

Что касается виноградников, то их площадь растет также быстро. Сейчас в Венгрии под виноградом почти четверть миллиона гектаров. Страна ежегодно производит около 5 миллионов гектолитров вина. К 1970 году его производство будет доведено до 7—8 миллионов гектолитров.

— Сколько же бочек и бутылок нужно для такого количества?!

— Да, увеличение производства емкостей — одна из очередных задач. На окраине Будапешта, в будафокских подвалах, есть бочка, вмещающая сто тысяч литров. В 1964 году урожаем винограда превзошел все ожидания и вина получилось столько, что его некуда было сливать. В это время шло строительство нефтеперегонного завода. Гигантские шарообразные резервуары были готовы, а заполнять их пока было нечем. Решили выставить их изнутри пластиком и использовать в качестве временных хранилищ вина.

— Но это вино массового разлива.

— Да, это верно. Но все же отличное, уже завоевавшее мировой рынок. О токае слышали, конечно, все?

— А чем оно отличается от других вин? Имеется какой-либо секрет в его производстве?

— Секретов нет, но есть многовековой опыт, традиции и особые условия токайского микроклимата и токайской почвы. Отличные токайских вин, точнее, сорта Асу в том, что на отдельных участках, где выращиваются определенные сорта винограда, по указанию специалистов оставляют виноград вялиться на корню. Согретая солнечными лучами, кожица ягод лопается, влага постепенно улетучивается, виноград приобретает особый вкус и аромат. Сладкие сморщенные гроздья, называемые шепталу, обычно собирают после первых заморозков, от-

жимают, и, смешивая это сусло в разных пропорциях с другими сортами токайского виноградного вина, получают различные сорта Асу.

Тысячеликая Барадла

Человек в сталактитовом кольце.

Чудеса пещерного холода

Мы мчимся к чехословацкой границе, в одно из достопримечательных мест, именуемое Барадлой.

Верно, звучит это слово для нашего уха не совсем благозвучно (как имя жены Бармалея или какого-либо подобного страшилища), но для посвященных это символ чарующей красоты и интригующей таинственности. Барадла — народное название системы древних карстовых пещер, расположенных в районе венгерских сел Агтелек и Иошвафё и соединяющихся под землей с чехословацкой пещерой Домица.

О красотах древней Барадлы и ее только недавно открытых ответвлений рассказать трудно. Даже снимки дают крайне бедное представление о тех чудесных картинах, которые открываются взору посетителей этих пещер, уже много лет являющихся местом паломничества туристов.

Однако мне кажется, что если привести только перечень официальных названий сталактитовых и сталагмитовых образований, то можно представить, насколько причудливы формы подземных творений природы. Проходя туристскими маршрутами (общая протяженность их сейчас достигает двадцати двух километров), можно увидеть лежащую на берегу подземной реки Черепажу, развернувшего крылья Орла, двух Фазанов яркой расцветки, Льва, Казака в большой папаше, Металлургическую домну, Китайскую пагоду, Пасть крокодила, Цветной занавес, Венеру Милосскую, Хутор Семи карликов, Индейский вигвам, Каменный цветок, Висячий сад, Кружевной колодец, Гору бриллиантов, Ливанский кедр, Замерзший водопад и так далее. Поэтичны и названия подземных залов пещеры: Черный, Танцевальный, Тигровый, Колонный, Драконов...

Ученые установили, что эти сталактитовые пещеры образовались около двух миллионов лет назад. В них найдено немало костей животных ледникового периода — пещерных медведей, Древних носорогов и других. К сожалению, следов человека тех времен пока не обнаружено. Но в пещерах были найдены кости, шлифовальные камни, черепки удивительно красивой глиняной посуды, даже остатки просяного хлеба и другие следы жизни человека более позднего периода — неолита.

Барадлу как убежище использовали и во времена монголо-татарского нашествия, и в период захватнических войн Османской империи. Однако только в 1932 году выяснилось, что она представляет собой одно целое со сталактитовой пещерой Домица.

Летом 1952 года молодой венгерский исследователь Ласло Якуч с помощью флуоресцентной окраски вод выяснил, что воды одного конца пещеры не соединяются с водами другого ее конца. Заинтересовавшись этим, он с группой товарищей обнаружил пока, кажется, независимую от Барадлы новую огромную, десятикилометровой протяженности, сталактитовую пещеру, которая была названа пещерой Беке («Мир»). Позже был найден еще целый ряд небольших ответвлений в старой всемирно известной системе сталактитовых пещер, и, без сомнения, дальнейшие обследования приведут к новым находкам.

Несколько лет назад исследователи обратили внимание на то обстоятельство, что около села Имола, расположенного в шести километрах от Агтелека, углубление в почве, находящееся в центре небольшой долины, поглощает всю воду, сбегаящую туда после дождей. Это углубление в народе издавна прозвали «Чертковой дырой». Группа исследователей, с большим трудом подготовив и проведя спуск на глубину примерно десяти метров, попала в просторный пещерный зал. Было установлено, что отсюда вода по скалистым ступеням низвергается в глубину, куда проникнуть кажется невозможным.

Посетителям пещеры рассказывают историю и о том, как при поисках новых ответвлений обратили внимание на узкое отверстие в скале, сквозь которое доносился шум подземного потока. Одна из молодых исследовательниц, отличавшаяся наиболее тонкой фигурой, сумела пролезть в это отверстие, но, когда внизу все уже было обследовано и она попыталась выбраться обратно, это ей не удалось. Сталактит настолько прочен, что сколоть его обычными средствами невозможно. Молодая исследовательница пробыла в каменной ловушке три дня, пока не сумели расширить лаз.

Тем не менее она не отказалась от своего увлечения исследованием пещер. И это понятно. Профессия спелеолога интересна и благородна.

Вновь открытая огромная пещера Беке не только умножила доступные для обозрения красоты подземного сооружения природы, но и неожиданно натолкнула на новые пути в поисках методов... лечения легочной астмы. Один из лучших венгерских специалистов в области заболеваний дыхательных путей, профессор Карой Хайош, рассказывал, что в 1952 году исследователи пещеры Беке были поражены тем, что, находясь по грудь в воде десятиградусной температуры, они не мерзли. Мало того, если кто-нибудь спустился под землю простуженным, возвра-

щался оттуда здоровым. Прослышав об этом, врачи вспомнили, что в Западной Германии, в Вестфалии, пещера Клутерт-Хеле уже давно используется в качестве подземного санатория для многих больных легочной астмой.

Неподалеку от этого места приспособили туристский домик под небольшой стационар для шахтеров и металлургов, страдающих различными катарам дыхательных путей. Окончательных заключений о лечебном значении пещерного воздуха пока сделать нельзя, но уже ясно, что постоянная температура, высокая влажность и некоторые другие, пока мало исследованные факторы действуют благотворно.

Наука об отдыхе

После трудового дня. «Сепкилато». Оркестр из тысячи скрипок

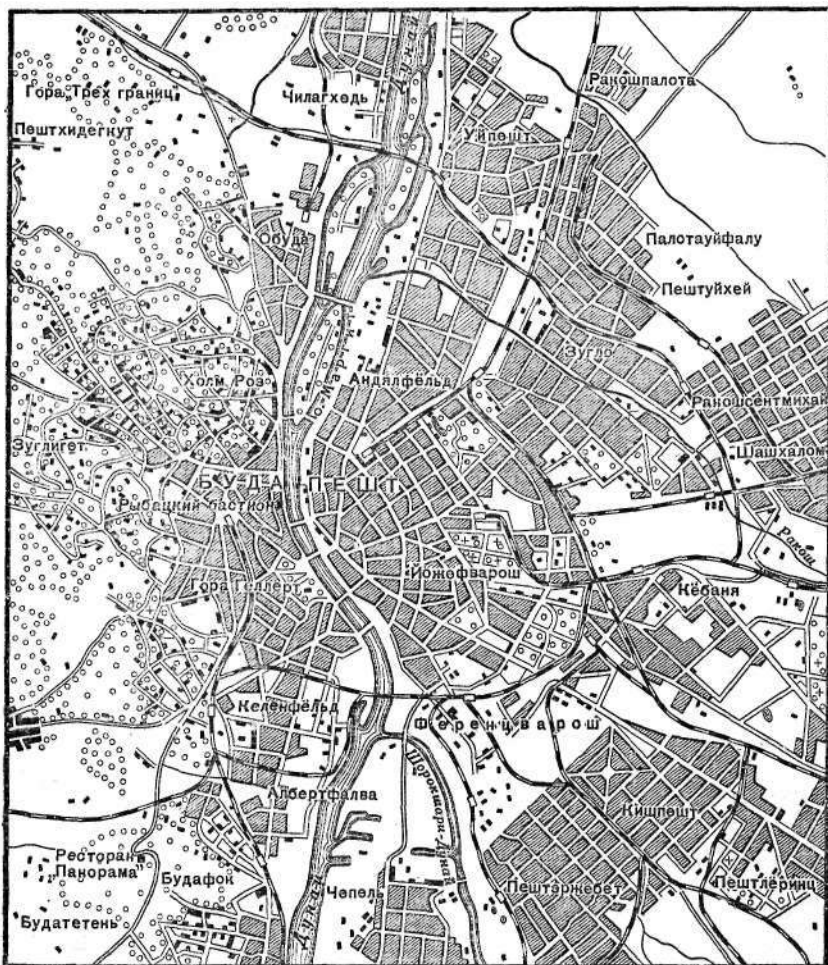
И вот наконец столица Венгрии, город с почти двухмиллионным населением, который не без основания называют «жемчужиной голубого Дуная».

Летом, если нет пронизывающего ветра, не моросит дождь и хочется на открытый воздух, в такое время, закончив свой трудовой день, жители города любят посидеть за столиком открытого кафе. На центральных улицах буквально на каждом шагу у входа в кафе можно встретить десяток крохотных столиков со стульями. Здесь люди часами сидят за одной крошечной пятидесятиграммовой чашечкой крепкого черного кофе или стаканом газированной воды.

Надо сказать, что обычай приглашать к себе домой в гости здесь менее распространен, чем у нас. Даже пожилые люди предпочитают встречаться в общественном месте. Поужинали они у себя дома, а вот поговорить и посмотреть на людей можно в кафе, где официант и не подумает попросить освободить место для более выгодного клиента.

Рестораны, кафе, закусочные размещены не только в новейших, специально для этого построенных помещениях, но и в старинных замках и крепостях, бывших барских особняках, на террасах и особенно часто в пустовавших ранее подвалах, которые легко можно осушить и обеспечить хорошей вентиляцией. В таких местах и летом прохладнее и зимой нехолодно.

В Будапеште много мест, откуда очень хорошо любоваться видами. Любой житель столицы порекомендует вам начать осмотр с подъема на вершину расположенной в центре города горы Геллерт, где в старинной цитадели расположился целый комплекс предприятий общественного питания, музей, пост осмотра города в подзорную трубу, посоветует взглянуть на

панораму, открывающуюся с террас Рыбацкого бастиона, или, наконец, с одного из особенно излюбленных мест отдыха будапештцев — вершины горы Трех границ, с Холма роз, с балконов бельведера на горе Янош, с петли балатонского шоссе, где расположен ресторанчик с многозначительным названием «Панорама».

Для подобных мест в венгерском языке есть особое слово «сепкилато», то есть место с прекрасным видом.

По вечерам городские и сельские рестораны и кафе привлекают посетителей не только отличным обслуживанием, но и музыкой. Чуть ли не на каждом шагу звучат цыганские трио и квартеты, исполняющие цыганские мелодии на венгерский ма-

нер и венгерские — на цыганский. По установившемуся в последние годы порядку по вечерам к счету добавляют пять процентов «за музыку». Оркестры на сдельно-аккордной оплате, и они заинтересованы в привлечении посетителей. Музыку в Венгрии любят, и, надо сказать, всякую: и народные мелодии, и классику, не отвергают и так называемую модернистскую, откидывая только явно бредовую. Между прочим, и болезненное увлечение так называемыми ультрамодными танцами лечат обучением правильному исполнению их, и поэтому их призывы и отливы приносят меньше ущерба.

В силу многовековых традиций цыганская музыка в Венгрии «ассимилировалась», и, видимо, поэтому неспециалисты довольно часто путают венгерские мелодии с мелодиями венгерских цыган.

Цыган в Венгрии немало. Часть из них полностью слилась со всей массой жителей страны, но часть еще живет по заветам предков, кочует таборами.

Любопытно, что в конце пятидесятых годов в венгерской столице состоялись пышные похороны цыганского барона (или князя) и во главе траурной процессии шел оркестр из тысячи скрипок! Тысяча скрипачей-профессионалов играли печальные цыганские мелодии! Такое увидишь и услышишь нечасто.

Путешествие в прошлое

Будавар. Поиски прародины. На развалинах королевского дворца

Теперь мы находимся в Рыбацком бастионе, также относящемся к «сепкилато».

— Почему же он назван Рыбацким, а находится так далеко от воды?

— Некогда здесь, в Буде, на дворцовой горе, располагался цех рыбаков, которые в средние века неоднократно отличались своим героизмом и самопожертвованием при обороне столицы Венгрии Буды от нападений врагов. В их честь и было воздвигнуто (позже перестроенное) это прекрасное сооружение.

Когда стоишь здесь на одной из террас Рыбацкого бастиона, оказываясь под сенью другого красивейшего сооружения венгерской столицы — церкви короля Матьяша, построенной в XIII веке. В 1961 году, в дни триумфального возвращения на землю первого космонавта мира, здесь при реставрационных работах в шаре, служащем основанием креста этой церкви, обнаружили металлические трубки, в которые были «законсерви-

рованы» старые документы, относящиеся к XIX веку. Их сфотографировали и положили обратно, но при этом дополнили сведениями о сегодняшней реставрации этого чудесного архитектурного и исторического памятника, запиской о современных условиях жизни Венгрии, номерами газеты «Непсабашаг», в том числе и специальным выпуском, посвященным полету Юрия Гагарина.

Когда опускаются сумерки, стоит сойти по лестнице мимо памятника первому королю Венгрии Иштвану I, немного углубиться в эту наиболее старую часть венгерской столицы — и может показаться, что ты перенесся в давнее прошлое города. Район этот зовется Будаваром, то есть крепостью Буда. Вся масса зданий вместе с королевским дворцом находилась за крепостными стенами. Это, так сказать, будапештский кремль. Когда идешь вдоль освещенных старинными фонарями узеньких улочек, кажется, находишься в огромном музее, устроенном под открытым небом. Отчасти оно так и есть. Все дома, хотя они и заселены, находятся под охраной как памятники старины, и при ремонтных работах их внешний вид должен оставаться прежним. Это ресторанчик, окрещенный именем богини Счастья и Несчастья—«Фортуны», миниатюрное кафе-кондитерская «Русвурм», улица Меча, дом, именуемый «Красным ежом», часовенка, в которой створчатый алтарь расписан Михаем Зичи, долгие годы работавшим в России, капризные узенькие и извилистые улочки...

У другого крыла Рыбацкого бастиона установлена скульптура монаха Юлиана, который в XIII веке совершил путешествие в Зауралье, пытаясь найти прародину венгров и остатки венгерских племен. Он натолкнулся на потомков своих сородичей, которые после многовековой разлуки все же без особого труда поняли его, хотя, как свидетельствовал Юлиан, их язык значительно изменился. Вернулся Юлиан с подарками и с обещанием не порывать связи. Но вскоре монголо-татарское нашествие опустошило огромные территории, остатки венгерских племен, видимо, были рассеяны и позже слились с другими народами.

Осмотр Будаваара можно завершить знакомством с бывшим королевским дворцом, который при активном участии общественности столицы возрождается из руин, чтобы стать дворцом культуры и науки. В нем восемьсот шестьдесят залов, комнат и подсобных помещений. После окончания восстановительных работ сюда будут переведены Национальная библиотека имени Сечени, Будапештский исторический музей, Музей новейшей истории, Институт истории театрального искусства Академии наук, Этнографический и Книжный музеи. Залы дворца украсят произведениями живописи и скульптуры, хранящимися в сокровищницах Национальной галереи.

Венгры очень дорожат своими древними городами, зданиями, памятниками культуры, но также с полным основанием гордятся и такими юными городами, как Дунауйварош, Комло, Ай-ка, Казинцбарцика, Тисаседеркень, Варпалота, новыми гигантскими заводами, чудесными жилыми кварталами и, главное, людьми, людьми новой Венгрии. Венгры любят свою родину и за ее прошлое, и за ее настоящее.

Калейдоскоп будапештских впечатлений

**Сколько лет Будапешту! Всадники на конях.
Два «М». Венгерский сервис**

— В букинистическом магазине продается книга на немецком и английском языках, озаглавленная «Двухтысячелетний Будапешт». А Венгрии всего тысяча лет. Как же это понять?

— Что же, можно провести своего рода вечер вопросов и ответов. Многие, вероятно, удивятся, узнав, что Будапешту нет и ста лет. Он родился из слияния Буды, Обуды (древней Буды) и Пешта. Это произошло в 1872 году, и с этого времени столица Венгрии (входившей тогда в состав Австро-Венгерского государства) стала именоваться Будапештом, причем поначалу это название писали даже в два слова Буда-Пешт... Что же касается двухтысячелетней даты, то речь идет о возникновении первого поселения на этом месте. Это был поселок иллиро-кельтских эрависков Оппидиум. В начале нашей эры здесь появился римский городок Аквинкум. Позже тут жили гунны, авары... Раскопки в районе Обуды подтверждают предание, согласно которому на этом месте стояла крепость вождя гуннов Аттилы и что именно здесь разыгрался его последний кровавый бой.

— Что это за всадники у колонны на площади Героев?

— Вожди тех семи венгерских племен, что пришли сюда, на берега Дуная и Тисы, в 896 году. Впереди князь Арпад, а рядом Ташш, Хуба, Элéd, Тэхётём, Онд и Конд.

— Почему на некоторых остановках городского транспорта висят таблички с одной буквой «М», а на других — с двумя «М»?

— Извечная проблема городского транспорта. Видимо, нет ни одного большого города без этой проблемы. В Будапеште тесно на остановках. Не успеет один троллейбус подойти к ней, как занять его место уже ждет другой. И вот там, где это целесообразно, решили сделать двойные остановки. Две буквы «М» обозначают, что второй троллейбус, автобус или трамвай производит также высадку и посадку.

— А кто это в форменной фуражке с букетом и свертком?

— Это подросток-рассыльный из бюро добрых услуг «Бой-солгалат».

— А вон тот юноша на велосипеде? У него другая форма.

— Это почтальон. В Венгрии широкое распространение получили срочные письма «Экспресс». Оно стоит значительно дороже обычного, но зато ни минуты не залеживается и, например, в Будапеште обязательно будет доставлено в течение нескольких часов специальным рассыльным, а в провинцию — с первым же поездом и тоже специальным рассыльным. Тут вообще много новых форм обслуживания населения. Например, введена передача сказок для детей по телефону, побудка по заказу, передача поручений «до востребования». Назовите условный пароль и продиктуйте текст сообщения. Как только телефонной службе «до востребования» кто-либо другой сообщит этот пароль, он услышит ваш текст. Так можно информировать своих друзей, куда ты уехал, когда вернешься, о перемене адреса (еще до оформления прописки) и о многом другом.

В сокровищницах наших друзей

Рембрандт и Гойя. Делакруа и Сезанн.

Мункачи и Лотц

Советские люди знакомы с теми шедеврами изобразительного искусства, которые хранятся в музеях нашей страны: Эрмитаже, Русском музее, Третьяковской галерее, в Музее изобразительных искусств имени Пушкина и других подобных им сокровищницах. Однако мы еще мало знаем о тех замечательных произведениях великих мастеров, которые украшают залы музеев социалистических стран.

Побывать в венгерской столице и не увидеть одну из мадонн Рафаэля, замечательные творения Леонардо да Винчи, Джорджоне, Тициана, Веронезе, скульптуры Менье, Родена, блестящих венгерских живописцев Мункачи, Синеи-Мерше, Риппл-Ронаи и других выдающихся мастеров изобразительного искусства просто невозможно.

В Будапеште более двадцати пяти музеев и картинных галерей..

Музей изящных искусств. Он расположен на площади Героев. Перечислить сокровища этого хранилища творений человеческого гения абсолютно невысказимо. Придется назвать единицы из тысяч. Здесь имеются «Портрет мужчины» кисти Джорджоне, три шедевра Себастиано дель Пьомбо, полотна Тициана, Веронезе, Беллини, «Мадонна» Корреджо Пармского, «Мадонна» Болтраффио, созданная, как предполагается, совместно с Леонардо да Винчи, две замечательные картины Рафаэля —

«Портрет юноши» и всемирно известная «Мадонна Эстерхази». В музее хранятся прекрасные коллекции картин Эль Греко и Гойи. Испанскую коллекцию музея украшает «Крестьянская трапеза» Веласкеса. Среди картин голландских мастеров можно встретить «Бойню» кисти Рембрандта, полотна Рубенса, Ван-Дейка. Во французской коллекции имеются Делакруа, Моне, Гоген, Ренуар, Курбе, Сезанн и другие.

Необычайно богата коллекция графики. В ней более ста семидесяти тысяч рисунков и гравюр иностранных и венгерских художников. Здесь кроме рисунков перечисленных мастеров можно встретить работы Ван-Гога, Мане, Пикассо и многих других.

В здании Венгерской национальной галереи, что расположена на площади имени Кошута, против венгерского парламента, собраны замечательные произведения венгерских мастеров живописи. Всемирно известны работы Пала Синеи-Мерше, в частности его «Завтрак на лоне природы», Михая Мункачи, в том числе и «Камера смертников», произведение Миклоша Барабаша «Портрет госпожи Иштванле Битто», замечательные работы Берталана Секей, Кароя Лотца, Дьюлы Бенцура и многих других.

Немало прекрасных творений мастеров изобразительного искусства можно включить в мировую сокровищницу из фондов Венгерского национального музея, будапештского Музея прикладного искусства и других венгерских хранилищ редчайших культурных ценностей.

А осмотрев все это, можно отправиться и к Цитадели, громада которой виднеется на горе Геллерт, позади монумента Освобождения.

Гора Геллерт

Память о героях. Город с птичьего полета

Да, панорама Будапешта незабываема! И как прекрасны дунайские мосты! Эти красавцы все до одного были безжалостно взорваны фашистами.

— Все их строили венгерские инженеры?

— Старые нет. Вон тот У-образной формы мост имени Маргит был возведен по проекту французских инженеров Гуэна и Эйфеля, строителя знаменитой башни в Париже. Первый постоянный мост через Дунай, цепной мост, который так и называется Цепным, строился в середине прошлого века по проекту знаменитого строителя канала Темза — Медуэй и многих мостов через Темзу английского инженера У. Т. Кларка. После войны мосты были не только восстановлены, но и модернизированы руками венгерских инженеров и рабочих. А сейчас

Венгрия сама «экспортирует» мосты, строит их по всему свету. Например, большой мост в Египте, в Хелуане, построен венгерскими специалистами...

— Смотрите, смотрите! Вот отчаянная ребятня!

Не по дороге, а прямо по круче горы на высоту стоэтажного дома забирается группа пионеров. Отдышавшись, они окружают одного из своей компании и начинают наперебой что-то объяснять ему.

Наконец из гомона детских голосов, из отдельных обрывков разговоров становится понятным: к одному из мальчиков приехал его юный друг из Болгарии, и вот с компанией сверстников они поднялись на вершину горы Геллерт.

— Смотри сюда, Сашко! Ты ведь знаешь русские буквы?

— Так у них самих буквы как русские, — тут же замечает другой парнишка.

— Да не перебивай... Читай, Сашко: Герой Советского Союза лейтенант Азатьян Г. А... Знаешь, ему памятник есть в Чепеле. Когда я был у отца, он показывал. И в школе мы про него проходили...

Дальше опять ничего нельзя разобрать в ребячем гвалте. Каждому из юных граждан Венгерской Народной Республики хотелось рассказать гостю из Болгарии все известное о советских героях, имена которых золотыми буквами начертаны на историческом монументе — памятнике советским воинам, павшим в боях за свободу и независимость венгерского народа.

Угомонились, потому что болгарский гость даже растерялся от этого шума, а его будапештский друг просто не мог одновременно переводить ему все. Ребята стихли. Они увлеклись разбором надписей и дискуссией по поводу известных им подвигов советских воинов, а гость и его юный хозяин отошли к парапету и стали рассматривать панораму города.

Немногие столицы мира имеют такие чрезвычайно благоприятные природные условия, как Будапешт. Дунай как бы разрезает этот крупный европейский город на четыре части: Буда, Пешт, Чепель, расположенный на большом острове, и огромный парк с бассейнами, стадионами, гостиницей и летним театром, который раскинулся на другом острове, носящем имя Маргит.

Пешт лежит на равнине и отличается прямоугольностью своих кварталов, обилием промышленных предприятий — в венгерской столице сосредоточилась почти половина всех фабрик и заводов страны. Буда, наоборот, сплошь изрезана горами и холмами, достигающими полукилометровой высоты.

На горе Геллерт, что находится на берегу Дуная, на будайской стороне, в самом центре города, на неболь-

шом плато, господствующем над всей окружающей местностью, сохранилась старинная Цитадель — один из памятников многовекового иностранного ига, которое пришлось пережить венгерскому народу. Некогда на этом месте турецкие завоеватели воздвигли неприступную по тем временам деревянную крепость. Много позже, после подавления национально-освободительной борьбы венгерского народа 1848—1849 годов, австрийские правители соорудили на этом же месте грозную каменную Цитадель, толщина стен которой достигает нескольких метров!

Это мрачное сооружение прошлого теперь заслонил всемирно известный монумент Освобождения тридцатиметровой высоты — одно из лучших творений талантливого скульптора Жигмунда Кишфалуди-Штробля. Женщина с пальмовой ветвью в поднятых руках, названная художником Гением Свободы, видна на расстоянии семидесяти километров от Будапешта. Изображение этого монумента можно встретить на открытках, обложках книг, почтовых и фабричных марках... Оно как бы стало своеобразной эмблемой народной Венгрии.

У подножия памятника никогда не бывает безлюдно. И зимой, и летом, даже в ненастные дни сюда поднимаются сотни, тысячи будапештцев и туристов, зачастую прибывших с других концов земли. Нет человека, который, впервые посетив венгерскую столицу, не поднялся бы сюда, на вершину горы Геллерт.

Много раз в день звучит здесь голос гида:

— Этот монумент сооружен в 1947 году. Вы видите на левой стороне его надпись:

1945

ОСВОБОДИТЕЛЯМ СОВЕТСКИМ ГЕРОЯМ
ОТ
БЛАГОДАРНОГО ВЕНГЕРСКОГО НАРОДА

Позади памятника над именами славных сынов советского народа начертано: «Вечная слава советским героям, павшим смертью храбрых в боях за освобождение Венгрии».

Много раз довелось бывать на вершине Геллерта автору этих строк. Сколько состоялось здесь встреч с венгерскими друзьями, сколько выслушано было здесь искренних, прочувствованных слов благодарности советскому народу!.. Для будапештцев это одно из любимых мест для прогулок. Сюда, на гору, поднимаются с детьми, приходят целыми семьями и в хорошую погоду часами проводят время на склонах Геллерта.

Туристские группы сменяют одна другую. Чехи, русские, немцы, поляки, арабы, люди разных национальностей, профессий...

У огромной панели с именами павших советских воинов беспрерывно толпится народ.

Один из моих старых венгерских друзей как-то сказал, что от подножия монумента Освобождения не только открывается чудесный вид на Будапешт, но и видна та большая роль, которую в жизни венгерского народа играет тесная братская дружба с великим Советским Союзом.

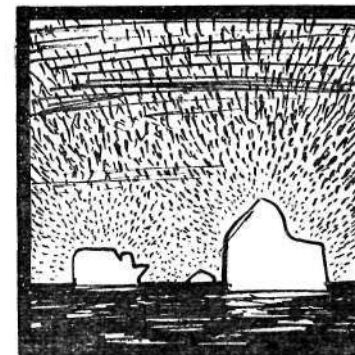
...И когда вечерами в свете прожекторов над Будапештом как бы парит Гений Свободы, видный далеко окрест, он напоминает всем о непоколебимом единстве и братской дружбе советского и венгерского народов.

Вместить в один очерк хотя бы выжимки из записей, что велись на протяжении многих лет, не так легко. Кое в чем, вероятно, утратилась острота первого восприятия. Но если читатель найдет в этом очерке новое и интересное для него, еще не встречавшееся в той массе литературы о Венгрии, что издается у нас, если это поможет ему лучше узнать братский народ, буду считать свою задачу выполненной.

Евгений Кондратьев

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ БИЛЛА

Рассказ

I

Китобойное судно «Сазэн Крос» замедлило ход, словно моряков насторожило вкрадчивое, тревожное марево полярной ночи.

Самый темный час суток. Охота прекратилась. Ручка машинного телеграфа передвинута на «малый» — гляди в оба: кругом айсберги, льдины.

Марсовый матрос Дик Грипуэлл поежился в бочке — так крепко дохнуло холодом от проплывающей мимо ледяной длинной громады. Подняв бинокль, он взглянул вдаль.

То, что он заметил и стал разглядывать, было редкостным явлением, которое встретишь, может быть, только в Антарктике.

Айсберги светились.

Их свечение было дымным и красочным—голубым и сиреневым среди сонного свинца океана, неба. Оно возникло минуту назад и могло, наверное, так же быстро исчезнуть. Дик шептал: «Боже, как светятся! Нет, Дик,

что за чудеса! Разве хуже полярного сияния? Точно не айсберги, а газовые горелки! А вот этот самый красивый...»

Высокая гора, так понравившаяся Дику, была окутана как бы тонким пылающим облаком, нежно-лиловый дым обтекал отвесные стены, а над плоской вершиной айсберга висел горящий холодным огнем купол.

Непонятной была эта иллюминация под исчезнувшим, беззвездным небом. Все вокруг оставалось сумеречным и вязким, как в густом тумане. Ничего не освещающий огонь айсбергов казался призрачным, будто они сияли и двигались по законам потустороннего мира...

Еще несколько минут — и ледяное факельное шествие погасло, свечение будто растаяло в воздухе, а весь окружающий мир стал понемногу светлеть, говоря о том, что Антарктика начала вспоминать об утре.

Что все это было? Матрос не знал. Внизу на мостике стояла вахта. Они тоже все видели.

Только ни у кого не возникло предчувствия, что через сутки придет беда, которая заставит всех суеверно подумать, что это не предназначенное для человеческих глаз чуть тревожное, но прекрасное зрелище было дурным предзнаменованием.

II

Капитан судна — Поттер. Несколько бледное, измученное и добродушное лицо, губы в виде летящей птички, комично взлохмаченные над лбом редкие волосы. Но это маска, в его глазах проглядывает что-то жесткое и холодное.

Поттера одолевают недобрые панические мысли; прошло уже три месяца промысла, а прибыли почти нет. По два-три загнанных кита в неделю — кто это назовет делом? С таким же успехом можно охотиться на мамонтов или ихтиозавров.

Повыбили китов в Антарктике, а теперь ему, Поттеру, за это отвечать?! Его мучат бессонница и кошмары, по ночам ему начинает казаться, что он сходит с ума.

Невезение сопровождает капитана не первый год, и это его страшит.

Перед рейсом директор китобойной компании холодно сказал ему:

— Предупреждаю, ваши шансы вылететь из 'объединения непомерно возросли. Даем вам еще один рейс. Вы можете еще поймать свое счастье, Поттер.

Сегодня у Поттера наконец-то удача, правда единственная за целый месяц: удалось вырвать целых двенадцать китов, уже загарпуненных, у японцев.

У команды — вечер воспоминаний! Капитан с удовольствием прислушивается к шумному, как в баре, сборищу в столовой: раздаётся хохот, звучит банджо, поют.

Боцман Джордж, молодой атлет с красным лицом, снова и снова повторяет эту историю с японцами. Тут же сыплет шуточками рулевой матрос Гарри — озорной парень с неповоротливой шеей из-за распухшей щитовидки.

— Пришел я в самый раз на мостик, что-то мне померещилось. Я за бинокль, — рассказывает Джордж, поднося руку к глазам. — «Э, говорю себе, кто-то костыляет». — Двинули мы в самый раз туда. — Рука Джорджа пересекает стол.

— Вижу, — продолжает он, — черная труба, на ней белый круг, на нем черное кольцо. Разрази меня господь: кавасаки-нагасаки! И тут я как заору капитану, что япошки запрещенными китами обвешаны. Глянул он: горбачи по всему борту!

— Черти! — смеются китобои. — Парни не промах, ха-ха.

— Мы за ними, они на волнах прыг-прыг. Им шибче некуда: киты тормозят. Тут Гарри посоветовал, и наш Поттер как гаркнет: «Подать кинокамеру!» Ну и начали мы их снимать и так и этак.

— Ловко! Го-го-го!

— А те перетрусили. Дай кой-куда это кино — скандал: Япония нарушает конвенцию. Они совсем голову потеряли: побросали тут в самый раз горбачей и ходу. А мы...

— А мы их «при», а мы их «шва», а мы их «рто», а мы их «вали!» — выкрикивает Гарри, пританцовывая.

Матросы запевают:

Есть красотки средь китих,
Загарпуним их, не робей!
Жаль, что мы малы для них...
Эгей!

— Жирные горбачи! — Гарри, не ворочая шеей, притоптывает по палубе под мотив. — Вот капитан! Вот правильно понял: по улице «не нахальничать» — придешь к дому «пусто в кармане».

Не веселятся вместе со всеми лишь двое. Это Дик Гринуэлл и старый моторист Билл Брейн. У Дика есть прозвище Не От Мира Сего.

Кличка родилась еще перед первым рейсом, когда Дик совсем поглупел в одном борделе от любви к молоденькой пятнадцатилетней девчонке, стал приносить ей цветы.

Он прятал их под курткой, вынимал из карманов. Подружка тарасила на него свои прекрасные непонимающие очи.

Однажды вместо цветов из свертка выскользнула змея, и был женский визг, пьяный гогот, сжавшиеся кулаки. Это подшутила над ним команда китобойца.

Дик не прижился бы на судне, если б не дружеская рука Билла Брейна.

С черной щетиной щек, косоглазый (не знаешь, в какой глаз смотреть, когда говоришь с ним), старик, пожалуй, неприятен. Но есть нечто значительное, волевое в его лице. И удивительно: даже глядя не на его плечи, а только на мышцы лица и лоб, догадываешься об огромной физической силе Билла. А еще Дик знает, как Билл помешан на своих механизмах. Стоит посмотреть! Когда он держит в толстых пальцах какой-нибудь болт, кажется, что это маленький человечек попал к нему в руки, и Брейн доброжелательно разглядывает его, кося глазами. А если навинчивает гайку, то будто примеряет на этого лилипута шляпку!

Дик и Билл сидят в каюте.

Она кажется тесной даже для невнятного баса моториста, не только для двух человек, но от этого сильнее впечатление дружеского уюта.

Билл Брейн рассказывает:

— То был человек!.. Нашего спишут — забуду, как не было, а того капитана мне не забыть. У него нюх был на кита, как у волка на овцу. Раньше мы не вырывали китов друг у друга изо рта. Гордились, что по-честному. А этот у своих норовит, не только у японцев... Но теперь, говорят, благодетель Поттера помер, теперь Поттеру несдобровать.

Дик больше слушает, чем говорит. Он часто не знает, что сказать, и только тербит свою робу: конечно, он за хорошего капитана, однако киты — это деньги. И он не против чужих китов. Это даже увлекательно!

Прикрывая глаза толстыми веками, старик покачивает головой:

— Ты плохо знаешь капитана, еще увидишь! Я как-то прямо сказал ему: «Вы не человек, вы тупой кашалот. Где надо подумать или взять себя в руки, любите биться головой вместо тарана... А мне что? У меня ни жены, ни детей... И еще,— говорю,— был бы рад видеть вас матросом: куда ж вам податься, если вас погонят? Только в матросы...» Уйду я, если он останется.

— Куда ж тогда мне? — пугается Дик.

...На рассвете, когда Дик залез в марсовую бочку, Билл вышел передохнуть от жара машин на корму.

Ревел шторм. Ветер крепчал. Судно куда-то ухало, и, наверно, в камбузе сейчас стоял грохот и звон, раздавалась

отчаянная брань кока и пахло разлитым варевом. А здесь, на низкой корме, под бодрящими брызгами, было приятно, хотя и опасно... Билл Брейн закурил.

III

Этот кит был замечен Диком. Первый собственный кит после трофейных японских.

С вершины мачты смотреть в бинокль было трудно. Океан косо падал, косо вставал, облака как будто метались то к зениту, то к горизонту. Но Дик сразу узнал: это кашалот.

Кит высунул из воды свою тупую морду, словно пытаясь что-то разглядеть поверх волн. Дик вспомнил, что в такой редкой позе кит, говорят, заглатывает только очень крупных моллюсков. Нелепая, как у бегемота, голова то почти исчезала из глаз, опускаясь в водяные впадины, то появлялась снова.

Что же она напоминала Дикю своей формой? «Автобус! — решил Дик.— Если всю машину вместе со стеклами вымазать черной краской. Тонуший задом автобус, кабина которого глядит в небо».

Дикю померещилась даже отвисшая под прямым углом, словно откинута на шарнирах, кашалотова челюсть с загнутыми назад зубами. «Боже, боже, какаяловица! Бьюсь об заклад, в ней спермацета тонны три, не меньше!»

Тут кашалот оделся в тучу брызг, поднятых ударом хвоста, и Дик завопил, не жалея голосовых связок:

— Ви-и-ижу кита-а!

Китобоец, словно взывав, с тяжеловесным изяществом развернулся в сторону добычи. Судно срезало всей мощью своего стального тела целую жидкую гору, хлынувшую на палубу клубами воды и пены. Тотчас на мостике была нажата кнопка звонка.

Звонок охотничьего сигнала застал Поттера в каюте.

Странный вид был у капитана.

Он стоял, пытаясь разжать пальцы кулака, но их свела судорога, а в кулаке лежал комок радиogramм: одна была от китобойной компании, другая — с китобазы.

Приказ, который снился ему, как бред по ночам, пришел и был недвусмыслен: Поттеру надлежало сейчас же идти к базе и сдать судно другому капитану, прибывшему в Антарктику с танкером.

Поттер ощутил, как медленный жар палит горло. Чувство было такое, будто там все пересохло и трескается. В эту же минуту по всем каютам и помещениям судна пронесся новый сигнал: звонки, звонки, звонки.

Тревога: «Человек за бортом!»

Поттер трясущимися руками, чувствуя тошноту, раскупорил бутылку виски и выпил ее до дна. Его охватил ужас и

беспамятство. Ему показалось, что эта тревога из-за него, что это он за бортом, что сейчас захлебнется.

Поттер бросился к двери.

Потом он ничего не помнил: ни как поднялся по трапу, ни как очутился на месте рулевого. Кого-то оттолкнул. Ударил. Выругался. Только на мостике он вспомнил, что где-то должен быть кит. Вернее, что-то огромное, важное, что носит имя кита.

Сквозь туман в глазах увидел вдали фонтан и повернул судно.

...Добыча уходила, это было для Поттера символом всей его жизни. Как будто уходило все, чем он дорожил: шанс на удачу, роскошь на берегу, место на капитанском мостике.

Ему представлялось по какому-то кратковременному умопомешательству, что все это нарочно сделано: и то, что кто-то упал за борт, и то, что в это время киты. И он должен перехитрить кого-то, что-то доказать. Он орал на гарпунера, чтоб тот становился к пушке. А сам был как человек, на которого накатила волна и смыла, он все слышал и видел, даже выкаченные глаза рулевого Гарри, его неповоротливую шею, но капитана уже несло, и в том потоке, что его нес, было черно и мутно, отвратительно на душе, а остановиться не было сил.

Не было воли.

Спасательные круги бросил ему боцман.

Первый был отброшен сильной волной и ушел далеко по гребням раньше, чем Брейн успел к нему подплыть. Но минуту спустя старый Билл уже лежал грудью на втором круге и махал Джорджу рукой, а Джордж быстро набирал бросательный конец, чтоб докинуть до Брейна.

Но тут с появлением капитана случилось неожиданное: винт взбурлил воду под кормой китобойца, Билл Брейн был отброшен от судна рывком волны, взрезанной форштевнем.

Старик еще не успел ничего подумать, как судно стало закрываться дымками разметанной по ветру пены и уменьшаться на глазах с каждым подъемом Билла на гребень.

Ничего более оскорбительного старик не испытывал в своей жизни. Бросить? Невероятно! Ему случилось тонуть, и не раз, но всегда китобой, немедленно кидались на помощь, свято и привычно соблюдая круговую поруку, извечную заповедь моряков.

На какой-то миг захотелось утонуть сразу. Это прошло. В могучем теле было огня, может быть, на два человеческих века, и Брейн стал думать только о спасении.

Но разве можно спокойно размеренно думать в минуты, когда, словно песчинка, мечешься в перекорезанном, как от боли, океане? Когда возникшая мысль, не успев развернуться, прерывается ощущением, что лицо, что нос и рот погружаются в

неистово шипящую пену,— ощущение такое же вязкое и мучительное, как удушье, ночной кошмар.

Старик видел, что надвигается тень самого большого вала: «Волна, приготовиться!» Он всей тяжестью тела и круга скользил по крутояру в бездну: «Падаю». Или ждал водяного обвала: «Сейчас на меня, только б не потерять сознания» — и крепче прижимался к спасательному кругу. Попадая в спокойный перекат между волнами, он напрягал слух: «Нет, ушел!»

Потом порыв ветра, похожий на надежду, донес до Брейна глухой выстрел гарпунной пушки. Значит, недалеко! Больше не стреляют? Они возвращаются. Они должны! Негодяи!

Поверивший в близость избавления, задышающийся от пены, сотрясаемый ударами водяных стен, Брейн вдруг почувствовал себя одряхлевшим.

Он был измучен калеными тисками холода. Он был убит тоской непоправимого познания на краю мира, на пороге океанской темницы, всей пропасти одиночества.

У Дика вытянулось лицо и сильно колотилось сердце. Он чуть не завыл, увидев, как далеко позади остается на волнах голова Брейна.

В это время в двадцати ярдах от судна вспыхнули короткими облачками фонтаны горбачей и показались один за другим два хвоста бабочкой.

— Эй, ворона в гнезде, марсовый! — заорал Поттер, по пьяному надувая лицо. — Глаза лопнули? — И объявил в мегафон: — Начинаем! Кто против, катитесь в гальюн. Ясно?

Дик Гринуэлл стал спускаться с мачты. В его налитых гневом глазах стояли слезы.

— Куда? Стой, стервец! — орал Поттер.

Дик спрыгнул на переходной мостик и подбежал к гарпунеру. Тот, ухватившись за рукоятку поводка, разворачивал пушку. По его обветренному, в красных пятнах, нерешительному лицу текли капли воды, мокрую бороду трепал ветер. Ударил пушка.

— Не кита бьешь, Билла!

Крикнув, Дик увидел, как смертельно раненный горбач мученически запрокидывается на спину, показывая над водой огромную пасть с обросшей ракушками безобразной челюстью. Вокруг умирающего кита, видимо самки, вспенивала и рассекала валы черная спина встревоженного самца.

Дик схватил фленшерный нож и под неподвижным, словно застывшим, взглядом гарпунера одним ударом перерубил линь, связывающий судно с китом. Тогда его кто-то взбешенно обхватил в поясе и поволок на главную палубу. Это был капитан. От капитана разило виски. Дика втолкнули в дверь маленькой

надстройки, и через минуту он очутился в клетке продуктового холодильника.

Массивная в металлической обшивке дверь захлопнулась.

Импровизированный застенок замкнулся, Дик упал на что-то холодное, жирное и ощутил рукой древко лежащего рядом топора.

А Поттер еле добрался до командного мостика. Он падал и поднимался. Казалось, его укачивают не одна, а дюжина качек. Невозможно было глядеть на его лицо, на безумно улыбающуюся птичку рта. Поттер словно заискивал. Он уже был просто пьян. Чувствовал, что случилось что-то омерзительное, за что нет ему, Поттеру, прощения.

И потому, когда боцман Джордж и рулевой Гарри, а за ними и остальные моряки преградили Поттеру дорогу на мостик, он словно отрезвел, вся дикость и непоправимость происшедшего придавила, расплющила его, он был уже мертв, ему незачем было жить.

—Я не капитан,— пьяно пробормотал он.

Цепляясь за поручни и обмирая, как человек при сердечном припадке, Поттер с трудом стал спускаться по ступеням в каюту. Там он свалился от непереносимой усталости, гадливости к себе и тотчас захрапел.

А китобойное судно, резко вздымаясь на волнах, стало разворачиваться, нацеливаясь носом на черточку горизонта, за которой был брошен старик.

Но здесь случилось то, что так обычно для Антарктики,— пошел снег. Он летел, пушистый, мирный, даже ласковый, но это была беда. Он словно залепил глаза китобоям. Ослепил судно.

Снег шел двадцать минут.

Потом целый час китобой искали Билла. Его нигде не было.

С «Сазэн Кроса» радиовали на базу: «Вышлите на помощь вспомогательные суда».

IV

После часового поединка с волной, смертельным холодом, ветром старый Билл совсем обессилел. Он укачался, временами терял память, но и тогда в его мозгу не перегорал тускло посвечивающий «красный огонек»: держись за спасательный круг... за круг...

Этот круг теперь был для Брейна началом и концом вселенной, дальним берегом, на котором он когда-то родился, кораблем, который еще вынесет его к жизни, рукой, которая была к нему протянута.

Брейны привык чувствовать свою непобедимость. Но теперь не было средства помочь себе чем-либо. Ни одной мысли, толь-

ко ощущения затопили все его существо. «Засыпаю... ноги как деревянные... страшно, хочется кричать... невыносимо...»

Только один раз к нему пришла человечески ясная мысль. Это была мысль о том, что капитан китобойца хочет его смерти, мстит за оскорбление. И это мгновенно пережитое потрясение на время встряхнуло Брейна.

Шторм заметно, круто стихал, и Брейн уже чувствовал прилив сил, когда ему показалось, что он бредит.

Вокруг него (он явственно слышал) паслось стадо лошадей. Лошади громко отфыркивались, и, наверно, шипали траву, и, возможно, позвякивали бубенцами, но за плеском воды это не различалось.

Вслед за тем совсем рядом взметнулся фонтан, воздух стал тяжелым, будто на Брейна дохнула чья-то смрадная пасть, и над водой всплыла длинная зеленовато-бурая глянцевиная выпуклость спины с изогнутым, как секира, плавником.

Финвал!.. Брейн поспешно отплыл в сторону. Но с другой стороны тоже вышел кит, выпустил несколько фонтанов и занырнул и едва не затянул Брейна в воронку. Тогда старик поднялся на круге и посмотрел во все стороны.

По всему простору, куда ни помотришь, взлетали дымки китовых фонтанов. Сам же Брейн плыл в середине китового табуна, «голова» которого уходила от Брейна. Старик проследил ее курс и вот тут-то он увидел вдаль идущий в его сторону китобоец.

Уже была видна цифра «4» па белой надстройке — цифра «Сазэн Кроса».

Потом китобоец стал закрываться спинами и фонтанами китов, а когда табун исчез, исчез и китобоец.

Бросился за китами?

Снова?

Какое-то время Брейн, движимый остервенением и невыносимым отчаянием, плыл в сторону исчезнувшего судна. Его глаза побелели, стали еще сильнее, чем прежде, косить на искаженном лице.

Так он проплыл, может быть, с полчаса.

Но наконец его движения сделались точнее и спокойнее. На лбу разгладились складки, и почти будничное выражение появилось во взгляде. В измученном мозгу окрепло решение.

Обессиленный бесплодной погоней, Брейн остановился. Он ожесточенно помассировал ноги (сапоги давно сбросил) и лег спиной на круг, покачиваясь на обмельчавших валах и глядя в небо.

Голубоватый купол Антарктики, чуть колеблясь, сомкнулся над ним, как безмерного радиуса океанская волна, в которую он вглядывался изнутри.

По всем скатам купола стояли... нет, страшно и грандиозно, невидимой силой, рушились огромные облака, похожие на белые горы из снега. Им конец: их глыбы сыпаются вниз, обваливаются, в беспорядке громоздятся над океаном, текут и завихриваются в небе струями, как поземка... И старый Билл подумал, что ему уже больше не вырваться из-под этого замкнутого свода и растущего обвала.

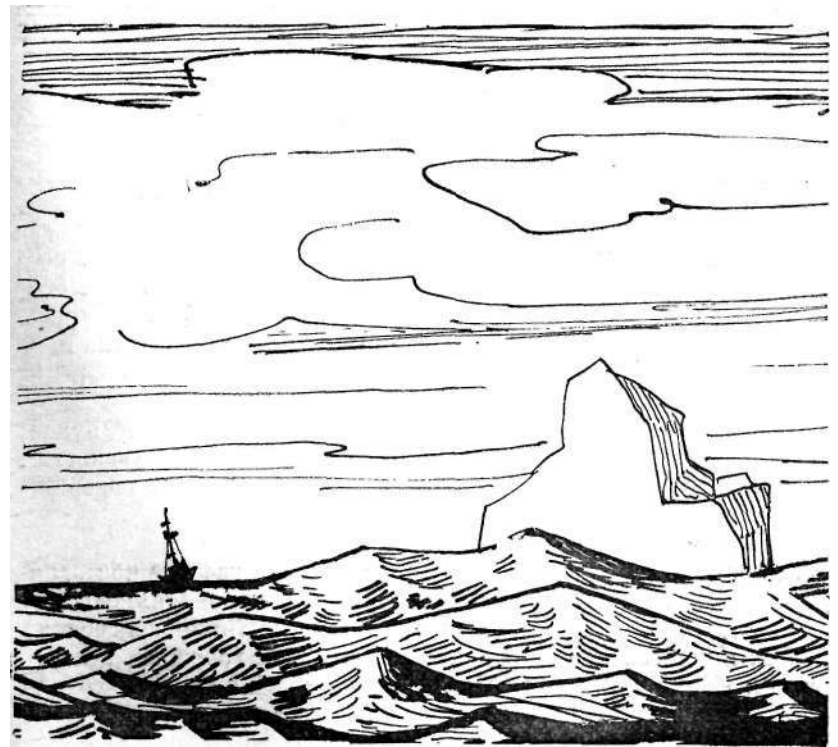
Он не будет ждать помилования от Поттера.

Он принял приговор.

Больше он не унизит себя страхом. «Думаешь, Билл Брейн сейчас трясется? Нет, он не станет цепляться за соломинку! Он только не в состоянии понять: что же там думали другие? Одиноким стариком, кто за него спросит? Невиданное дело! Убийцы! А Дик? Билл бы их там заставил, он бы спас. Билл Брейн будет покрепче!»

И старый китобой пробурчал, что умрет, как жил. Останется Биллом Брейном. Не помешают ни старость, ни одиночество в море.

Брейн соскользнул со спасательного круга. С силой, даже ожесточением, внутренне похолодев, оттолкнул его от себя.

Спасательный круг поплыл качаясь, а старый китобой снова лег на воду. Он нарочно глядел в зенит, чтобы не видеть, как уплывает его последняя опора.

Сейчас в его лице было то великое, что чувствовал в нем мальчишка Дик. Он ощущал в себе столько сил, столько сдержанно-холодной ярости, что не представлял своей смерти.

Круг все уплывал, как земля из-под ног, как звено, соединявшее с надеждой, человечеством, бытием, как вызов, брошенный Брейном человеческой низости. Когда же круг исчез из виду, Брейн медленно поплыл туда (не все ли равно куда?), где особенно много рушилось облаков-гор.

Он решил, что не будет с собой прощаться: он смеется над самоубийцами! Он будет жить, пока есть хоть капля сил. Плыть. Выдыхать в воду, отворачивать голову в сторону, видеть краешек вселенной, дышать... Разве мало он проживет? Чуть-чуть короче, чем оставалось ему по его старости.

Как зверь уходит умирать в самую глушь пустыни, тайги, снегов, так уходил Билл Брейп к далеким облакам.

V

Последние свои минуты старый китобой плыл ослепшим от горя. Велика была его воля, но и слишком велико было потрясение.

Он-то не знал, что ослеп. Он думал, что ночь. Близость айсбергов он улавливал по звуку волновых всплесков и более стылой воде. Он сворачивал в сторону. Уже дало знать себя охлаждение: мучил кашель, сводило грудь, и к мышцам рук, ног подбиралась судорога. А Брейн все еще продолжал плыть, его спасала здоровая кровь. Теперь в его мозгу не гас другой «красный глазок»: держись, пока живой... В этом не было смысла или удовлетворения, только истязание нервов и тела, но Брейн сохранял верность себе.

Сколько бы он еще так проплыл? Час? Два?.. Он наткнулся на большую льдину, и острый выступ пробил ему височную кость.

Последней вспышкой сознания было: «Дик, и ты, наверно, не лучше... Все зря... Все люди — негодяи...»

А Дик Гринуэлл все еще сидел в заточении.

Ударами топора он покорежил замок, и его все еще не могли открыть. Возле испещренной вмятинами двери валялись сломанные доски, разбитые банки, погнутые жестянки консервов.

Дик прижимался мокрой от слез щекой к говяжьей туше и шептал: «Билл, это ты, мой старый дружище? Какой ты холодный, точно неживой! Тебя хотят убить из пушки, я спрячу. Я спрячу!..» Его била дрожь. Он бредил.

У Дика помешался рассудок.

По дуге предвечернего горизонта всей промысловой ватагой шли китобойцы. Среди них не было только «Сазэн Кроса» и вспомогательных кораблей: они продолжали поиски старика.

Китобойцы были обвешаны китами.

На одном из судов, опередившем других, раздался крик вахтенного матроса:

— Человек за бортом!

Что-то темнело прямо по курсу, и все, кто стоял на мостике, сразу подумали о мотористе с «Сазэн Кроса».

Но когда подошли ближе, на волнах подбрасывало тот самый спасательный круг, который еще много часов назад оттолкнул старый Билл.

В. Чарнолуский

САГА О ВНУКАХ БАБУШКИ НАСТАЙ

От автора

Сагами или сааками у народа саами (лопарей) называют бывальщины, то есть произведения устной словесности, повествующие о том, что с кем-то когда-то приключилось. Однако в некоторые сааки иногда вплетаются и мотивы фантастические. Например, герой становится шукой, из жил куропаток плетут силки и т. п. Несмотря на это, сказитель не только сам верит в истинность рассказываемого, но и хочет, чтобы и все слушатели поверили ему. Так завещано отцами и дедами.

Чтобы у слушателя не оставалось никаких сомнений в правдоподобности рассказа, сааку снабжают какой-нибудь «достоверной» концовкой. Так, рассказав о необычайно жестокой битве, сказитель говорит: «Мой знакомый имярек был на том месте, сам видел: кости и мечи из земли торчат». Или: «Пуховый тот домик и до сих пор там стоит».

Ничего этого в действительности нет, но саака излагается как вполне реалистический рассказ, с такими убедительными подробностями, что слушатель невольно верит: «Да, событие произошло именно так, как о нем поведано в сааке». И надо сказать, в иных случаях сааки сохраняют зерна истины, как это свойственно народным преданиям.

В нашей сааке речь идет о приключениях двух маленьких саами — мальчика Олеся и девочки Эчай. Совершенно одни прожили они почти четыре месяца в лесах и тундре, среди озер и камней и остались целы и невредимы. Знание полярной природы, смекалка и привычка к труду выручили их из беды.

Автор хорошо знал всех героев повести. И бабушка Настай, и Кархо, и ребята очень хотели меня убедить, что все именно так и было, как они рассказывали. И я им верил... А все-таки не забывал одну умную поговорку: «Не любо — не слушай, в врать не мешай!»

Домик на Акгаврушках

Луч солнца проник в вежу и разбудил Олеся. Мальчик откинул свою черную челку со лба и спросонья уставился в доски крыши. Своими чуть-чуть косящими глазами он следил, как суетились пылинки в лучах солнца. Они появлялись из расщелин потолка и кружась опускались на убогое имущество бабушкиной вежи. Она была крыта торфом, вот от него и шла пыль. Олеся это давно знал. У дедушки в погосте настоящий потолок. Перед каждым праздником его моют!

Олеся тихонько, чтобы не разбудить бабушку, приподнялся на локтях и посмотрел, проснулась ли его сестренка Эчай. А та уже всю смотрела на него и моргнула ему левым глазом. Олеся быстро юркнул в меха под бок к сестре, только мелькнули шерстяные чулки с подшитыми пятками. Дети укрылись с головой оленьим одеялом и начали шептаться.

Прошел год и еще осень и зима, как бабушка Настай увезла их из дома. Там, в лопарском погосте, остались дедушка Мыхкал, их уличные дружки и дедушкина изба, такая теплая, как у русских.

Однажды, в один из весенних дней, когда солнце стояло на небе день и ночь, когда каждого человека тянет неведомо куда, бабушка Настай решила уехать из погоста, где жил ее брат дедушка Мыхкал и где прошла ее молодость, на родимые озера Акгаврушки.

Бабушка Настай была больным человеком; пугливостью или мирячливостью называлась ее болезнь. Резкий стук, удар, хлопок по спине выводили ее из себя. От неожиданности она падала замертво или хватала, что попадало под руки, и запуги-

вала им в обидчика. Она, бывало, лечила людей ей одной известными средствами, а теперь, когда к ним в селение приехала фельдшерница, над старушкой с ее припарками из заячьего меха посмеивались. А эти взрывы, что дробили породу, пробивая ложе новой реки! «От них индо жить больно», — говаривала бабушка. А эти машины и шум и лязг тракторов! Одни машины уходят, другие, смотри, опять ползут. И что обиднее всего: брат ее Мыхкал, даже не спросив ее согласия, записал внуков Эчай и Олеся в школу.

Самое лучшее было бежать из этого поселка, от этого шума, гама, грохота, от громких взрывов.

Реки и озера уже вскрылись. Для ловли рыбы настала самая пора. Кстати, и дед Мыхкал уехал в Мурманск. Дети уже затосковали по воле, весной им уже прискучило ходить в школу... И бабушка легко уговорила их уехать с нею на озера. Быстро собрались и укатили все трое на свои любимые Акгаврушки.

Бабушку Настай не остановило даже и то, что еще не окончились занятия. На грамоту она смотрела по-своему: грамотный человек — невеселый человек... Грамота лопарю во вред — вот как считала бабушка Настай. Поэтому она с легким сердцем увезла детей на озера, в свою вежущку — «во пустыню». Она уехала «насовсем».

Здесь дети станут настоящими оленеводами и рыбаками. В том, что лопарская жизнь — самая лучшая жизнь, она не сомневалась. Железные дороги, телеграф, самолеты, электричество — все это было не для нее. Взрывать, землю рыть, три-четыре дома на доме строить и по морю печку возить да дым пускать — об этом лучше в сказках сказывать. Такая уж она была, бабушка Настай.

Укрывшись оленьими мехами с головою, Эчай и Олеся шептались о том, как хорошо было бы жить опять в погосте. Наступила осень, и их опять потянуло домой. А бабушка даже слышать не хочет о возвращении домой, к дедушке Мыхкалу. Об учительнице и не заикайся.

«Одни, даже без бабушки, одни поедем домой» — так сказали они себе.

Они знали, что бабушка уже решила: не сегодня-завтра перебраться на остров до конца осени, там ловятся самые вкусные, самые красивые рыбы — голец и палья*. Рыба идет, надо спешить! Вот только Кархо не является! И где пропадает этот человек? Он всегда так: когда в нем нужда, его не дождешься.

Голоц, сиг и другие рыбы заходят из моря в пресные воды и поднимаются вверх к истокам рек, где мечут икру.

И бабушка брюзжала целые дни.

— Хороший улов начался, что ни день, то лучше, надо перебираться, надо не опоздать, детки, рыбачить надо, а то рыба уйдет вверх по реке. Упустим рыбу — голодные будем! А Кархо нету. У него только думки, что тетя Аньке да медведи.

Так говаривала бабушка, особенно от нечего делать, когда еще ни свет, ни заря.

Бабушка пошевелилась — ребята примолкли. Потом Эчай сказала тихонько:

— Бабушка с Кархо уедут на остров чинить вежу. Они поедут в новой лодке, а мы сядем в старую и уплывем домой. Сами, без бабушки. И запасов возьмем: я пойду на свою речку, принесу своих кумж десять штук! А этих поджарь.

У Олесья от предвкушения аппетитной жареной рыбы даже слюнки потекли.

Тут бабушка заворочалась и быстро встала:

— Беги, внучек, неси весла. Едем! — сказала она.

Бывает, бабушка скажет, можно и не сразу послушаться. Но сегодня она сказала строго. Олесья вскочил, вылез из мехового одеяла, поскреб голову, почесал под мышками и побежал за веслами. Сетки уже лежали на дне лодки, бабушка вычерпывала воду.

Олесья вложил в уключины свои ребячьи весла, сел и приготовился. Бабушка ударом весла направила лодку на правильный путь. Внук нажал на весла, тронулись. Невелика сила у Олесья, а все-таки как нажмет-нажмет он на весла, так и зажурчат пузырьки под носом у лодки. Олесья этим гордился и греб со рвением, а бабушка помогала ему одним веслом.

На воздухе было свежо. Говорить не хотелось: клонило ко сну. И оба они, и бабушка и внук, зевали во весь рот да еще и приговаривали: «О-а-ой».

Олесья даже не спросил у бабушки, куда они едут и почему так рано поднялись. Об этом он узнал потом, когда солнце поднялось высоко и бабушка перестала зевать.

К полудню они были уже на бабушкином острове. Он так и назывался Аккасуоло на Аккяврушках — Бабушкин остров на Бабушкиных озерах. Тут на взгорье, на высоком пне, высился амбарчик, а рядом еще стояла развалюшка старой бабушкиной вежи. Перед входом горел костер, возле него на чурке сидел высокий человек в черной широкой рубахе. Здесь же чернела груда вещей: свертки сшитой бересты, мешки с летней одеждой, сухарями и много разного добра для летнего обихода. На костре кипел котелок с мясом, чайник сердито брызгался кипятком.

Этот человек был хозяином большого стада оленей, которое паслось на том берегу озера, за горушкой.

Бабушка несмело подошла к костру. Она-таки немножко побаивалась этих богатых и сильных людей в черных рубахах. Поздоровавшись, она присела у костра. Не первый раз этот мужчина в определенные дни приезжает к бабушке на остров.

Он молча достал из короба немного вина, угостил бабушку, и беседа их слово за слово понемногу развязалась. Мужчина позвал кого-то громким голосом.

Появилась рослая, красивая и нарядно одетая женщина с большим лукошком, полным черники, — жена оленевода. Она ласково спросила:

— Олесья, пошто в школу не пошел?

Олесью стало стыдно, но он ничего не ответил.

Знакомые бабушки угощались вином, натянута шутили, поддразнивали Олесья. Потом гости перенесли в амбарчик все, что привезли. Взяли оттуда зимние вещи, сложили их в новую бабушкину лодку и стали прощаться, обещая вернуться еще до снега. Бабушка их проводила и пригнала лодку обратно. Кроме денег, они оставили немного вареного мяса и сухарей...

Не понравились эти люди Олесью, он сидел насупленный. Даже мясо казалось ему невкусным.

До самого вечера бабушка Настай и Олесья рыбачили на озере. Улов выдался неплохой. Бабушка была довольна, впрочем, она всегда была всем довольна.

Домой они возвращались уже в темноте. Грести было тяжело, и Олесья очень устал.

Но вот наконец показался теплый огонек. Это Эчай, услышав стук уключин и плеск весел, открыла двери вежи настезь, чтобы бабушке и Олесью был виден берег, их дом, их родной очаг.

Эчай

К приезду бабушки и брата Эчай вскипятила чайник, согрела котел воды для свежей рыбы. Она уже накрывала берестовой скатертью маленький столик на крошечных ножках, когда в вежу ввалился Кархо. Гостя надо подобающим образом встретить, и Эчай надела на голову большой платок, вынула из посудницы чашки и блюдца, сахар и солонку, протерла их полотенцем и тогда уже налила гостю чай. Подавая чашку, она чуть поклонилась ему и сказала:

- Югг — пей, гость. Назвать его по имени и отчеству, как полагалось, Эчай не решилась. Затем она поправила у висков платок и смирилась. Кархо пил чай, он знал, что бабушка сейчас подъедет. Еще по дороге в вежу он разглядел на озере лодку и в ней бабушку с внуком.

В голубых глазах Эчай, таких ребячливо озабоченных, светились ум и достоинство гостеприимной хозяйки — внучки бабушки Шурнастай, известной всему свету Большой Настасьи ростом не больше чем ее десятилетняя внучка.

Эчай была очень степенной и рассудительной. И по походке, и во всех повадках она очень походила на бабушку. Среди девочек погоста Эчай уже славилась как отличная рукодельница. Она сама управлялась по дому: мыла доски пола, шила и чинила одежду свою и братишки, чистила сети. Она умела вышивать бисером разные вещицы: подушечки для иголок, чехлики для наперстков и ножей и даже пояса. А кроила и шила туфли из оленьего меха она так хорошо, что даже бабушка слушалась ее советов, когда они вдвоем принимались за работу. Готовый товар они сдавали в кооперативную лавочку, и тут уж бабушке предоставлялось последнее слово.

Порою Эчай очень хотелось поиграть в куклы. Их у нее хватало, все они были тряпичные, в платочках и даже в шляпках, как у девушек в Мурманске. Однако времени для забав не оставалось: с утра до вечера Эчай занималась делом, а в свободную минуту сучила на щеке нитки из сухожилий оленя, те самые нитки, которыми шили туфли. Она только спала со своими куклами. У каждой было свое имя: самая большая — Катрин приходилась мамой Зойке и Ксандре, а Шалютка — та всегда проказила. Недаром у нее ни одного волоса на голове не осталось: так строго ее наказывала Эчай. Был среди них и маленький Васко, сыночек большой Тарьи. Остальные куклы спали в амбарчике у бабушки на острове.

Но больше всего Эчай любила читать. В коробе, где лежали ее швейные принадлежности, хранились странички старого, затрепанного календаря. Когда становилось уж очень скучно, она доставала книжку, смотрела на картинки и читала все подряд, чтобы не забыть грамоту. Даже Олеся она учила читать.

Кархо напился чаю, встал и ушел. Ночью-то, в темноту... Такой уж человек этот Кархо, его не поймешь!

Когда бабушка и Олеся вернулись, попили чаю, поужинали и еще раз напильсь чаю, Эчай, уже укладываясь спать, сказала бабушке, что вот Кархо был и ушел.

Бабушка на это сказала:

- Нью?!

Что это означало, трудно сказать.

Житье-бытье

Жизнь шла своим чередом, неторопливо, однообразно. Каждое утро, по вечерам, в сумерки бабушка уезжала на озеро к острову. Она ставила сети в устьях ручьев, в заводях и на ходовых местах рыбы. Бабушка возвращалась с уловом. Внуки выбегали навстречу и на дне лодки находили большеротых шук, зубастых окуней, серебристых сигов, гольцов и палий с их оранжевым брюхом и красивыми белыми плавниками. Мелкую рыбу бабушка бросала в котел, остальную круто солила впрок на зиму и для кооператива.

По праздникам она пекла колобки, а на вертелех жарила отборных самых жирных гольцов. Бывало, наезжали гости. Они заворачивали по пути во время бесконечных блужданий по тундре. Надо же усталому путнику отдохнуть, чаю попить, переночевать под крышей, узнать, где чьи олени бродят, что об этом сказывал черный Кархо.

Это были веселые дни! Гости появлялись все больше по вечерам. Дети забирались в подушки за бабушкиной спиной и оттуда горящими глазами следили за всем происходящим. В эти дни и огонь-то в веже пылал ярче, и мясо варилось в изобилии. Хлеба доставалось каждому по целой краюхе, не говоря уже о кусочках сахара. Бабушка сначала подавала гостям чай. Когда каждый выпивал по пять-шесть чашек, а то и больше, бабушка подавала рыбу, а потом уже угощала вареным мясом, что привозили гости. После этого опять пили чай и пили уже до бесконечности, пот лился ручьями, это было хорошо! Бывало, бабушка велит Эчай потчевать гостей, а сама принималась заниматься их беседой. Те пили чай и удивлялись, какая Эчай хорошая хозяйка. Очень хорошая... От этих похвал Эчай чувствовала себя совсем взрослой.

Бабушка любила гостей. Родичей она угощала своим мурчаем — напитком из древесных губок*, хлебными лепешками, а ко всему прочему еще и гольцовой икрой. Потом она садилась у очага, брала вязанье и умело заводила беседу. Новостей всегда было много: кто умер, где кто родился, у кого случилась пропажа, кто что нашел или видел, почему старухи бранились, а мужья их мирились. А что снилось в прошлую пятницу кривой старушке Устьянке? А самой старой бабушке на всем белом свете — Сахарихе? Это было очень важно! И кто что сказал и что ему ответили? Что из этого вышло? Все это надо было бабушке Настай знать обязательно.

Когда все бывало переговорено и беседа иссякала, старушка принималась рассказывать старину. Бывало, сказывала и о водяном и о птичьем боге — трехпалом, с головой, повернутой назад, жестоком и злом. Но больше любила она потешить гостей сказками. Она знала их уйму. Гости, хотя и усталые после блужданий по тундре, охотно слушали ее. Когда же бабушка замечала, что и гости, и дети уже утомились от ее рассказней, она смешила их забавной побасенкой. Над шутками ее все хотали до упаду. Потом она начинали по-русски (чтоб скорей заснули) рассказывать русскую сказку о том, как добрый молодец в одну ночь построил Стекльдом — стеклянный дворец. Больше всех Олесь любил именно эту сказку. Он с нетерпением ждал минуты, когда Иван Коровий Сын взберется на крышу дома, который для него построили невидимки, за одну ночь сразу! Теперь он будет сидеть на крыше и постукивать серебряным молоточком по гвоздям с золотыми шляпками. Взрослые под русский говор бабушки скоро засыпали. Она укрывала их шкурами, такими же дырявыми, как и вся ее вежа. После этого она спокойно ложилась спать. Очаг угасал сам. Под кровлю вежи входил холод, но спать под мехами было тепло.

Гул взрывов, доносившийся издалека, уже не мешал бабушке.

К мамке хочу

Наконец пришел Кархо. Напив и накормив его, бабушка не стала слушать рассказов о медведице Михаиле Ивановне и о тете вдовице Аньке. Она сказала:

— Садись на весла в новый карбас, надо ехать на остров, надо починить там вежу.

И еще много разных «надо». Отвезти бочку соленой рыбы на остров. И надо уже переправлять понемногу домашний скарб туда же, поближе к зимней веже.

* Наросты, встречающиеся на берегах.

Кархо выслушал все. Он согласился отремонтировать вежу на острове, но от других бабушкиных затей пока отказался. Бабушка так спешила, что даже не успела накормить детей.

Уехали. И сразу стало пусто, тоскливо и в веже, и у воды на бережке, и около старого карбаса.

Тогда Эчай голосом, каким бабушка наказывала Кархо грузить разную поклажу, сказала:

— Давай носи наши вещи, едем, скорее, скорее, едем!

— А птицы? Возьмем птиц? Он принес новых?

— Не надо птиц, скорее, скорее!

А Олесю стало скучно без птиц, без бабушки, скучно без Кархо. Сегодня он принес и синих, и красных, повесил их над очагом, на место старых, закоптелых. Кархо так интересно рассказывал про Михаилу Ивановну и ее внуках-медвежатах.

И Олесь заплакал:

— К мамке хочу!.. Муна йенна! Муна отче! Моя мама, мой тятенька! К бабушке хочу! Пойдем лучше в домик Кархо, он звал, у него хорошо, у него тепло и книжки с картинками есть. Хочу картинки смотреть!

Слезы лились по щекам мальчика...

— К мамке хочу... к бабушке хочу, я есть хочу...

Эчай, увидев, что Олесь плачет, сама чуть не расплакалась, так ей стало тоскливо. Ей тоже хотелось есть...

— Ладно,— сказала она,— сначала поедем, а потом поедем.

Но они никуда не поехали. Так и остались жить с бабушкой, словно и не собирались бежать домой, к дедушке Мыхкалу.

К вечеру вернулись бабушка и Кархо. Он опять всю дорогу говорил о вдовице Аньке и о медведях или молчал.

Бабушка велела ему приходить завтра пораньше: надо переехать ей на остров жить, красную рыбу ловить...

Но Кархо сказал:

— Нельзя, Михаила Ивановна ждет с детками, надо ей корму подкинуть, обязательно надо...— Он обещал прийти в тот день, когда стадо пригонят.

Потом вернулся и сказал:

— Я партизан, я старый электромонтер... Я сделал твой домик как новый... И ушел.

Хитрый человек! Откуда и что он знает про стадо и что за стадо такое? — удивилась бабушка Настай. Кархо, одинокий охотник, бродил по тундре, встречался с людьми, знал все новости, особенно касающиеся оленей.

И опять Кархо исчез, словно провалился сквозь землю. Опять бабушка прожужжала внукам все уши своими докучными речами.

А время шло... Взрывы глухо доносились до бабушкиной вежи.

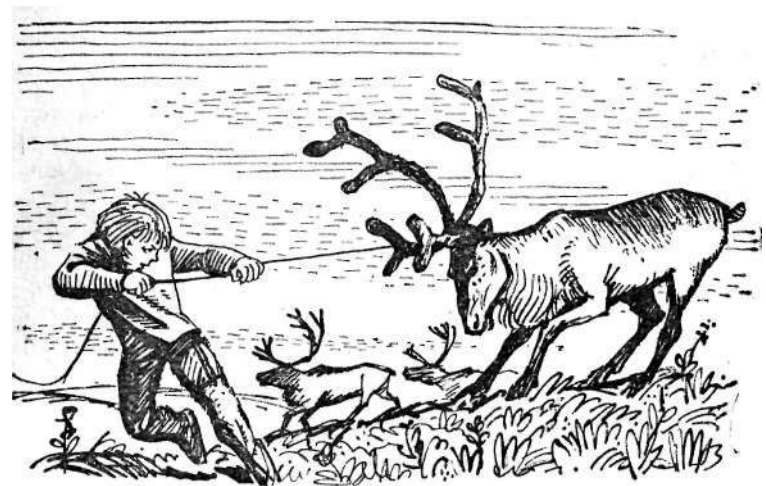
Гости

Однажды Эчай и Олесь ходили по ягоды. Набрали они полные берестяные туясы и повернули обратно. Им оставалось перевалить последнюю гору — и они дома. Всякий раз, возвращаясь домой, Эчай и Олесь любили смотреть сверху на свою старую вежу. Вот она на пригорке, над речкой, стоит, а поближе к лесочку, налево, амбарчик на высоком пне, чтоб мыши не забрались, не грызли одежду и сухари. Ближе к бережку овчарня. Теперь она пустая, даже овец у бабушки нет; у самой воды вешала, на них сохнут сети. У берега две лодки. И весла тут же. Из вежи идет дым,— значит, бабушка дома, поджидает их с ягодами. Какое хорошее, красивое местечко выбрала бабушка для жилья! Тут не скучно жить.

Вежа стояла на берегу речки. Студеная вода так прозрачна, что каждый камушек видно. А речка Восенга! Взойди на крутой ее бережок да посмотри-ка вниз на воду: вверх по реке парами поднимаются лососи — «серебристые бока, сизая спинка». Блестит чешуя, а спинки-то синие-синие... Бежит река бурливая, торопится, кое-где низвергается водопадами. Все реки куда-то бегут, спешат, журчат, устремляются к морю-океану. Там, где речка впадала в озеро, вода темнела, и все-таки она была прозрачна. Дно озера видно как на ладони.

Глянул Олесь левее лесочка и воскликнул: «Приехали!» Там в удобной ложбинке стоял высокий белый чум. А вокруг широко расползлось огромное стадо оленей. К стаду кто-то подъезжал. Эчай сразу узнала: это дедушка Мыхкал, а за ним, за его спиной, тетя Аньке.

Эчай побежала домой к бабушке предупредить ее, а Олесь решил пойти к стаду. Дед ласково потер его нос своим носом, поласкал по-лопарски щека об щеку, а потом по-русски поцеловал и отпустил баловаться с оленями. Олесь смотрел на деда и не узнавал. Он был не в старом-престаром пещке, а в пышной повой малице. Стояла еще только осень, а дед почему-то нарядился в теплый мех.. Но самое главное, он словно вырос и стал выше ростом. И держался как-то прямее. Пастухи называли его бригадиром; видно было, что деду это по душе. Он распоряжался спокойно и очень важно, и все его слушались. Олесю это очень нравилось. Он ходил за дедом по пятам. Потом они вместе отправились в чум. Ну-у, как же тут хорошо было в этом чуме! Не меньше тридцати шести шестов сходились в один пук в его макушке, а внизу-то было просторно, как в избе. Покрышка чума оказалась белой и толстой. «Настоящий брезент», — сказал дедушка и велел внуку пощупать пальцем, чтобы знал Олесь, что такое брезент. Это тебе не то что дырявая станушка деда из ветхих мешков. Под таким брезентом никакой дождь не промочит!

Тетя Аньке тоже приласкала сироту, дала ему краюшку хлеба и кусочек сахара. Олесь побежал к оленям. Тут к нему привязался маленький олененок. Он совал свою мордочку в карман мальчика, чуя хлебный запах. Олесь дал ему ломтик, а сам на одной ноге поскакал в гущу стада, где пастухи занимались пересчетом оленей.

Словно ртуть, переливалась живая масса животных из одного конца луговины в другой. Один за другим мелькали олени перед глазами пастухов. Люди хорошо знали свое стадо и сразу отмечали недостающих. Олени-самцы, лихо закинув рога на спину, стремительно проносились мимо. Оленята суетились, хрюкая, как поросята: они искали своих матерей. Встретившиеся важеньки * звали свое потомство. И только старые, матерые олени не торопясь проходили мимо пастухов. Олесь узнавал многих оленей, все они принадлежали разным хозяевам. Раньше они ходили разрозненно, отдельными стайками, а теперь почему-то собраны в одно большущее стадо. Что случилось? И почему и дед, и пастухи все те же, а все-таки чем-то совсем другие. И в прошлом году люди считали оленей у бабушкиной вежи, сюда приезжали все соседи, они разделяли собранное стадо и разбирали оленей по рукам, каждый хозяин отбирал себе своих оленей. А теперь приехали только пастухи, они считали оленей сообща и советовались с дедом, а дед-то был какой важный!

Наконец Олесю надоело просто так смотреть. Он взял имальницу** и принялся сам ловить оленей. Он бросал имальницу на телят и ловил их. Если же какой-нибудь строптивец не подда-

* Важенька — самка оленя.

** Имальница — аркан для ловли оленей.

вался, убежал, Олесь гнался за ним, быстро-быстро перебирая аркан ручонками, пока не добирался наконец до рожков упряма. Это было очень весело. Все пастухи, и тетя Аньке, и дед Мыхкал смеялись и радовались, что так ловко Олесь управлялся с годовичками. Они говорили: «Дайте срок, вырастет Олесь — быть ему знатным оленеводом».

И вдруг знатный оленевод промахнулся. Его имальница попала на рога самца. Это был молодой ветвисторогий хирвас *, очень сильный и своенравный олень. Он не терпел аркана. Взметнув рога, олень стремглав понесся по кругу. Олесь в испуге вцепился в имальницу. Олень тащил мальчика за собой. Тот кувыркался, падая, опять поднимался на ноги, но бежал за оленем, не выпуская аркана. Упрямство мальчика вызвало восторг пастухов. Наконец Олесь изловчился, натянул имальницу через колено и, казалось, задержал хирваса. Олень прыгнул в сторону, аркан зацепился за камень и натянулся, готовый лопнуть! Олесь, злой как чертенок, побежал к оленю. Это было опасно. Дед, позабыв всю свою важность, бросился к оленю и освободил его. Старик был доволен внуком, он поднял его на руки и чмокнул прямо в нос.

Все окружили героя и деда, восклицая:

— Ай да Олесь! Вот Олесь-парнай! Вот настоящий пастух!

О том, как он боялся, Олесь, конечно, никому не сказал. Он чувствовал себя настоящим мужчиной, большим пастухом.

Дедушка Мыхкал вытащил из кармана кусочек какого-то твердого масла с дырочками и подал Олесю отведать. Масло пахло очень вкусно, а еще вкуснее оно было на язык.

— Хорошо ли? — спросил дед.

— Вкусно, читта-макш, аяа, очень уж вкусно, дедушка, — ответил Олесь.

— Ну молчи знай, это я бабке твоей подарок привез!

Олесь кивнул головой. Ладно, дескать, я уж молчу.

Тетя Аньке накормила Олеся вареной олениной, потом он свалился и заснул богатырским сном.

После полудня дедушка взвалил сонного внука на закорки, тетя Аньке прихватила добрую половину оленьей туши, и они со всеми пастухами отправились к бабушке в гости.

Ссора

Бабушка Настай и Эчай встретили гостей в своих лучших платьях. Они усадили их на дощатый пол вежи, устланный свежими березовыми веточками, за столик, накрытый берестовой скатертью. На ней Олесь вырезал олешков. Дед Мыхкал сел на почетное место справа от маленького окошечка, против входных

* Хирвас — молодой самец.

дверей. Мясо положили в котел, а пока оно варилось, бабушка принялась угощать гостей своим мурчаем — наваром из древесной губки, ягодами, гольцовой икрой, до которой все были охотники. Потом появилась на столике жареная рыба. Хлеба у бабушки не было, гости вынули свой. От запаха подогретых краях Олесь проснулся. Он сел рядом с дедушкой.

Откуда ни возьмись появился маленький бочонок браги и даже нарядная бутылка сладкого вина.

— Ром! — сказал дедушка и причмокнул языком.

Первые чарки оживили беседу. Пришел Кархо. Он сидел себе на своем месте, ласково поглядывая на тетю Аньке, и улыбался про себя.

Гости степенно рассказывали новости. Когда говорил дедушка, все умолкали. Когда говорила бабушка Настай, замолкал и дед Мыхкал. Он слушал ее с почтением. Олесь опять удивился: в бабушкиной веже вся важность деда пропала, опять это был очень веселый и крикливый старичок. Он даже вскакивал с места, когда горячился, но пастухи, подвыпив, стали вступать с ним в спор.

А новости были необычайные!

Рыбацкая бригада вышла в море не на утлых лодочках, а на моторных ботах с неводами. Эти боты дали колхозу в аренду. Уловы оказались столь велики, что артель в ту же осень сразу выкупила и боты с неводами, и шесть коров купила, и обновила весь инвентарь бригады оленеводов. Пастухи показывали свои новые малицы и пимы, хвалили свой брезентовый чум.

Но и это не все! Плотины на большой реке заканчивают, очищают долину, рубят и вывозят лес. Со дня на день пустят воду. Море будет в том месте, где падун: вода от плотины пойдет вверх, совсем его закроет. Мыслимо ли!

Но и это не все. Из Мурманска приезжал сам «Бородатый Кайлес» *, он подписал бумагу, чтобы нам лесу отпустили, чтобы построили нам дома. Летом в погост пришли плотники. Они перевезли все домики лопарей и старые бараки на новое место, на гору. Они построили новый дом, лучше и просторнее! Весь домашний скарб сложили на машины и... раз-раз туда же, на гору. Бабушка побледнела и потупила глаза. Теперь дома лопарей всеми окнами смотрят с горки прямо на электростанцию, вниз, на городок. По решению всех колхозников к домику Деда Мыхкала пристроили «малу хижу» для бабушки Настай с внуками.

Старушка съежилась, под фартуком даже руки сжала.

Но и это не все! Тетя Аньке весело рассказала, как в новые избушки бутылочки повесили. Бутылочки с потолка свешива-

* «Бородатый Кайлес» — уполномоченный Комитета Севера — К. Алымов.

ются, а в них колечки горят, так ярко сияют, что «запри» глаза, а свет через веки проходит. В избах светло, как в сказке про Стеклодом. А кооператив-то! Теперь там настоящий магазин, лавочки нету, магазин стоит, туфли вовсе не берут.

— Охти мне!

— Ничего, в город свезем! — утешила бабушку Аньке.

Но и это не все! Плотники построили теплый скотный двор, и теперь все шесть коров стоят в стойлах. Финика Марье и тетушка Ксандра — доярки. Молоко идет детям, обещают летом давать и взрослым.

— Ох! — вздохнула бабушка.

Теперь она слушала молча и неодобрительно. Она знала, чьи это проказы все эти чудеса! Ясно, дело не чисто. Мыслимо ли, весь погост с домами, амбарами и людьми на гору кинули. От веков погост стоял на месте нерушимо! А тут накося. И за какие это дела такое богатство привалило? И малицы новые, и дома новые, и катеры, и боты, и коровы, и молоко старикам!

Во всем этом изобилии, свалившемся сразу и невесть откуда, бабушка Настай усматривала проделки нечистого. В ее сознании не укладывалось, что все добыто лопарями трудами рук своих, своим потом.

Ну, с молоком она согласна: раз тетка Марье доит коров, то это ее труд, но опять же коровье молоко лопарю не впрок. Лопарю полезно только оленье молоко. Так от веку положено: саами дан олень, русскому — корова. И в сказке говорится: Иван Коровий Сын, ему и дом стеклянный строили... Однако же не сам он строил, невидимки ему дом построили. Тут бабушка Настай щурила глаза и с чувством уверенности в своей правоте смотрела на собеседника: «Ну-ка, что скажешь?»

Старый Мыхкал не возражал на эти доводы сестры, она была много старше его. Знал, что это бесполезно.

Опустив голову и потупившись, бабушка сидела ни жива ни мертва, лишь изредка поднимались ее серые глазки, всегда такие ласковые и добрые, а теперь испуганные и настороженные. Старик же, не обращая внимания па состояние своей сестры, начал уговаривать ее вернуться домой, в погост, отдать детей в школу, а самой жить в тепле и при хлебе, на малой работе.

При слове «хлеб» Олесь проглотил слюну.

Взрослые дружно начали просить бабушку вернуться к людям.

Звали они и Кархо, но тот молча помахивал головой и загадочно улыбался. Он снова ласково взглянул тете Аньке в глаза. Бабушка отказывалась:

— Как я, старая, со сиротами хлеб-от буду есть и молоко пить, а не знаю, чем зарабатую их? — ответила она и посмотрела брату прямо в глаза.

Олесь опять глотнул слюну. Он хотел было сказать: «Бабушка, поедем!» — но бабушка строга. Она хотела точно знать, за какую именно работу ей будут давать хлеб, а детям молоко. Она хотела, чтобы внуки знали свой хлеб. Ее старому многоопытному разуму что-то казалось во всем этом благополучии загадочным и подозрительным. Она еще помнила времена, когда приезжие купцы торговали спиртом.

— Как я буду трудиться и на себя, и на детей? — спрашивала она.

На это дедушка Мыхкал не знал что ответить, а соврать боялся: кто его знает, какими малыми работами будет заниматься колхоз.

Кто-то сказал, что старому человеку будет помощь от колхоза, от всего общества. От общества это можно, это по старине. Но ее гордость бедняка не допускала мысли, что она появится на улицах погоста во всем своем убожестве. Каково-то ей будет среди сытых и одетых так хорошо, как Мыхкал-брат, племянница Аньке и пастухи? И она твердила свое:

— Своим потом буду жить, своим...

За свой пот, за свои туфли она хотела получать свою норму хлеба. И она протянула маленькие жилистые руки, сказав:

— Вот мои руки, ты хочешь положить в них хлеб от людей, а я хочу держать свою корку хлеба. А людям вот... — И она сидя поклонилась всем в землю. — Люди не забывают меня, спасибо им, — сказала она, еще раз поклонившись.

Теперь старик понял: дальше будет ссора. А все-таки надо же было сказать, что теперь, когда олени всех хозяев собраны в одно стадо, люди не будут ходить в тундру, у нее в веже не будет собираться частые гости. И дед Мыхкал закончил так:

— Ну-ка, Настай, отведай-ка, старая, чего продают у нас в лавке. Нынче не старое время, отведай-ка. — И он полез за пазуху, вытащил комочек, обернутый в серую от времени тряпочку...

— Ну-ка, ну-ка отведай-ка, — повторил он, разворачивая кусок голландского сыра, и подмигнул Олесю. Бабушка прикусила, понюхала и вдруг с отвращением отбросила сыр от себя. Сыр, драгоценное угощение дедушки Мыхкала, покатился и шлепнулся в грязную лужу под умывальником!

Старик разозлился не на шутку. Обиженный, он вышел и позвал пастухов сердитым голосом. Неохотно, очень неохотно встала и Аньке, попрощалась с бабушкой и тоже ушла, так и не взглянув на Кархо.

А Кархо не пошел за ней. Он ничего ей не сказал, не удержал ее за руку с зеленым перстеньком на указательном пальце.

Олесь нашел сыр, отмыл его, дал попробовать Эчай, потом откусил сам, съел половину, остальное передал сестре.

Кархо ушел поздно ночью. Молча встал и ушел.

А бабушка долго еще сидела хмурая, больная.

На этот раз гости не ночевали у них в веже: в новом чуме было лучше. Дети завернулись в меховое одеяло — рову. Бабушка Настай долго вздыхала и беспокойно ворочалась рядом со внуками. Она думала свою думу. Остались Эчай с Олесем сиротами, и теперь она, Настай, ответственна за их судьбу. Вот пройдет еще несколько лет, Эчай вырастет и станет девушкой. Она будет завидной невестой, отличной мастерицей и хозяйкой. Ей-то найдется жених. По крайности, по бедности ее пусть будет вдовец. Она выдаст Эчай за лопаря, удачливого в промысле. Зять приведет в дом оленей... Будет олень — будет и достаток в доме, и счастье, а там подрастет Олесь! Олесь — добытчик, охотник, он будет добывать диких оленей, а домашние расплодятся. Они будут жить счастливо. Раз олени будут, то и счастье придет. В этом бабушка была твердо убеждена. А ей, старой, что еще нужно? Вовремя умереть по вере отцов и дедов.

Бабушка Настай о том не думала, что дикие олени давно уже перевелись, что нет их ни в горах, ни в тундре, ни на болотах — нигде.

Она плотнее натянула на голову свою самшурку * и скоро заснула.

Ошибка

На другой день Кархо пришел к бабушке. Она приветливо улыбнулась ему, когда он повесил под потолок двух новых птиц. Она сварила ему глухаря, что принес он с собой, угостила и жареной пальей, и даже гольцовой икрой. Сегодня он казался ей ближе: ведь он тоже не хотел уходить из лесов. И все же бабушка нервно, встревоженно поправляла свою самшурку и платок на голове. Разговаривая, она пошутила над его хмуростью и одиночеством. Кархо вдруг заговорил о себе, к чему-то помянул тетю Аньке. Глаза его сделались такими ласковыми, что Эчай подумала: «Он добрый». И ей захотелось вынуть из его бороды пучок зеленого мха, застрявшего в густых волосах. Однако протянуть руку к бороде не посмела.

А Кархо точно прорвало: он говорил, говорил, и все о себе, о том, как живет, как охотится на медведей и без страха ломает их. Ему хотелось сказать еще и другое, что вот живет-то он хорошо, а нет у него никого, никаких деток... Но слов не находилось, от волнения Кархо стал еще хуже говорить по-русски. Ему хотелось сказать: «Аньке тоже одна, и ты тоже одна, будем жить вместе, дай мне Аньку». Эти слова рвались из глуби-

ны души, но он никак не мог их произнести. И он продолжал твердить, что человек он не худой, охотник бывалый, а скучно ему, одинокому, скучно...

Бабушка поддакивала:

— Правда, правда, Кархо, скучно тебе, вижу, скучно тебе одному. То верно говоришь: хороший ты человек, да один ты, один... Ну како тут житье одному-то? Одному не житье, а тоска...

Кархо подвинулся ближе. Он не говорил уже, он ждал: бабушка сама скажет самое главное... Она всегда его понимала.

И наконец он сказал:

— Ты одна живешь, я один живу... Аньке детей твоих любит... Я твоих детей люблю, скучаю без них. Деток надо кормить, надо деток кормить. Будем там жить... И он показал в сторону своего дома...

Бабушка рассмеялась. Ей казалось смешным, что все ее к себе зовут. На что она, старая, сдалась им — и пастухам, и Мыхалу, и Аньке? И она, смеясь, кивнула в знак согласия головой.

Тут Кархо от радости сильно хлопнул бабушку по плечу и, не заметив, что творится с мирячливой старушкой, ткнув пальцем в грудь ее, а потом в грудь себе, воскликнул, хлопнув её еще раз по плечу:

— Ты хозяйка! Я хозяйка! Ты хозяйка, я хозяйка! «Он» позовем с нами жить!

Этим Кархо хотел сказать, чтобы бабушка попросила Аньке стать его женой, а бабушка поняла его так, что он сватается к ней, Настай, а Аньке они позовут жить к себе.

Что тут случилось!

Бабушка болезненно закричала и, схватив попавшуюся под руку чашку, запустила ею в Кархо.

От неожиданности тот вскочил, выпрямился во весь свой рост и... стукнулся головой и плечами о крышу вежи. Дряхлая кровля медленно поползла и осела. Кархо успел выскочить в Дверь, не забыв, однако, шапку и ружье, и убежал в лес.

А бабушка продолжала браниться. Потом упала навзничь и лежала так, бледная и неподвижная. Дети выбрались из вежи.

Прошел час, может быть, два. Бабушка встала на свои кривые ножки, подкинула дров в огонь, повесила чайник, заварила какой-то травки и напилась отвара. Она несколько раз вышла наружу, опять забиралась в вежу, осматривала крышу и все плевала в сторону, куда ушел Кархо. Потом сорвала с потолка всех Карховых птиц и бросила их в огонь. Когда птицы ярко запылали, она кликнула внучат. Вместе все втроем они подняли осевшую кровлю, залатали кое-как берестой и дерном Дырки и уселись вокруг огня пить чай. Оставленных Кархо

* Самшурка — национальный головной убор лопарских женщин.

глухарей бабушка с досады отбросила было в сторону, но потом вместе с Эчай ощипала их и положила в котел.

Где-то основательно гроыхнуло, земля дрогнула.

Бабушка перекрестилась.

Беда

Когда бабушка была молода, это она с дедушкой, с тем, что был ее мужем, построили вежу. Строили они по всем законам старины. Теперь в этой веже жили бабушка, Эчай и Олесь.

Построить вежу дело не мудреное, но надо знать как. И дед знал. Он крепко построил свой дом. Кархо, хоть и был очень сильным человеком, все же не мог свернуть остов дома. Он вывернул, леший его возьми, одну слегу * да кое-какие доски скovyрнул, вся береста и мох с левого склона сползли на землю.

Втроем — бабушка, Эчай и Олесь (он держал упор, чтобы слега не скользнула назад) — понатужились и вправили слегу. Ну а поправить доски, да бересту, да дернину уложить как должно — это было дело пустое. Берестовые пластины заменили новыми. Все дырки, все просветы в крыше — все было залатано. Стены заново обложили дерном. Теперь в веже хоть зимой.

На время ремонта вежи бабушка послала Олеся к ручью за горкой. Пусть он наловит хороших форелей.

Это было серьезное поручение. Олесь исполнил его с гордостью. Он принес целых четыре рыбины, которых сварили на ужин.

Бабушке полюбилась возня с домом. Утром она вдвоем с Эчай вымыла стены и все суповые доски потолка вежи. Эти доски потому так называют, что они находятся как раз над котлом. Черная и очень жирная сажа, словно мохом, нарастала на этих досках.

— Надо бы всю крышу перекрыть, — заботливо сказала бабушка, обнаружив, что доски уже подопрели.

Потом села на пенек, вздохнула и сказала:

— Ужо придет Кархо, он сделает! А мы-то что можем? К весне будет вежа как новая!

А дело обернулось совсем не так, как предполагала бабушка. Разве она могла знать, что Кархо уже разобрал свой дом до основания, разорил хлев для оленей **, свернул шею длинной

* Слега — одна из четырех опор, на которые кладут доски крыши.

** В самую жаркую летнюю пору, когда мошкара и комары особенно донимают, лопари строят для оленей особые убежища с дымокурами, где мох тлеет и дымит.

буржуйке с петушком на верхушке трубы и уехал с давно обжитого места.

Вечером бабушка забралась в свой «новый дом», позвала внуков. Они развели огонь и сварили трех кумж, добытых Олесем. Для праздника по случаю обновления дома каждому досталось по лишней лепешке (мука уже была на исходе). Дети поглядывали на потолок и жалели, что Карховы птицы не летают над очагом.

Ранним утром бабушка поехала на озеро. Была ясная, теплая погода. Солнышко пригревало землю последними лучами. Бабушка даже не надела свой рваный печок, а только положила его на дно лодки.

А в полдень набежала моряна. Разразилась страшная пурга. Сильный ветер навалил сугробы рыхлого снега. Им замело деревья и кусты, сгустило воду на озере. Буря бесновалась несколько часов. Даже взрывов не было слышно.

Лодки у берега не было. Пурга сорвала ее и угнала на озеро неведомо куда.

Буря промчалась, оставив на небе вздохмаченные облака, сырость в воздухе и тяжелый, мокрый снег на земле. Некоторое время стояла гнетущая тишина. Потом потянул теплый ветер с юга, появились желтые просветы вечерней зари, стали слышны взрывы. Снег начал быстро таять, зашумели, загудели ручьи.

За ночь снег весь сбежал, земля вновь оголилась, а бабушка не вернулась. Она не появилась и на второй и на третий день.

Дети остались одни.

...Взрывы слышались где-то на юге.

Одни

Через день Эчай и Олесь съели обед, приготовленный бабушкой: вареную рыбу и лубовые лепешки с мукой. Олесь сбежал на свое озерко, но рыба уже ушла вверх, и он принес всего одну. Попробовала Эчай сварить гольцов из бочки с зимними припасами. Рыба сварилась, но была такой горькой и соленой, что девочка и сама не смогла ее съесть, а Олесь и вовсе отказался. Он пошел на горку, собирал ягоды и все поглядывал на озеро: не покажется ли бабушкина лодка?

Как приготовить рыбу вкуснее, Эчай точно не знала. Вместе с Олесем она начала печь из оставшейся муки лепешки. Это было очень вкусно и отвлекло их от горя.

Муки осталось совсем мало. Эчай не стала больше печь лепешки. Она положила соленых гольцов в реку на быструю воду. Они отмокли и стали сладкими на вкус. На третий день эта пряная рыба уже не шла им в горло. Олесь просил сижков,

хлебных колобков, свежей рыбы. Он звал бабушку, а та не возвращалась. Он искал свою бабушку вдоль берегов озера. Эчай едва вернула его домой. Ночью под ровой они тесно прижались друг к другу. Но это было совсем не то! Бабушка умела делать так, что под ровой было но холодно, с нею крепко спалось. Когда бабушка была дома, она клала Олесья между собой и Эчай, было тепло. От его тепла им обоим тоже было тепло, умеи только хорошенечко укутать спину и заткнуть все дырки. Утром Олесь опять ушел к озеру. Он был уверен, что бабушка уже идет домой, что она где-то здесь, совсем близко. Потом он искал лодку. Он хотел ехать в этой лодке за бабушкой. Ведь умеет же он грести и работать веслами не хуже Эчай.

Два дня они вместе искали и бабушку, и лодку и не могли их найти.

Время шло. Мука кончилась. Эчай и Олесь ели только сухие, жесткие ломтики сушеных щук. Еще они пили мурчай и вареные ягоды — то морошку, то чернику, то бруснику, то голубику.

Как-то Олесь не захотел встать утром. Он звал к себе бабушку! Без нее в веже было и холодно, и пусто, даже страшно. Эчай плакала и не знала, что делать. Если бы у них была лодка, они поплыли бы домой, в погост, ходили бы там в школу. О том, что на пути к деду был волок, через который им, маленьким детям, не перебраться, об этом она не догадывалась. А теперь где искать дедушку? Где тетя Аньке? Где Кархо?

Эчай задумалась. Она ходила на пригорок, собирала ягоды, смотрела вдаль, все надеялась: вот-вот придет Кархо! Он все может. Уже все сроки прошли, пора бы ему появиться. Но Кархо как в воду канул.

Олесь сходил на свой ручей. Кумжи ушли вверх по течению, и он принес только одну рыбину.

— Больше рыбы не жди! — сказал он, совсем как взрослый рыбак.

На седьмой день у Эчай как-то само собой вырвалось:

— Олесь, пойдем! Рыба ушла вверх, и мы пойдем. Деда уехал. Кархо ушел. Учителка все знает, к ней и пойдем.

И они начали собираться в путь.

...Взрывы были слышны с правой стороны.

Исход

Эчай взяла с собой коробок спичек: у Кархо всегда бывали они. Девочка взяла и котелок варить пищу: у всех, кто к ним приходил, всегда был котелок. Еще она взяла иголки, нитки, свою швейную коробочку из сосновых кореньев — все, что могло

пригодиться в пути. Ей хотелось бы взять еще много вещей: и свою рову, и чашки, и миски, и ложки, и бабушкин хороший печок, и свой печок. Но у них не было лодки, а нести все это на себе невозможно. Эчай знала, что в дорогу нельзя набирать лишнего. Поэтому она взяла только несколько тушек сушеной щуки, а Олесь — свою большую ложку.

Эчай достала с самого дна бабушкиного короба ее замшевый пояс из красного сукна, тот, что был расшит бисером. Еще бабушка ее бабушки его вышивала! На поясе Эчай висел красивый нож, который достался бабушке от бабушки ее дедушки. А чехлик для него сшила и украсила бисером сама Эчай.

Олесь тоже нацепил на пояс нож, большой, отцовский нож, он давно был спрятан в амбарчике под бабушкиным коробом. «Надо взять еще топор», — решил Олесь. По всем карманам он распихал силки. Кроме того, он обмотал себя через плечо своей маленькой имальницей для ловли оленей. Оленей-то у них не было, но дедушка подарил ему эту имальницу еще в те дни, когда у них жил последний олень. Дед каждый год обещал, что скоро у них появится хоть один олень. А оленя все не было...

И вот они готовы в путь. Ножи на бедрах, при красных поясах. Каждый саами носит свой нож при себе, куда бы ни пошел. Олесь и Эчай были настоящими лопарскими детьми. Они не боялись долгого пути, не боялись тундры. У них был с собой настоящий топор. Эчай была одета в ватную кофточку, Олесь — в такую же курточку, салатанную сбоку. Оба были в шерстяных чулках и тобурках*.

И вот рано утром они вышли из дома по тропе, уводящей на юг. По этой тропе уходили и гости, и Кархо, и все, кто бывал в веже у бабушки Настай, на ее озерах Аккяврешках. Однако Эчай знала, где протекает их река, где их озера и где новостройка и школа, их родной погост. По крайней мере ей казалось, что все это она знает хорошо. Поэтому, обогнув озеро, они повернули на север, так, чтобы все время догонять голову своей тени в полдень. Надо идти все время вверх, на север, куда текут реки, к берегам океана, и тогда сама придет к ним их родимая река. А солнышко? Оно ведь не каждый день светит, и встает оно утром не там, где вчера, а садится вечером не там, где сядет завтра.

Эчай об этом знала мало, а Олесь и совсем еще ничего не понимал.

В этот день солнце им светило приветливо. Серебристая паутина стлалась по земле и по низеньким травам.

Взрывы были слышны и на юге, и на севере.

Тобурки — непромокаемая лопарская обувь; голяшки из замши, и из тюленьей кожи, пропитанной смолой.

В пути

Уже четвертые сутки Эчай и Олесь в пути. Если бы у них была лодка! Они бы сели в нее, и течение вынесло бы их к людям! А теперь они должны идти пешком все прямо и прямо по тени и так, чтобы речка была у них с левой руки. Тяжелая поклажа висела у них на плечах, на спине, оттягивала им руки.

И они брели через леса и болота, через голые скалы, минуя горы, через речки, обходя пустые, безрыбные озера, на которых не было даже признаков поселений. Озер было много. С высоких гор дети видели их. Как блестели они! Точно большие рыбы с блестящей чешуей, разбросал их кто-то.

Эчай уже потеряла надежду выйти к людям. Ей было ясно: они сбились с пути. Иначе они давно пришли бы на большое озеро, где жили дедушка Мыхкал и Аньке.

Иногда до них доносились далекие взрывы. Они шли на них. Но потом взрывы слышались с другой стороны. Эчай и Олесь меняли направление, шли и на эти взрывы. Но людей, дыма людского жилья не было. Оставалась надежда на счастливый случай—как-нибудь наткнуться на озеро, где еще живут люди. Но тундра была пуста. Эчай и Олесь не знали, что летом дедушка Мыхкал ездил в Мурманск вместе с председателем колхоза и получил на весь погост четыре моторных бота. Все саами отправились в море на лов трески. Ни одна семья не осталась на озерах.

Олесь ослабел от долгого пути. Он давно уже кинул топор, растерял свои силки, выбросил имальницу, не надеясь встретить оленей: они не видели ни одного, даже захудалого. Олесь был еще слишком мал для этого трудного пути без троп, прямо по кочкам, по мхам. Он скоро уставал, хныкал и просился домой, к бабушке. Он уверял Эчай, что бабушка уже вернулась в вежу, варит уху, ждет их к себе под теплую рову. Эчай не знала, как утешить брата, она не осмеливалась признаться, что давно уже не знает дороги домой.

Эчай собирала ягоды и отдавала их Олесю, себе же оставляла самую малость. Изредка в маленьках речках удавалось поймать рыбу. Тогда они разводили костер, варили добычу и были сыты один-два дня. Это придавало им силы. Но некоторые рыбины были так велики, что Эчай не могла удержать их, даже поймав. Рыбы били хвостом, выскальзывали из рук и, плеснув водой, скрывались в глубине. Приходилось строить плотину. Бывало, на поимку одной рыбины уходил весь день. Эчай не упускала ни одной речки, ни одной ямки, где можно было поживиться. Рыбная ловля сильно задерживала их в пути. Но надо же было добывать пищу, как-то кормиться. Они настолько втянулись в эту охоту за рыбой, что даже забывали порой о необходимости идти все вперед и вперед.

Купание

Однажды Эчай поймала очень большую форель. Она успела схватить ее за жабры, но рыба билась изо всех сил. Вдруг она хвостом резко ударила Эчай по плечу. Девочка метнула рыбу на берег, а сама не устояла на ногах и упала прямо в воду, в самую глубину ямки. Ох, испугалась же она! Промокшая до нитки, Эчай дрожала от холода, зуб на зуб не попадал. Однако вымокнуть — это еще не велика беда, если можно развести костер, обогреться и обсушиться.

Скорее к стоянке. Вскоре запылал двойной костер: с одной стороны огонь поменьше, с другой побольше. Эчай встала посередине. Не прошло и часа, как она опять оделась в сухое и теплое платье.

Но каково же было отчаяние Эчай, когда она вынула из кармана последний коробок спичек, весь размокший и развалившийся: бумажка отклеилась, деревянная пластинка выпала вместе со спичками. Они перепачкались в зелень головок. Чиркать было бесполезно.

Вот это было горе! Однако Эчай скоро нашла выход. Надо сохранить огонь! Высыпала соль в мешочек из горшка, а в него положила красных углей и две тлеющие головешечки, сюда же она ткнула несколько кусочков бабушкиного «чая»(трута). Пусть сохнет, а может быть, и тлеть будет.

Так и отправились они в путь с горячим горшком в руках. Сизый дымок вился за ними, а запах-то смолистый, живой, можжевеловый. Это было хорошо: ни волк, ни росомаха не посмеют подобраться к ним сзади, потому что дым относил за их спины.

Это было первое приключение из тех, что ждали их впереди.

Мохнатая кочка

По вечерам как-то сама собой находилась для ночлега хорошая развесистая елка, или расколовшийся надвое валун, или сухая осыпь земли под корнями деревьев, где-нибудь в обрыве над речкой, на склоне горы. Здесь они разводили костер. Эчай варила рыбу, если день был удачным. Они досыта наедались жирной ухи и нежного мяса форелей. Потом варили ягоды и пили их отвар, казавшийся им сладким. Правда, он сильно пахивал рыбой. Но настоящему рыбаку это во вкус.

Если же день был «не попажный», то есть рыбы не удавалось поймать, они ложились спать, поужинав только ягодами. На ночь запасали побольше дров, разводили хороший костер. Эчай клала брата между собой и огнем, чтобы ему было тепло, а себе под спину подкладывала вещи. В холодные дни они разводили два костра, ложились между ними и спали крепко.

Конечно, Эчай приходилось не раз вставать, чтобы подкинуть топлива.

Однажды после большого перехода Эчай и Олесь отдыхали на опушке перелеска. Еще светило солнце. Они весело собирали ягоды. Олесь подошел к какой-то мохнатой кочке. Он помянул к себе Эчай: дескать, смотри, какое диво! От кочки исходило тепло. Он тронул ее рукой... Что такое?! Кочка встопорщилась и фыркнула. Вне себя от страха Эчай ударила по этой мохнатке палкой. Кочка вскочила и боком, боком на четырех ногах помчалась прочь. Два круглых уха, короткий хвост и две задние лапы замелькали в траве. Это был молодой и совсем еще глупый медвежонок. Он испугался детей больше, чем они его. Медвежонок бежал во всю прыть. В последний раз мелькнул куцый хвост над травой — только и видели этого мохнатого звереныша.

... И снова кругом никого. Тишина.
Вот каким было второе приключение.

Улов

Эчай и Олесь поднимались вверх по широкой расщелине. Кое-где лежали огромные валуны — старые замшелые камни. Влево, над ручьем, пробивавшимся под скалой, покоился огромный камень. Мрачно навис он над глубокой ямкой ручья. Здесь под самой дерниной берега Олесь увидел: между корнями растений в воде неподвижно стоят рыбы. Он лег на землю и пополз тихо, чтобы не спугнуть их. Он подобрался к ним совсем уже близко: вот обрыв дернины, вода, а в ней темные спины крупных форелей. Даже на вопрос Эчай он ничего не ответил, только пальцем шевельнул, дескать, тише: дичь!

Вот каким он стал, совсем взрослым охотником, хотя и ловил только рыб. Увидя, что Олесь подбегает к ручью, Эчай тоже легла на мокрую землю и начала подползать с другой стороны. Олесь уже видел рыб. Он поставил руки так, чтобы вцепиться правой в жабры, а левой толкнуть рыбу в хвост. Цоп — одна есть! Рыбы метнулись к Эчай, прямо ей в руки. Цоп — еще одна!

Целый день они ловили рыбу. Устроить плотину было легко, и множество крупных форелей оказались запертыми в ямке. Но не так-то легко они давались в руки, эти скользкие создания. И все же до наступления темноты в мешке лежало целых восемь рыб, выпотрошенных и подсоленных, а одну свежую, с икрой, Эчай приготовила на ужин. Завтра и еще послезавтра они смогут идти вперед без остановок.

Огонь спас

Стемнело. Эчай захотелось уйти из этого сырого и унылого места. По пути сюда она уже облюбовала отличный валун с навесом из мха. Под навесом было удобно ночевать. Там, под защитой от ветра, можно развести огонь, сварить ужин и просушиться, как в веже, как дома.

Олесь взял в одну руку вещи, в другую горшок с углями; Эчай взвалила на плечи мешок с уловом. Крепко держа свое добро, чтобы не растерять в темноте, они двинулись назад, выматривая силуэт камня на фоне зари.

Эчай осторожно ступала, вглядываясь в темноту... И вдруг за одним камнем она увидела два светящихся глаза. В тундре волки очень боятся людей. Даже волчица никогда не рискнет напасть на человека, если он с ружьем и собакой. Но Эчай и Олесь были совершенно беззащитны, даже палки в руках не оказалось. Волк еще не решался напасть на детей: от них исходил опасный запах человека, однако это был не тот дух, что страшен всякому зверю. Запах был слабый, неопределенный, потом не пахло, а собачьего духа и вовсе не было слышно. Эчай уронила мешок: волк приник к земле. Ноги Эчай дрожали, она медленно приседала. Волк щелкнул зубами... Один прыжок, другой... Волчица лязгнула зубами.

...И вдруг... сверкнул огонь. Горячие угли брызнули во все стороны, один уголь попал зверю в глаз. Волк взвыл, рявкнул, щелкнул челюстями и в ужасе ринулся прочь. В руках у детей оказалось самое страшное для всех зверей оружие — огонь!

Черепки разбитого горшка валялись на земле, а ребята, забившись под камень, сжались в комок, как зайчата. Зубы их стучали.

Ужасен был волк, но еще страшнее было то, что они лишились огня. Олесь об голову волка разбил горшок, тот, в котором они носили угли. Они лежали среди черепков и еще шипели на влажной земле.

Эчай боялась выглянуть из-под камня.

— Олесь, ну как будем жить? Без огня пропадем.

Ее брат даже не шевельнулся.

Подул ветер, в темноте Эчай увидела: из-под одного черепка вылетела искра. Преодолев свой страх, она выскочила из убежища и принялась спасать огонь: схватила еще тлеющий уголек, обложила его сухим ягелем, сунула кусочек бересты, что всегда носила на себе, и начала вздуть огонь. Вскоре Эчай развела костер. Теперь и Олесь выбрался из своего убежища, он собрал целый ворох березняка. Они и ужин сварили, и обсушились. С этих пор Эчай носила угли в котелке для варки пищи.

Плохо спалось ребятам под волчьим камнем. Он был и холоден, и влажен. Ночью потянул северный ветер, к утру подморозило. Вся земля покрылась белым инеем. Одежда Эчай, даже кончик ее косички с ленточкой примерзли к земле. Рано утром она разбудила брата, собрала угли в котелок, и они пошли вперед, подальше от этого неприятного места. Олесь, заколеченный, сонный, едва поспевал за сестрой. Идти было трудно, он спотыкался и с трудом переставлял ноги, но не плакал. За время скитаний Олесь окреп, повзрослел и привык терпеть и холод, и голод молча.

К полудню пригрело. Солнце показалось над землей, иней растаял. Опять они шли по мягкой поросли мхов, среди березовых перелесков с их огромными грибами, теперь уже совсем гнилыми. Березы были низкие, с круглыми кронами и корявыми стволами, извитыми как змеи. Это ветры их свили в жгуты.

Валуны, встречавшиеся здесь, выглядели добродушными. Они сплошь поросли разноцветным лишайником. Ягод было много. Куда ни глянешь — всюду ягоды: на кочках примостились брусника, тут же на каком-нибудь пригорке — сплошная поросль черники, очень крупной, сизой от зрелости и очень сладкой. На местах посуше, где ветер, гуляет вдоль и поперек, густо поросла ворониха, а в сыроватых ложбинах — морошка. После заморозков ягоды стали сладкими. Ребята развели костер, чтобы обогреться, и принялись собирать их: сначала в рот, а потом в передник Эчай. Она надумала сварить ягодную кашу.

На закате весь вечер грохотали взрывы. Эчай перестала их слушать.

Пеструшки

Однажды, когда они проходили мимо гряды холмов, перемежавшихся зарослями карликовой березки, появилось много пестрых зверюшек. То и дело они шмыгали между кочками, в траве или во мху. Иногда они выглядывали из своих норок или юркали в них не очень-то проворно. Это пеструшка, храброе создание! Она даже оленя не боится, пытается вцепиться в его морду, а тот, не обращая на нее внимания, просто захватывает языком зверька, словно какой-нибудь гриб или травку. Это лемминг — полярная мышь с пестрой спинкой, довольно большой головой и бесстрашным сердцем. Как-то Олесь хотел схватить пеструшку. Она встала на задние лапки и так сильно стукнула зубами по руке, что прокусила кожу. Если пеструшка не успевала юркнуть в норку, она опять нападала на врага, прыгала на него, угрожающе шипела, кусалась острыми зубками и ила своей головкой, как молоточком, по всему, что ей угрожало. Сначала Олесь дразнил пеструшек, его забавляла их

отчаянная храбрость. А Эчай вспомнила, что бабушка в тяжелые дни ловила и поджаривала их. Эчай научила Олеся, как это делать, и теперь он стал главным охотником и поваром, подававшим к столу мышьиные окорока. Окороочки были очень жирны и вкусны, несмотря на свои крошечные размеры. Это было нежное лакомство и сытная добавка к приевшимся форелям. Охота на мышей доставляла и Олеся, и Эчай развлечение. Гонясь за одной особенно хитрой пеструшкой, Олесь наткнулся на дремавшего глухаря. Глупая птица спросонья, разбежась на взлет, увидела Эчай, повернулась и побежала обратно, прямо в руки Олеся. Он схватил глухаря за лапу, Эчай упала на птицу ничком — дичь была поймана. Ну и вкусен же был этот жирный глухарь! Они вспомнили Кархо, его глупых деревянных птиц, что болтались у них в бабушкиной веже под потолком. Как давно это было!

О том, что ожидает их впереди, они не думали.

Один удар взрыва раздался совсем близко. Эхо уносило его в горы.

Старик

После морозной ночи выдался ясный день. Ходьба и скудное солнце разогрели Эчай и Олеся. Они весело шли все вперед и вперед, держа путь на север. На ходу слагали песню о том, как идут они с горушки на горушки, от елочки маленькой к елке высокой, от березовых кустиков к березе кудрявой. Пышный ягель они топчут ногами, идти хорошо. Они пели еще, что много здесь тропинок, а по какой им тропинке идти, не знает даже ветер.

Куда идти? Вот расходятся тропы в стороны — и вправо и влево. По этой ходили олени, и по этой ходили олени, а следов человека нет. Куда идти? Зажмурили глаза и пошли наугад.

Долго ли, коротко ли — вышли на широкий увал. Вся вершина его поросла мелкой стелющейся березкой. По склону сбегал лесок из кустов мелкой березы, маленьких ив, уродливых, обшипанных елок. А над этим «лесом» высились огромные валуны. Мохнатые от покрывавших их мхов, трав и лишайника, они угрюмо смотрели на обширное болото, расстилавшееся перед ними.

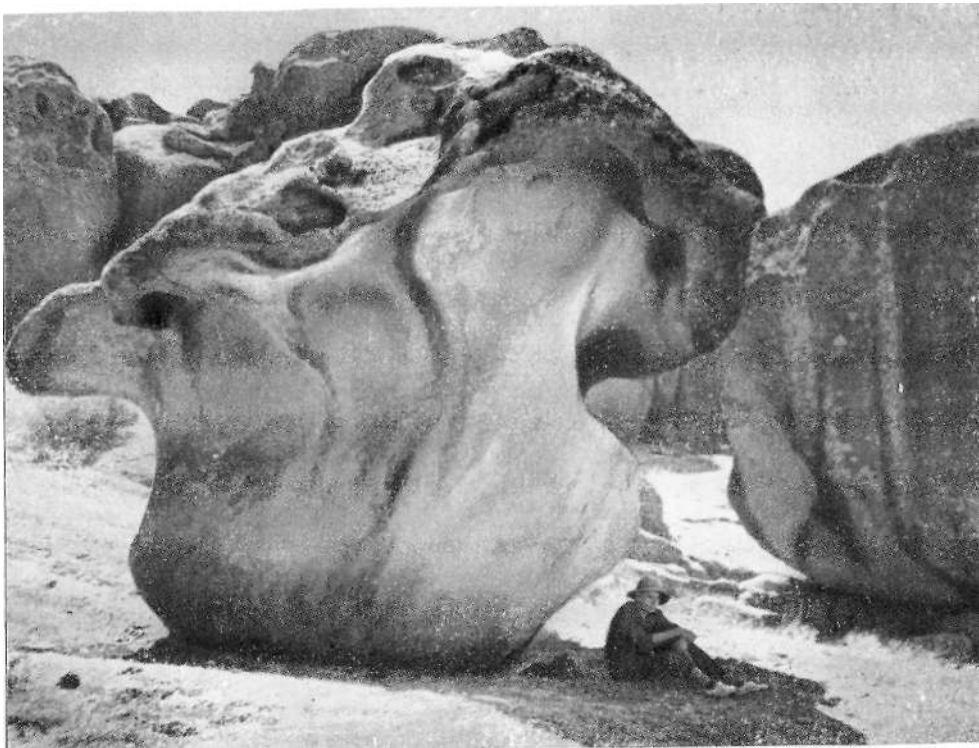
Олесь уже притомился, Эчай присматривала камень, где бы им отдохнуть. Один старый, замшелый валун ей приглянулся. Темно-зеленый мох густо покрыл его сверху донизу. А на макушке камня росла маленькая береза с уже облетевшей листвой, на ветках трепыхалось всего лишь несколько желтых листьев. От каждой веточки извивались по ветру тонкие, серебрис-

Б. Шапатонин

ДЖИННОТЫ— СТРАНА КАМЕННЫХ ИДОЛОВ

Каменные драконы. Один из них мирно спит, свернувшись, а другой бодрствует

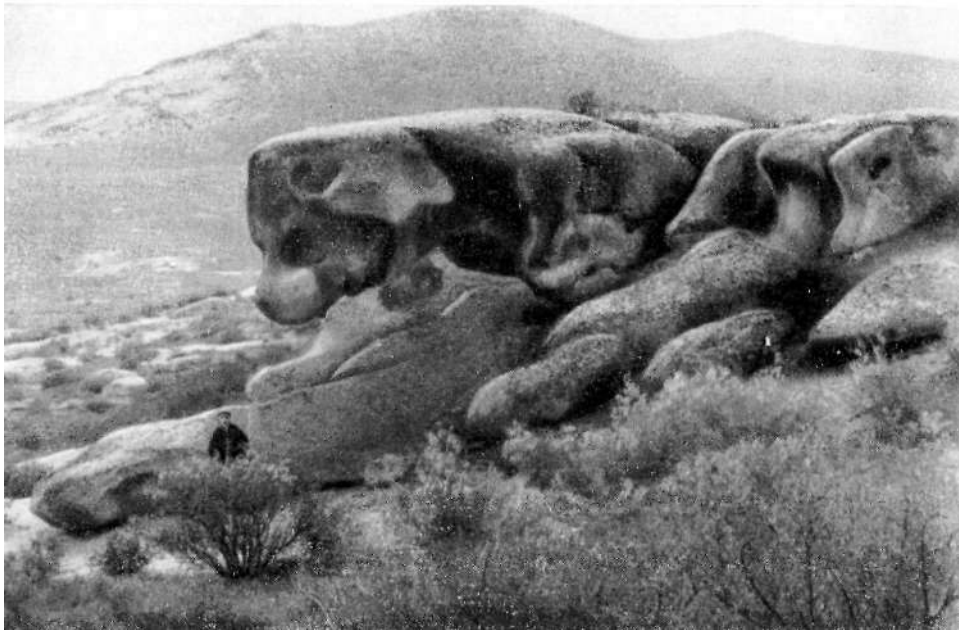
Под гигантским грибом

«Спесь» — так окрестили туристы эту абстрактную скалу-фигуру (вид сверху)

Огромная ниша в скале, похожая на фигуру присевшей женщины

«Собаки» из урочища Джинноты

А это что за чудовище?

тые нити паутины. Мох лежал, как ковер. Эчай решила тут устроить привал.

За камнями шевельнулись кусты.

Эчай и Олесь притихли и сразу сели на землю. Кусты за камнем опять зашевелились, словно их кто-то трепал или мотал из стороны в сторону. Олесь сразу смекнул, в чем дело.

— Это олень чешет рога,— воскликнул он, поднимаясь.

И в самом деле, из-за камня появилась голова оленя. Он удивленно уставился на неожиданных гостей, а клочья мягкой кожи рогов смешно болтались у него перед глазами. Олень не убежал. Он посмотрел на детей и потянул ноздрями воздух.

Изможденный, худой, кожа да кости, с опухшей левой передней ногой, олень устало смотрел на детей, расставив ноги, как подпорки. Олень был болен, шерсть торчала клочьями. Из-за хромоты он отбил от стада и бродил один. Это был домашний олень. Олесь пошел было к нему, но тот повернулся и, ковыляя, степенно отошел от мальчика подальше. Однако не убежал.

Эчай решила расположиться на привал тут, у камня. Олень остался с ними, он ходил поодаль, щипал верхушки березок, прикусывал ягель. Ночью он улегся совсем близко. Его рога освещал свет костра.

Когда Эчай и Олесь тронулись в путь, олень пошел за ними вслед и не отставал. Они назвали его Стариком и были рады, что они уже не одни, что их трое. На ночлеге Олесь попытался приладиться к Старику, пригреться у его теплого живота, но олень вскочил на ноги и, хромя, ушел в сторону. Немного погодя он приковывал к костру и со вздохом улегся на отдых, привычно и спокойно.

Утром Эчай поднялась на высокую плоскую возвышенность. Она хотела осмотреться, не увидит ли где-нибудь чум или дым, или лопарский шалаш, или стадо, от которого отбил Старик.

Кругом виднелись невысокие холмы, покрытые только ягелем и множеством камней, больших и малых. Вдали залегли синие горы, вершины их уже покрылись снегом. Он морозно блестел на солнце.

Они двинулись дальше. А под ногами все осколки камней, да скудный ягель, да ползучие ветви карликовой березки, да кустики брусники и черники, торчавшей вокруг камней.

Изредка встречались речки и ручьи. Ни одной даже самой маленькой рыбешки в них не было. Крошечные озера скорее напоминали лужи, холодная, прозрачная вода казалась стеклянной и безжизненной.

Ни звериного рева, ни шелеста трав, ни птичьей песни, ни крика чайки в небе. Пусто. Тихо.

Два дня Эчай и Олесь шли этой пустыней, голодные, иззябшие. Они часто оглядывались назад и, видя ковыляющего

Старика, радовались, что они не одни. Надеялись, может быть, он знает дорогу к людям. Олень шел сзади, ну и это хороню. На третий день не могли они найти дров, огонь развести не удалось. Утром встали — оленя нет. Он не нагнал их и к вечеру. Они надеялись, что Старик еще вернется.

Эчай было жаль старого оленя. Она скучала без него. Олень не блеял, не говорил, не кричал, даже не слышно было, как он ступает копытами, а все-таки было не так тоскливо, когда сзади шло еще одно живое существо. И право, когда она посматривала на него, так и казалось: вот стоит живой человек, а из-под рогов смотрит спокойно человеческое лицо. Он особенно походил на человека, когда вздыхал, нюхал ветер, что-то ему говоривший. Привыкла Эчай к этому оленю.

Олесь смотрел на дело иначе, он рассчитывал заколоть его и прокормиться мясом, когда наступят морозы и выпадет снег, когда нельзя будет идти вперед. Олесь стал мужчиной.

По правде сказать, и Эчай подумывала, что это было бы хорошо.

Старик не вернулся.

Замерзли реки и озера

Реки и озера замерзли. Однажды лунной ночью в час полного безветрия стукнул крепкий мороз. Лед сковал поверхность вод и лег гладкий, скользкий и прозрачный. Через его толщу виднелись камушки и травы на дне луж, пузырьки воздуха, поднимавшегося со дна водоема. Рыба ушла в глубокие места, красная рыба уже скатилась по ручьям и речкам вниз, в морские воды. Ловить рыбу руками стало нельзя.

День ото дня становилось холоднее. Морозы крепчали. Изодранная кофточка Эчай и пиджачок Олесь прохудились во многих местах. Одежда плохо защищала детей от стужи. Чтобы хоть немного согреться, Олесь надумал кататься по льду. Эчай этого давно хотелось, но она жалела свои подошвы. Протрется, тогда как быть? Ей под ноги подвернулся камушек, она встала на него и покатила. Олесь вспомнил, как он катался на деревяшках, нашел сучок и приладил его к ноге. Вдвоем им было весело кататься, а главное, стало теплее. Так они перебежали с лужи на лужу, а когда они уставали, разводили огонь и грелись. Теперь они питались только ягодами и мышами. Ни одного глухаря им больше поймать не удавалось. На морозе птицы были чутки и улетали вовремя. Передвигались Эчай и Олесь медленно, они больше думали о том, как бы им согреться да выпить воды, а не идти вперед. С трудом удавалось отыскивать норки пеструшек и добывать оттуда зверьков. Эчай все еще старалась идти на север. Но солнечные дни выпадали редко. Солн-

це светило косо и садилось рано. Оно в это время года обманчиво. Дети, сами того не подозревая, кружились на одном и том же месте. Иногда они возвращались туда, где уже бывали, но не замечали этого. Они все шли, шли и шли. В день им редко удавалось пробежать два-три озера. Было слишком холодно. Они чаще сидели у огня, собирали мерзлые ягоды, ели горький ягель, дикий чеснок, откапывали еще какие-то корешки, которые казались им сладкими. Кроме того, они ловили мышей.

Выпал первый снег. Стало так тихо, что даже шагов своих по мягкому снегу они не слышали.

Детям уже никуда не хотелось идти; только бы греться у костра, спину укрывать от холода крыльями глухаря, которые Эчай припасла.

Даже взрывов не стало слышно.

Холодно, голодно. Эти ощущения заслоняли все мысли и чувства.

Чум

Между тем Эчай и Олесь продолжали свой путь. Однажды они далеко отошли от стоянки, собирали ягоды на вершине длинного холма над равниной. По южному, более крутому склону его залегли густые леса. На самой вершине виднелись два огромных обломка скал. Они возвышались над всей местностью. Эчай присела на кочку отдохнуть. Олесь, как всегда, гонялся за мышами.

Было очень тихо. Шел мелкий снег.

Эчай смотрела на скалы и думала, что хорошо бы взобраться на них: может быть, она увидит где-нибудь дым, стадо оленей, людей. Но надо было карабкаться с камня на камень, того и гляди, сорвешься и упадешь.

Она подняла глаза и на вершине скалы увидела оленя. Он стоял величаво, нервный, настороженный и чуткий. Эчай не сводила глаз с животного, шептала:

— Олесь! Олесь! Оглянись: дикий олень!

Олесь аукнул. Дикарь встрепенулся, перемахнул на соседнюю скалу. Оттуда прямо на землю и мимо детей промчалась стайка оленей, голов двадцать пять.

Топот и хруст сучьев затихли в зарослях березняка. Дети видели оленей всего в нескольких шагах от себя! Эх! Как бы тепло было в теплой одежде из оленьего меха. Они могли бы идти, вместо того чтобы сидеть у костра, но куда идти они уже не знали. Дети просто искали, где лучше ягоды, где удобнее поймать мышонка, они блуждали, передвигаясь наобум и выбирая хорошие стоянки.

Как-то раз, когда они собирались поискать новое место для стоянки, раздался выстрел. Где-то близко ходит охотник, человек! Эчай даже позабыла погасить костер. Они быстро побежали в ту сторону, откуда прозвучал выстрел, потом пошли тише. Уже в сумерки слышали лай собак. Лай доносился изда-лека, приблизился, потом опять удалился. Детям показалось, что где-то тут, неподалеку, шло стадо оленей. Сумерки густели. Лая собак больше не было слышно.

Они шли уже в совершенной темноте.

Потянуло дымом можжевельника. Однако никаких признаков жилья все еще не показывалось. Путь пролегал по долине, поросшей лесом. Наконец они вышли к обрыву. Внизу видне-лась широкая река. Справа доносились голоса людей и лай собак.

Эчай засмеялась от радости, а потом слезы побежали у нее из глаз одна за другой. А Олесь затопал ногами и, дергая сест-ренку, шептал:

— Скорее, скорее...

И все-таки чум был еще далеко. Идти в лесу да по снегу не легко. Кусты и деревья скрывали жилье. Приходилось про-биваться медленно, прислушиваясь к лаю собак.

Ночь опустилась на землю.

Давно уже смолк собачий лай. Дети шли на запах дыма, приносимого ветром. Порою он исчезал, и было неведомо, куда же идти. Но новый порыв ветра охватывал их ароматом можже-вельника, обещавшим тепло и пищу, уют домашнего очага.

Наконец они увидели огонь. Сноп света исходил из дымово-го отверстия чума, расположенного на небольшой площадке, у самой реки. Он был теперь совсем близко. Огромная вековая ель низко склонилась над площадкой, где стоял чум.

Собаки, почуяв чужих, с яростным лаем выбежали навстре-чу. Пришлось отступить.

Попробовали крикнуть. Ветер отнес их голоса в сторону.

Тогда Олесь сказал:

— Эчай, беги на реку, зови к себе собак. Пусть они лают на тебя. А я влезу на елку и покричу людям.

Сказано — сделано. Олесь взобрался на дерево. Эх, все-таки до чума было еще слишком далеко.

Когда Олесь услышал неистовый лай, доносившийся уже от реки, он крикнул по-лопарски:

— Пустите нас ночевать!

Никто не ответил.

— Пустите нас, это мы... замерзли мы. Это я, а там Эчай...

Ветер уносил слабый голос мальчика.

Собаки заливались лаем, но не отбегали от чума.

Открылись двери, и человек с тремя горящими головешка-ми три раза обежал вокруг чума, потом отбросил головешки в сторону.

Завизжала какая-то собака. Открылись пластины дверей чума, блеснул свет. Все собаки вернулись к жилью, продолжая лаять.

Олесь был очень испуган. Собаки могли сбежаться к елке и разорвать его на части. Он не подумал, что именно лай может привлечь внимание людей.

Соскочив с дерева, он побежал навстречу Эчай. Взявшись за руки, они устремились прочь от собак, от этих людей, от их чума, А между тем здесь так вкусно пахло печеным хлебом и вареным мясом.

Утром, когда будет светло, когда люди увидят их своими глазами, увидят, что они только девочка и мальчик, люди не испугаются их, они возьмут их к себе в дом, к очагу, накормят их хлебом и дадут им супу и мяса и расскажут о бабушке.

Так они решили.

По настоянию Олесьа они ушли в лес подальше. Забились под елку и развели огонь. Тесно прижавшись друг к другу, они стали ждать рассвета. Ветер задувал пламя, отклоняя его в сторону. Олесь поджарил последнего мышонка, они обсосали его косточки и крепко заснули.

Елка

Утром на месте стоянки, там, где был очаг, курилась одна го-ловешка. Ни оленей, ни собак, ни людей.

Возле огнища дети нашли кое-что лакомое: корки хлеба, два кусочка мяса, обгрызенные сухари, кости, некоторые из них оказались не разбитыми, в них остался костный мозг. Олесь нашел еще связку оленьих сухожилий и лоскутки суконных тряпок. Он было отбросил все это в сторону, но Эчай подобра-ла на всякий случай.

Все съестное и горящую головешку дети взяли с собой и ушли под свою елку. Она была ветвиста и хорошо защищала от ветра.

Шел густой, мокрый снег. Резкий ветер гнул деревья, шумел в их макушках и проникал во все уголки леса. Дети обогре-вались у костра поделкой. Эта елка была самой высокой в лесу. Ее вершина выдавалась над всеми другими. Коротенькие сучья окружали ствол от верха и почти до низа, а тут вдруг у самой зем-ли раскидывалась пышно, как шатер. Ни дождь, ни снег не про-никали к основанию ствола, здесь было сухо. Один большой сук особенно выдавался в сторону. Дети могли проходить под ним как по коридору. Через этот-то проход они и забрались под елку. Она надежно укрыла их от непогоды.

Короткий зимний день начал клониться к вечеру, а снег все еще шел. Эчай развела огонь, прижала к себе Олесьа. Жуя

корки сухарей, они грелись. Оправдалась саамская поговорка: «Елка — наше спасение».

Иногда порывы ветра налетали откуда-то сзади. Тогда резкий холод прохватывал их до костей. Эчай наломала палок, веток с соседних елок. Палки приладила к большому суку, на них набросала веток, а сушняк кинула в огонь. Получилось укрытие, которое сберегало тепло и защищало от ветра. Это им так понравилось, что они вдвоем принялись за устройство шалаша из еловых веток. Кое-где подрезали, раздвинули, стало просторнее, Олесь мог стоя греться у огня. Потом они сели между большими корнями ели и заснули. Только изредка просыпалась Эчай, чтобы подбросить в огонь дров.

Всю ночь бушевала буря.

За ночь ветер переменялся. Хлестал косой дождь, мелкие брызги долетали и до детей. Утром они наскоро сделали еще одну стенку. Эчай очень понравилось их убежище, и она сказала:

— Олесь, давай сделаем дом, как у бабушки.

Олесь ответил:

— Я хочу есть.

Она отдала брату оставшиеся корки и кости, а сама принялась за постройку дома. Она хотела посидеть в тепле, чтобы починить добытыми вчера тряпочками одежду свою и Олесья. Когда будет починена одежда, они отправятся дальше и будут идти до тех пор, пока снежный покров не окутает землю.

Так она решила и принялась за дело: приносила толстые палки, ломала сухие деревца и, срезав с них ветки, делала отличные жердочки для стен. Скоро и Олесь принялся за работу. Тремя большими рогадинами они подперли основной сук, чтобы

он не мотался от ветра, потом положили на него жердочки, получился шалаш. В середине крыши они оставили отверстие — дымоход. Под толстым суком у них был вход, а против него в корнях — отверстие для тяги воздуха.

В шалаше все время горел огонь, они забегали внутрь и грелись, когда коченели руки и ноги. К вечеру крыша была обложена берестой, еловой корой и толстым слоем мха, а сверху и землей и, кроме того, еще еловыми ветками, чтобы по ним лучше стекали капли дождя. Конец большого сука они срезали.

Конечно, домик их не совсем-то был похож на бабушкину вежу, и дверь у них не закрывалась, в нее врвался холодный ветер. И все-таки, когда вечером они забрались внутрь дома, им было очень уютно в нем. Обсосав последние корки хлеба, они напились ягодного супа и весь вечер сидели у огня, наслаждаясь теплом.

Эчай развеселилась и представила, будто она бабушка, ходит по веже на кривых ножках. Олесь жаждал ртом какую-то тряпку вместо бороды и застыл, как черный Кархо, а глазенки его блестели, как у веселого мышонка.

Потом Эчай села у костра шить, Олесь уселся против нее и смотрел, как одна за другой исчезали дырки на его рваном пиджаке. Переворачивая его и так и этак, Эчай запустила руку в дыру кармана и вдруг вытащила что-то жесткое. Это был моток сухожилий и силков. Если бы это были нитки, они пригодились бы теперь, но силья были слишком грубы для шитья. Они упали бы в огонь, не схвати их Олесь вовремя. Распустив клубок, он выбежал на улицу.

— Олесь! Ты куда?

— Молчи, Эчай! Я заметил хорошие кустики там, где мы драли мох.

Его долго не было. Наконец Олесь, весь покрытый снегом, влез в шалаш.

— Эчай, на улице мороз и настоящий снег, смотри! — И Олесь начал стряхивать с себя хлопья крупного снега.

Зима

Значит, наступила зима. Это было страшно. Зима! Нельзя им никуда идти. Здесь им жить, пока не умрут они от голода. Они замерзнут тут, и больше ничего. Такие мысли мелькнули в сознании Эчай. Но было тепло, хотелось есть. Олесь свернулся калачиком и уснул. Чинить платье было так приятно, что Эчай не стала размышлять о будущем.

Рано утром Олесь опять убежал. На его починенном пиджаке ярко рдела заплатка из красного сукна.

Утро выдалось морозное. Снег весело хрустел под ногами. Олесь бежал к небольшому холму с кустиками ивняка и березы.

Он осмотрел все пять силев и в последнем нашел куропатку. Серая, с уже побелевшими боками и грудью, птица лежала, чуть присыпанная снегом. Олесь вынул добычу из петли, насторожил силек и, окрыленный удачей, побежал домой. Но сначала он побывал на огнище чума. Откопал там брошенный три дня назад пучок оленьих сухожилий и тогда уже впрысочку помчался к Эчай. Но не доходя нескольких шагов до шалаша, остановился и медленным, спокойным шагом приблизился к нему. Вошел в жилище с таким равнодушным видом, словно ничего и не случилось. Он небрежно бросил добычу в угол, а сам, усевшись у костра, начал вить силки.

Эчай ахнула, увидев куропатку. Удивительно, как это Олесь, такой маленький, сумел поймать птицу! Но Олесь был занят работой и не слушал сестру. Кончив дело, опять убежал в лес, а когда возвратился, две куропаткиных лапки уже торчали из кипящего котелка, словно ожидая, чтобы их вынули из аппетитного навара. Эчай, казалось, не замечала, что суп давно уже поспел. Сдвинув брови, наморщив лоб, как бабушка, она быстро связывала из ниточек какие-то петли.

— Вот, Олесь, на тебе сила. Посмотри, крепки ли они?

Олесь намотал петли на руки и несильно дернул. Жилки не поддались. Рванул сильнее — жилки не выдержали.

— Откуда ты взяла эти сила?

— Сделала из куропаткиных кишок. Смотри,— и Эчай показала полоски, которые она тут же скручивала в нитки. Эти нитки не очень-то были надежны, однако достаточно крепко держали заплатку на кофточке.

— Эти нитки на силки не годятся: слабы они,— солидно сказал Олесь.

— А для ниток они хороши!

Каждый день Эчай и Олесь ходили на охоту и приносили по несколько птиц. Добычи было так много, что они часть ее оставляли про запас, а из пуха Эчай сделала себе и Олесю теплые ватники и штаны. Нитками служили куропаткины жилки. Одежда была непрочна, Эчай тратила много времени на ее починку. И все-таки теперь они не боялись мороза, пусть себе шелкает по деревьям.

Из птичьих крыльев они устроили двери, а постели и одеяло из пуха получились такие пышные, что ребятам было очень тепло в них спать.

Новые угощения

Стоял декабрь. Крепкие морозы трещали в лесу. Вся земля давно уже была покрыта толстым слоем снега. Огромный сугроб вырос над их шалашом. Бывало, за ночь, когда бушевала

непогода, их совсем заносило снегом и стоило немалого труда откопать выход утром. Люди, погост — теперь все это отодвинулось куда-то далеко. Слишком много было неотложных дел, повседневных забот о том, как прожить, прокормиться, обогреться.

Надоело есть одних только куропатов. Они часто вспоминали бабушкиных сижков. Ребята стали размышлять, как бы им отыскать еще какую-нибудь еду. Эчай научилась соскабливать сосновый луб. Этому ее научила бабушка. Разогретый луб становился мягким. На пригорках, где снег был неглубок, они добывали мороженые ягоды. Смешав их с лубом, варили жидкую кашу. Это казалось очень вкусным, гораздо вкуснее, чем бабушкин мурчай.

Чтобы добывать рыбу, Олесь смастерил из птичьих костей крючки; он укреплял их на леску, свитую из оленьих сухожилий, а частью из волос Эчай. Леска была слабая, крючки ненадежные, а все-таки Олесь каждый вечер уже при луне отправлялся на речку, к полынье. Наступило время для хода налима. Эта рыба в своем стремлении вверх, против течения, часто насакивала на крючки, успевай только вылавливать. Сначала дело не клеилось, налимы срывались. Олесь научился лучше обтягивать крючок леской и делать обратный язычок. Дня через три Олесь начал приносить по одной, иногда по две рыбины. Попадалось на крючок много больше, но вытаскивать уже пойманную рыбу на лед оказалось для Олеся делом нелегким, его детских силенок не хватало, а крючки были плохи. Рыбные дни делались настоящим праздником.

Эчай тоже не сидела сложа руки. Она занималась стряпней, готовила для Олеся сила из оленьих сухожилий, а главное, все время чинила одеяла и двери. Сшитые жилами из птичьих кишок, они часто рвались. К тому же иголкой можно было работать только с помощью шила из острой кости. Олесь добывал дрова, охотился и рыбачил.

Понемногу дети начали забывать, что они ищут людей. У них все прибавлялось хлопот. Каждое утро надо было идти на куропатов, вечером — за рыбой. Луна стояла высоко в небе, когда Олесь возвращался с речки. Эчай подбрасывала огня в очаг, и они усаживались за ужин. Часто вспоминали бабушку, Деда Мыхкала, и тетку Аньке, и оленей, и черного Кархо. Думая о бабушке, Олесь уже не плакал. Теперь он чувствовал себя совсем большим человеком. Иногда они принимались за сказки. Олесь особенно хорошо помнил красивую бабушкину сказку о Стеклдоме.

Дни шли за днями, ночи сменялись сумеречными рассветами.

Играли сполохи. Дети думали о школе, о колхозных ребятах, с которыми они играли в ямки, в оленей, в кооперативную лавочку. Олесь с Эчай пробовали поиграть вдвоем, да ничего из этого не вышло.

Скучно было без солнышка. Оно давно уже не показывалось даже над лесом, куда убегала речка. Оно ходило где-то далеко за горами, за лесами, там, где живут чакли — карлики, гномы и тролли.

Домик птичьего бога

Прошел еще месяц. Стоял морозный ясный день. Сегодня впервые узенький краешек солнца показался над дальними горами.

Из лесу, со стороны горы, близ которой обжились Эчай и Олесь, выехала тройка оленей, запряженных в сани. На санях сидел странный мохнатый человек, лишь кончик красного носа виднелся из мехов. Сани быстро катились мимо елок и берез. Вдруг человек ощутил запах дыма. Он остановил оленей, поднялся на горку, подъехал к самой елке и что же увидел? К стволу ели прислонился снежный бугор. А ветки над ним обожжены и желты! Дух людского жилья! И эти следы? Путник склонился над ними. Он говорил сам с собой:

— Чьи такие следы? Медвежата в сапожках или росомахины дети в лаптях? Уж не следы ли это подземных жителей, о которых говорится в сказках? Уж не они ли тут бродят?

Олени тоже с любопытством втягивали ноздрями воздух, пахнувший дымом. Судя по запаху, тут должен быть дом. Но где он? Они отлично знали эти места: летом исходили их вдоль и поперек, потому что рядом, на горах, расстилаются сочные луга и кустарнички.

Мохнатый человек стряхнул рукавицей иней, осевший на бровях и ресницах. Круглый нос выдался сильнее, выдвинулся и крутой подбородок. Человек в мехах был очень удивлен. И в самом деле! Из макушки снежного бугра прямо вверх вился дым; к запаху его примешивался еще какой-то очень вкусный душок.

— Не куриной ли это печонкой пахнет? — подумал человек и повертел носом.— Нет, это что-то повкуснее. Он сошел с саней и направился к бугру. Но и тут его ожидало необычное. Вокруг бугра на столбиках, жердях, палках, ветках ели висело множество птичьих тушек. Ободранные и посиневшие, они, казалось, своим видом предостерегали: «Проходи мимо, а то с тобой то же будет». Но путник был не из робких. Он потрогал тушкой рукой, понюхал и, увидя, что каждая из них кончается головкой с красными бровями, сказал:

— Куропатки!

Он приблизился к снежному бугру и подивился, обнаружив двери: крылья куропаток были накрепко сшиты друг с другом и плотно закрывали вход. Заглянул внутрь. Там никого не было. Чтобы войти в жилье, надо было снять тяжелую одежду.

Но человек, бывавший в разных переделках, сперва решил сходить к саням, взял ружье и топор и только потом, скинув совик, полез внутрь шалаша.

Тут было очень тепло. Пылал очаг. Над огнем варилась пища. Две пары ног куропатки торчали из бурлившего маленького котелка. Вошедший — это был высокий бородатый мужчина — внимательно осмотрелся. Хмурые глаза его не то улыбались, не то затаили страх: а вдруг кто-нибудь поймает его в этой клетушке, как в западне? Но снаружи не доносилось ни звука. Он сел. Из-под щетинистых бровей смотрели черные, как угли, глаза, веселые от любопытства. Наклонился, вынул одну куропатку, варившуюся в котелке, подождал, пока остынет, попробовал на язык.

— Не солоно,— сказал он.— Видно, не люди тут живут и людей не ведают.

Эта мысль заставила его насторожиться. Не лучше ли убраться подобру-поздорову из этого странного жилья? Он хотя и не верил в нечистую силу, но инстинкт подсказывал ему: что-то здесь неладно. Уж не в дом ли подземных жителей попал он? Неужто лопарские старухи правы? Неужто и в самом деле в этих местах живут крошечные люди — чакли? Встреча с ними — смерть для одинокого спутника. Человек обшарил все жилье, чтобы увериться, что в полу нет дыры в подземелье.

Ерзая по полу, он только охал:

— Вот чудо! Вот чудо! Это чудо!

Никаких признаков подземного хода. Он ощупывал либо мягкий, свежий мох, либо пух. Он забрался наконец в ямку, всю наполненную пухом и покрытую пуховым же одеялом. Постель была еще теплой. У другой стенки такая же ямка, доверху набитая пухом, перьями, мхом и покрытая покрывалом из куропаткиных крыльев. Тут было удобно сидеть и лежать. Он посмотрел вверх. Весь потолок и стены были унизаны перьями и крыльями куропаток, совсем черными от копоти. А на тоненькой жердочке, перекинутой под потолком, висели чулки и рукавички из пуха. Тут же сохли какие-то кости и белели птичьих черепа.

Мурашки пробежали по спине путника. Много лет он жил на свете, но отродясь ничего подобного не видывал, ни о чем таком не слыхивал. Волосы его встали дыбом. Из глубин сознания вдруг всплыло суеверное чувство, страх перед неизвестным, он вспомнил, что ему говорили старики охотники.

— Жилье птичьего бога! Бойся! Не к добру! Заест.

Птичий бог! Яйцепузый, весь в пуху, на трехпалых ногах, с птичьим носом и человеческими руками, в которых держит лук и стрелы, ходит задом наперед, смотрит орлиными глазами, все видит, все знает. Это самый жестокий из лопарских богов. Ему не попадается!

Напялив шапку, схватив ружье и топор в охапку, человек начал пятиться вон из шалаша. Скорее на сани, только бы ноги унести из таких мест.

В ту же минуту послышались шаги.' Писклявый голос что-то кричал. Так и есть, птичий бог... и голос у него тонкий, писклявый, как у чайки.

К шалашу бежали два пушистых человечка на желтых птичьих ножках. Они пищали тоненькими голосами, разговаривая между собой.

Человек был готов пуститься наутек от этих желтоногих боженят, как вдруг из-под пуховых шапочек на него глянули знакомые глаза, и он увидел два румяных детских лица. Не успел он опомниться, как дети с громким криком «Кархо!» бросились к нему.

Тут-то Кархо и понял, что эти дети — Эчай и Олесь, которых он разыскивал всю осень. Он облапил их своими сильными ручищами и так весело и добродушно хохотал и радовался, обнимая, тиская их и заглядывая в глаза, так крепко прижимал к себе, что чуть не задушил. Наконец Кархо опустил их на землю, потом опять подхватил и понес к дому, куда и забрались они все вместе.

Заключение

Кархо увез детей домой, но не в бабушкину вежу, а в новый дом, построенный в поселке при электрической станции. Здесь он работал электромонтером, по своей старой специальности. Он женился на вдовушке Аньке, перевез в новый дом все свои пожитки.

Когда прошел слух о гибели бабушки Настай и ее внуков, ему дали бригаду для поисков пропавших. Их искали везде, но только не там, где они блуждали. Однажды Кархо повстречал ижемский чум. Оказалось, что хозяйева его давно уже приютили бабушку Настай. Они обнаружили ее на Аккяврешках. Памятная всем пурга занесла ее на остров Аккасуоло, а ее лодку разбило о камни. Тут и жила она долгое время, горя о внуках, питаясь гольцами и пальями. Она убивалась, что не увидит больше своих внуков.

Теперь все они: и черный Кархо, и бабушка Настай, и Аньке — мастерица печь колобки, и Эчай — смелая девочка, и Олесь — многоопытный охотник на пеструшек — собрались вместе и живут под одной кровлей. Бабушка Настай теперь эксперт колхоза по ловле рыбы на Аккяврешках, внуки ее — члены школьного кружка юнкоров, а Кархо учит тетю Аньке чинить электричество, когда перегорают пробки. Живут они хорошо, счастливо.

Б. Шалатонин ДЖИННОТЫ- СТРАНА КАМЕННЫХ ИДОЛОВ

*Чудес на свете столько,
что их не перечесть...*

Где еще остались на карте нашей необъятной страны «белые пятна»? Неутомимые путешественники, любознательные исследователи, разведчики природных богатств, представители самых различных профессий побывали уже в самых малоизвестных и труднодоступных местах. Сеть туристских маршрутов простирается от Долины Гейзеров на Камчатке до предгорий Копет-Дага, от Заполярной тундры до Бартангского ущелья на Памире.

И все же неизведанное, неоткрытое зачастую находится совсем рядом с нами, прямо-таки под боком.

Хорошо ли вы знаете, например, окрестности родного города или села? Все ли красивые места, любопытные чем-либо уголки вы посетили?

Не так давно, например, московские туристы в окрестностях столицы, где, казалось бы, все давным-давно уже исхожено вдоль и попе-

рек, обнаружили никому не ведомый водопад. Этот случай еще раз показал, что, предпочитая далекие, прославленные туристские маршруты, мы порой проходим мимо интересного у себя дома.

Хочется рассказать об одном таком открытии. Навои — город Большой химии и энергетики. Расположен он в долине Зеравшана, которая с севера и юга окаймлена горными цепями. Долина очень живописна. Бескрайние хлопковые плантации перемежаются виноградниками и фруктовыми садами, группами тенистых тутовых деревьев. Поля прорезаны идущими во всех направлениях арыками.

По обочинам дорог растут серебристые тополя, карагачи, тал, джида, гледичия, абрикос и другие деревья, образующие местами настоящие зеленые коридоры...

Зеравшанская долина была заселена еще в эпоху палеолита. С древнейших времен здесь было развито земледелие...

В наши дни — это одна из важнейших житниц Узбекистана.

Особенно чудесен этот край весной. С любого холма разворачивается широчайшая картина изумрудных нив, настоящее полеводье розовопенных в цветении садов. И по всей долине змеится и петляет, переливаясь в лучах щедрого солнца, стремительный и трудолюбивый Зеравшан — поистине золотоносный... *

Как-то весной навоинские туристы решили подыскать место для палаточного лагеря. М. Якупов, В. Карпов и автор этих строк расположились в одном из ущелий в горах Каратау. И вот неподалеку от нашего бивака мы вдруг увидели огромного медведя. Он стоял на задних лапах, почти на самом гребне каменной гряды. Будто стоя на страже, зверь всматривался вниз, туда, где раскинулись предгорные холмы-адыры и долина Зеравшана. Ничто не могло потревожить каменное изваяние. Да, этот медведь был каменным.

Еще до встречи с медведем мы обратили внимание на необычную форму скал и отдельных валунов. И вот вслед за первой находкой в этом же ущелье мы наткнулись на два каменных допотопных звероящера, а потом на голову дракона, в разверстой пасти которого мы могли разместиться всей группой.

Потом, помнится, наше внимание надолго приковали две колоссальные скалы. Это настоящая скульптурная композиция.

...Исполинский старик своим могучим взглядом из-под нахмуренных бровей останавливает несущуюся на него ужасную тварь. Разъяренная химера с головой лошади, всгав на задние лапы, чуть не дотягивалась до человека... Так они и застыли.

Зеравшан — в переводе на русский означает «раздающий золото», «золотоносный».

Старик этот лишь немного меньше каменного деда из знаменитого заповедника «Красноярские столбы».

Мы сбились со счета... Каких только причудливых фигур здесь не было. Горы в этих местах сложены из древнейших осадочных пород. И все найденные нами здесь каменные скульптуры — творения самой природы.

На протяжении миллионов лет колебания температуры, вода, ветер разрушали горные породы. Так на поверхностях камней и скал постепенно образовались различные выемки, углубления, впадины, ниши. А сами скалы приобретали неожиданные, порой самые фантастические формы.

Следы деятельности воды, ветра и колебаний температуры здесь видны повсюду. На каждом шагу нас окружали отдельные большие валуны, скалы из одного цельного куска, крутые монолитные лбы-склоны с многочисленными карнизами, навесами, козырьками, иногда удивительно тонкими, ажурными. И повсюду: на валунах, утесах, сплошных каменных стенах ущелий — чернели отверстия бесчисленных пещер, гротов, щелей.

Вот стоящая на ребре большущая плита не толще обыкновенной стены, а в ней правильное круглое сквозное отверстие. Загляни в него, в этот иллюминатор,— и увидишь еще одно такое же замечательное ущелье.

Там высится громадная глыба, и на ее отвесной стене выбитая, словно рукой искусного мастера, пятиметровая фигура молодой женщины, сидящей по-восточному на корточках.

В другом месте уродливая и безобразная горбуня баба-яга...

Чуть дальше, у подножия неприступной скалы, стоит огромная, поистине циклопических размеров каменная наковальня. А вверху, на самой скале, выточенная из целой горы без единой трещинки юрта. Затем, будто бы принесенные великаном, хозяином юрты, сложенные аккуратной высокой стопой гигантские каменные матрацы.

За небольшим увалом новое ущелье... И новые находки. Вот гигантский каменный гриб, под шляпкой которого укроется не менее сотни туристов. Собака величиной с большой двухэтажный дом. Грандиозное пресмыкающееся разлеглось поперек ущелья и поджидает свою добычу. И кажется, что мимо этого чудовища не пройти ни пешему, ни конному, ни зверь не пробежит, ни птица не пролетит.

Здесь есть несколько и таких «творений», которые могли бы быть классическими образцами скульптуры современных абстракционистов.

Невозможно перечислить и сотой доли того, что мы увидели здесь, в этом царстве камня.

Мы медленно продвигались вперед. То и дело раздавались возгласы моих товарищей: «Смотрите, а вот еще!», «А как вы

находите вот это?» Необычный мир, открывшийся нам в этом заповеднике каменных диковин, целиком захватил нас. Наше воображение невольно уносилось в волшебный мир сказок и легенд. Один за другим открывались все новые шедевры. Казалось, что нашим открытиям не будет конца. И на память само собой приходило пушкинское «Там чудеса, там леший бродит...».

Именно здесь, где как будто нарочно собраны в одно место удивительные создания природы, становится особенно понятным, как и почему в древнейшие времена у человека зарождались верования в различных горных духов, демонов, дэвов, джиннов, пери.

Древнему человеку с его первобытными представлениями и в самом деле должно было казаться, будто кто-то, обладающий сверхъестественной силой, забавы ради мял, плющил и коржил, точно воск, все эти камни, глыбы скал и даже целые горы.

Некоторые фигуры в этом удивительном урочище настолько выразительны и совершенны, что прямо-таки не верится в то, что они созданы без участия человека.

На нашем пути лег огромный каменный лоб, а на его поверхности мы увидели цепочку углублений, похожих на человеческие следы. Иногда такие углубления очень напоминают следы лошадиных копыт или каких-либо других животных. Мусульманские служители культа выдавали такие углубления за следы самого «зятя пророка», святого Али (что-то вроде христианского пророка Ильи), и Тулпара — сверхъестественного крылатого коня, известного также и под именем Дуль-Дуль, на котором будто бы ездил Али.

В прошлом такие места в Узбекистане духовенство объявляло святыми.

День уже близился к концу, когда мы, голодные и уставшие, но зато очень довольные результатами разведки, возвращались к биваку; нам не терпелось рассказать о наших необыкновенных находках.

Все это редчайшее собрание каменных «скульптур» расположено, как в музее, в одном месте, в горном урочище Джинноты на площади в несколько квадратных километров.

С этой местностью, как мы позже узнали, связаны различные легенды и поверья. Одно название урочища чего стоит! Джинноты в переводе означает «обиталище джинна». У чабанов урочище пользуется дурной славой, здесь растет ядовитая трава оташак, вызывающая падеж овец, баранов, коз. Урочище редко посещалось, сюда забредали лишь охотники да чабаны в поисках отбившихся от стада овец.

Но наши рассказы об урочище произвели впечатление. Сюда, в Джинноты, вскоре приехали старшеклассники школ города Навои, туристы из Самаркандской области.

Знакомство с диковинными скульптурами, вечера у костра, ночевки под открытым небом в стране тайн и загадок, которую бдительно стерегут Медведь, Дракон и другие каменные изваянья, наконец, вкуснейшая уха из наловленной прямо руками в горном ручье рыбы — все это надолго останется в памяти каждого, кто посетил урочище.

В этой сказочной стране каменных идолов особенно хорошо весной. Множество ручьев и ручейков с хрустально чистой вкусной водой звенит здесь во всех ущельях и распадках. Трава, особенно в низинах, по пояс. Заросли цепкого кустарника бодамчи — разновидности дикого миндаля — карабкаются по склонам, между нагромождениям камней.

В пору цветения кустарника горы как бы окутаны нежным облаком, почти белым, густо-розовым или с фиолетовым оттенком.

На водоразделе хребта Каратау можно нарвать тюльпанов. Каждый из лепестков величиной с ладонь, может быть немного поменьше? Что ж, проверьте сами.

Урочище Джинноты — может быть, единственная в своем роде местность на территории Узбекистана, уникальный памятник природы. Несомненно его захотят посетить многие любители природы, туристы, краеведы и, возможно, ученые-специалисты.

Всем им хочется сказать: «Добро пожаловать! Приезжайте!»

И. Миндель РЕЧКА МОЯ КОБОЖА

Рассказ

Наискосок от меня подрагивает тусклая вагонная лампочка. Все спят. Один я прислушиваюсь к монотонному постукиванию колес и тоже пытаюсь заснуть. Но глаза сами собой раскрываются, и я ничего не могу с ними поделать.

А мне так нужно выспаться!

Мне нужно выспаться, чтобы утром сойти на станции Кобожа свеженьким как огурчик. Со станции я доберусь на попутной машине до Благовещенки и потом еще протопая пять километров до Бугров. Я пройду по Буграм со своим спортивным чемоданчиком, спущусь к речке и там постучусь в дом с резными наличниками. Я войду и спокойно скажу: «Здравствуй, Маша. Проезжал вот мимо и решил заглянуть...» Нет, нет, не то. Зачем врать? Я скажу ей...

Спать, спать, спать, Бучков!

Я уже сотни раз представлял себе нашу встречу в разных вариантах. То я заставлял ее дома, то находил в поле, то подкарауливал ее на речке, у водомерного поста. А как будет на самом деле? И будет ли?..

Видно, мне так и не заснуть до утра. Зачем, казалось бы, думать об одном и том же? Зачем мучиться тем, что все равно не предугадать? А вот думается — и никуда не денешься. И я уже в который раз вспоминаю, как это началось, с самого истока...

Ровно год назад на крохотном полустанке выгрузили из багажного вагона наше снаряжение. С этого полустанка мы добирались до истока сперва на грузовике, потом на подводе. Проселочная дорога ныряла то в ельник, то в березняк, взбиралась на пригорки и обрывалась где-нибудь у деревенской чайной.

В то июньское утро столько запахов, столько воздуха налилось на меня, что я чувствовал себя обалдевшим и по-идиотски счастливым. Так, наверное, чувствуют себя глупые телята, в первый раз выпущенные на весеннюю травку.

Степан Иваныч, вероятно, заметил, что я пребываю в этом телячьем восторге. Мы молча шагали за скрипевшей по гати телегой. Когда до истока оставалось совсем немного, он спросил у меня:

— Ты чего, Бучков?

— Все нормально,— буркнул я и насторожился: с чего бы это он заговорил со мной?

Но Степан Иваныч и не думал продолжать. Он размеренно шел, глядел под ноги и думал о своем. Уже три дня работал я под его началом, и дай бог, если за эти три дня он обмолвился хотя бы тридцатью словами. Сперва я страшно мучился: он ничего не говорил мне, а я не знал, что мне нужно делать. Когда в первый же день, еще на складе Гидромета, я поинтересовался, чем я должен заниматься, он так полоснул по мне взглядом, что я понял одно: кто-то из нас двоих кретин. И он, конечно, считал, что кретин — это я.

Если бы я хоть что-нибудь знал тогда о Степане Иваныче!

Но я ничего не знал о нем.

Рядом с возчиком сидела на телеге его жена Татьяна Ивановна. Она была всего лет на пять старше меня. И это ей я обязан тем, что попал в их отряд. Она случайно зашла в отдел кадров, когда меня там выспрашивали:

— Когда, говоришь, кончил школу?

— В шестидесятом.

— А с завода почему уволили?

— Сам ушел. По собственному.

— Хм, это я вижу, что по собственному. А у нас чего ищешь? Легкой жизни, что ли? Так вы, юноша, не туда попали.

— А я и не ищу легкой,— неизвестно почему оправдывался я и почувствовал, как у меня краснеют кончики ушей.

Вот тогда-то и выручила меня Татьяна Ивановна.

— Да не пытайте вы человека,— урезонивающим тоном сказала она кадровику и уже дружелюбно мне:— Хотите поплавать с гидрологами, а?..

Так я очутился в гидрологическом отряде Федуловых, или Иванычей, как я назвал их про себя.

И вот я вышагиваю рядом со Степаном Иванычем за телегой. Я ступаю по желтым солнечным пятнам, падающим на дорогу сквозь листву, вдыхаю кислотоватый запах лесной прели и прислушиваюсь к сумасшедшему пересвисту лесных пичуг.

За последним поворотом нам вдруг открылось пылающее оранжевым озерцо, то самое, из которого и вытекала наша Кобожа...

Реки начинаются так же, как люди. Маленький, маленький ручеек еле заметен в болотистых берегах, он елочкой обтекает стебельки травинки и водорослей, гоняет пузатых головастика, похожих на крохотные вертолетики, и тычется в осклизлые валуны. Ручейков много. Но только самым норовистым из них, самым работающим суждено превратиться в большие полноводные реки... Наша Кобожа была пока что совсем жиденьким ручейком, и нам предстояло спуститься по ней от истока до устья...

Мы разгрузили телегу на берегу озера, на выбранной Степаном Иванычем полянке. Таня (так Татьяна Ивановна просила называть ее) распаковала вьючник с котелками, разожгла костер и принялась мастерить ужин. Я помогал Степану Иванычу натягивать палатку. Он работал молча и молча переиначивал сделанное мной, потому что у меня все выходило не так.

Мы закончили возиться с лагерем, когда сосны на другом берегу озера уже проткнули вершинами огромное пунцовое солнце и по вишневному глянцу потянулись на нашу сторону длинные черные тени.

У нас была надувная резиновая лодка, вернее, армейский понтон, на котором мы должны были сплавляться вниз по Кобоже. Мне так хотелось тотчас надуть эту лодку, спустить ее на воду и покружиться по этому колдовскому озеру, так хотелось зачерпнуть ладонью и плеснуть себе в лицо эту настоенную на закате воду!

Но Иванычи уже укладывались в свои спальные мешки, и у меня не повернулся язык попросить у Степана Иваныча лодку. Я тоже залез в спальник, застегнулся и попытался вообразить себе нашу Кобожу. Но она представлялась мне такой, какой я видел ее на карте: неровной голубой линией, словно проведенной рукой ребенка.

В свою первую ночь на Кобоже я спал по-особенному легко и бездумно.

Я проснулся от ощущения, что по моему лицу ползает какая-то букашка, и безуспешно пытался стряхнуть ее. Когда же я открыл глаза, то увидел над собой улыбающееся Танино лицо и желтоглазую ромашку, которую она держала в руке.

— Встава-ай, работниче-ек,— пропела Таня и пощекотала ромашкой мой нос.

Степана Иваныча уже не было в палатке. Я побежал к озеру умываться и увидел, что Степан Иваныч возится с инструментами. Он приветливо кивнул мне.

Вода слегка дымилась, будто вот-вот собиралась закипеть, но на самом деле оказалась чертовски холодной. И я со свистом втянул в себя воздух, когда плеснул ее на грудь.

Так началась моя новая жизнь. До этого я знал только школьную парту, а потом три года наматывал в электроцехе проволоку на сердечники. Но не крутить же мне было эти проводочки до самой пенсии. И потому я таскал теперь за Степаном Иванычем рюкзаки. Я бегал с рейкой, а Таня наводила на нее трубу нивелира. Я лазил по дну ручья и отбирал в железные коробочки пробы илов.

В первое время мы ходили по Кобоже вдоль и поперек — такая она была «большая». Нам предстояло изучить ее до того места, откуда можно сплавляться вниз по течению на понтоне. Я чертовски уставал. Пальцы ног, пятки и щиколотки покрылись у меня кровавыми волдырями, которые я ощупывал по ночам. Днем я ругал про себя Степана Иваныча самыми обидными словами, но не выдавал ни своей усталости, ни боли. Но потом Степан Иваныч послал меня работать с Таней. С ней было легче. Мы отыскивали роднички и устраивали сливы, чтобы вода стекала в бачок. Потом я засекал время, за которое этот бачок наполнялся. Мы ходили мало, а все больше сидели у родничков. Не знаю, так ли уж Таня не могла обойтись без моей помощи, или же Степан Иваныч нарочно приставил меня к ней, но за эти дни ноги мои поджили, волдыри исчезли.

Таня оказалась очень разговорчивой.

— Мне приходится говорить за троих,— как бы оправдывалась она,— за себя, Степана Иваныча и за тебя.

Я ответил, что за себя и сам могу постараться. А молчал только потому, что не обвыкся.

Особенно долго задержались мы у одного родничка, который вытекал прямо из-под коряги, заросшей зеленой плесенью. Насквозь прогнившая, коряга расползалась, лишь стоило к ней прикоснуться, а родничок — и нашел же место — выбивался из-под нее веселой стеклянной струйкой.

Возможно, этот родничок запомнился еще и потому, что вот здесь, около этой блестящей змейки, Таня рассказала мне про

Степана Иваныча. Нет, не все, а только чуть-чуть. Но и то, что я узнал о нем, потрясло меня. И вся моя тревога о том, что вот до сих пор я еще не выбрал своей речки в жизни, без которой не мог бы существовать,— все эти огорчения показались мне мелкими и стыдными.

Я узнал, что Степан Иваныч прошел через большие испытания. Война, ранения, плен, побеги. Но и это было не все. По доносу какого-то мерзавца его посадили, отняли все ордена, которые он получил за наведение переправ. И только в пятьдесят пятом году эти ордена возвратили. Возвратили и партбилет.

— И не вздумай проболтаться, что я тебе рассказала о нем,— предупредила Таня.

Стеклянная струйка со звоном дробилась о дно бачка, потом раздалось гулкое бульканье. Солнце окуналось в ледяную воду и, отразившись, желтыми бликами колыхалось на Танином лице.

— Са-ша, Са-аш. Ты секундомер остановил?

Я и вправду забыл нажать головку секундомера, хотя вода уже давно переливалась через край. Пришлось повторить опыт сначала.

Когда мы уже собрались уходить, я почему-то изо всей силы пнул корягу ногой. Она развалилась, рассыпалась над родничком. На мгновение струйка замутилась, но потом потекла такая же прозрачная, такая же веселая, как и прежде.

Два дня мы рыскали по родничкам. И жестяной бачок позвякивал у меня за спиной...

— Следующая Неболчи. Кто выходит в Неболчи?— это, проходя по вагону, громким шепотом будит пассажиров проводница.

Значит, уже Неболчи. Половина дороги позади. Нет, меньше половины. Как бы заснуть? Посчитать до тысячи, что ли? Нет, все это бесполезно. Проводница только смешала мои мысли. На чем я остановился?

Ага! Вот мы уже плывем на лодке. Это легче, чем ходить пешком. Правда, речка еще не речка. Русло заросло то цепким хвощом, то густым-прегустым тростником. Не больно-то большое счастье продирается сквозь такие заросли. Тем более что ты не на рыбной ловле, а на работе. А то высокий камыш с острыми, как сабли, листьями обступал нас плотным частокотлом. И тогда я упирался багром в жидкий илистый грунт и рывком отталкивал лодку. Стебли скреблись, шаркали о шершавое дно понтона. И от этого в ушах у меня постоянно шумело.

Иногда мы выбирались из камышей в небольшие плесы. По их лакированной поверхности плавали зеленые листья лилий,

а над ними, словно торшеры, торчали на длинных ножках еще не распустившиеся тяжелые бутоны. Особенно хорошо в этих местах в сумерки. Оранжевый обруч стягивает горизонт, белесая луна вырисовывается на постепенно темнеющем небе, а на воде причудливо переливаются все цвета радуги.

Через несколько дней мы сплавились уже по-другому. Ни камыш, ни хвощ не мешали нам. Кобожа раздалась. Берега пошли песчаные, крутые. Мы плыли по опрокинутым в черную воду отражениям сосен. Сосны тянулись по обоим берегам. На середине реки кроны их переплетались, и мы неслышно скользили по темно-зеленым ветвям, желтым стволам и голубым прогалинам неба, которое проглядывало сквозь деревья.

Река петляла, будто играла с нами. За каждым поворотом появлялось что-нибудь новое, неожиданное. То белая-белая, усыпанная хлопьями ромашек поляна прислонялась к самой воде. То кряжистая старая береза с морщинистой корой забредала в речку по самую щиколотку, а ветер трепал ее зеленые космы. А то вдруг за поворотом прямо на нас съезжали вдоль серой наклонной дороги серые избы с крестами телевизионных антенн на длинных шестах. На четвертый или пятый день нашего плавания Кобожа как-то неестественно разлилась. И к полудню мы уперлись в игрушечную плотину. Эта плотина осталась еще с тех времен, когда колхозы строили собственные электростанции. Плотины тогда делали щитовыми: загоняли поперек русла столбы, а потом в пазы, выдолбленные в них, вставляли деревянные щиты.

Мы замерили перепад уровней: всего полтора метра.

— Будем перетаскивать по бережку, да? — спросила Таня у Степана Иваныча.

Тот посмотрел на меня, и два озорных чертика заплясали в его зрачках.

— А не махнуть ли нам, Бучков, через плотину, а?

— Степа-ан,— осуждающе протянула Таня.

Я ничего не понял.

— Поднимем один щит — и как с трамплина,— пояснил Степан Иваныч.

— Ну, Степа-ан...

Я, конечно, был не за то, чтобы перетаскивать вещи на своем горбу.

Таня ругала нас, а мы втроем — я, Степан Иваныч и дежуривший на станции электрик — вытащили один щит и еще постояли, полюбовались на вдруг захлобывавший и зашумевший водопад. Пласт воды перегибался и падал куда-то вниз. И уже там, внизу, дробился на мелкие осколки. Мне стало немного не по себе.

А Степан Иваныч уже спускался к лодке. Я кинулся его догонять. Таню мы оставили на берегу.

Степан Иваныч сел сзади, я — на весла. Мы выбрались на середину. Нацелились в дыру, зиявшую в плотине.

— Главное, точно и с разгону,— сказал Степан Иваныч.

— Ясно.

— Ну, давай.

Я налег на весла. Лодка медленно двинулась вперед.

— Загребай справа! — командовал Степан Иваныч.

Я загребал.

— Слева!

Я загребал.

— Еще слева!

И вдруг нас потянуло в отверстие. Степан Иваныч кричал что-то. Но лодка точно взбесилась и уже не слушалась меня.

Я увидел небо, Таню на берегу.

Вопль Степана Иваныча:

— Суши весла!

Стремительная лавина накрывает меня с головой. Я захлебываюсь. Вокруг вода. «Выплыть! Во что бы то ни стало выплыть!» Отталкиваюсь руками и ногами. «Выплыть!» Веки у меня сомкнуты. Боюсь разжать их. А когда все-таки открываю глаза, оказывается, что я уже на поверхности. Лихорадочно шлепаю по воде ладонями и бутсами. Одежда отяжелела и тащит вниз. А плотина уже далеко позади.

И тут слышу голос Степана Иваныча:

— Ты чего это, Бучков?

Он подплывает ко мне на лодке. Мокрые волосы липнут ко лбу.

— Ты чего? Испугался, что ли?

Только теперь я понял, какую выкинул штуку. Мало того, что бросил Степана Иваныча, когда весла были в моих руках. С перепугу, оглушенный хлынувшей на меня водой, я почему-то выскочил из лодки. Из того самого понтона, который ни при каких обстоятельствах не затонул бы. А нырнув с лодки, я рисковал напороться на сваю, на доску, на какую-нибудь железяку, что в таком изобилии понатыканы обычно возле плотин. О Степане Иваныче, который остался под водопадом один, без весел и потому совершенно беспомощный, я и не подумал. Правда, все это мне пришлось в голову после, когда я выжимал одежду на берегу...

— Граждане, кто выходит в Неболчи? Стоим десять минут. Вот и Неболчи. Еще каких-нибудь четыре часа — и я в Ко-боже.

Кто-то скандалит в тамбуре. Даже здесь слышно.

— У меня билет! Во! Видишь?

— Сойдите, гражданин. У вас не на этот поезд.

— А ты не хватай меня! Не хватай!

У Верещит свисток. А бас уже вваливается в вагон. Он ругается сипло, пьяно. Где-то в другом конце вагона пискнул ребенок. Проснувшиеся женщины втихомолку возмущаются.

Какого черта этот тип измывается над всеми?

Я спускаюсь с полки. Влезаю в ботинки.

Обладатель испитого баса — дюжий детина блатного вида в ушанке и в растерзанном пиджаке.

— А ну-ка, милоч, давай отсюда. — С таким, пожалуй, только так разговаривать.

— А ты откуда такой выискался?

— Вот что, я человек нервный. Потому уматывай, пока я такой добрый.

— Ах ты...

Пока он топчется в проходе со своим багажом, я руками и плечами подталкиваю его к выходу. Ему удается садануть меня в живот чемоданом. Но вот я выволакиваю скандалиста в тамбур и с помощью проводницы вышвыриваю из вагона...

Фу ты, дьявол! Сердце колотится, как ошалелое. Под ложечкой тупая ноющая боль.

А вагон уже подрагивает, катится. Я снова втискиваюсь на свою полку. Ну и дурацкая выдалась ночь! Спать бы себе и спать. И не связываться бы ни в какие истории. Да теперь и засыпать не стоит. Всего каких-нибудь два часа осталось до рассвета...

Да, Кобожа, Кобожа!

Маленькая голубая веточка, прикрепленная к ветви побольше — Мологе. А уж Молога вместе с раздувом Рыбинского моря держится на еще не окрепшем стволе Волги.

Ниже той злополучной плотины Кобожа становится все красивее. Вода будто погустела, текла лениво, медленно. Деревья, проткнутые солнечными иглами, окунались в голубые плесы. А то река вдруг раздавалась вширь, и от желтых берегов стремительно летели по воде желтые стрелы песчаных кос. Потом потянулись по обоим берегам штабеля сосновых бревен. Лес готовили к сплаву. Коричневая кожа бревен шелушилась, словно от загара.

Я совсем освоился и делал все, что мне говорили. Степан Иваныч научил меня пользоваться нивелиром. Я стал на «ты» и с другими приборами: вертушкой, донным грунтоносом.

— Са-ань, ты вернешься домой гидрологическим профессором. И будешь задирать нос, а? — льстила мне Таня, проверяя мою работу.

Степан Иваныч не хвалил и не ругал меня, зато без долгих объяснений он проводил на карте линию:

282— Замерь, Бучков, расход по этому створу.

Чем дальше мы продвигались, тем больше прибавлялось у меня обязанностей. Но выпадали и такие дни, что я попросту слонялся без дела. Это бывало, когда попадались водомерные посты. Оказывается, на всех сплавных и судоходных речушках и уж, конечно, на всех больших реках есть такие посты возле деревень. Специально поставленные люди каждое утро и вечер суют в воду градусники, записывают уровень воды в речке по разбитому на сантиметры и вбитому в дно рельсу.

Иванычи два-три дня проверяли водомерный пост, подгоняли камералку. А я в это время чинил понтон, чистил котелки или, как говорится, бил баклуши.

И еще я был рад таким дням потому, что оставлял Степана Иваныча и Таню вдвоем. А то все втроем да втроем. Правда, Иванычи никогда и ничем не намекали мне, что я лишний. Но иногда, особенно по вечерам, когда простодушная Таня подходила к Степану Иванычу и что-то нараспев говорила ему, тот боязливо косился на меня и снимал ее ладонь со своего плеча. В таких случаях я старался незаметно ускользнуть вместе со спальником подальше от палатки. Но через некоторое время Таня неизменно находила меня где-нибудь в траве, слепила китайским фонариком и упрекала:

— Ты чего убежал, Са-ань?

Она запускала пальцы в мои спутанные вихры и тормозила меня:

— Ну пойдем, глупый, тебя ждет Степан Иваныч.

Я чувствовал как она по-хорошему, с грустинкой улыбалась в темноту. И я был уверен, что вот ни на столечко не нужен им двоим. Но вот ведь какие смешные эти Иванычи — неловко им передо мной. Таня тормозила меня, уговаривала, и я почти всегда поддавался уговорам...

Вечером шестого июля мы приплыли в Бугры. Причалили прямо к мосткам водомерного поста. Степан Иваныч оставил нас на берегу и стал забираться по крутому откосу вверх — искать водомерщицу.

— Ой, и завидую тебе, Са-ань,— сказала мне Таня, будто и вправду завидовала,— три дня — представляешь? — три дня, и все твои.

Очень хорошо представлял я себе эти три дня. Возьму книжку и подамся в лес. Почитаю, пособираю землянику и опять почитаю. Красота!

Мы выволокли лодку на берег. Я отвинтил ниппель, и лодка, вздохнув, осела. Мы еще долго дожидались Степана Иваныча. Оранжевое огромное солнце уже покатилося по темной кромке горизонта, а он все не приходил. Я уже собрался было отправиться на поиски, как с обрыва, балансируя руками, вдруг скатилась к нам девчушка лет пятнадцати.

— Маша.

— Чего? — не понял я.

— Маша Щеглова. Это все ваше? — она кивнула на сваленное в груды снаряжение, подхватила рюкзак, еще какой-то сверток, и ее загорелые икры уже замелькали на крутизне.

— Что же вы? Идите за мной! — обернулась она в нашу сторону.

Мы еще не успели ни о чем расспросить ее, а она уже забралась на обрыв и так же стремительно исчезла, как и появилась.

Я неуверенно взялся за вьючник, Таня — за футляр с нивелиром. Но мы не знали, куда тащить все это.

И тут раздался голос Степана Ивановича:

— Чего вы там топчетесь? Подымайте все вверх.

Оказалось, что эта Щеглова и есть водомерщица. И что Степан Иванович ждал, пока она не вернулась с поля. И что Щеглова живет одна в целом доме. И как удобно, что мы можем остановиться прямо у нее.

Все это я пропустил мимо ушей. Тогда, на берегу, с вьючником на спине, я думал о том, чтобы поскорее перетаскать эту грудку вещей, об ужине, о постели, о чем угодно, но только не о заурядных Буграх и этой водомерщице Маше Щегловой.

А та прилетала еще и еще, пока мы все не перенесли в ее дом. В избе она сновала туда-сюда, о чем-то говорила, что-то переставляла.

— Александр? Саша, значит. Спустись в погреб, вон туда. Набери картошки. А я печь затоплю.

В Ленинграде незнакомые девушки обращались ко мне на «вы». Но ведь то в городе. А между городом и деревней хоть грань и стирается, но все еще существует. Это я зазубрил еще в школе и потому, не обижаясь, полез в погреб.

Степан Иванович и Таня устроились в горнице за столом и тут же зарылись в Машины журналы. Такая уж у них каторжная работа: днем на реке вымотаются, а по вечерам корпят над бумагами.

Я чистил картошку, а Маша Щеглова сперва помогала мне, а потом убежала:

— Слетаю до бригадира. Скажу, что на покос завтра не выйду. Начальство, скажу, мое прибыло.

Изба у Щегловой не новая, но добротна сбитая. Сенцы крохотные. Войдешь — направо большим кубом громоздится печь, возле окна лавка и чисто выскобленный дощатый стол, налево дверь в горницу. Горница выбелена, на стенке тусклые фотографии в деревянной рамке, в уголке икона: какой-то святой в венце из конфетной фольги.

— Все материна память, — объяснила Маша. — Это она водомерщицей числилась. А после ко мне должность ее перешла,

как бы по наследству. Вот уж полтора года сама с речкой управляюсь.

Только все это было назавтра. А тогда, в тот первый вечер, я примостился на лавке и смотрел, как ловко эта девчонка звенела чугунами, орудовала ухватом, шуровала дрова в печи. Свое полевое коротенькое платьице, из-за которого я принял ее за подростка, она сменила на домашний балахон, наверное тоже оставшийся от матери. Широкие рукава она закатала чуть но по самые плечи, и оранжевые отблески огня колыхали ее руки и лицо. Нос у нее загигался к небу и будто оттягивал верхнюю губу. А из-под губы выглядывали ровные влажные зубы. Чернявая, с пушистыми бровями и чересчур легкая, эта Маша Шеглова, наверное, показалась бы пигалицей рядом с Лариской Таланкиной — нашей заводской Софи Лорен. Но во мне, видно, что-то вывихнуто, потому что я не чувствовал ничего особенного, когда целовал в подъезде накрашенные Ларискины губы. А с Машей совсем другое. С того самого вечера, шестого июля, когда я сидел на лавке и глядел на эту девчонку, меня словно перевернуло. Правда, тогда я еще не знал этого. Тогда я не мог и подумать, что так по-глупому влипну за пятьсот километров от Ленинграда, от города, где живет по крайней мере пол-миллиона моих сверстниц.

В ту ночь, с шестого на седьмое, я лежал на полу в своем мешке, а где-то рядом спали Иванычи и Маша. Не знаю, снилось ли ей тогда что-нибудь. Но мне уж точно ничего не снилось. Полночи я представлял ее и себя героями нелепого черно-белого фильма. Черная, оттянутая кверху губа и белые-белые зубы. Черная вода кругом и белый песчаный остров. И Маша, вся белая, без загара, даже странно, что она такая белая. А что я знаю о ней? Ровным счетом ничего. И что будет, если ленинградский парень, знаток литературы и завсегдафай филармонии, дважды абитуриент, хотя и неудачный, убедится, что его вологодская водомерщица непроходимая дура? «Слетаю до бригадира». И на чем мы можем поладить?..

Тогда, в ночь с шестого на седьмое, я спасся от своих фильмов и запутанных мыслей только тем, что нечаянно заснул.

А когда проснулся, в горнице уже никого не было. Стрелки допотопных ходиков сошлись на цифре девять. В избе — никого. На столе в кухне записка; «Задание — просмотреть и залатать понтон. Саша, поесть вытащи из печи». Первое предложение было написано неразборчивым почерком Степана Иваныча, второе — ровными круглыми буквами, но не Таниными. Куда же все подевались?

Я никак не мог вспомнить, о чем думал вечером? Ага, пастораль атомного века! Дитя городской цивилизации и простодушная водомерщица. Какая чушь!

С помощью такого совершенного инструмента, как ухват, я ловко опрокинул чугунок с каким-то варевом. Мне пришлось чуть не по пояс засунуться в печь и ложкой выгребать оттуда сдобренную золой жижу.

Замаскировав следы своих печных опытов, я наскоро пожевал что-то всухомятку и потом до полудня возился с понтоном. Никто не приходил.

Я долго искал, чем бы запереть избу. Но не нашел ни замков, ни ключей и, плюнув на все, подался на Кобожу.

Спустился к воде и пошел по песчаной кромке под самым обрывом. Из норок, темневших в береговом обрыве, стремительно вылетали стрижи и пересекали воздух своими острыми крыльями. Птицы пронеслись над Кобожей, круто взмывали вверх и там кувыркались в теплой бархатной голубизне.

Я плюхнулся на горячий песок. Речка перемывала белые песчинки, и мне казалось, что я слышу, как они трутся друг о Друга.

Рассыпалась где-то дробь мотора. Пересвистывались птицы. А мне было лень пошевелиться. И думать тоже ни о чем не хотелось. Я смотрел на сосну, что наливалась смолой на другом берегу, на ее шелушившийся ствол, на ее размашистые ветви и чувствовал себя таким же безмятежно спокойным, как она.

... «Хвойная, Хвойная. Стоим десять минут»...

Уже Хвойная. Станция с красивым названием. Ну да бог с ней. Что же было дальше?

К вечеру я возвратился в избу. Троица оказалась дома. И уже работала над бумагами.

— Ты чего так рано, Са-ань? Проголодался, что ли?

— Ты с понтоном разделался, Бучков?

— Хочешь творогу, Саша?

Я проголодался, с понтоном разделался еще до обеда, а творог уписал тотчас, как только Маша поставила миску на стол.

Оказывается, все трое с утра гонялись за колхозным начальством и добивались каких-то там досок и железак для ремонта поста. Меня, конечно, решили не будить: не мое, мол, это дело. Но после творога я взмолился:

— Степан Иваныч, братцы, да что ж это такое? Неужели я до того тупой, что ничего не разберу в ваших науках?

Не знаю, стал бы я тогда напрашиваться, не будь Маши. Когда же Степан Иваныч усадил меня возле нее, я понял одно: все мои дурацкие уловки с самим собой — чушь и обман. Весь День я настраивал свою скрипку на другой лад — и все оказалось напрасным.

Я сидел возле Маши, выписывал какие-то цифири, а глаза сами собой косились на нее. Я тайком разглядывал ее профиль, ее руки. Я еще ни у кого не встречал таких рук, как у Маши. Узкие кисти и тонкие чуткие пальцы, кулачок с четырьмя остры-

ми бугорками сновали над страницей. Кожа па косточках натянулась и пересекалась паутинками ввевшейся земли. Я смотрел на эти руки — и сердце у меня заходило от непонятной тревоги.

Изящная наманикюренная Лариска показала мне тогда накрашенным пугалом. А ведь многие наши девчонки завидовали Ларискиной стати.

Я выписывал цифры в столбцы, подсчитывал суммы, и каждый раз у меня получалось по-разному.

— Мальчики-и, девочки-и, скоро вы закончите? — спросила у нас Таня, когда я уже очертенел от арифметики.

При Степане Иваныче Таня часто разыгрывала из себя мою наставницу, нечто вроде заботливой матери. Я убежден, что Степан Иваныч посмеивался в душе над этой Таниной слабостью. А ей, наверное, казалось, что этим она увеличивала пятилетнюю разницу в нашем возрасте по крайней мере втрое. И поэтому она сказала:

— Хватит вам, детишки, трудиться. Ступайте поразвлекайтесь.

Мы с Машей переглянулись — она угадала мои мысли. |

— Я поведу тебя на пятачок. Вот переоденусь только,— и, не дожидаясь ответа, Маша юркнула в сени переодеваться. А я по такому случаю напялил праздничную ковбойку.

— Ну, кавалер, ваша дама готова.

При каждом Машиной шаге покачивалась, подрагивала на ней широкая «фестивальная» юбка, а ее загорелые плечи просвечивались сквозь нейлоновую кофточку.

«А моя маленькая водомерщица,— думал я,— понахваталась верхушек. Даже туфлишки у нее на гвоздиках. А посмотрим-ка, милая, что у тебя внутри».

Я уже наперед посмеивался не столько над ней, сколько над собой. Угроздило, мол, и в кого...

— Если ты собираешься отплясывать со мной под гармошку вологодскую кадрили, то предупреждаю: я не тот партнер. Умею только фокс, танго и танец маленьких лебедей.

Я чуть сам не споткнулся о ту самую грань, которая будто бы существует между городом и деревней.

— Во-первых, у нас не танцуют кадрилей. Во-вторых, у пас играет радиоло. А в-третьих, не задавайся.— Моя маленькая водомерщица умела цапаться. Но меня уже понесло.

— Извините, сеньора, я не знал, что Бугры — это центр мировой цивилизации. Радиолы, телевизоры, высокая музыкальная культура. Скажите, а рогатый скот у вас тоже приобщается к музыке? — спорил я глупость, заметив проходившее рядом стадо.

Маша недобро посмотрела на меня:

— Если ты имеешь в виду себя, то приобщается. А вообще-то ты дурак. Я сперва думала, что ты не такой.

Возле клуба на бетонированном пятачке толкалась под радиольную музыку молодежь.

— А где же колорит? — спросил я у Маши.

— Какой колорит?

— Ну там псковский, вологодский, бугровский...

— Привет, Машенька. У тебя новый кавалер? — крикнула какая-то девица из танцующих.

— Новый, но с брачком,— громко объявила Маша.

Ого, мои камешки превратились в булжники и полетели в мой же огород.

Мы вошли в круг. Я слегка обнял Машу и почувствовал ладонью ее горячую спину. Мне бы в самый раз помолчать, но я уже не мог остановиться:

— Ну и скучища у вас. Где же колорит? Уж лучше плясать кадрили и орать частушки, чем так бездарно толкаться.

— Вот заладил.

Маша выскользнула из моих рук и зло сказала:

— Что ж, сейчас устрою тебе колорит. Вася! Вася!

Не хватало мне только познакомиться с Васиными кулаками. И ничего не скажешь, поделом.

Она нашла Васю и упростила его притащить баян.

— Тихо, девчата. Выключите радиолу,— командовала Маша. А потом втолковывала Васе:

— Сыграй, Васенька, кадрили. Понимаешь? Кад-риль.

— Какую кадрили! — испугался тот.— Я не умею.

— Вот горюшко. А к нам приехал товарищ из Ленинграда специально за кадрилью. Ну уж коли не умеешь, давай частушки.

— Это можно.

Васины пальцы забегали по ладам, он лукаво улыбнулся и затянул скрипучим голосом:

Как моя милашка Нина
назвала меня свиньей.
Бабы думали свинина,
встали в очередь за мной.

Потом вперед вышла верзилстая девица, та, что интересовалась Машиным кавалером, и завизжала уже на другой мотив:

Мне не надо милаво
хромого да хилаво.
Я матаню выберу
по своему калиберу.

Они демонстрировали передо мной бугровский фольклор с Полчаса. Я так и не понял, издевались они надо мной или же и вправду у них всегда поют такие заковыристые частушки.

К счастью, Васе вскоре надоело наяривать одно и то же. Из динамика вновь хлынула в сумерки музыка. Танцы возобновились.

— Ну как тебе наш колорит? — с издевочкой спросила Маша, когда мы затесались с ней в самую гущу танцующих.

— Один — ноль.

— То-то же.

Я наклонился к Машиному уху и предложил:

— Смотаемся отсюда, а?

Она потянула меня к выходу, и мы пошли по дороге на Благовещенку. Вечер был теплый и темный, без звезд, белела лишь накатанная дорога, стиснутая волнующимися хлебами. Сладковатый, с пылью ветерок налетал то теплыми, то холодными волнами.

Я обхватил Машу за плечи. Она по-хорошему молчала. Я тоже. Думалось о чем-то странном. «Маша. Какое удивительное имя. Простое-простое. И древнее, как вот это небо».

— Маша-Маша, хочешь, я сейчас нырну в рожь и потеряюсь?

— Это пшеница.

— Ну все равно.

— Нет, не хочу.

У меня затекла рука, которая лежала на Машиной плече, но я боялся пошевелить пальцами.

— Знаешь, Маша, приезжай в Ленинград, учиться. У тебя ведь десятилетка и стаж. Не век же ты будешь водомерщицей?

— А я водомерщица так, между прочим. Днем я работаю в колхозе. А учиться я пойду. На учительницу или агронома. Или нет. Лучше на балерину.

Сзади нагоняла нас машина, и наши длинноногие тени вытянулись вдоль всей дороги.

— Ой, куда мы ушли. Давай повернем.

Мы переждали на обочине, пока грузовик проскочил мимо нас, и повернули назад. И тут я сморозил такое, что мне до сих пор стыдно.

— Маша-Маша,— спросил я у нее,— ты знаешь, что такое любовь с первого взгляда?

— Знаю. Это аргентинский фильм с Лолитой Торрес. Я два раза смотрела. Ничего особенного.

— Я серьезно, Маша.

Она попыталась высвободиться из-под моей руки. Я не пустил.

— У вас все такие? Или ты считаешь меня деревенской дурочкой?

И тут я бросился от нее, перепрыгнул через канаву и закричал:

— Это я дурак! Дурак и сумасшедший! Ма-ша! Ма-ша!

— У тебя действительно не хватает. Пойдем домой. Я замерзла.

Маша чуть не бежала, но ей мешали гвоздики.

Деревня уже затихла. Лениво перелаяивались собаки. Над прищипленными к редким столбам лампочками повисли радужные кольца.

—« А-а, вернулись, гулящие. А я вам борщ состряпала.

Иванычи настроили Машин приемник на Рахманинова. Лица у них были отрешенные, и про борщ Таня сказала только потому, что продолжала играть роль заботливой матери. Но от борща мы отказались. На душе было пусто, будто из меня ушло что-то большое и теплое. И никто в этом не виноват. Просто мне в башку втемяшилась блажь, которую надо вышибить. Ну что я нашел в этой Маше? И почему меня должно трогать, что какая-то девчонка подумала обо мне не то?

— Ты чего такой невеселый, Бучков?

Музыка кончилась. Степан Иваныч подошел ко мне и тряхнул за плечо.

— Признавайтесь, мальчики и девочки, куда вы ходили? На гулянье или на похороны? — Значит, и Таня заметила, что мы оба — я и Маша — не в своей тарелке.

— Я Сашу с «колоритом» знакомила. А он после этого «колорита» какой-то странный стал.

— С каким колоритом?

— С нашим. Бугровским.

— Ты чего отмалчиваешься, Бучков?

Чего им всем нужно от меня? А Маша тоже хороша. Даже «колорит» припомнила.

— Как вы думаете, Степан Иваныч, подлец я или хороший? Или так себе: ни рыба ни мясо.

— А сам-то ты себя как считаешь? — поставил меня в тупик Степан Иваныч.

— Всем,— ответил я,— и подлецом, и хорошим, и серединкой наполовинку. Когда как придется.

— Са-ань, ну что ты на себя наговариваешь? — вмешалась Таня.

— А он такой. Сложный. Ты ведь сложный, Саша? — В Машиной тоне чувствовалась неприкрытая издевка.

— Нет, Бучков. Эта сложность выдуманная. Если человек хороший, то он всегда хороший. А если он по натуре дерьмо, то он всегда дерьмо.

Я, конечно, уважал Степана Иваныча. Не приведи, как говорится, бог никому пережить такое, что досталось на его долю. Но в душе я с ним не соглашался. Я мог привести много примеров, когда хорошие люди поступали не по-хорошему, а плохие не по-плохому. Но я уже жалел, что затеял этот разговор. И все из-за Маши.

А Степан Иваныч будто настроился на мою волну: так правильно разгадал он мое невысказанное.

— Да, Бучков, я встречал и другое. И это самое страшное. Иногда хороший будто бы человек поддается угрозам или обстоятельствам. Одни малодушничают, отступают перед трудностями. Другие идут даже на подлость, на преступление, чтобы спасти свою шкуру. Но разве это сложность натуры? Это трусость. И значит, такой человек дерьмо. А ты говоришь, когда как придется.

— Все равно я не согласен с вами,— буркнул я, соображая, что бы ему такое ответить. А ответить было трудно, потому что он говорил правильно.

Выручила Таня.

— Спорщики-и, пора баиньки. Завтра разберетесь.

Пока Иванычи укладывались в горнице, мы оба — я и Маша — устроились в кухне за столом и углубились в первые страницы первых попавшихся под руку книг. И вдруг я стремительно придвинулся к Маше и поцеловал ее куда-то в подбородок. Потом также стремительно отпрянул и ждал, пока она хлопнет меня по физиономии. Но Маша как-то странно посмотрела на меня. И казалось, что она вот-вот расплачется...

... — Скоро Кобожа. Кто слазит в Кобоже? Вы, молодой человек, слазите в Кобоже?

— Да, я сойду в Кобоже.

Ветренный рассвет уже всю орудует за вагонными окнами. Собираться мне недолго. Спортивный чемоданчик наготове. Остается лишь спуститься с полки, зашнуровать ботинки и натянуть куртку. Все это занимает у меня три минуты. Я сажусь у окна и жду остановки...

Восьмого июля прошлого года был такой же рассвет. Я проснулся от стука в окно.

— Щеглова, ты сегодня выходишь на покос?

Маша, завернувшись в одеяло, прошлепала босиком до окошка, толкнула створки, пошептала с бригадиром. Потом засеменила к кровати, на которой спали Федуловы, и дотронулась до плеча Степана Иваныча.

— Я вам нужна сегодня?.. Ага, тогда я пойду.

Она кивнула бригадиру, маячившему в окне, и тот исчез.

Маша собрала со стула свою одежку и как была — завернутая в одеяло — выскользнула в дверь.

Я мигом оделся. Свернул спальник и спросил у Степана Иваныча то же, что и Маша.

— Можно?.. Ага, тогда я пойду.

Степан Иваныч, видимо, ничего не разобрал спросонок.

Я нашел Машу в сенях. Она возилась с керосинкой: борщ разогревала.

— С чего это ты поднялся в такую рань? Не спится, что ли?

На ней было то самое линялое платьице, в котором я впервые увидел ее на берегу.

— А я решил помочь колхозу. Так сказать, город — деревне.

— Что ты плетешь?

— Ничего, пойду с тобой и все.

— Ой, ненормальный.

Маша отговаривала: люди, мол, засмеют нас. Но "я все-таки увязался за нею.

Возле правления мы забрались в грузовик, куда уже набились колхозники.

— Глянь-ка, Щеглова работничка завербовала.

— Ты как, парень, за трудодни нанялся или за харчи?

— А вилы-то он удержит?

— Ой, бабоньки, чует мое сердце: гулять нам вскорости на свадьбе.

Бабы всю дорогу зубоскалили. Я сперва отшучивался. Потом решил: пусть их потешатся.

А Маша почему-то загрустила. На меня обиделась, что ли? Она шурилась на ветру, морщила нос, и оттого ее верхняя губа оттопыривалась больше обычного. Утренний холодок забирался под старенькую полотняную кофточку и выступал пупырышками на шее и лице.

Мне бы обхватить ее за плечи, загородить от ветра. Но бабы бдительно следили за нами.

Делянка, куда нас привезли, раскинулась по обе стороны серповидной старицы. Все поле было в ровных бороздах скошенной и высохшей травы.

Женщины разобрали грабли, и каждая заняла свой валок. Я тоже схватился за грабли и хотел присоединиться к Маме. Но помбригадира Матвей, тщедушный мужичонка, рассудил иначе.

— Э-э, елки-моталки, не мужчинское это дело. Уж коли собрался ты, молодец, крестьянствовать, так бери конягу и сгребай валки в копны.

— Ну что ж, давайте конягу,— подчинился я.

У меня не было ни малейшего представления о том, каким макарон мы вдвоем — я и коняга — будем загребать валки в копны. Но Матвей, добрая душа, объяснил.

Все очень просто. Полутораметровая горбылина привязывается концами к длинным вожжам. Ты становишься на горбылину, хватаешься за вожжи и с видом древнегреческого колесничего направляешь лошадь вдоль валка. Лошадь тянет,— и перед тобой растет ком сена.

Я усвоил эту премудрость на лету, но в первый раз не смог вовремя остановиться. Ком сена передо мной вспухал, разрастался, и оно уже колыхалось на уровне моих глаз. Пока я размышлял, кричать мне «тпру» или не кричать, копна наехала на меня, скovyрнула с горбылины и накрыла с головой. Когда, побарахтавшись, я выбрался из-под нее, бабы радостно гоготали. Одна Маша взмахивала граблями и будто ничего не замечала.

Со второго раза у меня все получилось как надо. Я почти не отставал от Матвея с его конягой. И если бы я не косился ежеминутно на Машу, выискивая ее среди колхозниц, уверен, что за мной не оставалось бы ни стебелька и мои копешки были бы такими же аккуратными, как у Матвея.

К обеду на делянке повыврастали большие мохнатые грибы. Ноги и руки дрожали у меня от напряжения и усталости, сухая колючая трава забиралась под рубашку и прилипала к потному телу, но зато среди этих грибов по крайней мере два десятка вырастили мы: я и моя рыжуха.

После обеда начали метать скирду. И я, плюнув на бабы насмешки, вертелся возле Маши. Правда, орудуя вилами, я выглядел рядом с нею неуклюжим увальнем. Но на это мне тоже было наплевать.

Вот она ловко накалывает вилами ворох сена и поднимает его над головой своими тонкими сильными руками. Слегка перегибаясь назад, она подносит этот ворох к скирде. И тогда над ее загорелыми икрами открываются нежные белые сгибы. Она тотчас поворачивается и идет за новым ворохом. И все это повторяется много, много раз...

Вот и станция. Моя станция. Надо выходить.

Я прощаюсь с проводницей, спрыгиваю на перрон и прохожу сквозь пустынный гулкой вокзальчик на пристанционную площадь. Мне везет. Одинокий притулившийся к забору грузовичок дожидается пассажиров на Благовещенку. Я стовариваюсь с шофером и лезу в кузов. И вот мы уже тарыхтим по дороге. Двадцать минут до Благовещенки, еще сорок до Бугров, и...

Нет, нет, не верится, что еще каких-нибудь шестьдесят минут — и я увижу Машу. Один только час — и я буду смотреть в ее зрачки и возьму ее руки в свои, как в тот раз, после уборки...

Тогда я уговорил ее не возвращаться в деревню вместе со всеми на машине: уж больно досадили мне языкастые бабы, а добираться до Бугров пешком, не спеша. Маша долго противилась: что, мол, подумают люди, и дорога далека, и мыслимо ли тащиться на своих двоих после такого дня. Но я, видимо, докапал ее своим убитым видом, и она согласилась.

Мы остались вдвоем. Шли по проселку. Над землей перебивался теплый воздух. Дальние деревья колыхались в этом воздухе и казались ненастоящими, отраженными. От дурманящего запаха разнотравья кружилась голова. Тяжелые мохнатые шмели, пьяные от нектара, лениво кружились над дорогой.

— Так и будем молчать? — спросила Маша.

— Так и будем.

А ладони и пальцы у нее были шершавыми. Плечи узенькие. Над ключицами — ямочки. А виски и шея совсем, совсем соленые.

Уже невидалеке от деревни мы свернули к пристроившейся на пригорке церквушке. Белая штукатурка на гладких стенах сохранилась, а вот купол пооблез. Церквушка была заперта. Мы решили отдохнуть и опустились на теплые каменные ступени.

— Подними голову, вот так, — приказала Маша и сама отогнула мой подбородок.

Церквушка казалась легкой и воздушной, упирающейся в самую синеву неба своим заржавленным крестом. А когда надвигалось похожее на огромный одуванчик облако, то чудилось, что церквушка плывет куда-то, а вместе с ней плывем и мы.

— До чего здорово, Маша-Машка.

Она поднялась на ступеньку выше и положила мою голову к себе на колени. Я прижался щекой к ее ногам. Я отыскивал губами острые царапинки на ее теплых круглых коленках...

— Эй, парень! Заснул, что ли? Тебя где ссадить? У леспромхоза?

— Я здесь слезу.

До Бугров — добрый пяток километров. Но машины проезжают здесь редко. И поэтому я выхожу на укатанный проселок — пешком надежнее и быстрее. Если не сбавлять шага, то через сорок минут я буду на месте. Застану Машу или нет? Ведь сегодня воскресенье. Правда, в такую горячую пору колхозники работают и по выходным. Но чем черт не шутит? Авось повезет. А если нет, я дождусь ее у водомерного поста. В восемь вечера она спустится туда: это время замеров. И от церквушки-то мы ушли в тот раз только потому, что Маша спешила на пост.

А как нас встретила тогда Таня:

— Ах вы мои трудяги. Какие же вы усталые и растерзанные. А что, это очень тяжело сгребать сено?

В тот вечер я один спустился к речке и смерил за Машу температуру и уровень воды в Кобоже. Вода была что парное молоко: двадцать три градуса. Я выкупался и еще посидел на мостках, прислушиваясь к лягушачьему переквакиванию и зу-

дению мошкеры, которая закручивалась надо мной винтом. И вдруг я подумал о самом страшном: завтра, завтра последний день рядом с Машей. И то где-нибудь на покосе. А уж после-завтра я буду черт те где!

Будь моим начальником не Степан Иваныч, а любой другой, плюнул бы я на все и остался в Буграх. А там будь что будет. Но не везет мне на плохих людей. А тут еще и Таня. Ну как их бросить? И с завода-то я уходил с тяжелым сердцем: уж больно не хотелось оставлять ребят и мастера Филимоныча.

Душный воздух словно застыл над Кобожей, и мне казалось, что эта духота давит и давит на виски.

Когда я вернулся в избу, бодрствовала одна Маша. Она дождалась меня:

— Ты куда запропастился? Я уже собралась искать тебя.

— Да вот хотел утопиться в Кобоже.

— Чего ж не утопился?

— Представил, как попадусь на крючок какому-нибудь рыбаку. Очень это ему будет неприятно. Ты знаешь, я видел как-то утопленницу, так две ночи не спал после этого.

— Ужас как интересно, — передернуло Машу.

Не знаю, чувствовала ли она то же, что и я. Глаза у нее были растерянными и тревожными.

— Я завтра опять с тобой пойду, — сказал я Маше и провел ладонью по ее щеке и волосам.

— Не надо, Саша, — она отодвинулась от меня. — Ты завтра не пойдешь со мной.

— Почему это?

— Степан Иваныч говорил, что пошлет тебя утром в Благовещенку. Узнать, когда сплав с верховьев пустят.

— Ну и ладно. Потом все равно найду тебя.

Мы сидели совсем близко. Долго, долго.

На ночь разошлись по своим местам в каком-то болезненном состоянии. А потом я чуть не до рассвета ворочался в своем спальнике и боялся, что просплю Машин уход. И все-таки проспал.

Утром меня растолкал Степан Иваныч:

— Собирайся-ка, Бучков, в Благовещенку. Узнай там, когда начнут спускать лес с верховьев.

Машина постель была аккуратно застлана. Она давным-давно ушла.

В леспромхозе мне сообщили, что лес уже спущен на воду. Когда, вернувшись из Благовещенки, я сказал об этом Степану Иванычу, он долго меня выпрашивал:

— А ты ничего не перепутал, Бучков? Ничего? Уже сплавляют?

Как я мог перепутать, если слышал это от самого директора леспромхоза?

— Вот что, Бучков, надувай лодку. Таня! Ты уже знаешь? Сплыв идет. Надо срочно проскочить до затона. Иначе нас сомнет бревнами.

Я ожидал всего, но никак не этого.

— Степан Иваныч, а нельзя мне отлучиться на два часа? Только на два часика, а?

— Ты шутник, Бучков. Бревна плывут по крайней мере в четыре раза быстрее нашего. И один день нам будет стоять потом целой недели.

Степан Иваныч оставил Маше записку, а я незаметно от Иванычей, когда мы уходили, приписал в конце: «Маша, я не знаю, что со мной произошло, но что-то очень серьезное. Мой адрес: Ленинград, Лермонтовский проспект 26, кв. 3. Саша».

Я покидал Бугры с таким чувством, будто отрывался от чего-то живого, невозвратимого, будто оставлял частицу самого себя в этой деревушке.

Лодку сносило течением. Издалека еще долго виднелась стройная бугровская церквушка, потом от нее остался лишь неприкаянный куполок, потом один крестик, а потом — ничего.

Всю следующую неделю мы вкалывали как черти. Степан Иваныч осунулся, работал молча, ожесточенно. Таня только вздыхала и жаловалась, что у нее пошаливает сердце. Доставалось, конечно, и мне.

Порой я начисто забывал о своей водомерщице. А когда вспоминал, то чаще воображал не Машей с ее глазами, с ее руками, с царапинами на коленках, а вообще Машей. Да и мало ли на свете деревень и девушек? И разве не встретятся среди них такие же или даже лучше, чем Маша с ее Буграми?..

В двадцатых числах мы проскочили в «трубу». Так местные называют низовья Кобожи. Речка и вправду похожа на трубу. Берега здесь узкие, крутые, глубина чуть не все десять метров. На середине то и дело ввинчивались в дно каверзные водовороты. Уже через сутки после того, как мы покончили с Кобожей, в русле громоздились бревна. Лесины налезали друг на друга, становились на дыбы, и я понял, почему так торопился Степан Иваныч.

С Кобожи на перекладных мы посуху проследовали к верховьям Чагоды. Весь август и половину сентября сплавлялись по этой новой реке. А потом возвратились в Ленинград.

На заработанные деньги я купил маме телевизор. Грешным делом, я надеялся, что у мамы хранились присланные на мое имя письма. Но, кроме повестки в военкомат, ничего не пришло.

Не без помощи Иванычей меня оставили работать в гидрометовской лаборатории. И вот тут-то, зимой, и началось. Даже мама заметила во мне что-то неладное. А когда я встретил Ла-

рису Галанкину, она доверительно сообщила мне, что я приехал из экспедиции малость «трехнудым». Она, видимо, не ошибалась.

Я долго держался, но наконец не вытерпел и отправил Маше письмо, но ответа не получил. Написал второе и третье. И опять ничего.

Я, конечно, понимаю ее. Пять месяцев ни гу-гу — и вдруг, на тебе, объявился. Но стоит нам увидеть друг друга, и она все поймет. Я уверен.

Через неделю мы со Степаном Иванычем едем на большую реку. Я отпросился на три дня, чтобы повидать Машу. И мы встретимся через несколько минут. И я скажу ей... Нет, нет, не надо загадывать.

Вот они, мои Бугры. Вот бетонированный пятачок для танцев, а вон и церквушка на пригорке. Все, все по-старому. А вот и дом с резными наличниками. Ага, так и есть. Разве эта непоседа вытерпит дома в такой день? Смотри-ка, даже замок повесила.

— Бабуся, — спрашиваю у старушки, примостившейся на крыльчке соседней избы. — Не знаете, куда ушла Маша?

— Чего, сынок?

— Говорю, куда Маша ушла?

— Какая Маша, сынок?

— Водомерщица, Маша Щеглова.

— Это Маруська-то, что ли?... А-а, так она, сынок, еще по осени не то в Устюжну, не то в Вологду подалась. Председатель наш в училищу ее послал. А изба ейная так и стоит на запоре...

Как же так, Маша? Где ты, Маша?

Если ты в Устюжне, я найду тебя. Это совсем близко отсюда. А если тебя и в Устюжне нет? Я все равно разыщу тебя, Маша...

По знакомой тропке я спускаюсь к водомерному посту. Мостки подновлены. На рейке свежей масляной краской начерчены цифры. Чувствуется хозяйская, не девчоночья рука.

А Кобожа все такая же.

А Кобожа все катится и катится. Стремительная, уверенная в себе, она катится, чтобы смешаться с Мологой, с Волгой и вылиться в Каспий.

А я еще не дорос до такого. Я уже выбился из ручейков, уже перехлестнул кой-какие пороги, но ой как далеко мне еще до моего Каспия. Но ждет меня где-то мой Каспий. И я пробьюсь к нему.

Джон Джобсон ГРИЗЛИ

Гризли, североамериканский серый медведь, несомненно, относится к числу самых интересных и колоритных млекопитающих, когда-либо живших на земле. Если его рассматривать как охотничий трофей, то я взял бы на себя смелость сказать, что предпочел бы взрослого гризли трем черным леопардам и даже — если бы такой выбор представился — саблезубому тигру или обросшему шерстью мамонту, которые уже давно исчезли с лица нашей планеты.

Вид *Ursus horribilis* (гризли) появился в позднем плиоцене. В течение долгого времени гризли обитали повсюду; их встречали, например, в Англии еще во времена римских завоеваний. Некоторых из этих животных привозили в Рим и выпускали на арену к гладиаторам для увеселения пресыщенной публики. Можно себе представить, что же оставалось от доблестных бойцов!

Я всегда радовался тому, что родина гризли Северная Америка, а не Тасмания или Огненная Земля. Охотники утверждают, что это один из самых интересных зверей, которых можно себе вообразить, и, увы! их не становится больше. Европейские спортсмены понимают это лучше, чем мы, американцы. Я каждый раз почти плачу, когда вижу, что многие люди не могут по достоинству оценить гризли. Эти звери меня очаровывают. Я часто и подолгу наблюдаю за ними, и это зрелище не променяю ни на какой фильм или представление.

Когда счастье мне улыбалось, я встречался с гризли. Я следовал за ними в слепом восхищении, доходящем до одержимости. Временами же мне так не везло, что это исторгло бы слезы даже из очей каменного Будды. В непроходимых прибрежных джунглях Британской Колумбии и в невероятно густом подлеске юго-восточной Аляски я находился в трех шагах от них, чувствовал их присутствие, даже слышал дыхание, но не мог увидеть их.

Я охотился на гризли по всем правилам егерского искусства, и мне кажется, что немного понимаю в этом. Верхом на лошади преследовал их в беслесной тундре (однажды скакал за зверем более девяти часов), подкрадывался к ним высоко в горах, за чертой леса, но мне так и не удалось убить ни одного зверя. В лесу высматривал их с терпением Иова, но редко добивался успеха. Короче говоря, многие из моих блестяще задуманных операций терпели полный крах. В целом мне сопутствовали как удачи, так и неудачи, что в конце концов должно удовлетворять истинного охотника.

Нет никаких признаков, по которым можно было бы предсказать, как поведет себя гризли (особенно горный). Можно сказать, что этот зверь — загадка. Из бесед с гидами, хорошо мне знакомыми поставщиками снаряжения и из других надежных источников я уяснил, что любой спортсмен-охотник, добывший в качестве трофея гризли, считает себя счастливецом.

Я не отваживаюсь рассказывать о некоторых ужасных происшествиях при охоте на большого медведя. Но многие страстные спортсмены постоянно путешествуют в страну гризли и еще любят этими животными в зоопарке. Нет ничего удивительного, если человек совершит сорокапятидневное путешествие на собаках и не встретит гризли, не говоря уже о том, что ему не удастся сделать хотя бы единственного выстрела по зверю. Но счастье может и улыбнуться. Однако необходимо постоянно помнить об опасности.

Гризли — это настоящее золото, если вы их найдете. Приложив немало усилий, вы можете совершить поездку в замечательную страну гризли. Погода будет стоять идеальной. Но если большой медведь не пересечет вашей тропы, то едва ли вам помогут егерь, департамент охоты, восемь гороскопов, плюс целый сборник статей о медведях.

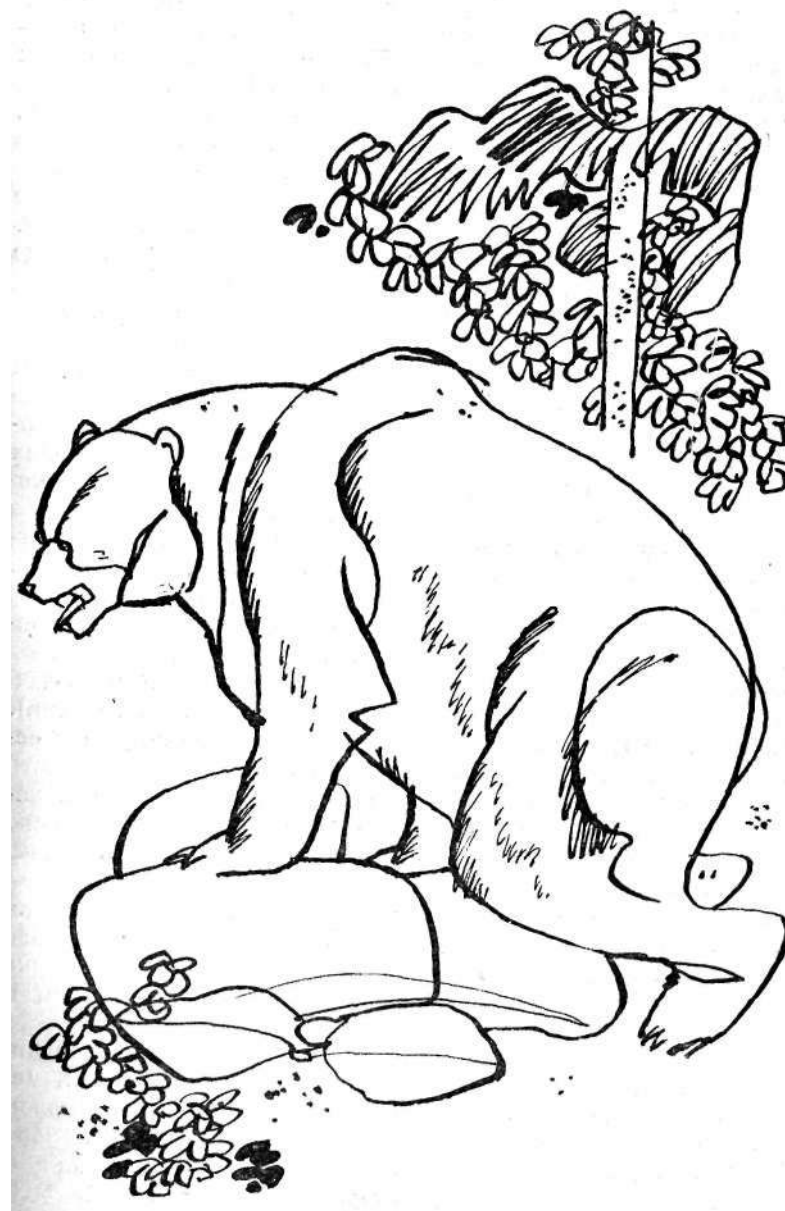
Гризли необычайно умны. Многие индейцы обожествляли их и считали своими братьями в меховой одежде. Гризли могут обдумывать свои поступки и не лишены чувства юмора. Если со зверя снять шкуру, он поразительно напоминает удивительно сильного человека; многие охотники приходят от этого в ужас. Если какой-нибудь чувствительный человек не сдержит свое воображение, то он может получить нервный шок и будет просыпаться по ночам в холодном поту. Егеря рассказывают, что даже бывалые охотники бледнеют и отворачиваются, когда начинают сдирать шкуру с гризли.

Как и человек, медведи всеядны. Они едят траву, с не меньшим удовольствием пожирают мясо и рыбу. Их страсть к ягодам просто беспредельна. Весьма сомнительно, чтобы еще какое-нибудь североамериканское животное послужило таким неисчерпаемым источником легенд, преданий или рассказов у пылающего камина. Вполне естественно, что о гризли рассказывают целый ворох небылиц. С того момента как первые переселенцы познакомились с большим медведем, сведения о его колоритной фигуре распространялись подобно огню в прериях. Журналы, выходявшие до 1806 года, повествовали о том, что встречи с гризли в большинстве случаев оканчивались трагически.

Когда первые предприимчивые золотоискатели устремились на запад, у них были ружья только для охоты на белок. На востоке их использовали для того, чтобы отпугивать оленей и черных медведей. Эти люди сразу оказались в затруднительном положении, когда они, сжимая ложе приклада, целились в гризли. Это очень раздражало зверя, а разъяренный медведь — зрелище не из приятных. Позднее большинство переселенцев приобрело гладкоствольные ружья большого калибра для более успешной борьбы с большими медведями.

У гризли ужасный нрав, если зверя вывести из себя. Его называют живым воплощением дьявола. Журналисты вообще не скупятся на эпитеты. Но поверьте мне, едва ли даже подобные сравнения близки к истине. Когда гризли ранен, он разъярен настолько, что взбешенная львица покажется рядом с ним кротким библиотекарем из Букс Каунти, а обезумевшая ласка — надутым хомяком.

Классическая охота на гризли ничем не отличается от охоты на других опасных животных. Некоторые стараются попасть в плечевой сустав и повредить легкие. Ряд повторных выстрелов рекомендуется делать, когда зверь ранен. Выстрел в голову часто не дает результата, и, кроме того, череп ценен как трофей. Следует избегать стрелять и в спину зверя. У многих гризли на спине находят следы от пуль. Часто охотники уверяют, что этот выстрел был сделан преднамеренно, хотя на самом деле он случаен. Человеческой натуре свойственны преувеличения. Хотя прямой выстрел в спину эффективен и повреждает позво-

ночник, но он очень рискован, если вы не обладаете нужными знаниями в анатомии животного и не претендуете на особую меткость в стрельбе. Пуля, попавшая в середину задней части позвоночника, парализует задние конечности, но нельзя забывать, что гризли может быстро бегать на одних только передних лапах, и в этот момент его ярость особенно велика.

Гризли обычно прекращает терзать человека, когда убедится, что тот мертв; притворяясь мертвыми, люди часто спасали свою жизнь, хотя, конечно, это не лучший выход из положения.

Иногда гризли зарывают жертву в землю и прикрывают ее кустарником. Подобное случилось с одним моим знакомым. Правда, он остался жив, но такое тяжелое испытание в конце концов стало причиной его смерти.

Гризли, как правило, не едят человеческого мяса, хотя часто их обвиняют в этом. Более вероятно, что этим ужасным делом занимаются другие звери. И если при этом находят следы гризли или другие признаки присутствия зверя, то, естественно, во всем обвиняют только его. Все же нет правил без исключения. Много лет тому назад гризли пожрали трупы канадских индейцев, умерших от оспы, и у них появился вкус к человеческому мясу. В бассейне одной канадской реки гризли стали настолько опасными, что индейцы далеко обходили эту местность. Еще в 1880 году гризли называли grisly, вкладывая в это слово значение «ужасный». Позднее оно приобрело другое написание — grizzly, и некоторые утверждают, что оно происходит от слова «серый» (по цвету медвежьей шкуры).

В одной и той же местности встречаются гризли с различной окраской меха (рыжевато-коричневого, коричневого и др.). Больше всего ценится шкура темно-коричневого гризли с серебристо-белым оттенком кончиков волос. Интересно наблюдать за медведем, когда он идет и серебристые волны перекачиваются по его спине. Большим спросом пользуется также мех кремового цвета. У медведей этой окраски шерсть значительно длиннее, чем у других видов.

Тело настоящего гризли массивно, и он производит впечатление чрезвычайно мощного зверя. На его спине отчетливо виден горб. На передних лапах гризли длинные, загнутые, ярко окрашенные когти. Зверь пользуется ими с проворством и ловкостью хирурга.

Многие недооценивают быстроту передвижения гризли. Обычно он идет неуклюже, переваливаясь с боку на бок, похожий на тучную корову, пасущуюся по колону в люцерновом поле. Но он может бегать с такой быстротой, что зрительно сливается в одно сплошное пятно. Его лапы мелькают, пожалуй, быстрее, чем у какого-нибудь зверя из семейства кошачьих.

Гризли обладает фантастической силой. Он легко может вырвать пень, что с трудом сделают три лошади из породы тя-

желовозов, сдвинуть тонну камней и разгрести твердую, как железо, землю, чтобы полакомиться сурком или мышью. Гризли может поднять лося, весом вдвое тяжелее его самого, и спокойно нести в лапах.

Выносливость гризли почти неправдоподобна. Однажды я наблюдал в бинокль, как он взбежал на кругую гору и дышал совсем спокойно, будто шел по ровной местности. Его походка обманчива. Кажется, что он передвигается довольно медленно. Но его вряд ли догонишь и верхом на лошади. Удар гризли настолько быстр и мощен, что в одно мгновение он может снести человеческую голову, и она полетит по воздуху, как футбольный мяч, пробитый форвардом.

Гризли есть гризли, где бы он ни обитал: в тундре, в бесплодных горах Мексики, влажных лесах или в стране Скалистых гор. Гризли, живущие у рек, где водится лосось и растет много питательных трав, стали значительно крупнее, чем медведи, которым приходится добывать пищу в высокогорных районах. В пустынных местах это некрупное животное с большой головой. По-видимому, гризли продолжает расти на протяжении всей своей жизни, потому что самые большие медведи любого подвида обычно старые.

Помимо коричневого медведя, обитающего на Аляске, два самых больших подвида, так называемые буффало, были распространены в прериях. Весьма вероятно, что медведь, обитающий в прериях, вымер, как и калифорнийский гризли. Правда, биологи рассказывают, что недавно они встретили небольшую семью гризли в канадских прериях, но совершенно ясно, что мест, где обитают гризли, становится все меньше и меньше. Некоторые ученые полагают, что этих зверей осталось не более тысячи. Чаще всего гризли встречаются между Йеллоустоуном и Гласир-парком, часть их обитает в Йеллоустоунском парке.

Я очень встревожен тем, что гризли исчезают. Самые большие враги этих животных не охотники, а браконьеры и рыбаки, занимающиеся ловлей лосося.

Необходимо принять самые решительные меры для сохранения гризли. Если этого не сделать в ближайшее время, то звери скоро будут полностью истреблены, как это произошло в Калифорнии и в прериях западных штатов.

Гризли — житель диких мест, и поэтому такие места нужно объявить заповедными. Эти медведи растут медленно, а смертность молодняка высокая. Обычно самка приносит лишь двух медвежат, редко больше. Печально, что за небольшим исключением гризли не могут привыкнуть к цивилизации.

Если мы потеряем гризли, это будет большой трагедией. Равнодушие людей может убить его, заинтересованность в сохранении — спасти.

Перевод с английского А. Н. Щеколдиной

Иван Никитин

ТРУДНОЕ ЗОЛОТО

Документальная
повесть

Вместо пролога

По следам беглого каторжника

В 1861 году из Александровского централа бежала большая группа каторжан. Чуть ли не все они погибли в непроходимых ущельях Восточных Саян. Только трое дошли до устья Шумака. Зимовали беглецы в пещере. Двух каторжан голод заставил уйти через горы в село Тунку, где их и схватили. Третий, Дмитрий Демин, неукротимой воли человек, на редкость физически сильный, срубил в скрытом распадке на бурливой речке зимовье и стал добывать пушнину, обменивая ее на хлеб и соль у охотников, изредка забредавших в эти глухие места.

Однажды в погоне за зверем он спустился в глубокую впадину и в русле каменистого ручья под водопадом случайно обнаружил богатое рудное золото. Это и позволило ему откупиться от местных властей и получить разрешение на право житель-

ства в селе Тунка. Здесь Дмитрий Демин построил дом, обзавелся семьей. Изредка он тайно от всех отправлялся к своему кладу и возвращался с золотом.

Перед смертью старый каторжник открыл сыновьям свою тайну. На следующее лето они отправились на поиски клада. Но во время переправы через горную реку кони сыновей Демина утонули, а они сами едва спаслись и возвратились домой ни с чем.

Много лет спустя прослышал о месторождении геолог Николай Новиков. Несколько лет он искал его в низовьях Шумака. Но золото долго не давалось в руки. Наконец осенью 1927 года, проследив шаг за шагом засечки, копанки и затесы беглого каторжника, Новиков наткнулся на жилу рудного золота.

...Таежный мрак постепенно редел. По узкой тропе бодро шагал Николай Новиков. Вся его фигура дышала силой и уверенностью. За ним шли бывшие партизаны Шведов и Дорожный. Оба рослые, плечистые, настоящие таежники. В этом походе их связывало с Новиковым важное дело: они должны были передать намытое золото государству, рассказать о найденном Деминском месторождении. Караван замыкали братья Леоновы — Семен и Василий, жители поселка Слюдянки. Первый — маленький, верткий, второй — бородатый богатырь.

Настроение у приискателей было приподнятым. На карту нанесены точные координаты богатого рудного месторождения, а в переметных сумках — два пуда золота. Скорее к родным местам! Из глубины леса доносилась утренняя переключка птиц. Всеми цветами радуги играли снежные шапки гор в лучах восходящего солнца.

— Золото доброе, — вполголоса сказал Василий своему брату, — не каждому такой фарт в руки дается.

— Какой же фарт, ежели он чужой? — горько вздохнул Семен.

— Как чужой?

— А вот так! Дорожный да Шведов хотят отдать золото Советам.

Семен скосил злые глаза на брата. Тот засопел, лицо его побагровело.

— А нам с тобой вот, — и Семен показал Василию кукиш.

— Так ведь это же обман! Тут и наш пай есть.

— Нам шиш с маслом.

— Значит, надули, сволочи!

— Ты не шуми, услышат. Их надо того... — И маленькая, цепкая рука Семена крепко схватила плечо Василия. — Понял? Шабашить — и концы в воду.

— Страшно, Сеня.

— Тайга, глушь. Кто будет знать?
— А вдруг дознаются?
— А мы схитрим: скажем, что до места не дошли. Переправлялись через реку на плоту... Они утонули, мы еле спаслись. Золото припрчем. Угмонятся — заберем. Такой фарт раз в жизни бывает...

Через несколько дней братья Леоновы вернулись в село одни, уверяя, что остальные участники похода погибли во время переправы через реку Шумак.

Степка

Степку разбудил истошный крик матери:

— Что ты наделал, Василь? На кого ты нас оставил? Как я буду теперь жить одыа-одинешенька?

Из-за трубы русской печи показалась вихрастая голова мальчика. Мать сидела за столом, ломая руки, диким взглядом уставившись на мигающую керосиновую лампу, и во весь голос причитала. Сердце мальчишки сжалось от страха.

— Мам, чо ты? — спросил он, спрыгивая на пол. Она обвила руками его шею, крепко прижала к груди.

— Отца заарестовали, сынок! Увели кормильца нашего. Каково нам теперь без него?! Сиротинушка ты мой, бесталанный...

Степка задрожал, все тело сразу покрылось испариной.

— За чо его, мам?

— За золото... Будь оно трижды проклято!

Степка заплакал.

— Никогда, Степанушка, не прикасайся к золоту. На нем людская кровь!.. — стонала мать и гладила сына по вихрам. — Как жить будем? Как нам теперь смотреть людям в глаза?

С горя Степкина мать слегла, а Степану хоть не показывайся на улицу.

— Твой тятка вор и убийца! — дразнили его сверстники.

— Весь в отца, змееныш! — шипели соседи.

Недолго проболев, мать умерла. Степка остался круглым сиротой...

Решил Степка податься к деду Игнату, который жил далеко в горах в одиноком домике.

Ничего не сказал дед, слушая скупой рассказ внука о постигшем его горе. Только лихорадочно загорелся у старика единственный глаз, задергались на лице синие шрамы — страшные отметины, полученные в молодости в схватке с медведем, да

сошлись на переносице лохматые брови. Толстые пальцы судорожно теребили курчавую бороду.

— Перестань!.. — вдруг сердито шикнул Игнат, заметив слезы на щеках внука. — Рядом тайга... Она мокрых не любит...

Стал Степка жить с дедом. Хотя перевалило старику за шестьдесят, но он остался бодрым и энергичным. Да и дел было много: летом они ловили и вялили рыбу; осенью собирали ягоды, сушили и солили грибы; зимой старик бил белку, ловил соболя, случалось, ходил на медведя. Приучал дед к охоте и Степку.

Прошло два года» Мальчик окреп, подрос, ему исполнилось шестнадцать лет. Все дальше и дальше вводили деда и внука звериные тропы.

Как-то, бродя по тайге, они случайно наткнулись на кособокую, прогнившую избушку, ушедшую до половины в землю. Кругом рос густой бурьян. Сверху к домику подхода не было — нависали отвесные скалы. Единственный путь к зимовью — по бурливой реке. С трудом охотники открыли скрипучую дверь. На них пахло сыростью и плесенью. Стол, железная печка, на нарах два почерневших лотка, несколько ржавых совков, лопата и кирка — вот все, что они здесь нашли. Зброшенное зимовье им понравилось. Они решили поселиться здесь.

Кончилась зима. Весенние звуки далеко разносились по тайге. Посвистывали рябчики, ворковали лесные голуби, переговаривались тетерева. На озерах, речных протоках гоготали гуси, кричали утки, без усталости голосили чайки, неслись клики белоснежных лебедей, курлыкание журавлей.

Как-то Игнат и Степка спустились в глубокую долину. Старик шел по приметам, известным только ему. Неожиданно в кустах пронзительно и тревожно закричала кедровка. Дед остановился, прислушался.

— Беда, Степах... — сказал он, шумно нюхая воздух широкими волосатыми ноздрями. — Тайга горит... Слышишь, как птахи кричат?

Степка, напрягая слух, старался разобраться в лесных шумах и голосах. Где-то в протоке прокурлыкали и смолкли журавли. Резко застрекотала сорока. Свистнул бурундук. Снова противно заверещала кедровка. Но ничего тревожного в этом привычном лесном гомоне Степка не расслышал.

Все ниже и ниже спускались охотники по берегу горной реки. Вдруг из чащи вынырнула лосиха с годовалым теленком и кинулась в воду. Гордо откинув назад красивые головки, перебрались через перекат и скрылись в скалах косули. Затем с визгом и хрюканьем бросилось в реку стадо диких свиней.

Деревья зашумели, закачались, как будто на них налетел сильный ветер: белки темной лавиной прыгали с ветки на ветку,

с вершины на вершину, спеша уйти от приближающейся опасности.

Вскоре явственно запахло дымом, гарью. Лес загудел, затрещал. Клокочущее пламя скакало по деревьям, выбрасывая желтые языки. Зловещими столбами крутился синий дым.

С ужасом и болью смотрели охотники на страшную картину лесного пожара. В муках и судорогах гибли деревья, кустарники. Огонь выполз на опушку. Горело редколесье, одинокие лиственницы плакали смолистыми слезами. Увидев белку, метавшуюся в кольце пламени, дед сбросил винтовку, подсмукки с патронами и, снимая на ходу ватник, побежал к зверьку. Жаром дохнуло в лицо деду. Дым, густой и едкий, слепил, выжимал слезы. Сердце стучало сильно, учащенно.

Степка видел, как дед, зажав фуражку в зубах, проскочил сквозь метавшийся огонь, накрыл ватником белку и, петляя, побежал прыжками к реке, с трудом уходя от преследующей его огненной метели. Раздувалась длинная рубаха, мелькали белые взлохмаченные волосы и черная борода. Вдруг дед закашлялся, зашатался, задохнулся, рухнул ничком в бушующее пламя, тотчас его накрыли объятые огнем падающие деревья.

— Дедушка! — дико закричал Степка. Рядом с треском лопнула сухостоина и, роняя искры, грохнулась в реку. Схватив винтовку, подсмукки с патронами, Степка ошалело кинулся прочь. Он бежал, глотая горячий, дымный воздух, спотыкаясь о кочки и валуны.

Вскоре лес кончился. Степка пошел медленнее, пошатываясь. Спустился к обрыву и обессиленно шлепнулся на камень, стараясь отдышаться. Внизу шумела река. Пожар остался позади, за перевалом.

Отчаяние охватило Степку. Одному не выбраться из тайги. Страх навалился тяжелой глыбой. Хотелось кричать, выть. Что теперь делать?

Вдруг лицо мальчика просветлело. Из-за дерева показался человек. Он был в ватнике, в ичигах, из-под серой шляпы-котелка торчали рыжие космы, под горбатым носом — пшеничные усы.

Откуда он взялся в этих местах? Чего ищет? Лицо у него было сосредоточенным, маленькие глазки внимательно осматривали местность. Было что-то знакомое в облике этого человека. У Степки лихорадочно прыгали мысли. Сердце заныло от глухого непонятого беспокойства. Будто вновь услышал он крик матери: «Золото! Будь оно проклято! На нем кровь!..»

И Степка вспомнил. Накануне ареста отца этот человек приходил в их дом, к чему-то приглядывался, по-тараканьи шевеля усами. Парнишка решил, что теперь этот человек ищет его, Степку. А в ушах звенело: «Не связывайся с золотом, сыпок!» Надо спасаться! Бежать! Но тут показался еще один че-

ловец — плотный бородатый старик, в белой фуражке и брезентовой куртке, с раскрытой книгой в руках. За ним шла лошадь. Старик что-то сказал носатому с пшеничными усами, и вдвоем зашагали в глубь леса.

А вскоре над ущельем промчался зловещий вихрь. Поднявшись до небес, темно-серая пыль затмила горы. Что-то замякало, засвистело, затрещало. Охнув, одинокая ель рухнула с вершины скалы.

Сжимая в руках винтовку, Степка что было мочи побежал вниз...

Юбилей

Второй месяц отряд профессора Львова шел по глухим ущельям и каньонам Китою, где редко ступала нога человека. Солнце сильно пригревало. Река, разбуженная весенним половодьем, вздулась и, взъяренная, пошла крушить лед. Шумная вода осатанело ворочала на перекатах огромные валуны, трепала кусты, вереницей неслись вскачь черные коряги, приплясывая на волнах, сшибаясь, плыли большие льдины. Издалека доносился грозный гул водопада.

Три дня отряд строил переправу через взбунтовавшийся Китой. За это время река очистилась ото льда, но вода не убывала. Стук топоров, визг пил, людской говор, ржание коней, мычание быков будили таежную глушь. Рабочие делали козлы и, подбадривая друг друга криками, спускали их в воду, потом закрепляли на них лежни, укладывали и вязали настил из жердей. Трудно было перегонять животных по этому зыбкому сооружению. Настил трещал и качался. Один жеребец заупрямился, не хотел идти: нервно вздрагивая и пятясь, он храпел, боязливо косил глазами на ревущий поток, рвал повод.

— Ну, смелей, Вороной! — Львов похлопал жеребца по шее, уверенно взял его под уздцы. Конь, быстро перебирая ногами, ступил на настил.

— Не спеши!.. Не спеши, дуралей!..

Но жеребец вдруг заржал, встал на дыбы, рванулся вперед и... свалился в kloкочущую воду, чуть было не потянул за собой и профессора. Бешеное течение подхватило коня, завертело, словно щепку, и со страшной силой швырнуло на острые зубья камней. Львов бросился к лагерю, схватил веревку и, позвав людей, побежал вдоль берега. Животное еще можно было спасти. Но лошадь сорвало с каменной гряды и понесло вниз. Профессор остановился, вынул носовой платок, отер потное лицо и

снял шляпу. Проводив глазами растерзанного коня, он повернулся и, горько улыбаясь, сказал:

— Что поделаешь... Бывает и такое...

Переправа затянулась до вечера. У отвесной скалы на другом берегу разбили палатки, разожгли костры.

Расстроенный гибелью жеребца, Львов захотел побыть один и побрел в лес. Среди деревьев, скрытые лишайниками, лежали скользкие валуны. Глубоко под ними журчал невидимый ручеек. Продравшись сквозь цепкие заросли, профессор забрался на сопку и замер, с восхищением рассматривая открывшуюся его глазам картину. Зареву заката бросало красноватые отблески на ледники, в сумрачных долинах синела тайга. Над гольцами висела сизая туча. Но вот дохнул ветерок, и туча побледнела, распалась на маленькие облачка, которые вскоре истлели в пурпурном закате.

Сами собой стали набегать воспоминания. Перед мысленным взором возник родной Урал, екатеринбургская гимназия. Там Львов и пристрастился к геологии. Его всегда привлекал мир камней, минералов. Полюбились яркие малахиты, переливчатые топазы, игривые хрустали и прихотливые яшмы. Хотелось проникнуть в тайну роста кристаллов. В тринадцать лет у него уже набралась коллекция уральских минералов настолько ценная, что приезжающие в Екатеринбург любители и знатоки камня охотно вступали с ним в обмен. В его домашнем музее было собрано четыре тысячи образцов. Большой радостью было для юноши, когда посмотреть его коллекцию приезжали русские ученые Штукенберг и Толмачев, венский профессор Чермак, профессор Флинк из Стокгольма. Ныне эта коллекция вошла в собрание минералов Иркутского политехнического музея.

Петербургский университет. Там Львов впервые познакомился с нелегальной литературой, читал Плеханова, страстные статьи Ленина, которые будоражили, волновали, глубоко западали в душу...

Потом арест, тюрьма... В одиночной камере он начал сочинять стихи.

Я слагал эти песни в тюрьме, посевев.
Вот зачем холодны и так ядом полны
Эти песни теперь...*

Сибирская ссылка. Здесь, в Тунке, он увидел безысходное горе народное, бесправие, нищету, голод. Крестьянские поля ежегодно опустошала кобылка, род саранчи.

«Сибирь-матушка год дает урожай, а десять нет», — говорили хлебопашцы, шли в кабак, пропивали последние гроши.

* 12 декабря 1898 года. Помещенные в повести стихи публикуются впервые.

Молодой ученый вступил в бой с саранчой — опаливал густотравные поля, где кобылка собиралась в ненастную погоду, опрыскивал их парижской зеленью, распространял гибельные для саранчи грибки.

Потом власти разрешили ссыльному поступить геологом в горную партию на строительстве Транссибирской магистрали. Сколько им исхожено... Прибайкалье, Витим, Саяны, Маньчжурия, Дальний Восток...

После революции Львов стал преподавателем Иркутского университета, создал труды по гидрогеологии... Полжизни он посвятил изучению Восточных Саян, открыл десятки минеральных источников, месторождения слюды, олова, нефрита.

Сделано немало, но и в шестьдесят лет профессор все еще возглавлял поисковые партии...

Над гольцами появился красноватый диск луны. Прощальным взглядом Львов окинул таежные дали, скалистые хребты и стал медленно спускаться с сопки.

У палаток слышалось треньканье балалайки. Проводник Андрей Краснов, сорокалетний кряжистый мужчина, возле костра оттопывал «сибирячку».

— Братцы! — кричал он, тряся огненно-рыжими вихрами, выделявая разбитыми ичигами замысловатые вензеля. — Веселись! Сегодня Лександру Владимирычу шестьдесят стукнуло!

К этому событию готовились все. Пропахшие дымом и конским потом люди стригли друг друга под гребенку, плескались в холодной реке, переодевались в чистые рубашки. Готовился праздничный ужин.

Львов прошел в палатку. Через некоторое время он вышел к костру в начищенных ботинках, черных брюках, в соломенной шляпе и белой косоворотке, подпоясанной пояском с кисточками. В руках у него была фляга с коньяком.

— Традиция, что поделаешь, — усмехнулся ученый, бросая лукавый взгляд на сидящих у костра.

Под кроной развесистого кедра, вокруг разостланного брезента, уставленного мисками с говядиной, консервами, оловянными кружками, праздновали день рождения Александра Владимировича. Именинник сидел на чурке, положив маленькие руки на колени. Рядом, прямо на земле, расположился Андрей Краснов. Задорно сверкали маленькие глазки под мохнатыми рыжими бровями.

— Вот вам, Лександр Владимирыч, и подарок! Редкий камешек! — Краснов протянул профессору кусок белого кварца с желтыми проблесками.

— Спасибо, Андрей! Проверим на золото. А что, ты думаешь, я сегодня нашел? Колючий барбарис! Все здесь есть:

лазуриты, хрусталь, мрамор... Саяны — это чудо! — восторженно заключил ученый.

Шлифовальщик Григорий Сулов, ровесник Львова, низенький, голубоглазый, долго топтался возле брезента, крутил казачьи усы, приглаживал на голове пушок редких курчавых волос. Он добродушно улыбался, а курносое загорелое лицо по-стариковски морщилось. Наконец, решившись, он достал из-под рубахи вазу зеленого цвета.

— Из того самого нефрита, Александр Владимирович, что сыскали выше Эхэ-Гола в прошлом году, — застенчиво улыбнулся Сулов.

Профессор вскинул удивленные глаза, смущенно пробормотал:

— Это уж зря... Зачем же такой подарок?

Краснов разлил коньяк. Все подняли кружки, чокнулись.

— Тридцать лет по Саянам ходите, Александр Владимирович, — сказал Сулов, — вам надо бы памятник поставить.

— Геолог — вечный бродяга, скиталец, — задумчиво ответил Львов. — Это его работа, его жизнь! Давайте, друзья, я лучше почитаю вам свои стихи...

Едва слышно скрипели деревья, шептались во мраке могучие кедр. С реки доносились всплески воды, рядом глухо стучали копытами стреноженные лошади, позвякивали боталы. На небе мерцали далекие звезды. Ярко пылал костер из смолевых веток. Профессор негромко, задумчиво декламировал:

На тоненькой ножке в трущобе лесной
Меж мхами саранка росла.
Она пробудилась ранней весной
И летом роскошно цвела.
Из нежных и цепких зеленых оков
Стремилась лишь к солнцу одна,
Ловила краями своих лепестков
Лучи его жадно она...
Но скоро наскучил ей солнечный свет,
Над лесом промчалась гроза,
И старые сосны держали совет,
Скрипели на все голоса.
И в споре горячем, кивая главой,
Махали ветвями оне,
Но было так тихо внизу под сосной,
Как будто бы в сказочном сне...
И хочет саранка всю правду узнать:
О чем это ветер гудел,
О чем это сосны старались кричать,
Поток так сердито шумел?
«На что мне и солнце, и неба лазурь, .
Пусть ветер бы правду сказал», —
Роптала саранка. «Нет жизни без бурь»
И ветер саранку сорвал...*

Иркутск. 26 марта 1903 года.

До глубокой ночи горел большой костер, брэнчала балалайка. Андрей Краснов несколько раз с шутками и прибаутками принимался за свою «сибирячку».

Потом дружно пели о славном Байкале, о бродяге, бежавшем с Сахалина, о молодецкой удали...

Встреча

К ночи разыгралась гроза. Избушка тряслась, стонала. Ветер и дождь звонко бились в окна зимовья.

Степке не спалось. Он зажег огарок свечи, поставил в банку на полочке. В лесу глухо шелкнуло: это переломилась пополам сухостоина. Степка закрыл глаза. И в багровом зареве пожара замелькала седая голова дедушки, падали, охваченные пламенем, деревья. Степка открыл глаза — кошмарное видение исчезло. Сон не шел. Вспомнились те двое, которых он видел сегодня в лесу. Зачем они пришли сюда? Неужели ищут его? Ему непрестанно мерещился рыжий мужчина в шляпе-котелке.

«Эх, тятка, тятка! За золотом погнался, как будто только в нем счастье», — с болью в сердце думал Степка. Неужели все было когда-то по-другому? Неужели три года назад на берегу Байкала он, одиннадцатилетний мальчишка, стоял рядом с родным отцом?

Неожиданно распахнулась дверь, и в избушку шумно ввалились люди. Могучий удар грома потряс землю.

— Вот это буря! — сказал один из вошедших, откидывая капюшон. Степка в испуге метнулся в угол, узнав усатого. «За мной!» — мелькнула мысль.

— Назад! — дико закричал Степка, хватаясь за винтовку. — Поворачивай, говорю!

— Ты чо, очумел! — рявкнул усатый и сильным ударом выбил оружие из рук. Потом поднял винтовку, вынул затвор и положил его в карман плаща.

— Так-то лучше! С перепугу можно и человека убить! — сказал он, осматривая винтовку. — А штука добрая, бельгийская. Да и охотник, видимо, не промах. Посмотрите, Лександр Владимыч, он снял прицельную рамку, оставил одну мушку. В горах расстояния изменчивы, охотник верит глазу.

Снимая брезентовый дождевик, бородастый старик в белой фуражке тихо сказал:

— Поставь, Краснов, лошадей за избу, там потише.

Носатый вышел. Свеча замигала от ворвавшегося ветра, потухла. Степка сжал в темноте рукоятку ножа.

— Ты не бойся, мальчик. Мы геологи, изучаем Саяны. — Длинный, яркий луч фонарика рассек тьму, побежал по стене,

отыскивая свечу. Степка облегченно вздохнул, пряча нож под тюфяк. Старик зажег свечу.

— Кто ты? Как сюда попал? — спросил он, с интересом рассматривая подростка. Обветренное закопченное лицо, грязные руки исцарапаны, видны ссадины, синяки и ожоги. Копна спутанных темных волос прикрывает упрямый лоб. Прожженная куртка висит лохмотьями. В рваных штанах, стоптанных броднях, грязной рубахе с расстегнутым воротом мальчик казался жалким, бесприютным, заброшенным.

Парнишка молчал. Он отвел глаза в сторону. На лбу появились морщинки, глаза сузились, потемнели, запекшиеся губы свело судорогой. Степка криво усмехнулся и молча лег на нары.

Краснов принес в зимовье седла, сумы. Затем затопил железную печку. Пришельцы разулись, отжали портянки, брюки, развесили их над печкой. От мокрой одежды валил пар. Огарок свечи, в последний раз беспомощно мигнув, погас. В печурке метался огонь, бросая красные блики на лица сидящих. Краснов достал кисет, свернул папиросу из крепкого самосада.

— Вот это и есть зимовье беглого каторжника Митьки Демина, — задумчиво произнес проводник. — Пять лет он прожил тут.

В печке потрескивали дрова. Выл ветер, шумела тайга, шелестел дождь.

— Если бы не братья Леоновы, мерзавцы, мы не искали бы этот клад. Ведь Новиков нанес его на карту, — продолжал Краснов.

— Мне неизвестны подробности. Как были уличены Леоновы в преступлении? — спросил профессор.

— Случай помог, — ответил проводник. — Мне пришлось тогда ночевать в тайге у костра. Проснулся, когда уже гасли звезды. Было зябко. Вдруг издалека донеслись чуть слышно три выстрела. Кто это? Может, кто заблудился? Тут донеслись еще два выстрела. «Однако, худо, беда с человеком. Зря стрелять не будет», — решил я. потушил костер, заседлал коня и направился вниз по Шумаку. — Краснов затянулся папиросой, помолчал. — Часа через два я увидел тлеющий балаган. От балагана к реке тянулся кровавый след. На прибрежном песке нашел следы восьми пар конских копыт. Я долго ползал по земле, осматривал траву, хотел узнать, что же произошло. У костра попало несколько крупинок золота...

В зимовье было тихо. Только в отдалении рычал гром, да гудела печка, бока ее покраснели. Жарко.

— А что на суде признались они? — нарушил молчание Львов.

— Нет. Твердили одно: «До места мы не дошли. Золота не видели». Тогда прокурор сказал, что принесенное Новиковым

золото в двадцатом году и найденное мной у балагана из одного гнезда. Крыть им было нечем,— заключил Краснов.

— Куда же они его подевали? — заинтересовался профессор.

— У братьев золота не нашли. Позднее, в тюрьме, Василий Леонов проговорился. Золото они спрятали в бутылках где-то в тайге, а потом не могли его найти, забыли место.

Львов достал из сумы подсвечник, спички, засветил свечу. На столе появились хлеб, мясо, сахар.

— Садись с нами ужинать,— пригласил профессор Степку, неподвижно лежавшего на нарах вниз лицом.— Уморился. Заснул, Интересно, чей он?

— Местный охотник, наверно,— предположил Краснов.— Но почему один? Добраться сюда, однако, одному трудно. Случай чудной. Испугался нас что-то. Одичал, видно.

Степка не спал. Горе захлестнуло его. Захотелось немедленно убежать из зимовья. Но разве спрячешься от себя, от всего того, что узнал, услышал? Только сейчас понял и прочувствовал, какую тяжесть он будет носить в своем сердце. И вновь послышался далекий голос матери: «Не трогай золото, сынок!» Степка испуганно открыл глаза. В окно медленно вползал серый рассвет. На полу храпели гости. «А какое оно, золото?» Он никогда и не видал его.

Всю ночь метался на нарах Степка и никак не мог успокоиться. Он не слышал, как поднялись старик и усатый, готовили завтрак. Не чувствовал, как заботливые руки прикоснулись к его горячему, пылающему лбу.

— Заболел парень,— беспокоился Львов.— Мы не можем оставить его одного.

Краснову нравились доброта и отзывчивость профессора, его простота и мягкость.

— Отвезем в лагерь,— предложил проводник.

— Нет,— возразил Александр Владимирович.— Больному нужен покой. Поезжайте за отрядом, а я останусь, обработаю дневники, поухаживаю за больным.

...Степка очнулся на второй день.

— Вставай, таежник, пора в путь,— услышал он чей-то мягкий голос. Степка открыл глаза. У стола сидел человек с белокурой бородой. Зеленые глаза старика ласково смотрели на Степку. Где он видел это приветливое лицо с редющей седой шевелюрой?

— Я геолог, Александр Владимирович Львов,— сказал профессор.— А ты откуда, чей?

— Из Слюдянки. Сын Василия Леонова, Степан.

Чтобы не выдать удивления, Львов долго тер ладонью свой крутой лоб. А Степка торопился выложить все, что накопилось

у него за три скитальческих года. Детская откровенность тронула ученого.

— Успокойся, Степан. Сын за отца не ответчик! — сказал Львов. И от этих слов Степке стало легче, спокойнее.

— Как жить буду? Один кругом.

— Ты молодой, надо учиться. Поедем в Иркутск. Я устрою тебя в школу.

Львов помог мальчику подняться с нар и вывел его из зимовья. Степке было и радостно и боязно: начиналась новая, неизведанная жизнь.

У геологов

Степка быстро прижился в отряде Львова. Ходил с геологами в маршруты, таскал образцы, наклеивал на них номера, рыл ямки-закопушки, в общем делал все, что ему скажут. Работа была ему по душе, и он исполнял ее охотно. А главное, каждый день узнавал что-то новое. И самое интересное ходить с Александром Владимировичем.

Вот Львов быстро идет в гору, с хрустом наступая на сушняк. Ичиги у него высокие, туго перехваченные выше и ниже икр сырмятными подвязками с медными кольцами. Через плечо большая брезентовая сумка, сбоку из-под белой толстовки виднеется пистолет в кобуре.

Львов взмахивает молотком и сильным точным ударом отбивает осколок от серой глыбы. Степке нравятся его порывистость, энергичность, зоркость взгляда, умение «читать» камни. «Башковитый старик»,— думает Степка и с любопытством наблюдает, как Александр Владимирович рассматривает камни в лупу, записывает что-то в толстую тетрадь.

Кругом первобытная тишина и покой. Умытые росой скалы греются на солнце. От них поднимается тонкими струйками пар.

Вдруг сбоку появилось что-то темное. Кусты зашевелились, затрещали... «Медведь!» — мелькнуло в голове Степки, и он стремительно подскочил к профессору. Это было так неожиданно, что тот невольно вздрогнул.

— Стреляйте, медведь! — свистящим шепотом сказал Степка.

Львов расстегнул кобуру. Лохматый мишка благодушно ворочил муравьиную кучу, причмокивал, жмурил глаза, наслаждаясь лакомством. Увидев людей, он поднял морду, свирепо зарычал и проворно кинулся наутек.

— Что же вы? Упустили...— упрекнул Львова Степка.

— А зачем его убивать? Он нас не трогает. Пусть живет,— спокойно промолвил профессор.— Убить медведя мы, конечно, могли, Степан. Но все ли нужно бить, что нам попадается на глаза? Я думаю, ты понимаешь меня? — И вдруг неожиданно

предложил: — Хочешь, я тебе расскажу о том, что здесь было давным-давно?

Степка с готовностью кивнул головой. Профессор уселся на каменную плиту и начал:

— В далекие времена здесь царили снега, туманы, льды. Вон те толстые складки образовались от моря. А тот великан появился от вулкана и надел на себя соболью шапку. А лысые горы когда-то проутюжил ледник. Мощные ледниковые языки в восемьдесят — сто километров изрезали все. Они тянулись до Кяхты, пропилили русло Ангары. На Байкале Саянский ледник столкнулся с Полярным, и они расширили байкальскую впадину.

Разговорившись, профессор будто помолодел, румянец выступил на щеках. Голос стал звучнее, задушевнее:

— Посмотри, Степан, внизу смешанный лес, потом хвойный или лиственничный, а выше — кедры. Кедр переходит в стланник. Почему? Отчего по-разному цветут и пахнут лесные и горные цветы?

Степка не сводил с геолога глаз.

— А какой здесь чистый, прозрачный, здоровый воздух! Сколько солнца! — восхищался ученый. — Недалеко отсюда, на горе Наран, небо бывает закрыто облаками только две недели в году.

— Александр Владимирович, в скалах я нашел белый ломкий камень. Он горько-кислый и вяжет рот. Буряты покупали этот камень у дедушки за хорошие деньги. — И Степка поспешно достал из кармана и развязал небольшой мешочек. Львов с интересом повертел белый с сероватым оттенком образец, разглядывал, мял длинными пальцами, нюхал.

— Это целебное каменное масло. Оно образуется на отвесных утесах в виде наростов. Им останавливают кровь... — Львов посмотрел на часы, поднялся. — Ого! Как время летит! Пора обедать.

Они спустились к реке, насобирали хворосту и развели костер. Вдруг, ломясь через заросли, в воду прыгнул огромный изюбр. На середине реки он остановился. Тяжело дыша, разгоряченный, готовый защищаться, зверь затравленно озирался.

Вслед за ним выскочили два волка и заметались по берегу. Один бросился в воду и перебрался на другую сторону. Затем, как по команде, серые разбойники кинулись в воду и поплыли к добыче. Быстрое течение отнесло их вниз. Волки снова кинулись к изюбру. И в тот момент, когда хищники готовы были вцепиться в добычу, изюбр сделал большой прыжок.

Львов достал маузер. Грянул выстрел. Дернувшись, ближний волк погрузился в воду. Второй хищник и изюбр метнулись в разные стороны и мигом скрылись в чаще.

Подходя к лагерю, Львов и Степка услышали громкий голос Краснова, который кого-то ругал. «Кого это он?» — подумал Львов и ускорил шаг.

На маленькой лужайке Александр Владимирович увидел лошадей и Краснова. На разостланном брезенте проводник ведром делил овес.

— Я вам доверял, не стреножил, кормил, поил, чистил, послабленье давал. А вы? Взяли и ушли. Подвели, братцы! — журил он коней. — А это все ты, Машка! За дурь тебя выгнали пограничники, мы подобрали. Вместо благодарности сама ушла и остальных сманила.

Высокая темной масти кобылица ходила за Андреем, тихо, виновато ждала.

— Овес просишь, а от работы отлыниваешь. Сколько ты выюков испортила? Как забредешь в воду, сразу ложишься. Разве это дело? Нет у тебя совести. Сейчас на тебе девушка ездит, городская, неопытная. А ты брыкаешься, лягаешься... Срам.

Профессор усмехнулся, перевел глаза на Степку, дувшегося от смеха, и потянул его за собой.

Несколько дней геологи исследовали прибрежные скалы и обнажения Китоя. В пикетажной книжке Львова пестрели записи: «Впервые осмотрели пять минеральных источников на Шумаке с температурой от 10 до 40 градусов. Шумацкий, Билютыйский, Ниловский и другие источники образовались в результате послевулканических процессов, являясь их позднейшими сигналами на земной поверхности»...

...«В долине реки Богдашки обнаружены знаки металлов платиновой группы — ее спутник аварит и несколько мельчайших зернышек платины».

«Медные и цинковые руды есть в низовьях Шумака».

Верный конь Голубок медленно брел вверх по речке. Вот он остановился у отвесной скалы. Профессор спешился, достал книжку и стал описывать обнажение. Голубок дремал, свесив тяжелую голову на короткой шее и отставив заднюю ногу.

Подъехали Григорий Суслов, Андрей Краснов, Степка.

— Опять что-то сыскали, Лександр Владимырьч? — спросил Краснов, прыгивая с коня.

— Иди сюда, Андрей. Посмотри. — Львов указал на дно реки, где медленно перекачивались яркие камни. — Это же сказочное богатство: голубой лазурит и зеленый нефрит!

Шлепая по воде высокими броднями, ученый пошел к огромному валуну густо-зеленого нефрита, лежавшему в русле реки. Кругом виднелись цветные камни. Правый склон Китоя зеленел линзовидными жилами нефрита. Львов попросил Краснова и Суслова замерить коренное обнажение.

Степка осторожно ощупывал руками камни, рассматривал на свет, пробовал на зуб.

— Этот красивый камень царица Екатерина II покупала в Китае, — пояснял ученый, присаживаясь на валун. — Он шел на облицовку залов Царскосельского и Мраморного дворцов. А вот прелестные вазы, украшающие один из залов Эрмитажа, сделаны из саянского нефрита. Его впервые открыл в прошлом веке Григорий Маркианович Пермикин. Трудно было найти в то время камни-самоцветы, но еще труднее вывезти. На плотах через сплошные пороги Пермикин доставил из долины Саган-Хара сто сорок пудов нефрита на Петергофскую гранильную фабрику.

Подошли Краснов и Сулов. Профессор взял у Андрея листок с цифрами, записал в полевую книжку: «Обнаружены два новых коренных месторождения нефрита в ущелье реки Китоа — один в трехстах метрах, другой в километре от устья Эхэ-Гола».

Золото то показывалось, заманивало, дразнило, то вдруг исчезало бесследно. Чтобы вскрыть кварцевые жилы, заложили канавы.

Солнце накалило палатку. Профессор в белой рубашке с расстегнутым воротом сидел за длинным, узким столом и в большую лупу рассматривал пробы из канав. В некоторых образцах, извиваясь и пересекая друг друга, были видны прожилки сульфидов: золотисто-желтого пирита, темного, почти черного сфалерита и галенита, сверкающего серебром.

— Есть золото, содержание проверим в лаборатории, — бормотал ученый, бережно укладывая пробу в мешочек.

Полог палатки был откинут, и Львов увидел Степку, спускающегося с косогора. Профессор замечал, что паренек с каждым днем все больше увлекается геологией. Львов улыбнулся: этот найденш заменит ему сына и продолжит его дело.

У реки фыркали, мотая головами кони.

В палатку пролез Степка, сбросив с плеч мешок с новыми образцами. Потный, усталый, он схватил ведро ипил захлеб прохладную ключевую воду. Львов развязал мешок, достал пробу. И снова жилка с живым, теплым, чуть перламутровым блеском.

Опираясь на палку, профессор вылез из палатки. С волнением он смотрел на высокую, крутую сопку, где шли горные работы. Но подняться туда, к кварцевой жиле, он не мог, разболелись ноги. Седые брови насупились. Тридцать четыре года он лазил по этим хребтам с тяжелой сумкой за плечами.

Профессор концом палки задумчиво тыкал в землю. Неужели его горная тропа кончилась? Раньше он старался не думать

об этом. Вечное движение, поиски — удел геолога. Надо успеть закончить то, что задумано, намечено...

Мысли опять вернулись к кварцевой жиле. Так новиковское золото не найдешь. Надо вести систематическое изучение Саян. Богатый край. На Саянах есть коренное золото, и он научит молодых геологов искать его. А теперь пора возвращаться. Через три недели начинаются занятия в университете. Львов обернулся, встретился взглядом с серыми глазами Степки.

— Собери, Степан, людей. Поедем в город.

Профессор с завистью смотрел вслед юноше. Как легко, пружинисто скачет он с валуна на валун. Вот что значит молодость!

Сильный ветер выжимал слезу. Степка упорно карабкался на гору. С ловкостью кабарги прыгал с выступа на выступ, жался к нависшим скалам, хватаясь руками за гранитные выступы. Брезентовая куртка прилипла к телу. Соленый пот градом катился по лицу.

Степка посмотрел вверх, на красную гору. Сколько в ней богатства! Вот распахнуть бы ее, как материн сундук, и посмотреть, что в ней? «Нет, ничего бы я там не увидел, — подумал Степка. — Ведь я не могу отличить пустого камня от драгоценного. Правда, профессор обещал научить...»

Степка перевел взгляд на тайгу. По ней разметались синие пятна топких болот, серых холодных озер. В ярких лучах солнца вспыхивали студёные ручейки. Но вот из-за горы стремительно вынеслось маленькое облачко, расширилось, закрыло солнце. Мгновенно потемнело. Ярко сверкнуло в горах. Что-то затрещало в волосах. Грозовой удар тяжелой кувалдой бухнул по вершине горы. Степка побежал, споткнулся, упал. Из тучи хлынул густой, плотный ливень. Косые струи стегнули по лицу, поползли по спине. Вода мгновенно пропитала мхи, лишайники. Побежали гремячие ручьи, перекатывая гольши, щебень, песок.

Скользя по мокрым камням, Степка поспешно карабкался на сопку. Он преодолел скалистый гребень и выбрался к седловине. Студёный ветер ударил в лицо, засвистел в ушах. Внизу шумели, гнулись деревья. Степка кубарем скатился в трехметровую канаву. У самой стенки, куда меньше захлестывал дождь, стояли и сидели на корточках канавщики.

— Чуть не пропал! — вздохнул мальчишка. — Аж за волосы что-то хватало!

Раздался дружный, веселый смех. Лицо Степки было умирительным.

— Ох и насмешил, паря, аж в кишках колет!.. — сквозь смех проговорил Краснов.

— Не верите?! — обиделся Степка.

Краснов перестал смеяться и, тряхнув рыжими нечесаными вихрами, высунул кайло из канавы. Послышался треск.

— Отчего это?
— Забрались мы к самому небу. Где ж ему это понравится.
Вот оно и злится.

Кладоискатели

Восточные Саяны край несметных сокровищ, но суровый и необжитый, неохотно и скупно открывающий человеку свои богатства. Только людей дерзкой отваги, неукротимой воли, пытливых камнелюбов пускают саянские горы в свои тайники. Таким и стал теперь Степан Леонов.

В небольшом домике поселка геологов летом его редко застанешь. Вместе с другими кладоискателями бродит он по горным ущельям, речным падам, в глухой тайге.

Вот и сейчас его срочно вызвали к начальнику. Наверное, опять новое задание. То, что услышал Леонов, очень обрадовало его. Сбывалось давно задуманное.

— Из управления пришел ответ. Ваш проект, Степан Васильевич, утвержден,— сказал начальник.— Ваши соображения о составе отряда?

— Со мной пойдут геологи Доков и Коршунов. На них можно положиться. Немало с ними исхожено саянских троп. Рабочими возьмем Базырова и Гордеева, молодые, но крепкие ребята. Сейчас они с Доковым на рекогносцировке. Скоро вернуться. Начну немедленно готовиться к выходу на Шумака.

— Великолепно! Еще раз все продумайте, проверьте. Продукты будем подбрасывать вертолетом.

От начальника Леонов направился в геологический отдел. Здесь изучают образцы горных пород, взвешивают пробы, составляют геологические карты, зарисовывают выработки, пишут отчеты.

Степан разделся, расчесал свою черную клинышком бородку, разгладил усы, достал из сейфа папку. Между густыми бровями пролегла глубокая морщина. Он вновь и вновь перечитывал записи профессора Львова.

«Надо произвести детальные геологоразведочные работы, обследовав весь горный отрог по Шумаку до Китою на протяжении двадцати километров от устья первого. После топографической съемки ущелья в 1930 году экспедицией Ангарстроя определено выяснено, что Новиков, следуя от устья Архыта (Хонхобоя), мог подняться на Шумака только по одному из его правых притоков. С другой стороны, из долины, можно подняться на хребет по пади Лапсона или Хунды-Гола левым притоком Шумака...».

Профессор Львов помог Степану окончить среднюю школу, потом Иркутский университет. От Львова он узнал все

подробности о золотом кладе, о Демине, о Новикове. Из года в год дума о кладе неотступно, как тень, бродила за геологом по пятам, не давая ему покоя. Накануне Великой Отечественной войны за несколько месяцев до смерти профессор Львов дал подробные наставления, как искать золото: сначала маленьким отрядом провести рекогносцировку Шумака, отобрать штучные и шлиховые пробы, а потом развернуть широкие поиски. Золото есть и должно быть найдено. «Проводник Краснов утверждал,— говорил профессор, что месторождение под водопадом. Надо проверить в этом районе все водопады».

За шестнадцать лет работы геологом Степан вдоль и поперек исходил Тункинские и Китойские Альпы. Он видел их с самолета: внизу лежал почти правильный равнобедренный треугольник, выложенный самой природой из каменных хребтов. А среди них — красивейшее ледниковое озеро Ильчир. Кругом, куда ни глянь, тайга. Здесь свой неповторимый пейзаж, свой собственный климат. Бесперывные сильные ветры секут хребты, коротким летом обмывают их холодные грозные ливни, а зимой здесь бушуют бураны...

«Мы найдем это месторождение!» — уверенно решил Степан. Он вспомнил о людях, искавших затерянный клад. Эх, отец, отец! Золотишко ослепило его разум, затаило в свои тенета... Убил Новикова, охотников-партизан, украл золото у государства. А теперь так трудно его искать... Он подумал о товарищах, с которыми скоро выступит в поход. Доков, Базыров, Гордеев сейчас в горах. Леонов посмотрел в окно: сквозь белесую пелену маячили далекие бело-синие вершины снежных хребтов...

Маленький отряд Докова спустился к горячему источнику. У старого, прогнившего трехстенка разведчики нашли мешок с продуктами, сброшенный с вертолета. В мешке оказались мука, сахар, консервы, мясо, махорка.

После обеда геологи осмотрели Шумацкий источник, слава о котором идет по всей Бурятии. Несомненно, здесь со временем будет санаторий. А пока... В чудесном сосновом бору деревянный сарай, вокруг него семь шалашей. В единственное окно сарая пробивается свет. По деревянному желобу журчит живительная влага. Она стекает в неглубокую яму, обложенную камнями.

На дворе трещал мороз, а температура воды — тридцать семь градусов! Первым в ванну погрузился Доков. Тело сразу же покрылось бисеринками пузырьков углекислого газа. Геолог ощутил легкое покалывание.

Как хорошо после такой ванны посидеть у костра с кружкой горячего крепкого чая.

— Чудесный здесь будет курорт! — мечтательно произнес Доков.

— Шибко большие горы, Петр Иванович, дороги сюда нет, — усомнился Володя Базыров, черный вихрастый парень, уроженец одного из здешних улусов.

— Как нет дороги? Больных будут доставлять сюда воздушные такси — вертолеты. Скоро и хорошо, без тряски, без пыли.

Заштопаны порвавшиеся ватники, наготовлены лепешки, и снова геологи бредут по ущелью. Тяжелые рюкза-

ки, раздувшиеся от проб и образцов, режут плечи. Хрустит и поскрипывает снег под лыжами. Разведчики идут от обнажения к обнажению. Петр Иванович Доков время от времени вынимает горный компас, записывает азимут маршрута, делает пометку на планшете. Маршрут идет вверх по реке. На высоте около трех метров Доков заметил выход кварцевой жилы. Он снял с себя рюкзак, лоток, встал на плечи Тимофея и взял образец из сульфидного гнезда с видимым золотом.

Чтобы определить границы распространения обломков кварца, Доков разметил линию для полуметровых ямок. Упорно вгрызаясь в мерзлую землю, Гордеев бьет копуши в шахматном порядке в пятидесяти шагах друг от друга. Базыров носит породу к замерзшему ручью, Петр Иванович промывает ее на лотке в проруби. Делает он это мастерски. Лоток крутится в его руках, как живой, то плавно скользит под водой, то замирает, то вновь вздрагивает, ныряет. Руки геолога от ледяной воды красны, как лапы гуся. Рядом горит костер, на нем в совке сушатся шлихи, среди которых поблескивают редкие золотинки. Долго греет Доков руки, потом непослушными пальцами заворачивает шлихи в бумажную капсулу, пишет адрес пробы, с какой глубины она взята, ее очередной номер и результаты: «Пусто», «Знаки», «Золото».

Река, зажатая ущельем, делалась все уже. Обтесанные ветром гранитные скалы вздыбились в самое небо. Обхватив узловатыми корнями гранитные скалы, кедр-смельчаки застыли на опасном посту. По ущелью гулял ветер, мороз щипал нос, щеки. Только вода не везде поддавалась холоду. Дымились наледи, изредка слышался треск оседающего льда.

Впереди устало шагали Доков и Гордеев, простукивая лед палками. Подошвы сапог обледенели и скользили. Базыров отстал, Ему было тяжело тащить на лыжах пробы, образцы, инструмент.

Вдруг под ногами лопнул пустотелый лед. Не успев отскочить в сторону, Доков и Гордеев провалились куда-то. Только испуганный крик Володи донесся сверху. Первым поднялся Тимофей. Разбрызгивая воду, он поспешил на помощь Докову, который скользил и барахтался в воде, стараясь встать.

— Не расшиблись? — тревожно спросил Гордеев.

— Нет,— сдавленным голосом ответил Доков.— Вот черт! Куда же это нас занесло?

Осмотрелись. Справа и слева мерзлые зеленоватые стены. Над головой тускло просвечивал бирюзовый потолок. Большой разноцветный ледяной склеп.

— Вот вам и хрустальный дворец! — пошутил Доков.

Ноги сводило судорогой. Доков вынул из-за пояса топорик и начал рубить ледяную крышу. Влажная одежда холодными тисками сжимала тело. Через несколько минут его сменил Ти-

мофей. Во все стороны летели осколки льда. Вскоре в потолке появилось отверстие. Цепляясь окостеневшими пальцами за скользкий лед, разведчики кое-как выбрались наверх, на животе отползли подальше от опасного места.

...Всю ночь разведчики сидели у костра, грелись кипятком и много курили. От скал падали густые тени, на реке желтела полоса лунного света. Гулко постреливал лед. И снова, в который раз, заговорили о золоте.

— Говорят, что хранится оно в банках, в слитках... без дела...— Базыров скользнул взглядом по мокрому ватнику Докова, уперся в обросшее щетиной лицо.

— Не совсем так. У золота большое будущее.— Петр Иванович раскурил папиросу, затаился,— Золото — незаменимый металл. Сейчас его применяют при изготовлении реактивных двигателей, ядерных реакторов, самолетов. А с развитием науки и техники потребность в нем еще больше увеличится. Золото всегда будет нужно людям.

Едва забрезжил рассвет, геологи двинулись в путь. Высокий замерзший водопад преградил дорогу. Идти в обход потребуются несколько дней, Доков взялся за топор, Тимофей и Володя помогали ему ножами. Они долбили ступеньки...

К обеду поднялись на верх водопада. Присели на выступ скалы. Одолевала зевота. Сказывалась бессонная ночь. Усталость расплзалась по телу. Хотелось прилечь, забыться. А путь еще далек.

— За перевалом зимовье,— сказал Доков, разглядывая карту.— До него всего три километра. Там переночуем, а завтра спустимся к Тункинскому курорту, где нас ждет машина.— Петр Иванович посмотрел на хребет. «Да,— подумал он,— на лыжах на перевал не подняться. Идти без них — утонешь; снег глубокий. Как быть?»

После обеда Доков топором разрубил лыжи на квадратные дощечки. Привязав их к ногам и рукам, разведчики на четвереньках стали карабкаться по крутому склону. Встать нельзя: провалишься в снег с головой. Оставалось уже совсем немного до перевала, когда на гольцах закурилась снежная пыль, предвестник бурана.

— Ребята! Сворачивай вправо, вон к тем кедром! — крикнул Доков.

Ураганный ветер обрушился на седловину. Снег лез в рукавицы, набивался в сапоги. То тут, то там грохотали обвалы...

Первым добрался до кедров Тимофей. Обхватив руками дерево, он посмотрел вниз. Доков помогал выбившемуся из сил Володе. Тимофей достал из рюкзака тонкую альпийскую веревку и бросил конец товарищам. Доков сделал петлю, подцепил Володю под мышки, и Гордеев потянул его к себе.

Через четверть часа пылал спасительный костер.

В верховьях Шумака

Тайга пробуждалась. На высоких гольцах занималась багряная зорька. По узкой тропе, цокая подковами, бодро шагали косматые лошади, сильные и выносливые. Впереди, плавно покачиваясь в седле, ехал Степан Леонов, рядом на сворке бежала собака. Еле заметной звериной тропой караван двигался к Шумацкому перевалу.

Лето вступало в свои права. Звенели горные ручьи. Чернели увалы, зеленела трава.

Степан Васильевич знал, что перевал скалист и труднодоступен. Всюду кручи и пропасти. Путь один — по лощине. На перевале голо, где не соберешь и вязанки хвороста, чтобы согреться. Это беспокоило Леонова. Что ждет отряд впереди?

Принесенные Доковым пробы показали золото, а сульфидное гнездо дало сто восемьдесят граммов на тонну. Степан Васильевич видел месторождение на геологической карте и на плане слухового опробования.

С распадка начался подъем. Коней вели в поводу. Задыхавшись, взбирались на кручи. Еще тяжелее приходилось при спуске. С круч кони шли зигзагами, нащупывая копытами каждый выступ, осторожно подтягивали задние ноги, иногда прыгали короткими скачками через расщелины.

К вечеру у отвесной скалы разбили лагерь. Задымил костер. Поужинали наскоро.

Утром Степан Васильевич осмотрел лошадей, проверил подгонку вьюков. Развернув карту, он подозвал геологов Коршунова и Докова.

— Я предлагаю разделить на две группы,— сказал Леонов.— Вы перевалите через этот отрог, спуститесь в лощину и там разобьете лагерь. Мы с Володей проверим заявку профессора Львова.

Оставив трех лошадей, отряд двинулся дальше.

Леонов ушел в маршрут. Разложив костер, Володя стал ждать геолога. Начальник вернулся к обеду, настроил полевую радию. В эфир полетели позывные экспедиции, затем сообщение о проверке заявки на свинец.

Через полчаса Леонов широко шагал по тропе, а за ним двигались три вьючные лошади, подгоняемые Володей. Жарко пекло солнце. Цвела рябина, белела черемуха. Пахло свежей травой, багульником. Звериная тропа то исчезала, теряясь в зарослях, то снова появлялась. Порой открывался перевал с крутыми откосами и узкими падами. Хлюпало болото, лошади с трудом вытаскивали ноги из вязкой грязи.

Степан Васильевич спешил. Базыров едва поспевал за ним, удивляясь умению начальника находить проходы в буреломе и непроходимой чаще.

Лес остался позади, начались гольцы. Леонов тревожно глядел на собаку. Она шла вяло, часто хватала траву.

— Дружок перемену погоды чует,— сказал он Володе. Через несколько шагов Степан Васильевич остановился и стал рассматривать какие-то следы. Его лицо помрачнело.

— Изюбри спускаются с гор. А это очень плохо. Пурга будет.

На небе ослепительно сверкало июньское солнце, и Володе казалось, что начальник ошибается. Но вскоре налетел сильный ветер. Раскачивались деревья, посерела трава, полег камыш, умолкли птицы. Все притаилось, замерло. Солнце потускнело. Из-за вершины Шумака стремительно вынеслась черная грозовая туча, края которой, словно кошмы, опустились вниз и поползли, заполняя лощины. Сверкнула молния, оглушительно грянул гром, потрясая землю. Прорвался холодный с градом ливень.

Стало темно. Одежда вымокла и отяжелела. Дождь внезапно сменился снегом. Он сыпал все гуще и гуще, пушистые хлопья слепили глаза.

Ветер ломал деревья, заваливал проходы каменной осыпью. Ожили безмолвные осыпи, голодным волком завывли щели в скалах. Протяжно грохнул обвал. Ущелье мучительно застонало. Срывались камни и, разгоняясь, стремительно скакали вниз... Долго слышался отдаленный стук камней.

Резко похолодало. Люди и кони еле двигались. Стужа перехватывала дыхание, забиралась под шапку, в рукава. Степан Васильевич спотыкался, падал, с трудом поднимался и упорно карабкался на хребет.

— Дойти, надо успеть дойти! — кричал он Базырову.

На вершине отрога ветер валил с ног. Две лошади отказались идти. Они повернулись задом к ветру, опустились на колени, легли. Ничто не могло их стронуть с места.

— Володя! Бери собаку и иди к лагерю, осталось километра полтора... — прокричал Леонов, подавая ему поводок.— Смотри, не отпускай Дружка, замерзнешь!

- А вы, Степан Васильевич? — забеспокоился Володя.
- Не пропаду! Не впервые!
- Спирт достаньте — согреться!
- Спирт в пургу нельзя, хлебнешь — и конец... Ну в путь!

Пошел!

Володю, коня и собаку поглотила ревушая тьма. Степан развьючил лошадей. Развязал мешки, достал несколько одеял и укрыл животных. Затем снес в кучу выюки, вытоптал в снегу углубление, расстелил кошму и укрылся одеялом, прижимаясь к вздрагивающему боку коня.

В распадке гудела непогода. В такую ночь страшно сидеть даже вдвоем у костра. Еще страшнее быть одному, без огня, слушать разноголосый рев бури. Укрыться от ветра негде.

Степан спал чутко. Он почувствовал, что кто-то дохнул на его щеку, потом ткнулся в нее чем-то теплым и мокрым. Геолог вздрогнул и открыл глаза. Его лицо лизал шершавый язык.

— Дружок! — испуганно закричал Леонов, узнав своего четвероногого спутника. — А где Володя? Неужели?... — И Степан представил, как пурга заметает чернобрового скуластого юношу... Геолог быстро вскочил на ноги. Одежда стояла коробом. Как избитое, ныло все тело. Внутри, словно горящие угли, грудь резало острым ножом... Знобило.

«Вероятно, простудился», — думал Леонов, разминая занемевшие ноги. Пальцы не гнулись, обмороженные щеки ныли. Степан долго не мог завьючить поднявшихся лошадей. Первые шаги стоили больших усилий: ноги передвигались с трудом. По-прежнему бесилась и куролесила пурга. Над гольцами шумел ветер.

Спуск в долину оказался крутым. Нужно идти с большой осторожностью, чтобы не сорваться в пропасть. Хочется лечь, жаться комком, закрыть глаза и отдохнуть... Но Степан, сжав зубы, продолжал спуск. Наконец он увидел палатки, бегущих к нему людей. Сердце стучало гулко, в глазахплыли круги. Леонов пошатнулся, но чьи-то руки поддержали его. Как во сне он видел радостные лица, слышал знакомые голоса. Кто-то старательно растирал его снегом и спиртом.

— Володя... Потерялся Володя Базыров... — твердил Леонов.

— Я здесь, Степан Васильевич, — услышался голос Володи.

...Леонов очнулся ночью. Встал, подошел к железной печке, подбросил дров. Он чувствовал слабость, но жар прошел. Приятно было сидеть у гудящей печки. За палаткой, переступая с ноги на ногу, кони жевали овес. Дружок, лежавший в углу,

поднялся, потянулся, зевнул, потом подошел к хозяину, ласково завилял хвостом.

— Чуткий ты, Дружок, — сказал хозяин. — По тебе видно, солнечным завтрашний день будет.

...Дорога становилась все труднее. Все чаще путь преграждали каменные осыпи. Кони выбивались из сил. Они пятились, опасливо кося глазами на пропасть, где шумел горный ключ. Под ногами шуршали и шелкали камни. Леонов шагал рядом с лошадей, слегка подпирая выюк плечом. Обильный пот выступил на лбу, заливал глаза, одежда липла к телу. На губах появился привкус соли, во рту стало горько. Хотелось пить. Степан остановился, осмотрелся. Высота не менее двух километров. Кругом высокогорная тундра с редкой порослью лиственниц и колючих кустарников.

А подъем все круче. В отвесных осыпях приходилось устраивать из жердей лестницы, рубить кустарник для настила. На себе геологи поднимали груз, а потом с большим трудом вели наверх лошадей. Препятствие за препятствием. Вот неприступные утесы преградили путь. Выхода нет. Повернуть назад нельзя, а впереди гранитная стена. Как поднять на нее лошадей, приборы, снаряжение?

Целый день искали проход. Единственная тропа пролегла по узкому карнизу у отвесных скал. Внизу голубой блестящей лентой извивалась река. Это самая трудная часть пути. Неосторожное движение, неверный шаг — полетишь в пропасть.

Леонов первым ступил на карниз. На длинном поводке он вел лошадь с радиостанцией. Она осторожно переставляла ноги, медленно шла за геологом.

Неожиданно из-за выступа скалы появился медведь. Увидев человека, он остановился. Боязливо посмотрел вниз, поднял морду, втянул ноздрями воздух и сердито фыркнул. Леонов много раз встречался с медведем. Обычно зверь уходил прочь, но на этот раз уступить тропу не захотел. Степан Васильевич медленно двинулся навстречу зверю, сжимая в руках нож. Медведь, сделав несколько шагов, остановился. Нос его нервно дергался.

«Можно было бы повернуть назад, — думал Леонов, — но зверь тогда непременно набросится». Зверь и человек сошлись совсем близко. Не выдержав взгляда человека, медведь рывком встал на дыбы.

Геологи замерли, увидев рядом с Леоновым мохнатое чудовище. Тимофей Гордеев махом сорвал с плеч карабин. Резкий выстрел раздался сразу же вслед за ревом медведя. Раненый зверь рухнул в пропасть. Страшный рев, удесятенный эхом, вспугнул лошадей. Серая кобылица, которую вел в поводу Лео-

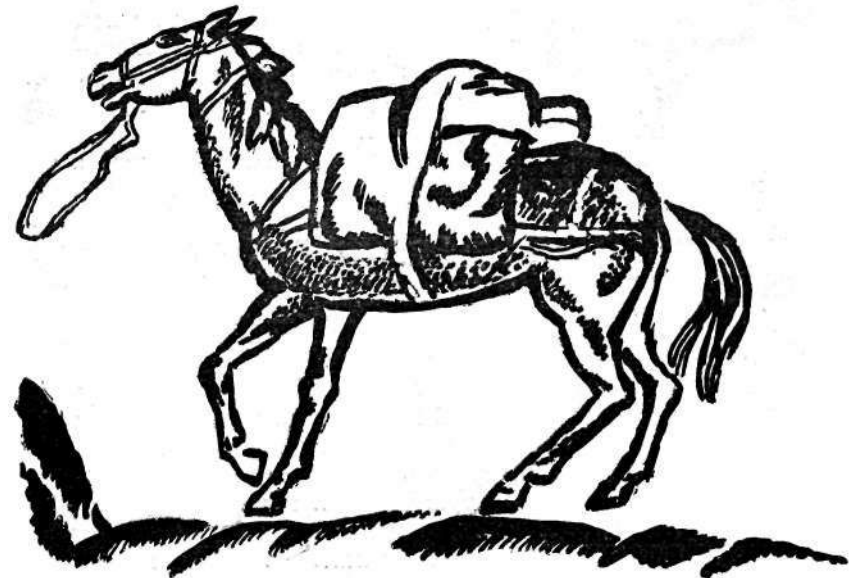
нов, метнулась в сторону... и вслед за медведем полетела в ущелье. Остальных коней геологи крепко взяли под уздцы. Лошади долго не могли успокоиться, мелко дрожали, боязливо топтались на месте.

Доков ласково успокоил, погладил буланого коня и потянул его за собой на карниз. Он не подгонял лошадь, а просто говорил ей какие-то ласковые слова. За буланным конем пошли и остальные. Внизу, в темном ущелье, гудел ветер. Долго шли по карнизу. Потом спустились к реке и разбили палатки. Базыров срубил сухостоину и развел жаркий костер. Повесил над ним два закопченных ведра.

С реки тянуло холодом. Усталые люди молчали, жались к огню. Подошел Леонов, спокойный, кряжистый. На широкой груди — бинокль, сбоку — полевая сумка. Отчего приуныли люди? Может быть, в их сердца поселилось сомнение в успехе дела? А это для геолога главная опасность.

Замкнулся в себе Петр Доков. Он лучше всех знает этот трудный и опасный путь, который проделал весной. Доков всегда молчалив. Но Анатолия Коршунова видеть грустным неприятно. Этот похожий на цыгана молодой геолог редко бывает скучным. Вот и сейчас он потянулся к своей подруге — гитаре, долго настраивал ее и задумчиво подбирал какой-то мотив.

В ведрах забулькало. Базыров стал черпаком помешивать суп. Гордеев раскладывал на брезенте миски, резал хлеб. «Нет,— облегченно решил Леонов,— не сомнение владеет людьми, а усталость. Да и неизвестность всегда томительна».

— Друзья! — обратился он к товарищам.— Рация погибла. Связь с экспедицией поэтому потеряна. Но до цели один переход.— И Степан Васильевич показал рукой на самый неприступный участок, где скалы отвесно поднимались к вершине.

— "А как мы туда пройдем, Степан Васильевич? — спросил вдруг Володя.— Горы высоки... Ледник, скалы... Может, лучше вернуться, пока живы...

— Назад вернуться нельзя. Спуск еще более опасен. Идти в обход Шумака долго...

— Э, Володя, неужели ты испугался? — Доков удивленно смерил паренька взглядом.— Разве ты забыл наш весенний поход по льду? Разве тогда было меньше опасностей?

Анатолий Коршунов отложил гитару и решительно повернулся к товарищам.

— Я думаю, о возврате не может быть и речи. Такие трудности нам, геологам, встречаются не первый раз. Самое главное не паниковать,— и он насмешливо покосился в сторону Володи.

— Пройдем,— подтвердил Доков.

И сразу люди оживились, послушались шутки, смех.

— Здорово ты срезал косолапого! — сказал восхищенно Володя, подкладывая в миску друга куски мяса.

— Чего там... — смутился Гордеев. — Лошадь-то разбилась...

— Зато начальника спас...

— Да, Тимофей, с медведем на такой узкой тропе шутки плохи,— серьезно сказал Леонов.— Молодец! Метко стреляешь. Выручил меня.

— Разбойничает нынче хозяин тайги,— пришел на помощь совершенно потерявшемуся от смущения парню Доков.— За осень и зиму в Бурятии убили больше четырехсот медведей. Только в этом районе с ними было девяносто схваток.

— Орехи и ягоды не уродились...

— Смелый мишка стал, нахальный. У нас в колхозе к телятницам шибко большой медведь повадился.— И Володя развел руками.— Старый, лохматый. Только доярки нальют в бочку снятое молоко для телят, а он тут как тут. Доярки врассыпную, а косолапый обхватит бочку лапами — и... прощай, телячье молочко!

— Вот это бычок-сосунок!

— Мог бы и за теляток приняться...

— Ха-ха-ха,— вдруг расхохотался Коршунов.— Вот со мной раз случай был — потеха! В праздник это было. Послала меня хозяйка спозаранку в подвал за медовухой. Нажал я на дверь, а она не поддается, будто кто держит изнутри. «Уже не вор ли?»— подумал я, понатужился и... налетел в темноте на кого-то. Разозлился и огрел его палкой. Раздался такой рев, что я мигом вылетел из подвала... Ха-ха... Оказалось, годовалый

медвежонок забрался ночью в подвал и накакался медовухи...

Все дружно засмеялись, а Анатолий уже потянулся за гитарой:

Безлюдье здесь на сотни километров,
Безлесье и труднейшие пути,
А мы на высоте трех тысяч метров
Решили город-рудник возвести!

...Снова отряд цепочкой карабкается по крутому гребню. Белые клочья тумана сползают с обрыва в долину. С хребта тянет холодом, чувствуется дыхание ледника. И вот он предстал во всем своем бирюзовом великолепии. Как пройти по его скользкой, зеркальной поверхности? До седловины хребта не более ста метров. И Леонов первым вынул топорик. С силой врубилась топоры в лед, осколки и брызги полетели в лицо, за воротник. Слежавшийся за долгие годы, схваченный морозами, спрессованный ветрами, лед был тверд, как камень.

— А с конями как?— забеспокоился Володя Базыров.

— И коней спустим!— твердо ответил Степан Васильевич.

Уставшие, мокрые добрались до вершины хребта, когда солнце большим шаром повисло над горизонтом. Острый, пронизывающий ветер свободно гулял на вершине. Начали разбивать бивак. Сняли вьюки, поставили палатки, сняли с лошадей и развязали вязанки дров. Загудели железные печки.

— Красота! За водой не бегать. Нагнулся и бери чистейший древнейший, первейший ледок,— как всегда, пошутил Коршунов, нагребая в ведро осколки льда.

Леонов в бинокль осмотрел местность. Вокруг горы и горы. Голые, застывшие гиганты... А внизу дремучая, величественная тайга. По ней разметались островки топких болот, мелких холодных озер. В зареве заката сверкают студёные ручейки. Постепенно они тускнеют, гаснут, погружаются в сумрак.

Утро началось с поисков тропы. Напрасно. Пришлось рубить зигзагообразную дорогу в леднике. Разбились на участки. Под ударами кайл и топоров зазвенела двухметровая толща льда. Дело нелегкое, но люди работали упорно и долго.

— Где еще можно встретить такое? Под ногами Северный полюс, над головой Африка,— сказал Коршунов.

Наконец дорога готова. Смастерили сани, на них уложили снаряжение.

— Тебе, Толя, придется принимать грузы,— кивнул на зеленеющий внизу лес Леонов.

— Самое приятное дело: хоть прокачусь с ветерком! — И Коршунов присел на корточки, взмахнул руками, удерживая равновесие, и легко покатился по гладкому льду.— Прощайте, друзья, пишите по новому адресу! — донесся его веселый голос.

Самое трудное было спустить с ледника лошадей. Один вел коня, четверо поддерживали его веревками. Лошадь, присев на задние ноги, медленно сползала по глубокой канаве.

Будни геологов

Небо сплошь затянуто тяжелыми плотными тучами. Сердито шумит тайга от сильного ветра. И вдруг над темным лесом взметнулась белая ракета, шипя и брызгая огненными клочьями. Потом другая, третья...

Леонов, широко расставив ноги, пускает в небо ракеты. Они на миг озаряют поляну, лес, три палатки и падают в журчащий горный ручей. Бархатная чернота глубокой ночи разрывается раз за разом и еще плотнее смыкается над головой.

В лагерь не вернулись Доков и Гордеев. На сердце тревога. Густая ночь, глухая тайга, пади, распадки, буреломы...

Коршунов, босиком, в трусиках и тельняшке, стоит рядом, успокаивает:

— Придут, Степан Васильевич. Зверь им не страшен: у них карабин с собой...

Костер то тухнет, то ярко вспыхивает. Это Базыров возится у огня, передвигая котелки с ужином для опоздавших товарищей.

Но вот свет костра вырывает из темноты две фигуры с тяжелыми рюкзаками.

— Увлёклись, не рассчитали маршрута,— смущенно объяснил Петр Иванович. И за кружкой чая он рассказал об интересных находках.

— Мы напали на следы Новикова. Старые шурфы, полуразрушенная бутара на речке Урда-Джатхаз, заявочный столб промышленника Кузнецова на речке Хара-Гол...

Все знали, что золото здесь, рядом, но ухватить пока не могли. Промывка проб на лотке показывала одиночные знаки. Выше по склону их становилось все больше и больше, и вдруг они резко обрывались. Были заложены канавы... Снова пусто.

Коршунов тихо пел под грустный звон гитары:

Богатырские крылья раскинув,
Злобный ветер пошел по земле...

— Загрустил, не береги душу,— сказал Доков и отставил недопитую кружку чаю. Но Коршунов продолжал:

...Ворошил залежалые листья,
Золотистой кидался хвоей,
Переспелые алые кисти
Завихрял на рябине волной...

Грустная песня напомнила о коротком саянском лете. Скоро наступит осень.

Тревожные думы одолевали Леонова. Еще так много надо сделать, успеть... Но уже ключи покрылись ледком. Еще август, а на гольцах уже выпал снег. А в сентябре в этих местах нередко наступает зима. Сколько потребуется средств и труда, чтобы снарядить новую партию!

За лето отряд исходил сотни километров. И не зря. Выявлено несколько рудопроявлений. А новиковский клад так и остался в плену у гор. Продолжать ли поиски? Но как? Связи с экспедицией нет. Продукты на исходе. Одежда и обувь изорвались. Надежда на вертолеты слабая. Облака плывут низко над землей, чуть не задевая деревья. Вчера геологи слышали гул. На всякий случай зажгли костры. Но туман и плотные облака толстым одеялом окутали землю.

С рассветом Леонов с Дружком отправился на охоту. Ветер разогнал облака. Восход охватил полнеба. Озолотились остroверхие гранитные шапки гольцов, а у подножия гор источали дурмящие запахи тысячи фиолетово-розовых цветов багульника. Трава серебрилась нежной утренней росой. На деревьях зарделись багрянцем листья, а на земле еще синели колокольчики, цвела желтая облепиха, наполняя воздух запахом ананасов. Круто вверх вздыбились зубчатые гольцы. По карнизу ущелья двигалось стадо горных баранов. Далеко сверкали вечными снегами вершины Мунку-Сардыка.

Рядом рывкнул гуран. Леонов вздрогнул от неожиданности, сплюнул в досаде и быстро зашагал по узкой долине. Под ногами плескалась о камни, отфыркивалась, как горячая монгольская лошадь, река Китой.

Весной изюбры покидают места зимовок и еще по снегу начинают пробиваться к вершинам гор, поближе к альпийским лугам. У теплых минеральных источников они пасутся все лето в светло-желтых цветах кашкары.

Геолог дошел до отрогов и на солнцепеке обнаружил свежие следы изюбра. Они провели его к месту кормежки зверя. Здесь охотник устроил засаду.

Спустились сумерки. В горах все уснуло, притаилось. Ни ветерка, ни шороха. Леонов вслушивался в напряженную тишину. Вдруг Дружок, лежавший у ног хозяина, вскочил, ощетинился, стал жадно нюхать воздух. Потом замер. Охотник почувствовал: где-то совсем рядом стоит зверь. Долго сидел он, не шевелясь и внимательно вглядываясь в темноту. Нет, не видно. Значит, ушел. Дружок спокойно ерзал и натягивал поводок. Степан Васильевич решил спустить собаку. Она стремительно бросилась вперед...

До самого утра Леонов прождал Дружка. Вот-вот послышится лай собаки, гонящей к засаде изюбра. Сколько раз Дружок загонял соболя, кабаргу, дикого оленя и горного барана. Но в этот раз пес так и не вернулся к хозяину.

Медленно брел Леонов к палаткам. Ему было жаль своего четвероногого друга. Пропал, наверное...

Метров за пятьсот от лагеря Леонов увидел катившийся навстречу черный ком. Ближе, ближе...

— Дружок! — обрадовался охотник.

Собака с визгом бросилась на грудь хозяина, прыгала вокруг, лизала лицо, руки.

У лагеря его радостно встретил Володя Базыров:

— Степан Васильевич! У нас теперь мяса на неделю. Геологи в маршрут ушли, а я обед варил. Вдруг слышу лай. Вижу: Дружок кружит по логу изюбра и старается повернуть его к лагерю. Я схватил ружье и к нему... Ох и умный пес у вас!

— Умный — это верно... Не чересчур ли?.. — в словах Леонова чувствовалась легкая досада.

...В железной печурке потрескивают дрова. В палатке дымно. От мокрой одежды валит пар. Под потолком растекается голубоватый табачный дымок. Отодвинув на край стола жестяную банку со свечой, Леонов намечает на карте новые маршруты.

— Мы обследовали падь Лапсона, но золота там нет... Так... Теперь надо спуститься в ложину Хунды-Гола. Петр Иванович, пойдете туда с Анатолием. Я же возьму с собой Базырова, мы исследуем юго-западное нагорье. Думаю, что за пять дней управимся. Гордеев за это время подготовит лошадей к спуску с перевала. Если найдете что-нибудь интересное, сигнализируйте ракетой...

Ракета победы

К ночи Леонов и Базыров добрались до намеченного места поисков. У небольшого ручья разожгли костер. После ужина геологи срубили два толстых сухих кедра и, сложив их друг на друга, устроили нодью. Такой костер горел медленно и давал много тепла. Накрыв головы фуфайками, легли на мох и ветки и подставили спины к нодье. Пахло грибами, вянущими цветами, прелыми листьями.

Раздумывая о своей судьбе, о прошлом и будущем, Степан долго не мог заснуть. Он думал о тех временах, когда кочевые племена сойотов-оленоводоов ушли на север этого угрюмого угла с его холодными скалами. Только бедный бурят и белый русский в течение столетий с железным упорством продвигались

в глубь Восточных Саян. «Сколько вложено труда, сколько пролито пота, крови и слез, чтобы оживить эту ледяную и мертвую землю», — думал Степан. Перед глазами проплыли страшные перевалы Шумака, Оспин-Дабана, Мунку-Сардыка, где Леонов видел скелеты людей.

Из-за леса выполз серп месяца. Ночь была тихая. Косуля, беззаботно шипавшая траву, вдруг настороженно подняла мордочку. Чуткий слух явственно различил приближающийся треск. На опушку вышел кабан-секач. Косуля мелькнула светлым пятном, исчезла в кустах. Кабан остановился, понюхал воздух, подозрительно фыркнул и потрусил вслед за косулей.

Утро застало геологов в пути. Золотистые лучи солнца играли в капельках росы, застывших светлыми бусинками на кружевных листьях папоротника. Чистые, словно умытые, стояли кряжистые кедры с пышными, раскидистыми кронами. Скоро пейзаж сменился. Кругом топорщились кусты смородины, малины, бузины с пожелтевшими листьями. Незабудки, огоньки и ветреницы тянулись к солнцу.

Леонов решил подняться на самую вершину Шумака. Из-под ног то и дело с шумом взлетали стаи куропаток. Птицы уже оделись в белое и были очень заметны. Разведчики пополнили ими свои скудные припасы.

К середине дня достигли вершины водораздела. Грандиозная панорама открылась перед ними. Наконец-то сбылась давняя мечта Леонова: он видит под собой Шумака во всей его суровой красоте. Необозримая горная страна, зятанутая голубоватой дымкой, усеянная лысынями обнаженных пород.

Опираясь на винтовку, Степан Васильевич долго всматривался в знакомые горные хребты. Синей полосой внизу извивается Шумака. Тридцать четыре года назад у этой реки произошла кровавая драма. Но где, в какой складке, в каком месте лежит то золото, из-за которого пролилась кровь?

Леонов сел на камень, достал бинокль. Внизу расстилались альпийские луга. Цветы и травы на этих лугах никогда не вянут, не знают осени. Их внезапно покрывает глубокий снег. Там паслось стадо животных ростом с телят, но покрытых густой, длинной шерстью, свисающей почти до земли. Мускулистый горб, лошадиный хвост, мохнатая морда придавали животным фантастический и свирепый вид. Но это были всего лишь тибетские яки, которых здесь называют сарлыками. Более рослые хайныки — помесь сарлыков с коровами. Неприхотливые и выносливые, они спят прямо на снегу, выходят победителями в единоборстве с волками. В бинокль Степан увидел медведя, который что-то искал на болотистом берегу небольшого озера, а недалеко ленивой походкой к водопою шел марал.

Изыскатели направились к самому истоку реки. Вороша память, Леонов думает о том, что Новиков, несомненно, знал

короткую, хотя, возможно, и опасную, тропу. Но где ее найти?

Когда спустились в распадок, заросший пихтой и елью, наступил уже полдень. Вдруг Дружок, бежавший впереди, как-то необычно залаял. Что привлекло его внимание? Степан чуть не бегом поспешил на лай.

На противоположном берегу реки в узком распадке он увидел горбатую избушку, раздавленную кедром, рухнувшим со скалы. Да ведь это оно, то самое зимовье, что когда-то срубил Дмитрий Демин — беглый каторжник. Здесь больше года гостевали Степан со старым дедом. Перед ним мгновенно возникли образы профессора Львова и проводника Краснова, пришедших сюда в холодную грозовую ночь...

Несмотря на усталость, Леонов в эту ночь спал тревожно. Во сне ему грезилось золото, мерещились чьи-то шаги, треск ломающихся сучьев. Весь в поту, он просыпался, подолгу вслушиваясь в лесные шорохи. Вот где-то далеко гукнул филин, тьякнула лисица... Хоть бы скорее день.

Еще не угасли звезды, и луна не окончила свой путь по небу, а Степан уже поднялся, достал из рюкзака мыло с полотенцем и медленно спустился к реке. Он напился студеной воды, а затем долго, с наслаждением, какого давно не испытывал, намыливал руки, тер лицо...

Рассвет медленно входил в тайгу. Сначала замаячили верхушки деревьев, потом обрисовались пушистые ветви лиственницы. И вот уже перед ним, как бы просыпаясь, поднялись заросли багульника. В ветвях кедра зацыкала и защелкала белка.

В памяти Степана снова возникли мать, бабушка, лесной пожар, Львов, Краснов, и вдруг он явственно вспомнил слова, сказанные тогда таежником: «Золото под водопадом». А ведь тогда, подростком, Степан видел водопад вон под тем отрогом. А вдруг тот? Золото! Где-то тут рядом. До него рукой подать!

Разведчики наскоро позавтракали и двинулись в путь. Леонов повернул в лес, затем торопливо пошел в гору. Володя еле поспевал за ним.

Крутой тропой они спустились к реке и по валунам перебрались на другой берег. Вскоре, продравшись через чашу, они набрали на звериную тропу. Ее, должно быть, пробили к водопою изюбры. Идти стало легче. Поднялись на голец и спустились к шумящему водопаду. Сколько в нем необузданной силы! Бешено скачут и хлещут голубыми космами тугие струи, пропилившие широкую щель в монолитных стенах гранита. Здесь под защитой серых скал покоится небольшое озеро, из которого берет начало ручеек. Леонов замер от восторга. Пересекая наискось изогнутую стену цирка, лежала красавица жила сечением более двух метров. Словно опытный врач, Степан высту-

кал молотком обнажение. В кварцевой жиле, как ласточкины гнезда, торчали самородки. Володя ножом выковырнул крупный самородок и попробовал на зуб, удивляясь:

— Степан Васильевич, золото-то мягкое!

— Это так... Да характером твердое. Какие здесь сокровища, Володя! — А сердце геолога бурным потоком захлестнула радость. Так вот он какой, деминский клад, о котором ходило столько легенд!

Степан достал из рюкзака алюминиевую миску и присел на корточки у озера. Положил пригоршню речного песка в миску и, погрузив ее в воду, начал промывать. Скоро в миске красно-ваато-желтой кучкой показались зерна и бисеринки металла. Степан подставил кружку, и золото с тонким звоном забренчало по ее дну. Руки Леонова дрожали. Золота много. Оно блестит переливчатой чешуей и по-тараканьи шевелится по краям песка. Нет, так много золота Степан даже не предполагал увидеть! Леонов тщательно осмотрел все вокруг. Нигде не было видно старых выработок. Только звериная тропа спускалась к водопою. Среди холодных каменных глыб крошечные лужайки, покрытые коврами альпийских цветов.

Леонов подошел к скале и стал бить кайлом о ее стенки, отваливая куски белого кварца. Он работал долго, без передышки. Наконец, разгоряченный, потный, он сел на валун и стал рассматривать пробы, в которых густо сверкали вкрапления золота.

Сидя у ревущего водопада, Леонов вспомнил длинные и трудные дороги по тайге, неудачи, голод... Всю жизнь, с детства, провел он в горах. Долго искал он этот заветный клад. И только теперь, когда золото было в его руках, он с особой силой почувствовал всю дикость, нелепость преступления отца. Зачем ему было золото? Что он с ним стал бы делать?

Что-то оборвалось в груди, резко заныло. Степан сидел, втянув голову в плечи, ничего не видя, ничего не слыша... Сердце колотилось часто, усиленно, с переборами...

Базыров бросился к Леонову.

— Что с вами, Степан Васильевич? — испуганно закричал юноша.

Плечи геолога поникли, лицо побелело и судорожно вздрагивало. Мелко дрожали морщинки у переносья.

— Ничего... пройдет... — произнес Леонов. В его голосе звучала глубокая усталость, какую ощущает человек от непосильного труда. Медленно достал он пакетик с таблетками, сунул одну в рот и долго сидел потом, полускрыв глаза.

Базыров сочувственно смотрел на своего начальника. Никто в отряде и не догадывался, что Леонову бывает так трудно. Все считали его самым выносливым, с железным здоровьем.

Солнце село. В лесу залегли черные тени. Туманная дымка нависла над озером, повеяло холодом, сыростью. Просвистели крыльями дикие утки. Леонов поднялся и медленно побрел в сторону зимовья.

Вскоре стемнело. В лунном свете сверкал далекий ледник. Внизу глухо шумела тайга. И вдруг над вершинами хребтов ослепительно взорвалась зеленая ракета, ракета победы. Торопливо взлетая один за другим, слепящие огни извещали геологов партии Леонова, что открыто богатое месторождение золота, трудного золота, затерянного и вновь найденного.

Борис Носик ЩЕДРАЯ ДОРОГА

Летнее путешествие
по Чехословакии
автостопом

Успех нашего летнего путешествия, о котором я хочу рассказать, удивил почему-то не только наших московских друзей, но и пражских родственников. Все полагали, что я погощу, как порядочный, в Праге, посетю, согласно вековой туристической традиции, какой-нибудь загородный замок, ну и, может, съезжу еще в Карловы Вары, раз уж такое непомерное любопытство. Но чтоб так...

Впрочем, расскажу по порядку. Прежде всего, как я попал в Чехословакию? Многие, конечно, знают о новом соглашении, согласно которому всякий смертный может теперь погостить в Чехословакии, если его туда пригласят родные, друзья или знакомые. Вот нас с женой и пригласили ее, а стало быть, и мои родственники. Что же касается фантастического маршрута, похожего на схему движения молекулы, то он

впервые наметился еще в начале лета в Угличе, этом старинном русском городке на Волге. Так вот, в Угличе июньским вечером неподалеку от того места, где, по преданию, был убит царевич Димитрий, я встретил двух бородатых людей. Так как угличане уже давно не носят бород, я сразу понял, что это приезжие, да к тому же еще, наверное, и художники. И я не ошибся. Один из бородачей оказался известным чешским графиком Михаилом Ромбергом, которого — я сразу это понял — послала мне судьба. И после того как Ромберг терпеливо и вежливо ответил на вопросы местного населения о возможности закупки запасных частей к чешскому мотоциклу «Ява», он так же терпеливо и даже с энтузиазмом разъяснил мне, какие города Чехословакии следует посетить в первую очередь. Он все называл и называл всякие звучные имена, а я записывал, совершенно замороженный этой географической музыкой: Ружомберок, Кежмарок, Йиндржихув-Градец, Чески Крумлов, Глубока, Тельч, Левоча, Табор, Братислава, Нитра... Впоследствии я дополнил этот список названиями, почерпнутыми из книг и разговоров или просто списанными с карты в топонимическом экстазе.

И вот, когда я вытащил этот список в Праге на семейном совете, мой родственник Иржи, очень серьезный молодой экономист и один из крупнейших в Чехословакии специалистов в области ценообразования, взял в руки карандаш, обложился справочниками и за полчаса без помощи счетно-электронных машин вывел сумму, ужаснувшую домочадцев.

— Вот,— сказал он,— это по самым скромным подсчетам...

А мы дошли еще только до половины моего списка.

— Кроме того,— сказала Нина, моя свояченица,— необходимо заранее заказать гостиницу в каждом городе, а может, и билеты...

В общем перспективы открывались самые мрачные, а мной уже овладело неудержимое желание уехать из Праги и побродить по стране. Нет, дело вовсе не в том, что мне не нравилась столица Чехословакии. Прага прекрасна. Это город пленительный, неправдоподобно красивый, музейно удивительный и в то же время по-человечески обжитой, очень трудовой, какой-то и прозаический и экзотичный в повседневном быту. Впрочем, что я могу добавить к тому, что уже было написано о Праге в тысячах книг и статей, к тому, о чем возвещает рекламный плакат «Чедока»: «Прага — перла мнест» (жемчужина городов); о чем заявлял Иоганн Вольфганг Гёте: «Прага — драгоценный бриллиант в каменной короне страны»; о чем с восторгом писал Гектор Берлиоз: «Как пленительны бесконечные ряды храмов, дворцов, зубчатых стен, башен, колоколен, аркад, просторных дворов и остроконечных крыш!»; о чем великий насмешник Джером К.

Джером говорил с величайшей серьезностью, теряя всякое чувство юмора: «Прага — один из интереснейших городов в Европе. Ее камни пропитаны историей и поэзией...»? А раз добавить нечего, то перейдем непосредственно к тому дню, когда решилась судьба нашего путешествия.

День «великого перелома»

Итак, мне хотелось покинуть Прагу, потому что мы уже пробыли в ней несколько дней и потому что мне всегда думалось, что столица — это еще не вся страна, а посмотреть хотелось страну. Но решиться мы с женой ни на что не могли: ни на сокращение маршрута, ни на поездку к прославленным водам. В подобном смятенном состоянии вышел я однажды утром побродить по Праге и долго кружил по узким средневековым улочкам Старого города, разглядывая на фронтонах старинные гербы врачей, ювелиров, музыкантов и рыцарей, заглядывая в прохладную полутьму винарен и пивных, тщетно разыскивая дом Кафки на Кожной и гостиницу, где останавливались Петр I и Бетховен. Потом вдруг совсем неожиданно вышел я на Староместскую. Сияло солнце. Обычная толпа туристов стояла перед часами «Орлой», дожидаясь, когда начнется забавное и наивное представление, предшествующее и сопутствующее бою,— когда зашевелится смерть с косой, появятся в окошке Христос и апостолы — в общем, придет в движение «средневековый трактат о вечности». И тут в толпе туристов я увидел группу крестьянок — невысоких, коренастых, в широких, круглобоких национальных юбках, вышитых цветастых кофтах и платочках. Они смотрели на часы, а я смотрел на них и даже сфотографировал всю их группу. Тут они заметили меня и оживились. Одна из них решила, что я фотограф, и протянула мне смятую бумажку в десять крон. Я стал объяснять по-русски, что я тоже турист. И тут они поняли, что я русский. Боже, что тут началось! Они по очереди жали мне руки, хлопали по спине, что-то говорили наперебой, что-то почти понятное, почти русское и почти украинское. А одна пожилая крестьянка сказала:

— Русские — то ж наши братья...

Могилы на Лоретанской площади

Эта встреча почему-то очень меня подбодрила. Экономические расчеты и страхи перед незнакомой дорогой больше не удручали меня. Я знал теперь, куда я подамся на худой конец: адреса тетушки Марии Билой из-под Нитры и другой Марии из-под Голанты лежали у меня в кармане, и я трогал их время от времени, продолжая кружить по улицам Праги. Миновал умильный Новый Свет, я вышел на Лоретанскую площадь и здесь, в старинной капелле, вдруг увидел знакомое лицо под прядью седых волос. Это была гид здешнего «Интуриста» — «Чедока». Мне уже пришлось однажды слышать ее объяснения в древнем еврейском гетто, и теперь я,

конечно, поспешил к группе русских туристов, которым она рассказывала о колоколах Лоретты:

— Через три минуты вы услышите их изумительный перезвон. С ним связано немало легенд, легенд всех времен. Говорят, что после этой войны смертельно раненный русский солдат Беляков лежал вон там, в швейковском госпитале, днем и ночью слушая нежный перезвон лоретанских колоколов. Умирая, он попросил похоронить его где-нибудь поблизости, куда доносился бы этот звон. Теперь он лежит здесь, на площади. На камне написана только фамилия солдата — Беляков. Но ведь этого достаточно. Все и так знают, зачем Беляков пришел в Прагу...

Стало совсем тихо. Потом зазвонили колокола Лоретты, нежно, переливчато. Я дослушал эхо последнего удара и стал знакомиться с земляками. Они были из Белоруссии и путешествовали по Чехословакии на собственных «Волгах». Наутро им предстояло двинуться в обратный путь, к нашей границе. Они сказали, что мест у них много и что они охотно возьмут с собой и мою жену, и меня. Количество неразрешенных проблем резко сократилось, лед тронулся. На следующее утро мы выехали из Праги на восток.

Мы мчались к городу Брно. Нас с женой взяли к себе в машину доктор Дразнин из Минска и его жена Роза Григорьевна. Это были люди интеллигентные, веселые и бесконечно добрые. И все у нас в машине: и разговоры, и песни — было знакомым, своим. «Волга», точно островок России, мчалась по чешскому шоссе. А за окном мелькали удивительные города и села. Здесь были прекрасные улицы и площади с готическими, ренессансными и барочными домами, памятниками и обелисками; здесь были уютные, чистые и гордые деревни, отличавшиеся от городов, пожалуй, только размерами да количеством костелов. Мы летели мимо расчерченных посевами полей, кудрявых холмов, мимо то подступавших к шоссе, то отходивших в синюю даль гор. Но что особенно поразило меня, так это леса. Я знал, что Чехословакия — страна с высокоразвитой промышленностью, с высокой плотностью населения, большим количеством городов, и думал, что леса там вырублены еще столетия назад. А они густо зеленели по обочинам шоссе. Сразу за чертой города или заводским забором начинались красивые сосновые боры, небольшие кудрявые рощицы, купы старых деревьев возникали неожиданно посреди поля; в гуще посевов и на холмах стояли отдельные могучие деревья, охраняемые, точно памятники архитектуры, табличкой «статни стром» — государственное дерево.

Итак, мы мчались вперед, страна пролетала мимо, и меня все больше охватывало беспокойство: я еще не свел в дороге дружбу ни с одним чехом, не исходил пешком ни одного города, не ночевал ни в одной деревне.

Первая стоянка у нас была в Брно. Брно — огромный промышленный город, второй по размеру в Чехословакии, центр международной ярмарки. И то, что в отеле «Слован» не оказалось мест, меня не удивило. Но наш шофер профессор Дразнин разложил сиденья в «Волге», вручил нам ключи от машины и выбрал для ночлега уютный уголок в самом центре города. Вечером мы бродили по залитой огнями главной улице от «Снована» до вокзала; жены, по французскому выражению, «лизали витрины», мы глазели по сторонам. Утром я встретил на площади, неподалеку от старой ратуши, сразу три группы советских туристов, приехавших в Чехословакию на своих машинах и автобусах. С одной из групп я попал в здание бывшего моравского парламента, в роскошный зал, где теперь жители Брно сочетаются браком. Румяный седой гид бойко рассказывал, время от времени пересыпая речь всемирно известными анекдотами:

— В подобных залах при национальных комитетах в торжественной обстановке происходит бракосочетание. Так же торжественно обставляют и запись новорожденного. А вон в той комнатке жених ждет конца своего счастья. Браков у нас заключается в год примерно семь, а разводов один на тысячу жителей. Разводов у нас меньше, чем у вас, в Союзе, примерно... на две сотых процента. Развод стоит всего четыреста крон...

**О драконе,
колеснике
и первом
менделисте**

В подворотне Старой ратуши гид рассказал историю чудесного дракона, висящего под сводами арки. Собственно, историй было несколько, но потом оказалось, что это всего-навсего нильский крокодил. От этих лишенных поэзии легенд слушатели приуныли, и гиду пришлось повеселить их рассказом о неверных женах, которые как огня боятся этого самого крокодила. Тут же висело огромное колесо, которое, по преданию, смастерил веселый колесник из Леднице еще в XVII веке. Находясь в подпитии, он похвастал перед коллегами, что за тринадцатичасовую рабочую смену срубит в лесу дерево, сделает колесо да еще доставит его к рынку сбыта — докатит до брненской ратуши. Он совершил этот трудовой подвиг, но дальше все пошло хуже. Все решили, что тут не обошлось без вмешательства нечистой силы, и стали его сторониться, бедняга лишился заказов и умер в нищете. Вывод из этой невинной истории напрашивался самый простой: не следует хвастать в пьяном виде, даже если речь идет о простом колесе, и, конечно же, следует бороться с предрассудками, повышая свой культурный уровень.

Вместе с туристами-земляками я побывал еще в нескольких костелах и бывшем монастыре августинцев, где постигал основы музыки знаменитый чешский композитор Леош Яначек и занимался своими научными изысканиями монах Иоганн Грегор

Мендель. Гид рассказал нам, что в Брно недавно закончился международный конгресс, посвященный Менделю, и что основатель менделизма занимался здесь также скрещиванием пчел и даже метеорологией.

Среди живых и мертвых

Потом я снова бродил по городу и забрел в капуцинскую церковь, при которой была «гробка», то есть крипта, подземная часовня-музей, где хранилось много мумий, черепов и костей, а из последних даже была изготовлена люстра. Музей этот должен был напоминать о смерти, от которой никуда не уйти, и надписи на стенах гласили: «Мemento мори», «Ту фуи, эго эрис» (помни о смерти, о том, что мы были такими, как ты сейчас, а ты будешь такой же страшный, как мы). Вообще мне показалось, что в Чехословакии принято с довольно большим уважением относиться к усопшим, особенно к тем, кто отдал жизнь служению людям. Памятников и монументов здесь тысячи, в центре Праги же чуть не на каждом доме есть мемориальная дощечка с именами павших. До сих пор помню одну из них, на углу Овочни трга: «Здесь положил свою жизнь на алтарь власти Богумил Кулиш 25 лет от роду, 8.V.45». В каждом чехословацком городке и чуть не в каждой деревне есть с любовью оберегаемый памятник нашим русским солдатам. Конечно, «гробка» капуцинов носила более общий, философский характер; она была скорее сродни надписям, украшающим обычно ворота словацких кладбищ: «До виденя!», то есть до свидания. Главное место в «гробке» занимали кости барона Франтишка Тренка, прожившего бурную жизнь, служившего майором в русской армии и окончившего жизненный путь в Брно. Надпись на гербе барона пророчески гласила: «Сквозь бури к гавани», и барон обрел у капуцинов сравнительно тихую, хотя и недостаточно укромную, гавань.

О пользе пещер

Вместе с нашими автомобилистами мы посетили знаменитый Моравский карст, район, расположенный неподалеку от Брно. Главная приманка этого заповедника — карстовые Пунквские пещеры с их сталактитами и сталагмитами самых причудливых форм. Это удивительная галерея природной скульптуры. Здесь на каждом шагу всяческие булавы, гномы, вазы, елочки под снегом и, конечно, минареты, турецкие кладбища, а также вечные влюбленные, которые никак не могут сойтись. Экскурсоводы и посетители изощряют фантазию, придумывая названия все новым и новым шалостям карста, и это, конечно, занятие небесполезное. Мне очень понравилось, как чехи гуляют по своим пещерам, как они до крайности внимательно слушают рассказы экскурсовода, изредка обмениваясь восхищенными возгласами. И еще мне понравилось, что пещеры здесь используют на все сто процентов. В Моравском карсте, например, блестяще налажена система

сигнализации и страховки, гиды неутомимы, посетители благодарны. Мы достигли дна провала Мацоха (Мачеха) с зеленоватым озерком посередине, добрались до русла подземной речки Пунквы, откуда на моторных лодках отправились в новое подземное путешествие и попали, миновав три озера, в красивейшую часть Моравского карста, где снова были и сталактиты, и сталагмиты, и сталагнаты. Потом мы наконец выбрались на свет божий под огромной страховочной сетью, и здесь защелкали фото- и кинокамеры, раздались восхищенные возгласы на дюжине европейских языков.

Ударим автопробегом!

Наутро мы снова двинулись в путь. Шоссе было отличным, машины в исправности, и мчались мы с большой скоростью. Так мы пересекли Моравию, въехали в Словакию и помчались на юг, останавливаясь лишь изредка, когда теряли одну из своих машин. Наш добрейший водитель удовлетворенно поглядывал на спидометр, а я смотрел, как пролетают мимо поля и холмы, леса и деревни, как проскочили мы мимо Славкова и Аустерлицкого поля, Бухловицкого замка и Угерске-Градиште, и сомнения в пользе туристического автопробега закрадывались в душу.

Обедали мы в изящном курортном городке Пьештяни над рекой Ваг, потом понесли дальше, мимо Топольчан, красивого промышленного Партизанске, где стояли новые дома-«башни», точь-в-точь как наши московские, только повыше на два этажа, мимо Прьевидзы, мимо дымящего заводскими трубами Жиарнад-Гроном. Под вечер мы повернули на север и добрались до Банска-Бистрицы. И здесь нам с женой захотелось изменить что-нибудь в нашем путешествии. Ей казалось, что мы уже слишком много повидали, а у меня появилось ощущение, что я еще ничего толком не видел. После непродолжительной дискуссии мы порешили все к взаимному согласию. Я купил жене железнодорожный билет до Праги и расстался с нею на окраине Банска-Бистрицы.

Начало новой жизни

С «хлебником» (небольшой сумкой, в каких чехи носят завтрак с собой на работу) на плече я пошел к окраине города. Я решил «стоповать». На чешских шоссе много «автостоповцев» — молодых рабочих, школьников и студентов из всех стран мира. У них нет, как правило, никаких специальных автостоповских книжек (вернее, я видел одного студента, у которого была такая книжка, но как раз его-то упорней всего преследовали неудачи). Они просто стоят на обочине шоссе и машут рукой. Иногда показывают палец: мол, я один, возьмите меня.

Пройдя мимо нескольких автостоповцев с рюкзаками (они дружески махнули мне: «Агой! Агой! — Привет!»), я занял свое место на шоссе и робко поднял руку. Так началась новая жизнь.

И началась довольно удачно. К моему безмерному удивлению, первая же машина, которой я робко махнул, остановилась. Я попросил подвезти, даже не зная еще толком куда, ну, скажем, до Нитры. В машине сидели трое: на заднем сиденье пожилая женщина с ведрами, на переднем — молодая пара. Они почти сразу поняли поговору, что я из России, и все трое расплылись в улыбке. У всех были черные-черные зубы, и я спросил, в чем дело. Оказалось, они ездили в лес за черникой: о, там, где немцы сожгли деревню, там неподалеку пропасть черники. Сами они из Зволена и охотно подбросят меня, но только вот надо по дороге завезти тетушку Марию в деревню Бельки Луки; тетушка Мария — это мать Анны, а это Любомир, муж Анны, будем знакомы. Анна неплохо говорит по-русски, у них была отличная учительница в школе, русская эмигрантка, да и словацкий не так уж сильно отличается от польского, украинского, русского — в общем, понять друг друга можно. Давно ли я у них, что видел?

В «Антилопе» семейства Бодя Анна и Любомир начинают спорить: конечно же, они должны показать мне деревянный костел в Гронсеке и деревянную колокольню XVII века. Хочу ли я? Впрочем, Любомир уже разворачивает машину, и мы мчимся назад, в Гронсек. Костел не заперт, здесь остро пахнет бревенчатой избой. Рядом бревенчатая колокольня XVII века. Северная Двина да и только, точно где-нибудь в Чухчерьме. Мы едем дальше. Машина жалобно погромыхивает на ухабах. Это какая-то странная машина, что-то вроде «Антилопы» Козлевича, — Любомир сам собрал ее из металлолома. Мы завезли матушку Анны и подобрали молодую пару, направляющуюся в Зволен смотреть новый фильм про битлов — «Вечер трудного дня». Все четверо наперебой расспрашивали о России. Анна и Любомир никогда не бывали в Советском Союзе, но дед Любомира когда-то ездил в Одессу, а тут вот тебе, живой человек из России. Когда мы подъехали к Зволену, уже стемнело.

— До Нитры далеко. Кто там у вас в Нитре? Может, и нет смысла ехать сегодня? Ведь все равно к нам домой надо обязательно захватить. Отец с матерью будут очень рады.

Мы едем через Зволен на окраину города. Здесь, в самом конце Калинчаковой, новый дом Любомира Водя. Сразу же за домом пустырь.

— Зволенские Черемушки тут будут, — говорит Любомир.

Дом просторный, двухэтажный, со всеми удобствами. У ворот нас встречают румяная седовласая тетушка Зузанна, мать Любомира, его отец и дети: Игорек выбежал навстречу, а дочурка у бабушки на руках.

Вечер. Вся семья собирается за столом. Тетушка Зузанна сетует, что она не готовилась к приему гостей, но на ужин

Б. Носик

ЩЕДРАЯ ДОРОГА

Одна из самых знаменитых туристических приманок Чехословакии -- могучий замок Карлштейн, овеянный легендами о романтических приключениях монарха...

Среди пяти сотен восстановленных чехословацких дворцов и замков особенно славится жемчужина Словакии Оравский замок над туманной долиной Оравы, издавна вдохновляющий словацких художников и поэтов

Внутренний дворик Оравского замка под дождем

Семейство Бодя на могиле русских братьев, павших на словацкой земле

вкуснейшая картошка с отличным здешним молоком. Отец Любомира ставит на стол карпатскую горькую и болгарское белое вино. Разговоры о Москве, о Зволене, о работе, о прошлом и будущем. Отец Любомира на пенсии. Пенсия — 600 крон, это примерно 60 рублей. Четыре месяца в году он еще работает у себя на заводе. Любомир — техник в строительной организации, он получает 1700 крон; Анна служит в банке, зарабатывает 1300 крон. Дом построен ими в рассрочку, но через года два они надеются выплатить все и купить машину: на той, что есть, далеко не уедешь. А вот па повой они придут летом в Москву.

«Есть ли у вас битлсы!»

Мы включаем телевизор. Передают кинокартину «Черный Петрус» Милоша Формана. Фильм о проблемах воспитания, взаимоотношениях детей и взрослых.

— У вас есть битлсы? — спрашивает Анна.— Ой, у нас есть немножко в городе.

Битлсов мне приходилось видеть в Праге. Это подростки с волосами до плеч. Когда юная парочка идет в обнимку по улице, то сзади не сразу и распознаешь, кто юноша, а кто девушка: оба в джинсах, в тельняшках, у обоих длинные кудри. В Праге я ходил вечерами в «Манес», на Словенский остров, где на танцах бывает много битлсов. Они очень юны, и, конечно же, им страшно хочется быть оригинальными, добиться независимости и признания взрослых. Некоторые пражане зовут их Манечками, другие считают хулиганами, третьи думают, что это пройдет с возрастом. Печать и радио ведут себя с редкостным тактом: они просто не замечают битлсов ...

Как заводится его машина!

Беседа наша затянулась до поздней ночи. Утром после завтрака все семейство Бодя вышло за ворота провожать меня. В это время на улице показался почтальон и тетушка Зузанна поспешила ему навстречу.

— Таньере! Тарелки! — кричала она.— Как там летающие тарелки? А человек больше не появлялся?

Почтальон, улыбаясь, протянул ей молодежную «Смену»:

— Как же, появлялся. Видели его в Аргентине.

Мирная Калинчакова зашевелилась. Вышел сосед Любомира. Его тоже интересовали тарелочки и человек, и мне почему-то вспомнились при этом чапековский пан Повондра, черные головы саламандр на Влтаве. Остро и горько, будто где-нибудь в ярославской деревне, я почувствовал здесь, как не нужны сейчас людям ни летающие тарелки, ни саламандры, ни злобные хитрости атомного ядра.

— Мы не можем отпустить так гостя,— сказала тетушка Зузанна.— Надо проводить. Выводите из гаража машину. И съездите на русскую могилу.

Машина Любомира заводится довольно хитрым способом. Нужно сначала вдавить ее на гору, а потом столкнуть вниз, для чего необходимы усилия всего семейства Бодя. Тогда она заведется, но, конечно, не с первого раза. С шумом и смехом толкали мы «Антилопу» в гору, и вниз, пока она наконец не завелась. Любомир, Анна с детьми и я поехали на окраину Зволена, где находится большая братская могила советских солдат и партизан. К монументу вели ступени и посыпанные гравием дорожки, а по сторонам, среди травы и цветов было многогранитных надгробий с русскими именами и фамилиями, с названиями окрестных городов и сел, у которых встретили смерть эти русские. Иногда фамилий не было. Просто: «Офицер Красной Армии, погибший смертью храбрых на боевом посту в районе Зволена». Пожилой словак в цветастой рубашке навывпуск косил сено среди ухоженных, аккуратных могил. Я поздоровался с ним по-русски, он оперся на косу и спросил:

— Пекне? Красиво?

Я пожал плечами. —

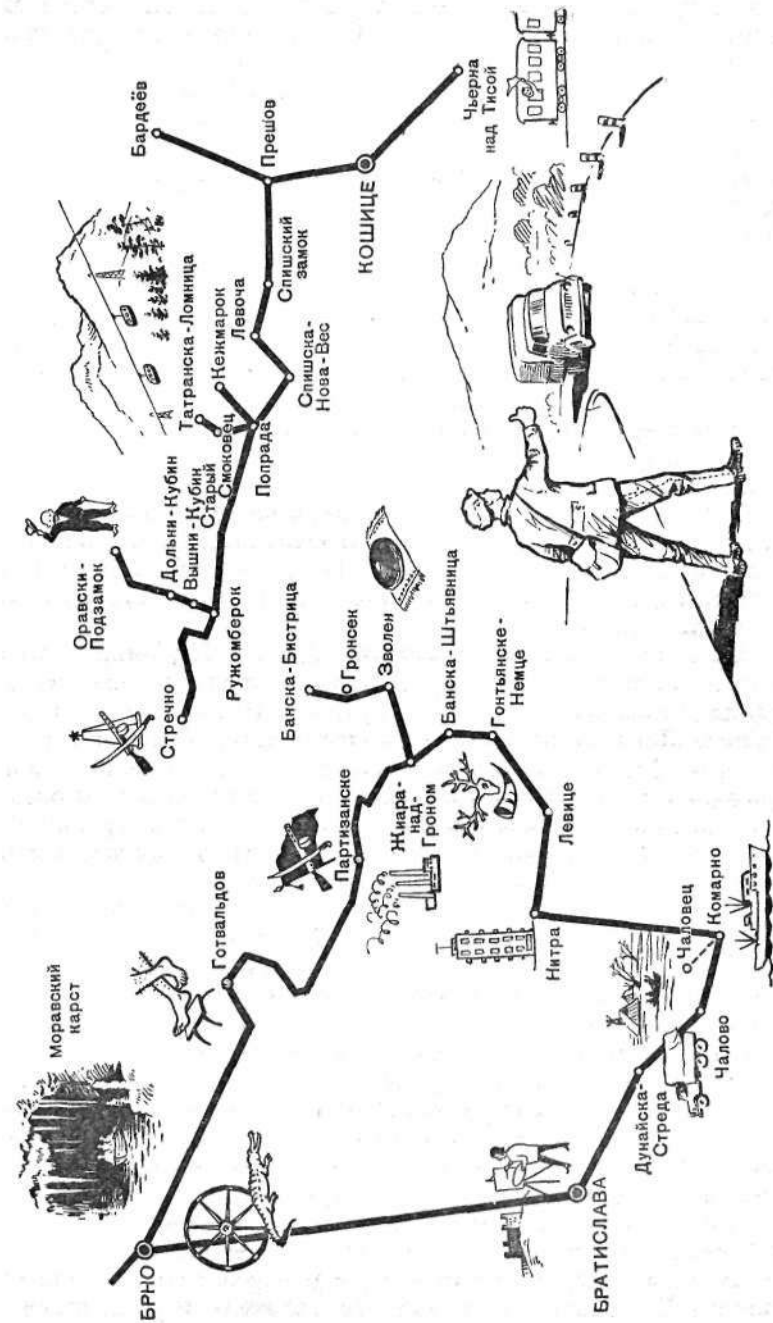
— Да... — вздохнул он по-стариковски, опуская взгляд на камень, под которым лежал девятнадцатилетний парнишка — солдат из России. — Да... Шкода. Лучше, если б он был теперь дома и имел свою семью. Двадцать пять тысяч тут русских. А сколько по всей земле...

Мы молча вернулись к машине. Анна и Любомир повезли меня мимо недавно реставрированного, пестрого зволенского кремля и вывезли на дорогу, ведущую к Нитре. Там мы и простились. Помахав рукой отъезжавшему автомобилю, я зашагал по шоссе. Лес подступал к нему слева, и оттуда, из темной чаши, доносился по временам крик какой-то птицы. Пахло ягодами, и очень хотелось свернуть на первую же лесную тропку. Но все-таки шоссе удерживало меня. Удивительно, как намеченный нами же маршрут обретает над нами силу...

Друзья и благодетели

Я прошел всего с километр, когда меня подобрала очень странная и, наверное, очень древняя машина. Влезал я в нее через переднюю малюсенькую, точно окошко, дверцу. Потом в машину уселись пожилой водитель в очках и его матушка. Машина с длинным, как клюв, радиатором и высоким смешным кузовом неторопливо покатила по шоссе. Таких допотопных автомобилей довольно много в Праге и других чехословацких городах. На непривычного человека они производят примерно такое же впечатление, как на жителя среднерусского города внезапно появившийся на улице верблюд.

В Будче мои благодетели свернули в сторону, и я вылез на перекрестке. Я вышел за околицу и снова зашагал по шоссе. Потом меня подбросили хозяева красненькой шкодовской «фелиции». В машине были молодые родители и двое детишек:

конечно, мальчик и девочка. И как потом случалось десятки раз, родители с надеждой обратились к десятилетнему парнишке-школьнику:

— А ну, Гонзик, скажи дяде что-нибудь по-русски...

Гонзик смущенно улыбался, но зато мы, взрослые, оживленно разговаривали на смеси словацкого с русским, украинским, чешским и польским. Фантастическая смесь, но все понятно, все хорошо.

В Жигаре-над-Гроном я прождал попутчиков довольно долго. Припекало солнце, нещадно дымил алюминиевый завод, гордость словацкой индустрии. Меня подобрали шоферы огромного грузового «робура», в котором вся компания размещалась в прекрасной многоместной кабине. Шоферы наперебой угощали меня пивом и лимонадом, но ехали они, к сожалению, только до Глиника-над-Гроном. И тут сверившись с картой, я решил повернуть на Банска-Штьявницу, возле которой на моей туристской «автомате» стоял красивый значок: памятники архитектуры. На перекрестке я сел в служебный автобус. Рабочие с какой-то фабрики ехали в свой свободный день покататься в целебных «купеле» курорта Склене-Теплице. Мы выехали на курортную дорогу

Горы все ближе подступали к шоссе, удивительно красивые, поросшие лесом, и дорога от Склене-Теплице забирала все выше и выше. По пути встречались маленькие городки, затерянные среди живописных гор, небольшие горные села. Проехали Мочиан, похожий на грузинское селение. Наконец на вершине холма открылась удивительная Кальвария и сама Банска-Штьявница. Я вышел из автобуса и стал бродить по горбатым, мощенным брусчаткой и застроенным старинными домами улицам этого живописного горного городка. На покато́й площади под моровым столбом Святой Троицы торговали цветами и фруктами. Я забрел в старый замок, обошел все залы, так никого и не встретив. Уходя, я заметил табличку, предлагавшую мне погасить свет и притворить за собой дверь. Из надписей и фотографий я понял, что это очень древний городок, который был известен еще в XIII веке, а может, и раньше, и что этот городок прежде всего шахтерский: здесь издавна существуют шахты («бани», отсюда «банска») и одна из первых в Европе горных школ.

Находившись до изнурения, я присел на покатую скамью на покато́й главной улице. Она была похожа на горную реку: серебрясь под фонарями, текла вниз брусчатка мостовой; гордо вынося на перекресток острый угол, сползали старинные дома, точно огромные корабли.

Прошли веселой стайкой девчата в джинсах и тельняшках, паренки в ярко-алых кардиганах и свитерах грубой вязки; пророкотал, взбираясь в гору, мотоцикл; в тишине звонко

дребезжали голоса двух старушек, толкующих о чем-то на углу; загадочно поблескивал фонарь над головой, и на каждом из домов виднелась темноватая музейная вывеска — не меньше как шестнадцатый век; откуда-то доносился цыганский перезвон гитары.

Я уснул один в прохладной келье туристской ночлежки (восемь крон койка), но среди ночи меня разбудили двое подгулявших шахтеров. Узнав, что я русский, они решили, что сейчас самое время рассказать мне про Банска-Штьявницу. О, такой старый город! В прошлом году тысяч тридцать народу собралось здесь посмотреть «саламандер». Что это такое? А это шахтерское шествие. Ну, потеха, люди в старинных шахтерских костюмах. Раз в пять лет такое бывает. Представляют как первое золото тут нашли. Пастух увидел ящерку — «саламандер» — с золотой спинкой. «Ага,— решил он,— тут есть золото!» А может, это все и неправда. Но городок веселый, туристов летом видимо-невидимо, кругом озера. В городе несколько заводов и строек, техникумов полно: химический, лесной, шахтерский, строительный, еще есть гимназия...

Глаза у меня стали слипаться, и я уснул, а когда проснулся, солнце сияло сквозь монастырское оконце, шахтеры уже давно ушли, потому что рабочий день тут везде начинается часов в шесть утра. Мне тоже пора было в путь. Завтракал я в скромном кафе, носившем звучное имя «Метрополь». По забывчивости я сказал официанту «спасибо», вместо «декую», и через минуту к моему столику подошла буфетчица. Ее звали Лена, и она родилась в Брянске. В войну в немецком лагере познакомилась со своим будущим мужем-словаком, потом они поселились в Банска-Штьявнице. Сама она говорит с сильным словацким акцентом, но, услышав русские слова, сразу заволновалась: земляк. «Может, что нужно, может, помочь чем-нибудь? Где разместилась?» Потом подошла ее десятилетняя дочка, тонконогая Верочка. Она повела меня по горбатым улочкам Банска-Штьявницы, по ее старым и новым замкам, дворцам и садам. Мы побывали в ботаническом саду — «арборетуме», потом забрели в какой-то дворец, оказавшийся всего-навсего резиденцией средней лесницкой школы. Здесь нас встретил директор школы, величественный мужчина с истинно королевской фамилией Краль. Он пригласил нас с Верочкой в свой кабинет и показал черепа и рога убитых им козочек, за которые он получил медали в Брно и во Флоренции. Директор оказался ярым охотником, и преподавал он охотоведение.

Потом мы с Верочкой спустились на главную улицу, и я сел в автобус, направлявшийся на юг. По дороге мне хотелось еще осмотреть лесной музей, размещавшийся в замке святого Антола. В автобусе моим соседом оказался высокий, полный и

благообразный молодой мужчина в строгом черном костюме. Он довольно сносно говорил по-русски и сказал мне, что недавно встречался со своими коллегами из Эстонии. Я решил, что это учитель, и уже хотел было спросить, какой предмет он преподает. Но тут мой спутник сообщил, что он евангелический священник из Пренчова, а в Банска-Штьявщцу ездил за покупками. Мы поговорили еще немного об окладе священников, о погоде, о здешних местах, а потом вдруг загалдел весь автобус:

— Антол! Антол! Где этот парень из России? Ему выходить! Шофер, не спеши!

Я вылез из автобуса у подошвы холма, увенчанного ангольским замком. Коридор замка был похож на аллею из сучьев-рогов. Под каждой парой рогов было написано, где, когда и кем был убит их несчастный обладатель. Судя по надписям, большинство удачливых охотников были представителями династии Кобургов, владевшей когда-то замком. Я был в то утро единственным экскурсантом, и меня вызвали водить по музею сам директор пан Соловей и инженер Юлиус Фолтон. Их объяснения помогли мне понять, почему в этой высокообразитой промышленной стране, где плотность населения превышает 100 человек на квадратный километр (в Чехии 121 человек), осталось еще так много прекрасных лесов. Они покрывают треть чехословацкой территории. Оказалось, что еще при Марии-Терезии вышли постановления об охране природы. Уже в 1838 году был основан в Чехословакии первый заповедник. Теперь их сотни, и крупнейший среди них — Татранский национальный парк занимает более 50 тысяч гектаров. 70 процентов всех лесов страны находится под охраной государства. Конечно, даже такая развитая система лесоохранных законов не могла бы уберечь лесного богатства, если бы она не сочеталась с воспитанием в гражданах страны уважения к этому богатству. Воспитание это начинается со школы. Апрель в Чехословакии — месяц лесов. Школа, музеи, лесные хозяйства готовят лекции, кинофильмы, беседы. А в июне проводится месячник охраны животных.

Олени, берегитесь директора!

Я высказал сомнение в том, что в стране, столь густо населенной, как Чехословакия, могло уцелеть много зверей, и задержанный за живое пан Соловей гордо заявил, что он лично застрелил на охоте 27 оленей, а вообще... И тут пошли в ход довольно внушительные цифры. Директор и инженер Фолтон показали мне таблицы, из которых явствовало, что только в один из последних сезонов в стране было застрелено на охоте больше 15 тысяч оленей, чуть ли не 80 тысяч серн, почти 745 тысяч зайцев, больше 344 тысяч фазанов и чуть не 3 тысячи куропаток. К тому же довольно изрядное количество всяческого зверья и дичи было отловлено на вывоз. Конечно, сохранение многочисленного лес-

ного населения не дается без труда, и я понял это, проходя по залам музея. Здесь были выставлены модели разнообразнейших кормушек для диких козлов и баранов, для зайцев, макеты вольер для фазанов и куропаток и многое другое.

Беседы с паном Кралем и паном Соловьем убедили меня в том, что в Чехословакии издавна научились беречь неоценимые и щедрые дары природы, значение которых стремительно возрастает для человека, живущего в условиях современной цивилизации. Большую роль в этом отношении играют два института — Государственный и Словацкий институты охраны памятников и защиты природы.

Выбравшись из ангольского замка, я встал на шоссе у подножия холма, дожидаясь «своего» транспорта. Из головы у меня не шли рассказы двух бывалых охотников — пана Краля и пана Соловья, охотников-профессоров и охотников-профессионалов, теоретиков и практиков охотничьего промысла. И, размышляя над их рассказами, я вспомнил вдруг третий рассказ о чехословацкой охоте, принадлежащий охотнику-любителю, моему другу — пражскому редактору Володе Рубцову. Перед отъездом из Праги я попросил Володю рассказать мне что-нибудь про охоту, и он начал так.

Рассказ Володы Рубцова

«Идя навстречу пожеланиям, расскажу, как талантливо и трудолюбиво охотятся здесь на зайцев. Заяц местный — существо хотя и непуганое, однако составляет крупную статью во внешнеторговом балансе страны наряду с фазаном, куропаткой, дикой уткой и оленем.

Погожим утром мы были доставлены в охотничьи угодья, накормлены, напоены пивом, вооружены и представлены егерям, ловчим и доезжачим. Охотников, по-местному «мысливцев», собралось порядочно. Мысливец — это не какой-нибудь анархистствующий субъект. Это достойный, дисциплинированный человек в ворсистой зеленой тирольской шляпе со множеством значков на тулье, по которым можно определить его удачливость и широту натуры. Когда главный доезжачий повел нашу пеструю толпу за околицу, невдомек мне было, зачем сопровождает нас колесный трактор с огромным пустым прицепом, над которым возвышается длинная продольная перекладина.

Кстати, перед тем, как двинуться, мы выслушали очень толковый и неспешный доклад о международном положении. С напряженным вниманием слушали мысливцы доводы доезжачего в подтверждение той мысли, что империализм слабеет и слабеет, а силы мира неуклонно растут. Впоследствии жизнь подтвердила правоту его слов. Закруглился оратор кратким упоминанием о процедуре охоты и объекте оной. Категорически запрещено было стрелять по оленям, косякам, кабанам и человеку.

Мы окружили обширные огороды, пустынные и безжизненные в декабре. По первому сигналу охотничьего рожка зарядили ружья и двинулись к центру окруженного нами пространства.

Поле сразу зашевелилось. Заметались зайцы, залетали фазаны, зазвучали выстрелы, завертел головой я. По второму сигналу рожка пропустили зайцев сквозь цепь и начали стрелять им вдогонку. По третьему сигналу разломали ружья, вынули патроны и сошлись в центре.

Подсчитали трофеи. Зайцев оказалось девяносто шесть, фазанов — около десятка.

До обеда сделали еще два захода. Длинный шест над тракторным прицепом был уже наполовину увешан дичью. Тут-то и произошло событие, о котором я до сих пор вспоминаю со стеснением.

Наша цепь «держала оборону» у дороги. Зайцев должны были гнать на нас. За нашей спиной единственный в деревне единоличник пахал на волах землю под пар. Мой гонец, парень лет восемнадцати, разочарованный в моих способностях, рассказывал что-то о своих пальто и костюмах. Вскоре из-за бугра донеслись выстрелы, и я взял ружье наизготовку... Заяц хорошим скоком шел прямо на меня. Бах! Не снижая скорости заяц пошел в полупрофиль. Ба-бах! Бежит как ни в чем не бывало. Перезаряжаю двустволку, поворачиваюсь и, нажимая на спусковой крючок, замечаю у мушки суестьющуюся фигуру егеря. Вся его жизнь мгновенно пронесется передо мной. Детство, отрочество, юность, эмансипация, национализация, коллективизация. Мелькнул обобщенный образ его вдовы и маленьких сирот... Егерь что-то закричал, жестикулируя, потом повернулся спиной ко мне, втянул голову в плечи, поджал одну ногу в резиновом сапоге. Сердце мое сжалось.

Когда я снова открыл глаза, заяц скакал уже за нашей оборонительной линией к горизонту. За ним бежал мой гонец, размахивая палкой. С ужасом и унынием посмотрел я туда, где ожидал увидеть бездыханное тело егеря. Егерь стоял на том же месте, откровенно радуясь жизни. Глядя на меня, он потрясал кулаком правой руки, а указательным пальцем левой сверлил висок.

Дав понять, что его спасение не прошло для меня незамеченным, я апатично ушел в мысли о том, насколько все зыбко в этом мире. Долго еще я чувствовал себя человеком, случайно затесавшимся в компанию порядочных людей. Но жизнь есть жизнь, и когда сквозь наш вооруженный строй упругим скоком прошла стройная семейка косуль и без сигнала смолкли выстрелы, а все мысливцы разлепили суровые рты, растянув их до ушей, то я тоже радовался вместе со всеми, провожая увлажненными глазами доверчивых парнокопытных.

Самый осторожный шофер Словакии — механик сельхозартели Иозеф Клубучник со своей новенькой «шкодой»

Советский комбайн на улице древнего Спишского Подградья

А это новое общежитие сельскохозяйственного института в Нитре, где мне удалось переночевать благодаря содействию молодого археолога Вацлава Фурманека

Этот обыкновенный кооперативный дом на Рауховой улице в Братиславе пока не украшен мемориальной доской. Тем более необходимо упомянуть, что в доме этом живет Альбин Бруновский

Туристические карты Словакии не зря пестрят изображением широких юбок колоколом: на Юге Словакии, у села Себехлебы, словачки даже на работу выходят в национальных костюмах

Не стану описывать подробно, как мы в тот же день охотились в лесу (там свои правила), какой моральной изоляции подвергли встреченного одинокого браконьера с собакой, как во время казенного обеда в чистом поле грелись мысливецкой водкой. Наполнив трофеями весь тракторный прицеп, мы вернулись в деревню. Потом мы присутствовали на вечере с пивом, кнедликами и самодеятельностью, а в заключение получили по зайцу и приглашение вступить в охотничье общество. Спасенный мною егерь с готовностью предложил рекомендацию.

Кое-что о правилах. Независимо от своих личных успехов, каждый охотник имеет право купить по сниженной цене лишь одного зайца (гостям бесплатно). Если учесть, что охотничий билет, снаряжение и боеприпасы стоят денег, а трофеи сдаются государству, то понятно, что охота имеет чисто спортивный характер для охотника и промысловый для государства. Охотник несет бремя своей дорогостоящей страсти, государство снабжает население дичью, а строгие правила и сроки не дают ей переводиться».

С колхозным механиком

Я стоял на шоссе и улыбался, вспоминая Володин рассказ. При этом я не забывал привычно сигналить каждой проезжавшей машине. Наконец мне повезло: остановилась совсем новенькая белая «шкoda», за рулем которой сидел молодой парень. Мы двинулись к югу. Мой шофер оказался механиком из сельскохозяйственной артели в Стредне Туровце, и разговоры у нас с ним шли все больше о сельском хозяйстве — о «рольшцтвах», «статных маетках» и «польногосподарстве», а проще говоря, о колхозах, совхозах и прочем полеводстве. Из рассказов его я понял, что гордые эти каменные деревни так же неумолимо тяготеют к городу, как и наши бревенчатые, несмотря на благоустроенные дома и приличные заработки. Впрочем, городские заработки и здесь выше, а добраться поутру до ближайшего завода при наличии асфальтированного шоссе и собственного транспорта — пара пустяков. Так мы беседовали неторопливо, и бережливый механик вел свою новую машину на самой что ни на есть черепашьей скорости. Мне это было тоже на руку, потому что кругом разворачивались удивительной красоты горные пейзажи. Особенно хорош был Пренчов в чаше невысоких, каких-то загадочных, библейских гор. В Гонтъяиске-Немце мы зашли в «Погостинство» выпить пива и содовки, и Йозеф Клобучник (так звали механика) сказал, что он еще, пожалуй, сделает крюк километров в пятьдесят и повозит меня по этим местам, прежде чем вывезти на большое шоссе. Он говорил это очень неторопливо и веско, и я все понял: какая это блажь — мотаться в страду с заезжим туристом и какой это размах с его стороны. Я все понял и оценил и был благодарен, и мы поехали дальше. Мы остановились у села Себехлебы, где девушки в

национальных костюмах трепали лен, а в поле стоял русский комбайн СК-3, потом еще у Дворников, где встретили девчат в таких красивых словацких костюмах, что я застонал от обиды, потому что у меня не было с собой цветной пленки. Потом мы простились с Йозефом Клобучником, и я встал за околицей села Демандице в тени фруктовых деревьев, которые тут повсюду окаймляют дорогу и которые, как мне сказали, принадлежат дорожному ведомству. Последнего мне лучше было бы и не знать, потому что демандицкие мальчишки подъехали на велосипедах и стали не только трясти эти ведомственные яблони, но и просто душно угощать меня упавшими на землю плодами. И да простит мне ведомство, я не нарушил законов гостеприимства. В этом фруктовом раю я прождал очень долго. Солнце уже садилось, когда грузовик довез меня до Левице. Над входом в столовую рядом со словацким «Едален» я увидел венгерское «Эттерем». Венгерская речь слышалась теперь все чаще, и в новом путеводителе издательства «Артня» это объяснялось так.

**В краю «большого
меньшинства»**

«В 1918 году, когда Словакия вошла в состав вновь возникшей Чехословацкой республики, границу между ней и Венгрией пришлось устанавливать искусственно. Опыта в этом отношении не было никакого... По эту сторону оказались... часть Большого и Малого Житного островов, где продолжало жить большое венгерское национальное меньшинство».

Смеркалось. Жители окраины не спеша проходили мимо меня, и все в одну сторону. Может быть, они шли в кино? Чинно беседуя, прошли два венгра: один огромный, черноусый, в тоненькой рубашке, обтягивавшей обширный живот, другой маленький, поджарый, тоже усатый, в шляпе с пронзительно зеленой лентой. Девушки прогуливались в изящных брючках очень ярких расцветок. Я долго стоял на дороге, а попутных машин все не было. Потом подошло сразу две: одна взяла девушку в брючках, другая меня. Я ехал с молодым венгром доктором Кальманом и его супругой. Доктор приехал в Чехословакию всего на два дня,— вероятно, специально для того, чтобы подбросить меня до Нитры. Он неплохо говорил по-английски и очень интересовался успехами советского акушерства и анестезиологии, о которых я имел самое смутное представление.

В Нитру мы въехали затемно, и я сразу побежал на почту, чтобы позвонить в Прагу. Ждать вызова пришлось совсем недолго, но за это время мы успели разговориться с молодым чехом, по имени Вацлав, который звонил родным в северный городок Фридек-Мистек. Меня вызвали первым, и я дождался, пока Вацлав поговорит со своими. Потом мы вышли на улицу, вдвоем было куда веселее. Вацлав сказал, что он живет сейчас в общегититии сельскохозяйственного института в комнате на троих,

что по случаю летних каникул он остался сейчас один и что, если бы я согласился заночевать у них в общежитии, это было бы разумно, потому что в гостинице может не оказаться мест и потому что номер должен стоить не меньше тридцати — сорока крон, а в дороге... Я ответил, что нахожу его доводы вполне убедительными, а ночевать в общежитии во всех отношениях интереснее и удобнее, чем в гостинице. Потом мы позвонили Юдите, подруге моей пражской свояченицы, и все трое пошли в кафе. Юдита рассказывала нам о своей родине. Она из Чаловца, это деревня на Житном острове, где недавно было страшное наводнение. Юдита уже несколько месяцев не была дома, ни разу после того, как Чал овец ушел под воду. Вода спала совсем недавно. Юдита предложила пойти завтра в их деревню. Я читал об этом наводнении, о том, как русские солдаты вместе с чехами, словаками и венграми спасали людей, скотину. Старичок, сидевший за нашим столиком, сказал, что русские солдаты вели себя как герои...

Потом мы с Вацлавом отправились в общежитие. Оно было огромным, шикарным: холлы, уютные комнаты со всеми удобствами, пластик, картины, горячий душ круглые сутки. Мы спали как боги в комнате Вацлава, где веселенькие девицы в купальниках, вырезанные из журналов, скучали над койками отсутствующих в летнюю пору студентов.

**В Нитре
кооперативной**

Нитра — древний город, с именем которого связано зарождение славянской культуры. Славяне были здесь уже в начале V века нашей эры. К IX веку относится упоминание о славянском князе Прибине, построившем здесь первый в Словакии христианский храм. Сюда пришли замечательные лингвисты древности, которых мы запросто, без всяких ученых званий и даже фамилий кличем Кириллом и Мефодием. Сейчас Нитра — промышленный город, центр сельскохозяйственного района. Он растет не по дням, а по часам. Район, где живет Юдита, напомнил мне наше московское Новое Рублево или Новые Кузьминки. Вдоль улицы ровненько стояли кооперативные крупнопанельные пятиэтажки с плоскими крышами, заросшими мелколесьем телевизионных антенн. Квартирка Юдиты даже по размерам и по стоимости мало чем отличалась от наших квартир этого типа: только рассрочка здесь была не на пятнадцать, а на сорок лет. Юдита принесла кофе и спросила, не раздумал ли я ехать на пострадавший от наводнения Житный остров. Это, наверно, сложно, может быть, и транспорт еще не ходит до их деревни. Я сказал, что так даже интереснее, и мы двинулись в путь. Но поезд довез нас только до Комарно, дорогу еще ремонтировали. Мы пошли к шоссе. Проходя вдоль набережной Дуная, я увидел над заводским причалом высокие белые рубки сухогрузных судов и надписи по-русски: «Володарск»,

«Дубна», «Шигулевск». Здесь строили речные и озерные суда по советским заказам.

Путешествие по бывшему дну

Подвезти нас было некому, потому что по шоссе проезжали только велосипедисты да мотоциклисты, нагруженные вещами. Потом шоссе и вовсе опустело. Ровная, невзрачная равнина протянулась по обе стороны шоссе. Вода отступила совсем недавно. Кое-где еще стояли огромные лужи, и в воздухе сохранялся мрачный запах гнили. Деревья простирали к небу черные сучья, на которых торчали пучки соломы да еще иногда скелеты каких-то птиц и домашних животных. Бедные твари, загнанные водой на верхушки деревьев, наверное, умирали там, обезумев от страха.

Нам стали попадаться разрушенные дома. На многих надписи «Небеспечна ставба», то есть ненадежное строение. Надписи эти устарели, потому что дома уже рухнули.

Вот наконец Чаловец. Юдита побледнела от волнения: здесь дома ее друзей и родных. Вкривь и вкось лежат упавшие на землю крыши. А вон у колонки — мать Юдиты. Дом Юдиты еще не обрушился, и ночевать к ним приходят родственники. Мы вполголоса беседуем, пьем чай. Потом мать Юдиты постелила мне в средней комнате, сквозь широкую трещину в стене виднелись звезды...

Наутро мы ждем попутной машины у почты. Народу много. Крестьяне не спеша в который раз обсуждают трагическое событие, толкуют о том, что будет теперь и как жить.

— Уже у всех была комиссия. Комиссия признала...

— К каждой деревне прикрепили район, а если какой район не раскачается, тогда что? Надо, чтоб государство...

Восстановительными работами занимаются и государство, и шефы. Пока работают комиссии, описывают, подсчитывают. У крестьян на руках повязки: они все тоже члены комиссий. Из домика почты выходят умываться полуголые молодые парни из Острavy. Это шефы — специалисты и члены комиссий. Конечно же, все восстановят: все дома, все поля, все стада. Труднее, наверно, бывает после такого разора восстановить человецье усердие, веру в необходимость так упорно трудиться, строить, пахать, нести в дом по зернышку, покупать, копить... Зачем, раз вдруг может случиться вот такое? В конце-то концов люди, конечно, забудут о бедствии, вырастет новое поколение...

Машин все нет и нет. Юдиту взял знакомый мотоциклист: она опаздывала на занятия в Нитру. Я решил идти пешком к югу. Снова рухнувшие дома, черные провалы окон, перевернутый фургон, размытые шпалы дороги, тина на голой земле...

Солдат-отпускник подвозит меня на своей машине до Околичной. Потом возле меня затормозила огромная «Прага» о

прицепом. В кабине молодые ребята-венгры. Впрочем, они прекрасно говорят по-словацки. Мы делаем остановку в Чалове, потом не спеша поворачиваем на Братиславу. Один из попутчиков что-то горячо говорит мне. В конце концов я понял, что тут неподалеку где-то замок, в котором жила одна красивая «руска жена». Интересно, кто это? Мой собеседник говорит, что сестра ее была замужем за нашим «великим списователем». За кем же? Оказывается, за Пушкиным! Здорово, неужто сестра Натальи Гончаровой? Оба парня уверяют меня, что все именно так, они были там на экскурсии. Отчего ж мне не верить: здесь так любят экскурсии. И любят русских невест. Еще брненский князь в XIV веке вывез себе из Киева красавицу супругу. А наш Иржи в XX вывез мою свояченицу...

— Пекна, пекна, — горячо уверяют меня оба парня. — Красивая, красивая...

Я киваю с таким видом, словно это моя заслуга.

Вот и Братислава — третий по величине город страны, столица полюбившейся мне Словакии. Новый город. Каким он мне покажется? Что увидишь в нем, что запомнишь? Человек не счетно-решающее устройство, он не может быть совершенно объективным. Что успеешь увидеть, каким будет настроение, как ответят на твой вопрос на улице, в автобусе: улыбнутся или нахмурятся? От этого зависят твои впечатления. Обидно, конечно, что мелочи могут испортить настроение, но ведь так бывает. Я брожу по братиславской набережной и думаю о Словакии.

Я уже видел блистательные древние города, костелы, заводы, музеи. И вот — огромная Братислава. Мне вспоминается, что в Москве мой друг — художник Витюша, который знает, наверно, всех графиков Европы, говорил мне, чтобы я обязательно познакомился с Альбиной Бруновской, если попаду в Братиславу. Я листаю телефонный справочник. Набираю номер. Женский голос отвечает, что пан Бруновский дома, что он говорит и по-русски, и по-английски. Я сказал, что хотел бы взглянуть на его работы, это минут на десять, не больше...

Раухова, десять. Длинный одиннадцатизэтажный дом. Перед ним лужайки, пространственные композиции, грохот трамвая. Художник встречает меня у подъезда. Это высокий, красивый парень лет двадцати семи. В своем современном малометражном кооперативном кабинете Альбин Бруновский кладет передо мной груды листов станковой графики и оформленные им книги: Леонид Андреев, Гоголь, Бальзак, Бабель, Стах, Доминик Татарка, Вознесенский, Евтушенко, английские народные сказки, восточные сказки — целая гора книг. Альбин смеется:

— Нас мало, книг много, приходится много работать. Еще показать? Да отдохни.

Входит жена художника Ика с маленькой Ганной на руках. Бруновские просят рассказать, что я успел повидать в Словакии.

— Фантастичне! — говорит Альбин.— Чудово!

Удивительный у него дар слушать, радоваться, отдыхая от огромной своей работы: станковая графика, преподавание, книги. Иллюстрации его поражают тонким психологизмом, зрелым мастерством исполнения. Мне приходилось видеть пражское издание «Мертвых душ» с отличными иллюстрациями Ромберга. В Братиславе вышло свое, иллюстрированное Бруновским, и мне не забыть его Коробочку: вот она провожает бричку Чичикова, а сама думает, думает, медленно ворочая жерновами мыслей, смотрит вдаль сосредоточенно-туповато. Конечно, мертвые души ей ни к чему, но не надул ли заезжий. Хороши и «мертвые души», русские мужики, особенно один, с топором на плече. Глаза у них закрыты, мертвые ведь, а может, и не мертвые, может, просто уснули, а если проснутся,— беда будет... Конечно, не все гравюры и иллюстрации Бруновского были мне понятны. Он учился у Винцента Гложника, преклонялся перед малознакомыми мне Максом Эрнстом и Дали, Клее и Миро...

Альбин интересуется моими планами.

— Домой? Э, сегодня не выберешься. Не отпустим, Ика? Пойдем лучше пройдемся к художникам...

Мы заходим в одну студию, другую, благо всё рядом. Какие-то дружелюбные бородатые и безбородые парни, по большей части молодые. Скульпторы что-то сваривают из железного лома, какие-то пространственные композиции, какие-то удивительные, причудливые скульптуры. Я уважительно спрашиваю, где они научились сварке.

— Это недолго, на ускоренных курсах...

Работяги. Славные ребята.

Мы заходим к графику Яну Лебишу.

— Гонза, принимай гостей,— кричит с порога Альбин.— Мы ненадолго. Мы знаем, что тебе некогда. Посидим часа три, выпьем немного виски, может, закусим. В доме ни крошки? Ну мы совсем немножко. Да ты не пугайся...

Да нет, Лебиша не запугаешь. Он тоже не страдает отсутствием чувства юмора. Это видно и по его рисункам. Сейчас он работает над иллюстрациями к «Путешествиям Гулливера». За последние год-два здесь уже вышло два издания «Путешествий». Лебиш иллюстрирует новое: его Гулливер — судовой забулдыга— доктор с носом, покрасневшим от злоупотребления горячительным. На этом носу причудливый лабиринт склеротических жилок, и уж в этот лабиринт Гонза вложил все свое умение, будьте спокойны. Меня поражает, как великолепно иллюстрируют здесь многочисленные переиздания классики. Вот тебе и «дедина»! Мы пьем кофе, рассматриваем великолеп-

ную коллекцию сабель и кинжалов, развешанную по степам, потом двигаемся дальше.

Долго плуаем по улицам Братиславы. Вот новый Дом искусств. Внизу кафе, джаз-клуб, наверху выставочные залы, еще выше — издательства. Мы проходим по залам интересной выставки рисунка и скульптуры: процентов на девяносто девять здесь то, что мы условно называем модерном. Внизу в витринах организована продажа произведений искусства. Деньги идут в пользу районов, пострадавших от наводнения.

Мы добираемся до Червены-Крыжа. Внизу в дымке расстилается Братислава. За рекой Венгрия и Австрия. На Червены-Крыже живут художники, те, что постарше, в том числе и учитель Альбина Винцент Гложник. Он сам выходит на звонок к калитке как раз в тот момент, когда Альбин взбирается на забор, чтобы вызвать профессора через окно из кабинета второго этажа.

**Профессор
вернулся из Рима**

Профессор выглядит старше своих сорока двух. Он очень простой, добрый, усатый. Он легко загорается, шумит, шутит, а потом вдруг устает, тускнеет, тяжело дышит, но потом загорается снова. Он в расцвете таланта, и у меня впечатление, что он работает на износ. Профессор только что вернулся из Италии, где написал кучу великолепных этюдов: Рим, Капри, Сорренто. А до того он провел месяц на Ораве, это еще одна гора этюдов. Прекрасные реалистические этюды.

— Ох, Орава! Я и не думал, что там есть такие уголки! — восклицает он.

— Мой любимый край! — вторит Альбин, изъездивший Ораву вдоль и поперек.

Этюды Гложника — это лишь заготовки к его сложным и прекрасным философским картинам. С Оравы, кроме этюдов, он привез тридцать удивительных картин, где уже трудно узнать пейзажи Оравы, где только борение черного и красного и стремительный излом боя, где падает сломленным благородный рыцарь добра, но торжествует его правда, правда обреченного донкихотства...

В дверь заглядывает паренек, похожий на битлса. Профессора вызывают, нетрудно угадать, зачем. Я оглядываюсь: такого красивого дома я еще никогда не видел — картины, маски, сомбреро, скульптуры, предметы странные и удивительные, как в Напрстковом музее в Праге. Профессор много ездил по свету. Войдя в кабинет, он говорит смущенно: «Сынишка. Молодежь. Такая у них мода» — и начинает расспрашивать о Советском Союзе, о Словакии: что нравится, какие места особенно красивы на взгляд приезжего...

Возвращаясь от профессора, мы долго молчим. Альбин задумчиво произносит: «Вот так надо работать».

Кто-то машет Альбину из проезжающей «Шкоды».
— А у тебя нет машины? Нет ауто?
— У меня пет ауто,— говорит Альбин.— У меня есть дце-ра...

Он мог бы сказать одно это слово «дцера», то есть дочка, и я б понял его, потому что мне редкостно повезло в Братиславе.

Вечер мы проводим с Икой и Альбиной. Ганночка спит, сынишка Данко в деревне у бабушки. Молодые родители получили передышку. Забегает на огонек Душан, братишка Ики, студент техникума.

Мы говорим о Москве, о Грузии, где Альбин недавно гостил.

— Как эта песня? — вдруг вспоминает Альбин.— Самое синее в мире Че-орное море мое...

Наутро я простился с Бруновскими и вышел на шоссе. Бегут машины. Сейчас остановится одна из них с братиславским, пражским, брненским, а может, варшавским, будапештским или берлинским номером. Кажется, целая вечность прошла с того вечера, когда я впервые встал у обочины дороги на окраине Банска-Бистрицы. Впереди еще полмесяца путешествия, но дорога совсем не страшит меня. Это щедрая и ласковая дорога, дорога друзей. Сердце мое переполнено любовью к ним, а они... они, быть может, чувствуют это.

...В оставшиеся полмесяца я обошел и изездил Южную Чехию, Ораву, Высокие и Низкие Татры, Спиш и Шариш, Прешовскую Русь и Восточную Словакию до самого Кошице. Но только это уже другая история, на которую здесь, к сожалению, не хватило места.

С. СТЭНВИК

ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Новелла

I
...Догорало предпоследнее десятилетие XIX века. Сто лет кануло с той поры, когда французский народ разгромил Бастилию. По случаю юбилея этого знаменательного события Франция, устроила в 1889 году всемирную выставку. В Париже не нашлось участка, чтобы возвести все ее сооружения. Оттого выставку разбросали в трех местах: на левом берегу Сены — перед Домом инвалидов и на Марсовом поле, а на правобережье реки — у дворца Трокадеро. Цепочка павильонов вытянулась на два километра и вдоль Орсейской набережной.

Особыми новинками выставка не блистала, хотя интересные усовершенствования были показаны почти во всех отраслях промышленности. Но по части инженерно-строительного дела Франция дала изумительные по тому времени образцы, При входе на Марсово поле

со стороны Иенского моста Александр Эйфель взметнул в парижское небо на триста метров от земли ажурную железную башню. Ее силуэт вскоре стал подлинной эмблемой Парижа, оттеснив древний геральдический кораблик с раздутыми парусами. На противоположном конце Марсова поля шестью гектарами завладел другой левиафан строительства — Дворец машин, превосходящий по размеру самые большие вокзалы.

Париж всегда привлекал множество туристов из всех стран мира. Выставка во много раз увеличила их приток. Приезжие удвоили население города. Для карманов французских дельцов настало золотое половодье.

В шесть часов вечера по пушечному выстрелу с вершины Эйфелевой башни ежедневно закрывались павильоны выставки, но ее сады, кабаре, театры и рестораны кишели народом до глубокой ночи.

На всемирной выставке захотел побывать и сэр Хью Гилберт Лоресдаль с семьей. Прослужив полтора десятка лет в Калькутте в департаменте общественных работ, он теперь уходил в отставку, хотя служба была и кормная. Вице-король Индии получал, как и французский президент, двадцать пять тысяч фунтов стерлингов в год. Жалованье чиновника вице-короля было, конечно, ниже, но тоже прямо-таки королевское. Английское правительство заботилось о престиже завоевателей. Веками в Индии роскошь означала власть и силу. Чужеземец, не окруженный толпою слуг, не был бы сайбом, которого надо бояться. Англичан же в Индии было так мало, что, если бы не страх перед ними, их выгнали бы оттуда одними камнями и палками.

Поводы для отставки? Извольте. Сэр Хью прежде всего устал, пора и отдохнуть в родовом шотландском поместье. Настало время подумать о замужестве дочери. Хотелось написать книгу мемуаров. А главное, в декабре 1888 года вице-королем Индии стал маркиз Генри Ленсдаун, с которым у сэра Хью отношения сложились настолько прохладные, что разогревать их не имело смысла.

Лоресдаль отправился в Лондон один (камердинер не в счет) завершить дела с государственным секретарем по делам Индии сэром Ричардом Кроссом. К тайной досаде Лоресдаля его старого друга сделали недавно пэром Англии, и был он уже не просто сэр, а виконт.

Семья Лоресдаля покинула Индию позже. Она выехала прямо в Париж, куда потом должен был явиться и сэр Хью, плотный, грузный джентльмен невысокого роста. Несмотря на такую внешность, его надо было бы причислить к лику святых: вот уже двадцать четвертый год он состоял в браке с леди Лоресдаль, не отличавшейся ангельским характером. Больные

почки леди чуть не стоили ей жизни при первых родах. Устрашенная этим, она отказалась иметь других детей и поставила сэра Хью в нелепое положение женатого холостяка. Выходил он из него, однако, настолько ловко, что даже проныры из шеридановской «Школы злословия» не сумели бы найти зацепку для пересудов.

Леди Амелия и в молодости не озаряла мир чрезмерной привлекательностью, но за нею тянулся длинный шлейф приданого. Брачный союз с Амелией позолотил рыцарские доспехи Лоресдалей и принес полезные знакомства в правительственных кругах.

Единственное дитя Лоресдалей крохотная мисс Дороти к двадцати двум годам превратилась в, грациозную девушку, белокурую и темноглазую. Руки у нее были нежные, с тонкими пальцами, а ноги красивые и длинные; впрочем, последнее достоинство обнаруживалось лишь косвенно — в общей статности фигуры и упругой походке, так как платья в то время носили до полу.

Возвращаясь на родину, леди Амелия взяла с собой из Бенгалии и горничную Лолиту. Было бы бестактно описывать это ничтожное существо наряду с ее благородными хозяевами. Маленькой девчуркой ее подобрали протестантские миссионеры и воспитали в своем сиротском приюте в Серампуре под Калькуттой. Этим ее спасли и от участи родителей, и от раннего замужества. В Индии девочки тринадцати-четырнадцати лет уже нянчат собственных ребятишек. Родители Лолиты погибли от голода. Когда летний муссон запаздывал нагрывать в Гангскую долину, смерть пускалась за ним вдогонку, шагая по высохшим от зноя полям — кладбищам урожая. Цены на хлеб летели вверх, и он для бедняка становился невысказанной роскошью. Пустели деревни и целые округа, сотни тысяч трупов устилали пыльные дороги: ведь только Будда в годы своего великого отречения умел обойтись одной крупинкой риса в сутки. А от причалов индийских гаваней уходили в другие страны корабли, набитые драгоценным зерном, адресованные тем, кто может хорошо за него заплатить.

Леди Амелия купила («взяла в услужение») Лолиту за сто фунтов стерлингов благотворительного взноса. Сэр Хью не очень ясно представлял себе, что будет в Шотландии с девушкой, если она не угодит хозяйке. Но возражать супруге он уже давно не осмеливался.

На пути из Бомбея в Марсель матросы Восточного и Полуостровного пароходства, поглядывая на Лолиту, прищелкивали языками. Но чего же ждать от этих грубых тварей? Возмутительно, что и некоторые джентльмены, например отец и сын Локвуды, провожали глазами девчонку, если она проходила мимо.

... В воскресенье 5 мая 1889 года поздно вечером на Вандомской площади перед одной из самых дорогих парижских гостиниц остановились два фиакра. В одном находилась леди Амелия и мисс Дороти, в другом — баулы, кофры и Лолита. Комнаты заказал сэр Лоресдаль по телеграфу из Лондона.

II

Утро следующего дня занялось над Парижем в легкой сиреновой дымке.

Леди Амелия проснулась с головной болью. Такая досада: спеть вовремя, несмотря на случайности морского путешествия, и не пойти на открытие выставки! Но леди проявила благоразумие, оставшись дома в ожидании врача, и великодушие — не удерживала Дороти, потребовав только, чтобы та присоединилась к Локвудам.

Дороти, взволнованная предвкушением предстоящих впечатлений, неторопливо шла по улице Кастильоне. В тот день и люди, и экипажи двигались только в одну сторону — к Сене. Девушка с любопытством приглядывалась к прохожим. На женщинах длинные платья, широкие, собранные сзади юбки с турнюром, шляпы с большими полями, иногда отогнутыми по бокам и скрепленными лентой. На мужчинах котелки, канотье, цилиндры и сюртуки. Рабочие кепки и береты, пиджачки и блузы текли к выставке совсем с другой стороны — из кварталов Гренель, Жавель и Гро-Каю, дымящих фабричными трубами.

На углу улицы Сент-Оноре кто-то удивленно окликнул Дороти. Обернувшись, она увидела молодого человека, глядевшего на нее со смешанным чувством неуверенности и восхищения. Это был Джеральд Хаклюит, друг детства. Они не виделись по крайней мере лет семь-восемь.

— Джерри! — воскликнула девушка. — Как вы сюда попали?

— Набираюсь дипломатического ума в британском посольстве. Я не сразу узнал вас, Долли: вы изумительно похорошели!

Дороти зарумянилась. Джеральд был старше ее и потому всегда держался покровительственно. Но инстинкт безошибочно подсказал ей, что сейчас бывшего покровителя не так уж трудно обратить в послушного пажу. Тогда ей и Локвудыне понадобятся.

Молодые люди повернули на улицу Риволи, весело ускорив шаг перед отелем «Континенталь» (не дай бог, выскочат оттуда эти противные мамыны приятели!), и вышли на площадь Согласия. Сто лет назад вместо гранитного Луксорского обелиска, фонтанов и статуй здесь громоздилась гильотина.

Джеральд со спутницей пошли к выставке по мосту Согласия, сложенному из камней, оставшихся от Бастилии. Толчея

у площади Инвалидов была невообразимая. Чтобы скорее окатиться на Марсовом поле, молодые люди втиснулись в открытый вагончик узкоколейки, выстроенной специально для выставки, и высадились вблизи Иенского моста.

Президент Франции Мари Франсуа Сади Карно в сопровождении блестящей военной свиты прибыл в экипаже, запряженном четверкой. На всем пути сюда от Елисейского дворца толпы людей, запрудившие улицы, встречали его возгласами: «Да здравствует республика! Да здравствует Карно!»

Президента встретили грохотом пушек, войска салютовали оружием... Под звуки музыки кортеж проследовал под башней Эйфеля, как через триумфальные ворота, к центральному павильону. Здесь собрались сенаторы, депутаты, министры, дипломатический корпус. Величественно прогремела фанфарами Марсельеза, оркестрованная Берлиозом. Председатель совета министров открыл торжество цветистой речью. Потом говорил Карно.

Джеральду следовало быть на церемонии: у него и пропуск в павильон, и поручение посольства. Но не бросит же он из-за этого обаятельную спутницу! Представителей от посольства хватит и без него.

Дороти с Джеральдом провели на выставке целый день. Как истые британцы высшего круга, они несколько позже библейских израильтян, но задолго до арийских «белокурых бестий» считали свой народ избранным. Однако у них хватало свободомыслия отдать должное и французскому трудолюбию, и французскому гению. Они не старались отвергать высокие качества фламандского полотна, мраморов Корсики, маслин Прованса, нормандских кружев, французских вин цвета пурпура и топаза. И выставка, воспринятая без чрезмерного предубеждения, доставила молодым людям немало удовольствия помимо того, какое они испытывали в обществе друг друга.

О сколько-нибудь планомерном обозрении в первый день не могло быть и речи. Заглядывали туда, где меньше давка.

На набережных по обе стороны от Иенского моста внимание Джеральда и Дороти надолго приковала выставка истории человеческого жилья — полсотни сооружений разных времен, народов и стилей в окружении характерных для них ландшафтов. Вокруг свайной постройки новокаменного века заросли ириса, тростника, а на озерке русалочки цветы — водяные лилии. Китайский домик — в кольце бамбука, чайных кустов и азалий. Возле греческого дома лавры, возле римского — мирты, мимозы, апельсинные деревья. Персидский дом тонет в сирени, над финикийским раскинул крону ливанский кедр. И ради контраста с ренессансом и готикой — первые несмелые опыты сооружения кровли над головой: пещера троглодита, вигвам индейцев, хижина Эскимоса.

Возле Дворца машин царство различных национальных столовых, таверн, трактиров, кафе, подлинное вавилонское столпотворение кулинарных изделий. Джеральд и Дороти подкрепились тут завтраком, а обедать решили на первом этаже Эйфелевой башни. Ни французская, ни фламандская, ни англо-американская кухня не были для них в диковину, и из четырех здешних ресторанов они, конечно, выбрали самый экзотичный для них — русский.

Незаметно подкрались сумерки. Брызнули над Сеной снопы ракет и бенгальских огней. Нити газовых рожков жемчужной паутиной оплели Эйфелеву башню, а электрический маяк с ее верхушки бросал в темнеющее небо пучки красного, белого и голубого света, как бы размахивая французским флагом. На павильонах зазмеились золотые гирлянды. В середине Марсова поля сотнями струй зашелестели знаменитые фонтаны. Подсвеченные снизу во все цвета радуги, они рассыпались дождем чудесных самоцветов и сеяли водяную пыль на скульптурную группу: по волнам скользит Республика в причудливой ладье, на руле — Свобода, на носу — галльский петух.

Под вечер ноги у Джеральда и Дороти гудели от усталости, словно телеграфные столбы. Молодые люди перешли на правый берег Сены по Иенскому мосту. В садах Трокадеро Джеральд преподнес спутнице букет свежесрезанных белых камелий.

Возле главного входа Джеральд взял извозчика.

III

У дверей своей комнаты Дороти сказала:

— Джерри, спасибо, все было так хорошо! Сейчас уже поздно, и маме нездоровится, но утром обязательно приходите к нам завтракать.

Подарив юноше самую теплую из улыбок, девушка вошла к себе. Джеральд не успел, однако, сделать и нескольких шагов по коридору, как Дороти, вся пунцовая, стремительно выскочила обратно.

— Ох, Джерри, это не наши комнаты...

— Как не ваши?

— Не наши... Там два каких-то джентльмена, и оба без сюртуков... Ужасно!

— Это я вас отвлек своей болтовней,— виновато улыбнулся Джеральд.

Дороти подошла к другой двери.

— Вот, кажется, здесь... Теперь припоминаю: против нашей комнаты висела картина...

Она растерянно оборвала: на стене коридора не было никакой картины. Неуверенно нажала ручку двери, подергала, дверь не отворилась: комната была заперта. Из нее тянуло

слабым аптечным запахом. Краска вновь прилила к щекам Дороти:

— Боже, какая глупая! Заблудилась внутри дома.

Несколько мгновений оба смущенно глядели друг на друга. Джеральд сказал шутливо:

— Ну, беде легко помочь. Пойдемте к портье и узнаем, где же, наконец, вы живете.

Они спустились в вестибюль. Пожилой господин в очках любезно поднялся из-за конторки им навстречу.

— Сударь,— сказала Дороти,— я забыла номер наших комнат... Моя фамилия Лоресдаль...

— Лоресдаль? — задумчиво протянул господин в очках, но лицо его тотчас просветлело: — Да, да, конечно... Комнаты готовы, мы ждали вас еще вчера...

Он проворно извлек тетрадь, быстро перелистал ее, приговаривая: «Сию минутку, сию минутку», и отыскал нужную пометку:

— Пожалуйста... Комнаты в бельэтаже. Сейчас гарсон перенесет ваши вещи.

И учтиво добавил:

— Вы, вероятно, очень устали от путешествия? Калькутта — это так далеко.

Дороти окаменела.

— Какие вещи? — с трудом сказала она.— Ведь мы живем здесь со вчерашнего вечера.

Пришел черед господину в очках посмотреть на нее недолго. Два-три человека, бывшие поблизости, с интересом прислушивались к разговору. Джеральд начал нервничать.

— Не будем заниматься шутками,— сказал он сухо.— Видимо, вчера здесь был другой клерк... Посмотрите не перепутать заказы, а книгу записи приезжающих.

Господин в очках, поправив маткеты, открыл книгу на вчерашней дате и, шевеля губами, провел пальцем сверху вниз по странице. Покачал головой, вторично проверил список, поднял очки на лоб и, протянув книгу Джеральду, произнес обиженно:

— Тут какое-то недоразумение. Извольте убедиться сами: среди прибывших фамилия Лоресдаль не значится.

Он пожал плечами, но, поняв, что такой жест может обидеть клиента, заказавшего номер стоимостью девяносто франков в сутки, снова стал воплощением любезности:

— Вы напрасно волнуетесь... Ваши апартаменты готовы, полностью оплачены вперед, располагайтесь в них, милости просим. Если вам угодно, отметим прибытие вчерашним днем. Вот давайте так и сделаем...

Свидетели их беседы следили за ней с откровенным любопытством. Поэтому Дороти сочла необходимым прекратить эту

сцену. Она оперлась на руку Джеральда и последовала за гарсоном, затянутым в ливрею с золотыми позументами. Джеральд вел ее, стиснув зубы: девушка дрожала, как тополь на ветру.

Когда затворилась дверь, Дороти обвела взглядом незнакомую комнату, опустилась в кресло, выронив цветы, и прошептала побелевшими губами:

— Джерри, что же это такое? Где же мама, где Лолита? Я, кажется, схожу с ума...

Джеральд подумал то же самое. Происходит нечто непонятное. Что с девушкой? Ошиблась отелем, благо их несколько на Вандомской площади? Нет, он знал, что комнаты заказывались через британское посольство именно в этой гостинице. Перевернуть ее вверх дном? Но ведь это же несусветный вздор подозревать, будто администрация спрятала постояльцев! Кто и ради чего пошел бы на полицейский скандал и дипломатические осложнения? Что же делать?

Дороти в глубоком обмороке стала сползать с кресла на пол. Джеральд подхватил ее, отнес на кушетку, кинулся в вестибюль к господину в очках и потребовал послать за врачом. По счастливой случайности врач оказался тут же,— это был один из тех, кто прислушивался к беседе между Дороти и клерком. Врач установил сильный нервный шок.

— Есть кому за нею ухаживать? — спросил он Джеральда.— Нет? Тогда надо срочно перевезти в больницу... Вы уполномочены это сделать?

Джеральду ничего не оставалось, как вместе с врачом отвезти Дороти в лечебницу. Оттуда он сразу поехал в посольство. Эдвин Эджертон, секретарь, уже готовился ко сну, но принял молодого человека и заставил дважды рассказать странную историю.

На следующий день начались поиски. Посольство сделало представление министру иностранных дел господину Сплюле. Сэр Хью, прибывший из Лондона, посетил префекта парижской полиции господина Лозе. Полицейские чины допросили служащих гостиницы. Никто, однако, не видел приезжих 5 мая и не обслуживал их. Наводили справки в других гостиницах города. Опрашивали извозчиков в надежде, что кто-нибудь мог запомнить пассажиров, взявших сразу две кареты на Лионском вокзале. Дороти была так плоха, что ее, оберегая от волнений, поместили в отдельный небольшой домик на территории лечебницы. Врачи не позволили брать у нее показаний и дней десять не допускали к ней даже отца. А когда Дороти поправилась, то не смогла ничем существенно дополнить рассказ Джеральда.

Сэр Хью с неудовольствием заметил господину Лозе, что парижские сыщики проверяют и без того бесспорный факт — прибытие леди Лоресдаль с дочерью и служанкой в Париж

вечером 5 мая и ничего не делают, чтобы узнать, куда и каким образом исчезли леди Амелия и Лолита 6 мая. Префект полиции доложил об этих жалобах президенту республики. Сади Карно прислал Лоресдалю письмо. Выразив сожаление по поводу случившегося, он уверил, что будет предпринято все, чтобы раскрыть тайну.

Дни бежали за днями. У отца и дочери надежда то вспыхивала, то угасала. Чтобы не бередить душевные раны, их поместили не в гостинице, а в британском посольстве. Джеральд ежедневно бывал у Лоресдалей, стараясь отвлечь Дороти от тяжелых дум.

А Париж и всемирная выставка жили своей жизнью. Выступали певцы и танцоры. Римский-Корсаков дирижировал русскими симфоническими концертами. По программе, составленной Тома и Делибом, в Трокадеро исполняли норвежскую рапсодию Лало, «Арлезианку» Визе, увертюру Керубини к «Медее». 21 июня парижский муниципалитет устроил ночное гулянье в парке Монсо. 14 июля состоялся военный парад и историческое шествие, хотя парижан в этот день с самого утра поливало дождем, превратившим улицы в озера. Заседали многочисленные международные научные конгрессы. В кабаках выпивали океаны вина. Люди плакали, смеялись, любили, ссорились, рождались, умирали, и им не было никакого дела до Лоресдалей.

Через три месяца министерство иностранных дел Франции официально уведомило лорда Литтона, британского посла, что парижская полиция исчерпала все возможности отыскать хотя бы малейшие следы леди Лоресдаль.

Сэр Хью и Дороти уехали в Англию. Год спустя, по прошествии срока траура, Дороти вышла замуж.

Сэр Лоресдаль умер от воспаления легких 31 декабря 1904 года. Книгу об Индии он так и не написал.

IV

Май и июнь в Пенджабе — это «гришма», или «время пота». Дуют сухие, раскаленные ветры, часто горят травы и бамбуковые джунгли. Над полями и дорогами пылевая мгла. Сквозь нее с белесо-лазурного неба тусклым медным тазом просвечивает солнце. Жара до сорока градусов. Окна с утра затеняют ставнями, циновки на дверях обильно поливают водой, в комнатах непрерывно качаются огромные плетеные веера — пунки. Но работать, особенно европейцу, все равно трудно. Оттого из Дели главные правительственные учреждения на лето переезжают в Симлу, раскинувшую свои дворцы, гостиницы и дачи на горном кряже высотой более двух тысяч метров. Здесь гораздо прохладнее, чем в Дели.

Вилла Джеральда Хаклюита, лорда Строгльборна, стояла на Илизиом-Хилле — северном отроге кряжа, где сохранились еще дубовые рощи, гималайские кедры и заросли рододендронов с колокольчатыми душистыми цветами. Отсюда открывалась величественная панорама горных цепей; самые далекие из них стлыли в шапках вечного снега. В долине, к западу, лежал Анандалский парк с ипподромом и площадками для крикета, а в более далеких окрестностях Симлы можно было пострелять фазанов, каменных козлов и медведей. Конный спорт и охота — две страсти Строгльборна.

Вечером 21 июня 1912 года, когда с окрестных холмов повеяло свежестью, лорд Строгльборн ждал к себе гостя. Ярко и тревожно, как на картинах Рериха, пылало закатное небо. На веранде, накрывая на стол, сновали темнокожие слуги в белом. Леди Строгльборн листала журнал в гостиной. Муж, сидя неподалеку, с ее разрешения курил.

— Я знаю, Долли, вы не любите французов, — говорил он, — но Жером Сегре почти не француз — так долго он живет в Индии. Помните, это он вылечил меня от лихорадки, прицепившейся ко мне на охоте в тераях?

— Вы мне рассказывали, и я ему очень признательна. Откуда он?

— Из Пондишери. Говорят, из-за какой-то личной трагедии он отказался от блестящей академической карьеры в Париже и уехал простым врачом во французские колонии. Но для него, по-видимому, нет ни расовых перегородок, ни политических границ: он там, где эпидемия. В Британской Индии его ценят не меньше, чем во французской. А туземцы его попросту боготворят. Теперь это один из самых знаменитых специалистов по чуме и холере.

Гость оказался худощавым, седым, с живыми и умными глазами. Небольшая эспаньолка придавала ему сходство с кардиналом Ришелье. Он галантно поднес к губам руку леди Строгльборн.

Сегре прекрасно владел английским. За столом сразу завязалась непринужденная беседа. Врач только что прибыл из Бенареса и намеревался совершить несколько экскурсий в горы.

— Думаю пройти к истокам Джамны — к кипящим ключам и горячему озеру. В нем, как мне доподлинно известно, божественная обезьяна Хануман когда-то погасила свой загоревшийся хвост...

— И оно от этого нагрелось? — невольно рассмеялась леди Строгльборн. — Вы любите индийские легенды?

— Они изумительны... В них мечты и лучшие чувства человека... Невольно тянет к народным сказаниям после того, как наяву заглянешь в бездну людского горя. Нет еще ему ни

конца ни края в туземных деревнях, даже если там и не бродит чума или ее аватар — сборщик податей.

— Опасная у вас профессия,— заметила леди Строгльборн, деликатно не заметив прозрачного сопоставления,— ежедневно под дамокловым мечом...

— По правде говоря, некогда об этом думать. Мне, кроме того, везет. Я как лекарь познакомился с чумой четверть века тому назад, и вот видите, еще жив и имею удовольствие пить чудесное вино за ваше здоровье.

Он поднял хрустальный бокал и слегка поклонился хозяйке.

— Теперь возбудитель чумы известен и сражаться с нею куда легче. А припомните, как беспомощны были хотя бы флорентийцы в XIV веке, когда их стала косить «черная смерть»! Одни служили молебны, постригались в монахи, раздавали свое имущество, другие ждали помощи от небесных светил, третьи искали спасения в воздержании и чистоте, а иные — в безудержном разгуле. В те годы Европа потеряла от чумы около двадцати пяти миллионов человек — четверть своего населения.

— Я не читаю медицинских книг,— улыбнулась леди Строгльборн.

— О, без сомнения, миледи,— в свою очередь усмехнулся Сегре,— но чуму 1348 года поразительно точно описал Боккаччо на первых же страницах «Декамерона».

— Ах да, верно... Вот видите, как устроена память человеческая: веселые истории мы помним, ужасные забываем...

— Забываем? — переспросил врач. На его лицо набежала какая-то тень.— Да, стараемся по крайней мере... Но вот один случай из своей жизни я так и не могу забыть.

— Вам... трудно будет его рассказать? — спросила леди Строгльборн, вспомнив слова мужа о «личной трагедии» Сегре.

Сегре взглянул на нее. В темных глазах женщины, прекрасной и в сорок пять лет, он увидел не любопытство, а участие...

— Я никогда об этом никому не рассказывал,— задумчиво промолвил он.— Это была государственная тайна. Однако прошло столько времени, что все запреты потеряли силу. Если вы не боитесь, что я вам испорчу вечер, я готов...

Перешли на другую веранду, где их ждали ликеры и кофе. Жером Сегре начал:

— Это случилось в Париже в 1889 году, в первый день открытия всемирной выставки.

— О! — воскликнули, переглянувшись, оба слушателя. Сегре остановился.

— Продолжайте, продолжайте,— сказал Строгльборн.

— В Париж съезжались толпы людей из всех уголков Франции и разных стран мира. Говорят, что выставку посетило не

менее пяти миллионов французов и полтора миллиона иностранцев. Сам я земляк Эйфеля, уроженец Дижона, и Париж для меня чужой. В нем я жил, когда был студентом медицинской школы. Лет за пять до всемирной выставки я попал на Мадагаскар как врач французской военной экспедиции. Насколько знаю, опустошительных эпидемий никогда на Мадагаскаре не случалось. Среди местных племен бывали вспышки оспы, но во французских войсках я имел дело главным образом с малярией. Только раз пришлось столкнуться с чумой, занесенной в туземные кварталы Таматавы индийскими купцами... Вас не утомляют эти подробности?

— Нет, нет! Вы ведь обычно так мало о себе рассказываете,— ответил лорд Строгльборн.

— Из Тананаривы я посылал статьи в медицинские журналы Парижа. На них обратил внимание Пастер. Когда ему в 1888 году удалось создать свой институт, он пригласил меня туда на работу. В Париже я поселился на улице Сент-Оноре. Помимо занятий в Пастеровском институте, у меня образовалась и небольшая частная практика, впрочем довольно случайная: меня приглашали владельцы отелей на Вандомской площади, когда хворал кто-нибудь из постояльцев...

Сегре отпил глоток ликера.

— И вот однажды утром — это было в понедельник 6 мая — меня позвали к одной даме, накануне прибывшей из Марселя, а в сущности из более дальних краев — через Бомбей из Калькутты. Дверь отворила смуглая очаровательная девушка с большими миндалевидными глазами — служанка больной дамы.

Леди Строгльборн выпрямилась и тревожно сцепила тонкие пальцы обеих рук.

— Дама жаловалась на головную боль. Температура у нее была высокая, голова кружилась, язык в белых налетах. Говорила она много, но невнятно. Служанка растегнула ее пеньюар, я приложил стетоскоп к груди и придержал при этом левую руку больной, которой она все время беспокойно шевелила. Дама вскрикнула. Спрашиваю: «Больно? Где больно?» — «Тут, под мышкой». Я посмотрел, и, сознаюсь, у меня мурашки побежали по спине: под мышкой выделялось утолщение размером с крупный боб, и кожа вокруг него была багрово-синей...

— Что же это было? — глухо спросила леди Строгльборн.

— Бубонная чума. Я не мог ошибиться.

— Почему не могли? В то время, кажется, нигде не было чумных эпидемий,— нервно бросил лорд Строгльборн.

— Да, верно. Эпидемия в Гонконге вспыхнула много позже. Но ведь эпидемиям предшествуют отдельные случаи. Дама была пакетботом из Индии. На корабле всегда есть крысы, на

крысах блохи, зараженные блохи кусают людей — и чумной яд делает свое дело. Не было известий об эпидемии — не было и карантина в Марселе.

— Дальше, пожалуйста, дальше,— торопливо перебила его леди Строгльборн.

— А дальше передо мной во весь рост встал кошмар моего открытия. Представьте себе, что разносится слух: чума в Париже! Что было бы с населением да и с сотнями тысяч людей, которые сюда съехались? Что случилось бы с выставкой? Какая невообразимая паника, всеобщее бегство, крах всего, к чему так долго готовились! По инструкции я обязан был известить об этом лично министра внутренних дел. Овладев собой, я сказал: «Мадам, вы серьезно больны, вас необходимо поместить в лечебницу. Не тревожьтесь, все будет хорошо». В сущности я не лгал. Смертность от бубонной чумы в отличие от легочной не абсолютная: выздороветь — сорок шансов из ста. Дама ничего не ответила: у нее уже начинался бред. Чума не медлит со своими жертвами, она пожирает их стремительно. «Мадемуазель,— обратился я к смуглой девушке,— оденьте вашу госпожу, приготовьтесь сами, а я пока вызову медицинскую карету».

Немного помедлив, Сегре продолжал:

— Я кинулся к телефону. Министра, конечно, у себя не оказалось. К счастью, я говорил с расторопным малым: узнав, что обнаружена болезнь номер два (опасные эпидемические болезни зашифрованы номерами), он срочно послал курьера на выставку. Там во время одного из перерывов в церемониале министр сообщил страшную новость президенту республики и префекту полиции. Эти три человека приняли чрезвычайное решение. Больную со служанкой вывезли за город и поместили в уединенном шале. Служащих гостиницы, имевших дело с дамой, удалили. В книге записей приезжающих страницу с именем дамы и ее спутниц уничтожили и заменили другой. Табличку с номером комнаты, где была больная, переставили на дверь соседней комнаты и туда водворили двух агентов полиции. Покои больной дезинфицировали и наглухо заперли. Шторы, ковры, обивка мебели — все это было содрано, увезено и сожжено. По счастью, гостиница днем опустела, все пошло на выставку, а кроме того, все делалось осторожно, тихо, и даже старшие служащие гостиницы не догадывались об истинной причине возникшей суеты. Тревожило то, что у зачумленной дамы была дочь, которая с утра ушла на выставку и вот-вот могла появиться. В вестибюле оставили дежурить полицейского врача и двух санитаров. Они получили предписание увезти девушку в изолятор, как только она вернется, если потребуется, то силой. Карета ждала ее у бокового входа в гостиницу.

Леди Строгльборн стиснула голову руками. Муж, взволнованный, нежно обнял ее за плечи. Сегре, заметив это, спросил с беспокойством:

— Я расстроил вас своим рассказом?

— К нему трудно остаться равнодушной,— вымолвила хозяйка.

— О, как я признателен вам за сочувствие! — порывисто сказал Сегре.— Досказать мне осталось немного. Дочь дамы, мистифицированная клерком, испытала нервное потрясение. Под этим предлогом, не возбуждая лишних подозрений, полицейский врач и увез ее в лечебницу. Там ее десять дней продержали в строгом карантине. По счастью, девушка оказалась здоровой. Это единственное светлое место в моей истории. А остальное все очень гнусно. Из Лондона приехал муж исчезнувшей, и французские власти три месяца играли комедию поисков. Правда, само правительство жило, как на вулкане: могли ведь обнаружиться и другие проявления чумы. Но случай с дамой из Калькутты оказался единственным. Даже самые пронирливые репортеры не узнали ничего, хотя в дело было замешано десятка три людей. И в результате всех чрезвычайных мер цель оказалась достигнутой. Выставка прошла успешно: около восьми миллионов чистой прибыли. А в Париже французские и зарубежные гости оставили по крайней мере полтора миллиарда франков. Больная же, несмотря на все меры, скончалась на восьмой день. Вскоре умерла и горничная. Шале облили керосином и сожгли до тла. Окрестные жители, сбегавшиеся издалека тушить пожар, так и не поняли, почему полиция не позволяла этого делать...

Рассказчик помолчал, взял кофе и с горечью закончил:

— Самое, однако, бесчеловечное, что горничную, быть может еще здоровую, не взяли от хозяйки. Ее можно было уберечь от заразы, пока у больной не нагноились бубоны. Я просил, требовал, но с этим не посчитались. Высокопоставленные особы, знавшие об операции, не считали нужным «возиться с какой-то индианкой». Меня представили к ордену Почетного легиона, я отказался. Уехал из Парижа. В колониях я многим вернул здоровье. Из сотен уст слышал я горячие слова благодарности и видел счастливые слезы. Но все же и до сих пор не могу забыть большие испуганные глаза девочки, жизнь которой я выпустил из своих рук...

— Как звали этих несчастных? — спросила леди Строгльборн, белая, словно лилия.

— Не помню,— ответил врач.

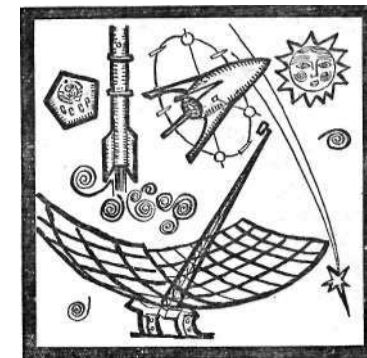
— Если хотите, я... могу вам напомнить... Больная дама была моя мать, леди Лоресдаль...

Чашка выпала из рук Сегре и разбилась с серебристым звоном.

Лет двадцать спустя имя Сегре оказалось связанным с местами, близкими к Симле. В сотне километров к северу от нее, в чудесной долине Кулу, обрамленной снежными пиками и потому не знающей ни жары, ни засух, талантливый русский художник Николай Рерих основал Гималайский институт научных исследований. Один из отделов института изучал древнюю тибетскую и китайскую медицину. Жером Сегре был избран членом-корреспондентом института и обосновался возле него, в селении Нагар. Когда он умер, тело его, по индийскому обычаю, предали огню, а пепел развеяли с вершины высокой горы.

Борис Ляпунов НАСЕЛЕННЫЙ КОСМОС

Одинок ли мы?

Стремление к необычайному, жажда повидать что-то новое, неизведанное, вероятно, одно из важнейших свойств человеческой природы. Именно поэтому в романтике первооткрытий всегда была доля фантазии, которая, правда, подчас не выдерживала столкновения с жизнью, реальными фактами. И когда не осталось места для фантастического мира, который надеялись встретить на Земле, казалось, что и все романтическое исчезло.

Нет уже почти никакой надежды найти дикий мир на нашей планете, затерянные миры, оазисы доисторической жизни. Вообще не осталось «белых пятен» на земном шаре, разве что на дне океана или где-нибудь в высокогорных районах. Но «сверхъестественное» и там вряд ли найдется. Сказочная Атлантида? Или остатки другой исчезнувшей культуры? Или, наконец, иные

тайны, скрытые глубоко под землей или в тех краях, где редко ступала нога человека?

Безусловно, никому не заказано идти дорогой открытий, от которых захватывает дух. Однако внимание ученых теперь все сильнее и сильнее привлекают иные миры, проблема внеземных цивилизаций. Да и одних ли только ученых? Нет, ибо не существует другой столь же общечеловеческой проблемы, как эта.

Раньше мы могли лишь умозрительно отвечать на вопрос, одиноки ли мы во Вселенной. Уверенность в существовании других разумных существ мы черпали в бесконечности звездного мира, в общности им управляющих законов. В конечном счете ответить: «Да, одиноки» — значило бы признать исключительность планеты Земля, возродить геоцентризм, от которого уже недалеко и до идеи божественного сотворения мира, разумеется, облеченной в современную наукообразную одежду.

В наши дни мысль о множественности обитаемых миров приобрела силу реальной гипотезы, не доказанной, но совершенно правдоподобной. И дело не в интуитивной убежденности Джордано Бруно, не в аналогии между Землей и «бесчисленными землями», в существование которых он верил, а прежде всего в многочисленных фактах, накопленных естествознанием нашего века.

Можно спорить о правомерности той или иной оценки количества обитаемых планет во Вселенной, можно по-разному подходить к проблеме поиска внеземных очагов разума, можно, наконец, колебаться между утверждениями, что жизнь крайне редка или, наоборот, весьма распространена. Но доказывать, что «мы — одни», сейчас уже совершенно невозможно, если не привлекать абсурдные аргументы, если не переворачивать все вверх ногами.

В самом деле, как еще назвать такой, например, «аргумент», выдвинутый ленинградским литератором В. Львовым: «Все пространство около Земли и сама Земля уже давно должны были бы кишеть инозвездной техникой...» Раз этого нет, то отсюда и вывод о «единственности земного очага разума», об одиночестве человечества «на огромном поле, раскинувшемся на миллиарды световых лет».

Вот это и означает рядить геоцентризм в новые одежды да еще играть при этом на человеческой гордости! Раз мы одни, то хозяйничать нам суждено во всем обозримом космосе, и ответственность мы несем не только за собственную нашу планету, но и за всю Вселенную (кстати, выходит, — «пустую»?).

Разумеется, куда проще и легче сознавать себя единственными хозяевами космоса, укрывшись за скорлупкой «негеоцентризма». И можно при этом, ссылаясь на Циолковского, говорить о могуществе человека, покоряющего безграничную Вселенную.

Но ведь тот же Циолковский — мы скажем об этом ниже — никогда не отрицал и не мог отрицать, что мы не одиноки в космических просторах.

Все доводы «негеоцентризма» основаны на том, что земное человечество до сих пор не попало в сферу «хозяйственной деятельности» других цивилизаций, что пока не найдено никаких следов гостей из космоса... Трудно сказать, чего больше в рассуждениях «негеоцентристов»: ограниченности (прикрытой псевдосмелостью мысли, ибо не отрицается прогресс в масштабах космических, но только для нас, землян; мы ведь одни!) или нежелания признать разнообразия, гибкости, возможности различных путей эволюции жизни во Вселенной и существования кого-то, кто, быть может, «умнее» нас?

Но хотим мы этого или нет, наука второй половины XX века отрешилась от геоцентристов... На Всесоюзном совещании в Бюракане, например, астрономы, астрофизики, радиоинженеры и даже лингвисты (космическая лингвистика — наука о средствах общения с братьями по разуму — тоже начинает развиваться!) обсуждали проблему внеземных цивилизаций. Обсуждали с позиций материалистических, привлекая опыт науки и техники, готовя почву для будущих контактов. Какие бы мнения о частностях ни высказывались, общие выводы оказались бесспорными для всех.

И не случайно в Академии наук СССР создана Комиссия по межзвездным связям (организация единственная в своем роде, первая за всю историю человечества!). В решении Бюраканского совещания подчеркивается: «Установление контактов с внеземными цивилизациями имело бы важнейшее значение для естествознания, философии и общественной практики человечества. До последнего времени эта задача была технически невыполнима». Теперь она «является вполне назревшей и актуальной научной проблемой».

Лучшего ответа оппоненту, твердящему об одиночестве землян, не найти. Ничто не помешает нам, следуя заветам Циолковского и Вернадского, завоевывать и переделывать звездные миры, расширять ноосферу — сферу обитания человечества. Но этого права не лишены и другие разумные существа, с которыми мы встретимся рано или поздно!

Вести из «страны Оз»

Есть довольно близкие к нам звезды, похожие на Солнце. Одну из них называют Тау Кита, другую — Эпсилон Эридана. До них «всего» одиннадцать световых лет — по межзвездным масштабам это не такое уж далекое соседство. И вот возникла мысль о контакте с этими звездными системами, с возможными их жителями. Возник проект Озма.

Оз — страна из американской детской сказки, Озма — королева этой страны. Гипотетическая соседняя цивилизация и стала для астрономов волшебной страной, из которой они надеялись получить вести. Проект назвали романтическим именем Озма.

Не случайно хотели поймать сигналы с Эпсилон Эридана и Тау Кита — одиночных звезд. Альфа Центавра, самая близкая к нам, но двойная, отпала: выяснилось, что там вряд ли могут быть подходящие для жизни планеты.

И антенны большого 85-футового телескопа американские радиофизики направили на «страну Оз». Это была первая в истории человечества попытка перехватить радиограмму, посланную другими разумными существами!

Прием вели на волне двадцать один сантиметр — такова частота излучения атома водорода, наираспространеннейшего элемента мироздания. Значит, это наиболее универсальный радиоязык Вселенной.

Три месяца вели поиск специальной высокочувствительной современной радиотехнической аппаратурой с приспособлениями для подавления помех. И за три месяца не обнаружили ничего, что было бы похоже на искусственный сигнал.

Неудача? Пока — да. Видимо, слишком кратковременным был поиск. Видимо, нужна служба связи Вселенной. Дежурить, слушать каждую ночь, изо дня в день, из года в год, а возможно, и из века в век... Надежда на успех может оказаться иллюзорной, и хватит ли энтузиазма, чтобы нести вахту без конца? Даже если часть работы и поручить автоматом? Психологически трудно привыкнуть к тому, чтобы ждать и надеяться неопределенно долгое время, не получая никакого подтверждения правильности избранного пути.

Думается, впрочем, что сознание величия цели — фактор, с которым не считается нельзя!

«Трудно оценить вероятность успеха, но, если не производить поисков совсем, она равна нулю». Справедливость высказывания Д. Коккони и Ф. Моррисона, известных исследователей проблемы межзвездной связи, не вызывает сомнений.

Затмосферная радиоастрономия, которая свою аппаратуру разместит на внеземных станциях, например на Луне, и для которой перестанут существовать помехи, затрудняющие сейчас работу астрономов, — вот еще новый плацдарм для исследования Большой Вселенной.

Уже сейчас думают о том, чтобы радиотелескопы, принимающие естественные сигналы, приспособить и для приема сигналов искусственных. Это позволит, не откладывая дела в долгий ящик, приступить к созданию Галактической службы. Быть может, мимо нас уже давно идет информация, которую мы просто не могли раньше принять?!

Разум и космос

В основу разделения внеземных цивилизаций по типам, по ступеням развития предложен энергетический признак. Бесспорно, потребление энергии — существенный показатель прогресса. Ведь, достигнув какого-то определенного уровня, цивилизация должна проявить себя в космических масштабах именно благодаря своей энергетической вооруженности. Она преобразует свою звездную систему, а затем, на следующем этапе, овладеет и ресурсами данной Галактики.

Современное энергопотребление советский астроном Н. С. Кардашев и считает разумным взять как начало оценки типа ВЦ (внеземной цивилизации — термин, только что рожденный).

Земная цивилизация соответствует уровню ВЦ-I. Миллиарды лет потребовались ей, чтобы достигнуть этого уровня. Но уже только тысячи лет (темпы резко возрастают!) нужны, чтобы появилась ВЦ-II: тогда вся полная солнечная энергия окажется в распоряжении человечества. Еще десятки миллионов лет — и возникнет ВЦ-III, завладевшая энергией многих солнц — светил своей Галактики. И различия в возрасте разных ВЦ, видимо, могут, вообще говоря, составлять миллионы лет. Наша, земная, где лишь сравнительно недавно началось интенсивное развитие техники, не вышла еще из колыбели.

Если есть землеподобные планеты, среди них должны быть и такие, которые намного старше Земли. Тогда остается признать, что наши братья по разуму могли уйти вперед невообразимо далеко. Готовясь к взаимопониманию, надо учитывать и это.

Первый тип цивилизации — ВЦ-I, видимо, невозможно обнаружить и войти с ним в контакт: пока не хватает чувствительности наших радиосредств. Второй и третий — наши вероятные абоненты, хотя возможен не обмен информацией с ними, а лишь односторонний прием.

В связи с этим возникают самые разные вопросы, порой «похожие на занимательную игру», как замечает один ученый. Вот некоторые из них.

А не станем ли мы принимать сигналы цивилизаций, посланные давным-давно — так давно, что и отправителей радиограмм не осталось в живых? Ведь свет может прийти от звезды, которая перестала быть солнцем, от холодного карлика, как свидетель его молодости. Истинная картина звездного мира отнюдь не такая, какую мы видим в телескопы. Стало быть, и радиовести, пришедшие с опозданием, лишь своего рода исторический документ. Он имел бы огромную ценность, и все же это голос из прошлого.

Но даже и односторонний прием сигналов — беспримерное из всех предприятий, над какими когда-либо задумывался человек. Пусть галактический радиообмен — дело далеких потомков. В космических масштабах наша жизнь — ничтожный миг, у человечества же в целом впереди миллионы лет. Для него драгоценны и сигналы даже от исчезнувших цивилизаций, хотя гораздо разумнее не считать их вовсе погибшими.

Техника обнаружения сигналов, поступающих из космоса, у ВЦ-П и ВЦ-Ш, несомненно, существует, так стоит ли посылать сигналы нашими относительно слабыми радиостанциями? Не довольствоваться ли наблюдательной службой, поиском работающих станций, заведомо более сильных, чем наши земные? Да, стоит, ибо иначе ВЦ останется незамеченной даже в ближайших звездных системах. Видимо, позывные посылать надо сразу, не дожидаясь ответа, — таков наиболее разумный путь.

Ученые серьезно обсуждают сейчас вопрос о внеземных цивилизациях, решающих проблему межзвездной связи: кому и как предположительно надо посылать сигналы? Как бы повели себя иные существа, желая вступить с кем-либо в связь? Послали бы сначала свои позывные или передали бы максимум сведений о себе?

Проникновение в космос, выход за пределы данной планеты служат одним из непреходящих проявлений разума. И никак нельзя связывать космическую «экспансию» с проблемой энерговооруженности в планетарных масштабах. Если человечество когда-нибудь построит сферу Дайсона (оболочку вокруг Солнца, чтобы использовать полностью его излучение), перейдет с энергетической точки зрения на более высокую ступень, то гораздо раньше оно решит задачу не только межпланетных, но и межзвездных полетов. А это значит, что Земля уже проявит себя как колыбель разума, который сможет обнаружить ее галактические соседи. Даже один корабль, посетивший иную звездную систему, смог бы стать своего рода форпостом службы межзвездной связи.

Отрезки времени между нашим современным уровнем энергопотребления и потреблением эпохи сферы Дайсона, а тем более между ВЦ-II и ВЦ-III, очень велики. Разве за это время цивилизация не попытается вступить в контакт с соседями и не проявит себя каким-либо иным путем?

Эти возможности не исчерпываются только радиоконтактами. На спутниках, на освоенной Луне, при развитой гелиоэнергетике вне атмосферы вполне возможно построить сверхмощные радиоустановки. Земля тогда станет «шуметь» в Космосе намного сильнее, и это гораздо легче будет обнаружить. Цивилизация, решившая задачу выхода в космос, достигшая первой и второй космической скоростей, — такова, по нашему мнению,

вторая ступень. Наступит она не через тысячи лет — значительно раньше, после первой, которую переживает сейчас наша планета.

Космическая техника будет развиваться особенно быстрыми темпами. Ведь буквально у нас на глазах она добилась выдающихся успехов.

На очередь встанет практическое достижение третьей космической скорости, возможность посылки беспилотных зондов. Такая цивилизация начнет выходить уже за пределы своей системы. Тем самым возможности контактов облегчатся, — это подъем еще на ступеньку.

Откроется дорога пилотируемых кораблей к звездам — расширятся и формы общения. И далее появится еще одно, качественно новое свойство, важнейшее для любой цивилизации. Она получает автономию, она уже не привязана к своему Солнцу.

Ничто не остается неизменным во Вселенной. Звезды загораются и гаснут, рождаются и умирают планетные миры. Вечный круговорот материи с необходимостью порождает, по словам Энгельса, то тут, то там мыслящий дух. Что ж, этот мыслящий дух, неизбежно появившись, должен с такой же неизбежностью исчезнуть, чтобы возродиться в другом месте вновь?

Есть и другая, простая по дерзости мысль. Пожалуй, никогда еще не возникла столь потрясающая воображение перспектива. В ней с огромной силой проявляется гуманизм и вера в безграничное могущество человеческого разума, для которого нет преград даже на дороге в бесконечную Вселенную.

Умственному взору Циолковского рисовалось далекое будущее — угасание Солнца. Конечно, это случится не скоро, и еще много-много веков оно будет сиять животворным светом. Потому мысль эта — о неизбежной гибели дневного светила — отнюдь не выражение безнадежного пессимизма. Наоборот, забота о судьбе грядущих поколений руководила Циолковским, когда он писал: «Угасание нашего Солнца уже не будет гибелью человечества, потому что в нашем распоряжении будет миллиард других — свежих... На основании своих научных работ я твердо верю в осуществимость космических путешествий и заселение солнечных просторов».

Да, человечество никогда не погибнет... Прорыв в космос, возможность поселиться за атмосферой откроют ему выход. Межзвездные корабли превратятся в эфирные жилища. Человек отправится к другим звездам, чтобы там обрести новую родину, новое солнце, наладить новую жизнь. Будут сменяться поколения, будут сменяться и пристанища. От звезды к звезде, а им нет числа...

Человечество никогда не погибнет... Бессмертие? Да, бессмертие человеческого рода, Человека.

Но то, что справедливо для нашей цивилизации, справедливо и для любой другой. Она тоже овладеет техникой космических скоростей. Она тоже покорит всю свою звездную систему. Она, развиваясь, получит возможность расселения в космосе. И об этом тоже надо помнить, обсуждая вопрос о жизни во Вселенной и множественности обитаемых миров.

Выход из грозящей в далеком будущем катастрофы в расселении, «диффузии» по Галактике. Им сможет воспользоваться, если необходимо, цивилизация, достигшая еще более высокого уровня. Она, имея совершенную транспортно-космическую технику, в состоянии перемещаться во Вселенной, находить более удобные места для обитания, путешествовать внутри своей Галактики и даже покидать ее.

Обнаружить «диффузию» цивилизаций и вступить в контакт с сообществом каких-то других цивилизаций становится еще проще. Наступает очередная, третья ступень фактически бесконечной преемственности и безграничного развития разума. Очаги его, возникнув в одном месте, не угасают, а появляются в другом месте.

Можно задать вопрос: но почему же в таком случае мы, цивилизация, сделавшая первый шаг на пути в космос, обладающая уже довольно развитой радиотехникой, только догадываемся о существовании «высшего разума»? Ведь и низшая, и высшая, и все промежуточные ступени могут сосуществовать в бесконечной Вселенной.

Галактический патруль был до сих пор за пределами наших возможностей. Не была нам доступна раньше и наблюдательная служба, которая обнаруживала бы «странные» космические объекты, к каким относятся и цивилизации высших типов. Обосновавшись вне Земли, астрономия предпринимает «тотальную» проверку неба. Зонды же, а затем и межзвездные корабли возведут нас в высший ранг, приблизив эпоху контактов.

Разумеется, радиоконтакты зачеркивать никак нельзя и противопоставлять их полетам — тоже. Нельзя не помнить о преимуществах связи с помощью электромагнитных волн. Однако они принесут нам сведения о прошлом, и притом весьма и весьма отдаленном.

Кстати, вот иллюстрация возможностей радиоастрономической техники: в настоящее время строится телескоп, способный принять сигналы от источников, удаленных от нас на расстояние десятка миллиардов световых лет!

К тому же, как уже говорилось, рассчитывать можно лишь на односторонний прием сигналов и их одностороннюю посылку. Разговор, длящийся сотни тысяч, а то и миллионы лет... При всем огромном значении этого контакта ориентироваться только на него, ограничиваться только им было бы совершенно неверно.

Звездолет станет в конце концов символом расцвета космической эпохи. Сейчас пока, кроме посылки радиосигналов, мы не можем иным путем преодолеть сверхгигантские космические расстояния. Но прямой контакт, посещение других миров, останется конечной целью человека. Залогом тому его дух любознательности. Как ни важно удостовериться, что мы не одиноки в космосе, еще важнее и заманчивее свидание с иным миром, с иной цивилизацией.

Дороге к звездам —быть!

Мы не одиноки во Вселенной! Эта мысль невольно влечет за собой другую. Если так, если в Галактике существуют цивилизации, притом не ниже, а выше по развитию нашей, то почему соседи не посетили до сих пор нас? Ответ на этот непростой вопрос пытались искать уже давно.

Невероятно далеки расстояния между звездами. Нет пока уверенности в осуществлении межзвездных сообщений. Более того, некоторые ученые полагают, что вообще людям не суждено достичь даже тех ближайших солнц, в окрестностях которых теоретически возможна жизнь.

Техника, утверждают они, не в состоянии решить такую задачу, хотя бы и с помощью фотонной ракеты. Поток электромагнитной энергии из двигателей фотонного звездолета, превосходящий по мощности солнечную, будто бы сожжет Землю. Пришлось бы думать не только о защите самого корабля, но и в первую очередь о посланной его в далекий путь планете. Опасность эту ученые считают столь серьезной, что категорически утверждают: путь к звездам человеку закрыт!

Сроки межзвездных путешествий, несоизмеримые с продолжительностью нашей жизни, отступают тогда на задний план. Ведь можно будет прибегнуть к анабиозу — послать в полет «замороженных» космонавтов, которым не понадобятся в дороге огромные запасы кислорода, воды и пищи. Парадокс, предсказанный теорией относительности, — разница в ходе времени на земле и на корабле при субсветовых скоростях, — быть может, сыграет решающую роль.

Как бы то ни было, первоочередной, важнейшей преградой считают отсутствие «транспорта», даже имея в виду очень и очень отдаленное будущее. Делая свое заключение о возможности путешествия к звездам, американский астроном Э. Парселл пишет: «Все эти проекты путешествий по Вселенной... стоит выбросить в мусорную корзину». Понадобится ли для этого мусорная корзина — пока еще никто ответить не в состоянии. Фотонный звездолет может и не оказаться последним словом космической техники. Ограничивать пределы технического прогресса только им было бы неверно.

Более того, техника будущего, возможно, пойдет совсем иными путями, и корабль Вселенной окажется совсем не таким, каким представляется он нам теперь. Нельзя ставить какие-то ограничения инженерной мысли, ищущей дорогу к звездам. Эта дорога, несомненно, будет открыта если не нами и нашими ближайшими потомками, то людьми более далекого будущего.

Поиски выйдут за рамки сегодняшней и даже завтрашней энергетики. Мы уже говорим о гравитационной энергии, о неведомых нам пока источниках энергии звезд. Мы еще не слишком много знаем о строении материи и скрытых в ней энергетических резервах. Наши знания еще не дают технике той точки опоры, пользуясь которой она оттолкнется от Земли, чтобы шагнуть к звездам.

Не надо поэтому категорически отрицать невозможность межзвездных полетов только потому, что придуманный нами сегодня фотонный звездолет может оказаться нереальным. Людям будущего он покажется примитивным и смешным, как нам — колесница древних римлян. Так что отодвинем пока в сторону мусорную корзину...

Зонды и «тарелки»

Итак, пусть фотонные и всякие иные галактические корабли остаются пока в ведении писателей-фантастов. Какие же тогда есть пути для непосредственного контакта с внеземными цивилизациями?

Здесь уместно вспомнить слова, сказанные на заре наступившей ныне эпохи искусственных спутников.

Имеются «реальные предпосылки для того, чтобы забросить тела типа первых американских спутников в межзвездное пространство, удалить их из сферы солнечного притяжения». Так писал член-корреспондент Академии наук СССР А. Ильюшин.

Вслед за выходом первого спутника-автомата в окрестности Земли мы могли бы запустить автомат к звездам. Летательный аппарат, способный покинуть Солнечную систему, чтобы отправиться странствовать по Вселенной, принципиально возможен уже для техники наших дней.

Конечно, такому аппарату недостаточно преодолеть только тяготение Солнца. Надо снабдить ракету ускорителем, который постепенно разогнал бы ее до сверхвысоких космических скоростей. Тогда перелет не занял бы чрезмерно длинных сроков. И предоставилась бы возможность разведать ближайшие к нам пространства Галактики уже не только с помощью радиоволн.

Межзвездный зонд, автоматический разведчик, который путешествует, от звезды к звезде, хотя бы и сотни лет, разве это беспочвенная фантазия? Ему не нужны столь мощные двигатели — излучатели, какие понадобились бы пассажирскому звездолету. Снимаются ограничения, задачи суживаются сбором информации, наблюдением, определением целесообразности будущего общения. Передатчики сигналов, записанных на пленку, с питанием от полупроводниковых батарей, включаемых в окрестностях ближайших звезд, — вот такими форпостами службы межзвездной связи стали бы зонды.

Теперь поставим себя на место представителей гипотетической внеземной цивилизации, да притом ушедшей в своем развитии далеко вперед. Для них задача посылки зонда, вероятно, вполне разрешима. Нет ничего удивительного в том, что они захотели бы отправить беспилотный звездолет на поиски соседних цивилизаций.

Не исключена и возможность посещения Земли таким кибернетическим посланцем. Ведь история нашей планеты исчисляется миллиардами лет. Она заинтересовала бы звездного разведчика как несомненная обитель жизни.

И не желанием ли встретить такого посланца объясняется интерес к так называемым летающим тарелкам? Вокруг неизвестных летающих предметов разворачивается сенсационная шумиха, действительные факты переплетаются с вымыслом, явные оптические иллюзии — с удивительными и необъяснимыми явлениями. Никто всерьез не верит в прилет жителей Венеры, как нельзя верить и многим другим сообщениям «очевидцев».

Однако почему мысль о том, что Земля стала объектом внимания неизвестных существ, должна считаться еретической? Только потому, что с ними до сих пор не встречались? Или потому, что сама мысль о других существах не укладывается в нашем сознании? Или, наконец, потому, что единственно возможной формой непосредственного контакта считается прилет самих жителей иных миров или их сигнализация?

Но автоматический зонд, управляемый необычайно сложным искусственным мозгом, попав в окрестности чужого Солнца, мог бы оставаться там очень долго. Он мог бы в свою очередь послать небольшие, тоже беспилотные аппараты к планетам, где предполагается существование жизни. Взять пробы верхней атмосферы, сфотографировать вблизи (говоря по-земному!) поверхность планеты — словом, изучать интересный космический объект — таковы возможные задачи подобных автоматом. Ведь собираемся же мы обследовать Марс довольно сходным путем.

Утверждать, будто среди неизвестных «летающих предметов» непременно есть киберразведчик, разумеется, нельзя. Но и категорически отрицать такую возможность — тоже. Мы сами

пока не можем решать столь грандиозные проблемы, и отсюда не следует, что необходимой техники нет у других возможных цивилизаций.

Гости в Солнечной системе

В 1928 году была опубликована любопытная анкета. Журнал «Вестник знания» поставил вопрос: «Возможно ли посещение Земли жителями иных миров?» На нее ответили профессор Н. А. Рынин, Я. И. Перельман, К. Э. Циолковский. Вопрос был вызван письмом читателя, который утверждал: «Посещения не было: Земля же не единственный культурный центр Вселенной; раз никто до сих пор не прилетал, значит, и вообще межпланетные путешествия — химера».

Вот к каким парадоксальным выводам можно иногда прийти, исходя из верных предпосылок! И Циолковский отвечал: «Если машины разумных существ иных миров не посетили Землю, то из этого еще не вытекает, что они не посетили другие планеты. Да и в далеком прошлом, как и в далеком будущем, могло или может состояться посещение нашей планеты».

Искать ли следы таких посещений? Искать. Но не так, как это делали до сих пор. Нельзя все необъяснимое: загадки истории, археологические находки, любые объекты, не поддающиеся расшифровке, приписывать только звездным пришельцам. Нельзя спешить с выводами, не имея очевидных доказательств внеземного происхождения того или иного таинственного факта. Но нельзя и ополчаться против всякого, кто пытается обосновать возможность прилета на землю космических кораблей.

Заслуга тех, кто пытался обратить внимание на «белые пятна» истории и археологии или на явления космических масштабов, которым нельзя дать естественного объяснения, прежде всего в том и состоит, что они возбудили живой интерес к проблеме гостей из космоса.

Поиски следов, которыми занимались поначалу писатели-фантасты, привлекли внимание и ученых к этой волнующей теме. Многие здесь было спорно, многое требовало проверки и уточнений. Впрочем, истина рождается в споре, и если он ведется разумно, корректно, то польза от него несомненна.

И разве, например, невиданный интерес к проблеме Тунгусского метеорита, горячие дискуссии, гипотезы, наконец, научные экспедиции не были вызваны к жизни фантастическими предположениями? Не случайно именно после выступлений фантастов вновь начались исследования Тунгусского дива, вопрос о котором не снят с повестки дня и сегодня. Нельзя выдавать фантастику за науку, как нельзя отрицать права писателя на фантазию.

Безусловно, рано делать окончательные выводы. Проблема оказалась гораздо сложнее, чем это можно было сначала предполагать. Отпал ряд вариантов, появился ряд новых. Уже не говорят об ударе гигантского метеорита о поверхность Земли, уже под сомнение взята встреча с ледяной кометой, появилась идея об «антикамне» — куске антивещества, тоже еще достаточно спорная.

Однако чаша весов склоняется на сторону ядерного взрыва, притом высотного, происшедшего над тунгусской тайгой. Об этом свидетельствуют результаты недавней научной дискуссии. И еще одна, любопытнейшая деталь, о которой упоминает Ф. Ю. Зигель: вполне вероятно, что где-то в районе Вановары Тунгусское тело изменило траекторию полета, совершило маневр! Если это так, то мы возвращаемся к мысли об искусственном происхождении «метеорита», в пользу которой говорит вообще гипотеза о ядерном взрыве. Что взорвалось, почему произошел взрыв? Тут нельзя не вспомнить фантастическое предположение, выдвинутое нами в развитие известного рассказа-гипотезы А. П. Казанцева «Взрыв»: межзвездный, именно межзвездный корабль взорвался перед посадкой, совершив маневр*. И ранее, и сейчас мы далеки от утверждения бесспорности такого заявления. Но как бы то ни было, это любопытный пример сближения мысли фантаста и путей научного поиска.

«Нелепо было бы отрицать роль фантазии даже в самой строгой науке», — подчеркивал Ленин. И разве популярная статья М. М. Агреста** не вызвала живые отклики не только среди широкого круга читателей, но и среди ученых? Профессор И. С. Шкловский считает, что «сама постановка вопроса М. М. Агрестом нам представляется вполне разумной и заслуживающей тщательного анализа».

Вслед за Агрестом с аналогичной идеей выступил американский ученый К. Саган. Шкловский подчеркивает, что обе гипотезы «представляют большой интерес и заслуживают внимания». Да ведь и гипотеза самого Шкловского об искусственном происхождении спутников Марса, нашедшая отражение и в фантастике, тоже как бы переводит смелую, граничащую с чистой фантазией идею из русла воображения на рельсы науки.

Фронт поисков следует расширить и, отсеяв заведомо сомнительное, объективно собирать и изучать факты.

Надо проанализировать, где разумнее всего искать, где могла бы лучше всего сохраниться весточка, след из другого мира. Ведь лик Земли непрерывно меняется, и далеко не везде такие следы сохранились бы на протяжении миллионов лет.

* Б. Ляпунов. Из глубины Вселенной. «Знание — сила», 1950, № 10.

** См. «На суше и на море», 1962 г. — Прим. ред.

Геологи могли бы очертить вероятный район поисков — места на земном шаре, менее других подверженные катаклизмам. На помощь пришла бы, вероятно, интроскопия — она создает приборы, позволяющие видеть буквально сквозь землю.

Но что искать? Вряд ли корабль, почему-либо не улетевший обратно, как это изображают фантасты. Вряд ли посылку с пленкой или письмом. Вряд ли все-таки остатки космодромов или иных сооружений. Вероятно, речь пойдет об элементарном послании на языке чисел — критерии разумности любой цивилизации, где бы она ни была, и нанесенном на материал, способный выдержать испытание временем.

Конечно, можно лишь строить догадки, каким на самом деле окажется этот памятный знак. Не решат ли наши соседи, удостоверившись, что на Земле возникла и развивается жизнь, послать даже своего рода «бомбу времени», содержащую в сжатом виде какой-то перечень своих знаний? Известно, что все сведения, собранные в написанных до сих пор книгах, можно было бы уложить во вполне определенное количество единиц информации. Значит, «спрессованная» сокровищница опыта заняла бы так мало места, что ее удалось бы переправить в небольшом контейнере из одного края Галактики в другой.

Однако едва ли наши соседи занимались когда-либо бесцельной рассылкой наудачу подобных «подарков». Безусловно, они должны были убедиться, что кто-то когда-то сумеет посланное расшифровать, а сделав это, не использует во зло ни себе подобным, ни отправителям посылки. Словом, есть много неопределенного в решении вопроса о «космической почте».

Но так или иначе стремление заявить о себе, познакомиться с себе подобными разумными существами столько же сильно, как и желание познать окружающий мир. «Вероятно, всем цивилизациям (в том числе и нашей) свойственно стремиться заявить о своем существовании по мотивам, составляющим сложный комплекс из любознательности (научного интереса), тщеславия и альтруизма», — говорит профессор Я. Мартынов. Будем же иметь и это в виду!

На пыльных тропинках чужие следы

Как бы ни была мала вероятность посещения разумными существами Солнечной системы, затерянной на окраине Галактики, считать такую возможность равной нулю нельзя. Мы не знаем, как и когда состоятся полеты к звездам, и потому говорим: возможен лишь радиоконтакт, остальное неосуществимо и для нас, и для наших потомков. Кто может ручаться, что другие разумные существа не нашли способов путешествовать на расстояния в сотни и даже тысячи световых лет?

Да, вероятность посещения ничтожно мала, по время, за которое это событие могло произойти, огромно. И направление поисков подсказывает Циолковский. «Они могли посетить и другие планеты», — подчеркивал он.

Нет ли следов такого посещения на безжизненной Луне, или на астероидах, или на спутниках планет, где нет атмосферы и где поэтому эти следы сохранились бы гораздо лучше?

Выход в космос, высадка на ближайших небесных телах откроет и новые возможности для поисков следов звездных пришельцев. Разумеется, не это будет главной целью космонавтов, по крайней мере в ближайшее время. Но такую возможность нельзя упускать из виду.

Все, что необъяснимо естественными причинами, должно стать предметом самого пристального внимания. Все мыслимые варианты должны быть обсуждены и учтены, чтобы направить поиски по наиболее вероятному пути.

Помимо неопределенности исходных данных есть еще и другие трудности, осложняющие проблему. Что, если следы были, но не сохранились? Или их не оставили вообще? Прилетев в Солнечную систему тогда, когда о жизни в ней не могло быть и речи, «соседи» просто улетели обратно. Либо, наконец, они оставили памятный знак в виде искусственной планеты, спутника Солнца или того же Марса, и этот незамеченный нами вестник разума до сих пор носится где-нибудь в космических просторах. Шансы найти подобный памятник, конечно, очень незначительны.

Следует ли отсюда пессимистический вывод: следов нет, их мы не найдем никогда? Не проявили себя внеземные цивилизации, потерпели мы неудачу с проектом Озма, — значит, нечего и помышлять о контактах с разумными существами, а тем более об их прилетах?

Геоцентризм, как всякая догма, опасен не только своим примитивным отрицанием всего того, что ему противоречит. Нет, его влияние гораздо глубже и тоньше, ибо он сказывается на образе мыслей, какой-то их «приземленности». Легче и проще считать, что мы одиноки во Вселенной. И становится прямо-таки невероятным представить себе, что может быть иной образ мыслей, другой, для нас невообразимо грандиозный глобально-галактический размах.

Когда об этом говорил Циолковский, его высмеивали. Когда об этом написал фантаст И. А. Ефремов, это приняли за красивую фантазию, не больше. Теперь в область домысла и смелой фантазии вторгается наука.

Постепенное исследование всех сторон грандиозной проблемы несомненно приведет к более оптимистическим оценкам, оценкам не общим, а чисто количественным, позволяющим, быть может, соотносить события во времени. Ведь К. Саган уже

пытается предсказать срок ближайшего визита «соседей». Так ли уж бессмысленны эти попытки?

Задача поисков следов инопланетных гостей оказывается взаимосвязанной с исследованием поистине величественной и увлекательной проблемы века — проблемы множественности обитаемых миров во Вселенной.

Мы рассуждаем с точки зрения «земной», опираясь на наши возможности. При этом мы идем на заведомое упрощение: ведь наверняка гости — представители вышестоящей цивилизации, иначе они не смогли бы одержать победы над пространством. В их распоряжении более могущественная техника, а потому наши, казалось бы, фантастические послышки нельзя заведомо отрицать.

Зонд, ставший спутником нашего Солнца; зонд, меняющий орбиту, чтобы исследовать одну за другой все планеты Солнечной системы; зонд, служащий базой кибераппаратов, которые еще более детально могут обследовать особенно интересные объекты,— все это, быть может, начальные ступеньки. Ими не исчерпывается то, что, теоретически рассуждая, могли бы совершить наши соседи в Галактике.

Зонд не вечен, его приборы в конце концов должны перестать работать. Может быть, тогда, включив двигатели, разведчик с собранной информацией отправится в обратный путь? И разумно предположить, что, даже не обнаружив нигде жизни, он все же оставит память о себе, как это делают альпинисты на покоренных вершинах. Это может быть символом победы, знаком для тех, кто в будущем еще сюда прилетит, или же «бомбой времени» — посланием будущим разумным существам, которые когда-либо появятся близ Солнца...

Конечно, космос — наиболее подходящее место для хранения такой «посылки». Ведь неизвестно, в какое именно время гости посетили нас и что застали они в солнечных владениях: первозданный хаос на Земле, бушующий океан на Венере или марсианские песчаные бури? Во всяком случае искусственная планетка просуществует период, заметный даже в космической шкале времен. Да и сделают ее, очевидно, из материала, которому метеоритная эрозия не так страшна, как нашим сегодняшним искусственным спутникам (кстати, и они страдают от метеоров все же не так уж сильно).

Но предположим, что зонд послан не в столь отдаленные времена и застал уже какие-то начальные стадии жизни в Солнечной системе. Допустим, выяснилось, что по крайней мере на одной из планет есть условия для развития в дальнейшем высших жизненных форм. «Мозг» зонда решил бы оставить «бомбу времени» либо на Земле, либо на Луне, уже успокоившейся после бурной вулканической молодости. Ведь вспомним, что и мы оставляем памятные вымпелы на Луне, на Ве-

нере, а на борту автоматических межпланетных станций помещаем «сувениры»: план Солнечной системы, на котором особо отмечена Земля, третья от Солнца планета.

Вымпел не только знак, увековечивший подвиг. Это и своего рода сигнал для тех, кто будет гостем нашей звезды. А искусственные планетки, вечно кружащиеся вокруг Солнца,— это и сохраненный в вечности памятный знак с указанием пославшего его адресата.

Есть и другая, идущая дальше гипотеза. Что, если гостем был все же не автомат, хотя бы и в высшей степени совершенный, способный на многие действия, присущие настоящему разуму? Что, если гостями были действительно иные разумные существа? Опять возможны разные варианты в зависимости от времени прилета.

Гости могли даже не посетить Землю. Будучи безжизненной, она не представляла для них интереса. К тому же и не стоило рисковать, имея в своем распоряжении те же разведывательные зонды. Быть может, их больше привлек Марс?

И не эти ли пришельцы соорудили марсианские спутники, нареченные нами потом Фобосом и Деймосом? Эти луны Марса могли послужить базой пришельцам для изучения Солнечной системы, своего рода «каботажными» кораблями, которые потом нашли вечное успокоение на орбитах спутников красноватой планеты. Пришельцы оставили столь необычный памятник — свидетельство своего состоявшегося посещения, а быть может, и залог будущего...

Не исключено, что гости побывали и на каком-нибудь астероиде, предоставившем им возможность прогулки по всей Солнечной системе,— так выгодно расположены орбиты некоторых из них. На астероидах тоже подходящее место, чтобы оставить памятник на вечные времена. Наконец, не найдется ли и среди астероидов такого, который перестал быть уже только творением природы и отличается от всех других, как бриллиант от алмаза? С Земли трудно наблюдать астероиды, а вот будущая заатмосферная астрономия сможет отличить такое небесное тело, к которому прикасались чьи-то «руки».

Уже сейчас выдвигаются всевозможные проекты, касающиеся судьбы астероидов. Предлагают изменить орбиты некоторых из них, превратить в спутники Земли и затем устроить там индустриально-энергетическую базу. Думают превратить астероид в межзвездный корабль: установить на нем реактивный двигатель, чтобы вывести из Солнечной системы. Если эти архисмелые проекты принадлежат сегодняшнему дню, то трудно даже приблизительно представить себе, что могли сделать с астероидами гости.

Радиоастрономическая служба собирается прослушивать небо, выявлять все источники, сигналы, которые отличны от

природных. Вероятно, и оптической астрономии предстоит искать необычное, выявить все, что наводит на мысль о вмешательстве разумного начала.

Конечно, такие поиски осложняются элементом неопределенности. Мы невольно хотим поставить в привычные для нас рамки действия иных существ, быть может располагавших совершенно необычной техникой. Мы руководствуемся логикой и как бы ставим себя в положение тех, «других», пересекших бездну пространства, чтобы увидеть Солнечную систему и заявить о себе. Так, вероятно, поступили бы жители Земли — вот основа наших рассуждений. А как поступили бы они, стоящие на более высокой ступени?

Та же цель, вероятно, достижима для них другим путем. «Бомба времени», сбор информации, временная база в Солнечной системе — все это может осуществиться ими и в какой-то другой форме. Нам, возможно, придется столкнуться с неожиданностями... или вовсе ничего не найти. Краина Галактики, где расположена Земля, могла и остаться до сих пор незамеченной! Она ведь еще «не доросла» до того, чтобы даже робко начать подключаться в Великое Кольцо, описанное в «Туманности Андромеды» И. А. Ефремова, и тем более стать равноправным членом сообщества цивилизаций.

Неудачи, хотя бы и на протяжении многих лет, не должны обескураживать тех, кто займется поисками, как не должна кажущаяся бесперспективность мешать охотникам за радиосигналами разума. Тем более что и средства и методы таких поисков будут совершенствоваться со временем. И пусть не мы, так наши потомки станут когда-нибудь очевидцами событий, предугадать которые сегодня не сможет самая смелая фантазия.

Карло Мандзони Я РАЗУКРАШУ ТВОЕ ЛИЧИКО, ДЕТКА

Необыкновенная
повесть

Глава первая

**Я и мой компаньон
пробуждаемся после
сильной попойки.
Происходят
весьма странные вещи**

Раздался телефонный звонок, но я никак не могу открыть глаза. Во рту адская горечь, а голова кружится даже в лежачем положении. Должно быть, вечером я колоссально тяпнул. Протягиваю руку и беру с ночного столика граненый стакан, в нем еще остался «Бурбон». Я, понятно, осушил его одним глотком.

Протираю глаза и понемногу начинаю различать ближние предметы, но вот что вчера случилось, хоть убей, не могу вспомнить. А телефон просто разрывается. Тогда я снял трубку.

Голос ласковый, как у еще не развернутой медовой карамельки, называет меня по имени: — Яко! Опьянение как рукой сняло. Я вскочил с постели, спрашиваю:

— Как тебя зовут, детка?

— Дуарда,— проворковала незнакомка.— Не думала, что ты так скоро забудешь вчерашний вечер.

Но я, как назло, ничего не помню. Сразу нахожу уловку и отвечаю, что по телефону у нее совсем не тот голос. Слышу, она усмехается и говорит:

— Тогда торопись. Я жду.— И вешает трубку.

Черт побери. Я спрыгиваю с кровати и единым духом выпиваю полный до краев стакан «Бурбона». Ну теперь-то мысли непременно прояснятся. Ничуть не бывало.

Вчера, кажется, ничего особенного не произошло. Я до самого вечера проторчал в кабинете. Сидел за письменным столом и зевал. Да будет вам известно, в кабинете у меня стоит письменный стол, два книжных шкафа, зеленое кресло и пишущая машинка, в которой не хватает буквы «Т». В одном из шкафов имеется обширное досье.

На стеклянных дверях моего кабинета золотыми буквами выведено «Сыское бюро». Якомандую Пипа и Грэгорио Скарта.

Якомандую, сокращенно ЯКО,— это я. И если имя звучит немного странно, то вина тут не моя, а отца. Это он назвал меня Якомандую, чтобы показать жене, кто истинный глава семьи.

Грэгорио Скарта — мой компаньон. Я зову его просто Грэг. Без него мне пришлось бы плохо. В самых трудных случаях он всегда приходит на помощь.

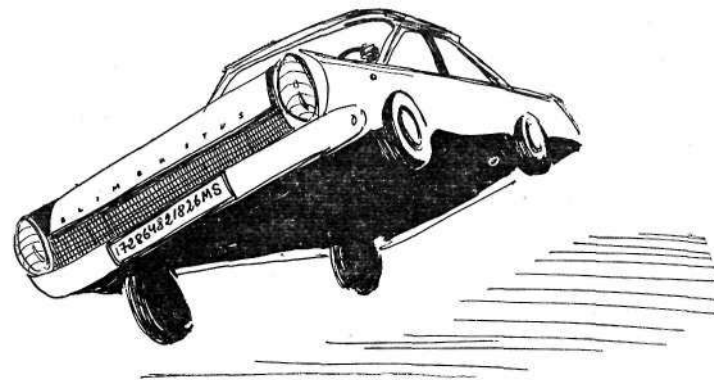
Кстати, куда делся этот болван? Вчера вечером мы были вместе. Может, он помнит, что произошло. Если только он тоже не был пьян в стельку. Иду в кухню, смотрю, он валяется под стулом и дрыхнет вовсю. Легонько ударяю его по морде голый ногой. Он открывает один глаз, громко вздыхает и снова начинает храпеть. Ничего не попишешь. Должно быть, он вчера набрался почище моего. Я ему нечаянно на хвост наступил, а он хоть бы хны. Простите, я, кажется, забыл сказать, что мой компаньон — пес.

Я же говорил, что у меня сегодня с утра голова не варит.

Ну так вот, Грэг — собака ищейка. Три года назад мы получили лицензию и решили вместе открыть сыское бюро. Могу поручиться, что Грэг работает не хуже любого полисмена. Только любит выпить лишнего.

Впрочем, я совсем разболтался, а ведь меня Дуарда ждет.

Так что же было вчера? Я стал под душ и попробовал пораскинуть мозгами. Никакого эффекта. Надо же быть таким кретинком, чтобы не вспомнить девушку с таким ангельским голоском! И тут меня осенило. Нужно обойти все бары города. В одном из них я прошлой ночью наверняка осушил все запасы «Бурбона».

Приняв душ, я стал одеваться. Когда натянул брюки, ничего не произошло, когда надел рубашку — тоже, но когда снял со стула пиджак, то обнаружил, что один из карманов изрядно распух. Я сую руку в карман и вытаскиваю пачку тысячных ассигнаций.

Стою и смотрю на пачку, словно кретин, впервые увидевший в цирке двойное сальто-мортале. Но я быстро опомнился и принялся считать хрустящие бумажки. Когда дошел до трехсот двадцатой, пришлось сделать передышку. Пятисотая ассигнация оказалась, увы, последней. Пятьсот тысяч лир, черт побери! Откуда они взялись? Похоже, я вчера вечером дал какое-то обязательство? Но какое? Кому? Я о чем-то договорился с клиентом. Вот только как его найти.

Дуарда? Кто она? Надо разыскать ее любой ценой. Кладу пачку ассигнаций на большое овальное блюдо, накрываю сверху ломтями ветчины и ставлю в холодильник.

Лезу в брючный карман и... застываю, как свиначий студень. Пальцы нащупали какой-то мягкий предмет, чуть подлиннее и побольше сигареты. Вытаскиваю свою находку. А, это скатанная в трубочку туалетная бумага! Я ее развернул и увидел, что помадой большими буквами начертан адрес: 47-я улица, 4326.

Понюхал. Помада цикламен. Могу голову заложить, что девушка, звонившая мне утром, красит губы именно этой помадой. Дуарда! Опять она! Но раз есть адрес, то о чем тут гадать? Я повязал галстук «Неотразимый удар», перед которым ни одна девушка не устоит, надел пиджак и зашел на кухню; мой компаньон спал, подлец, и рычал во сне, как перегруженный грузовик на подъеме.

Я бегом спустился по лестнице, дотопал до стоянки и сел за руль верного «блмбуста». Включил сразу третью скорость и, как ракета; сорвался с места. Не прошло и двух минут, как

за мной увязалась чья-то машина. Я прибавил скорость, преследователь тоже. Телега не новая, черный «фролей» 1949 года. Но мотор у нее явно чужой. Я резко свернул вправо, затем влево, но «фролей» прямо-таки прилепился ко мне. За рулем сидит здоровенный детина с желтыми глазами, очень похожий на гориллу. На правой руке у него ясно виден шрам. Замечаю, что с левой стороны карман пиджака у него сильно оттопыривается.

Мне, конечно, не очень понравилось, что этот тип собирается ткнуть меня в спину пистолетом. Я выбрал место попустынное, внезапно развернул «блимбуст» поперек улицы, резко затормозил и выскочил из кабины. Незнакомец не успел даже снять ногу с тормоза, как я очутился рядом.

— Малютка,— говорю.— Проваливай отсюда да побыстрее.— Сую руку в карман и не нахожу пистолета. Забыл дома. Подымаю глаза и вижу, что эта скотина целится своей пушкой в мой галстук «Неотразимый удар». Так он мне всю красоту попортит. Недолго думая, сую указательный палец левой руки в ствол, и в ту же секунду этот тип нажимает спусковой крючок.

Но пуля не вылетела, палец, как пробка, закупорил дуло. Правой рукой я изо всех сил дернул этого наглеца за левое ухо и начисто его оторвал. Подлый скот застонал от боли и выронил пистолет. Я рукояткой огрел мерзавца по голове, и он сразу затих. Ухо я сунул в карман и попытался вытащить палец из дула. Не идет, да и только. Хороший компот! Времени-то в обрез. Дуарда ждет не дождется, а я тут валандаюсь.

Завожу «блимбуст» и даю полный газ. Несусь как бешеный по автостраде, а сам прикидываю, что от меня надо было этой горилле. Может быть, это как-то связано со вчерашним? Я промчался по длинному подземному проезду и свернул на аллею «Трех безумцев». 47-я улица — это зона отдыха финансовых тузов; здесь живут синьоры, у которых собственная яхта, а мотор «могоскутера» заправлен не бензином, а чистым виски. Рядом с виллой у них личный аэродром и всегда наготове спортивный самолет.

Вилла 4326 стоит как раз на повороте, в глубине улицы. От тротуара до виллы добрых сто метров по лугу с аккуратно постриженной зеленой травкой.

Я остановил машину за поворотом. Потом спокойно, не торопясь, попытался вытащить палец. Но он застрял, подлый, в дуле и ни туда ни сюда.

Придется заняться этим попозже, а сейчас дорога каждая минута. Я сунул руку и пистолет в левый карман брюк и, нахвистывая, пошел к вилле.

Глава вторая

Мертвец курит сигарету. Я встречаю блондинку с темно-фиолетовыми глазами

Вилла на первый взгляд показалась нежилой, но я и не ждал, что изо всех окон будут выглядывать любопытные. Нажал кнопку звонка и стал ждать. Звонок заливался вовсю, но никто не открывал. Позвонил еще раз — никакого толку. Сверяюсь с туалетной бумагой, тот ли номер написан помадой. Все точно, 4326. Этот номер указан и на дверной табличке. Может, Дуарда нечаянно уснула? Позвонил в третий раз. Ответом было полное молчание, и тогда я нажал на ручку, и дверь сама отворилась. Я тихонько вошел и очутился в полутемной прихожей. Кругом тишина. Что-то здесь не так, определенно не так. Надо же было забыть дома пистолет.

В таких случаях легче легкого попасть в засаду. Но я начеку. Справа большая стеклянная дверь. Слева другая дверь, массивная, одностворчатая, из красного дерева. Нажимаю на ручку и чувствую, что дверь поддается. Минуточку. Главное — не делать глупостей.

Уже не одного простака за открытой дверью ждал удар рукояткой по голове. Но меня не проведешь. Я внимательно осмотрел дверь. Петли у нее снаружи. Ничего лучше и не придумаешь. Я крепко захлопнул дверь, а затем правой рукой стал осторожно ее приподнимать. Наконец удалось снять дверь с петель. И тут я мгновенно открыл ее с противоположной от замка стороны. Если кто-нибудь и спрячется за дверью, он не успеет образовать что к чему, как сам получит рукояткой по голове.

Пролез я, значит, через дверь и попал в чью-то библиотеку; и вдруг увидел какого-то типа, который валялся на полу. Незнакомец лежал на правом боку, касаясь правой щекой ковра. Рядом алело красное пятно. Я тут же понял, что это кровь. Не может же у человека из дырки в голове течь кофе!

Голова незнакомца находилась в двадцати сантиметрах от моих ног. Кончиком ботинка я открыл ему веко и увидел белый, тусклый зрачок.

Мертвый в дымину, мертвец не сыщешь! Я сразу сообразил, что дело пахнет жареным. Станный у этого покойника видок: правая рука заложена за голову, ладонь полусогнута, а указательный и средний пальцы сжимают дымящуюся сигарету.

Сигарета выкурена больше чем наполовину, но целый слой пепла толщиной в сантиметр еще не опал. Значит, кто-то выстрелил в незнакомца, когда он мирно курил. По толщине пепла я определил, что с момента убийства прошло не свыше трех-четырёх минут. Сейчас ровно одиннадцать часов двенадцать

минут утра. Его застрелили в восемь минут двенадцатого. Не раньше.

Я решил проверить. Оторвал облатку одной из сигарет и стал осторожно измерять слой пепла. Затем перенес замеры на неначатую сигарету. Вынув хронометр, засек время и закурил, держа сигарету указательным и средним пальцами. Бежали секунды, сигарета постепенно становилась все меньше и меньше. Когда огонь дошел до карандашной отметки, я снова засек время. Прошло ровно четыре с половиной минуты. Выходит, кто-то застрелил беднягу точно в одиннадцать часов семь с половиной минут.

Я докурил сигарету и потом приподнял за волосы голову мертвеца. На правом виске у него зияла дыра...

Похоже, я здорово влип, но пока в голове сплошной туман. Хоть бы вспомнить толком, что произошло вчера вечером. Мне звонила Дуарда и сказала, что ждет. Это точно. В кармане лежит клочок туалетной бумаги с написанным помадой адресом. И еще я получил пятьсот тысяч лир. Но от кого и за какие услуги? Возможно, это дело рук самой Дуарды. Или этого типа, что валяется у моих ног? А не его ли это адрес?! Но если так, то где же Дуарда. Ищу красивую девушку, а нахожу мертвеца с дымящейся сигаретой.

Сдается, что надо отсюда удирать, да поскорее; но должен же я, черт побери, разобраться, где тут начало и где конец. Вдруг дверь библиотеки открылась и с грохотом свалилась на пол. Похоже, я забыл ее вдеть в петли, и милое создание, возникшее в проеме, преспокойно открыло дверь, нажав на ручку.

Незнакомка взглянула на меня, потом на мертвеца и тоже свалилась на пол.

— Дуарда! — крикнул я и бросился к ней. Бережно поднял ее и перенес в гостиную на диван. У этой блондинка такой же

обморок, как у акробата, застывшего под куполом цирка, парализ конечностей.

Я поцеловал ее в губы, и она ответила. Влопалась. Теперь-то я ее прищучил. Но она лежит себе и глаз не открывает.

— Послушай, красотка,— говорю.— Брось ломать комедию. А она ни гу-гу.

Тогда я решил лучше ее рассмотреть. Девушка в полном порядке. Фигурка как у статуэтки. Зеленое, короткое, выше колен, платье облегает стройное тело. А коленки у нее такие, что на Брюссельской выставке похожих не увидишь. Открываю ей левый глаз и смотрю, какого цвета зрачки. Фиолетовые! Цвета фиолетовых чернил, и уж если такая на тебя взглянет, то на всю жизнь знак в сердце останется.

— Волшебница,— говорю,— выслушай меня.— Еще рано отправляться баиньки. Если ты, детка, так и не проснешься, то не увидишь парня, каких мало. А ведь сотни красоток много дали бы, чтобы очутиться на твоём месте. Вдруг раздался рев полицейской сирены. Это можно было предположить. Теперь жди любого подвоха. А вот и первый. Едва красотка услышала рев полицейской машины, она сразу открыла глаза и улыбнулась.

— С каких это пор, милочка, полицейская сирена действует на тебя почище душа Шарко?

— Это что за шутки?

Блондинка вскочила, словно пантера, рванулась к входной двери и распахнула ее. Затем, показав на меня пальцем, крикнула:

— Вот он, убийца!

На пороге выросли двое полицейских. На миг они оказались в тени, но я их сразу узнал. Это были двое моих старых знакомцев: лейтенант Трам и сержант Каучу из управления по борьбе с особо опасными преступниками.

— А, Пипа! — воскликнул лейтенант Трам.

Каучу надулся как индюк, шагнул вперед и наступил своими сапожищами на кончики моих лакированных ботинок.

— Хотел бы я посмотреть, что ты на этот раз придумаешь,— рявкнул он. Не успел он поставить точку в конце фразы, как я съездил ему по носу, и он мигом очутился в объятиях своего начальника.

— Хватит, ребята,— сказал лейтенант.— Вы не на ринге.

— Пусть повеселится,— отвечаю.— Его счастье, что здесь нет моего компаньона.

Вспомнив о Грэге, я усмехнулся. Мой компаньон не переносит этого скотину Каучу. Позволь ему, так он превратит бравого сержанта в антрекот.

Блондинка повела нас в библиотеку. Увидев мертвеца, Трам даже присвистнул.

— Так,— говорит лейтенант, подняв с ковра клочок бумаги.— Теперь перейдем к дружеской беседе.

Я поглядел на клочок бумаги. Это был тот самый обрывок папирсной облатки, которым я измерял размер пепла. На сгибе видны две карандашные пометки.

Трам вытащил из кармана конверт, положил в него клочок бумаги и спрятал конверт в боковой карман.

Каучу прислонился к двери, засунул большие пальцы рук за пояс и буравит меня глазами. Блондинка с фиолетовыми глазами разлеглась в кресле, лейтенант Трам расставил ноги и молча посматривает то на красотку, то на меня.

— Ну,— говорю,— с кем желаете побеседовать, милый Трам?

— Как тебя зовут? — спрашивает лейтенант у красотки.

— Лида Паранко, — отвечает блондинка и впивается глазами в третью сверху пуговицу его мундира.

Я не удержался от гримасы.

— Должно быть, тебя подменили, детка. Еще сегодня утром ты звалась Дуарда?

— Дуарда?! — удивилась блондинка. Посмотрела на лейтенанта и недоуменно пожала плечами.— Впервые слышу это имя.

Вытаскиваю из кармана свернутый в трубочку клочок туалетной бумаги и сую ей под нос.

— Вчера вечером,— говорю,— ты сама написала свой адрес помадой ци...

Последнее слово застревает у меня в горле. Черт побери! Помада на ее губах не та, которой написан адрес. Я понюхал бумагу: до сих пор пахнет цикламеном. Тогда я наклонился и понюхал губы блондинки. Как пить дать «Калипсо-73». Ничего не понимаю. Если это не Дуарда, то кто же Дуарда? И кто дал мне этот кусок туалетной бумаги с адресом?

Лейтенант Трам вырвал у меня из рук клочок бумаги, посмотрел его, понюхал, затем понюхал губы блондиночки.

— Ну, рассказывай, Яко,— говорит он, пряча туалетную бумагу в кошелек.

— Вся эта история выеденного яйца не стоит. Вчера вечером некая Дуарда дала мне свой адрес, а сегодня утром позвонила и сказала, что ждет. Я сразу помчался сюда. Прихожу и вижу мертвеца, а эта красотка падает в обморок. Потом появляетесь вы!

— Может, дать ему по черепу? — сделал шаг вперед, спрашивает Каучу.

Лейтенант Трам удерживает его строгим взглядом.

— Вторую версию расскажешь попозже,— говорит он и обращается к блондинке: — Так, значит, вас зовут Лида Паранко? Это ваш дом?

— Да.

— А этот на полу кто такой?

— Мой муж,— отвечает блондинка и раздражается безутешными рыданиями.

— Красотка,— говорю.— Нас тут трое мужчин. Мы можем составить жюри и присудить тебе премию Оскара за искренние и безутешные рыдания. Надо только достать бутылочку, собрать две-три слезы и отнести в научную лабораторию на пробу. Ручаюсь, что эти слезы признают фальшивыми.

Девицу подбросило, словно пружину, и она кинулась на меня.

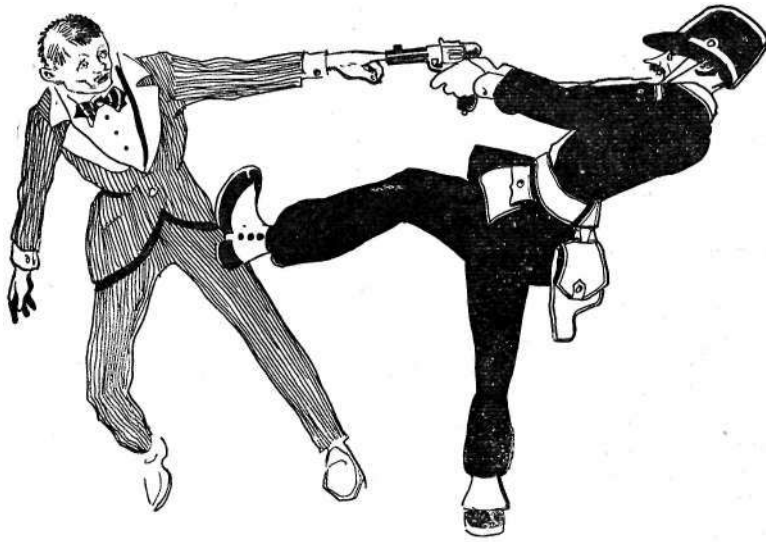
— Успокойтесь,— говорит Трам.— Не волнуйтесь. Сядьте и расскажите все по порядку.

Блондинка села, перестала реветь и впилась в меня своими глазами.

— Я даже не знала, что Дан дома. Одевалась и вдруг услышала треск. Я сбежала вниз и бросилась в библиотеку. Муж валялся на полу мертвым, а этот тип стоял рядом с пистолетом в руке.

Трам кивнул Каучу, и тот вышел.

— Вы уверены, что раздался пистолетный выстрел? — спросил лейтенант Трам у блондинки.

— Поручиться не могу. Но когда я увидела этого типа, в руке у него был пистолет... Тут я поняла, что в мужа стреляли.

— Но ведь и треск лопнувшей шины похож на звук выстрела,— заметил я.

— Вы держали в руках пистолет, а не шину,— ответила блондинка.

Вернулся Каучу и плотно закрыл за собой дверь.

— Никакого пистолета не обнаружено,— доложил он Траму.— Ну, отдавай пушку,— обратился он ко мне.

— Какую еще пушку? — удивился я.

— Не разыгрывай из себя слабоумного,— негромко сказал Трам.— Лучше отдай по-хорошему.

Он уставился на мой левый брючный карман. У этого Трама не глаза, а рентген. Я неторопливо вытащил из кармана брюк пистолет вместе с застрявшим в стволе пальцем. Трам рванул к себе пистолет, и я очутился в объятиях лейтенанта. Этот подлец Трам чуть мне палец не оторвал.

— Отпусти,— говорит.

— Попробуй, если сможешь. Я уже целый час мучаюсь, и все без толку.

Лейтенант потянул в одну сторону, я — в другую.

Напрасный труд. Рука у меня вспотела, палец распух и закупорил ствол лучше всякой пробки. Трам схватил мою руку и принялся ее изучать.

— Ну, какую ты еще шуточку придумал?

— Какие уж тут шутки? — отвечаю.— Просто у меня перед визитом на виллу произошел не совсем приятный разговор с одним типом.

— Так, так! А потом ты пробрался в библиотеку, прицелился пальцем точно в лоб синьору Дану Паранко и уложил его на месте! — воскликнул Трам.

— Я в него не стрелял.

— Чего с ним зря время терять. В тюрьме, уж положитесь на меня, он мигом расколется,— промычал Каучу.

— Вы не имеете права меня арестовывать. Я являюсь частным детективом и меня заманили в ловушку. Могу это доказать.

— Давно пора,— говорит Трам.— Мы ждем не дождемся твоих доказательств.

— Прежде всего,— говорю я,— отправьте пистолет в судебную экспертизу. Пуля, убившая Дана Паранко, не могла вылететь из этого пистолета.

Трам посмотрел на меня в полной растерянности.

— Ну, знаешь, тебе уже не первый раз удастся меня оболванить. Но теперь ты влип. Так и быть, считай, что я поверил твоим басням. Отправлю пистолет на экспертизу. Но если эксперты признают, что выстрел был произведен из этого пистолета, от виселицы тебя сам господь бог не спасет. А пока отдай пистолет.

Пробую вытащить палец, но где там. Зову на помощь Трама. Тот берет пистолет за рукоятку, упирается своими ногами в мои и тянет изо всех сил.

— Хватит,— говорю.— Мне палец вам дарить неохота.

— Весьма сожалею,— говорит Трам,— но вам придется пройти со мной.

— Выходит, вы меня арестуете.

— Отнюдь нет,— парирует Трам.— Просто мы конфискуем пистолет.

Каучу злорадно ухмыляется. С каким удовольствием я трахнул бы его по кумполу.

— Приношу свои извинения,— говорит Трам.— Поскольку мы не можем извлечь палец из ствола, то вынуждены прихватить и вас.

Пришлось подчиниться. Мы с Каучу сели в тюремную машину, а Трам вернулся на виллу еще раз поговорить с блондинкой.

— Перестань скалить зубы,— говорю я Каучу.

— Расскажи трогательную историю о твоей параличковой тете, и я заплачу,— отвечает этот недоносок.

Только я подыскал ответ, который должен был его испепелить, как в окошко просунулась голова Трама. Буравя меня своими глазами, бравый лейтенант сказал:

— По заключению судебного врача, убийство синьора Параико произошло более четырех часов тому назад.

Я посмотрел на него, вспомнив о еще не потухшей сигарете, и от неудержимого смеха согнулся вдвое. Я хохотал до слез и еле успокоился, когда машина подъехала к Централке.

Глава третья

Лейтенант Трам во время допроса умудряется выкурить мои сигареты. Некоторые факты, которые нелегко поддаются объяснению

Я уже целых полчаса сидел в кабинете лейтенанта Трам в ожидании, когда меня удостоят приятной беседы. Было ясно, что пистолет и экспертиза — это только предлог, чтобы подольше задержать меня в Централке.

Пока суд да дело, я решил пораскинуть мозгами. Но чем больше я думал, тем сильнее запутывался. Когда я вошел, мертвец держал пальцами правой руки дымящуюся сигарету. По слою пепла я определил, что незнакомец умер ровно четыре минуты назад. Между тем судебный эксперт утверждает, что убийство произошло целых четыре часа назад. Врач не мог ошибиться столь сильно, даже если экспертиза была не слишком тщательной. Впрочем, сейчас труп анатомируют, и скоро все разъяснится.

Но вот зажженная сигарета?

Неужели порочная и неистребимая страсть к курению может заставить человека даже через два-три часа после смерти встать, взять сигарету и сделать парочку затяжек?

Когда вошла жена Дана Паранко, сигарета уже потухла. Один я знаю, что за несколько минут до этого она еще дымилась. Эту подробность до поры до времени лучше попридержать.

Главное, отыскать Дуарду. И того типа с желтыми глазами, который гнался за мной на «фрлее-49». Иначе мне не найти таинственного клиента.

Еще десять минут — и я вконец деморализуюсь. Я не справлялся уже целый час, а без горячего какая работа? Я встал и начал рыться в ящиках письменного стола. Нашел недопитую бутылку шерри-бренди. За неимением лучшего проглотил и эту дрянь. Не успел сделать последний глоток, как вошел лейтенант Трам. Он кинул на стол папку и уселся в свое кресло.

— Не знал, что тебе нравится эта бурда.

— Меня от нее тошнит,— говорю.— Не найдется у тебя бутылочки «Бурбона»?

Трам покачал головой.

— Нет, «Бурбон» ты сможешь найти в баре напротив.

— Значит, я свободен?

— Конечно. Но сначала отдай пистолет. За унос вещественного доказательства тебя могут арестовать и предать суду.

Он стал рыться в карманах, и я понял, что он ищет сигареты. Я кинул ему свои.

— Держи.

— Спасибо.

Трам сунул мне в рот одну из сигарет и зажег ее. Затем закурил сам, а пачку положил на письменный стол.

— Итак,— сказал он, открывая папку.— Даниеле Паранко или в просторечии Дан был убит между пятью и шестью часами утра выстрелом из пистолета в правый висок. Его жены Лиды в это время не было дома. Это удостоверяют двадцать восемь свидетелей, они заявили, что она ни на минуту не покидала ночной дансинг «Морено». Трое допрошенных утверждают, что отвезли ее из «Морено» домой на машине примерно в половине восьмого утра. Синьора Паранко поднялась к себе в комнату и легла спать. Треск, который она услышала, не был пистолетным выстрелом. Возможно, где-то поблизости лопнула автомобильная шина. К твоему сведению, Лида Паранко физически не могла убить своего мужа, ибо он умер до семи утра, а она вернулась домой позже. А где ты был в это время?

Тут я захохотал.

— Все ясно. Я развлекался с одной девицей и захотел ее повеселить. Взял телефонную книгу, открыл ее наугад, попросил у своей возлюбленной помаду и помчался в уборную записать на обрывке туалетной бумаги первый попавшийся на глаза адрес. Затем отправился на виллу, увидел синьора Паранко, пристрелил его, засунул палец в дуло пистолета и стал ждать. В это самое время ты в обществе милейшего Каучу слез с машины, чтобы купить пачку сигарет. Случайно заглянув на виллу, ты увидел свежеспеченного мертвеца и твоего старого друга Яко с воткнутым в дуло пальцем.

— Допустим, что кто-то позвонил в Центральное полицейское управление и мы сразу же помчались к месту происшествия.

— Мужчина или женщина?

— Слон,— отвечает Трам.

— Если так,— говорю,— то я в эти игрушки не играю.

— Меня интересует, Яко, что ты делал этой ночью и на кого ты работаешь в данный момент?

— Сам был бы весьма рад это узнать. Что делал ночью, хоть убей, не помню, а на кого работаю, мне и самому пока не ясно.— Послушай, Трам. Выпусти меня. Позволь хоть разузнать, кто мой клиент. А если все это как-то связано с убийством Дана Паранко, клянусь, я все тебе расскажу.

Трам взял сигарету из моей пачки и закурил.

— Ладно,— говорит.— Клади пистолет и убирайся вон.

— Издеваешься, фараон!

Но тут меня осенило. Я придумал, как освободиться от этой штуки. Правой рукой я взялся за рукоятку пистолета и спустил предохранитель. Стиснул зубы и нажал курок. И сразу почувствовал, что пуля ударилась о палец, пистолет дернуло назад... сильнейшая боль заставила меня подскочить на стуле. Пуля вытолкнула палец примерно на полсантиметра.

Лейтенант Трам облокотился о стол и стал с интересом наблюдать.

— Давай,— подбодрил он меня.— Еще немного — и ты у цели.

Я крепче стиснул зубы и снова нажал курок. И в тот же миг ощутил адскую боль в плече. Я выиграл еще сантиметр, но, похоже, подушечка пальца превратилась в мясной фарш.

Третий выстрел швырнул пистолет на стол, но Трам успел поймать его на лету.

— Спасибо,— улыбаясь говорит этот скот.

Указательный палец стал цвета фиалки, усыпанный огненно-красными каплями крови. А от ногтя один жалкий огрызок остался. Я схватил носовой платок и обвязал им палец. Тут вошел незнакомый полицейский. Трам вручил ему пистолет и что-то тихо сказал.

— Ну, я потопал.

— Подожди. Нельзя же отпустить друга в таком состоянии. Вдруг у тебя, Яко, палец распухнет и загноится. Я велел принести тебе кусок льда.

— Спасибо,— говорю.— Вы очень любезны, Трам.

Вошел полицейский с чашкой, в которой плавали льдинки, и поставил ее на стол. Я опустил кровотокающий палец в чашку и почувствовал некоторое облегчение.

— Ну, ты пока отдыхай, набирайся сил,— говорит Трам, встает и уходит.

Сию я себе, а в голову лезут всякие скверные мысли. Что-то мне не нравится эта история с Даном Паранко и его женой. Очень странно, что синьора Лида Паранко веселится в ночном клубе в то самое время, когда ее супруг ждет дома, пока его укокошат. Будет очень полезно побеседовать наедине с этой дамочкой.

О, уже час дня, а я еще ничего не ел! Я встал и положил в карман кусок льда, чтобы палец чувствовал свежесть и холод. Только я собрался забрать сигареты, как кто-то схватил меня за локоть и дал мне подзатыльник.

А, это, конечно, Каучу со своей неизменной ухмылочкой.

— Идем, красавчик,— говорит.

Рядом стоит Трам и улыбается, как вонючая гиена.

— Что новенького? — спрашиваю.

— А ничего,— отвечает Трам.— Старые штуки, как мы и думали. Пистолет оказался тем самым!

— Что? — не понял я.

— А то, что выстрелом из этого самого пистолета между половиной пятого и половиной шестого и был убит Дан Паранко.

— Пошли,— сказал Каучу и без лишних церемоний поволок меня в камеру.

Глава четвертая

Один странный тип потолстел на тридцать килограммов за две минуты. Поездка в такси с мертвецом

«Очень это некстати. Ну совсем некстати,— подумал я.— Самое неподходящее время для отдыха в отдельном номере».

Когда мы спустились на лестничную площадку, у меня созрел один любопытный планчик. Я молниеносно сунул Каучу за шиворот два куска льда. Он разжал свои ручищи и принялся отплясывать самбу. Я ринулся вниз по лестнице. Ракетой влетел в коридор, достиг первого этажа, бросился к дверям и очутился в объятиях полисмена. Здороваться с ним я не стал. Ударом в живот оглушил его. Затем в мгновение ока английской булавкой пристегнул воротничок его мундира к брюкам и отправился по своим делам.

Мне совершенно необходимо было повидаться с компаньоном. Я взял такси и велел отвезти меня домой. Дома я первым делом заглянул в кухню. На обычном месте под столом Грэгио не оказалось. Протрезвившись, он наверняка пошел опохмелиться.

Вспомнив о выпивке, я тут же осушил два стакана «Бурбона». Мне сразу стало легче. Нельзя было терять ни минуты. Фараоны наверняка нанесут сюда визит. Я наспех принял душ и переоделся. Да, а монеты?!

Открыл холодильник. Тарелка с ветчиной стоит на месте. Ей-ей, никому

не придет в голову искать деньги в ломтях ветчины. Я поливаю ветчину бульоном и снова ставлю в холодильник. Только собрался уйти, как зазвонил телефон.

Снимаю трубку.

— Кто у телефона, Яко Пипа?

Черт побери, это звонит Трам.

— Да, я. Но не надейся застать меня дома, милейший Трам. Если даже твои фараоны заняли все выходы и входы, меня им не поймать.

— Не будь идиотом. У меня нет ни малейшего желания нанести тебе визит. Может, ты сам заглянешь ко мне на минуту? Твой компаньон ждет тебя с нетерпением.

— Прибереги свои шутки для кого-нибудь другого.

— Да пет же, послушай сам.

И верно, в трубку доносится собачий лай.

— Очень любопытно,— говорю.— Твой друг Каучу — большой мастер. Может, он умеет подражать и курице-несушке, когда она сидит на яйцах?

— Не болтай ерунды,— отвечает Трам и передает кому-то трубку.

Слышу голос Грэга. Это он лает в телефон.

— Слушай, Грэг,— кричу.— Что ты потерял в этом поганом заведении?

Только Грэг собирался пролаять ответ, как Трам отнял у него трубку.

— Вы его арестовали? — рявкнул я.

— Не мели чепухи,— отвечает Трам.— Грэг пришел сам, чтобы выручить тебя из беды. И частично ему это удалось. Ты больше не находишься в состоянии ареста. По крайней мере до новых распоряжений.

— А ты не врешь?

— Увы, нет,— отвечает Трам.— Похоже, синьор Дан Паранко покончил жизнь самоубийством. Вчера вечером он опустил письмо на имя жены, в котором просит у нее прощения за свой ужасный поступок. Оказывается, Дан Паранко вконец разорился. Восемь дней назад бедняге пришлось закрыть фабрику барометров; убыток был в тридцать миллионов. Письмо, это установлено с абсолютной точностью, написано рукой покойного.

— Очень мило,— говорю,— но при чем здесь мой компаньон?

— Э, твой компаньон в полном порядке. Утром он увидел, что тебя нет дома, и отправился за тобой. Он добрался до виллы 4326 и спрятался неподалеку в кустах. Когда пришел почтальон, Грэг выхватил у него письмо и примчался с добычей сюда.

— Вот это молодчик!

— Да, компаньон у тебя что надо. Тебе остается лишь рассказать, как попал к тебе пистолет и почему он валялся возле трупа Дана Паранко. Не думай, что теперь мы будем тебя поить сахарным сиропом.

— Нашли чем угощать,— отвечаю.

— Все наши подозрения остаются в силе. Несмотря на достоверность письма и всего прочего, остается проверить, как это синьор Паранко умудрился застрелиться, держа средним и указательным пальцами зажженную сигарету. Ведь в этой же руке он держал и пистолет.

— Возьми и проверь,— говорю.— Пистолет у тебя есть. Сигареты тоже. Если не ошибаюсь, я оставил пачку на твоём столе.

— Я их как раз и курю. Тебя это огорчает?

— Ничуть,— отвечаю.— Может, докурив последнюю сигарету, ты найдешь решение одной несложной проблемы!

Чувствую, что Трам всю зареботал мозгами, и улыбаюсь про себя.

— Грэг сам отыщет дорогу домой.

Затем кладу трубку и начинаю соображать. Версия о самоубийстве весьма правдоподобна. Лишь мне одному известно, что, когда Дан выстрелил в себя, он не держал сигарету в руках. И потом пистолет. Как он очутился у того типа с желтыми глазами? Какое он имеет отношение ко всей этой истории? А жена Дана Паранко? Тут я хлопнул себя по лбу. Черт побери, видно, у меня совсем протухли мозги. Как же я забыл про ухо? Первым делом надо разыскать типа, которому принадлежало раньше это ухо. Впрочем, лучше подождать Грэга. А пока стоит еще раз обдумать историю с зажженной сигаретой. Когда я вошел, она дымилась, да еще как. Кто же мог ее зажечь и сунуть мертвецу в руки между средним и указательным пальцами за пять минут до моего прихода? Только его жена.

Внезапно дверь распахнулась, и влетел Грегорио. Он стал меня лизать, а я погладил ему шею.

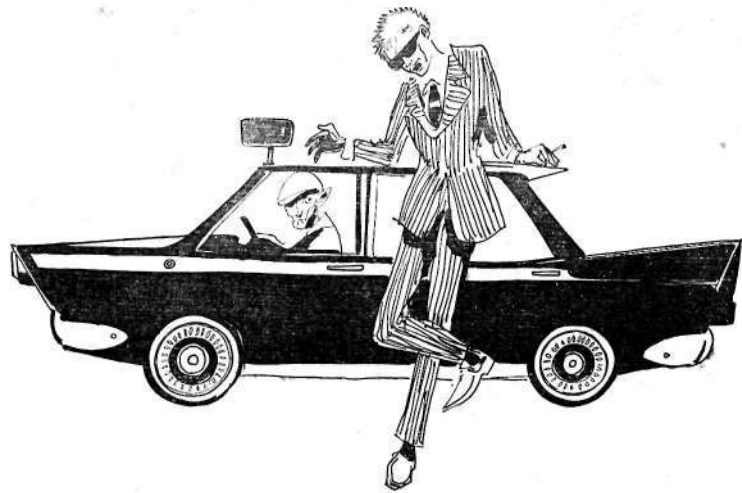
Потом вынул из бокового кармана ухо и показал его Грегу. Грэг обнюхал его и посмотрел на меня.

— Понял? — спрашиваю.

Грэг направился к дверям. Значит, ему все ясно как божий день.

— Будь осторожен,— говорю. Грэг в ответ громко залаял. Либо я, либо Грэг отыщем этого одноухого мерзавца.

Тут у меня в голове затрепыхалась одна любопытная мыслишка. А что, если наведаться еще разок на виллу молодой вдовы? На ходу ополоснул глотку стаканчиком «Бурбона» и пошел на стоянку. Внезапно я вспомнил, что оставил «блмбуст» на 47-й улице. Тогда я остановил первое попавшееся такси.

За рулем сидел худой низенький типчик, которого без форменной фуражки можно было бы принять за половую щетку. Я велел ему отвезти меня на 47-ю улицу. Машина тронулась, и тут я подумал, что мне может понадобиться пушка. Я хлопнул шофера по плечу.

— Остановись и подожди меня здесь. Я забыл портсигар.

Он остановил машину, я вылез и помчался домой. Вытащил из ящика пистолет, проверил, заряжен ли он, и для верности выстрелил в рукомойник. Все в полном ажуре. Такси ждало на прежнем месте. Я открыл дверцу и плюхнулся на заднее сиденье. Машина рванулась вперед.

В первый момент я не понял, что меня так встревожило, но потом сообразил. Сзади шофер казался не таким худосочным. Клянусь всеми святыми, этот тип изрядно потолстел за какие-нибудь пять минут. Шея у него стала как здоровенный окорок,⁴ который еле зачихали в узкий воротник рубашки, а фуражка что-то уж слишком мала для круглой, словно тыква, головы. Я его взял за плечо.

— Блондинчик,— говорю.— Ты мне потом дашь рецепт, как потолстеть в одну минуту. Договорились?

Я вытащил пистолет и пощекотал дулом шейный окорок.

— Не глупи,— говорю.— Соблюдай правила уличного движения и вези меня, куда тебе велели. Он кивнул и сбавил скорость. Вскоре я обнаружил, что на сиденье возле шофера лежит сверток и из него высовывается чей-то ботинок. Я протянул руку и расстегнул у этого субчика пиджак. Извлек оттуда пистолет, финку, свинчатку и чугунный пестик.

Мой шофер что-то промычал и плюнул а окошко. Поудобнее устраиваюсь на заднем сиденье. Посмотрим, куда он меня отвезет.

Вижу, сворачиваем на 47-ю улицу.

— Эй, ты,— говорю.— Вези меня, куда приказано.

Он кивнул и остановился в двух шагах от моей машины.

— Н-да,— говорю. Твои хозяева — любезные люди.

Мы оба вылезли из машины. Я сунул пистолет в карман, но руки не отпустил.

— А теперь,— говорю,— развяжи-ка этот сверток.

Толстяк влез в машину, пошуровал там, а затем выволоч на тротуар того типчика. Бедняга от слабости и страха на ногах не держался. Я пощекотал его слегка рукояткой пистолета, и он сразу вытянулся в струнку.

— Ну, а теперь,— говорю,— мотай отсюда.

Этот мозгляк долго себя упрашивать не заставил. На тротуаре остались я и жирный боров. Ростом он пониже меня, но много толще.

— Ну, говорю,— а что теперь будем делать? Продолжим нашу прогулку?

Толстяк показал на мою машину.

— Влезай,— говорит.— Поведу машину я.

Толстяк сел за руль, я устроился рядом, и мы помчались. Я заметил, что он умело притормаживает на перекрестках, не обгоняет машины на спуске, уступает дорогу велосипедистам.

— Беру тебя личным шофером,— говорю.

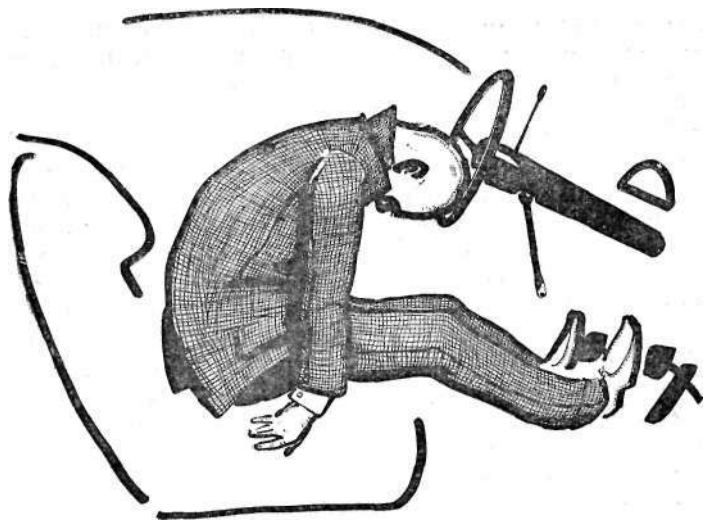
Я думал, что толстяк повезет за город, в самые глухие места, ну, скажем, на заброшенную ферму. И здорово ошибся. Этот странный тип выехал на центральную площадь, сбавил скорость и стал оглядываться по сторонам, словно искал знакомую улицу. Наконец свернул вправо на довольно широкую, но тихую улицу. Миновав два больших здания, он подъехал к тротуару и плавно затормозил.

— Прибыли? — спрашиваю.

В этот момент раздался слабый треск. Толстяк вдруг раскрыл в ужасе глаза, словно увидел, что на него грузовик прет, вскрикнул и ткнулся носом в руль. В ту же секунду открылась задняя дверца и на землю прыгнула тень. Я молниеносно выскочил из машины. Вижу, люди спокойно идут по своим делам. Мчатся машины. А убийца словно испарился. Левая дверца осталась открытой, и я в сердцах ее захлопнул. Потом занялся толстяком.

Бедняга всерьез отдал концы. В спине у него дыра. Ясное дело — его подстрелили из пистолета с глушителем.

Похоже, все это было продумано заранее и разыграно, как по нотам. Толстяк привез меня на такси к моей машине, а в ней уже прятался убийца. Все это надо хорошенько обдумать. И выпить стаканчик «Бурбона».

Я открыл приборный щиток, вытащил бутылку, она оказалась пустой. Я вынул пробку и попытался заткнуть ею дырку в спине у толстяка, не то запачкает кровью сиденья, а потом отмывай их. Ну и дырища! Пришлось завернуть пробку в носовой платок. Но что мне делать с мертвецом? Выгрузить его на тротуар? Нет, лучше скинуть его где-нибудь на окраине в первую же яму. А пока не мешает осмотреть карманы бедняги.

С огромным трудом перетащил его на соседнее сиденье. Такое впечатление, будто в спине у него застряла не обычная пуля а десятикилограммовый снаряд.

Наконец удалось устроить толстяка в такой позе, точно он спит. Я сел за руль и дал газ.

Глава пятая

**Девушка, лет так шестидесяти,
смотрит в окно.**

Я выигрываю партию в покер

Проклятая бутылка. Надо же ей было оказаться пустой. Еще минута, и я умру от жажды. Не мешает остановиться и промочить горло. Главное, выбрать место побезопаснее. Если кто-нибудь увидит мертвеца, сидящего в машине, он может удивиться. В нашей стране мертвецы не разъезжают в машине по своим делам. А вот и подходящее место. С одной стороны забор строящегося здания, а рядом пустырь. Прямо напротив траттория.

Я остановил машину на пустыре и отправился в тратторию. За стойкой стоял небритый молодой человек и любезничал с девицей. Сзади ей с одинаковым успехом можно было дать от двадцати пяти до шестидесяти лет; но она вела себя как юная восемнадцатилетняя девушка.

В глубине какой-то тип в грязном фартуке мыл кофейные чашки. Глаза у него были желтые, а нос приплюснутый.

Из приемника доносилась приятная танцевальная мелодия.

— Двойную порцию «Бурбона»,— говорю.

Перезрелая девица обернулась и внимательно поглядела на меня. На лице у нее лежал толстый, в два пальца, слой краски, а губы ей, верно, красил маляр со стройки. Она вынула из сумочки сигарету и сунула ее в рот. Закурила и спрашивает.

— Простите, а ваш друг не пьет?

Я обернулся. Сквозь витрину видна моя машина и неподвижно сидящий в ней толстяк.

— Нет,— говорю.— Он трезвенник.

— И вы?

— Я нет.

— Официант,— говорю.— Бутылку шипучки для синьоры.

В этот момент музыка умолкла и четкий, звонкий голос объявил по радио:

— Внимание, внимание. Разыскивается серый автомобиль марки «блмбуст», номерной знак МУ-3356, и ее владелец, мужина ростом метр восемьдесят два, с рыжеватыми волосами и темными глазами. В машине находится труп толстого человека невысокого роста. В случае обнаружения просим сообщить в Центральное полицейское управление. Повторяем...

Девица с оштукатуренным лицом смотрит через витрину и щурит свои глазки. Затем вставляет сигарету в черный мундштук.

— Ручаюсь, что ваш друг не пьет. Могу поспорить, что он и курить бросил.

Покачивая бедрами, она прошла мимо, подошла к стеклянной двери, открыла ее и пересекла улицу. Посмотрела номер моей машины, хорошенько разглядела толстяка и неторопливо вернулась в тратторию. Все также вихля бедрами и подбоченившись, встала прямо против меня.

Пожевала мундштук и громко так объявила:

— Номер машины МУ три тысячи триста пятьдесят шесть.

Бармен впился глазами в машину, со лба у него стекают крупные капли пота. Юноша широко раскрытыми глазами уставился мне в рот. При этом вид у него такой, словно я переодетый эскимос и во рту у меня горящий фонарь. Я осушил стакан и с размаху хлопнул им о стойку.

— Не нужен ли кому-нибудь покойник? — спрашиваю.

— Нет, мы и сами сможем вскоре продать желающим свежий

труп,— говорит размалеванная девица, показывая в глубь зала.

Оборачиваюсь и вижу, что молодой человек валяется на полу в обмороке.

— Телефон,— пробормotal бармен и направился было к дверям.

— Не волнуйся,— говорю.— Сейчас я тебе принесу твой телефон.

Я пересек зал, одним рывком оторвал подвешенный к стене телефон, вернулся к стойке и погрузил его в таз с водой.

— Прежде чем звонить, помой хорошенько свой телефон, а то на него глядеть тошно.

— А ты мне нравишься, парень,— говорит оштукатуренная девица.

Я сунул ей в карман тысячу лир, взял со стойки ключ, вышел, встав на цыпочки, опустил металлическую решетку, запер Дверь и бросил ключ за ворота.

Слышу, девица молотит кулачками по решетке и кричит:

— Синьор!.. Эй, синьор!

Я пожал плечами, глубоко вздохнул и дал ходу.

Выскочив на людную улицу, я мгновенно затерялся в толпе. Иду себе не торопясь и ворочаю мозгами. Тут сам черт ногу ломает. Пока ясно одно: кто-то хочет любой ценой убрать меня. Сначала они попробовали скомпрометировать меня в связи с убийством Дана Паранко. Но потом оказалось, что речь идет о самоубийстве. Наконец, прямо в моей машине отправляют на тот свет толстяка, а затем пускают по следу проклятых фараонов. Но зачем, с какой целью?

Тут я вспомнил о чудесном, чарующем голосе Дуарды. Замешана она в этом деле или нет? Может, она ждала все утро и пыталась мне дозвониться. Надо ее разыскать во что бы то ни стало.

Вдруг у самого бара «Зеленая труба» на противоположном тротуаре я увидел дворняжку. Она сидела на задних лапах и

держала в зубах шляпу. Один из прохожих остановился и бросил в нее монету. Разрази меня гром, если это не Грэг, загримировавшийся под дворняжку. Я прошел мимо и притворился, будто ничего не понял. А Грэг незаметно подмигнул мне серым глазом.

Отлично. Теперь я точно знаю, что в «Зеленой трубе» меня ждет какой-нибудь сюрприз. Открываю дверь и вхожу. В комнате плавает сизый дым, а шум стоит такой, что уши гложут.

Кто режется в бильярд, кто пытается счастье у «однорукого убийцы». Радиола гремит на всю катушку.

Я осмотрелся и не обнаружил ничего особенно интересного. За стойкой сидел Ферри, по прозвищу Гол. Кадык у него такой здоровый, круглый, что хочется ударить по нему ногой. Со времени нашей последней встречи прошло целых два года. Последний раз я виделся с Голом в остерии у порта, когда Бруно Держу Пари пытался запихать его кадык в бутылку из-под анисовки.

Раньше Бруно был специалистом по отмычкам, но потом забросил свое «опасное ремесло» и стал работать на ипподроме: с любым желающим держал пари, какого цвета будут лошади — победительницы забегов.

— Вижу, ничего тогда у Бруно не вышло,— говорю.

— Что не вышло? — еле слышно пролепетал он, узнав меня.

— Запихать твой кадык в бутылку анисовки.— Я сразу понял, что у него техника хромает.

Гол вспомнил эту историю и стал багровым, как новенький кирпич. От страха он попытался проглотить свой кадык-мяч, но без успеха.

— Подожди, я тебе забью голешник,— говорю.

Указательным пальцем я надавил на его кадык, и тот едва не выскочил у бедняги с другой стороны. Какой-то тип в красной полосатой майке сел рядом на табуретку, вынул из кармана свисток и пронзительно свистнул.

— Штрафной,— объявил он.— Разве тебе не известно, что по мячу бьют только ногой.

Мы оба начинаем гоготать; как жеребцы, и я убираю указательный палец.

— А ты,— говорю,— молоток! Я думал, ты не заметишь нарушения.

Я хлопнул его по спине, он меня по плечу, я его по животу, он мне дал под дых... А сам другой рукой щупает, нет ли у меня пистолета.

Я с неизменной улыбкой беру его за «лапку», кладу ее под лимонovыжималку и нажимаю рычажок.

— Ты слишком размахался своей милой ручкой,— говорю.

Спортивный малый сразу помрачнел и попытался высвободить руку.

— Хочешь схлопотать по роже?— процедил он сквозь зубы.— Отдай пистолет.

— Ну зачем так? — говорю.— Мой пистолет без меня ужасно скучает.

Малый посмотрел на меня, на свою подпорченную ручку и молча возвратился к своим четверем приятелям, которые рзались в автоматический бильярд.

Гол тем временем осушил стаканчик и немного приободрился.

— Послушай,— забормотал он.— Оставь меня в покое.—

Я в этот раз ничего такого не сделал.

— Врешь, скотина,— говорю.— Впрочем, меня не интересуют твои грязные делишки. Но если мне придется еще минуту ждать двойную порцию «Бурбона», то...

— Тройную,— закричал Гол, не дав мне закончить.— Я угошаю.

— Ладно,— говорю.— Не будем вспоминать прошлые дела. Мне надо побеседовать с одним типом, но что-то я его не вижу.

— Посмотри получше, может, тогда увидишь. Никто тебе не запрещает разглядывать посетителей,— отвечает Гол.

— Уже смотрел,— говорю.— Пока без толку. Все дело в том, что я не умею глядеть через стену.

— Как тебя понять? — спрашивает эта каналья. Я вынимаю из кармана ухо и показываю его Голу.

— Узнаешь?

Гол немного побледнел, но притворяется, будто все это ерунда.

— В глаза не видел,— отвечает.

— Посмотри получше,— говорю.— Возможно, ты не понял вопроса, мой мальчик.

Кадык у Гола затрепыхался взад и вперед.

— Я тут ни при чем,— забормотал он.— Просто хозяин не любит скандалов, а Дик Катраме даже запах фараона не переносит.

— Значит, его зовут Дик Катраме? — говорю и кладу ухо в карман.

Впрочем, этому подонку Голу нельзя доверять. Не такой он простак, чтобы взять и задаром выложить нужное имя. Тут без тысячи-другой лир не обойтись.

— Насчет монеты за мной дело не постоит,— говорю.

В ответ Гол только пожал плечами.

— Все и так знают, что Дик Катраме потерял ухо, играя в покер.

— Да ну?! Кто тебе рассказал эту сказочку для малолетних?

— Никакая это не сказочка. Он точно проиграл ухо в покер.

— Послушай, красавчик,— говорю, схватив его за кадык.— Это ухо я выиграл самолично, но играли мы не в покер. Ясно тебе?

Он выпучил глаза и забормотал:

— Но я правду сказал. Спроси у любого.

— Я его отпустил и говорю: «Понятно, значит, он и сейчас играет в покер?»

И тут чувствую, что чья-то рука обняла меня за талию и чужие лапы легли мне на плечи. А по бокам выросли двое верзил.

Краешком глаза заметил, что за талию меня обнял судья в полосатой майке. А окружили все пятеро бильярдистов,

— Извиняюсь,— говорит судья.— Если хочешь, мы составим тебе партию в покер.— А сам легонько подталкивает.

Я притворился, будто здорово струсил, и вместе с пятью бильярдистами вышел в коридор. Один из моих ангелов-хранителей прошел вперед и отворил дверь. Мы очутились в узком, глухом переулке.

— Неплохое место для игры,— говорю.— Кто начинает?

— Я,— говорит судья и берет меня за локоть.

— Теперь моя очередь сдавать,— отвечаю.

Хватаю его за шиворот и вежливо так запихиваю в окно подвала. Потом тем же манером отправляю в подвал еще трех и, наконец, одним щелчком сшибаю типчика, зачем-то повисшего у меня на плечах. Отряхиваюсь непокойно отправляюсь по своим делам.

— Грэг, пошли,— говорю своему компаньону. Грэг встряхнулся и сразу принял нормальный вид. Он стал прыгать вокруг, спрашивая, чем все кончилось.

Я ему объяснил. Грэг пролаял, что понял меня, и рванулся было на поиски того типа без уха, но я его позвал.

— Этим мы займемся попозже,— говорю.— А пока ты мне здесь нужен. Хочу побеседовать с молодой вдовой.

Грэг бодро пристроился мне в кильватер, и мы пошли дальше. Но время от времени мой верный компаньон останавливался и делал то, что делают все собаки мира.

Глава шестая

Компаньон снова приходит мне на помощь. Странная фасолина и несколько вопросов, которые остались без ответа

Я свернул на 27-ю улицу, пересек Парк Блинчиков и пошел вдоль ограды Музея этно... этно... ну, того, где всяких бабочек да стрекоз выставляют.

Возле самой виллы Дана Паранко я остановился. Мне не улыбалось наткнуться на полицейских, устроивших на вилле засаду. Я объяснил Грэгио его задачу и под прикрытием зарослей рододендронов сел покурить.

Грэг отправился на задание, держась поближе к живой ограде. Мой компаньон знает свое дело, и теперь можно спокойно отдохнуть в холодке. Отсюда вилла кажется безлюдной. Да и вокруг ни души.

Прошло уже четверть часа, а Грэгио все нет. Будем надеяться, что все идет как по маслу. И тут я почувствовал, что кто-то дышит мне в лицо. Грэг так ловко подобрался, что я ничего не заметил. Он стал прыгать, радостно вилять хвостом, показывая, что путь к дому свободен.

— Спасибо,— говорю.— Я пошел. А ты оставайся здесь и следи. Заметишь что-либо подозрительное, дашь сигнал. Грэг тут же сел у самых кустов, высунув язык и настороженно поводя ушами.

Я подошел к дверям и позвонил. Никакого ответа. Подождал и позвонил снова. Похоже, красотка опять решила надо мной подшутить. Но на этот раз дудки.

Я потопал прямо к черному ходу. И здесь дверь заперта. Попробовать открыть окно, ведущее в кухню. Створки поддались, я влез на подоконник и прыгнул на пол. Через коридор проник в прихожую, а оттуда в гостиную. Никого. Заглянул в библиотеку. Вижу, что петли на дверях новые, но и тут ни единой души. Все как утром. Вот только покойника уже нет и ковер свернут и положен у окна.

— Эй, есть кто-нибудь в доме? — крикнул я.

В ответ молчание. Как бы не наткнуться еще на один труп. Не то это войдет у меня в привычку. Поднимаюсь на верхний этаж. Лестница закапчивается большой площадкой. Здесь стоит диван и два кресла, образуя как бы открытую гостиную. Справа и слева два коридора.

Я пошел вдоль левого коридора. Должно быть, это был «дворец» покойника — комната, ванная, гардеробная. В комнате стоит унылого вида мебель — кровать, шкаф, комод, стол и кресло. Все из дешевого дерева. В жалкой ванне сняты все краны, а трубы заткнуты паклей. Черт побери! Скверно же пришлось бедняге Дану, если он даже краны и те продал!

Я направился в покои его жены. Едва я вошел в спальню, как присвистнул от изумления. Вот это спальня! Я так и застыл на месте. Наконец отважился поставить ногу на голубой ковер. Он был такой мягкий, словно я ступал по голубому пуховому облачку. Постель верняком семиспальная, а уж на перины, видно, не один килограмм страусовых перьев ушел.

Мебель вся из драгоценного дерева и украшена пластинками из платины. Ножки кровати и шкафа сделаны в форме львиных когтей. Массивные золотые ручки соединены с миниатюрным электрическим устройством, которое зимой поддерживает в постели тепло, а летом — прохладу. Занавески сотканы из розовых лепестков, прошитых тоненькой шелковой нитью.

При одной мысли, сколько это все стоит, у меня мурашки побежали по коже. Ничего не скажешь — шик модерн.

Я решил заглянуть в ванную. Тут тоже есть на что поглядеть. У меня от восторга нижняя челюсть отвисла, и пришлось хлопнуть себя по подбородку, а то бы она сама по себе не закрылась.

Начал осматриваться вокруг. Ванна ей-ей не меньше бассейна. Пол выложен зелеными керамическими плитками, а

разрисовывал их, должно быть, сам президент федерации плавания. Потрогал краны — они из чистейшего золота. Один кран для холодной воды, другой — для горячей. И еще есть кран только для тончайших духов и отдельно — для бороталька.

«Бедняга Дан,— думаю я,— прогорел, разорился дотла; жил в комнате, где вся мебель сделана из бросового дерева. Ему ничего другого не оставалось, как попортить себе висок, а жена тем временем утопала в роскоши.

Немало же она выудила денег у своего супруга. Конечно, глаза у нее, как фиалки, и все такое прочее, но позволить обобрать себя дочиста! Неужели он не мог послать ее к чертовой матери?!»

— Яко,— говорю я себе.— Хоть ты и знал немало женщин, но понять их невозможно. Увы, почти все мужчины при виде красивой женщины становятся полными крестинами. Но что толку рассуждать об этом. Лучше посмотрим, нет ли тут чего интересного?

Я потопал в гардероб. Потом опять прошел в спальню и направился прямо к зеркалу. На подставке стояли всевозможные баночки, пузырьки, вазочки, пудреницы, золотые и серебряные безделушки. Попробуй в них разберись.

Я огляделся. Кругом сплошные шелка, кружева, парча, бархат, атлас. Вдруг я увидел на ковре возле спинки кровати маленький белый кружочек. Наклонился, поднял его и не поверил своим глазам. Положил его на ладонь левой руки, потом — на ладонь правой. Представляете себе, это оказалась фасолина! Маленькая белая фасолина с черной точечкой!

Тосканская фасоль, хоть и не очень я разбираюсь в сортах фасоли, но эта явно из Тоскани. Как же она очутилась в этой роскошной спальне, среди духов, лепестков роз, крыльев бабочек, кружев? Разве ей место в спальне красивой блондинки с фиолетовыми глазами?

Нашел бы я ее в кухне или даже в прихожей. Но в спальне? Как и зачем она сюда попала?! Может, она была у блондинки в сумочке или в перчатке. Но где эта красотка могла подобрать сухую фасолину? На центральном рынке?.. В овощном магазине? Непохоже, чтобы блондинка сама ходила на рынок или в магазин за покупками.

Ясно, что крохотная фасолина играет очень важную роль во всей этой темной истории.

Вдруг я услышал мяуканье. Черт побери! Это мой компаньон подал сигнал тревоги. Кто-то появился поблизости.

Я сунул фасолину в карман и подбежал к окну; возле главного входа затормозила полицейская машина. Каучу соскочил на землю и побежал открывать заднюю дверцу. Из машины вышла белокурая вдова и вместе с Каучу направилась к вилле;

слышу, скрипнула входная дверь. Я уже собрался бежать, как увидел, что Каучу возвращается назад. Проклятый фараон сел в машину и укатил. Отлично. Послушаем, что хорошего расскажет нам вдовушка.

Я уселся в кресле с высокой спинкой так, чтобы блондинка не заметила меня, войдя в комнату. Только я устроился поудобнее, как в спальню молнией влетела синьора Паранко. Она промчалась прямо в гардеробную и тут же вернулась с пустым чемоданом. Бросила чемодан на кровать и стала поспешно напихивать в него разные вещи.

— Так,— говорю я.— Красавица собирается дать деру.

Услышав мой голос, блондинка застыла, словно статуя в парке.

— Вы? — говорит.

— Как видишь,— отвечаю, а сам встаю и подхожу к ней сзади.— Проходил мимо, и мне пришло в голову потолковать с тобой.

Она поворачивается и впивается в меня своими фиолетовыми глазами.

— Мне не о чем с вами разговаривать!

Она еще не пришла в себя от испуга, и грудь у нее то вздымается, то опускается. Но надо сказать, весьма ритмично. Не сводя с меня взгляда, она хватается за горло.

— Не волнуйся, дорогая! Мы можем с тобой побеседовать мирно, спокойно. Ведь до отхода поезда еще есть время. Впрочем, ты, верно, полетишь самолетом?

Теперь она вполне успокоилась. Глаза у нее стали ласковыми, зовущими, и, покачиваясь на ходу не хуже океанского лайнера, она подошла к туалетному столику у зеркала. Открыла ящичек, вынула из него два хрустальных бокала и бутылку «Бурбона». Налила бокалы до краев и один протянула мне, а сама села на диванчик, мягкий, как взбитые сливки.

— Так мы скорее поладим,— говорю.

Красотка одним духом осушила полбокала, и хоть бы хны. Смотрю на нее и поражаюсь. Ничего не скажешь, бабенка первый класс.

— Выкладывай свои вопросы, малый, и катись отсюда.

Неплохо выражается эта вдовушка, всего лишь несколько часов назад потерявшая мужа. Сажусь рядом с красоткой, выпиваю свой бокал и начинаю задумчиво вертеть его в руке.

— Прежде всего позволь выразить глубочайшее соболезнование по поводу смерти твоего обожаемого супруга.

Она пожала плечами.

— Ближе к делу,— говорю.

— Отлично, опустим вежливые фразы, всякие там церемонии и перейдем прямо к делу. Расскажи мне, красотка, что произошло сегодня утром и как ты очутилась в полиции.

Она глубоко вздохнула.

— Я не знала, что Дан покончил самоубийством. Бедный мой Дан. Мы поженились три года назад и до последней минуты обожали друг друга, как двое новобрачных. Он был человеком смелым, жизнерадостным. Первые два года его дела шли как нельзя лучше, потом...

— Да, потом? — спрашиваю.

— Потом что-то случилось. У него возникли финансовые затруднения. Постепенно он вконец разорился, но не хотел, чтобы я знала об этом. Он по-прежнему удовлетворял мои малейшие желания, холил меня и нежил. Я до последнего дня думала, что все идет прекрасно. Представь себе мое изумление, когда лейтенант Трам рассказал мне о всех переживаниях бедного Дана. Утром, когда я тебя увидела возле трупы, я решила, что это ты убил Дана с целью грабежа. А часа два тому назад лейтенант прислал за мной машину и там, в полиции, показал мне письмо, написанное Даном в день самоубийства.

— Весьма мило,— говорю.

Встаю, ставлю стакан и отвешиваю красотке такую пощечину, что она хлопается головой о валик дивана.

— Извини,— говорю.— Время от времени мне необходимо потренировать руки, не то мускулы ослабнут.

Едва она поднялась, я взял ее за подбородок большим и указательным пальцами.

— Поговорим о сигарете, детка. Утром, когда я вошел, она еще дымилась.

Вдовушка стала как лепесток маргаритки, вымытый в знаменитом стиральном порошке «Одеон», и вся кровь у нее внезапно прилила к нижним конечностям. Тогда я ее осторожно усадил на диванчик.

— Ты знала, что Дан застрелился,— говорю.— Но хотела представить самоубийство как преднамеренное убийство. Для этого ты сунула покойничку в правую руку горящую сигарету. Лейтенант Трам, понятно, решил, что сигарету сунул тот самый тип, который забрал пистолет. А так как пистолет взял, вернее, насадил на палец я, полиция тебя ни в чем не заподозрила. Впрочем, если они узнают...

— Что узнают? — спрашивает она еле слышно.

Я улыбаюсь и сажусь с нею рядом на диванчик.

— Лейтенант Трам,— говорю,— малый гвоздь и рано или поздно он все раскумекает. Но мне на это наплевать. Я только хочу выяснить кое-какие подробности.

Она придвинулась ко мне. Глаза у нее опущены, а вид как у монашки., которая осматривает памятники древности. Правой рукой она обвила меня за талию. Я понял ее тактику и уже приготовился отразить атаку, как вдруг услышал мяуканье.

Это мой компаньон подал сигнал. Я вскочил и подбежал к окну. Возле аллеи остановились две полицейские машины. Не успели уехать и уже вернулись!

Глава седьмая

**Я схитрил и снова вышел сухим из воды.
В полицейском управлении наблюдается
большое оживление**

Э, черт побери! Дело дрянь. Тут уж не до шуток.

Из машины вылезли лейтенант Трам, Каучу и еще несколько фараонов. Трам вместе с Каучу направился к главному входу, остальные окружили дом. Шарики у меня заработали вовсю, и я в десятые доли секунды обдумал простой до гениальности план.

Фараоны, конечно, не подозревают, что я здесь. Их интересуется вдова. Видно, они что-то пронюхали и помчались ее искать. Ясно, что ее хотят зацапать. Но мне такая перспектива не очень улыбается. Конечно, блондинка это заслужила, но не сейчас. Еще рано. Сначала я кое-что должен выяснить, и притом непременно у самой вдовы.

— Пошевеливайся,— говорю.— Исчезни. И чтобы звуку твоего не было слышно.

Она смотрит на меня и ничего не соображает.

Тогда я без лишних слов запихал ее в шкаф и отволол чедодан в гардероб и все мигом перевернул вверх дном: вытащил ящики буфета, бросил их на пол, сорвал с кровати одеяло и простыни. Не успел я доломать стул, как меня схватили сзади за шиворот. Я оборачиваюсь: в семи с половиной сантиметрах от меня стоит и нахально скалится этот недоносок Каучу.

— Лейтенант,— завопил он,— посмотрите, какой я гриб нашел!

Тут я ему врезал по левой ноздре. От души врезал, и Каучу, понятно, с копыт. Но брякнулся об пол он не очень сильно и тут же попытался вскочить. Только я уже был у двери. Распахнул ее и... очутился в объятиях Трам и еще двух фараонов.

— Вот это мило,— говорит Трам.— Какой приятный сюрпризец! Ну а теперь давай плюй.

— С моим удовольствием,— отвечаю. И как плюну прямо в глаз Каучу: очень уж пристально он меня разглядывал. Только я ему заклеил форточку, как он смазал меня по физиономии. Я притворился, будто умираю от боли, и закрыл лицо руками. В ту же секунду Каучу надел мне наручники.

— Плюй — значит выкладывай все начистоту,— говорит Трам.— И тебе это отлично известно. Так что хватит прикидываться. Рассказывай, что ты тут делал и куда делась вдова. Но сначала отдай пистолет.

Каучу вырывает у меня пистолет и. отдает его лейтенанту. Я глубоко вздыхаю.

— Только постарайся поменьше врать,— говорит Трам.

— Вдова,— начинаю я рассказывать,— смылась. Я хотел с ней побеседовать и решил заглянуть сюда. Только подошел к аллее, вижу, катит ваша машина. Тут я спрятался за изгородь. Гляжу, из машины выходят Каучу и блондиночка. Потом Каучу уехал, а вдовушка скрылась в доме. Она, видно, юркнула в черный ход, и поминай как звали. Сработано все было чисто.

— А потом ты надумал пошуровать на вилле? — спрашивает Каучу.

— Да нет,— говорю.— Просто в доме никого не было, и мне захотелось взглянуть на новую мебель. Ведь я собираюсь обставить свою квартиру в стиле модерн.

— О твоей квартире государство позаботится,— хмыкнул Каучу.

Тем временем Трам стал шарить по комнате. Если он вздумает открыть шкаф, я пропал. Он осмотрел кресла, заглянул под кровать, раздвинул занавеси.

— Что же ты все-таки искал? — спрашивает Трам.

— Сам не знаю. Когда ищешь, чего-нибудь да найдешь.

— Мы утром итак все перерыли,— говорит Каучу.— Все уголки обшарили.

Трам в сердцах пнул ногой ворох белья на ковре.

— Пошли,— сказал он.

— Куда? — спрашиваю.

— В Центральное управление,—отвечает Трам.—Ты арестован по обвинению в нарушении неприкосновенности жилища. Посиди, милейший, в холодке. Не то снова повезешь в своей машине покойничков на прогулку.

И мы потопали. Проходя мимо живой изгороди, за которой прятался Грэг, я стал насвистывать одну модную песенку. Теперь Грэг знает, что ему делать.

Наконец мы подъехали к Централке. Трам повел меня прямо в свой кабинет, и Каучу потрусил за нами, словно верная собачонка.

— А теперь давай побеседуем,— сказал Трам, когда мы уселись поудобнее.— И выкинь из головы, что ты опять сумеешь удрать.

— Не беспокойся,— отвечаю.— Мне надо отдохнуть и хорошенько выспаться. Ну, спрашивай!

Трам вынул мою пачку сигарет и бросил ее на стол. Я взял ее и открыл.

— Пустая,— говорю.

— Знаю,— отвечает Трам.— Пустая и клочок обертки оторван. Вот он. Что ты об этом скажешь?

Он вынул из ящика клочок бумаги и положил его на стол. Я улыбнулся.

— Допер,— говорю.— Я так и думал.

— Не у одного тебя черепушка работает. Не нужно большого ума, чтобы понять: раз ты измерил слой пепла, значит, сигарета еще дымилась. А раз она дымилась, то сунуть ее в руку покойничку могла одна вдова. Остается выяснить, зачем вдовушке понадобился этот трюк. Ты сам что-нибудь знаешь?

— Ровным счетом ничего. Пока вся эта история — темный лес. Есть у тебя хоть какие-нибудь догадки?

— Целых сто и ни одной вполнеубедительной,—говорит Трам.

— А пока я хотел бы узнать от тебя кое-что о толстяке Доменико.

— Кто такой? — спрашиваю.

— Тот самый тип, которого ты возил на прогулку в машине.

— Впервые слышу, что его звали Доменико.

— Значит, ты его хлопнул, даже не познакомившись, — удивился Трам.

— Никого я не хлопнул,— говорю и рассказываю, как было дело. Только я умолк, как Трам и Каучу заготовали, словно им пятки шекочут.

— Тебе бы надо писать комические пьески для телевидения,— говорит Каучу.— Фантазия у тебя здорово работает, да только здесь твой талант зря пропадает.

Я пожал плечами.

— Можете гоготать сколько вам влезет. А только все так и было.

— Выходит, ты продырявил ему спину, желая посмотреть, что у него внутри? — спрашивает Каучу.

— Дырку в спине ему не я проделал,— говорю,— а тот, кто прятался под задним сиденьем моей машины.

— Толстяк Доменико был одним из шоферов Блю Катарро. Ты что, и этого не знал? — спрашивает Трам.

При имени Блю Катарро я насторожился.

«Черт побери! — говорю я себе.— Кое-что начинает проясняться. Блю Катарро — владелец ночного клуба «Морено». А вдова с фиолетовыми глазами, по ее словам, именно там провела ночь в то самое время, когда ее муженек отправился к праотцам.

Ну а что за тип Блю Катарро, все знают. И полиция тоже знает. В архиве на него имеется солидное досье, но полиции так и не удалось найти свидетелей. Начал он свою карьеру с

Глава восьмая

Один мертвец сверх программы. Родственники бурно протестуют

того, что ограбил автобус туристов и многих из них уколошил, затем изрезал на куски президента одного страхового общества, причем в присутствии всего наблюдательного совета. Но и тут он выкрутился, доказав, что произошла ошибка. Лишь единственный раз его поймали на месте преступления, упекли в тюрьму и даже судили. Он пощекотал кинжалом владельца обувного магазина. Корреспондент газеты «Курьерский вестник» сфотографировал Блю в тот самый миг, когда он сжимал в руке кинжал, вонзившийся в спину жертвы.

Но и тогда Блю Катарро доказал, что он лишь вынимал кинжал из раны. А разве можно осудить человека, вынимающего кинжал из спины ближнего? Всего Блю Катарро уколошил девяносто шесть человек, включая пассажиров автобуса. Полиции все это известно, но она не в силах что-либо предпринять.

Со временем Блю Катарро отошел от активной деятельности и открыл ночной клуб «Морено». Там он по-прежнему занимается всякими темными делишками, но уже под прикрытием законности. «Морено» — лучший ночной клуб в городе, его посещают самые уважаемые граждане и первые богачи. На втором этаже играют в азартные игры. Но попасть туда могут лишь очень немногие. Пока дирекция «Морено» не наведет о вас все справки, о втором этаже нечего и мечтать. Полиция не раз пыталась проникнуть наверх, но так и не сумела. Ведь для этого надо иметь большие связи в верхах».

Все это я вспомнил буквально за одну минуту и попытался соединить вместе разрозненные куски. Но тут оплеуха Каучу вернула меня к действительности.

— Еще рано спать, милейший,— говорит Каучу.— Лейтенант о чем-то спросил тебя, а ты до сих пор не ответил.

— Прости,— говорю.— Я забыл о чем ты меня спрашиваешь, Трам. Может, повторишь свой вопрос?

— Ты знал, что толстяк Доменико был одним из шоферов Блю Катарро? — спокойно сказал Трам.

— Нет, но сам факт, что тут замешан Блю Катарро, открывает новые пути для расследования.

Трам поднялся и стал расхаживать по комнате.

— Если только этот путь не окажется в итоге тупиком.

— Надо еще доказать, что Блю Катарро замешан в этой истории, — заметил Каучу.

Трам остановился, пристально поглядел на меня. В ответ я многозначительно улыбнулся. Вижу, что он растерян и никак не может принять решения. В этот момент вошел фараон и положил на стол пистолет и лист бумаги. Трам взял бумагу, прочел ее и тихонько вздохнул.

— Можешь забирать свою игрушку. Пуля, уложившая наповал толстяка Доменико, от пистолета другого калибра.

Я сразу догадался, почему Трам так легко меня выпустил. Он ясно дал понять это своими улыбочками и многозначительными взглядами. Не первый раз я таскаю для полиции каштаны из огня. И каждый раз рискую при этом своей драгоценной шкурой. Трам знает свое дело, и он далеко не дурак. Ну что ж. Раз полиция бессильна, придется потрудиться. Впрочем, такая моя работа: ведь не за красивые глаза мне деньги платят. Скажем, эти пятьсот тысяч лир.

Тут я вспомнил о бумажках, которые лежат в холодильнике, и огрел себя кулаком по голове. Проклятые пьянки! Когда я только научусь пить поменьше. Я просто обязан пить меньше. Меньше, но немного-то выпить надо.

Я сел в машину и помчался в первый же бар. Там прополоскал горло стаканчиком «Бурбона» и сразу почувствовал себя лучше.

Я снова влез в машину и стал обдумывать план действий. Вот если бы удалось отыскать Дуарду! Но она неуловима, как призрак.

А пока надо наведаться в «Морено». Да, но клуб открывается в одиннадцать вечера, а сейчас всего половина десятого. Ловко лавируя между машинами, я подкатил к остерии «Жареный и жареная». Там всегда можно подкрепиться жареной рыбой и жареным картофелем.

Я заказал жареного леща с горчицей, тарелку земляники и полбутылки «Бурбона». Купил свежую газету и стал просматривать последние новости.

Самоубийству Дана Паранко отведено место на первой странице. Но подано оно так, словно это обычное самоубийство без всяких загадок для полиции, решившей сдать дело в архив. Отлично. Я расплатился и вышел. Было еще рано, и я решил заглянуть к себе в контору.

Оставив машину у подъезда, я поднялся на одиннадцатый этаж и стал открывать дверь. И тут я заметил, что она уже открыта. Я вошел, хотел зажечь свет, но увидел, что он уже зажжен. Кто-то позаботился открыть ящики и раскидать все бумаги.

Не успел я сказать: «Черт побери! Похоже, я землетрясение проморгал», как увидел типа, который валялся в моем кресле. Я прямо опупел. Руки у малого болтаются, как мочалки, а глаза уставились в одну точку. Рожа абсолютно незнакомая. А одет хорошо. В темном костюме, темном галстуке, на ногах лакированные туфли. Я обшарил его карманы. Пусто.

Голова без единого пулевого отверстия, и на полу ни пятнышка крови. Ну и компотец! Откуда он взялся, этот красавчик?!

Тут распахивается дверь, и вваливаются Трам и Каучу.

— Что за порочная привычка! — восклицает Трам.

— Послушайте, — говорю. — Мне эта история плешь проела. Не успею повернуться, как рядом труп валяется.

— А ты не поворачивайся, — бросает Каучу.

— Вот что, Яко, — говорит Трам, — я человек терпеливый, сначала я закрыл один глаз, потом второй, но больше у меня глаз нет. По-моему, ты злоупотребляешь.

— Дать ему по черепушке, начальник?

— Награди его наручниками и отведи, — приказывает Трам. Я покорно вышел на лестничную площадку. Каучу нежно придерживал меня под локоток.

— Знаешь, эти бесконечные поездки туда-сюда мне надоели. Сколько раз прикажешь наносить визиты в ваш дворец?

— Это последний, — ухмыляется Каучу. — Теперь ты отдохнешь лет десять — двадцать.

Вскоре мы подкатили к Централке. В коридоре толпится народ. Все одеты в черное, орут, рыдают. Нас провели прямо в кабинет Трам.

— Давненько мы с вами не виделись, мой милый лейтенант, — говорю.

Трам в ярости захлопнул ящик письменного стола, пнул ногой стул.

— Кто он? — спрашивает грозно.

Я пожал плечами.

— Впервые вижу.

— Когда и как ты его ухлопал?

— Ухлопал?! Да я его первый раз увидел за две минуты до вашего прихода.

— Самое большое через пятнадцать минут мы узнаем, каким путем ты отправил его на тот свет. Кончай запираяться. Доктор Тэлли производит вскрытие трупа. Так что обвинения в преднамеренном убийстве тебе не избежать.

— У меня есть железное алиби, — отвечаю. — Я был в «Жареной и жареном». Можешь навести справки.

Тут зазвонил телефон, и Трам снял трубку. Послушал и как рывкнет:

— Это отдел по борьбе с убийствами, а не стол находок.

Он с яростью бросил трубку. Потом, видно, передумал и набрал какой-то номер.

— Кто пропал? — спрашивает. Выслушав ответ, он повесил трубку.

— Кто такой Альфредо Трумма? — обращается он ко мне.

— Слыхом не слыхал, — отвечаю.

— Спустись в архив, — приказывает он Каучу, — и посмотри, есть ли там дело на Альфредо Трумма.

Каучу открыл дверь и вышел. Трам зло хлопнул дверью и снова сел в кресло, снял трубку и набрал номер:

— Привет, капитан Эккеме. Ну, как дела?

Услышав ответ, он нахмурился.

— Я послал Каучу в архив поискать досье на Альфредо Трумма. Нет?! Вполне добропорядочный человек?! Тогда это мне не подходит.

Возвратился Каучу.

— На Альфредо Трумма не заведено никакого дела.

Трам кивнул головой и продолжал разговаривать по телефону.

— Да, — отвечает. — Я нашел труп, но не знаю кого... Вполне возможно. Только не говори ничего родственникам. А то они разволнуются.

Он вешает трубку и сердито фыркает.

— Ничего не понимаю, — говорю.

— Скоро поймешь, — отвечает Трам.

Вошел незнакомый фараон, и я догадался, что это и есть капитан Эккеме из отдела розыска пропавших без вести.

— Кажется, исчез дядюшка Альфредо, — говорит он Трам. — В моем кабинете рыдает целая толпа родственников.

— Похоже, речь идет о покойничке, которого я обнаружил в доме этого красавца. — Трам кивнул на меня. — Есть у тебя его приметы?

— Возраст — шестьдесят четыре года, рост — метр семьдесят два, вес — пятьдесят восемь килограммов. Волосы редкие, седые.

— Приметы совпадают, — говорит Трам.

— Одно непонятно, — замечает капитан Эккеме. — Почему родственники одеты в траур, откуда они могли заранее знать, что его убили?!

— А ты ничего не можешь сказать? — спрашивает у меня Трам.

— Рад бы, — да пока для меня все это темная ночь.

— Пойду допрошу родственников, — говорит Эккеме. — Потом свожу их в морг и погляжу, узнают ли они милого дядюшку.

Не успел он уйти, как в комнату ввалился доктор Тэлли. Он протянул Трам лист бумаги. Трам посмотрел на меня с гнусной ухмылкой и начал читать. Гляжу, рожа у него потихоньку меняет цвета. Из желтого стала розовой, потом красной с алыми пятнами и, наконец, фиолетовой. Когда из фиолетовой она стала мертвенно синей, он вскочил, схватил беднягу доктора за воротник и стал его трясти.

— Это шутка, — орет. — Глупая шутка.

— Какая еще шутка! Как ты смеешь, паршивый фараон? Доктор схватил лист бумаги, повернулся и вышел, фыркая от ярости. Трам рухнул в кресло и обхватил голову руками.

— Умер от воспаления легких, — процедил он.

— Признаюсь, — говорю, — Альфредо Трумма убил я. Заставил его принять холодный душ, а он, бедняга, простудился и откинул сандалии.

Трам заскрипел зубами.

— Сними наручники, — говорит он Каучу.

— Вам еще не надоело надевать мне наручники и тут же снимать? — спрашиваю.

В эту самую минуту влетает капитан Эккеме.

— Его не могли убить, он уже был мертвый, — объявляет. А за капитаном в комнату ворвалась целая толпа родственников.

— Где дядюшка Альфредо? — кричит одна из женщин.

— Успокойся, дорогая Гортензия, — говорит другой родственник, обнимая ее за плечи.

— Тише, тише, — орет Трам. — Так мы век не разберемся. Расскажите, что произошло. Но только спокойно, по порядку.

— Мы живем на одиннадцатом этаже в квартире восемь, — начинает рассказывать один из родственников.

Черт побери! Моя контора тоже на одиннадцатом этаже, а квартира восемь совсем рядом.

— Дядюшка Альфредо умер вчера утром. Сегодня должны были состояться похороны. Покойник лежал в своей комнате, и в доме были только я и Гортензия. Гортензия спала: она всю ночь просидела возле покойника, а я пошел в ванную. Моюсь, а сам слышу какой-то шум. Ну, я решил, что это проснулась Гортензия. Потом я зашел в комнату Гортензии и увидел, что та еще спит. Тогда я бросился в комнату, гляжу: труп нет. Исчез.

— Когда это случилось? — спросил капитан Эккеме.

— Примерно час тому назад. Я разбудил Гортензию, и мы стали искать по всей квартире. Потом позвонили Клаудио и Томмазо, и они сразу примчались.

— Он воскрес и потихоньку улизнул, — закричал один из догадливых родственников.

— Спокойно, спокойно, — сказал Трам. — Мы нашли вашего дядюшку вполне мертвым. Кто-то перенес его из комнаты в кабинет вот этого синьора. Потом кто-то позвонил в Центральное полицейское управление и сказал, что в кабинете вот этого господина, — он показал на меня, — находится труп. Мы тут же примчались.

— Проклятье! — закричал я. — Кому-то очень хочется меня убрать, и он подкидывает мне одного покойничка за другим. А я тем временем должен выслушивать болтовню этих креatinов.

Я бросился к дверям, но Каучу схватил меня у самого порога.

— Отпусти его, — устало сказал Трам.

Я высвободился из объятий Каучу и мимоходом сломал ему мизинец левой руки. Только я выскочил из кабинета лейтенанта, как там началось настоящее светопреставление.

Глава девятая

Вдова с фиолетовыми глазами продолжает рассказывать байки. Неожиданный телефонный звонок помог мне установить мировой рекорд в беге вниз по лестнице

Я спустился вниз, сел в машину и поехал домой. Мой компаньон уже ждал меня у подъезда.

— Ну,— спрашиваю,— какие новости, дружок? Как поживает вдовушка?

Грэг завилал хвостом, давая понять, что надо скорее подняться наверх. Я помчался по лестнице, а Грэг за мной. Влетел я в комнату, а там словно ураган пронесся. Ящики письменного стола выдвинуты, дверцы распахнуты, мебель поломана. Вошел в спальню, и здесь меня чуть кондрашка не хватил. На моей кровати валяется чье-то тело.

«Еще один покойник»,— подумал я, но сразу успокоился. На моей постели удобно разлеглась вдова с фиолетовыми глазами. Спокойно покуривает сигарету, а рядом на столике недопитый стакан «Бурбона».

— Привет, красавчик,— говорит она, пустив колечко дыма.— Я тебя ждала.

В ответ я схватил ее за ногу и сдернул с кровати. Она сразу пустила слезу.

— Поплачь,— говорю.— Это очень полезно. А когда устанешь, то мы с тобой побеседуем.

А сам пошел в гостиную. Вижу, Грэг приводит комнату в порядок. Налил ему «Бурбона», и он сразу возликовал. Я тоже немного подкрепился.

— Ты хорошо поработал,— говорю.— А теперь брось возиться. Есть дело поважнее. Нужно разыскать типа с одним ухом.

Я показал Грэгу ухо, он пару раз тявкнул и полетел вниз. Только он скрылся за дверью, вошла блондин очка.

— Выкладывай,— говорю.— Но только правду, всю правду. И не вздумай комедию ломать, у меня на вранье нюх просто собачий.

Она подходит совсем близко и опускает ресницы.

— Я не знала, куда деться, и вот пришла сюда. Мне страшно.

Я посмотрел ей прямо в глаза, и она выдержала мой взгляд.

— Рассказывай все по порядку,— говорю.

Я усадил ее рядом на диван и сунул ей стакан «Бурбона».

— Толстяк Доменико шантажировал моего мужа.

— Тебе-то откуда это известно?

— Я точно знаю. Навела справки.

Она шмыгнула носом, и я понял, что все врет, зараза. Но решил послушать ее басни.

— Когда я это обнаружила, было уже поздно. В то утро, вернувшись домой и найдя Дана мертвым, я подумала, что его убил толстяк Доменико и решила донести на него.

— Когда ты приняла столь мудрое решение? — спрашиваю.

— В половине восьмого утра, едва я вернулась домой.

— А спустя четыре часа ты так и не позвонила в полицию,— говорю.

— Толстяк Доменико прятался в моей спальне. Он ждал меня.

— А дальше? — спрашиваю.

— Он сказал, что своими глазами видел, как Дан застрелился. Едва только Доменико ушел, я схватила пистолет, бросила его в унитаз, сунула горящую сигарету Дану в пальцы, снова поднялась к себе и стала одеваться. В этот момент явилась ты.

— А теперь,— говорю,— начни сначала. Учти, что пистолет я не в унитазе отыскал, а отобрал у той гориллы с желтыми глазами! Как это объяснить?

— Не знаю,— пробормотала она вся в слезах.— Толстяк Доменико явился в «Морено» и сказал, что Дан застрелился. Когда я вернулась домой, пистолета уже не было. Может, его прихватил тот тип.

— Это уже малость походит на истину,— говорю.— Так, значит, ты снюхалась с толстяком Доменико.

Она вцепилась в лацканы моего пиджака.

— Нет,— говорит,— клянусь тебе, нет. Он вымогатель, убийца. Я не поверила, что Дан застрелился. Во всем виновата я, одна я!

Она стала всхлипывать, уткнувшись головой в подушку, а я решил размять ноги.

Прохаживаясь себе взад и вперед, жду, пока она успокоится. Понемногу она утихла. Встала, поправила прическу, подкрасилась.

«В ее рассказе много темных мест, но главное — проявить выдержку. Пусть сначала подкрепит силы». Налил ей бокал «Бурбона», и она осушила его одним глотком.

Вдовушка ласково улыбнулась мне.

— Ну как, лучше стало? — спрашиваю.

— О, да! — Она пригладила платье, посмотрелась в зеркало.

— В этой комнате кто-то рылся в твое отсутствие. Что он тут искал? — спрашивает она.

— Понятия не имею.

Она огляделась.

«Сдается мне, что и она тут шарила до моего прихода». Красотка подошла к холодильнику и открыла его.

— Я ужасно проголодалась,— говорит.

Я похолодел от ужаса. Она взяла тарелку с ветчиной и поставила на стол. А под ветчиной лежат пятьсот тысяч!

Но тут красотка досадливо поморщилась.

— Вареная ветчина. Какая досада! Я ее не люблю.

— В холодильнике есть и копченая,— говорю я как можно спокойнее.

Блондинка лезет в холодильник и вытаскивает большой кусок копченой ветчины.

— Это уже лучше,— говорит. Затем кладет обратно в холодильник тарелку с вареной ветчиной и начинает готовить себе бутерброд.

Неужели она ищет мои деньги? Не успел я хорошенько над этим подумать, как зазвонил телефон. Я подскочил, схватил трубку.

— Это ты, Яко?

Тысяча чертей, это она. Ее бархатный голосок из ушей плавно течет вниз, в самые колени.

— Дуарда! — кричу.

— О, Яко! Я жду тебя целый день. Ты, верно, забыл обо мне.

— Прости, моя дорогая,— отвечаю.— Я ни на миг не бывал о тебе. Я лишь забыл твой адрес. И с утра ищу тебя.

— Яко! Но ведь я сама записала его в твой блокнот.

У меня язык прилип к гортани. Я хлопнул себя по лбу трубкой.

— Я полный кретин, дорогая.

Слышу, будто жемчужные бусинки зашелестели. О, как она смеется, мое сокровище!

— Приходи поскорее,— говорит и вешает трубку.

Я пошарил в карманах, нашел записную книжку, открыл ее. На первой же странице помадой записан адрес: «Торре-бруна, кв. 611». Я понюхал: цикламен. Спрятал книжку в карман, надел шляпу и ходу.

— Эй,— кричит блондинка.— Могу я тут остаться? Меня ищет полиция.

— Поступай как знаешь.

— Спасибо за гостеприимство и когда...

Но я не услышал последних слов. Выскочил за дверь и помчался вниз по лестнице, едва касаясь ступенек. Секунда-другая — и я уже в моем «блیمбусте». Дал полный газ и полетел как ветер.

Глава десятая

Я встречаюсь с двумя типами, у которых в сумме росно три уха. Происходят разные неожиданности

Войдя в холл, я даже присвистнул. Вот это роскошь так роскошь. Кругом мрамор и парча. Должно быть, у обитателей этого домика солидный счет в банке, а ведь Дуарда — одна из его обитателей.

Я сел в лифт и поднялся на семнадцатый этаж. Отыскал квартиру номер 611, постучал.

— Войдите! — раздался голос Дуарды, и я, понятно, не заставил просить себя дважды.

Открываю дверь и вхожу. Вижу, у окна стоит небесное создание. Волосы у нее огненно-рыжие, глаза зеленые, а губки кажутся двумя лепестками розы, украшенной бледными жемчужинами шек.

Только я пролепетал: «Дуарда», как она бросилась ко мне с криком:

— Яко, берегись! — И тут на голову мне свалился весь небоскреб. Из глаз брызнули красные и желтые искры, в голове загрохотало, словно тяжелый танк на железный мост выехал, потом крошечная тьма, и я потерял сознание.

Открываю глаза, вижу: кругом черная ночь. Мало-помалу пришел в себя. Такое впечатление, будто я в океанском лайнере и тот взбесился и прет во всю мочь. Но это не лайнер, а обычная машина. А сам я, крепко связанный, с кляпом во рту, валяюсь, словно тюк с бельем, в двух сантиметрах от чьей-то ноги, обутой в ботинок не меньше как сорок пятого размера.

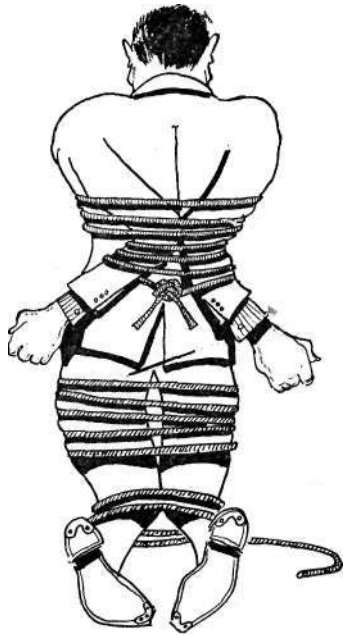
Наконец удалось вытолкнуть кляп языком. Зубы тоже неплохое оружие; я впился ими в икру этой ножищи и откусил изрядный кусок мяса. Незнакомец завопил, как зарезанный, потом нога поднялась и мгновенно опустилась мне на голову. Я снова потерял сознание...

Внезапно слышу голос:

— Проснулся, что ли?

Тут я понял, что уже проснулся и что меня вытащили из машины. Еще миг — и меня бросили на траву. Огромные клещи схватили меня за горло и подняли, словно

мешок с гнилой картошкой. Но это были не клещи, а здоровенная мозолистая рука. Будь я послабее, я бы завопил от боли.

«Пока мне ничего другого не остается как лежать и ждать», — подумал я.

— Шагай, — слышу и немедленно получаю пинок в живот.

— Ног не могу найти, — отвечаю.

Незнакомец засмеялся.

— Ищи, да побыстрее.

Ничего не напишешь, надо подчиняться. С большим трудом удалось встать, и я заковылял под пинками двух подонков. Они втокнули меня в железную дверцу.

Мы стали куда-то спускаться. В глубине лестницы находилась пустая, голая комната с белыми стенами. В комнате стоял лишь стол, соломенный стул и в углу ржавая газовая плитка, давно, видно,

пришедшая в негодность. Иначе зачем было отключать ее, снимать краник и затыкать трубу паклей и пробкой?!

Едва я вошел в комнату, мне дали здоровенного пинка, и я очутился на полу.

Все же я попытался принять такую позицию, чтобы увидеть лица моих мучителей. На стуле сидел тип с желтыми глазами, без левого уха. Рядом устроился долговязый, жилистый малый с двумя острыми, как булавки, глазками и орлиным носом.

Долговязый сел на край стола и стал покачивать ногой.

— Если пол слишком тверд для твоего мягкого места, можешь встать, — говорит.

— Спасибо, — отвечаю. — Но я не привык к пуховым перинам.

Подонки, не переставая покачивать ногой, ударили меня носком ботинка под правый глаз. Я захохотал.

— Вижу, что вы не любите шуток, — говорю. — Позвольте тогда узнать цель нашего совещания?

— За тобой числится кой-какой должок, — говорит тот, желтый.

— Если ты об ухе, то это для меня плевое дело. Я могу тебе его вернуть, не отходя от кассы.

Желтый убудок встал и своей огромной мозолистой рукой сжал мне челюсть.

— Гони монету, — говорит долговязый, покачивая ногой и поглаживая мне щеку носком ботинка. Я немного отодвинулся и прислонился к стене.

— Какую монету? — спрашиваю.

— Ты сам отлично знаешь, о чем звон. Пятьсот ассигнаций по тысяче лир каждая. Где они?

Я изобразил крайнее изумление.

— В жизни не видел таких денег.

Желтый снял у меня с ноги правый ботинок. Затем оторвал мой мизинец и бросил его в угол.

— Повтори вопрос? — говорю.

— Пятьсот бумажек по тысяче. Куда ты их спрятал, вшивый вымогатель?

Это уже что-то новенькое. Тут уж я в самом деле удивился.

— У кого я их вымогал? — спрашиваю.

Желтый собрался оторвать мне большой палец.

— Подожди, — говорю. А сам левой ногой как врежу ему в нос. И так ловко, что кончик ботинка застрял в правой ноздре. Он с трудом освободился и пошел подкрепиться джином.

— Эту историю про вымогательство я впервые слышу. Расскажи-ка поподробнее, — говорю.

— Что тут рассказывать, — отвечает долговязый. — Ты малый дошлий, но и я не пижон. Ты запугал Дана Паранко, выудил у него деньги и спрятал. Куда ты их дел?!

Вот это помер! Выходит, той ночью мне велели забрать монету!

Долговязый встал из-за стола.

— Мне нужны пятьсот монет. Понял?

Все это надо обмозговать. Главное — выиграть время. Так вот кто все перерыл в моей квартире и в бюро.

— Не видел я никаких ассигнаций, — отвечаю.

Долговязый вынул перочинный нож и собрался выколоть мне правый глаз. Но я вовремя отпрянул назад.

— Ладно уж,— говорю.— Я их спрятал у себя в погребе. Возле мусоропровода.

Долговязый усмехнулся и положил нож в карман.

— Отлично,— говорит.— Прогуляемся и вернемся обратно.

Этого-то мне и надо. Теперь у меня есть время, чтобы пораскинуть мозгами. Но я ошибся. Долговязый вынул из кармана пистолет, огрел меня по правому виску. Я заснул с ходу и, поверьте, ни разу в жизни не спал так крепко.

Глава одиннадцатая

Приходится увеличить емкость газометра.

Мой компаньон находит союзницу

Просыпаюсь, а эти двое уже тут. Желтый сидит на стуле, долговязый — у стола и покачивает ногой. Вид у них довольно растрепанный, и воняет от обоих нестерпимо. Из лацканов пиджака, рукавов, воротника выглядывают капустные листья, ботва и картофельная шелуха.

— Куда ты спрятал пятьсот монет? — спрашивает долговязый.

С этими ублюдками, видно, не договоришься. Хочешь не хочешь, а с деньгами придется расстаться. Ну, ничего, я еще посчитаюсь с этими скотами.

— Пошевеливайся. Нам время дорого,— рявкнул долговязый.

— Под ветчиной.

Эти двое переглянулись.

— В холодильнике,— говорю,— стоит тарелка с вареной ветчиной. Под ветчиной спрятаны монеты.

— Ты заглядывал в холодильник, когда мы там первый раз шуровали? — спрашивает долговязый.

Желтый опустил глаза.

— Заглядывал. Тарелку с ветчиной я видел, но ветчину снять не догадался.

— Болван,— говорит долговязый. Он пошел к дверям, но потом остановился, посмотрел вокруг.

— Больше ты нам не нужен,— говорит.— Но я не хочу тебя обижать. Так и быть, подыши свежим воздухом.

— Спасибо,— отвечаю.

Он подошел к трубе и вынул паклю и пробку. Потом вместе с желтым ушел и закрыл дверь на ключ. Тут из трубы с шипением вырвался газ, и я понял, что дело дрянь. Попробовал высвободить руки, но где там. С великим трудом я подобрался

к трубе и, опираясь спиной о стену, подтянулся к самому ее краю.

Был бы кран, я бы смог зажать его зубами. Но его сняли. Остается только один способ остановить газ. Надежд, конечно, мало, но попробовать можно.

Я вобрал в себя побольше воздуха, затем прижался ртом к самому краю трубы и крепко схватил ее зубами. Потом дунул изо всех сил, погнав назад смертоносный газ.

Опорожнив легкие, я вобрал носом побольше воздуха и снова стал дуть. Вроде получилось. На какое-то время я спасен, но долго, мне не продержаться. Я уже стал терять последние силы, как внезапно вдали послышался лай. Черт побери, это Грэг. Я сразу приободрился. Вряд ли, конечно, Грэг может мне помочь, но все же появилась слабая надежда.

Дверь отворилась, и кто-то вбежал в кухню. И... черт побери... нежный голос пронзил меня до самой печенки.

— Яко!

Убить меня, это она! Я отпустил трубу и, теряя сознание, рухнул на пол. Все же я успел увидеть мою прекрасную Дуарду. Она схватила бутылку джина, вытащила пробку и заткнула ею газовую трубу. Потом влила мне в рот половину содержимого драгоценной бутылки.

Не теряя ни секунды, она принялась развязывать стальной канат и вскоре освободила меня.

Я немного попрыгал, чтобы размять ноги, затем подошел к девушке, и тут меня словно ударило.

Черт возьми, неужто я позволю незнакомой девице опутать себя? Э нет! Конечно, она спасла мне жизнь, но с какой целью? Что скрывается за этими зелеными глазами?

И я отвесил ей такую пощечину, что она завалилась под раковину. Но мгновенно вскочила и посмотрела на меня с неммым изумлением. Грэг укоризненно залаял.

— Из-за тебя я попал в ловушку,— говорю.— Ты мне нарочно позвонила, чтобы я угодил в руки двух недоносков.

— Яко! — произнесла она своим нежным голоском, от которого у меня сразу вся злость пропала.— Меня заставили, милый Яко. Под дулом пистолета.

— Прости,— говорю.— Я слишком впечатлительный.

Грэг подскочил к двери, затем вернулся, пролаял три раза — и назад.

— Надо нам поскорее отсюда улепетывать,— говорит Дуарда.

Я только улыбнулся.

— Не беспокойся,— говорю.— Они не вернуться. Я сказал им, где спрятаны деньги.

— Вернутся,— отвечает она.— В том месте, где ты их спрятал, денег уже нет. Кто-то их успел прихватить.

— Ты-то откуда это знаешь.

— Потом расскажу. А пока бежим!

Она схватила меня за руку, и мы помчались. На улице темно, хоть глаз выколи. Ничего не вижу дальше полуметра, но ориентируюсь по хвосту Грэга. Мы миновали луг и углубились в березовую рощу. За леском, в кустарнике, спрятан мой «блимвуст».

Дуарда села за руль, а я устроился рядом. Грэг в машину не полез, а остался на страже.

— Они вернуться, а мы их здесь подождем,— говорит Дуарда.

— Когда они увидят, что тебя нет, то бросятся в погоню. Ну а мы поедем за ними.

— Ладно,— говорю.— А теперь расскажи, как ты меня нашла.

— Эти двое воспользовались мною как приманкой, чтобы тебя схватить. Когда же ты очутился у них в руках, они забыли обо мне. Я думала-думала, а потом спустилась вниз. Увидела твою машину. Села в нее и помчалась прямо к тебе домой. Там я увидела вдову Паранко, которая рылась в холодильнике. Она принялась уплетать вареную ветчину, а я спряталась и стала следить за ней. Вдруг она кинула на пол ломти ветчины и стала распахивать по карманам ассигнации. Я бросилась на нее. Она огрела меня чем-то по голове, и я потеряла сознание. Меня привел в чувство Грегорио, который нежно лизал мое лицо.

— Рассказывай дальше,— говорю.

— Когда ко мне вернулись силы, мы решили с Грэггом спуститься и слетать в полицию. Только мы вышли на улицу, как Грэг наострил уши. Вижу, у тротуара стоит черная машина марки «фролей-49». Грэг исчез во дворе, а я стала ждать. Вскоре он вернулся. Радостно помахал хвостом и дал мне понять, что хочет сесть в твою машину. Я помогла ему взобраться на заднее сиденье, а сама села за руль. Фары я зажигать не стала. Немного спустя из дома вышли двое — Ат Шалфейчик и какой-то незнакомец — и сели в «фролей». Только они тронулись, мы за ними. И вот так добрались до того дома.

— Вы с Грэггом в полном порядке. Чистая работа,— говорю. Она молчит, и я слышу треск кузнечиков и кваканье лягушек.

— Расскажи мне о той ночи.

— Ты был очень мил со мной. Но с тех пор произошло столько всяких событий, что...

Она умолкла и смотрит на меня.

— Я ничего не помню.

— Совсем ничего?

— Совсем.

— Как жаль! — вздыхает она.— Мы познакомились в баре «Солдат-задира». Ты и этого не помнишь?

— Нет,— отвечаю.

— Ты был уже под мухой,— говорит она.— У них не осталось «Бур...

Она оборвала фразу на полуслове. Фары машины прорезали тьму и осветили дорогу за леском.

— Вон они.

Мы молча наблюдали за машиной, которая остановилась у дома с кирпичной стеной.

Желтый и долговязый выскочили и бросились в дом. Минут через пять они появились снова, сели в «фролей» и помчались.

Я посадил Грэга, Дуарда завела, мотор. Мы подождали, пока они отъехали подальше, и в погоню. Догнали их уже на автостраде.

— Что за тип этот Ат Шалфейчик? — спрашиваю.

Дуарда искоса взглянула на меня.

— Он из личной охраны Блю Катарро,— отвечает.

Я даже присвистнул. Уж больно часто последнее время мне приходится слышать имя этого Блю Катарро. Говорю об этом Дуарде.

— Да ну! — восклицает она и как-то странно улыбается.

— Детка,— говорю.— Ты что-то от меня скрываешь.

Она покачала головой, и вдруг нас как тряхнет. Мотор чихнул и заглох, и мы остановились у самого тротуара.

— Что случилось? — спрашиваю.

— Кончился бензин.

— Только этого не хватало,— говорю.— Ну, Грэг, вырчай!

Я открыл дверцу, Грэг спрыгнул на землю и помчался за этим паршивым «фролеем».

— Что теперь будем делать? — говорит Дуарда.

— Пойду поищу, где бы заправиться бензином. В километре отсюда мой приятель Уго как раз держит бензоколонку.

— А я? — спрашивает.

— Подожди меня здесь,— отвечаю.

Вылезаю из машины и иду. Нахожу бензоколонку и велю Уго налить мне пять литров. Я расплатился, взял ведро и потопал назад.

Наконец я добрался до машины, поставил ведро у радиатора, открыл дверцу и без сил повалился па сиденье.

— Дуарда! — зову. Никакого ответа. Поглядел вокруг, пет ее. Вылезаю, на дороге ни живой души. Под машиной никого. В багажнике тоже.

— Вот это,— говорю,— финт ушами. Взяла и смылась.

Я палил бензин, включил мотор и поехал. У бензоколонки остановился, вернул Угу ведро и покатил дальше.

Глава двенадцатая

В «Морено» меня встречают как старого знакомого. Я приглашаю безухого приятеля станцевать со мной ча-ча-ча

Тут я вспомнил, что прекрасная вдова улизнала с моими деньжатами.

Нет, я обязан распутать этот узел, не то я скоро рехнусь. И на память мне пришел «Морено».

Я опрокинул стаканчик «Бурбона», вскочил в машину и прямым ходом рванул в «Морено». Через десять минут я подъехал к ночному клубу. На стоянке красовалось штук пятьдесят шикарных машин. Я поставил свою возле роскошного «кабралля» с бархатистыми стеклами.

Вход в «Морено» ярко освещен, и неоновая вывеска бросает голубые блики на самую середину улицы. У дверей портье в синем мундире с золотыми пуговицами преграждает путь всякому, кто вздумает проникнуть в клуб без особого разрешения. Я отстранил его мизинцем и прошел внутрь.

Подскочил официант и показал свободный столик.

— Спасибо,— говорю.— Это мне подходит.

Сажусь за стол и заказываю бутылку «Бурбона». Официант отправился выполнять заказ. Я воспользовался этим, поднял занавес и юркнул в маленькую боковую дверцу.

Розовая занавесь скрывала от любопытных глаз большущую прихожую, задрапированную желтым шелком. За низенькой стойкой восседал благообразный напомаженный синьор в двубортном синем костюме. Не успел я представиться, как он одарил меня самой любезной из своих улыбок. Вскочил, подошел к двери, отворил ее с низким поклоном.

— Проходите, пожалуйста! — говорит.

Я остолбенел. Признаться, я думал, что меня попытаются любой ценой задержать, а тут любая дверь отворяется, словно по волшебству. Должно быть, меня здесь хорошо знают, но что-то не припомню, когда я сюда наведывался.

Я вошел, и за мной со стуком захлопнулась дверь. Я очутился в шумном салоне. Повсюду кресла, диванчики. В глубине большая стойка, уставленная бутылками.

Я подошел к стойке и сел на вертящуюся табуретку. Не успел я рта раскрыть, как официант поставил передо мной полный стакан «Бурбона».

— Удивительно,— говорю.— Кто тебе подсказал, что я предпочитаю заправляться только этим горючим?

Он улыбнулся и развел руками: мол, это всему городу известно.

До меня доносились отрывки бесед.

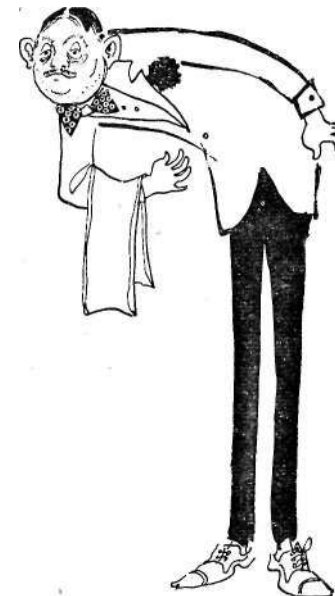
— Вчера вечером я видел, как вы, графиня, стояли и нервно постукивали ножкой о край тротуара. Кого это вы так нетерпеливо ждали?

— Этого рогносца, принца Тестафьорита.

— Нет, барон, кинжал тут не годится. Рискуешь запачкаться в крови. Я испытал новый способ, очень простой и чрезвычайно удачный. Конечно, напряжение в сети должно быть достаточно высоким. Иначе придется долго ждать.

— Ну а вы что скажете, инженер Брутто, об адской машине с часовым механизмом?

А ведь посмотришь на этих шикарно одетых, элегантных и любезных господ и никогда не подумаешь, что они любят так грубо и зло шутить над ближними. До смерти противно слушать их кровожадные рассказы.

Я направился в глубь зала. Большая арка делила его на две неравные части. Эта своеобразная небольшая гостиница была битком набита людьми, толпившимися возле длинного стола.

Чей-то голос время от времени громко объявлял номера. «Должно быть, это игорный зал»,— подумал я.

Тут все эти синьоры просаживают огромные деньги, которые они по закону должны были бы внести в казну.

Я подошел к ближнему столику и стал наблюдать. В первую минуту я даже разинул рот от изумления. Оказывается, они играют в лото. Крупье достает из мешочка фишки и объявляет номера. Посреди стола высятся горы тысячных и десятитысячных ассигнаций.

Играющие закрывают объявленные номера фасолинами.

Я с трудом протиснулся к самому столу и упер одну из фасолин. Потихоньку сравнивал ее с фасолиной, которая лежала у меня в кармане. Той самой, которую я нашел в спальне у вдовы с фиолетовыми глазами. Одинаковые. Та же тосканская фасоль с черным пятнышком на краю. Теперь все понятно.

Блондинка каждый вечер прикатывает сюда. Но где она берет столько монет? Я даже языком прищелкнул. Отошел от стола, устроился на диванчике и стал соображать.

Красотка шантажировала своего муженька, который в молодые годы совершил, верно, какую-нибудь глупость. Но как ей это удавалось? Все ясно. Она вымогала у него деньги

с помощью сообщника. А болван-муж отваливал этому подонку монету в страхе, как бы бесценная женошка не узнала о его грехах молодости. И даже не подозревал, что шантажирует его сама заботливая жена. А ее сообщником был, конечно, толстяк Доменико. Он забирал деньги и относил их блондинке в «Морено». Толстяк Доменико был шофером у Блю Катарро. Но кто же его уколошил? Блондинка-вдова? Или же подручный самого Блю Катарро?

Я положил фасолины в карман и потопал из зала. Вижу, в глубине деревянная лесенка. Поднялся по ней наверх, перешагивая сразу через четыре ступеньки. Главное — отыскать этого Блю Катарро.

Черт побери, чтобы это могло значить? В конце лестницы еще одна дверь. Открываю ее, вхожу. Сразу за дверью начинается коридор, устланный синим бархатным ковром.

Миновав коридор, я очутился в широкой прихожей. Гляжу, в глубине бронированная дверь. Конечно, я сразу скумекал, что она ведет в кабинет грозного Катарро, но смело направился к ней. Я уже взялся за ручку, как вдруг услышал шум за спиной, и молниеносно обернулся.

— Ба, кого я вижу?!

Но Ат Шалфейчик недолго думая припустился от меня. Юркнул в коридор, я за ним. Добежали до танцзала. Тут мне наконец удалось сцапать Шалфейчика за плечи. В проходе танцевало множество пар, а музыканты лабали ча-ча-ча. Я заставил Шалфейчика проделать полный оборот вокруг своей оси, схватил его руку и покрутил этого ублюдка вокруг себя.

Так, отплясывая бесконечный ча-ча-ча, мы пересекли весь проход. Танцующие расступались, провожая нас восхищенными взглядами. Шалфейчик проворно залавировал между столиками, но я к нему прилепился, как пивка.

У самого выхода я его прихватил под локоть.

— Надежный же ты телохранитель,— говорю.

У Шалфейчика лоб покрылся испариной, а сам он задрожал, как трусливая дворняжка.

— А теперь,— говорю,— пора нам с тобой рассчитаться.

Левой рукой я сжимал ему локоть до тех пор, пока кости не хрустнули. Тогда я поволок его к машине. Открыл дверцу и швырнул на переднее сиденье. Потом сел за руль.

— Ну, поехали в гости к нашему старому другу.
Он усмехнулся и сплюнул в окно. Я расвирепел. Выскочил из машины, подобрал плевков и всунул его Шалфейчику обратно в рот.

— Я тебя научу вежливости,— говорю.

Потом снова сел за руль.

— Не тяни резину. Выкладывай имя, фамилию, происхождение, местожительство и род занятий твоего почетного дружка.

Ат молчит. Тогда я двинул его кулаком по подбородку. От неожиданности он откусил кончик языка.

— У меня нет ни малейшего желания валандаться с тобой целую неделю,— говорю.

Тут он решился открыть рот.

— Его зовут Джим Стеккино, по прозвищу Агамемнон. Он владелец ОПМ — общества по продаже муравьев. Адрес: Четырнадцатая улица, дом сто восемь.

— Отлично,— говорю.— Теперь можно отправляться к нему в гости. Ведь мы так давно не виделись.

Глава тринадцатая

Ночная прогулка, которая принесла мне восемьдесят два конверта и письмо на сиденье автомобиля

Вскоре мы подъехали к зданию № 108. Впрочем, это оказался всего-навсего старый двухэтажный домишко. В нижнем этаже магазинчик, а рядом маленькая входная дверь. С виду этот дом роскошным никак не назовешь. На втором этаже ставни одного из окон почти совсем оторвались, а в другом окне выбито стекло.

— Похоже, твой приятель не очень-то процветает,— говорю. Мы свернули за угол и стали обходить дом сзади. И тут я даже присвистнул.

— Вот это фокус!

Задняя стена дома и есть фасад. Да какой! Весь из мрамора, ставни из красного дерева, а стекла из особого сплава. Наружный фасад — это для лопухов, а сзади настоящий дворец.

— Похоже, задняя часть у твоего Джима Стеккино в особом почете,— говорю.

Я осмотрел дверь. Она была заперта на хитроумный замок, но меня это не испугало. Поковырял кончиком карандаша — и готово. Входим в дом.

На нижнем этаже в салоне у стены стоит большой шкаф. Отворяю его, влезаю. В глубине шкафа дверь. Открываю ее, вхожу. И попадаю в старую часть дома. Я сразу сообразил,

что это задняя комната. Она вся заставлена мебелью. Кругом пыль, на стенах фотографии торговцев муравьями, рисунки муравьиных гнезд.

Я повесил Шалфейчика на вбитый в стену гвоздь и стал спокойно осматриваться вокруг.

Этот Джим Стеккино маскирует свои грязные делишки, притворяясь торговцем муравьями. Довольно странный вид коммерции. Не думаю, чтобы он продавал больше одного муравья в год. Да еще за границу.

Я обшарил все комнаты и наконец нашел то, что искал.

За картиной, изображавшей какого-то типа, разоряющего гнездо муравьев, я обнаружил нестерраемый шкаф. В две минуты вскрыл его и на нижней полке увидел кожаную желтую сумочку. Вынул ее и показал Ату Шалфейчику, по-прежнему висевшему на гвозде.

— Хороша сумочка? — спрашиваю.

— Проклятые фараоны, — процедил он сквозь зубы.

Я сунул ему в рот скомканную промакашку, и он заткнулся. Открываю сумочку. А в ней полно желтых заклеенных конвертов и на каждом аккуратно выведено имя.

Я пересчитал их. Ровно восемьдесят два конверта. Восемьдесят два человека, которых шантажируют. Я спрятал конверты в сумку и закрыл ее.

— Превосходно,— говорю.— Но куда все-таки делся твой достойный приятель?

Шалфейчик невнятно замычал и воровато отвел глаза. Я вздохнул.

— Ничего не поделаешь,— говорю.— Придется вернуться в «Морено» и побеседовать с Блю Катарро.

Я снял Шалфейчика с гвоздя и поволок его к выходу, крепко сжимая сумку под мышкой.

Шалфейчик стал тихим, покорным и сам без разговоров полез в машину. Но тут я увидел у него на заднем красном пятно.

Нагнулся и вижу, что это вроде знак, оставленный помадой. Понюхал: цикламен.

— Черт поberi,— говорю. Отпихиваю Шалфейчика и сам лезу на сиденье. На нем помадой выведены какие-то знаки, но попробуй их расшифровать. Этот проклятый Шалфейчик уселся на них своими ягодицами, и буквы расплылись. Я пригляделся повнимательнее. Всего знаков три. Но видно, что их накалякали в дикой спешке. Я сразу разобрал, что одна буква «З». Затем идет не то «Г», не то «Л». А третью сам черт не разберет. Не черт, а тысяча чертей!

«Ведь Дуарда сидела за рулем». Я сел за руль и попробовал снова разобрать причудливые знаки. Конечно, «З» последняя из трех букв. Первая должна быть «Г». А буква посередине наверняка «А».

Газ! Ясное дело, газ! Но что Дуарда хотела сказать этим словом?

Болван я и кретин! Кухня с газовой плитой. Когда я оставил Дуарду в машине и пошел за бензином, худой, должно быть, заметил, что мы остановились. Он обошел вокруг дома и вернулся назад. Он и этот выродок Ат Шалфейчик похитили Дуарду и заперли ее в кухне. Она попыталась предупредить меня, нацарапав помадой слово «газ» на сиденье машины.

Я схватил Шалфейчика за шею и хлопнул его о радиатор «блимвуста». Потом взял английский ключ и стал ему пересчитывать зубы.

— Паршивая тварь,— говорю.— Вы вернулись за Дуардой, а ты ни гу-гу.

— Ты меня об этом не спрашивал,— промычал он.

— Куда вы ее дели?

— Не знаю,— отвечает.— Мы погрузили ее в машину, а потом Джим Стеккино отвез меня в «Морено». Мне в полночь заступать на дежурство.

— А я и забыл: ты телохранитель господина Катарро.

Я еще раз прошелся по его зубам английским ключом и впилил этого недоноска в «блимвуст».

— Надо поторопиться,— говорю.

Включил мотор и понесся. Шалфейчик показывал мне дорогу, стуча от страха уцелевшими зубами.

Наконец я остановил «блимвуст» прямо у железной дверцы в кирпичной стене. Схватил сумку и прыгнул на землю. Огрел Шалфейчика по кумполу, подцепил его за брючный пояс и поволок за собой.

Открыл дверь и очутился в просторной комнате с красными стульями и плетеными столиками.

Смотрю, в откидном кресле удобно устроилась Дуарда и беседует по телефону. В правой руке она сжимает пистолет. Я поглядел, куда направлен ствол, и вижу, что напротив сидит

моя старая знакомая. Вдова с фиолетовыми глазами. «Значит, Дуарде удалось отнять у нее пистолет»,— сообразил я.

— Не помешал? — спрашиваю.

— Скорее приезжай,— крикнула Дуарда в трубку, положила ее на рычаг и кинулась ко мне.

Я бросил Шалфейчика на пол и обнял Дуарду, она без лишних слов запечатлела на моих губах поцелуй. Только открыл глаза, вижу, что Дуарда смотрит мне за спину.

Я сообразил, что это вдовушка подобралась сзади. Недолго думая резко согнул правую ногу и лягнул ее ботинком. Чувствую, что врезал кому-то каблуком. Но это оказалась не вдова, а Шалфейчик. Он очухался и хотел меня немного пощекотать. От удара ботинком он взвился к потолку и рухнул вниз головой прямо за вырез лифа Дуарды. Я схватил его за ноги и вытянул оттуда.

— Ах ты наглец,— говорю.— Я тебя отучу совать нос куда не положено.— И завернул ему руки за спину.

Потом бросил взгляд на вдову.

— Привет, красотка,— говорю.— Давненько мы с тобой не виделись. Тебе бы не мешало уплатить мне за убытки. А то ты изрядно порезвилась в моем доме.

Я подошел и отвалил ей такую оплеуху, что кресло разломилось надвое и блондинка очутилась на полу. На лице у нее в эту минуту было такое же выражение, как у мясорубки, если только у той есть свое особое выражение.

— Она работает на пару с Джимом Стеккино,— говорю...— И очень неплохо. Но пока не мешает ее связать.

Так я и сделал. Потом взял кожаную сумку и показал ее Дуарде.

— Тут лежат ровно восемьдесят два конверта. Восемьдесят два неопровержимых доказательства гнусного шантажа.

Дуарда бросилась мне на шею:

— Яко, ты великий человек! — воскликнула она и ласково поцеловала.

Я бережно освободился из ее объятий.

— Расскажи, что с тобой произошло, когда я оставил тебя одну в машине и отправился за бензином?

— Только ты ушел,— говорит,— как по обеим сторонам машины вынырнули эти типы: толстый и долговязый. Они обшарили весь дом и потом подкрались к «блимвусту». Фары у тебя не горели, и я ничего не заметила. Долговязый ткнул меня дулом пистолета, а желтый схватил за локоть. Я стала сопротивляться и успела выхватить из сумочки помаду. Слышу, желтый говорит: «Волоки ее в кухню и заставь все рассказать, а то мне надо вернуться в «Морено». Я все же сумела написать помадой на сиденье слово «газ».

— Значит, эта падаль знала, где ты?

— Конечно.

Я подошел к Шалфейчику и одним ударом вышиб ему еще восемь зубов.

— Потом мы приехали сюда, и тут нас уже ждала милая вдовушка,— продолжала свой рассказ Дуарда.— Похоже, она собиралась укрыться здесь на время от полиции. Долговязый мучил меня до тех пор, пока я не сказала, где спрятаны пятьсот монет.

— Пятьсот монет? — переспрашиваю.

— Да,— отвечает Дуарда.— Прости меня, любимый. Я сопротивлялась до последнего, но потом силы оставили меня. Пришлось сказать, что деньги лежат в конверте под матрасом в моей спальне.

— Перестань шутить. Ты же сама мне рассказывала, что те пятьсот монет прикарманила вдова. Когда лопала вареную ветчину.

— Это так,— отвечает Дуарда.— Но я о других деньгах говорю.

— О других?

— Ну конечно. О твоих.

Попробуй разберись во всей этой путанице.

Вдруг Дуарда как взвизгнет:

— Машина!

— Какая машина?

— Твоя. Где ты ее оставил?

— У дома.

— Беги скорее,— кричит она.— Спрячь ее. Не теряй ни секунды, Яко. Долговязый должен вот-вот вернуться. Он отправился ко мне домой забрать деньги.

Я потопал вниз. Вскочил в машину и, не включая фар, погнал ее к лесу. И бегом назад.

— Да, кстати, что это за мои деньги? — спрашиваю.

— Ты получил их за то поручение, которое я тебе дала ночью.

— Значит, у меня было поручение?

— Еще какое важное! — восклицает Дуарда.— И ты выполнил его с блеском.

Едва я собрался задать ей еще один вопрос, как донесся шум мотора. Вскоре шум умолк, и я услышал, как хлопнула дверца. На лестнице раздались торопливые шаги.

Вошел Джим Стекино с улыбочкой на губах. Он вынул из кармана конверт, но вдруг остановился, и... улыбку как водой смыло.

— Приветик,— говорю.— Какая приятная встреча!

Джим метнулся было к дверям, но я схватил его за воротник и швырнул в дальний угол комнаты.

— Сейчас мы с тобой рассчитаемся,— процедил он сквозь зубы.

— А это мы еще посмотрим,— отвечаю.

Он привстал и собрался броситься на меня, но я изо всех сил съездил ему в брюхо. Не дав этому мазурику опомниться, я навел на него пушку.

— Сходи посмотри, нет ли чего подходящего, чтобы упаковать этого ублюдка,— говорю я Дуарде.

Она отправилась на поиски в соседнюю комнату.

— Этой ночью тебе немало пришлось поездить,— говорю.

— Проклятая скотина,— буркнул долговязый.— Надо было тогда укокошить тебя на месте.

Вернулась Дуарда.

— Ничего не нашла,— говорит.— Вот все, что есть.

И протягивает мне тюбик с клеем.

— За отсутствием другого сойдет и это.

Отвинчиваю пробку, выжимаю немного клея и пробую, вязкий ли он. Вполне хорош.

— Снимай башмаки и носки,— говорю долговязому.

Он даже не пошевелился. Тогда я сам снял с него ботинки, даже не расшнуровав их, и сдернул носки. Потом намазал этому подонку голые подошвы клеем и поставил его отдыхать на деревянном полу.

— Этот клей схватывает мгновенно,— говорю.

Долговязый попытался оторвать ноги от пола, но у него ничего не получилось. Мы чуть животы не надорвали, глядя, как он дергается. Но он вскоре затих. Вынимаю у него из кармана конверт. Распечатываю. В нем полно ассигнаций по тысяче.

— Их ровно пятьсот,— говорит Дуарда.— И все они твои.

— Послушай, малышка. Хотел бы я знать, откуда они взялись. А то я сгораю от любопытства.

Только Дуарда собралась ответить, как вдруг снова послышался шум мотора и чуть позже стук захлопываемой дверцы. Затем в коридоре раздались шаги, и... отворилась дверь.

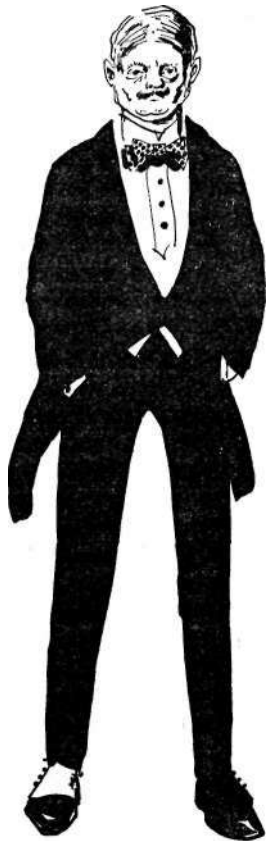
Глава четырнадцатая

Похоже на сборище автомобилистов, но в конце концов завязывается общая дружеская беседа. Трам уходит вполне довольный, а Научу немного меньше

На пороге появился красивый мужчина лет шестидесяти, с живым симпатичным лицом. Он был совсем седой, но выглядел очень молодцевато.

На нем был элегантный костюм, белоснежная рубашка с голубым галстуком, на ногах синие туфли.

— Блю! — воскликнула Дуарда и бросилась ему па шею.

Я стою и смотрю как идиот, держа в руках пачку ассигнаций.

— Где этот человек? — спрашивает Блю низким грудным голосом.

Дуарда показывает на Джима Стекино. Я поглядел на долговязого. Он дрожит как осиновый лист. Вдовушка тоже трясется, как припадочная. А Шалфейчик заметался, словно началось землетрясение.

Блю окинул всех ледяным взглядом, затем посмотрел мне прямо в глаза и улыбнулся. Подошел и протянул мне руку.

— Благодарю вас, — говорит. — Вы отлично справились со своей задачей, Яко.

Вежливо пожимаю ему руку, но, убейте меня, если я хоть что-нибудь понял.

— Надеюсь, хоть вы объясните мне что к чему, — говорю.

— Для объяснений еще есть время, — отвечает Блю Катарро. — Сначала я хочу посмотреть, целы ли документы.

— Все целы и лежат в надежном месте, папочка, — отвечает Дуарда.

— Ты назвала его папочкой?! — воскликнул я.

— Конечно, — отвечает Дуарда. — Я его приемная дочь.

— У меня до недавних пор было на службе немало милейших людей, — говорит Блю Катарро, пристально глядя на Шалфейчика. — Личный шофер, надежный телохранитель, кто еще?

Я уже собрался ответить, что, если ты зовешься Блю Катарро и на совести у тебя столько гнусных преступлений, смешно претендовать, чтобы тебя окружали одни джентльмены в белых перчатках и накрахмаленных рубашках, как вдруг вновь послышался шум мотора.

— Черт побери, — говорю. — Да тут, похоже, назначен слет автомобилистов.

Дверь распахнулась, в комнату ворвался Грэг, бросился ко мне, начал прыгать и лизать лицо.

— Все в порядке, Грэг. В полном порядке. Где ты пропал? — спрашиваю.

И тут за какую-нибудь минуту в комнату набилось полно

фараонов. Вперед протискивается Грам, и Каучу подлетает ко мне с кулаками.

Я ему как двину по физии. Если бы не стена, бедняга Каучу летел бы без остановки прямо до самого Токио.

— Тепленькая компания, — говорит Грам. — Совещание, как я вижу, проходит на высшем уровне. А председательствует, если не ошибаюсь, Блю Катарро. А теперь давайте прогуляемся до Центральной тюрьмы.

— Успокойтесь, любезный Грам, — говорю. — Полезнее будет обсудить создавшееся положение (во как я завернул!). Так что лучше усаживайтесь поудобнее и попробуем разобраться в этой запутанной истории.

Я подал Дуарде знак, она в ответ мило улыбнулась и кивнула головой.

— Яко хочет, чтобы рассказывала я, — говорит.

Блю Катарро грозно нахмурился и уже раскрыл было рот, но я сказал:

— Прошу вас не прерывать ее. Рассказывай, детка.

— Вчера вечером, — начала Дуарда, — я с друзьями отправилась потанцевать в «Задире-солдате». Там меня познакомили с Яко. Он уже был под хмельком, но держался как истинный джентльмен. С ним был чудесный пес, очень смешной, когда он немного выпьет. Я посидела с ними за столиком и узнала, что по профессии Яко — частный сыщик. Ну я, понятно, сразу этим воспользовалась. Мой приемный отец Блю Катарро очутился в очень неприятном положении. Кто-то нагло вымогал у него деньги. Вы сами знаете: прошлое у него было бурное, и бедный папочка не знал, что делать. Каждый месяц отцу приходилось отваливать изрядную сумму, и, хотя игорный дом приносил ему кучу монет, так недолго было и разориться. Яко Пипа вызвал у меня огромное доверие. Я взяла его за рукав и потащила в «Морено». Пришла в кабинет к отцу и представила ему Яко. Яко папочке очень понравился, и он дал ему важное поручение. Отсчитал пятьсот бумажек по тысяче, положил их в конверт и вручил мне. Велел передать их Яко, когда он выполнит поручение. Мы спустились и зашли в бар подкрепиться. Я на минуту забежала в туалет, чтобы подкраситься, и вдруг слышу весьма любопытный телефонный разговор. Говорила женщина по телефону, висевшему в мужском туалете.

— Да, сегодня ночью. Деньги, как всегда, лежат в моей комнате.

— Я сразу поняла: тут что-то неладно. Спрашиваю у уборщицы, кто эта синьорина. Уборщица отвечает, что это большая любительница игры в лото синьора Лида Паранко. Живет она на сорок седьмой улице, в доме номер четыреста тридцать два би. Я вернулась в туалет и записала губной помадой адрес

на клочке туалетной бумаги. Потом вернулась в бар. Я рассказала обо всем Яко, сунула ему в карман адрес, и мы вышли на улицу. У меня сложилось впечатление, что этот телефонный разговор как-то связан с попыткой вымогательства. Яко решил сразу же навестись в гости по этому адресу, сел в свой «блимвуст» и помчался. Я понеслась за ним на своей машине. Вижу, что едет он зигзагом. Я испугалась, как бы с ним не случилось несчастья. В трех местах он останавливался, чтобы подкрепиться, надо думать, неизменным стаканчиком «Бурбона», затем подъехал к вилле Паранко. Входит и через пятнадцать минут возвращается. Вижу, что в руке он держит белый листик бумаги, а один из его

карманов изрядно раздулся. Он садится в машину и едет. Тормозит у почтового ящика, вылезает и опускает в него письмо. Затем отправляется в следующий бар. Тут уж я подошла к нему и спрашиваю, чем все кончилось. Он меня даже не узнал, назвал меня деткой, мгновенно объяснился в любви и наговорил кучу нежных слов. Вижу, что он хорошенько набрался, а между тем правый карман, где лежат деньги, сильно оттопыривается. Я не придумала ничего лучшего, как вконец напоить Яко, посадила его в свою машину и отвезла домой.

— Черт побери,— говорю.— Ну и наклюкался я в тот вечер. Ровным счетом ничего не помнил. Утром я проснулся и обнаружил в кармане адрес Лиды Паранко. Я решил, что это номер дома Дуарды, и помчался туда. А вместо Дуарды нашел мертвого Дана Паранко. «Теперь мне все понятно, черт возьми». С вашего разрешения, я продолжу рассказ,— говорю.— Так вот, Дан Паранко решил, что меня прислали шантажисты забрать деньги. Он их сразу мне вручил. Потом попросил меня оказать ему любезность и опустить письмо. Ат Шалфейчик услышал, что Блю Катарро дал мне поручение, и потопал за

мною следом. Помчалась за мной и Дуарда. Шалфейчик увидел, что я скрылся в доме Дана Паранко, но вскоре вышел оттуда и уехал, но уже вместе с Дуардой. Ат бросился было в погоню, но тут раздался выстрел. Ат Шалфейчик решил посмотреть, что случилось. Вошел, а на полу валяется застрелившийся Дан Паранко. Скотина Ат схватил пистолет и драпанул. Ночью ему трудно было меня найти, и он решил отыскать меня утром. А пока он вернулся в «Морено» охранять Блю Катарро. Тем временем толстяк Домепико, тот самый тип, которому звонила Лида Паранко и велела забрать у мужа выманенные деньги, отправился на виллу. Вошел и увидел, что бедняга Дан уже превратился в покойничка. Он бросился звонить Лиде Паранко. Красотка очень взволновалась. Деньги исчезли, а Дан Паранко преставился. Она решила, что Дана убили, а деньги украли. Они работали на паях с Джимом Стеккино. Вместе занимались вымогательством. Потом они делили выручку, а всю черную работу за них делали эти недоноски Ат Шалфейчик и толстяк Доменико. Лида помчалась предупредить Джима, что деньги исчезли, а Дана уколошили. Джим подумал, что толстяк Доменико ведет двойную игру и, верно, он-то и хлопнул Дана Паранко и один прикарманил всю монету. Тогда Джим прямо в моей машине отправил на тот свет толстяка Доменико и бросился к нему на квартиру искать пропавшие деньги. Но вскоре мадам Паранко и Джим узнали, что произошло на самом деле, и тогда они стали охотиться за мной. И одновременно подкидывают мне одного покойничка за другим. Расчет их был прост: фараоны укутут меня на время в тюрьму, а они пока обделают все свои темные делишки.

— А сигарета? -- спрашивает Трам.

— О, это идея вдовушки. Просто гениальная идея. Опп была уверена, что никто не узнает о самоубийстве Дана. У самой синьоры Паранко было железное алиби, а что она шантажировала мужа, никто даже не подозревал. В крайнем случае полиция могла обвинить в убийстве Джима или Ата. Ну что ж, никогда не вредно избавиться от уже ненужного сообщника. Я взял желтую кожаную сумку и открыл ее.

Увидев ее, Долговязый Джим стал реветь и плевать. Голова его закачалась из стороны в сторону. Я заткнул ему рот рукавом от пиджака Ата Шалфейчика.

— Впрочем, думаю, что эти доказательства полиции даже не потребуются. Трам имеет немало других, чтобы упечь за решетку этого джентльмена и его достойных друзей,— говорю.

Вынимаю первый конверт, читаю написанное в уголке имя, затем второй и один за другим кидаю все конверты в камин. Но, прочитав на очередном конверте имя Дана Паранко, я остановился.

— Возможно, кому-либо из присутствующих будет интересно узнать, почему его шантажировали?

— Мне уже все известно,— говорит Трам.— Я навел справки и узнал, что в двадцать лет он отравил восемнадцать учениц лица, желая проверить, какая из них умрет первой. Но его действиями двигал прежде всего дух спортивного азарта. Впрочем, потом он охладел к спорту и стал предпринимателем.

Я кинул в огонь этот конверт и подождал, пока он сгорит. Покончив еще с четырнадцатью конвертами, я прочел имя Блю Катарро.

Тут Блю Катарро вскочил, шагнул вперед и впился мне в глаза немигающим взглядом.

Трам протянул руку.

— Э нет,— говорю.— Так дело не пойдет.

Я бросил в камин и этот конверт.

Блю Катарро с волнением следил, как огонь пожирает бумагу. Когда догорел и обуглился последний клочок, он глубоко вздохнул. Подошел и обнял меня со слезами радости на глазах.

— Пустяки,— говорю.— Теперь, когда конверт сгорел, может, вы скажете, что было внутри.

Блю Катарро посмотрел на Трама, и тот утвердительно кивнул.

— Так и быть, скажу. Восемь лет назад я украл комбинированную ручку-карандаш. Джим отлично знал, что за это и только за это полиция в состоянии упечь меня в тюрьму.

Не успел я покончить с конвертами, как Трам и Каучу стали прилаживать наручники всей этой миленькой компании. Пятьсот монет по тысяче лир очутились сначала в кожаной сумке, а затем в руках у одного из полицейских как вещественное доказательство гнусного шантажа.

— Отведите этих господ в Центральное полицейское управление,— приказал Трам.

Все пошли к выходу, кроме Долговязого Джима.

— А ты чего застрял? — спрашивает Трам.

И только тут Трам обнаружил, что Долговязый приклеился к полу. Попробовал его оторвать, но не смог. Приш-

лось расколоть половицы. Мы чуть не надорвались от смеха, глядя, как Джим идет к дверям, волоча эти странные колодки.

Последним шел Трам, толкая перед собой Долговязого.

— Спасибо,— говорит Трам, остановившись на пороге.

— Не за что,— отвечаю.— Кстати, я забыл тебе отдать одну штучку. На, держи.

И кинул ему оторванное ухо Ата Шалфейчика. Трам поймал его на лету, положил в карман и ушел.

В комнате остались я, Дуарда, Блю Катарро и Грэг.

Блю Катарро с минуту смотрел на меня. Потом перевел взгляд на Дуарду и легонько хлопнул ее по плечу.

— Надеюсь, кроме пятисот тысяч вы получили, Яко, вполне хорошее вознаграждение?

— Лучше не надо,— говорю. Притягиваю Дуарду к себе, и мы сливаемся в сладостном поцелуе.

Блю Катарро на цыпочках вышел из комнаты, закрыл дверь, и я услышал, как загудел мотор.

Ровно через пятнадцать минут мы прервали наш поцелуй, чтобы подышать свежим воздухом и поцеловаться снова уже на лоне природы.

Выходим. Начинает светать.

На опушке березовой рощи Дуарда остановилась.

— Есть у тебя бумага и карандаш? — спрашивает.

— Карандаша нет, а листок бумаги, пожалуйста. Вырываю страничку из записной книжки и протягиваю ей.

Смотрю, Дуарда что-то пишет губной помадой. Затем нагибается и веточкой выкапывает ямку. Что-то кладет в нее. Теперь я вижу, что это мизинец моей правой ноги, который она подобрала в той проклятой кухне. Бесценная Дуарда засыпает ямку землей и втыкает веточку с листиком бумаги. Нагибаюсь и читаю:

«Здесь покоится мизинец правой нижней конечности моего возлюбленного».

Я обнимаю и крепко целую ее под заливистый лай Грэгорио.

Сокращенный перевод с итальянского

Л. Вершинина

Гангстеры, частный детектив и собака

О повести Карло Мандзони

Передо мной портрет автора повести итальянского писателя Карло Мандзони. Снимок давний, относится к октябрю 1959 года. На фотографии изображен человек средних лет в широкополой шляпе с высокой мягкой тульей. Глаза Мандзони прищурены, а губы чуть тронуты усмешкой, и уголки их приподняты; в руках, у рта, сигарета, почти зажата в кулак, — так курят мальчишки, боящиеся, что их заметят взрослые.

Так и кажется, что в тот момент, когда писателя снимал фотограф, он задумал что-то веселое, и ему самому стало весело от этого.

Задумал подурочить читателей?.. Не без этого. Но глупое не бывает смешным, а для тех, кто смеется над глупым, не стоит писать.

Нет, уж если осмеивать что-либо, то умно, страстно, не скупясь на краски, па темперамент, на гиперболу.

Если бы мне сказали, что давняя фотография Мандзони сделана в те дни, когда он размышлял над повестью «Я разукрашу твоё личико, детка», я бы ничуть не удивился. Право же, чего только нет в этом увлекательном произведении!

Прочитав повесть, я вдруг задумался о странном па первый взгляд применении гиперболы в литературе, в искусстве вообще. Удивительно, что гипербола используется, с одной стороны, для возвеличивания, с другой — для осмеяния.

В этом меня убедило довольно близкое знакомство с древнеегипетским искусством. Вспомнилась одна из настенных росписей царских гробниц, выставленных в залах Каирского музея, — юный фараон Тутатхамон, бывший при жизни хилым и тщедушным, одной рукой держит за хвост огромного леопарда, намереваясь проткнуть его мечом... А потом пришли на память некие произведения литературы и искусства сравнительно недавнего прошлого: тысячелетний разбег традиции возвеличивания навёл на грустные размышления.

Но здесь я подумал, что, доводя гиперболу до неправдоподобия, художники, сознавая или не сознавая того, не возвеличивали, а осмеивали фараонов.

Автор публикуемой повести идет по такому пути намеренно. Карло Мандзони отнюдь не жалеет гранита для пьедестала своему герою — отваж-

ному детективу Яко из частной конторы. Он поднимает его до небес. Но ведь и мыльный пузырь устремляется туда же...

Яко — сверхчеловек, супермен. Он может многое, например сунуть палец в дуло гангстерского пистолета, и... беспомощный гангстер жертвует после этого своим ухом. Может открыть карандашом сложнейший замок и выпить бочку вина «Бурбон»... Погоня?.. Вот уж чем не испугаешь героя!.. Полиция?.. Он с нею, как и полагается частному детективу еще со времен Шерлока Холмса, в натянутых отношениях, но стоит ли принимать всерьез этих ограниченных субъектов?.. Бандиты, коварные красотки, опытные шантажисты, непойманые убийцы?.. Помилуйте! Не пойманы — поймаем, не найдены — найдем!

Да и как не найти, если компаньоном доблестного Яко по частносыщпической конторе является некое существо на четырех лапах, умеющее лакать вино из миски и лаять и, что главное, умеющее отлично держать след и в нужный момент принимать самостоятельные решения. Тоже некий суперпес!

Итак, пародия на столь популярные на Западе детективные романы с суперменом в заглавной роли?

Безусловно. И пародия злая, точная, бьющая без промаха. Отложив повесть Мандзони, я поймал себя на мысли, что едва ли смогу теперь без улыбки читать детективные романы: обязательно придут на ум два друга-детектива, готовящиеся к очередной героической операции и поглощающие «Бурбон» один из стакана, другой под столом из миски.

Конечно, для подвига, даже если взять это слово в кавычки, имея в виду особые задачи автора, требуется, так сказать, соответствующая обстановка. Она вроде бы и существует в повести Мандзони — детектива Яко то и дело подстерегают опасности. Но когда мысленно возвращаешься к описанным автором событиям, то общий фон отнюдь не кажется исключительным, наэлектризованным...

Наоборот. Кутит в фешенебельном ночном клубе «Морено» великосветское общество — сборище сплетников, воров, нечистых на руку людей... Мелкая гангстерская сошка спешит урвать свой куш... Играют в карты шулера... Дрожат кабатчики, боящиеся, что выплывет наружу их темное прошлое...

И среди этой шушеры действует супермен — частный детектив Яко — и доблестный нос Грэгорио... Оставим в стороне пса: с пего спрос невелик... Но что делать супермену в среде шулеров?!

Он не становится жалким в таком окружении, и ничего донкихотского не появляется в его образе, но смешным он становится. И нелепым. Своей сверхмощной рукой он наносит нокаутирующий удар литературным полделкам...

И гигантская тень детектива-супермена, падая па окружающих его людей, просветляет, а не затемняет, вопреки оптическим законам, их души, их дела.

Логический конец повести там, где Яко разыскивает восемьдесят два конверта, в каждом из которых письмо, адресованное весьма увышаемому

респектабельному дельцу, а в письмо перечень былых преступлений и требование денег, денег...

Так литературная пародия приобретает уже совсем иной, социально-разоблачительный оттенок, и тогда невольно перестаешь смеяться и начинаешь размышлять над тем обществом, в котором действует супермен, уже не очень задумываясь о самом супермене.

Карло Мандзони принадлежит к числу известных итальянских писателей, но, кроме того, он еще художник-карикатурист и обычно сам иллюстрирует свои произведения. К сожалению, это не относится к повести, о которой идет речь, и редакция не смогла познакомить советских читателей с Мандзони-художником.

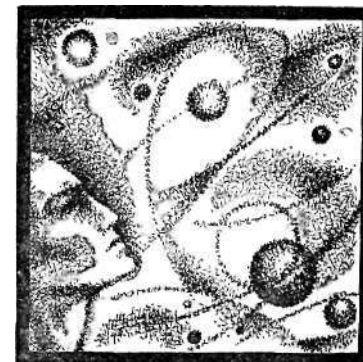
Карло Мандзони написал более двадцати книг, переведенных на многие европейские языки. Мне кажется, что его повесть, публикуемая в этом сборнике, найдет своего читателя, а первая встреча с автором ее не окажется последней.

И. Забелин

Александр Колпаков

КОНТИНУУМ ДВА ЗЕТ

Фантастический
рассказ

И

И вот он наступил — день старта. Владимир Астахов стоял крайним на овальной площадке лифта и с нетерпением ждал, когда окончится церемония прощания и их поднимут на сорокаметровую высоту к люку корабля. Его сердце билось спокойно, ничто не смущало душу. Мысленно он уже давно был там, в безграничном просторе, где лишь свет звезд да вечное безмолвие.

И вдруг он увидел Таю. Девушка отчаянно протискивалась сквозь толпу. Все-таки пришла! Он никак не предполагал этого. В горле сразу пересохло.

Взмахи разноцветных флажков в руках детей то и дело скрывали ее лицо. Тяжело дыша, она протиснулась наконец к самому барьеру. Но уже истекли последние минуты: на диспетчерской башне горел предупредительный сигнал. Владимир рванулся к Тае, схватил ее за руки. И все куда-то

исчезло: окружавшие его люди, звуки, недавние мысли, весь мир. Он молча смотрел ей в глаза и не мог произнести ни слова.

— Вот видишь... Успела,— сказала Тая, справившись с дыханием.— Ох, как я боялась опоздать... Так боялась...— Она не могла больше говорить. Владимир не сводил глаз с купола диспетчерской башни. Цвет сигнала переменялся. Заглушая все, прозвучал рев сирены.

— Пора,— хотел сказать он как можно равнодушнее, но его голос предательски дрогнул. Владимир отпустил ее руки и снова взял их.

— Ну скажи мне хоть что-нибудь,— прошептала она почти с мольбой. Владимир покачал головой, не отрывая взгляда от башни. Потом долго всматривался ей в лицо, будто хотел навсегда запечатлеть в своей памяти ее черты, золотое сияние волос, серые глаза. Он знал, что сейчас бесполезны любые слова. Он уже уходил, отрывался от родной земли. И не мог даже предполагать, когда вернется.

— Я хотела сказать тебе... я должна сказать, что была неправа тогда, в лесу,— быстро говорила Тая.— О, как мало осталось времени, я ничего не успела... Ты будешь иногда... думать о родине... обо мне?

А охрана уже отгесняла ее от барьера.

С шорохом опустилась защитная сетка. Тая застыла на месте, будто оцепенела. Платформа медленно пошла вверх.

Он видел, что фигура в голубом платье уменьшается с каждым мгновением. И тяжелый комок подкатил к горлу. Он хотел крикнуть ей слова прощания и не смог. Лишь помахал рукой. Люди внизу уже слились в одно большое неясное пятно. Прижавшись к иллюминатору, Астахов жадно смотрел вниз, словно с такой высоты можно было что-нибудь разглядеть. И хотя его сердце сжималось от боли, он чувствовал, что стал совсем другим, перемахнув одним решительным прыжком через грань, отделяющую юность от мужественной зрелости. Но все же он еще раз спросил себя: «Правильно ли поступил я?» И, немного подумав, ответил: «Нет, все равно. Пусть земное остается земным. Я вступил на великую галактическую дорогу».

Земля уже подернулась голубой дымкой, а он все еще стоял у иллюминатора и мысленно был там, внизу. Он снова шел с Таей по притихшему вечернему лесу накануне старта. Усыпанная хвоей тропинка долго петляла по склону и наконец вывела их на вершину высокого холма. Они остановились. «Завтра ничего этого не будет,— сказал себе Владимир.— Ни гор, ни солнечного заката, ни леса.— Он искоса взглянул на Таю.— И ее не будет. Она останется на Земле. Ну почему все это так нелегко?»

Словно угадав его мысли, Тая повернула голову, невесело улыбнулась. И опять, как всегда, ему показалось, что с ее волос стекает мягкое сияние. «Фея-сероглазка,— подумал он растроганно.— Фея северных саг».

Владимир знал ее с детства. Они вместе росли в небольшом городе на берегу Волги, учились в одной школе. Детская дружба незаметно перерастала в нечто большее. Но вот наступило время, когда он понял, что на свете есть вещи, заставляющие человека отказываться от самого дорогого... Внезапно он исчез на долгие годы. Исчез, ничего не объяснив. Лишь один раз за все время он написал ей короткое письмо. «Мои планы изменились,— сообщал Владимир, словно речь шла о поступлении в тот или иной институт.— Дело в том, что я встретил Королеву. Вернее, он остановил выбор на мне. Ты, наверно, слышала о нем? Теперь я должен забыть обо всем, что привязывает меня к Земле. Таково требование к тем, кто вступает на дорогу поисков. Если можешь, прости».

Имя Королева объяснило все. Это был ветеран поисков внеземных цивилизаций. Еще его называли Человеком без возраста: первый раз он отправился к звездам более тысячи лет назад. Вследствие замедления времени в трансгалактических кораблях за годы путешествий Королева на Земле сменился ряд поколений. А ему все еще было пятьдесят. И в каждом поколении, которое он заставал при очередном возвращении на родину, неизменно находились желающие последовать за ним. Тая поняла, что Владимир скрывается в Космическом Центре, Мекке искателей, где Королев был признанным вожаком. По его инициативе там намечались все сверхдальние экспедиции.

«Зачем он поддался этому, глупый? — думала она с горечью.— Разве негде применить свои силы на Земле?» Она не могла понять его поступка и до последнего момента надеялась, что Владимир изменит свое решение. Надеялась до тех пор, пока не прочла в списках экипажа «Скандия» имя Владимира. А «Скандий», новейший трансгалактический звездолет, предназначался для поисков внеземных цивилизаций. По счету он был двести тридцать вторым из ушедших в пространство с начала эры поисков.

...В тот день они долго стояли на вершине холма. Никто не хотел заговорить первым. На темнеющем вечернем небе зажглась звезда — яркая, крупная, даже как будто немного влажная. Она горела спокойным белым светом. Владимир смотрел на нее и вспоминал прежние встречи с Таей. Когда-то они мечтали отправиться вдвоем на Венеру, хотели быть пионерами освоения этой планеты, быть всегда вместе рука об руку.

— Скоро ее цвет изменится,— проговорил Владимир.— Новая атмосфера, искусственные материки. Другие условия от-

ражения света.— Он помолчал.— Я слышал, заселение Венеры уже началось?

— Да, ушла первая волна ракет.

— А... ты? — помедлив, спросил Владимир.

— Вернусь туда, где мы с тобой росли.

Перед его глазами встали родные степи, седые волны ковыля, зеленые левады, маленькая речушка, заросшая осокой, камышом, белыми кувшинками... А там, дальше, широкая гладь Волги. Ну почему все это нельзя взять с собой?

— Вне Земли нет ничего,— вдруг сказала Тая с ожесточением.— Нигде не встретишь такой красоты, как здесь, на Земле. Эти горы, лес, море, ветер... Все это есть и будет только здесь, а там,— она махнула рукой куда-то в небо,— все иное. Даже свет.

Владимир помрачнел. Да, верно, он теряет все это. «А что взамен?» — подумал он, чувствуя, как слабеет воля.

— Внеземные цивилизации... это нечто большее, чем красоты природы,— пробормотал он, но в его голосе не было прежней уверенности.

Тая недоверчиво поглядела на него:

— А кто может утверждать, что они существуют? Кто-нибудь видел эти цивилизации?

— Чего ты хочешь от меня? — почти с мольбой сказал Владимир.— Твердо я знаю лишь одно: нельзя прервать эстафету поисков...— Он запнулся, ибо то были чужие слова: их беспрестанно повторял Григорий Королев.— Ладно, оставим это.

Астахова охватила растерянность. Он привлек девушку к себе. Тая высвободилась. Ей хотелось заплакать, но она сдержалась. Лишь вспыхнули и угасли серые глаза. Сожаление о несбывшемся переполнило ее сердце. «Не нужна была эта встреча»,— подумала она. Быстрым движением подняла с земли ветку, нервно погрызла ее, бросила за куст.

— Мне жаль тебя,— сказала она.— Внеземные цивилизации не твое призвание. Выдержишь ли? Это, наверное, очень трудно?

— Кто знает? — непроизвольно вырвалось у него.

В стужавшихся сумерках нельзя было разглядеть ее лица, глаз, но Владимиру показалось, что она плачет.

Они расстались на развилке дорог. Он знал, что видит Тая в последний раз. Оцепенев, он следил, как она исчезает среди деревьев. Броситься вслед, догнать, объяснить, вернуть то, что было прежде?.. Вернуть дни юности? Но он не тронулся с места. Противоречивые желания разрывали его душу. Поскорее бы «Скандий», который ждет сейчас на лунной орбите, умчал его от земных наваждений. Но ведь Тая права в главном: можно пройти тысячи парсеков, открыть самые невероятные миры и никогда не возместить того, что оставил на Земле. Человека волнует и трогает земное, лишь то, частицей чего является он сам. Но ничего уже нельзя изменить. Решающий шаг сделан. Он, как и все его новые товарищи, должен принять эстафету из рук тех, кто начал ее до них.

День за днем, месяц за месяцем «Скандий» врезался в бесконечную ночь Пространства. «Третий год по времени корабля,— подсчитывал Владимир.— То есть десять земных лет. О боже! Кончится ли когда-нибудь это бесконечное монотонное падение в небесную бездну?»

Им все сильнее овладевала глухая, необъяснимая хандра. Возможно, виной этому было размеренное, невыносимо однообразное существование. Жизнь вне времени и пространства. Ни дня, ни ночи, ни движения, ни покоя. Разве можно назвать это покоем, когда ты как бы подвешен в пустоте на годы? Иногда Владимиру казалось, что вот-вот он сойдет с ума. Романтика поисковых экспедиций оказалась слишком суровой. Это было не то, что он представлял себе там, на Земле, слушая рассказы ветеранов. Или, может, они видели ее, романтику, в чем-то недоступном пониманию новичка?

Очередная «ночь» была на исходе, а Владимир все не мог заснуть, хотя через два часа должен был сменить Королева за пультом управления. В корабле стояла мертвая тишина. Ни звука, ни шороха... Что-то подельвают сейчас ребята? Спят, наверное. А что же им еще делать? Владимир завидовал им.

Ветеранам все нипочем. Они привыкли. У каждого за плечами годы и годы экспедиций. А он новичок, начинающий искатель. Но когда-то всем нужно начинать.

Он знал, что на корабле не спит только один человек — Григорий Королев. Владимир представил себе его богатырскую фигуру, копну полуседых волос, свисающих на широкий лоб, медлительные, уверенные движения, его глаза — темные, как вода в глубоком колодце. Королеву было уже за пятьдесят, и он всю жизнь ищет эту фату-моргану, иллюзию, мираж... «Конечно, внеземные цивилизации не более чем мираж, — с ожесточением подумал Владимир. — Сколько затрачено усилий! Но оправданы ли они?»

И он побежал к Королеву в рубку.

— Ты объясни мне, зачем все это? — начал он, будто продолжая прерванный разговор.

Королев медленно повернул голову. Он не удивился появлению Владимира, словно знал заранее, что тот придет.

— Что объяснить? — спокойно произнес Королев.

Владимир почти кричал:

— К чему были все эти годы исканий, не приведших к цели? Зачем нам эти другие разумные? Надеемся поумнеть сразу на тысячу лет? Так, что ли?

— Хотя бы и так, — снисходительно поглядел на него Королев. — Да, мы не встретили еще других разумных. Экспедиции вернулись ни с чем. Зато мы освоили ближние и дальние окрестности Солнца. А это уже немало! Теперь сфера исканий переместилась в третью спираль Галактики. И нам не придется искать там, где побывали до нас... — Он помолчал, внимательно разглядывая Владимира, его приземистую, крепкую фигуру, нервное, решительное лицо, покрасневшие от бессонницы глаза. — А нервы твои, Володя, пошаливают. Не рано ли ты вступил на длинную дорогу?

Астахов потупился. Ему стало стыдно.

Королев отвернулся и долго смотрел в иллюминатор, где все так же вспыхивали и гасли голубые факелы ближних звезд. Потом заговорил резко, отчетливо, словно откалывая фразы.

— Зачем? — спрашивают люди с тех пор, как вышли из первобытного состояния. Зачем неандерталец смотрел на звезды? Он мог и не замечать их! Для чего Прометей похитил с неба огонь? Можно было не делать этого. Люди и так слишком долго захлебывались в вязкой тине будней. Человек заслуживает большего. Пусть его предки родились в первобытном океане Земли, потом перешли на сушу, в жирную архейскую тину. Но жизнь нам дало все-таки солнечное излучение, свет Солнца. И в этом смысле человек — прямой потомок света, частица Солнца и звезд. Будущее людей среди звезд. Им предстоит познать и освоить Вселенную... Вот почему мы здесь,

в Пространстве. Да, я знаю, в глазах многих галактическая дорога — это дорога мечтателей и чудаков.

Королев усмехнулся, махнув рукой.

— Но разве мыслимо найти разумные миры в этом океане звезд? — возразил Астахов. Он так и не вошел в рубку, оставшись стоять в проходе. — Все равно что искать булавку, оброненную в песках Марса.

— Это уже другой вопрос, — ответил Корольев, по-прежнему глядя в иллюминатор. — Чтобы оторваться от Земли, нам потребовалось несколько тысяч лет. А по галактической дороге предстоит шагать миллионы лет. До тех пор пока длится эпоха красного смещения, Эра Разума. Так-то вот. Иди-ка, парень, спать. Я тоже ломал себе голову над этим много лет назад. И понял, что ничего не надумаешь, а получишь головную боль. Мы делаем не то, что нам нравится. Историческая необходимость, задачи каждой данной эпохи — вот кто нами командует.

Владимир возвратился в свою каюту, лег на постель, закрыл глаза... На несколько мгновений он забылся, может быть, заснул. Но мозг лихорадочно работал, рождая вереницы образов, мысли, неясные картины пережитого или передуманного. Астахов очень ярко представил себе молчаливые фигуры галактических пилотов, штурманов, ученых — тех, кто не вернулся из поисковых экспедиций. И будто сам вместе с ними переживал мучительные годы, проведенные в бесплодных исканиях.

Космонавты проплывали один за другим — смутные, зыбкие образы. И каждый говорил что-то свое одними губами. Владимир напряженно вслушивался. О чем они шепчут? Может быть, о родине? О ее зеленых лесах и солнечных восходах, без которых так нелегко в космической ночи? Или о том, что нужно без колебаний идти вперед, до самого конца великой галактической дороги?.. Они окружили его со всех сторон. И Владимир наконец понял, что хотят сказать космонавты. Это была повесть о тех, кто успевал поседеть, прежде чем корабли достигали ближайших к Солнцу звезд, на заре эпохи поисков... О людях, затерянных в ледяных пустынях иных миров... Об экспедициях, века назад сгинувших в Пространстве. Никто не знал, что с ними случилось. В сумраке каюты на мгновение возникло чье-нибудь лицо с горящими глазами, и в глубине их он неизменно читал одно: «Да, было очень тяжело. Мы тосковали о родине. Не увидели больше ее неба и морей. Но если бы пришлось начать снова...»

«Слыхал ли ты о двести первой трансгалактической? • — услышал он голос одного из космонавтов. — Мы уже возвращались домой и вдруг поймали сигналы искусственного происхождения. Можешь представить нашу радость? За столько веков экспедиций первые вести от разумных! Но это была только радиоволна, несшая информацию о разумной жизни вне Земли...»

Мы летели почти восемьдесят лет, пока не стало ясно, что цивилизация, подающая радиосигналы, удалена на миллионы световых лет. Никто из нас не дождался до конца обратного пути».

— Но почему вы не остановились? Вовремя не повернули назад?

Участники двести первой трансгалактической молчали, и Владимиру казалось, что они осуждают его сомнения.

...Космонавты постепенно растворились в темноте, а Владимир все слушал и слушал замирающие вдали голоса, чувствуя, как бьется собственное сердце.

Настойчивый писк микронаушников разбудил его.

— Астахов! Ты оглох, что ли? — услышал он голос Королева.

— Что случилось?

— Быстро в рубку, — ответил Корольев. Он был чем-то взволнован. Это было так не похоже на ветерана, что Астахов сразу вскочил на ноги.

...Владимир вбежал в рубку и замер, пораженный необыкновенным зрелищем.

Черное космическое небо на экранах обзора пылало ярким зеленым огнем. И в центре этого пожара, левее и выше корабля, с удивительной ритмичностью пульсировала странная призрачно-голубая звезда. Тормозные двигатели работали на полную мощность, оранжевые языки реактивной отдачи протянулись на многие километры впереди «Скандия». Навалившись на пульт, Корольев напряженно следил за приборами. На лбу у него выступила испарина, и Владимир понял, как нелегко сдерживать бег «Скандия», рвущегося прямо в этот океан звездного огня.

— Теперь видишь, что? — крикнул он, не оборачиваясь.

— Вспышка Сверхновой? — удивился Владимир. — Так близко от Земли?!

Корольев качнул головой, отменяя это предположение, и указал Владимиру место рядом с собой. Тот без слов понял, что от него требуется. Вдвоем они стали выводить корабль из зоны опасных потенциалов гравитации, созданных незнакомым светилем.

«Вот и кончилась, наверное, проклятая скука», — подумал Владимир с облегчением, хотя на душе было тревожно.

— Ба! Да это переменная, — вдруг сказал Сергей Новиков. Владимир и не заметил было, что тот тоже вошел в рубку. — Конечно, цефеида! Но откуда она здесь, в трех парсеках от Солнца? Странно, очень странно. Тут всегда была пустота... А теперь на тебе!

Новиков, астроном и космолог, был невысок, худощав и белобрыс, лет на пять моложе Королева, однако неизменный спутник его во всех экспедициях последнего времени. Малень-

кие с хитринкой глаза Сергея озадаченно уставились на шкалы приборов.

— А может, родилась молодая звезда? — высказал он другое предположение.— Однако не могла же она возникнуть из ничего, на голом месте?

Голубоватый шар светила увеличился в размерах. Еще минуту назад он был ярко-белым, а теперь все голубел и голубел. Приборы показывали, что, достигнув максимума блеска, звезда стала горячее на целых две тысячи градусов. Резкие, темные тени, отбрасываемые предметами, еще сильнее подчеркивали ее неизмеримую световую мощь.

— А взгляните-ка сюда,— вдруг сказал Новиков, не обращаясь ни к кому в отдельности.— Слева от звезды видна какая-то планета!

— Не может быть! — поднялся на ноги Королев.— Планета?

Новиков пожал плечами, выключил освещение. На экранах проступила оранжевая точка, призывно мерцающая из глубины черного пространства.

— Не может быть,— твердил Королев.— Яркая звезда с планетой в трех парсеках от Солнца? Неучтенная в каталогах? Ее не могли не заметить. В окрестностях Солнечной системы переписаны все объекты. Каждый атом вещества! Нет, это какая-то ошибка.

— Но это тоже не объяснение,— возразил Новиков.

— Хорошо, а что скажешь ты, звездочет? — усмехнулся Владимир.

Сергей молча прижался лицом к резиновому тубусу окуляра.

...Описав гигантскую кривую, «Скандий» погасил наконец свою скорость и теперь медленно поворачивался носом к звезде. Пульсации ее блеска были исключительно равномерными. По ним можно было проверять часы. Болومتر отмечал, что каждые девяносто четыре минуты — с точностью до миллионной доли секунды — звезда испускала в высшей степени упорядоченную серию ярких вспышек. Потом интервалы между ними сокращались, а светимость звезды резко падала. Затем весь цикл повторялся снова. Казалось, что там, вдали, работает исполинский прожектор, управляемый разумной волей.

— Не могу больше,— произнес Новиков, отстраняясь от окуляра.— Глаза не терпят. Проклятая звезда пылает не меньше Сверхновой.

Он крепко потер веки указательным пальцем левой руки и включил электронно-оптические преобразователи. Звезда сразу померкла, ее свет приобрел спокойные желтоватые тона.

В централь управления вошел штурман Ренин и молча стал позади Королева; выпуклыми голубыми глазами он следил за экраном, где качался туманный диск планеты.

— Где мы? — спросил он, подавшись вперед.— Что за планета? — Но тут же увидел голубую звезду и умолк.

— Рассчитай выход на орбиту,— бросил ему через плечо Королев.— Удивляться будешь потом.

Владимир сел за электронную машину. Некоторое время раздавался сухой голос Ренина, диктовавшего расчетные цифры, да треск перфоратора.

Внезапно Новиков вскочил на ноги:

— Ребята! Там что-то есть! Вблизи экватора.

— Что ты увидел? Где? — бросился к нему Королев.

Но Сергей снова прильнул к окуляру. Его рыжие волосы растрепались, закрывая глаза, и он поминутно отбрасывал их назад. Королев нервно отстранил Новикова:

— Пусти-ка меня! Что ты увидел?

— Ничего не разберешь...— спустя некоторое время проворчал он.— Мгла какая-то кругом.

Почти тотчас экраны заволочило странной белесой дымкой. Королев выругался и, оставив телескоп, перешел к пульту. Чувствуя, как от волнения дрожат пальцы, включил клавишу нейтринного генератора. Вся передняя часть звездолета сразу посветлела и стала прозрачной. Распахнулась ширь пространства. Тускло блестели далекие звезды, а прямо по курсу ярким факелом горела голубая звезда. Сияние ее жемчужной короны погасило блеск всех звезд в центральной части неба. Но вот она начала бледнеть и вскоре скрылась в облаках мглы, которая глухой завесой отрезала космонавтов от Пространства.

Некоторое время «Скандий» двигался вслепую, даже гамма-локаторы ничего не могли обнаружить. В рубке стояла глубокая тишина, и стук метронома еще сильнее подчеркивал ее.

Королев нажал переключатель. Глухо завывали тормозные двигатели.

— Да ты что, уж не приземляться ли задумал? — крикнул Ренин, вставая из своего кресла.

— Да,— отрубил Королев.

— Я возражаю!

— Кто здесь командир? — сказал Королев, не отрывая взгляда от экрана обзора.— Уж не трусишь ли ты? — насмешливо спросил он, повернув наконец голову в сторону Ренина.

— Нет, почему же...— Ренин опустил в кресло, склонился над приборами, прокладывая курс. Но в его выпуклых глазах отражалась тревога, даже страх. Штурман всегда был осторожен и не любил рисковать. Кроме того, это был его последний дальний рейс: штурман устал от бесплодных экспедиций и вечно черного неба. Все-таки четверть века в космос!. С него хватит. Много ли надо? Тихий уголок где-нибудь на природе. Копаться на грядках, выращивать яблони. А глав-

ное — умереть на родной земле. И чтобы над головой кусочек синего неба.

А эта неожиданно вынырнувшая из Пространства звезда внушала ему страх.

«Скандий» медленно вошел в зыбкую стену белесой материи.

— Смотрите, смотрите!! — взволнованно вскрикнул Новиков. Плотная завеса впереди корабля уползала в стороны, открыв широкое неправильной формы окно. Сквозь мглу проступил вогнутый диск небесного тела. И тут все увидели какие-то конструкции, висящие над ними. словно на экваторе планеты набросили крупноячеистую сеть, в узлах которой пульсировали сердцеобразные тела.

— Неужели?.. — прошептал Королев. Его богатырская фигура, перегнувшись вперед, через пульт, казалось, летела навстречу загадочным силуэтам. «Неужели нашли разумный мир? — радостно думал он. — Значит, не пропали даром усилия тех, кто не вернулся на родину? Неужели сбывается мечта поколений?»

А вслух он без конца повторял, ударяя рукой по плечу стоящего рядом Астахова.

— Нет, ты взгляни! Что же это такое?

— Город? — сказал Новиков. — Эфирный город?

— Скорее, руины на поверхности планеты, — неуверенно возразил Владимир.

— Просто тени... Игра воображения! — с раздражением проговорил штурман, с беспокойством вглядываясь в экран. — Какая там еще цивилизация? Где тогда ее творцы? Почему их не видно?

Ему никто не ответил.

Окно быстро расширилось. Теперь стало ясно, что это действительно дело рук разумных существ. Решетчатые антенны в форме параболоидов были сцеплены в исполинский круг. Астахов бросился к фототелескопу, навел его... И едва не закричал, прикрыв глаза: внезапно по всему кольцу параболоидов вспыхнул ярчайший свет. Образовав толстый луч, он стремительно вонзился в черноту космоса. И сразу в рубке проснулся автомат, измерявший расход топлива, сам собой включился главный двигатель. Через мгновение он смолк, захлебнувшись от непонятной перегрузки. Корабль самопроизвольно рванулся вперед. Никто ничего не успел сообразить. Королев от неожиданности повалился грудью на пульт, увлекая за собой Ренина. Владимир повис на стойках робота и благодаря этому удержался на ногах. Новиков вскрикнул, ударившись лбом о выступ телескопа.

— Меняй курс! Говорю тебе, меняй! — с багровым от напряжения лицом кричал Ренин. — Не то погибнем!

— А для чего вихревая защита? — спокойно произнес Королев, протягивая руку к диску включения.

Вокруг «Скандия» заструилось слабо-фиолетовое свечение — защитное силовое поле.

— Не хочу подыхать здесь! — продолжал звать Ренин. И все не мог оторваться от ручки кресла: перегрузка прижимала его к полу.

— Прекратите, штурман! — жестко сказал Королев.— По местам! Иду на посадку.— Он начал пристегивать ремни.

Его темные глаза почти смеялись. Дождались наконец своего дня. Вот она, внезапная цивилизация! Здесь, рядом.

Корабль все глубже проникал в белесую мглу. Космонавты напряженно ждали новых, еще более сильных рывков. Но пока все было спокойно. Только мощность защитного поля вокруг «Скандия» быстро падала. Снова открылась поверхность оранжевой планеты. Мгла разошлась. Владимир, приготовившийся развернуть корабль кормой вперед, вдруг увидел непонятную картину: диск планеты, четкий и ясный минуту назад, размылся, выгнулся внутрь гигантским зонтом. Через мгновение это был уже не зонт, а конический туннель, по его внутренней поверхности лепились новые сооружения. А где-то далеко в черной пропасти туннеля угадывалось громадное пространство, наполненное той же самой зыбкой мглой.

«Что там еще за сюрприз?» — тревожно подумал Владимир и повернулся к Королеву, чтобы обсудить это новое явление. Но не успел... Из решетчатых параболоидов хлынула волна ослепительного света. Приготовившийся к посадке корабль оказался в самом центре этого потока материи.

В центре сразу погасло освещение, напряженность защитных магнитных полей упала до нуля. С невероятной силой «Скандий» потащило куда-то в крошечную тьму, что виднелась в конце туннеля. И опять Королев метался у пульта, пытаясь включить аварийные двигатели. Чудовищное ускорение прижало их к креслам, в глазах поплыли зеленые пятна.

Наконец зажегся неяркий аварийный свет. Королев тут же скомандовал Астахову:

— Сбавь потенциал! Сбавь ради бога!

Владимир глянул туда, куда показывал Королев, и ужаснулся: на координатном экране стремительно выросла зловещая цифра. Он зажмурился. Сейчас замкнется цепь, и генератор антигравитации выйдет из строя. Мгновенно исчезнут мощные вихревые токи, поддерживающие защитное поле. И тогда не останется ничего ни от людей, ни от корабля. Неимоверная тяжесть перегрузки расплющит все, что не обладает прочностью монолитного бруска стали.

— Аста-а-а-хо-о-в! — ревел Королев, пытаясь преодолеть инерцию и через голову Владимира дотянуться до клавиши.

Усилием воли Владимир стряхнул завораживающее оцепенение, отвел руку Королева, напряженно повисшую над его

плечом, и рывком включил дополнительный и последний каскад защиты.

— Успели...— выдохнул он с громадным облегчением.

— Еще сбавь, Володя! — тяжело дышал ему в ухо Королев. Его лоб покрылся испариной. «Нелегко тебе, старина. На покой уже пора. А ты все храбришься»,— мелькнула мысль.

— Больше нет резервов мощности,— ответил Владимир, удивляясь, почему так медленно ворочается во рту язык. Напрягая шейные мышцы, он с трудом повернул голову, взглянул в боковой иллюминатор. Там исчезло все: небо, звезды, оранжевая псевдопланета. Как в тумане, видел он поникших в креслах товарищей, Королева, упиравшегося руками в край пульта, мерцающие шкалы приборов. «Что это со мной? — медленно подумал он.— Слишком большая перегрузка? Непохоже...»

Постепенно он впал в еще более глубокую депрессию. Сознание едва мерцало. Но вот ему необыкновенно ярко представилось, что «Скандий», пронизав все спирали Млечного Пути, уже покинул обозримую с Земли часть Вселенной и теперь в немыслимо быстром темпе мчится в каком-то ином пространстве-времени. Возможно, в том самом, что смутно угадывалось в просвете того странного туннеля. Где-то внизу, в глубочайшей пропасти, черной, как сажа, без единого проблеска света, Астахов увидел лишь грандиозную извилистую складку. Она светилась изнутри еле заметным сиянием. «Бог ты мой! — ужаснулся он.— Да ведь это наша Метагалактика. Наш трехмерный Эвклидов мир! Куда же мы уносимся?»

Потом он увидел Таю, стоявшую в конце тропы, усыпанной хвоей. Фигура девушки становилась все меньше, тоньше, пока не растворилась в серой мгле. Владимир задохнулся от страха, он закричал, словно можно было остановить этот сумасшедший бег «Скандия» в черную бесконечность. Но вот на него нахлынула новая, еще более сильная волна перегрузки и затопила с головой.

II

Когда Владимир очнулся, его поразили необыкновенная тишина и покой, царившие в рубке. Кончилось немыслимое стремительное движение в неизвестность, словно его не было. Астахов приподнялся на локтях, встряхнул головой. Осмотрелся. В иллюминаторы врывался сильный красноватый свет. «Какой странный свет»,— подумал Владимир и тут наконец заметил Королева, будто уснувшего в кресле пилота.

Владимир вскочил на ноги, достал из кармана биостимулятор, поднес к лицу Королева. Тот медленно пришел в себя, отстранил руку Астахова:

— Хватит, спасибо.

Сообразив, что корабль не движется, он удивленно приподнялся.

— Я проспал приземление?

— Можно считать, что проспал,— усмехнулся Владимир.

Они бросились к иллюминаторам. Вокруг корабля густо переплетались странные, абсолютно прозрачные, почти невидимые конструкции. Внутри них и находился «Скандий». Во всех направлениях, словно призрачный мертвый лес, тянулись спиральные колонны. Между ними космонавты увидели концентрические ряды аппаратов, по виду похожих на земные энергоприемники. А еще дальше, в глубине, высился прозрачный сфероид, внутри которого мерно дышала голубая зернистая масса. Присмотревшись, они поняли, что весь этот пейзаж имеет необычный характер. Он на глазах менял свои очертания, формы и, вероятно, структуру. То разжигался до аморфной, почти невидимой силуэтной массы, то вдруг проступал необыкновенно резко, чтобы спустя мгновение вновь расплыться. Больше всего это напоминало отражение в воде, когда его внезапно искажает легкая рябь или перемена освещения.

— Где мы? — сказал Королев, с недоумением разглядывая колеблющийся призрачный сфероид.— И куда пропала открытая нами звезда?

Над конструкциями висел сплошной звездный покров, почти без просветов между отдельными светилами. Необычайно крупные, яркие, они казались застывшими багровыми кострами. Было их невероятно много — тысячи ярко-красных Венер. Можно было свободно читать книгу.

— Ничего не понимаю. Та это планета или не та?

— Черта с два! — раздался знакомо ворчливый голос — Совсем другая.

Они обернулись. Разбрасывая в стороны перепутавшиеся ремни, из кресла вылезал Ренин.

— Да, да,— продолжал он.— Взгляните на счетчик пути. Мы прошли десяток таких галактик, как наша... А Часы относительности говорят о перемещении едва на миллион километров. Как это можно совместить?

Королев сделал рукой жест, словно отмахиваясь от неразрешимого вопроса, и подошел к распластанному на полу Новикову. Общими усилиями они привели его в чувство. Выслушав Королева, Сергей долго смотрел в иллюминаторы, смешно вращая головой вверх, вниз, по сторонам.

— Какой странный мир! — Потрясенный Новиков поглядел на Королева.— Ночь здесь или день? Где центральное светило? Куда мы вообще попали?

— Не знаю,— ответил Королев.— Ты космолог, тебе и карты в руки.

Сергей молча взъерошил вихры и полез на высокое операторское кресло. Некоторое время он придирчиво изучал показания астронавигационных шкал. Потом к нему присоединились Ренин и Астахов. Но загадка не становилась понятнее. Стрелки приборов застыли на тех же цифрах, что и при подходе к оранжевой псевдопланете. Каким же образом «Скандий» погасил свою огромную скорость и совершил посадку? Кто управлял им все время? Новиков еще раз поглядел на расходомер энергии и перевел вопросительный взгляд на Астахова.

— Нет,— сказал тот.— Я ничего не делал. И Королев тоже.

Они снова собрались посередине рубки. Что за мир лежит за стенами корабля? Есть ли здесь разумная жизнь?

— Безусловно,— сказал Королев.— Вот доказательство..

Он кивнул на прозрачные колышущиеся конструкции.

— Но кто управляет ими? Кто?

Королев пожал плечами и уставился в иллюминатор. Подобные силуэтам сооружения на миг выступили с ослепляющей четкостью, затем побледнели, размылись до еле уловимых глазом штрихов. «Значит, ими кто-то управляет? — размышлял Королев.— А может, мы находимся в автоматической зоне с дистанционным управлением?»

— Придется выйти на разведку,— сердито сказал он вслух.— Принеси-ка, Володя, скафандры.

III

Ренин тщательно осмотрел все узлы и отсеки корабля. В общем он пострадал мало. Только оранжевая была разрушена почти полностью, от нее остался один каркас. Это значило, что они лишились одного из основных источников продовольствия. Штурман покачал головой и прошел в двигательный зал. Спустя минуту Ренин уже понял, что случилось самое страшное: «Скандий» потерял все запасы энергии. Она ушла сквозь магнитные экраны, как вода через решето.

Он разыскал Королева и сообщил о результатах осмотра.

— А на сколько хватит концентрированной пищи? — спросил Королев после длительного молчания.

— На полгода, не больше,— сказал Ренин.— Но и это не имеет значения. «Скандий» никогда не взлетит!

В его выпуклых глазах застыло отчаяние. Вдруг он сел на пол, обхватил голову руками и, раскачиваясь, словно у него болели зубы, стал выкрикивать злым высоким голосом:

— Я говорил тебе! Говорил? Почему не повернул вовремя? А теперь...

Он замолчал, все так же раскачиваясь, по-прежнему не глядя на Королева.

— Ну, ну,— мягко произнес Королев.— Без паники.

Ренин отвернулся.

— М-мда...— вздохнул Королев, искоса поглядел на приунывшего Владимира, на Новикова и шумно прошелся по рубке. Потом остановился у иллюминатора.

— Астахов, принеси-ка скафандры, — медленно проговорил он. Владимир кивнул и неохотно приблизился к шкафу.

А Королев, закрыв глаза, мучительно размышлял. Да, Земли им, пожалуй, не увидеть. Зато найдена вземная цивилизация. Довольно странная, но цивилизация. Поколения людей мечтали об этом великом дне. Сколько их прошло по бесконечным просторам Галактики, так и не встретив даже обломка иной культуры? И вот эта удача выпала на долю «Скандия». Им повезло.

— Пошли! — произнес он решительно. Уже войдя в шлюз, обернулся и поглядел на Ренина. Тот сидел на полу все в той же позе, обхватив руками голову. «Здорово он сдал,— подумал Королев с тревогой.— Вернемся из разведки, надо поговорить с ним по душам».

...Когда они вышли из корабля, сооружения неведомой цивилизации перестали расплываться и приобрели устойчивые очертания. Было такое ощущение, будто кто-то прервал их бесконечные метаморфозы. Вскоре космонавты приблизились к постройке, похожей на окаменелый трехмерный парус. Королев остановился перед ней, разглядывая тускло-серую, покрытую сетью мельчайших трещин поверхность. «Действие жары», — машинально отметил он и взглянул на термометр, вмонтированный в обшлаг скафандра. Прибор показывал около трехсот градусов выше нуля.

«Парус» весь был утыкан спиральными усиками из белого гибкого вещества.

— Антенны? — вопросительно сказал Новиков.

— Щеточки для ногтей,— с серьезным видом пояснил Королев.

Сергей поджал губы и промолчал. Он понял, что Королев сейчас напряженно размышляет и его лучше не трогать. А тот включил портативный нейтрино-локатор, приложил его к стене здания-паруса. Тотчас на экране прибора возник длинный полутемный зал. Его стены образовывали вогнутые панели, и на них функционировали механизмы, напоминающие живые существа. Угадывались ряды и ярусы каких-то кибермашии, ежесекундно менявших свой вид и форму, словно невидимый конструктор непрерывно уточнял их конструкцию и назначение.

— Гляньте-ка, что там за штука? — произнес Новиков.

Они проследовали направление его взгляда: в гуще наиболее сложного переплетения «живых» механизмов плавно вращался решетчатый диск, и на нем мерцала цветная мозаика кругов и спиралей.

— Да это же модель Вселенной!— вглядевшись в диск, сказал Королев.

Астахов вытянул шею и долго рассматривал непонятные узоры.

— Пожалуй, ты прав,— подтвердил он важно, хотя ничего не увидел в этих бешено вращающихся линиях.

— Да? — насмешливо улыбнулся Новиков.— А я вот, к примеру, ничего не понимаю. Вон там как будто третья спираль Галактики... Светящийся значок, по-моему, звезда, на которую мы едва не наскочили в пространстве. И та странная планета рядом. Видишь, изображение параболоидов вокруг нее? Но что дальше?.. Совершенно неизвестная модель некоего мира. Но где он находится по отношению к Земле, Солнцу?

Владимир промывчал что-то нечленораздельное.

— Не спорьте,— негромко сказал Королев.— Все это беспредметные разговоры. А вот нечто знакомое. Смотрите, луч!

Королев стоял, запрокинув голову... На фоне угрюмых красных звезд, разгораясь с каждым мгновением, струился поток белесой субстанции. Он возник словно из небытия и, круто загибаясь, вдруг упал на вершину исполинского сфероида, что виднелся в полукилометре справа. Прокатился очень низкий, мощный гул, массив равнины содрогнулся у них под ногами. Космонавты почувствовали, как в их сердца закрадывается страх перед неизведанной мощью этого мира.

— Следите за диском теперь! — почти кричал Королев.

Все, как по команде, повернулись в сторону «паруса», вернее, к экрану нейтрино-локатора. И увидели, как на решетчатом диске вспыхнула яркая цветная линия. Выходя из значка цефеиды — необычной звезды, которую они встретили в Пространстве, линия стремилась к центру прибора, где закручивались спирали неизвестной галактики.

— Стойте, стойте! — воскликнул Новиков.— Диск отмечает импульсы субстанции. Да, да, начинаю соображать! Звезда поставляет энергию. А сфероид — ее энергоприемник.

— Переброс энергии из галактики в галактику? — поразился Королев.— Но для чего? Где целесообразность? Разве тут не хватает своих источников энергии?

Он поглядел на миллионозвездное небо.

— А я думаю, что разгадка проста,— сказал Владимир.— То, что мы видим, не больше как остатки некоей цивилизации. А сама она давно умерла. Иначе, где же ее творцы?

Владимир умолк, следя за лучом субстанции, стремительно промчавшимся по небу.

— Кто на это ответит? — пожал плечами Новиков.

Космонавты надолго замолчали, думая каждый о своем.

...Королев снова подошел к зданию-парусу и, приложив ухо к стене, долго прислушивался к смутному гулу, доно-

обрывок потемневшей от жара термоткани. Королев бросился к находке, упал на колени, разгребая огромными ладонями серую почву.

сившемуся изнутри. Потом повернулся и зашагал к сфероиду.

После утомительного блуждания среди запутанных конструкций они вышли наконец к энергоприемнику. Жара здесь по термометру достигала шестисот градусов. А термоскафандры были рассчитаны на восемьсот. Стараясь не думать об этом, Королев внимательно рассматривал колоссальную выпуклость сфероида. Вблизи он оказался еще более громадным — как трансгалактический звездолет. И в то же время поражал математически точным совершенством своей формы. Вещество его стен было настолько прозрачно, что терялось представление об их толщине. Зернистая масса внутри сфероида словно парила в воздухе, вздымаясь и опадая тяжелыми гроздьями.

Подавленный необычностью и мощью этого явления, Королев снова спросил себя: «Кто же они, создавшие такую цивилизацию?» Вдруг его будто в спину толкнули. Он резко обернулся: в трех шагах позади него торчал полузасыпанный песком

— Что ты там нашел? — кинулся к нему Владимир.

На куче разрытого песка перед ними лежал чей-то скафандр, вернее, его остатки. Скафандр был явно земного происхождения, почти такой же, как у них, только серии, выпущенной лет двадцать назад.

— Не понимаю, — пробормотал Новиков. — Земной скафандр? Здесь?! — Он машинально поднял руку, чтобы по привычке взъерошить волосы, но досадливо отдернул руку, наткнувшись на шлем.

— Что скажешь? — Владимир опустился на корточки и заглянул в лицо Королеву. И тут же отвел взгляд. Лицо Королева было искажено гримасой боли.

— Что с тобой? — прошептал Владимир.

— Я знаю, чей он... — глухо произнес Королев. — Вот личный знак.

Его тяжелая рука медленно протянулась вперед, коснулась металлического ромба на отвороте найденного скафандра. Тускло блеснули буквы «ВЗ».

Рыжие брови Новикова, напряженно слушавшего слова Королева, полезли вверх:

— О чем ты говоришь?

— Я знаю, кто это был, — повторил Королев. — Виктор Зотов. Вот почему его не могли разыскать.

Имя Зотова было хорошо известно всем. Лучший галактический пилот за всю эпоху поисков. Двести пятая ракета, посланная под его командованием в дальнюю разведку, не вернулась домой. Она пропала бесследно, словно растворилась в пространстве. Ее искали долго и безуспешно. И вот теперь... Значит, и двести пятую поглотила эта странная псевдопланета, вернее, пространственная ловушка?

В тяжелом молчании смотрели космонавты на то, что осталось от скафандра. Вероятно, Зотов до последней минуты изучал ритм деятельности сфероида: об этом говорил невыключенный внутришлемный магнитокристалл. Из его выходной щели свисал обуглившийся кусок микроленты. Скафандр был растегнут от верха до низа, в его внутренних складках виднелась темно-серая пыль, похожая на пепел. В какой-то момент Зотов рванул застежки... Остальное довершила тысячеградусная жара. Но почему он сделал это? Зачем?

— Корабль где-то здесь, недалеко, — сказал Королев. С трудом поднялся на ноги, побрел прочь, не оглядываясь. За ним потянулись остальные.

IV

Прошло более двух суток, прежде чем они разыскали двести пятый. Корабль лежал, завалившись на бок, и его сломанные посадочные клешни, устремленные к небу, казались лапами

застывшего в агонии зверя. Толстый слой красной пыли осел на обшивке корпуса, на антеннах локаторов, на полураскрытом внешнем люке. Когда они добрались к звездолету, ветер взвихрил эту пыль в громадное непрозрачное облако. Королев и его спутники шли к ракете почти ошупью, держась друг за друга. Наткнувшись на острый выступ в корпусе, они остановились. Пришлось ждать не менее часа, пока рассеется эта странная невесомая пыль. Королев принялся стучать по обшивке рукояткой излучателя. «Кому он стучит? — с недоумением подумал Владимир.— Ведь прошло столько лет!»

Словно угадав его мысли, Королев спрятал излучатель, пошел к люку. Но здесь долго медлил. И Владимир понял, что Королев не может заставить себя войти в мертвый звездолет: Виктор Зотов был его другом.

— Пропусти-ка меня,— сказал Астахов, трогая товарища за плечо.

— Нет, сам,— глухо произнес Королев и протиснулся в щель люка.

В шлюзе их встретил мрак, тишина, запустение. Бахрома мерцающей пыли свисала с потолка, приборов, механизмов, усиливая тягостное впечатление заброшенности и безлюдья. Когда в шлюз вошли все, стало еще темнее. Королев ошупью нашел переключатель, несколько раз повернул его. Свет не зажегся. Значит, батареи разрядились давным-давно.

— И внутренняя дверь не открывается,— сказал из темноты Новиков.— Автомат проржавел насквозь.

Владимир достал небольшой квантовомеханический резак и передал его Королеву. Тот медленно навел аппарат на массивный выступ внутренней двери и заколебался. На миг ему показалось, что там, внутри звездолета, есть люди. Потом он закрыл глаза и, вздохнув, нажал спусковую кнопку лазера.

В салоне, куда они проникли, стояла глубокая тишина. С каким-то суеверным страхом Королев всматривался в темноту. Вот луч фонаря скользнул по темным шкалам приборов, обшарил углы, задержался на пустом кресле главного пилота. И сердце Королева сжалось от боли: он вспомнил, как много лет назад провожал Виктора в этот рейс. Вспомнил его худощавое упрямое лицо, отчетливый голос: «Не беспокойся, Гриша. Все будет в порядке».

— Никого и ничего,— сухо прозвучал за его спиной голос Новикова.

— А на что ты надеялся? — невесело усмехнулся Королев, осторожно, словно ступал по тонкому льду, приближаясь к пульту. Его глаза были устремлены на предмет, выхваченный световым лучом из мрака. Небольшая плоская коробочка с блестящими на ее ребре буквами «ВЗ» лежала на самом видном месте: видимо, тот, кто оставил ее здесь, хотел, чтобы в пер-

вую очередь заметили именно ее. Королев сразу узнал личный магнитный кристалл Зотова. И так, они узнают сейчас, почему Виктор, лучший галактический пилот, не вернулся на родину.

Осмотрев другие отсеки, возвратился Астахов.

— И там никаких признаков.

— Ну, это уж совсем непопятно! — нахмурился Королев.— Пусть прошло много лет. Они умерли. Но ведь что-то остается от человека? Хоть что-нибудь?

Он опустился в кресло, в котором некогда сидел Виктор, и прикрыл глаза рукой.

«Что тут горевать? — думал Владимир, хотя у самого сжи малось сердце.— Остались многие в галактических просторах, и никто даже не знает об их судьбе. Важно, что жертвы были не напрасными. Найдена цивилизация. Это оправдывает все».

— Ты хорошо осмотрел? — спросил через некоторое время Королев, беря в руки кристалл и сдувая с него пыль.

— Тут все на виду,— пожал плечами Владимир.

Королев задумчиво разглядывал кристалл, а Владимиру казалось, что он мысленно беседует с кем-то, заключенным внутри прибора.

— Включи анализатор,— попросил Королев.

Пробормотав что-то насчет старой рухляди, устаревшей еще сотню лет назад, Астахов вскрыл запылившийся анализатор, вмонтированный в нижнюю панель пульта. Механизм был как будто в порядке, но он сразу увидел, что прибор не станет работать.

— Здесь ни капли энергии,— сказал Владимир, с треском захлопывая крышку анализатора.

Королев молча кивнул и спрятал кристалл в сумку. Потом начал рыться в ящиках пульта. Вскоре он извлек оттуда пожелтевший бортовой журнал, старые микроленты. Они принялись читать скудные записи. К сожалению, текст обрывался как раз на том месте, когда двести пятая потерпела аварию. И ни слова о судьбе экипажа.

— Где же они? Что произошло? — гадал Владимир.

— Послушаем магнитный кристалл,— решил Королев, поднимаясь на ноги.

— Идемте в «Скандий».

...И вот зазвучал голос Виктора, хранившийся в кристалле. Голос часто прерывался, слабел, падал до шепота:

«Сегодня исполнилось двенадцать лет с тех пор, как случилась катастрофа. Двенадцать лет! Скупые отмеренные порции воды, пищи... Продержаться как можно дольше — вот о чем просил я ребят. И они держались. Но только теперь я убедился, что для познания этой цивилизации мало и тысячи лет. Кое-что мы все-таки узнали. Наша двести пятая проникла, оказывается, в новую область Пространства — громадную зону

сверхвысокой цивилизации. Этот мир развивается по каким-то особым законам, превосходящим границы человеческого познания. Расчеты говорят о том, что по лучу света цивилизация лежит всего в трех парсеках от Солнца. Но, согласно новейшей космологии, отсюда до Земли миллионы световых лет. Непонятно лишь, как мы сумели пройти такое расстояние за несколько месяцев...

...Что касается звезды, которую мы встретили в космосе, встретили неожиданно, вопреки данным астрономии, то это вовсе не звезда. Просто искусственное сгущение материи. Искусственное светило, внезапно излучающее громадные импульсы энергии. Для чего творцы цивилизации зажгли его почти рядом с Солнцем? Думаю, с одной лишь целью: ДАТЬ ЗНАТЬ О СЕБЕ ДРУГИМ РАЗУМНЫМ МИРАМ. Это звезда-маяк. Но кому они сигнализировали? Возможно, какой-то иной сверхцивилизации, родственной континууму два зет, как я назвал открытый нами мир...»

Голос оборвался. Королев с мрачным видом крутил диски анализатора. Тихо шипел проектор. Вот опять возник голос Виктора: «Товарищи уходят один за другим... Нет воды, концентраты на исходе, вернее, уже кончились. Но не это мучает меня. Я все спрашиваю себя: «Почему здешний разум не хочет помочь нам? Или он стоит по ту сторону добра и зла? Не верю! Просто цивилизация не подозревает о нашем существовании... Мы незаметные букашки для них...»

...Сущность открытой нами цивилизации необыкновенна, необычна. Я много размышлял об этом. Есть в земной философии одна глубокая мысль — о том, что в самом фундаменте материи заложена способность к отражению внешнего мира. Если представить себе материю в форме, скажем, куба, то способность отражать, ощущать, мыслить сначала выглядит как бесконечно тонкое основание материи. Потом в ней возникают «живые блоки» — коацерваты, протисты, амёбы, инфузории, растения, животные, наконец, человек, разумное существо. И фундамент, основание растет в толщину. Это уже весомая часть куба. Львиная доля фундамента падает на человеческое сознание. И вот вопрос: будет ли фундамент разрастаться дальше? До каких пор? Есть ли предел?..

...Я утверждаю: открытая нами цивилизация подошла к пределу своего развития! Ее фундамент, утолщаясь, пронизал в конце концов весь куб. Фундамент материи стал одновременно и ее сущностью. Уверен, что весь «континуум два зет» заселен многими триллионами разумных существ. Но мы их не видим. Здесь нет разделения на мыслящие и косные формы материи. Сверхцивилизация не нуждается в таком разделении. Она настолько глубоко и полно познала законы природы, что лепит любые формы, в том числе и оболочку для разума, для самого

себя. Лепит без всякого усилия, минуя орудия труда, сырье, машины, приборы, навыки — все то, что составляет гордость нашей, земной цивилизации... Повторяю, здесь нет отдельной мыслящей особи в нашем понимании. Поэтому нас никто и не замечает. Чтобы вступить в контакт с «континуумом два зет», необходимы тысячи, миллионы лет развития человечества Земли. А двенадцать лет лишь ничтожная пылинка времени».

«...Похоронил ребят здесь же, у корабля. Но кто делает это для меня? Нет, не то говорю... Пусть не увижу родины, ее неба, солнца, лесов. Но кто сообщит людям о новой цивилизации? Кто проложит сюда маршрут? Крохотная надежда заставляет меня сохранить эти записи. Может быть, они пригодятся. Слушайте внимательно! Чтобы звездолет мог вернуться на Землю, каждый будущий пилот, попавший в континуум, должен ровно через пятьдесят три секунды после взлета ВОЙТИ В ЛУЧ БЕЛОЙ СУБСТАНЦИИ. Ибо луч — это канал, пространственный туннель, связывающий этот мир с нашим трехмерным, Эвклидовым континуумом. А псевдопланета, которая внезапно появляется около голубой звезды-маяка, как бы окно — вход в иное пространство-время... Молю о том, чтобы мое открытие принесло людям пользу!

...Наша дорога ведет к постижению неэвклидовой гармонии Вселенной. Вот цель земных поисков. Я сделал по этой дороге всего полшага. А хотелось бы идти без конца. В последний раз, видимо, отправляюсь к сфероиду».

Наступило молчание. Космонавты стояли не шевелясь, словно изваяния. Так прошло несколько минут.

— Что он задумал? Я не пон... — начал Владимир и замер на полуслове. Почти зримо представил он себе, как Виктор Зотов диктует эти слова магнитному кристаллу. А затем уходит к сфероиду. И Владимир понял желание пилота: исчезнуть бесследно, оставив людям лишь память о своем открытии.

— Зачем ты сделал это, Витя? Зачем? — твердил возле него Королев. И этот глухой, исполненный боли голос отчетливо звучал в сознании Владимира многие годы.

В полном молчании разошлись они по своим каютам. То, что сообщил кристалл, требовало осмысления.

...Долго простоял Астахов у иллюминатора. Под чужими созвездиями равнодушно дремала желто-серая равнина, равнина без конца и края. Вдали громоздились непонятные конструкции, непрерывно менялись их очертания и формы. Все так же бороздил небо луч белой субстанции: гигантская энергосистема действовала безостановочно в раз навсегда заданном ритме. Казалось, так было с сотворения мира. Эта осмысленная деятельность резко контрастировала с полной безжизненностью окружающего мира. И огромная гордость охватила Владимира. Нет, они не трехмерные букашки, думал он. Ведь это они, зем-

ляне, проникли в самое сердце сверхцивилизации. Пройдет время, они познают ее. Их разум тоже способен подняться до этих вершин. Пусть они лишь разведчики и им непонятно все окружающее. Но за ними идут другие. Да, они пойдут... если сообщить па Землю об этом открытии. Только как это сделать? Где ты, Земля? Как разыскать к тебе дорогу?

V

Прошла бессонная ночь. Когда Владимир пришел в рубку, он застал там одного Королева. Опустив свою громадную голову, тот сидел у иллюминатора и исподлобья смотрел на миллионглазый звездный узор. Беззвучно струился в вышине луч субстанции. И Владимир понял, что Корольев тоже не спал и думал о том же — о далекой родине, о сверхцивилизации, о судьбах экипажа, о том, как известить землян об открытии.

— А-а... где ребята? — охрипшим голосом спросил Владимир. На миг ему показалось, что произошло то, о чем глухо рассказывали летописи космонавтики.

Корольев не ответил, но своими темными, как вода в глубоком колодце, глазами показал на дверь видеокаюты.

— Что они там делают? — с недоумением спросил Владимир, но тут же догадался. Синее небо родины, зелень ее лесов, даже настоящий земной воздух. Да, все это было в видеокаюте. Но только как иллюзия, слабое отражение... Он толкнул дверь, вошел. Там был полумрак, почти земное небо над головой. Мерцали знакомые созвездия, туманно светил Млечный Путь. В сиянии луны темнела вдали гряда леса, тихо шумела почти настоящая река. Владимир вздохнул. Нет, разум все равно не обманешь. Никакими ухищрениями видеотехники.

— Это ты, Гриша? — спросил из темноты голос Новикова.

— Нет, — ответил Владимир, останавливаясь на пороге и пытаясь понять, что же за предмет лежит у ног Сергея.

— Подойди сюда, — помолчав, сказал Новиков. В его голосе было нечто такое, что заставило сердце Владимира сжаться от предчувствия.

Возле Новикова полулежал на полу Ренин. Его мрачное, заросшее черной щетиной лицо было обращено к небу... почти земному небу. Усы понуро обвисли, он весь как-то сник, обмяк. В глазах застыла упорная, глубоко запрятанная мысль: «Зачем я пошел в этот рейс? Меня ведь никто не тянул?»

— Отобрал у него астрон, — глухо пояснил Новиков.

Владимир промолчал. «Так вот как хотел Ренин вырваться из этого невероятного мира!» — с горечью подумал он.

Вошел Корольев, со злобой сказал:

— Ты, Ренин, был настоящим космонавтом, неплохим товарищем. А теперь скис, не знаю почему. Переложить свой груз на чужие плечи — это легче легкого.

Похожий на большого разъяренного медведя, он крупными шагами ходил по рубке и время от времени ударял кулаком по ладони левой руки. Затем сел, уронил голову на подлокотник кресла. Штурман растерянно смотрел на него. Он никогда не видел Королева в таком гневе. И почувствовал стыд. Тяжело поднялся на ноги.

— Ты неправ, Григорий, — сказал он виноватым голосом. — В такой переделке мало еще кто бывал. Вот и Зотов... — Он махнул рукой и замолчал.

Корольев поднял голову.

— У Виктора не было выхода, и он был один, — медленно произнес Корольев. — А мы в лучшем положении. Один из нас сможет вернуться на Землю.

— Ты имеешь в виду микролет?

— Да.

Микролетом они называли одноместную субракету, которой снабжались новейшие трансгалактические звездолеты. Двенадцать лет назад их еще не было, и Зотов не мог ею воспользоваться. Небольшой запас обычного термоядерного топлива позволял микролету преодолеть расстояние, равное нескольким парсекам. Это было крайнее средство, к нему прибегали, чтобы сообщить на родину о судьбе экипажа.

— Субракета доставит на Землю весть о сверхцивилизации. А те, кто останутся, продолжат начатое Виктором Зотовым.

Корольев умолк, поглядел на Новикова, потом искоса на Владимира, и тому бросились в глаза глубокие, резкие морщины на его усталом лице. Раньше их не было. И Владимир понял, что все решено без него. Именно он, Владимир Астахов, только недавно вступивший на великую дорогу, был избран единственным пассажиром субракеты. Только он один из четырех снова увидит родину, ее синие небеса, солнечные зори, облака и зелень.

— Нет! — крикнул Владимир. — Это несправедливо: почему я?

Корольев даже не повернул головы, по-прежнему наблюдая за лучом белой субстанции. И казалось, что он молит этот ослепительный поток света унести его, их всех прочь из этого чужого, непонятного мира.

— Говори же! — Владимир тряс Королева за плечо. Тот еле заметным движением сбросил его руку.

— Замолчи, — сказал Корольев негромко. — Будь мужчиной. Мне, например, не дожить до конца пути. Как и Ренину. Мы слишком стары. А микролету не развить и двух третей абсолютной скорости. Ты можешь сказать, сколько лет придется лететь до Земли?

Владимир молчал.

— Так-то вот,— удовлетворенно заключил Королев.— А если ты имеешь в виду Сергея...

— Тут не о чем спорить! — прервал его Новиков, привычным движением руки взерошив рыжие волосы. Подошел к Владимиру, обнял его за плечи, заглянул в глаза.— Ты, Володя, прости, но в неэвклидовой космологии ничего не смыслишь. А я кое-что понимаю. Значит, где буду полезнее?... Субракету же до цели ты доведешь. Наверняка. Ты хороший пилот.

— Да, у тебя наибольшие шансы добраться,— мрачно подтвердил Ренин, избегая смотреть ему в глаза.— Наибольшие,— повторил он.— Чем у нас троих, вместе взятых.

И Астахов покорился решению. Спорить было не о чем. Было нечто неизмеримо более важное, нежели личная судьба каждого из них. Весть об открытии разумного мира. Весть, которая так нужна Земле.

Королев встал, сказал тоном, не допускающим возражений: — Готовьте микролет.

Владимир будто не слышал его. Закрыв глаза, он пытался представить себе будущее и не смог, вернее, не решился.

— Идем в ангар,— дружески взял его за плечо Новиков. Владимир пришел в себя, молча шагнул вслед за ними.

Пока микролет готовили к взлету, Астахов находился в каком-то полусне, машинально выполняя распоряжения Королева. Время от времени его щеки касались вихры Новикова и знакомый голос укорял: «Ну возьми же себя в руки, Володя, черт тебя не знает. Разве так можно?»

...Последние минуты перед стартом он провел, распластавшись на полу крохотной рубки субракеты. У него не было сил, и ему все было безразлично. Потому что товарищи оставались здесь, под этими угрюмыми звездами. Почему они, а не он? Почему он моложе их?

Он тупо ждал, когда плазменный двигатель войдет в ритм волновых пульсаций. Звонко щелкнуло реле, включился динамик.

— Володя,— в последний раз услышал он знакомый до боли голос.— Ты видишь, сделано все, чтобы один из нас вернулся... Запомни крепко: в луч субстанции войдешь ровно через пятьдесят три секунды после взлета. Следи за программой. Не подведешь, надеюсь? Земля должна знать о нас... Прощай, Володя.

И это было все. Владимир медленно вставал на ноги, глядя в черный диск. Но динамик молчал. Королев был немногословен всегда. Даже сейчас.

Астахов тяжело опустился в кресло пилота, пристегнул крепления... И вдруг увидел Таю. Она не забыла его и здесь, в Пространстве, где властвовали бесстрастные боги тяготения и межзвездного водорода. Стены рубки растаяли... Снова был летний вечер, и «Скандий» ожидал старта на лунной орбите.

Галактическая дорога еще не началась, он стоял на овальной платформе и напряженно смотрел на купол диспетчерской башни, где сверкал стартовый сигнал. Тая протянула ему руки, он отчетливо увидел ее тонкое лицо, серые глаза, волосы, улыбку.

...В тот момент, когда электронный автомат привел к нулю показания относительных часов, Владимир решительно включил ускоритель.

Ослепительная молния субракеты прочертила багровозвездное небо. И перед тем как ее след влился в луч белой субстанции, Владимир вдруг испытал странное, необыкновенно мощное воздействие на свой мозг. В него будто втискивались волны какой-то информации. Сгущаясь, эти волны порождали живые зрительные образы. Загадочная цивилизация, которую покидал Владимир, приоткрыла ему частицу своей сущности. Он мысленно увидел другой мир, совсем не похожий на мир пустыни и призрачных, текучих конструкций. Угрюмое небо разорвалось, Астахов увидел изумительный пейзаж. Вдали садилось чужое яркое солнце. Оно прожигало себе путь сквозь гряду облаков, заливало ее края золотом, раскинуло в глубокой синеве неба веер расходящихся полос света и тени. Незаметно картина преобразилась. Фиолетово-красные горы внизу, поросшие густой растительностью, пылающие лужицы и ручейки, морской залив, в котором отражалось небо,— все преобразилось. Ландшафт словно ожил. Оставаясь неподвижным, он наполнился жизнью, стал громадным живым существом. Исчезли время и

пространство, Астахов ощутил тишину, в которой угасают все звуки.

Все было до нереальности призрачно, и все было чудом. Он услышал биение титанической мысли в самой глубине «континуума два зет», в себе, всюду вокруг себя. Все слилось воедино: и чужое темно-сапфировое небо, и весь видимый звездный мир, и далекие галактики, и сознание. С предельной ясностью Владимир воспринял тихий, как умирающее эхо, зов. Казалось, этот мир посылал ему привет, сожалея о том, что пора контактов еще не пришла.

...Проваливаясь в темную пучину громадной перегрузки, Владимир на мгновение увидел еще и лик родной планеты — удивительно теплый и живой. Земля — маленький в голубом ореоле шар — падала в бесконечную ночь, пронизанную лучами Солнца.

Герман Чижевский **ЗЫБКОЕ МАРЕВО АТОЛЛА**

**Фантастический
рассказ**

...Человек — это животное, новый вид животного. Но если мы будем помнить о его происхождении от животных и забывать о его отличии от них, то нам придется сказать вместе со Шпенглером: «Человек — это хищное животное», и выводы из этого суждения будут губительными... Наоборот, если мы не будем забывать об этом различии, то нам неизбежно придется исследовать его во всех проявлениях — в человеческом интеллекте, в технических способностях и общественном поведении...

Джои Льюис
«Человек и эволюция»

Необъяснимое за работой

Прежде чем рассказать о событиях, участником которых я стал, мне придется заявить, что я лицо незаинтересованное. Моя фамилия Мак-Гроу, Гарольд Мак-Гроу. Профессия — эксперт по пластинчатожаберным и, стало быть, биолог. Мои коллеги отнюдь не придут в восторг, узнав, что без их согласия кто-то вытащил этот инцидент на атолле на суд читателей... Может быть, они сочтут это неэтичным, но тут я беру всю ответственность на себя...

Кузеном Бенедиктом назвал его сын директора океанографического института Марби Кэйл. Это прозвище прочно утвердилось за новым обитателем океанариума, построенного на коралловом атолле к западу от рифов Роули. Острова, к которым принадлежал и наш атолл, имеют трудно произносимое

местное название, в переводе оно означает «низменные, обдуваемые ветрами», но сотрудники морской станции обычно называли атолл просто океанариумом.

События нагрянули неожиданно.

Марби Кэйл и двое его коллег отправились на отлов одного редкого вида ядовитых морских змей, но вернулись с экспонатом, которого не искали.

Они погрузили садки для змей на парусно-моторную шхуну «Аргонавт», и шкипер Холт, ходивший на этой шхуне еще с отцом Марби Кэйла Сарджентом Кэйлом, почти не вдумываясь в стереотипные слова команды, развернул судно кормою к острову. Впереди расстилался бескрайний простор лениво плещущегося Индийского океана, о котором он как-то сказал, что чувствует себя в нем как муха на обеденном столе, знающая, где тарелка.

Конечно, Холт знал, где «тарелка». Он безошибочно провел шхуну среди рифов, мелей и скал к островам Тукангбеси. Когда глубина под килем сравнялась с тридцатью футами, «Аргонавт» отдал якорь.

Эта история началась часом позже, когда Арчибалд Кофер и Лесли Корда убедили Кэйла высадиться у одиноко торчавших скал, чтобы поискать у их подножий, в зарослях морской травы, яйца скатов. С кормы шхуны спустили шлюпку. В ней разместились трое научных сотрудников океанариума и пятеро моряков с «Аргонавта» — низкорослые загорелые люди неопределенной национальности. Степень их знакомства с английским языком была различной, но они хорошо понимали слова команды, и можно было не опасаться, что, когда один начнет гробок, другой станет сушить весла.

День выдался ветренный, и высокая тощая фигура Марби Кэйла в белом издали напоминала большой обломок грот-мачты, по недоразумению поставленной на шлюпку.

Это живое белое изваяние раскачивалось в такт движениям шлюпки, а его спутники — люди более пропорционально сложенные, сидевшие на банке позади него, выглядели двумя непомерно большими медными кнехтами, снятыми с лайнера. Длинные пологие гряды волн то закрывали дощатую скорлупу мутно-зелеными холмами от наблюдателей на «Аргонавте», то подбрасывали ее на сверкающий под солнцем гребень.

— С началом отлива вернутся. Кому хочется застрять в рифах? — проговорил шкипер Холт, опуская бинокль и обращаясь, по-видимому, главным образом к самому себе. — Они недурно гребут, хотя этот простофиля Ключи, как всегда, норовит нет-нет да и сцепиться веслом с Рюпи. — Холт непринужденно сплюнул за борт и выбросил окурок, меланхолично проследив за его полетом. Он стоял у правого борта в коротких шортах, босиком, его яйцеобразную вспотевшую лысину прикрывала соломенного цвета панама.

— Когда, черт побери, он научится управляться с веслами? — сонно размышлял шкипер.

— А по-моему, — ехидно заметил кок, человек добродушный, с юмором и всегда несколько навеселе, — по-моему, они не столько гребут, сколько дурачатся. Смотрите, смотрите! И вправду побросали весла... Вот потеха...

— Кому потеха, а кому и нет, — рассудил шкипер и критически смерил кока взглядом: — Вот вы, к примеру, мистер Грегори, чему порадовались?.. Дисциплина хромает, а вы довольны! Конечно, это не пассажирское судно и не грузовое, а так что-то непонятное. Как говорится, черт те что!.. Потому дисциплина и хромает. Уяснили для себя, мистер кок? — Потом, повернувшись к борту и поднимая бинокль, добавил:

— Что такое с ними? И это в присутствии мистера Кэйла! Они впрямь посходили с ума...

Свободные от вахты матросы собрались на палубе, а четверо взобрались на ванты, чтобы лучше видеть. Оттуда они громогласно комментировали происходящее на шлюпке.

— Если мистер Кэйл их не образумит, не миновать беды! — мрачно предрекал грузный седеющий моряк с замысловатой татуировкой, протянувшейся от кисти одной руки через грудь до кисти другой. Колоритные сцены из жизни темнокожих островитян вызывали у разношерстной команды молчаливое восхищение.

— Они не дети, но хуже детей! — прохрипел рыжий верзила с лицом, усеянным синими точками от проникших под кожу порошинок. Он примостился на вантах немного выше собеседника, и тень от его руки наискось рассекала голову татуированного моряка.

— Всякому ясно: хлебнули лишнего. К волне поставили шлюпку бортом? Да они спятили! Ведь потопят посудину!..

— Гляди, гляди! — почти выкрикнул человек с синим лицом. — Шлюпку уже захлестывает... Вот дурачье!..

Моряк смачно выразил свое возмущение.

Находившиеся в шлюпке в самом деле словно лишились разума. Они побросали весла, шлюпка начала разворачиваться бортом к волне, а люди беззаботно продолжали сидеть как истуканы, будто находились не в море, а на тихом пруду,

— Когда эти ублюдки успели налакаться?.. — в раздумье промолвил Холт и обратился к вертевшемуся поблизости повару:

— Мистер Грегори! Какого черта вы посмели выдать им спирт?! Что вам, мистер Грегори, было приказано?..

— Прошу прощения, сэръ! Но... здесь какое-то досадное недоразумение, сэръ. От меня они не получили ни капли!

— Что такое... Что за вздор вы несете, Грегори! Они же вдрызг напились! Провалиться мне! Эй! Боцман! Поднять сиг-

нал о немедленном возвращении! — И вполголоса добавил: — Свиное отродье!

— Слушаю, сэр!

Состояние, сходное с опьянением, длилось у людей на шлюпке недолго. Минут через пять на шхуне с облегчением заметили, что снова все восемь человек разом обрели здравый смысл. Матросы схватились за весла и снова принялись энергично грести. Трое исследователей казались испуганными и вступили в яростный спор. Вскоре они заметили флажный сигнал на шхуне, медленно повернули, и спустя полчаса шлюпка качалась на волнах у борта «Аргонавта».

Я был все это время на шхуне и видел происходящее.

— Ну! — рывкнул Холт, ожидая прибывших у трапа, подозрительно оглядывая растерянные физиономии «мореплавателей». — Удачна ли поездка? Хороша ли будет рыба яичница?!

Шкипера так и распирало от гнева.

И когда пять молчаливых фигур шаркающей походкой прошествовали мимо него, он прорычал им вслед, багровея:

— Посажу под замок! Дьявол вас сожри... Уж натру вам холки!.. Едва не загубили людей!!

Моряки проходили молча. Они знали, что «благие» намерения шкипера лишь для острастки.

Потом, все еще красный от прилива крови к мясистому лицу, он повернулся к Кэйлу:

— Мистер Кэйл, будьте снисходительны. Простите на сей раз эту честную братию... Мне за них совестно... Уж я им воздам по заслугам!

— Совершенно излишне, сэр. Никто ни в чем не виновен. Мы стали жертвой какого-то наваждения... Я и сейчас не разберу, в чем дело...

Слова Марби Кэйла удивили, но не убедили Холта. Отведя в сторону боцмана, он приказал ему вполголоса:

— Пришлите-ка ко мне этих шалопаев! Уж я сам как-нибудь разберусь, кто прав, кто виноват... — И зашлепал по доскам палубы в свою каюту. Пятеро моряков дохнули на него из мощных глоток и ушли, оставив шкипера совершенно обескураженным: виновным перегаром от них не пахло.

Между тем все обстояло совсем иначе.

— Мы оставались нормальными людьми, пока не удалились от корабля на полмили, — рассказывал за обедом Марби Кэйл, — затем началось нечто странное! — Он медленно выбрал банку с крабовыми консервами и взял вилку. Опустив ее, задумался. Все ждали. — Понимаете, — начал он снова, — иной раз бывает, что, одеваясь утром, протягиваешь руку за галстуком и вдруг ловишь себя на том, что забыл, не знаешь, что делать дальше. Обнаруживаешь иной раз словно провал в логической цепи поступков. Конечно, это быстро проходит.

Кэйл придвинул к себе тарелку и снова поднял вилку.

— Нечто сходное случилось и на этот раз. Удивительно лишь, что сразу со всеми... Если мне память не изменяет, мы вели разговор с мистером Кофером и мистером Кордой о токсичности пеламид. Мистер Кофер, помнится, выражал сомнение в схожести их яда с ядом азиатских кобр.

— Я всего лишь отрицал идентичность ядов,— поправил Кофер.

— Возможно,— досадливо поморщился Кэйл.— Вы в самом деле, по своему обыкновению, что-то отрицали,— продолжал он.— А мистер Корда, как всегда, по большей части отмалчивался. Как раз в это время Ключи сказал, что следует несколько изменить курс, потому что с правого борта набегают волны и могут опрокинуть нашу посудину. Именно тогда все и началось! Я неожиданно отдал себе отчет, что начисто потерял нить мыслей, и что мне решительно нечего сказать, и я не в состоянии продолжать разговор...

— Я сомневаюсь, Марби, что вам удалось «отдать отчет»,— вмешался Кофер.— По правде говоря, я лично не отдавал отчета ни в чем. Извините, Марби, что перебил вас. Мне помнится, как стало вдруг удивительно легко, пусто и свободно в голове и на сердце, совсем как у младенца. Что чувствовали другие, не берусь судить, но полагаю, что их состояние было схожим.

— Допустим,— нехотя согласился Кэйл,— что вы отметили потом? — Он что-то сосредоточенно обдумывал.

— Мне кажется,— делая над собой усилие, заговорил Кофер,— я видел набегавшие на шлюпку волны и слышал их плеск. Но чувства опасности словно не существовало, не было даже тени страха. Сколько минут так длилось, не знаю. Ощущение времени отсутствовало. Как вел себя, не представляю. Как вели себя другие, просто не помню. Небывалый случай! Сейчас склонен думать, что подобное испытали мы все впервые.

— Все с вами согласны, мистер Корда,— не удержался Холт,— что же было потом?

— Способность воспринимать действительность вернулась совершенно внезапно,— заговорил Марби Кэйл.— Мысли будто прорвались через невидимую преграду и понеслись в голове почти с жужжанием, как заводные автомобильчики. Мы все пребывали во власти сомнений, безмерного изумления и старались помочь нашему бедному сознанию соткать что-либо из обрывков воспоминаний. Но беда в том, что помнили мы немногое. Странность случившегося не давала нам покоя. Мы наперебой говорили друг другу глупости и старались поверить в них. Что это было: коллективный бред или галлюцинация? Кто знает. Я лично полагаю, ни то ни другое.

— Могу только прибавить,— решил раскрыть рот Корда,— такое необычайное состояние я переживал впервые! Диковиннее и нелепее трудно вообразить!..

Шкипер Холт, который все еще сомневался в трезвости и гребцов, и рассказчиков, подошел к делу несколько иначе. Взгляд его больших, серых, слегка навывкате глаз красноречиво говорил об откровенном недоверии шкипера к рассказу. Некоторое время он незаметно наблюдал за окружающими, катая по столу хлебный шарик. Когда шарик оказался на полу, шкипер неожиданно заговорил:

— Все это в самом деле странно и запутанно и, как вы сами изволили заметить, ни с кем из вас не случилось. И вы никак не можете разобраться, что было! Ну а если попробовать вызвать это, как вы его называете, «состояние» вновь?.. Попробовать повторить, чтобы разобраться в этой чертовщине. Вам не пришла в голову такая мысль?..

Все, кто был за столом, уставились на Холта, как на человека, сказавшего явную несуразность. Марби Кэйл нашелся первым.

— Совершенная чепуха! — возмутился он.— Такое не повторяется.

— Отчего же нет? Отчего бы ему не повториться? В ваших руках окажется больше наблюдений,— не унимался Холт.

— Не верю в возможность повторения,— признался Арчибальд Кофер и повернулся на стуле к Холту, чтобы проверить, насколько серьезно его предложение.

— Хорошо,— примирительно начал Корда.— Но как вы хотите повторить?

— Да проще простого,— рассмеялся в душе Холт.— Еще раз пройти на шлюпке по тому же месту совсем несложно,— ухмыляясь, пояснил он.

— Так вы считаете это совсем несложным? — удивился Кофер.— Пройти по тому же месту вполне достаточно?!

— Чего же вы хотите еще? Разве ящик с ромом? Или что-нибудь в этом роде? Причем повторить путешествие следовало бы в том же составе.

— Оставьте, мистер Холт,— сухо возразил Кэйл,— в вашем представлении всем управляет бутылка. Даже звезды, по вашему разумению, водят по небу хороводы оттого, что их опоили. Но у нас все обстоит сложнее.— Сухая улыбка неожиданно тронула тонкие губы Кэйла.

— Ну разумеется, сложнее...— не сдавался шкипер.

— А отчего, джентльмены, и в самом деле не попробовать? — осмелел Корда.— Может быть...

— ... есть что-нибудь в воде,— закончил за него Кэйл,— или, может, против этого места дырка в небе, через которую проникают таинственные лучи? Кто знает?..

— Мою посудину к этому месту я не поведу,— заявил Холт: могут встретиться рифы, а вот в шлюпке вы ничем особенно не рискуете. На вашем месте я не стал бы уклоняться от проверки всей этой чертовщины!

— Я нахожу, что мистер Холт прав,— воодушевился Корда,— в конце концов ни с кем из нас ничего плохого не произошло, только легкая мимолетная психическая аберрация вроде коллективного вполне благопристойного помешательства, прошедшего, кстати, без заметных последствий. Следовало бы еще раз проверить новую психическую аномалию.

И мистер Корда вопросительно покосился на Марби Кэйла.

Тот сидел, слегка склонив узкую голову, непринужденно вытянув и скрестив ноги и всем своим видом давая понять, что он готов согласиться на что угодно, даже на заведомый абсурд, лишь бы это исходило от кого-то другого, но только не от него. Взгляд его серых выразительных глаз был направ-

лен в открытый иллюминатор к волокнистой дымке у горизонта.

Решительно поднявшись с кресла, Марби Кэйл принялся шагать по каюте. Разговор смолк.

— Меня убедили,— объявил он,— видит бог, не я предложил это! Но пусть будет так, как вы хотите. Даже если наша попытка вызвать вновь пережитое состояние нелепа, все равно попробуем повторить... и повторим сегодня же!..

Теперь, когда глава экспедиции согласился на эксперимент, перспектива заново прочувствовать странный процесс отчуждения своего «я» уже никому не казалась особенно привлекательной.

К вечеру, за час до прилива, они в том же составе сели в шлюпку. Разница, может быть, заключалась только в том, что теперь в качестве неофициального судьи к ним присоединился судовой кок. История с «оглулением» воспринималась им не менее скептически, чем и шкипером. Он усматривал в этом какую-то непонятную игру образованных, но все еще ребячливых зеленых юнцов из тропического океанариума. И конечно, хотел разоблачить обман. Мистер Грегори никого не посвятил в свои соображения, но по тому, как блестели его глаза на бледном, рыхлом лице и с какой решительностью он спрыгнул в шлюпку, было ясно, что он не собирается дать себя одурачить собирателям разной морской нечисти вроде морских змей или усатых яиц скатов. Несмотря на свою простоватую внешность, он, мистер Грегори, не промах! Уж он вволю посмеется над хитроумными «взбалтывателями» рыбе́й яичницы.

Чтобы беспристрастнее судить о «проделках» научных сотрудников, мистер Грегори счел не лишним подкрепить свой дух веселящей жидкостью и, только когда увидел доньшко бутылки, почувствовал себя способным «глядеть в оба» и не быть «разиней». Мистер Холт, к которому на минуту зашел кок, звучно посопел, когда на него повеяло крепким «божественным» ароматом, но сдержал равшееся наружу крепкое слово и, помрачнев, проводил его свирепым взглядом. «Экая каналья! Разит, как от винной бочки, а делает вид, что трезв. Не иначе как с его помощью совершаются чудеса!»

На этот раз шлюпка недалеко ушла от корабля: в двух кабельтовых гребцы вновь побросали весла, и все в течение двух минут в самых непринужденных позах уснули крепчайшим сном.

Шкипер Холт, рассматривавший эту сцену в бинокль, покачал головой и подумал, что из такого глубочайшего сна их не выведет даже пушка... Ноги мистера Кэйла удобно покоились на спине одного из гребцов. Сам он уткнулся лицом в банку, точно та была мягчайшей и приятнейшей из подушек; мистер Кофер упал навзничь, и грудь его мерно поднималась и опускалась, а голова и правая рука свешивались за борт. Мистер

Корда с его привычкой сидеть наклонившись вперед съехал головой под банку. Позы матросов, застигнутых непреодолимым сном, были тоже разнообразны и несколько неожиданны. Столп «трезвой критики» кок Грегори, несмотря на весь скептицизм к будто бы неодолимым чарам Морфея, последовал, как и мистер Корда, под скамью и остался там недвижим, хотя, по видимому, не мог испытывать больших удобств.

— Так,— коротко бросил Холт, наблюдавший за сценой на шлюпке с капитанского мостика, и ничем более не выразил своих чувств.

Начавшийся прилив сносил шлюпку в северо-западном направлении к одиноко торчавшим из воды черным скалам. Шкипер задумчиво глядел в огромный морской бинокль. Он выпятил нижнюю губу, и на его висках шнурами вздулись вены. Пришедшие на память бесчисленные предания Южных морей смущали его душу.

— С ними повторилось то же самое,— каким-то равнодушным голосом сказал подошедший боцман. Лица обоих посерели. Шкипер думал о Грегори. Шхуна раскачивалась, и якорный канат по временам звучал почти как контрабас.

— Сэр! — начал боцман и вопросительно уставился в лицо Холта.

— Ну?! — так же равнодушно отозвался Холт. Он знал, что было на уме у боцмана, и боялся его предложения. «Хорошая сигара,— подумал он,— но, странное дело, совсем не чувствую вкуса дыма». Боцман продолжал топтаться рядом, вместо того чтобы уйти и заняться делом. Он словно ждал ответа на невысказанный вопрос. Шкипер Холт плюнул с досады на доски палубы, что было верхом кощунства на судне, и мельком бросил взгляд на зарифленный фок. Ветер усиливался.

Вторую шлюпку шкипер не хотел спускать, ибо очень боялся, что и ее постигнет та же участь. А тут еще стоял боцман как немой укор бездеятельности своего шкипера. И Холт должен был решиться. Наконец он обрел способность командовать и отдал распоряжение осторожно подвести шхуну к шлюпке.

— Есть запустить мотор! — как эхо, откликнулся боцман и, может быть, впервые за всю службу на «Аргонaute» с большой поспешностью кинулся в машинное отделение по трапу, чтобы лично проверить, насколько быстро исполняются приказания шкипера. Другие бросились к якорной лебедке.

Между тем на судне ничего необычного не происходило, никто не выражал желания уснуть, и шкипер несколько осмелел. Он приказал спустить на воду шлюпку. Закат уже догорал, когда вторая шлюпка с четырьмя гребцами почти приблизилась к медленно дрейфовавшей первой. В этот момент от необъяснимого сна пробудился кок. Он обеими руками протер глаза и в крайнем изумлении огляделся: перед ним вырос знакомый

белый парусник. Заметив подходившую к ним шлюпку, он предостерегающе замахал руками и закричал, чтобы они поворачивали назад. В это время под рукой кока что-то зашевелилось, и громкий протяжный зевок на несколько секунд отвлек внимание Грегори. Марби Кэйл спустил свои длинные затекшие члены со спины соседа и, приняв сидячее положение, в свою очередь внимательно осмотрелся.

— Что нового, мистер Грегори?

— Об этом вы спросили бы нашего шкипера,— нелюбезно отозвался рыцарь камбузного котла. Он только что сообразил, что проспал момент, когда засыпали другие и теперь почти одновременно с ним как бы возникали из небытия. Громко обсуждая события и решительно отказавшись от буксирного троса, они своими силами добрались до шхуны...

«Эксперимент удался как нельзя лучше». — Холт потирал руки от удовольствия, посматривая на Марби Кэйла. Даже удивительная способность людей с его шхуны внезапно предаваться сну в самых неподходящих случаях была бессильна омрачить чувство торжества. Но радость шкипера длилась недолго.

Оставить шхуну на ночь в этих опасных местах было бы безумием. При мелкой воде и обилии коралловых рифов предстоящая ночь могла стать роковой. Холт воспользовался приливом и, несмотря на густевшие сумерки, сделал поворот и начал отводить судно к более глубоким местам. Украшенный шедевром татуировки моряк стоял у левого борта на выступавших деревянных брусках и измерял дно дедовским способом. Он беспрестанно забрасывал лот и монотонно называл глубину в футах. С убранными парусами, на малых оборотах винта «Аргонавт» медленно выходил из опасного района. Стоя на капитанском мостике, шкипер Холт меланхолично размышлял о том, что станет с судном, если сонное царство Морфея внезапно завладеет шхуной.

Притихшие, утратившие желание спорить, они с тревожным чувством ждали приближения ночи. Все раздумывали об одном: как объяснить этот загадочный, непостижимый, гипнотический сон?

Шхуна стала на якорь в двух милях от места происшествия. Свободные от вахты и занятый люди не стали на этот раз собираться вместе. Разойдясь по каютам и по укромным уголкам, они каждый в одиночку осмысливали свою порцию впечатлений. Убежденные в невозможности противостоять странному оцепенению и не менее странному сну, все, начиная с Холта и сотрудников океанариума и кончая мотористом, со страхом ждали приближения естественного сна. Они склонны были принять и его за «дьявольское наваждение». Только Кэйл, казалось, не утратил хладнокровия.

Почувствовав, к своему ужасу, легкую ломоту в спине и решительно подавив рвавшийся наружу зевок, Грегори, который стал к этому времени ярким сторонником необъяснимости происшедшего, с большой поспешностью выбежал из каюты и бросился искать Холта. По пути у трапа ему попался Мак-Гинити, судовой врач, который, слегка позевывая, направлялся с маленьким саквояжем к боцману, чтобы не столько убеждением, сколько шприцем вернуть тому утраченное с наступлением сумерек чувство собственной безопасности, а заодно и веру в неуязвимость шхуны для «козней дьявола».

— Как, и у вас тоже?!.— воскликнул ошеломленный кок, невольно заглядывая в рот врачу и борясь с желанием зевнуть. Он доверчиво схватил Мак-Гинити за рукав.— Ну, кажется, началось! — пролепетал он.— Где мистер Холт?..

— Что «началось»? — удивленно спросил в свою очередь судовой врач.— Видимо, у боцмана ни с того ни с сего начали пошаливать нервы. Впрочем, не у него одного... Эта история с «усыплением» немного расстроила его воображение.

— Помилуйте, сэр,— в сильном волнении забормотал кок,— ведь вы опять зевнули!..

— А вы что же, голубчик, хотите, чтобы перед сном нас непременно тянуло на хоровое пение?

«Доктор только усыпляет нашу бдительность»,— тотчас же решил Грегори и кинулся отыскивать шкипера. Он застал его на полубаке, когда тот подносил к своему лицу неплотно сжатый кулак, а нижняя челюсть его при этом заметно опускалась. Кок в отчаянии выбросил вперед руку, точно желая удержать шкипера от непоправимого рокового шага.

— Сэр! — взволнованно начал он, голос дрогнув, будто надломился, и следующую часть своего сообщения он произнес уже фальцетом.— Сэр!.. Не поддавайтесь этому! Мы все уснем...— Холт сонно повернул в его сторону голову и глянул на него остекленевшими рыбьими глазами.

— Что за вздор вы несете, мистер Грегори! Или я ослышался? Вы словно бы сказали: «Не поддавайтесь?!» Вы снова пьяны?!

— Нет, сэр! Но нас усыпляют. Никто не знает зачем! И суждено ли нам пробудиться? А если нет?..

Холт поразмыслил немного.

— В самом деле,— оживился он, стряхивая сон,— а я только собрался было подремать у себя в каюте...

Сначала коку показалось, что шкипер не принял его слова всерьез, и он хотел продолжить объяснения, но, когда не на шутку встревоженный Холт торопливо засеменил по палубе, чтобы лично проверить, не задремал ли вахтенный, у кока отлегло от сердца. Шкипер, по его мнению, показал себя умным человеком. Оставалось неясным лишь, что предпринять дальше.

«Я обязан был предупредить мистера Холта,— размышлял он, подавляя подкравшийся очередной зевок, раздравший сжатые челюсти,— а остальное он сделает сам. Он уж, конечно, знает, что предпринять в таких обстоятельствах».

Глубокая и искренняя вера Грегори в неограниченные возможности шкипера в общем нравилась Холту, хотя случилось, особенно перед воскресной молитвой, он задумывался над степенью преданности кока, но так никогда и не мог решить, следует ли считать его наивным чудачком или ловким нахалом. Иногда он глубоко презирал его, иногда, когда бывал в духе, испытывал потребность поболтать с ним как со старым другом.

Поставив в известность шкипера о зловещих симптомах сонливости, Грегори, значительно успокоенный, направился в свою каюту, У трапа он снова столкнулся с Мак-Гинити. В руках тот держал небольшой белый саквояж.

— Мистер Грегори! — обратился к нему доктор, попыхивая коричневой индийской сигаретой и опуская саквояж на палубу.— Вы не находите, что и у вас пошаливают нервы? Может, мне заглянуть и к вам?

— Не нахожу,— обиженно буркнул кок, стараясь проскользнуть между доктором и световым люком к трапу.

Доктор был моложав, но его темя уже отражало свет лампы, как зеркало. Взявшись за медный поручень, Грегори вдруг круто повернулся.

— Сэр,— сказал он, стараясь придать голосу оттенок безразличия и независимости,— сэр, мне предстоит эту ночь работать, а меня здорово клонит ко сну... Вот если бы вы...

«Этот док просто дурень,— заключил Грегори мгновение спустя,— он мог бы и не свистеть, когда ему говорят дело!»

Раздосадованный, поминутно прикрывая рукой зевок, кок ворвался в свою каюту и, проклиная мысленно доктора, разлегся в чем был на неприбранной койке.

В половине одиннадцатого вечера Марби Кэйл стряхнул наконец оцепенение, в котором пребывал последние часы, и заглянул сначала к Коферу, затем к Корде. Он застал их погруженными в глубокую задумчивость и готовыми к любым неожиданностям: оба облачились в пробковые пояса. Это несколько развеселило Кэйла. И все же они просидели около часа в молчании, не зажигая огня. Только сигареты, как тлеющие угли, розовыми отсветами освещали сосредоточенные лица. Гулкие шлепки волн, разбивавшихся о борт шхуны, воспринимались ими в эти безмолвные минуты почти как единственное, что осталось от многообразного мира.

— Или мы выйдем на свежий воздух, или один за другим уснем,— сонно пробормотал наконец Корда.

Огонек его сигареты вдруг осветил зияющую пустоту его рта. Раздался негромкий зевок. Багровый уголек описал в воз-

духе замысловатую кривую и повис над полом на уровне сиденья стула.

— И вправду мы что-то засиделись,— поддержал его Марби Кэйл, и кресло мелодично пропело, когда он высвободил из его недр свое тощее тело.

— Включите свет,— сказал Кофер, ощупью направляясь к двери.

— Стоит ли включать на полминуты? — возразил почему-то Корда и повернул к Коферу блестящее лицо, которое казалось бледным при сероватом свете, едва сочившемся в круглый глаз иллюминатора.

Они замешкались у выхода, потому что Корда захотел в темноте непременно найти свой путевой дневник и захватить его на прогулку по палубе. Кэйл назвал эту затею неумной, но Корда упрямо искал переплетенный в крокодилию кожу блокнот. В конце концов блокнот оказался в его руках. Это его успокоило.

Когда они начали подниматься по трапу, Марби Кэйл, шедший впереди, вдруг смолк, остановился и жестом приказал замолчать остальным. Он увидел у верхнего края какую-то неопределенную массу. Похоже было, что она пыталась странными неуклюжими движениями взобраться на медный поручень трапа, но Кэйл впоследствии не настаивал на точности своих предположений. Мгновение трое людей растерянно всматривались в ритмично колыхавшийся поблескивавший предмет, потом долговязый Кэйл решительно шагнул навстречу ему сразу через две ступеньки и с некоторой опаской наклонился, чтобы получше рассмотреть таинственного пришельца. Вслед за тем он что-то невнятно пробормотал, и его коллеги сочли это за приглашение. Спотыкаясь в потемках о крутые ступеньки, они бросились вверх.

— Осторожно! — почти крикнул Марби Кэйл, когда нога Корды уже опускалась на палубу.— Осторожно,— уже спокойно повторил он,— не раздавите любознательного гостя.— Коферу он сделал такое же предостережение.

Они наклонились, и Корда, порывшись в кармане, извлек маленькую газовую зажигалку. Заметался длинный овальный язычок пламени в голубом ореоле, и все присели на корточки. Вокруг них непроницаемой стеной сгустился мрак, наполненный пением снастей и другими, менее понятными звуками. Со стороны они были бы приняты двести лет назад за пиратов, уточняющих при свете огарка сальной свечи курс своего брига.

— Весьма обычное посещение,— заговорил мистер Кэйл,— весьма обычное в тропиках. Особенно часто избытком любопытства отличаются осьминоги, но, как видите, в данном случае перед нами обыкновенный кальмар. Помните, мистер Кофер, ваш кузен — специалист по головоногим?

— Да, мистер Кэйл,— отозвался Кофер, выпрямляясь и поправляя сбившиеся очки с толстыми квадратными стеклами,— мой кузен Бенедикт.

— Много их у него?

— Ему доставляют этих «кожаных фурий» со всего света. Нервные дамы и пожилые джентльмены среди его живых и за-спиртованных экспонатов чувствуют себя словно в преддверии ада. Им нельзя не почувствовать... Они отказываются переступить порог следующего зала, где он хранит свою, кажется, уникальную коллекцию, и с вымученной улыбкой, ссылаясь на занятость, просят проводить их до двери.

— А вы не смогли бы определить принадлежность нашего гостя к тому или иному роду, мистер Кофер,— продолжал Марби Кэйл,— или это составляет привилегию специалистов?

— Вы несносны, Марби.

— Мы совершим нашу прогулку по палубе или начнем препираться? — сердито вмешался Корда, тоже поднимаясь с колен.

Он брезгливо перевернул одно из обмякших щупалец, присматриваясь к розоватым присоскам в венце черных искривленных когтей.

— Их множество в здешних водах, больших и маленьких. В нашем со щупальцами, я думаю, футов восемь?

Чудовище слабо шевельнулось и подобрало в комок все десять «рук». Кальмар лакированным черным мешком лежал на боку. Корда погасил зажигалку, и глаза животного, обращенные к ним, засветились тусклым зеленоватым светом. Странными казались эти глаза. Они не были очень велики, как у большинства кальмаров и осьминогов, и сидели на длинных, плотных, обтекаемых стеблях, чем-то напоминая раздвинутые «рога» стереотрубы.

— Наш гость — обитатель больших глубин,— снова заговорил Марби Кэйл,— только там встречаются кальмары и рыбы с отведенными от туловища глазами, иногда похожими на телескопы.

— Вы не думаете о том, чтобы выбросить его за борт? — с неопределенной интонацией спросил Корда.

— Ни в коем случае! — запротестовал Кэйл.— Мы сохраним его для кузена Бенедикта. Кто поручится, что это не находка для почтенного джентльмена?

— Его действительно нужно сохранить,— поддержал Кэйла Кофер.

— К тому же, полагаю, он не доставит нам много хлопот. Мы постараемся сохранить его живым. Голосует?

— В трюме нашей посуды хватит места,— вставил Кофер,— правда, наш уважаемый директор лаборатории мистер Брэдшоу будет огорчен, когда пожалует полюбоваться морс-

кими змеями и вместо них найдет там нашего галантного «попила»...

— С Брэдшоу как-нибудь уладим,— раздумчиво заметил Кэйл,— хотя приличным выкупом могут послужить лишь морские змеи. Только они могут смягчить сердце старого чистоплюя и заодно оправдать наш флирт с чарами Морфея. А Кузена Бенедикта (прозвище внезапно возникло само собой) с почетом водворим на более комфортабельное место, чем жесткие доски палубы. Он у нас молодчина! Жаловаться, надеюсь, не станет...

Для начала они поместили кальмара в огромную бочку из-под пальмового масла. Им хотелось составить предварительное мнение о милашке Бенедикте и его капризах и только потом выпустить в большой эмалированный бассейн, предназначенный для морских змей. Друзья пожелали кальмару спокойной ночи и поднялись наверх.

Кроме двух вахтенных, все провели ночь в безмятежном сне, убаюканные мерным покачиванием шхуны, стоявшей на якорях.

Кузен Бенедикт вел себя примерно и не доставлял больших хлопот своим опекунам. Наутро они нашли его в бочке столь же черным, как и накануне вечером, и распорядились сменить воду.

— Удивительное дело,— заявил за завтраком шкипер Холт,— ваш питомец, мистер Кэйл, должно быть, всю жизнь провел среди людей. Рано утром, когда вы все еще спали, я приветствовал его словами: «С добрым утром, сэр! Как вы изволили почивать в вашем будуаре?!» Он выставил из воды оба глаза на стебельках, как какая-нибудь химера из сновидений перепившего черта, и с минуту пронизательно изучал меня. На нем такой первосортный глянец!.. Преуморительный тип! Я предложил ему жевательную пастилку с запахом прокисшего торта — нет, он категорически отказался. Он выловил ее в воде и, захватив этак шупальцем, как бы случайно выронил за край бочки... Эй, послушайте, кок, вы не забыли накормить нового приятеля мистера Кэйла?! Какого он мнения о вашей стряпне, Грегори? От возмущения он еще не покинул бочку? Я опасаясь за его желудок. Ведь вы склонны все недоваривать.

— Нет, сэр, не забыл. Наш гость остался доволен, он с аппетитом убрал с десятка жирных селедок слабого посола, вымоченных в воде, и сделал заявку на вторую порцию. Тогда я дал ему свиной окорок, над которым он трудится и по сей час.

— Господи,— вырвалось у Холта,— святой мученик! Постарайтесь на доконать его, мистер Грегори. Воздерживайтесь от копченостей. Ну, с благословения божьего действуйте!

— Вернемся к вопросу о змеях,— объявил после завтрака Кофер.— Надо на что-то решиться в этом смысле: останемся ли мы здесь или переправимся в другое место? Я за то, чтобы найти место поспокойнее...

Но и на новом месте с ними случилось то же самое.

Через час после очередной неудачи вместе со шкипером Холтом при молчаливой поддержке Марби Кэйла члены экспедиции приняли решение вернуться на атолл.

«Аргонавт» медленно шел узкими, зловещими проливами, где волны прибоя вскипали пеной, кружась и прорываясь поверх коралловых отмелей. В этих природных лабиринтах с заманчиво теплой водой один неверный или чрезмерно поспешный поворот штурвала мог отправить на дно шхуну. Тут и там мы замечали выставленные над водой треугольники плавников акул. Плоские, смятые обручи островов с белоснежными пляжами кораллового песка царапали у горизонта золотые волокна облаков синей щетиной пальм.

Ленивый покой, покой довольства и безразличия, как пьянящие испарения, поднимался от теплого океана. В прогретых солнцем лесах из водорослей неслышно и проворно скользили в красочных нарядах полосатые и пятнистые морские змеи — более ядовитые, чем индийские кобры или американские гремучие змеи. Это был издревле их мир, где они рождались, набирались сил, ныряли, стремительно настигая рыб, и где они оканчивали свои дни.

Необъяснимое на атолле

Настроение участников экспедиции было не из лучших, и все стремились возможно скорее вернуться на атолл, ставший их домом. На третий день плавания они обнаружили и выловили несколько кожистых черепах и меч-рыбу. Свободные от вахты или работы люди подолгу простаивали на палубе, любуясь, как деревянный брус форштевня без видимых усилий режет воду, как рассеченные надвое хлопья пены в крутящихся бурунах стремительно, с мелодичным журчанием уносятся вдоль бортов. Станные воспоминания, иногда настораживающие, иногда пугающие, бередили души людей.

В один из таких дней, когда полуденное солнце заливало океан и от смоченной водой палубы поднимался колечками пар, а назойливые мысли о пережитом приобрели едва заметный привкус нереальности, Марби Кэйл возымел желание навестить своего узника.

Стоя в полутьме трюма, куда был переведен кальмар, он докуривал сигарету. Мысли его витали вокруг странного пришельца, светившегося сейчас со дна бассейна молочно-матовым,

а местами опаловым светом. Теплые испарения трюма смешивались с ароматным табачным дымом. Замедленные движения кальмара в теплой воде бассейна, по временам пробежавшие по его телу синеватые и желтоватые полосы привлекли внимание Кэйла, и сигарета, которую он сжимал в пальцах, успела погаснуть. Он нащупал в кармане коробок, чиркнул спичкой и, чтобы не обжечься, прикуривая короткий окурочек, извлек из нагрудного кармана легкой куртки маленькое зеркальце, которым пользовался при бритье. Краем глаза он уловил движение светлых пятен в водоеме, искаженных преломлением, и, затаившись, бросил взгляд в их сторону. Он увидел, что кальмар медленно пересекает разделявшее их пространство и, остановившись у ближней стенки водоема, пристально всматривается, как показалось Кэйлу, в его лицо. Мистер Кэйл выдохнул длинную струю дыма и, опустив руку с дымящимся окурком, придвинулся к самой воде. Теперь он мог лучше рассмотреть те участки кожи, которые светились более интенсивно. Но Кэйл не просто стоял так и минуты. Тихо подобралшись к самому краю водоема, кальмар выставил из воды щупальце (было ли это случайным совпадением или вполне осознанным движением,— этого Кэйл так и не понял) и потянулся к дымившемуся окурку. Зоолог склонен был почему-то остановиться на второй версии.

Как бы то ни было, но Кэйл совершенно непроизвольно отпрянул назад. Со странным, раздвоенным чувством он посмотрел на огонек сигареты и на повисшее в воздухе щупальце. Потом в глубоком раздумье поднялся на палубу. Он поторопился рассказать об этой нелепости коллегам, внеся вполне понятное смятение в их представления о вкусах, запросах, инстинктах и сообразительности головоногих. Остаток дня Марби Кэйл провел в размышлениях, которыми ни с кем не поделился. Среди ночи он поднялся с постели, и мистер Корда, проснувшийся в два часа пополуночи от нестерпимой зубной боли, слышал, как его сосед за тонкой переборкой до утра шелестел страницами книг.

Утром Кэйл казался невыспавшимся и был более молчалив, чем обычно; позавтракав, он куда-то исчез, и его коллеги решили, что он провел это время в обществе кальмара. Появившись в начале одиннадцатого с несколько разочарованным лицом, Кэйл почти машинально справился о самочувствии мистера Корды и, не дожидаясь ответа, сообщил:

— Вчера в темноте я мог и ошибиться, хотя, припоминая все подробности, думаю, что ошибки быть не могло. Только что я предложил кальмару на выбор раскуренную сигарету и кусок сахара. Ни то ни другое не вызвало у него никаких эмоций. Это, понятно, удивило меня, но, повторяю, вчера ошибиться я не мог. В литературе мне не удалось найти никаких указаний на этот счет. Вам тоже ничего такого не встречалось?

— Даже приблизительно похожего,— развел руками Кофер.
— Вы просто не поняли его намерений,— смущенно посопев, проговорил Корда, взглядом ища поддержки у Кофера.

— В этом кальмаре сидит сам черт,— отрезал Кэйл и, повернувшись к ним спиной, стал смотреть на всхолмленную равнину океана. Подумав, он сказал:

— Не удивлюсь, если выяснится, что кальмар наделен человеческим интеллектом.

Через три дня шхуна попала в небольшой шторм, который явился слабым отголоском прошедшего далеко от их курса тайфуна. «Аргонавт» не потерял даже лоскута парусины, и дальнейшее их плавание не было ничем омрачено. На большей части обратного пути им сопутствовала прекрасная погода.

Однако незадолго до прибытия на атолл настроение научных работников начало портиться. По просьбе Кэйла в радиogramмах со шхуны Холт воздерживался от сообщений о конкретных результатах экспедиции. Предстояла малоприятная встреча с директором морской лаборатории на атолле мистером Брэдшоу, и последние ночи перед прибытием на станцию трое коллег провели в маловразумительных совещаниях. Им нечего было противопоставить вероятному раздражению профессора Брэдшоу, и впустую затраченные средства тяготили их, как невысказанное обвинение. Их прения в облаках сигарного дыма становились день ото дня все более громкими и все менее сдержанными. Даже обычно осторожный в суждениях Корда утратил присущий ему боязливый тон и перед грозившими неприятностями проявил в разгорающихся спорах несвойственное упрямство.

Чары Морфея спугнули исследователей. Вместо сбора научного материала зоологи обогатили себя только странными впечатлениями. А это был не тот груз, который мог по достоинству оценить Брэдшоу. Для этого педанта их груз будет слишком легковесен. Ему явно не доставало материальности... Один скромных размеров кальмар! При желании их можно наловить сотни, не покидая атолла!

Но исследователи несколько преувеличили будущие неприятности. Мистер Брэдшоу не кричал, не топал ногами, не воздевал руки к небу. Он даже, как им показалось, не изменился в лице, когда обойдя все помещения судна, спустился по наружному трапу на бетонные плиты мола. Его загорелое лицо не отразило ни гнева, ни разочарования. Но сидя в креслах у него у кабинета, трое ученых испытывали чувство, будто сидели на горячих углях.

Директор слушал их долго и внимательно, не перебивая. Хладнокровнее других вел себя Холт. Попыхивая непринужденно сигаретой, он как бы невзначай бросал то на одного, то на другого дружески укоризненные взгляды, говорившие: «Я предупреждал вас, я вам советовал не придавать чрезмерного зна-

чения всей этой чертовщине, по вы захотели жить собственным умом». Впрочем, он оставался строго объективным, когда заговорил о странном феномене. Брэдшоу по большей части отмалчивался, предоставляя другим строить гипотезы.

— С тех пор вы не замечали ничего, что вам показалось бы, ну, скажем, сверхъестественным? — обратился он к ученым в конце беседы. Зоологам пришла одна и та же мысль, что их, возможно, заподозрили в помешательстве, и они переглянулись. И этот удивленный взгляд растопил лед взаимного недоверия и обид. Невольно они дружно рассмеялись, хотя повода для неожиданного веселья Брэдшоу мог и не найти. Профессор Бенжамен Брэдшоу, флегматично рассматривавший свои руки, поднял на сотрудников светлые маленькие глазки и холодно поочередно оглядел каждого, словно и вправду сомневаясь в их рассудке. Затем, выразив столь же прохладно свое удовлетворение, отпустил их, как провинившихся школьников, движением длинной тонкой кисти.

Они вышли, сконфуженные, немного растерянные оттого, что не могли составить никакого определенного мнения относительно результатов визита и своего ближайшего будущего. Они не знали, что, когда за ними закрылась дверь, Брэдшоу сразу утратил педантичность и сдержанность: он схватил судовой журнал «Аргонавта», раскрыл его и буквально впился в его страницы, бледные губы его были плотно сжаты, и он снова и снова пробегал глазами каждую строку...

Под океанариум была оборудована часть естественной лагуны атолла. Лагуна имела форму неправильного овала с тремя вытянутыми рогами. Ее наибольшая длина приближалась к двум с половиной морским милям, с севера ее перегородили бетонной стеной. У края образовавшегося огромного бассейна над водой на бетонных столбах поднималось длинное в форме буквы «Т» здание морской лаборатории. Бассейн разделили перемычками, и в каждом из отсеков была своя фауна и флора.

Двухэтажное здание из стекла и алюминия, обдуваемое со всех сторон ветрами, было прикрыто для защиты от обжигающих солнечных лучей и от тропических ливней пологой двускатной, почти плоской крышей с далеко выступающим карнизом. Пассатные ветры умеряли дневной зной, искусственно охлажденный воздух поступал в здание, и даже в сильную жару в нем чувствовалась прохлада.

Минуло не больше трех недель, и кузен Кофера мистер Бенедикт, словно восставший из небытия после письма Марби Кэйла, находился уже в пути где-то в районе Азорских островов (лететь самолетом он не решился), чтобы лично принять обещанный ему подарок. И тут небывалое происшествие стало надолго предметом самых горячих споров на атолле.

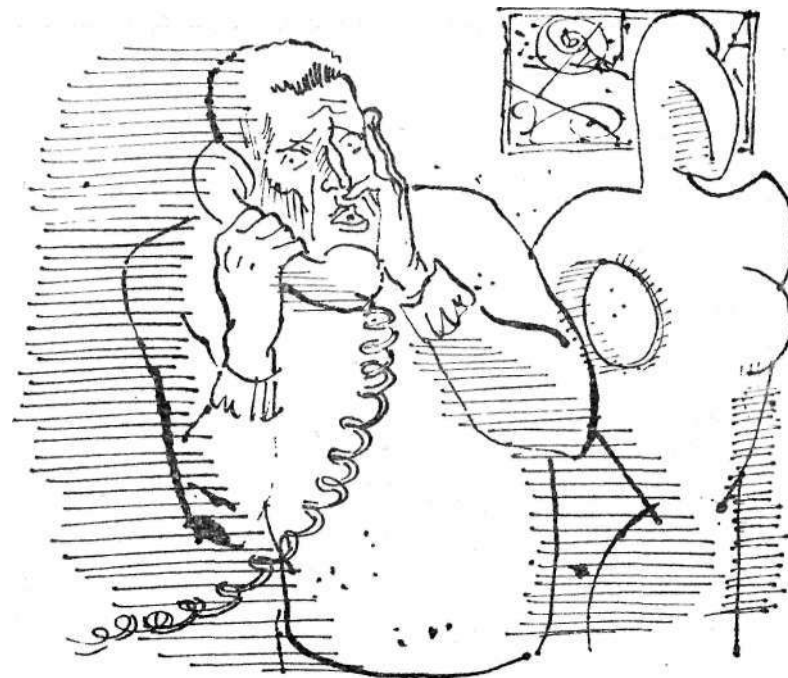
По заведенному порядку сотрудники лаборатории приступили к работе в шесть утра. Время между двенадцатью и восемнадцатью часами они могли использовать, как им вздумается. Это была сиеста — время дня, когда зной достигал наивысшей силы и расслабляюще действовал на человека. Занятия возобновлялись к вечеру и при желании могли продолжаться далеко за полночь. Чтобы не отвлекать персонал морской станции от исследовательских работ, исключить нежелательные конфликты и не застраивать атолл многочисленными домами, к службе на станции допускались только холостяки или те, кто согласен был надолго оставить семью на континенте.

Скандалное происшествие, взбудоражившее весь атолл, произошло в понедельник в конце января. Дневная жара уже спала, но странное до нелепости сновидение и ноющая боль в деснах заставили ассистента Марби Кэйла — Хьюберта Рутта — проснуться. Начинало смеркаться, электрический вентилятор на стене назойливо жужжал, бумаги на письменном столе шуршали, во рту чувствовался металлический привкус. Хьюберту шел двадцать третий год, он был энергичен и неутомим. Лучше других он умел окрашивать биологические препараты, а его тончайшие срезы с микротомы добавляли славы Марби Кэйлу. Едва проснувшись, Хьюберт дотронулся языком до распухших десен: десны кровоточили, во рту чего-то не доставало...

Придя в себя от неожиданности, он привстал на влажных от пота простынях... Не доставало пяти зубов... Они были выломаны... Бесследно исчезли передние резцы в обеих челюстях и правый верхний клык. Рутт упал на подушку. Чудовищное открытие потрясло его. Он ничего не понимал, он перестал замечать даже боль. Пролежав с четверть часа, Хьюберт Рутт приподнял голову и сплюнул на пол. В воздухе промелькнул сгусток крови. Рукой вытер разбитые губы и взглянул на пальцы. Они были грязны, с обломанными ногтями. «Мои зубы, — с душевной болью подумал молодой человек, — где мои зубы?»

Босоногий, в трусах, он сидел на краю кровати и обалдело оглядывал обстановку: скомканная измятая постель, два стула — один у окна, другой у кровати, письменный стол с аккуратной стопкой библиотечных книг, крохотный платяной шкаф, на стене портрет матери в светлой рамке, на противоположной стене картина — закат на море в багровых тонах и парусник — чайный клипер «Флайинг Клауд» («Летающее облако»), идущий под всеми парусами.

Станный, необычайно яркий, похожий на реальность нелепый сон не выходил у него из головы. Еще с полчаса Рутт пребывал в тягостном раздумье. Приложив руку к щеке, он побрел к умывальнику. Взглянул на свое лицо в зеркале и не узнал себя. В углах губ запеклась кровь. «И в таком виде я появлюсь

в лаборатории!..» — с горечью подумал Хьюберт и тупо уставился в зеркало.

По-видимому, он долго не замечал настойчивого телефонного звонка, потому что, когда снял трубку, сердитый голос Кэйла произнес: «Все еще отсыпаетесь, Рутт?.. Анализ кишечной флоры нематод * буду, по-вашему мнению, делать я? Нужно, чтобы вы занялись сегодня этим самостоятельно. Я чувствую себя неважно и, наверное, не выйду. Действуйте!..»

— Отну минуту, миштер Кэйл, — заторопился Хьюберт, — мне нушно кое-что шкашать фам...

— Что такое? — переспросил Марби Кэйл. — Кто у телефона? Мне нужен Рутт. Кто у телефона?

— Миштер Кэйл, это я, Хьюберт, — прошепелявил Рутт, — шо мной што-то шлушилось, пока я шпал...

— Так это вы?! Что это значит? Вы не знаете, что с вами случилось? А ваш невнятный выговор? Чем у вас набит рот? Послушайте, это вы, Рутт?!

— Та, та! Разумеетша, это я.

— Что-то я не пойму, что, собственно, приключилось с вами? Совсем не узнаю ваш голос.

* Нематоды — круглые черви, ведущие паразитический образ жизни. — *Прим. ред.*

— Простите меня, миштер Кэйл, но я и шам не ушнаю швой голош!

— Вы шепелявите, точно вам восемьдесят лет и вы забыли в ванной свои челюсти!

— Пока я шпал, миштер Кэйл...

— Что же дальше?

— Пока я шпал,— без конца повторял ассистент Кэйла,— я шамым непонятым обрахом лишилша пяти шубоф.

— Пока вы что?..— хохотнул Марби Кэйл.

— Пока я... Это шамая необыкновенная иштория, какие я только шнаю!

— Самая «глупейшая» хотите вы сказать?

— Мошет быть,— охотно согласился Рутт.

— Вы не можете выйти на станцию?

— Нет,— поспешно прошамкал Хьюберт,— я непременно выйду, хотя и лишилша пяти шубоф... Во ргу полно крови...

— Вы лишились пяти зубов?! — будто только сейчас осознав это, воскликнул Кэйл.

— Та, шэр,— меланхолично ответил Рутт.

— Так, и у вас неприятности?!— почти выкрикнул Кэйл.

Хьюберт был крайне изумлен и необъяснимой вспышкой шефа, и тем, что в трубке слышались частые гудки. Чем объяснить, что шеф оборвал разговор?

Между тем Кэйл не опустил спокойно трубку, а с лязгом бросил ее на контакты.

— Кажется, я зашел слишком далеко и события приняли чересчур бурный характер,— вполголоса пробормотал он, уставившись в темный угол. Помассировав правую руку, он схватил левой телефонную трубку и вызвал Кофера. Ошибся, начал набирать номер снова и замер, слушая четкие сигналы зуммера.

Арчибалд Кофер в этот момент задумчиво сидел в качалке и, легонько потирая наморщенный лоб, старался примирить свою совесть ученого с воровством чужих идей. Идеи в образе пачек разложенных бумаг лежали на его столе, и Кофер в десятый раз мысленно спрашивал себя, хочет ли он в самом деле видеть их у себя, на своем столе, внесенными в его комнату, выкраденными им самим из чужого сейфа. Арчибалд Кофер, к стыду своему, не знал, чего хочет. Тогда он поставил для себя вопрос иначе: согласен ли он, чтобы эти столь нужные ему бумаги с гипотезами, до которых он сам не мог додуматься, бесследно исчезли со стола, не оставив после себя копий?.. Мельком он бросил взгляд на них и тотчас отвел взор, точно схвативший добычу волк, который знает, что теперь она от него не убежит, и очень определенно ответил себе: нет, не хочет.

Кофер давно искал способа завладеть ими, воспользоваться интереснейшими данными и выводами. Теперь его тайные по-

мысли загадочным образом осуществились... Он только что видел сон, прелюбопытный сон, в котором являлся участником удивительных событий и весьма энергично действовал... Оставалось загадкой, кто принес эти бумаги и запихнул их во внутренние карманы его пиджака. Ведь бумаги лежали на его столе наяву, а наяву он не мог отважиться похитить их. То, что он видел и где весьма странно вел себя, был только сон... Полный сомнений, ученый еще раз недоверчиво посмотрел на измятые листы. Голова шла кругом. Странная трансформация его тайных мыслей не поддавалась объяснению...

Взор его рассеянно блуждал по комнате, пока не остановился на пороге. Испытывая легкое головокружение, он встряхнул головой и с усилием глотнул слюну. Глаза его округлились, через плечо он продолжал глядеть на порог комнаты. В щели под дверью беззвучно появился белый уголок бумажного листа. Потом с едва слышным шорохом медленно вполз в комнату весь лист. На нем было что-то написано чернилами. Кофер смотрел на происходящее, словно знакомясь с миром иррациональных явлений. Чуть слышно шелестя, бумага ползла по полу. Арчибалд Кофер, конечно, не боялся обыкновенного писчего листа стандартного формата и не думал о нем ничего плохого, он также не наделял его свойствами живого существа: во всем был виноват лишь сквозняк, но подойти и поднять с полу бумагу ему почему-то не хотелось, и он продолжал молча сидеть, с неприятным чувством следя глазами за медленно ползущим листом.

Ему припомнился аналогичный случай. Однажды, когда его друзья собрались у него вечером за чашкой чая, какая-то шальная газета внезапно появилась на виду у всех из-под двери. Спор об открытиях в телепатии сразу смолк. Сохраняя на лице невозмутимость и вежливый интерес к неожиданному остывшему разговору, гости стали напряженно следить за газетой. Беззвучно она скользнула по паркету и, проделав замысловатую петлю, как бы исследуя комнату, неотвратно стала приближаться к ним. Две дамы, забывшись на минуту, подняли ноги, почти прижав колени к подбородку, а мужчины просунули башмаки под стулья. Наконец к всеобщему облегчению вечерний выпуск «Трибюн» замер, приткнувшись к ножке кресла в дюйме от ноги Кофера.

И вот сейчас бумажный лист сильнее затрепетал, подпрыгнул несколько раз над полом и, вдруг вспорхнув на его ночные туфли, подрожал немного и затих. Кофер выждал несколько секунд и взял бумагу. Это была оброненная кем-то в коридоре страница из материала, разбросанного на его столе. «Каприз случая помог странице присоединиться к остальным, чтобы в них не было пробела»,— не переставал изумляться Кофер.

Телефонный звонок заставил его сильно вздрогнуть. Он бросил испуганный взгляд на дверь и кинулся к столу. В мгно-

вение ока сгреб бумаги. Потом сообразил, что звонит телефон, и с бьющимся сердцем снял трубку.

Он не сразу узнал голос Кэйла, потому что тому была свойственна деловая манера говорить, а теперь тот начал с ничего не значащих слов. Он был явно чем-то расстроен, хотя сказал самые пустые слова.

— Ну, как поживаете, коллега? Что поделяваете? — услышал он сдавленный голос.— Что-нибудь новенькое в молодой жизни?!

— Мистер Кэйл?.. Не узнал вас. Добрый вечер... Уж будто бы вы не знаете... Все так же. Как всегда. Какие у нас, у островных узников, перемены? Никаких. Все по-прежнему. Как обычно...— Он с трудом восстановил ритм дыхания.

— А вот у моего юнца, у Хьюберта Рутта, перемены есть. Перемен, что называется, полон рот... Только что звонил ему. Ну и потеха!.. Пока он спал в послеобеденное время, кто-то ему вышиб зубы! Так шепелявит, что двух слов не разберешь. Мне показалось, что трубку снял не он, а кто-то другой...

У Арчибальда Кофера вдруг все поплыло перед глазами. Он кашлянул и схватился рукой за стол. Кэйл в это время продолжал:

— Всегда знал его как исполнительного парня и не слышал, чтобы он был любителем потасовок.

— Он вроде бы не буян,— вставил Кофер.

— Возможно, в душе он и скандалист... Словом, кто-то крепко подшутил над беднягой...

— Какой позор! — еле слышно прошептал Кофер.

— Вы правы, это не делает нам чести,— со смешком отозвался Кэйл.

— Что за странности,— заговорил снова Кофер,— как к ним следует отнестись? Вы пойдете в лабораторию? — немного погодя спросил он.

— Нет. Надо срочно позвонить мистеру Корде.

Лесли Корда в этот момент был занят тем, что перочинным ножом соскребал шоколад с кремовой сейлоновой сорочки. Он не мог припомнить, когда его угораздило так перепачкаться, и время от времени принимался обсасывать места, особенно обильно пропитанные затвердевшей коричневой массой. Временами он подходил к столу и с явным удовольствием откусывал кусок шоколада от плиток, горкой возвышавшихся на углу. «Нагрею-ка я воды,— размышлял Корда вслух,— опущу в таз рубашку, шоколад растает и отмоется». Набросив ее на спинку стула, отправился на кухню, чтобы согреть воды. Включил электрическую плиту и, открыв дверцы посудного шкафа, начал высматривать миску или таз. Со звоном извлек желтую глубокую посудину, наполнил ее водой, поставил на плиту и зашлепал в комнату.

Персонал лаборатории обычно обедал в столовой при станции, но по утрам и вечерами часто собирались компанией: многие любили испытывать свои кулинарные способности на гостях.

Корда расхаживал по комнате и, умильно поглядывая на горку плиток, тихо напевал арию из «Лоэнгрина». Иногда он присаживался на кровать или в кресло и принимался в полное свое удовольствие хихикать, припоминая некоторые забавные подробности недавно приснившегося сна. И потом, целая горка шоколада! Правда, во сне он унес этот шоколад из ящика письменного стола своего коллеги, но то был сон, а какой-то чудак, пока он занимался авантюрами в мире сновидений, принес ему груды прекраснейшего шоколада. «Сон был в руку! — решил Корда.— Приятно будет вспомнить о нем».

Телефон зазвонил, когда он снимал миску горячей воды с плиты. Поставив миску, напевая, подошел к телефону. «Наверно,— с улыбкой подумал он,— та самая добрая душа, которая угостила меня двумя дюжинами плиток изысканнейшего лакомства и заодно запачкала сорочку...»

— Хэлло! — благожелательно произнес он, свободной рукой застегивая ворот пижамы.

— Хэлло, Лесли! — донесся из трубки голос Кэйла.— Вы что так аппетитно жуете? Полагаю, шоколад?

Корда самодовольно заулыбался.

— Меня не удивляет ваша пронизательность,— игриво ответил он,— теперь я знаю, кто тот добрый дух, который так тонко изучил мой вкус и учел размеры моего аппетита!.. Я ждал вашего звонка, и, конечно, вы сразу же себя выдали! Послушайте, Марби, это самая приятная неожиданность со времен нашего плавания на «Аргонавте».

— Да?..— с какими-то новыми интонациями произнес Кэйл.— Так вы нашли шоколад приятным? Рад за вас, хотя ни я, ни кто другой вам его не приносил.

— Конечно, конечно! Всегдашняя ваша скромность! — пропел Корда.

— Вы помните, кто у нас в лаборатории лакомка? — И сам ответил: — Это Хант Конант. И вы, Лесли, полагаю, знаете, что лакомитесь его шоколадом! Интересно, однако, как он попал к вам, да еще в таком количестве?

Лесли Корда онемел и машинально размазал по лбу проступившую испарину. Появись сейчас Марби Кэйл, он застал бы с телефонной трубкой в руках извятие в канареечного цвета пижаме со следами цветных соусов, застегнутой на одну верхнюю пуговицу, в разношенных желтых шлепанцах. Брови его, казалось, стремились упорхнуть с лица, а глаза, обращенные на микрофон трубки, смотрели испуганно, не мигая. В комнате Лесли воцарилась тишина, казалось, что хозяин ее ушел или

уснул, между тем изваяние продолжало еще несколько минут в оцепенении держать трубку. Последними словами Кэйла были: «Бросайте к черту ваши дела и бегом ко мне! Мы все попали в скверную историю...»

Запыхавшийся Лесли застал у Кэйла Арчибальда Кофера. Они о чем-то горячо спорили. Внезапное появление Корды в первый момент заставило их замолчать, затем их спор разгорелся с прежней силой. Мистеру Корде было странно и непрерывно видеть их в таком возбуждении, они не затрудняли себя выбором выражений. Сначала его смутило присутствие Кофера, и он сконфуженно присел в стороне, затем редкая по непринужденности беседа его друзей придала ему смелости, тем более что ситуации, о которых они говорили, показались ему чрезвычайно знакомыми. Упоминался Кузен Бенедикт. Однако Корда не успел вмешаться: требовательно и настойчиво зазвонил телефон. Тотчас же воцарилась тишина, и две пары глаз испытующе и с нетерпением уставились в напряженное лицо Кэйла.

— Кто говорит?! — резко выкрикнул Кэйл... — Нет. Не узнаю, — с гримасой досады проговорил он. — Ах, это Рутт? Вот оно что! Он повеселел и многозначительно кивнул друзьям.

Вы не обзавелись еще новыми зубами, Рутт? Вы и картавите, и шепелявите, и вообще вас совсем невозможно понять. Поторопитесь с зубами, Хьюберт, вот мой вам совет. Иначе нам придется общаться письменно, а этот способ покажется вам утомительным.

— Шэр, — прервал Кэйла обиженный Хьюберт Рутт, — я швоню шо штаншии.

— Откуда?!

— Шо штаншии, миштер Кэйл! Не пойму, в шем дело... Она выглядит, шловно пошле побоишша. Аппарат в коридоре ишпорчен, и я шашел в кабинет директора. Он почему-то не был шаперт. Едфа приоткрыф дферь, я обратил фнимание на нешгорасмый шкаф директора. Он рашпахнут наштеш, и, долшно быть, в нем ошеиь пошпешно рылиш. Ш того мешта, где телефон, мне виден торшасий иш шкафа угол голубой папки и чашть другой, желтофатой, на полу, рашвяшапной и ш выпафшими какими-то бумагами. Не шнаю, шему припишати, но иш головы не фходит этот недафний шудной шон... В лаборатории миштера Миллога рашбиты шклянки...

— Мистер Рутт! Вы говорите, что взломан сейф? — воскликнул пораженный Кэйл.

— Наферняка не шнаю, — проямлил Хьюберт, — но пошоше, што в шамом деле фшломан...

— Вы молодчина, Хьюберт, — с наигранной веселостью сказал Кэйл, — на сегодня я отпускаю вас. Можете идти домой или куда хотите. Червями мы успеем заняться завтра... Есть сейчас кто-нибудь на станции?

— Мне никто не фштретилша, миштер Кэйл:

— Прекрасно, Хьюберт, можете быть свободны.

Кэйл бросил трубку и, возбужденный, с горящими глазами, повернулся к коллегам.

— Похоже, что случилось самое худшее, — скороговоркой бросил он, — взломан сейф!.. — Он заговорил сбивчиво и торопливо: — В лаборатории разгром, все в полном соответствии со сновидением... Скорее туда! Надо поспеть на станцию, пока не собрались остальные!..

И когда они, похватав со стульев пиджаки, бросились к двери, он, первым выскочив наружу, крикнул: «Живее! Торопитесь! Есть еще время замести следы!.. Опередим других!..»

Остров был невелик, и единственным наземным транспортом были признаны велосипеды. Все трое, вскочив на них, помчались мимо пальм, саговников и жилых коттеджей по утрамбованной белой кольцевой дороге так, что одинокие прохожие с невнятными восклицаниями отскакивали на обочину и даже поспешно прятались за стволы деревьев, изумленно оборачиваясь вслед стремглав мчащейся тройке, а ручные древесные кенгуру, специально доставленные из Австралии, уносились

с пути вихрем серых скачущих теней. Такая невероятная торопливость была здесь незнакома и могла быть вызвана из ряда вон выходящими обстоятельствами.

Трое научных сотрудников спешили у моста, ведущего в здание лаборатории, возвышающееся над лагуной, и, толкая перед собой велосипеды, бегом устремились к бетонной балюстраде. Первым перед дверью лаборатории оказался Кэйл. Капли пота от быстрой езды бежали по лицу, а одна висела на кончике носа. Сзади на Кэйла едва не наскочил Кофер.

— Что ж вы медлите! — переводя дыхание прохрипел он.

Кэйл рванул наружную дверь и с прилипшей ко лбу прядью волос, в комнатных туфлях ворвался в помещение. Он промчался по полутемному коридору до поворота, несколько поостыл и повернул обратно. Он снова столкнулся с Арчибальдом Кофером, по пятам следовавшим за ним. Хлопнула наружная дверь, и они быстро обернулись. Вытирая лицо платком, к ним торопился Лесли Корда. В коридоре тут и там лежали какие-то бумаги, под ногами сухо потрескивало стекло, зеленоватый пластик на полу был забрызган бурыми и черными пятнами и местами прожжен. Они поглядели и, не проронив ни слова, кинулись по своим кабинетам.

Вывихнутой во «сне» правой рукой Марби Кэйл едва мог двигать. Замок долго не поддавался; обозлившись, он тихо выругался. Наконец дверь распахнулась. Кэйл торопливо хлопнул ее за собой и кинулся к письменному столу. Свет в кабинете он не зажег, и за его спиной сквозь приспущенные шторы за широким окном догорали кровавые отсветы заката.

— Как поживаете, Марби? — послышался откуда-то слева тихий, размеренный голос.

Кэйл круто повернулся. Прислонившись к стене, стоял Оукер Ван Ривер. Его узкое лошадиное лицо кривилось в ухмылке.

— Я знал, что вы придете, — промолвил он, чуть шевельнувшись.

— Мне давно бы следовало сменить замок, чтобы воспрепятствовать непрошеным визитам, — холодно процедил Кэйл и приготовился выйти из кабинета.

— Пойдите, Кэйл. — Фигура у стены переменяла позу. — Должна ведь существовать, по-видимому, связь между тем, что во сне вы съездили мне по морде, а наяву у меня разболелась челюсть? Ведь вы слыветемышленным человеком. Как это получилось?

— Что вас привело в мой кабинет? Или вы думаете, что это сон?

— Я решил дождаться вас, чтобы услышать ваше мнение, — без тени смущения отозвался Оукер Ван Ривер, вступая в полосу света, еще сочившегося из окна.

— Только за этим? — с иронией заметил Кэйл.

— За чем же еще? Конечно, не за бумагами, — нагло пояснил он. — Вы повредили руку? — насмешливо поинтересовался он и развязной походкой направился к стулу.

Марби Кэйл всегда испытывал откровенную неприязнь к этому человеку. Когда два неглупых специалиста работают в близких областях и знакомы, они испытывают друг к другу или симпатию или неприязнь. Дух соперничества не оставляет им ничего другого.

Кэйл открыл рот, чтобы напомнить гостю о правилах этикета, но в это время дверь за его спиной распахнулась и появился еще один человек. Он почти вбежал и, сразу заметив Кэйла, обрадованно уставился ему в лицо. Его появление несколько разрядило атмосферу в кабинете, весьма сгустившуюся после того, как под Оукером скрипнул стул.

— Хорошо, што я шаштал фаш, — быстро заговорил ассистент Кэйла, — только што мне попалиш нафштречу профешшора Хитшелл и Роултт. Оба они ошень фшфолнофаны шем-то и шильно рашштроены. Хитшелл, проходя мимо, даше шкашал: «Нешлыханное бешобрашие! Не шлшители науки, а хулиганы и пьяниши!» Он, Роултт и вше, кто шейшаш в лаборатории, шобралиш у директора. Миштер Брэдшоу не пояфлялша. По общему мнению, нашрефает нешлыханный шкандал! Гофорят, што под фидом шна шофершены прештупления и хулиганштфо и шамешаны фидные шотрудники...

— Благодарю вас, Хьюберт, за информацию, — сказал с иронией Марби Кэйл, искоса поглядывая на Оукера. — А вы, сэр, разве не намерены получить свою порцию позора? — как бы невзначай уронил он и сделал движение, точно хотел выйти из кабинета.

— Отчего же? Я иду с вами, — отозвался Оукер Ван Ривер, — пусть никто не останется в обиде.

— И я так думаю, — усмехнулся Кэйл.

Они вышли. Позади них у парадной двери раздавались частые нестройные удары щеток и жужжал пылесос: это усердствовали штатные уборщики. Стараясь превзойти друг друга, они ревностно и энергично устраняли следы неожиданного разгута своих высокооплачиваемых «коллег». Те в это время шумно обсуждали на втором этаже невыясненные причины массовых бесчинств.

Резкие, возбужденные голоса были слышны еще из коридора.

Кабинет директора морской станции Бенжамена Брэдшоу утопал в табачном дыму. Можно было подумать, что во рту каждого участника этого своеобразного сборища было по заводской трубе, непрерывно извергавшей белые, серые или синие едкие клубы. Стихийное собрание находилось в той стадии нервного напряжения, хорошо знакомого напраказавшим школь-

никам, когда ожидание наказания не может ослабить удовольствия от шалости.

— Еще три участника сомнамбулического сеанса! — выкрикнул гельминтолог Хьюлетт Брасс. — Добро пожаловать, джентльмены! Почтите нужным исповедаться перед грешной братией? — «Грешная братия» всколыхнулась от смеха, словно пузыри накипи на ржавой воде, в которую бултыхнулась лягушка.

— Всмотритесь, Хьюберт, — обратился Кэйл к ассистенту, — мы с вами, дитя мое, в балагане на спектакле, поставленном силами любителей.

От обращения «дитя мое» Рутта передернуло. Он был близок к тому, чтобы вспылить, но вовремя сдержался. От уважения, которое он испытывал к шефу, не осталось и следа, и с ненавистью Хьюберт подумал: «Ишь, как задрал нос... «Дитя мое»! А всего лишь респектабельная глиста на цыпочках!» Уничтожающее сравнение несколько утолило его чувство обиды, и он ограничился тем, что довольно бесцеремонно высвободил из-под руки шефа свое плечо.

— Кто только, черт побери, дал вам право в таком духе отзываться о нас?! Эээ... Это неслыханная дерзость! — прошипел позеленевший профессор Хитчелл.

— За что, собственно, Кэйл, вы ударили Оукера? — без обиняков спросил профессор Роултт, разглядывая ножку большого письменного стола.

Кэйл вскипел:

— Этот джентльмен пытался украсть у меня набросок статьи по филологии жаброногих! — прогремел он. — При этом мое присутствие в кабинете он по рассеянности в расчет не принял!

— Допустим, — пробурчал Оукер Ван Ривер. — О какой статье вы говорите?

— Мистер Оукер, объясните всем нам по совести, зачем вам понадобились жаброногие? — продолжал допрашивать Роултт. — Ваша специальность, кажется, усконогие? Зачем вы искали в ящиках мистера Кэйла жаброногих?

— Мне они не нужны, — отрицал Оукер, — но мистер Кэйл думает иначе, пусть он и объяснит.

— Среди нас нет мистера Ролинга. Рассказ о том, как мистер Карр перебил у него посуду и доставил массу хлопот нашим уважаемым уборщикам, мог бы его заинтересовать, — произнес Хитчелл.

— У меня украдены пять или больше папок, — нервно выпалил профессор Роултт, — вот и разберись, кто их взял... — Он поправил очки.

Воцарилось молчание.

— У кого эти папки? — сдерживая нахлынувшую ярость, проговорил вполголоса Карр. — Не у вас, случайно, мистер Ривер?

— Сейчас вы узнаете, у кого, мистер Карр,— сильно побледнев, тоже тихо пробормотал Оукер Ван Ривер, глядя сквозь дым на переносицу Карра и направившись к нему. На пути ему попался Корда, который с коротким восклицанием отскочил в сторону. Дальнейшее развитие событий не потребовало и минуты: Карр вскочил и, чуть пригнув голову, ждал приближения Ван Ривера. Раздался негодующий возглас профессора Роулетта: «Возмутительно! Позор! Ну и нравы!» — Он в отчаянии всплеснул руками. Профессор Хитчелл чертыхнулся и так привскочил в кресле, что оно запело пружинами. Ван Ривер не двинулся.

— Вот такие, как этот субъект, и крадут бумаги,— хладнокровно и четко произнес Карр, глядя прищуренными глазами в лицо Оукера...

— А кстати,— выждав минуту, сказал Хитчелл,— никто не знает, почему отсутствует мистер Брэдшоу?

— Я звонил ему на дом,— сказал Кофер,— секретарь ответил, что, возможно, он совершает прогулку на моторной лодке, погода для этого подходящая, а он большой любитель таких поездок.

— Ах вот как! — слегка удивившись, произнес мистер Хитчелл.

— Стало быть, мы собрались впустую,— заявил Арчибальд Кофер и вопросительно посмотрел на Кэйла.

— Можно подумать, что мистер Брэдшоу одним своим авторитетом и административным положением в состоянии внести ясность,— ухмыльнулся Кэйл.— Кто из нас так считает? По-видимому, даже младенцу понятно, что мы находились в гипнотическом сне. Среди присутствующих нет новорожденных, чтобы проверить мои слова?

Нервное напряжение после разгула пещерных страстей начинало спадать, и кое-кто заулыбался.

— Начнем с меня,— поднялся Кэйл.

Кто-то выразительно кашлянул. Коллеги мистера Кэйла переглянулись. Несколько пар глаз испытующе и насмешливо рассматривали его лицо.

— Напрасно вы стали бы надеяться услышать от меня нечто такое, чего еще не знаете. Ничего нового не будет. Вы все присутствовали при недавнем необычайном сеансе, все стали его жертвами, никто из нас не устоял против исключительно мощного воздействия чужой воли. Все мы на некоторое время стали похожи на жалких подопытных кроликов, белых мышей или морских свинок. И все мы помним, как это произошло.

— Не уверен, что был свидетелем отрадного зрелища, как мистер Кэйл, если не ошибаюсь, вывихнул себе руку,— скороговоркой вставил Хитчелл и демонстративно отвернулся.

Кэйл пропустил замечание мимо ушей.

В коридоре за открытой дверью послышался нарастающий топот и шум приглушенной борьбы. Резко и громко разнесся чей-то сдавленный вопль, потом с истерическими нотками чей-то возглас: «...так! Еще раз! Попробуй, скотина, еще раз... Говорю, попробуй!» По-видимому, наседали на Оукера... Спорадически вспыхивали шум, топот и гневные возгласы дерущихся.

— Несчастные жертвы «сна», конечно, уверены, что в самом деле в чем-то виноваты. Между тем все мы, как я уже сказал, не более чем марионетки, невольные исполнители чьей-то прихоти.

— Полностью разделяю мнение мистера Кэйла,— внезапно воодушевшись, заявил Кофер, ни на минуту не забывавший о собственных «заслугах» в фантастическом сне.

— Признателен мистеру Коферу за неоценимую поддержку,— саркастически заметил Кэйл,— хотя в состоянии обойтись без нее.

— Мистер Кэйл, что вы намерены сообщить нам еще? — напомнил о своем присутствии Хитчелл.

— Только то, профессор, что обвинять нас по сути дела не в чем.

— Допустим,— осторожно согласился Хитчелл,— как же вы все-таки дошли до этого? Вы нам не объясните?

— Попробую припомнить все по порядку...

— Мне показалось, что вы уже где-то в середине вашего монолога, а оказывается, все еще топчетесь у начала, хотя по моим часам скоро десять,— иронически пробурчал профессор Хитчелл.

— Если меня не перестанут перебивать,— холодно возразил Кэйл,— всякий раз за началом следует начало.

Хитчелл смолчал и подчеркнуто устало вытер платком лицо.

Шум и возня в коридоре возобновились. Кое-кто начал поглядывать на дверь.

— Продолжайте, Марби,— сказал Кофер.

— Вся эта фантазмагория началась с того,— отчеканил ледяным тоном Кэйл, делая ударение на слове «началась»,— что в коридоре появился Энди Вульф с перекошенным от алчности лицом. В руках он держал склянку нового красителя профессора Хитчелла.

Профессор Хитчелл нетерпеливо заерзал в кресле.

— Патентом на краситель и секретами технологии обладает только наш уважаемый профессор. Может быть, мистер Вульф получил бутылку с его милостивого разрешения? Нет. Он силой отнял препарат у ассистента профессора, чтобы воспользоваться им при микроскопировании. В нормальном состоянии ни один человек на такой поступок не отважится. Это не тот способ, который может привести к хорошим последствиям. Рассудим

дальше. Возможно, находясь в своеобразном трансе, не владея собой, он совершил сугубо нелогичный поступок? Тоже нет. Почему? Потому, что я припоминаю один частный разговор, когда мистер Вульф с завистью отзывался о препарате и его достоинствах. Он сказал, между прочим, что обладание им очень помогло бы ему в работе. Стало быть, поступок его был логичен, но совершенно не соответствовал общепринятым условностям. Он мечтал иметь в своем распоряжении новый чужой краситель и получил его, не понимая, что получил на пять минут. Здесь мы сталкиваемся с логической завершенностью поступков в частном случае и с нелогичностью в целом. Вот эта поразительная смесь составляет характерную черту недавнего беспрецедентного события.

Среди собравшихся заметно было волнение, но никто не возразил. Марби Кэйл продолжал:

— Происшествие со мной. Я находился в своем кабинете у книжного шкафа и рылся в книгах. Меня давно мучил один вопрос, и я надеялся получить хотя бы отправные моменты для его решения. Должен сказать, что параллельно с этими мыслями я, хорошо помню, обдумывал, как лучше сделать, чтобы никто другой не опередил меня.

Собрание оживилось, профессор Хитчелл затрясся в смехе, издавая булькающие звуки, словно выливали жидкость из сосуда с узким горлышком. Кэйл продолжал говорить.

— Я подозреваю, что в том же направлении изошрял свою изобретательность мистер Оукер Ван Ривер. Тот самый Оукер, который с Карром в коридоре катаются колесом. Стоя в то время перед раскрытыми дверцами книжного шкафа, перед полками с книгами, я испытывал такое жгучее чувство ненависти к своему сопернику, что был бы в состоянии его убить. Мне не казалась в то время эта мысль чудовищной. Сейчас я содрогаюсь, вспоминая, как близок я был к ее осуществлению. Но мои шаги в этом направлении предупредило внезапное появление самого мистера Оукера в моем кабинете. Мистер Оукер со своей стороны полагал, что в своих исследованиях я не мог обойти этот вопрос, и его, должно быть, обуревали сходные мысли в отношении приоритета возможного открытия. Он на цыпочках прокрался по коридору и, бесшумно распахнув дверь, появился передо мной, не замечая, однако, меня. Но когда я выдал свое присутствие, владевшее им сильнейшее желание заполучить черновой набросок статьи с ключом к решению вопроса заставило его вступить со мной в ожесточенную борьбу. Исключительная наглость его поступка сначала сильно смутила меня, а затем удесятерила мои силы: мной овладело бешенство. Улучив момент, я как мог воздал должное его нахальству и с вывихнутой рукой ушел из кабинета, оставив его в задумчивой позе на полу. Не берусь судить, сколько времени он не менял ее, но, судя по

изменениям на его лице, он мог по достоинству оценить преподанный урок. Когда я шел по коридору, мне было приятно представлять себе, что я убил его, хотя до этого случая мне ни разу не приходилось думать о себе как о звере...

Все молчали, дымились забытые сигареты, слышно стало, как у закрытого окна на высокой ноте гудели мухи. В окно глядела темнота. Одна из мух сидела на потном лбу Брасса, не замечаемая им. Синеватые волны дыма протянулись из комнаты к приоткрытой двери.

— У мистера Хитчелла исчезли бумаги,— говорил тем временем Кэйл,— секретный сейф мистера Брэдшоу вскрыт и обворован, в этом может убедиться каждый. Мистер Карр перебил посуду в лаборатории мистера Эбenezера Эндрьюса потому, что за несколько минут до того мистер Эндрьюс имел неосторожность назвать его женой, проживающую в Плимуте, распутной... Он уверяет, что имел основания так сказать, хотя мы знаем его как человека крайне сдержанного в суждениях и вдвое — в высказываниях. Что же произошло с ним, откуда такая вопиющая бестактность? Можно подумать, что его подменили!.. А отвратительный случай с моим ассистентом?!

Хьюберт вспыхнул, вскочил, готовый протестовать, но Хитчелл по-отечески усадил его снова. Тот сопел, ерзал на стуле и порывался что-то сказать.

— Хамильтон Миллот одним весьма метким ударом выбил несколько зубов мистеру Рутту потому, что с самого начала невзлюбил его. Свидетелями происшествия стали мистер Кофер, мистер Корда, я и мистер Брасс. Мистер Брасс и я погнались за ним, но негодяй успел скрыться!.. Продолжим наш перечень. Ассистент профессора Роулетта перемешал растворы в опытах своего шефа; это была гнусная месть, которую он замыслил давно, за то, что руководитель не отпустил его с нашей экспедицией на «Аргонавте»... К уже перечисленным «подвигам» наших коллег можно было бы добавить еще несколько, но стоит ли? Создается впечатление, что с каждого из нас на короткое время сорвали повседневную маску благопристойности, без которой мы лишены возможности поддерживать отношения между собой. Такая маска необходима нам, и за нее мы цепко держимся, чтобы походить на людей, с ней боимся расстаться, как рак-отшельник с раковиной. А если расстанемся? Что тогда?

— Из каких источников к вам поступили все эти сведения? Где гарантии, что это не ложь?! — выкрикнул Хант Конант. Он согнал с лица муху и, ища поддержки, бросил взгляд на Хитчелла. Но тот сидел, слегка сутулясь, с закрытыми глазами, и лицо его выражало усталость.

— По-видимому,— невозмутимо продолжал Кэйл,— наш внешний лоск так же легко снимается, как радужная пленка с несвежего мясного бульона, в котором кишат смертоносные

бактерии алчности, мелочного эгоизма, честолюбия, стяжательства, разъедающей зависти и пещерной ненависти к себе подобным! Вот наше подлинное «я». Нашелся кто-то, может быть кальмар (я давно замечал за ним большие странности), кто остроумно предложил нам зеркало, чтоб мы увидели самих себя и на сей счет не заблуждались. Именно этот «Некто» погрузил нас в гипнотический сон, после чего заставил лечь в постель и представил события в виде обычного сна... И тогда мы переполошились, словно нам было показано нечто неприличное, а не мы сами!.. Неприятно говорить о таком моменте, ибо, если судить по недавнему опыту, нас становится невозможно отличить от зверей.

Еще не затихли последние слова Кэйла, как дверь за его спиной шумно распахнулась.

— Если мы все звери, то вы, мистер Кэйл, подлинный король зверей!

Фраза, брошенная, как ком грязи, в лицо, принадлежала вбежавшему Карру.

Кэйл порывисто обернулся. Его тощая фигура хищно изогнулась. В расширенных полутемных зрачках промелькнул страх. Краткий миг он глядел на руки Карра и вдруг стремительно метнулся к двери.

— Назад! — гаркнул Карр и отшвырнул Кэйла на середину комнаты.

Звонко жужжа, билась в стекло муха.

— Вот что нашел у Кэйла Оукер!.. Он хотел передать бумаги и аппарат мистеру Брэдшоу...— Карр помахал над головой какими-то фирменными бланками.— А в кабинете Оукера аппарат... Это Кэйл устраивал гипнотические сеансы. И здесь он только что глумился над нами!

Кэйл отошел к разбитому шкафу. Лицо было в красных пятнах.

— Мистер Карр, вы рехнулись... Что у вас за бумаги?! — Хитчелл побагровел:

— Мистер Кэйл, в чем дело?!

Кэйл мстительно глядел на Карра. Он выждал несколько секунд.

— Ну что ж! Минутой раньше, минутой позже вы будете все знать. И с вами мне уже не работать. Между тем я лишь проверил действие автоматического реостата церебральных биотоков. Последствия вы видели. Это секретное задание военного министерства. Дубликат этого миниатюрного аппарата, который локально расстраивает и угнетает биотоки мозга, имелся у меня. Я брал его с собой и в шлюпку. Что было делать? Пришлось подурочить вас. Угнетая деятельность коры головного мозга, я мог погрузить вас в сон более или менее глубокий, меняя напряжение электрического поля. Мог пробудить ваше

Подсознание, ваше звериное второе «я». Мог затормозить работу мозга совсем, и угасшее сознание никогда бы не зажглось вновь...

— Какой негодяй! — выдохнул профессор Роулетт.

— Пентагон предлагает мне место в его лабораториях. Полагаю, вы воздержитесь от оскорблений... А то, что вы узнали, останется при вас. Министерство позаботится об этом... Сейчас вы вернете мне контракты и аппарат. Никто не захочет, конечно, иметь неприятности...

Коттедж Бенжамена Брэдшоу пребывал в безмолвии и глядел на прохожих сквозь пальмовую рощу черными провалами окон. На ровном ветру качались в квадратных матовых абажурах фонари, бросая дрожащие отсветы в окна приземистого дома. В мерцающем полумраке, сидя на кровати, Брэдшоу дожевывал бутерброд с маслом и икрой. Он протянул руку к стулу и налил себе еще коньяку. Вытер салфеткой губы и, беззвучно икнув, отодвинул стул. Он был в пижаме, комнатные туфли валялись у ножек стула. Брэдшоу сел на кровать и с удовольствием зевнул. Снял часы. Они показывали начало первого ночи.

С минуту он смотрел в испещренное колеблющимися пятнами пространство, а потом, склонив голову набок, устался на завернутый в старый пожелтевший газетный лист большой пакет в ногах постели. В этот миг искривленная ветка магнолии, раскачиваемая ветром, глухо царапнула по стеклу, и Брэдшоу, сильно вздрогнув, метнул испуганный взгляд в окно. В глазах его замер ужас. Руки судорожно, до боли сжали одеяло. В позе профессора было нечто от скорпиона, на которого плеснули кипятку. Каждый мускул его тела напрягся до предела. Он не мог видеть выражения своего лица, иначе ужаснулся бы. В сдавившей мозг тишине, растягивая до боли томительную неизвестность, медленно и размеренно отстукивали секунды настольные часы. Время для Брэдшоу сделалось осязаемым, густым и вязким. Оно с не поддающейся измерению мучительной медлительностью прозрачной всепроникающей субстанции, рекой без берегов текло из будущего и бесшумно переливалось в прошлое. От него исходил приторный, сладковатый запах тления, и от этого запаха немного кружилась голова.

Впрочем, это пахли плоды дурьяна из его кабинета. Текли минуты, но ситуация не прояснилась. Как кошмарный обвинительный акт лежал на мохнатом шерстяном одеяле пухлый бумажный пакет. Брэдшоу пристально глядел на сверток, он вдруг стал напоминать ему гигантскую скрученную пружину, которая неудержимо начнет развертываться расширяющимися кругами, если чей-то посторонний взгляд как бы дернет предохрани-

тельную скобу. Он перевел взгляд на окно и застыл, пока* светлые блики от фонарей на стекле, непрерывно метавшиеся, будто истомившаяся душа преступника, и пейзаж за окном не начали рассыпаться для него на несвязанные куски, расплываться, перестраиваться, формируясь в фантастические образы. Монотонный гул океана и зловещий шум ветра за стеклами стали походить на похоронную песнь, распеваемую вдали громадным хором...

И вдруг снова раздался тот же ужасный звук. Брэдшоу понимал, что окончательно сходит с ума от страха: пакет в форме свернутой пружины начал быстро сжиматься и разворачиваться, точно пульсируя в такт ударам сердца. Потом, почти холодея от ужаса, он увидел в левом верхнем углу оконной рамы скачущую тень, которую бросала ветка магнолии, и... внезапно все понял. Он упал головой на подушку и затрясся в беззвучном смехе, босыми ступнями притрагиваясь к пакету. Больше он не смотрел в окно. Резко выпрямился и сел. Придвинулся к пакету, положил руку поверх него, не сводя с пакета горящих глаз, принялся неторопливо развязывать. Перед ним легли три большие пухлые картонные папки, зеленые при дневном свете и серые в полумраке спальни. Педантизм мистера Брэдшоу не изменил ему и в этот ответственный момент: запечатанные пачки банкнот лежали в папках ровными рядами — вся наличность кассы института. Он долго перебирал их и подкидывал на ладони и только один раз бросил подозрительный взгляд на дверь: ему почудились в коридоре частые шаги секретаря, которому было приказано никого не принимать. Но опасения были ложными. Сон это был или явь, для Бенжамена Брэдшоу было не столь уже важно. Важнее было то, что туго набитые папки являлись несомненной реальностью, в этом он мог без конца убеждаться, ощупывая их...

Александр Мееров

ПОИСК НАДО ПРОДОЛЖАТЬ

Научно-
фантастический
рассказ

I

Нину Константиновну не вызывали к следователю. Аветик Иванович сам приехал в институт. Она встретила его сдержанно, даже несколько настороженно, стараясь понять, кому же доверено вести дело очень дорогого ей человека.

Молодой следователь, очутившись в незнакомой обстановке, не сразу нашел нужный тон. Однако приходящая ему деликатность, умение расположить к себе собеседника помогли и на этот раз. Вскоре Нина Константиновна почувствовала, что следователь стремится доброжелательно и по существу разобраться в необычайных событиях. Ее ответы уже не были слишком сухими и порой на лице пожилой, уставшей женщины стала появляться улыбка.

— Нина Константиновна, когда вы узнали об исчезновении Вячеслава Михайловича?

— На прошлой неделе в пятницу.
— Вы тогда были в Новосибирске?
— Да, вернее, под Новосибирском, на нашей опытной базе.
— Как вы восприняли такое сообщение?
— Я просто сочла это каким-то недоразумением. Звонил заместитель Вячеслава Михайловича, говорил как-то сбивчиво, путаясь, и тогда я поняла только одно — надо поскорее ехать в институт. Вячеслава Михайловича я знаю давно. Больше двадцати лет. Отношусь к нему с глубоким уважением. Люблю в нем все, даже недостатки. В самолете, перебирая все возможные варианты, я так и не могла понять, что же могло произойти. В последние годы единственной привязанностью Вячеслава Михайловича был возглавляемый им институт. Он одинок, не увлекается ни охотой, ни автомобилизмом, казалось, что могло с ним приключиться?

— А вы не связывали исчезновение директора с Биоконденсатором?

— Нет. Версия эта возникла здесь, в институте.

— Но вы уже знали о несчастье с Назаровым?

— И об этом мне стало известно только здесь.

— Вы не навещали Назарова в клинике?

— В свое время на протяжении трех месяцев я «навещала» Назарова в его следовательском кабинете. На допрос меня водили почти каждую ночь. Память об этом не обязывает меня навещать Назарова.

— Простите, но мне казалось, что вы как специалист и член комиссии, созданной по случаю происшедшего в институте...

— Я физиолог, а не врач и тем более не психиатр. К тому же в институт ежедневно поступают бюллетени о его здоровье и все члены комиссии обстоятельно знакомятся с ними.

— Вы согласны с заключением комиссии о причине заболевания?

— Думаю, что состояние Назарова действительно связано с влиянием на него Биоконденсатора.

— Нина Константиновна, я буду откровенен с вами. Я добросовестно пытался разобраться в научной документации института, читал труды, отчеты, доклады. Но признаться, не уверен, что понял их сущность. Я ведь кончал юридический. Если вас не затруднит, растолкуйте мне, по возможности не уходя в математические и философские глубины, что же такое биополе?

— Постараюсь, но задача для меня трудная. Популяризатор я неважный. Тем более что ваш вопрос во многом определяет отношение к ним. Должна подчеркнуть, что уже стал традиционным различный подход, вернее, различные требования, предъявляемые к представителям так называемых точных наук

и к нам, естественникам. Физики и математики исследуют внутриатомную организацию, открывают законы небесной механики, и никто не называет их мистиками, несмотря на то что они и по сей день имеют довольно смутное представление о природе гравитации, земного магнетизма или, скажем, о силах взаимодействия элементарных частиц. Многие их выводы умозрительны. А вот в биологии выводы, не подтвержденные данными непосредственного анализа, считаются по меньшей мере несерьезными.

Чтобы понять меня, вам придется отвлечься от привычных взглядов на окружающую нас биологическую среду и попытаться взглянуть на нее как бы со стороны... Человеку, а ведь он тоже частичка огромного биологического единства, очень трудно думать в масштабе биосферы* Земли.

Первые попытки изучения механизма организации биологических систем были встречены враждебно. Сейчас уже стал достоянием истории период борьбы, недоверия, даже обвинений в невежественности, который пережили основоположники современной генетики и теории биологического регулирования. Но и после того как эти отрасли знания обрели права гражданства, все еще считалось просто несерьезным говорить о биосфере Земли как о самоорганизующейся системе. Удалось преодолеть и это. Стала очевидной необходимость познания сил, определяющих развитие биосферы Земли и, вероятно, любой другой планеты...

Для начала примите аксиому, что биосфера Земли обладает специфическими средствами связи-информации, буквально пронизывающими ее. Эти связи возникают в результате жизнедеятельности и взаимодействия множества самых различных организмов.

— Это и названо биополем?

— Да. Этот термин ввел Юрий Александрович Петропавловский. У многих даже теперь возникает вопрос: почему же современные приборы, улавливающие, например, радиоизлучение далеких звезд или биотоки одиночной нервной клетки, не способны обнаружить интенсивное поле, объединяющее все живущее на планете?

Для того чтобы открыть способы анализа биополя, потребовалась достаточная смелость, позволившая отвлечься от изучения более доступного частного и подойти к представлению об общем. Нужно было понять, что совершенные приборы, приспособленные для измерения уже известных людям видов энергии, оказываются непригодными для изучения сил еще не известных, но реально существующих

* Биосфера — область распространения жизни на земном шаре. Здесь совокупность всех живых организмов.— *Прим. ред.*

и, может быть, наиболее однозначно действующих на все живое.

Люди подходили к решению проблемы биополя медленно, по крохам, начиная с фантазии и рискованных догадок. Многие задумывались, а что же это за сила, которая заставляет жить все живое? Жить во что бы то ни стало, жить в трудной, непрерывной борьбе вопреки закону энтропии? Жить, жить! Слабое растение разворачивает мостовую — жить! Зерно, пролежавшее тысячу лет в склепе, таит в себе жизненное начало и под влиянием какой-то силы, попадая в подходящие условия, начинает жить.

— Солнце!

— О нет, Аветик Иванович, дело не только в потоках солнечной энергии. Они изливаются и на неживую природу. В биосфере Земли действуют значительно более сложные процессы.

Биополе, возникающее в результате жизнедеятельности огромного количества живой материи планеты, определяет законы взаимодействия внутри биосферы. Юрий Александрович одним из первых сформулировал эти положения. Но особенно велика его заслуга в другом.

— Он нашел метод управления биополем?

— Во всяком случае, им было положено начало. Поиски пошли в двух направлениях: подбирались наиболее чувствительные, наиболее близкие к биологическим объектам индикаторы и изыскивались способы усилить биополе, сконденсировать его в каком-то ограниченном участке. Гипотезы Петропавловского многим ученым показались тогда не только умозрительными, но даже вредными, якобы подменяющими научную трактовку необоснованными экспериментами и философски не выдержанными рассуждениями. Некоторые просто предлагали запретить не только печатную, но и устную дискуссию, вызванную его статьёй в «Успехах современной биологии» и в «Сайнс». Теперь эта статья стала классической, доказывает и подкрепляет наш приоритет, а тогда...

— Имя профессора Петропавловского полностью реабилитировано.

— Потеряна только жизнь создателя теории биополя.

— Что поделаешь, ведь в то время...

— Не надо, Аветик Иванович. Я намного старше вас и о том времени знаю не меньше. На себе ощутила его воздействия. Вернемся лучше к сегодняшним делам.

— Нина Константиновна, последний вопрос. Какой из практических итогов открытия вы считаете главным?

— Если удастся овладеть биополем, то можно будет проникнуть в самые сокровенные тайны жизни, научиться управлять многими процессами. Победить болезни, против которых мы

бессильны. А это не только долголетие, но и долголетнее здоровье. Станет возможной направленная эволюция полезных человеку существ. Уже современный уровень знания свойств биополя позволяет нам менять время и пути перелета птиц, миграции грызунов и насекомых. Промысловым рыбам теперь в «плановом порядке» отводятся места нереста.

В последнее время мы подошли к законам регулирования самого главного, самого сокровенного — человеческой психики.

Я глубоко верю, что дальнейшее развитие естествознания невозможно без разработки теории биополя. Мы гордимся таким итогом. И вместе с тем все с большей осмотрительностью предаем гласности результаты некоторых сторон изучения этой проблемы. Нас не испугали те трудности, та степень непознанного, с которой мы столкнулись. Заставляет быть осторожным и в то же время смелым другое...

— Неужели все открытия, даже такое... Не найду подходящих слов.

— А вы в таких случаях прибегайте к поговоркам. Кое-кто считает их штампами, чурается. Это неправильно. Хорошие поговорки только обогащают язык. Они, как хирургический инструмент в операционной, остры и всегда под рукой.

— Тогда скажу: неужели всякое открытие — это палка о двух концах?

— Юрий Александрович любил говорить: всякая палка о восьми концах. Он был осмотрительным и дальновидным человеком. Петропавловский предвидел широчайшие возможности в обуздании этой, пожалуй самой загадочной, силы природы. И он учил нас: чем мощнее оружие, тем достойнее должны быть руки, им владеющие.

— И как горестное подтверждение этого — несчастье с товарищем Назаровым.

— Вы меня плохо поняли. Или не захотели понять правильно. Я подчеркивала: оружие должно быть в достойных руках. То, что произошло с Назаровым, не злой умысел, а несчастный случай.

— Хочется думать и очень хочется верить в хорошее. Но знаете, если уж прибегать к пословицам, часто ветры дуют не так, как хотят корабли. Несчастный случай. А виновник этого несчастного случая? Дело осложнено множеством обстоятельств. Их можно рассматривать по-разному, Нина Константиновна. Вот и с Антоном Николаевичем Северовым в институте тоже произошел несчастный случай... Северов погиб... Скажите, он был другом Вячеслава Михайловича?

— Да.

— Назаров тоже?

— С ним Вячеслав Михайлович дружил в молодости.

— А затем, насколько мне известно, у них сложились отношения, которые можно назвать враждебными?

— Не так все это просто, Аветик Иванович.

— Согласен, но поймите, что создается по меньшей мере странная ситуация. Погиб друг Вячеслава Михайловича, который был очень близок с Назаровым. Правда, комиссией установлено, что он сам виновен в своей гибели. Северов в одиночку вел опасный эксперимент.

— Вопреки категорическому запрету Вячеслава Михайловича. В акте комиссии записаны эти обстоятельства.

— Согласен, записаны. Но последующие события заставляют взглянуть на это дело по-новому.

— Какие же, позвольте спросить?

— Мне известно, что Назаров не был удовлетворен выводами комиссии и заключением следственных органов. Он старался узнать первопричину случившегося с Антоном Николаевичем. Прошу учесть, Нина Константиновна, этим Назаров занимался не по долгу службы. В его компетенцию вообще не входили дела подобного рода. Очевидно, Назаров не располагал материалом, позволяющим возбудить дело официально, и стал настаивать на встрече с директором. Отмечу, что Вячеслав Михайлович всячески старался уклониться от этой встречи, закончившейся несчастьем для Назарова.

Нина Константиновна, я рискну задать вам неприятный вопрос. Скажите, ваше отношение к Вячеславу Михайловичу не мешает вам объективно судить о случившемся?

— Нет.

— Тогда еще вопрос. Вячеслав Михайлович в самом деле испытывал неприязнь к своему бывшему другу — Назарову?

— Да.

— Это было связано с тем, что Назаров участвовал в следствии по делу Петропавловского и вашему?

— Пожалуй, так. Отношение Вячеслава Михайловича к делам, которые незаконно творились в те времена, совсем иное, чем... чем у меня, например. Но он... Впрочем, нет... Вы, вероятно, все равно не сможете понять...

— Я постараюсь, Нина Константиновна... Сделать это, пожалуй, легче, чем вникнуть в существо процессов, происходящих в биосфере. Я ведь тоже принадлежу к людям, которые не забывают зло, не оправдывают его.

— Тогда тем более жаль, что вы не знали Вячеслава Михайловича. В то время Вячеслав относился к Назарову... Словом, тогда у них вообще не могло быть контакта. Но шли годы, сказывался возраст, все стало восприниматься менее остро... Поймите, Аветик Иванович, какими бы ни были отношения Вячеслава к Назарову, Вячеслав не мог умышленно причинить ему вреда.

— И тем не менее самым главным сейчас было бы узнать, что произошло в институте во время приезда Назарова. Лучше всего, конечно, от самого Вячеслава Михайловича.

— Это возможно.

— Я не понял вас, Нина Константиновна, вам известно, где находится директор?

— Нет, думаю, это не известно никому из сотрудников. Просто я решила ознакомить с одним важным документом в первую очередь вас, а не членов комиссии. Я говорю о магнитофонной пленке, которую оставил для меня Вячеслав Михайлович.

— Когда?

— Еще до того, как он исчез. Я получила пакет по приезде сюда.

— И он у вас?

— Да, но, прежде чем передать пленку, я скажу еще несколько слов о Вячеславе Михайловиче. Вы должны все время помнить, что когда такому человеку, как он, настоящему ученому, экспериментатору, приходится вдруг сталкиваться с явлением необычайным, резко выходящим за рамки предполагаемых результатов опыта, то естественной реакцией является крайняя осторожность выводов. Чем безумнее идеи, тем тщательней проверка опытом и логикой. Прослушайте эту запись, Аветик Иванович. Только, пожалуйста, не здесь, а дома. После

этого мы, конечно, снова встретимся. А теперь... Извините, я очень устала.

II

До позднего вечера медленно вращались бобины магнитофона. Вновь и вновь Аветик Иванович прослушивал пленку, и постепенно у него возникало довольно четкое представление о случившемся.

Поначалу голос Вячеслава Михайловича звучал как-то неуверенно, иногда вдруг замолкал. Видимо, нелегко ему было собраться с мыслями, освоиться с непривычной формой разговора, когда вместо собеседника микрофон, когда приходится лишь угадывать, в каком месте глаза слушательницы потеплеют сочувственно или, наоборот, станут строгими, осуждающими.

... Нина Константиновна, вероятно, эта пленка попадет к вам в то время, когда я уже ничего не смогу, как говорится, «добавить к изложенному»... Сидя наедине с магнитофоном, не надеюсь воспроизвести хотя бы подобие той удивительной атмосферы откровенности, которую вы умели создавать при наших беседах в малой аналитической... Рассчитываю на одно: с присутствием вам тактом и прозорливостью вы дополните сказанное... Кажется, я и в самом деле настроился на нечто среднее между исповедью и завещанием, если чуть ли не в первый раз «выдаю» вам столь откровенные комплименты...

Чем дальше, тем с большей свободой, порой увлекаясь и, очевидно, совсем забывая о магнитофоне, Вячеслав Михайлович продолжал «исповедь», стараясь, чтобы Нина Константиновна представила все подробности события, так неожиданно ворвавшегося в его жизнь.

... Верю, все будет хорошо! Мы еще поработаем, поспорим, как бывало. А пока... Пока предвижу, как много трудностей появится у вас в результате моего решения, но уже ничего поделаться не могу. Иду на эксперимент и не сожалею. Так надо.

Самое тягостное, что даже вам, старшему товарищу, человеку, мнение которого мне дороже дорогого, я не рассказал о наблюдении, сделанном давно, еще в июне пятьдесят пятого года. Тогда вы были далеко, а написать почему-то показалось невозможным. Сказывалась привычка, что написанное сразу же

приобретает характер документальности и ко многому обязывает. Речь же шла о явлении, которое трудно увязать с повседневной реальностью.

Заставить Биоконденсатор повторить случайно возникшую ситуацию не удавалось, хотя я и пытался это сделать. Ложный стыд уже не позволял признаться, что утаил от вас такое, а потом стали мешать сомнения. Было ли все это? Может, скажется мое состояние, некоторая моя неуравновешенность, излишняя впечатлительность... И вот совершенно неожиданно случай с Антоном...

Впрочем, лучше всего начну по порядку. Считаю необходимым очень подробно рассказать вам все относящееся к встрече с Назаровым...

Мне очень запомнился давнишний разговор с вами и Колесниковым в Хосте. Возможно, именно после этого вечера у меня несколько изменилось отношение к Назарову. Я стал терпимее, хотя, конечно, он не мог быть для меня тем, кого я любил в юности, кому изо всех сил старался подражать, в ком ценил удаль, сноровку и мальчишескую честность. И теперь, когда Назаров стал настаивать на встрече со мной, я постарался учесть полученный у вас урок. Я не отказал ему. Правда, он мог явиться в институт и без моего согласия.

Назаров пришел точно в назначенный час. Минута в минуту. Я знал, что он человек пунктуальный, обязательный, но в то утро даже это вызвало во мне раздражение. Он начал разговор с чего-то несущественного, приветливо заулыбался, и мне вспомнился рыжеволосый парень. Веснушчатый, задорный, смелый. Вожак и кумир нашей улицы. Это мешало, и потому я держался, вероятно, суше и строже, чем следовало бы.

— Ты, кажется, по делу? Надеюсь, мы не начнем с традиционного «А помнишь?».

Никак не могу восстановить в памяти ответ Назарова. Он сумел не заметить моего тона, продолжал говорить обтекаемо и внимательно рассматривал мой кабинет. Подумалось: смотрит оком наметанным, не упускающим никаких уличающих деталей. Назаров не подал никакого повода к тому, чтобы я слишком неучтиво с ним обходился, однако на языке было другое:

— Итак, ты хотел что-то выяснить?

— Послушай, Вячеслав, твоя осторожность вызвана тем, что я тогда вынужден был, понимаешь, должен был участвовать в следствии по делу Петропавловского и Нины Константиновны? Ты все еще не можешь понять...

— Прости, я перебыл тебя, скажи, пожалуйста, желание поговорить об этом и привело тебя в институт?

Назаров оставил вопрос без ответа, затем встал. Как-то рывком подошел к окну и снова заговорил:

— Не думал, что мне будет так тяжело... С тобой тяжело разговаривать.

Грешный человек, я обрадовался этой неожиданной его слабости.

— Тебя прислали сюда как лицо официальное? Опять о гибели Антона?

— Нет. Ты ведь знаешь, дело за отсутствием состава преступления прекращено.— Назаров быстро, легко, совсем молодому отошел от окна, приблизился к пульта и спросил:

— Это Он и есть?

— Нет, это не Он. Это выносной пульт. Сам конденсатор биополя теперь внизу. В бетонном подzemелье.

— Почему его пришлось отправить вниз?

— Стала произвольно расти напряженность. Угрожающе, помимо нашей воли, и мы сочли за благо упрятать его поглубже, метров на пятнадцать.— Я начал подробно объяснять Назарову, как «переселяли» Биоконденсатор в специальный бункер, и злился на себя все больше и больше. Я никак не мог найти приличный случаю тон и тему. Проще всего было говорить о технике, и я пошел по линии наименьшего сопротивления.

— Это пульт наблюдения. Сюда выведены приборы, датчики которых расположены там, глубоко...

Назаров прервал меня.

— В марте наблюдалась очередная интеграция. После этого не было неконтролируемого увеличения активности биополя?

Вопрос меня удивил. Он, видимо, знал об институтских делах больше, чем я предполагал. Внезапной мыслью было: «Врет, значит, послали его официально». Возможно спокойнее я спросил:

— Откуда тебе это известно?

— Я ознакомился с материалами института.— Ответ был весьма уклончив, но я не настаивал на более полном.— Ты не боишься, Вячеслав, спонтанного эффекта?

— Созданное нами биополе, микробиополе, как мы говорим, пока вне нашего контроля.

— Меня заинтересовало: сколь серьезны могут быть последствия спонтанного эффекта, возникающего время от времени в переменных полях?

— Извини, мне не известно, в какой мере ты допущен к проблеме, и потому... В общем, позволь мне не отвечать на этот вопрос, раз ты не являешься в данный момент лицом официальным.

Он прекратил атаку и снова заговорил о ненужных мелочах. От мелочей перешел к более важному, стал расспрашивать о тех днях, когда Юрий Александрович только принялся за экспериментальную проверку гипотезы и вы, Нина Константиновна, пришли к нему в лабораторию. Какой-то непрощеный холодок подобрался к сердцу. Я совсем замкнулся, вспомнив о мрачных временах, когда вы и Юрий Александрович должны были отвечать на вопросы, на которые отвечать отвратно. Назаров опять не выдержал:

— Как тяжело, Вячеслав, когда ты так насторожен, недочерчив. Ершишься все — и вот... Не получается у нас дружеский разговор. А ведь мы с тобой....

Тут я потерял выдержку:

— Мы с тобой очень разные люди, а юношеские годы... Знаешь, чувствами тех лет не стоит спекулировать!

Сейчас, Нина Константиновна, я еще раз вспоминаю тот вечер, прибой, Хосту, Колесникова. Ваш разговор со мной о тяжком времени и временных в нем людях. Вспомнил я ваши хорошие, очень человеческие слова. И в тот момент, когда сидел с глазу на глаз с Назаровым, когда боролись во мне противоречивые чувства, хотелось бы обладать вашим умением быть терпимее к людям, которых порой и переносить-то трудно.

А Назаров все же продолжал о Петропавловском. Исподволь, не нажимая:

— О физической природе информационных потоков биополя вы, ученые, и сейчас знаете не так-то много. Правильно?

Я согласился.

— А во времена Петропавловского не знали почти ничего. Но из его заметок, датированных 1941 годом, видно, как исчезла неуверенность первых попыток, как была создана модель, а затем и основная схема конденсатора биополя. Так?

— Правильно, работа продолжалась даже во время войны. Война ведь тоже оказалась своеобразным конденсатором творческой деятельности таких людей, как Юрий Александрович. Война отвела на задний план все житейские хлопоты, устранила надобность заниматься необходимыми мелочами. Она оставила в чистом виде то, что в человеке является главным,— его дело.

Я не удержался и хотел продолжить, напомнив Назарову, как и кем была прервана замечательная деятельность Петропавловского, но не успел. Назаров уже спрашивал, не давая себя перебивать:

— Явление люминесцентной индикации было открыто еще в тридцатых годах. Верно?

Я опять кивнул. Почти машинально. Если бы он сказал, что в тридцатые годы был открыт эффект Тананеева, я бы тоже кивнул утвердительно. Меня занимало другое — к чему все

это? Я ушел в мыслях далеко и прослушал, о чем говорит Назаров. Моя физиономия, вероятно, выражала крайнюю растерянность, и он терпеливо повторил все вновь, стараясь не вызвать во мне раздражения.

— Вячеслав, поверь, я не ищу ничего предосудительного. Я далек от мысли приравнивать себя к тебе, но и я начал некое исследование, когда занялся конденсатором биополя.

— Ты, конденсатором?

Назаров усмехнулся, и в этой усмешке, немного горькой, грустной и чуточку застенчивой, было больше человеческого, чем во всех его предыдущих словах.

— Да, я.

— По долгу службы?

— Нет, по долгу любви.

— Значит, все же Антон?

— Да, Антон! Понимаешь, я увлекся. По складу мышления, по характеру и приобретенным знаниям я не мог да и не стремился глубоко вникнуть в биофизические проблемы. Я заинтересовался лишь историей вопроса и стал отыскивать все, даже отдаленно относящееся к нему. Вскоре я набрел на неясный, загадочный период. Желание узнать, как же все происходило на самом деле, и привело меня...

— Ко мне?

— Разумеется. Но до этого я проделал немалый путь, изучая все досконально. Мне очень не хотелось ошибиться.

— Ну что же, спрашивай.

— Позволь листок бумаги.

Я оторвал длинную полоску от катушки с осциллографической лентой и подал ему.

— Как хорошо, что она длинная и уже с сеткой. Спасибо. Вот смотри,— Назаров уверенно, твердой рукой, словно по лекалу, нанес кривую (чувствовалось, он уже не раз изображал ее). Кривая сначала шла плавно, потом обрывалась. Другой отрезок ее становился круче, линия шла прямо вверх, а затем переходила в пунктир.

— По оси абсцисс отложим время. По ординате — все сделанное в области изучения биополя. Мне кажется, картина получится такой,— Назаров пододвинул свой график так, чтобы мне было лучше видно, и, взяв из стаканчика красный карандаш, поставил жирный крест в том месте, где сплошная линия переходила в пунктирную.— Вот здесь наши дни, когда решается судьба открытия, и вы, ученые, берете на себя ответственность перед всеми живыми существами Земли. Но об этом, если позволишь, потом. Сейчас давай посмотрим начальную ветвь кривой. Это период, когда возникали только первые догадки, появились первые сообщения о практических работах Петропавловского.

Назаров поверх тонкой линии, нанесенной черным карандашом, провел в начале кривой красным и продолжал:

— Впервые в мире он сделал проверку опытом. Маленькую, робкую, но уже осязаемую,— красный карандаш прошелся дальше по кривой, но не коснулся разрыва на ней.— А вот здесь,— карандаш снова уверенно заскользил по взбирающейся вверх линии и пополз все выше, к пунктиру, к жирному кресту,— здесь работы твоего института и создание конденсатора биополя. Правильно?

Я уже стал догадываться для чего начерчена кривая. Я смотрел на нее, вернее, на ее пустой участок и думал: кажется, Назаров ищет в нужном направлении. Как же быть? Неужели придется рассказать о встрече? Ему? Ему первому?

— Вот в этом месте,— Назаров провел резкую вертикальную черту,— решение проблемы, связанной с изоляцией биопространства. Открытие эффекта Кси. Год одна тысяча девятьсот пятьдесят пятый. Так?

— Так.

— Вячеслав, ведь именно это открытие обеспечило успех и позволило создать Биоконденсатор?

— Ты прав.

— Тогда снова обратимся к истории,— карандаш Назарова стал бродить по начальной ветви кривой, не доходя до разрыва.— Профессор Петропавловский, это видно из архивных документов, работал над проблемой изоляции биопространства. Долго ему это не удавалось.

— И все же удалось?

— Я думаю, Вячеслав, ты об этом знаешь лучше меня. Архивы института сохранились, ты ими пользовался. До июня 1941 года во всех документах упоминается только о поиске. Письма, доклады, отчеты — всюду можно увидеть настойчивое: «нужно решить проблему изоляции». Это стало главным, над этим, и только над этим, билась вся группа Петропавловского. А в июне первое упоминание: эффект получен, проблема решена. Но вместе с тем нигде, ни в одном документе мы не находим описания эффекта. Открытие сделано, и открытие поггло.

Красный карандаш стал выводить аккуратные вопросики в том промежутке, где обрывалась кривая. Назаров провел вертикальную черту и внизу, под линией абсцисс, поставил «июнь 1941 года».

— Как ты думаешь, Вячеслав, почему такое могло произойти?

— Не знаю.

— Ответ странный. Я ожидал другого.

— Любопытно. Какого именно?

— Я считал, что ты, зная вопрос во сто крат лучше меня, станешь утверждать, что эффект Кси не мог быть открыт Петропавловским в июне 1941 года. Ты же знаешь, что сделать это невозможно без решения уравнений, описывающих бета-стабильность изолированного пространства. А они были решены Кутшом только в 1953 году.

— Но вместе с тем... Да, я утверждаю: эффект Кси был получен в июне 1941 года.

— Вячеслав, не будь упрямым, не старайся...

— Я еще раз говорю тебе: в июне. Если хочешь, то точнее: десятого июня 1941 года.

— Ну, допустим. Значит, эффект был открыт, исчез и вдруг появился в 1955 году. В отчете твоей лаборатории?

— В отчете не написано, что эффект Кси открыт мною.

— А кем? Может быть, его сформулировал кто-нибудь из твоих сотрудников и ты почему-то не захотел упомянуть имя открывателя?

— Этого не было!

— Как, и этого не было? Тогда позволь тебя спросить, где же именно ты лжешь?

Мы долго смотрели в глаза друг другу. Назаров не выдержал и перевел взгляд на пульт.

— Включен?

— Да.

— Пульсации учащаются?

— Нет.

— А напряженность защитных каскадов не вызывает...

— Перестань! Садись к столу.

Ну вот, Нина Константиновна, я и подошел к самому трудному. Никому, даже вам, я не говорил о встречах и уж, конечно, никогда не думал, что Назаров первым узнает о столь необычайном, интимном. Как это произошло? Не знаю. Уличил меня Назаров? Заставил оправдываться, дабы не сочли меня способным присвоить чужое? Нет. Меньше всего я боялся таких обвинений. Просто, я думаю, уж очень неожиданным был для меня весь ход его довольно ловкого профессионального приема. И еще одно. Озорство какое-то. Подумалось: «А пусть, скажу ему, посмотрим, как такой ортодокс воспримет сообщение о невероятном, еще не подвластном науке, мне самому представляющемся малообъяснимым!»

Начал я о Петропавловском, напомнил еще раз, как велико сделанное им, и подчеркнул, что обычно мы мало думаем о преемственности, редко умеем перебросить надежный и полезный мост из прошлого и еще реже активно заглядываем в будущее...

— Петропавловский умел брать нужное из прошлого, творить в настоящем и всегда какой-то стороной своего существования находиться в будущем. Это только одна причина его успеха. Была и другая. Профессор Петропавловский первый имел дело с конденсатором биополя.

— И сумел использовать конденсатор для того, чтобы соприкоснуться с будущим?

— Не спеши. Теперь уж слушай. Ты хотел узнать, в чем же загадка открытия эффекта Кси, и ты узнаешь. Это началось там, во флигеле, где Петропавловский до войны работал с Артоболевским и Кромовым. Северная часть флигеля, которая поближе к липовой аллее и выходит в парк, теперь восстановлена. Туда попал фашистский снаряд.

— Это когда погиб Кромов?

— Да, не перебивай. В 1955 году конденсатор, вернее, его прототип, еще не оснащенный всем тем, что нам дало открытие эффекта Кси, стоял там. В середине года работа в институте фактически прекратилась. В июне отпускное время, ремонт всех лабораторий. В отпуск, как правило, уходили почти все вместе. Так удобней. Я же решил никуда не ехать и все дни и вечера проводил в комнате, где когда-то вел свои опыты Юрий Александрович.

Я не работал. Не мог и не хотел. Никогда я еще не ощущал такой опустошенности и вместе с тем какого-то злого упорства. Я понимал: все рухнет, если мы не найдем способа изоляции биопространства. Поиск нужно было продолжать во что бы то ни стало. Но я к тому времени уже истощил все свои силы, выдумку. Мысли все чаще возвращались к работам Петропавловского... Ты только недавно узнал об утрате документа. Я знал об этом еще тогда, в пятьдесят пятом, и никак не мог понять, почему мы обнаруживаем в архивах все, кроме описания эффекта Кси.

В комнате Петропавловского рядом с нашим конденсатором стоял первый прибор, хранимый как реликвия. Немного кустарный, но так остроумно и просто сделанный! Мне доставляло особое удовольствие смотреть на флюоресцирующий, слегка подрагивающий кусочек биополя в глубине прибора. Навсегда останется чувство хорошей гордости от мысли, что мне довелось увидеть его одним из первых!

— То есть как это, одним из первых? — перебил меня Назаров.— Начиная с 1941 года биопространство в этом приборе наблюдали сотни людей, а ты, если мне не изменяет память, стал работать в институте только после войны.

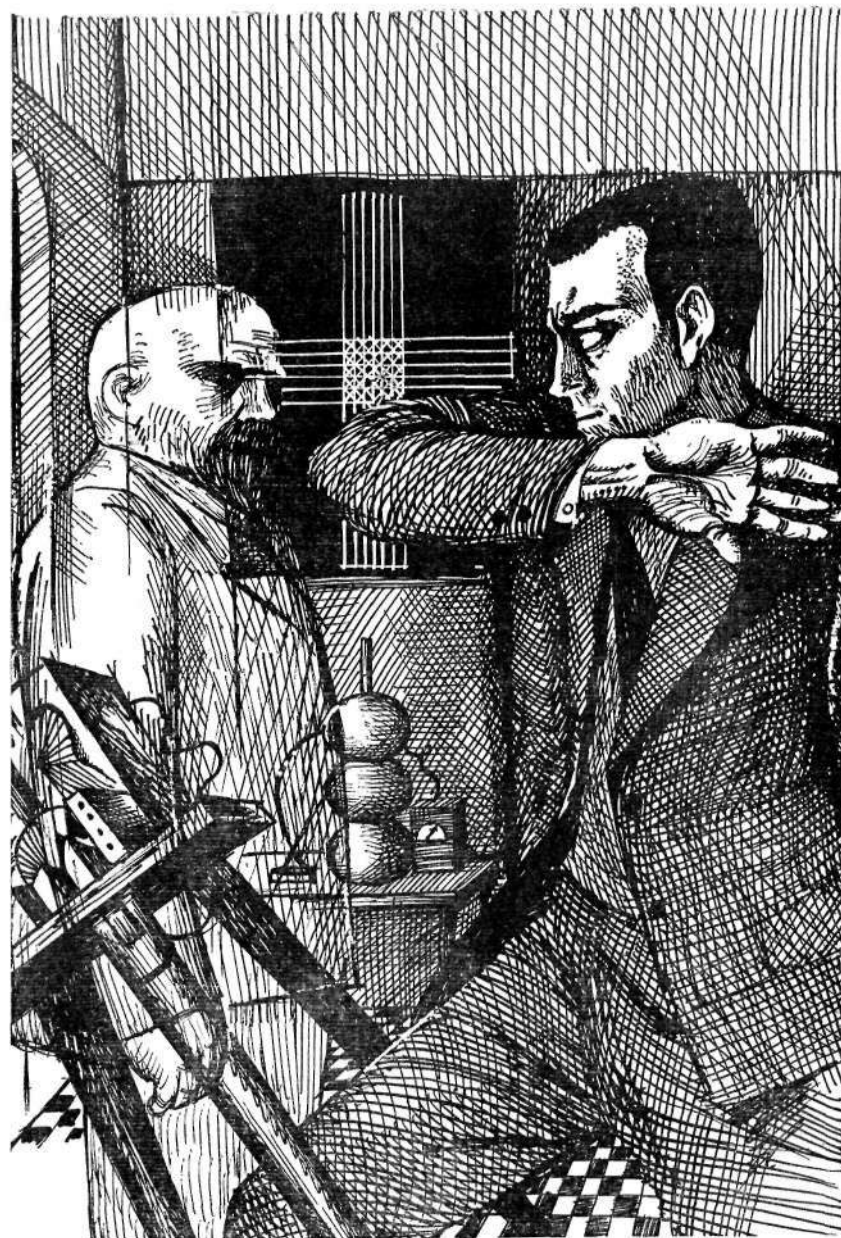
— Все правильно. И вместе с тем все не так. Запасись терпением. В один из жарких, душных июньских дней я, как обычно, сидел у прибора Петропавловского, вновь мысленно переселяясь в то время, когда он с помощниками старался решить

задачу изоляции биополя. Как они подходили к решению? Что им удалось? Прошло четырнадцать лет, а решение задачи мы так и не знали. Не давалось оно нам. Ни мне, ни моим сотрудникам.

Я машинально вращал микронастройки прибора и вдруг услышал голос Юрия Александровича, поначалу невнятный, но вскоре слова все четче стали доходить до моего сознания. Я сосредоточил на них все свое внимание. Слова открывали простой и ясный смысл процесса, который должен был привести к изоляции биопространства, этот процесс впоследствии был назван эффектом Кси. Однако в математическом обосновании не хватало главного звена. И тут я увидел Петропавловского. Бородатый, громогласный, с веселыми, добрыми глазами очень чистого человека, он был близко, совсем рядом со мной. Большой, спокойный и радостный. Восторженный Кромов кричал, потрясая листком отрывного календаря, что десятое июня 1941 года войдет в историю как дата величайшего открытия. Артоболевский склонился над столом и не отрывался от вычислений. Как только они были закончены, от веселости Кромова не осталось следа. Отчаяние его было столь велико, что профессор начал его утешать и призывать к терпению.

Ситуация была сложной: путь найден и путь недоступен. Все трое прекрасно понимали, что уровень математических знаний еще не позволяет решить задачу. Они, конечно, не могли знать, что она будет решена Кутшем лишь в 1953 году, и продолжали поиски. Они то отчаивались найти решение, то окрылялись надеждой. Листки бумаги исписывались с необыкновенной скоростью. Похоже было, что сам воздух насыщен чем-то таким, что придает бодрость, делает ум особенно ясным, мысли отточенными, вселяет уверенность и заставляет смело браться за решения, которые в другом случае представлялись бы совершенно непосильными.

Прибор забыли отключить. Его мерный напевный стрекот ощущался постоянно, но не мешал. От него не удавалось отвлечься ни на секунду. Казалось, исчезни этот легкий вибрирующий звук, из лаборатории уйдет торжественная творческая приподнятость. Листки бумаги летели в корзину один за другим. То Юрий Александрович, то Кромов молча протягивали Артоболевскому свои вычисления. Он их сверял с таблицей и отвергал. Зная уравнивания Кутша, я включился в это необычное математическое соревнование. Мой листок, протянутый Артоболевскому, не произвел фурора. Он был воспринят как что-то само собой разумеющееся, как закономерный итог коллективных усилий. Только Юрий Александрович вскользь заметил, что на физмате толковые молодые ребята. Он посмотрел на меня не то недоуменно, не то вопрошающе, очевидно, не понимая, почему вдруг незнакомый человек очутился у него в лаборатории, но не отвлекся от дела, продолжая вычисления.

Вскоре все было закончено. Вот тогда-то радость стала всеобщей и бурной. Планы составлялись один заманчивей другого.

В июне, непременно уже в июне, нужно закончить переделку прибора, ввести агрегаты изоляции биополя, а тогда можно и в отпуск! К морю, к солнцу. Постройку большого аппарата с тремя каскадами усиления намечали выполнить к концу года, а в будущем году создать комплексный усилитель... К Черному морю? В отпуск в августе? Я ужаснулся, наблюдая их безмятежность,— ведь 22-го начнется война!.

В августе погибнет на фронте Артоболевский, немецким снарядом разорвет Кромов. Вот здесь, в северной части флигеля. А Юрий Александрович, так и не доедавший Дня Победы, погибнет в заключении.

Хотелось как-то предупредить, крикнуть им, еще не ведающим, какая надвигается гроза. Я устремился к Петропавловскому, но почему-то между нами оказался огромный штатив с аппаратом Мюллера — Дейца. Я рванул его и отшвырнул в сторону, расчищая себе путь. Послышался звон разбиваемого стекла. В комнату вбежали две сотрудницы, случайно находившиеся в соседнем помещении. Я стоял у нашего Биоконденсатора и тупо смотрел на осколки дорогого прибора, валявшегося на полу.

Вот, Нина Константиновна, так произошла встреча. Обидно, конечно, что вы узнаете историю открытия эффекта Кси только из записи рассказанного Назарову. Но я продолжаю... Несколько минут потребовалось мне тогда, чтобы прийти в себя. Сотрудницы поспешили начать уборку осколков, но я попросил их уйти. Вид у меня был, наверно, не слишком успокаивающий. Они что-то лепетали о моем самочувствии, однако я выдворил их. Кажется, сделано это было не очень вежливо. Мне было страшно: а вдруг я не смогу восстановить ни одного символа из формул, окончательно выписанных округлым почерком Артоболевского? Я хотел отключить Биоконденсатор — казалось, что именно из-за близости к нему ощущалась такая тяжесть в голове, — но передумал. Пусть болит голова, пусть будет чертовски тяжело, лишь бы ничего не упустить! Соображал я с трудом, но писал не отрываясь. Когда кончил, то не смог перечитать. Ничего не понимал из написанного. Не помню, как провел остаток вечера.

На следующий день утром я пришел в лабораторию. Голова была свежая. Сел к столу, вынул листки с формулами, посмотрел их и вздохнул с облегчением. Все написанное и вошло во второй том отчета как математическая трактовка эффекта Кси.

Помнится, сразу же после этого я распорядился переместить наш Биоконденсатор в экранированную комнату. Этим я и закончил рассказ Назарову.

Не терпелось узнать, как он отнесется к услышанному. Признаться, я не решился смотреть на него, склонился, без всякой, впрочем, надобности, над приборами и обернулся только тогда, когда услышал легкое позвякивание. Он искал резинку в стоящем на моем столе кристаллизаторе с мелочами. Найдя ее, Назаров стер вопросыки на своей кривой и сомкнул ее в том месте, где значился год 1941-й.

— Вячеслав, ты все еще не хочешь попытаться обуздать микробиополе, применив гомополярную защиту?

— Для этого надо знать, как она создается, то есть вывести уравнения, описывающие гомополярную направленность.

— Но эти уравнения вывел Антон.

— Антон? Он был хорошим биофизиком, талантливым и смелым экспериментатором, но математическим мышлением не владел. По крайней мере в той степени, какая требуется для решения этой задачи.

— Почему ты так несправедлив к Антону?

— Это неправда. Я не сказал ничего такого, что было бы неприятно ему. Я никогда не встречал более порядочного, искреннего и самоотверженного человека. Я верил ему, ценил его и считал, что он многое сделает в науке. Но повторяю, Антон не владел в нужной степени математическим аппаратом. Эту задачу наука еще не в состоянии решить. Весь арсенал наших знаний пока не дает возможности справиться с гомополярной защитой. Ты понимаешь?

— Понимаю, больше того, знаю. И все же я поверил Антону. Тогда, когда он пришел ко мне и рассказал о своем открытии. Не удивляйся, он пришел ко мне не как к математику, а как к другу, человеку, который может дать ему добрый совет. Ведь ты запретил ему проводить этот эксперимент.

— А ты посоветовал поставить опыт, несмотря на мой запрет?

— Нет! Я сказал Антону, что он должен все согласовать с тобой. Но он не послушал ни тебя, ни меня. Все это кончилось трагически. А он, будто предвидя беду, хотел, чтобы я знал о его открытии, ну, если хочешь, был его душеприказчиком.

— Тебе досталась трудная роль.

— Вячеслав, может быть, из уважения к памяти друга не стоит позволять себе столь иронические высказывания?

— Извини, если тон показался тебе обидным, но я все же могу сказать: защищать Антона трудно. Быть его поверенным, — тем более.

— Но ведь Антон вывел уравнения в сентябре прошлого года. Я ему верю больше, чем тебе.

— Двадцать восьмого сентября, — уточнил я, и Назаров посмотрел на меня, видимо дивясь моей чудовищной непоследовательности. Однако привычка была сильнее растерянности,

и он, проведя красную вертикальную линию на своем графике, написал «28.IX». Это его успокоило.

— И вместе с тем не Антон вывел уравнения. Он нарушил все наши правила, пошел на неоправданный, недопустимый риск.

— Ты не поддержал Антона, не поверил ему, вот и случилось такое. Твой запрет на экспериментальную проверку расчетов не давал ему покоя. Он разрывался между чувством глубочайшего уважения к тебе и долгом ученого. Он считал, и совершенно правильно, что поиск надо продолжать.

— Надо. Но не так. Я запретил проводить этот опыт, чтобы не допустить несчастья. К сожалению, Антон не посчитался ни с чем и тайно от меня, от всех начал экспериментировать. Ты видишь, какой результат — катастрофа, и Антона не стало.

— Тебе надо было помочь ему и осуществить эксперимент вместе.

— Вздор! Ошибочно отправное положение. Уравнения были решены неправильно, и эксперимент, как бы тщательно он ни проводился, мог закончиться только трагически. В предлагаемом тобой варианте — для нас обоих.

Назаров задумался. Его карандаш снова стал бродить по графику, но как-то неровно, бесцельно.

— Не могли быть решены? Не могли, учитывая современный уровень знаний? — Вдруг Назаров оживился. — А проверка правильности этих решений? Она ведь тоже требует знаний, которыми мы еще не обладаем. Значит, ты, Вячеслав, сумел почерпнуть их не только у Петропавловского, но и где-то еще?

Я вспомнил, как Назаров уверенно, не колеблясь, стирал вопросы на своей кривой, и, вероятно, поэтому кивнул утвердительно.

— В сентябре прошлого года в институт приехала группа аспирантов из Новосибирска. Им повезло. Их не только познакомили со всеми нашими работами, но и допустили вниз на очередной ревизионный осмотр Биоконденсатора. В бункер пошли Антон, я и четверо аспирантов. Было это в период нарастающей активности. В такие дни мы стараемся пореже бывать около конденсатора, однако ничего не поделаешь: автоматика и приборы еще не могут обходиться без человеческих рук и глаз. Работа у нас шла споро, и мы не прекращали разговора о конденсаторе. Всех, разумеется, волновало одно: как создать надежную защиту? Молодые физики высказывали одно предположение увлекательнее другого, сыпали формулами и определениями, но все сходилось на том, что без решения проблемы направленной гомополярности ничего не поделаешь. Все признавали, что математические знания сегодняшнего дня еще не могут нам помочь.

Прошло сорок минут, в течение которых аспирантам разрешено было пребывание у Биоконденсатора, и я начал выпро-

важивать их из бункера, пообещав продолжить заинтересовавшее всех нас обсуждение наверху. Собрался уходить и Антон, но вдруг сел к столику во втором отсеке, оторвал листок и принялся что-то быстро писать. Я никогда еще не видел Антона таким отрешенным, но, по правде сказать, не очень следил за ним, увлекшись спором с одним из аспирантов. Я не заметил, ушли все остальные или нет, — так был поглощен неожиданным блеском его рассуждений. Четкие, логичные, как математические формулы, они восхищали меня и приводили в недоумение.

Но вот я понял, что этот парень знает такое, чего никто из нас еще не знал. Я присмотрелся к нему внимательней. Какой же это из четырех? Я удивился, как мог не выделить его среди остальных? В его манерах, взгляде чувствовалась спокойная сила, уверенность, изящество. Что-то неуловимое отличало его от сверстников. Но более всего, конечно, поразило то, что ему была известна формулировка закона напряженности гомополярного парадокса. Я забыл, что слишком близко подошел к конденсатору, забыл, собственно, где нахожусь, и только мучительно перечитывал запечатлевшиеся в мозгу уравнения, стараясь запомнить их во что бы то ни стало. Первым желанием было сказать о них Антону.

Антон не обращал на нас внимания, весь отдавшись расчетам. Я хотел окликнуть его, пригласить к необычному разговору, но в это время он, не отрывая взгляда от бумаги, заявил, что проблема решена, уравнения выведены. Стоящий передо мной парень, только что без клочка бумаги сформулировавший уравнения гомополярной теории, обернулся, разглядывая Антона с грустью и уважением. Потом он покачал головой, и я услышал: «Нет, закон стабилизации направленной гомополярности открыл Мирам Чагановский в 1996 году. — Молодой человек еще раз посмотрел на Антона, сощурил глаза, как бы что-то припоминая, — Антон Северов не успеет».

В те мгновения я как-то не вник в эти слова, не мог на них сосредоточиться. Осознал я их и ужаснулся позже. Я не в состоянии был прервать общения с математиком, впитывал его мысли, стремился проникнуть в то, что он принес с собой, и вместе с тем изумлялся его отношению ко мне. Вначале я не понимал, почему он с таким уважением склоняет голову перед тем малым, что сделано нами. Впрочем, вскоре и это стало понятно. В последующие годы должен был укрепиться принцип преемственности как единственный способ общения с прошлым и будущим.

Я понимал, что этот контакт будет кратким, и спешил, спешил осмыслить все, представлявшееся мне значительным. Собеседник, видимо, оценил мое свободное от назойливых мелочей стремление заглянуть вперед и охотно начал говорить о развитии идеи биопространства, но в это время Антон крикнул:

«Готово!» — и бросился ко мне со своими листками. Я обернулся на его голос и в этот же миг утерять возможность черпать недостижимое. Сознание этого, болезненное ощущение потери оказались, вероятно, слишком велики, так как Антон подхватил меня под руку и быстро отвел от конденсатора: «Что с тобой, Вячеслав? Тебе плохо? Пойдем скорее наверх». Я смотрел на него удивленно, кажется, сопротивлялся. Он тянул меня изо всех сил. На лестнице он остановился, вытер мне лоб платком, обнял за плечи и, как больного, уговаривал: «Пойдем потихоньку. Вот так. Еще два этажа — и мы у себя. Дойдешь?»

Уже в конце лестницы я почувствовал себя совершенно здоровым, хотя потрясение оказалось большим, чем в первый раз, у маленького конденсатора. Мы вошли с Антоном в эту комнату. Здесь, как было условлено, сидели аспиранты...

Антон едва дождался, пока они уйдут, и сразу же бросился ко мне: «Ты понимаешь, Вячеслав, меня будто осенило. Я ничего не видел вокруг и только чувствовал, словно мне подсказывает кто-то, как надо решить задачу. Я писал, писал не отрываясь, стараясь не упустить чего-либо. Решения напрашивались одно за другим. Из одних доказательств вытекали другие. И вот все! Вячеслав, ведь теперь мы обуздаем биополе. Я все решил. Посмотри!» Я посмотрел и в минуту сверил его листок с тем, что сохранилось в памяти.

— И получилось?... — нетерпеливо спросил Назаров.

— Получилась ошибка у Антона. Третье уравнение, их всего девять, он воспринял неверно, а за этим потянулось и все остальное. Я запомнил и математически осмыслил больше, чем он, но и этого оказалось недостаточно... Потом Антон понял, что систему уравнений пока решить нельзя. Тяжело ему было в эти минуты. Тогда у него и возникла мысль найти в эксперименте недостающее.

— И ты?

— Я же тебе говорил, я усвоил во время контакта больше, чем Антон, шесть уравнений, и поэтому показал ему, что эксперимент ничего не даст, больше того, может закончиться катастрофой, но не принесет решения задачи.

— Так. Подведем итог. Значит, и ты, не зная решения до конца, веришь, что задача будет решена только через много лет этим...

— Мираном Чагановским.

— Как нужно это решение сейчас! Напряженность микробиополя все возрастает, опасность в связи с этим увеличивается... Скажи, Вячеслав, эта вера в Чагановского не мешает тебе продолжать поиски?

— Нет.

— Значит, ты готов нарушить закон причинности? — Назаров хитро улыбнулся. — Это ведь не дано никому.

Я ответил ему, что это не дает нам права быть фаталистами, что долг ученого не только относиться с уважением к уже открытым законам, но и смело открывать новые.

Назаров, кажется, не сомневался в достоверности моего рассказа. Может быть, это была игра? Не знаю. Во всяком случае я согласился выполнить его просьбу и показал ему Биокоинденсатор. Вот моя ошибка, если не сказать вина. В бункер мы отправились вдвоем. Я вложил в щель пропускного автомата свою личную карточку. «Сезам» наш отворился, и мы направились вниз. Назаров говорил оживленно, чувствовал себя превосходно, а минут через двадцать это уже был не человек.

«...Нина Константиновна, в официальном документе, адресованном начальству, я самым обстоятельным образом описал происшедшее в бункере. Определил, на каком расстоянии от Биокоинденсатора кто из нас находился, сколько минут пробыл около него. Не буду повторяться. С этой бумагой вы, несомненно, ознакомитесь. Она для многих может показаться неубедительной: ведь никто не знает того, о чем я рассказал Назарову. А мое отношение к нему знают. Могут возникнуть подозрения, все может случиться...»

Как только мы вошли в бункер, я предупредил Назарова: «К барьеру не подходи!» Мне и в голову не могло прийти, что он пойдет в бокс левого отсека. А он пошел. Не больше двух-трех минут я проверял настройку (меня успокоила резко возросшая активность), в это время Назаров и успел пройти к столику, за которым сидел Антон, вычисляя гомополярную направленность. Я осмотрел приборы и обернулся к Назарову. Я даже не сообразил сразу, куда он мог деваться. И вдруг увидел его сидящим у стола. Я сказал, чтобы он немедленно уходил оттуда. Назаров послушно вышел из левого бокса. Моя тревога по поводу неуравновешенного индекса каскадов была слишком велика, и я не сразу обратил внимание на его состояние. Он был не так оживлен, как до этого, не задавал мне больше вопросов. Назаров не возразил, когда я ему сказал, что пора покидать бункер, и безмолвно пошел за мной. Только пройдя несколько этажей, я заметил какую-то автоматичность в его движениях. Остановившись я — стоял и он. По коридору мы шли нога в ногу. В моем кабинете Назаров продолжал молчать. Взгляд его был затуманенным, а на лице располагалась безразличная, как бы раз навсегда приставшая улыбка.

Только тут я понял: стряслась беда. Хотел позвонить вам на опытную базу, но не решился, вспомнив о недавно перенесенной вами болезни. Теперь у меня выхода нет. Эксперимент может закончиться не в мою пользу. В этом случае о моих наблюдениях не будет известно никому. Этого допустить нельзя.

Простите меня, так много свалилось на вас...

III

Нина Константиновна слегла на другой день после встречи со следователем. Она понимала, что необходимо поговорить с ним, как только он прослушает запись Вячеслава Михайловича, но не находила сил. Так прошло три дня. На четвертый она попросила, чтобы Аветик Иванович приехал к ней домой.

— Вот видите, как получилось — пришлось послушаться врачей. Обидно. Ведь именно сейчас нужно быть здоровой. Впрочем, это нужно всегда.

— Сердце?

— Да, потрепано, и притом изрядно. Досталось ему немало. Моторы подобной изношенности техники уже отправляют не в капитальный ремонт, а на свалку. Но давайте о главном. Удалось что-нибудь разузнать о Вячеславе Михайловиче?

— Нет.

— Я как-то очень надеялась все эти дни. Ждала вестей от вас. Зазвонит телефон, я хватаю трубку в надежде услышать о результатах розысков.

— Розыск ведется, но пока без успехов. Всех нас смущает одно обстоятельство. Мы еще раз проверили, чем был занят директор в тот день, когда он исчез. Удалось по минутам восстановить картину. Никаких указаний на то, что он уехал или ушел из института. Машину, например, он заказал через секретаря на четыре часа, но уже не воспользовался ею.

— На четыре? А отметка в контроль-автомате?

— Пробита в пятнадцать тридцать пять.

— Аветик Иванович, вы узнавали, механики хорошо проверили автомат?

— Самым тщательным образом. Он был исправен и вместе с тем отметки о выходе не сделал. Директор спустился к Биоконденсатору и уже не возвращался оттуда. Нина Константиновна, неужели именно о таком эксперименте упоминает Вячеслав Михайлович в звуковом письме к вам?

— Похоже.

— Эта запись заставляет задуматься о многом. Как-то нельзя не поверить рассказанному столь обстоятельно и искренне. И вместе с тем все изложенное так странно. Впрочем, конденсатор и в самом деле таит в себе многое, что еще вызовет осложнения, трудности, а может быть, и потери.

— Будем надеяться на лучшее. Вероятнее всего, овладение биополем поможет решить задачи, которые другим путем решить нельзя. Вот это-то и подбадривает, придает силы. Я почувствовала себя гораздо лучше, и причиной тому звонок из института. Лучшая смазка для моей изношенной машины — добрые вести.

— Какие именно?

— Спонтанное увеличение активности Биоконденсатора вчера прекратилось.

— А наибольшей она была?..

— В тот момент, когда к нему пошел Вячеслав Михайлович.

— Что же там могло произойти? Куда мог деться Вячеслав Михайлович? Если верить рассказанному им, Биоконденсатор способен влиять на мозг человека, вызывать усиленную его работу, углублять остроту восприятия. Вячеслав Михайлович всей своей предыдущей деятельностью был подготовлен к тому, чтобы лучше понять прошлое, проникнуть в будущее своих изысканий. Ощутимо и результативно это произошло благодаря конденсатору... Нина Константиновна, при помощи Биоконденсатора материальный перенос человека во времени возможен?

— Совершенно невозможен.

— Тогда напрашивается такой вопрос: может ли быть активность Биоконденсатора столь велика, что человек... Ну, как это сказать? Под его влиянием бесследно исчезнет, расплыясь на молекулы, что ли?

— Нет, это несовместимо с процессами, происходящими в биосфере.

— И все же Вячеслава Михайловича нигде нет. Смущает и другое. Воздействию Биоконденсатора подверглись трое. Вячеславу Михайловичу, если не считать незначительного недомогания, отмечавшегося в обоих случаях, конденсатор не повредил. Северов вообще не почувствовал ничего неприятного, когда сидел у Биоконденсатора и пытался вывести уравнения гомополярной направленности. Почему же Назарову досталось больше всех? Так ли велика была активность поля в этом случае?

— Аветик Иванович, думаю, здесь дело не только в величине напряженности микробиополя. Надо рассматривать не только количественную сторону вопроса, но и качественную. Биоконденсатор и в случае с Вячеславом Михайловичем, и в случае с Антоном активизировал их основное, определяющее стремление — решить задачи, еще не подвластные науке. И им в какой-то мере удалось проникнуть в будущее. Теперь давайте подумаем, с чем же шел к Биоконденсатору Назаров?

— На это трудно ответить.

— Пожалуй, но я попытаюсь. Он очень хотел забыть о многом из того, что забыть ему никак не удавалось. Может быть, это и было его самым сильным, пусть даже не до конца осознанным, желанием в то время. Особенно после трудного для него разговора с Вячеславом. Вот эта-то эмоциональная напряженность, по-видимому, и активизирована была Биоконденсатором. Но Назаров получил уж слишком большую дозу биовоздействия и забыл не только то, что хотел забыть, но и то, что

забыть человеку нельзя. В этом и заключается его психическое заболевание. Он живет теперь сиюминутной жизнью. На внешние раздражения он реагирует нормально, организм его функционирует правильно, и только в мозгу стерто все записанное в прошлом, самом отдаленном и самом недавнем, даже вчерашнем. А значит, у него нет возможности двигаться в будущее. Нарушена преемственность, и Назаров сейчас человек без прошлого и будущего.

— Это может показаться убедительным. Вы сказали «сейчас». Возникает желание узнать, а в какой мере процесс обратим. Может быть, «всемогущее биополе»...

— Аветик Иванович, погодите. У меня возникла идея!

— Как помочь Назарову?

— Не только. Минутку, минутку. Кажется, мы сможем решить многое. Попрошу вас пройти в соседнюю комнату. Я оденусь, и мы поедем в институт.

— Нина Константиновна!

— Тогда я оденусь при вас, и мы все равно поедем в институт.

— Но ваше здоровье? Ведь врачи вам не велели вставать.

— Мы с вами спустимся в бункер. Надеюсь, вы не побойтесь? Слушайте меня, Аветик Иванович. Биоконденсатор усиливал стремления Вячеслава, Антона, Назарова, и притом наиболее сильные. А чего сейчас хотим мы с вами?

— Прежде всего найти директора.

— Правильно! Идите, я буду одеваться.

В бункер вошли молча. Нина Константиновна внимательно присматривалась ко всему, она словно видела Биоконденсатор впервые. На какое-то время она забыла о своем спутнике, проверяя показания приборов, и, только сделав отметки в журнале наблюдений, обернулась к следователю:

— Вы уже здесь были?

— Был. Как только начал вести следствие, приходил сюда с заместителем директора. Дальше первого отсека мы не проходили.

— Правильно сделали, но сегодня, нужно сказать, конденсатор спокоен, как никогда. Спокойствие это, правда, пакостное — затишье перед бурей. Обычно произвольное увеличение активности и начинается после такого глубокого покоя. Но рисковать излишне мы не будем. Сделаем, пожалуй, так. Я пройду во второй отсек, сяду за стол, за которым сидел Антон Николаевич, а вы останетесь здесь.

— Вы боитесь за меня?

— Как вам сказать, риск я считаю небольшим, но отвечать могу только за себя.

— Я тоже могу отвечать за себя и добровольно соглашусь пройти во второй отсек. Давайте запишем это в журнале.

— Мысль трезвая. Выполним формальности. Я тоже распишусь, и приступим к опыту. Вот так. Подпись по всем правилам. Ну, с чего начнем?

— Пожалуй, надо попытаться представить, как вел себя здесь Вячеслав Михагтлович. Вам это сделать легче, Нина Константиновна. Вы хорошо знаете и директора, и назначение каждого установленного здесь агрегата.

— А мне кажется, надо начать с того, чтобы сформулировать, зачем, на какой именно опыт решился Вячеслав Михайлович.

— Он хорошо знал возможности Биоконденсатора и пришел сюда, чтобы «посоветоваться» с ним, чтобы с его помощью решить трудную задачу.

— Какую?

— Хотел помочь Назарову.

— Хорошо, Аветик Иванович, что вы верите Вячеславу Михайловичу. Да, случись такое с кем-нибудь другим, а не с Назаровым, он тоже был бы потрясен, но вот когда это произошло с Назаровым!.. Ощущение вины в этом случае особенно его угнетало: уж слишком легко здесь было заподозрить злой умысел. Но пойдём дальше. Значит, говорите, помочь. Но как? Что мог дать эксперимент?

— Что-то трудно приходят догадки. Вы не находите, Нина Константиновна, что влияние Биоконденсатора на нас никак пока не сказывается?

— Погодите, может быть, еще скажется и мы выйдем отсюда, забыв, за чем пришли.

— Нина Константиновна, вот за этим-то и пришел сюда Вячеслав Михайлович.

— Зачем?

— Чтобы забыть. Забыть прошлое, экспериментально вызвать такое же заболевание, как и у Назарова.

— Это, кажется, подходит. А вы молодец, Аветик Иванович. Ваша профессиональная логика, кажется, дает нам нужную нить. Теперь только бы не упустить ее... Идем дальше. Вызвал заболевание и... Стоп! Как он мог это сделать? Ведь одному осуществить такой опыт невозможно. Остается нерешенным и вопрос: куда исчез Вячеслав? Скрылся? Больному это гораздо труднее, чем здоровому. Значит, кто-то должен был помогать ему.

— Несомненно, но кто? Да, Вячеслав Михайлович должен был прибегнуть к помощи чьего-то мозга, сильного, способного по-настоящему помочь ему. Нина Константиновна, кто это мог быть? Кто? Понимаете, я начинаю убеждаться, что Вячеслав Михайлович здесь был не один.

— Правильно. Это мог быть только Колесников.

— Кто это?

— Мой друг, тоже ученик Петропавловского и друг Вячеслава. Старший его товарищ, человек, преданный нашему делу и, как директор специального биохимического института, располагающий огромными возможностями. Вы знаете, Аветик Иванович, почти все становится на свои места. Здесь они были вдвоем.

— Для чего мог понадобиться Вячеславу Михайловичу именно Колесников?

— Для того чтобы вылечить его. Колесников у себя в институте тоже продолжает поиск, начатый Петропавловским. В свое время ученики Петропавловского разделились на две группы. Образовались два дополняющих друг друга направления. Мы занялись биофизическими проблемами, а Колесников и его сотрудники — биохимическими. Процессы, о которых рассказал Вячеслав Михайлович, идут на молекулярном уровне. Изменения в организме, вызываемые Биоконденсатором, могут быть подправлены биохимиками.

Аветик Иванович, мы на правильном пути. Помогайте распутывать дальше. Итак, Вячеслав сумел привлечь этого старого черта, Петра Колесникова. Но как ему это удалось? Даже для Вячеслава он не мог согласиться ни на что противозаконное. А выходит, если Петр Петрович здесь присутствовал, он стал соучастником проведения опыта на человеке. Нет, на него это не похоже.

— Значит, Вячеслав Михайлович что-то придумал.

— Схитрил, конечно, но как? Вызвать Петра с юга он мог довольно просто. Тут такая дружба, сплоченность и взаимовыручка, что ни болезнь старика, ни его всегдашняя занятость не помешали бы. Я уже вижу, как он, чертыхаясь (ругатель он страшный!), вваливается к Вячеславу и глухим голосом произносит: «Нашкодили, мерзавцы, впутались, подрываете устои науки и зарвались!» Все это напускное. Колесников сердечен и отзывчив. Конечно, он и помог Вячеславу. Вот вошли они сюда. Вячеслав рассказал ему все как было. Поставил его на то место, где был сам, и пошел туда, где был Назаров.

— Нина Константиновна, теперь я крикну стоп!

— Ой, на самом увлекательном месте меня перебиваете, я ведь уже чувствовала, как все происходит...

— А нрав Колесникова? А его порядочность? Вы же сами только что говорили: не будет он соучастником в опыте на человеке.

— Верно. Вот и спуталось представление о происходившем, не так четко видна картина.

— Не тревожьтесь, сейчас прояснится. Все дело в конверте.

— В каком еще конверте?

— Большой конверт, и в нем несколько бумажек. Вы так обрисовали их обоих, что я отчетливо представил, где они находились и что делали. Вячеслав Михайлович приготовил Колесникову записку. Запечатал ее в конверт и дал его в тот момент, когда пошел на место Назарова. Уже оттуда он крикнул: «Читай!»

Думается легко, мысли обгоняют одна другую. Неужели конденсатор?..

— Нина Константиновна, а вы знаете, как-то несерьезно получается. Ну к чему эта таинственность и, главное, спешка?

— Таинственность? Никакой таинственности. Просто Вячеслав никого, кроме Колесникова, впутывать в это трудное, щекотливое и даже опасное дело не решился. А спешка... Тут уж совсем просто. Времени на обстоятельное исследование у него не было. Психиатры говорят, что, если болезнь, подобная той, что у Назарова, затягивается, она переходит в хроническую. В этом случае процесс становится необратимым. Ни одного дня нельзя упускать. Оставалось одно — испробовать на себе и этим самым поставить Колесникова в безвыходное положение. Да, спешить Вячеславу надо было. И первые слова в записке, по-видимому, такие: «Времени на исследование нет!»

— Тогда следующие: «Подвергаюсь воздействию Биоконденсатора».

— Правильно. Как хочется чтобы прояснилось... Нужно зрительно представить... Дальше могло быть примерно такое: «Всего я должен принять четыре биодозы, то есть пробить у конденсатора четыре минуты. Контрольные часы я включил. Заболею — лечи. Вылечишь меня, не побоишься лечить и Назарова».

— Метод лечения подобных болезней апробирован?

— Не совсем, на человеке он не проверен. Колесников и не рискнул бы начать с Назарова, коль нет согласия больного. А на добровольцах уже можно пробовать новые препараты, такие, например, как РБ-202... Ваши соображения о записке в конверте подходят. Их принимаешь без внутреннего сопротивления. Я представляю, как Петр перечитал записку с присущей ему дотошностью не меньше двух раз, взглянул на контрольные часы и только потом обернулся к Вячеславу, чтобы обрушить на него поток ругательств. Но было уже поздно. Директор забыл прошлое. Он уже не мог вполне владеть собой, жил, как и Назаров, подчиняясь чьим-либо командам, как автомат.

— Тогда в записке содержалось все, вплоть до инструкций, как действовать Колесникову дальше.

— Несомненно, Вячеслав предусмотрел и такую деталь, как анализы.

— Не понимаю.

— Старика надо было убедить, что на эксперимент он идет совершенно здоровым. Кроме того, необходимы были исходные данные, факты. Вот для этого Вячеслав предварительно сдал на анализ кровь, снял электроэнцефалограмму, проверил основной обмен. Я убеждена, что в конверте лежали и эти документы.

— Проверим, Нина Константиновна, позвоните в клиническую лабораторию.

— Правильно... Коммутатор? Дайте пять ноль девять... Это Нина Константиновна... Лаборатория? А, Вера Федоровна, здравствуйте... Да, да, я уже в институте. Все в порядке. Болеть некогда. Вера Федоровна, я к вам по делу. Скажите, примерно неделю назад, дней, может быть, десять, Вячеслав Михайлович был у вас в лаборатории? Так... Общий и биохимический... Так... Данные об определении основного обмена... Электрокардиограмму снимали?.. Хорошо. Результаты попросил себе?.. Разумеется, в норме?.. Хорошо. Я так и думала. Спасибо, Вера Федоровна. Всего вам доброго... Ну вот, Аветик Иванович, проверка номер один. Идемте дальше.

— Мы-то пойдем, а вот они как вышли?

— Да, это еще остается нерешенным.

— Не решено и другое — что было после этого?

— А потом вот что. Надо знать этих приятелей. Петр Петрович только в первые минуты негодовал и кипятился, а когда увидел, как крепко завернул Вячеслав, тотчас же включился в задуманное им предприятие. Вячеслав Михайлович все предусмотрел, вплоть до заготовленных заранее билетов на самолет.

— Тогда они тоже лежали в конверте.

— Не исключено. Я довольно живо представляю, как старик слегка дрожащими, но еще очень деловитыми пальцами перебирает содержимое конверта, прячет аккуратно все по местам и затем, на всякий случай поддерживая Вячеслава, выбирается наверх. Вот что, Аветик Иванович, пойдёмте и мы. Поскорее!

Все марши лестницы Нина Константиновна прошла не оставившаяся, тяжело дыша, держась за грудь, но не замедляя шага. Аветик Иванович боялся, что старая женщина не выдержит такой нагрузки, всячески старался помочь ей, но, кажется, это было излишне. Откуда только взялись силы и бодрость! Нина Константиновна спешила сделать последнюю проверку только что полученных у Биоконденсатора выводов.

Лестница наконец кончилась. К выходу из помещения главного корпуса института надо было свернуть налево, однако Нина Константиновна пошла дальше. Аветик Иванович заметил, что она идет не тем путем, каким они спускались в бункер, и сказал ей об этом, но ответа не получил. Нина Константиновна

еще ускорила шаги и, когда они подошли к стальной двери в тупике коридора, тяжело выдохнула:

— Вот здесь.

— Что здесь?

— Дверь... Дверь, через которую мы ходили когда-то. Много лет назад. Теперь о ней почти никто не знает. Когда установили контроль-автомат, ее закрыли и больше никогда не пользовались. Вячеслав предусмотрел и это.

— Они вышли этим ходом?

— Да, не сомневаюсь. Смотрите, она не заперта. Снаружи ее закрыть нельзя: она закрывается только изнутри.

— Куда ведет этот ход?

— В старую лабораторию Петропавловского, а оттуда по липовой аллее в парк. Дальше, если пройти пустошкой, мимо садовых участков, то через 10—15 минут станция электрички. Как ловко. Кажется, правильно говорят, что в каждом мужчине до конца живет мальчишка. Аветик Иванович, давайте сделаем проверку номер три.

Через полчаса междугородная телефонная станция соединила Нину Константиновну с институтом Колесникова.

— Петр Петрович? Здравствуй, дорогой! Да, это я — Нина... Приехала. Чего не звонила? Да так вот, закрутилась здесь с делами, немного приболела. А как ты себя чувствуешь?.. Вот как? Ну, бодрись, старый лицемер. Послушай, Петр, ты решил сразу вводить РБ-202 или сперва будешь пробовать РБ-100?.. Ну отругайся немного, отругайся... погоди, погоди, ведь телефонистки могут услышать. Не беда, если только любознательны, а если отключат?.. Да, да, все поняли, все разгадали... Не шуми. Прежде всего как Вячеслав?.. Правда? Целую тебя, родной ты мой. Я ведь всегда говорила, что у тебя умная голова... Нет, нет, я этого не сказала... Значит, правда? Радость-то какая! Сотый помог?.. Петр, скажи теперь, только постарайся не врать, Вячеслав билеты заранее положил в конверт?.. Да, и о конверте догадались... Помог, говоришь, Биоконденсатор? Как сказать, может быть, и он, а вернее всего, Аветик Иванович... Кто это? Увидимся — расскажу. Он здесь, около меня, и при нем я не хочу хвалить его. Это не педагогично... Еще одно, когда Назарову начнете вводить препарат? Думаешь, результат будет положительный?.. Что?.. Овладение биополем?.. Да, да, поиск надо продолжать!.. Спасибо! Вячеслава обругай. Когда совсем поправится, конечно.

Юрий Котляр

ЗВЕЗДНЫЕ ТЕНИ

Фантастическая
повесть

Глава первая

Операция «Айма»

Бион Мар, глянув на диски времени, обвел взглядом переполненный амфитеатр. От толпы исходил ток приподнятого ожидания. Голоса, переплетаясь, взлетали вверх и, отразившись от необъятной чаши купола, возвращались вниз возбужденным слитным гулом. Бронзовые пятна лиц, улыбки и разноцветные хитоны сливались в пеструю, праздничную картину. Бион Мар тяжело вздохнул: до радостного часа оставались считанные минуты, но кратковременное ликование и гордую радость быстро сменят ужас и отчаяние, а он бессилен их предотвратить. Слова Тиола сразят насмерть и придавят камнем...

А если Тиол ошибается?.. Что за вздор! Тиол вел исследования не в одиночку. Его наблюдения, выводы и заключения многократно проверены и перепроверены другими. За спиной Тиола

не только его громкая слава, но и опыт, знания и поддержка виднейших ученых Фемы. Да и когда ошибался Тиол?.. Он прав. Прав несомненно, но стоит ли оповещать так внезапно? Так сразу взять и поставить Всепланетные Круги лицом к лицу с неизбежным. Да еще сегодня, когда контраст между настоящим и будущим покажется особенно разительным.

Мар сомневался, колебался, но ничего не предпринимал. Конечно, Тэб Таб на его месте поступил бы просто — запретил выступление, и все. Но сейчас времена не те, да истина рано или поздно все равно станет достоянием гласности, но не как факт, а в виде переплетения слухов и домыслов во сто крат более пагубных, чем самая жестокая правда. Скрыть, уйти в завесу секретности означало попрасть закон и злоупотребить властью. Тиол прав, сказать надо, не откладывая, но как-то помягче, не лишая надежды. Подать роковое известие в форме гипотезы, еще требующей длительной проверки. А учитель так не умеет, он выскажет все, что знает, ничего не утаивая, не смягчая, уверенный, что так и нужно, что таков долг ученого перед народом. Он не учитывает, что роковая весть ошеломит, а боль, страх и растерянность — плохие советчики... Нет, нужно иначе! Надо как-то воздействовать на Тиола, шадя его самолюбие. Он скажет ему...

По залу волной прокатился приветственный шум: Эйн Тиол занимал свое место. Бион Мар торопливо набрал шифр двустороннего контакта. Неожиданно близкие и суровые, под мохнатыми нависшими бровями, глянули глаза Тиола. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, словно выжидая, потом старик еле заметно покачал головой, и Бион Мар облегченно перевел дух: не выступит! Но губы Тиола зашевелились, и он услышал:

— Я скажу иначе.

Тяжелый сотрясающий звон прервал их: стрелки на дисках времени сошлись. Огромный восьмигранник звучащего кристалла тотчас засветился, засверкал фейерверком вспышек, и воздух наполнила мелодия Звездного гимна. Под музыку гимна рванулись вверх световые конусы и тихо опустились на Арку Триумфов. Массивные створки бесшумно разомкнулись, и движущаяся алая лента плавно внесла в зал группу звездонавтов. Все вскочили, и стены содрогнулись от оглушительного взрыва приветствий. Дождавшись тишины, Бион Мар объявил начало торжества.

Гел Гелон взбежал на трибуну стремительно и легко, как взлетел, обвел глазами притихший амфитеатр и приветственно вскинул руки. Амфитеатр ответил неистовым шумом; казалось, еще немного — и мощный гул сорвет купол. Гел опустил руки

медленно и плавно, словно умиротворяя. Буря покорно утихла, и его слова упали в ждущую тишину.

— Дорогие братья и сестры! Родные мои фемиты. Как долго мы ждали этой минуты, и вот она пришла, мы снова с вами. Если бы вы знали, как отрадно глядеть на теплое море лиц после черных провалов таоса и холодного света чужих звезд. Нет на свете ничего краше Фемы. Аой Фема!.. Нет в таосе солнца ласковой Алого. Аой Алое!..

На звездолете «Элон» мы углубились, как никогда раньше, в просторы таоса и пролетели более светочикла в направлении желтой звезды Антар. Великолепный корабль «Элон» выдержал сложное испытание и оправдал самые смелые ожидания. Используя колоссальную мощь люм-энергии, мы пошли на риск и разогнали звездолет до невиданной скорости, равной половине световой... — По амфитеатру прокатилась волна восхищения. — Надеюсь вы простите это самоуправство, — продолжал он, — если узнаете, что, по мнению всего экипажа, творение ваших рук способно подойти вплотную к заветному световому пределу. Для этого остается не так уж много сделать. Дорогие братья и сестры! Сбылась вековая мечта — таос покорился людям. Начинается новая эра — звездная. Отныне с родного неба нам светят близкие звезды. Вперед, к новым мирам!.. — Последнюю фразу покрыл шквал восторженных возгласов.

— Аой! Аой Гелон! Аой Гел Гелон!..

Широко раскинув руки, он улыбался, словно вручая людям бесценный дар покоренного пространства.

Потом выступил Эйн Тиол. Он говорил медленно и глухо, не поднимая головы, будто разглядывая что-то на пластике пола.

— Люм-энергия открыла дорогу к звездам. Субсветовой полет «Элона» положил начало новой эпохе. Очевидно, в самом недалеком будущем мы увидим миры других солнц и, быть может, встретим собратьев если не по облику, то по разуму... Время — величайшая ценность. Не будем же транжирить его попусту, оттягивая и откладывая. Прежде всего полет к Ангару. Это ближайшая звезда, и у нее есть планеты. «Элон» принес бесспорные тому доказательства. Отправим туда «Элон» и немедленно примемся за постройку других звездолетов. Их понадобится много. Сначала десятки, потом сотни и тысячи. Одни пойдут следом за «Элоном», другие своим путем. Будущее покажет, куда и как, но откладывать завоевание таоса нельзя. Это задача номер один, ей нужно подчинить все остальное. Я понимаю, что призываю к титаническому труду и огромному напряжению сил всю Феминорию. Но труд и затраты окупятся сто крат. Сейчас наступил тот момент, когда открытие и освоение новых миров превратилось из научной проблемы в неотложно важную и буквально жизненную задачу нашей

цивилизации. Качественный скачок — открытие люм-энергия. — неминуемо повлечет за собой количественные изменения. Растущее производство и увеличение наших потребностей заставляют все интенсивнее использовать недра нашей планеты. А естественные запасы Фемы ограничены. Кое в чем они уже на грани истощения. Поэтому следует проявить мудрость и позаботиться заранее. Позаботиться о тех, кому жить после нас.

Не вдаваясь в детали, могу сказать, что по поручению Ученого Центра мной уже подробно информированы Кан Феминории и все члены Малого Совета. В общих чертах информированы и члены Большого Совета. Предварительная программа освоения таоса, разработанная Ученым Центром, уже получила их одобрение. Теперь, в день великого торжества, когда далекие звезды стали близкими, я обращаюсь к вам. Прошу одобрения Всепланетных Кругов. Я жду решения! — Тиол поклонился.

Бион Мар и члены обоих Советов с достоинством встали и подняли руки. Их примеру последовал треугольник кресел Ученого Круга, а за ним и весь огромный зал. Бион Мар нажал кнопку, его кресло поднялось ввысь, и он звучно провозгласил:

— Предложение Эйна Тиола, главы Ученого Центра, о неотложном освоении таоса одобрено Всепланетными Кругами, что я, Кан Феминории, объявляю и данной мне властью утверждаю. Да будет так, как решено. Забота об этом отныне право и обязанность всех граждан Феминории. За мудрость и попечение Эйну Тиолу аой!..

— Аой! Аой!.. — дружно откликнулся зал.

Тиол поклонился и сказал:

— Благодарю вас! Сегодня принято мудрое и дальновидное решение. Оно принесет драгоценные плоды, заслужит уважение и благодарность потомков. Я кончил! — Он тяжело опустился в кресло.

Бион Мар опять набрал шифр двустороннего контакта.

— Ты предвосхитил мои надежды, Учитель. Лучше не придумать. Тебе поверили...

Лицо Тиола исказила гримаса.

— Сегодня я солгал, Мар. Но и ты тоже.

Мар не успел ответить, контакт погас. Снова победно засверкал восьмигранник звучащего кристалла, и под звуки Звездного гимна на трибуну поднялись все восемь звездонавтов во главе с Гелом Гелоном. Торжество продолжалось...

Густо-алый свет позднего дня заливал комнату. Гел легко прыгнул с высокого ложа. До чего же хорошо на Феме! В разомкнутую диафрагму вместе с уличным шумом доносился аромат цветов. Радужная фрина покружилась по комнате и

упорхнула, казалось, оставив на стенах отблески сверкающих крыльев. Гел накинул блестящий парадный хитон и вышел.

Он не видел Милету целых три цикла (вчера аэролет доставил его в Зал Совета прямо с космодрома). Гел скорее угадывал, чем узнавал, очертания изменившихся улиц и площадей. Везде просторные комплексы высоких изящных зданий. И всюду: вдоль улиц и между комплексами — деревья и цветы.

Перед его отлетом самодвижущиеся ленты существовали лишь в центре столицы и проходили только по тротуарам. Середину же улиц занимал ревуший поток транспортных машин, их шум заглушал голоса и угнетал слух. Теперь их перевели в подземные тоннели, а бесшумные ленты разноцветных транспортеров заняли всю ширь просторных улиц. Самые медленные — желтые и зеленые — двигались по краям, а более быстрые — голубые и синие — бежали ближе к середине. По осевой стремительно неслась алая экстренная линия.

Внимание Гела привлекла девушка, стоявшая с лотком в тени раскидистой трианы. На лотке, под прозрачным колпаком, аппетитно коричневела горка хрустящих шариков. Он ощутил голод и направился к ней.

— Мой привет!

— И тебе привет! — отозвалась девушка. — Шарик или два?

— Погоди минутку, — улынулся Гел, шаря по карманам.

— Что-нибудь потерял? — участливо спросила девушка.

— Да нет. Деньги ишу.

— А зачем они тебе?

— Хотя бы затем, чтобы отведать твоих шариков.

— Так при чем же тут деньги? Бери и ешь на здоровье.

— Ничего не понимаю! Ты шутишь или сегодня твой девичий день?

— Откуда ты взялся, чужак? — рассмеялась девушка. — Ах! Неужели ты Гел Гелон?

Он утвердительно кивнул. Ее милостивое личико осветилось кокетливо-радостной улыбкой.

— Вот и мне повезло! И почему я не узнала тебя сразу!.. Так ты Гел Гелон, — продолжала она уже деловито, — тогда понятно, что тебе все в диковинку. За время твоего отсутствия многое изменилось. Вот уже два цикла, как за еду денег не берут. Теперь деньги нужны только для покупки одежды ну и всяких приятных мелочей. Но я вижу, тебе недосуг. Скажи мне что-нибудь на память и иди. — Она достала из кармана памятный лонжер.

— Сказать тебе что-нибудь! Да за такие приятные известия все что угодно!.. — сверкнул зубами Гел.

Помахов ей рукой, он продолжил путь, с аппетитом уплетая маслянистые хрустящие шарики. Покончив с едой, он глянул

на диски времени: до встречи с Маром оставалось совсем немного. Гел заторопился и перешел на экстренную алую полосу, здесь бил в лицо упругий поток воздуха.

...Гел Гелон знал Мара еще со времени совместной учебы у Тиола. Ученого из Мара по разным причинам не вышло, зато получился незаурядный государственный деятель. Он же во времена Тэба Таба сделал немало полезного. Таб, вечно поглощенный химерическими проектами вроде постройки системы энергетических полей, улавливающих энергию светового давления, либо попытками приспособить к жизни на суше крупных морских животных, легкомысленно растрчивал свое время и ресурсы Нории. Относясь пренебрежительно к каждодневным государственным делам, Таб охотно перекадывал их на плечи других. По его мнению, такая деятельность была уделом слабых умов.

Погруженный в бесконечную возню со своими затеями и витавший в облаках, Тэб Таб, фемит в общем неглупый, проглядел зловещие приготовления Эналии, где правила олигархия. В результате Нория подверглась сокрушительной внезапной атаке. Только колоссальным напряжением сил и ценой больших жертв удалось избежать разгрома. В итоге Нория выиграла эту небывалую в истории Фемы чудовищную бойню. Активные военные действия продолжались всего несколько дней, потом под давлением восставших Рабочих кругов лагерь олигархии развалился изнутри. Но эти несколько дней дорого обошлись фемитам, сокрушительные взрывы пикдонов навлекли неисчислимы бедствия на обе страны. Невиданные разрушения, хаос и смертоносные заболевания обрушились на планету. Жертвы исчислялись сотнями миллионов, лишь нейтральная Эналия уцелела, оставшись островом благоденствия среди океана горя и страданий.

В послевоенном мире победители и побежденные вскоре слились в одну дружную семью — Фемиорию. Вот тогда и выдвинулся Бион Мар.

Гел подумал, что за какие-то три цикла Бион Мар сделал куда больше, чем Тэб Таб за все девять своего бестолкового канства. Веселые лица прохожих, шутки, смех и неузнаваемая красота преображенной Милеты служили убедительным доказательством государственных талантов нового Кана.

К зданиям Правительственного комплекса Гел подошел в отличном настроении. Опустил в щель охранного автомата пригласительный жетон, и скрешенные фиолетовые лучи в проеме входа погасли. Диафрагма разомкнулась, Гел вошел в кабину подъемника, нажал кнопку и понесся к вершине Башни Совета.

— Мы пригласили тебя, Гел, — негромко начал Мар, — чтобы предложить важное поручение. В твоей воле принять его

или отвергнуть, настаивать мы не вправе. Но прежде выслушай Учителя. Предупреждаю! Пока это государственная тайна.

Гел понимающе кивнул и повернулся к Тиолу.

— Гел, на склоне лет мне выпала незавидная честь сделать печальное открытие. Ты ученый, тебе не нужны пояснения, поэтому я буду предельно краток...— Он сумрачно помолчал и продолжил: — Титанические взрывы пикдонов во время последней войны не предали бесследно и для планеты. Как тебе известно, атмосфера Фемы всегда находилась в неустойчивом равновесии. Гравитация планеты едва компенсировала кинетическую энергию молекул верхних слоев атмосферы. В результате выброса туда большого количества активных веществ к их энергии присоединилась энергия радиации. Скорость молекул разреженных слоев атмосферы превысила скорость убегания*, и воздух начал уходить в таос. Этот процесс продолжается, и ему не предвидится конца: ведь период распада активных веществ измеряется многими сотнями циклов. Жизнь медленно покидает нашу планету...— Тиол замолчал.

— А доказательства? — тихо спросил Гел.

— Их достаточно. Все началось с того, что я подметил постепенное снижение атмосферного давления, правда незначительное, но оно совпало с неуклонным ухудшением климата после войны. С каждым циклом все раньше стала наступать осень, длиннее и суровее стали зимы, затяжнее весны, короче и прохладнее лето. На это обратили внимание ученые, но объяснения сводились к тому, что это временное явление, связанное с совпадением двух максимумов периодической активности Алого — двадцати- и стоциклового. Зафиксировали, конечно, и возросшую радиацию, но почему-то никому не пришло в голову связать воедино эти на первый взгляд далекие факторы...

Я заподозрил неладное и начал систематические наблюдения. Потом ко мне присоединились другие. Исследования велись втайне под кодовым названием «Операция Айма»...

— Айма!— удивился Гел.— Но почему?

— Так удобнее,— пояснил Тиол.— Известно было, что работы возглавляю я, имя моей внучки придавало им нечто личное, а значит, и не слишком серьезное. Мы боялись поднять тревогу раньше времени...

— Учитель, это же чудовищно! — воскликнул Гел.— Неужто мы сами вырыли себе могилу?

— Начали не мы,— заметил Мар.

— Конечно, однако от этого никому не легче...— хмуро согласился Гел.— Но, Учитель, не слишком ли ты мрачно смотришь на вещи? Ведь у нас могущественная цивилизация Она

* Скорость убегания — тело, достигшее этой скорости, навсегда покидает планету. Для Земли ~ 11,2 км/сек.

сумеет приспособиться к любым условиям и со временем воссоздать прежние. И еще одно! Нельзя сбрасывать со счетов восстановительные силы природы. Они...

Тиол протестующе поднял руку, и Гел неохотно умолк.

— Твой оптимизм заразителен, но недостаток воздуха схватит нас за горло раньше, чем ты думаешь. По моим подсчетам, через сотню циклов жизнь на Феме станет почти невозможной. Уже сейчас трудно старым и слабым. Чтобы протянуть еще два-три стоциклиа, придется изменить весь жизненный уклад. И что это будет за жизнь? Не жизнь, а жалкое существование, вечная борьба с призраком неминуемого поражения впереди. Нет, друзья, оптимизмом и полумерами тут не отделаться. Выход один — миграция!

— Отлет! Но куда? И разве это осуществимо в таких масштабах? — воскликнул Гел.

— Трудно, но осуществимо. Другого пути нет. Разве уйти в герметические убежища или под землю...

— А регенерация воздуха? — перебил Гел.

— Ничего не даст, только истощит энергетические ресурсы, — возразил Тиол.— Да и уход в убежища лишь полумера. Невозможно обеспечить едой миллионы, ведь об урожаях с полей придется позабыть. А много ли дадут теплицы? Синтетические же продукты повлекут болезни и вырождение. Нет, я уже говорил и повторяю снова: надо улетать. К сожалению, у нашего Алого солнца кроме Фемы только мертвая Танта. Зато желтый Антар богат планетами. Там наше будущее! Сегодня у нас лишь «Элон», а нужны тысячи и тысячи таких «Элонов». В них спасение, в них жизнь! Поймите это!

— Антар...— пробормотал Гел сомнительно.— Желтый яркий Антар... Учитель, я видел эту звезду ближе всех и скажу прямо: боюсь. Боюсь ее лучей. Они давят, палят и бьют огненным молотом. А планеты Антара? Не знаю, но видится так. Под напором беспощадных лучей давно улетучились легкие элементы почвы, выродились и ушли в таос все газы. Там ни следа атмосферы, ни капли влаги. Только скалы да камни, раскаленные днем и лопающиеся от немилосердной стужи ночью. Мертвая пустыня, присыпанная метеоритной пылью. Не выжить там человеку...

— Ты нарисовал мрачную картину,— кивнул Тиол,— наоборот, близкие к светилу планеты выглядят похоже. И пускай. Мой расчет на более отдаленные умеренные миры. Напрасно думаешь, Гел, я не заблуждаюсь. Найти вторую Фему нереально, а всякий иной мир покажется нам до боли чужим. Но выбора нет, придется терпеть. Кто же говорит, это трагедия. Но если судно тонет, команда обязана покинуть его. И потом, Гел, главное все-таки люди, народ, его национальный дух и традиции, сделавшие нас именно фемитами и никем иным.

Пройдут стоицикия, и потомки обживут новый мир. Человеку свойственно приспособляться везде.

— Не знаю, Учитель, как будет, но тобой руководит увлечение. Величественная идея миграции настолько захватила тебя, что ты готов на все. Готов на любую борьбу, с одним непременным условием — вести ее на новом месте. Ты готов отшвырнуть Фему словно ветошь. Одумайся! Это же наш единственно родной мир. Неужели самое правильное очертя голову бросить его? Сдаться без борьбы. Почему сначала не попытаться отстоять Фему? Мы дети — она мать. Какой же подлец бросает мать в беде? Нет, Учитель, нельзя так. Нельзя! Сначала надо испробовать все. Все-все! Все мыслимое и немислимое. И только потом говорить об отлете. Так думаю я.

Тиол саркастически усмехнулся.

— Если бы думал, а то одни эмоции. Хорошо. Предположим, последовав твоему совету, мы вступим в титаническую схватку за Фему, вкладывая в нее все без остатка. В таком предприятии иначе нельзя. Пробуем одно, другое, третье и так далее до неизбежного фиаско. Теперь надежды никакой и надо улетать. Но как улетать, когда ресурсы истощены, когда в бесплодных попытках растрачены силы и потеряно драгоценное время, когда удушье уже схватило за горло? Как решать в этих условиях титаническую задачу экстренного строительства тысяч и тысяч огромных звездолетов и переброски миллионов людей через таос? Как нам быть тогда, Гел? Скажи ради Алого!

Гел молчал.

— Взгляни, это должно тебя порадовать, Учитель,— сказал Мар.

Тиол цепко схватил табличку и, пробежав записи, обрадованно воскликнул.

— Ты молодец, Мар! Сто звездолетов через каких-то два цикла. Да это же просто великолепно! А через пять?..

— Еще тысяча,— лаконично ответил Мар.

— Превосходно! Видит Алое, я хлопочу не о себе и даже не о вас. На ваш век воздуха хватит. Моя забота и боль о нерожденных...— Тиол встал и положил длинные худые руки на плечи Гела.— У тебя ясный, задорный ум и крепкие плечи, я хочу взвалить на них тяжкую, но почетную ношу. Сохранились ли у тебя силы после долгого полета?

— Сил хватит,— улыбнулся Гел, не сводя глаз с Тиола.

Тиол торжественно выпрямился.

— Тогда слушай! Ты поведешь «Элон» к Антару. Там тебя ждет честь и слава первооткрывателя новых миров. Что скажешь ты на это?

— Не торопи его, Учитель,— вмешался Мар.— Дай подумать, это слитком серьезно да и не легко. Едва вернувшись, снова в путь и надолго. Быть может... навсегда.

— Благодарю тебя, Учитель, за доверие и тебя, Мар, за внимание, но размышлять тут не о чем. Ни у меня, ни у вас нет выбора. Ведь я единственный ном Фемы с опытом дальнего таосполета. Еще вчера я сказал Айме, что, возможно, не долго пробуду на Феме,— обратился он к Тиолу.— И вот...

— А она? — тихо прервал Тиол.

Гел замялся.

— Не хочется огорчать тебя, Учитель...

— Довольно! — выпрямился Тиол.— Не нужно лишних слов, все понятно. Вот мои руки!

Гел прижал к груди сухие руки Тиола. Старик не сдержал вздоха, подумав: «В его радости моя горечь. Теперь она будет моей спутницей до конца. Скоро разлука... Разлука навсегда...»

— Итак, Гел?

— Все уже сказано.

— Значит, решено окончательно и...

— И бесповоротно! — подхватил Гел.

Они помолчали.

— Скажи мне, Гел...— начал Мар задумчиво.— Только откровенно, без бравлады. Не тебе страшиться упреков в малодушии. Вот ты согласился, для дела это хорошо, но мне кажется, у тебя неважно на душе.

Гел натянуто улыбнулся.

— Раз уж ты подметил, скрывать не буду. Но это не малодушие, нет. Совсем, совсем другое. Это тоска по предстоящей утрате и голод. Да, не удивляйся, это голод. Видишь ли, Мар, я слишком долго был лишен всего. Море, горы, да что там... Для меня земля под ногами — счастье, свежий ветерок — роскошь, волна — чудо. Даже простая травинка — откровение. Я не устаю восторгаться, я не насытился, не утолил и со той части своих желаний. Мне хотелось бы раствориться среди природы и пожить бездумно. Я устал, Мар. Устал... И вот опять надолго в таос, а быть может, и навсегда.

— Если так,— встревожился Мар,— ты волен поступить иначе. Всему есть предел, и тебя никто не осудит. Я первый пойму. Поверь!

Гел отрицательно покачал головой.

— Ты уже не понял. Это была тихая жалоба по ту сторону долга. Никому не будет легче, если не труднее. За моими плечами опыт, а положение слишком серьезно, чтобы этим пренебрегать.

Мар сумрачно кивнул.

— Да, хорошего мало. Как горько это, особенно сейчас, когда жизнь наконец-то наладилась и становится все краше... Эх, Гел! Вспомни, как мы неустанно и терпеливо убеждали, что

военная техника поднялась уже на тот уровень, когда война превращается в самоубийство. Но разве они верили? Нет, куда там! С гиком наперегонки мчались к пропасти. И вот расплата...

- Оставим это! Поговорим лучше о полете.
- Да, конечно, займемся полетом. Прежде всего экипаж...
- Пятеро уже есть! — перебил Гел.
- Когда успел?
- Трое прежних, я и Айма Тиол.
- Рад за тебя, Гел, ты уносишь хоть немного счастья.
- Отбрось «не», — улыбнулся Гел.
- Вдвойне рад, если так. Ну а те трое? Назови имена.
- Пэй Дил — полимедик и связист, Иола Асентор — астронавигатор и знаток мыслящих машин. Третьего ты должен бы помнить: вы встречались и беседовали. Это астроном и астронавигатор Зор Темей, мой эном. Все трое опытные навты.

— А скажи, как у них?.. — Мар замялся, вспоминая. — Ну, это самое, что бывает при долгом совместном пребывании... Вертится на уме, а никак не дается. Вот досада!

— А, бэза!* — догадался Гел. — Слава Алому, ни у кого никаких следов. Теперь они иммунизированы до конца дней.

— Это как сказать, — покачал головой Мар. — Мы еще слишком мало знаем о ней.

— Хватит и того, что известно. Медики любят преувеличивать, это болезнь бездельников и слабых духом. Побольше работы, веры в дело и друзей, только и всего!

— Быть может, ты и прав. Хорошо, сколько же всего полетит на «Элоне»? Решать тебе.

— На мой взгляд, десять человек вполне достаточно. Но ума не приложу, где взять еще пять опытных навтов?

— Не нужно навтов. Не нужно и опытных, — раздельно произнес Мар. — Набери просто молодых: юношей и девушек, здоровых, неглупых и смелых. Людей самых разнообразных профессий, способных воссоздать жизненный комплекс буквально на пустом месте. Найди энтузиастов, готовых пожертвовать настоящим ради будущего там. — Он показал на небо. — Отныне ваше будущее там и только там! — подчеркнул он. — Возвращение? Не знаю. Мало надежды, а все же храните ее.

— Астролетчик и химик Ган Бор, — представил Зор и четкой скороговоркой перечислил: — Сделал восемь рейсов на Танту, десять на астероиды, пять испытательных и...

— Не надо, не продолжай! — перебил командир. — Знаю, слышал, как же, Ган Бор — человек без нервов. Не так ли?

Бэза — психическое заболевание, похожее на ностальгию.

Ган Бор, неулыбчивый, холодноглазый атлет, серьезно возразил:

— Нервы, конечно, есть, но крепкие.

— А подруга? — усмехнулся Гел.

— Тоже есть.

— Кто она?

— Рина Роа, художница и агроном.

— Ее трудовой комплекс меня и смущает, — вставил Зор. — Ну на что она годится в полете?

— А меня нет, — возразил Гел. — Мы уходим надолго. Красота и искусство нужны нам, как воздух и вода. Никакие фиксирующие камеры не заменят глаз художника. Агроном же нам будет просто необходим.

— Следовательно, я принят?

— Мое согласие еще не все. Тобой займутся и другие. Жди результатов и... не болтай. — Астролетчик тотчас же удалился.

— Отличное начало! — весело воскликнул Гел. — Первоклассный астролетчик и известная художница. С меня достаточно, остальными займись ты.

Светало. Грушевидная махина «Элона» отбросила слабую тень. Темный и безмолвный, он казался высоким безжизненным холмом.

Далеко-далеко, у самого горизонта, над высокой башней, повисла целая туча аэролетов. Тонкий шпиль башни вдруг полыхнул вспышкой, выбросив пронзительную зеленую ленту, за ней ринулись в небо еще две.

Звездолет внезапно ожил и отозвался целым снопом яростных красных полос. Они еще светились, медленно угасая, когда из корабля со свистом вырвался ослепительный фиолетовый шар.

Вслед за этим громада «Элона» легко и стремительно рванулась ввысь. От удара антигравитации тяжело ухнула земля и нелепо искривился небосвод.

На миг крохотное пятно корабля застыло, замерло в недосыгаемой высоте. Потом коротко гроыхнуло, и небо опустело. Над равниной крутился пыльный серый вихрь и, угасая в утреннем свете, тускло мерцала мрачная Танта.

— Ты ничего не сказал ему, Мар?

— Нет, Учитель, с ними летит надежда.

— Вернее, ее призрак. Прогноз-машины предсказали всего треть успеха: слишком далек путь и велик процент случайностей. Но что поделаешь? Во имя гуманности иногда приходится совершать обдуманную жестокость. Такова жизнь...

Глава вторая

Таос

Истекла половина первого цикла в таосе. Алое солнце уменьшилось и поблекло, приняв вид красной звезды, а Фема еле просматривалась в сильный телескоп. Между родным миром и «Элоном» легли бескрайние дали таоса...

Начало пути промелькнуло быстро и незаметно. Обаяние тайны, интерес новизны и романтика полета оттеснили время. Уверенная и регулярная связь с Фемой создавала впечатление ее обманчивой близости. Потом, с удалением звездолета, связь стала ухудшаться. Фема щедро бросала в таос вал стремительной энергии, а долетали жалкие брызги, и долгожданные сеансы связи превратились в сочетание расплывчатых картин с бессмысленными обрывками фраз звукового сопровождения. Но если «Элон» еще кое-как видел и слышал планету, то она уже потеряла звездолет. И все же каждый сеанс, несмотря на все недостатки, ждали как праздник, потом без конца просматривали и прослушивали неразборчивую запись. Спорили и горячились, пытаясь по скурым обрывкам восстановить полную картину. И все же это было живое дыхание родного мира, а без него стало совсем тоскливо. Вплотную подступила и дохнула в лицо мертвенным холодом равнодушная безжизненность таоса. От всего красочного разнообразия мира осталась лишь черная бездна да «Элон», сиротливо затерянный в нем. Тяжко в таосе без связи, но жизнь на «Элоне» шла своим чередом.

Гел оторвался от экрана и, помассировав пальцами усталые веки, вышел из информария. Спирали переходов и кольца бесшумно размыкающихся диафрагм привели его к бассейну.

На мягком пластмассовом берегу он увидел весь экипаж, кроме дежурных. Ган затеял борьбу с медиком. Юный люмининженер Эмо азартно подбадривал борцов, суетясь вокруг, а остальные наблюдали без особого интереса: возня давно утратила прелесть новизны.

Пэй, энергичный крепыш, от обороны перешел к наступлению и кружил вокруг противника, как овод. Мускулистый, рослый Ган снисходительно и небрежно отбивал яростные атаки. Но Пэй, выбрав момент, нырнул под его вытянутую руку и, поймав его в замок жилистых, коротких рук, рывком вскинул на плечо. В этот момент он увидел Гела, и на его потемневшем от натуги лице мелькнула лукавая усмешка. Отпустив Гана, он что-то шепнул ему. Ган отстранился, давая дорогу командиру, и в тот же миг оба кинулись на него.

Несколько секунд ничего нельзя было разобрать, кроме беспорядочного сплетения рук и ног. Потом произошло нечто вроде взрыва, и нападающие отлетели, а Гел торжествующе подбоченился.

— Эх вы! Мелкота...

— Аой Гел! Аой победитель! — захлопали в ладоши неразлучные Зея и Гея.

Айма снисходительно улыбнулась, но в глубине ее глаз сверкнули горделивые огоньки.

— Аой Гану! И позор мелкоте! — весело откликнулся Гел.— Молодец, Ган! Здорово ты вывернулся...

Ган холодно ответил.

— Такая борьба не в счет. Мы только мешали друг другу. Давай поборемся всерьез, ном. Один на один.

— С удовольствием.

— Э, погодите! Что значит борьба всерьез? — вмешался Пэй. Его глаза смотрели испытующе и настороженно, от недавней шутливости не осталось и следа.

— Только то, что любые приемы дозволены,— ответил Ган Бор.

— Ну нет! Это ты брось, не забывай, где находишься...

— Ну-ну, Пэй! — нетерпеливо перебил Гел.— Хватит тебе, ничего с нами не случится. Разомнемся, и только. Минутку, Ган, сейчас разденусь...

Между ними осталось шага три, когда Ган неуловимым падающим броском кинулся навстречу и схватил Гела за левую руку. От неожиданности тот растерялся. Ган резко рванул на себя и круто повернулся, одновременно присев и выставив вперед правое плечо. Ноги Гела отделились от пола, но он успел упереться свободной рукой в шею противника и тем предотвратил бросок через плечо. В следующий же миг правая рука Гела скользнула под мышку Гана и согнулась крючком. Рывок — и тяжелое тело астролетчика взвилось в воздух. Стремительный поворот, толчок плечом — и Ган под общий смех шлепнулся в бассейн, а Гел остался на месте, недоуменно разглядывая неестественно повернутую кисть левой руки.

— Ну-ка покажи! — подскочил Пэй.— Так и есть — вывих. Доигрались! Пошли со мной. А с тобой разговор впереди,— гневно сверкнул он глазами на астролетчика.— Робот свихнувшийся!

От порывов искусственного ветерка гнулись стебли цветов, колыхались ветви и шумела листва карликовых деревьев. Замаскированные светильники создавали иллюзию теплого света Алого солнца, а высокий сферический потолок с плавными бегущими облаками в прозрачной голубизне превосходно им-

митировал небо. Искусная роспись стая, гармонически сливаясь с пейзажем миниатюрного парка, раздвигала его границы изображением обширных, чуть затуманенных далей. Извилистый бойкий ручеек, шума водопадами, оживлял этот любовно воссозданный уголок Фемы, унесенный «Элоном» в таос.

Эмо полной грудью вдохнул ароматный воздух и опустился на упругий ковер сине-голубой травы. Зор немного выждал и скользнул следом.

— Отдыхаешь;— сказал он, усаживаясь рядом.

— Да, здесь так хорошо.

— Почти как дома,— кивнул Зор.

— Особенно, если, ни о чем не думая, лежать на спине и следить за облаками.

— Это на любителя,— усмехнулся Зор.— Облака хоть и хорошие, но подделка.

— Мне нравятся и такие. Настоящие мы увидим не скоро, если вообще увидим.

— К этому пора бы уже и привыкнуть.

— Знаю...— вздохнул Эмо.— Да никак не выходит. Видно, не ко всему можно привыкнуть, сколько ни старайся.

— Эге! Да ты, я вижу, тоскуешь.

— Бывает иногда.

— Страшно?

— Я не о том. На душе пусто, и кругом пусто. Жизнь — это смена впечатлений. А здесь что? Только тьма и пустота без конца и края. Можно лететь десять, тысячу жизней и никуда никогда не прилететь. Таос и таос... Каждый день одни и те же лица, те же заботы, разговоры и шутки. Не знаю, к чему я это говорю, тебе не понять.

— Напрасно ты думаешь. Со мной это иначе, но тоже...— Зор не договорил, махнув рукой.

Эмо приподнялся на локте.

— Правда, ты не обманываешь?

— А зачем?

— Да, на самом деле. Зачем тебе обманывать? Ты знаешь, я никому ничего не говорил, а тут прорвалось...

— Что же привело тебя сюда?

Эмо сорвал травинку и, покусывая, долго молчал.

— Видишь ли...— задумчиво начал он.— Я всегда искал чего-то нового, неизведанного. Искал полной независимости и острых, сильных впечатлений, чтобы не просто существовать, как все. Чтобы от жизни дух захватывало. Чтобы жизнь летела, как... как световой луч. Понимаешь?

Зор покачал лобастой головой и недоуменно пробормотал:

— Независимость, острые впечатления?... В межзвездном полете?... Да ты спятил! Тут железная дисциплина и рутина, а если что-то и случится, то всего один раз и так, что охнуть

не успеешь. Никаких тебе впечатлений, миг — и конец всему.

— Знаю, но тогда мне иначе казалось. Полет, новые миры. Все восхищались, завидовали, чествовали. Потом я увидел и понял, что это на самом деле, да поздно. Вот я и прихожу сюда, лежу без дум, без мыслей, смотрю на облака, и мне как будто легче. А если случается задремать, то и совсем хорошо. Тут я обязательно вижу во сне Фему и своих...

— А я совсем одинок,— перебил Зор.

— А друзья? — вскинул голову Эмо.

— Какие друзья на Феме у звездолетчика? — махнул рукой Зор.— Так, знакомые. Все мое здесь.— Он очертил пальцем круг на траве.

— Я знаю, ты близок с Гелом, но тогда непонятно...

— А, пустое!— перебил Зор и заговорил быстро и бессвязно, не глядя на Эмо.— Мы были первыми... В таос на три светоцикла. Это же беспримерно! Вернулись героями. Я, Зор Темей, который боится холодной воды, и герой? Смешно?! Ничего смешного, просто научился сдерживаться, когда тошнит от страха. И все, наверное, так? Ну, Гел, тот нет, другое дело. И вот герой вернулся на Фему, а что ему Фема? Да простит меня Алое, сколько там шуму, суетни и бестолковщины. А надо делать вид, будто ты рад безумно, и тысячу раз пересказывать одно и то же. Нет, на «Элоне» по крайней мере тихо. Здесь воля Гела и моя, а мы были одна воля...— Он замолчал.

— Почему «были»? — тихо осведомился Эмо.

— Потому что были! Зачем, для чего мы летим? Чтобы на новом месте устраивать все для других. Чтобы им было где горланить и суетиться. Да! А жить когда? Мне жить, мне! Скоро старость, а что я видел? Орбитолеты, тантолеты, астероидолеты, наконец, «Элон» на три цикла и снова «Элон» до конца дней. Сунул голову в дыру, а во имя чего? Как будто на мой век не хватит воздуха?..

— Чего бы ты хотел?

Зор ответил не сразу.

— Совсем пустяки. Спокойное место где-нибудь на берегу озера, лес, луг. Теплую руку подруги и ласковую улыбку...

Они помолчали.

— У меня все это было,— сказал Эмо.— Родительский купол стоит на берегу озера, а сзади лес. Была ласковая улыбка, и не только матери...

— Да, ты многое оставил... Признавайся, очень хочется на Фему? — неожиданно спросил Зор.

— Я отдал бы полжизни! — страстно воскликнул Эмо и безнадежно поник.— Что говорить? Сделанного не исправить никакими силами...— пробормотал он.

— Зачем так мрачно? Мало ли что может случиться. Наш «Элон» — сложнейшее сооружение, всегда возможны различные неисправности. В том числе и очень серьезные.

— Вот ты о чем... — разочарованно протянул Эмо. — Нет, это нереально. Основные механизмы задублированы, да и степень надежности всего оборудования предельно велика.

— Плохо ты знаешь корабль, — усмехнулся Зор покровительственно. — Не все задублировано и не все поддается исправлению в таосе.

— Например?

— Ну... скажем, разгонная спираль.

Эмо на мгновение призадумался.

— Пожалуй, верно, — негромко обронил он. — Только я тебе одно скажу, если что-то произойдет со спиралью, то вообще ничего не будет...

— Эмо Люрс! — прервал голос автомата. — Эмо Люрс, прибыть в рубку.

Эмо вскочил.

— Договорим потом. Приходи сюда чаще.

— Ладно! Надеюсь все сказанное останется...

— Здесь! — dokonчил Эмо, уходя.

Сдав дежурство Иоле, Гел поспешил к бассейну. Прохладная вода приободрила, но ненадолго, усталость вернулась и налила тело сонной истомой. Он поднялся к себе в кабину и с наслаждением растянулся на мягком ложе. Сон пришел сразу...

— Гел, дорогой мой! Я ошибся. Да-да, ошибся! Какое счастье! — ликовав Тиол. — Природа восстановила равновесие, нарушенное людьми. Впереди миллионы беспечальных циклов. Возвращайся скорее. Я жду тебя. Аой! Аой! — ликуя кричал Тиол.

Гел проснулся в тумане радости, прислушался и вскочил с отчаянно забившимся сердцем: грозно ревел сигнал Большой тревоги.

Он вихрем ворвался в рубку. Иола металась у главного пульта, а Гея сосредоточилась над панелью мезонных связей. Главный пульт лихорадило красно-синими вспышками, трескотней и щелчками автоматов.

— Что случилось?

Иола, не поворачиваясь, коротко бросила:

— Автоматика остановила и заблокировала двигатели.

— Почему?

— Пытаюсь выяснить.

— А у тебя?

— Пока ничего, — односложно ответила Гея, не поднимая головы.

Гел сел за контрольный пояс, но сигналы не проходили: автоматика полностью отсекала весь люм-комплекс корабля. Следящее устройство подало сигнал: «Авария люм-генераторов». Авария, но какая? И почему сразу всех трех? Он принялся мысленно перебирать одну версию за другой. За спиной послышались торопливые шаги и перешептывание: в рубке собрался весь экипаж.

Все еще во власти раздумий Гел взялся за панель с клавиатурой аварийной связи, но индикаторы упрямо отвечали красным или синим: никакие сигналы не проходили через закованный блок регистрирующих ячеек охранных систем. Вспыхнул желтый огонек, и бесстрастный голос автомата доложил: «Двигатели заблокированы автоматикой однократного действия». Лицо командира вытянулось: молниеносная автоматика однократного действия срабатывала в исключительных случаях, когда поврежденный участок угрожал всему кораблю. Что же могло произойти?

— Ном! — тихо окликнула Гея. — Повреждена разгонная спираль люм-генераторов. Нарушена внутренняя облицовка. Девушка молча указала на мозаику крохотных мезокранов. Желтые искорки плавно очертили кривую разгонной спирали. Внутри второго витка тлел зловещий красный огонек. Случилось худшее из того, что могло произойти.

Разгонная спираль делалась навечно. Внешние повреждения полностью исключались: она помещалась в глубине корабля под защитой наружной и противолучевой брони. Внутренние же поломки превращали мощные двигатели в бесполезный балласт или вели к мгновенной гибели во вспышке аннигиляции. Два напряженных цикла потратили ученые и инженеры, обуздывая аннигиляцию, затаившуюся в спирали. Специально для нее пришлось создавать структурно перестроенные материалы и сверхточные доводочные автоматы. Секрет безопасности заключался в идеальной отделке внутренней полости разгонной спирали люм-генераторов.

Все это молниеносно припомнил Гел. «Элону» еще повезло, он не обратился в газ, но, хотя звездолет и уцелел, ни один из имеющихся на борту автоматов не мог устранить повреждение. В голову хлынула пьянящая волна крови, и он с трудом подавил нелепое желание хватить кулаком по панели мезонных связей. Гел обвел встревоженные, вопрошающие лица налитыми кровью глазами и хрипло бросил:

— Все слышали? — Ему не ответили. — Что будем делать? — Ему опять не ответили. — Молчите!.. Тогда говори ты, Зор. Зор безнадежно пожал плечами.

— Не вижу никакого выхода. Это... Это приговор судьбы, она поразила «Элон» в самое сердце...

Гел махнул рукой и отвернулся.

— Ты, Ган!

— А что я могу сказать? Влипли, и все,— с грубоватой прямоотой хмуро сказал астролетчик. Наступило молчание.

— Ты уверен, что невозможно устранить повреждение? — прозвучал сипловатый басок Пэя.

— Это известно любому,— насмешливо бросил Зор.

— Я не любой и спрашиваю нома,— огрызнулся Пэй.

— Не совсем так, но нашим автоматам это неспособно.

— Тогда не о чем и говорить,— вмешался Ган.— Надо действовать.

— Как же именно? — осведомился Зор.

— Сейчас скорость «Элона» половина световой. Пойдем инерциальным полетом, а корректировать будем ионно-маневренными двигателями.

— Вот-вот! — оживился Пэй.— Это мне уже нравится.

— А мне нет! — иронически бросил Зор.— Ган, видимо, не подумал, что будет, если придется затормозить, скажем, перед скоплением пыли или облаком звездной материи. Как потом опять набрать скорость? И чем расчищать таос в полете? Ведь на такой скорости даже межзвездный газ в два счета погубит корабль.

— Снизим скорость и продолжим полет! — воскликнул Пэй.

— И долетим к Антару циклов этак через пятьсот или побольше,— отпарировал Зор.

— А у тебя в запасе лучший вариант?

— К сожалению, нет. Разве что...— он запнулся.— Ну да, впрочем, это никогда не поздно.

— Возвращение? — прищурился Пэй.

— Возможно, придется подумать и об этом.

Пэй глянул на Гела, но сумрачное лицо командира оставалось внешне спокойным, он словно не замечал спора. Тогда Пэй обратился к Эмо.

— А что скажет Эмо? Ведь ты самый осведомленный в люм-области.

— Я потом. Позже. Сначала подумаю, — уклонился Эмо.

— Довольно! — неожиданно и властно прервал Гел. Все повернулись к нему.— Время не ждет. Мне кажется, некоторые забыли, что наш рейс особый, что на нас вся надежда и что с каждым циклом Фема теряет воздух, что все труднее становится дышать там,— он махнул рукой.— У нас нет права на отступление. А раз так, наш путь вперед и только вперед. И мы пойдем этим путем. Продолжим полет, клянусь Алым! — Светло-бронзовое лицо Гела потемнело, глаза горели, он тяжело дышал, едва сдерживая волнение.— Видит Алое, я ни-

когда не злоупотреблял властью нома, вы не часто слышали слово приказа. А сейчас я приказываю: «Вперед, к Ангару!» Этот приказ будет выполнен любой ценой. А теперь...— он сделал паузу и продолжал уже спокойнее.— Теперь я хочу поговорить с вами не как ном, а как друг и товарищ. Как и какими средствами мы исправим повреждение, я не знаю, но исправим обязательно. Сейчас нам, как никогда, нужны единомышленники и дружба. Чтобы была единая мысль и единая воля — воля к победе. Это как талисман, он выручит из любой беды. Но горе нам, если мы впустим в «Элон» вражду, неприязнь и раздоры. Тогда конец всему, таос поглотит нас. И дело даже не в наших десяти жизнях. Что они? Да и нельзя жить вечно. Но за нашей спиной жизни и судьбы миллионов и миллионов еще не рожденных. Мы не одни, за нами Фема, ее живое дыхание. Вот и все, друзья, что я хотел сказать вам.

Эмо тронул за локоть и прошептал:

— Ном, я хочу сообщить важное, но тебе одному.

Гел глянул в его глаза и ощутил толчок недоброго предчувствия.

— Пойдем! — У выходной диафрагмы он обернулся и коротко бросил: — Не расходитесь, подождите нас здесь.

Эмо начал сбивчиво, с запинками, глядя в сторону, потом пересилил себя и уже до конца исповеди не отрывал взгляда от застывшего лица нома...

Он кончил и умолк, а Гел все так же сидел не шевелясь и смотрел куда-то мимо, сквозь стену. Эмо застыл в неудобной позе, боясь шелохнуться. Пауза затягивалась, углублялась, приобретая зловещий смысл затишья перед взрывом. Молчание пробирало до костей, давило безжалостным прессом страха и ожидания чего-то жуткого, что притаилось за окаменевшим лицом, за нахмуренным лбом нома, где, наверное, созревало беспощадное решение. Эмо впервые в жизни ощутил страх. Страх, переходивший в слепой ужас. Он почувствовал, что еще немного — и больше не выдержит, закричит, завоюет по-звериному. Все что угодно, только не эта могильная тишина, неизвестность и недоброе застывшее лицо.

— Ном, не надо так! Я исправлю. Это исправимо...— Эмо запнулся. Гел поймал мысль налету. Его воображение быстро нарисовало печальный беспощадный финал. А Эмо заторопился, задыхаясь от волнения и неловкости.— Ном, я дрянь, но поверь мне! В последний раз... Больше я ничего не прошу. Только это!.. Я проберусь в спираль с управляемым полуавтоматом и сделаю все необходимое. Сделаю так, будто ничего и не было. У меня ловкие руки. «Элон» полетит дальше. Вот увидишь!..

— «Элон» полетит дальше! — прервал Гел.— А ты? Что с тобой будет?

— Ном, я люм-инженер, этим все сказано. Я знаю, на что иду. А думать?... Думать надо было раньше, теперь поздно. Не хочу я... Нет, не то! Не могу жить подлецом. Не могу! — Голос Эмо зазвенел, лицо судорожно подергивалось.

— Прекрати! — сурово бросил Гел. Эмо умолк.

Гел думал о том, что лишь чуткие пальцы способны направить полуавтомат. Эмо высококвалифицированный люм-инженер, и Гел не сомневался в конечном результате, но на пути к нему высился грозный барьер. Мощные потоки люм-энергии породили в недрах спирали смертоносные излучения, их цепко хранили глубины вещества. А спираль тесна, туда нужно идти раздетым и беззащитным. Эмо выйдет из спирали живым трупом. Но иного выхода не было. Эмо придется пожать посеянное им же, испить чашу до дна.

— Хорошо. Иди! — В его голосе прозвучал металл.

Эмо вздрогнул, как от удара, у него перехватило дыхание. То, что мыслилось лишь жутковатой вероятностью, с чем он играл, внутренне бравируя и любясь собой, как героем драматической ситуации, вдруг превратилось в жестокую, непреложную реальность. Это был приговор, и он сам навлек его. Он встал между ним и тесным, но живым миром «Элона», оставив короткие часы и воспоминания. А потом оборвутся мысли и чувства, он исчезнет из этого мира, ставшего вдруг таким прекрасным. Исчезнет неведомо куда и навсегда лишится участия в той самой жизни, которой еще недавно так тяготился и которая только теперь, в короткий миг прозрения, раскрылась перед ним и с могучей притягательной силой охватила таким страстным желанием бытия, что он едва не лишился рассудка от ужаса... Эмо умоляюще посмотрел на лицо нома, но оно не выражало ничего, кроме холодного ожидания, и он скорее выдохнул, чем ответил:

— Да-а...— Его голос прозвучал так жалостно и настолько искаженно, что Эмо сам не узнал его и невольно повел глазами, чтобы увидеть того, кто мог бы так сказать, но никого не увидел. Его охватило чувство стыда и отвращения к самому себе. Слепой страх сменило не менее слепое мужество отчаяния. Оно отшвырнуло нерассуждающую жажду жизни, и Эмо уже вызывающе повторил: — Да! Да-да, я готов! Только не говори никому. Ну, ты понимаешь...— Он не закончил фразы, но Гел понял.

— Даю слово! И если понадобится, заткну рот кому следует.

— И еще, ном...— помолчав, тихо начал Эмо.— Люм-смерть мучительна...

Гел прервал его.

— Не бойся, я помогу.

Глядя вслед Эмо, Гел подумал, что пришло то, о чем преждал Тиол. Пришло время обдуманной жестокости во имя гуманности. «Что же тогда гуманность, если ради нее нужно отправить человека на смерть и снова своими руками дать ему смерть. Легкую смерть. Да разве смерть бывает легкой?.. Вот она, бэза, проклятие разведочных отрядов, гроза оторванных от мира исследовательских станций, ужас первых баз на Танте и частая спутница орбитонных экипажей в длительных полетах. Бэза — кошмар тех, кто обречен на однообразное существование вдали от родины, на длительное пребывание в замкнутом, немногочисленном обществе. Она известна уже тысячи циклов, о ней знают много и ничего. Она тысячелика, неуловима, коварна и обманчива. Там, куда проникла бэза, возможно все: любая нелепость, жестокость, зверство и даже предательство.

Гел вспомнил трагедию исследователей, оставшихся вдвоем на долгие трудные дни. Они были старыми испытанными друзьями. А тут постепенно и незаметно наступило охлаждение, перешедшее в неприязнь и взаимное отвращение. Они перестали разговаривать, ели, не глядя друг на друга, потом отказались от совместных трапез, затем разделили продукты и разошлись порознь. Живя на расстоянии нескольких десятков шагов, они старались не встречаться и лишь в случае крайней необходимости обменивались лаконичными записками. Потом с одним из них случилась беда, другой все видел и слышал, но не пошевелил и пальцем.

...Да, сомнений нет: бэза в звездолете. Ее не заметили ни он, ни Пэй, ни Йола. Про остальных и говорить нечего: малоопытны... Но эти двое? С Эмо все ясно — бэза, а с Зором нет, тут скрыто еще что-то. Эмо?.. Ну кто бы мог подумать? Спокойный, ровный, исполнительный, в меру живой, правда, не очень многословный. Но и что из этого? Ган и вовсе молчалник... А может, и Ган тоже, а может, и другие? А может... может, и он сам? И его времена гложет такая тоска, что хочется выть, закрыв глаза. А капризы, когда становится невыносимо без каких-то пустяков вроде хрустящих шариков в тени трианы или ощущения нагретого речного песка, сыплющегося меж пальцами...

Чувствуя, что теряет самообладание и контроль над собой, Гел отбросил сомнения усилием воли и торопливо вышел. Он вернулся в рубку, обвел решительным взглядом круг мрачных, настороженных лиц и, сдерживая голос, сказал:

— «Элон» продолжит полет. Повреждение взялся исправить Эмо. Мы все понимаем, что это означает, но другого выхода нет. Предупреждаю!..— Его взгляд тяжело уперся в посеревшее лицо Зора.— До конца полета отсеки двигателей заблокированы моим личным биошифром. Любая попытка проникнуть туда кончится печально...

Уже прошло немало часов, а внутри спирали, казалось, в бездействии застыл неясно очерченный силуэт. Зловещий красный огонек на мезоэкране постепенно бледнел и наконец потух совсем. Силуэт скользнул вниз, тяжелая заслонка поднялась, и из зева спирали появился Эмо. Гел знал, чего ждать, но откинулся, как от удара: с экрана смотрело обезображенное, страшно распухшее лицо. Отекшие губы зашевелились, и Гел услышал:

— Ном, все сделано. Можно пускать двигатели. Ном, ты обещал...

— Да, Эмо, я помню. Спасибо тебе...

— Ном! Скорее, ном,— перебил Эмо. — Скорее, ради Алого!

— Хорошо, Эмо. Сейчас!..

Воля отгеснила чувства, привычные руки сделали все необходимое на клавиатуре пульта, но почти беззвучное «Прощай, ном!» грянуло громом и едва не сбросило руку с клавиши катapultы. Но Гел нажал ее и долго стоял с каменным, посеревшим лицом, хватая воздух. Потом глубоко вздохнул и нажал клавишу пуска двигателей. Далеко внизу отозвалось мягким гулом... Девять продолжали полет. «Элон» мчался к Антару.

Глава третья

На распустье

Антар вырос и затмил соседние звезды. «Элон» уже тормозил, медленно снижая свою чудовищную скорость. В телескоп начали просматриваться планеты Антара. Зор проводил в астрокомплексе долгие напряженные часы. По мере приближения к цели Гел все чаще заходил к нему, перебирал снимки, заглядывал в телескоп и просматривал инвертограммы, но говорил мало и сухо.

Зор неоднократно гадал: в чем признался покойный Эмо? Иногда ему казалось, будто ном знает все, но молчит поневоле: нельзя ради торжества справедливости уменьшать и без того малочисленный экипаж. Когда полет закончится или подоспеют другие корабли, расплата неминуема. Потом он спохватывался: что бы ни сказал Эмо, это лишь слова, а слова одного человека еще не доказательство. Да и скорее всего Эмо многое недосказал: в такие минуты человеку не до подробностей. Зор успокаивался, но ненадолго. Косой взгляд или сухое слово нома вновь будили тревогу.

Но Зор ошибался. Под грузом тяжелейшей ответственности, в сложных условиях беспримерного полета, отягченных разла-

дом с ближайшим помощником, Гел обрел не только твердость, но научился осторожности и скрытности. Теперь он позволял себе редкие минуты откровенности лишь с Паем, таясь даже от Аймы. Ведь на борту «Элона» держались откровенно, и сказанное ей или любому другому, кроме Пэя, стало бы известно и Зору. Поступить иначе, оградить Зора недоверием значило бы внести раздор в стены корабля и сделать положение Зора совершенно невыносимым. На нем и так лежала тень бэзы. Приходилось терпеть самому. Порой Гелу казалось, что если бы не Айма, то груз напряжения и притворства сломил бы его. Само ее присутствие успокаивало и ободряло. Она была здесь, рядом, жила, дышала, улыбалась, и он ненадолго забывал обо всем.

Гел молча и тяжело переживал смерть Эмо, виня себя не столько в жестокости — ее продиктовала суровая необходимость,— сколько в невнимании и недосмотре. Приглядишься он к Эмо получше и вовремя, могло бы ничего и не случиться.

Пагубное влияние Зора было бы легко нейтрализовать, а тоску и разочарование Эмо постепенно, умело излечить.

Не остался прежним и Зор. Его сокровенные замыслы пошли прахом, разбившись о негибаемую волю нома, однако он никак не мог настроиться на вражду. Напротив, помимо воли его тянуло к нему, и, будь Гел немного помягче, возможно все как-нибудь бы и уладилось. Слишком далеко отошел мир Фемы, и через бездну таоса многое изменило окраску. Зор понимал, что в одиночку не привести «Элон» к Феме. А может быть, и Ган мечтает о том же? Да, последней, шаткой надеждой оставался Ган.

Известных астролетчиков в Феминории очень баловали, носили едва не на руках. Самолюбивый, смелый и удачливый Ган был одним из кумиров. Привыкший к поклонению и первенству, он болезненно переносил явное превосходство командира. После истории с вывихнутой рукой прибавилось еще и чувство неловкости. Ему казалось, что Гел затаил обиду, из-за этого Ган пребывал в состоянии болезненной неуверенности, взыскательно обдумывая каждое слово нома. В однообразной и напряженной обстановке полета, без притока свежих впечатлений извне его мнительность незаметно переросла в своеобразную манию обидчивой подозрительности.

Зор давно подметил душевное состояние Гана, но откладывал действия до того момента, когда какой-либо случай подорвет веру астролетчика в командира и всю затею. Для этого, не полагаясь на судьбу, он намеревался кое-что предпринять, но осторожно. Он заметил, как внимательно наблюдает за ним Пэй, и уж, конечно, не по врачебному долгу, а по приказу нома.

Диафрагма астрокомплекса разомкнулась, и Гел заявил с порога:

— Я пришел за окончательной рекомендацией. Откладывать дальше нельзя.

— Пожалуйста! Спрашивай, у меня все готово,— выпрямился Зор.

— Рассказывай лучше сам, но только основное, наиболее существенное.

Слова и тон дышали недоверием, в них прозвучало и предупреждение. Зор понял, но не подал и виду.

— Хорошо, я начну с того, что внешние планеты Антара велики, с ядовитой атмосферой и мощной гравитацией. Это сумрачные, холодные, абсолютно безжизненные миры. Они, безусловно, отпадают. Ближайшая к светилу планета расколена едва не докрасна. Следующая за ней переживает пору ранней юности. На ее поверхности лишь кипящие воды океана и ни клочка суши. Третья, голубая планета несколько дальше от Антара и старше. У нее должен быть сравнительно умеренный климат, обнаружена азотокислородная атмосфера и вода. Растительность зеленого цвета, обильная и...

— А как гравитация?

— Несколько выше нормы.

— Дальше.

— Четвертая планета светится красноватым отблеском, я назвал ее Арсой. Она значительно дальше от светила, чем третья. У нее суровый климат, крайне разреженная атмосфера и мало воды. Это старый, дряхлеющий мир. Гравитация близка к норме.

— Итак, насколько я понял, ты стоишь за одну из двух — голубую или красную.

— Да, на мой взгляд, они более или менее подходят, но ручаться не могу. Как ты понимаешь, выводы не могут претендовать на непогрешимость.

— Отлично! Даю на окончательную проверку еще сутки, а завтра соберемся и примем решение.— Сухо кивнув, Гел вышел.

Ударение на слове «проверка» не понравилось Зору. Он долго смотрел на захлопнувшуюся дверь и, наморщив лоб, усиленно размышлял. Потом упрямо тряхнул лобастой головой и пробормотал под нос:

— Проверка не помешает, но и проверка не гарантия от ошибки.

По длинной пологой кривой, плавно гася скорость, Гел осторожно подводил звездолет к тяжелой планете. Траектория полета все больше приближалась к касательной, и наступил

момент, когда центробежная сила уравнила тяготение и «Элон» соскользнул на инерциальный эллипс. По экрану медленно поползли темные контуры материков, пятна морей, складки гор и извилистые линии рек.

— Какой чудесный мир! Мир желтой ликующей звезды, зеленой планеты и голубых вод. Как ты встретишь нас?..— задумчиво сказала Айма.

— Или проводишь,— скептически буркнул Пэй.

Вынырнув из конуса тени, «Элон» начал второй виток облета. Пришли донесения разведочного автомата, и Гел помрачнел.

— Почти все вдвое,— вздохнул он.— Атмосферное давление, и температура, и влажность.

— Кроме гравитации,— вставил Зор.— Она должна быть в переносимых пределах.

— Если бы так,— сомнительно покачал головой Гел,— но плотная атмосфера — признак мощной гравитации.

— Или молодости планеты,— возразил Зор.

— Зачем гадать? — вмешалась Иола.— Отправим на разведку «Нир».

— «Нир»?.. Швырнуть в неизвестность «Нир», эту хрупкую малютку без лучевой защиты и антигравитации. Ну знаешь ли...— вздернул брови Гел.

Иола стусевалась.

— Ничего страшного,— примирительно сказала Зея.— Антигравитация «Элона» с таким запасом, что я могу гарантировать вам нормальную тяжесть в любом случае. А «Нир», конечно, лучше побережь.

— Все это так, мой прекрасный гравинженер. Зато вне корабля мы прилипнем, как мухи,— проворчал Пэй.

— Хватит, все равно посадка неизбежна,— отрезал Гел.— Нельзя пренебрегать одним шансом из двух. По местам!..

Гел полулежал в мягчайших объятиях посадочной капсулы, перед ним матово светился посадочный пульт. Рядом в такой же капсуле лежал дублер Ган Бор. Гел волновался: беспокоил не исход посадки, в нем он не сомневался, а сам факт первого соприкосновения с неведомым миром. У него сохли губы и ныли концы пальцев.

Для посадки избрали обширную зеленую равнину. «Элон» сядет точно и плавно, об этом позаботятся неусыпные автоматы, но в такие ответственные моменты люди предпочитали быть не только наблюдателями, а и непосредственными участниками событий. Вдруг оскалит зубы непредвиденное?

...Свисток сигнала, щелчок — и рукоять управления пошла вправо, заработали боковые тормозные двигатели. Они погасили орбитальную скорость, и «Элон» устремился вниз. Падающий звездолет подхватили мягкие объятия антигравитации.

Пальцы Гела легли на регулятор скорости спуска, но вмешательства не потребовалось: автоматы сами подобрали режим и повели плавный спуск.

Высота таяла, с каждой минутой приближался долгожданный миг, трепетный и неповторимый. Гел отсчитывал вслух показания высотомера: «Сто... пятьдесят... двадцать...» Секунду подумав, он умерил нетерпение и чуть подвинул регулятор, замедлив спуск. Приборы послушно отозвались. «Элон» нырнул в облака. Еще немного — и наступит несравненный миг встречи. У него часто и гулко забилося сердце, в голову ударила пьянящая волна, и он во весь голос крикнул в контакт:

— Друзья! Сейчас сядем...

Надрывный вой аварийного сигнала вдребезги разнес радость. Скрутил, смял все мысли и чувства в комок слепого ужаса. Могучим усилием воли он отбросил его и овладел собой. Почти тотчас Гел понял: исчезло антигравитационное поле. «Элон» падал камнем. До сокрушительного удара оставались немногие секунды. Теперь все зависело от него, его находчивости, сообразительности, интуиции...

Наступило время тяжчайшей единоличной ответственности — гордость и проклятие командира звездолета. Он лежал неподвижно. Время растянулось многократно, скупые доли секунд воспринимались как минуты. Нервы напряглись до отказа, время истекло, а громада «Элона», с ревом рассекая воздух, неудержимо падала...

Гел избрал единственный выход, ненадежный и опасный, но иного не существовало. Взлет на люм-излучателях с такой незначительной высоты исключался: сокрушительный взрыв почвы уничтожил бы звездолет. Удар о поверхность тоже сулил гибель. Но если его невозможно предотвратить, то можно попытаться ослабить, смягчить единичной такцией люм-излучения. Такцией достаточно мощной и очень короткой, чтобы она погасила скорость, не породив взрыва. Гелу предстояло взять на клавиатуре пульта одну-единственную ноту. Взять виртуозно, идеально правильно. Ценителем выступала сама судьба.

Указатели приборов сошлись. Пора! Пальцы сделали неуловимое движение, отозвавшееся сотрясающим толчком в теле звездолета. Указатель скорости падения ошалело метнулся к нулю. Гел мгновенно включил боковые тормозные двигатели. Две силы сложились и повели корабль по касательной кривой. «Косой удар будет легче...» — успел подумать он. Мощный толчок потряс все тело, отдался в мозгу острой болью и прервал мысли...

Гел очнулся и, преодолевая слабость, выбрался из капсулы. Ослабевшие ноги плохо держали странно потяжелевшее тело на круто задравшемся полу. Он неловко сел и включил общий

контакт. Отозвались все. Одни жаловались на головную боль, другие на тяжесть и ушибы, но никто не пострадал всерьез. Гел облегченно вздохнул и глянул на дублера. Ган уже отбросил створки капсулы и сидел, страдальчески держась за голову.

— Ну как, Ган?

— Неважно. Голова отчаянно трещит... И как мы уцелели, не представляю. Я думал, конец.

Диафрагма разомкнулась, пропустив неуклюже двигавшегося Зора.

— Что случилось, Гел? Отчего такой удар?

— У самой почвы отказала антигравитация.

— Почему?

— Не знаю, будем выяснять. А просчитался ты здорово. Вот, погляди! — Стрелка гравиметра показывала тройную тяжесть.— Впрочем,— усмехнулся Гел,— надо думать, и без приборов ясно. Не так ли? — Зор промолчал.— Ну, ладно. Об этом потом. Сейчас займемся осмотром корабля. Не знаю как вам, а мне жутковато. Боюсь увидеть неисправимое.

Навстречу, отдуваясь и сопя, ковылял Пай.

— Будь она неладна, твоя планета. Ничего себе, норма! — накинулся он на Зора.— Да, Гел! Прикажи женщинам не покидать капсул, иначе будет худо. Проклятая тяжесть!.. — Они продолжили путь уже четвером.

Осмотр звездолета не оправдал мрачных предчувствий командира, хотя повреждения и оказались серьезными. В нескольких местах лопнул пояс антигравитации. Сдвинулся с рамы один из люм-двигателей. Пострадали автоматика искусственной гравитации и блок связи. В месте удара корпус «Элона» немного прогнулся.

... За несколько часов напряженной работы им удалось восстановить антигравитационный пояс, и гнет изнуряющей тяжести покинул звездолет.

— Теперь подумаем о знакомстве с планетой,— сказал ном.

Все, кроме Зеи, оставшейся в рубке, поднялись в астрокomплекс. Стихий гулом разошлись створки броневго колпака. В глаза ударил поток слепящих желтых лучей. Все поспешно надвинули защитные козырьки. Из-под купола астрокomплекса открылась мгlistая зеленая даль. Откуда-то снизу всплывали клочья призрачных испарений, сливавшихся у далекого горизонта в сплошную мутную пелену. Она спаяла поверхность планеты и серо-голубое небо в неразличимое целое. Под лучами яростной желтой звезды волновалась и переливалась разнообразием оттенков от светло- до густо-зеленого плотная растительность. Она наполовину поглотила огромный корпус «Элона».

600

— Вот так лес! — пораженно воскликнула Рина.— Это же лес! Да еще какой! Лес великанов. А какие оттенки! А зелень! Никогда не видела таких красок.

— Дрянное место,— брюзгливо обронил Ган.

— Почему? — удивилась Рина.— Тут красиво и необычно. Что тебе не по душе?

— Все,— лаконично ответил астролетчик и, уходя, добавил: — Ничего хорошего мы тут не дождемся. Я чувствую.

— Ну, уж если Ган заговорил о предчувствиях, то...— Пэй, не закончив, покрутил головой.

Из пасти люка, урча, выполз автомат. Тяжелая машина мягко перевалилась через борт и утонула в зеленой толще. Контур автомата медленно скользил вниз по следящему экрану. Наконец машина достигла почвы. Повинуясь команде, автомат развернулся, выбросил веер синеватых лучей и двинулся по дуге вокруг «Элона». С грохотом и треском валились могучие деревья, сотрясая ударами броню звездолета.

Подравняем, подстрижем лесок
И на прогулочку пойдем,
Пойдем да пойдем!..—

Бравурно и фальшиво напевал Гел, ведя автомат.

— Ну и пение! — скривился Ган.

— Это ты из зависти! — отшутился Гел, но Ган нахмурился.— Чем смеяться над старшими, иди облачайся в скафандр. Пойдешь на прогулку.

— Есть, ном,— хмуро ответил астролетчик.

— Барраж вокруг «Элона», выдвинуть боевую башню...— распорядился Гел.— Ты готов?

— Да, ном.

— А ну покажись да повернись.

— Хорош красавец! — воскликнул Гел, показывая на экран. Ган, облаченный в громоздкий антигравитационный костюм, выглядел потешно, но двигался неожиданно легко и свободно.— Зависнуть! — коротко бросил Гел. Астролетчик плавно поднялся в воздух к потолку шлюзовой камеры. — Так, костюм в порядке, но ни шагу за барраж. Осмотреть корпус и немедленно назад.

— Да, ном.

— Ном, вот анализ атмосферы,— подошла Рина.

— М-мда!.. Многовато влаги и кислорода. А что у тебя, Пэй?

— Надо бы хуже, да некуда. Воздух кишмя кишит вредоносными бактериями и вирусами. Без дыхательных фильтров тут не прожить и дня.

— А наш молчальник Ган оказался прав,— заметила Иола.— Место не из приятных.

— Не будем унывать раньше времени,— возразил Гел.— Микроорганизмы не большая помеха. Подберем иммуны и одолеем микробов. Хуже с гравитацией, ты непозволительно про считался, Зор!

— Я не отрицаю, но подвели аналитические машины. Да, впрочем, и они не виноваты. Тут совсем другой коэффициент затухания гравиволн, вот они и занизили среднюю плотность планеты. Отсюда все и пошло. Если угодно, могу показать инвертоанализы и анлокарты,— спокойной обстоятельно пояснил Зор, видимо, заранее подготовившийся к ответу. Но командира отвлекли.

— Ном, все небо заволкли тучи,— послышался из контакта голос Зеи.— Похоже, что собирается гроза.

— Ган, немедленно назад. Быстрее на борт! — Он крупными шагами закружил по рубке. «Кто знает, какие тут грозы? Судя по влажной, душной атмосфере, наверное, грандиозные. Лучше не рисковать...» Наконец вспыхнул желтый огонек на индикаторе выходного кессона. Ган вошел в шлюзовую камеру.

— Слава Алому, вернулся...— облегченно пробормотал Гел.

— Ном, ном! — влетел в рубку встревоженный голос Зеи... Ном, началось, это что-то ужасное. Я боюсь...

— Не робей, малютка! Иду.— Он кинулся к подъемнику. Исполинские молнии огненными бичами полосовали небо, зловеще просвечивая сквозь толстую водяную пелену, стекавшую по прозрачной сфере астрокомплекса. Крепчайшая пластмасса вибрировала и жалобно звенела под напором воды и ветра. День, еще недавно солнечный, превратился в темные сумерки, пронизанные яростными молниями. Их грохот до отказа заполнил воздух. Гел не сразу увидел девушку: с перепугу она заби лась подальше, под выступ пульта.

— Смелее, Зея! Я никогда...— Хлесткий удар заглушил его голос. За ним другой, еще и еще. Пластмасса затуманилась паутиной мелких трещин.— Колпак! Давай колпак! — завопил Гел. Зея метнулась к пульту, и оглушительная дробь сменилась мерным гулом, а блеск молний — ровным светом светильников. Гел включил экран электромагнитного обзора. Огромные градины вдребезги разбивались о броню звездолета.

— М-мда!.. Серьезная планета,— хмуро протянул Гел, уходя.

Приподнятое настроение сменилось озабоченностью. Голубая планета лишь чуть нахмурилась. А что же будет, когда она разгневается всерьез? Видимо, титанический разгул стихий здесь не редкость и справиться с ними будет нелегко. Он лаконично бросил Гану:

— Что видел?

— Не слишком много. Да и что можно было увидеть за несколько минут? — пожал плечами Ган.

— А все же?

— Множество мелких крылатых тварей и насекомых. Самое интересное, что они исчезли перед грозой, как по команде.

— Говоря откровенно, меня куда больше сейчас занимает «Элон»,— сухова то заметил Гел.— Как он выглядит со стороны?

Лицо Гана обиженно дрогнуло, и он холодно возразил:

— Я не умею отгадывать чужие желания. А что касается «Элона», то вид неважный. Нас полузасыпало. Вот снимки.

«Элон» лежал на боку, глубоко врезавшись в почву. Громада звездолета пропахала глубокий наклонный лоток, вздыбив высокий вал земли и поваленных деревьев. На одном из снимков отчетливо просматривалась вспоротая, покареженная броня. Гел потемнел.

— Да, ты прав, Ган. Картина невеселая. Заодно прости, если я невпопад что сказал. Неважный день сегодня, все не так... Ну вот что! Займемся кораблем, все остальное потом.

Пэй схватил Гею за локоть.

— Стой! Ты слышала?

— Да, а что это такое?

— М-м... Не знаю. А вон. Смотри!

Высоко в небе сражались два огромных крылатых ящера. Вот один, чуть замедлив в повороте, открыл фланг. Другой кинулся стрелой, метя ему в голову. Атакуемый судорожным движением крыльев успел бросить туловище вперед, и нападающий вцепился в лапу, стараясь перевернуть врага на спину. Тот отчаянно извернулся, и его длинные зубастые челюсти сомкнулись на вытянутой шее противника. Миг — и обезглавленный боец, беспорядочно молотя крыльями, камнем полетел вниз. Победитель с торжествующим визгом ринулся за ним. От падения тяжелого тела дрогнула земля.

— Чем не спектакль? — сказал Пэй.— Актеры играли на совесть, с огоньком.

— Боюсь как бы актеры, свободные от спектакля, не занялись зрителями,— ответила Гея, нащупывая рукоять тайдера.

— Вполне возможно,— согласился Пэй.— Ну, пошли. Я буду смотреть вперед и по сторонам, а ты не забывай поглядывать назад и вверх.

Широкая просека вокруг «Элона», прорезанная автоматом, уже успела изрядно зараста. Между пнями и поваленными деревьями поднялись какие-то папоротники и хвощи. Над травой звенели, жужжали и гудели на все лады мириады насекомых — от крохотных мушек, еле заметных глазу, до огромных мотыльков с радужными крыльями и хищных стрекоз,

чьи зубастые головы по размеру не многим уступали кулаку. Насекомых было так много, что порой они совсем залепляли стекла скафандров и приходилось включать очистители. Двигались медленно, с трудом прокладывая путь сквозь заросли травы, то и дело перебираясь через стволы поваленных деревьев. Один такой «ствол» внезапно ожил, и Пэй, отброшенный в сторону мощным толчком, еле устоял на ногах. В траву скользнуло длинное извивающееся тело.

— Ну и ну!.. — ошеломленно пробормотал Пэй.— Что это было?

— Должно быть, пресмыкающееся.

— А может, чей-то хвост? — полусхотливо предположил Пэй.

— Может, и так,— серьезно согласилась Гея.— Мало ли тут всяких страшилищ.

Животные, распуганные падением звездолета, давно оправились от переполоха и жили своей обычной жизнью: сильный пожирал слабого, чтобы в свою очередь стать жертвой сильнейшего. Круглые сутки вокруг «Элона» шла возня, слышались вопли, визги, рычание и крики лесных обитателей.

После нескольких вылазок фемиты почти прекратили изучение планеты. Ведь на пути ее освоения непреодолимым барьером встала тройная тяжесть. И все же Гел медлил с отлетом, надеясь на приспособляемость организмов. Четырежды в сутки выключалась антигравитация, и в «Элон» вторгался гнет. Никто не жаловался, но Гел видел, с каким трудом все переносили невидимый пресс, особенно женщины. После включения антигравитации нормальное самочувствие возвращалось далеко не сразу. Люди ходили вялые и угрюмые. Со временем эти восстановительные промежутки стали затягиваться. А когда слегла Зея, он сказал Пэю:

— Кажется, ничего не выйдет.

— Давно пора кончать этот опасный эксперимент. Я рад, что ты сам убедился.

— Видит Алое, я экспериментировал, как ты выразился, не из пустого любопытства,— невесело отметил Гел.

— Я понимаю,— хмуро кивнул Пэй.— Но тут ничего не поделаешь. К тройной тяжести приспособиться, видимо, невозможно.

Невозможно в корне перестроить наш организм и переделать за несколько циклов то, что природа создавала и совершенствовала долгие тысячи циклов, приспособлявая к условиям Фемы. Кончатся это необратимыми сердечно-сосудистыми изменениями, плюс поражение суставов, и «Элон» превратится в склеп.

— Тогда...— начал Гел и замолчал, но Пэй понял.

— Да! Это, видимо, неизбежно. Дадим экипажу отдохнуть и...

— Ладно! — прервал Гел.— Все ясно, не продолжай.

Вскоре «Элои» начали готовить к отлету. Вот тогда Пэй и отпросился на прогулку по планете, чтобы сделать снимки и собрать образцы. Гел согласился крайне неохотно и отрядил для охраны... Гею. Пэй фыркнул, но смолчал.

... Невзирая на жару, Пэй то и дело нажимал кнопку фиксирующей камеры либо совал в заплочный контейнер какой-нибудь лист, цветок или насекомое. Он так увлекся своей тихой охотой, что совсем перестал следить за окружающим, но Гея не зевала.

— Стоп! Ни шагу дальше! — крикнула она.

— А что? Почему?

— Смотри, какие чудеса...

Прямо перед ними, в какой-нибудь сотне шагов, у кромки леса, ворочались гигантские тела. Поблескивали их чешуйчатые аспидно-черные шкуры. Пэй торопливо навел камеру, а Гея застыла с тайдером на изготовку. Ближайшее из чудовищ сидело на массивных задних лапах, опираясь на толстый хвост. Передними несуразно маленькими лапами оно наклонило дерево и обгладывало крону клювообразной пастью на длинной шее. Тем же самым занималось и еще несколько его сородичей. Остальные сидели, поматывая головами, будто о чем-то совещались.

— Нечего бояться, они не опасны. Это травоеды,— сказал Пэй.— Давай подойдем ближе.

— Ну вот еще! Зачем?

Тут из лесу выскочило огромное животное со складчатой, бородавчатой кожей и большой зубастой головой с выпуклыми глазами. Оно приближалось осторожными, хищными скачками, на миг показываясь и снова исчезая.

— Вот это несомненно хищник. Да еще какой!..— понизив голос, сказал Пэй.

— Пойдем отсюда... Ну, пошли же!..— шепотом взмолилась Гея.

— погоди! — запротестовал Пэй, поднимая камеру повыше.— Да не бойся ты! Ему не до нас. Видишь, охотится на травоедов. Эх и снимки же будут! Никто еще таких не делал... Веда камерой вслед зверю, он незаметно для себя мелкими шажками подвигался вперед. Гея замолчала и, закусив губы, осталась на месте с тайдером наготове, хмурая и настороженная.

У гигантских травоедов оказался чуткий слух. Они всполошились и мгновенно образовали кольцо головами внутрь. Хищник, поняв, что его обнаружили, уже не скрываясь, с ревом взвился в воздух. Он рассчитывал попасть в середину живого

кольца, но промахнулся. Прыжок оказался слишком коротким, Мелькнули массивные задние ноги травоеда, послышался глухой удар, и хищник, отлетев в сторону, неподвижно распластался на земле. Кольцо распалось, и травоеды неуклюжими, но быстрыми короткими скачками исчезли в лесу.

Пэй, позабыв все на свете, в ажиотаже устремился вперед, к поверженному хищнику. О такой удаче он и не мечтал.

— Пэй, назад!— закричала Гея.— Вернись сейчас же! Вернись!..

Пэй остановился, обернулся и досадливо махнул рукой.

— Ну что ты на самом деле?..

Он не договорил: властный голос инстинкта заставил повернуться. Казалось, что он видит нелепый сон. Чудовище, очевидно лишь оглушенное ударом, очнулось, ожило и, разъяренное неудачей, кинулось на первое попавшееся на глаза живое существо. Пэй отчетливо видел кошмарную голову и широко разверстую пасть с клиновидными зубами, кривые когти передних лап и яростно выпученные глаза. Зверь летел со скоростью урагана. Тот же слепой, но непогрешимый инстинкт подсказал Пэю выход. Когда зверь, на миг коснувшись земли, снова взвился в воздух в последнем прыжке, Пэй очертя голову кинулся ему навстречу. Массивная туша, пролетев над головой, шлепнулась позади. Пэй мгновенно повернулся, лихорадочно отстегивая тайдер, но увидел лишь могучий круп и тяжелый хвост. Чудовище, не отличавшееся сообразительностью, потеряв его, ринулось на Гею. Пэй вскинул тайдер и нажал спуск. Сверкнула давящая фиолетовая вспышка, ей ответил яростный рев, но животное не остановилось. Почти слившись, полыхнули еще две вспышки — в битву вступила Гея. Зверь остановился, словно наткнувшись на невидимое препятствие, и, перевернувшись через голову, растянулся на спине, растопырив когтистые лапы.

Пэй кинулся к Гее. Девушка помотала головой внутри шлема, стряхивая слезы, и прерывающимся голосом пробормотала:

— Я думала тебе конец... Он летел прямо на тебя. А я не могла дать импульс... Боялась зацепить.— Она глубоко вздохнула, помолчала и неожиданно сурово заключила: — Ну хватит! Позабавился, и довольно. Сейчас я старшая. Пошли на корабль!

Пэй повиновался.

Они сидели в астрокомплексе, хмуро поглядывая на клочья испарений, скользившие по вершинам первобытного леса. На краю мглистого горизонта полыхали далекие беззвучные молнии.

До отлета осталось совсем немного,— тихо сказал Гел.— Считанные дни.

— Значит, назад, на Фему?— облегченно вырвалось у Зора.

— Напротив, полетим дальше.

— Куда же? Неужели на Арсу?

— Ты угадал.

Зор вскочил, у него сдали нервы.

— Послушай, ном! Всему есть границы. Зачем эта никчемная трата времени и бесполезный риск? Мало тебе аварии при посадке? К чему же этот полет? Зачем, для чего? Да просто так, ради очистки совести и удовлетворения твоего самолюбия. Я категорически против и молчать не намерен! Отправляясь на Арсу, мы бесцельно истратим эргон и рискуем еще одной аварийной посадкой. Арса — мертвый мир. Делать там нечего. наших запасов эргона еле-еле хватит дотянуть до Фемы. Ты это отлично знаешь!

— Ты кончил? — осведомился Гел.— На твоём месте я вообще бы держался потише, не буду вспоминать того, что похоронено там. В таосе...— Он сделал короткую, но многозначительную паузу.— Остановлюсь лишь на недавних событиях. Кто как не ты бессовестно напутал с гравитацией планеты? Отсюда и авария при посадке. Ведь программу автоматам задали по твоим расчетам. Это выглядит по меньшей мере странно.

— Не спорю, с гравитацией я допустил серьезную ошибку,— продолжал Зор.— Это моя вина, я доверился машинам больше, чем следовало бы. Но с Арсой вопрос иной. Тут все ясно. Присмотри сам снимки и инвертограммы...

— Предпочитаю взглянуть на планету! — прервал Гел.— И прости, Зор, но ты рассуждаешь, как ребенок. Пролететь четыре световых цикла и не посетить планету, до которой, что называется, рукой подать. И которая все же шанс. Не забывай, зачем нас послали! Отказ от полета на Арсу был бы...

— Идиотством! — вставил Пэй.

— Вот именно! Резкое, но точное определение,— кивнул Гел.

— А погубить экспедицию ради каприза, очевидно, гениально? — отпарировал Зор.

— Никто не собирается губить экспедицию,— сдерживаясь, тихо сказал Гел.— Примем все меры. И эргон сбережем.

— Зачем тогда я торчу в астрокомплексе и пялю глаза на Арсу, если мне не верят? — повысил голос Зор.— Ты же сам сказал: до планеты рукой подать. Так чего тебе еще? Все видно как на ладони. Воздуха почти нет. Воды нет! Тепла мало. И растительности, скорее всего, нет! — горячился Зор.

— Скорее всего еще не значит нет,— заметил Пэй.

— Если так, я требую обсуждения полета всем экипажем! — взорвался Зор. — Пусть рискуют головой сознательно и знают...

— Не к чему! — жестко прервал Гел. — Полет на Арсу — командирское решение. Приказ обсуждению не подлежит.

Гея дежурила за пультом дистанционного управления автомата, разбиравшего завал вокруг «Элона». Ковши набирали землю, машина разворачивалась, отходила, сбрасывала груз и возвращалась. Гея задумалась и не сразу услышала тонкий писк предупредительного сигнала. А когда спохватилась, то увидела, что автомат уползает от звездолета прямо в лес, что-то разладило в его кристаллическом мозгу. Гея послала возвратный импульс, машина дернулась, шарахнулась в сторону, потом выправилась и упрямо продолжала путь. Девушка выключила поток энергии, и машина встала. Гея сообщила ному.

— Пустяки, — сказал Гел. — Сейчас пойду и приведу упряма.

— Нет, ном! Я недосмотрела, я и пойду.

— Если тебе так уж хочется... — уступил Гел, питавший слабость к тихой, но исполнительный и надежной девушке. Он передал в рубку: — Лучевой коридор к земляному автомату. Выходит Гея.

— Есть, ном! — лаконично отозвался Ган.

Девушка облачилась в скафандр и вышла. Гел поглядывал на следящий экран. Он не беспокоился за Гею, поток смертоносного излучения, предварительно расчистив путь, окружил ее невидимой броней. Гее следовало только не выходить за пределы лучевой защиты. За этим и следил Гел, готовый послать напоминающий сигнал, но силуэт Геи неукоснительно придерживался голубой линии, прорезавшей экран и упиравшейся в контур злополучного автомата.

Гея уже почти достигла цели, когда мелькнула стремительная черная тень. Громадный ящер подхватил Гею и взмыл в воздух.

— А-а!.. — взревел Гел и сломя голову ринулся в рубку.

Он вихрем пронесся мимо Аймы, влетел в разомкнутую диафрагму рубки, оттолкнул Гана и кинулся к боевой люм-установке. Он понимал, что Гею не спасти никакими силами, но им овладел нерассуждающий гнев. Он рванул рычаг, и грозная башенка с тихим гулом поднялась из корпуса звездолета. Гел одним движением нахлобучил шлем биоуправления, но ящер бесследно исчез.

Гел отшвырнул бесполезный шлем и хватил кулаком по пульту боевой установки. Панель вогнулась, а струя багровой крови забарабанила по полу. Не обращая внимания на пораненную руку, он приблизил искаженное бешеным лицом

к циферблату охранного излучателя и долго изумленно глядел, пытаюсь осмыслить невероятное. Стрелка стояла почти на нуле — Гея шла без защиты. Гел с усилием оторвал взгляд и рванулся вперед.

— Гел! — вскричала Айма, вбежавшая следом.

Она успела перехватить руку, но лишь смягчила разящий удар. Ган рухнул на пол.

— Гел, опомнись! Что ты делаешь?.. — Она повисла у него на шее.

Он перевел глаза на нее, увидел ее перепуганное лицо, и безумие медленно ушло из его глаз.

— Он погубил Гею. Он! — Гел весь дрожал, и Айма поняла: Геи нет и никогда не будет.

Ган зашевелился, приподнялся на локте, сел и, сплюнув кровь, хрипло сказал:

— Лучше бы ты убил меня. Я никогда не прощу себе эту оплошность, как не прощу и тебя.

«Элон» взлетел и взял курс на багровый диск Арсы. Голубая планета с изумрудными лесами уменьшалась, затуманивалась, уходила в таос, в прошлое...

— А что, если назвать ее именем нашей Геи? — сказала Айма.

Все молча кивнули...

В плоской черноте кроваво светился диск планеты. Он казался совсем близким и одновременно бесконечно далеким: таос не знает перспективы. Доведя увеличение до предела, Гел сумел отчетливо рассмотреть детали.

От зубчатых белых шапок полюсов спускался темный багрянец, ближе к экватору все чаще прерываемый голубоватыми пятнами и линиями. На экваторе они сливались в сплошную голубую ленту, широким поясом охватившую планету. Он даже уловил, или так показалось, отблеск довольно обширной водной глади и сбегаящиеся к ней прихотливые паутинки. Но самое главное, он отчетливо увидел облака. Крупное скопление облаков на границе экваториальной зоны и песков.

— Гел, на минутку!

Он неохотно оторвался от окуляра.

— Погляди-ка на эту спектрограмму! — приподнято сказал Зор.

Гел пригнулся к экранчику спектрографа. — Да, безусловно, это она. Слабая, но характерная линия кислорода. А вот и азот! Его линия была ярче. Ага! Есть и углекислота. Он выпрямился.

— Ну что же? Отлично! Ты знаешь, я заметил облака. Значит, и вода есть. Одно плохо,— он постучал пальцем по экранчику,— если судить по этому, то маловато кислорода. Бедная атмосфера.

— Либо носит слоистый характер,— возразил Зор.— Атмосферы такого типа содержат кислород главным образом в нижних слоях, а спектрограф отражает картину верхних. Арса — старая планета. Мне кажется, есть основания рассчитывать на воздух, вполне пригодный для дыхания, потому что слоистое строение атмосферы как раз и характерно для старых планет.

— Если бы так... — вздохнул Гел.

— Ждать недолго, скоро увидим,— заметил Зор.

По лицу командира промелькнула лукавая усмешка.

— Ха! А скажи-ка, Зор! Как же быть с твоей прежней гипотезой о мертвой планете? Чему верить?

Зор слегка замялся, примирительно улыбнулся и сказал:

— Нужно верить в лучшее. Так легче жить на свете.

В дни перед отлетом с Геи Зор поневоле проводил много времени в обществе нома. В горячке предотлетных хлопот, захваченный динамизмом Гела, он трудился от души, хотя и думал, что, чем скорее экспедиция прибудет на Арсу, тем скорее последует разочарование и возврат на Фему превратится в неизбежность. Этому могла «помочь» и смерть Геи. Ган ходил мрачнее тучи, не находя себе места, снедаемый чувством вины и придавленный обидой. Никто достоверно ничего не знал, участники сцены, разыгравшейся в рубке, молчали. Лишь в минуту откровенности, желая облегчить душу, Ган признался Зору:

— Никто не знает, даже Рина. Ты понимаешь, я задумался. С кем не бывает, нелегко ведь нам приходится. А тут приказ нома. Я выполнил его совершенно машинально, думая о своем. Включил излучатель, направил луч на автомат, а на регулятор и не глянул. Когда ном ворвался в рубку, я ничего не сообразил. А потом увидел и понял. У меня язык отнялся. Я не мог ни то что слово вымолвить, шевельнуться даже. А он... Кинулся зверем и... и ударил. Пусть бы убил, это я заслужил. Но ударить, унижить?... — Лицо Гана искривила судорога боли и стыда.

Успокаивая, Зор думал, что в нужный момент, наверное, сумеет перетянуть Гана на свою сторону. В пику командиру Ган пойдет на многое. Но все чаще Зора так и подмывало махнуть рукой на все планы и замыслы. Он устал, ему осточертело внутреннее одиночество. Зор уже не был уверен, что в случае скорого возвращения на Фему найдет там счастье и радость. Не так легко начинать жизнь снова, когда она уже близится к концу. Он почти отвык от жизни на Феме, а еще за четыре цикла отвыкнет и вовсе. На этот раз там ждут не восторги и

ореол героя, а репутация человека сомнительного, если не хуже. История с Эмо оставила на нем несмываемое пятно. До сих пор Зор не мог понять, как он тогда решился толкнуть Эмо на такой безумный поступок. Что-то с ним самим, видимо, было тоже неледно. «Элон» уцелел просто чудом. Он не слишком дорожил жизнью, но погибать так глупо, чего ради?

Зор продолжал носиться с планом возвращения на Фему скорее из упрямства, чем из действительной тяги на родину. Не здесь ли его дом?.. На «Элоне» любимая работа, улыбка и нежность Зеи, а если повести себя по-иному, то и Гел Гелон снова станет верным другом.

По мере приближения к цели (экономя эргон, командир вел звездолет на ионно-маневренных двигателях, и перелет отнял целых пять суток) и появления новых подробностей и фактов Зор сам серьезно усомнился в своих прогнозах. Многие говорили о том, что планета скорее умеренный мир, чем безжизненно суровый. Как ни странно, это не огорчило, а обрадовало его помимо воли и логики. Как и все, Зор смертельно устал от неизвестности и подсознательного напряжения. Ему безумно хотелось покоя и безопасности, твердой земли под ногами и неба над головой, а багровая планета представлялась тихой и ласковой. Когда «Элон» перешел на инерциальный эллипс вокруг Арсы, пронзительный звон посадочного сигнала прозвучал музыкой, и он лег в посадочную капсулу со вздохом нетерпеливого ожидания.

— Пэй!.. Пэ-эй!..— Она прислушалась, но не уловила ничего, кроме однообразного шелеста травы.

Бесконечные заросли голубой травы казались отражением густо-синего, почти всегда безоблачного неба. На Тихой планете не бывало гроз, только редкие прозрачные дожди с игристыми радугами.

— Ходит, бродит, ищет то, чего нет и не было...— сердито пробормотала Йола.— Ну и пусть! — Она круто повернулась и пошла назад, к высокому холму.

Из-под ног взлетали странные перепончатокрылые птицы, кружились с тихим переливчатым свистом и садились неподалеку, доверчиво глядя немигающими выпуклыми глазами. На клочке красного песка пригрелось толстое пестрое животное с длинным рыльцем. Она чуть не наступила на него. Оно сонно приоткрыло круглый фиолетовый глаз и недовольно хрюкнуло.

— Лежебока несчастный,— улыбнулась она, обходя лентя.

Раздражение улеглось. Беззаботность и безвредность окружающего мира действовали успокоительно. За целых четверть цикла пребывания здесь они не видели ничего, кроме зарослей

голубой травы и жестких синих кустарников, обиталища лупоглазых птиц и ленивых шестилапых грызунов. Теплые, нежаркие весенние дни сменялись прохладными безоблачными ночами с яркими, блестящими звездами на почти черном небе. Арса многим напоминала Фему, но в отличие от нее здесь царили сонное безмолвие и покой. Дни катились неразличимой чередой, и весна незаметно перешла в лето.

Иола взбежала на холм и, задохнувшись, остановилась перевести дух. Ее глаза привычно нащупали далекое темное пятно «Элона». Вид корабля отогнал подступавшее чувство одиночества. Возле ажурных зигзагообразных башен сустились монтажные автоматы. За время ее отсутствия они успели закрепить конечные звенья и уже ставили генерирующие диски. Она засмотрелась, и сзади раздался требовательный гудок. Иола посторонилась, и автомат деловито прополз мимо, как бы укоризненно покачивая зажатой в захвате деталью. Она подумала, что Пэй напрасно так доверяет автоматам. Поля Рины тоже обрабатывают автоматы и прекрасно справляются, но она никогда не оставляет их без присмотра. Но в то же время Иола понимала его увлечение археологией. Как медику ему, слава Алому, делать нечего, а связь только вторая специальность и, похоже, не слишком любимая. Вот он и дорвался и бродит, ищет. За это она не была в претензии. Пусть его! Но можно и о ней думать чуть побольше. Ушел себе, и горя мало, а она волнуется, переживай.

Да и рация висит на дверце вездехода. Просила, молила не забывать рацию, и вот опять. Ну, она ему покажет. Даст такой сигнал, что в ушах загудит! Иола вскочила в кабину вездехода. Длинный надрывный вой разорвал тишину. Еще и еще, Иола упрямо не снимала пальца с сигнальной кнопки.

— Комплекс связи, почему сигналите? — ворвался в кабину встревоженный, голос Аймы.

Иола вздрогнула и торопливо ответила.

— Пэй давно ушел и не возвращается... — Она запнулась, ей стало неловко, а собственный тон показался детским. Но Айма отнеслась к ее беспокойству совершенно серьезно.

— Оставайся на месте. Сейчас выйдем на поиски «Нир».

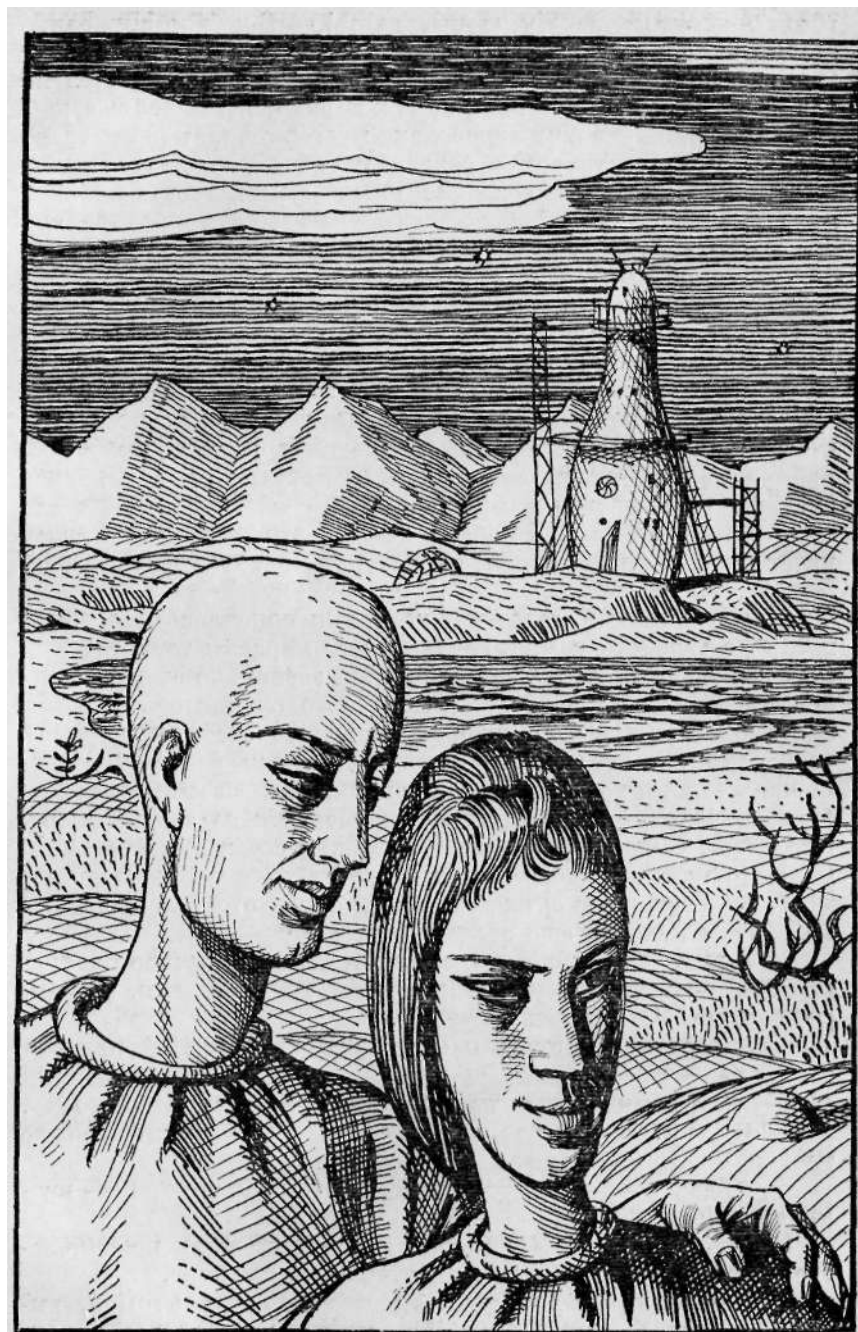
«Айма совсем не та, — подумала Иола. — Мечтательной поэтессы и рассеянного математика как не бывало».

«Нир» приземлился в нескольких шагах, она выбежала навстречу.

— Успокойся! — крикнул Гел. — Твоя пропажа нашлась, бежит сюда во весь дух. Я видел с воздуха.

Пэй прибежал запыхавшийся, с выпученными глазами и, ловя воздух ртом, кинулся к вездеходу.

— Иола, Гел!.. Скорее, скорее поехали. Я нашел такое! Такой! Одним словом, настоящий!.. — Он захлебнулся от волне-

нения и усталости.— Ну, сами увидите! — Его била лихорадка нетерпения, и он гнал как одержимый.

Вездеход затормозил на краю небольшого плато. Кольцо голубой травы огибало цепь красных скал, испещренных расщелинами. Направо, в зарослях кустарника, просвечивало озерцо, все остальное багровело песком, поросшим чахлой фиолетовой травой. В середине плато выпятилось обширное нагромождение камней.

— Где же твой город?

— Да вот же он! Перед вами. Вот, смотрите!

То, что они приняли за груды камней, оказалось древними развалинами. В каменном хаосе внимательный глаз легко выделял очертания улиц и площадей. Еще сохранились кое-где фундаменты и обломки колонн, некогда подпиравших своды давно рухнувших зданий. Чудом уцелевший портик свидетельствовал о высоком мастерстве неизвестных зодчих. Полузасыпанные песком, угадывались остатки могучих стен, в давние времена опоясывавших город.

— Это еще не все. Я покажу вам кое-что несравненно более интересное. Идите дальше! — торопил Пэй, снедаемый горделивым нетерпением.

Под огромным прозрачным колпаком покоилась массивная плита из зеленого камня. В глубине ее мерцали таинственные отсветы, и она казалась бездонной. На зеркально отшлифованной поверхности плиты резец искусного скульптора вырезал загадочный барельеф в виде чудовищного зверя. Перед его разверстой пастью застыла легкая, стройная фигурка. Непомерно тонкая и непривычно узколицая, она, несомненно, изображала человека. В его позе ощущалась отвага и гордый вызов. Кто знает, о каких кровавых и жестоких событиях вещал безмолвный камень сквозь толщу веков.

Гел постучал рукоятью тайдера, колпак отозвался далеким колоколом и долго еще звенел, стихая.

— Люди, везде люди, везде ваши тени,— задумчиво промолвил Гел.— Непокорное, непоседливое, гордое племя. Где вы, куда ушли? Отзовитесь! Эго-ой!..

Скалы ответили эхом, и снова все стихло. Пэй покачал головой.

— Этому камню многие тысячи циклов. Уже давно никого нет.

— Жаль!.. А что останется после нас через многие-многие тысячи циклов? Неужели только тени?

— Уйдем мы — придут другие. Жизни нет конца...— промолвил Пэй.

Короткие пальцы Пэя вопрошающе пробежали по клавиатуре, приборы отозвались желтизной индикаторов.

— Все в порядке! — торжественно выпрямился Пэй, выпятив грудь. Еще час — и можно сигналиты

Гел одобрительно кивнул, но Зeya сделала гримасу.

— Как? Еще ждать? Целый час! — Она нетерпеливо топталась на месте.

— Можно и не ждать,— насмешливо отозвался Пэй.— Возьми и поверни планету в удобное положение. Что тебе стоит? Все лучше, чем крутится без толку.

— Сделаем лучше и проще,— сказал Гел.— Немного погодя запустим постоянный орбитой связи, и пусть себе Арса вращается, сколько ей угодно.

— Неужели мы опять услышим своих? Даже не верится...— вздохнула Айма, откровенно выражая то, что другие прикрывали шутками и пикировкой.— Мне почему-то кажется, будто, кроме нас, во всей Вселенной ни души.

— Если хотите, то можно пока осмотреть поля. Как раз сегодня появились первые всходы,— робко предложила Рина.— Это недолго.

— Умница ты моя! — подхватила Зeya.— Ну конечно же, посмотрим. Правда, Гел?

— Пошли скорее, а то стемнеет,— поддержал Зор.

...Гел долго рассматривал и осторожно трогал пальцем крохотный зелено-голубой росток.

— А ведь ница...— прошептал он благоговейно.— Даже не верится. Рина, да ты чародейка!

— Неужто ница?— ахнула Айма.

— Да, самая настоящая, как на Феме,— скромно, но с достоинством подтвердила Рина.

— Всходы есть, а будет ли урожай? — усомнился Зор.— Приживется ли она здесь?

— А почему бы и нет? — тряхнула головой Рина.— Здесь есть все необходимое...

— И забота чародейки Рины! — вставила Айма.

...Излучатели склонились к игле направляющей башни. Под их изломами черными зрачками темнели генерирующие диски. Пэй нажал клавишу пуска и отошел. Диски медленно повернулись и застыли. Вокруг острия иглы завихрилось призрачное облачко. В его глубине замерцало, засветилось радужное пятно. Потом оно потемнело и закруглилось в яркий голубой шар, стремительно и бесшумно, крутящийся на острие. Набирая обороты, шар сплющиваясь, загибался кверху и превратился наконец в сияющую полусферу. Середина ее засветилась яростным режущим светом и с пронзительным воем полыхнула в темное небо тонкой иглой ослепительного луча. Его отблеск озарил равнину до самого горизонта. В воздух поднялись испуганные птичьи стаи, их тревожный крик слился с надрывным воем луча, и Айма почудилось, будто вся планета в нетерпении и тоске призывает летящих в таосе...

Редкие белые облака застыли неподвижно. В воздухе повис сладковато-терпкий запах цветов. Густо и дружно гудели насекомые, а птичий пересвист утих. Даль затянуло маревом. Под ногами шуршала голубая трава.

— Жарко,— сказал Ган, вытирая пот с лица.— Здорово жарко, прямо как дома. Так что ты хотел сказать? Говори, а то назад пора. У меня пропасть дел.

— Погоди немного, дай собраться с мыслями,— рассеянно ответил Зор.

Близкими и родными ему казались теперь мирные пейзажи Тихой планеты и нежность Зеи. Эта нежность находила все больший отклик в его изломанной душе. «Один, один, всю жизнь одиночество. До каких же пор? Фема почти призрак, а Тихая планета — ласковая реальность».

Завтра начало разгрузки «Элона» и на принятие решения оставался один-единственный день. Время истекало, а Зор все не решался приступить к шекотливому разговору. Ган, сделав ладонь козырьком, глянул на небо и озабоченно сказал:

— Я думал, полдень, а уже больше. Пора за дело. Пошли быстрее! — Он ускорил шаг.

Зор отчетливо понял, что пытаться склонить Гана угнать звездолет — бесполезная затея, и тут у него мелькнула спасительная мысль.

— Как твои дела с номом? — осведомился он, думая совсем о другом.

— Ты знаешь, я долго думал. Прикидывал...— начал Ган нерешительно.

— И что же ты придумал? — прервал Зор.

— Протянуть руку примирения,— сказал Ган.

— Протянуть руку? Вот как? — улыбнулся Зор.

— Да, и знаешь почему? — заторопился Ган.— Когда я вывихнул ему кисть из-за глупой амбиции, он же ничего не сказал. Простил, и все. А ведь тут другое дело. Я виноват... Да что говорить, сам знаешь. С меня голову надо бы снять за Гею. Если он пожмет мне руку, я перестану думать обо всем этом. Не о Гее, конечно,— поспешно добавил он.

— Правильно,— рассеянно кивнул Зор.— Между прочим, и у меня есть к нему шекотливое дело.

— У тебя? — удивился Ган.— А что такое?

— Да так, пустяки. Тоже старые счеты...

Внизу, в нескольких сотнях шагов от «Элона», длинным овалом раскинулось озеро. Позади, в туманной дымке, мягко синели пологие горы. Голубой ковер долины прорезала светлая лента речки, катившей прозрачные воды к озеру. Жилые купола из легкого дымчатого пластика прижались к склону высокого холма, густо поросшего синим кустарником. Его мелкие, багровые цветы испускали терпкий аромат. Сюда долетало

свежее дыхание озера, но не достигали пыльные ветры Южной пустыни. От куполов к озеру спустились прямоугольники полей, голубевших дружными всходами. Небольшая рошица, высаженная из оранжереи звездолета, расправила ветви.

«Элон» интенсивно разгружался. Ленты транспортеров выносили из распаханых люков нескончаемый поток самых разнообразных предметов. Здесь можно было увидеть все что угодно, начиная от сложных машин и кончая хрупкими мольбертами Рины. Косые предзакатные лучи Антара превратили голубизну долины в предвечернюю синь.

— И куда такая уйма вещей? — ворчал Пай, орудуя за пультом транспортеров.

— Гел, не хватит ли на сегодня? — тихо сказала Айма. Влажный завиток бронзовых волос прилип к ее высокому лбу.— Устала я...— прижимаясь к нему, прошептала она.

— Устала? Бедная ты моя...— Он ласково обнял ее за талию и осторожным движением легко вскинул на плечо.— Домой! Все домой! — зычно крикнул он. Мимоходом подхватил Рину и, упруго шагая, направился к куполам.

Остальные последовали за ним. Зор плотнее прижал руку Зеи. Гел повернулся, опустил женщин на землю и сказал:

— Друзья, вот здесь я вижу город.— Он обвел долину широким взмахом руки.— Это будет красивый город, как Милета.

— Фантазер,— улыбнулась Айма.— Когда еще это будет?

— Это неважно, был бы город,— откликнулся Зор.

— Эге! Что он так спешит?

Навстречу, сминая траву, мчался вездеход. Ган выскочил из машины еще на ходу и вихрем подлетел к Гелу.

— Гел! — На дальнем подходе три звездолета...

— Аой! Нам идет подмога.

Эпилог

Девушка смущалась и лукавила, а юноша был нежен и настойчив, как юноши всех времен и миров.

— Хорошо,— уступила она.— Я согласна. А где мы встретимся?

— У памятника. Жду тебя в час заката.

— Я приду.— Она убежала.

... На вершине высокого холма вознеслась над городом и озером гигантская скульптура. Могучий великан обнимал тонкую фигуру женщины, протягивая к небу тяжелый шар планеты. В лицах, потемневших от времени, угадывались мужественные черты Гела и нежные — Аймы.

По массивному цилиндру пьедестала косою спиралью вилась надпись:

«ЛЮДИ, БЕРЕГИТЕ ДРУЖБУ!»

Деймон Найт*

ДВОЕ ЛИШНИХ

Фантастический
рассказ

I
Джорджу Мейстеру как-то довелось увидеть нервную систему человека на муляже. Это было наглядное пособие: мельчайшие нервные волокна обволокли специальным составом, чтобы они стали достаточно толстыми и их можно было рассмотреть, все остальные ткани были растворены и замешены прозрачной пластмассой. Что и говорить, отличную штуку придумал тот парень с Торкас III, забыл только, как же его звали? Но это и не важно, важно то, что по увиденному Мейстер приблизительно представлял себе, как выглядит сейчас он сам. Разумеется, точной копии макета из него не получилось. Например, он был почти уверен, что нейроны между его зрительным центром и

* Деймон Найт — современный английский писатель-фантаст. Рассказ «Двое лишних» взят из сборника рассказов Д. Найта «В бездне» (Лондон, 1961 год).—
Прим. ред.

глазами растянулись по меньшей мере сантиметров на тридцать. Да и вся нервная система в целом, несомненно, была расплюснута и забавно кудрявилась по краям, так как мускулатуры, которой она первоначально управляла, не было. Он заметил и некоторые другие отклонения от образца, которые могли означать резкие структурные различия. Но факт оставался фактом: все то, что он еще мог назвать собственным «я», было теперь не более как головным мозгом, парой глаз, спинным мозгом и разбегающейся сетью нейронов.

Джордж на секунду закрыл глаза. Он лишь недавно этому научился и очень гордился этим. Тот долгий начальный период, когда он совершенно ничем не мог управлять, был ужасен. Позже он пришел к выводу, что паралич был вызван затяжным действием какого-то наркотика, который держал мозг в бессознательном состоянии, тогда как тело... Ну да ладно.

Либо так, либо нейронные ветви еще просто не закрепились в своем новом положении. Возможно, со временем удастся проверить обе гипотезы. Вначале же, когда он мог только видеть, но не мог ни пошевелиться, ни вспомнить, что произошло с того момента, как он упал ничком в эту пеструю серо-зеленую лужу желатина,— вначале ему было очень не по себе.

Интересно, как отнеслись ко всему этому другие? Они были где-то тут, в этом не могло быть сомнения: время от времени он внезапно ощущал острую боль внизу, там, где находились прежде его ноги, и в то же мгновение движение ландшафта резко прекращалось. Причина могла быть только одна: еще чей-то мозг, пойманный в ловушку, как и он сам, порывался двигать их общее тело в другом направлении.

Как правило, боль тотчас прекращалась. Джордж снова получал возможность посылать команды к нервным окончаниям, принадлежавшим раньше пальцам его рук и ног, и студенистое тело, в котором он находился, продолжало медленно

Второе дно волшебной шкатулки

Предисловие

Перед нами любопытное произведение английского фантаста Деймона Найта. Оно совсем не такое простое, как может показаться на первый взгляд. Тот, кто станет его читать как повествование о необыкновенных приключениях исследователей с планеты Терра, увидит только первое дно литературной шкатулки. Да, шкатулка эта с двойным дном. Каждое слово в рассказе имеет двойной смысл. Мне хочется вместе с читателем вскрыть этот второй смысл слов, ситуаций, имен и характеров героев. Прогрессивные писатели Запада вынуждены порой прибегать к эзопову языку, чтобы сказать вслух запретное, чтобы бороться против ненавистного, но торжествующего в их обществе начала. Откроем тайный словарь. Им пользовался писатель, чтобы дать возможность своему рассказу увидеть свет. Не надо

ползти вперед. Если же боль не отпускала, оставалось лишь придержать движение до тех пор, пока другой мозг не уймется. При этом он чувствовал себя как непрошенный пассажир в тихоходном экипаже. Он мог также полностью или хотя бы частично согласовать свои движения с движениями другого мозга.

Интересно, кто еще ввалился вместе с ним в эту «лужу»? Вивиан Беллис? Майор Гаме? Мисс Мак-Карти? Или все трое? Несомненно, это можно будет как-нибудь разузнать.

Джордж попробовал еще раз взглянуть вниз, и его усилия не пропали даром. Он смутно увидел длинную узкую полосу пестрой серо-зеленой расцветки. Полоса эта очень медленно двигалась через русло пересохшего ручья, который они пересекали уже час, если не больше. К запыленной полупрозрачной поверхности прилипли ветки и обрывки сухих растений.

Он делал успехи: в прошлый раз он смог увидеть лишь тончайший краешек своего нового тела. Когда он снова поднял глаза, противоположный край русла заметно приблизился. Прямо у кромки берега, на каменистом уступе, торчал пучок каких-то жестких темно-бурых стеблей; Джордж забирал чуть левее его. Растение это было очень похоже на то, потянувшись за которым он потерял равновесие и впал в свое нынешнее состояние. Теперь он сможет как следует рассмотреть его.

Едва ли это растение окажется особенно интересным. Нет никаких оснований полагать, что всякая неизвестная форма жизни будет представлять собой нечто потрясающе новое. Джордж был уверен, что на самый интересный организм этой планеты он уже наткнулся.

«Имярек *meisterii*», — подумалось ему. Он еще не придумал родового названия: сперва надо побольше узнать об этом существе, но что *meisterii* — это несомненно. Это его открытие, и никто не отнимет его у Джорджа. Или, как ни прискорбно, его, Джорджа, у открытия.

думать, что в «свободном мире» напечатает все, что будет написано против существующего там правопорядка. В Америке даже после смерти пресловутого мракобеса сенатора Мак-Карти торжествует наследие маккартизма, подозрительность, нетерпимость, тупая ненависть к знанию и свободомыслию, прикрытое банальными выкриками о демократии.

Итак, читатель, перевернем страницу. Вместе с героями рассказа, исследователями с Терры, мы на неведомой планете. Кстати, Терра в переводе на русский язык — Земля. Это первый ключ к тайному словарю автора.

Четыре героя попадают в общую беду. Это ученый Джордж Мейстер (мейстер — мастер, знаток, умелец). Ему предстоит осознать в необыкновенной обстановке, кто же он, с кем он... На языке военного он техпарь. В этом жаргонном слове заключен глубокий смысл — тупое солдафонское непонимание мира ученых, презрительно настороженное к ним отношение: «Технари могут что-то там смастерить толковое, но они не те парни, ко-

Что ни говори, это чудесный организм. Примитивный: собственной структуры меньше, чем у медузы. Он мог выбраться из моря на сушу лишь на такой вот планете с малой силой тяготения. Мозг, нервная система, похоже, начисто отсутствуют. Зато он обладает совершеннейшим механизмом для выживания: предоставляет своим соперникам по борьбе за существование развивать высокоорганизованную нервную ткань и знай полеживает себе на месте (замаскировавшись под ворох листьев или других растительных остатков) в ожидании, пока кто-нибудь из соперников не бухнется в него, а затем пользуется плодами своей победы.

Но это не паразитизм, а самый настоящий симбиоз, притом на более высоком уровне, чем на всех тех планетах, которые Джорджу довелось посетить. Пленивший организм доставляет питание мозгу-пленнику, поэтому в интересах пленника руководить им при розысках пищи или предупреждать организм об опасности. Ты меня веди, а я буду тебя кормить. Это справедливо.

Он почти вплотную приблизился к растению и осмотрел его. Как он и предполагал, это была обыкновенная трава, не представлявшая особого интереса.

Его тело стало вползать на каменистую гряду. Он знал, что гряда невысока, однако с уровня его глаз она казалась неимоверной. Не без труда вскарабкался он на нее, и внизу открылась другая лощина. Несомненно, так может продолжаться без конца. Вопрос лишь в том, может ли он выбраться из этого состояния?

Джордж взглянул на тени, тянувшиеся от низкого солнца. Он двигался примерно на северо-запад, удаляясь от лагеря, до которого было всего лишь несколько сот метров. Даже ползком он смог бы довольно легко покрыть это расстояние... если бы захотел повернуть назад.

торые могут это как следует применить». Второй герой — это и есть военный. Майор Гаме. Как это созвучно Гревсу. Генерал-майор Гревс, как известно, командовал технарями, разрабатывавшими атомную бомбу по Манхэттенскому проекту. Вникните в суть мыслей и действий майора Гамса, когда будете читать рассказ. Проследите, как противоречиво и лживо в нем все, каким бы рубахой-парнем он ни прикидывался, угадайте, кого он слушает, кому в конце концов служит, и вы легко узнаете в нем ставленника Пентагона, поступающего в нынешних условиях Америки точно так же, как вымышленный герой на неведомой планете. Оригинал или прототип майора в жизни так же туп, ограничен, спесив, слаб и обречен погибнуть от того, что затевает сам, как и герой рассказа. Мисс Мак-Карти — воплощение маккартизма, холодной бездушности, подозрительности, недоверия ко всем. Она фанатично и злобно служит делу войны, которая в рассказе приняла космические масштабы. Автор намеренно показал, в каких, казалось бы, «космических», но очень сходных с современными земными обстоятельствах действуют герои рассказа. Обра-

Непонятно, почему эта мысль внушила ему беспокойство. И тут ему пришло в голову, что его внешний вид никак не вяжется с представлением о человеке, попавшем в беду; скорее всего, он выглядит как чудовище, проглотившее и частично переварившее одного, а то и нескольких человек.

Несомненно одно: вползи он в лагерь в своем нынешнем виде — его немедленно расстреляют. Правда, вместо автоматической винтовки может пойти в ход наркотический газ, но особенно надеяться на это не приходится.

Нет, сказал он себе, ты на верном пути. Лучше отойти подальше от лагеря, чтобы его не мог найти спасательный отряд, который наверняка уже вышел на розыски. Беги, скоронись в лесу и изучай свое новое тело. Установи, как оно функционирует и чего можно от него добиться, узнай, разделили ли другие твою участь, и если так, то можно ли с ними связаться.

На это уйдет немало времени, но, очевидно, это возможно.

II

Предыстория встречи Джорджа Мейстера с имярек *meisterii* сводилась к следующему.

В конце двадцать третьего столетия нашей эры Галактика находилась в процессе колонизации двумя враждующими федерациями. На ранних стадиях конфликта совершались налеты на планеты, сбрасывались бомбы и целые космические флотилии участвовали в битвах. Но вскоре этот бессистемный способ ведения войны стал невыносим. Боевых роботов производили триллионами и снабжали достаточным количеством боеприпасов для полного взаимного уничтожения. Они кишмя кишели на границах звездных систем, уже занятых той или другой стороной.

тите внимание на судьбу мисс Мак-Карти, находящуюся в одном организме монстра вместе с другими своими спутниками, за которыми она призвана шпионить, держа их в страхе и повиновении. И наконец, последний персонаж — милая девушка минералог Вивиан Беллис, простая и обыкновенная, каких в Америке миллионы. Она из числа тех немногих ограниченных и многого не понимающих людей, за овладение душ которых бьются всякие мак-карти и гамсы и к которым приглядываются джорджи.

Итак, все четверо волей автора связаны одним общим, поглотившим их организм монстра. Здесь под словом «монстр» без особого труда можно угадать американское общество нашей современности, связывающее на самом деле четыре стороны общественного четырехугольника, в котором, по мнению автора, как следует из названия рассказа, две стороны лишние. И теперь, читатель, зная ключ от тайного дна волшебной шкатулки, прочти рассказ и пойми все, что хотел сказать в нем автор о сегодняшней Америке, в которой он видит нечто лишнее, обреченное, что должно или погибнуть, или быть извергнутым из общества. Оставшиеся же стороны смогут найти себя в новом, возрожденном виде.

Александр Казанцев

С таким заслоном планеты были предельно застрахованы от вторжения и всяческих помех в торговле, если только врагу не удавалось колонизовать окружающие звездные системы и блокировать очаг неприятельской колонизации.

Темп жизни стремительно нарастал вот уже на протяжении семи поколений. Знания усваивались ускоренным способом — в виде пилюль. Все рано женились и бешено размножались. А если человека зачисляли в авангардную экологическую группу, ему вообще приходилось работать без мало-мальски приличной подготовки.

При освоении новой планеты с неизвестными формами жизни самым разумным было бы начинать с иммунологических исследований, рассчитанных по крайней мере лет на десять и осуществляемых с борта герметически закрытой станции. Лишь после того как удастся обуздать наиболее опасные бактерии и вирусы, можно было бы осторожно и постепенно переходить к работе и исследованиям в полевых условиях. И только лет через пятьдесят или около того начать ввозить колонистов.

Но ни у той, ни у другой стороны попросту не было для этого времени.

Через пять часов после посадки группа Мейстера, прибывшая с планеты Терра, выгрузила фабрикатеры и с их помощью

соорудила бараки на две тысячи шестьсот двадцать восемь человек. Час спустя Мейстер, Гаме, Беллис и Мак-Карти по слою золы, оставленному на оплавленной почве хвостовыми двигателями транспортной ракеты, двинулись к ближайшей живой растительности метрах в шестистах от места посадки. Им было предписано отойти от лагеря постепенно расширяющимися кругами на тысячу метров и вернуться с образцами, если только их не проглотит какое-либо существо, слишком огромное и слишком прожорливое, чтобы спастись перед автоматической винтовкой.

Мейстер, биолог, был сплошь увешан коробками для образцов, закрывавшими его стройный торс. Майор Гаме нес аварийное снаряжение, бинокль и автоматическую винтовку. Виван Беллис, минералог, разбирающаяся в своем деле ровно настолько, насколько позволял краткий трехмесячный курс, несла легкое ружье, геологический молоток и мешок для образцов. Мисс Мак-Карти — ее знали только по фамилии и никому не было известно, как ее зовут, — к науке никакого отношения не имела. Она была приставлена к группе от Службы Гражданской безопасности. На ней висели два толстых пистолета и туго набитый патронташ. У нее была одна-единственная обязанность — разнести черепушку любому члену группы, пойманному на использовании недозволённых средств общения или вообще ведущему себя странно в каком-либо отношении.

Делая вторую спираль вокруг лагеря, они наткнулись на низкую каменистую гряду и несколько коротких обрывистых лощин, по большей части забитых пыльно-серыми стеблями каких-то мертвых растений. Когда они стали спускаться в одну из лощин, Джордж, шедший третьим (впереди шел Гаме, за ним Беллис, Мак-Карти замыкала), решил взять немного в сторону и пройти по каменной плите, чтобы исследовать пучок растительных стеблей, росших в ее дальнем конце. На этой планете он весил чуть больше двадцати килограммов, а плита выглядела так, словно была намертво вделана в почву. Но, едва ступив на плиту всей тяжестью своего тела, он почувствовал, что она поддалась под его ногой, почувствовал, что падает, крикнул и мельком увидел Гамса и Беллис, застывших словно в кадре замедленного фильма. Он услышал шорох осыпающихся камней, увидел, как на него надвигается что-то вроде разлохматившегося одеяла из листьев и грязи, и подумал при этом: «Совсем как при мягкой посадке...» Это все, пока он не очнулся с таким ощущением, словно его заживо похоронили и все в нем омертвело, кроме глаз.

Хотя его уверенность в том, что от прежнего Джорджа Мейстера осталась одна только нервная система, и не подкреплялась прямым наблюдением, доказательства тому были прискорбно убедительны. Начать с того, что анестетическое состояние

первых часов прошло, но его нервы ничего не сообщали ему о положении туловища, головы, рук и ног, которыми он прежде владел. Зато у него было смутное ощущение, будто он сплюснен и распростерт по огромной площади. Когда он пытался пошевелить пальцами рук и ног, то получал такой множественный ответ, что казался себе чем-то вроде сороконожки. Он не чувствовал онемения, какого следовало ожидать после длительного паралича, он не делал вдохов и выдохов. Однако его мозг, очевидно, хорошо снабжался питательными веществами и кислородом, ибо мысль работала четко, ему было покойно, и он чувствовал себя вполне здоровым.

Между прочим, он не чувствовал голода, хотя уже довольно длительное время расходовал калории. Это можно было истолковать двояко, смотря как взглянуть на дело: либо у него нет больше желудка, стенки которого могли бы сокращаться, либо организм, в котором он путешествовал, достаточно насытился ненужными ему тканями тела бывшего Джорджа Мейстера...

Два часа спустя, на заходе солнца, пошел дождь. Джордж видел крупные, медленно падающие капли и чувствовал их шлепки по своей «коже». Он не знал, повредит ему дождь или нет, скорее нет, но на всякий случай заполз под куст с широкими бахромчатыми листьями. Когда дождь перестал, уже стемнело, и он решил, что теперь имеет смысл остаться здесь до утра. Джордж не чувствовал усталости, и ему пришла в голову любопытная мысль: по-прежнему ли он нуждается во сне? Он настроился на спокойный лад и стал ждать ответа.

Прошло уже немало времени, а он все еще бодрствовал, размышляя, следует ли истолковать это как ответ на его вопрос. Внезапно вдаль показались два тусклых огня. Медленно рыская из стороны в сторону, они двинулись по направлению к нему.

Джордж следил за ними с пристальным вниманием, в котором смешивалось профессиональное любопытство и осторожность. Огни приближались, и вот уже стало видно, что они подвешены на длинных тонких стеблях, выраставших из ступка мрака под ними. Это были либо органы освещения, как у некоторых глубоководных рыб, либо просто люминесцирующие глаза.

Джордж почувствовал, что волнуется. Очевидно, в его нервную систему был введен адреналин или что-нибудь в этом роде. Со временем это можно будет выяснить, а пока надо решить более важный вопрос: относится ли приближающееся животное к числу тех, которыми питаются имярек *meisterii*, или, напротив, оно само питается ими? И если верно последнее, то что он должен делать?

Пока что во всяком случае ему было явно прописано сидеть на месте и не шевелиться. Организм, в котором он поселился, использовал камуфляж в своем нормальном, необитаемом состоянии и не мог быстро передвигаться. Поэтому Джордж затаился и наблюдал, полуприкрыв глаза и гадая о том, чем может кончиться встреча с неведомым животным.

Тот факт, что оно ночное, еще ни о чем не говорит. Мотыльки тоже ночные животные, да и летучие мыши... Тьфу! К черту летучих мышей, эти плотоядные... Существо с фонарями подошло уже почти вплотную, и Джордж увидел под стеблями пару слабо мерцающих узких и длинных глаз.

В этот момент существо разинуло пасть со множеством острых зубов и...

Джордж очнулся в расщелине каменной стены, он понятия не имел, как туда попал. Он помнил только: словно ливень прошумел по ветвям, когда зверь бросился на него, помнил мгновенную яростную боль и больше ничего, только смутное, озаренное звездным светом видение листьев и земли.

Уму непостижимо, как он сумел спастись?

Он размышлял над этим до самого рассвета. Потом случайно глянул вниз и увидел нечто такое, чего раньше не замечал. Из-под гладкого края его желатиновой плоти виднелись какие-то четыре отростка. Тут только Джордж отдал себе отчет в том, что его чувство контакта с камнем, на котором он расположился, тоже стало иным: теперь он, казалось, уже не лежал плашмя, а стоял на нескольких крошечных выступах.

Он согнул один из отростков — так только, попробовать, затем выбросил его вперед. Это был комковатый карикатурный палец или, если угодно, нога с одним суставом.

Джордж долго лежал неподвижно, осмысливая случившееся. Затем снова тряхнул отростком. Отросток был на месте. На месте были и остальные, реальные и осязаемые, как и весь этот организм.

Он двинулся вперед, послав к нервным окончаниям пальцев рук и ног те же команды, которые посылал прежде, когда они у него были. Его тело с такой скоростью выскочило из расщелины, что он чуть было не перелетел через край небольшой пропасти.

Прежде он ползал, как улитка, теперь же мог быстро сновать, как насекомое.

Но как это произошло? Вероятно, когда зубастое чудовище бросилось на него, он в страхе машинально устремился бежать, словно забыв о том, что у него нет ног. Неужели этим все и объясняется?

Джордж опять подумал о хищнике и о стеблях, поддерживавших его светящиеся органы. А ведь стебли с таким же успехом могли поддерживать и глаза... Отчего не попробовать?

Он закрыл глаза и представил себе, что они все больше выходят из орбит, вообразил, как растут и растут подвижные стебли... Он изо всех сил старался внушить себе, что у него именно такие глаза, всегда были такие, что всякий мало-мальски порядочный человек имеет глаза на стеблях.

Похоже, с ним и в самом деле что-то происходит?

Он открыл глаза. Перед ним была земля, так близко, что все на ней казалось каким-то размазанным, все было не в фокусе. Он нетерпеливо поднял взгляд. Поле зрения раздвинулось сантиметров на двенадцать, только и всего.

И тут вдруг раздался голос. Он звучал так, словно кто-то кричал сквозь полуметровый слой жира.

— Ы-ы! Ллы! Ырр-ыы!

Джордж судорожно подскочил, круто повернулся и описал глазами дугу в добрых 240 градусов. Вокруг были лишь скалы и лишайники. Как следует оглядевшись, он заметил поблизости не то личинку, не то гусеницу оранжево-зеленого цвета, проползавшую мимо. Джордж подозрительно уставился на нее, как вдруг послышался тот же голос:

— Блы-блы! Плы-пп!

Теперь голос был как будто чуточку повыше и доносился откуда-то сзади. Джордж снова круто повернулся и повел глазами по кругу...

По невероятно широкому кругу. Его глаза были на стеблях и обрели подвижность, хотя всего лишь несколько минут назад он смотрел прямо в землю и едва мог поднять взгляд. Его мозг бешено заработал. Выходит, он в самом деле ухитрился вырастить стебли для глаз, только мягкие, всего-навсего продолжения медузообразной мякоти его тела без клеточного костяка и мускульной ткани, чтобы можно было ими двигать. И только когда голос испугал его, он в спешном порядке обзавелся костяком и мускулатурой.

Надо полагать, нечто подобное случилось с ним и этой ночью. Вероятно, процесс образования ног завершился бы сам собой, только более медленно. Испуг ускорил его. Очевидно, это своеобразное защитное приспособление. Что же касается голоса...

Джордж снова стал вращать глазами, на этот раз медленно, внимательно осматриваясь вокруг. Сомнений быть не могло: он был один. Голос послышался ему сзади, в действительности же он исходил из его собственного тела.

Голос раздался вновь, но теперь уж не такой отчаянный. Он несколько раз булькнул и высоким тенором отчетливо произнес:

— Что все это значит? Где я?

Джордж терялся в догадках. Он был до того ошеломлен, что, когда с ближнего куста сорвался какой-то большой сухой

комок и, беззвучно подсакивая, подкатился к нему на расстоянии метра, он лишь ошалело уставился на него и даже не шевельнулся.

Джордж долго смотрел на одетый в твердую скорлупу предмет, затем перевел взгляд на куст, с которого он упал. Медленно и мучительно созревало в нем логическое умозаключение. Высохший плод упал беззвучно, и это естественно, так как в результате своей метаморфозы он начисто лишился слуха. Но... ведь он же слышал голос!

Стало быть, галлюцинация либо телепатия.

Голос раздался вновь.

— Помогите-и-ите! Господи, хоть бы ответил кто-нибудь!

Вивиан Беллис. Гаме, если б даже и сумел крикнуть так тонко, не сказал бы: «Господи». А уж Мак-Карти и по-давню.

Джордж понемногу стал успокаиваться. Он напряженно думал: «Мне страшно — вырастают ноги. Беллис страшно — у нее появляется телепатический голос. Это и понятно: в такой ситуации она бы первым делом заревела».

Джордж заставил себя настроиться на плаксивый лад. Закрыв глаза и вообразил, будто он очнулся в какой-то ужасающе чуждой обстановке и не знает, что с ним и как выбраться из всей этой жути. При этом он изо всех сил кричал про себя: «Вивиан!»

Так он тужился некоторое время. Голос девушки продолжал раздаваться через правильные интервалы. Вдруг она резко оборвала на середине фразы.

— Ты слышишь меня? — спросил Джордж.

— Кто это?.. Что вам надо?

— Это я, Джордж Мейстер, Вивиан. Ты понимаешь меня?

— А?

Джордж продолжал в том же духе. Наконец девушка сказала:

— Ах, Джордж... извините, мистер Мейстер! Ах, я так испугалась. Где вы?

Джордж объяснил и, видимо, не очень тактично, потому что, когда он кончил, Беллис взвизгнула и снова впала в бульканье. Джордж сокрушенно вздохнул и спросил:

— Есть еще кто-нибудь в апартаментах? Майор Гаме? Мисс Мак-Карти?

Две минуты спустя почти одновременно послышался двойной ряд жутких, неестественных звуков. Когда звуки обрели связность, голоса опознались без труда. Гаме, краснолицый здоровяк, профессиональный солдафон, рывкнул:

— Какого черта вы не смотрите себе под ноги, Мейстер? Вы вызвали оползень, и только из-за вас мы угодили в эту передрагу!

Мак-Карти, у которой было морщинистое известковое лицо, выступающая челюсть и глаза цвета грязи, сказала ледяным тоном:

— Мейстер, обо всем будет доложено куда следует. Обо всем.

Как выяснилось, только Мейстер и Гаме сохранили зрение. Все четверо в той или иной мере могли управлять мускулатурой, но один только Гаме был способен сколько-нибудь серьезно влиять на тяговые усилия Джорджа. Мак-Карти ухитрилась сохранить пару исправно функционирующих ушей, чему Джордж нисколько не удивился.

Зато Беллис весь остаток вчерашнего дня и всю ночь была слепа, глуха и нема. Она могла пользоваться лишь конечными кожными органами осязания — перцепторами тепла, холода и боли. Она ничего не слышала, ничего не видела, но зато чувствовала каждую былинку, каждый листик, которого они касались, чувствовала холодные удары дождевых капель и боль от укуса зубастого чудища. Когда Джордж узнал об этом, она сильно выросла в его глазах. Еще бы, другой на ее месте давно бы впал от страха в истерику или сошел с ума!

Затем выяснилось, что никто из них не дышит и никто не замечал, чтобы у него билось сердце.

Джорджу очень хотелось продолжить беседу на эту тему, но остальные в голос заявили: не так важно то, что с ними случилось, как то, каким образом выбраться на волю.

— Мы не можем выбраться на волю,— сказал Джордж.— Во всяком случае при нынешнем уровне наших знаний я не вижу такого пути. Зато...

— Но мы должны выбраться! — сказала Вивиан.

— Возвратимся в лагерь,— ледяным голосом заявила Мак-Карти.— Немедленно. А вам, Мейстер, придется объяснить Службе безопасности, почему вы не поспешили обратно, как только к вам вернулось сознание.

— Это верно,— без своего обычного апломба поддакнул Гаме.— Положим, вы-то ничего не можете тут поделывать, Мейстер, но кто знает, может другие технари найдут способ.

Джордж терпеливо изложил свои соображения насчет того, какой прием окажут им часовые в лагере, но Мак-Карти, обладавшая железной способностью к логическим умозаключениям, быстро доказала ему несостоятельность его аргументов.

— Вы отрастили ноги и стебли для глаз, ведь вы сами только что в этом признались. А раз так, то вы сможете отрастить и рот. Мы оповестим о своем приближении.

— Это не так просто,— ответил Джордж.— Одним только ртом не обойтись, нужны еще зубы, язык, мягкое и твердое небо,

легкие или их эквивалент, голосовые связки и что-нибудь вместо диафрагмы, чтобы приводить в движение весь этот аппарат. Сомневаюсь, чтобы это вообще было возможно. Ведь когда мисс Беллис дала о себе знать, она добилась этого тем способом, которым мы все сейчас пользуемся. Она не...

— Вы слишком много разговариваете,— сказала Мак-Карти.— Майор Гаме, мисс Беллис! Все на создание речевого аппарата! Кто первый добьется успеха, тому будет занесено поощрение в личное дело. Начали.

Джордж, не охваченный призывом, а посему выпавший из соревнования, приложил все свои силы к тому, чтобы восстановить слух. Как ему казалось, имярек *meisterii*, кем бы он ни был, проводит своеобразный принцип разделения труда. В самом деле, Гаме и он, упавшие первыми, сохранили зрение, в то время как слух и осязание были забронированы за теми, кто следовал после них. В принципе это было превосходно, против этого Джордж не возражал. Его не устраивало одно: чтобы Мак-Карти монопольно распоряжалась какой-либо частью их сенсорного аппарата.

Если б даже ему удалось уговорить Гамса и Вивиан, хотя в данный момент надежд на это было мало, Мак-Карти все равно была бы для них палкой в колесе. А очень может быть, что уже в ближайшем будущем их жизнь будет зависеть от того, удастся ли им заполучить слух в свое полное распоряжение.

Поначалу его отвлекали замечания, которыми вполголоса обменивались между собой Гаме и Вивиан. «Получается что-нибудь?» — «Непохоже». Они кряхтели, напевали себе под нос и издавали множество других раздражающих звуков, безуспешно пытаясь переключиться с телепатического общения на голосовое.

— Приказываю замолчать! — рявкнула наконец Мак-Карти.— Сосредоточьтесь на том, чтобы создать нужные органы. Вы шумите, как пара олов!

Джордж взялся за дело, пустив в ход уже испытанный им однажды прием. Закрыв глаза, он вообразил, будто зубастое чудовище приближается к нему в темноте: «Топ-топ! Шарк! Крак!» — и титанически желал, чтобы у него были уши, способные уловить малейшие шорохи вблизи. Прошло немало времени, и наконец ему показалось, что он начинает чего-то добиваться... А может, это все те же телепатические звуки, которые безотчетно издает кто-то из остальных? Шур-шур... Крак!.. Хрясь!.. Топ-топ!..

Не на шутку встревожившись, Джордж открыл глаза. Метрах в ста, на противоположной стороне некрутого каменистого откоса, поросшего чем-то вроде черных, похожих на бамбук копий, показался человек в мундире. Когда Джордж поднял

стебли глаз, человек застыл на месте от изумления, испуганно вскрикнул и вскинул винтовку.

Джордж бросился бежать. В тот же момент внутри поднялся страшный галдеж, и мышцы его ног свело острыми судорогами.

— Да бегите же, черт вас поberi! — вне себя от ярости крикнул он.— Там охранник с...

Раздался оглушительный грохот, и Джордж почувствовал зверскую боль пониже спины. Вивиан пронзительно закричала. Борьба за обладание их общими ногами прекратилась, и они бешено помчались вперед под прикрытия ближайшего валуна. Снова грянул выстрел, и Джордж услышал, как каменные осколки со свистом пронеслись в листве над его головой. Они бросились вниз, потом взбежали по склону и, минуя низкий пригорок, вскочили в рощу высоких деревьев с голыми сучьями.

Заметив заполненную листьями яму, Джордж устремился к ней, борясь с чьим-то желанием бежать по прямой. Едва они плюхнулись в яму, как мимо пробежали трое охранников. Они пролежали в яме целый час.

Вивиан не переставая стонала. Осторожно подняв стебли глаз, Джордж увидел несколько острых каменных осколков, вонзившихся в желатиновую плоть монстра у дальнего края его тела... Им очень повезло. Еще немного — и осколки угодили бы прямо в них.

Приглядевшись, Джордж обнаружил нечто пробудившее его профессиональный интерес. Вся поверхность тела монстра, казалось, была в постоянном медленном брожении, в крошечных то открывавшихся, то закрывавшихся ямках. Его плоть как бы кипела, разве только пузырьки воздуха тут не стремились наружу, а захватывались на поверхности и проталкивались сверху вниз, вовнутрь...

Глубоко под пестрой поверхностью огромного чечевицеобразного тела виднелось четыре расплывчато темных сгустка,— несомненно, четыре живых мозга, принадлежавших Гамсу, Беллис, Мак-Карти и Мейстеру.

Да, вот он, один из этих комков, расположенный прямо напротив стеблей его глаз. «Странно смотреть на свой собственный мозг,— размышлял Джордж.— Но конечно, со временем к этому можно привыкнуть».

Четыре темных пятна тесно жались одно к другому, образуя почти правильный квадрат в центре чечевицы. Едва видимые нити спинного мозга пересекались внутри и лучами расходились от центра.

«Такова схема»,— подумал Джордж. Существо было приспособлено к использованию нескольких нервных систем. Они располагались в определенном порядке головным мозгом

внутри — для большей безопасности, а может, и потому, что предусматривалось сознательное сотрудничество между «пассажирами». Возможно, существовало и какое-то межклеточное вещество, которое стимулировало рост клеток, осуществлявших связь между отдельными мозговыми системами... Именно этим могли объясняться их быстрые успехи по части телепатического общения. Джорджу страшно хотелось изучить весь этот механизм и установить, как он работает.

Вивиан перестала жаловаться на боль. Ее мозг располагался напротив мозга Джорджа, и она сильнее всех пострадала от каменных осколков. Теперь осколки на глазах опускались вниз сквозь желатинообразную субстанцию тканей монстра. Достигнув дна, они, вне сомнения, будут извергнуты, подобно тому как были извергнуты неусвоенные части их одежды и снаряжения.

От нечего делать Джордж стал гадать, какой из остальных двух мозгов принадлежит Мак-Карти и какой Гамсу. Ответить на это было нетрудно. Глядя назад, к центру желатинообразного утолщения, Джордж увидел слева от себя пару голубых глаз, сидящих вровень с поверхностью. Справа от себя Джордж разглядел два крохотных отверстия, уходившие на несколько сантиметров в глубь тела. Это могли быть только уши Мак-Карти. Джорджу очень захотелось забросать их грязью, но как?

Итак, вопрос о возвращении в лагерь по крайней мере на время был снят с повестки дня. Мак-Карти больше не заговаривала о необходимости сформировать комплект органов речш Джордж не сомневался в том, что она не оставила эту мысль, но не верил в ее успех. Каков бы ни был механизм, посредством которого осуществлялись подобные преобразования в их телесной структуре, все свидетельствовало о том, что такие профаны, как он, могут добиться успеха в этом направлении лишь под влиянием бурных душевных переживаний, да и то если речь идет о создании какого-либо одного органа зараз. А как он уже объяснил Мак-Карти, органы речи у человека необычайно сложны и разнообразны.

У него мелькнула мысль, что желаемого можно достичь, создав тонкую перепонку вместо диафрагмы и воздушную полость за ней, а также ряд мышц, которые производили бы нужные колебания и модулировали их. Но эту идею он пока придержал про себя.

Ему вовсе не хотелось возвращаться назад. Он был незаурядный человек, ученый, знавший толк в своем деле и бескорыстно любивший его. А в данный момент он сидел внутри мощнейшего орудия исследования, которое когда-либо существовало в его области науки, — в изменчивом организме, заключавшем в себе наблюдателя, способного до собственному

желанию перестраивать его структуру и видеть результаты; способного выдвигать гипотезы о его функциях и проверять их на тканях, принадлежавших в сущности его собственному телу; способного конструировать новые органы, новые механизмы приспособления к окружающей среде!

Джордж видел себя на вершине огромной пирамиды новых открытий, и некоторые из возможностей, которые он прозревал, внушали ему страх и чувство собственного ничтожества.

Он просто не мог возвратиться к людям, если б даже это можно было сделать без риска быть убитым. Эх, если б только он угодил в эту проклятую штуку один... Впрочем, будь спокоен: коллеги вытащили бы его и убили монстра...

Вивиан, некоторое время назад избавившаяся от боли, снова заскулила. Гаме прикрикнул на нее. Мак-Карти обругала обоих. Самому Джорджу тоже казалось, что еще немного — и он выйдет из себя. Еще бы! Столько времени просидеть в одной клетке с тремя идиотами, которые не могут придумать ничего лучшего как...

— Постойте,— сказал он — у всех вас одинаковое настроение, не так ли? Вы нервны, раздражительны, вы словно проработали шестьдесят часов подряд и до того устали, что не можете уснуть...

— Бросьте трепаться, как телереклама,— сердито сказала Вивиан.— Нам и без того тошно...

— Так вот, мы голодны! — объявил Джордж.— Мы этого не сознаем, потому что у нас нет органов, которые обычно сигнализируют о голоде. Но ведь последний раз это тело подкреплялось нами, а с тех пор прошло по меньшей мере двадцать часов. Нам надо перекусить.

— Вы правы, черт побери,— сказал Гаме.— Но если эта штука ест только людей... я хочу сказать...

— До нашей высадки она вовсе не встречала людей,— сухо оборвал его Джордж.— Ее устроит любой белок, но единственный способ узнать это — испытать на практике. И чем скорее, тем лучше.

Он тронулся в путь, взяв то же направление, которого они держались все это время,— подальше от лагеря. «По крайней мере,— думал он,— если покрыть достаточно большое расстояние, они могут затеряться без следа».

III

Они вышли из древесной чащи и по длинному склону, покрытому ковром жесткой, как проволока, мертвой травы, спустились в долину, затем достигли русла, в котором жиденькой струйкой еще бежала вода. Далеко внизу, у берега, частично закрытое похжими на скелеты кустами, виднелось стадо животных,

смутно напоминавших свиней в миниатюре. Джордж доложил об этом остальным и осторожно двинулся по направлению к животным.

— Откуда ветер, Вивиан? — спросил он. — Ты чувствуешь ветер?

— Нет. Прежде, когда мы спускались под гору, чувствовала, а теперь, кажется, он дует нам навстречу.

— Это хорошо. Так мы сможем подкрасться незаметно.

— Но ведь... мы не собираемся есть животных, или как?

— Да, то же самое и я хотел спросить, Мейстер,— подал голос Гаме.— Не скажу, чтоб я был особенно брезглив, но, право...

Джорджа самого поташнивало: как все остальные, он вырос на диете из дрожжей и синтетического белка, но он запальчиво возразил:

— А что еще нам остается? У вас есть глаза, разве вы не видите, что сейчас здесь осень? И притом осень после знойного лета. Голые деревья, пересохшие реки. Мы либо будем есть мясное, либо ничего не будем есть... разве что вы предпочтете насекомых!

Пораженный Гаме поворчал еще немного и сдался.

Вблизи животные были меньше похожи на свиней и еще менее аппетитны с виду. Тошние, разделенные на сегменты туловища розовато-серого цвета, четыре коротких ноги, широкие растопыренные уши и тупые саблеобразные рыла. Они рылись в почве, время от времени что-то выковыривали и жадно поедали, хлопая ушами.

Джордж насчитал тридцать животных. Они держались довольно плотным стадом на небольшом свободном пространстве между кустами и рекой. Двигались они медленно, но их короткие ноги производили впечатление силы. «Наверное, они могут здорово припустить, когда надо»,— подумал Джордж.

Пядь за пядью он продвигался вперед, опустив стебли глаз и мгновенно замирая на месте, когда какое-нибудь из животных поднимало голову. Двигаясь со все большей осторожностью, он подобрался метров на десять к ближайшему из них, как вдруг Мак-Карти резко заметила:

— Мейстер, а вы задумывались над тем, каким именно образом мы будем есть этих животных?

— Не говорите глупостей! — раздраженно ответил он.— Мы...

И тут ему вдруг пришла в голову ошеломляющая мысль: «Постой, а не отказался ли монстр от своего нормального способа усвоения пищи, как только заполучил новых жильцов? Ожидается ли от нас, что мы отрастим клыки, пищевод и все такое прочее? Едва ли! Прежде чем мы это сделаем, мы умрем с голоду. Но с другой стороны, монстр должен бы оставить свой

нормальный способ усвоения пищи, чтобы не переварить жильцов вместе с первым обедом! Вот загвоздка!»

— Ну? — спросила Мак-Карти.

Нет, это вовсе не так, Джордж был в этом уверен, только ничего не мог объяснить. И все-таки это была очень неприятная мысль... А если (еще хуже!) еда станет жильцом, а жилец едой?

Ближайшее животное вскинуло голову, и четыре крохотных красных глаза уставились прямо на Джорджа. Отвислые уши насторожились.

Размышлять было некогда.

— Оно увидело нас! — мысленно крикнул Джордж.— Бежим!

Казалось, все вокруг пришло в движение. Лишь секунду назад они неподвижно лежали в колючей сухой траве, а теперь уже мчались со скоростью экспресса. Стадо неслось галопом прямо перед ними. Бешено работающие окорока ближайшего животного постепенно вырастали в размерах. Они подмяли его под себя и побежали дальше.

Бросив взгляд назад, Джордж увидел, что животное неподвижно лежит в траве либо без сознания, либо и вовсе мертвое.

Они подмяли еще одно. «Наркотик,— словно в озарении, подумал Джордж.— Достаточно одного прикосновения. Вот еще одно и еще. Разумеется, мы сможем их переварить,— с облегчением подумал он.— Начать с того, что монстр переваривает избирательно, иначе он не смог бы выделить нашу нервную ткань».

Четыре. Шесть. Три подряд, когда стадо сбилось в кучу между последним клином леса и крутым речным берегом. Затем два, пытавшиеся бежать обратно по своим следам. Затем еще четыре отбившихся от стада одно за другим.

Остальные скрылись в высокой траве на верху склона. Пятнадцать животных растянулись цепочкой на их пути.

Джордж вернулся к животному, которое они настигли первым, и подхватил его краем тела.

— Присядьте, Гаме,— сказал он.— Нужно подлезть под него снизу... Так, довольно. Голова пусть свисает наружу.

— Зачем? — спросил солдафон.

— Надеюсь, вы не хотите, чтобы мозг животного оказался вместе с нами? Почем знать, сколько еще может вместить в себя эта штука. Она даже может предпочесть новый мозг одному из наших. Но едва ли она станет удерживать остаток нервной системы, если мы воздержимся от головы...

— Ох! — слабо простонала Вивиан.

— Прошу прощения, мисс Беллис,— с раскаянием произнес Джордж.— Хотя, впрочем, все было бы не так уж неприят-

но, если не давать воли своему воображению. Это совсем не то, что иметь вкусовые сосочки или...

— Ладно,— сказала она.— Только, пожалуйста, не будем говорить об этом.

— Я тоже так думаю,— вставил Гамс — Чуть побольше такта, как вы думаете, Мейстер?

Приняв упрек, Джордж сосредоточил все свое внимание на туше животного, лежавшей на гладкой поверхности тела монстра между владениями его и Гамса. Тушка на глазах погружалась в плоть, обволакиваясь непрозрачным облаком.

Когда она почти исчезла и голова отделилась от туловища, они двинулись дальше. На этот раз по предложению Джорджа они взяли «на борт» сразу две тушки. Мало-помалу их раздражение улетучивалось, они начали чувствовать себя веселыми и довольными. Джордж обнаружил, что он снова может думать последовательно, не пропуская важные логические звенья.

Они разделялись уже с восьмым и девятым животными, и Джордж упоенно рисовал в своем воображении сложную схему циркуляционной системы монстра, как вдруг Мак-Карти нарушила молчание.

— Я нашла более совершенный способ безопасного возвращения в лагерь,— изрекла она.— Начнем немедленно.

В ужасе и смятении Джордж устремил взор на Мак-Картиев сектор монстра. Что-то волокнисто-суставчатое выпирало из его бока, что-то напоминавшее (да так оно и было на самом деле!) карикатурную, но все же вполне опознаваемую руку. На его глазах комковатые пальцы нашарили былинку, потянули и выдернули ее.

— Майор Гаме! — сказала Мак-Карти.— Вам поручается как можно быстрее найти следующие предметы. Первое: пригодную для письма поверхность. Это может быть широкий, светлый лист, сухой, но не ломкий. Либо дерево, с которого без труда можно отодрать большой кусок коры. Второе: красящее вещество. Вне сомнения, вы сумеете обнаружить ягоды с подходящим соком. В крайнем случае сойдет и грязь. Третье: ветку или тростник вместо пера. Когда вы направите меня ко всем этим вещам, я напишу с их помощью докладную, в которой обрисую наше бедственное положение. Вы прочтете ее и укажете на ошибки, я их исправлю. Когда докладная будет готова, мы вернемся к лагерю и ночью положим ее на видном месте. Затем мы удалимся на рассвете, а когда докладная будет прочитана, выйдем снова. Начинайте, майор!

— Ну что ж,— отозвался Гаме,— это дело... Я полагаю, вы разработали какое-то приспособление, чтобы держать перо, мисс Мак-Карти?

— Болван! — ответила она.— Разумеется! Я сделала руку.

— В таком случае я «за». Ну-ка посмотрим! Мне кажется, можно начать вот с этой роши...

Их общее тело сделало рывок в направлении роши.

Джордж уперся на месте.

— Пойдите,— в отчаянии заговорил он.— Проявим чуточку благоразумия и покончим с едой, прежде чем идти. Кто знает, когда еще нам снова удастся разжиться свининкой.

— Как велики эти существа, майор? — спросила Мак-Карти.

— На мой взгляд, сантиметров шестьдесят в длину.

— И мы уже потребили девять штук, верно?

— Около восьми,— сказал Джордж.— Эти два съедены лишь наполовину.

— Другими словами,— сказала Мак-Карти,— на каждого из нас приходится по две штуки. По-моему, это роскошно. Вы согласны, майор?

— Вы ошибаетесь, мисс Мак-Карти,— серьезно возразил Джордж.— Вы мыслите в масштабах человеческих потребностей в пище, а этот организм имеет совсем другой обмен веществ и обладает массой по меньшей мере втрое большей массы четырех человек. Посудите сами, всего лишь двадцать часов спустя после того, как мы были поглощены, это существо проголодалось. А согласно вашему замыслу, мы должны продержаться до начала завтрашнего дня.

— Похоже на правду,— сказал Гаме.— В общем, мисс Мак-Карти, я полагаю, что лучше запастись провиантом, покуда есть возможность. При таких темпах заправки мы потеряем не больше получаса.

— Хорошо. Постарайтесь управиться поскорее.

Они двинулись к следующей паре жертв. Джордж лихорадочно соображал. С Мак-Карти спорить бесполезно, с Гамсом, пожалуй, тоже. Впрочем, попытаться можно. Если б только удалось убедить Гамса, тогда и Беллис, возможно, примкнула бы к большинству. Это единственная надежда.

— Гаме,— сказал он,— думали вы хоть чуточку над тем, что нас ожидает, когда мы вернемся?

— Вы сами понимаете, что это не по моей части. Предоставьте это технарям вроде вас.

— Нет, я о другом. Представьте себе, что вы шеф такой вот группы, как наша, и не мы, а четверо других ввалились в этот организм...

— Как, как? Пойдите, я что-то недопонял.

Джордж терпеливо повторил все сначала.

— Ага, понимаю. Ну так что же?

— Какое приказание вы бы отдали?

Гаме подумал мгновение.

— Передать эту штуку в биологическую секцию, наверное, так. Чего ж еще?

— А вам не кажется, что вы могли бы отдать приказ уничтожить ее как возможную угрозу?

— Черт возьми! Это возможно... Да нет же! Надо только потолковее составить донесение. Мол, являемся ценным образцом и все такое прочее. Обращаться с осторожностью.

— Хорошо,— сказал Джордж.— Положим, это подействует, и что тогда? Знаю, это не по вашей части, так я скажу вам. Девять шансов из десяти за то, что в биологической секции в нас увидят возможное оружие врага. А это прежде всего означает, что нам придется пройти допрос по всей форме, и я не берусь гадать, на что это будет похоже.

— Майор Гаме,— проскрежетала Мак-Карти,— Мейстер будет казнен за неблагонадежность при первой же возможности. Под страхом того же наказания запрещаю вам разговаривать с ним.

— Отлично, но уж слушать-то меня она не может помешать,— взволнованно сказал Джордж.— Так вот, Гаме, они берут пробы. Без обезболивания. И в конце концов они либо все равно уничтожат нас, либо отошлют в ближайший форпост для дальнейших исследований. Мы станем достоянием Федерации, высшим секретом, и уж в Службе-то безопасности никто нас не реабилитирует, никто не посмеет взять на себя такую ответственность, и оттуда нам уже не вырваться. Мы действительно ценный образец, Гаме, но никому не будет пользы от того, что мы вернемся в лагерь. Мы можем представлять собой какое угодно открытие, крупицу знания, которая может спасти миллионы человеческих жизней,— все это тоже будет объявлено сверхсекретным и никогда не выйдет из стен Службы безопасности... Если вы все еще надеетесь на то, что они смогут выволить вас из этой штуки, вы ошибаетесь. Тут не может помочь приживление, скажем, рук или ног: все ваше тело разрушено, Гаме, все, за исключением нервной системы и глаз. У нас может быть лишь такое новое тело, которое мы сами себе создадим. Мы должны оставаться здесь и создать его.

— Майор Гаме,— сказала Мак-Карти.— Я полагаю, мы достаточно времени потратили впустую. Приступайте к розыскам необходимых мне материалов.

Секунду Гаме молчал, и их общее тело не двигалось. Затем он сказал:

— Так, значит, лист, ветка и пучок ягод? Или на худой конец грязь. Мисс Мак-Карти, это, конечно, неофициально... Разрешите мне узнать ваше мнение по одному вопросу... прежде чем приступать к делу. Так вот, сумеют они сляпать для нас хоть какое-никакое тело, как вы думаете? Вы ведь знаете: один технарь говорит одно, другой — другое. Вы меня понимаете?

Джордж с беспокойством наблюдал за конечностью Мак-Карти. Она ритмично сгибалась и разгибалась и, он был в этом почти уверен, росла прямо на глазах. Время от времени пальцы шарили в сухой траве и срывали травинку или две, а то и сразу целый пучок.

— Я ничего не могу вам сказать на этот счет, майор. Вопрос не относится к делу. Наш долг — возвратиться в лагерь. Это все, что нам следует знать.

— В этом пункте я с вами совершенно согласен,— сказал Гаме.— К тому же у нас нет выбора, не так ли?

Джордж, уставившись на один из пальцеобразных отростков, видневшихся из-под края тела монстра, страстно желал, чтобы отросток превратился в руку. Но, кажется, он начал слишком поздно.

— Выбор есть,— сказал он.— Надо просто продолжать существовать в том виде, в каком мы сейчас находимся. Если даже Федерация удержит эту планету в течение столетия, на ней все равно останется достаточно неисследованных мест. Мы будем жить.

— Ведь опять-таки,— продолжал Гаме, как бы отвечая на свои собственные мысли,— человек не может так просто взять да и порвать с цивилизацией, верно?

Джордж вновь почувствовал, как его потянуло к роше, и вновь воспротивился. Но тут Гамса поддержал еще ряд мышц, и Джорджа пересилили. Содрогаясь, боком имярек *meisterii* продвинулся на полметра и снова застыл на месте, дрожа от напряжения.

И тут второй раз за день Джордж был вынужден изменить свое мнение о Вивиан Беллис.

— Я верю вам, мистер Мейстер... Джордж, — сказала она.— Я не хочу возвращаться. Скажите, что я должна делать.

— Вот теперь вы молодецом! — сказал Джордж после минутной паузы.— Если б вы смогли вырастить руку, я думаю, это было бы неплохо.

Борьба продолжалась.

— Полное размежевание сторон,— сказала Мак-Карти Гамсу.— Теперь все ясно.

— Да. Совершенно верно.

— Майор Гаме,— решительно проговорила она.— Ведь вы, кажется, напротив меня?

— Так ли это? — нерешительно переспросил Гаме.

— Так. Раз я думаю так, значит, так. Теперь вот что: Мейстер справа или слева от вас?

— Слева. Уж это-то я знаю. Вижу его стебли краешком глаза.

— Очень хорошо.

Рука Мак-Карти поднялась: в толстых, как сосиски, пальцах был зажат острый каменный осколок.

Джордж с ужасом увидел, как эта рука изогнулась над выпуклостью тела монстра. Длинный, острый, как нож, осколок испытующе потыкался в поверхность тела в трех сантиметрах от того места, под которым находился его мозг. Затем кулак поднялся и резко опустился. Острая, звериная боль пронзила биолога.

— Недостаточно длинная, я думаю,— сказала Мак-Карти, согнула руку и снова стукнула почти по тому же самому месту.

— Нет,— задумчиво сказала она.— Потребуется еще некоторое время.— И затем:— Майор Гаме, после моей следующей попытки доложите мне, заметна ли какая-нибудь реакция в стеблях глаз Мейстера.

Боль клочкотала в нервах Джорджа. Одним полуослепшим глазом он наблюдал за зародышем руки, которая росла, увя, слишком медленно под краем тела, другим как замороженный следил за рукой Мак-Карти, медленно вытягивавшейся по направлению к нему. Рука росла прямо на глазах, он видел это, но, как ни странно, расстояние между ним и ею не только не сокращалось, а как будто бы увеличивалось.

Плоть монстра расплзлась в противоположные стороны, увлекая с собою Мак-Карти.

Мак-Карти вновь нанесла удар, вложив в него всю свою зlobную силу. На этот раз боль была менее острой.

— Майор,— спросила Мак-Карти.— Как результаты?

— Никаких,— ответил Гаме.— Как будто никаких. Между прочим, кажется, мы чуть-чуть продвигаемся вперед, мисс Мак-Карти.

— Вы жестоко ошибаетесь,— ответила она.— Нас оттесняют назад. Будьте бдительны, майор.

— Нет, в самом деле,— запротестовал Гаме,— мы, ей-богу, движемся в сторону роши. Я вперед, а вы за мной.

— Майор Гаме, это я двигаюсь вперед, а вы за мной.

Джордж увидел, что они оба правы: тело монстра утратило свою округлую форму и растягивалось теперь вдоль оси Гаме — Мак-Карти. Посередине стало намечаться что-то вроде перехвата. Под поверхностью также все было в движении.

Четыре мозга теперь располагались не квадратом, а прямоугольником.

Положение нитей спинного мозга тоже изменилось. Его собственный спинной мозг и спинной мозг Вивиан как будто оставались на месте. Зато спинной мозг Гамса и мозг Мак-Карти разошлись.

Увеличив свою массу примерно на двести килограммов, имярек *meisterii* делился на две особи, расположив жильцов

поровну — по двое на каждую половину. Гаме и Мейстер находились в одной, Мак-Карти и Беллис — в другой.

Джорджу пришло в голову, что при следующем делении каждая особь будет вынуждена ограничиться одним мозгом, а еще при следующем одна из новых особей будет монстр в его первобытном, незаселенном состоянии — покоящийся, закамуфлированный, ожидающий жертву, которая споткнется о него.

Но все это означало, что подобно обыкновенной амебе этот удивительный организм бессмертен. Если исключить несчастные случаи, он никогда не умрет, он будет просто-напросто расти и делиться.

К сожалению, иначе обстоит дело с его жильцами: их ткани будут стареть и умирать... Но так ли это? Ведь нервная ткань человека не способна расти, а у него и у Мак-Карти она разрослась. Ни в какой ткани человеческого тела новые клетки не образуются так быстро, как это имело место в стеблях глаз Мейстера и в руке Мак-Карти. Сомневаться не приходилось: их новая нервная ткань никак не может быть изначальной. Это была подделка — ткань, созданная монстром из своей собственной субстанции по структурным образцам ближайших первородных клеток. Но подделка эта не уступала оригиналу: новая и старая ткани взаимопроникали, аксоны пристегивались к дендритам, и в результате мышцы сокращались и расслаблялись по команде. Иными словами, имитация исправно функционировала. Следовательно, когда нервные клетки состарятся, они будут заменены. В конце концов отомрет последняя изначальная клетка, и человек-жилец полностью перейдет в монстра, но «различие, не порождающее различия, не есть различие». В сущности, жилец по-прежнему будет человеком, и притом бессмертным.

Если только исключить несчастные случаи.

Или убийство.

— Майор Гаме,— говорила тем временем Мак-Карти,— не смешите людей. Зачем вы морочите мне голову? Ведь если вы правы, то наши усилия двигаться в противоположных направлениях разорвут это существо на части.

Мак-Карти явно ни о чем не догадывалась. Ну и пусть думает как хочет, это лишит ее возможности действовать, а там деление и закончится... Но нет, так не годилось. Сам-то Джордж был уже вне ее досягаемости и удалялся от нее все дальше, но вот как с Беллис? Ее мозг и мозг Мак-Карти настолько сблизились...

Как быть? Если предупредить девушку, это откроет глаза Мак-Карти на истинное положение вещей. Вот если бы направить ее по ложному следу...

Внезапно он сообразил, что у него уже совсем не остается времени. Если он не ошибался, полагая, что общение между

мозговыми системами возможно лишь благодаря какой-то физической связи между ними, то клетки, осуществляющие эту связь, долго не выдержат: промежуток между двумя парами мозгов неуклонно увеличивался. И он решил.

— Вивиан! — позвал он.

— Что, Джордж?

— Послушай,— почувствовав облегчение, сказал он.— Это не мы растаскиваем монстра на части, а он делится сам по себе. Это его способ размножения. Ты и я окажемся в одной половине, Гаме и Мак-Карти — в другой. Если они оставят нас в покое, каждый пойдет куда захочет...

— Ах, я так рада!

Какой теплый у нее голос!..

— Да, но, быть может, нам придется с ними драться. Это зависит от них. Так что расти руку, Вивиан.

— Постараюсь,— неуверенно сказала она.— Я не знаю...

Голос Мак-Карти заглушил конец фразы.

— Майор Гаме! Поскольку у вас есть глаза, ваш долг позаботиться о том, чтобы не дать им убежать. Тем временем и вам советую растить руку.

— Служу Гражданской безопасности! — ответил Гаме.

Озадаченный Джордж глянул вниз мимо своей наполовину сформировавшейся руки. Почти вне поля его зрения под Гамсовым сектором тела выпячивался мясистый начаток руки. Майор работал над ним тайком, пряча его под краем тела... И он был куда лучше развит, чем рука Джорджа.

— Эге,— вдруг проговорил Гаме.— Послушайте, мисс Мак-Карти, Мейстер просто поливал вам мозги. Мы с вами, вишь ты, никак не попадем в одну половину. Этого просто не может быть! Мы с вами на противоположных концах этой проклятой штуки. Вы окажетесь вместе с мисс Беллис, а я — вместе с Мейстером.

У монстра явным образом намечалась талия. Нити спинного мозга развернулись, так что теперь между ними наметился просвет.

— Хорошо,— слабо вякнула Мак-Карти.— Спасибо, майор Гаме.

— Джордж! — словно издали, донесся испуганный голос Вивиан.— Что мне делать?

— Растить руку! — крикнул он.

Ответа не последовало.

IV

Оцепенев от ужаса, Джордж увидел, как рука Мак-Карти, сжимающая каменный осколок, вытянулась влево над пузырящейся поверхностью монстра. Еще он увидел, как она подско-

чила и тут же злобно упала. Он успел подумать: «Слава богу, еще коротка, это у Мак-Карти правая рука, она дальше от мозга Вивиан, чем была от моего», успел сообразить, что никак не сможет помочь Вивиан прежде, чем Мак-Карти удлинит свою руку на несколько недостающих сантиметров. Деление прошло лишь наполовину. Он был скован и мог двигаться с таким же успехом, с каким сиамский близнец — обойти вокруг своего брата.

Затем настал его черед. Заметив краем глаза какое-то мгновенное, как молния, движение, он оглянулся и увидел комковатую, неправильной формы псевдоручку, протянувшуюся к стеблям его глаз.

Инстинктивно он вскинул свою руку, схватил Гамса за запястье и отчаянно повис на нем. Рука Гамса была в полтора раза больше, чем его, и такая мускулистая, что, хотя перевес в плече рычага был в его пользу, он не мог ни оттолкнуть ее, ни отвести в сторону. Он мог только раскачивать эту руку вверх и вниз, стараясь попадать в такт усилиям Гамса, так что рука все время проходила мимо цели.

Гаме начал менять силу и ритм своих движений, пытаясь поймать Джорджа врасплох. Его толстый палец задел основание одного из стеблей.

— Очень сожалею, Мейстер, — сказал Гаме. — Я лично не питаю к вам никаких недобрых чувств. И между нами говоря — уф! — Мак-Карти — дрянь баба... Но — пфф! чуть не поймал вас! — нищим выбирать не приходится. Уфф... я смотрю на дело так: если сам о себе не позаботишься — пфф! — то кто еще позаботится о тебе? Уфф!..

Джордж не отвечал. Поразительное дело, он больше не боялся ни за себя, ни за Вивиан; он был просто чудовищно, невероятно взбешен. В его руку откуда-то вливалась сила. Яростно сосредоточенный, он думал: «Больше! Сильнее! Длиннее! Руку!»

Рука росла, на глазах наращивая ткани, удлинялась, утолщалась, бугрилась мускулами. С рукой Гамса происходило то же самое.

Он начал вторую руку. Гаме тоже.

Поверхность тела вокруг Джорджа неистово бурлила. К тому же он заметил, что чечевицеобразное тело монстра заметно сокращается в объеме. Его необычная дыхательная система была не приспособлена для такой борьбы, и он пожирал самого себя, уничтожал свои собственные ткани, чтобы не задохнуться.

Каков тот минимальный объем, когда он еще в состоянии содержать двух жильцов?

И от какого мозга он избавится в первую очередь?

Раздумывать было некогда. Гаме пошарил в траве своей второй рукой, не нашел ничего похожего на оружие и внезапно рывком разорвал тело монстра.

Деление закончилось.

«Что с Вивиан и Мак-Карти?» — мелькнула у Джорджа мысль, и на какую-то долю секунды он рискнул посмотреть назад. Он увидел там лишь какую-то бесформенную яйцеобразную глыбу, а обернувшись, успел лишь заметить, как полуоформленной правой рукой Гаме выхватил из травы длинную хворостину и хлестнул его по глазам.

Береговой откос был в одном метре левее. Джордж преодолел этот метр одним резким броском. Они поскользнулись, зашатались, на мгновение замерли, яростно стискивая друг другу руки, и полетели вверх тормашками, промчались в вихре пыли и гальки по головокружительной круче и мясистой лепешкой шмякнулись на дно.

Вселенная сделала последний гигантский оборот и остановилась. Полуослепший Джордж попытался нащупать опору, наткнулся на руку Гамса и крепко сжал ее.

— Ах черт, — сказал голос Гамса. — Мне каюк. Я ранен, Мейстер. Валяй кончай со мной, ну? Не трать времени даром.

Джордж подозрительно смотрел на него, не ослабляя хватки.

— Что с вами?

— Сказано вам, мне каюк, — раздраженно ответил Гаме — Я парализован. Не могу пошевелиться.

Они упали на небольшой валун, какими было усеяно русло реки. Валун был грубо конической формы. Они облегли его всем телом, и тупая вершина камня пришлась как раз под спинным мозгом Гамса, в нескольких сантиметрах от головного.

— Гаме, — сказал Джордж. — Возможно, все обстоит не так плохо, как вы думаете. Если я докажу вам это, вы откажетесь от борьбы и перейдете в мое полное подчинение, согласны?

— Как вы это сделаете? У меня перебит хребет.

— Это уж моя забота. Согласны или нет?

— Да, конечно. Это очень порядочно с вашей стороны, Мейстер. Факт. Даю слово, если мое слово еще что-нибудь значит.

— Отлично, — сказал Джордж.

Напрягшись изо всех сил, он стащил их тело с валуна. Потом поглядел на склон, по которому они скатились. Слишком круто, надо отыскать путь полегче. Он повернулся и посмотрел на восток вдоль жиденького ручейка, который еле струился посередине русла.

— За чем дело стало? — спросил Гамс.

— Надо отыскать путь наверх, — нетерпеливо сказал Джордж. — Быть может, еще можно помочь Вивиан.

— Ах, да... Каюсь, я думал только о себе, Мейстер. Но скажите мне, пожалуйста...

«Едва ли она осталась в живых,— мрачно думал Джордж,— но если есть хоть малейшая надежда...»

— Вы поправитесь,— сказал он.— Будь вы в своем прежнем теле, такое ранение могло оказаться смертельным, или в лучшем случае вы стали бы калекой, но с этой штукой все иначе. Вы выздоровеете так же легко, как отрастите новую конечность.

— Черт побери,— сказал Гамс,— как это я не подумал об этом! Вот глупец! Но послушайте, Мейстер, тогда, стало быть, мы попусту теряли время, убивая друг друга? Иначе говоря...

— Нет. Если б вы раздавили мой мозг, я думаю, организм переварил бы его, и мне пришел бы конец. Но если исключить такие убийственные жестокости, я уверен, что мы бессмертны.

— Бессмертны,— повторил Гамс.— Черт подери, это же совсем другие пироги...

Берег стал чуть понижаться, и в одном месте, где сырая почва была густо усеяна валунами, им встретился делювиальный откос, имевший вполне преодолимый вид. Джордж двинулся по нему наверх.

— Мейстер...— мгновение спустя сказал Гамс.

— Чего вам?

— Вы знаете, вы правы: ко мне начинает возвращаться осязание... Послушайте, Мейстер, а есть ли вообще что-нибудь такое, чего не умеет эта штука? Вот, например, как вы думаете, не смогли бы мы снова собраться в прежнем виде, какими были раньше... со всеми причиндалами и все такое прочее?

— Возможно,— отрывисто ответил Джордж. Эта мысль уже некоторое время занимала его, но он не был расположен обсуждать ее сейчас с Гамсом.

Они добрались до середины склона.

— В таком случае,— задумчиво сказал Гамс,— эту штуку можно использовать в военных целях, это факт. Тот, кто принесет такую штуку в военное министерство, будет обеспечен по гроб жизни.

— После того как мы разделимся,— сказал Джордж,— можете делать что хотите.

— Но это не выход, черт возьми! — раздраженно ответил Гамс.

— Почему?

— Потому что тогда они все равно смогут отыскать другого.

Гамс вдруг вытянул руки, ухватил небольшой валун и, не успев Джордж помешать ему, выворотил камень из гнезда.

Валун покрупнее, лежавший выше, дрогнул, качнулся и стал громоздко заваливаться вперед. Джордж, который находился прямо под ним, вдруг обнаружил, что он словно прикован к месту.

— Мне опять очень жаль...— услышал он голос Гамса, в котором звучало неподдельное сожаление.— Но вы знаете, что такое Служба безопасности. Я просто не могу рисковать.

Казалось, валун падает целую вечность. Еще раза два Джордж напрягал все силы, чтобы убраться с его пути, затем инстинктивно подложил под него свои руки. В самый последний момент он сдвинул их влево от центра заваливающейся на него серой глыбы... И вот она рухнула.

Джордж почувствовал, как его руки сломались, словно веточки, и что-то серое закрыло все небо. Он почувствовал удар, словно кувалдой, от которого содрогнулась земля.

Он услышал какой-то всплеск.

Но он все-таки был жив. Этот поразительный факт занимал его мысли еще долго после того, как валун с грохотом прокатился в тишину вниз по склону. Наконец Джордж взглянул вправо от себя.

Сопротивления его напрягшихся рук, пусть даже они потом сломались, оказалось достаточно, чтобы сместить падающий камень на каких-нибудь тридцать сантиметров в сторону... Правая половина чудовища, где находился мозг Гамса, представляла собой расплюснутую, раздавленную лепешку. Он еще успел заметить несколько пятен вязкого серого вещества, которое быстро растворялось в серо-зеленой полупрозрачной массе, медленно сплывавшейся в одно целое.

Через двадцать минут рассосались последние остатки спинного мозга, монстр привел себя в нормальный чечевицеобразный вид, и Джордж почувствовал, что боль стала утихать. Еще через пять минут его подправленные руки настолько окрепли, что ими уже можно было пользоваться. К тому же они теперь еще больше походили на человеческие и по форме, и по цвету, у них были отличные сухожилия, ногти и даже морщинки на коже. В другое время Джордж принял бы блаженно размышлять по этому поводу, теперь же он едва обратил на это внимание, так он спешил. Джордж взобрался на берег. На сухой траве метрах в тридцати от него неподвижно лежало выгнутое горбом серо-зеленое тело, точь-в-точь как его собственное.

Разумеется, оно заключало в себе один только мозг. Чей именно?

Почти наверняка Мак-Карти. У Вивиан просто не было шансов выжить. Но тогда чем объяснить, что рука Мак-Карти бесследно исчезла?

Джордж нерешительно обошел существо вокруг, чтобы лучше разглядеть его.

На противоположной стороне он увидел два темно-карих глаза с каким-то странно неопределенным выражением. Секунду

спустя они устремились на него, и все тело встрепенулось, подалось ему навстречу.

У Вивиан были карие глаза, Джордж отчетливо это помнил. Карие глаза с длинными густыми ресницами на нежном, суженном к подбородку лице... Но что это доказывает? Какого цвета глаза были у Мак-Карти? Этого он не мог сказать наверняка.

Разобраться во всем можно было лишь одним способом. Джордж придвинулся ближе, уповая на то, что имярек *meister* гии по крайней мере достаточно развит, чтобы конъюгировать, а не пожирать представителей своей собственной породы...

Два тела соприкоснулись, слиплись и начали сливаться. Теперь Джордж мог наблюдать процесс деления в обратном порядке. Плоть спаренных чечевиц слилась сперва в тупельку, потом приняла яйцеобразную и наконец чечевицеобразную форму. Его мозг и другой сблизились, нити спинного мозга пересеклись под прямым углом.

Лишь после этого он заметил что-то странное в другом мозге: он казался светлее и чуть больше, чем его, очертания чуть-чуть отчетливее.

— Вивиан? — с сомнением произнес он. — Это ты? Никакого ответа. Он спросил еще раз, потом еще.

Наконец:

— Джордж! Господи боже, мне хочется реветь, а я не могу.

— Нет слезных желез,— машинально констатировал Джордж.— Так это ты, Вивиан?

— Да, Джордж.

Опять этот теплый голос...

— Что случилось с Мак-Карти? Как ты сумела изба... Я хочу сказать, что с ней стало?

— Не знаю. Ее ведь нет, правда? Я давно уже ее не слышу.

— Да, ее нет,— сказал Джордж.— Так ты говоришь, не знаешь? Расскажи мне все, что ты делала.

— Ну, я хотела сделать руку, как ты мне велел, но мне показалось, что я не успею. Тогда я взяла и сделала череп. И эти, как их, чтобы прикрыть себе спину...

— Позвонки. «Вот ведь не сообразил!»— ошеломленно подумал он.— Ну а потом?

— Кажется, теперь я плачу,— сказала Вивиан.— Ну да, точно... Господи, какое облегчение!.. Ну а потом ничего. Она все еще делала мне больно, а я просто лежала и думала: «Какое счастье, если б ее не было рядом». И вот через некоторое время ее не стало. После этого я сделала глаза, чтобы найти тебя.

Объяснение озадачивало больше, чем сама загадка. Джордж внимательно огляделся вокруг и увидел нечто такое, чего не заметил раньше. В двух метрах правее, едва виднеясь в траве, лежал влажный сероватый комок с неким подобием хвоста...

Николай Немнонов

ДЕНЬ В ЛЕБЕДИНОМ ЦАРСТВЕ

Фотоочерк

В имярек *meisterii*, вдруг пришло ему в голову, существует особый механизм для избавления от жильцов, не умеющих приспособляться, для устранения таких мозговых систем, которые склонны к кататонии, истерии или самоубийственному умоисступлению. Если можно так выразиться, пункт, предусматривающий незамедлительное выселение.

Вивиан сумела стимулировать этот механизм, убедить этот удивительный организм в том, что мозг Мак-Картти не только не нужен, но и опасен, можно даже сказать, «ядовит».

Мак-Картти — таков был ее бесславный конец — даже не удостоилась чести быть переваренной, а была извергнута в виде испражнений.

Двенадцать часов спустя, к заходу солнца, они добились немалых успехов. Они договорились по всем важным вопросам и снова устроили облаву на стадо псевдосвиной и пообедали. Наконец из совершенно различных побуждений — Джордж считал естественный метаболизм чудовища явно неэффективным при быстром передвижении, а Вивиан и слышать не хотела о том, будто бы она может быть привлекательной для мужчины в своем нынешнем обличье, — они серьезно занялись переустройством своего тела.

Первые попытки были необычайно трудны, потом все пошло удивительно легко. Вновь и вновь им приходилось возвращаться в амебовидное состояние из-за какого-нибудь забытого или плохо функционирующего органа. Но каждая неудача лишь выравнивала путь, и в конце концов они воздвиглись друг перед другом, задыхаясь, но дыша, пошатываясь, но держась на ногах, — два изменчивых гиганта в благоволящей полутьме, первые люди, которые создали сами себя.

Потом они прошли тридцать километров, отделявших их от лагеря Федерации. Встав на гребне горы и глядя на юг через неглубокую долину, Джордж увидел слабое зловещее зарево. Это железоделательные машины извергали из себя металл, чтобы накормить фабрикаторы, которые наплодят мириады космических кораблей.

— Мы ни за что не вернемся к ним, да? — сказала Вивиан.

— Ни за что, — спокойно сказал Джордж. — Со временем они сами придут к нам. Мы подождем. Мы будущее.

И еще одно, так, пустяк, но очень важный для Джорджа: в нем сказались его любовь к завершенности — один период кончился, другой начался. Он наконец-то придумал название для своего открытия: вовсе не что-то такое *meisterii*, а *Spes hominis* — Надежда человека.

Перевод с английского
В. Смирнова

Это был очень длинный день. Начался он для меня еще затемно. Я приехал на биостанцию у озера Жувинтас поздно вечером. В окнах уже не было света, и только луна, прорывшаяся сквозь облака, рассыпала серебро по отдаленным плесам.

Запоздавшего гостя накормили, угостили каким-то особенным чаем, настоенным на ароматичных травах, и глубокой ночью отвезли в заранее приготовленный скрадок — шалаш из толя с отверстиями-амбразурами, смотрившими в разные стороны. Это сооружение было воздвигнуто на плоскодонке и замаскировано тростником.

Лодка стояла в зарослях тростника. В этой «крепости», разложив свой разнокалиберный фотоарсенал, я должен был ждать рассвета, появления лебедей, уток и прочей населяющей озеро живности. (У ружейных охотников это называется охотой из засидки.)

Ночью прошла гроза. Низкие тучи, сгущая темноту, бежали над озером. Крупные капли дождя в переменном темпе барабанили по моему шалашу, шуршали в озаряемых вспышками молний камышах. Под этот шум, дополняемый по временам раскатами грома и легким плеском бьющихся о борт волн, я уснул, убаюканный покачиванием лодки.

Когда я проснулся, гроза прошла. Уже светало: летняя ночь короче воробьиного носа. Озеро мирно спало под ватным одеялом тумана. Тишина. Только в зарослях монотонно урчали лягушки да где-то неподалеку плескалась большая рыба. Вот возле самой лодки беззвучно, с озабоченным видом проплыла лысуха, вдали послышался звук лодочного мотора, а потом хлопанье крыльев лебеда. Озеро просыпалось. Казалось, что свет надвигающегося утра вытесняет тишину. В дружный хор лягушек вплетались голоса лысух. Появилась пара чомг с птенцами. Повернулись перед скрадком и уплыли восвояси.

В предрассветной мгле приблизилась едва заметная на фоне отражающей белесое небо воды пара лебедей. В камышах пищала какая-то птица. С криками, сверкая кипенно-белым оперением, пролетали чайки.

Смотрю на часы: 25 минут пятого.

Почти совсем рассвело. Лебеди кормятся. За ними дальше, чуть в стороне, еще и еще. Да здесь настоящее лебединое царство! С плеса подплыла серая утка. Заметила скрадком, остановилась и, видимо, заподозрив опасность, повернула на обратный курс. Лебеди все кормятся. В поле зрения уже шестнадцать белоснежных, величественных птиц. Среди них, как челядь возле княжеских особ, суетятся лысухи.

Перед самой лодкой с криками мелькают в воздухе черные крачки. Вот одна из них затрепетала над тростником, склонула с травинки какое-то насекомое и умчалась догонять товарок.

4 часа 50 минут. Розовеют облака. Берега еще закрыты туманом. Параллельно лодке, как под парусами, приподняв крылья, плывет лебедь. Потом, хлопая крыльями, разбегается по воде, тяжело поднимается в воздух и летит к камышам. За ним пролетают другие. Мелькают крачки, летят стаи уток. На озере оживление и вдруг, как по команде, затишье. Только крачки стремительно, как ласточки, летают вблизи скрадка над самой водой или, трепеща крыльями, висят в воздухе над камышами. Справа слышу чей-то голос. Двое рыболовов-спиннингистов плывут в лодке. Это они напугали птиц. Приходится выбраться из скрадка и попросить их перейти на другое место.

Озеро снова накрыло туманом. Свежий ветер гоняет его по плесам. Багровое солнце медленно поднимается над тростниками, бросая на воду червонную дорожку.

Издали слышен шум крыльев подлетающих лебедей. Вот они, пяток белокрылых красавцев. Мимо скрадка, почему-то парами,

в кильватерном строю проплывают восемь лысух. Хотя уже достаточно светло и стрелка экспонометра давно перешла «критическую» черту, снимать нельзя. Телеобъектив подчеркнет висящий над водой туман, и это испортит снимок. Снова на плесе забелели десятка два лебедей. Далеко... На дне лодки вода. Сапоги промокли, но холода не чувствую. В «глазок», прорезанный в стенке шалаша, вижу лебеда. Он приподнимается, хлопает крыльями, как бы разминаясь, потом после разбега поднимается на крыло и подлетает ближе. А кругом все хлопают и хлопают мощные крылья. Солнце ярче освещает тростники. Кричат лысухи. На берегу кукует кукушка. Плещется рыба мелочь: видно, окунь гоняет. Совсем рядом со скрадком, сверкая на солнце оперением, плавают одинокий лебедь. Он охорашивается, пьет, трясет хвостом, кормится, опуская длинную шею под воду, и временами оглядывается.

Любуюсь подплывшими ко мне тремя белоснежными птицами. Настороженно вытянув шеи, они во что-то всматриваются. Потом все разом, как по команде, побежали по воде и взлетели.

Десятый час. Что ж, можно и отдохнуть. «Охота» прошла удачно. Но ждать лодки, на которой за мной должны приехать, еще долго. И я прошу рыбаков (которыми оказались наблюдатель заповедника и научные сотрудники Литовской академии наук, проводившие исследования на озере) отвезти меня на берег. Через несколько часов уже другим методом я продолжил интересную съемку.

ФАКТЫ, ДОГАДКИ, СЛУЧАИ...

ПОСЛЕДНИЕ ИЗ ТАРПАНОВ

Многим ли известно, что в Европе одновременно с домашними существовали и дикие лошади?

В античное время они водились даже в Испании и Альпах. В средние века население многих стран Европы одним из лакомых блюд считало непарнокопытную «дичь» — диких лошадей. Особенно увлекались кониной монахи. Папа Григорий III (VIII век) писал св. Бонифацию: «Ты позволил некоторым есть мясо диких лошадей, а большинству и мясо от домашних. Отныне же, святейший брат, отнюдь не дозволяй этого». Но гурманы-монахи пренебрегали запрещением святого отца, и долго еще в монастырях это блюдо слыло деликатесом. Настоятель Сен-Галленского монастыря в Швейцарии в сборнике застольных молитв предлагает своим братьям во Христе и такую: «Да будет вкусно нам мясо дикого коня под знаменем креста!»

До XVII века некоторые города Европы содержали отряды стрелков, охотившихся на диких лошадей. А в лесах восточной Германии и, по-видимому, Польши еще лет сто пятьдесят назад можно было встретить дикого коня.

В 1814 году в Пруссии несколько тысяч загонщиков окружили и истребили в Дуисбургском лесу последние табуны диких лошадей. Всего было убито 260 животных.

О существовании диких лошадей в России упоминается в «Поучении детям» (XII век) киевского князя Владимира

Мономаха. Позже с ними мы встречаемся в истории гетмана Мазепы. В 1663 году за какую-то провинность казаки привязали будущего гетмана к дикому коню, который умчал его в степь. (Однако Мазепа сумел как-то освободиться от пут.)

Украина — единственная страна в Европе, где дикие лошади дожили до второй половины прошлого века. Это были знаменитые тарпаны, о которых сейчас почти забыли. Не сохранилось воспоминаний о них даже у жителей тех мест, где еще сто лет назад последние дикие лошади «гуляли на воле».

Тарпан, или турпан (это татарское слово), — крупная, выносливая и отважная лошадь, мышастой масти (пепельно-серая) с темным ремнем вдоль хребта. Грива, хвост и ноги до «колен» черные или черно-бурые. У некоторых тарпанов на передних ногах замечали темные поперечные полосы — чуть приметная зеброидность.

Еще совсем недавно тарпаны были распространены от Литвы и Белоруссии до Степного Крыма и Предкавказья, от Карпат до Волги и, возможно, даже до Урала. За Уралом жили уже джунгарские тарпаны, более известные как лошади Пржевальского. Если лошадь Пржевальского и тарпан, как полагают сейчас некоторые зоологи, лишь два разных названия одного и того же животного, то тарпаны водились и за Уралом, в сибирских степях до Алтая. А восточнее, в Забайкалье (в даурских степях), снова встречаются следы недавнего обитания диких лошадей.

А. М. Колчанов, председатель Днепровской уездной управы, с увлечением собирал разные сведения о жизни тарпанов в естественных условиях. Вот как он описывал эту жизнь: «Тарпаны были очень осторожны, легки и быстры на бегу. Стадом тарпанов всегда заправлял самец, он охранял стадо во время пастбы, всегда находясь на каком-нибудь кургане, вообще на возвышенной местности, тогда как стадо паслось в долине. Самец давал знать стаду об опасности и сам уходил последним. Самец же гнал свое стадо к водопою, предварительно осмотревши место водопоя, нет ли опасности, для чего удалялся от стада нередко на версту и более. В сухие лета, когда в степи вся вода пересыхала, тарпаны приближались к Днепру, где их встречали на Казакком броне верстах в сорока от Зеленой. Впрочем, тарпаны, по сообщениям, очень выносливы к жажде, и достаточно небольшой росы, чтобы тарпан мог утолить свою жажду, слизывая росу языком с травы.

Весною ловили преимущественно жеребят и беременных самок; старых тарпанов — самцов поймать арканом удавалось редко: бегали они очень быстро и были чрезвычайно осторожны. Приручить их даже для верховой езды никогда не удавалось. Бывали случаи, когда степные лошади, особенно кобылицы,

приставали к стаду тарпанов, говорят даже, что тарпаны-жеребцы сами отбивали самок из табунов домашних лошадей...»

Местные жители не любили тарпанов. Не только потому, что те часто уводили из табунов домашних кобыл,—тарпаны травили посевы, а зимой поедали в степи заготовленное для скота сено. Их всюду истребляли. Стерегли у водоемов, на тропах, протоптанных к стогам, загоняли по глубокому снегу верхами. Русский натуралист XIX века Эверсман, который сам еще видел живых тарпанов, так описывал зимнюю охоту на них: «... жители как только завидят в окрестности табуны диких лошадей, тотчас собираются, садятся верхом на самых лучших и быстрых скакунов и стараются издали окружить тарпанов. Когда это удается, охотники скачут прямо на них. Те бросаются бежать. Верховые долго их преследуют, и наконец маленькие жеребята устают бежать по снегу. Но старые тарпаны скачут так быстро, что всегда спасаются».

Заселение и распашка южных степей привели к вымиранию тарпанов. По словам Гептнера, их гибель определилась экономическим развитием страны. Финал наступил быстрее, чем ожидали самые неисправимые пессимисты. Еще в начале прошлого века на юге Украины и в Крыму обитали довольно многочисленны табуны тарпанов, а уже в 1879 году погиб последний тарпан. Это была одноглазая кобыла с достаточно интересной и неплохо документированной историей.

Записана она в семейной хронике Фальц-Фейнов. В конце прошлого века Фридрих Фальц-Фейн приобрел в степи к северу от Крыма большой участок земли. Там он создал заповедник Аскания-Нова, где проводились опыты по акклиматизации многих экзотических животных.

Соседом Фальц-Фейнов был крупный землевладелец Александр Дурилин. В Рахмановской степи * у него паслись большие табуны лошадей. К семидесятым годам тарпаны в этой местности уже исчезли. Но однажды неведомо откуда прискакала дикая лошадь и, зорко оглядываясь по сторонам, направилась к табуну **. Она, видно, тосковала без лошадиного общества, но боялась приблизиться к своим «цивилизованным» сородичам. Постепенно, день за днем она набиралась храбрости и наконец привыкла к домашним лошадям. Когда табунщики были далеко, кобыла-тарпан паслась вместе с другими лошадьми. Но как

* На левом берегу нижнего течения Днепра.

** Фальц-Фейн полагает, что она пришла из табуна, который кочевал к западу от Аскании-Нова, там, где сейчас проходит железная дорога из Николаева на Джанкой (тогда она только строилась). В начале 70-х годов в табуне было восемь лошадей, потом их стало пять, две и наконец осталась одна кобыла, которая и ушла на запад, в Рахмановскую степь.

только люди приближались, она, дико всхрапнув, скакала прочь и в сторонке дожидалась, пока они отъедут подальше.

Рассказывают, что, отдыхая, она никогда не ложилась на землю, как домашние лошади. Даже спала стоя.

Прошло три года, прежде чем дикая лошадь стала более доверчивой к людям. Она уже не убегала далеко, когда верховые табунщики приближались к ней. А на водопоях и зимних подкормках подпускала их совсем близко. За эти три года она дважды жеребилась, и отцом ее жеребят был вожак дурилинского табуна. Выросших жеребят пытались запрягать, но они не годились для работы.

Через три года дикая кобыла решила вместе с табуном войти в зимний загон. По приказу Дурилина домашних животных выгнали из конюшни, а ее заперли там. Обезумевшая дикарка стала метаться по конюшне и выбила себе глаз. Потом, забившись в темный угол, застыла. Несколько дней простояла она там, отказываясь от еды. Но голод и жажда взяли свое. Постепенно она стала брать сено из рук конюха, ходить на водопой, но всякий раз старалась вырваться. Оседлать ее было невозможно.

После того как весной кобыла ожеребилась (уже в третий раз), ее решили выпустить на вольный выпас вместе с табуном. Думали, что она стала совсем ручной. Но она, как видно, свободу ценила выше сытой жизни. Как только открыли ворота и сняли недоуздок, кобыла с громким ржанием умчалась в степь. Позднее она вернулась, но ненадолго: подозвала своего жеребенка и ускакала вместе с ним. Больше их не видели.

В декабре 1879 года в Аскании-Нова прослышали, что всего в тридцати пяти верстах, в Агайманском Поду, у села Агайман, видели будто бы дикого тарпана. Крестьянам захотелось испытать резвость своих коней, и они решили поймать его. По везу Агайманскому Поду расставили конные подставы, на которых лучшие ездоки на лучших лошадях (иные и о двуконь!) дожидались преследователей, чтобы сменять их в бешеной скачке за тарпаном.

Погоня продолжалась весь день, и, возможно, так и не догнали бы тарпана, но тому не повезло: он сломал ногу, попав в сурчиную нору. Люди окружили беспомощно лежавшее на снегу животное и, связав его, привезли в Агайман. Тут оказалось, что это та самая одноглазая кобыла, которая предпочла свободу дурилинской конюшне.

Своим свободолюбием она вызвала такую симпатию у крестьян, что те решили спасти тарпаниху и упростили деревенского парикмахера (он же и коновал) сделать ей протез. Но измученное животное не воспользовалось этой любезностью врагов: в конце декабря 1879 года последний «вольный» тарпан умер в ненавистном ему плену.

В плену, правда, жила еще одна дикая лошадь — знаменитый «шатиловский» тарпан, который после рождения лишь неделю провел на свободе, а остальные двадцать лет — в неволе.

И. Н. Шатилов был большим любителем лошадей, очень интересовался тарпанами, много писал о них, всеми силами старался спасти этих редких животных от уничтожения. В конце прошлого века он по просьбе Петербургского общества акклиматизации Ячивотных доставил в Москву и Петербург двух тарпанов. Это были единственные из тарпанов, тщательно исследованные зоологами, единственные, от которых сохранились кости: череп от «шатиловского» и скелет от «таврического». Череп хранится в Зоологическом музее МГУ, а скелет — в Ленинграде, в Зоологическом институте Академии наук.

«Таврического» тарпана поймали в Таврических степях, в имении В. А. Оболенского. В 1862 году его привезли в Петербург. Академик И. Брандт, увидев дикого коня, решил, что не стоило его так далеко везти: это не тарпан, а «скверная крестьянская лошадедка».

Шатилов не согласился с этим выводом. По его мнению, тарпан не одичавшая лошадь, а вид дикого животного из семейства лошадиных.

«Позднейшее изучение черепа и скелета этого тарпана», — пишет профессор В. Г. Гептнер в «Заметках о тарпанах», — показало, что прав был Шатилов, а не академик Брандт. Если «таврический» тарпан был похож на «шатиловского», то Брандт ненамного ошибся. Черепа диких лошадей почти не отличаются от черепов домашних, и решить, изучая их, кому принадлежали они, диким или домашним животным, очень трудно. А вот если судить по экстерьеру, то есть по статьям, по внешности, то «шатиловский» тарпан на дикую лошадь был мало похож. Дело в том, что сохранились его фотографии, сделанные в 1884 году в Московском зоопарке. На фотографиях тарпан выглядит обыкновенной лошадедкой с оленьей шеей, длинной гривой, челкой и со щетками на задних ногах. А такими признаками настоящие (чистокровные) дикие лошади не обладают.

«Шатиловский» тарпан, проявив в зоопарке около двух лет, умер. Долгие годы ученые считали его последним представителем тарпана, хотя и нечистокровным.

Но действительно ли он был последним?

Перед войной в руки наших зоологов попал документ, который заставил их в этом усомниться. Весной 1934 года В. Г. Гептнер получил заверенные несколькими свидетелями показания зоотехника Н. П. Леонтовича.

«В 1914—1918 годах, — сообщил Леонтович, — я имел возможность наблюдать последний экземпляр тарпана. В эти годы животное жило в имении Дубровка Миргородского уезда Полтавской губернии».

Это был старый, «исключительно злой и дикий» жеребец мышастой масти. Владельцы конного завода доверили ему косяк киргизских кобыл. Он, очень ревностно исполняя свои обязанности, не подпускал никого из чужих к своему гарему. Нападал даже на людей, проезжающих по степи, «если у них в упряжке были кобылы». Жеребец с таким свирепым и решительным видом бросался на повозку, что испуганные люди убегали. Тарпан рвал зубами сбрую, освобождал своих новых возлюбленных от плена и гнал их, оглашая степь победным ржанием, к своему косяку.

Этого отважного жеребца табунщики купили у немцев-колонистов совсем маленьким жеребенком. А те поймали его, перебив стадо диких лошадей.

Гептнер думает, что немцы-колонисты истребили табун диких родичей маленького тарпана где-то в Таврических степях в начале 90-х годов прошлого века. «Это, вероятно, и есть дата гибели самых последних вольных тарпанов», — заключает он. Таким образом, гибель последнего тарпана в неволе переносится с 80-х годов на 1918—1919 годы.

На этом можно было бы поставить точку, если бы история тарпанов не имела продолжения. Но ученые не могли примириться с тем, что нет больше на земле тарпана, и решили «воскресить» его.

В 1808 году из зверинца панов Замойских * местные крестьяне получили двадцать диких лошадей. Потомки тарпанов, смешанные, конечно, с домашними лошадьми, донесли до наших дней многие признаки своих диких предков.

Из этих-то тарпановидных коников, как их называют в Польше, зоологи и генетики решили умелым скрещиванием и отбором вывести новую «породу» лошадей с внешними признаками тарпана. Работой руководил Т. Ветулани. Дело, начатое в 1936 году, шло очень успешно. Тарпан возрождался на глазах: шаг за шагом, поколение за поколением его потомки, растерявшие в течение полутора веков свои признаки в массе крестьянских полукровок, постепенно вновь «собирали» их. Некоторые кобылы стали приносить жеребят с короткой стоячей гривой, как у зебры или лошади Пржевальского. А это наиболее типичный «дикий» признак, закрепить который у потомков домашних лошадей особенно трудно.

«Воскрешенные», или, как говорят зоологи, «восстановленные», тарпаны живут на воле даже зимой, в пургу и морозы, обходятся без укрытий и подкормки.

* От Замосцье, расположенного в юго-восточной Польше, у границы с Украиной.

Почти в одно время с поляками возрождением тарпанов занялись немецкие биологи братья Лутц и Хейнц Хек. До этого они уже занимались спасением вымирающего зубра и восстановлением тура. Лутц Хек в книге «Мои приключения с животными» раскрывает основные принципы своей работы. Он пишет: «...ни одно существо не может считаться полностью вымершим, пока его наследственные качества еще сохраняются в потомках. Эти качества умелым скрещиванием с другими видами животных можно попытаться выявить более отчетливо в гибридах такого скрещивания. С помощью современных достижений генетики можно даже полностью восстановить наследственность вымершего животного. Если полученные метисы будут размножаться, то постепенно под влиянием искусного отбора их облик от поколения к поколению будет меняться в нужную нам сторону. В результате может вновь возродиться животное, исчезнувшее сотни лет назад».

В Германии, в поместье Липпе-Детмольдов, уже несколько веков жили в лесах одичавшие лошади. Люди беспокоили их несколько раз в год для клеймения новорожденных жеребят.

Из этого табуна братья Хек и отобрали для своих опытов лошадей с наиболее яркими признаками тарпанов.

Оба брата были директорами зоологических садов: Лутц — Берлинского, Хейнц — Мюнхенского. Поэтому тарпана «воскрешали» одновременно в этих двух городах. Лутц Хек так описывает проведенные ими эксперименты: «Мы свели буланого жеребца, представителя другого типа диких лошадей (то есть жеребца лошади Пржевальского), с домашними потомками мышастого тарпана — с кобылами исландских пони и польских коников. И уже во второй серии скрещиваний, в Мюнхене, получили совершенно сказочного жеребенка! Он словно был одет в серую униформу, мастью похожий на мыш, с черной гривой и хвостом, с широким черным ремнем по хребту. Позрел, он стал более светлым снизу, а ноги его, наоборот, потемнели, совсем как у старого тевтонского коня. Это была наша первая примитивная лошадь! Она родилась, когда уже ни один человек не надеялся ее увидеть. Все случилось, как в волшебной сказке!»

Однако восстановление тарпана оказалось делом куда более сложным, чем показалось вначале. За удачами, как это всегда бывает, пришли неудачи. Ученые испробовали много разных вариантов: кровь детмольдовских лошадей «сливали» в разных пропорциях с кровью коников, примитивных пони и джунгарских тарпанов. И дело пошло на лад. Во время войны работы были прерваны. Все тарпаноиды Берлинского зоопарка погибли при бомбежках и разрухе. Но мюнхенские уцелели. Их сейчас несколько десятков голов, и, как пишут, они «уже приобрели гарпаний вид».

Генетики не старались вывести лошадей с более крепкими копытами. Это получилось само собой: вместе с другими чертами их питомцы обрели и этот атавистический дар своего дикого предка. Филипп Стрит в книге об исчезающих животных рассказывает, что один «мюнхенский» тарпан, запряженный в телегу, прошел по нелегким дорогам около 1000 миль (1600 километров), и, хотя он не был подкован, копыта его отлично сохранились.

Так ученым-генетикам удалось восстановить тарпана. Наука совершила еще одно чудо.

Игорь Акимускин

Короткие факты о разном

* В некоторых районах Чили в качестве топлива используются окаменевшие стволы деревьев доледникового периода. Их добывают на склонах гор, где они стоят в виде огромных колонн. Деревья так прочны, что их приходится не пилить, а валить на землю взрывами динамита. При горении окаменевшая древесина по своим качествам не уступает антрациту.

* Неожиданная находка кубинских ботаников принесет экономике острова Свободы большую выгоду.

В горной местности обнаружены деревья, сок которых богат латексом, то есть хорошим сырьем для получения натурального каучука. Эти деревья, которые называются «кастиллоа эластика», дают более качественный латекс, чем каучуконосные деревья Южной Америки. Сейчас на Кубе уже создаются первые государственные плантации.

* Над лесами Швеции самолеты гражданской авиации разбрасывают порошкообразную мочевины. Лесники считают, что такая подкормка азотными удобрениями увеличит в будущем заготовку древесины почти на 20 процентов.

* Французские ученые выступили недавно с новой гипотезой, объясняющей, почему молнии ударяют в деревья. По их мнению, листва деревьев образует облако из эфиросодержащих частиц. Такое облако быстро приобретает электрический заряд. В него и ударяет молния.

* Химики США недавно синтезировали эфироподобное летучее вещество, которое выделяет самка бабочки — вредителя хлопчатника. Новое вещество будет использоваться на полях в ловушках, в которые будут заманиваться самцы насекомых-вредителей.

ГОСТЬ ИЗ ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

У каждого из нас есть заветные слова, заставляющие сердце биться быстрее. Для меня с 1957 года таким словом стало «Сунгирь»...

Впервые оно было произнесено в тесной лаборатории Института археологии, находившейся тогда в центре Москвы, в Черкасском переулке, где каждый дом представляет собой город в миниатюре, а разноцветные стеклянные вывески с совершенно непроизносимыми сокращениями лепятся вокруг подъездов от тротуара до второго этажа. Чувствовал ли я тогда, слушая седоватого, немного озабоченного профессора с добрыми, мягкими глазами и маленькой эспаньолкой, что этот разговор на много лет вперед предопределит направление моей жизни? Вероятно, чувствовал, потому что без колебаний попросился к нему в экспедицию...

На спидометре —тысячелетия

Через несколько дней в этом же переулке мы грузили на экспедиционную, крытую брезентом машину лопаты, упаковочную бумагу, спальные мешки, палатки, ведра, помятые алюминиевые кастрюли и еще много всякого снаряжения, без которого экспедиция не экспедиция.

Заброшены под брезент рюкзаки, вытащены ватники, выслушаны последние наставления и — прощай, Москва! Из лабиринтов улиц, из переплетения проводов и трехцветного мигания светофоров мы наконец выбираемся на простор Горьковского шоссе. Отныне серая полоса асфальта, с легким шипением лежащая под колеса машины, становится для нас дорогой времени, а километры — тысячелетиями, которые отсчитывает спидометр

перед баранкой шофера. Потому, что едем мы не во Владимир и Боголюбово, как написано в наших командировках, а по крайней мере в двадцать пятое тысячелетие до нашей эры! Точнее, в палеолит копать самую северную стоянку первобытного человека. Стоянка эта находится у ручья со странным названием Сунгирь...

Безусловно, все мы не раз и не два бывали в исторических музеях, экспозиция которых начиналась с родословного древа человечества. И там, на одной из верхних веток, всегда стояла такая мрачная волосатая фигура, с глупой ухмылкой сжимающая первый оббитый ею камень. Следом за таким документом, внушающим безусловное почтение и уважение, под стеклами витрин обычно находятся кремневые желваки с белой известковой коркой, расколотые кремни, тонкие изящные пластины и первые явные орудия, называемые рубилами, скребками, проколками, ножами, но ничего не говорящие непосвященному.

Все спасают произведения первобытного искусства. Даже обычный посетитель останавливается перед маленькой статуэткой женщины, вырезанной из желтого бивня мамонта, а копии пещерных фресок, где изображен животный мир тех отдаленных эпох, потрясают и завораживают.

Кость и глина

К Боголюбову мы подъезжали в темноте. Сережа Астахов, который обследовал стоянку еще в прошлом году, сидел рядом с шофером и показывал дорогу. Не доезжая километр до села, мы свернули в сторону, с ревом выкарабкались из кювета и через кусты напролом поехали по жнивью, мотаясь, как судно в штормующем море. Наконец фары выхватили из темноты зеленые скосы, ложбину, заросли орешника. Мы приехали!

На высоком коренном берегу Клязьмы, на площадке второго вала маленького славянского городища, стояли наши палатки. Внизу, извиваясь в широкой заросшей долине, текла Клязьма. Она уходила дальше, на восток, где среди зеленых пойменных лугов одиноко светилась белым камнем стройная красавица церковь Покрова на Нерли. Она стояла у слияния двух рек, как воплощенная в камень мечта, а слева, тоже вдаль, на крутых берегах возвышалась резиденция ее строителя Андрея Боголюбского, однажды ночью погибшего от руки вероломных бояр...

Стоянка находилась между нашим лагерем и шоссе. Прямо среди поля был вырыт огромный прямоугольник карьера, в котором соседний кирпичный завод добывал себе глину. Тяжелый экскаватор двигался по рельсам, а вереница ковшей медленно углубляла дно котлована. Это продолжалось до июня

1955 года, когда вдруг экскаваторщик А. Ф. Начаров заметил в ковшах какие-то огромные кости! Дальше больше. Вместе с костями стали попадаться обломки кремня, сланцевые пластинки с дырочками, скопления угля. Так была открыта замечательная стоянка первобытного человека, самая северная из всех известных тогда в Восточной Европе, если не считать стоянку Талицкого на Каме.

Сейчас карьер лежал перед нами заброшенный, наполовину заросший бурьяном, и только кое-где белевшие обломки костей свидетельствовали, что ехали мы сюда не напрасно.

Теория и практика

Вечером следующего дня приехал Отто Николаевич Бадер.

Если писать о человеке вообще трудно, то вдвое труднее писать о том, кому ты обязан очень многим в своей жизни. Сказать, что Отто Николаевич был «кумиром» молодежи,— значит удариться в сентиментальность и сказать очень мало. Бадер был не только начальником экспедиции. Это был старший товарищ, который умел в самом общем разговоре очень осторожно и деликатно подвести собеседника к нужной мысли. И не только подвести, но и заставить ее отстаивать. Он учил нас не только копать, но и видеть, что мы копаем, представлять воочию то, что происходило здесь несколько десятков тысяч лет назад...

Он был нашим старшим другом. И вот так, чувствуя полную самостоятельность, а на самом деле направляемые одним из самых опытных археологов-палеолитчиков, мы начали раскопки Сунгиря.

Надо сказать, что великий ледяной щит, покрывавший север Европы, в течение добрых полутора сотен тысячелетий не был неподвижным. Колебания климата, смена потеплений и похолоданий то отодвигали его на сотни и тысячи километров, то он снова начинал свое движение на юг. Последняя такая остановка и наступление ледника произошли около 30 тысяч лет назад. На этот раз ледник дошел только до верховьев Волги, но холодный климат, зона вечной мерзлоты и тундровая растительность распространились гораздо дальше на юг. Мощные потоки, вырывавшиеся из-под края ледника, сметали остатки поселений людей, хоронили их под многометровыми толщами наносов.

На Сунгире нашим глазам открылась именно такая картина. Почти трехметровая толща палево-рыжих суглинков скрывала от глаз темную полосу древней почвы, на которой и было расположено поселение. В карьере эта толща суглинков, или «балласт», отсутствовала: она давно уже была выбрана экскаватором и пошла на кирпичи. А слой почвы, в котором лежали находки, сохранился. Это и была одна из нераскрытых тайн в огромной,

как вся планета, державе археологов. Тайны тайнами, но есть еще методика раскопок. И для нетерпеливых эта «узда» может показаться кабалой!

Натягивается шнур, по рулетке вбиваются колышки, размечаются квадраты, и только потом можно взять лопату в дрожащие от волнения руки. Спокойно! Рукам дрожать не положено. Да и вообще здесь лопатой не помахиваешь. Ею надо скоблить землю, очень осторожно снимая тонкую земляную стружку, чтобы, не дай бог, не повредить находки, а чаще переходить на хирургический инвентарь: ножи, совки, кисти, иглы, пульверизатор.

Залог удачи

Находки не всегда с нетерпением ждут прихода археолога, чтобы сразу же гурьбой, споря и толкаясь, вызывая у окружающих бурный восторг, прыгнуть на лезвие лопаты, а потом и в пакет с этикеткой. Очень часто первый блин бывает комом—ничего не поделаешь.

Мы начали раскопки у восточной стенки карьера, где слой погребенной почвы был частично срезан экскаватором, и не могли рассчитывать на что-то особенное. Действительно, находки были «так себе»: обломки костей мамонтов, редкие кремневые отщепы, нечто похожее на скребок, кусок рога северного оленя.

Дальше этого дело не шло. Но мы были молоды, и нам все было нипочем! Мы продолжали скоблить землю старательно и упорно, когда вдруг я не увидел, а скорее почувствовал стремительное движение Сергея. Мы с Юрой Кутуковым работали на его раскопе, и в этот момент я очищал от земли очередную кость.

— Отто Николаевич!

Сергей держал в руках маленький красноватый кусочек кости, весь облепленный глиной.

Неожиданно для себя Юра ковырнул ножом вещь, которой суждено было впервые прославить Сунгирь. Это было выточенное из бивня мамонта скульптурное изображение лошади—очень условное, схематичное, но ни у кого не оставляющее сомнений в том, что это именно лошадь.

Маленькая, с большой головой, широко расставленными выступами-ногами, с прогибом спины и провисающим брюхом, она, как ни странно, очень напоминала своих сородичей, детально и реалистично изображенных при помощи охры на стенах западноевропейских палеолитических пещер. Это был большоголовый тарпан, один из объектов добычи палеолитических охотников, чьи кости уже были найдены здесь и определены В. И. Громовым, известным геологом и палеонтологом.

С обеих сторон по плоскости пластинки, словно подчеркивая силуэт животного, каменным сверлом были нанесены ямки, а вся фигура хранила следы красной охры. Вряд ли это было просто изображение, скорее фигурка служила амулетом и болталась на шее какого-нибудь первобытного охотника, потому что в задней ноге у нее было просверлено отверстие для шнура.

Радости нашей не было границ! Это действительно был талисман, не потерявший своей силы после стольких сотен веков. Он был вручен нам неведомыми художниками и колдунами Сунгира как залог доброжелательства, как первый ключ, открывающий двери тайны.

Разгадка «фаршированного перца»

В то лето мы раскопали много. Каждый день, скобля лопатами тяжелый грунт, мы находили то новые каменные орудия, то сланцевые подвески из рассыпавшихся ожерелий, то костяные бусины, то огромные сочленения костей мамонта, свидетельствующие о гигантских «окороках», которые притаскивали с охоты наши сунгирицы. Наконец были найдены великолепные кремневые наконечники дротиков, встреченные до этого только на стоянках в бассейне Дона. Много постепенно становилось понятным. И в этом помогали находки.

Вот, например, из-под слоя глины начинает появляться огромный бивень мамонта. Он лежит во всей красе, изогнутый, более метра в длину, и все мы уже радуемся, что наконец-то нашли целый! Кисточкой и ножом, перочинным ножиком и иглой он постепенно очищается от земли. Увы! Целым он казался только сначала. На самом же деле он весь разорван, растащен, нафарширован, словно перец, землей. И все это сделала солифлюкция.

Явление это хорошо изучено в зоне вечной мерзлоты. Начинается весна, оттаивает верхний слой почвы, и, если есть хоть какой-нибудь наклон, этот слой начинает скользить по нижнему, сминаясь в складки, растаскивая и разрушая все, что в нем содержится. Такая же история произошла с верхним горизонтом культурного слоя на Сунгире. Значит, и здесь была вечная мерзлота, указывающая на максимальное приближение последнего оледенения, перед которым стоянка была покинута человеком.

...На следующий год я снова был на Сунгире. Новые раскопки, новые находки, новые волнения. Теперь уже каждое лето отправляется Отто Николаевич Бадер с экспедицией под Владимир, чтобы продолжать изучение этого замечательного и необыкновенного памятника.

Самая северная

Сунгирь прочно завоевал себе место в науке. Здесь было достаточно работы и для археологов, и для геологов, и для палеонтологов, потому что на этой стоянке как в фокусе сходились и спорные вопросы ледниковых отложений, и неразрешенные проблемы развития человеческой культуры в период последнего оледенения, и многое, многое другое.

Все эти обстоятельства: самая северная точка, хорошо развитая кремневая техника, искусство и в особенности очень интересное геологическое залегание слоя стоянки — привели к тому, что в 1963 году Сунгирь был выбран в качестве основного объекта экскурсий международного симпозиума по стратиграфии и периодизации палеолита Восточной Европы.

К приезду ученых раскопки были приостановлены. Гостей приехало много: двенадцать человек из Польши, Болгарии, ГДР, Чехословакии, Венгрии, Румынии и более пятидесяти советских ученых.

Осматривая и обсуждая разрезы и зачистки культурного слоя, специально «снятого лишь наполовину, гости обратили внимание на второй раскоп. Здесь на сравнительно большом пространстве почва была окрашена охрой в ярко-красный цвет. Что бы это могло означать?

Маленькие кусочки охры или отдельные ее пятна встречались при раскопках не раз, но здесь было сплошное красное пятно. Слово за слово — разгорелись споры. Одни считали, что на этом месте могло находиться жилище — нечто вроде легкого чума или шалаша, другие — что здесь была мастерская по растиранию природной охры и приготовлению из нее краски. Пospорили, поломали головы над этой загадкой и обратились к более важным вопросам.

Но вот кончился срок работы симпозиума, гости разъехались, а раскопы были законсервированы, завалены землей, чтобы можно было продолжить работы будущим летом.

Чудеса начинаются

С О. Н. Бадером мы столкнулись в дверях фотомагазина. Стоял жаркий августовский полдень, руки наши были заняты пакетами, и мы оба спешили: вскоре после VII Международного конгресса антропологов и этнографов Отто Николаевич уезжал во Владимир, а я через день — в свою экспедицию. Мы были взмылены от беготни и покупок, измучены Москвой, и разговор, сбивчивый и бестолковый, перепрыгивал от фотопленок к концентратам, от севера к палеолиту и расписанию автобусов. И только уже прощаясь, я узнал, что на Сунгире, кажется,

обнаружен человеческий череп! Кляня себя за глупость, я пытался задать какие-то вопросы, но Бадер только рукой махнул: вернемся в Москву — все узнаете!..

Сведения приходили отрывочные, случайные. Сначала приехал на Переславщину из Геологического института профессор В. В. Чердынцев, в свое время определявший возраст Сунгирия радиоуглеродным методом, и сообщил, что к Бадеру уехали В. И. Громов и М. М. Герасимов; потом Г. Ф. Дебец, крупнейший наш антрополог, что уже держал в руках этот череп, наконец, прислал письмо Отто Николаевич. Но настоящий рассказ ожидал меня в Москве из уст самого первооткрывателя...

Раскопки начались, как обычно. Сдвинуты прошлогодние отвалы, снята земля, закрывающая поверхность неоконченного раскопа, снова на темно-желтой жирной глине появилось загадочное красное пятно. И поведение этого пятна было странным: по мере того как углублялся раскоп, оно сокращалось в размерах и становилось все более ярким. Но вот наконец появилась находка, переполошившая весь археологический мир: человеческий череп!

Разбитый, растащенный солифлюкцией, потерявший не только все зубы, но и нижнюю челюсть, он лежал затылочной костью вверх, как бы уткнувшись лицом в землю.

Если находки черепов или погребений неолитического человека сравнительно редки, то каждая находка, древность которой исчисляется десятками тысяч лет, становится подлинной сенсацией. И дело здесь не только в естественном любопытстве: как выглядел человек столь отдаленной эпохи? Это еще одно звено в лишь намечаемой линии развития человечества.

Специальная комиссия геологов и антропологов во главе с В. И. Громовым и М. М. Герасимовым установила бесспорную связь культурного слоя стоянки и черепа. Как он сюда попал? Это оставалось пока неясным. Во всяком случае если это и было когда-то погребением, то солифлюкция разрушила его начисто. Оставалось запастись терпением. Вынутый из слоя череп отправили в мастерскую М. М. Герасимова, где его склеют и изучат. Пока о нем можно сказать очень мало: череп мужской, типично европеоидный, по своему строению очень мало отличающийся от черепа современного человека.

Посланец прошлого

Но пятно не исчезло. Уже кончился культурный слой стоянки, уже не встречалась солифлюкция с ее неизменными мозаичными разводами, уже прекратились находки, а темное охристое пятно продолжало идти вглубь. Двадцать... тридцать... сорок сантиметров... И вот...

...Он лежал на спине в неглубокой яме, этот высокий, на редкость широкоплечий мужчина, сплошь усыпанный похожей на кровь охрой, отчего его кости приобрели красно-ржавый цвет... Ноги вытянуты, полусогнутые в локтях руки скрещены в запястьях, а широко распахнутые глазницы словно вбирают в себя голубое осеннее небо и не могут насмотреться после стольких тысячелетий темноты.

Гость из двадцать пятого тысячелетия! Можно подумать, что он был специально выбран на совете племени, чтобы предстать перед своими далекими потомками во всей красе и величии. Бесчисленные нити костяных бусин — круглых, овальных, вытянутых — лежали на лбу, сбегали по затылку, спускались гирляндами между ребер, словно браслетами, охватывали предплечья, запястья, бедра и щиколотки. Их было более полутора тысяч! И здесь же находились настоящие браслеты — тонкие, великолепные, выточенные из пластинок бивня мамонта.

Находка была ошеломляющая. Потянулись вереницы гостей, экскурсантов, фотографов, репортеров. Огорожен карьер, над раскопом построен павильон, в котором медленно и методично происходит ювелирная расчистка скелета. Каждая бусинка наносится на план погребения именно в том месте, где она лежит. Работа сложная, нудная, кропотливая. Но именно в этой кропотливости происходит неожиданное открытие: бусины не остатки ожерелий, они были нашиты на одежду!

Конечно, от нее ничего не осталось, но по рисунку нитей, по расположению бусин можно восстановить одежду палеолитического человека. До сих пор о ней не имелось почти никаких сведений. Теперь она оказалась похожей на одежду обитателей Арктики, расшитую богатым узором из бусин. Подобного еще не было за всю историю археологии.

Аполлон из Сунгирия

Нет, посланец веков явно не был рядовым членом первобытного коллектива. Скорее всего, это был вождь или колдун племени, поэтому его погребение и сопровождалось таким богатством находок.

Как мы уже говорили, находки погребений людей этой эпохи крайне редки. Их можно пересчитать по пальцам: ребенок около Костенок-XV, погребение юноши на мысу Покровского лога, мужчина в Костенках-II и погребение юноши на Маркиной горе. Еще около двух десятков подобных погребений известно из пещер Западной Европы: в гротах Ментоины на Французской Ривьере, в гроте Комб-Капелль, в Пшедмосте (Чехословакия). Но наше выделялось из всех известных не только своим инвентарем.

Уже М. М. Герасимов обратил внимание при расчистке, что по своему строению скелет покойника ничем не отличается от скелета современных людей! Это был высокий человек, около 175 сантиметров роста, с хорошо развитым черепом, уже немолодой. Дальнейшее изучение скелета, которое провел Г. Ф. Дебец, полностью подтвердило такую оценку и дополнило несколькими любопытными штрихами.

К моменту смерти ему было около 60 лет — возраст образцовый, если учесть, что во всех других известных случаях возраст погребенных очень редко превышал 35 лет! Стройный, узкобедрый, исключительно широкоплечий и мускулистый, с высоким открытым лбом, начисто лишенный каких бы то ни было признаков примитивизма, по словам Г. Ф. Дебеча, он мог бы служить образцовым идеалом человечества, гордого рода *Homo sapiens*.

Эта находка проливает свет не только на жизнь и облик людей далекого прошлого. Она подтверждает мнение, что за последние два-три десятка тысячелетий человеческий тип изменился очень мало и вряд ли следует ожидать таких изменений в дальнейшем.

Что за череп находился над погребением вождя? Пока это еще загадка. Может быть, это жертва. Может быть, военный трофей. Может быть, нечто такое, о чем мы сейчас и догадаться не можем. Будущее покажет.

Раскопки Сунгрия еще далеки от своего завершения. Еще не одно и не два лета будет уезжать О. Н. Бадер на просторы владимирской земли, приобщая молодых студентов-археологов к тайнам тысячелетий, завораживая такими невзрачными, такими простыми кремневыми отщепами, хранящими тепло неведомых человеческих рук.

И снова будут белеть палатки под зелеными валами старого славянского городища, видением будет вставать вдалеке церковь Покрова на Нерли, а по вечерам на традиционном «совете сахемов» — совете начальников раскопов — будут подводиться итоги минувшего рабочего дня и седеющий ученый с добрыми, немного мечтательными глазами будет рассказывать о еще не открытых тайнах прошлого.

Андрей Никитин

---

* Многие военные дороги, акведуки и облицованные камнем водопроводы на Апеннинском полуострове построены не рабами Рима, как утверждалось до этого, а значительно раньше были созданы этрусскими мастерами. Римляне получили их в готовом виде и даже не перестраивали.

---

* Богатым источником редкого элемента циркония оказались пляжи Балтийского побережья Польши. Минерал, содержащий цирконий, до этого приходилось экспортировать из Австралии. Сначала казалось, что существование пляжей окажется под угрозой, так как в переработку пойдут огромные количества песка. Но курортные пляжи не пострадают. Отдав цирконий, весь песок вернется на старое место.

* В 1964 году на необитаемом островке у северо-западных берегов Австралии геологи обнаружили новый вид кенгуру, еще неизвестный зоологам. Примечательными чертами нового вида сумчатых являются небольшой рост и оранжевые круги вокруг глаз. Поэтому кенгуру получило название «очкастого карлика».

* В одну из пещер Перуанских Анд ученые принесли электронные приборы, чтобы исследовать жизнь гуачаро — редкостной птицы из семейства мелких сов. Эта птица обладает «локационным» аппаратом, как и летучие мыши. В темноте пещер гуачаро свободно летает, не натываясь на выступы скал. Приборы показали, что организм гуачаро вырабатывает особые ультразвуковые волны с частотой колебания 60 импульсов в секунду. Отражение импульсов воспринимается ушами птицы.

* Шведский путешественник Страндберг собрал уникальную коллекцию — голоса всех народов мира, записанные на магнитофонную ленту. Чтобы составить эту коллекцию, он объездил весь мир.

У себя дома путешественник слушал голоса с хронометром в руках. Оказалось, что на мировой рекорд по количеству произносимых слов в минуту могут претендовать итальянцы, на втором месте бразильцы, а на последнем — финны.

* Качканарское месторождение руд на Урале единственное в своем роде. Нигде больше в мире не встречается железная руда с богатыми природными примесями ванадия. Значит, она пригодна для получения легированной стали без дополнительного внесения добавок. К такому выводу пришли ученые Свердловска. Они разработали технологию получения высокопрочной ванадистой стали, из которой можно делать строительные конструкции и арматурные стержни для железобетона.

* Чтобы морские волны не размывали пляжи, в Англии практикуется посадка вдоль берега искусственных водорослей из пластмассы. Они останавливают унос песка в море. Через некоторое время вокруг пластмассовых стеблей укореняются и настоящие водоросли.

Н. Немнонов

ДЕНЬ В ЛЕБЕДИНОМ ЦАРСТВЕ

ЗЕМЛЯ ИЗВНЕ

В школьных учебниках географии принято по традиции приводить доказательства шарообразности Земли. Указывается на форму земной тени во время лунных затмений, вид приближающегося или удаляющегося за горизонт корабля, приводятся ссылки на кругосветные путешествия и многие другие факты, известные человечеству уже многие столетия. Ныне все эти доказательства выглядят безнадежно устаревшими, да и, пожалуй, излишними. Фотографии Земли, полученные с космических высот, сделали шарообразность Земли истиной в буквальном смысле слова очевидной.

Впрочем, вряд ли найдутся теперь люди, нуждающиеся в такого рода доказательствах. Космические фотопортреты Земли рассматривают вовсе не для того, чтобы убедиться в ее шарообразности. На этих снимках Земля впервые предстала нам во всем своем планетарном масштабе, и мы теперь можем достаточно хорошо вообразить, как выглядит извне, из космоса, наша планета.

Ценность такого рода информации весьма велика. Из чисто земных нужд укажем на детальное картографирование земной поверхности, уточнение формы и размеров Земли, наблюдение различных метеорологических и геофизических явлений. Для астронавигации же, то есть ориентировки в будущих космических полетах, очень важно знать, как видна Земля с различных расстояний, какие искажения видимости деталей земной поверхности вносит атмосфера, как в связи с этим наиболее уверенно отождествлять наблюдаемые объекты с деталями географической карты. Есть, конечно, и много иных вопросов, решению которых помогают планетарные фотографии Земли. Мы расскажем не только о том, как выглядит она на этих портретах, но и с таких расстояний, до которых еще не добирались земные космонавты.

Над озером Жувинтас занимается рассвет

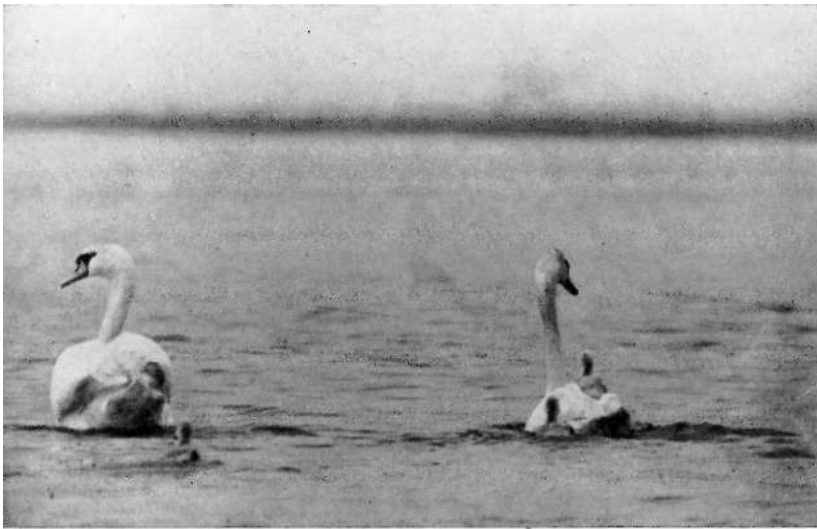
Пират в воздухе (камышовый лунь)

Гнездо пернатых «эстетов» (крачек)

Кряква идет на посадку

Заботливые родители

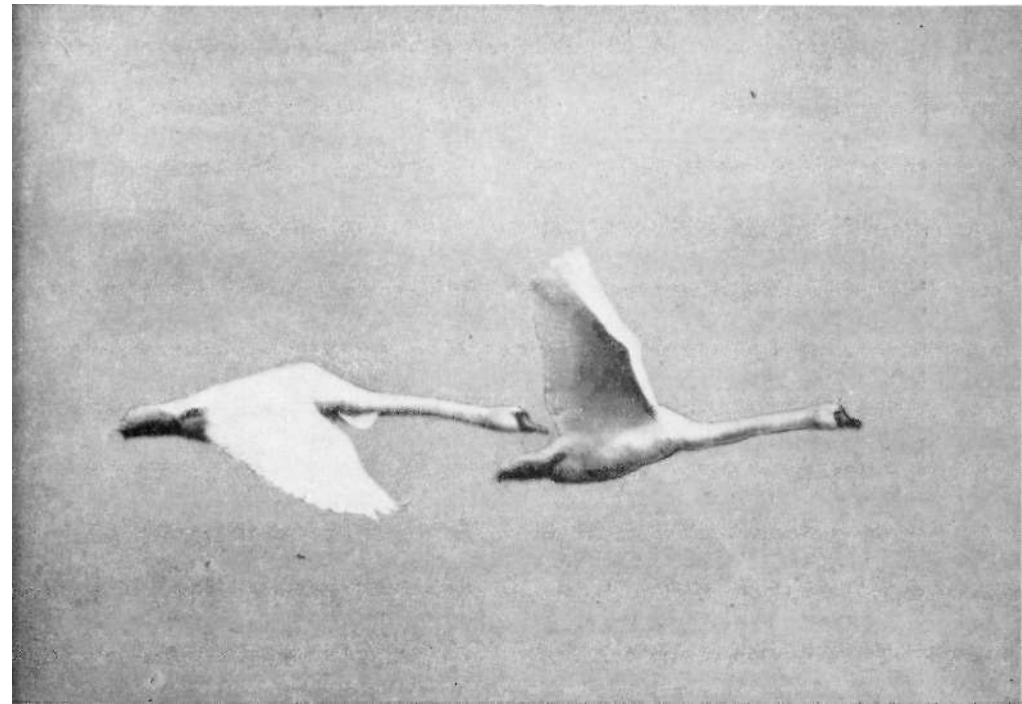

Птенцы чомги насторожились. Кто там?..

Навстречу солнцу

На взлетной полосе

Легли на курс

Царевна-лебедь

Приводился

«Орудие» наведено

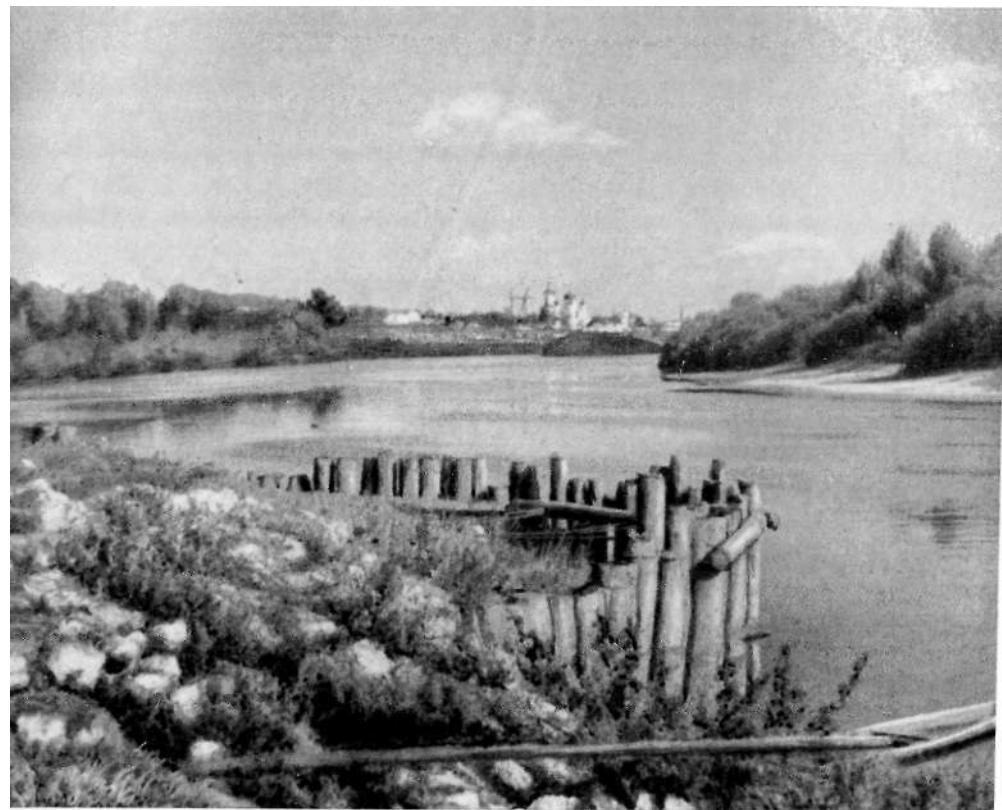

День кончился

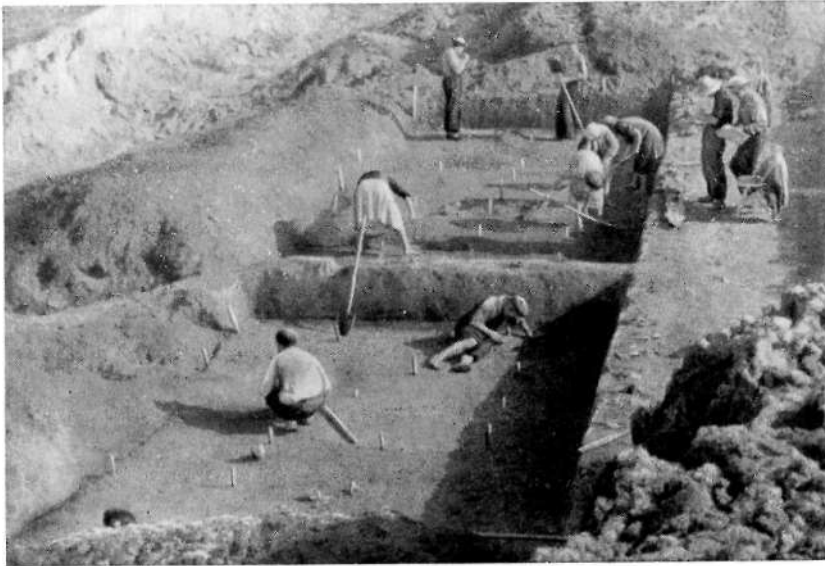

А. Никитин

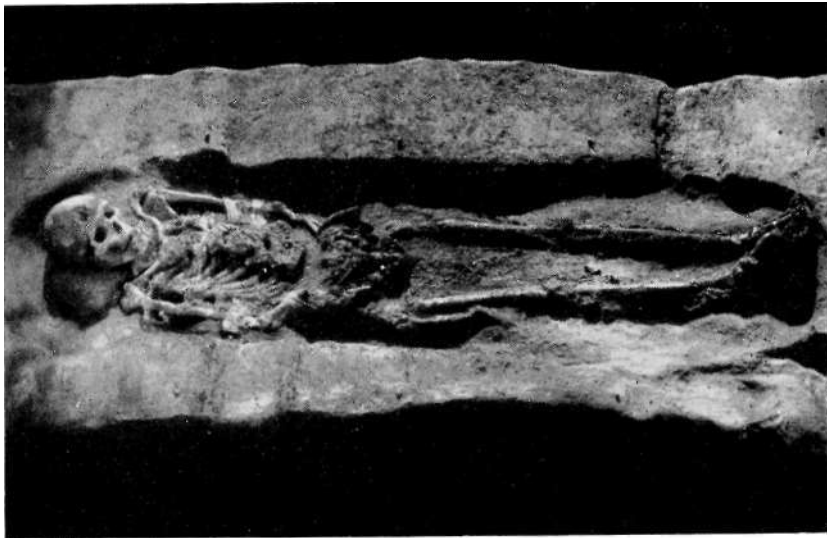
ГОСТЬ ИЗ 25-го ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

В низкой широкой пойме блестит и извивается под солнцем
Клязьма, а вдали встают белые стены Боголюбова. Слева,
на высоком коренном берегу — Сунгирь

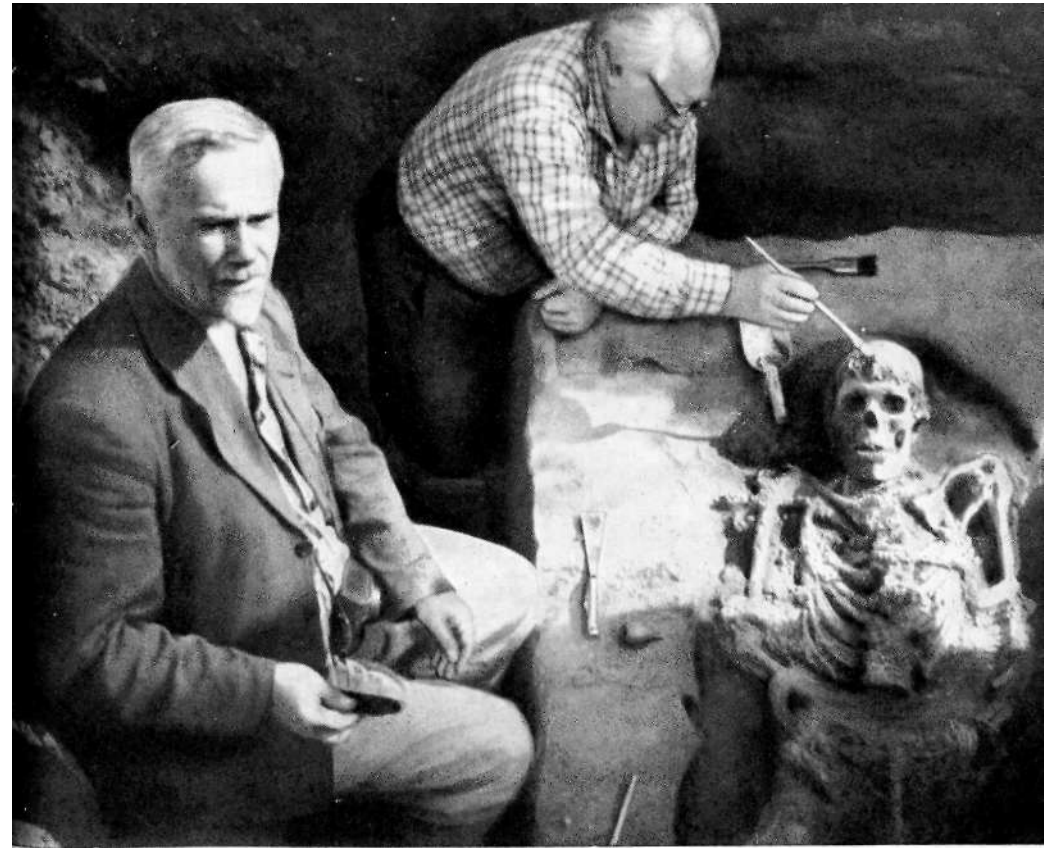

Работы ведутся на втором раскопе. Здесь через несколько лет и несколько метров будет сделана замечательная находка

Гость из 25-го тысячелетия

Разбирать необычного гостя приехал М. М. Герасимов. Сот он кисточкой снимает последние крошки земли с черепа, а О. Н. Бадер дает объяснения репортерам

Ф. Зигель

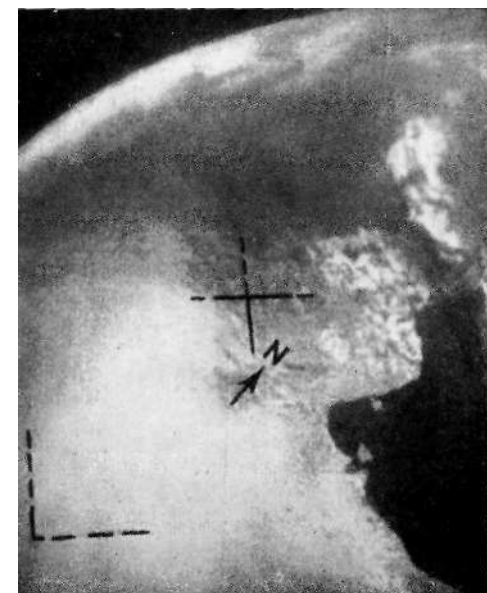
ЗЕМЛЯ ИЗВНЕ

Застывшее каменное море

Облачный покров Земли

Средиземноморское побережье Северной Африки (Тунис и Ливия)

Земля с космических высот

На высоте около двухсот километров над земной поверхностью фон неба становится настолько темным, что свет Солнца сосуществует со звездным, и трудно решить, как назвать эту необычную картину — солнечной ночью или звездным днем. Так как полеты космических кораблей и спутников происходят выше указанной границы, то эти полеты по праву называют космическими. Как же выглядит Земля с таких высот?

Рассмотрим прежде всего фотографии Земли, полученные в 1960 году с американского спутника «Тирос-1». Эти снимки тщательно проанализированы, и полученные результаты опубликованы в печати*.

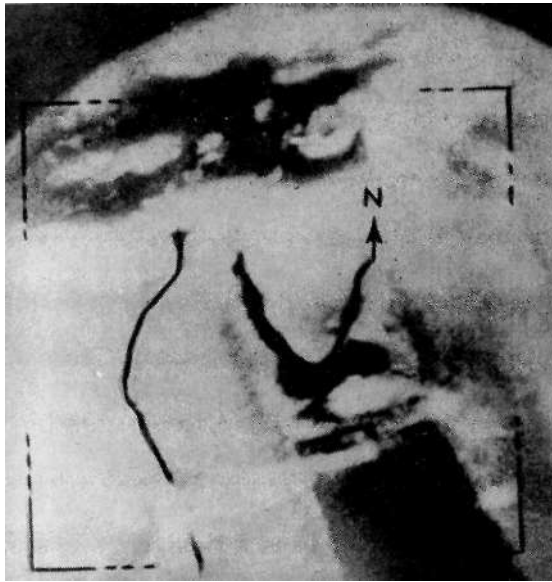
Фотографирование Земли производилось с высоты около 720 километров, и широкоугольная фотокамера охватывала огромную часть земной поверхности размером 1300x1300 километров. При наилучших условиях съемки на полученных изображениях можно различить детали с поперечником около 3 километров. Всего было сделано около 20 тысяч снимков, на которых запечатлена значительная доля земной поверхности.

Первое впечатление от этих фотографий — разительное отличие их от знакомых с детства географических карт и глобусов. Атмосфера так сильно маскирует детали земной поверхности, что отыскать на ней знакомые очертания очень нелегко. Облачность, которая обычно занимает почти половину земной атмосферы, заслоняет от внешнего наблюдателя и материка и океаны. Лишь сквозь прорывы облачного слоя видны куски поверхности, и надо знать ориентацию фотокамеры, чтобы уверенно определить, какой именно кусок суши удалось сфотографировать.

Зато метеорологические явления представлены в высшей степени наглядно. То, что с поверхности Земли мы всегда воспринимаем по частям, здесь видно в целом. Таковы, например, великолепные вихри, своеобразные воздушные водовороты, диаметры которых нередко превышают полторы тысячи километров. Структура циклонов, их распространение, — короче, все те явления, которые мы объединяем словом «погода», с космических высот наблюдать исключительно удобно. В этом огромное значение искусственных спутников Земли для современной метеорологии.

Не следует думать, что плохая видимость земной поверхности вызвана лишь облачностью. Если бы атмосфера Земли была совершенно прозрачной, без единого облачка, то и тогда космические фотографии Земли сильно отличались бы от географических карт. Причину этого понять нетрудно.

См., например, сборник «Планеты и спутники». ИЛ, 1963, гл. I.

Средний Восток.
Область Синайского
полуострова,
Красного моря и
долины Нила

Область залива
Сан-Франциско
и район
Лос-Анжелеса

Ведь когда изготавливают географический глобус, художники стараются выбрать для суши и океанов такие краски, которые резко, контрастно отличаются друг от друга.

Природа же, конечно, менее всего заботится об этом. Там, где желтовато-оранжевая пустыня подходит прямо к морю (например, в Тунисе и Ливии), береговая линия видна четко, совсем как на глобусе. Зато берега, покрытые густой растительностью, по цвету и отражательной способности почти неотличимы от моря. Во всяком случае с космических высот береговую линию проследить в таких районах почти невозможно. Поэтому и очертания суши изменяются до неузнаваемости.

Иногда плотные белые облака неопытный наблюдатель может спутать с участками, покрытыми снегом. Зато если атмосфера безоблачна, заснеженные горные цепи выглядят на окружающем зеленом фоне альпийских лугов очень эффектно.

Видимость отдельных деталей сильно зависит от угла падения на них солнечных лучей. Поэтому не только в разные часы суток, но и при различных положениях космического корабля на орбите один и тот же район Земли нередко имеет неодинаковый вид.

Обратимся теперь к некоторым интересным подробностям. Посмотрите на фотографию. На ней отлично видны северо-восточная Африка, Синайский полуостров, часть Красного моря. Одна из самых любопытных деталей на этом снимке — долина Нила. На фотографии виден, конечно, не сам Нил, а растительность, покрывающая долину, в которой течет величайшая из африканских рек. Контрастное сочетание зеленой нильской долины с желтизной окружающей пустыни позволит особенно наглядно представить себе, как выглядят земные реки из космоса. Кстати, они совсем не похожи на марсианские каналы, аналоги которых нельзя найти ни на одном космическом фото-портрете Земли.

А вот еще одна очень интересная деталь. На фото видно отмеченное стрелкой отражение Солнца в водах Атлантического океана. Этот солнечный блик не всегда одинаков — в штормовую погоду он размазывается, блекнет, наоборот, в штиль океан отражает Солнце подобно исполинскому выпуклому зеркалу. Примечательна полоска облаков в нижней части снимка. Она тянется вдоль Гольфстрима, отмечая в атмосфере направление этого теплог океанского течения.

Ни цветные, ни тем более черно-белые снимки не могут передать то богатство красок, тонов, которые наблюдали космонавты во время полетов. При всей своей сдержанности эти отважные люди не могли удержаться от восторженных слов. Вот, например, что писал Юрий Гагарин, впервые увидевший эту величественную, незабываемую картину: «Когда я смотрел на горизонт, то видел резкий, контрастный переход от светлой

поверхности Земли к совершенно черному небу. Земля радовала сочной палитрой красок. Она окружена ореолом нежно-голубоватого цвета. Затем эта полоса постепенно темнеет, становится бирюзовой, синей, фиолетовой и переходит в угольно-черный цвет. Этот переход очень красив и радует глаз...

...В 9 часов 51 минуту была включена автоматическая система ориентации. После выхода «Востока» из тени она осуществила поиск и ориентацию корабля на Солнце. Лучи его просвечивали через земную атмосферу, горизонт стал ярко-оранжевым, постепенно переходящим во все цвета радуги: к голубому, синему, фиолетовому, черному. Неопишная цветовая гамма! Как на полотнах художника Николая Рериха!» *

В некоторой степени представление об этих красотах космоса дают великолепные цветные фотографии, сделанные космонавтом номер два Германом Титовым, и картины, выполненные художником-космонавтом Алексеем Леоновым.

Видны ли следы человеческой деятельности на поверхности Земли с космических высот? Может ли воображаемый наблюдатель из космоса убедиться в том, что Земля обитаема, что на нашей планете существует высокоразвитая цивилизация?

С высоты в несколько сот километров даже невооруженным глазом хорошо видны крупные города. Днем они окутаны дымкой, а ночью кажутся пятнами золотистой светящейся пыли. Обращают на себя внимание четырехугольники обширных колхозных полей, некоторые геометрически правильные лесные насаждения. Другие произведения человеческих рук, например искусственные каналы, крупные водохранилища, кажутся, как правило, вполне естественными образованиями. Что же касается технических сооружений (больших мостов, шоссе, железных дорог и т. п.), то они обычно хорошо видны лишь с помощью оптических приборов (хотя бы сильных биноклей). В целом же, если не говорить о деталях, уже с высоты в несколько сот километров, то есть по существу вблизи земной поверхности, на нашей планете не заметно явных следов высокоразвитой цивилизации.

В июле 1965 года на пресс-конференции в Вашингтоне, посвященной итогам полета «Маринер-IV» к Марсу, был задан вопрос: «Исключают ли полученные данные возможность существования на Марсе разумной жизни?» На это В. Пиккеринг, один из руководителей полета, дал весьма интересный ответ: «Если просмотреть фотографии Земли, полученные спутниками системы «Тирос» с высоты пятьсот миль и в том же масштабе, что и «марсианские» (мельчайшие детали — 3 километра), то окажется, что из всех тысяч фотографий Земли только на одной

* Ю. Гагарин. Дорога в Космос. М., 1961.

видны следы разумной деятельности человека. А ведь мы получили только 20 фотографий Марса».

Интересно отметить, что в последнее время выявились факты необычайной остроты зрения в состоянии невесомости.

По сообщению американского космонавта Г. Купера, с высоты в несколько сот километров он ясно видел трубы на домах. Позже это подтвердил Э. Уайт, который с таких же высот ясно различал дороги, волны от моторных лодок и вереницы огней на улицах больших городов.

Сейчас физиологи пытаются объяснить эту удивительную особенность зрения. Глаз, по-видимому, легко различает то, что не видно даже на самых лучших фотографиях.

На небе Луны

Мрачная, изъеденная кратерами лунная поверхность. Черное звездное небо, а на нем — знакомый с детских лет, свободно висящий в пространстве земной глобус. Так обычно изображают в популярных астрономических книгах вид Земли с нашего естественного спутника. Теперь мы можем в полной мере оценить наивность таких рисунков. Маскирующее влияние земной атмосферы для лунного наблюдателя будет не меньшим, чем для первых космонавтов. Какой же в целом вид имеет Земля с Луны?

Видимо, наша планета с Луны выглядит голубоватым диском, в 14 раз большим, чем полная Луна. Земля будет менять фазы, и во время «полноземелия» наша планета в 40 раз сильнее освещает лунную поверхность, чем полная Луна земную. При таком освещении без всякого напряжения можно читать даже мелкий шрифт.

Кстати, в высокой эффективности нашей Земли как небесного светила мы убеждаемся, наблюдая так называемый пепельный свет Луны. Это — свечение не освещенной Солнцем части лунной поверхности. Оно особенно заметно, когда Луна кажется серпом, — в это время слабо светится и остальная часть лунного диска.

Любопытно, что, когда к Луне обращен Тихий океан, пепельный свет приобретает голубоватый оттенок. Наоборот, когда к Луне обращены Евразия и Африка, он становится желтоватым.

Уже из этих общедоступных наблюдений можно сделать вывод, что на диске Земли лунный наблюдатель мог бы рассмотреть некоторые подробности. Общий голубоватый колорит Земли вызван атмосферой, рассеивающей преимущественно коротковолновое излучение. Голубой цвет чистого дневного неба и голубая (в целом) окраска нашей Земли как планеты имеют одинаковое происхождение.

С Луны на земном диске легко различимы крупные облачные системы, постоянно закрывающие примерно половину земной

поверхности. Другая половина, доступная наблюдению, по изложенным выше причинам, будет иметь весьма отдаленное сходство с изображениями на географических картах.

Самой заметной, бросающейся в глаза деталью нашей планеты окажется блик Солнца, отраженный в земных океанах. Можно подсчитать, что яркость одного этого блика равна свету полной Луны на земном небе. Снова оговоримся, что в штормовую погоду блик Солнца тускнеет и размазывается. Значит, с Луны нетрудно узнать, свирепствуют ли бури в каком-нибудь земном океане.

У полюсов Земли облачный покров сливается с полярными снегами, и лунному наблюдателю нелегко будет различить одно от другого. Экваториальные зоны Земли — область тропических ливней — также почти всегда закрыты облаками. Циклоны покажутся лунному наблюдателю сгустками облаков, а области антициклонов — темными просветами в земной атмосфере. Что-что, а атмосферную циркуляцию и всевозможные крупномасштабные метеорологические явления наблюдать с Луны очень удобно.

Интересная подробность: к краям земного диска, где луч зрения проходит сквозь большую толщу атмосферы, детали тускнеют, размываются, и различить их становится труднее, чем в центре диска. Вообще края Земли должны выглядеть белесыми, а в центральных областях диска краски гораздо богаче.

Очертания материков должны выглядеть неясно, тонуть в голубом сиянии земной атмосферы. Береговая линия вовсе неразличима не только там, где растительность подходит к воде, но и где материк и океан покрыты льдом (например, в Арктике). В общем лунному наблюдателю реальная Земля будет мало напоминать школьный глобус.

Длительные наблюдения Земли обнаружат регулярные сезонные изменения на ее поверхности. Осенне-зимнее наступление полярных снегов, расширение снегового покрова почти до сороковой параллели каждого полушария, а затем таяние снегов и оживление растительности — все это с Луны видно отлично.

Гораздо труднее убедиться в том, что Земля обитаема. Невооруженный глаз здесь бессилён. Только телескопические, и притом длительные, наблюдения открыли бы странные, дымящие днем и слабо светящиеся ночью пятна. Но и в этом случае нужен серьезный анализ, чтобы установить, что это населенные пункты землян. Другие же следы человеческой деятельности даже в лучшие телескопы либо вовсе не видны, либо имеют естественный вид.

Приходится признать, что человечество пока не создало таких сооружений, которые для наблюдателя из космического пространства неоспоримо свидетельствовали бы о существовании на Земле высокоразвитой цивилизации.

Двойная планета

Попробуем теперь наглядно представить себе, как выглядит Земля с других планет Солнечной системы.

Изумительное зрелище открылось бы нам с Венеры, точнее, с границ ее облачной и потому почти непрозрачной атмосферы. В периоды, когда Венера находится между Землей и Солнцем, на ее небе сияет необычайно красивая и очень яркая двойная звезда. Одна из них ослепительно голубая, другая ярко-оранжевая.

Почти месяц требуется желтой звезде, чтобы завершить свой оборот вокруг голубой звезды. Так выглядят Земля и Луна на небе Венеры. Для невооруженного глаза оба тела — яркие звезды и только. В телескоп можно было бы увидеть не только фазы Земли и Луны, но и некоторые детали их поверхности. Однако даже в самые мощные телескопы с Венеры можно разглядеть на Земле предметы не меньше 25—30 километров в поперечнике. Значит, никаких признаков земной цивилизации обнаружить нельзя, но зато такие естественные явления, как таяние полярных снегов, сезонные изменения земной растительности и облака в земной атмосфере, наблюдались бы очень отчетливо.

С Меркурия двойная планета Земля—Луна кажется втрое менее яркой, чем с Венеры. С Марса наша планета представляется вечерней и утренней звездой, причем на марсианском небе она выглядит менее яркой, чем Венера на земном. По блеску Земля на небе Марса примерно такова, как Юпитер на земном небе. Наблюдать Землю с Марса несколько хуже, чем с Венеры,— на фоне утренних и вечерних зорь наша двойная планета не столь эффектна, как на черном ночном небе Венеры. Марс чуть дальше Венеры — кратчайшие расстояния до этих планет соответственно равны 56 и 47 миллионам километров. Естественно поэтому, что с Марса на Земле удастся рассмотреть детали не менее 40 километров в поперечнике. Разумеется, и с Марса убедиться с помощью оптических средств в существовании человечества столь же трудно, как и с Венеры.

Есть, правда, одно земное явление, которое могло бы марсианам показаться странным, загадочным, имеющим, быть может, искусственное происхождение. Дело в том, что за последние десятилетия благодаря бурному прогрессу радиотехники на Земле действуют тысячи телевизионных передатчиков. Из-за этого Земля стала мощным источником радиоизлучения в метровом диапазоне. Анализируя это явление, заметив, в частности, что радиоволны исходят только от некоторых земных материков, воображаемые марсиане могли бы сделать вывод о существовании на Земле искусственных радиопередатчиков. Вот, пожалуй, единственный «космический след» человечества, изменивший свойства Земли как планеты. С далеких планет Солнечной

системы Земля видна очень плохо. Даже с Юпитера она кажется звездочкой, в шесть раз менее яркой, чем самые слабые из доступных невооруженному глазу звезд. Только в телескоп, да и то с трудом, удастся рассмотреть Землю в периоды ее наибольших удалений от Солнца. С Плутона же обнаружить существование Земли с помощью современных оптических средств было бы практически просто невозможно.

Существует ли Земля?

Этот вопрос, который, разумеется, не может возникнуть у нас, может быть, интересует разумных обитателей других планетных систем. Конечно, они поставили бы его в несколько иной форме: есть ли планеты вокруг той обычной желтой звездочки средних размеров, которую мы, земляне, называем Солнцем?

Представляются три возможных пути решения этой проблемы. Во-первых, наблюдая движение Солнца в пространстве, жители ближайших к нам планетных систем заметят, что какие-то невидимые спутники отклоняют Солнце с его почти прямолинейного пути. Если учесть только главные периодические отклонения Солнца, получится, что вокруг нашего светила с периодом обращения около 59 лет движется планета, масса которой почти равна сумме масс Юпитера и Сатурна. Неправда ли, неожиданный и, как мы знаем, неверный вывод? Объясняется он достаточно просто. Каждые 59 лет крупнейшие планеты Солнечной системы Юпитер и Сатурн располагаются по одну сторону от Солнца. Их объединенные усилия вызывают максимальные отклонения Солнца от прямолинейного пути. Как видите, изложенный динамический метод настолько груб, что он не учитывает влияния отдельных планет, а лишь суммарное действие крупнейших из них. Что же касается крошечной в космических масштабах Земли, то ее влияние на движение Солнца так ничтожно, что динамический метод, по-видимому, не дает возможности обнаружить существование нашей планеты.

Другой метод можно назвать астрофизическим. Судя по всему, звезды, обладающие планетными системами, сравнительно холодны и, главное, медленно вращаются вокруг своих осей. Скорость же осевого вращения звезды можно определить, наблюдая расширение линий в ее спектре. По-видимому, с этой точки зрения Солнце заслуживает внимания как желтая негорячая звезда, очень медленно (период — почти месяц) вращающаяся вокруг собственной оси. Однако, увы, и на этот раз внеземные наблюдатели не смогут выяснить, ни сколько планет, ни какие именно входят в Солнечную систему.

Остается оптический метод, то есть прямое телескопическое наблюдение Солнечной системы; как уже указывалось, при

современном состоянии оптики Землю невозможно рассмотреть даже с границ Солнечной системы. Правда, в последнее время предложены интересные проекты для наблюдения планетных систем ближайших звезд. Рекомендуют в фокальной плоскости телескопа поместить специальную диафрагму, нечто вроде экрана, ослабляющего свет звезды. Тогда, создав такое «звездное затемнение», можно будет при помощи фотоумножителей попробовать обнаружить рядом со звездой ее еле сияющие отраженным светом планеты. Расчеты показывают, что этим методом можно, пожалуй, было бы обнаружить Юпитер с ближайшей из звезд — Альфы Центавры.

Трудно сказать, рассматривает ли подобным образом кто-нибудь из обитателей других планетных систем окрестности нашего Солнца. С позиций современного состояния земной астрономической техники естественнее думать, что Земля с других звезд просто неразличима. Впрочем, технические возможности других космических цивилизаций нам неизвестны, и, как знать, быть может, уже давно наша планетная система служит предметом чьего-то пристального внимания. Как бы там ни было, для нас наша скромная планета навсегда останется самым родным телом Вселенной.

Феликс Зигель

---

* Комета Икейя-Секи взбудоражила в 1965 году весь мир астрономов. Ни одна из комет не поставила перед учеными столько загадок и головоломок, сколько эта неожиданная гостья нашего небосвода. Сама по себе комета представляла редкий тип небесных тел, пролетающих в непосредственной близости от Солнца. И в первые же дни наблюдений астрономы обнаружили, к своему великому удивлению, что комета Икейя-Секи была в тысячу раз ярче Венеры и излучала тепло. А ведь до сих пор ядра всех комет считались шарами из переохлажденных газов, льда и пыли. Новому явлению так и не было найдено объяснения.

Затем в ядре кометы ученые обнаружили железо, никель, кобальт, натрий, кальций. Это было второй «кометной сенсацией». Такого богатого набора металлов еще никогда не наблюдали в теле кометы. Все прежние представления о природе комет рухнули. Ученые не успели определить, сколько же металла находилось в этом загадочном небесном теле. Она ушла теперь в просторы Вселенной и вернется лишь через 1440 лет. Но ученые считают, что это была первая комета из целой группы, которые снова появятся на небе в виде хвостатых чудовищ. Может быть, они и снимут завесу со всех неожиданных загадок. А пока астрономы утверждают, что все прежние теории о строении комет надо пересмотреть.

ОГНЕННЫЙ ОСТРОВ ВСТАЕТ ИЗ АТЛАНТИКИ

Сурт едет с юга
с губящим ветви,
солнце блестит
на мечях богов;
рушатся горы,
мрут великанши,
в Хель идут люди,
расколото небо.

Так одно из выдающихся произведений мировой литературы, замечательный сборник древнескандинавских мифов и героических песен-сказаний «Старшая Эдда», дошедшая до наших дней в древнеисландской рукописи второй половины XIII века, повествует о приближении Сурта — подземного великана, который правит огнем. И когда появляется Сурт (что в переводе значит «черный»), то разверзается земля, раскалывается небо, а все живое гибнет. Люди попадают в Хель, преисподнюю, ибо страшен и грозен этот великан, несущий погибель. Образ этот рожден эпическим творчеством небольшого, но героического исландского народа и дожил в песнях «Эдды» до наших дней как отзвук далекой старины.

Но что за диво! Не умер, видно, властелин огня и снова явился людям там, где его, быть может, меньше всего ожидали. Распрявился Сюртур во весь свой гигантский рост, засверкали красные глаза великана. И запестрело имя Сюртура на страницах газет всего мира.

Итак, это случилось... Однако предоставим слово исландским морякам, которым первым посчастливилось увидеть героя древних мифов.

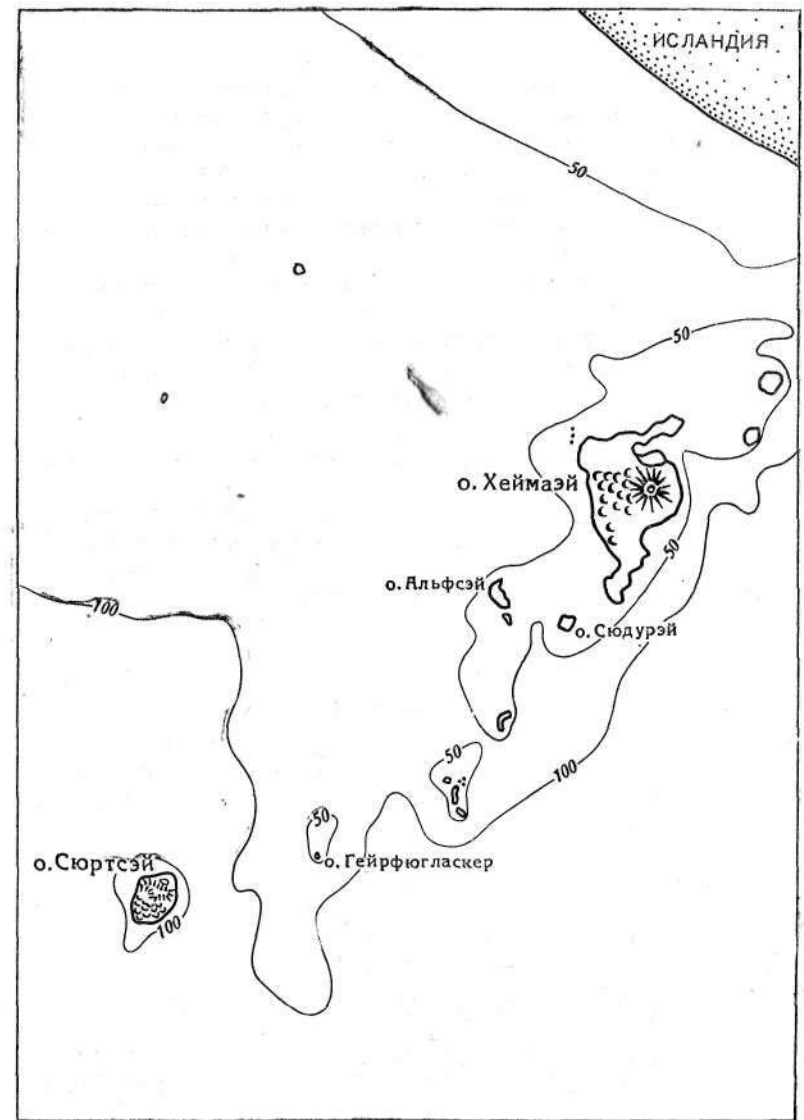
Огонь в океане

В 6 часов 30 минут утра 14 ноября 1963 года рыболовецкое судно «Ислейвюр-Н» находилось примерно в четырех милях к западу от Гейрфюгласкера, самого южного островка Исландии. Рыбаки только что закончили ставить ярус * и отправились в кубрик подкрепиться чашкой кофе. В 6 часов 55 минут машинист Аурдни Гвюдмундссон! поднялся на палубу и почувствовал необычный запах, который, как он решил, исходит от воды. Однако ни он, ни вышедший вслед за ним капитан Гвюдмар Тоумассон не обнаружили источника этого запаха... Через некоторое время оба отправились спать. Примерно в 7 часов 15 минут корабельный кок Оулавюр Вестман с удивлением заметил, что судно движется как-то странно, словно втянутое в водоворот, и немного покачивается. Осмотревшись, он неожиданно увидел в утренней мгле неясные очертания какого-то возвышения, поднимавшегося прямо из океана. Ошарашенный кок подумал было, что это ему просто привиделось, потому что ни скал, ни островков в этом месте никогда раньше не было. Вскоре, однако, он подумал, что это дым и, значит, горит какой-то корабль. Кок разбудил капитана, который, стремглав выскочив на палубу, поначалу также решил, что в океане загорелось судно. Связавшись по радио с островами Вестманнаэйяр, он запросил, не поступало ли сигналов бедствия, и получил отрицательный ответ.

Тогда капитан принялся внимательно наблюдать за столь необычным явлением. Различив высоченный столб пепла и гари, он догадался, что стал свидетелем рождения нового вулкана. В этот момент судно находилось на расстоянии около мили от очага извержения. Дул слабый восточный ветер. Капитан снова связался по радио с Вестманнаэйяром и сообщил о необычном явлении.

Когда судно приблизилось на расстояние полумили к точке извержения, море стало беспокойным, казалось, что волны движутся навстречу шхуне. Пришлось повернуть обратно. К 8 часам утра столб дыма и пепла достиг высоты 60 метров, причем извержение происходило уже в двух или даже трех различных точках. Желая как можно лучше исследовать происходящее, капитан в 10 часов вновь направил корабль в сторону подводного вулкана. На этот раз ему удалось подойти несколько ближе. Вместе с пеплом извергались камни, начали показываться языки пламени. Температура моря поднялась до И градусов, тогда как обычно в это время года она не превышала 7—8 градусов. Никакого шума и грохота слышно не

* Длинный, часто на несколько километров трос, к которому прикреплены вертикальные тросики с крючками, а на них наживка.

Острова Вестманнаэйяр и Сюртсэй

было. Очаг извержения находился в трех милях к западу-юго-западу от острова Гейрфюгласкер и четырнадцати милях юго-западнее рыбацкого поселка на островах Вестманнаэйяр.

Столб дыма продолжал расти. В 10 часов 30 минут, когда были сделаны первые снимки с самолета, высота его достигала уже трех с половиной километров. Еще через полчаса за вулканом начали наблюдать с воздуха исландские геологи во главе с Тоураринссоном*.

Высота извержения пепла из двух различных точек на участке протяженностью 300—400 метров достигла четырех километров. От очагов извержения расходились круговые волны характерного буро-зеленоватого цвета, резко отличавшегося от лазурного океана.

К 15 часам протяженность зоны вулканической деятельности составила 500 метров, а дым поднимался вверх до 6 километров и стал виден из столицы Исландии Рейкьявика.

А на следующую ночь родился остров.

Итак, начавшись на дне океана на глубине 130 метров, извержение вулкана привело к образованию горного хребта, который вскоре вышел на поверхность. Даже в наши дни, когда люди так много знают о своей планете, бурное рождение острова в океане привлекло всеобщее внимание.

И все же для района Исландии такой случай не является исключительным.

Немного истории

С давних времен люди были свидетелями бурной вулканической деятельности как на территории самой Исландии, так и на дне океана, омывающего ее берега. Вулканы действуют и сейчас. Так, в 1947—1951 годах в Исландии насчитывалось 26 действующих вулканов, из них 4 подводных.

Самое древнее вулканическое извержение в районе полуострова Рейкьянес, упомянутое в исландских хрониках, произошло в конце лета 1211 года. В летописи этого периода говорится, что некий Сёрли Кольссон обнаружил новые Огненные острова (Эльдэйяр), тогда как некоторые, всегда находившиеся в тех местах, бесследно исчезли.

Сигурдур Тоураринссон, исследуя древние источники, рассказывает о том, что активная вулканическая деятельность постоянно отмечается в тех исторических документах, которые дошли до наших дней.

* Сигурдур Тоураринссон посвятил новому вулканическому острову специальную книгу, материалы которой мы частично используем в настоящей статье.

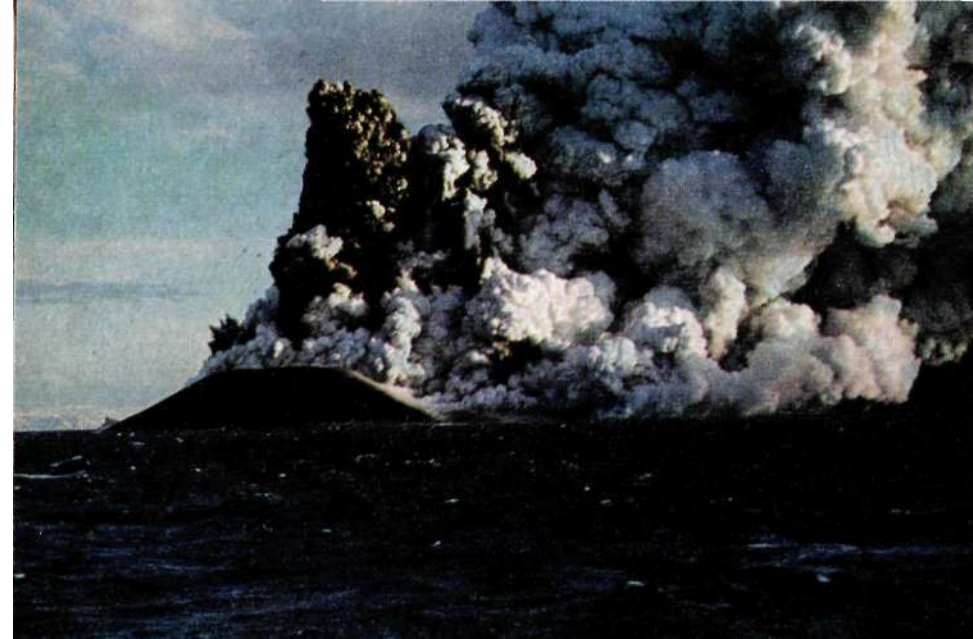
В. Якуб

ОГНЕННЫЙ ОСТРОВ ВСТАЕТ ИЗ АТЛАНТИКИ

Разрезая тучи пепла и гари, ввысь то и дело устремляются гигантские молнии, освещающая поверхность океана на многие километры вокруг.
30 декабря 1963 г.

Фото Торлейвура Эйнарссона

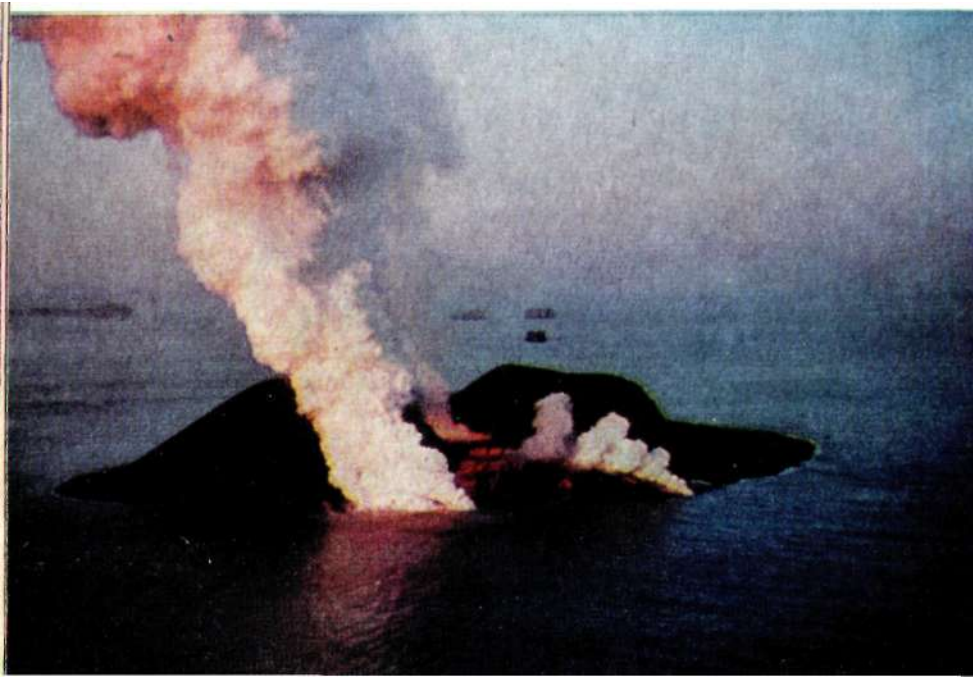

Вулканическая деятельность в северном кратере. Высота острова составила 70 м (21/XI 1963). На заднем плане ледники Эйафьятлаёкутль и Мирдалсёкутль. На каждом из них имеется активно действующий вулкан.

Фото Торлейвура Эйнарссона

Извержение лавы на Сюртсэе 24 апреля 1964 г.

Фото Гардара Паульссона

Вид сверху в кратер на фонтаны огненной лавы. 14 мая 1964 г.

Фото Торлейвура Эйнарссона

Потоки лавы бурными каскадами устремляются из кратера в море.

Снимок сделан Нристипом Хельгасоном 9 июля 1964 г.

Извержения в районе Рейкьянес происходили в 1226 году, вероятно, также в 1231, далее в 1238 и 1240 годах. Есть точные данные относительно извержения 1422 года, когда образовался остров, проживший всего лишь несколько часов. В 1583 году купцы из Бремена сообщили, что видели, «как из глубины моря вылетал огонь около Рейкьянеса, недалеко от островов, называемых Эльдэйяр или Гигэйяр (Кратерные острова)». Эти острова можно найти к юго-востоку от острова Эльдэй на известной карте Исландии, сделанной епископом Гвюдбрандуром Торлауксоном и напечатанной в 1590 году. Само название (Кратерные) говорит о том, что когда-то близ полуострова Рейкьянес существовали острова с вулканическими кратерами, но затем они исчезли в океане.

Как тут не вспомнить подземного великана Сюртура, который в древнескандинавской мифологии правил огнем и приходил в Исландию с юга. Извержения, с древнейших времен возмущавшие спокойную гладь океана близ прибрежных исландских шхер, и навяли этот образ древнеисландской литературы, потому что в ней мудростью народной обобщено то типичное, что люди подмечали в явлениях природы. И не удивительно, что новый остров, о рождении которого мы рассказали вначале, получил имя Сюртура — Сюртсэй, то есть остров Сюртура.

В чем же причина столь высокой вулканической активности в районе Исландии? Современная геология дает на это точный ответ.

Немного геологии

Остров Исландия возник при извержении жидкого базальта в третичный период в центре образовавшегося тогда подводного хребта, соединяющего базальтовые зоны в восточной и западной частях океана, а именно: зону Восточной Гренландии и район Шотландии и Ирландии. В наше время главная вулканическая область, покрывающая примерно треть Исландии, является составной частью подводного вулканического хребта, который растянулся во всю длину Атлантики.

Геологические и геофизические исследования последних лет говорят о том, что Исландия как бы отмежевывается от этой полосы, хотя такой процесс происходит крайне медленно. Свидетельство тому — многочисленные расщелины по всей центральной зоне Исландии. Некоторые ученые считают, что этот процесс происходит на всем Средне-Атлантическом хребте, который очень молод и крайне неустойчив. На всем своем протяжении — от острова Буве до Ян-Майена — он служит источником как наземных, так и подводных вулканических извер-

жений, причем последние наиболее часто отмечаются в районах островов Вознесения, Азорских и Исландии.

В конце сентября 1957 года началось подводное извержение среди скал Капелинос близ вулканического острова Файял (Faial). Возникший в результате этого остров позднее соединился с Файялом. В октябре 1962 года действовал вулкан Аскья в Исландии, и той же осенью извержение вулкана вынудило эвакуироваться жителей острова Тристан-да-Кунья.

Итак, главная вулканическая зона Исландии пересекает по центру весь остров между третичными базальтовыми массивами на востоке и западе. Ее активные действия происходят вот уже около 15 тысяч лет, с тех пор как из низменных районов началось отступление ледников.

Новый остров растет словно гриб

Вернемся, однако, к острову Сюртсэй. Уже на вторые сутки с начала извержения он достиг десяти метров высоты, а столб дыма и пепла поднялся на девять километров. Погода в эти дни стояла ясная, и дым, ослепительно белый днем и бледно-багровый ночью, хорошо был виден из Рейкьявика.

Новый остров рос как на дрожжах — примерно на полметра в час. Так, 16 ноября он достиг высоты уже 40 метров над уровнем моря и Длины 550 метров, а 19-го — свыше 60 метров в высоту и 600 метров в длину. В это время он представлял собой вытянутый хребет, извержение происходило в двух-четырёх местах в разных его концах, а кратеры, еще не ясно очерченные, заливали море. Извержение сопровождалось периодическими взрывами большой силы. Например, 16 ноября в одном из кратеров в северо-восточной части острова наблюдались взрывы в среднем каждую пятую секунду, а в кратере близ средней части — около трех взрывов в минуту, причем гораздо большей силы. В первые недели существования вулканического острова шла упорная, ожесточенная борьба моря и неожиданно возникшей суши. Тысячетонные массы воды обрушивались на остров, заливали кратеры, дико и яростно шипели, образуя гигантские столбы пара, но не в силах были погасить огонь, который, как только море отступало, с новой силой вспыхивал, получая подкрепления из недр земли. Однако вопрос кто — кого в первый период жизни острова далеко еще не был решен, и нельзя было поручиться, что остров сохранится на поверхности океана.

Когда море заливало кратеры или просачивалось сквозь трещины в шлаковых стенках, извержение носило характер, типичный для подводных вулканов. После каждого «мокрого» взрыва из кратеров вылетали большие массы пепла и шлака,

а также бесчисленные лавовые бомбы, за которыми тянулись черные дымовые хвосты; они тут же становились белыми и расплывчатыми, поскольку раскаленный пар — двигательная энергия этих лавовых бомб — сразу охлаждался. Когда взрывы происходили в глубине кратера, дымовые стрелы достигали 500 метров высоты, а отдельные лавовые бомбы взлетали вдвое выше. Если же взрыв случался близ поверхности кратера, где диаметр его шире, массы пепла образовывали облако, напоминавшее хвост гигантского петуха. Такие «петушиные хвосты» очень характерны для подводных извержений. Зрелище поистине незабываемое! Раздается оглушительный взрыв, словно залп из тяжелых орудий, ввысь устремляются клубы серо-бурого черного дыма, и во все стороны, точно соревнуясь друг с другом в скорости, летят какие-то точки, и за каждой из них тянется жирный хвост. Это гигантский фейерверк! При самых сильных взрывах лавовые бомбы падали на расстоянии 1300 метров от острова. Поэтому ни о какой высадке на берег в это время не могло быть и речи. В эти первые месяцы вулкан выделял такое количество тепловой энергии, которое, по подсчетам специалистов, равно энергии сгорания 14 тысяч тонн нефти. Описанный выше тип вулканической деятельности был характерен в тот период, когда море имело доступ к кратерам.

Случалось, однако, что массы выбрасываемого шлака на какое-то время преграждали морю путь к отверстию кратера. Тогда извержение принимало иной характер: из кратера непрерывно вырывался столб пара и пепла, во многом напоминающий наиболее сильные извержения горячего источника — гейзера. Скорость, с которой пар и пепел устремляются ввысь, необычайно высока — у выхода из кратера она составляла 100 метров в секунду, а в высоту столб достигал двух километров. Извержение сопровождалось сильным грохотом. По ночам массы пара и пепла, ударяясь о стенки кратера, раскалялись докрасна, и остров издали нередко напоминал пылающий шар. Пепла и шлака выделялось при этом гораздо больше, чем при извержении взрывного типа, да и внешне зрелище было более величественным: многочисленные вспышки, словно гигантские молнии, следовали одна за другой с интервалами в несколько секунд. Такой характер вулканической деятельности мог наблюдаться несколько часов, а затем море вновь прорывалось к кратеру и извержение становилось иным.

Когда ветер дул в юго-западном направлении, пепел выпадал на островах Вестманнаэйяр. К счастью, в общей сложности он выпал слоем не более одного сантиметра. Опасались также, что новый вулкан спугнет рыбу с прилегающих отмелей — отличных районов корма и нереста. Но этого не случилось. Так что серьезного ущерба жители близлежащих островков не понесли.

Новые очаги извержений

Вулканическая деятельность, начавшаяся 13 ноября, в данном районе на этом не кончилась. 28 декабря к северо-востоку от острова Сюртсэй появился новый очаг. И это вызвало большой интерес, ибо давало возможность проследить все фазы в развитии подводного вулкана. Но новому вулкану не суждена была долгая жизнь. Уже 6 января признаки подводного извержения прекратились. Зато остров Сюртур продолжал бурно расти. 16 января высота острова достигла 160 метров, а в конце января его высшая точка поднялась уже до 300 метров над уровнем моря. В наиболее широком месте остров достигал 1300 метров. 1 февраля выпал снег, а вслед за этим в северо-западной части острова появилось пламя, языки которого поднимались на 40—50 метров. Родился еще один кратер, Младший Сюртур. Приняв эстафету от Старшего, к тому времени утихшего, он стал развиваться бурными темпами. К 4 апреля, когда горы шлака преградили морю доступ с юга и началось извержение лавы, остров достиг 1700 метров в длину, а конус Младшего Сюртура сравнялся по высоте со Старшим.

Извержение лавы

До тех пор пока в южной части острова не образовалась стена из шлака, надежно изолировавшая кратеры от моря, не было уверенности, что в борьбе с океанской стихией остров отстоял свое право на существование. Наконец достаточно толстая и прочная стена возникла к 3 апреля. Вечером того же дня из кратера вырвалась струя пламени высотой в 150 метров, а в полдень 4 апреля началось извержение огненных потоков лавы.

В кратере возникло огромное озеро раскаленной лавы диаметром до 120 метров. Широкий поток ее устремился вниз по склонам; достигнув берега, лава отдельными ручейками впадала в море; в этих местах поднимались облака шипящего пара. Застывшая лава, словно причудливые кораллы, серо-белые от морской воды и кремния, покрывала склоны острова, все время увеличивая его размеры, и к началу 1965 года площадь острова составляла уже 2,5 квадратных километра.

Все те, кому довелось наблюдать эти огненные потоки на острове Сюртсэй, подолгу не могли оторвать взгляда от редкого по красоте зрелища. На Московском кинофестивале 1965 года был показан интересный документальный фильм исландского оператора Освальдура Кнудсена, сумевшего запечатлеть основные вехи рождения нового острова у берегов Исландии. Фильм привлек большое внимание и заслужил высокую оценку совет-

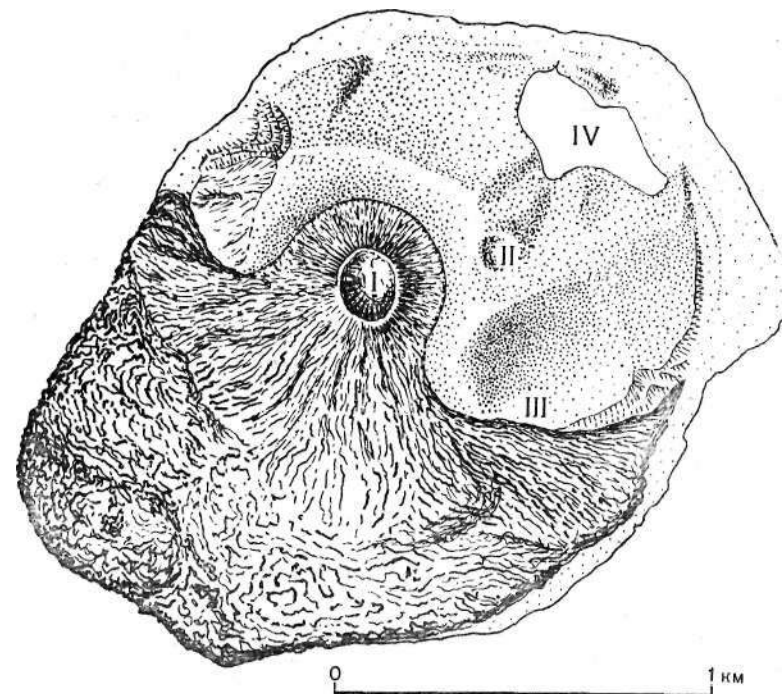

Схема острова Сюртсэй (конец октября 1964 г.). Точками обозначен туф от подводного извержения (14/XI 1963—4/IV 1964 г.). Штриховыми линиями — потоки лавы, образованные после 4 апреля 1964 г.

III — кратер, действовавший с начала извержения до конца января. I — кратер, где началась подводная деятельность 1 февраля и извержение лавы 4 апреля. II и IV — кратеры, образовавшиеся в начале февраля. IV — кратер в настоящее время заполнен морской водой (лагуна)

ской печати. Исландским операторам удалось заснять огромное желто-красное огненное море, бушующее в кратере. Лава все прибывает, вот она переливается через край и множеством мелких ручейков просачивается сквозь шлаковые стенки кратера. Скорость потока близ кратера очень велика — 10 метров в секунду. Когда смотришь на это озеро, раскаленное до 1300 градусов и более, кажется, что наблюдаешь плавку металла в какой-то фантастической доменной печи. Лава устремляется к морю, и желтые языки ее то тут, то там, словно головы страшных драконов, прыгают над кипящей красно-бурой массой. В ясные ночи огонь можно было видеть с самолета на расстоянии до 300 километров от острова.

Первые люди на острове

Сюртсэй с самого рождения стал объектом пристального внимания ученых. Однако первая высадка на остров никаких научных целей не преследовала и была предпринята лишь в погоне за сенсацией и рекламой. Воспользовавшись некоторым затишьем в вулканической деятельности, три смельчака француза из парижского еженедельника «Пари матч» ступили 6 декабря 1963 года на берег и провели на острове около четверти часа.

Ученые высадились на Сюртсэй на резиновой лодке 16 декабря, когда вулкан ненадолго (на 16 часов) затих. Задача состояла в том, чтобы собрать образцы шлака, но в результате извержения со дна океана было выброшено множество камней невулканического происхождения. Ученые обнаружили как базальтовую гальку, туф, так и конгломерат с вкраплениями ракушек. До тех пор, пока вылетали лавовые бомбы и извержение носило характер взрывов, вступать на остров было опасно. Когда же началось извержение лавы, высаживаться стало легче. На Сюртсэе побывало много людей из разных стран мира, а очень многие наблюдали за ним с моря. Исландские авиакомпании специально изменили маршрут самолетов, совершающих далекие рейсы, включив в него облет острова, что, разумеется, было продиктовано отнюдь не эстетическими соображениями, а стремлением заполнить побольше пассажиров. Ни один исландский вулкан или гейзер никогда не был объектом столь широкого внимания.

Жизнь возникает на острове

Когда посреди океана неожиданно рождается огненный остров, то вполне понятно, что ни о каких живых организмах в первый момент не может быть и речи. Поэтому представляется редкая возможность проследить за тем, каким путем и в какой последовательности живые организмы прокладывают себе путь на новую землю. Изучение этого вопроса может во многом пролить свет на историю появления живых существ на территории самой Исландии в послеледниковый период. Известно, что ледники четыре раза уничтожали на острове все живое, и каждый раз жизнь начиналась сызнова.

Биологические наблюдения на Сюртсэе начались не сразу, поэтому неизвестно, когда именно на острове появились первые микроорганизмы. Первым систематические наблюдения за живыми организмами на острове начал 14 мая 1964 года исландский биолог Стурдла Фридриксон, и он сразу же обнаружил их. Что же касается чаек, то их видели на острове уже две недели спустя после его рождения. 16 апреля там сели стаи дроздов-белобровников, очевидно нашедших себе новое место

отдыха во время перелета в Исландию. Затем на Сюртсэе появились различные птицы: кулик-чернозобик, кулик-сорока, трехпалая чайка, луговой конек, пуночка. Были здесь пойманы мухи и бабочки. К берегу острова прибило течением семена различных прибрежных растений — морской капусты, воловника, гигантского дягиля, но пока неизвестно, пустило ли какое-нибудь из этих растений корни на новой земле. Летом 1964 года остров с воздуха казался во многих местах поросшим травой. В действительности же растительности там еще не было.

Небезынтересно упомянуть и про тюленей, животных весьма любознательных. Они все время держались вблизи острова и как бы наблюдали за развитием событий; но на берег они стали выползать лишь после того, как извержение пепла заметно утихло. В первый раз исландские ученые обнаружили здесь тюленей 7 июня.

Сделанные наблюдения еще нуждаются в систематизации и обобщении, однако можно твердо сказать, что они дадут богатый и нужный материал не только для исландских ученых, но и для биологов всего мира.

Самое интересное в рождении острова может быть еще впереди, потому что жизнь Сюртура продолжается. Хотелось бы в заключение привести слова Сигурдур Тоураринссона о том, как выглядит Сюртсэй в наши дни:

«На Сюртсэе всего за несколько месяцев сформировался столь многообразный и сложившийся ландшафт, что прямо диву даешься. Здесь есть не только лавовый холм с раскаленным озером лавы в бурлящем кратере и шипящие потоки красной лавы, которые стремятся вниз по склонам, увеличивая размеры холма и день ото дня изменяя внешний облик острова. Здесь можно увидеть широкие песчаные берега и отвесные скалы, омываемые волнами прибоя, наносы гравия и лагуны, внушительные утесы из шлака, серо-белые от соленой морской воды и кремния, который выступает из-под шлака и создает сходство этих утесов с седыми скалами на берегах Ла-Манша. Здесь есть впадины, ложины и мягкие округлые кряжи, есть трещины и обрывы, осыпи и протоки. Здесь поднимаются нередко такие бури и песчаные вихри, что не видно ни зги, да и Айгир, этот северный брат Нептуна, расходится порой с небывалой силой. Вы можете побывать на берегу, где потоки лавы устремляются в море, вздымая высоко в небо клубы раскаленного пара, а вернувшись спустя три недели на то же самое место, не поверить своим собственным глазам — отвесные утесы из застывшей лавы поднялись во много раз выше роста человека, а у их подножия, на размытых морем нишах, галька так отшлифована волнами прибоя, что стала почти круглой; чуть подалее к морю — песчаный берег, по которому в часы отлива можно пройти пешком, даже не замочив ноги. Но стоит вам прийти сюда в дру-

гой раз, как вы обнаружите, что на прибрежные скалы низвергаются потоки раскаленной лавы. В один прекрасный день прибой оставляет зияющие раны в шлаковых стенах прибрежных скал, а на следующий день лава растекается по песчаному берегу, защищая эти скалы от дальнейших набегов Айгира. Так разрушительные и созидательные силы борются за этот остров, который для ученых-геоморфологов есть и будет самым настоящим раем».

Владимир Якуб

* Самым крупным в СССР хозяйством по выращиванию оливковых деревьев является Зыкский совхоз в Азербайджане. Он знаменит тем, что его сотрудники впервые в мировой практике разработали метод ускоренного выращивания этих ценных деревьев.

Как известно, маслины плодоносят лишь на четырнадцатый год. А вот работники Зыкского совхоза сократили этот срок почти в два раза. Они научились выращивать деревья не из косточек, а из черенков. О маслинах сложено немало легенд. Еще древние греки установили, что оливковое масло чрезвычайно целебно. Сейчас его используют в медицине, консервной промышленности, для получения высших сортов мыла и высококачественных смазочных масел. Жмых от плодов идет на корм скоту, а из древесины производят дорогую мебель.

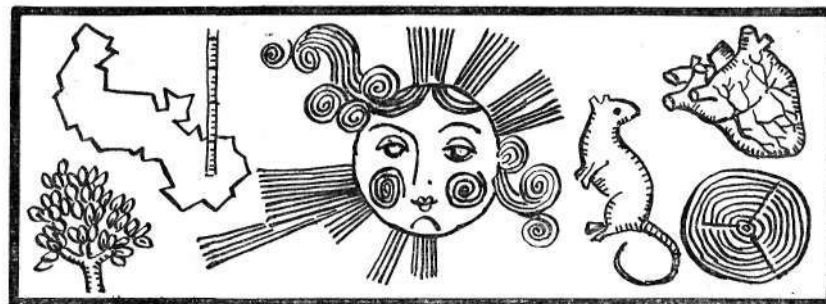
* Разница между сторонами пирамиды Хеопса составляет всего 20 см при общей длине 230 м. Это означает, что египтяне 4600 лет назад умели высчитывать длину колоссальных построек с точностью до одной тысячной.

Что касается измерений времени, то их современники — астрономы Вавилона определили продолжительность солнечного года с точностью до одной десятичной. Еще более точно рассчитали длительность года древние жители Мексики.

Американские геофизики недавно высказали мнение, что в Атлантическом океане за последние 15 тысяч лет уровень воды поднялся почти на 120 м.

Все это произошло, по их мнению, в результате таяния ледников, покрывавших когда-то Северную Америку и Европу. В поисках доказательств своей гипотезы ученые тщательно исследовали осадочные породы и окаменевшие остатки моллюсков на дне океана. Их находки довольно убедительно подтверждают, что прежняя береговая полоса мирового океана была гораздо ниже.

* Эти данные относятся и к уровню всего мирового океана.—
Прим. ред.

СОЛНЕЧНЫЕ ИЕРОГЛИФЫ

Влияние Солнца на нашу жизнь гораздо значительнее, чем мы думаем, и, поскольку жизненные процессы человеческого организма управляются Солнцем, загадку Солнца наряду с астрономами теперь решает врач.

Г. Шульце (ГДР)

Вопреки Аристотелю

Когда 21 марта 1611 года Христоф Шейнер впервые увидел на Солнце пятна и сообщил об этом своему учителю, тот, улынувшись, сказал: «Сын мой, я много раз перечитывал Аристотеля, но нигде не встречал ни единого упоминания о пятнах на Солнце. Значит, эти пятна или на стеклах твоей трубы, или у тебя в глазах».

Таков был неколебимый авторитет великого греческого ученого. Но последующие многочисленные наблюдения не только подтвердили, что на Солнце есть пятна, но и установили целый ряд удивительных солнечных явлений, многие из коих до сих пор остаются непонятными подобно египетским иероглифам до находки Розеттского камня. Напомним, что иероглифы удалось расшифровать благодаря Розеттскому камню, так как на нем один и тот же текст был высечен на трех языках: древнеегипетском (иероглифами), демотическими письменами и греческом.

Продолжая это сравнение, можно сказать, что как письмена Розеттского камня помогли лингвистам, так исследования биологов и медиков о воздействии активной солнечной радиации на живые организмы помогут объяснить ряд явлений, связан-

ных с Солнцем. Если открытия физиков обогатили медицину (рентгеновские лучи, радий, ультразвук и т. д.), то в равной степени гелиофизики смогут почерпнуть много ценного у биологов, изучая «биологические индикаторы солнечной активности», чутко реагирующие на переменность солнечной радиации.

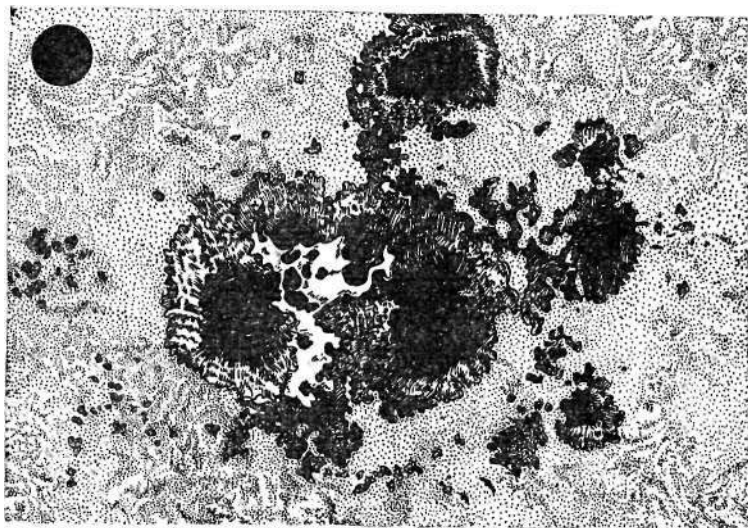
Солнечно-земные связи

Целый ряд явлений, присущих, казалось бы, только Земле, оказался тесно связанным с солнечными процессами.

Советские ученые нашли, что изменения климата — это следствие колебаний солнечной активности. Зависит от нее и ледовитость полярных морей, и атмосферные осадки, и уровень грунтовых вод, полноводность рек, озер.

Изменения уровня Каспия, о котором много пишут в последние годы, через атмосферную циркуляцию связаны с фазами солнечной активности. Низкое стояние Каспия в 1930—1950 годах пришлось на максимум этой активности (в вековом смысле). Подобные колебания уровня Каспия отмечались и в прежние времена.

Магнитные бури и полярные сияния, изменения гравитационного и электрического поля Земли — все это тоже прямые

Группа солнечных пятен, наблюдавшаяся 6 августа 1917 г. в обсерватории на горе Вильсон. (Черный диск в левом углу показывает сравнительные размеры Земли)

следствия бурных процессов на ближайшей к нам звезде. И в этом нет ничего удивительного, ведь Земля отстоит от Солнца всего лишь на 107 солнечных диаметров. По последним данным, солнечная корона простирается за земную орбиту, таким образом, наша планета фактически как бы погружена в крайне разреженные внешние слои атмосферы Солнца.

Ошибки и неудачи отдельных исследователей, искавших строгие периоды в солнечных и геофизических явлениях, объяснялись тем, что они не учитывали взрывной характер 11-летней солнечной цикличности, ни о какой строгой гармонии в данном случае не может быть и речи. Циклический характер солнечной ритмики объясняет отсутствие строгой периодичности и у обусловленных Солнцем геофизических ритмов. Их нет на Земле, потому что их нет на Солнце.

Вспышки на солнце

В середине прошлого века астрономы заметили вблизи большой группы солнечных пятен ослепительные вспышки. Какие-то блестящие массы стремительно проносились над пятнами со скоростью более 100 километров в секунду. Вскоре магнитные приборы зарегистрировали на Земле сильнейшую магнитную бурю, а телеграф перестал работать. В этот же и на следующий день в Европе и Америке наблюдались необычайно яркие полярные сияния.

Ученых заинтересовало это непонятное явление, и они стали вести за ним непрерывные наблюдения.

Высказанная физиком В. Гессом гипотеза о существовании ранее неизвестного излучения, приходящего из мирового пространства и потому названного космическим, быстро завоевала всеобщее признание и послужила толчком к детальному изучению свойств атомных ядер и других элементарных частиц материи.

Дальнейшие наблюдения показали, что усиление интенсивности космических лучей связано с солнечными вспышками. На протяжении текущего солнечного цикла было зарегистрировано четыре такие вспышки.

Интенсивная вспышка, пожалуй, одно из самых изумительных зрелищ: часть солнечного диска, по размеру нередко превышающая 25 миллиардов квадратных километров, внезапно ослепительно вспыхивает, увеличивая свою яркость в десятки раз. Чаще всего вспышки образуются в центральных областях групп солнечных пятен. Вспышки не только излучают свет, они еще выбрасывают и большое количество вещества из Солнца, и когда они происходят вблизи края солнечного диска, то напоминают фонтан, выбрасывающий свои струи в межпланет-

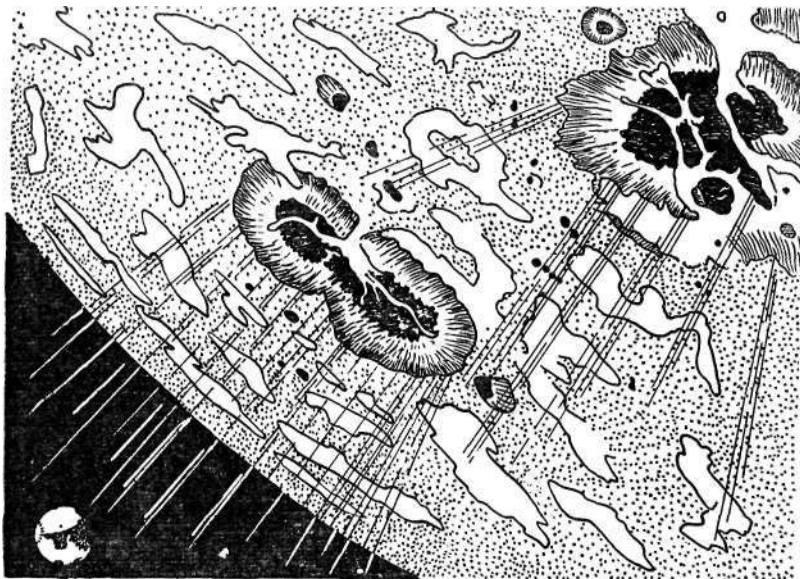
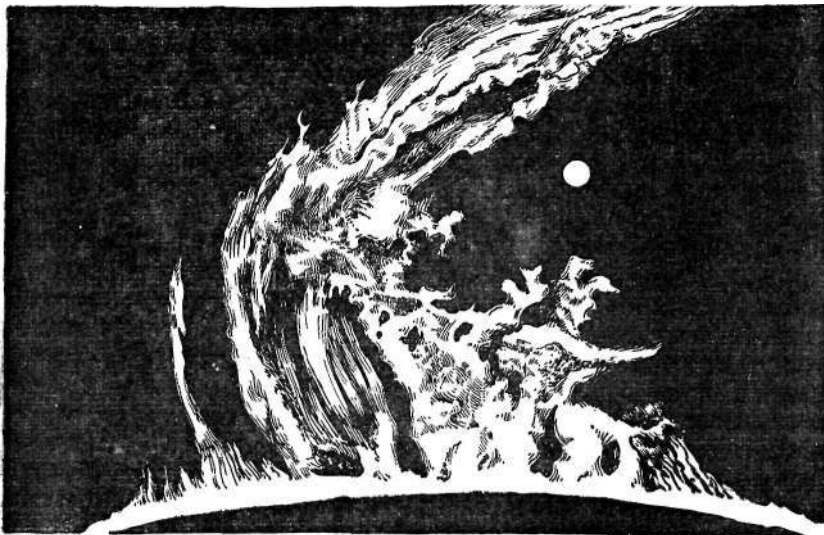

Схема корпускулярных излучений солнечных пятен
(внизу слева относительные размеры Земли)

Солнечный протуберанец высотой 235 000 километров.
Сфотографирован 9 июля 1917 г. в обсерватории на горе Вильсон.
(Белый кружок — сравнительные размеры Земли)

ное пространство на расстояние в полмиллиона километров и более при скорости, нередко превышающей 700 километров в секунду.

Перед биологами и медиками встал вопрос, может ли влиять активная радиация Солнца, и в частности одно из наиболее ярких ее проявлений — вспышки, на живой организм, и если да, то как?

Говорят биологи

Работы наших отечественных биологов показали, что колебания солнечной активности влияют на жизнедеятельность растений и животных через изменения погодно-климатических факторов внешней среды.

С открытием биологических процессов, чувствительных к солнечной активности, было введено понятие биологических индикаторов солнечной активности. Открытие это принадлежит представителям русской и советской науки.

Установлено, что цикличность солнечной активности проявляется в характере чередования годичных колец деревьев. Следы годичных колец, имеющих 11-летний солнечный ритм, сохраняются и на ископаемых деревьях. По ним можно выяснить характер изменений гидроклиматического режима, а значит и солнечной активности в далеком геологическом прошлом.

Вековой солнечный цикл отмечается и в целом ряде лесохозяйственных явлений: в режиме боровых болот, в росте сосны и дуба, в смене пород деревьев и т. д. Наиболее интенсивные изменения в растительном покрове леса совпадают с эпохами максимума и минимума векового цикла солнечной активности.

Профессор Н. С. Щербиновский нашел, что в массовых размножениях и вылетах саранчи отражается 11-летняя солнечная цикличность. Непосредственной причиной этих массовых размножений служат благоприятные условия, связанные с интенсивностью муссонных ливней, зависящих, в свою очередь, от колебаний солнечной активности. На этой основе Н. С. Щербиновский разработал и внедрил в практику оказавшиеся успешными сверхдолгосрочные прогнозы размножения и разлета этих вредителей.

Такая же цикличность найдена и в размножении мышевидных грызунов.

Несомненные следы влияния 11-летней солнечной активности обнаружены и в ряде важных жизненных процессов у рыб.

Влияния бесспорны — признают медики

Проблема влияния солнечной активности на организм человека впервые была поставлена в Советском Союзе. Профессор А. Л. Чижевский при помощи математического анализа, примененного к изучению биологических явлений, открыл ряд закономерностей между колебаниями солнечной активности и цикличностью эпидемических заболеваний. Приоритет А. Л. Чижевского признан как у нас, так и за рубежом. Его методами исследований пользуются ныне многие ученые. Исследователям солнечно-земных связей в биологии и медицине удалось установить, что колебания активной радиации Солнца не безразличны для организма человека. В моменты резких усилений солнечной активности, особенно мощных вспышек, в организме возникают ответные реакции, проявляющиеся в виде нарушений некоторых физиологических процессов, а порой и в возникновении ряда заболеваний.

Так, было обнаружено, что частота легочных кровотечений у туберкулезных больных связана с колебаниями земного магнетизма, зависящего в свою очередь от солнечной активности, а число смертных случаев от туберкулеза резко возрастает после солнечных вспышек.

Интересны работы о влиянии солнечных вспышек на частоту несчастных случаев, связанных с уличным движением. Обширные материалы, собранные за рубежом, свидетельствуют о том, что при вспышках на Солнце реакция человека на сигналы замедляется почти в четыре раза. В сложный механизм этих влияний входит воздействие корпускулярных потоков и волновой радиации.

Конечно, вопрос о влиянии солнечной активности на организм человека, как всякая новая проблема, требует очень строгой про-

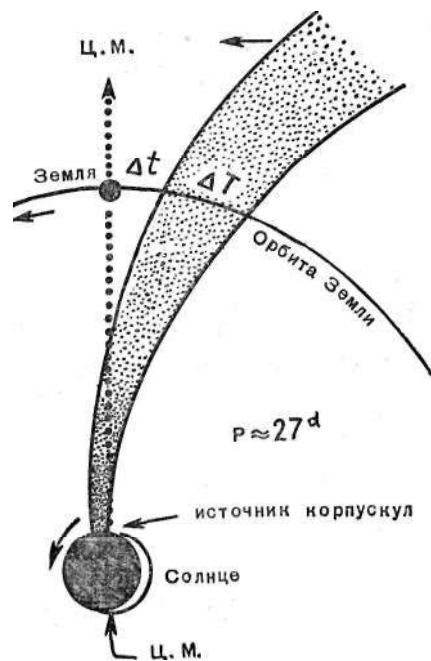

Схема периодического попадания Земли в поток корпускул, идущий от активной области на поверхности Солнца (по Э. Р. Мустелю)

верки фактов и критического отношения к полученным выводам.

К сожалению, большинство критиков, повторив те или иные исследования и не получив ожидаемых результатов, сразу же объявляют проверявшуюся ими корреляцию случайным совпадением. Ошибка таких критиков заключается прежде всего в том, что они недооценивают фактор времени, а порой и вовсе пренебрегают им.

Так, например, отметив на Солнце мощную вспышку, такие наблюдатели ждут, что ее воздействие окажется обязательно там, где они сами находятся, не учитывая вращения Земли вокруг оси. А ведь поток корпускул может приземлиться в противоположном полушарии. Поэтому необходимо использовать данные крупнейших обсерваторий как западного, так и восточного полушарий.

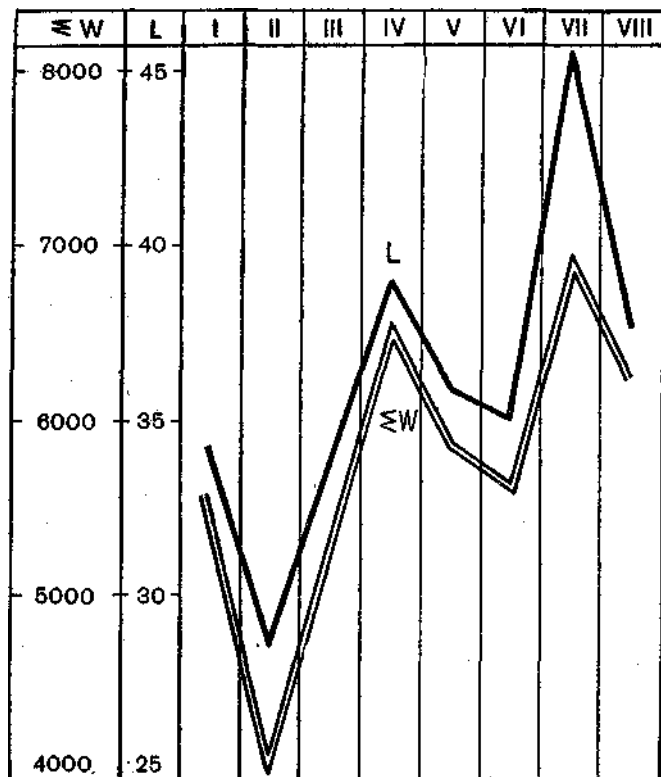
В настоящее время вопросами влияния солнечной активности на организм занимается уже целый ряд институтов, лабораторий и обсерваторий. Эта проблема рассматривается на многочисленных научных совещаниях, конференциях и конгрессах.

Творческое содружество

В 1960 году в Ленинграде состоялось Всесоюзное междомственное совещание Астросовета Академии наук СССР, посвященное проблеме «Солнце — тропосфера». Наряду с докладами представителей физико-математических наук были заслушаны и медицинские доклады о влиянии переменности солнечной радиации на организм человека.

На следующий день по просьбе ученых астрономов один из докладов (автора этих строк) был повторен в Главной астрономической обсерватории Академии наук СССР в Пулковке, положив начало тесному содружеству в исследовательской работе астрономов и медиков.

Это содружество обогатило врачей возможностями, которые трудно переоценить. По совету профессора Главной астрономической обсерватории Академии наук СССР, ныне ее директора, В. А. Крата Сочинское курортное управление приобрело ценный прибор — магнитограф, регистрирующий солнечные вспышки, сопровождаемые выбросом корпускулярных потоков, обрушивающихся на Землю. По характеру кривой, вычерчиваемой магнитографом, можно судить о мощности вспышки и, зная скорость выбрасываемых частиц, принимать профилактические меры в отношении больных, остро реагирующих на эти вспышки (прежде всего страдающих сердечно-сосудистыми заболеваниями). До сих пор магнитограф был на вооружении обсерваторий, сейчас он служит медицине. Тесное

Параллелизм частоты относительных лимфоцитозов [L] (увеличение процентного и абсолютного содержания лимфоцитов в крови) с солнечным индексом ΣW в период максимума солнечной активности в 1957 г. 14 100 наблюдений (по Н. Шульцу)

содружество астрономов и медиков впервые осуществлено в Советском Союзе.

При появлении на Солнце мощных вспышек во все сочинские здравницы поступают сообщения о необходимости систематического контроля за общим состоянием и функциональной деятельностью сердца у всех больных с повышенной метеочувствительностью, отпуска соответствующих лекарственных препаратов. Число сердечно-сосудистых кризов после установки магнитографа снизилось более чем на 60 процентов.

Изучением метеорологических факторов, как влияний внешней среды на сердечно-сосудистые заболевания, уже много лет занимаются ученые различных стран. В Советском Союзе такие исследования проводятся во всех климатических областях.

Проходившая в Москве Всесоюзная конференция Института терапии Академии медицинских наук СССР заслушала более 40 докладов, посвященных этой проблеме, в том числе доклад представителя Института земного магнетизма и ионосферы Академии наук СССР профессора Н. П. Беньковой о солнечной активности, возмущениях электромагнитного поля Земли и возможности их влияния на организм человека.

В клиниках медицинских институтов, в больницах и санаториях более чем 40 географических пунктов обследовано свыше 25 тысяч человек, находившихся под длительным наблюдением. Получены сопоставимые результаты исследований, проведенных в различных условиях широтной и высотной зональности.

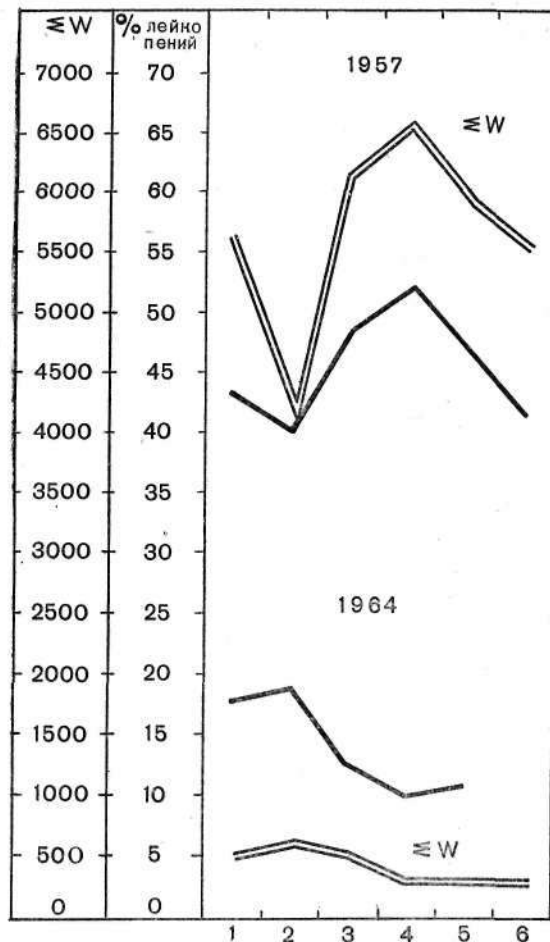
К этой работе привлечены Главная геофизическая обсерватория имени Воейкова, Институт земного магнетизма и ионосферы АН СССР, Институт географии АН СССР, Гидрометеоцентр СССР, Институт аэроклиматологии и другие научные учреждения.

Ряд ученых считает, что увеличение числа некоторых заболеваний, особенно сердечно-сосудистой системы, помимо общеизвестных причин связано и с усилением активной радиации Солнца. Несколько десятилетий назад числа Вольфа как показатели солнечной активности были довольно низкими (в 1922 году — 14, 1923-м — 6, 1924 году — 17) и инфаркты миокарда встречались редко.

В 1957 году наблюдался максимум двух солнечных циклов — 11-летнего и векового, числа Вольфа достигли небывало высоких степеней (в 1956 году — 142, 1957-м — 190, 1958-м — 185, 1959 году — 179 и т. д.), неизмеримо возросло число случаев инфаркта миокарда.

В годы упомянутого максимума солнечной активности наблюдалась злокачественная гипертония, в дальнейшем же такие заболевания не регистрировались.

Проблема солнечно-земных связей в медицине получила признание ведущих ученых медиков. Вот что они говорят. Академик И. В. Давыдовский: «Общая сумма метеорологических факторов стоит в теснейшей зависимости от так называемых космических влияний, то есть от факторов, лежащих за пределами земной атмосферы, и прежде всего от основного источника энергии — Солнца». Профессор Института терапии АМН СССР Г. М. Данишевский: «Имеется известная связь, пока еще мало изученная, между процессами в живом организме и электрическими явлениями в природе — полярными сияниями, магнитными бурями, то есть в конечном счете действительно с пятнами на Солнце. С увеличением числа пятен на Солнце совпадает увеличение числа случаев инфаркта миокарда, факт, установленный наблюдениями многих исследователей в различных странах мира».

Колебания солнечной активности (жирная кривая) и синфазные ей колебания частоты функциональных лейкопений (уменьшение числа лейкоцитов) в период максимума солнечной активности в 1957 г. и минимума — в 1964 г. (по Н. Шульцу)

Заведующий кафедрой Томского университета доцент В. П. Десятов: «Решающая роль солнечной активности при скоростной смерти, в том числе при инфарктах миокарда, не подлежит сомнению. Это неоспоримый факт, так как наблюдаемое явление повторяется незамедлительно и неукоснительно на протяжении двухсот месяцев. Невозможно представить себе, что здесь имеют место случайные совпадения. Каждый взрыв на Солнце больно, а часто и смертельно бьет по изношенным организмам».

Это не значит, что солнечные вспышки являются причиной смерти — здоровый организм переносит их без вреда. Они являются лишь одним из факторов, способствующих наступлению смерти наравне с такими, как физическое переутомление, психо-эмоциональный шок, перегревание, переохлаждение и т. д.

Наши медицинские работники все чаще и чаще прибегают в своих исследованиях к астрономическим концепциям, в творческом содружестве с представителями различных научных дисциплин они утверждают новое направление в советской науке.

Джорджи© Пиккарди

Имя профессора Флорентийского университета, директора Института физической химии Джорджи Пиккарди известно широким кругам читателей. Главной его заслугой является открытие бесспорного влияния 'солнечной активности, в том числе солнечных вспышек, на коллоидные растворы.

Поскольку важнейшие составные части растений, тела человека, животных (белки, углеводы, слизи и др.) находятся в коллоидном состоянии, открытие Д. Пиккарди представляет исключительный интерес не только для химиков, но и для медиков и биологов.

Согласно гипотезе известных английских ученых Д. Бернала и Р. Фоулера, каждая молекула воды связана с четырьмя другими молекулами водородными «мостиками», образуя как бы кристаллическую, трехмерную структуру. Так как эти водородные связи -очень эластичны, структура воды весьма изменчива и способна поглощать значительное количество энергии. При температуре около 35 градусов Цельсия эта структура разрушается. Некоторые физические воздействия могут деформировать структуру воды, не изменяя ее физических свойств и химического состава.

Д. Пиккарди показал, что такая структура воды и коллоидных растворов очень чувствительна к воздействию космических факторов, поскольку для изменения этой структуры достаточно самого незначительного количества энергии.

Сотни тысяч опытов было проведено в различных местах нашей планеты, в том числе в Арктике и Антарктике. И везде отмечался параллелизм между скоростью осаждения коллоидов и колебаниями активной радиации Солнца.

Солнце и кровь

Очень чутким показателем колебаний солнечной активности оказались, согласно многолетним исследованиям автора этих строк, белые кровяные тельца. У здоровых людей их числен-

ность начинает уменьшаться после катастрофических процессов на Солнце. Лейкоцитарные тесты солнечной активности, предложенные автором как показатели переменности солнечной радиации, дополняя химические тесты Д. Пиккарди, позволили выявить ряд интересных явлений в солнечно-земных связях.

Огромное количество наблюдений, проведенных на различных широтах и долготах пяти континентов, дали возможность установить зависимость колебаний численности белых кровяных телец от мощных хромосферных вспышек, особенно в тех случаях, когда последние сопровождались выбросом протоновых частиц при определенных магнитных характеристиках солнечных пятен.

Если это случайные совпадения, то нельзя не призадуматься над поразительной закономерностью таких совпадений на протяжении нескольких десятилетий.

Механизм воздействий солнечных вспышек на организм человека пока остается неясным, так как вспышки имеют чрезвычайно сложную природу и относятся к новым проблемам физики, изучение которых только начинается.

Расшифровка солнечных иероглифов позволит объяснить ряд явлений, до сих пор оставшихся загадочными, откроет перед исследователями новые горизонты, которые еще и теперь могут показаться фантастическими.

Николай Шульц

*Долгое время «Мезоскаф» Жака Пикара служил в качестве первого в мире прогулочного подводного «автобуса» на Женевском озере. Теперь известный исследователь глубин переделал свою туристскую подводную лодку в гидрографическое судно. Кресла убраны, смонтированы столы для приборов, отведены отсеки для хранения продуктов, в иллюминаторы нацелены кино- и фотоаппараты.

На своем переоборудованном «Мезоскафе» Жак Пикар предлагает совершить с 8 сотрудниками уникальное путешествие — длительный дрейф в водах Гольфстрима.

В Швейцарском институте морских исследований ученый сделал доклад о целях своего путешествия. Гольфстрим — гигантская река в океане от Мексиканского залива до побережья Колы, оказывает большое влияние на климат северной Европы. Однако это течение еще плохо изучено. «Мезоскаф» погрузится на глубину до 20—30 м и с выключенными двигателями будет плыть по течению Гольфстрима, несколько недель не поднимаясь на поверхность. Ученые изучат не только гидрологические законы течения, но и его фауну и флору.

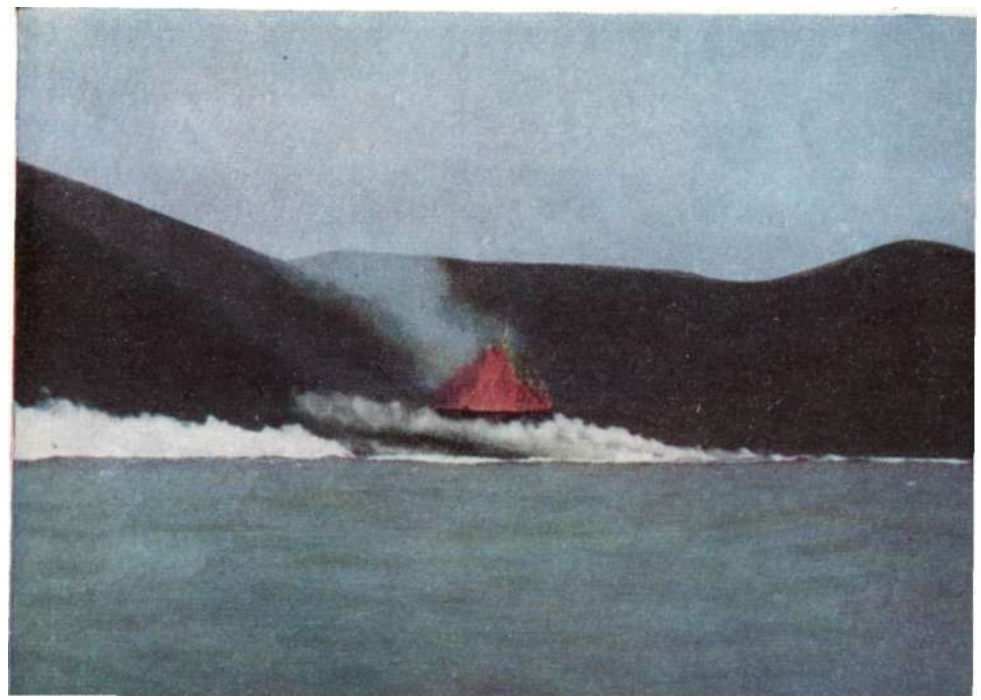

Желто-зеленые отложения серы по краям кратера. На заднем плане слева виднеется газовое отверстие (горнило) в кратере.

Снимок сделан Кристином Хельгасоном в апреле 1965 г.

Снимок показывает извержение лавы на Сюртсэе на следующий день после его начала — 5 апреля 1964 г. В кратере фонтан огненной лавы. Потоки ее стекают в море.

Фото Торлейвура Эйнарсона

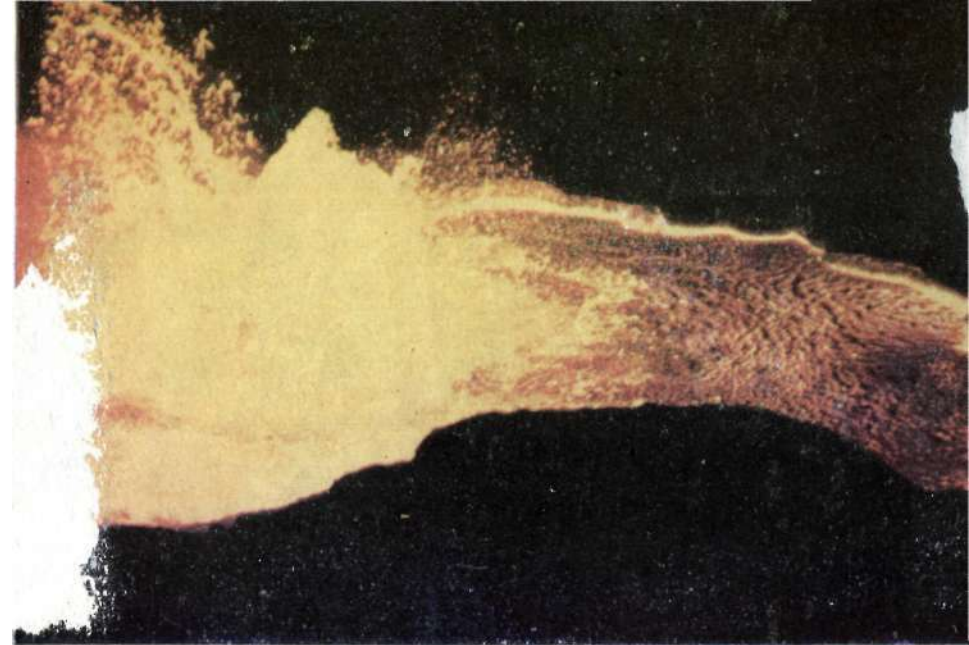

Потоки огненной лавы вырываются на поверхность у подножия вулкана. Апрель 1965 г.

Фото Торлейвура Эйнарссона

По краям кратера образуются нагромождения серы, которая выделяется из вулканического пара. Снимок сделан в апреле 1965 г.

Фото Торлейвура Эйнарссона

Лавовое озеро в кратере. Четко видны активные лавовые фонтаны.

Фото Кристина Хельгасона 9 июля 1965 г.

Вид на Сюртсэй с юго-запада 14 мая 1964 г. Четко видны очертания самого вулкана. На заднем плане горы, образованные в результате извержения. Наивысшая точка достигает 173 м над уровнем моря.

Фото Торлейвура Эйнарссона

В мае 1965 г. вулканическая деятельность на острове Сюртсэ* прекратилась. Но проходит совсем немного времени, и 23 мая на расстоянии около 1 км к востоку от Сюртсэ начинается новое подводное извержение. В начале июня на поверхности океана появился новый остров там, где еще совсем недавно глубина составляла 120 м. Остров, названный Сюртлингур, быстро рос и достиг 600 м в длину и 60 м в высоту. В октябре 1965 г. в Атлантике разразился сильный шторм, во время которого островок прекратил свое существование.

Снимок Сюртлингюра сделал Харальдур Сигурдссон 20 августа 1965 г. с восточной вершины острова Сюртсэй

БЕЛЫЕ ПЯТНА «ГОРЫ ЯЗЫКОВ»

«Лингвистический мешок»

У Аллаха был огромный мешок, в котором хранились различные языки, рассказывает в древней арабской легенде. Обезвзя мир, каждому народу он давал язык из чудесного мешка. И вот на пути Аллаха остался лишь Кавказ. И на Кавказские горы всемогущий бог высыпал все, что осталось в мешке.

В этой легенде отражено удивительное многообразие языков, на которых говорят жители Кавказа. Уже античный географ Страбон писал, что здесь живут семьдесят или даже триста племен, «из которых ни одно не понимает языка соседа». В трудах древнеримского историка Плиния сказано, что римлянам приходилось вести дела с кавказцами «при помощи ста тридцати переводчиков». Великий арабский ученый X века Масуди говорил: «Один Аллах сочтет различные народы, живущие в горах Кавказа. Гора Кавказ — гора языков», а его современник путешественник Ибн-Хаукаль описывал Кавказ следующими словами: «Хребет этот огромен; говорят, что здесь триста шестьдесят языков; я раньше отрицал это, пока не повидал сам много городов, а в каждом городе есть свой язык».

Древние авторы, конечно, преувеличивали. В настоящее время на Кавказе говорят больше чем на полусотне различных языков. Однако они дробятся на множество наречий, диалектов, говоров. Неравноценен и удельный вес кавказских языков: на грузинском или армянском говорят миллионы, на удинском — два аула, на арчинском и хиналугском — по одному селению, а на бацбийском — всего половина аула.

В языкознании есть образное выражение — «лингвистический мешок». Таких мест в мире очень немного: Калифорния, бассейн реки Амазонки, Центральная Америка, хребет Гиндукуш и Кавказ, которому, пожалуй, принадлежит рекорд по количеству различных языков на душу населения.

Как же образовалось такое языковое разнообразие? Взглянем на физическую карту мира. «Лингвистический мешок» образуется обычно в труднопроходимых, труднодоступных местах, например в горах или джунглях. Масуди считал, что «только один Аллах» может разобраться во всем многообразии кавказских народов и языков. Однако этнографы и лингвисты сумели сделать это и без помощи всевышнего. «Разобраться в этой картине помогла генеалогическая классификация языков, четко распределившая языки Кавказа по различным лингвистическим семьям в зависимости от их происхождения. К настоящему времени языковедение почти полностью решило эту задачу, выяснив все наличные здесь языковые группировки», — справедливо пишет доктор филологических наук Г. А. Климов.

Структура «горы языков»

Индоевропейская семья языков самая большая, на них во всех частях света говорит более миллиарда человек! К этой семье относятся русский, английский, испанский, латинский, хинди, иранский, украинский, белорусский, голландский, санскрит, греческий, немецкий и многие, многие другие. На языках этой великой семьи говорят и на Кавказе. Это — русские и украинцы, греки (живущие по побережью Черного моря), курды, таты, тальши, осетины, чей язык сохранил многие черты языка древних скифов. После долгих споров лингвисты пришли к выводу, что и армянский язык относится к индоевропейской семье.

В средние века проникли на Кавказ турки-сельджуки, а вместе с ними и языки, относящиеся к тюркской группе. Немногим позже на Северном Кавказе появились потомки половцев и других тюркоязычных народов, оттесненные русскими князьями со степей Причерноморья. По этнографическим и антропологическим данным, азербайджанцы, кумыки (Дагестан), балкарцы (Кабардино-Балкарская АССР), карачаевцы (Карачаево-Черкесская АО), ногайцы (в Ставрополье) — это исконные жители Кавказа, но говорят они на тюркских языках.

Во многих городах Закавказья живут айсоры, говорящие на языке, родственном арабскому, древнееврейскому, аккадскому, — словом, относящемуся к семитской семье языков. В XVIII веке на Северном Кавказе появляются калмыки, пришедшие из Казахстана, которые говорят на языке, родственном монгольскому. Итак, индоевропейские, тюркские, семитские, монгольские языки — на них говорит примерно половина населения Кавказа, более 5 миллионов человек. Совершенно ясно, что все это — языки пришлые; коренное население Кавказа говорило на других языках. И вот проблема этих исконных языков и по сей день одна из самых спорных,

самых трудных — но зато и самых интересных — в этнографии и лингвистике.

Исконных языков на Кавказе насчитывается тридцать шесть, не считая многочисленных наречий и говоров. Это примерно четвертая часть всех языков нашей Родины. Исконные языки делятся на три группы: южнокавказскую (или картвельскую), западнокавказскую (или абхазо-адыгскую) и восточнокавказскую (или нахско-дагестанскую).

Южнокавказская группа представлена всего лишь тремя языками, тесно связанными друг с другом. Это — грузинский, занский (его называют также мегрело-чанским) и язык сванов.

Исследования лингвистов позволили сделать реконструкцию пракартвельского языка, потомками которого являются грузинский, сванский и занский языки (подобно тому, как французский, румынский, испанский, итальянский являются потомками латыни или русский, белорусский, украинский, польский, чешский, сербский — потомками общеславянского). Лингвистической статистике удалось даже определить время распада пракартвельского языка — началось оно около 4 тысяч лет назад и закончилось около VIII века до нашей эры.

Западнокавказская группа разделяется на две большие ветви: абхазскую (абхазский и абазинский языки) и адыгскую (кабардинский и адыгейский). Свообразным посредником между этими двумя ветвями является убыхский язык, сочетающий черты обеих ветвей. Убыхи 100 лет назад переселились в Турцию; постепенно они утратили свой язык и в 1954 году французскому лингвисту Дюмезилю с большим трудом удалось отыскать около 20 человек, говорящих по-убыхски. Языку убыхов принадлежит и другой рекорд — в нем всего лишь 2 гласные и 82 согласные.

Самая многочисленная (по числу языков) и в то же время самая малочисленная (по числу говорящих) восточнокавказская, или нахско-дагестанская группа языков Кавказа. «В дагестанской лингвистике чем дальше в лес, тем больше дров. Что за разнообразие грамматических систем... Если бы я знал заранее, сколько труда предстоит впереди, то, может быть, и не взялся бы за эту работу», — писал один из первых исследователей кавказских языков П. К. Услар. И все же, несмотря на все разнообразие, языки Дагестана образуют единую группу (кстати сказать, этим языкам принадлежит рекорд по количеству падежных форм — в лакском языке 40 падежей, в табасаранском — 48).

«Кавказское древо»

Уже сто лет назад стало ясно, что все исконные языки Кавказа резко отличаются от тюркских, индоевропейских, семит-

ских. Но родственны ли между собой три большие семьи языков Кавказа? Этот вопрос не потерял своей актуальности и в настоящее время.

Структура языков Кавказа имеет целый ряд общих черт. В фонетике — это поразительное богатство согласных, наличие особых гортанных звуков. В морфологии — различение именительного и особого «активного» (эргативного, в терминологии лингвистики) падежа, отсутствие категории рода. В синтаксисе — неразличение залогов и, наконец, в лексике — большое количество общих слов. Судите сами:

западнокавказский	южнокавказский	восточнок
ца (зуб)	цали	цер
мза (луна)	мзэ	мадз
пха (теплый)	пх-	пх
с- (ткать)	с-	сс-
з- (доить)	Дз-	дз-
тэс- (разбрасывать)	тэс-	тас-
ма (он; это)	ма	ма

Совпадения убедительные. Но ведь и расхождения тоже значительны. К тому же многие слова могут быть заимствованными. Черты общности в фонетике, морфологии, синтаксисе можно объяснить не родством, а просто совпадением типа языка. Например, многие языки американских индейцев также имеют большое число согласных, эргативный падеж и т. д.

Чтобы доказать (или опровергнуть) родство исконных языков Кавказа, необходимо выяснить, какие изменения в фонетике происходили в них, реконструировать праязык — основу западнокавказских и восточнокавказских языков (как это было сделано для южнокавказских) и затем, сопоставив эти «языки-отцы», можно уже будет установить, был ли и у нас свой «отец», древний «дедушка» современных кавказских языков.

Кавказ и мертвые языки

Древние письменные документы — неоценимое сокровище не только для историков, но и для лингвистов. Нельзя ли в письменных памятниках Древнего Востока, судьбы которого были тесно связаны с судьбами Кавказа, найти следы кавказских языков? И, что было бы еще более заманчиво, не писали ли древние тексты на каком-либо кавказском языке, родственном современному?

Не так давно на страницах журнала «Вопросы языкознания» развернулась оживленная дискуссия, посвященная этой теме. И хотя в итоге этой дискуссии не удалось твердо доказать родство языков Кавказа с языками Древнего Востока, высказанные в ее ходе гипотезы достаточно интересны, чтобы рассказать о них.

Раскопки археологов показали, что во времена египетских фараонов в Малой Азии процветала могущественная держава хеттов. До нашего времени дошел текст первого из известных мирных договоров двух государств: хеттский царь Хаттушилль заключал его «на равных» с египетским фараоном Рамзесом Великим (кстати, договор этот оказался действенным: с тех пор египтяне и хетты никогда не воевали друг с другом).

Долгое время тщетно пытались прочесть письма хеттов, узнать, на каком языке написаны эти документы. Наконец чешский ученый Бедржих Грозный проник в тайну загадочного языка — он оказался родственным... древнегерманскому, славянскому, санскриту и другим языкам индоевропейской семьи! Вышло, что хетты не были коренным населением Малой Азии — они пришли откуда-то с севера, прорвавшись через Кавказские горы. До их прихода в Малой Азии жил другой народ — хатты (от которых и образовалось название «хетты», прежде эти племена называли себя «неситы»). От хаттов пришельцы переняли умение плавить железо, научились основам земледелия, включили в свой пантеон хаттских богов. Пришельцы восприняли и хаттскую религию. Благодаря этому до нас дошли отрывки ритуальных текстов на хаттском языке, которые сопровождалась переводом на язык хеттов. (Нечто подобное было и в Двуречье. Здесь религиозные тексты на шумерском языке, языке древнейших обитателей этого района, сопровождалась переводом на аккадский язык, язык позднейших пришельцев — семитов.)

У хаттского оказалось много общих черт с языками Кавказа. Не исключено, что древнейшими обитателями Малой Азии были народы, говорящие на одном из западнокавказских (или, может быть, «пракавказском») языков.

Царство Урарту — древнейшее государство на территории нашей страны — было одним из могущественнейших держав Ближнего Востока в IX—VI веках до нашей эры. Столица Урартского государства находилась вблизи озера Ван (Турция), но племена, говорившие на урартском языке, жили и севернее вплоть до Араратской долины. Советские археологи обнаружили множество надписей, сделанных на этом языке. Он оказался родствен другому древнему языку — хурритскому, языку обитателей одной из могущественнейших держав Древнего Востока — царства Митанни.

Ни с одной из больших семей языков — индоевропейской, тюркской и т. д. — хурритский и урартский языки не сходны. Зато система урартского склонения, по словам крупнейшего знатока этого языка Г. А. Меликишвили, обнаруживает близость к картвельскому языку. И все же родство этих языков является лишь научной гипотезой, а не доказанным фактом.

В еще большей степени гипотетичны предположения о том, что кавказские языки родственны эламскому, шумерскому, древнеегипетскому и другим языкам Древнего Востока.

Баско-кавказская гипотеза

Гипотезу о родстве древних языков Передней Азии (и даже Средиземноморья) и языков Кавказа выдвинул более семидесяти лет назад немецкий ассириолог Ф. Гоммель. Несколько позже была предложена и другая, еще более смелая и увлекательная гипотеза о родстве древних жителей Кавказа и Пиренейского полуострова. Предполагалось, что первые обитатели Европы говорили на языке, следы которого сохранились лишь на Кавказе и в Пиренеях!

В Великобритании, неподалеку от города Солсбери, находятся удивительные сооружения — гигантские монолиты, высеченные из камня; их происхождение пока еще неясно. Подобные сооружения в виде гигантского ящика из больших каменных плит (одна из этих плит весит 40 тонн) — дольмены — есть и на территории Франции. А на Кавказе можно увидеть и дольмены, и своеобразную разновидность этих древних монументов — так называемые вишапы — огромные (до пяти метров) изображения рыбы... Быть может, все эти доисторические сооружения созданы одним народом?

Известно, что первые обитатели Европы не говорили ни на одном из языков индоевропейской группы. И в то же время в языковой чересполосице Южной Европы можно проследить удивительную общность языка басков, древнейших жителей Пиренейского полуострова, с кавказскими языками.

Язык басков до сих пор остается загадкой для лингвистов. Ни числительные, ни местоимения, ни самые основные слова лексики баскского языка не имеют аналогий среди индоевропейских языков. Это словно маленький остров среди языкового моря Западной Европы.

Древняя Испания называлась Иберией... А на территории Кавказа тоже существовало государство Иберия. Древнее баскское слово *предок* звучит как *аба*, а по-грузински *дед* — *бабуа*. Голова по-баскски *буру*. Реконструкция в древнем грузинском показала, что когда-то *бура* означало покрывать голову, *буру-ли* — крыша и *та-бурв-а* — жертвовать деньги на погребение, которое восходит к еще более архаичному обороту «класть деньги» — подарок на голову умершего. Таким образом, археология языка приводит нас к совпадению ряда слов языка басков и древнейшего грузинского! С другой стороны, как уже говорилось выше, существует большое сходство кавказских языков с мертвыми языками Передней Азии — урартским, хурритским, хаттским.

Между страной басков и Передней Азией лежит Средиземноморье... В названиях рек, островов, селений, гор этого огромного района уже давно замечены «белые вороны». Например, названия Коринф, Тиринф, Закинф и ряда других древних городов Эгеиды имеют окончание «-нф»; оно встречается и на Балканах, и на юге Италии, и в Сицилии. Суффикс этот явно неиндоевропейского происхождения. Таким образом, от Кавказа до Сицилии протягивается единая цепь неиндоевропейских названий — вероятно, она может продолжиться и далее на запад, к Испании.

Проблема родства языка басков с кавказскими — одна из увлекательнейших проблем в современной лингвистике. Одни исследователи считают, что связи баскского языка с кавказскими установлены, другие отрицают это. Возражения сводятся к следующему. Реконструкция древнейшего баскского языка только еще начата, и потому сравнивать его с кавказскими преждевременно. Обнаруженные же черты сходства неубедительны. Ведь на Кавказе несколько десятков языков, и подсказать в них сходные с баскским черты не так уж трудно при таком большом языковом наборе.

Что ж, последнее слово остается за учеными.

В поисках дальнего родства

Кавказские языки самобытны и своеобразны. Но может быть, в отдаленном прошлом они имели родство с языками других групп? Один из основателей современного сравнительно-исторического языкознания, Франц Бопп, считал, что южнокавказские языки (грузинский, занский, сванский) имеют общую структуру с индоевропейскими. Однако его доводы оказались неубедительными.

Примерно в середине XIX века английский филолог Мюллер, обнаружив ряд черт, свойственных как кавказским, так и тюркским и монгольским языкам, предположил, что в отдаленном прошлом все они были родственны.

В конце прошлого — начале нынешнего века не было недостатка в смелых гипотезах, предполагавших родство языков Кавказа с другими языковыми семьями. Но ни одну из них нельзя считать доказанной, ибо прежде всего нужно реконструировать древнейший «праязык», «язык-отец» или даже «дед». Необходимо установить правила фонетических изменений, происходящих со временем, и другие законы эволюции языка. Работа в этом направлении только начата при помощи средств современной лингвистики. В ней принимают участие ученые Голландии (где издается специальный кавказоведческий журнал), Норвегии, Франции, Польши, Чехословакии

и других стран. Ведущая роль принадлежит советским лингвистам. В Москве, а также в Тбилиси, Налчике, Сухуми, Майкопе и других городах Кавказа ведется систематическая и плодотворная работа лингвистов. Будем надеяться, что уже в недалеком будущем «белые пятна» исчезнут с лингвистической карты «горы языков» — Кавказа.

Д. Кондратов

* В Швеции и Финляндии несколько морских портов не замерзают в самую лютую стужу. На дне бухт укладываются трубы с отверстиями, из которых непрерывно поступает теплый воздух. Его пузырьки и препятствуют образованию льда. Такой способ дешевле, чем взламывание льда ледоколами.

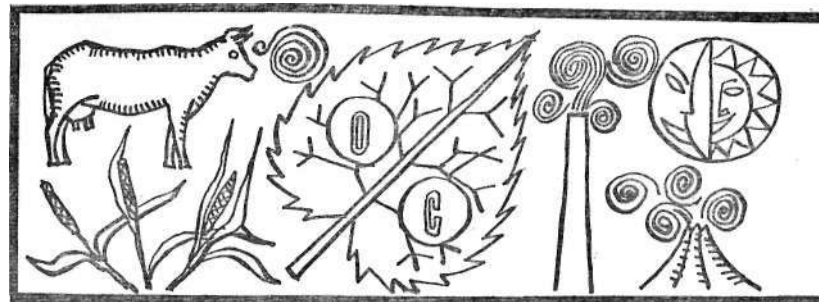
* Недавно при исследовании дна Черного моря специальный прибор, предназначенный для взятия донных осадков, пробил 20-метровую толщу и принес на поверхность... пресную воду. Ученые нашли подтверждение своей догадки, что миллион лет назад на месте Черного моря было огромное пресноводное озеро.

* Молчание — золото. Оказалось, что это верно и для кур. Специалисты из Чехословакии убедились, что кудахтанье кур снижает их яйценоскость. Впрыскивание специального лекарства избавляет кур от болтливости и утихомиривает их. В результате каждая начинает давать на 40 яиц в год больше, чем обычно.

* На острове Борнео водится ящерица с удивительным свойством. Она способна видеть... закрытыми глазами. Сквозь закрытые веки ящерица замечает приближающуюся опасность так же хорошо, как и с открытыми глазами.

* Население Южной Америки при змеиных укусах применяет сейчас охлаждение пораженного места куском льда. Практика уже доказала, что это более надежное средство, чем прижигание ранки порохом, отсасывание яда из ранки или перетяжка жгутом мышц. Лед, уложенный на место укуса, замедляет проникновение яда в кровь. За сутки холод нейтрализует действие почти всего яда.

* Ученые ГДР обнаружили, что зеркальный карп и некоторые другие пресноводные рыбы предупреждают своих сородичей об опасности не звуками, а выделением в воду особого вещества — «аромата» испуга. Оно вырабатывается подкожными железами и воспринимается другими рыбами как сигнал к бегству.

ЗЕЛЕНЬ ЛИСТ И ЭВОЛЮЦИЯ ЗЕМЛИ

Человек — совершенное творение природы. Однако люди менее приспособлены к окружающей среде, чем самый хилый зеленый росток.

...Вот солнечный луч коснулся крошечного зеленого листка, и началась самая важная, самая нужная работа на Земле — создание океана кислорода, создание пищи для животных и человека. Крошечный зеленый росток, как биохимический завод далекого будущего, совершает великое таинство — создает живое вещество из простых соединений неживой природы.

Почти 3 миллиарда лет с помощью фотосинтеза идет переход химических элементов из неорганического мира Земли в живую клетку и обратно. Один и тот же атом многократно был составной частью каких-то организмов и опять возвращался в неживую природу. Растения, как гигантский насос, прокачивают через себя вещество Земли, изменяя и перекладывая его. Этот процесс принято называть биологическим круговоротом веществ.

Ведущая роль в круговороте веществ принадлежит углероду — основному «кирпичику» земной жизни. Замечательное свойство углерода образовывать длинные цепи атомов (белковые и другие молекулы) определило его исключительную роль в эволюции земного шара.

Если на периодической таблице Д. И. Менделеева отметить, сколько того или иного элемента содержится в земной коре, то окажется, что наибольшую роль здесь играют элементы, имеющие четный порядковый номер, что на Земле особенно много тех элементов, номера которых кратны шести, а атомный вес кратен четырем. В химическом составе всех организмов,

населяющих нашу планету, тоже преобладают эти элементы (углерод, кислород, кальций и другие).

Взгляните на менделеевскую таблицу и вы увидите, что углерод занимает особое место. Ведь он четный, и у него атомный вес кратен четырем. Кроме того, углерод носит шестой порядковый номер. Кто знает, может, именно это положение углерода в таблице (то есть его «атомные» свойства) и определяет периодику шестых элементов, которые наиболее важны и для живых существ, и для земной коры.

Фантасты часто пишут о кремниевых цивилизациях на других планетах. Они даже заменили углерод кремнием и в земных организмах. Но вряд ли правильны эти предположения. И на планетах, и на звездах, и даже в туманностях наиболее распространены те же элементы, что и в земной коре. Во Вселенной действует единый закон образования атомных ядер. Всюду физико-химические свойства элементов одинаковы. Поэтому скорее всего наши «братья по разуму» построены из тех же химических элементов, что и человек.

В процентном отношении содержание углерода в живом веществе нашей планеты больше, чем в земной коре. Подавляющая же часть живого вещества сосредоточена в растениях. Намного меньше его в животных. А на человечество приходится вообще ничтожная доля. Если все люди, живущие сейчас на Земле, встанут вплотную к друг другу, то они разместятся на территории небольшого озера Севан в Армении. Очень мало места займет человек на поверхности Земли по сравнению с бескрайними лесами и джунглями, полями и океаном, под пустынной поверхностью которого скрыто колоссальное количество всевозможных организмов.

Здесь в прибрежных океанских лагунах миллиарды лет назад возникла жизнь, здесь началась грандиозная углеродная перестройка планеты. Главная работа выпала на долю растений. Древнейшие растения — сине-зеленые водоросли (их и сейчас можно встретить в любом уголке земного шара), изменив состав атмосферы и геохимические условия на Земле, приспособили планету для жизни всех других организмов. Вскоре водорослям стали помогать и наземные растения. Их жизнедеятельность во многом определила эволюцию Земли, и цифры доказывают это. Академик В. И. Вернадский писал: «...все бытие земной коры, по крайней мере 99 процентов по весу массы ее вещества, в своих существенных с геохимической точки зрения чертах обусловлено жизнью».

Жизнь — это прежде всего растения, это прежде всего круговорот углерода. Только в течение четырех лет растения суши и моря усваивают столько углерода, сколько его содер-

жится в атмосфере. Девять десятых этой работы выполняют морские водоросли. За долгую историю земного шара растения создали грандиозное количество органических веществ. Часть из них сохранилась до наших дней в виде залежей угля, газа, нефти, горючих сланцев и т. д. Запасы органического углерода составляют приблизительно 10 тысяч миллиардов тонн, или 200 тонн на гектар земной поверхности.

Растения не только перераспределяют вещество земной коры, они запасают впрок энергию солнечного света. И хлеб, и уголь таят в себе частичку Солнца. Горючие ископаемые — это «солнечные консервы», приготовленные растениями миллионы лет назад.

Погружаясь в глубь земной коры, горючие ископаемые часто отдают свою энергию. Значит, можно предположить, что какая-то доля труда растительного мира есть и в мощном дыхании вулканов, и в других тепловых процессах земных недр.

Миллиарды лет назад горные породы Земли были окрашены преимущественно в серые и черные тона, даже глина была серой: в атмосфере еще было очень много углекислого газа и не было главного окислителя, «главного художника по камню» — кислорода. Выделив кислород, растения окрасили неживую природу в красные, оранжевые и желтые цвета. Изменив газовый состав атмосферы, они изменили всю химическую обстановку на Земле, в особенности условия осадкообразования горных пород. Сейчас многие химические элементы не могут свободно перемещаться на большие расстояния, потому что, окисляясь, они дают труднорастворимые соединения. Более же высокое содержание углекислого газа создает совсем другие геохимические условия, когда элементы легко перемещаются, образуя месторождения.

Вот только один пример. Мировой океан и атмосфера ежегодно обмениваются миллиардами тонн углекислоты. Часть газа растворяется в морской воде, а часть образует углекислые соли. Чем больше углекислоты в атмосфере, тем больше ее растворяется в океане, тем лучше условия для отложения известняка: ведь в его состав входит углерод. Если предположить, что ранее в атмосфере Земли было гораздо больше углекислого газа, чем сейчас, то становится понятным мощное карбонатное осадкообразование в прошлом.

Если вас спросить, могут ли микроскопические водоросли влиять на климат Земли, скорее всего, вы ответите: нет, не могут. А между тем они основные потребители углекислоты и, «съедая» ее, вероятно, не раз остужали Землю миллионы лет

назад. Углекислый газ почти полностью прозрачен для видимой части спектра солнечных лучей и свободно пропускает их к земной поверхности. Поверхность же земного шара отражает в космос тепло в основном в виде инфракрасных лучей, а покрывало из углекислоты «поглощает» эти лучи и препятствует уходу тепла в мировое пространство, согревая Землю. Поэтому, чем больше в атмосфере углекислого газа, тем теплее климат.

В течение последнего миллиарда лет большая часть Земли имела климат, близкий к тропическому, который примерно через 200 миллионов лет прерывался сравнительно короткими ледниковыми периодами. Известно, что причиной Материковых оледенений служит общее понижение температуры воздуха всей планеты. Если растения «съедают» половину углекислоты, имеющейся сейчас в атмосфере, то температура на земном шаре понизится в среднем на 3,8°, что может привести к оледенению.

Но новое оледенение нам не грозит. Только за 100 лет человечество, сжигая в огромных количествах уголь, нефть, газ и другое топливо, добавило 360 миллиардов тонн углекислоты в атмосферу, что повысило среднюю температуру Земли на 0,5°, в Арктике же температура повысилась на 3,9°. Если расход топлива будет расти прежними темпами, то к 2000 году в атмосфере прибавится около тысячи миллиардов тонн углекислоты, что еще на 2° повысит среднюю температуру Земли.

Увеличение количества углекислого газа в воздухе благоприятно отразится на жизни растений, так как они постоянно испытывают «углеродный голод». Сейчас в безветренные дни, когда воздух почти неподвижен, растения вынуждены «приостанавливать» фотосинтез. Они за день «съедают» весь углекислый газ, находящийся в нижнем, примерно стометровом слое воздуха.

Все современные растения гораздо лучше развиваются в воздухе, в котором углекислоты в 10—15 раз больше, чем ее содержание в современной атмосфере. Даже человек не ощущает ее пятикратного увеличения. Такая всеобщая приспособляемость говорит о том, что развитие жизни на Земле проходило при более высокой концентрации углекислоты. Нынешнее же ее содержание нужно считать ненормально низким, хотя в истории земного шара бывали моменты, когда атмосфера содержала еще меньше углекислого газа, чем сейчас.

Большая часть углерода, бывшего в атмосфере прошедших геологических эпох, теперь запасена в земной коре. Вулканическая же деятельность на Земле постепенно ослабевает из-за роста жестких участков земной коры (так называемых платформ). Постоянно уменьшается и количество углекислого газа, поступающего в атмосферу из вулканов. Это уже давно сказывается на растительном мире.

К началу древней геологической эры Земли (палеозойской) растения в основном исчерпали запасы атмосферной углекислоты. И с тех пор каждой вспышке вулканической деятельности при горообразовании соответствует пышный расцвет растительного мира. В эти эпохи величайших природных потрясений, когда резко меняется вся географическая среда, возникают новые виды растений, а вслед за ними возрастает и общее количество растительной массы: ведь атмосфера насыщается «углеродными кирпичиками жизни».

Около 30 лет назад появилась гипотеза о связи вулканизма с углеобразованием. Эта гипотеза говорит о том, что усиленное поступление углекислоты в эпохи вулканической деятельности вызывает усиленное развитие растительности и мощное углеобразование. С прекращением вулканизма уменьшается количество углекислоты в атмосфере (ее связывают растения) и углеобразование ослабевает, так как уменьшается вся масса растительного мира.

Недавно выяснилось, что отложения известняков также совпадают с эпохами вулканизма. Сейчас делаются попытки связать периодичность вулканизма с периодом обращения солнечной системы вокруг ядра Галактики (он приблизительно равен 200 миллион лет). Это в свою очередь установит интересную природную взаимосвязь: оборот Солнечной системы вокруг ядра Галактики — горообразование и вулканизм — потепление климата — расцвет растительного мира — мощное осадкообразование.

С. Старикович

* Раньше считали, что спокойная поверхность моря отражает больше солнечных лучей, чем бурная. Недавние измерения с большой точностью показали, что дело обстоит иначе. Взволнованное море, имеющее значительно большую поверхность, чем спокойное, активнее отбрасывает в атмосферу солнечные лучи.

* Самое «солнечное» место на земле не Сахара, а Антарктида. Здесь на один квадратный сантиметр поверхности поступает значительно больше солнечной радиации, чем в тропиках. Происходит это из-за отсутствия водяных паров, задерживающих большой процент солнечных лучей.

* В озере Киву, в Экваториальной Африке, обнаружены гигантские запасы горючих газов. В 20-метровом слое ила за тысячулетия микробы выработали около 50 миллиардов кубометров газа. Сейчас специалисты государства Руанда ищут способ использования этих огромных запасов энергии.

* Не так давно в Греции, близ Салоник, был найден бронзовый щит, которому две с половиной тысячи лет. Эта находка показала, что древние греки были отличными металлургами, тонко разбирающимися в сложных сплавах. Бронза содержит определенный процент никеля, который придал щиту дополнительную прочность.

* В Дании открыт исследовательский центр по проблемам орошения песков. Специалисты, как это ни странно, решают проблемы не для жарких стран, а для самой Дании. Дело в том, что значительную часть побережья страны занимают песчаные дюны. Они будут разровнены и орошены подземными пресными водами. Для образования структурных частиц песок будет «удобрен» полимерной эмульсией. Дания получит дополнительные земли для выращивания картофеля, сахарной свеклы и ржи.

* Английский ученый Скайф, работавший в Африке, утверждает, что число муравьев на земном шаре все время увеличивается. В самом недалеком будущем это может стать серьезной проблемой перед людьми, так как определенные виды муравьев могут наносить вред сельскому хозяйству и постройкам.

* В ряде районов Малой Азии ливанские ученые провели анализ почвы и пищи в тех селениях, где часты случаи рождения людей небольшого роста. Оказалось, что в овощах и фруктах, выращенных в той местности, полностью отсутствовали микроэлементы цинка. Это и явилось фактором, приостанавливающим нормальный рост детей. Борьба с карликовым ростом не так уж трудна. Вместе с удобрениями в землю необходимо вносить порошкообразные соединения цинка.

* Недавно среди почвенных бактерий обнаружены такие, которые могут растворять в продуктах своей жизнедеятельности железо, медь и даже золото. Золотые пленки, на которых поселились бактерии, постепенно покрывались сквозными дырками. Микробы растворяли металл, который не растворяется в серной кислоте.

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Димчевекий. КАЛИТКА В СИНЕВУ. Рис. В. Панова . . .	5
Ганс Роден. КОКОСОВЫЙ ОСТРОВ — РАЙ КЛАДОИСКАТЕЛЕЙ (Перевод с немецкого С. Гаврина)	69
Алексей Сосунов. В КРАЮ ГОЛУБЫХ ОЗЕР. Очерк. Рис. Н. Щеглова	82
Вера Ветлина. ПРИГЛАШЕНИЕ ТРОПИКАМ. Очерк. Рис. Л. Самариной	119
Виктор Болдырев. ЗАГАДКА ОДИНОКОЙ ХИЖИНЫ. Повесть. Рис. О. Савостюка и Б. Успенского	141
Павел Бараников. У ПОТОМКОВ СЕМИ ПЛЕМЕН АРПАДА. Очерк. Заставка В. Карабута	185
Евгений Кондратьев. ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ БИЛЛА. Рассказ. Рис. В. Карабута	217
В. Чарнолуцкий. САГА О ВНУКАХ БАБУШКИ НАСТАЙ. Рис. Т. Кормушиной	229
Б. Шалатонин. ДЖИННОТЫ — СТРАНА КАМЕННЫХ ИДОЛОВ. Очерк. Фото автора. Заставка В. Карабута	270
И. Миндель. РЕЧКА МОЯ КОБОЖА. Рассказ. Рис. В. Карабута	275
Джон Джобсон. ГРИЗЛИ (Перевод с английского А. Щеколдиной). Рис. В. Карабута	300
Иван Никитин. ТРУДНОЕ ЗОЛОТО. Документальная повесть. Рис. О. Савостюка и Б. Успенского	306
Борис Носик. ЩЕДРАЯ ДОРОГА. Фото автора. Заставка В. Карабута. Картограмма худ. В. Машковцева	345
С. Стэнвик. ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ. Новелла. Рис. А. Цветкова	369
Борис Ляпунов. НАСЕЛЕННЫЙ КОСМОС. Заставка А. Белова	385
Карло Мандзони. Я РАЗУКРАШУ ТВОЕ ЛИЧИКО, ДЕТКА. Необыкновенная повесть (Перевод с итальянского Льва Вершинина). Рис. В. Медведева	403
И. ЗАБЕЛИН. ГАНГСТЕРЫ, ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ И СОБАКА. О повести Карло Мандзони	468
Александр Колпаков. КОНТИНУУМ ДВА ЗЕТ. Фантастический рассказ. Рис. А. Коллери	471
Герман Чижевский. ЗЫБКОЕ МАРЕВО АТОЛЛА. Фантастический рассказ. Рис. В. Носкова	501
Александр Мееров. ПОИСК НАДО ПРОДОЛЖАТЬ. Научно-фантастический рассказ. Рис. Б. Диодорова	541
Юрий Котляр. ЗВЕЗДНЫЕ ТЕНИ. Фантастическая повесть. Рис. Б. Диодорова	572

Деймон Найт. ДВОЕ ЛИШНИХ. Фантастический рассказ (Перевод с английского В. Смирнова). Рис. Е. Лебедевой	618
АЛЕКСАНДР КАЗАНЦЕВ. ВТОРОЕ ДНО ВОЛШЕБНОЙ ШКАТУЛКИ (Предисловие)	619
Николай Немионсв. ДЕНЬ В ЛЕБЕДИНОМ ЦАРСТВЕ. Фотоочерк. Заставка А. Белова	651

Факты, догадки, случаи...

(Заставки А. Белова)

Игорь Акимушкин. ПОСЛЕДНИЕ ИЗ ТАРПАНОВ	654
Андрей Никитин. ГОСТЬ ИЗ 25-го ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ. Фото автора и Г. Шлионского	662
Феликс Зигель. ЗЕМЛЯ ИЗВНЕ	672
В. Якуб. ОГНЕННЫЙ ОСТРОВ ВСТАЕТ ИЗ АТЛАНТИКИ. Цветные фото Г. Эйнарссона, Х. Сигурдссона, К. Хельгасена, Г. Паульссона	681
Николай Шульц. СОЛНЕЧНЫЕ ИЕРОГЛИФЫ	693
А. Кондратов. БЕЛЫЕ ПЯТНА «ГОРЫ ЯЗЫКОВ»	705
С. Старикович. ЗЕЛЕНый ЛИСТ И ЭВОЛЮЦИЯ ЗЕМЛИ	713

КОРОТКИЕ ФАКТЫ О РАЗНОМ подобраны Г. Малиничевым

На суше и на море

Повести, рассказы, очерки, статьи. М., «Мысль», 1966.
720 с. с илл. 20 л. илл.
(Путешествия. Приключения. Фантастика).

Р 2

Редактор Н. Н. Пронин
Младший редактор Л. А. Машарова
Художественный редактор А. Г. Шикин
Технический редактор Л. К. Уланова
Корректоры П. И. Чивикина, Г. И. Замани

Сдано в набор 24 мая 1966 г. Подписано в печать 20 октября 1966 г.
Формат бумаги 60x90¹/₁₆. М# 1. Бумажных листов 23,75 с вкл.
Печатных листов 47,5 с вкл. Учетно-издательских листов 47,3 с вкл.
Тираж 65000 экз. Заказ MS 484. А11725. Цена 1 р. 96 к.

Темплан 1966 г. MS 222

Издательство «Мысль». Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва,

Валовая, 28.

■ ГРИЗЛИ

ДВОЕ ЛИШНИХ

■ КОКОСОВЫЙ ОСТРОВ —
РАЙ КЛАДОИСКАТЕЛЕЙ

ЗЕЛЕНЫЙ ЛИСТ
И ЭВОЛЮЦИЯ ЗЕМЛИ

ЗЕМЛЯ ИЗВНЕ

■ ЧЕРНЫЙ ДЬЯВОЛ БИЛЛА

■ ОГНЕННЫЙ
ОСТРОВ ВСТАИ
АТЛАНТИКИ

СОЛНЕЧНЫЕ ИЕРОГЛИФЫ

■ САГА
О ВНУКАХ
БАБУШКИ НАСТАИ

■ ЩЕДРАЯ ДОРОГА
У ПОТОМКОВ СЕМИ ПЛЕМЕН
АРПАДА
■ ОБЫКНОВЕННАЯ
ПОВЕСТЬ

■ ПРИГЛАШЕНИЕ
ТРОПИКАМ

ПОИСК НАДО ПРОДОЛЖАТЬ

■ В КРАЮ
ГОЛУБЫХ ОЗЕР

■ ТРУДНОЕ ЗОЛОТО

■ ДЖИННОТЫ — СТРАНА
КАМЕННЫХ ИДОЛОВ

■ ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

■ ЗЫБКОЕ МАРЕВО АТОЛЛА

■ ЗАГАДКА
ОДИНОКОЙ
ХИЖИНЫ

■ КАЛИТКА В СИНЕВУ

■ ДЖИННОТЫ — СТРАНА
КАМЕННЫХ ИДОЛОВ

ЗВЕЗДНЫЕ ТЕНИ

1 р. 96 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»